Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

УСТАНОВА АДУКАЦЫІ
«ГРОДЗЕНСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ
ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ»

ШЛЯХ ДА ЎЗАЕМНАСЦІ
DROGA KU WZAJEMNOЊCI

Матэрыялы XV міжнароднай навуковай канферэнцыі

(Гродна, 13 – 14 лістапада 2008 г)

Гродно
ГрДУ імя Я. Купалы
2009

УДК 008(063)
ББК 71
Ш70

Ш70 **Шлях** да ўзаемнасці = Droga ku wzajemnoњсі : матэрыялы XV міжнар. навук. канф. (Гродна, 13 – 14 лістап. 2008 г.) / рэдкал.: І.Крэнь, І.Папоў, Я.Роўба (адк. рэдактары) [і інш.].– Гродна : ГрДУ, 2009. – 449 с.
ISBN 978-985-515-232-4

У зборнік увайшлі матэрыялы XV міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці». Прадстаўлены матэрыялы па наступных праблемах: гісторыя і эканоміка ўсходніх і заходніх славян; культуралогія, літаратура і мовазнаўства ўсходніх і заходніх славян; этнаканфесійныя адносіны на беларуска-польскім памежжы. Зборнік адрасуецца навуковым супрацоўнікам, выкладчыкам сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў, студэнтам, шырокай грамадскасці.

Do zbioru niniejszego wesziy materiaiy XV Mikdzynarodowej Konferencji Naukowej «Droga ku wzajemnoњсі». Przedstawione zostaiy materiaiy dotycz№ce nastkpuj№cych problemyw: historia i gospodarka Siowian Wschodnich i Zachodnich; kulturologia, literatura oraz jkzykoznawstwo Siowian Wschodnich i Zachodnich; stosunki etnokonfesyjne na pograniczu polsko-biaioruskim. Zbior przeznaczony jest dla pracownikyw naukowych, wykiadowcyw њrednich i wyїszych instytucji edukacji, studentyw oraz szerokiej publicznoњсі.

УДК 008(063)
ББК 71

ISBN 978-985-515-232-4

ПРАДМОВА

Вельмі шаноўны чытач! 13 – 14 лістапада 2008 года адбылася XV міжнародная навуковая канферэнцыя «Шлях да ўзаемнасці». Пятнаццаць разоў збіраліся навукоўцы Беларусі і Польшчы дзеля абмеркавання актуальных праблем гісторыі і культуры нашых народаў у мінуўшчыну і ў час сённяшні. І гэта было прадказальна і лёсавызначальна, бо нашы народы жылі сумесна і побач на працягу стагоддзяў, таму і працэс вывучэння аднаго другім з'яўляецца працяглым і дастаткова складаным. У гэтым працэсе задзейнічаны навукоўцы розных накірункаў і спецыяльнасцей з абедзвюх краін, перш за ўсё, вядома, гісторыкі, гістарыёграфы, лінгвісты, літаратуразнаўцы і іншыя. Вопыт вывучэння жыцця і дзейнасці народаў нашых краін значны і важкі яшчэ і з улікам акалічнасці, што абедзве нашы краіны шматнацыянальныя і ў кожнай з іх пражывае значная колькасць прадстаўнікоў карэннай нацыянальнасці дзяржавы-суседкі. Таму нельга не пагадзіцца з думкай, што такая нацыянальна-дэмаграфічная сітуацыя ў разглядаемых краінах спрыяе не толькі ўзаемнаму пазнанню асаблівасцей развіцця Беларусі і Польшчы, але і аб'яднанню намаганняў беларускіх і польскіх навукоўцаў розных спецыяльнасцей ужо не на адной такой навуковай канферэнцыі.

Канферэнцыя была арганізавана сумеснымі намаганнямі Аддзела па справах рэлігій і нацыянальнасцей пры Гродзенскім абласным выканаўчым камітэце, Саюзам палякаў на Беларусі, Беларускім грамадска-культурным таварыствам у Польшчы, Установай адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Янкі Купалы», Універсітэтам у Беластоку.

З прывітальным словам да ўдзельнікаў канферэнцыі і прысутных звярнуліся начальнік аддзела па справах рэлігій і нацыянальнасцей Гродзенскага абласнога выканаўчага камітэта Папоў Ігар Андрэевіч, дырэктар Культурнага цэнтра Беларусі ў Беластоку Карачун Аляксандр, першы прарэктар Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Янкі Купалы» Бурлыка Іван Рыгоравіч, старшыня Беларускага грамадска-культурнага таварыства ў Польшчы, намеснік старшыні сейміка Падлясскага ваяводства Сычэўскі Ян, старшыня рэспубліканскага грамадскага аб'яднання «Саюз палякаў на Беларусі» Лучнік Іосіф Іванавіч.

Змест дадзенага навуковага зборніка складаюць даклады і паведамленні на пленарным і секцыйных пасяджэннях на працягу двух дзён надзвычай карпатлівай і напружанай працы. Усяго ўдзельнікі канферэнцыі заслухалі і абмеркавалі шэсць дакладаў на пленарным пасяджэнні і 84 паведамленні ў чатырох навуковых секцыях. Дыяпазон праблем, якія разглядаліся на канферэнцыі, быў актуальны і дастаткова шырокі, ахопліваў перыяд ад глыбокай старажытнасці да нашых дзён. Тэматыка выступленняў вызначалася разнастайнасцю і шматпраблемнасцю.

На пленарным пасяджэнні былі заслуханы даклады «Баявая садружнасць беларусаў і палякаў у гады Вялікай Айчыннай вайны (у кантэксце Другой сусветнай вайны) у грамадска-палітычнай і навукова-даследчай літаратуры навукоўцаў Гродзеншчыны» (прафесар Іван Крэнь), «Вялікае княства Літоўскае – радзіма многіх народаў» (прафесар Іосіф Марошак), «Гродно в восприятии Элизы Ожешко и Зофьи Налковской» (прафесар Святлана Мусіенка), «Надпісы ўсходнеславянскія на некропалях праваслаўных у Польшчы» (прафесар Фелікс Чыжэўскі).

На дадзенай канферэнцыі, як ні на адной з папярэдніх канферэнцый «Шлях да ўзаемнасці», вялікая ўвага надавалася канфесійнай тэматыцы, прычым як навукоўцамі-гісторыкамі, так і навукоўцамі-літаратарамі, мовазнаўцамі, культуролагамі. Заслугоўвае быць адзначанай і турыстычная праблема, цесна звязаныя з ёю пытанні ўдасканалення шляхоў зносін, эканамічных стасункаў, добраўпарадкавання гарадоў, пасёлкаў, стварэння адпаведнай службы сервісу на беларуска-польскім памежжы.

Кіравалі работай секцый: мовазнаўства – Фелікс Чыжэўскі і Віктар Істомін, Міхаіл Кандратовіч і Дзмітрый Лебядзевіч; літаратуразнаўства – Яўгеній Панькоў, Галіна Тварановіч і Алена Білюценка; гісторыі, эканомікі і культуралогіі – Эдмунд Ярмусік, Марыя Наваска, Святлана Куль-Сяльверстава і Іосіф Марошак.

Усяго на пленарным пасяджэнні і ў секцыях выступілі 90 навукоўцаў. Усе выступленні пабачылі свет у прапануемым вашай увазе зборніку яе матэрыялаў.

Іван Крэнь,
кандыдат гістарычных навук, прафесар

ПРЫВІТАЛЬНЫЯ СЛОВЫ ЎДЗЕЛЬНІКАМ І ГАСЦЯМ КАНФЕРЭНЦЫІ «ШЛЯХ ДА ЎЗАЕМНАСЦІ»

Шаноўныя ўдзельнікі і госці XV Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці». Прыміце самыя шчырыя віншаванні з нагоды знамянальнай падзеі ў грамадскім і культурным жыцці народаў Беларусі і Польшчы – адкрыцця XV міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці».

З кожным годам пашыраецца колькасць прэтэндэнтаў на ўдзел у канферэнцыі, што дэманструе яе высокую папулярнасць у навуковых колах абедзвюх краін і грамадскую запатрабаванасць. Мерапрыемства падкрэслівае магчымасці і перспектывы развіцця польска-беларускіх моўных, літаратурных, гістарычных, навуковых і мастацкіх сувязей, цесна збліжае нашы народы. Гэтаму спрыяе вялікая папярэдняя праца ўдзельнікаў дадзенай канферэнцыі па даследаванню праблем беларуска-польскага памежжа, якая пашырае веды грамадства аб яго сучасным і мінулым, садзейнічае ліквідацыі адмоўных стэрэатыпаў, дазваляе развіваць грамадскія стасункі паміж людзьмі.

Выказваю словы шчырай падзякі арганізатарам навуковага форуму – Гродзенскаму аблвыканкаму, Беларускаму грамадска-культурнаму таварыству ў Польшчы, Гродзенскаму універсітэту і кафедры беларускай філалогіі Універсітэта ў Беластоку, Саюзу палякаў на Беларусі, а таксама ўсім, хто прыклаў свае намаганні да гэтай справы. Упэўнены, што XV міжнародная навуковая канферэнцыя «Шлях да ўзаемнасці» стане чарговым крокам збліжэння і важкім укладам у справу развіцця добрасуседскіх адносін паміж народамі Польшчы і Беларусі.

Сардэчна жадаю ўсім удзельнікам, арганізатарам і гасцям канферэнцыі плённых поспехаў, творчага натхнення, шчасця і дабрабыту!

Леанід Гуляка,
Упаўнаважаны па справах рэлігій і нацыянальнасцей
Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь

Дарагія сябры! Ад імя Гродзенскага абласнога выканаўчага камітэта і Гродзенскага абласнога Савета дэпутатаў шчыра і сардэчна вітаем удзельнікаў і гасцей XV міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці».

Сённяшні прэстыжны навуковы форум чарговы раз збірае на прынёманскай зямлі навукоўцаў з Беларусі і Польшчы, усіх тых, хто неабыякава ставіцца да гісторыі, культурных і моўных традыцый, якія спакон вякоў ядналі беларусаў і палякаў.

Адносіны паміж народамі Беларусі і Польшчы маюць свае глыбокія гістарычныя карані. Дружба, узаемапаразуменне, добрасуседства – гэта той падмурак, які быў закладзены нашымі продкамі ў глыбіні стагоддзяў і на якім у сучаснасці мы імкнемся развіваць культурныя, эканамічныя і навуковыя стасункі. Жыццё падказвае, што неабходна пакінуць усё тое, што раз'ядноўвае, наносіць шкоду людзям і краінам, трэба імкнуцца да захавання і развіцця духоўных каштоўнасцей, падтрымліваць традыцыі мірнага супрацоўніцтва, бо гэта шлях у будучыню.

Без павелічэння можна сказаць, што пытанні, «якія разглядаюцца і абмяркоўваюцца на канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці», з'яўляюцца актуальнымі і важнымі для асэнсавання мінулага і сучаснага народаў-суседзяў, таму канцэпцыя навуковага мерапрыемства накіравана на замацаванне станоўчага вопыту суіснавання нашых народаў, на развіццё рознабаковых кантактаў паміж навукоўцамі, узбагачэнне сумесных культурных і духоўных традыцый.

З задавальненнем адзначаем, што міжнародная навуковая канферэнцыя «Шлях да ўзаемнасці» мае свой выніковы эфект, які заключаецца не проста ў абмене думкамі і акрасленні кола праблем, але і пошуку шляхоў іх вырашэння.

Няхай і надалей навуковыя дыскусіі набліжаюць нас да ісціны, спрыяюць добраму і плённаму супрацоўніцтву, гарманічнаму суіснаванню нашых народаў і краін.

Перакананы, што атмасфера ўзаемапавагі і добразычлівасці, якая заўсёды пануе на канферэнцыі, і сёння будзе спрыяць паглыбленню канструктыўнага дыялогу, надасць вялікі імпульс творчаму пошуку і навуковай дзейнасці.

Сардэчна жадаем удзельнікам і гасцям канферэнцыі поспехаў у працы, выдатнага настрою, добрых і прыемных уражанняў ад сустрэч.

Гродзенскі абласны выканаўчы камітэт | *Гродзенскі абласны Савет дэпутатаў*

Шаноўны спадар старшыня, дастойныя госці, паважаныя ўдзельнікі канферэнцыі! Звяртаюся да вас у якасці ініцыятара і суарганізатара цыкла міжнародных канферэнцый «Шлях да ўзаемасці». Хачу выказаць асаблівае задавальненне з таго факту, што нашая супольная з Саюзам палякаў на Беларусі ідэя, распачатая 15 гадоў таму, перамагаючы ўсялякія перашкоды і цяжкасці, пасняхова развіваецца і прыносіць канкрэтныя карысці як у навуковым, так і ў агульнаграмадскім кантэксце. З года ў год назіраецца сістэматычны рост зацікаўлення канферэнцыяй з боку навукоўцаў-даследчыкаў, студэнтаў, магістрантаў, аспірантаў і дактарантаў многіх навучальных устаноў як польскай, так і беларускай нацыянальных меншасцяў паабапал нашай мяжы, а таксама шырокага грамадства дзвюх нашых краін. Трывалы навуковы і гістарычны след гэтых канферэнцый, асабліва ў дзвюх краінах, замацоўваюць, з вялікай навуковай і выдавецкай стараннасцю, апублікаваныя матэрыялы, якія трапляюць у многія публічныя і вузаўскія бібліятэкі і ў іншыя навуковыя і грамадскія асяроддзі. Карыстаюцца імі многія магістранты, аспіранты і дактаранты у працэсе распрацоўкі сваіх дысертацый.

Вопыт арганізатараў, дасягненні даследчыкаў і грамадскае запатрабаванне паказваюць на патрэбу кантынуацыі гэтага вельмі вартаснага мерапрыемства.

Беларускае грамадска-культурнае таварыства ў Польшчы надзвычай высока ацэньвае супрацоўніцтва з Саюзам палякаў на Беларусі, з Гродзенскім аблвыканкамам, з Упаўнаважаным па справах рэлігій і нацыянальнасцей і з Гродзенскім дзяржаўным універсітэтам імя Янкі Купалы.

З асаблівым узрушаннем і ўдзячнасцю прынялі мы дапамогу з боку Гродзенскага аблвыканкама ў выданні матэрыялаў канферэнцыі, калі польскія ўлады адмовілі ў яе фінансаванні.

Перакананы, што ў атмасферы ўзаемапаразумення і плённага супрацоўніцтва, у кантэксце вялікага запатрабавання навуковых і агульнаграмадскіх асяроддзяў канферэнцыю будзем арганізоўваць яшчэ многія гады.

Сардэчна дзякую ўсім арганізатарам і суарганізатарам за плённае супрацоўніцтва. Усім удзельнікам жадаю плённых вынікаў і задавальнення ад удзелу ў канферэнцыі.

Jan Syrzewski,
PrzewodniczNocy ZarzNodu Glywnego BTSK

Ад рэктарата Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі купалы

Вельмі шаноўныя ўдзельнікі і госці XV міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці»! Дазвольце мне ад імя рэктарата і прафесарска-выкладчыцкага складу Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Янкі Купалы» перадаць Вам, а таксама ўсім прысутным у гэтай акадэмічнай зале, самыя шчырыя віншаванні з нагоды чарговай знамянальнай падзеі ў грамадскім і навукова-культурным жыцці народаў Рэспублікі Беларусь і Польшы – адкрыцця XV міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці».

Нам вельмі прыемна, што тэмай гэтай чарговай беларуска-польскай канферэнцыі, якая праходзіць у нашым старажытным і адначасова такім маладым і непаўторным па сваёй прыгажосці беларускім горадзе Гродна, з'яўляецца дыялог паміж нашымі наро-

дамі-суседзямі – беларускім і польскім. Тэма гэтая падаецца надзвычай актуальнай і высокароднай, бо ўсіх людзей, дзе б яны ні жылі, а тым больш беларусаў і палякаў, якія жывуць па-суседску і маюць шмат агульнага ў сваім гістарычным лёсе, сумесным суіснаванні, культурным узаемадзеянні і развіцці на працягу многіх стагоддзяў.

Таму, думаецца нам, асноўная задача канферэнцыі – максімальна спрыяць гэтым працэсам, гарманічнаму развіццю беларускага і польскага народаў, умацаванню рознабаковых кантактаў між імі. Гэта тым больш важна, што беларуская супольнасць у Польшчы і польская супольнасць у Беларусі з'яўляюцца вядучымі ў чарзе іншых нацыянальных супольнасцей у нашых краінах, пасля тытульных нацый, вядома, як па колькасным, так і па якасным прадстаўніцтве, па высокаму ўзроўню нацыянальна-культурнага развіцця і ўзаемадзеяння з дзяржаўнымі структурамі тых краін, на тэрыторыі якіх яны пражываюць.

Кіраўніцтва нашага універсітэта, яго прафесарска-выкладчыцкі склад перакананы ў тым, што дадзеная канферэнцыя будзе спрыяць яшчэ больш цеснаму суіснаванню беларускага і польскага народаў, развіццю мэтанакіраваных узаемадзеянняў паміж імі. Упэўнены, што сёння сустрэча беларускіх і польскіх навукоўцаў надасць новы імпульс для ўмацавання існуючых і развіцця перспектыўных дасягненняў і ініцыятыў паміж нашымі народамі, прадоўжыць і ўмацуе супрацоўніцтва нашага універсітэта з універсітэтам у Беластоку.

Выказваю шчырую падзяку Гродзенскаму аблвыканкаму і кіраўніцтву Саюза палякаў на Беларусі за ўдзел у арганізацыі і правядзенні такіх навуковых канферэнцый.

Жадаю ўсім удзельнікам канферэнцыі плённых поспехаў у працы, навуковага паразумення, добрага настрою і эфектыўнага дзеяння, моцнага здароўя, шчасця і дабрабыту.

Дзякую за ўвагу!

Іван Бурлыка,
першы прарэктар Гродзенскага дзяржаўнага
універсітэта імя Янкі Купалы

Szanowni Pacstwo! W dzisiejszym tak bardzo uroczystym i waїnym dla nas wszystkich dniu otwarcia XV Mikdzynarodowej Konferencji Naukowej pragnк skierowaж do Pacstwa serdeczne siowa powitania w imieniu wszystkich Polakyw zrzeszonych w ZwiҐzku Polakyw na Biaiorusi.

Konferencja z cyklu «Droga ku wzajemnoњci» z roku na rok rozszerza horyzonty geograficzne i potencjai naukowy. Wasz dorobek naukowy ma szczegylne znaczenie w poiҐczeniu przeszioњci, teraџniejszoњci i przyszioњci. Nie przypadkowo konferencja odbywa siк w Grodnie lub Biaiymstoku, poniewaї tu od wiekyw їyjҐ w zgodzie i przyjaџni dwa bratnie narody. Polacy i Biaiorusini, ktyre nawzajem wzbogacajҐ jкzyk i literaturк, historiк, tradycje, wspylnҐ kulturк duchowҐ i siuїҐ przykiadem innym narodom i pacstwom jak moїna їyж w tolerancji religijnej i poszanowaniu narodowoњciowym, a nawet w zwiҐzkach rodzinnych.

Z kaїdym rokiem zwikksza siк koio naukowcyw i pogikbia siк tematyka referatyw, rozszerza siк zasiкg zainteresowanych uczestnikyw nie tylko z Biaiorusi i Polski, lecz i z innych krajyw.

Dla ZwiҐzku Polakyw na Biaiorusi tematyka konferencji «Droga ku wzajemnoњci» ma szczegylne waїne znaczenie z tego powodu, їe w swej codziennej pracy kontynujemy te zagadnienia, ktyre sҐ wynikiem badac zawartych w referatach. A mianowicie: wieczory literackie i dni poezji, zachowanie tradycji narodowych, wystawy twyrczoњci ludowej, plastykyw, festiwale, spotkania poetyckie i t.d.

Potencjaiem naszej dziaialnoњci sҐ tysiҐce ludzi, ktyrzy biorҐ udziai w przeprowadzanych imprezach, a to њwiadczy o ich prawidiowym їyciowym kredo.

Їyczк uczestnikom konferencji «Droga ku wzajemnoњci» owocnej pracy we wzbogaceniu dorobku naukowego i rozwoju kultury pogranicza, tej ziemi, ktyra daia tak wiele osobistoњci historycznych i wzbogaciia kulturк њwiatowҐ.

Jyzef Jucznik,
Prezes ZwiҐzku Polakyw na Biaiorusi

ПЛЕНАРНАЕ ПАСЯДЖЭННЕ

ІВАН КРЭНЬ

Гродна

БАЯВОЕ СУПРАЦОЎНІЦТВА ПАМІЖ БЕЛАРУСАМІ І ПАЛЯКАМІ Ў ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЕ (У КАНТЭКСЦЕ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ) У ПРАЦАХ БЕЛАРУСКІХ ГІСТОРЫКАЎ

Вельмі шаноўны Прэзідыум! Шаноўныя ўдзельнікі канферэнцыі! Паважаныя прысутныя!

У газеце «Беларусь сёння» («Савецкая Беларусь») ад 11 лістапада 2008 года надрукавана інтэрв'ю пасла Польшчы ў Рэспубліцы Беларусь Генрыка Літвіна «Ад Леніна да Монтэ-Касіна і далей». Гаворка ідзе аб 65 гадавіне з часу баявога хрышчэння Першай польскай пяхотнай дывізіі імя Тадэвуша Касцюшкі 12 – 13 кастрычніка 1943 года, у выніку якога ў брацкіх магілах пад Леніна пахаваны 502 воіны Войска Польскага і 1776 салдат Чырвонай Арміі. А ўсяго за два дні баёў пад Леніна савецкія і польскія вайсковыя падраздзяленні страцілі забітымі 2210 чалавек і 5844 параненымі (з 15 тысяч добраахвотнікаў, ішоўшых у бой пад лозунгам «За нашу і вашу свабоду»). Так што гэты бой займае важнае месца ў гісторыі польскага і савецкага народаў, у тым ліку беларускага, бо ў абедзвюх арміях служылі і беларусы. Больш таго, у 2009 годзе беларуская дзяржава і яе жыхары будуць адзначаць 65 гадавіну вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў у выніку аперацыі «Баграціён». Мы, гродзенскія гісторыкі, сумесна з Гродзенскім аблвыканкамам плануем да гэтай гістарычнай падзеі выдаць падагульняючую кнігу «Памяць» па Гродзенскай вобласці (дарэчы, гэта будзе першае ў рэспубліцы такое выданне), правесці навукова-практычную канферэнцыю і апублікаваць яе матэрыялы. Падрыхтоўка да гэтых падзей ужо распачата і праводзіцца намі, бо ўсё сказанае мною мае самае прамое дачыненне да гістарычнай навукі. І ўзгаданая паслом Польшчы бітва мае зусім не другараднае, а прамое дачыненне да тых праблем, якія мы абмяркоўваем і сёння на нашай чарговай, XV па ліку, міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці». І таму я ў другі раз звяртаюся да тэмы пра баявое ўзаемадзеянне беларусаў і палякаў у гады Вялікай Айчыннай вайны, якая адбылася ў кантэксце Другой сусветнай вайны, з улікам поглядаў і ацэнак беларускіх навукоўцаў, пераважна з Гродзеншчыны, выказаных і зробленых імі ў выдадзенай грамадска-палітычнай і навукова-даследчай літаратуры, да падрыхтоўкі якой яны мелі прамое дачыненне.

Гісторыя не толькі навука пазнавальная для кожнага народа, якая раскрывае яго гістарычны шлях ад вытокаў, ад каранёў і да сённяшніх дзён, у самыя розныя перыяды і эпохі, пры самых розных сацыяльна-эканамічных і палітычных абставінах і ўзроўнях развіцця культуры, часам і пры непрадказальных крутых паваротах ва ўзаемаадносінах паміж краінамі і народамі, якія насяляюць гэтыя краіны. Думаецца мне, што польскі і беларускі народы ва ўсіх вышэй узгаданых працэсах не з'яўляюцца выключэннем. Усё было ў іх гістарычным лёсе: і агульная дзяржава, і агульная ўлада ў гэтай дзяржаве, і агульная хрысціянская вера, і падобныя ўнутрыпалітычныя ўмовы жыцця, і аб'ядноўваючая знешняя палітыка. А было і ўсё наадварот: кожны з нашых народаў шукаў і ішоў сваім гістарычным шляхам, было на гэтым шляху і непаразуменне, і супрацьстаянне. І зараз мы жывем у самастойных і незалежных краінах, у кожнай з нашых краін свае эканамічныя, сацыяльна-культурныя, ваенна-палітычныя, ідэалагічныя і іншыя прыярытэты. Так што гісторыя яшчэ і навука эканамічная, палітычная, ідэалагічная. Але ж гэта не перашкаджае

нам, беларусам і палякам, палякам і беларусам, ужо ў 15 раз сустракацца на міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці» і абмяркоўваць гістарычныя, культуралагічныя, літаратурна-моўныя праблемы, якія вядуць нас па шляху да гэтай узаемнасці.

Адной з такіх гістарычных праблем і з'яўляецца наша агульнае баявое ўзаемадзеянне, а ў пэўныя моманты і братэрства, праявіўшаеся ў сумеснай барацьбе з фашызмам у першай палове ХХ стагоддзя, якая вялася ў гады Другой сусветнай вайны 1939 – 1945 гадоў, а для народаў Савецкага Саюза, ў тым ліку і беларусаў, і Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў. Буду шчырым перад Вамі, шаноўныя ўдзельнікі канферэнцыі, што я наўмысна не хацеў бы закранаць у ХХ стагоддзі падзеі савецка-польскай вайны і адбыўшыйся ў яе эпагеі «Цуд над Віслай», лёс 92 тысяч палонных чырвонаармейцаў у гэтай вайне, пакт Рыбентропа-Молатава і абставіны аншлюса Чэхаславакіі, Хатынскае забойства, не адбыўшыйся ў 1944 годзе «Цуд над Нёманам», і некаторыя іншыя гістарычныя, ды не толькі гістарычныя, падзеі, але і ваенныя, хіба толькі дзейнасць постакаўскіх баявых груп на тэрыторыі нашай дзяржавы, уключаючы Гродзеншчыну. Я прынцыпова хачу пачаць аналіз разглядаемай тэмы з Рыжскай дамовы 1921 года, бо па яе выніках Заходняя Беларусь была ўключана ў склад Другой Рэчы Паспалітай, у арміі якой праходзілі вайсковую службу і беларусы, дзе гэтая самая баявая садружнасць і праявілася ў поўнай меры.

Беларускіх жаўнераў прадстаўлялі 3,5 млн. жыхароў-беларусаў, што пражывалі на тэрыторыі ў 80,5 тыс. кв.км. На тэрыторыі Заходняй Беларусі (як і Украіны, дарэчы) размяшчаліся буйныя польскія вайсковыя часці, штабы карпусоў і іншых вайсковых падраздзяленняў. На беларускіх землях на верасень 1939 года знаходзіліся два штабы карпусных акругаў (у Гродне і Брэсце), 7 пяхотных дывізій (19 палкоў), 4 брыгады кавалерыі (10 палкоў), 1 полк авіяцыі ў горадзе Лідзе, а ўсяго было шэсць авіяцыйных палкоў у Польшчы, некалькі дзесяткаў палкоў пагранічных войскаў, палкі артылерыі.

Разам з палякамі ў пералічаных воінскіх часцях служылі і беларусы. Апошнія накіроўваліся служыць далей ад родных месц. На падставе польскіх вайсковых крыніц не менш як 20 тысяч беларусаў (а гэта 9,5 % ад агульнай колькасці войскоўцаў) прызываліся штогод на вайсковую службу. Асноўная маса беларусаў служыла ў пяхоце і кавалерыі, радзей – у артылерыі. Скажам, што некаторыя ўланскія палкі амаль цалкам складаліся з беларусаў, а гэтыя палкі з'яўляліся гонарам і красой польскай арміі. Больш таго, экстэрытарыяльны прынцып набору ў армію тагачаснай Польшчы дазваляў беларусам патрапіць і ў ваенна-марскі флот, нават і ў авіяцыю (у асноўным прызыўнікам з Палесся і Панямоння).

Асабліва многа беларускай моладзі было прызвана ў Войска Польскае напярэдадні нападу Германіі на Польшчу ў верасні 1939 года. Паводле сведчання польскіх генералаў, падчас абарончай кампаніі беларусы паказалі сябе здольнымі і мужнымі салдатамі. Я магу спаслацца на камандуючага арміяй «Лодзь» генерала Юльяна Ромеля, які сцвярджаў, што надзвычайную баяздольнасць і мужнасць у баях 1 – 3 верасня 1939 г. прадэманстравала 30-я пяхотная дывізія. Складалася яна з палешукоў-беларусаў. Бітва адбылася ў раёне, які размяшчаўся на Захад ад Варшавы, сілы Вермахта ў тры разы пераўзыходзілі сілы 30-й дывізіі.

Крыніцы сведчаць, што з 300 тысяч польскіх палонных, апынуўшыхся ў фашыстаў, 40 тысяч складалі беларусы. Звыш 50 тысяч польскіх вайскоўцаў беларускага паходжання апынуліся на тэрыторыі, якая ў верасні 1939 года адыйшла да СССР. Спачатку ўсе яны трапілі ў савецкія лагеры для ваеннапалонных, частка з іх заставалася там да нападу Германіі на СССР, хаця быў і загад камандуючага Беларускім фронтам камандарма 2-га ранга Міхаіла Кавалёва аб вызваленні ўраджэнцаў Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны з савецкіх лагераў ваеннапалонных і рашэнне міністра дзяржаўнай бяспекі Л. Берыя і начальніка Галоўнага палітычнага ўпраўлення Л. Мехліса накіраваць цяпер ужо суайчыннікаў да дому – але разам з тым значная колькасць беларусаў і ўкраінцаў ажно да пачатку вайны заставаліся вязнямі. Частка з іх трапіла ў Гулаг – будавалі чыгункі, аўтамагістралі і іншыя аб'екты, як і польскія афіцэры беларускага паходжання.

12 жніўня 1941 г. выйшаў указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР аб амністыі і вызваленні польскіх ваеннапалонных. З іх ліку пачало стварацца 75-тысячнае польскае войска, на чале яго стаў генерал Уладзіслаў Андэрс. У войска ўваходзіў штаб (мястэчка Бу-

зулук Арэнбургскай вобласці) і 6 пяхотных дывізій па 11 тысяч чалавек у кожнай. У Пастанове Дзяржаўнага камітэта абароны СССР гаварылася наступнае: «Дазволіць прызыў грамадзян польскай нацыянальнасці, насяляўшых да 1939 года тэрыторыю Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны». На гэтай падставе туды маглі трапіць і трапілі этнічныя беларусы, і вязні Гулага, спецперасяленцы і проста цывільныя асобы. Сам генерал Андэрс не перашкаджаў гэтаму працэсу. Падчас гутаркі са Сталіным у снежні 1941 года Андэрс на заўвагу Сталіна, чаму ў шэрагі польскага войска трапляюць беларусы і ўкраінцы, адказаў: «Яны (беларусы) вельмі добрыя вайскоўцы, бо я памятую як па-геройску яны змагаліся супраць немцаў у верасні 1939-га».

У студзені 1942 года армія Андэрса была перакінута на тэрыторыю Узбекскай ССР, Кіргізскай ССР і Казахскай ССР, дзе і працягвалася яе фарміраванне, а пасля завяршэння фарміравання польскае войска было выведзена ў Іран. Такой была воля кіраўніка эмігрантскага польскага ўрада ў Лондане Уладыслава Сікорскага, які не хацеў, каб польскае войска змагалася побач з Чырвонай Арміяй, і таму 31 ліпеня 1942 года быў падпісаны савецка-польскі пратакол аб эвакуацыі польскіх часцей за межы Савецкага Саюза. Вось тады Андэрс і вывеў сваю армію ў Іран, дзе яны былі падпарадкаваны Брытанскаму камандаванню. А гэта была значная сіла: 75 488 вайскоўцаў і 37765 цывільных асоб.

Хачу асобна падкрэсліць, што за Уладзіславам Андэрсам пайшлі далёка не ўсе беларусы – былыя польскія вайскоўцы. Яны ўліліся ў склад 1-й польскай пяхотнай дывізіі імя Тадэвуша Касцюшкі, фарміраванне якой пачалося ў маі 1943 года ў раёне Разані. Адбывалася гэта па ініцыятыве польскіх камуністаў і па дамоўленасці з савецкім бокам. Як узгадвалі тагачасныя польскія генералы, у дывізію імя Т.Касцюшкі прыйшлі «былыя польскія грамадзяне ўсходніх ваяводстваў даваеннай Польшчы». Пазней дывізія была разгорнута да польскага корпуса, а з 1944 года – у 1-ю польскую армію ў складзе 3-га Беларускага фронта, разам з якім дайшла да Берліна ў 1945 годзе. У часцях гэтай арміі служыў і былы дэкан гістарычнага факультэта Гродзенскага педінстытута імя Янкі Купалы Аляксей Пракопавіч Аўчыннікаў, меўшы і баявыя польскія ўзнагароды. А зараз дацэнтам кафедры гісторыі Беларусі працуе яго дачка – Таццяна Аляксееўна Аўчыннікава – Лугачова.

А якім жа быў лёс арміі Уладзіслава Андэрса пасля таго, як у Іране яна была падпарадкавана Брытанскаму камандаванню? 12 верасня 1943 яна была аб’яднана з польскай арміяй на Сярэднім Усходзе, у якой таксама служылі і беларусы. Армія ваявала з фашыстамі ў Лівіі. У час абароны горада Торбука армія страціла 218 байцоў, сярод якіх былі і 8 беларусаў.

У сярэдзіне 1943 года быў створаны 2-гі Польскі Корпус на чале з тым жа Уладзіславам Андэрсам, у якім карэнныя палякі складалі не больш паловы байцоў. Корпус быў перадыслакаваны ў Палестыну. Палякі называлі беларусаў і украінцаў «праваслаўнымі», бо ў Палестыне яны наведвалі праваслаўныя храмы – 1/3 частка афіцэраў і 30 тысяч салдат-беларусаў (з агульнай колькасці 228 тысяч польскага войска). Для прыкладу скажам, што ў прцэнтных суадносінах беларусы сярод 2-га Польскага Корпуса мелі наступныя паказчыкі: у 5-й Крэсавай дывізіі пяхоты яны складалі 45 %, у 3-й дывізіі карпацкіх стральцоў – 25 %, у 2-й танкавай дывізіі – 15 %, у батальёне камандас – 10 %. Большасць нашых землякоў былі салдатамі, але былі і афіцэры, а ўраджэнец Гродзеншчыны Нікадзім Сулік быў генералам, камандзірам 5-й Крэсавай дывізіі. У баях загінуў 621 беларус – афіцэры і падафіцэры.

Затым 2-гі Польскі Корпус Андэрса быў перакінуты на Апенінскі паўвостраў, ваяваў у Італіі. Ён удзельнічаў ва ўсіх значных бітвах: ад баёў на поўдні Італіі да ўзяцця горада Балоніі, за ўзвышша Монтэ-Касіна, адной з ключавых кропак гітлераўскай абароны. Спробы амераканцаў, англічан, навазеландцаў, індыйцаў заняць узвышша поспеху не мелі. Штурм вышыні здзейсніў 2-гі Польскі Корпус Уладзіслава Андэрса з 11 па 19 мая 1944 г. Польскі даследчык Міхаіл Ванькові піша пра праваслаўнага беларуса Рыгора Буслака, які коштам свайго жыцця праклаў дарогу аднапалчанам праз міннае поле. У гэтым жа баю быў тройчы паранены беларускі афіцэр Пётр Сыч і тройчы вяртаўся ў

строй, адным з першых патрапіў на руіны манастыра святога Бенедыкта, дзе ўжо развіваўся сцяг пераможцаў. З 924 загінуўшых у той страшнай бітве байцоў 2-га Польскага Корпуса Андэрса 264 былі беларусы. Да сённяшняга дня яны спяць вечным сном на могілках Монтэ-Касіны.

У іншых бітвах на Адрыятычным узбярэжжы загінула шмат беларусаў: пад Парэттай – 234 чалавекі, Каса Масіма – 72, Балонняй – 287, у іншых месцах – 11 чалавек, усяго 604 беларуса.

Служылі і гінулі ў баях беларусы і ў ваенна-паветраных, і ў ваенна-марскіх сілах. У 1-й парашутнай брыгадзе загінулі ў 1942 – 1946 гадах 36 беларусаў, у марскім і падводным флоце (Вялікабрытаніі) – 42 чалавекі. Ваенны гісторык Юрый Грабоўскі ў артыкуле «Беларускія салдаты на заходніх франтах Другой сусветнай вайны» прывёў спісы загінуўшых беларусаў-парашутыстаў, маракоў і падводнікаў. Большасць з іх ураджэнцы Гродзеншчыны і Брэстчыны. 35 беларусаў загінула ў першай парашутнай брыгадзе ў 1942 – 1946 гадах і 42 беларусы-маракі і падводнікі загінулі ў ваенна-марскіх сілах Вялікабрытаніі.

Хачу падкрэсліць і яшчэ адзін вельмі важны факт, што шмат беларусаў служылі ў складзе французскага іншаземнага легіёна. У ім быў асобны беларускі батальён – з рэкрутаў-эмігрантаў (1200 чалавек) + 6000 беларускіх дабраахвотнікаў былі ў польскіх і французскіх воінскіх часцях. Гэта не лічачы вязнеў, якія былі вызвалены з фашысцкага палону восенню 1944 года і ўліліся ў указаныя і іншыя воінскія падраздзяленні. І такіх прыкладаў можна прывесці дзесяткі. Як бачна, нашы землякі падчас Другой сусветнай вайны засведчылі сябе на многіх тэатрах баявых дзеянняў – ад Нарвегіі да паўночнай Афрыкі, Італіі, на ўсходнім тэатры баявых дзеянняў. І ішлі яны поруч з жаўнерамі Войска Польскага.

Ёсць і прыклады яркай баявой садружнасці беларусаў і палякаў, прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей у барацьбе супраць нямецка-фашысцкіх акупантаў у 1941– 1944 гадах на тэрыторыі Беларусі, у тым ліку і яе заходняга рэгіёну.

Хачу для абгрунтавання сказанага прывесці некалькі прыкладаў. Першы тычыцца горада Брэста, пра сумесную абарону гэтага горада, асабліва Брэсцкай крэпасці 13-14 верасня 1939 года. У рэгулярнай польскай арміі, як гаварылася вышэй, служылі і беларусы. І яны змагаліся ў групіроўцы «Брэст» пад камандаваннем генерала брыгады Канстанстанта Лісоўскага побач з палякамі – мужна і самаахвярна. Затым ужо ўзгаданы вышэй бой пад Леніна (12-13 кастрычніка 1943 г.), у якім польскія і савецкія салдаты (у тым ліку і беларусы) страцілі 502 чалавекі забітымі, 1776 чалавек параненымі, 652 прапаўшымі без вестак.

Можна прывесці прыклады і аб сумеснай беларуска-польскай антыфашысцкай падпольна-партызанскай барацьбе ў разглядаемы час на нашай Гродзеншчыне. Таму першы прыклад па гораду Гродна. Тут у гады акупацыі дзейнічалі 6 падпольных антыфашысцкіх груп, у склад якіх уваходзілі больш за 60 чалавек. Імі кіравалі Волкаў М.Л., Разанаў В.Я., Лямаў С.П., Багатыроў М.М., Святлічны Г.І., Панасюк С.П. Першая падпольная група Волкава пачала дзейнічаць ужо ў жніўні 1941 года.

Іх узаемадзеянне паміж сабой, баявыя аперацыі ў горадзе, сувязь з партызанамі падрабязна раскрыты ў трох кнігах «Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941 – 1945 гг.)», 1995 і 1996 гг. выдання, і ў фундаментальнай кнізе – гісторыка-дакументальнай хроніцы «Памяць» 1999 г. выдання.

У студзені 1942 года ў Гродзенскім гета № 1 была створана антыфашысцкая група, у якую ўваходзілі камуністы І. Хмельнік, Л. Ліпскі, І. Рэйзнер, камсамольцы К. Любіч, Л. Чапнік, Г. Руд і іншыя. Частка антыфашыстаў гета перайшла ў партызаны, частка аказалася ў Беластоку, дзе і сталі падпольшчыкамі.

Прывяду прыклад з артыкула І.І. Коўкеля і У.А. Нядзелькі аб арганізацыі польскага руху супраціўлення ў горадзе Гродна. Аўтары пішуць: «Арганізацыйнае афармленне польскага падполля, якое дзейнічала ў Гродне ў перыяд акупацыі, закончылася летам 1941 года (на правым і левым беразе Нёмана). У правабярэжнай частцы горада падпольныя структуры ўзначальваў спачатку Б.Баханскі, пазней паручнік Я.Любашэўскі. У левабярэжнай частцы горада – капітан В.Якубчык. Гродзенскі інспектарат у цэлым узначаль-

ваў інспектар маёр У. Шымборскі. Арганізацыя АК дзейнічала ў Гродне ў 1941 – 1945 гады. Гэтыя два абводы ахоплівалі тэрыторыю горада і Гродзенскага павета, падзяляліся на раёны, а раёны – на пляцуўкі. У пачатку 1944 года ў склад абводаў уваходзіла 9 раёнаў і 28 пляцувак, з якіх 2 раёны і 7 пляцувак былі ў Гродне. У Гродне былі і штабы інспектараў і абодвух абводаў. Агульная колькасць акаўскага падполля ў Гродне складала 700 чалавек. У 1942 – 43 гадах выдаваліся падпольныя газеты «Вытрываем» і «Дэкада». Арганізоўвалася тайнае навучанне дзяцей на польскай мове і па даваенных праграмах.

З канца 1941 года ў Гродне дзейнічала група «Вахляжа» («Веера») – спецыяльнага падраздзялення АК, яе ўзначальваў К.Маркоўскі. У 1942 г. група страціла сувязь з кіраўніцтвам «Вахляжа» і спыніла сваё існаванне.

У 1943 – 1944 гг. гарадское падполле АК працягвала перш за ўсё назапашваць сілы на будучае. Яго баявая актыўнасць нават знізілася. Праўда, пачалося фарміраванне 81-га пяхотнага палка з 4-х батальёнаў, у складзе кожнага павінна было быць па тры стралковыя роты і адной кулямётнай роце. Полк павінен быў прыняць удзел у акцыі «Навальніца». Працэс фарміравання палка да ліпеня 1944 г. не быў завершаны, а створаныя падраздзяленні фактычна ўхіліся ад удзелу ў акцыі «Навальніца», абмежаваўшыся некалькімі нападамі на асобныя групы адступаючых немцаў. Не прымалі яны ўдзелу і ў вызваленні Гродна часцямі Савецкай арміі. Акаўскае камандаванне імкнулася захаваць сваіх людзей для іншых мэт».

Другі прыклад прывяду па Воранаўскаму раёну. У гады Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Воранаўскага і Радунскага раёнаў (са снежня 1962 года раёны аб’ядналіся ў адзін Воранаўскі раён) дзейнічалі партызанскія аб’яднанні Лідскай і Шчучынскай партызанскіх зон: брыгада імя Ленінскага камсамола, у якую уваходзілі атрады імя Ванды Васілеўскай (сфарміраваны ў чэрвені 1944 – 34 партызаны пераважна польскай нацыянальнасці, камандзір атрада – Альхімовіч Вацлаў Іосіфавіч), імя Г.І. Катоўскага (сфарміраваны ў верасні 1943 года з 1 і 3 узводаў атрада імя Ленінскага камсамола, у 1944 годзе налічваў 114 чалавек. Асабовы склад атрада – інтэрнацыянальны – большасць яўрэі з Радуні, камандзір атрада Іван Раманавіч Еўдакімаў, рускі, сібірак. Былі ў атрадзе палякі і беларусы. Усе байцы атрада змагаліся самаахвярна.

І такіх прыкладаў вельмі многа на нашай Гродзеншчыне, у Заходняй Беларусі, Беларусі ў цэлым.

У рэшце рэшт ацэнка Арміі Краёвай. Як ацаніць, асабліва формы, метады і вынікі яе дзейнасці? Думаецца мне, што трэба па заслугах і аб’ектыўна. Не буду паўтараць тое, аб чым ужо многа раз гаварыў на навуковых канферэнцыях рознага ўзроўню, у тым ліку і беларуска-польскіх, што надрукаваў у матэрыялах гэтых канферэнцый, а таксама ў польска-нямецкім выданні «Армія Краёва: міф і рэальнасць», якое пабачыла свет у 2003 годзе ў Мюнхене. Хачу толькі зазначыць, што ў фарміраваннях Арміі Краёвай, дзейнічаўшых пераважна на тэрыторыях Заходняй Беларусі, удзельнічалі і беларусы. Іх была нязначная колькасць, ды і пападалі яны да краёўцаў не заўсёды дабраахвотна. Што тычыцца ўзаемаадносін і баявога ўзаемадзеяння фарміраванняў Арміі Краёвай з савецкімі партызанскімі фарміраваннямі ў агульнай барацьбе супраць акупацыйнай фашысцкай улады і яе карных падраздзяленняў, рэгулярных гітлераўскіх войскаў, то логіка іх была абсалютна прадказальнай: як паміж польскім урадам Сікорскага ў Лондане і Савецкім урадам у Маскве дасягалася паразуменне – краёўцы і савецкія партызаны аб’ядноўвалі намаганні супраць фашыстаў, як тое паразуменне паміж Лонданам і Масквою перарывалася, то фарміраванні Арміі Краёвай пераходзілі да барацьбы з двума ворагамі – гітлераўскай Германіяй і СССР. Часта ў барацьбе супраць савецкіх партызан краёўцы ўступалі і ў саюз з фашыстамі. І такое, на жаль, было.

Усе падзеі, аб якіх я распавядаў, у той ці іншай меры утрымліваюцца ў гісторыка-дакументальных хроніках «Памяць» па горадзе Гродна, Гродзенскаму раёну, Шчучыну і Шчучынскаму раёну, Лідзе і Лідскаму раёну, усіх астатніх раёнах Гродзенскай вобласці. У іх падрыхтоўцы і выданні прымаў самы актыўны ўдзел ваш пакорны слуга, які непасрэдна ўдзельнічаў у падрыхтоўцы хронік «Памяць» па горадзе Гродна, Шчучыну і Шчучынскім раёне,

Іўі і Іўеўскім раёне, Бераставіцкім раёне, Воранаўскім раёне, адказваў за выданне гісторыка-дакументальных хронік па нашай вобласці ў цэлым. Вялікую навуковую і арганізацыйную працу ў гэтым накірунку выканалі мае калегі па кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы дацэнты Ярмусік Э.С. і Нядзелька У.А., прафесары Коўкель І.І. і Марозава С.В., прафесар Гродзенскага аграрнага універсітэта Верхась У.П. і іншыя. Практычна выкладчыкі кафедры гісторыі Беларусі і дацэнт кафедры гісторыі славянскіх дзяржаў Гродзенскага універсітэта імя Янкі Купалы М.Я. Саваняка падрыхтавалі і здзейснілі ў 1995 і 1996 годзе два выданні кнігі «Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941 – 1945 гг.)». Гродзенскія гісторыкі сумесна з кіраўніцтвам Саюза палякаў на Беларусі ў 90-я гады XX ст. арганізавалі і правялі тры міжнародныя навуковыя канферэнцыі аб дзейнасці Арміі Краёвай на Беларусі і выдалі матэрыялы гэтых канферэнцый. Непасрэдна я ўдзельнічаў у рабоце Дзяржаўнай камісіі пры Савеце Міністраў Беларусі па ацэнцы дзейнасці Арміі Краёвай на Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны і ў пасляваенны перыяд. Ва ўсіх гісторыка-эканамічных нарысах па гарадах і раёнах Гродзенскай вобласці, падрыхтаваных і выдадзеных у выдавецтвах нашай рэспублікі, закранаецца пытанне аб баявой садружнасці беларусаў і палякаў у барацьбе супраць фашызму. У узгаданай мною падагульняючай абласной кнізе «Памяць» гэтым пытанням будзе адведзена належнае месца.

Хачу асабліва падкрэсліць, што практычна ва ўсіх партызанскіх атрадах на тэрыторыі Гродзеншчыны, якая ў 1921 – 1939 гадах знаходзілася ў складзе Другой Рэчы Паспалітай, вялікая ўвага ўдзялялася палітыка-выхаваўчай рабоце як сярод саміх партызан, так і сярод мясцовага насельніцтва з адной мэтай: сцерці непрыязнасць паміж палякамі і беларусамі, якая была пасеяна ў тутэйшых краях яшчэ з часоў польскай акупацыі. Па гэтай прычыне і з уяўленнем аб польскім «гаспадарстве» на заходнебеларускіх землях, фарміраванні Арміі Краёвай больш варожа ставіліся да савецкіх партызан, чым да нямецкіх акупантаў. Ды і ў адпаведных асобных навукоўцаў з Гродзеншчыны названае ўяўленне часамі дае аб сабе знаць. У гісторыка-дакументальных хроніках «Памяць» такая пазіцыя фарміраванняў АК паказана аб'ектыўна.

У гісторыка-дакументальнай хроніцы «Памяць» Гродзенскага раёна прыводзяцца канкрэтныя прыклады перахопу і забойства атрадамі АК сувязных і некалькіх баявых груп савецкіх партызан. А ў гісторыка-дакументальнай хроніцы «Памяць» па гораду Ліда і Лідскаму раёну дацэнт Васілючак М.В. прыводзіць факты забойства салдатамі АК партыйных, дзяржаўных і гаспадарчых работнікаў за іх службу пры Савецкай уладзе, зразу ў пасляваенны перыяд. І такіх прыкладаў прыводзіцца ў кнігах «Памяць» па кожнаму гораду і раёну нашай Гродзеншчыны мноства.

Аспіранты, магістранты, студэнты распрацоўваюць узгаданыя пытанні ў дысертацыях, дыпломных і курсавых работах. Так што праца над гэтай праблемай працягваецца.

Дзякую за ўвагу!

Спіс літаратуры

1. Грыбоўскі, Ю. Удзел беларусаў у войсках антыгітлераўскай кааліцыі 1939 – 1945 гг.) / Ю.Грыбоўскі // Армія. – 2001. – № 4. – С. 30 – 34.

2. Акаловіч, М. За нашу і вашу свабоду (Да 45-годдзя бітвы пад Леніна) / М.Акаловіч // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1988. – № 6. – С. 81 – 88.

3. Срока, Ежы. Абарона Брэста ў верасні 1939 года / Ежы Срока // Памяць: гіст.-дакум. хроніка горада Брэста. У 2 кн. Кн. 1. – Мінск: БелТА, 1997. – С.271 – 275.

4. Крэнь, І. Падпольны рух. Склад і дзейнасць падпольных антыфашысцкіх груп / І.Крэнь, У.Нядзелька // Памяць: гіст.-дакум. хроніка горада Гродна. – Мінск: БелЭН, 1999. – С.397 – 406.

5. Коўкель, І. Польскі рух супраціўлення ў Гродна / У.Коўкель, У.Нядзелька // Памяць: гіст.-дакум. хроніка горада Гродна. – Мінск: БелЭн, 1999. – С.406 – 407.

6. Партызанскія фарміраванні, якія дзейнічалі на тэрытор ыі Воранаўскага і Радунскага раёнаў у Вялікую Айчынную вайну // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Воранаўскага раёна. – Мінск: БелЭн, 2004. – С.190 – 194.

7. Крэнь, І. Аб даследаванні дзейнасці Арміі Краёвай на Беларусі ў гады Другой сусветнай вайны: зыходныя пазіцыі, падыходы, мэты / І.Крэнь // Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі (чэрвень 1941 – ліпень 1994 гг.): тэзісы чацвёртай навук. канф. бел. і польск. гісторыкаў, 6 – 7 кастрычніка 1994 г. – Гродна, 1994. – С.11 – 17.

8. Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941 – 1945 гг.). Да 50-годдзя Вялікай Перамогі / І.Крэнь [і інш.]. – Гродна, 1995. – 207 с.: іл.

9. Крэнь, І. Праблемы вывучэння польскай Арміі Краёвай у беларускай гістарыяграфіі сярэдзіны 80-х – 90-х гадоў / І.Крэнь // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы навук.канф., прысвечанай 70-годдзю Інстытута гісторыі НАН Беларусі (Мінск, 6 –7 кастрычніка 1999 г.). – Мінск: Дэполіс, 2000. – С.278 – 282.

10. Kren, Ivan. Der Einsatz der Armia Krajowa auf dem Territorium WeiBruBlands aus weiBrussischer Sicht. Versuch einer Ortsbestimmung / Ivan Kren // Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg. R. Oldenbourg – Munchen 2003. – S.586 – 597.

11. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Іўеўскага раёна / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гл. рэд.) [і інш.]. – Мінск:БелЭн, 2001. – С. 214.

12. Барабаш, В. Польская інтэлігенцыя і Армія Краёва ў гады другой сусветнай вайны ў Заходняй Беларусі / В.Барабаш // Матэрыялы IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці». – Беласток, 2002. – С. 381 – 387.

ИГОРЬ ПОПОВ

Гродно

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ, СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1993 – 2008 гг.)

Конфессиональные отношения в Республике Беларусь приобрели сегодня характер важных факторов, существенно влияющих на стабильность общества. Воздействие религии на общество и происходящие в нем процессы реализуется через ее институты (религиозные организации в разных формах), через систему религиозного культа, религиозную идеологию и массовое религиозное сознание.

Особое место в конфессиональном развитии республики принадлежит Гродненскому региону. В силу приграничного территориального расположения и особенностей исторического развития Гродненщины ситуация в конфессиональной сфере на ее территории всегда имела особую важность, характеризовалась и характеризуется рядом специфических черт, выделяющих регион из общего русла общереспубликанских тенденций конфессионального развития.

Религиозные отношения в Гродненской области, в которой, согласно переписи населения 1999 года, проживали 1185200 человек 87 национальностей, имеют поликонфессиональный характер. В контексте истории традиционными для гродненского региона, как и для республики в целом, являются православие, католицизм, иудаизм, ислам и лютеранство.

В последние годы конфессиональная структура не претерпевает каких-либо существенных изменений. Закрепилась тенденция стабилизации количественного роста религиозных организаций. Об этом свидетельствует тот факт, что если на 1.01.1993 г. в области «имели прописку» 303 религиозных организации 10 вероисповеданий, в 1994 г. – 330 организаций 11 вероисповеданий, а в 1996 году было 394 общины 14 конфессий, то в течение 2000 – 2008 годах зарегистрировано лишь 25 религиозных общин.

Всего за период с 1994 года зарегистрировали свои уставы 138 религиозных организаций и, таким образом, на территории области на 1 января 2008 г. действует 477 религиозных организаций, в т.ч. 452 религиозные общины 17 конфессий, расположено 456 культовых зданий, осуществляют деятельность 460 священнослужителей.

В условиях пестрой конфессиональной палитры области особо заметно, как и в целом в республике, влияние православной церкви на религиозную жизнь нашего общества. В области 184 общины Белорусской Православной церкви, входящих в состав Гродненской и Новогрудской епархий. Осуществляют деятельность 4 монастырские общины, Минские православная высшая духовная семинария и академия, Слонимское духовное училище, 2 православных братства и 4 православных сестричества, работают воскресные школы. Функционирует 214 церквей, в которых осуществляют службу 191 священнослужитель.

Много внимания в православных приходах уделяется возрождению духовности, этике человеческих отношений. По мере возможности укрепляется материальная база. Ведется строительство 18 храмов.

Тенденция внешней стабилизации распространения вероисповеданий проявляется прежде всего в соотношении между православием и католичеством – основными христианскими конфессиями. Об этом свидетельствуют следующие данные.

Наименование конфессии	Количество зарегистрированных религиозных общин по состоянию на 1 января соответствующего года								
	1993	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008
Православная	123	143	153	156	170	177	180	181	184
Католическая	140	145	160	164	169	170	170	170	170

Соотношение количества общин, динамика их прироста, как видно из приведенных выше данных, позволяет утверждать, что сложился паритет организационных структур православия и католичества. При этом количество православного населения более чем в 2 раза превышает количество католического, а соотношение численности верующих двух рассматриваемых конфессий варьируется по районам.

Отмечая указанную выше паритетность, следует обозначить усиливающуюся на протяжении последних ряда лет активизацию деятельности Римско-католической церкви. На Гродненщине находится значительная часть католических общин из существующих в республике – 170 из 457. Гродненская диацезия имеет свою курию, Высшую духовную семинарию в г. Гродно, институт катехизации, выпускает тиражом 13000 экземпляров на польском и белорусском языках газету «Слова жыцця», издает религиозную литературу, осуществляет контакты с заинтересованными сторонами и организует паломничества.

В качестве основы обозначенной выше тенденции активизации деятельности Римско-католической церкви следует отметить получение ею материальной помощи из-за рубежа, активную миссионерскую деятельность, сложившуюся систему монашеских общин, успешно осуществляемую тактику действий, высокий кадровый потенциал священнослужителей. В настоящее время в приходах области работают 183 ксендза из 398 служащих в Беларуси.

Традиционные конфессии на Гродненщине представлены также 8 мусульманскими, 3 иудейскими и 3 лютеранскими религиозными общинами, не оказывающими заметного влияния на религиозную жизнь региона. В районах области находятся 4 действующие мечети, в г.Гродно –Большая Хоральная синагога и лютеранская кирха, являющиеся памятниками архитектуры разного времени.

Определенную роль в религиозной жизни Гродненской области играет протестантизм. Всего в Республике Беларусь в настоящее время действует 14 направлений протестантизма, в том числе в Гродненской области – 10. Деятельность протестантских религиозных общин Гродненщины, насчитывающих, по неполным данным отдела по делам религий и национальностей облисполкома, около 6 тысяч верующих, многообразна.

По состоянию на 1 января 2008 года на Гродненщине зарегистрировано 83 из 986 существующих в Республике Беларусь религиозных общин протестантских и неопротестантских направлений. В их числе: вышеуказанные лютеране (3), Евангельские христиане-баптисты (19), Христиане веры Евангельской (32), Христиане веры апостольской (3), Адвентисты седьмого дня (7), Новоапостольская церковь (6), Церковь Христова (1), ХПЕ (6), Иоганская церковь (1), Свидетели Иеговы (5). В области расположено 18 культовых протестантских зданий.

Положение Гродненской области в общем русле развития протестантизма в республике характеризуется следующими статистическими данными.

Область	Год	Количество протестантских и неопротестантских общин в РБ на 1 января указанных лет	Удельная доля протестантских и неопротестанских общин Гродненской области в % от общей их численности в РБ
Гродненская	1992	28	
	1996	68	
	2000	87	
	2004	91	
	2008	83	
Всего по республике	1992	348	8,04
	1996	612	11,1
	2000	858	10,1
	2004	979	9,3
	2008	986	8,4

Важным показателем конфессиональных процессов является религиозность населения. Под религиозностью обычно понимается мировоззренческая ориентация индивида и социальной группы в совокупности религиозных свойств сознания, поведения и отношений. Религиозность представляется также как социальное поведение, реализующееся во взглядах, позициях и действиях людей в процессе их общения и взаимодействия. Общеизвестно, что религиозность предполагает наличие религиозной веры, принадлежность к определенной конфессии, устойчивое культовое поведение.

Однако чаще всего религиозность определяют исходя из личностной декларированности человеком своей приверженности к религии. Исходя из этого признака в 1994 г. верующими себя назвали 33 % опрошенных, в 1997 г. – 49 % [2, с. 19], в 1998 г. – 47,5 % [7].

Указанные исследования белорусских социологов показали, что абсолютное большинство респондентов, считающих себя верующими, отождествляли себя с той или иной конкретной религией, в том числе с православием в 1994 г. и 1997 г. – около 80 %, с католицизмом – около 10 % в 1994 и 10,4 % – в 1997 г., с протестантизмом – не более 1 % [2, с. 19].

Проведенное в 2007 г. Институтом социологии Национальной Академии наук исследование основных тенденций, специфики и динамики развития религиозной ситуации дает основание для вывода о том, что в настоящее время в Беларуси признают себя религиозными людьми 47,7 % опрошенных, а еще примерно столько же (34,7 %) затрудняются точно определить, являются они религиозными людьми или нет. Это означает, что около половины населения республики испытывает в той или иной мере влияние религии или, по крайней мере, считаются с таким влиянием как существенным фактором современного общественного развития.

Анализ социологических данных показывает, что уровень религиозности населения гораздо выше (почти втрое) в белорусско-польском пограничье, чем в восточных областях Беларуси. Столь существенная дифференциация оказывается органически связанной со степенью интенсивности участия верующих или колеблющихся между религиозной верой и неверием людей в религиозных действиях и обрядах, в свершении религи-

озных таинств. Интенсивность культовой деятельности в белорусско-польском пограничье также примерно втрое выше, чем в восточных регионах республики [7].

Мониторинговые социологические исследования общественного мнения населения Гродненской области, включавшие изучение проблем религиозности и проведенные в 1998 и 1999 годах Центром этноконфессиональных и социокультурных исследований Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, а также исследования этноконфессиональной ситуации, осуществленные в 2002 – 2008 гг. Социологическим центром совместно с Советом (отделом) по делам религий и национальностей Гродненского облисполкома, позволяют сделать вывод о более высоком, в сравнении с другими регионами республики, уровне религиозности населения Гродненской области. Согласно мониторингу 2008 г., верят в Бога 67,3 % респондентов [9].Это находит подтверждение также в исследованиях, проведенных в 2004 и 2006 гг. учеными БГУ и Института социологии Академии наук Республики Беларусь: в Гродненской области самоидентифицировали себя с верой в Бога 67 % и 65,5 % респондентов [5, с. 50; 6, с. 80].

Среди опрошенных в 2002 – 2004 гг. жителей Гродненской области более половины респондентов считают себя православными, от четверти до трети – католиками, 5,3 –6,3 % – верят в Бога, но не принадлежат ни к одному из религиозных направлений, 2,1 – 6,3 % считают себя неверующими и 5,5 % обладают квазирелигиозным сознанием (верят, но не в Бога, а в сверхъестественные силы) [7]. При этом среди респондентов значительно количество колеблющихся в вопросах религиозной идентификации: от 20,1 % до 25,9 % [9; 6, с. 81].

Сравнение данных мониторингов по Гродненской области даже при различии методик исследований выявляет динамику распространения основных конфессий, выражающуюся в понижении доли респондентов православного вероисповедования и увеличении доли респондентов католического вероисповедования при незначительном изменении доли протестантов.

Наименование конфессии	% от числа опрошенных респондентов					
	1998	1999	2002	2003	2004	2008
Православная	61,1 %	57,3 %	55,0 %	50,8 %	51,4 %	53,1 %
Католическая	23,4 %	24,7 %	29,3 %	31,0 %	33,1 %	33,7 %
Протестантская (сводная)	—	0,5 %	0,4 %	0,4 %	1,2 %	1,2 %

Данные мониторингов, проведенных Центром этноконфессиональных и социокультурных исследований, позволяют отметить ряд особенностей конфессиональной самоидентификации респондентов, представляющих основные этнические группы населения Гродненской области (белорусов, поляков и русских).

Конфессиональный состав белорусов Гродненской области характеризуется наличием православных, католиков и протестантов. Закономерным является существенное доминирование православия над католицизмом в белорусской этнической среде.

В отличие от белорусов, конфессиональный состав польского этноса отличается однородностью. Доля протестантов в нем практически не заметна. Подавляющее, но не абсолютное большинство поляков идентифицировали себя как католики. Существует небольшая, но устойчивая прослойка поляков-православных.

В конфессиональной структуре респондентов русской национальности стабильно преобладает православие. Для гродненского региона с его этноконфессиональным плюрализмом характерно наличие небольшой, но устойчивой по доле в общем составе этноса прослойки русских-католиков [3].

В динамике религиозных ориентации респондентов без учета национальности характерны следующие тенденции. Большая часть респондентов заявила о неизменности

своей религиозной позиции. Четвертая часть опрошенных пришла к религиозной вере в сознательном возрасте. Незначительны (в пределах 3,4 %) изменения религиозной принадлежности в результате межконфессиональных переходов, имевшие место главным образом в связи с изменением семейного статуса респондентов, в меньшей степени с их неудовлетворенностью «своим» священником, продолжительностью религиозной службы [3; 9].

Из числа респондентов, сменивших веру, большинство перешло из православия в католицизм, в десять раз меньшее количество респондентов от указанного числа осуществили переход из католицизма в православие [9].

Исследование параметров степени религиозности, выраженной, в частности, в регулярности посещения храма, участия в религиозных обрядах и т.п. в разрезе национальной самоидентификации респондентов – жителей Гродненской области показывают, что самый высокий ее уровень характерен для респондентов-поляков. Их храмовая активность почти в два раза выше, чем у респондентов-белорусов, и в 5-6 раз, чем у русских [3].

Несмотря на положительное отношение к религии и соотнесение себя с теми или иными конфессиями, основная масса респондентов, как и в целом в республике, не проявляет культовой активности. Так, только 1 1,6 – 22,4 % респондентов посещают богослужения регулярно (не реже одного раза в неделю), 22 – 29,7 % – по религиозным праздникам, 20,2 – 22 % – время от 9 времени, 22,0 – 23,9 % – редко. Таким образом, более 62,2 – 75,6 % респондентов нерегулярно посещают богослужения, осуществляют обряды и церемонии [9]. Их вера носит в известной степени декларативный характер, поскольку она церковно не институциализирована.

Анализ результатов опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 1998 г., также показывает, что в республике в целом имеет место процесс возрастания главным образом внецерковной религиозности. Это означает, что огромное число лиц, сознающих свою религиозность, не связывает ее с какой-либо церковью и считает, что можно быть религиозным человеком (верить в Бога) и в то же время не быть церковным, т.е. не участвовать в жизни церкви.

Причину такой метаморфозы следует искать не столько во внутренних проблемах конфессий, сколько в общественных изменениях, произошедших на постсоветском пространстве и связанных с образованием мировоззренческого вакуума в начале 90-х годов прошлого столетия.

Подобное явление Л.Е. Земляков называет феноменом «культурно-религиозной идентификации» [2, с. 20-21].

Согласно мониторингам Гродненского государственного университета имени Янки Купалы и Совета (отдела) по делам религий и национальностей Гродненского облисполкома девять из десяти респондентов в регионе, независимо от наличия личной веры, отождествляют себя с конфессиями. Этот параметр отличается стабильностью, тенденций к изменению этого показателя не прослеживается [3; 9].

С точки зрения личностной значимости для респондентов, функции религии имеют следующее распределение. Первое по значимости место занимают компенсаторная (утешительная) функция. Второе место принадлежит нравственной функции. Третье место делят эстетическая и мировоззренческая функции. Что касается интегрирующей и коммуникативной функций религии, то они получили достаточно низкую оценку у респондентов. Еще более низкие оценки даны сотериологической (личное спасение) и гуманитарной функциям церкви [1, с. 457-458; 3; 9].

Как показывают результаты социологического опроса, на территории Гродненской области сложились в целом комфортные отношения между представителями различных конфессий. Большинство респондентов оценивают их как уважительные (30,3 – 38,6 %), терпимые (22,7 – 27,1 %), нейтральные (18,5 – 20,48 %), дружественные (11,6 и 17,9 %) и только 0,4 – 1,3 % респондентов считают отношения между представителями различных конфессий враждебными.

В целом, по мнению абсолютного большинства опрошенных, религиозная ситуация в области спокойная (61,2 – 67,2 %) и благополучная (26,1 –35,2 %) [9].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить ряд общих для гродненского региона черт, характеризующих конфессиональную обстановку.

1. Гродненскую область отличает более высокий, в сравнении с республиканским, уровень религиозности населения.

2. В общей структуре конфессий и по удельной доле верующих приоритетное положение на Гродненщине занимает православие, однако доля православного населения ниже, чем в целом по республике. В то же самое время доля верующих католической конфессии превышает республиканские параметры.

3. Сильные позиции основных традиционных конфессий в лице православия и католицизма, особенности исторического и современного этапа конфессионального развития региона затрудняет распространение нетрадиционных конфессий.

В настоящем доля общин нетрадиционных конфессий в общем количестве религиозных общин составляет 22,5 %, что является самым низким показателем среди областей нашей республики.

4. В Гродненской области, являющейся поликонфессиональной и занимающей четвертое место по количеству религиозных общин в республике, в настоящем проявляется тенденция стабилизации количественного роста религиозных организаций, что не исключает перераспределение сфер влияния за счет активной деятельности отдельных из них.

5. Исторические традиции, работа местных органов исполнительной и законодательной ветвей власти в русле проводимой в Республике Беларусь этноконфессиональной политики, направленной на достижение согласия, являются объективной основой для существования в регионе идей и настроений веротерпимости и толерантности.

Список литературы

1. Уровень и характер религиозности населения Гродненской области / Н.Н.Беспамятных [и др.] //Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе: материалы междунар. науч. конф. – Гродно, 2000. – С. 448 – 463.

2. Земляков, Л.Е. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь / Л.Е.Земляков: автореф. дис. ... д-ра политич. наук. – Минск, 2000. – 39 с.

3. Компаративный анализ результатов мониторинга общественного мнения населения Гродненской области 1998 и 1999 годов по этносоциальным и конфессиональным процессам в регионе. // Текущий архив Уполномоченного по делам религий и национальностей Совета Министров Республики Беларусь. – 74 с.

4. Отчет о научно-исследовательской работе особенностей развития межэтнических отношений, динамики и специфики религиозности населения в условиях независимого развития Республики Беларусь. – Минск: Белорусский государственный университет, 1999.

5. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И.И Пирожник [и др.] // Социология. – 2006. – №4. – С. 46 – 55.

6. Социально-географические тенденции изменения конфессиональной структуры населения Беларуси / И.И.Пирожник [и др.] // Вестник БГУ. – 2007. – №1. – С. 76 – 83.

7. Социологическое исследование основных тенденций, специфики и динамики развития религиозной ситуации в Беларуси / Национальная Академия наук Беларуси. Институт социологии. – Минск, 1998.

8. Текущий архив Уполномоченного по делам религий и национальностей Совета Министров Республики Беларусь.

9. Текущий архив отдела по делам религий и национальностей Гродненского областного исполнительного комитета.

СВЕТЛАНА МУСИЕНКО

Гродно

ГРОДНО В ВОСПРИЯТИИ ЭЛИЗЫ ОЖЕШКО И ЗОФЬИ НАЛКОВСКОЙ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, ТРАДИЦИИ

В семье Налковских культа Элизы Ожешко не было, хотя к её творчеству все члены этого удивительного семейства относились с уважением и высоко ценили гражданские позиции писательницы. С творчеством Ожешко юная Налковская познакомилась довольно рано, поскольку у отца была солидная библиотека, в которой серьёзное внимание уделялось национальной классике, в том числе и Ожешко.

Настоящий культ и неподдельное обожание Ожешко создала учительница и писательница Остоя (Ядвига Савицкая), преподававшая польскую литературу в пансионате Гоэнэ, где училась Зофья Налковская. Остоя была уроженкой Гродно, дружила и переписывалась с Элизой Ожешко. Она не только с трепетным уважением и любовью относилась к писательнице и её творчеству, но и прививала эту любовь своим ученикам. В воспоминаниях одной из них Ядвиги Копец, воспроизводится психологическая атмосфера своеобразного вдохновения, царившего на уроках Остои.

«... особое очарование Остои заключалось в том, – пишет Копец, – что она происходила из тех самых краев, что и Ожешко, переписывалась с ней, даже хлопотала о присуждении ей Нобелевской премии. Остоя неоднократно рассказывала нам об Элизе Ожешко, сожалела, что у нее пошатнулась здоровье, но тем не менее новые её произведения считала прекрасными. В качестве примера приводила «Ad Astra»[1] .

К сожалению, отношения между Остоей и Зофьей Налковской не складывались, правда, не из-за творчества Ожешко. Дочь Вацлава Налковского, также преподавателя пансионата Гоэнэ, защищала педагогические принципы и систему воспитания отца, которого очень любила учащаяся молодёжь. Остоя была его идейной противницей. В определенной степени противоречия между Остоей и одаренной ученицей повлияли и на оценки творчества Ожешко.

На рубеже XIX – XX вв. в некоторых кругах интеллигенции своеобразной модой становился декаданс, который Ожешко в одной из бесед с писателями назвала «болезнью ума». Эту оценку поспешила передать своим ученицам Остоя. И, несмотря на безоговорочный авторитет ее в делах жизни и творчества Ожешко, это высказывание вызвало довольно бурные дискуссии, на уроках не только польской и русской литератур, но даже и истории. Как юная писательница, воспитанная на традициях «Молодой Польши», Налковская естественно выступила в защиту декаданса, хотя не была убеждена в своей правоте. Тем более, что ее любимым учителем был Эмилиан Витошинский, преподававший русскую литературу и выступавший, как и Ожешко, в защиту реализма.

«Я защищала декаданс, – пишет Налковская, – не только от него, но и от себя. Кстати, я заметила, что Витошинский оказывает на меня определенное влияние в том, что декаданс привлекателен как направление. Я пересматриваю мои стихи и вижу, что они просто романтические... когда же я пишу прозой, то становлюсь реалисткой.

Правота выглядит по-разному, в зависимости от того, кто её защищает. Я уверена, что кто-то мудрый мог бы защитить от меня и декаданс»[2] .

Красивая, одаренная (уже имевшая опубликованные стихи), способная к наукам Налковская многие вопросы решала с юношеским пылом и максимализмом, пытаясь давать собственные оценки и писателям, и произведениям художественной литературы. Следует подчеркнуть, что в арсенале ее чтения были и произведения Элизы Ожешко, но ни в ее суждениях, ни в дневнике никогда не было критических замечаний в адрес писа-

[1] Kopiec, J. Dziecko dawnej Warszawy / J. Kopiec. – Warszawa, 1963. – S. 275.

[2] Naikowska, Dzienniki 1899 – 1905 / Z. Naikowska. – Warszawa, 1975. – S. 65.

тельницы. Более того, Налковская высоко ценила творчество своей великой предшественницы. И уже в начале XX в. она участвовала как автор в коллективных сборников, наряду с такими известными деятелями польской литературы, как Б. Прус, Э Ожешко, С. Жеромский и др.

В исследовании Я.М. Мушковского «Совесть движения» (издана в 1913 г. во Львове) в статье, посвященной памяти Б. Пруса, автор фамилию Налковской упоминает среди создателей «хороших романов».

«Качковский, Крашевский, Лям, Ожешко, Прус, – перечисляет Мушковский, – вплоть до Жеромского и *Налковской* (курсив мой – ***С. М.***) писали и пишут хорошие романы»[3].

Ожешко и Налковская принадлежали к разным эпохам и личного знакомства между ними не было, по-видимому из-за болезни сердца Ожешко.

8 – 11 июня 1907 г. в Варшаве состоялся первый государственный съезд польских женщин, на который были приглашены Элиза Ожешко, Мария Конопницкая и от молодого поколения писательниц – Зофья Налковская. Ожешко из-за болезни не приехала, Налковская как делегат съезда сделала доклад «Заметки об этических принципах женского движения», вызвавший живой отклик и в зале заседаний съезда, и в периодической прессе, освещавшей его работу, в частности в журнале «Критика». Среди оппонентов молодой писательницы были прежде всего известные представительницы польской классики Э. Ожешко и М. Конопницкая. Более того, Конопницкая в знак протеста покинула заседание во время доклада Налковской. Конечно же, до Ожешко дошли слухи о противоречивых оценках доклада, как и номер «Критики» с его текстом попал в её руки. Стало известно, что и Ожешко отозвалась о докладе не слишком лестно. Как отмечалось в газете «Echa Kieleckie», мнения делегатов разделились: в превалирующем большинстве на стороне Налковской было молодое поколение участниц съезда, мужская же его часть большинство своих докладов посвятила творчеству и деятельности Э. Ожешко, сожалея, что она не смогла приехать на съезд.

В эти самые дни произошло еще одно важное событие, связанное с Ожешко: в Варшаве открывался детский дом, которому присваивалось имя писательницы.

К сожалению, ни в эти дни, а может быть, и в эти годы Налковская или не вела дневник, или его вместе с другими рукописями уничтожил снаряд, попавший в письменный стол писательницы во время государственного переворота в 1926 г. Поэтому свидетельств самой Налковской о съезде не сохранилось.И можно только предположить и сконструировать ситуацию на основании дискуссий в прессе, которые велись на протяжении нескольких месяцев 1907 г. Нет сомнения, что даже критические замечания о докладе начинающей писательницы, высказанные столь известным классиком, как Ожешко, были не только лестными для Налковской, но и способствовали ее популярности.

И все же, настоящие знания о жизни и творчестве Ожешко придут к Налковской гораздо позднее, когда она окажется в Гродно (1922 – 1927), когда наступит период ее творческой зрелости. Как могло сложиться, что «прекрасная дама» польской литературы, известная писательница, имевшая свою школу и своих почитателей таланта, оказалась в глухой провинции, на восточной окраине страны, оторванной от семьи, любимой матери, творческого окружения в столице? Ответ легко найти в дневнике.

«Ян, – пишет Налковская, – заставил меня отречься от огромных просторов моей жизни в аспекте заинтересований психических, литературных, интеллектуального общения. Однако я благодарна ему за это. Будучи рядом с ним, я проникала в мир мне совершенно не известный и до сих пор недоступный, в мир очень реальный и очень значимый... за ним я переношусь... в мир теплоты чувств, размаха, энтузиазма, в шум и гам общественной жизни, от которой прежде я держалась подальше в стороне»[4].

Однако и «этот мир», и эта провинция не были обычными: Виленщина – это «малая родина» Адама Мицкевича, поэтому и Налковская чувствовала себя здесь героиней произ-

---

[3] Muszkowski, J. M. Sumienie ruchu / J. Muszkowski. – Lwyw, 1913. – S. 122.
[4] Naikowska, Z. Dzienniki 1918 – 1929 / Z. Naikowska. – Warszawa, 1980. – S. 83.

ведений поэта – женой подкомория, «которая ездила в Вильно и брала с собой меня» (т. е. Налковскую). Если мицкевичевские места писательница сразу же восприняла «в образцах красоты из «Пана Тадеуша», то прелесть Гродно она почувствовала далеко не сразу. Первая дневниковая запись о Гродно была сделана 7 октября 1922 года: «...я нахожусь в ожидании двух переездов: одного – на короткое время в Вильно, второго через месяц – в Гродно»[5].

От первого впечатления о городе дама из столицы испытала шок: низкие серые облака, отсутствие солнца, мрачные низкие домики, послевоенная разруха, кроме того, начались нелады в семейной жизни. Налковская вдруг оказалась в полном одиночестве. И о своей печали о первых трудностях могла рассказать только в дневнике, да и его не вела почти целый год.

«Гродно намного хуже, чем Вильно, – читаем в дневнике. – Ян стал хуже, чем в прошлом году, а я стала на год старше...

Здешняя природа прекрасна, но я её вижу только во время прогулок на лошадях, поэтому она не чувствуется сердцем. Отделяют меня от нее плохие мостовые города, который хорошо расположен, но застроен отвратительно, кроме того, он грязен, дурно пахнущий, ободранный, замусоренный людьми»[6].

Правда, позднее эти впечатления изменятся, но чувство одиночества останется в течение всего периода пребывания писательницы здесь. Размышляя о себе, Налковская хотела понять, почему её великая предшественница Элиза Ожешко провела в этом городе почти всю сознательную жизнь. Понимание здешних людей, красоты природы, особенностей жизни, как и понимание души Ожешко придет к Налковской в результате её сближения с миром провинции и после обретения друзей – жителей Гродно. Впервые душевную растроганность писательница испытала при виде дома, в котором жила Ожешко.

«К деревянному домику Ожешко, – пишет она, – и нескольким растущим около него деревьям я приглядывалась с грустной растроганностью. Меня удивляет то, что она именно здесь хотела оставаться до конца, что этот город был её родиной. С неподдельным удовольствием после увиденного я прочитала «Мейра Езофовича»[7].

К описанию этого дома Налковская вернулась еще раз в 1928 г., после того, как сама испытала очарование Гродно, поняла значимость творчества Ожешко и её внутренний мир, а точнее душу этого творчества. «... проходя там, по той улице, около того дома, я испытывала сильное эмоциональное напряжение, пробужденное красотой иного характера. Ведь всегда думалось, что она на этом самом месте, в этих обыкновенных сероватых стенах довоенного дома желала обязательно быть, что именно здесь она прожила свои последние годы. Что внутри этих стен она писала свои книги, что здесь она воплощала в действия мудрые и благородные идеалы своей социальной веры и стремилась приблизить жизнь и этим идеалам»[8].

Можно в данном случае утверждать, что под влиянием пребывания в Гродно Налковская стала иначе воспринимать мир и человека, о чем она неоднократно писала в дневнике и говорила в многочисленных интервью. По-иному воспринимала она и творчество Ожешко, и не только расширилось его знание и углубилось его понимание, но изменилось отношение и к творчеству собственному. Налковская не только увидела «другого человека», но и поняла «чужое страдание». Новым героем произведений «гродненского цикла» становится «маленький человек» с его окружающим миром – малым пространством «провинциального существования». Не без влияния Ожешко Налковская показала красоту наднеманской природы и городские пейзажи Гродно.

«Когда я думаю о Гродно, – то его необычайная затуманенная красота кажется мне каким-то удивительным палимпсестом. Века писали на этом самом месте все время меняющиеся картины прекрасного»[9].

[5] Ibidem, s. 91.
[6] Naikowska, Z. Dzienniki 1918 – 1929 / Z. Naikowska. – Warszawa, 1980 – S. 103
[7] Ibidem, s. 103.
[8] Naikowska, Z. Widzenie blizkie i dalekie / Z. Naikowska. – Warszawa, 1957. – S. 138.
[9] Ibidem, s. 307.

Следует отметить, что у обеих писательниц в их гродненских периодах жизни наблюдается определенная схожесть судеб. Обе они пережили здесь и большую любовь, и большое разочарование, и измены мужей. Обе чувствовали интеллектуальное одиночество и серость провинциальной жизни.

«... по причине моей жизни в Гродно я работаю в таком одиночестве, в каком никакому автору не случалось работать»[10], – писала Ожешко своему другу профессору Виленского университета Марьяну Здеховскому 24 декабря 1900 г.

Ровно через 23 года и тоже о своем одиночестве в Гродно напишет в дневнике Зофья Налковская: «Порой я осознаю и цепенею, что к закату своей жизни я оказалась здесь, неизвестно почему так далеко от всей моей прошлой жизни, что пришла сюда за человеком, любовь которого для меня является страшным недоразумением»[11].

Атмосферу безысходного одиночества Налковская воспроизвела и в своем первом романе о Гродно «Недобрая любовь», наделив своими чувствами повествователя: «Дошло до ощущения страшной тоски по какому-то интеллектуальному своеволию... и временами казалось, что дальше нельзя выдержать ни минуты. Я помню, как произнесенное тогда слово «эпистомологический» тронуло меня до слёз. Думаю, что достаточно было бы сказать «адекватный» или даже «антиномия»[12].

Пребывание в провинции для обеих писательниц было несомненно трудным и посвоему драматичным, однако оно дало возможность познания жизни и людей.

«Ожешко, – отметила Налковская, – глубоко проникла в жизнь здешнего крестьянина, шляхтича и пана. Внимательно изучила судьбу белорусского народа, познала свет и тени еврейской души. Она поняла и назвала причины, которые эти миры разделяют. Однако она нашла и показала то, что эти миры должно объединять»[13].

Следует отметить, что и для самой Налковской Гродно сыграло не менее важную роль. Значение гродненской жизни писательницы подчеркнула Ганна Кирхнер. В результате пребывания в провинции творчество Налковской «обрело значимость и драматичность... Этот опыт будет обогащать её наиболее важные книги... гродненские годы... стали бесценными университетами для художника слова... Из Гродно Налковская почерпнула не только документационный материал для «Стен мира» и «Недоброй любви». Без Гродно не было также и «Границы». Это оттуда она взяла столько реалий и картин природы»[14].

Обе писательницы любили эти края и создали в Гродно и о Гродно свои лучшие произведения, воплощая в них красоту природы, краски, мелодии, запахи наднеманской земли и жизнь живущих здесь людей.

«Пребывание в Пуще, – писала Ожешко Марьяну Здеховскому, – улыбается мне надеждой увидеть явление замечательное со стороны природы, вероятно, интересное и со стороны местных жителей. Возможно, я смогу этот край и народ, еще не описанные ни одним автором, внести в литературу. Было бы это таким большим счастьем, что я и мечтать об этом не смею»[15].

Ожешко очень любила Гродно, поэтому и не выехала ни в Вильно, ни в Париж, ни в Петербург, куда её много раз приглашали. В деревянном домике, покрашенном в грязно-голубой цвет, она осталась до конца жизни. Вокруг писательницы всегда бурлила интеллектуальная жизнь. Она постоянно с одинаковой сердечностью принимала и известных писателей, и революционно настроенную молодёжь, и местных крестьян и слуг, которые приходили кто за советом, а кто за помощью.

Красотой гродненской земли была очарована и Налковская. Может быть, поэтому она и поняла привязанность к этому краю Ожешко. В статье «Там, где писала и творила Элиза Ожешко», посвященной открытию памятника писательнице, она отметила: «До-

[10] Elizie Orzeszkowej w hoidzie. – Grodno, 1929/ – S. 33.
[11] Naikowska, Z. Dzienniki 1918 – 1929. – S. 33
[12] Naikowska, Z. Niedobra miioњж / Z. Naikowska. – Warszawa, 1979. – S. 29.
[13] Naikowska, Z. Widzenie blizkie i dalekie. – S. 138 – 139.
[14] Naikowska, Z. Dzienniki 1918 – 1929. – S. 9.
[15] Elizie Orzeszkowej w hoidzie. – S. 30.

статочно только отъехать на несколько километров от города... чтобы понять все его очарование. Чтобы понять, как нелегко уйти отсюда. Плавные линии невысоких гор и склонов переходят так же плавно к обработанным полям, ущельям, лугам и серым деревенькам, а лесные тропинки, сворачивающие от шоссе в сторону берега Немана, с ручьями на доньях ущельев устремляются вниз, к самой реке между зарослями бересклета, папоротников и земляники»[16].

Налковская не скрывает своего восхищения не только наднеманской природой, но и романом Элизы Ожешко «Над Неманом»: «Изумительная книга, – отмечает писательница, – она воплощает в себе всю богатейшую красоту этого края. И представляет полноту картины жизни людей, которых события и перипетии истории соединили здесь неразрывным узлом общей судьбы»[17].

Обеим писательницам было свойственно сострадание к людям и в особенности к «маленькому человеку», поселившемуся на этих прекрасных землях. Поэтому обе они считали своим творческим долгом показывать правду жизни, подчеркивая, что вся её тяжесть должна быть разделена поровну между всеми гражданами общества. Обе считали, что по отношению к каждому человеку следует проявлять уважение и соблюдать его права. У Ожешко Налковская училась показывать правду жизни этих людей и их земли, показывать их страдания, национальные особенности, социальную принадлежность, интеллектуальный и материальный уровень, различные вероисповедания. Эта задача была не из лёгких, однако обе писательницы справились с ней с честью.

Зофья Налковская высоко ценила духовное значение творчества Ожешко, считая жизнь писательницы своеобразным гражданским подвигом.

«Такое необычайное сплетение всевозможных сил, сплетение проблем исторических и политических, вопросов религиозных, национальных и социальных – весь этот узел общественной жизни, затягиваемый столетиями, попал в осторожные руки мудрой и очень доброй женщины. Поэтому каждое из её произведений является своеобразной попыткой его развязывания. И каждое из них становится социальным деянием.

Творчество Ожешко заключает в себе естественную красоту этого края, как и разрывающие его действенные драмы»[18].

О творческом наследии Зофьи Налковской подобные оценки высказал Вильгельм Мах, представив это творчество как завещание потомкам, как преемственность знаний о жизни и искусстве: «...это завещание, адресованное нам из прошлых лет нашего века, художником слова, столь верного правде своей эпохи, станет главным украшением творчества Зофьи Налковской. Эти произведения смело и гордо выступят против забвения и быстротечности, потому что в них живет человеческое сердце, потому что в них светится неспокойная, постоянно ищущая мудрая мысль»[19].

Творчество обеих писательниц уже принадлежит истории, но истории вечно живых выдающихся произведений, которые и сегодня служат образцом творения правды, красоты, гражданских идеалов, исполненных любви и сочувствия к человеку. Обеих писательниц этому научило Гродно. Гродненская проблематика по-своему объединяет Ожешко и Налковскую и она, естественно, выходит за пределы вопросов местного значения и обретает значимость психологическую, философскую, социальную и общечеловеческую. Обе писательницы в Гродно и о Гродно написали свои лучшие произведения, составившие своеобразную гродненскую эпопею у Элизы Ожешко – XIX в. («Дзюрдзи», «Низины», «Хам», «Над Неманом», «Gloria victis» и др.) у Налковской – XX в. («Стены мира», «Недобрая любовь», «Граница», «Узлы жизни», «Дневник»). Содержанием и героем обеих «эпопей» являются красота наднеманской земли, социальные и национальные трагедии её жителей, показ их гражданского достоинства и национального самосознания.

[16] Naikowska, Z. Widzenie blizkie i dalekie. – S. 138.
[17] Ibidem, s. 138.
[18] Naikowska, Z. Widzenie blizkie i dalekie. – S. 130.
[19] Mach, W. O twyrczoњci Zofii Naikowskiej / W. Mach // Naikowska Z. Pisma wybrane. T.1. – Warszawa, 1986/ – S. 29.

Налковская высоко ценила не только творчество, но и общественную деятельность Ожешко. В период пребывания Налковской в Гродно известный ученый и общественный деятель Юзеф Йодковский в замке, построенном королем Стефаном Баторием (называемом местными писателями Старым замком), создал краеведческий музей (существующий и до сегодняшнего дня), в котором была богатая экспозиция, посвященная Элизе Ожешко. Налковская не раз вспоминала о стараниях и хлопотах ученого, о его замечательных находках и экспонатах, прежде всего касающихся жизни писательницы. В 20-е гг. возобновились и старания гродненской общественности об увековечении памяти Элизы Ожешко. Намерения местной интеллигенции были очень интересными и важными не только для города, но и для страны и мира: создать большой памятник писательнице к с изваяниями на цоколе героев её произведений; в доме, где она жила, открыть музей и библиотеку; в доме, расположенном рядом, открыть школу её имени. Однако на реализацию столь грандиозного проекта правительство не выделило средств, а собранных денег хватило только на изваяние бюста писательницы и первого издания книги в её честь.

Бюст выполнил победивший в конкурсе скульптор Ромуальд Зырых. Открытие памятника состоялось лишь 20 октября 1929 г. В торжествах приняла участие и Зофья Налковская как делегат Правления Союза Польских писателей: она опубликовала в газете «Новы дзенник кресовы» статью «Там, где жила и творила Элиза Ожешко», написала вступление к «Избранным произведениям» писательницы и произнесла речь на открытии памятника.

«Прекрасная, благородная слава, – сказала Налковская, – которая увенчала в стране и далеко за её пределами имя этой польской женщины, будет жить до тех пор, пока польский язык будет творческим инструментом красоты и мысли. В её замечательных произведениях заключена вся красота этой земли и все разрывающие её трагические действия. Её мудрая доброта находила для этого спасение не в гневе и борьбе, а в глубоком чувстве равенства и братства»[20].

В Гродно сохранились материальные следы жизни обеих писательниц. Улица, на которой жила Ожешко, носит её имя. С 1929 по 1934 годы в городском парке стоял бюст писательницы работы Ромуальда Зырыха. По окончании Великой Отечественной войны памятник Ожешко был перенесен на улицу её имени, недалеко от дома, в котором она жила. Этот памятник, окруженный деревьями и цветами, стоит на том же месте и сегодня. Помня о добрых делах любимой писательницы и понимая значение её творчества, благодарные гродненцы и местные власти заботятся о доме, памятнике и увековечении памяти Ожешко. В 1929 г. в Гродно была издана первая книга, посвященная писательнице, «Elizie Orzeszkowej w hoidzie» с вступительной статьей известного писателя Вацлава Серошевского. Книга состоит из трёх частей. В первой части помещены статьи местной интеллектуальной элиты о творчестве, жизни и деятельности Э. Ожешко. Вторая часть представляет особую значимость. В ней впервые в истории литературы опубликованы письма Ожешко к профессору Виленского университета Марьяну Здеховскому и избранная корреспонденция к ней Т. Т. Ежа и М. Конопницкой. В предисловии к второй части его автор М. Здеховский высказывает главную мысль всей Памятной книги, подчеркивая неразрывную связь творчества Ожешко с наднеманским краем. Писательница полюбила «родную литовско-белорусскую природу, – пишет он, – во всех её проявлениях и малых, и великих, полюбила её травы и цветы, её небо и воздух, шум её исчезающих лесов и грусть необработанных болотистых просторов, полюбила её первозданность и бедность»[21].

Своеобразным документом эпохи можно считать третью часть этого уникального издания под названием «У могилы Ожешко». В нем собраны документы и свидетельства, касающиеся не только факта похорон писательницы, но и всей истории борьбы и трудностей гродненской интеллигенции и «Комитета по созданию памятника Элизы Ожешко в Гродно» за увековечение памяти писательницы и создание ей памятника. Собственно,

[20] Naikowska, Z. Widzenie blizkie i dalekie. – S. 140.
[21] Elizie Orzeszkowej w hoidzie. – S. 27.

благодаря их деятельности и деятельной борьбе и с русскими (с 1910 по 1917 гг.) и с польскими (с 1918 по 1929 гг.) властями, этот памятник был создан.

На улице Ожешко сохранился дом, тот самый, «покрашенный в грязно-голубой цвет», в котором с 1869 по 1910 гг. жила и умерла писательница. В нем размещена посвященная ей музейная экспозиция,. При парадном входе в дом на польском и белорусском языках вмурованы мемориальные доски. На католическом кладбище г. Гродно сохранились могила и надгробие Элизы Ожешко. В деревне Богатыревичи – могила и надгробие с таинственной, до сих пор неразгаданной надписью литературных героев из романа «Над Неманом» Яна и Цецилии. Их Ожешко назвала первыми жителями, которые освоили первозданную природу наднеманских земель. В лесу, на берегу Немана, сохранилась описанная в романе еще одна могила – повстанцев 1863 г., к которой и сейчас приходят люди с цветами и камешками из разных краёв, как завещали герои бессмертного произведения.

На улице Академической, 15 (в прошлом: Кирховая, 5) автором данной статьи (С. Мусиенко) был найден дом, в котором в 1922 – 1927 гг. снимали квартиру Зофья Налковская с мужем Яном Юром-Гожеховским. На этом доме 16 мая 1989 г. была укреплена мемориальная доска в честь Налковской. Автором этой статьи опубликовано первое фундаментальное исследование о творчестве Зофьи Налковской (Мусиенко, С. Творчество Зофьи Налковской / С. Мусиенко. – Минск, 1989. – 205 с.), введены в литературоведческий обиход архивные материалы, касающиеся пребывания писательницы в Гродно, при Гродненском университете открыт музей Зофьи Налковской, экспонаты которого в большинстве приобретены на средства С. Мусиенко. На его торжественном открытии 16 мая 1989 г. известный полонист, заслуженный деятель науки, профессор, доктор филологических наук В. А. Хорев сказал: «... сегодня... замечательный день... Он замечателен тем, что открывается музей Зофьи Налковской, который имеет символическое значение. Он символизирует общность польских и белорусских традиций. Здесь, на белорусской земле, где Зофья Налковская провела несколько лет, где ею были задуманы и написаны ее лучшие произведения, появление такого музея вполне правомерно»[22] .

15 – 16 мая 1989 г. в Гродненском университете состоялась первая международная конференция «Творчество Зофьи Налковской и славянские культуры», участниками которой были известные ученые Беларуси, России, Польши. В 1991 г. был издан сборник научных работ «Зофье Налковской посвящается...», в котором опубликованы материалы конференции, выступления участников торжественного открытия музея писательницы и мемориальной доски на доме, в котором она жила. Значение этого издания заключается не только в высоком уровне научных докладов, но и в том, что в нем были опубликованы первые переводы на русский и белорусский языки документальных рассказов и выступлений Зофьи Налковской, в основу которых положены реальные факты об общественной деятельности писательницы по защите прав и опеке заключенных гродненской тюрьмы.

JYZEF MAROSZEK

Biaiystok

WIELKIE KSIKSTWO LITEWSKIE OJCZYZNЃ WIELU NARODYW

Jagiellocska idea pacstwa. DokonujЉce siк dziњ w Europie przemiany powodujЉ, їe siowa granica i pogranicze nabierajЉ nowego wymiaru. Warto spojrzeж na pogranicze jagiellocskie iЉczЉce i integrujЉce narody i struktury pacstwowe tworzЉce jeden organizm. Utrzymanie siк w obszarze Wielkiego Ksikstwa Litewskiego ryїnic dialektycznych, ryїnorodnoњci wartoњci kultury duchowej, aї po dziec dzisiejszy њwiadczy, o pokojowej koegzystencji spoieczecstw i

[22] Зофье Налковской посвящается…

integracyjnej roli jak№ peiniia tu zunifikowana Rzeczpospolita zioїona z dwu organizmyw. Obszar ten w czasach nowoїytnych nie spotkaiy bratobyjcze kataklizmy. Zreszt№ Rzeczpospolita zamieszkaia przez ryїne narodowoњci byia fenomenem w skali europejskiej i na dobr№ sprawк nie posiada innych wspyiczesnych sobie odniesiec.

Przez caiy okres powojenny, w polskim systemie oњwiaty obowi№zywaia tzw. piastowska idea pacstwa. Narzucona w Jaicie rzeczywistoњж geograficzna ograniczaj№ca Polskк do terytorium zbliїonego do pacstwa wczesnopiastowskiego, tego z okresu rz№dyw Mieszka I i Chrobrego koncentrowaia uwagк przede wszystkim na dorzeczu Wisiy, w mniejszym zakresie Odry. Pomijano najczкњciej milczeniem, b№dџ ograniczono do najskromniejszego minimum wiedzк o caikiem innej idei, tak odmiennej od piastowskiej, jagiellocskiej idei pacstwa. Zreszt№ najczкњciej wskazywano jej rzekomo pejoratywne skutki. Z idei jagiellocskiej uczyniono wiaњciwie polskie *drang nach Osten*, kwestiк i№czenia siк Korony Polskiej z Wielkim Ksiкstwem Litewskim w gruncie rzeczy oceniano jako akt agresji, їe polscy panowie postawili sobie za cel podbyj spokojnie їyj№cej ludy – Biaiorusinyw, Ukraiccyw i Litwinyw, a nawet siкgali po wiadzк w Moskwie. W ten sposyb powojenna historiografia socjalistycznej Polski realizowaia stalinowski program, buduj№c i podniecaj№c fobie i nastroje miкdzy podbitymi narodami w zwyciкstwie z III Rzesz№, a przypieczкtowanym porz№dkiem miкdzynarodowym przez zachodnich aliantyw w Teheranie, Jaicie i Poczdamie. Ten stalinowski program, ktyry byi zreszt№ zwyki№ kontynuacj№ imperialnej polityki carskiej Rosji pozostai w mentalnoњci narodyw mieszkaj№cych nad Dnieprem, Niemnem, Dџwin№ i Bugiem, a podtrzymywane przez wielu historykyw, wzmacniaj№cych swe koncepcje egzemplifkacj№ rzekomo odwiecznych krzywd.

Wydaje siк, їe nadszedi by czas zrewidowaж stereotypy, ktyre utrwalii miniony okres w dziejach historiografii i raz jeszcze spojrzeж na ideк jagiellocsk№ pacstwa. Bo przecieї nowoїytne pojкcie pacstwa polskiego, tak jak sam naryd polski uksztaitowai siк w dobie rz№dyw dynastii piastowskiej, a wiaњnie jagiellocskiej, Jagiellonowie byli konstruktorami zarywno jego ksztaitu zewnкtrznego, zasad wewnкtrznej organizacji, w duїym stopniu struktur wewnкtrznych. Jagiellonowie w odryїnieniu od Piastyw nie byli dynasti№ wiadcyw rz№dz№cych w Polsce na zasadach dziedziczenia. Co prawda pierwsza wolna elekcja miaia miejsce dopiero w 1573, ale juї wczeњniej dziewiкciu kolejnych krylyw rz№dziio Polsk№ na zasadach elekcji tronu. Wiaњnie elekcyjnoњж sprawiia, їe doszio do demokratyzacji їycia. Krylowie – Kazimierz Wielki, Ludwik Wкgierski, Wiadysiaw Jagieiio, Wiadysiaw Warnecczyk, Kazimierz Jagiellocczyk, Aleksander Jagiellocczyk, Zygmunt Stary i Zygmunt August dla celyw dynastycznych obdarzali rycerstwo, a pyџniej stan szlachecki uprawnieniami, jako koniecznoњж porozumienia miкdzy monarchami, a stanem szlacheckim w zakresie obsady tronu, a od 1374 r. prowadzenia polityki zagranicznej. Prawa te legiy u podstaw parlamentaryzmu polskiego.

Podstawowy rdzec pacstwa stanowiia *Corona Regni Polonia*e, pojкcie ktyre narodziio siк w czasach panowania Kazimierza Wielkiego. Korona to ziemie zi№czone ze sob№ na zasadzie rywnorzкdnoњci, ktyre zespoliiy siк w jednorodn№ caioњж pacstwow№. Ziemie te juї zaraz w najbliїszych latach po њmierci Kazimierza Wielkiego zwariy siк ze sob№ silnie w jedn№ caioњж. Na te ziemie rozci№gaiy siк przywileje ziemskie. Z tych powoiywai monarcha czionkyw rady krylewskiej. Te ziemie miaiy sejmiki, a pyџniej wybieraiy posiyw na sejm koronny. Te tylko ziemie braiy udziai w obiorze kryla. Byiy to: Wielkopolska (woj. poznacskie i kaliskie), Maiopolska (wojewydztwa krakowskie, sandomierskie i wyodrкbnione z niego w 1494 r. wojewydztwo lubelskie), Kujawy (wojewydztwo brzeskie i inowrociawskie) oraz ziemie: sieradzka, iкczycka i dobrzycska. Do tej Korony wesziy ziemie pyџniej nabyte, ktyre wi№czono poprzez inkorporcjк na prawach peinych: ziemie rawska i gostycska, wi№czone w 1462, sochaczewska 1476, piocka 1495, ksiкstwo mazowieckie 1529, Inflanty 1561, Podlasie 1569 r.

Wokyi *Corona Regni Poloniae,* powstaiy 3 krкgi. Pierwszy z nich to ziemie inkorporowane na prawach niepeinych. W stosunku do nich kryl wystкpowai jako pan i dziedzic. Nie miaiy braж udziaiu w elekcjach, nie korzystaiy z ziemskich przywilejyw koronnych, nie miaiy przedstawicielstwa w radzie koronnej, a pyџniej w sejmie. Inne odrкbnoњci, jakie zachodziiy w organizacji urzкdyw, prawa s№dowego nie miaiy juї dla tej kwestii їadnego istotnego znaczenia.

Ziemie inkorporowane na niepeinych prawach zewsz№d otaczaiy Polskк. Byiy to ziemia wschowska 1343, lwowska, halicka, sanocka, cheimska, beiska, podolska 1352, wielucska 1396, oњwiкcimska 1456, zatorska 1495, Prusy Krylewskie 1454. Z czasem otrzymaiy one prawa peine – ziemia wschowska 1422, lwowska, halicka, sanocka, przemyska 1434, Prusy Krylewskie 1569. Inkorporowane na niepeinych prawach ziemie weszly nastкpnie w skiad wiaњciwego pacstwa polskiego – *Corona Regni Poloniae*. Drugim, kolejnym krкgiem, ktyry otaczai Koronк byiy terytoria zi№czone uni№ – realn№ (zwi№zkiem њciњlejszym), tak byio w przypadku Wielkiego Ksiкstwa Litewskiego 1569 r., i personaln№ (zwi№zkiem siabszym), z Litw№ w latach 1401-1569, Wкgrami, w czasach rz№dyw Ludwika Wкgierskiego i Wiadysiawa Warnecczyka, Saksoni№, w czasach rz№dyw Wettynyw – Augusta II i Augusta III, Szwecj№ (za Zygmunta III Wazy). Trzecim najdalszym krкgiem byia lenna. Nie byiy to lenna takie jak na zachodzie Europy, powstaie na gruncie rozwoju prawa feudalnego, w wyniku przetwarzania siк ksiкstw. Lenna, ktyre otaczaiy Polskк byiy wszystkie pacstwami pierwotnie niezaleїnymi, ktyre nastкpnie uznaiy zwierzchnictwo Polski. Lennami byiy ksiкstwa mazowieckie od czasyw Kazimierza Wielkiego, od 1351 r., ziemia beizka w l. 1396-1462, Podole w XIV i pocz№tku XV w. i Pomorze, Moidawia, Woioszczyzna. Lenna niekiedy przechodzii poprzez inkorporacjк przesziy w zwi№zek њciњlejszy: Mazowsze, Beiz, Podole.

Innym zwi№zkiem siabszym od inkorporacji, ktyra byia kwesti№ prawa pacstwowego i unii oraz lenna, byia wspyipraca z innymi pacstwami na gruncie i№cznoњci dynastycznej. Usiiowali Jagiellonowie rz№dz№cy w Polsce kilkakrotnie pozyskaж dla siebie i swej rodziny wiadzк w Czechach i na Wкgrzech. Powiodio siк to, gdy pacstwa te znalaziy siк w rкkach Wiadysiawa Jagiellocczyka: Czechy od 1471, Wкgry od 1490. Zwi№zek ten polegai na tym, їe rodzina Jagiellonyw uznawaia swoj№ i№cznoњж. Zwi№zki z wiadcami Czech i Wкgier dawaiy przez jakiњ czas perspektywк na utworzenie jakiejњ szerszej konglomeracji niї jedno pacstwo. Te wiкzy siabe zreszt№ rozerwaiy siк po klкsce mohackiej w r. 1526. Waїnym etapem we wspyipracy z innymi krajami byiy oїenki wiadcyw Wкgier, Szwecji i Brunszwiku z cyrkami Zygmunta Starego.

W odryїnieniu od pacstw zachodnich, ktyre swoje terytoria powiкkszaiy drog№ wojen i podbojyw Rzeczpospolita rozrastaia siк, poprzez rozszerzania demokratycznych uprawniec. Tak powstai naryd polski, pocz№tkowo ograniczony do stanyw szlacheckiego i duchownego, stale jednak i pyџniej rozszerzaj№cy swyj zakres o inne grupy spoieczne. W upowszechnianiu praw tkwi podstawowa zasada konstrukcji nowoїytnego pacstwa polskiego, wieloetnicznego, wielokulturowego i wieloreligijnego. Podstawowe znaczenie mieli konstruktorzy tego organizmu – Jagiellonowie [1].

Bardzo istotne byiy umiejscowiania rezydencji monarszej na pograniczu Korony i Litwy. Kolejno w czasach Zygmunta Augusta w Knyszynie i Tykocinie, w czasach Stefana Batorego w Grodnie, a Zygmunta III w Warszawie[2]. Szczegylnie obecnie, kiedy wobec dokonuj№cych siк w Europie przemian siowa granica i pogranicze zaczynaj№ nabieraж nowego wymiaru, warto spojrzeж na pogranicze jagiellocskie i№cz№ce i integruj№ce narody i struktury pacstwowe tworz№ce jeden organizm. Tak byio w l. 1385-1795, gdy granica pomiкdzy Wielkim Ksiкstwem Litewskim i Koron№ Polsk№ byia jedynie symbolicznym limes. Przykiadem mog№ siuїyж doliny rzek Brzozywki, Netty, Pruskiej, gdzie od 1358 do 1795 r., spotykaiy siк dwie struktury pacstwowe, ryїny etnos, a jednak tworz№cy jednolit№ kulturк i wspyiїyj№cy ze sob№ zgodnie. Utrzymanie siк ryїnic dialektycznych, duchowych wartoњci kultury ludowej aї po dziec dzisiejszy њwiadczy o pokojowej koegzystencji tych spoieczecstw i integracyjnej roli jak№ peiniia zunifikowana Rzeczpospolita zioїona z dwu organizmyw. W efekcie pacstwo zamieszkaie przez ryїne narodowoњci byio fenomenem w skali europejskiej i w zasadzie nie posiadaio innych wspyiczesnych mu odniesiec. Przepiywy kulturowe byiy ogromne. Powstaia w XIV-XVIII w. kultura byia wspylna i dziњ do dziedzictwa tego przyznaj№ siк w rywnym stopniu Polacy, Biaiorusini i Litwini. Dotyczy to tak zabytkyw architektury i budownictwa, urbanistyki i planowania krajobrazu, ale rywnieї literatury piкknej, tradycji historycznej, kultury muzycznej etc. Zasada zgodnego wspyiїycia ryїnych grup etnicznych, wyznaniowych na obszarze dzisiejszej Biaiostocczyzny, Suwalszczyzny, Grodziecszczyzny, Wilecszczyzny to spadek po Jagiellonach, ktyrzy w szczegylny sposyb dbali o pogranicze, kolonizuj№c je, zakiadaj№c siedziby dworskie, buduj№c

zamki, fundujЉc koњcioiy i cerkwie, zakiadajЉc szkoiy, szpitale dla kalek. Akt unii 1569 r. byi jednoczeњnie fundamentem tej pogranicznej harmonii, zasady estetycznej, ktyrЉ propagowano w programach artystycznych, a ktyrЉ to harmonik potrafili Jagiellonowie, ich serwitorzy, dworzanie i dygnitarze posiadajЉcy na tym terenie swe majЉtki wcieliж w ïycie spoieczne. Harmonia wspyiïycia spoiecznego przejawiajЉca sik w zgodnym bytowaniu sЉsiedzkim, wspylnej kulturze materialnej i duchowej naleïy do najwikkszych zabytkyw renesansu na obszarze historycznej Rzeczpospolitej.

Podobnie byio z pograniczem Mazowsza, Podlasia i Litwy z Prusami. Ziamanie potkgi krzyïackiej w 1410 r. w bitwie grunwaldzkiej zakocczyio na tym obszarze okres wojen. Pokyj jaki tu zapanowai stwarzai moïliwoњci rozwoju osadnictwa i gospodarki. Granice z pacstwem Krzyïackim ustalone w 1422 r. w pokoju nad jeziorem Melno z LitwЉ, pokoju torucskim w 1466 r. z PolskЉ okazaiy sik niezwykle trwaie, respektowano je do 1795 r., a w zasadzie, aï do 1945 r. Nienaruszalnoњж granicy pruskiej wynikaia przede wszystkim z faktu, ïe Prusy Zakonne (od 1525 r. KsiЉïkce) stanowiiy aï do potopu szwedzkiego, do 1657 r. lenno Polski. Obszar ten zasiedliia wikc w drodze pokojowej kolonizacji ludnoњж mazowiecka i litewska, nim absolutystyczne Prusy nie zakazaiy tego osadnictwa i przystЉpiiy do sprowadzania osadnikyw z Saltzburga i innych ksikstw niemieckich.

Przez ten obszar kulturowy w toku dziejyw przepruto granice polityczne w 1795, 1807, 1815, 1944 r. ktyre jednak nie iЉczyiy, a wrkcz przeciwnie dokonywaiy dalekich podziaiyw, dewastowaiy zabytki, rugowaiy spuњciznk kulturalnЉ, niwelowaiy harmonik spoiecznЉ. Zniszczenia, ktyre niysi ze sobЉ absolutyzm krylyw Prus, samodzierïawcyw caryw Rosji, wreszcie totalitarne systemy, ktyre w XX wieku budowaiy na tym terenie swoje wiadztwo nie liczyiy sik z potrzebami mieszkajЉcych w dorzeczach rzek: Niemna, Narwi i Biebrzy spoieczecstw. Odbieranie њwiЉtyc i przekazywanie je innym konfesjom, kasaty wspylnot zakonnych, konfiskaty majЉtkyw, i mienia, deportacje i zsyiki, tzw. repatriacje to wszystko w tragiczny sposyb wpiynkio na zatracanie renesansowej harmonii stworzonej tu przez monarchyw Jagiellonyw: przede wszystkim Aleksandra Jagiellocczyka, Zygmunta Starego, jego ïonk Bonk i Zygmunta Augusta, a kontynuowane w szczegylny sposyb przez wïenionego do tej dynastii Stefana Batorego. Tragiczny obraz zniszczonego њrodowiska kulturowego przedstawia w dzisiejszej Polsce tzw. Њciana Wschodnia obszar rozciЉgajЉcy sik wzdiuï granicy pacstwowej z BiaorusiЉ z zanikajЉcym osadnictwem, zarzuconЉ gospodarkЉ rolnЉ, wtyrnym zalesianiem pyl uprawnych. Po obu stronach granicy pacstwowej zniszczeniem padiy siedziby ziemiacskie, paiace, dwory, parki, zgromadzone w nich dobra kultury. Na terenie Biaiorusi i Litwy, w czasach ZSRR usiiowano zniwelowaж osiЉgnikcia kultury chrzeњcijacskiej nie tylko w zakresie kultu religijnego, ale rywnieï w zakresie budownictwa sakralnego, wyposaïania wnktrz њwiЉtyc, nekropoli. Dziaiano na њwiadomoњж tak, by oderwaж spoieczecstwo od wiasnych tradycji, ktyre starano sik zastЉpiж kosmopolitycznym ateizmem, antyteizmem i obcЉ kulturЉ narodowЉ [3].

Litwini. W 1569 r. zagroïenie ze strony Moskwy spowodowaio uchwalenie na sejmie litewskim aktu unii polsko-litewskiej. Najwaïniejszymi postanowieniami byiy: Korona Polska i Wielkie Ksikstwo Litewskie stanowiЉ jedno, nierozdzielne pacstwo. Oba kraje majЉ posiadaж jednego kryla, wybieranego wspylnie, koronowanego w Krakowie, wspylne sejmy, wspylnЉ monetk, wspylnЉ politykk zagranicznЉ, wolnoњж osiedlania sik Polakyw i Litwinyw w obu krajach, osobne, ale jednakowe urzkdy, skarb i wojsko. Od 1569 r. polska elita arystokratyczna odgrywaia znaczЉcЉ rolk w kreowaniu polityki wschodniej Rzeczypospolitej. W procedurze dyplomatycznej dotychczasowy model stosunkyw litewsko-rosyjskich ulegi peinej przebudowie. Poczucie wikzi, opartej na wspylnocie jkzyka i tradycji historycznych, takïe religijnych, ulegi dekompozycji, pod wpiywem okcydentalizujЉcym wpiywem kultury polskiej. W jednym pokoleniu elity obu Wielkiego Ksikstwa Litewskiego i Wielkiego Ksikstwa Moskiewskiego pacstw caikowicie sik od siebie oddaliiy.

Polacy. Polacy tworzyli elitk spoiecznЉ. Skiadaia sik ona z wiaњcicieli ziemskich – ziemiacstwa, szlachty, duchowiecstwa iacicskiego, przede wszystkim zakonnego, ale teï czkњci mieszczan. Ywczeњni Polacy wnieњli istotny cywilizacyjny wkiad w rozwyj tych terenyw. W ostatnich latach sformuiowano termin, «naryd polityczny» [4], termin nie znany џrydiom historycznym, a stworzono we wspyiczesnych nam czasach.

Termin ten jednak nie wytrzymuje krytyki. PodstawowЉ bowiem kwestiЉ byiy przemiany wyznaniowe. Magnaci i szlachta, genetycznie wywodzili siк przede wszystkim z prawosiawia, w XVI w. angaїowali siк w reformacjк, by w XVII w. odejњж od kalwinizmu na rzecz Koњcioia rzymskokatolickiego. TakЉ historiк rodzinnЉ mieli m.in. Chodkiewiczowie, Ostrogscy, Ogicscy, Masalscy. Przyjкcie wyznac reformacyjnych, pyџniej z kolei rzymskiego katolicyzmu prowadziio do polonizacji Rusinyw.

Biaiorusini. OgromnЉ wiкkszoњж mieszkaccyw dawnego Wielkiego Ksiкstwa Litewskiego stanowili chiopi, ktyrzy nie przynaleїeli do stanu szlacheckiego, nie aspirowali do przynaleїnoњci narodu polskiego, ktyrego zasiкg obejmowai wyїsze warstwy spoieczne. Chiopi teї stali siк podstawowym trzonem narodu biaioruskiego. Po 1839 r. zostali oddzieleni od innych grup spoiecznych zasadЉ przynaleїnoњci do Koњcioia prawosiawnego. Przerwaniu teї ulegiy wiкzi, jakie stwarzai wczeњniej Koњciyi unicki.

Їydzi. W 1264 roku ksiЉїк kaliski Bolesiaw Poboїny wydai dla Їydyw statut kaliski – bezprecedensowЉ na tle ywczesnej Europy gwarancjк praw Їydyw, ktyrych wiadca wyjЉi spod jurysdykcji miejskiej i bezpoњrednio poddai sЉdom ksiЉїкcym. W 1334 roku Kazimierz III Wielki rozszerzyi postanowienia statutu kaliskiego na caie Krylestwo Polskie. W poiowie XIV wieku do Polski napiynкia kolejna fala uchodџcyw z zachodu, gdzie Їydzi byli przeњladowani z powodu epidemii dїumy, o ktyrej rozprzestrzenianie ich oskarїano. W 1388 roku kryl Wiadysiaw Jagieiio rozszerzyi postanowienia statutu kaliskiego na caie Wielkie Ksiкstwo Litewskie.

W XVI – XIX w. n obszar WKL napiywaiy nowe fale osadnikyw їydowskich, uchodџcyw przed przeњladowaniami w Niemczech, Rosji, Austrii i Prus.

Rzeczpospolita przedrozbiorowa byia jednym z najbardziej tolerancyjnych pacstw w Europie, staia siк wiкc domem dla jednej z najwiкkszych i najdynamiczniej rozwijajЉcych siк spoiecznoњci їydowskich. Nieprzypadkowo teї wspyiczeњni nazywali ywczesnЉ Polskк rajem dla Їydyw (iac. *paradisus Iudaeorum*), a szesnastowieczny rabin krakowski Mojїesz ben Israel Isserles podkreњlai, їe *jeњliby Byg nie dai Їydom Polski jako schronienia, los Izraela byiby rzeczywiњcie nie do zniesienia*

W drugiej poiowie XVI wieku wiadze pacstwowe anulowaiy niektyre przepisy ograniczajЉce dziaialnoњж finansowЉ Їydyw. Dziкki temu Їydzi mogli rozwinЉж system kredytyw udzielanych pod zastaw nieruchomoњci. Najwiкkszymi їydowskimi bankierami byli w tym czasie: m.in. ryd Ezofowiczyw z Brzeњcia Litewskiego. Powstaiy wywczas centra operacji kredytowo-pieniкїnych w Rzeczypospolitej m.in.; Brzeњж Litewski i Wilno na Litwie. Najwiкksi їydowscy bankierzy uїyczali poїyczek wszystkim monarchom polsko-litewskim.

W 1623 roku nastЉpiio odiЉczenie siк Їydyw litewskich od Їydyw polskich. Towarzyszyio temu utworzenie osobnych instytucji samorzЉdowych z Sejmem Їydyw Pacstwa Litwy i Sejmem Їydyw Korony.

W 1645 roku wszystkie їydowskie gminy na Litwie uzyskaiy przywilej «*de non tolerandis christianis*».

Tatarzy. Wielki ksiЉїк Witold utworzyi z osiedli tatarskich pas obronny, wzdiuї granicy Їmudzkiej i w okolicach warownych zamkyw na Litwie – obok Trok, Wilna, Kowna, Lidy, Krewa, Nowogrydka, Grodna. Osadnictwo tatarskie miaio wyraџne znamiк obronne oraz strategiczne, jako ochrona nadgraniczna przeciwko Zakonowi Krzyїackiemu i Zakonowi Kawaleryw Mieczowych. Tatarzy litewscy uwaїali Witolda za swego chana i obroccк, i do kocca lat trzydziestych naszego stulecia wymieniali jego imiк w swoich modlitwach.

Prawa szlacheckie Tataryw tzw. hospodarskich, zostaiy usankcjonowane i potwierdzone oficjalnie, przez dwa przywileje kryla Zygmunta Augusta z lat 1561 i 1568 oraz przez szereg innych przywilejyw nastкpnych krylyw, i tak – przez Stefana Batorego z roku 1576, Zygmunta III z roku 1609, Wiadysiawa IV z roku 1634, Michaia Korybuta Wiњniowieckiego z roku 1669, oraz przez szereg konstytucji sejmowych.

Tatarzy uїywajЉcy na Litwie tytuiu kniaziyw, byli najbliїszymi krewnymi lub potomkami czionkyw dynastii panujЉcej w Ziotej Ordzie. Byia to pierwsza, najmniej liczna grupa tatarskiej arystokracji. Tytuiy owe zatwierdzai kryl i sejm Rzeczpospolitej w kaїdym przypadku osobno.

Powstanie listopadowe poparia niemal caia ludnoњж tatarska dawnego WKL. Wielu walczyio w oddziaiach partyzanckich, inni w armii Krylestwa Polskiego. Udziai w powstaniu listopadowym sprowadzii na nich represje wiadz rosyjskich. Wielu rodzinom tatarskim skonfiskowano maj№tki. Do powstania styczniowego w 1863 r. ludnoњж tatarska odniosia siк їyczliwie, chociaї jej udziai w walkach nie byi wielki. Brali teї udziai w walkach z wojskami bolszewickimi w 1920 r.

Wielkorusini. W 1667 roku, uznano raskolnikyw za przestкpcyw. Odt№d poddani zostali krwawym przeњladowaniom. Czкњж wyznawcyw – chroni№c siк przed przeњladowaniami ze strony wiadz carskich i cerkiewnych – emigrowaia do Wielkiego Ksiкstwa Litewskiego i polskich Inflant.

W 1779 r. staroobrzкdowcy uzyskali zgodк wiadz Rzeczypospolitej na swobodne odbywanie praktyk religijnych [5].

Koњciyi unicki. U podstaw biaioruskiej њwiadomoњci narodowej, wyryїniaj№cej to spoieczecstwo od Rosjan, Polakyw, Litwinyw byi Koњciyi unicki. Jego korzenie na tym terenie siкgaj№ czasyw unii florenckiej 1439 r., realizowanej w czasach Witolda wraz Wiadysiawem Jagieii№ przez metropolitк caiej Rusi Grzegorza Camblaka, pyџniej przez Izydora i Jyzefa Buiharynowiczas (1498-1501).

Najwiккszy oczywiњcie wpiyw miaia realizacja unii brzeskiej 1596 r. Ogromn№ rolк odegrai synod zamojski unickiego duchowiecstwa, przeprowadzony w 1720 r., ktyry byi niezwykle istotny dla upodobniania siк Koњcioia unickiego do Koњcioia rzymskokatolickiego, zarywno co do liturgii, jak jкzyka, otworzyi szeroko bramк dla procesyw latynizacji i polonizacji Cerkwi. Byia to niew№tpliwie reakcja na dziaiania podjкte przez cara Piotra I, ktyry podporz№dkowywai sobie prawnie Rzeczypospolitк poprzez narzucenie na sejmie niemych zwierzchnictwa, drastycznych zachowac samego cara i morderstw unickich zakonnikyw bazylianyw w klasztorze poiockim przy soborze њw. Sofii.

Cerkiew unicka byia instytucj№, ktyra umoїliwiaia zawieranie mieszanych maiїecstw, tworzenia kultury opartej na dorobku cywilizacyjnym zarywno bizantycskiego Wschodu, co i iacicskiego Zachodu. Procesy integracyjnie brutalnie przerwai ukaz carski 1839 r., ktyry w zasadniczy sposyb poryїnii ze sob№ wyznawcyw obu konfesji. Skutki tego s№ widoczne po dziec dzisiejszy [6].

Biskupstwo wilecskie. Ksi№їк Witold starai siк o utworzenie odrкbnej metropolii wilecskiej. Biskupstwo wilecskie powoiane zostaio w 1388 r. przez papieїa Urbana VI. Nowa diecezja objкia swymi granicami caie ywczesne WKL (bez Їmudzi, ktyra posiadali Krzyїacy) i powstaiych wczeњniej diecezji wiodzimierskiej, kamienieckiej i pyџniejszej diecezji kijowskiej.

W 1400 r. papieї Bonifacy IX mianowai na proњbк Witolda biskupem wiodzimierskim dominikanina Grzegorza. Ten sam papieї na proњbк kryla Wiadysiawa Jagieiiy mianowai biskupem w Jucku karmelitк Њwiкtosiawa, dziel№c tym samym dotychczasow№ diecezjк wiodzimiersk№ na dwie: iuck№ i wiodzimiersk№, ta ostatnia pozostaia po stronie litewskiej.

Witold pisai do papieїa: *«Mam mocne postanowienie, jeїeli tylko Byg pobiogosiawi, by na ziemiach mego panowania, w odpowiednim czasie udotowaж i erygowaж arcybiskupstwo-metropoliк.»*

Okolice szlacheckie. Centra wiadzy hospodarskiej w Wielkim Ksiкstwie Litewskim takie jak: Wilno, Troki, Lida, ale rywnieї o mniejszym znaczeniu, siedziby starostw i dzierїaw otaczaiy wokyi dawne wsie bojarskie. Tak teї byio we wioњciach prywatnych wielkich panyw litewskich. Tam rywnieї wzdiuї zewnкtrznych granic dybr ziemskich magnackich i wielkopacskich osadzane byiy wsie bojarskie. Przeksztaiciiy siк one pod wpiywem zmian prawnych, infiltracji praw koronnych i rozwoju parlamentaryzmu w okolice szlacheckie

Na przykiad Rubieїewicze ze wszystkich stron byiy okr№їone zaњciankami polskiej szlachty. To Mikulicze, Їdanowicze, Downarszczyzna, Tatarszczyzna, Downary, Ruczyn, Padzierna, Aleksandrowo itd. Ich nazwiska to: Jankowscy, Tataryccy, Kulikowscy, Czaicscy, Puchacewicze, Wesoiowscy, Sobolewscy, Koiiontajowie, Czarnieccy, Ratycscy, Mickiewiczowie, Tumiiowiczowie i inni. Jeszcze dziњ maj№ polskie imiona. Teraz wiккszoњж z nich naleїy do koichozu, ktyry nosi imiк Janka Kupaiy.

Podobnie licznie osady takie zlokalizowane s№ w obszarach zarywno dzisiejszej zachodniej, jak i wschodniej Biaiorusi. Wiкkszoњж dawnych mieszkaccyw okolic szlacheckich stanowi№ katolicy, czy teї osoby pochodzeniem rodzinnym zwi№zane z katolicyzmem. Prawa szlacheckie grupom tym odebrai car, domagaj№c siк przekiadania dowodyw heraldycznych z kilku pokolec, kosztownych i trudnych do przeprowadzenia. Wyzuto z prawnego szlachectwa ogromn№ rzeszк szlachty ziem dawnego Wielkiego Ksiкstwa Litewskiego dawniej, w czasach przedrozbiorowych wyposaїonych w prawa wyborcze i s№dowe. Polskoњж tej grupy pozostaia w przynaleїnoњci do krкgu kulturowego, religii i kultury [7].

Spis literatury

1. Kutrzeba, S. Charakter i wartoњж unji polsko-litewskiej / S. Kutrzeba // Ksiкga pami№tkowa ku uczeniu czterechsetnej rocznicy wydania pierwszego statutu Litewskiego. – Wilno, 1933. – S. 1 – 13.
2. Maroszek, J. Pogranicze Litwy i Korony w planach kryla Zygmunta Augusta / J. Maroszek. – Biaiystok, 2000.
3. Maroszek, J. Przewodnik historyczno-turystyczny po dziedzictwie kulturowym pogranicza Polska-Litwa-Kaliningrad / J.Maroszek. – Biaiystok, 2007.
4. Suchocki, J. Formowaёnie siк i skiad narodu politycznego w Wielkim Ksiкstwie Litewskim pyџnego њredniowiecza / J. Suchocki //Zapiski Historyczne. – T. XLVIII. – Z. 1 – 2. – 1983.
5. Iwaniec, E. Z dziejyw staroobrzкdowcyw na ziemiach polskich /E. Iwaniec // Eikon staroobrzкdowy / pod red. M. Olejnika, J. Tomalskiej. – Warszawa, 1977.
6. Unia brzeska geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodyw siowiacskich / pod red. R. Juznego, F. Ziejki, A. Kкpicskiego. – Krakyw, 1994; Unia brzeska z perspektywy czterech stuleci / pod red. J.S. Gajek, S. Nabywaniec. – Lublin, 1998; Maroszek, J. Dziedzictwo unii koњcielnej w krajobrazie kulturowym Podlasia 1596 – 1996 / J.Maroszek. – Biaiystok, 1996.
7. Kanzicska, I. Wњryd «koњcielnych Polakyw' Wyznaczniki toїsamoњci etnicznej (narodowej) Polakyw na Biaiorusi / I.Kanzicska. – Warszawa, 1999; Porzecki, J. Rozwyj osadnictwa drobnoszlacheckiego nad rzek№ Њwisiocz№ na Grodziecszczyџnie / J.Porzecki // Rozwyj szlachty mazowieckiej w ksztaitowaniu polskiego krajobrazu kulturowego. – Ciechanyw, 2000. – S. 284 – 302.

FELIKS CZYЇEWSKI

Lublin

IMIONA TYPU *STEFAN : STEPAN, FEODOR : TEODOR, TEODORA : CHWEDORA* W INSKRYPCJACH NEKROPOLII WSCHODNIEJ POLSKI

W niniejszym szkicu zwrycimy uwagк na status spyigioski f i jej odpowiedniki utrwalone w imionach znajduj№cych siк w inskrypcjach nagrobnych na cmentarzach Podlasia i Cheimszczyzny.[1] Wymieniony obszar jest typowym pograniczem kulturowym i jкzykowym zamieszkanym przez ludnoњж etnicznie wschodniosiowiacska, ruska i polska. Jкzyk pogranicza charakteryzuje siк m.in. odmiennoњci№od jкzyka, jakim posiuguj№ siк mieszkaccy centrum etnicznego. Na Podlasiu i Cheimszczyџnie istniej№ obok siebie dwa ryїne, chociaї spokrewnione ze sob№ jкzyki – polski i ukraicski. Ten pierwszy ma postaж polszczyzny kresowej i zawiera obok elementyw rodzimych wiele cech przeniesionych w wyniku interferencji, drugi zaњ – to archaiczne gwary zachodniopoleskie, przynaleїne do jкzyka ukracskiego. Jкzyk napisyw nagrobnych, w szczegylnoњci imiennictwo, odzwierciedla tradycjк Cerkwi prawosiawnej, w mniejszym stopniu lokaln№ mowк.

[1]Przedstawiony materiai moїe byж przyczynkiem w zakresie badac fonetycznych nad pograniczem polsko-wschodniosiowiacskim [por. Malec 1994].

BкdЉce przedmiotem opisu inskrypcje zostaiy zebrane z cmentarzy giywnie prawosiawnych, ale teї greckokatolickich i mieszanych – prawosiawnych /greckokatolich/ rzymskokatolickich, znajdujЉcych siк na badanym terenie [Czyїewski 2008, Czyїewski 2009]. Dokumentacja inskrypcji obejmuje okres XIX i XX wieku, stЉd teї interpretacja filologiczna napisyw cmentarnych uwzglкdnia historiк lokalnЉ. Podlasie i Cheimszczyzna do 1918 roku pozostajЉ w zaborze rosyjskim. Do roku 1875 cmentarze sЉ wiasnoњciЉ giywnie Cerkwi greckokatolickiej, w mniejszym stopniu Cerkwi prawosiawnej i wreszcie Koњcioia rzymskokatolickiego. Pyџniej wraz z likwidacjЉ Cerkwi greckokatolickiej cmentarze stajЉ siк wiasnoњciЉ Koњcioia bЉdџ Cerkwi. Z kolei w latach 1918 - 1939 cmentarze przynaleїЉ giywnie do Koњcioia rzymsko-katolickiego, w mniejszym stopniu neounickiego (giywnie w latach 20. XX w.) i Cerkwi prawosiawnej. W okresie II wojny, szczegylnie w latach 1941 – 1944, wzrasta na Podlasiu i Cheimszczyџnie znaczenie Cerkwi prawosiawnej. W tym okresie na lokalnych nekropoliach prawosiawnych zwiкksza siк liczba napisyw pisanych graїdankЉ, w tym utrwalanych w alfabecie ukraicskim. Wreszcie okres powojenny charakteryzuje siк zmianЉ proporcji miкdzy czynnymi a zamkniкtymi nekropoliami prawosiawnymi. W wyniku decyzji politycznych w latach 1944 - 1947 autochtoniczna ludnoњж ukraicska i prawosiawna zostaje wysiedlona prawie w caioњci z Cheimszczyzny i w mniejszym stopniu z Podlasia (na pyinoc od Wiodawki). W rezultacie zmniejsza siк zasadniczo liczba czynnych nekropolii prawosiawnych. Obecnie inskrypcje znajdujЉce siк na krzyїach i nagrobkach wielu zamkniкtych nekropolii sЉ czкsto nieczytelne.

Zebrany materiai obejmuje ponad 12000 inskrypcji zapisanych w kilku alfabetach, majacych za podstawк giywnie cyrylicк i iacinkк. Stosunkowo duїЉ czкњж stanowiЉ inskrypcje utrwalone w alfabecie rosyjskim, zarywno tym sprzed reformy 1918 roku, jak i obecnie obowiЉzujЉcym. OdrкbnЉ grupк stanowiЉ w alfabecie ukraicskim. Do wyjЉtkowych naleїЉ zapisy w alfabecie greckim. Napisy podane graїdankЉ sprzed 1918 zawierajЉ nastкpujЉce litery: А Б В Г Д Е Ж З И І Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я V (iїyca) И h (jat’). Z kolei po reformie ortograficznej zostajЉ usunikte nastкpujЉce litery: I, V, И, h oraz zaprzestano uїywania Ъ na koccu wyrazu jako wyznacznika spyigioski twardej [por. Dulewiczowa 1993, 63].

W analizowanym materiale jako egzemplifikacjк stanu ortografii rosyjskiej sprzed reformy moїna przywoiaж inskrypcjк z cmentarza prawosiawnego w Biaiej Podlaskiej z 1908 (znakiem: / sygnalizuje siк koniec wersu), por.:

КАПИТАНЪ / КОНСТАНТИНЪ / ИВАНОВИЧЪ / ДОМБРОВСКІЙ /СКОНЧ. 2 МАРТА 1896 Г./ НА 36 ГОДУ ЖИЗНИ / ЮЛІЯ /ПЕТРОВНА / ДОМБРОВСКАЯ / СКОНЧ. 28 АПРhЛЯ 1908 Г./ НА 77 ГОДУ ЖИЗНИ / МИРЪ ПРАХАМЪ ВАШИМЪ /

W artykule zostanЉ przywoiane zapisy imion zawierajЉce gioskк (literк) *f* oraz zapisy imion, w ktyrych wystкpujЉ substytucje tej gioski. Imiona wystкpujЉce w inskrypcjach majЉ genezЉ cerkiewnosiowiacskЉ i funkcjonowaiy jako poїyczki proprialne w okresie dwych stuleciu w jкzykach rosyjskim, ukraicskim i polskim badanego obszaru. Obok oficjalnych form imienniczych przyjкtych przez Cerkiew i Koњciyi i utrwalonych w napisach nagrobnych znajdujemy inskrypcje zawierajЉce warianty imion uksztaitowanych pod wpiywem lokalnych gwar ukraicskich i polskich. Gioska *f* wystкpujЉca w zapisach rosyjskich jest oznaczana za pomocЉ dwych znakyw, w inskrypcjach XIX-wiecznych i poczЉtku XX w. w postaci znaku *И*, z kolei pyџniejsze zapisy majЉ literк *Ф*.

Naleїy zaznaczyж, їe jкzyk rosyjski na tym terenie uїywany byi jako oficjalny w okresie zaboru (do 1918 r.), a wiкc posiugiwano siк nim w urzкdach, szkoiach i w cerkwi . Inny jest status dwych pozostaiych jкzykyw – ukraicskiego i polskiego, istniejЉcych tutaj od stuleci. Wymienione jкzyki i ich dialekty oddziaiywaiy na siebie , w konsekwencji dochodziio do interferencji jкzykowych.

Czynnikiem pozajкzykowym, wpiywajЉcym na rodzaj substytucji, byia obecnoњж na badanym obszarze Koњciyia i Cerkwi. Wzajemne przenikanie siк dwych systemyw imienniczych – polskiego (katolickiego, pyџniej teї greckokatolickiego[2]) i ruskiego (prawosiawnego) prowadzi do wyodrкbnienia substytucji *f* > *t* [Tichoniuk 2000, 23].

Miejsce gioski *f* w systemach dwych s№siaduj№cych ze sob№ jкzykyw jest ryїne. W jкzyku polskim *f* ma status fonemu, w drugim zaњ stan i zakres wystкpowania gioski *f* jest zryїnicowany (genezк substytucji *f* w historii jкzyka ukraicskiego omywii J. Shevelow [Shevelow 2002, 803 - 807], w dialektach zaњ syntetycznie przedstawia *Atlas gwar ukraicskich* [AUM I-III, Frolak 2002, 2002a]). W gwarach poiudniowo-zachodniuoukraicskich fonem *f* charakteryzuje siк duїym obci№їeniem funkcjonalnym, z kolei w gwarach pyinocnych i wschodnioukraicskich etymologiczne *f* (wystкpuj№ce w wyrazach zapoїyczonych) jest zastкpowane przez *x, xv, k, t.* Ten typ substytucji jest znany rywnieї w gwarach ukraicskich poiudniowego Podlasia, tj. w gwarach zachodniopoleskich [por. Czyїewski 1995].

Z kolei spyigioska *p* na miejsce etymologicznego *f* jest znana zarywno w jкzyku ukraicskim, jak i polskim. Wymienion№ substytucjк uznaж naleїy za cechк ogylnosiowiacsk№[3] ; typow№ dla wczesnych zapoїyczec w jкzyku polskim i ukraicskim. W analizowanym materiale gioskк *p,* bкd№c№ substytutem, uznaж trzeba na tle wspyiistniej№cych jкzykyw jako cechк ukraicsk№.

W analizowanym materiale imienniczym da siк wyryїniж nastкpuj№ce substytucje: a) f > t, b) f > p, c) f > x, d) f > xv. W poszczegylnych egzemplifikacjach przywoiuje siк formy znormalizowane w zapisie iacicskim, nastкpnie etymologiк wediug ukiadu zaproponowanego przez Tichonika [Tichoniuk 2000], nastкpnie podaje siк w nawiasie frekwencjк poњwiadczonych w inskrypcjach form. Materiai dokumentacyjny przytacza siк zgodnie z ich postaci№ utrwalon№ w inskrypcjach nagrobnych.

Oto materiai[4] :

A. Substytucja f > t

Wymieniona substytucja, wystкpuj№ca w imionach utrwalonych w inskrypcjach, odzwierciedla wzajemne wpiywy ruskie (prawosiawne) i polskie (rzymskokatolickie). W analizowanym materiale wyst№piiy nastкpuj№ce pary imiennicze: *Afanasij : Atanazy, Faddiej : Tadeusz, Fieodor : Teodor, Fiedora : Teodora, Fieodosij : Teodozy, Fiokla : Tekla, Foma : Tomasz, Marfa : Marta, Matfij : Mateusz, Timofiej :Tymoteusz.*

AFANASIJ : ATANAZY

Formy: Fanas, Afanasij, Afanazij, Afanazy : Atanazy.

Etym: gr Athanasios, iac. Athanasius, cerk. Afanasij.

FANAS(1): FANAS HOW-I-0203, AFANAS (1): АФАНАСА НА-095,AFANASIJ (2): АИФАНАСІЙ DCZE-2455, АФАНАСІЙ НА-038,AFANAZIJ (1): АФАНАЗИЙ ZAB-6429, AFANAZJA (1): AFANAZJA CH-4569,AFANAZY (2): AFANAZY SLA-13, KC-II-0580 - ATANAZY (2): ATANAZY KC-II-0575, CH-4855.

FADDIEJ : TADEUSZ

Formy: Faddiej, Fadiej : Tadej.

Etym. gr. Thaddios, iac.Thaddaeus, cerk. Faddiej.

FADDIEJ (1): ИАДДЕЙ NW-3622, FADIEJ (3): ИАДДЕЙ НА-088, PN-4204 ФАДЕЙ CHKA-7302 - TADEUSZ (23): TADEUSZ CH-4653, KYN-7703, CH-4467, CH-4523, CH-5159, CH-5224, CHKA-7299, HOW-II-0427, KL-I-997, CH-4444, CH-4815, M-II-468, M-II-468, CH-4266, CH-4368, CH-4459, CH-4502, CH-4830, CH-4923, HOW-I-0292, CH-4592, CH-4720, CH-4999.

---

[2]Wpiyw jкzyka polskiego na imiennictwo wschodniosiowiacskie zdaniem B. Tichoniuka «(...) wzrasta od XVII w. na skutek wyrugowania z Cekwi unickiej odmianki ruskiej jкzyka cerkiewnego i zast№pienie go polskim»[Tichoniuk 2000, s. 22 - 23].

[3]Zagadnienie dotycz№ce obcego *f* i jego substytucji w imionach ma bogat№ literaturк, por. Taszycki 1938, Zwolicski 1948, Reczek 1965, 1966, Kowalik-Kaleta 1975, Karpluk 1977, Malec 1994.

[4]Wykaz џrydei inskrypcji nagrobnych uzyskanych na podstawie dokumentacji fotograficznej przeprowadzonej w latach 2006-2007 w terenie. Zapis skiada siк ze skrytu miejscowoњci, numeru inskrypcji, nazwy miejscowoњci, numeru wsi , nazwy gminy i powiatu. Wszystkie punkty znajduj№ siк na terenie wschodniej Lubelszczyzny.

BO 4049 - BO 4176 Brzeџno 51, gm. Dorohusk, pow. cheimski.

BPA 9313 – BPA 9364 Bokinka Panska 26, gm. Tuczna, pow. Biala Podl.

FIEODOR : TEODOR

Formy: Fedor, Fieodor, Fiodor : Teodor.

Etym. gr. Theodфros, щас. Theodorus, cerk. Fieodor.

FEDOR (2): ФЕДОР J2-330, KC-II-0456, FEODOR (2): ФЕОДОР, KEC-3339, ФЕОДОР KL-I-1168, FIEODOR (21): ИЕОДОР NW-3565, KC-I-0274, ИЕОДОРА LNY-5621, SR-6125, ИЕОДОРЪ TOL-8178, PE-5702 Р.Б. ФЕОДОРА ZAB-6437 (ТВОЕГО)ФЕОДОРА ZAB-6364 ФЕОДОР KC-II-0534, ZAB-6351 , CH-4310, H-048, ZAB-6178, KW-1961, KC-II-0404 ФЕОДОР ZAB-6513, ФЕОДОРА K-2060, ФЕОДОРЪ BP-I-2842, CHKA-7320, BP-II-3186, FIEODOR (1): ФЕОДОРА KL-II-1270,FIODOR (6):ФЁДОР KC-II-0457, ФЁДОРУ J3-576, ФИОДОР J1-110, KL-I-1155, ФИОДОРИ KC-II-0494, ФIОДОР H-328 - TEODOR (104): TEODOR ZAB-6804, CH-4645, HA-136, CHKA-7304, CH-4474, KC-II-0409, ZAB-6634, ZAB-7011, KW-1919, KM-1700, KN-5923, M-I-129, M-I-148, M-I-205, NW-3715, O-2368, OKI-8499, OKI-8523, OKI-8569, OKI-8609, SNA-7476, ZAB-6401, ZAB-6683, ZAB-6798, ZAB-6802, ZAB-6832, KC-II-0586, SNA-7461, BP-I-2852, BP-I-2884, BP-II-3283, CH-5192, DCZE-2538, DRA-52, HA-081, HOW-I-0005, HOW-I-0080, HOW-II-0322, HOW-II-0457, J2-428, J2-430, KEC-3432, KL-I-1184, KL-II-1299, KC-I-0144, KC-I-0284, KC-II-0373, K-2216, ZAB-6566, KM-1460, KM-1651, KM-1706, KN-5937, M-I-063, M-I-076, M-II-398, M-II-481, M-II-005, OKI-8613, OKI-8652, RA-3881, RA-4006, SN-9096, S-121, ZAB-6200, ZAB-6358, ZAB-6514, ZAB-6601, ZAB-6810, ZAB-6878, ZAB-6909, ZAB-7035, BP-I-2906, BP-II-3115, CH-4421, DRA-22, H-193, J1-059, J3-532, KTY-8379, KEC-3536, KL-I-1171, KL-II-1196, KL-II-1264, KL-II-1266, KC-I-0235, KC-II-0340, KC-II-0384, KC-II-0407, KC-II-0569, K-2044, KW-1794, KL-II-1392, ZAB-6544, DRA-136, CH-5038, KEC-3414, KC-II-0449, OKCY-7507, ТЕОДОР OKI-8590, HA-214, HA-327, ТЭОДОР KTY-8407, KTY-8442.

BP-I-2762 – BP-II-3283 Biaia Podlaska 10**.**
CH 4254 – CH 5225 Chelm 53.
CHKA-7211 – CHKA-7332 Choroszczynka 20, gm. Tuczna, pow. Biala Podl.
DCA 8780 – DCA 8858 Dabrowica Mala 19, gm.Piszczac , pow. Biala Podl.
DCZE-2420 – DCZE-2575 Dobratycze 11, gm.Koden, pow. Biala Podl.
DRA 1 – DRA 16 *Dratyw 12* , gm. Ludwin, pow. leczynski.
DYN 7532 – DYN 7620 *Dobryn Duzy* 6, gm. Zalesie, pow. Biala Podl.
H-001 – H-378 Horostyta 34, gm. Horostyta, pow. wlodawski.
HA-001 - HA-389 Hola 36, gm. Stary Brus, pow. wlodawski.
HOW I 0001 – HOW I 0308, HOW II 0309 – HOW II 0476 Holeszyw 31, gm Hanna, pow. wlodawski.
J 1 – 001 – J 1 –250, J2 –251 – J2 500, J3 - 501 J3 -759,Jableczna 28, gm. Slawatycze , pow. Biala Podl.
K 2036 – K 2231 Koden 21, gm. Koden, pow. Biala Podl.
KCE 5588 - KCE 5594 Kolemczyce 56, gm. Doruhusk, pow. chelmski.
KC-I-0001 – KC-I-0295, KC-II-0296- KC-II- 0591 Kodeniec 32, gm. Debowa Kloda, pow. parczewski.
KEC-3284 – KC-3545 Kijowiec 5, gm. Biala Podl., pow. Biala Podl.
KKN 5563 – KKN 5569 Kolonia Kamien 54, (Kamien –Kolonia) KKN, gm. Kamien, pow chelmski.
KL I 983 – KL II 1403 Kobylany 8 , gm. Terespol , pow. Biala Podl.
KM 1405 – KM 1750 Kostomloty 13, gm. Koden, pow. Biala Podl.
KN 5903 – KN 6011 Kosyn 42 , gm. gm Wola Uhruska, pow. wlodawski.
KOW 8067 – KOW 8095 Konstantynyw 1, gm. Konstantynyw, pow. Biaia Podl.
KSY 001 – KSY 135 Kaplonosy 33 , gm. Horostyta, pow. wlodawski.
KTY 8367 – KTY 8470 Katy 18, gm. KOden, pow. Biala Podl.
KW 1751 – KW 2034 Kopytyw 14, gm. Koden, pow. Biala Podl.
KYN 7683 – KYN 7800 Koroszczyn 4 , gm. Terespol , pow. Biala Podl.
LEN-001- LEN-003 Leniuszki 23 , gm. Tuczna, pow. Biala Podl.
LNY 5611 – LNY 5624 Leszczany 59, gm. Zmudz pow. chelmski.
LW 3790 – LW 3868 Lukywek 45 , gm Sawin, pow. chelmski.
M I 001 – M I 280, M II 001 – M 084, M II 281- M II 497, Miedzyles 24, gm. Tuczna, pow. Biala Podl.
NW 3546 – NW 3751 Nosyw 2, gm.Lesna Podlaska , pow. Biala Podl.
O 2232 – O 2419 Okczyn 15 , gm. Koden, pow. Biala Podl.
OKCY 7490 - OKCY 75 Ortel Ksiazecy 16 , gm. Biala Podl., pow. Biala Podl.
OKI 8471 – OKI 8665 Olszanki 22 , gm. Koden, pow. Biala Podl.
OLN-7622 – OLN-7682 Olszyn 3 , gm. Rokitno , pow. Biala Podl.
PCE 5589 – PCE 5610 Pobolowice 57, gm. Zmudz, pow. chelmski.

FIEODORA : TEODORA

Formy: Fieodora : Teodora, Todora.

Etym.: gr.Theodфra,щас. Theodora, cerk. Fieodora.

FIEODORA (6): ИЕОДОРА WKI-II-9221 ФЕОДОРА J2-293, J2-273, KTY-8409, ZAB-6624, H-286 - TEODORA (32): TEODORA DCA-8799, KM-1618, OKCY-7490, ZAB-6583, ZAB-6718, PE-5701, DCA-8788, KL-II-1253, KC-I-0049, KC-II-0375, K-2079, KW-1774, TOL-8282, KM-1499, KYN-7773 , KM-1436, KM-1689, KM-1716, M-II-371, M-II-025, S-151, ZAB-6551, ZAB-6655, CH-4384, HOW-I-0034, HOW-I-0039, KEC-3478, KC-I-0126, OKCY-7516, TOL-8140, KTY-8420, KC-II-0409, TODORA (1): ТОДОРА KL-I-1176.

FIEODOSIJ : TEODOZY

Formy: Fedos, Fieodosij, Fiiodosij : Teodozy.

Etym. gr. Theodosios, iac. Theodosius, cerk.Fieodosij.

FEDOS (1): иедпуш 3 KW-1990, FIEODOSIJ (2): ИЕОДОСІЙ CH-4655, NW-3745, ФЕОДОСІЙ HA-192, FIJODOSIJ (1): FIJODOSIJ ZOW-8730 - TEODOZY (5): TEODOZY BP-II-3096, KW-1994, HA-270, KC-I-0111, BP-I-2785.

FIOKJA : TEKLA

Formy: Fiekla, Fiekia, Fekia : Tekla, Tekia.

Etym. gr.Thekla , gr. Thekla , iac. Thecla, cerk. Fiokia.

FIEKLA (3): ИЕКЛА PCE-5594, TOL-8177, ФЕКЛЯ CHKA-7275,FIEKJA (7): ИЕКЛА ЇKA-9115, KSY-060, KSY-087, SCZE-5843, SCE-5689 ИЕКЛЫ KSY-128, ФЕКЛЫ [ПРАХ] DCA-8846,FEKJA (2): ФЕКЛА J1-076 ФЕКЛЫ J2-270 - TEKLA (60): TEKLA KL-I-1157, KC-II-0417, ZAB-6652, KW-1930, M-I-169, S-149, TOL-8223, TOL-8310, ZAB-6732, ZAB-6868, WCE-5630, BP-II-3183, HOW-I-0043, J1-071, J2-355, J2- 370, KL-I-1073, KC-I-0053, KC-II-0328, K-2102, KM-1654, KN-5979, M-I-207, NW-3714, S-175, TOL-8154, ZAB-6566, KEC-3520, BP-II-3213, BPA-9331, CH-4471, CH-4684, CH-4906, CH-5129, HA-235, KSY-015, KL-II-1282, KL-II-1376, KC-I-0182, KC-I-0224, KC-II-0465, BP-I-2950, CH-4954, CH-5190, DYN-7539, KC-II-0449, RA-3875, S-117, CH-5160, K-2219, ТЕКЛА ZAB-6825, DRA-131 ТЕКЛІ KC-II-0351, ТЕКЛЯ KC-I-0290, ZAB-6941, HA-350, KC-II-0490, ZE-6045, H-125, ТЭКЛЯ OKI-8572,TEKJA (3): TEKJA J1-062 ТЕКЛА JW-3805, S-092.

PE 5695 – PE 5713 Podgyrze 52, gm. Chelm, pow chelmski.
PLCE 5574 – PCE 5586 Plawanice 55, gm. Kamien , pow. chelmski.
PN-4199 – PN-4216 PNIYWNO 49, gm. Wierzbica, pow. chelmski.
RA 3871 – RA 4048 Ruda 48, gm. Ruda Huta, pow. chelmski.
RTA 5675 – RTA 5687 Roztoka 58 , gm. Zmudz pow. chelmski.
S 001 – S 196 Sosonowica 40, gm. Sosnowica, pow. parczewski.
SCE 5644 – SCE 5673 Strzelce 60, gm. Bialopole, woj. chelmskie.
SCZE 5741 – SCZE 5846 Siedliszcze 46, gm Siedliszcze, pow. chelmski.
SLA-1 – SLA-25 Slawatycze 29, gm Slawatycze, pow. Biala Podl.
SN 9032 – SN 9101 Sawin 47, gm.Sawin pow. chelmski.
SNA 7420 – SNA 7489 Sycyna 9, gm. Biala Podl., pow. Biala Podl.
SR 6083 – SR 6174 Sobibyr 38, gm. Wlodawa, pow. wlodawski.
SRE 4177 – SR 4197 Serebryszcze (tez jako Srebrzyszcze) 50 , gm. Chelm, pow chelmski.
TOL 8096 – TOL 8366 Terespol 7, gm.Terespol, pow. Biala Podl.
TW 3770 – TW 3786 Tarnyw 43 , gm. Wierzbica, pow. chelmski.
UK 5847 – UK 5902 Uhrusk 44 , gm. Wola Uhruska, pow. wiodawski.
WCE-5629 – WCE-5642 Wojslawice 61, gm. Wojslawice, woj. chelmskie.
WE 8860 – WE 8895 Wisznice 27, gm. Wisznice, pow. Biala Podl.
WKI I 9143 – I 9205, WKI II 9206 – II 9312 Wyryki 35, gm Wyryki , pow. wlodawski.
WLA 9367 – WLA 9391 Woloskowola 37 , gm Stary Brus, pow. wlodawski.
ZAB 6177 - ZAB 7096 Zablocie 25 , gm. Koden, pow. Biala Podl.
ZE 6012 – ZE 6080 Zbereze 41, gm. Wola Uhruska, pow. wlodawski.
ZOW 8667 – ZOW 8779 Zahoryw 17 , gm. Piszczac, pow. Biala Podl.
ZKA 9102 – ZKA 9132 Zdzarka 30 , gm Hansk, pow. wlodawski.

FOMA : TOMASZ

Formy: Foma : Tomasz.

Etym. iac. Thomas, cerk. Foma .

FOMA (6): ИОМА PE-5700, KYN-7738, ИОМУ BPA-9323, ИОМЫ SCE-5656, ФОМА J2-332, ФОМУ ZAB-6323, FOMA-IOSIF (1): ИОМА-IОСIФ KL-II-1305 - TOMASZ (38): TOMASZ J1-100, O-2270, M-I-202, M-II-070, OKI-8625, WE-8869, ZAB-6406, ZAB-6758, CH-4415, CH-4550, CH-5062, CH-5094, CH-5167, DCZE-2492, HOW-I-0082, HOW-I-0241, J3-505, KEC-3351, KL-I-1072, M-II-389, NW-3556, RA-4007, TOL-8287, ZAB-6702, ZAB-6851, ZAB-6896, BP-II-3102, BO-4133, HA-297, HOW-II-0420, J3-746, KEC-3352, KEC-3368, KC-II-0486, OKCY-7505, ТОМАШ S-035, ZAB-6212, HOW-I-0123.

MARFA : MARTA

Formy: Marfa : Marta.

Etym. gr. Martha, iac. Martha, cerk. Marfa.

MARFA (7), МАРФА H-126, S-104, KTY-8403, J2-300, HA-184, J3-661, HA-110 - MARTA (41): MARTA J2-449, KM-1666, O-2299, O-2337, O-2361, J2-368, J3-739, CH-5214, DCZE-2541, J2-436, J3-526, K-2190, O-2382, CH-4557, KW-1981, KM-1741, M-II-428, O-2257, O-2282, O-2384, OKI-8473, RA-3998, HOW-II-0468, CH-4664, CH-4883, HOW-I-0294, J1-089, J2-421, KL-II-1302, KC-II-0464, OKI-8604, KC-I-0242, KC-II-0521, TOL-8133 МАРТА HA-290, J1-126, J1-033, KC-I-0254, BP-I-2767, H-245 МАРТУ J2-490.

MATFIJ : MATEUSZ

Formy:Mateusz : Matwij.

Jac. Matheus : cerk. Matfij.

MATEUSZ f. 2, MATEUSZ NW-3683, ZAB-6274 - MATFIJ (1): ZOW-8674.

TIMOFIEJ : TYMOTEUSZ

Formy:Timofiej, Tymofej : Tymoteusz, Tyt.

Etym. gr.Timotheos,iac. Timotheus, cerk.Timofiej

TIMOFIEJ (6): ТИМОФЕЙ KC-II-0359, KC-II-0433, KC-II-0494, S-070, KW-1831, HA-122, HA-143, ZE-6045, TYMOFEJ (1): ТИМОФЕЙ ÏKA-9104 - TYMOTEUSZ (4): TYMOTEUSZ M-II-002, KC-I-0146, CH-4530, KC-I-0151, TYT (1): ТЫТ KL-II-1384.

B. Substytucja f > p

Wymieniona substytucja jest historycznie najstarsz№ typow№ w jкzykach siowiacskich. Na pograniczu polsko-ruskim badanego obszaru spyigioskк *p* uznaж naleїy za dominuj№c№ cechк wschodniosiowiacsk№. W analizowanym materiale wyst№piiy nastкpuj№ce pary imiennicze: *Agryfina : Agrypina, Iosif//Jyzef : Iosip//Osip, Nikifor : Niczypor, Prokofij : Prokopij, Stefan : Stepan, Stefania : Stepanida.*

AGRYFINA: AGRYPINA

Formy: Agrafina : Agrepina , Agrypina , Agriepina, Agripina, Agrypina, Grypina.

Etym. iac. Agrippina : cerk. Agrippina.

AGRAFINA (1): AGRAFINA WKI-II-9241, AGREPINA (6): AGREPINA M-II-380, M-II-479, KM-1456, ZAB-6895, K-2040 AGRE[PINA] KL-II-1335 - AGRIEPINA (1): АГРЕПИНА TOL-8298,AGRIPINA (3): АГРИПИНА KL-I-1179, АГРИПИНУ M-I-121 АГРИПИНЫ KC-I-0104, AGRYPINA (3): AGRYPINA DCZE-2492, KEC-3343, KL-II-1394, GRYPINA f. 1, GRYPINA KL-I-1141.

IOSIF// JYZEF : IOSIP // OSIP

Formy: Iosif,Iosyf,Josif, Jyzef : Iosip, Osip.

Etym. Jac. Josephus, cerk. Iosif.

IOSIF (1): IOSIF ZOW-8742, IОСIФ (6): IОСIФ J3-669, PN-4207, S-110, DRA-130, NW-3636, RA-3980, IОСIФЪ (5): IОСIФЪ BP-II-3025, HA-077, PCE-5593, DCZE-2463, SCZE-5822, ИОСИФ (10): K-2149, K-2119, ИОСИФ J3-564, J3-633, KL-II-1263, SR-6111, CH-4570,

DCA-8840, KEC-3299, KEC-3473, ИОСІФУ SR-6155, ЙОСИФ(3) ЙОСИФ ЇKA-9107, HA-322, ZAB-6631, ЙОСІФ (1): ЙОСІФ WCE-5637, ЙОСІФА (1): ЙОСІФА HOW-II-0311, IOSIFA (7): ИОСИФА BP-I-2912,NW-3742, DCA-8815, IОСИФА WCE-5641, WCE-5642, IОСИФА KTY-8393, KC-II-0377, NW-3744; IOSYF (1): IОСЫФЪ BP-II-3033, JYZEF (172): JYZEF UK-5851, DRA-123, HOW-II-0463, CH-4512, CH-4903, KEC-3342, UK-5872, BP-II-3192, HOW-I-0047, KL-I-1028, OLN-7670, DRA-119, CHKA-7217, NW-3634, J2-325, K-2094, CH-4266, LW-3846, M-I-090, M-I-146, M-I-270, M-II-036, M-II-065, NW-3631, NW-3657, NW-3687, NW-3724, OKCY-7527, SCZE-5824, SLA-12, TOL-8122, TOL-8273, ZAB-6632, ZAB-6732, HOW-II-0469, RA-3938, BP-I-2778, BP-I-2999, BP-II-3000, BP-II-3075, BP-II-3108, BP-II-3148, BP-II-3247, BP-II-3262, BP-II-3270, CH-4333, CH-4352, CH-4383, CH-4391, CH-4474, CH-4706, CH-4740, CH-4757, CH-4798, CH-4817, CH-4851, CH-4974, CH-5014, CH-5221, DYN-7604, HOW-I-0010, HOW-I-0030, HOW-I-0085, HOW-I-0162, HOW-I-0286, J1-222, J2-434, J3-663, J3-682, KL-I-1056, KL-II-1295, KC-I-0036, KC-I-0091, K-2118, K-2133, SCZE-5814, KM-1427, KM-1490, LW-3824, M-II-469, M-II-071, NW-3584, O-2254, O-2262, RA-3912, RA-3964, S-168, TOL-8153, TOL-8185, UK-5859, WE-8860, WE-8861, WE-8880, ZAB-6602, ZAB-6867, ZAB-7024, ZAB-7048, DYN-7614, M-II-490, RA-4042, SN-9094, BP-II-3094, BP-II-3102, BP-II-3160, BO-4050, BO-4072, CH-4283, CH-4301, CH-4315, CH-4328, CH-4341, CH-4393, CH-4420, CH-4424, CH-4537, CH-4572, CH-4619, CH-4648, CH-4728, CH-4799, CH-4870, CH-4908, CH-4958, CH-5003, CH-5009, CH-5021, CH-5037, CH-5053, CH-5080, CH-5095, CH-5108, CH-5127, CH-5165, CH-5193, CHKA-7255, CHKA-7256, CHKA-7316, HA-341, HOW-I-0011, HOW-I-0134, HOW-I-0243, H-065 , J1-237, KEC-3300, KEC-3401, KEC-3475, KEC-3522, KEC-3535, KL-II-1387, SCZE-5842, O-2406, OKCY-7515, CH-4477, CH-4543, CH-4691, CH-4918, J2-363, J3-710, RA-3942, SCZE-5787, BO-4090, CH-4354, CH-4417, CH-4774, CH-4790, CH-4803, CH-4994, CH-5139, CH-5194, DYN-7535, HOW-II-0363, HOW-II-0440, KC-I-0004, JUZEF f. 1,ЮЗЕ[Ф] ZAB-6222 - IOSIP (4): ИОСИП ZAB-6211, ИОСИП NW-3567, IОСИП NW-3653, IОСИП NW-3638, OSIP (2): ОСИП KC-II-0324, ОСИПЪ BP-I-2822.

шпуйц

NIKIFOR : NICZYPOR

Formy: Nikifor : Niczypor.

Etym. gr. Nikeforos, iac. Nicephorus, cerk. Nikifor .

NICZYPOR (6): NICZYPOR M-I-055, J3-596, BPA-9335, KL-I-1238, KL-I-1086, НИЧЫПОР KTY-8367 - NIKIFOR (1): NIKIFOR BP-I-2832.

PROKOFIJ : PROKOPIJ

Formy: Prokofij : Prokopij,Prokop, Prokyp.

Etym. gr.Prokopios, iac. Procopius, cer. Prokopij

PROKOFIJ (1): ПРОКОФІЙ KYN-7797 - PROKOPIJ (1): ПРОКОПІЙ ZE-6030, PROKOP (13): PROKOP HA-157, OKI-8551, KYN-7697, KM-1723, KL-II-1313, ZAB-6992, ZOW-8717, KEC-3487, KEC-3491, KC-I-0223, ПРОКОП J3-717, J3-610, CHKA-7218, PROKYP (1): ПРОКЫП ZOW-8679.

STEFAN : STEPAN

Formy: Stafan,Stefan, Stiefan : Stepan, Stiepan, Stiepian.

Etym. gr.Stephanos, iac. Stephanus, cerk.Stiefan.

STAFAN (2): STAFAN ZAB-7017, СТАФАНЪ SCE-5689, STEFAN (271): STEFAN HOW-I-0255, HOW-I-0042, KCE-5588, KC-I-0101, DCZE-2495, KC-I-0217, KW-1885, M-I-263, ZAB-6741, KC-I-0217, KW-1805, CH-4693, J3-646, BP-II-3174, H-015, K-2092, HOW-I-0222, KTY-8414, KC-I-0205, KW-1968, BP-I-2797, J1-236, KW-1897, KW-1975, KW-2015, KW-2018, KM-1414, KM-1717, KN-5930, M-I-002, M-I-020, M-I-031, M-I-070, M-I-117, M-I-128, M-I-170, M-I-224, M-I-231, M-I-234, M-I-259, M-II-342, M-II-343, M-II-352, M-II-486, M-II-031, O-2266, OLN-7629, OKCY-7517, OKCY-7519, RA-3986, TOL-8343, WKI-I-9152, ZAB-6440, ZAB-6483, ZAB-6523, ZAB-6584, ZAB-6749, ZAB-6753, ZAB-6789, ZAB-6823, ZAB-6885, ZAB-6980, ZAB-7014, ZAB-7039, ZOW-8702, J2-294, KC-II-0582, KYN-7782, ZAB-6242, BP-I-2817, BP-I-2868, BP-II-3120, BP-II-3157, BP-II-3187, CH-4785, CH-5000, CH-5015, CH-5093, CH-5100, HOW-I-0109, HOW-I-0192, HOW-I-0261, HOW-I-0295, HOW-II-0309, HOW-II-0320, HOW-II-

0328, HOW-II-0353, HOW-II-0409, HOW-II-0443, H-047, H-101, H-211, J1-055, J1-058, J1-105, J1-144, J1-247, J2-279, J2-313, J2-379, J2-442, J2-443, J3-553, J3-698, KSY-057, KTY-8430, KEC-3357, KEC-3378, KEC-3390, KEC-3467, KEC-3486, KL-I-1002, KL-I-1005, KL-I-1054, KL-II-1218, KL-II-1300, KC-I-0067, KC-I-0096, KC-I-0143, KC-I-0193, KC-I-0220, KC-II-0305, KC-II-0356, KC-II-0553, KC-II-0557, K-2104, K-2121, K-2174, K-2175, KTY-8467, K-2223, J2-459, KEC-3431, J3-631, KC-I-0020, KW-1949, KW-2005, KM-1485, KM-1635, KM-1687, M-I-050, M-I-073, M-I-272, M-II-383, M-II-392, M-II-402, M-II-492, M-II-068, M-II-075, OKI-8542, OKI-8654, OLN-7625, RA-3996, SCZE-5796, SCZE-5798, S-176, TOL-8199, TOL-8227, TOL-8302, ZAB-6257, ZAB-6283, ZAB-6343, ZAB-6374, ZAB-6411, ZAB-6559, ZAB-6594, ZAB-6650, ZAB-6728, ZAB-6765, ZAB-6777, ZAB-6875, ZAB-6933, ZAB-6950, ZAB-7009, ZAB-7075, ZAB-7078, DRA-138, HOW-II-0473, J1-116, RA-4038, BP-I-2988, BP-II-3258, CH-4358, CH-4667, CH-4671, CH-4698, CH-4751, CH-4960, CH-5070, CH-5079, CH-5215, CHKA-7262, DCZE-2543, DCZE-2562, DRA-122, DRA-144, HA-019, HA-333, HA-380, HOW-I-0012, HOW-I-0043, HOW-I-0075, HOW-I-0087, HOW-I-0107, HOW-I-0125, HOW-I-0137, HOW-I-0168, HOW-II-0412, HOW-II-0416, HOW-II-0434, J2-372, J2-375, J3-707, KEC-3366, KEC-3470, KL-I-1119, KL-II-1204, KL-II-1346, KC-I-0024, KC-I-037, KC-I-0059, KC-I-0196, KC-I-0200, KC-I-0240, KC-I-0253, KC-II-0341, KC-II-0392, KC-II-0461, KC-II-0479, KW-1783, HOW-II-0466, KM-1643, NW-3690, OLN-7635, ZAB-6345, ZAB-7060, BP-I-2922, BP-I-2928, CH-4482, CH-4755, CH-5013, KEC-3349, KC-I-0293, O-2294 , TOL-8292, CH-4656, CH-4917, HOW-I-0164, H-305, KTY-8378, KC-I-0052, NW-3564, SCZE-5792, SNA-7435, KYN-7790, DCZE-2560, KL-I-1145, OLN-7645, M-II-019, CH-4845, J1-058, STIEFAN (12): СТЕФАН WCE-5640, J1-217, J2-406, J2-303, ZAB-6458, J2-289, KL-I-1176, ZAB-6206, H-202, OKI-8635, S-041, KW-1828, СТЕФАНЪ (3): СТЕФАНЪ J1-145, BP-I-2762, K-2148, СТЕФАНЬ(1): СТЕФАНЬ J1-004, СТИЕФАН (1): СТИЕФАН J3-598, СТЕФАНА (5): СТЕФАНА: HA-042, HA-156, S-140, HOW-I-0060, KEC-3312, СТЕИАНА (1) СТЕИАНА: DCZE-2473, СТЕФАНУ (3): СТЕФАНУ HOW-I-0257, RA-4047, ZAB-7051, - STEPAN (18): СТЕПАН KC-5942, S-081, WKI-I-9200, WKI-II-9222, WKI-II-9291, H-180, H-224, ЇKA-9112, H-266, H-337, HA-254, HA-314, KSY-092, HA-005, WKI-I-9159, СТЕПАНА ZOW-8669, SCZE-5749, STIEPAN (23): СТ5ПАН PE-5706, PE-5709, PE-5708, PE-5707, СТЕПАН ZE-6043, CH-5076, H-185, SR-6162, ZAB-6346, JW-3858, KTY-8368, KW-1802, KW-1909, KYN-7683, SCZE-5765, HA-191, KEC-3305, KEC-3330, HA-178, HA-360, KSY-021, СТЕПАНА ZAB-6710, СТЕПАНЪ ZE-6071, STIEPIAN (1): СТЕПЯН NW-3741, СТЕПАНЪ BP-II-3028, SZCZEPAN (1): SZCZEPAN DRA-110.

STEFANIA : STEPANIDA

Formy: Stefania, Stefanija, Stefanja, Stiefanija, Stefanida : Stepanida.

Etym.:iac. Stephania,cerk.Stiefanida.

STEFANIA (53): STEFANIA SCZE-5798, M-II-400, BP-I-2868, H-083, KL-I-1079, KW-1822, DCZE-2487, KW-1837, KM-1452, M-I-022, M-I-119 , M-I-195, M-I-252, M-I-258, M-II-291, M-II-350, OKCY-7526, TOL-8228, ZAB-6192, ZAB-6441, ZAB-6442, ZAB-6784, ZAB-6908, ZAB-6955, ZAB-6958, ZAB-7049, K-2105, OLN-7665, BP-II-3270, CH-4400, CH-4530, CH-4621, J2-381, KL-II-1264, KL-II-1348, K-2226, KM-1748, RA-4020, SCZE-5790, TOL-8224, ZAB-6203, ZAB-6412, ZOW-8738, OKI-8478, BO-4095, CH-4898, CH-4971, CH-5140, KEC-3491, K-2046, ZOW-8737, O-2293, CH-4995, STEFANIDA (1): СТЕФАНІДА WCE-563, STEFANIJA (2): STEFANIJA KEC-3349 СТФАНИЬЯ OKI-8590, STEFANJA (2): STEFANJA M-I-036, CH-4319, STIEFANIA (1): СТЕФАНЯ ZAB-6414, STIEFANIDA (1): СТЕФАНИДА HOW-I-0023, STIEFANIJA (1) СТЕФАНИЯ DCA-8803 - STIEPANIDA (1): СТЕПАНИДА RA-3991.

C. Substytucja f > p oraz f > t

Wymieniona substytucja ma w przeciwiecstwie do poprzednich strukturк rozbudowan№. Etymologiczne *f* moїe byж zast№pione przez p lub t. Wymieniony typ substytucji odzwierciedla zioїon№ historiк imiennictwa ksztaitowanego wpiywem jкzykyw rosyjskiego, ukraicskiego i polskiego. W badanych inskrypcjach wyst№pii tylko 1 przykiad: *Agafija : Agapija : Agat.*

AGAFIJA : AGAPIJA : AGATA

Formy: Agafia, Agafija : Agapija : Agata.

Etym.: cerk. Agafija , gr Agathз, iac. Agatha .

AGAFIA (7): AGAFIA M-I-186, M-I-151, M-II-335, ZAB-6298, ZAB-6830, ZAB-6830, АГАФЯ KW-1838,AGAFIJA (13): AGAFIJA J3-712 АГАИІЯ KL-II-1290, АГАФІИ SCE-5667, АГАФІЯ KC-596,АГАФИІ KC-II-0496, АГАФИЯ OKI-8486, KC-II-0493 , J2-464, АГАФІЯ HA-232, SR-6083, H-274, CH-4674, WKI-II-9254 : AGAPIJA (1) АГАПИЯ J2-393 : AGATA (24) AGATA BP-II-3121, KC-II-0552, KW-1887, M-II-047, OKI-8484, TOL-8174, TOL-8228, KYN-7790, CH-4264, DCZE-2454, DYN-7549, J2-349, J3-561, KL-I-1041, KC-I-0157, KW-1808, M-II-401, BP-II-3209, CH-4472, DCZE-2553, HOW-I-0291, J2-297, KM-1533, АГАТА J1-073.

Obocznoњci *f* > *x*

Omawiana substytucja jest charakterystyczna na pograniczu polsko-ukrainskim. Notowana jest w imiennictwie juz w XIV w. Zmiana *f* w *x* w imionach, jak podaje Shevelow, wystepuje – w przeciwienstwie do apelatywyw, stosunkowo rzadko [por. Shevelow 2002, 805]. Wymieniony typ substytucji zostal zanotowany w 3 parach imienniczych: *Jewfimija* : *Juchimia, Jewstafij : Eustachy, Trofim : Trochim.*

JEWFIMIJA : JUCHIMIA

Formy: Eufemia, Eufimia, Eufimija, Efimia, Efimija, Efimija, Eofimia, Jeofimija, Jeufimia, Jeufimija : Juchimia, Juchimka .

Etym.: gr. Euphзmia. щс. Euphemia, cerk. Jewfimija.

EUFEMIA (18): EUFEMIA KW-1925, M-I-118, RA-4002, DYN-7591, HOW-II-0341, KEC-3406, KL-II-1225, KW-1779, M-I-126, SNA-7470, BP-II-3100, CH-5178, DYN-7586, J2-437, KC-II-0349, KW-1797, J2-412, KL-II-1259, EUFIMIA (14): EUFIMIA J3-611, ZAB-6327, ZAB-6623, KEC-3492, KYN-7795, KEC-3401, KEC-3469, KL-II-1286, KL-II-1347, KC-II-0435, KC-II-0577, KC-II-0579, DYN-7594, EUFIMIJA f. 4, EUFIMIJA M-II-346, KYN-7787, M-II-048 ЕУФИМИЯ KW-1876, ЕУФИМИА J3-579, EFIMIA (1): EFIMIA CH-5212, EFJMIJA (1) ЕФЙМЙЯ ZOW-8702, EOFIMIA (1): EOFIMIA CH-5057, JEWFIMIJA (4): ЕВФИМИЯ J1-212, H-332, J2-457, BP-I-2925, JEWFIMIA (1): ЕВФИМІА ZAB-7031, JEFJMIJA (1) ЕФЙМЙЯ ZOW-8702, JEFIMIJA (2): ЕФИМІЯ ZOW-8767, ЕФІМИИ KEC-3450, JFIMIA (1) JFIMIA RA-3874, JUFIMA (1): JUFIMA M-II-329, JUFIMJA (2): ЮФИ-МЯ ZAB-6395, ЮФИМИЮ ZAB-6578, EUFIMIJ (1): EUFIMIJ RA-3938, JEOFIMIA (1): JEOFIMIA KTY-8386, JEUFIMIJA (1): ЕУФИМИИ CHKA-7324 - JUCHIMIA (1) JUCHIMIA KC-I-0153, JUCHIMKA (1): ЮХИМКА J1-182, JCHIMJA (1): JCHIMJA KL-II-1398.

JEWSTAFIJ : EUSTACHY

Formy: Jewstafij : Eustachy, Stachij.

Etym.:gr.Eustathios, iac.Eustachius,cerk.Jewstafij.

JEWSTAFIJ (3) ЕВСТАФІЙ SR-6134, SR-6152 - EUSTACHY (4) EUSTACHY BP-I-2856, CH-4973, DCZE-2461, EUSTACHI NW-3740, STACHIJ (1) STACHIJ BP-I-2895.

TROFIM : TROCHIM

Formy: Trofim : Trochim.

Etym.:gr.Trophimos,iac. Trophimus, cerk.Trofim.

TROFIM (14): TROFIM M-II-050, CHKA-7289, KL-II-1333, KC-II-0552, KM-1721, ZAB-6653, J3-584, J3-543, ZAB-6207, ТРОФИМ ZAB-6731, HA-161, NW-3667, NW-3668, KL-I-1173, S-011 - TROCHIM (3): ТРОХИМ KTY-8450, KW-1754, M-II-337.

D. Substytucja *f* > *xv*

Omawiana substytucja, poњwiadczona w zabytkach XV w., powstaia, jak pisze Shevelow, w rezultacie uwargowienia spyigioski *x* zastкpuj№cej etymologiczne *f*. W analizowanym materiale wyst№piia tylko w 1 parze imienniczej *Fiedora : Chwedora*.

FIEDORA : CHWEDORA

Formy: FIEODORA : CHWYDORA.

Etym.: gr.Theodфra,шас. Theodora, cerk. Fieodora.

FIEODORA (6): ИЕОДОРА WKI-II-9221, ФЕОДОРА J2-293, J2-273, KTY-8409, ZAB-6624, H-286 - CHWYDORA (1): CHWYDORA KW-1980, zob. FIEODORA : TEODORA.

Wnioski

Imiona utrwalone w inskrypcjach nagrobnych nekropolii prawosiawnych (w mniejszym stopniu greckokatolickich czy mieszanych: prawosiawnych i katolickich) odzwierciedlaj№ zioїon№ historiк ksztaitowania siк systemu imienniczego na pograniczu polsko-wschodniosiowiacskim.

Etymologiczne *f*, wystкpuj№ce w imionach, zastкpowane byio przez charakterystyczne dla pogranicza polsko-wschodniosiowiacskiego spyigioski: *p*, por. *Agryfina : Agrypina* b№dџ gioskк *x*, por. *Trofim : Trochim,* wreszcie *xv*, por. *Fiedora : Chwedora* .

Inna genetycznie niї wymieniona wyїej jest substytucja f : t , ktyra odzwierciedla ksztaitowanie siк imiennictwa siowiacskiego pod wpiywem Koњcioia rzymskokatolickiego i Cerkwi bizantycsko-siowiacskiej, por. *Foma : Tomasz.*

Badania nazw osobowych utrwalonych w inskrypcjach nagrobnych maj№ waїne znaczenie dla dialektologii i gramatyki historycznej jкzykyw siowiacskich .

Wykaz skrytyw їrydei

AUM – Atias ukrajins'koji mowy, t. I – III. – Kyjiw, 1984.

Czyїewski 1995 – Czyїewski, F. Fonetyka i fonologia gwar polskichi ukraicskich poiudniowo-wschodniego Podlasia / F.Czyїewski. – Lublin, 1995.

Czyїewski 2008 – Czyїewski, F. Imiona na nekropoliach poiudniowego Podlasia jako odzwierciedlenie pogranicza kulturowego (na przykiadzie inskrypcji nagrobnych w Kostomiotach pod Biaia Podlask№) / F.Czyїewski // Rozprawy Komisji Jкzykowej Jydzkie Towarzystwo Naukowe. – 2008. – № 53. – S. 65 – 77.

Czyїewski 2009 – Czyїewski, F. Formuiy identyfikacyjne ludnoњci poiudniowego Podlasia (na podstawie inskrypcji nagrobnych pogranicza polsko-wschodniosiowiacskiego) / F.Czyїewski // Ksiкga dedykowana Prof. Czesiawowi Kosylowi. – Lublin: Wydawnictwo UMCS (w druku).

Dulewiczowa 1993 – Dulewiczowa, I. Gramatyka konfrontatywna rosyjsko-polska. Fonetyka i fonologia. Grafia i ortografia / I.Dulewiczowa. – Warszawa, 1993.

Frolak 2002 – Frolak, L. Fonema *f* ta *jiji* realizacija u howirkach Doneczczyny / L.Frolak // Fiioiogiczeskije issledowanija. – Doneck, 2002. – S. 290 – 299.

Frolak 2002a – Frolak, L. Funkcionuwannia fonemy /f/ u heterohennych nowostworenych howirkach Doneczczyny / L.Frolak // Wisnyk Juhans'koho derїawnoho pedahohicznoho uniwersitetu im. T. Szewczenka. – 2002. – № 4 (48). – S. 122 – 131.

Karpluk 1977 – Karpluk, M. Tworzyjan nie byi Florianem / M.Karpluk // Jкzyk Polski. – 1977. – № 57. – S. 25 – 30.

Kowalik-Kaleta 1975 – Kowalik-Kaleta, K. Na marginesie dyskusji o imieniu Tworzyjan i powstaniu fonemu f w jкzyku polskim / K.Kowalik-Kaleta // Jкzyk Polski. – 1975. – № 55. – S. 97 – 104.

Malec 1994.– Malec, M. Imiona chrzeњcijacskie w њredniowiecznej Polsce / M.Malec. – Krakyw, 1994.

Reczek 1965 – Reczek, J. Wprowadzenie fonemu f do jкzyka polskiego / J.Reczek // Jкzyk Polski. – 1965. – № 45. – S. 178 – 182.

Reczek 1966 – Reczek, J. Ze studiyw nad imionami pochodzenia chrzescijacskiego w dawnej Polsce / J.Reczek // Onomastica. – 1966. – № XI. – S. 282 – 288.

Shevelow 2002 – Szewelow, J. Istoryczna fonoiohija ukrajins'koji mowy / J.Szewelow. – Charkiw, 1966.

Taszycki 1938 – Taszycki, W. Obocznoњж Pabian//Fabian / W.Taszycki // Jкzyk Polski. – 1938. – № 33. – S. 20 – 22.

Tichoniuk 2000 – Tichoniuk, B. Imiona i ich formy na pograniczu polsko-biaioruskim od XVI wieku do roku 1839 / B.Tichoniuk. – Zielona Gyra, 2000.

Zwolicski 1948 – Zwolicski, P. Pol. Pabir – iac. Faber (Przyczynek do fonetyki zapoїyczec iacicskich w њreniowiecznej polszczyџnie) / P.Zwolicski // Slavia Orientalis. – 1948. – № 19. – S. 379 – 388.

ГІСТОРЫЯ (HISTORIA)

ЭКАНОМІКА (GOSPODARKA)

КУЛЬТУРАЛОГІЯ (KULTUROLOGIA)

ЭДМУНД ЯРМУСИК

Гродно

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1960 – СЕРЕДИНА 1990-х гг.)

Межконфессиональные отношения – явление сложное, выходящее за рамки обычных взаимоотношений религиозных конфессий. Они обусловливаются не только каноническими, но и политическими, национальными факторами, межличностными и межгрупповыми недоразумениями, разногласиями и противоречиями в границах конфессий, а также отношениями между богословами и иерархами различных уровней. Основой расхождения могут быть неоднозначные отношения к государственному строительству, использованию белорусского языка в богослужениях и других сферах жизнедеятельности [12, с. 9, 10].

Являясь результатом сложных политических, экономических, международных и иных факторов, межконфессиональные отношения в свою очередь оказывают влияние на различные стороны жизни общества: политику, культуру, социальную сферу. В межконфессиональные процессы вовлекается элита национальных меньшинств, СМИ, церковный клир, что может при определенных обстоятельствах приобрести политический характер, выражающийся в конфликтах, проявлениях этнического и религиозного терроризма [12, с. 4].

Однако в каждой отдельной стране и даже на отдельной территории (области), они могут иметь свою специфику. Она определяется историческими, географическими, национальными особенностями, культурными традициями, политикой государства в национальной и конфессиольной сферах и другими. Гродненщина в этом отношении являет собой уникальный регион. Здесь, как ни в одной другой области Беларуси, заметно влияние двух цивилизаций, двух культур – западной и восточной. При этом западное культурное влияние длительное время оставалось более сильным. Соседство Польши и Литвы, где католицизм исторически занимает прочные позиции, также накладывало отпечаток на межконфессиональные отношения в области.

Одна из существенных особенностей Гродненщины – её полиэтничность. Согласно переписи населения, в 1959 году в Гродненской области из 1077,4 тыс. человек 647,3 тыс. (60,0 %) составляли белорусы; 72,3 тыс. (6,7 %) русские; 332,3 тыс. (30,8 %) поляки; 3,8 тыс. (0,3 %) евреи; 12,0 тыс. (1,2 %) украинцы; 9,7 тыс. (1,0 %) другие национальности [15, s. 546]. Очередные переписи проходили в 1970, 1979, 1989, 1999 годах. На состав населения оказывали влияние в первую очередь демография (рождаемость, смертность), а также экономические факторы. Для сравнения приведем лишь данные переписи 1989 года. В области проживали 1163,6 тыс. человек. Из них 702,2 тыс. (60,3 %) белорусов; 124,3 (10,7 %) русских; 300,8 тыс. (25,9 %) поляков; 2,2 тыс. (0,2 %) евреев; 23,4 тыс. (2,0 %) украинцев; 10,7 тыс. (0,9 %) представителей других национальностей [15, s. 550]. Уменьшение количества польского населения за этот период можно объяснить ассимиляционными процессами, которые оказали на это национальное меньшинство наибольшее влияние.

На Гродненщине особенно заметна связь национальной самоидентификации с религиозной принадлежностью. Проведенные в 1990-е годы и начале этого века польскими и белорусскими учеными исследования показали, что в сознании большей части населения «поляк» отождествляется с католиком, а «белорус, русский» – с православным [14; 17, s. 112-124]. В религиозном отношении Гродненщина представлена преимущественно христианскими конфессиями – православной и католической, а также в некоторой степени протестантскими общинами. Так, в 1969 году в Гродненской области было официально зарегистрировано 176 религиозных общин – 77 православных, 74 католические, 22 ЕХБ, 1 АСД, 1 старообрядческая, 1 мусульманская. По количеству общин область занимала второе место в республике (после Брестской, где были 234 общины) [11, л.30].

Однако положение и влияние всех без исключения религиозных конфессий в области, как и в целом по Беларуси, было серьёзно подорвано вследствие той политики, которую проводили партийные и государственные органы власти в отношении религии и Церкви. Так, по состоянию на 1 января 1966 года в области прекратили действовать и были закрыты 225 культовых зданий (православных и католических). Из них 54 были снесены, 62 переоборудованы со снятием крестов, 35 использовались для хозяйственных нужд [13, с. 523]. Вплоть до конца 1980-х годов государственная политика в отношении к Церкви была направлена на ограничение сферы ее влияния на общество, что проявилось в закрытии храмов, снятии с регистрации религиозных обществ, усилении атеистической пропаганды и т.п.

На межконфессиональные отношения влияли противоречия, складывающиеся веками между Церквями – в догматике, вероучении, даже во взглядах на общественно-политические события и государственную вероисповедную политику. Так, из всех конфессий более предпочтительной Советскому государству была Православная Церковь, которая в свою очередь всегда заявляла о своей лояльности к Советской власти. Деятельность Католической Церкви всячески ограничивалась по причине ее тесной связи с Ватиканом, который считали идеологическим противником социализма. Не меньшим гонениям подвергались протестанты из-за их связи с зарубежными миссионерскими центрами, нежелания подчиняться государственным законам (например, отказ юношей служить в армии, участвовать в общественной жизни и т.п.)

Наступление атеизма заставляло иерархию Церквей искать пути к сближению. Особенно это стало проявляться в деятельности Римско-католической Церкви. После Второго Ватиканского Собора (1963 – 1965 гг.) все большее значение стало приобретать экуменическое движение. Принятый Собором Декрет об экуменизме (Unitatis redintegratio) признавал ценность общего крещения, братство между христианами, христианских доминаций, принадлежность православных церквей ко Вселенской и Апостольской Церкви [2]. Объединение усилий христианских Церквей важно было для борьбы с коммунизмом [10, л. 168]. «Диалог любви» с Восточными Церквями получил наибольшее развитие в деятельности Ватикана в период понтификата папы римского Иоанна Павла II [16, s. 5]. Однако официальный экуменизм церковного руководства ничего не значит, если он не будет воспринят верующими людьми. Примирение Церквей не произойдет до тех пор, пока христиане не признают друг в друге «братьев и сестер во Христе».

Экуменические тенденции оказали определенное влияние на деятельность католической конфессии на Гродненщине и ее отношение к православию. Однако конкретные шаги к взаимодействию и диалогу на уровне духовенства были предприняты только в конце 1970-х годов. В январе 1979 года митрополит Минский и Белорусский, Патриарший экзарх Западной Европы Филарет посетил Бернардинский костёл, где его торжественно встречали ксёндз декан М. Аронович и прихожане. Среди участвующих в богослужении были и православные. Важность этого события отметил в приветственной речи ксёндз М.Аронович. Он, в частности, сказал: «Около четырехсот лет стоит наш костел, и никогда не ступала в него нога представителя высшего духовенства Русской Православной Церкви. А сегодня, благодаря усиливающимся контактам между Костёлом и Церковью, мы имеем возможность с радостью и большим удовлетворением встречать дорогого гостя, представителя высшего духовенства Русской Православной Церкви Митрополита Минского и Белорусского, патриаршего экзарха Западной Европы Филарета». Митрополит Филарет по просьбе ксендза декана М. Ароновича благословил верующих, присутствовал на мессе с сопровождающими его мещанами [3, л. 168].

1 февраля 1981 года митрополит Филарет вторично посетил по приглашению ксендза декана М. Ароновича богослужение в Бернардинском костёле. В своей проповеди он отметил: «Православные и католики – христиане, дети одного Бога и его исповедующие. Верующие католики и православные бок о бок работают на предприятиях, в колхозах и совхозах на благо Отчизны нашей, нередко живут одной семьей <...> обратимся к молитве к милосердному Богу нашему, чтобы между нашими верами и верующими в дальнейшем крепли и процветали единство и братство во Христе» [4, д. 148, л. 138].

Экуменизм, провозглашенный Вторым Ватиканским собором, предполагал не только устранение противоречий внутри самого христианства и в отношениях между христианскими Церквями, но и объединение их в борьбе с коммунистической идеологией. Особенно это стало заметно в 1980-е годы. Более тесными, чем прежде, стали контакты между католической, православной и протестантской конфессиями [9, л. 10]. О необходимости такого единения говорили в своих проповедях ксендзы. Они акцентировали внимание на экуменических проблемах, на сближении православных и католиков в свете учения папы Иоанна Павла II [4, д. 147, лл. 73, 74].

Новый этап взаимодействия конфессий открыла перестройка в Советском Союзе и связанная с ней демократизация общества. Каждая из конфессий стремилась использовать исторический шанс для укрепления своих позиций в обществе, налаживания отношений с органами власти, приобщения к Церкви верующих. Быстрыми темпами шло возрождение на Гродненщине католической конфессии. Перестройка открыла возможности для проведения активной миссионерской деятельности польских ксендзов и монашествующих. Так, только в 1990 году на Гродненщине побывали около 20 ксендзов и монашествующих из Польши. Все они развивали активную деятельность по распространению католицизма: проводили катехизацию среди детей и взрослых, организовывали кружки по обучению детей религии, стремились распространить свое влияние на школы, дома-интернаты и т.д. Особое внимание при этом уделялось молодежи. Польские ксендзы практиковали подворные обходы населенных пунктов своего прихода, освящали дома, колодцы, беседовали с семьями, говорили о необходимости ходить в костёл, верить в Бога, жить согласно католическому вероучению. Нередко в сферу их влияния попадало белорусское население православного вероисповедания, что вызывало недовольство православных священнослужителей.

Активизации религиозной жизни католиков способствовали визиты папы римского Иоанна Павла II в Польшу. 3-4 июня 1991 года в Белосток на встречу с папой отправились 10 165 паломников из трех областей, в том числе из Гродненской. С 8 по 20 августа 1991 года, по случаю Всемирного дня католической молодежи, в Ченстохов выехало 725 групп – 26312 паломников из Гродненщины [7, лл. 8, 10].

Расширялась сфера деятельности других конфессий. В 1991 году в области были зарегистрированы 258 религиозных обществ, в том числе – Римско-католической Церкви – 121, Белорусской Православной Церкви Московского патриархата – 112, Евангельских христиан-баптистов – 11, христиан веры евангельской – 10, христиан веры апостольской – 2, адвентистов седьмого дня – 1, мусульман – 1. Помимо того, без регистрации действовали 3 протестантские общины. Они были самыми малочисленными – в них насчитывалось 1126 человек [7, л. 1].

Конец 1980-х – начало 1990-х годов ознаменовался, с одной стороны, внушительным и быстрым ростом численности религиозных объединений, с другой – бурным разрушением атеизма. Двери храмов были широко открыты всем – и верующим, и неверующим. Позитивное влияние на межконфессиональные отношения оказало принятие нового законодательства о культах. Оно не только коренным образом меняло государственно-конфессиональные отношения, но и открывало новую страницу в них – от конфронтации к сотрудничеству [1].

В последующие годы количество общин несколько увеличилось. Так, на 1 сентября 1993 года было официально зарегистрировано 333 религиозных общины. Православных увеличилось на 36, католических – на 22, ЕХБ – на 3, ХВЕ – на 3, мусульманских – на 6. За этот период возникли религиозные общины: Греко-католическая – 1, индейская – 1, лютеранская – 2 [8, л. 4]. Помимо религиозных общин, в области действовали Высшая католическая духовная семинария в Гродно, православные и католические монастыри, протестантские миссии, благотворительные организации, издательства, воскресные школы и т.д. Всё это оказывало значительное влияние на духовную жизнь верующих. Одновременно на этом фоне стали возникать конфликтные ситуации. Так, греко-католическая община Гродно, насчитывающая в то время около 50 человек, претендовала на здание

музея истории религии, которое решением облисполкома было передано Православной Церкви. Помимо того, греко-католики зачастую апеллировали к положению униатов на Украине, в качестве примера приводили отношения с православными. Все это вызывало недовольство православных и усложняло религиозную обстановку в области [8, л. 5]. Продолжались разногласия между католиками и православными Лиды, Островца, в Гродненском районе. В основном они были вызваны претензиями на одно и то же культовое здание [8, л. 6]. Еще со второй половины 1980-х годов католики и православные города Сморгони претендовали на возвращение им культового здания, которое с 1984 года использовалось как выставочный зал и историко-краеведческий музей. Здание было построено в середине XVI века как кальвинистский храм, с 1612 по 1867 использовалось как костёл, с 1867 по 1923 годы – православная церковь, с 1923 по 1949 годы – вновь костёл. До 1970 года здание пустовало. В 1990 году спор разрешился в пользу католиков [5, д. 196, лл. 111].

В конце 1980-х – начале 1990-х годов обострились отношения между католиками и православными в деревне Верейки Волковысского района. Причина конфликта – в притязаниях на один и тот же храм. Здание костёла было построено в 1840 году. В 1865 году царские власти отняли у католиков и передали православным, которые переделали его под церковь. С 1921 года польские власти вернули здание католикам. В 1951 году религиозное общество католиков было снято с регистрации, костёл закрыли и использовали под зерносклад совхоза «Волковысский». Верующие не ходатайствовали о возвращении им здания, ходили в костёл и церковь в другие населенные пункты. Однако с февраля 1989 года и те, и другие начали писать во все инстанции письма и требовать передачи здания. Обстановка накалялась. 26 июля 1989 года Волковысский райисполком провел сельский сход в Верейках, однако компромиссного решения достичь не удалось, Учитывая обстановку, уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по БССР А.И. Жильский, по согласованию с Волковысским райисполкомом и Гродненским облисполкомом, пришли к выводу: культовое здание не передавать ни католикам, ни православным. При поступлении заявлений той или иной группы предоставить возможность строительства культового здания или аренды помещения, а также приступить к реконструкции здания костёла. В конце концов здание было предоставлено общине католиков [6, лл. 53-55]. Напряженная обстановка, вызванная сложностью передачи культовых зданий религиозным обществам из-за того, что на них одновременно претендовали и католики, и православные, сохранилась кое-где вплоть до 1990-х годов [6, лл. 66,67]. Подобное обострение межконфессиональных отношений происходило потому, что в белорусском законодательстве не было четкого определения социально-правового положения Церкви. Незаконно отнятые в советское время храмы, монастыри, строения, ценности, культовая утварь не признавались ее собственностью. Кроме того, при всем официально провазглашенном равенстве конфессий, государство отдавало приоритет Православной Церкви [12, с. 12].

Религиозная обстановка в области, по мнению Совета по делам религиозных культов Гродненского облисполкома, в первой половине 1990-х годов оставалась сложной из-за активной деятельности прежде всего католических миссионеров. В «Информации о формах и методах работы с ксендзами, приглашенными из Польши» от 29 марта 1994 года, сообщалось: «Область стала ареной борьбы практически всех религий. Беспокоит, что вся эта работа ведется, по сути дела, под руководством миссионеров из других государств ... В области получили разрешение на работу 33 ксендза из Польши и 2 из Литвы ... работает подпольно около 13 ксендзов и 12 монашествующих. Совет держит их працу в поле зрения». Вызывали обеспокоенность конфликты, возникающие между православным духовенством и верующими, в отдельных случаях – между верующими и органами власти [8, лл. 18, 19, 21].

Стремясь предотвратить конфликты на религиозной почве, органы власти изменили свое отношение к заявления и просьбам граждан, принимали по ним положительные решения. Удовлетворялись ходатайства верующих на возврат им незаконно отнятых в советское время культовых зданий. Так, только за 1992 – 1993 годы верующим было воз-

вращено 163 здания. Руководители колхозов, организаций оказывали практическую помощь в их ремонте [8, л. 6].

«Взаимоотношения между конфессиями носят характер невмешательства в дела друг друга, – отмечалось в «Информация о религиозной обстановке на территории Гродненской области по состоянию на 1 января 1994 года. – Экуменических взаимоотношений между конфессиями не наблюдается. Контакты между православным, католическим духовенством и протестантскими проповедниками – единичны и не носят систематического характера» [8, л. 16]. Изучение межконфессиональных отношений на Гродненщине в советский и постсоветский период показывает, что в целом они не носили антагонического характера. Духовенство и миряне были обеспокоены наступлением на религию атеистической власти, боролись в полном смысле этого слова за сохранение своей веры. Перестройка активизировала миссионерскую деятельность религиозных организаций, их борьбу за влияние на паству. На этой почве нередко возникали конфликтные ситуации. Органы власти стремились не допустить их разрастания и в ряде случаев принять компромиссные решения.

Список литературы

1. Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацыях: Закон Рэспублікі Беларусь: прыняты Вярхоўным Саветам Рэспублікі Беларусь 17 снежня 1992 г. // Звязда. – 1993. – 9 студзеня.

2. Второй Ватиканский собор. Конституции, Декреты, Декларации. – Брюссель, 1992. – 573 с.

3. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф.475. – Оп.1. – Д. 126. Сведения и информации о состоянии религиозной обрядности в области. 1979 г.

4. ГАГО. – Ф. 475. – Оп.1. – Д. 147, 148. Информации и справки о состоянии религиозной обстановки и работе комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культах области. 1981г.

5. ГАГО. – Ф. 475. – Оп.1. – Д. 195, 196. Информации о состоянии религиозной обстановке и работе комиссий содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах в области. 1987 г.

6. ГАГО. – Ф. 475. – Оп.1. – Д. 206. Переписка с вышестоящими организациями о деятельности религиозных обществ области. 30 января – 30 декабря 1989 г.

7. ГАГО. – Ф. 475. – Оп.1. – Д. 217. Справки, информации о состоянии религиозной обстановки в Гродненской области. 1941 г.

8. ГАГО. – Ф. 475. – Оп.2. – Д. 4. Отчетная и итоговая информация Совета по делам религий при исполкоме Гродненского областного Совета народных депутатов за 1992 – 1994 гг.

9. Государственный архив общественных объединений Гродненской области. – Ф.1. – Оп. 1. – Д. 1487. Стенограмма совещания членов обкома, облисполкома и горисполкома, руководящих работников партийных и советских органов от 8 апреля 1983г.

10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 6991. – Оп. 2. – Д. 509. Материалы II сессии II Ватиканского Вселенского собора в Риме (справки, отчеты наблюдателей). Т. 2. 29 октября – 4 декабря 1963 г.

11. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4П. – Оп. 1. – Д. 724. Документальные материалы по вопросам идеологической работы, науки, деятельности научно-исследовательских и учебных заведений. Т. 1. 15 января – 2 июля 1970 г.

12.Тиханский, А.И. Этноконфессиональные отношения в обществе и их влияние на национальную безопасность Республики Беларусь: монография / А.И. Тиханский. – Минск: ИНБ РБ, 2003. – 114 с.

13. Ярмусик, Э.С. Католический Костёл в Беларуси в 1945 – 1990-х годах: монография / Э.С. Ярмусик. – Гродно: ГрГУ, 2006.

14. Dzwonkowski, R. SAC. Postawy katolikyw obrzadku Oacicskiego na Bialorusi wobec jжzyka polskiego / R. Dzwonkowski SAC, O. Gorbaniuk, Y. Gorbaniuk. – Lublin:Tow-wo Naukowe KUL, 2004. – 183 s.

15. Eberhardt, P. Przemiany narodowoњciowe na Biaiorusi w XX wieku / P. Eberhardt // Przegl№d Wschodni. Historia i wspyiczesnoњж Polakow na Wschodznie Kwartalik.Warszawa. Tom XX. – Zeszyt 3 (7). – 1992/1993. – S. 527 – 556.

16. Jan Pawei II w dialogu miioњci z Koscioiem Wschodnim/ Wybyr i opracowanie A.Poikowski.Wstкp W. Hryniewicz OMJ. – Warszawa: instytut wydawniczy PAX, 1984. – 407 s.

17. Problemy њwiadomoњci narodowej ludnoњci polskiej na Biaiorusi: materiaiy konferencji miedzynarodowej, Grodno, 16-18 listopada 2001 r. / Zwiкzek Polakyw na Biaiorusi; red.: E. Skrobocki. – Grodno, 2003. – 288 s.

ДМИТРИЙ ЛЕПЕШЕВ, ВИКТОР РУДЕНИК

Гродно

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Авторами описывается новый методологический подход к анализу многофакторных мультипликативных экономических моделей. Практическая значимость состоит в том, что основные результаты, представленные в исследовании, могут применяться в современной практике анализа хозяйственной деятельности как отдельных предприятий и организаций, так и различных их совокупностей (по территориальному признаку, признакам принадлежности различным секторам либо отраслям экономики и т.п.). Предлагаемая методика анализа позволяет повысить эффективность механизма функционирования исследуемых предприятий и организаций, так как результаты анализа напрямую способствуют принятию наиболее адекватных управленческих решений, а также позволяют выявлять имеющиеся резервы.

В связи со стабилизацией экономики республики в последние годы приобретает немаловажное значение наряду с анализом степени влияния самих факторных признаков (сохраняющихся в большинстве своем на стабильном уровне) и анализ влияния структурных изменений в них, связанных с перераспределением материальных ресурсов, а также оценкой эффективности влияния такого перераспределения на результативный показатель. В этом случае взаимосвязь между факторными показателями является более сложной и не описывается только мультипликативными взаимосвязями, что в частности не позволяет при анализе использовать индексные схемы расчетов абсолютных приростов результативного признака, в зависимости от влияния на него факторных.

Используя методику анализа такого вида моделей, приводимую в [1, с. 36 – 44], на примере исследования модели изменения объемов производства и обобщая ее, можно проследить степень влияния как изменения каждого из значений факторных признаков, так и влияние изменения их структуры на изменение результативного показателя, устраняя при этом искажающее влияние на получаемые результаты всех прочих факторов. Так, общее увеличение объемов прибыли малых предприятий Гродненской области в 2003 году по сравнению с 2002 годом на 63,74 %, либо на 3133,6 млн. руб., было обусловлено влиянием следующих факторов: а) увеличением численности работников в среднем по области на 14,51 % – количественный фактор (по всем районам кроме Вороновского, Зельвенского, Ивьевского, Свислочского и Щучинского), повысившим прирост прибыли на 713,4 млн. руб., либо на 22,77 % от общего прироста прибыли, что составляет 14,51 % от объемов прибыли 2002 года; б) увеличением доли районов с предприятиями, имеющими более высокий уровень инвестиций в основной капитал на одного работника в среднем на 4,3 %, повысившим прирост прибыли на 225,2 млн. руб., либо на 7,2 % от общего прироста прибыли, что составляет 4,6 % от объемов прибыли 2002 года; в) увеличением объемов инвестиций на одного работника в среднем в 1,9 раза, повысившим

прирост прибыли на 5269,5 млн. руб., либо на 168,2 % от общего прироста прибыли, что составляет 107,2 % от объемов прибыли 2002 года; г) увеличением доли районов с предприятиями, более эффективно использующими инвестиции в основной капитал, в среднем на 23 % (по Дятловскому, Кореличскому, Островецкому, Свислочскому, Слонимскому и Щучинскому районам) повысило прирост прибыли на 81,7 % от общего прироста прибыли, либо на 2558,6 млн. руб., что составляет 52,04 % от объемов прибыли 2002 года; д) снижением экономической эффективности использования инвестиций в основной капитал в среднем на 41,3 % (по Волковысскому и Гродненскому районам), понизившим прирост прибыли на 5651,1 млн. руб., либо в 1,803 раза от общего прироста прибыли, что составляет 114,9 % от объемов прибыли 2002 года.

Следует отметить, что приведенный выше анализ может быть расширен с учетом взаимосвязей между существующими показателями, а также путем дробления показателей на факторы, их обусловливающие, и можно также провести более подробный анализ каждого из предыдущих факторов.

Одним из основных факторов, влияющих на объем производства, является показатель эффективности использования инвестиций в основной капитал. В 1999 году наблюдалось увеличение по сравнению с 1998 годом (на 45,1 %) среднего уровня эффективности использования инвестиций в основной капитал, главным образом связанное со структурными изменениями по предприятиям отдельных районов Гродненской области (Берестовицкому, Волковысскому, Дятловскому, Кореличскому, Лидскому, Новогрудскому, Свислочскому и Сморгонскому районам, предприятия в которых повысили эффективность использования инвестиций в основной капитал). Незначительные инвестиции в основной капитал в 1998 году по сравнению 1999 по Гродненскому (382 тыс. руб. в 1998 году к 13909 тыс. руб. в 1999), Мостовскому (соответственно 668 и 6663 тыс. руб.) и Щучинскому (соответственно 167 и 4752 тыс. руб.) районам Гродненской области привели к снижению его уровня в среднем по области на 22,7 %. А значит, при сохранении уровня эффективности использования инвестиций в основной капитал 1998 года по Гродненскому, Мостовскому, Ошмянскому, Щучинскому районам, а также городу Лида прибыль от основной деятельности могла бы быть увеличена на 1346797,42 тыс. руб., либо на 65 % от уровня прибыли по Гродненской области 1999 года. Произошедшее в 2000 году снижение на 22 % уровня эффективности использования инвестиций в основной капитал по сравнению 1999 годом в среднем по всем предприятиям области (несмотря на его резкое увеличение в Ивьевском, Кореличском и Островецком районах, повысивших его среднеобластной уровень на 11,6 %) было главным образом связано со снижением его уровней по предприятиям Гродненского, Дятловского, Лидского, Новогрудского и Сморгонского районов. Такое снижение в Гродненском, Новогрудском и Лидском районах было связано со значительным увеличением объемов инвестиций в основной капитал, а по Дятловскому и Сморгонскому районам произошло значительное снижение экономической эффективности использования инвестиций в основной капитал. То есть, при сохранении уровня 1999 года данного показателя по Дятловскому и Сморгонскому районам прибыль от основной деятельности могла бы быть увеличена на 98407,82 тыс. руб., либо на 2,63 % от уровня прибыли по Гродненской области 2000 года. Наблюдавшееся значительное (на 59,5 %) снижение в 2001 году среднеобластного уровня эффективности использования инвестиций в основной капитал произошло из-за глобального снижения его уровней по предприятиям Берестовицкого, Волковысского, Гродненского, Кореличского, Мостовского и Островецкого районов, несмотря на резкое увеличение эффективности использования инвестиций в основной капитал в Ошмянском и Слонимском районах, повысивших среднеобластной уровень – 2,1 %. При этом такое снижение в Гродненском, Кореличском и Мостовском районах было связано со значительным увеличением объемов инвестиций в основной капитал, а по Берестовицкому, Волковысскому и Островецкому районам произошло значительное снижение экономической эффективности использования инвестиций в основной капитал. Поэтому при сохранении уровней 2000 года этого показателя по Берестовицкому, Волковысскому и Островецкому районам прибыль от основной дея-

тельности могла бы быть увеличена на 575265,58 тыс. руб., либо на 15,15 % от уровня прибыли по Гродненской области 2001 года. Следует учесть, что по Гродненскому, Мостовскому и Щучинскому районам глобальное увеличение объемов инвестиций в основной капитал наблюдалось также с 1999 года. В 2002 году было отмечено резкое увеличение (в среднем по области в 2,65 раза) уровня эффективности использования инвестиций в основной капитал по предприятиям Гродненского, Свислочского и Щучинского районов, а также городов Гродно и Лида. В Гродненском и Щучинском районах оно было связано со значительным уменьшением объемов инвестиций в основной капитал, а по Свислочскому району и городам Гродно и Лида произошло значительное повышение экономической эффективности использования инвестиций в основной капитал. При этом следует учесть, что по Гродненскому и Мостовскому районам глобальное увеличение объемов инвестиций в основной капитал, наблюдавшееся с 1999 года, привело к увеличению объемов получаемой прибыли. Структурные изменения в перераспределении инвестиций в основной капитал (снижение доли предприятий, менее эффективно использующих инвестиции в основной капитал по Волковысскому и Щучинскому районам; а также по Кореличскому, Лидскому, Островецкому, Ошмянскому и Слонимскому районам, у которых произошло снижение объемов инвестиций в основной капитал) повысили средний по области уровень эффективности использования инвестиций в основной капитал по области на 39 %. Следовательно, при сохранении уровней 2001 года данного показателя по Волковысскому, Кореличскому, Лидскому, Островецкому, Ошмянскому и Слонимскому районам прибыль от основной деятельности могла бы быть увеличена на 1106992,56 тыс. руб., либо на 13,59 % от уровня прибыли по области 2002 года.

Средний уровень эффективности использования инвестиций в основной капитал по всем малым предприятиям области понизился в 2003 году по сравнению с 2002 годом на 28 %, либо на 0,71 руб. на руб. инвестиций в основной капитал. Такое изменение произошло главным образом за счет понижения эффективности использования инвестиций в основной капитал у предприятий отдельных районов области в среднем на 41,3 %, либо на 1,29 руб.; а также за счет повышения в объеме инвестиций в основной капитал доли предприятий с более высоким уровнем эффективности его использования в среднем на 22,8 %, либо на 0,58 руб. То есть понижение среднего уровня эффективности использования инвестиций в основной капитал в среднем по всем предприятиям области было главным образом связано с понижением его уровня по предприятиям Волковысского, Гродненского, Ивьевского и Мостовского районов; при этом такое понижение в Ивьевском и Мостовском районах было связано со значительным увеличением объемов инвестиций в основной капитал, а по Волковысскому и Гродненскому районам произошло значительное снижение экономической эффективности использования инвестиций в основной капитал. Поэтому при сохранении уровней 2002 года данного показателя по Волковысскому и Гродненскому районам прибыль от основной деятельности могла бы быть увеличена на 2458477,87 тыс. руб., либо на 30,54 % от уровня прибыли по Гродненской области 2003 года. С учетом того, что по Гродненскому району глобальное увеличение объемов инвестиций в основной капитал, наблюдалось с 1999 года, а в Волковысском с 2001 года, данные объемы прибыли можно рассматривать как неиспользованный потенциал, а также (с учетом того, что инвестиции в основной капитал сохраняют свое значение в течение длительного времени) как резервы для ее увеличения в будущем. Структурные изменения в перераспределении инвестиций в основной капитал повысили средний уровень эффективности использования инвестиций в основной капитал по области на 22,8 %.

Аналогичным образом может быть проанализировано изменение среднего уровня заработной платы работников. Так, увеличение средней заработной платы в целом по области на 36,3 %, либо на 242,73 тыс. руб., в 2003 году по сравнению с 2002 годом было главным образом обусловлено ростом заработной платы по предприятиям отдельных районов области (кроме Зельвенского) в среднем на 35,6 %, либо на 239,566 тыс. руб. Структурные же изменения в перераспределении работников малых предприятий отдель-

ных районов (увеличение доли работников с более высоким уровнем оплаты труда) области по уровню заработной платы повысили ее на 0,5 % либо, на 3,164 тыс. руб.

Отметим универсальность предлагаемой методики анализа. При помощи замены переменных может быть исследован результативный показатель, анализ которого начинается как с количественного факторного признака, так и с качественного (при этом сохраняется описанная выше возможность исследования также и структуры факторных признаков). Анализ преобразованных моделей также всегда имеет конкретный экономический смысл. Например, при исследовании модели изменения объемов производства такая замена приводит к модели изменения показателя производительности труда одного работника (анализ изменения этого показателя будет проведен ниже), а при исследовании модели изменения среднего уровня заработной платы работников обратная замена приведет к модели изменения фонда заработной платы. Проведем ее анализ по малым предприятиям Гродненской области.

Общее увеличение фонда заработной платы в 2003 году по сравнению с 2002 годом на 56 %, либо на 5584234 тыс. руб., было обусловлено влиянием следующих факторов. Влияние количественного фактора (численность работников в среднем по области увеличилась на 14,51 % по всем районам, кроме Вороновского, Зельвенского, Ивьевского, Свислочского и Щучинского) увеличило прирост фонда зарплаты на 1445514,51 тыс. руб., либо на 25,89 % от общего его увеличения, что составляет 14,5 % от объемов данного фонда в 2002 году. Структурные изменения в составе работников предприятий отдельных районов области повысили прирост фонда зарплаты лишь на 0,97 % от общего его увеличения, либо на 53954,63 тыс. руб., что составляет 0,5 % от фонда зарплаты в 2002 году.

Однако общее увеличение фонда оплаты труда в 2003 году по сравнению с 2002 годом было главным образом связано с влиянием качественного фактора (средняя зарплата на малых предприятиях отдельных районов области поднялась на 35,6 %), повысившего прирост фонда заработной платы на 73,14 % от его общего прироста, либо на 4084764,95 тыс. руб., что составляет 41 % его уровня 2002 года. Поэтому изменения в уровне оплаты труда должны быть соотнесены с изменениями производительности труда, как основополагающей качественной причины (в отличие от различных количественных причин, например, инфляционных процессов) в изменениях оплаты труда.

Заметим, что данная методика анализа дает возможность объединения в единое целое многофакторного индексного анализа и факторного анализа в индексных системах с внутренней структурой. Поэтому, объединяя многофакторный анализ и анализ в индексных системах с внутренней структурой, можно также проанализировать изменение показателя производительности труда.

Средний уровень производительности труда одного работника по области в 2003 году повысился по сравнению с 2002 годом на 43 %, либо на 141,93 тыс. руб. Такое увеличение средней производительности труда по области было главным образом обусловлено увеличением производительности труда непосредственно по предприятиям отдельных районов (кроме Берестовицкого, Волковысского, Гродненского, Ивьевского, Лидского, Слонимского, а также города Лиды) области в 1,435 раза, либо на 143,22 тыс. руб. Поэтому общее увеличение объемов получаемой прибыли в целом по области было, главным образом, связано с увеличением производительности труда на предприятиях отдельных районов области на 77,93 % от общего изменения объемов получаемой прибыли. Уменьшение доли работников предприятий с более высоким уровнем производительности труда снизили значение производительности труда одного работника в среднем по области на 0,4 %, либо на 1,29 тыс. руб. При сохранении уровня производительности труда 2002 года по данным районам прибыль от основной деятельности увеличилась бы на 653103,25 тыс. руб., либо на 13,28 % от уровня прибыли по Гродненской области 2002 года. Данные объемы прибыли имеют экономический смысл производственных резервов, связанных с более эффективным использованием живого труда.

Аналогично приводимым выше расчетам можно также оценить размеры производственных резервов, связанных с изменением уровней производительности труда работников, за предыдущие годы. Причем для получения сопоставимых данных вычисление резервов требуется проводить как в абсолютных величинах, так и по отношению к объемам полученной прибыли за соответствующий базисный период. То есть, при сохранении уровня производительности труда 1999 года по Гродненскому, Дятловскому, Зельвенскому, Слонимскому и Сморгонскому районам объем производственных резервов составляет 52522,96 тыс. руб., либо 2,6 % от уровня прибыли по Гродненской области 1999 года. При сохранении уровня производительности труда 2000 года по всем районам, кроме Гродненского, Дятловского, Зельвенского, Лидского, Новогрудского, Ошмянского, Слонимского и Сморгонского, Щучинского, а также города Лиды, объем резервов составляет 839372,8 тыс. руб., либо 21 % от уровня прибыли по Гродненской области 2000 года; а при сохранении уровня производительности труда 2001 года по Зельвенскому, Ивьевскому, Новогрудскому, Островецкому и Щучинскому районам – 31865,55 тыс. руб., либо 0,88 % от уровня прибыли по Гродненской области 2001 года. Соответствующее значение резервов, имевшихся в 2003 году, составляет 653103,25 тыс. руб., либо 13,28 % от уровня прибыли по Гродненской области 2002 года.

Список литературы

1. Лепешев, Д.И. Статистический анализ изменения показателей хозяйственной деятельности / Д. И. Лепешев // Потребительская кооперация. – 2006. – № 3(14). – С. 36 – 44.

МАРИЯ НОВАЦКА

Белосток

МОРАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЙСТВИЙ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ

С развитием медицины всё большее значение приобретают действия, направленные не только на повышение восприимчивости человека на состояние его здоровья, но также (и главным образом) на возможность положительного влияния на это состояние во всё большем объёме. Современная медицина не только лечит, но также стимулирует определённые поведение и стиль жизни, оцениваемые как проздоровительные. Возникла и всё больше динамически развивается новая область медицины – общественное здоровье. Однако действия, предпринимаемые в пределах этой области медицинского знания, не являются морально нейтральными, а имеют свои определённые последствия в этической сфере.

Самой старой, первоначальной концепцией здоровья в европейской культуре была концепция, высказанная Гиппократом [9, с. 76-90]. Именно он, а вернее, его последователи собрали и упорядочили в единое целое взгляды на то, чем является здоровье. В соответствии с этой концепцией состояние организма зависит от состояния или, вернее, степени равновесия – с одной стороны, между отдельными частями этого организма, а с другой – между этим организмом и внешней средой. Полное равновесие обозначает здоровье, её шаткость обозначает болезнь.

Переломным моментом в этой области было появление картезианской философии [5, с. 27-46]. Эта философия, как известно, сепарировала точно материальную сферу от духовной сферы, причём материальную сферу она описывала в категориях механики. В

контексте картезианской парадигматики понятие «болезнь» было принято по аналогии с повреждением механизма, а реакция врача на болезнь была аналогичной реакции механика, ремонтирующего повреждённые части машины. В процессе лечения врач не ощущал необходимости видеть целый организм, так как достаточно было видеть повреждённую часть механизма. Это был редукционный подход, направляющий всегда врачебные действия на определённый повреждённый фрагмент органической машины.

Механистически-редукционная картезианская модель была несколько дополнена в конце XIX века. Тогда было замечено, что на состояние организма влияют не только биологические, но также и общественные факторы. Человек стал восприниматься как комплекс элементов, связанных между собой разными отношениями таким образом, что знание одного из элементов давало одновременно знание об остальных элементах и о человеке в целом. Здоровье перестало считаться исключительно сферой медицины, было признано, что и другие науки вносят многое в понимание факторов, являющихся причиной того, что состояние здоровья непостоянно. Эту концепцию здоровья определяют как социомедицинскую [2]. По-прежнему, однако, неоспоримой парадигмой оставалось картезианское (механистическое) понимание организма, а в медицинских действиях доминировало ремонтное лечение. Это приводило к тому, что здоровье в этой концепции понималось как категория универсальная, применяемая одинаково и однозначно для каждой личности. Одновременно тогда и закрепилась, в определенной мере, система медицины, существтсвующая до сих пор. Именно тогда была начата более точная медицинская специализация, а также определилась система клинического обучения врачей и медсестёр. Всё это способствовало закреплению медицинского патернализма, то есть фактически предметной трактовке пациента.

Однако социомедицинская парадигма здоровья выполняла очень важную роль, потому что являлась введением в современную парадигму социоэкологического здоровья [2, с. 17-19]. Учёные, медики начали всё в большей мере замечать влияние на состояние здоровья, кроме биологических, также и других факторов. Особенно существенным было то, что была замечена связь организма с экологическим контекстом. Таким образом, всё шире стали исследоваться разные уровни поведения, связанные со здоровьем. Постепенно учёные приходили к такой точке зрения, что медицинские действия должны определяться не только биомедицинскими факторами, но также психологическим, общественным и культурным контекстами, в каких находится человеческая личность. Можно сказать, что если при социомедицинской парадигме ссылались на явления, влияющие на оздоровительное состояние человека как биологической и общественной личности одновременно, то при социомедицинской парадигме начали сначала ссылаться на самое человеческое существо, а лишь потом на явления, которые были следствием состояния здоровья личности. А так как человеческая личность существует как в физическом, так и психическом и общественном измерениях, начали в связи с этим описывать оздоровительное состояние личности в отношении равновесия между тремя сферами функционирования человека: физической, психической и общественной. Правильное состояние, то есть состояние равновесия между этими сферами, было признано как состояние здоровья. Это дано в дефиниции здоровья, сформулированной Всемирной организацией здравоохранения.

Данная дефиниция, содержащаяся в программе Всемирной организации здравоохранения, принятой в 1946 г., определяет, что состояние здоровья – это состояние совершенного физического, психического и общественного самочувствия, а не только отсутствие болезни или порока [8, с. 84, 96]. Такое признание здоровья за полное благополучие в трёх измерениях (физическом, психическом и общественном) очевидно идёт в разрез с редукционистической моделью. Нужно заметить, что здоровье принято понимать как некое идеальное состояние, так как сомнительным было бы, чтобы кто-нибудь чувствовал, что он находится в состоянии совершенного самочувствия во всех трёх сферах. А если здоровье является лишь неким идеалом, то нужно как можно эффективнее к нему приближаться. Задачей медицины становится всё более эффективное приближение

к этому идеалу как отдельных личностей, так и общества в целом. Такое мнение положено в основу нового раздела медицины – общественное здоровье.

Наступило более широкое понимание целей, какие ставит перед собой медицина – её задача с этого момента не только лечение болезней, но также создание определённого стиля жизни, рекламирование индивидуального и общественного поведения, которые признаны как положительные ввиду благоприятных последствий в сфере индивидуального и общественного здоровья. С этого момента речь идёт не только о профилактике, которой медицина занималась с самого начала своего существования. Охрана здоровья является комплексом методически применяемых действий, направленных на предоставление возможности каждому человеку воздействовать на собственное здоровье в целях его улучшения и сохранения. Именно такая дефиниция пропаганды здоровья была принята Международной конференцией пропаганды здоровья в Оттаве в 1986 г. и нашла отражение в документе *Оттавская карта охраны здоровья*.

Охрана здоровья является важнейшей задачей практического воздействия на общественное здоровье как отдельного раздела медицины [1]. В своей сущности эта практика сводится к принятию систематических взаимосвязанных и методологически направленных действий в сфере воспитания здорового образа жизни. Если принять во внимание, что человек может реально влиять на собственное здоровье, то есть здоровье человеку не дано, но может быть им сформировано и соответствующие с его стороны действия могут иметь положительные или отрицательные последствия, то из этого можно сделать вывод о том, что личности нужно разъяснить причинно-следственную зависимость между её действиями и состоянием её здоровья. Иначе говоря, надо личность подвергнуть соответствующему воспитанию, целью которого должно стать воспитание в личности и в обществе как целостности рационального отношения к здоровью и болезни, а также чувства ответственности за собственное здоровье и коллективной ответственности за здоровье общества. Воспитание здорового образа жизни – в настоящее время одна из важнейших отраслей общественного здоровья в медицинской сфере.

Очевидно, что создание и динамическое развитие этой области медицинского знания, какой является общественное здоровье, могло совершиться лишь при условии опоры на прежние достижения и изменения в понимании такого явления, как болезнь. Прежнее убеждение, что болезнь дана божьим провидением или предопределением судьбы, должно было замещено убеждением, что здоровье в значительной мере зависит от самого человека [10, с. 50, 51]. Правда, открытия генетики указывают на существование врождённой предрасположенности к определённым болезням, а следовательно, не всё зависит от сознательных действий личности или общества, но это не приходит в противоречие с тезисом, что способ жизни может уменьшить или увеличивать риск заболевания. Кажется, что такой взгляд уже крепко утвердился в общественном сознании, что активизирует развитие области медицинского знания, какой является общественное здоровье. Впрочем, этот взгляд имеет прочные объективные основания. Доказано, что произошедшее в сфере западной цивилизации значительное повышение уровня здоровья за последнее столетие лишь в небольшой части можно приписывать факторам и строго медицинскому вмешательству. В значительной мере это улучшение было вызвано улучшением санитарных условий, ростом уровня гигиены и качественно лучшим и более диетическим питанием [3, с. 16].

Таким образом, развитие общественного здоровья имеет действительные эмпирические основания, а единичные и общественные последствия этого развития являются, несомненно, положительными. Это, однако, не значит, что данное развитие не вызывает неких принципиальных опасений этического характера. Личность и общество, особенно богатые общества развитых стран, находятся под большим давлением со стороны лиц и учреждений, пропагандирующих «здоровую» модель жизни. Развитые и интенсивные формы пропаганды здоровья очень сильно влияют на жизнь общества, создавая разного рода поведения: «здоровый» образ жизни, питания и т.п. Некоторые считают, что это вмешательство так эффективно, что создаёт новую действительность, а именно медика-

лизированный мир [4, с. 71-77; 11, с. 19-26]. В этом мире личность была подвергнута действиям общественного натиска убеждающего характера в виде пропаганды и рекламы, которые должны расположить её к соответствующему (с медицинской точки зрения) поведению [10]. Однако появляется здесь определённая проблема, заключающаяся в том, что ни медицина не сумеет однозначно и убедительно в каждом случае обосновать свои показания, ни личность не способна самостоятельно их проверить. Отсюда появляется мода на стиль жизни, на вид диеты или тип фигуры. Нет возможности проверки их положительного или относительно вредного воздействия или, по крайней мере, это невозможно за короткое время.

Заметим, что мы действительно имеем здесь дело с ситуацией, в которой медицинский патернализм в единичном размере заменяется медицинским патернализмом в общественном размере. Настоящий патернализм определял отношения между врачом и пациентом; новый патернализм характеризовал бы отношения между медициной и обществом. В контексте прежнего патернализма врач был распорядителем медицинского знания, которого пациент не в состоянии был усвоить сам. В соответствии с новым патернализмом, медицина путём разного рода общественных учреждений, которые служат охране здоровья, передаёт обществу свои установления, снабженные прилагательным «научные», которые общество не в состоянии проверить. Очевидно, что не медицина ответственна за моду и тенденции в сфере заботы о собственном здоровье, а скорее коммерциализация общественной жизни, которая даёт возможность различным группам деловых людей достичь собственной выгоды, используя естественное человеческое желание долго жить, имея хорошее здоровье. Тем не менее это именно в контексте этой области медицинского знания, какой является общественное здоровье, выдвигается проблема сугубо этического характера. Можно эту проблему выразить вопросом: есть ли у личности моральный долг, чтобы для собственного блага жить в соответствии с определённым оздоровительным режимом, или есть ли у него моральное право жить в противоречии с таким режимом, если возможные отрицательные оздоровительные последствия касаются только её.

Мы можем, разумеется, остановиться на основе какой-то деонтологической этики и признать моральный долг делать всё, что способствует охране здоровья, и воздерживаться от всего, что здоровью вредит. Если, однако, этот вид морального долга мы сделали бы основанием решаемого права, формулируя в виде юридических норм соответствующие прооздоровительные предписания и запреты (исходя из того, что медицина может их перечислить), то результатом был бы достаточно трудный для представления строй медицинского тоталитаризма. Затем, с точки зрения утилитаристской этики, ситуация не представляется однозначно, так как, по правде говоря, аргументация обоснована, что оздоровительные действия касаются только данной личности, а следовательно, она может, но не обязана их выполнять. Так же обоснована и аргументация, что прекращение оздоровительных действий имеет отрицательные последствия в общественном масштабе, а следовательно, общество имеет право заставить личность их реализовать. Можно на этом основании предполагать, что если нет юридического предписания определённого оздоровительного поведения, это только потому, что невозможно доказать, что в определённых случаях возникает необходимый причинно-следственный союз между таким поведением и определённым заболеванием. Однако, с другой стороны, фактом остаётся то, что современная медицина имеет общественный масштаб, так как в очень многих случаях больной человек не в состоянии, ввиду больших затрат на лечение, сам нести необходимые расходы. Иначе говоря, во многих случаях здоровые люди должны нести финансовые расходы лечения больных людей. В таком случае лица, которые выбирают для собственного удобства и удовольствия «нездоровый» режим жизни, поступают нечестно перед обществом, обременяя их дополнительными затратами. С утилитаристской точки зрения надлежало бы признать, что такие люди вредят другим, а следовательно, общество имеет моральное право применять насилие, то есть, диктовать определённые образцы поведения.

Некоторые формы поведения издавна пресекались законодательно или запрещались; например, запрет употребления наркотиков. Однако такого рода препятствия и запреты были не для блага личности, а ввиду деструктивных результатов определённого поведения. С некоторого времени появилась новая тенденция, а именно мотивированное введение очередных ограничений из соображения блага личности. Единственным пока примером является введение в разных странах всё больших ограничений курения. Проводимая в течение многих лет интенсивная кампания, которая показывала вред курения, не привела, однако, к введению всеобщего запрета. Очевидно, из-за опасения, что такой запрет мог бы причинить огромный общественный вред, как в случае введения в США запрета на употребление алкоголя. Несомненно, однако, такой запрет не вводится также и по поводу утилитаристски понимаемой свободы личности. Но эта кампания привела к выводу, что курильщик, правда, имеет право вредить самому себе, однако у него нет права при этом вредить другим лицам. Хотя в качестве аргумента приводятся данные, указывающие на общественные издержки курения, например, затраты на лечение болезней, вызванных курением. Однако эта аргументация вспомогательная, не доказывающая возложенные ограничения. Достоинством является единственный тезис, что курильщик не может вредить некурящим. Это, несомненно, утилитаристски мотивированная точка зрения. И на этом основании возлагаются и всё больше расширяются запреты курения в общественных местах. Возможно, что мы действительно находимся в начале своеобразного процесса замещения патернализма в единичном размере патернализмом в общественном размере [6, с. 241-254].

В заключение нужно также указать на некоторое косвенное последствие всё более широкого и всё более интенсивного значения оздоровительных позиций. Можно рискнуть и высказать тезис, что действия в сфере общественного здоровья способствуют отходу от традиционного признания жизни как наивысшей ценности и к стремлению признать за ценность единственно само качество жизни. Иначе говоря, появляется отчётливая тенденция отхода от принципа святости жизни и одобрения, она заменяется принципом качества жизни. Категория святости жизни является основной категорией христианской биоэтики. Она понимается как безусловная категория, отсюда основное возражение христианских моралистов против эвтаназии, аборта или генетических манипуляций. Однако популяризация убеждения, что человек может всё в большем объёме влиять положительно на состояние своего здоровья, должно вести также к убеждению, что лишь здоровье (физическое и психическое) является ценностью жизни. Жизнь в физическом и психическом дискомфорте, вызванном заболеваниями, воспринимается как недостойная человека. Отсюда происходит всё настойчивее выдвигаемое требование легализации эвтаназии. На основе этик и утилитаристского типа отчётливо выдвигается тезис, что традиционная концепция святости жизни должна быть заменена концепцией качества жизни, как и должны проистекать из этого практические выводы. Наиболее известным пропагандистом такого тезиса является австралийский биоэтик Питер Сингэр [7].

Гипотеза о том, что существует причинная связь между интенсифицированием действий в сфере общественного здоровья и распространение утилитаристских положений в биоэтике, требует более глубокого обоснования, которое могло бы утвердиться только после проведения соответствующих исследований. По крайней мере, можно сказать, что интенсивное развитие общественного здоровья как медицинской области укрепляет тенденцию к отходу от положения абсолютного уважения святости жизни в направлении утилитаристского положения, ориентированного на качество жизни.

Список литературы

1. Promocja zdrowia / red. J. B. Karski. – Warszawa: Ignis, 1999.

2. Kulik, T.B. Koncepcja zdrowia w medycynie / T.B. Kulik // Zdrowie publiczne / red. T. B. Kulik, M. Latalski. – Lublin: Wydawnictwo Czelej, 2000.

3. McKinlay, J. B. Trends in Death and Disease and the Contribution of Medical Measures / J. B. McKinlay, S.M. McKinlay, R. Beaglehole; red. H.E. Freeman, S. Levine. – N.J.: Handbook of Medical Sociology, Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1988.

4. Niebryj, L. Promocja zdrowia: nowy totalitaryzm? / L. Niebryj // Annales Academiae Medicae Silesiensis. – 2002. – № 34.

5. Nowacka, M. Filozoficzne aspekty terapii transplantacyjnej / M. Nowacka. – Biaiystok: Trans Humana, 2002.

6. Nowacka, M. Autonomia pacjenta jako problem moralny / M. Nowacka. – Biaiystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Biaiymstoku, 2005.

7. Singer, P. O ïyciu i њmierci. Upadek etyki tradycyjnej, tium / P. Singer; A. Alichniewicz, A. Szczкsna. – Warszawa: PIW, 1997.

8. W krкgu ïycia i њmierci. Moralne problemy medycyny wspyiczesnej / pod red. Z. Szawarski. – Warszawa: Ksi№ïka i Wiedza, 1987.

9. Szumowski, W. Historia medycyny filozoficznie ujкta / W. Szumowski/ – Warszawa, Sanmedia, 1994.

10. Veatch, R.M. Voluntary Risks to Health. The Ethical Issues / R. M. Veatch // Journal of American Medical Association. – 1980. – № 1.

11. Zalewski, Z. Co kryje siк za promocj№ zdrowia? / Z. Zalewski // Sztuka leczenia. – 1997. – III, I.

NINA RACZKIEWICZ

Biaiystok

ЊWIКTA TRZECH KRУLI NA BIAJOSTOCCZYЏNIE

Biaiostocczyzna stanowi interesuj№cy obszar badac etnolingwistycznych ze wzglкdu na zryïnicowanie nie tylko etniczne czy religijne, ale rywnieï jкzykowe i kulturowe.

W niniejszym artykule prezentowana jest leksyka oraz zwyczaje i obrzкdy zwi№zane ze њwiкtem Epifanii, czyli Objawienia Pacskiego powszechnie zwanym њwiкtem Trzech Kryli.

Przypadaj№ce na dziec 6 (19) stycznia њwiкto Trzech Kryli poprzedzone jest wigili№, obchodzon№ przez prawosiawnych mieszkaccyw Biaiostocczyzny niezwykle uroczyњcie. Dziec ten charakteryzuje siк wyj№tkow№ ryïnorodnoњci№ i obfitoњci№ zarywno obrzкdyw, zabiegyw magicznych jak i nazw gwarowych. Wigilia Trzech Kryli nazywana jest w gwarach Biaiostocczyzny nastкpuj№co: *drˈuha koladˈa, druhˈaja kaladˈa, druhˈaja v`ilˈeja, koladˈa na kreљuˈecije, koladˈa pˈyryt kreљuˈecijem, kuc`ˈa trykrolˈova, kreљuˈecska koladˈa, kreљuˈecskaja v`ilˈeja, pˈosnaja kaladˈa, pˈosnaja kut`ˈa, љuˈedry vˈeuur, љuedrˈuMovka, souˈelcik trox krˈuMoli, trykralˈovaja v`ilˈeja, v`ilˈeja trox krˈoli, v`ilˈeja kreљuˈecija, v`ilˈija (v`ig`ˈilja) tљex krˈuli, vaZ`anˈaja kaladˈa, vod`anˈaja koladˈa, vodnˈaja koladˈa, vod`anˈaja kolˈadka.* W tym dniu њwiкcono w cerkwi wodк, ktyr№ pyџniej wierni kropili domy, obejњcia, dobytek, uïywaj№c kropidia zrobionego z kilku kiosyw ïyta, wyci№gniкtych ze snopa stoj№cego w k№cie izby pod ikonami od wigilii Boïego Narodzenia. Wodк tк dawano piж dzieciom i chorym. Wierzono bowiem, ïe њwiкcona woda pomaga na wszelkie choroby (chorym kazano piж j№ na czczo), leczy przestrach, uњmierza byl, uspokaja burze i pioruny. Niektyrzy uwaïali nawet, ïe *vadˈa z sauˈelnika je vaћcˈejљa uym kreљuˈecska* ‘woda poњwiкcona w wigilік Trzech Kryli jest waïniejsza od tej poњwiкconej w њwiкto’ (Koџliki). Gospodarz sam kreњlii kred№ krzyïyki na budynkach gospodarskich, na framudze drzwi, okien, sam kropii wszystko њwiкcon№ wod№. Mywiono: *haspadˈar sam vyp`ˈisyvaje kaladˈu* (Grydek).`

Pamiкtano tez o innym magicznym zabiegu: ojciec rodziny rozr№bywai trzy ogniwa chruњcianego piotu, aby «przer№баж» to nieszczкњcie, ktyre mogioby siк staж w zwi№zku z tym, ïe zostai naruszony zakaz wykonywania jakichkolwiek czynnoњci w њwiкte wieczory (Supraњl). Po wieczerzy mawiano: *pajdˈu, pratnˈu v`ˈitku v piˈoc`e, tadˈy ce bˈuZ`e ћyv`iˈce љkˈoZ`ic`i* ‘pyjdк przeci№ж witkк w piocie, aby zie moce nie miaiy wpiywu na ïywy inwentarz’ (Studzianki).

Wieczerza. Wigilia њwiкta jest dniem postnym, czczonym podobnie jak wigilia Boїego Narodzenia. St№d teї wieczerza spoїywana w tym dniu musiaia byж postna. Na Biaiostocczyџnie notujemy nastкpuj№ce nazwy gwarowe wieczerzy, bкd№ce w zasadzie powtyrzeniem niektyrych nazw caiego wieczoru: *kreљu|ecska kolad|a, kreљu|ecska kut`|a, kuc`|a trykrol|ova, druh|aja kalad|a, dr|uha kolad|a, љuedr|uMovka, љu|edra vyu|era, trykral|ovaja vil|eja, vaZ`an|aja kalad|a, vod`an|aja kolad|a (kol|adka), vodn|aja kolad|a, vod`an|aja kut`|a.* Gospodynie przygotowywaiy te same potrawy**,** ktyre przyrz№dzaiy na wigiliк Boїego Narodzenia, gospodarz zaњ przynosii siano i rozkiadai je na stole jak podczas wigilii Boїego Narodzenia. Za stoiem stai takїe snop czy wigilijna wi№zka їyta. Przed wieczerz№ domownicy myli rкce i twarz wod№, ale nie wycierali siк rкcznikiem.

Wieczerza przed Trzema Krylami byia jakby powtyrzeniem wigilijnej wieczerzy boїonarodzeniowej i zamykaia caiy diugi okres њwi№teczny. Jednoczeњnie byia teї zapewne biesiad№ poїegnaln№ dla dusz zmariych.

Chrzest Pacski. Epifania. Objawienie Pacskie. Њwiкto Trzech Kryli Њwiкto Epifanii, czyli Objawienia Pacskiego powszechnie zwane њwiкtem Trzech Kryli jest њwiкtem nieruchomym obchodzonym dwa tygodnie po Boїym Narodzeniu.

Cerkiew prawosiawna czci ten dziec jako њwiкto, ktyre zostaio ustanowione na pami№tkк chrztu Jezusa Chrystusa w rzece Jordan [1, s.144]. Њw. Jan zwany pyџniej Chrzcicielem przybyi do doliny Jordanu, by tam zacz№ж giosiж swoj№ naukк. Jego siowa szybko znalaziy szeroki rozgios. Nad brzeg Jordanu ci№gnкiy niezliczone rzesze chiopyw, їoinierzy, urzкdnikyw i uczonych w Riњmie. Siowa proroka wywieraiy wielkie wraїenie. Њw. Jan potкpiaj№c wszelkie zio, przemoc, niesprawiedliwoњж, wyzysk i donosicielstwo wzywai do nawrycenia, duchowej przemiany i oczyszczenia, a takїe duchowego odrodzenia, ktyrego symbolem byi chrzest poprzez zanurzenie siк w wodzie [2, s.59]. «Jako symbol wejњcia w erк mesjacsk№ Jan wybrai obrzкd zanurzenia w wody Jordanu, rzeki, ktyra od niepamiкtnych czasyw uchodziia za rubieїe Ziemi Њwiкtej. Tak jak woda obmywa ciaio, podobnie pokuta i nawrycenie oczyszcza duszк. Gdy poganin przechodzii na judaizm, dokonywano nad nim obrzкdu obmycia – tebil. Jan Chrzciciel domagai siк tego samego od Їydyw na znak, їe narodzili siк do nowego їycia» [3, s.48]. Cerkiew prawosiawna uwaїa, їe «podczas chrztu w Jordanie Jezus obmyi ludzkoњж z grzechu pierworodnego w podobny sposyb, w jaki grzech kaїdego cziowieka zmazywany jest podczas chrztu dokonywanego w koњciele» [2, s.144}.

Podczas gdy wschodni chrzeњcijanie na pierwszym planie stawiaj№ chrzest Chrystusa (st№d њwiкto Jordanu), na Zachodzie na pierwszym miejscu stawiany jest hoid zioїony nowo narodzonemu Chrystusowi przez mкdrcyw, przybyiych z dalekich stron. Koњciyi Zachodni samo њwiкto nazywa њwiкtem Trzech Kryli» {4, s.200]. W 1164 roku Fryderyk Barbarossa sprowadzii z Mediolanu do Kolonii «relikwie trzech kryli». Byi to zapewne powyd legendarnego i nieco folklorystycznego ujкcia Epifanii jako њwiкta Trzech Kryli [5, s.283].

W gwarach Biaiostocczyzny dziec ten jest okreњlany jako: *Kreљu|ecije, Kreљu|ece, Tљy Kr|uli, Tљex Kr|uli, Trox Kruli, Try Kr|oli, Try Kr|uMoli, Try Kr|uli, Vodokreљu|ecije, Vodokr|уљuy, Vodoxr|уљua.* W tym dniu w koњciele katolickim њwiкcono kadzidio, mirrк i kredк, zaњ w cerkwi prawosiawnej ponownie њwiкcono wodк. Zwyczaj dwukrotnego њwiкcenia wody przyj№i siк w Prawosiawiu od XII wieku [1, s.144]. W przeddziec Epifanii wodк њwiкcono w cerkwi, a w dniu њwi№tecznym – zgodnie z tradycj№ – w jeziorze, morzu lub rzece. Jeїeli w danej miejscowoњci byi staw, jezioro lub rzeka poњwiкcenie wody odbywaio siк wiaњnie tam. Wierni szli z uroczyst№ procesj№ nad rzekк lub jezioro, r№bali przerкbel w ksztaicie krzyїa, niekiedy polewali krawкdzie lodu sokiem buraczanym (Siderka) i wspyiuczestniczyli w uroczystym poњwiкceniu wody. Miejsce, gdzie odbywa siк poњwiкcenie wody prawosiawni mieszkaccy Biaiostocczyzny okreњlaj№***:*** *jord|ac* lub *ord|ac***.** Nazwy te zostaiy utworzone od nazwy rzeki Jordan – giywnej rzeki w Palestynie, w ktyrej zostai ochrzczony Chrystus. Poњwiкcona woda zwana *jord|acska vod|a, jord|ana vod|a, kresc|ecska vod|a* miaia wielk№ moc lecznicz№, dlatego teї niektyrzy њmiaikowie zanurzali siк w przerкbli po szyjк. Wiкkszoњж wiernych poprzestawaia jednak na nabraniu poњwiкconej wody do przyniesionych ze sob№ naczyc. W domu ponownie њwiкcono dobytek, obejњcie, dom. Kropidio przechowywano w domu do nastкpnego roku, gdyї wierzono,

їe chroni dom przed myszami (Mielnik). Przez tydziec po њwiкcie Trzech Kryli nie wolno byio praж, bo woda w rzekach i stawach byia niedawno њwiкcona (Biaiowieїa). Wierni wyznania katolickiego po przyjњciu z koњcioia do domu poњwiкcon№ kred№ wypisywali na framudze drzwi inicjaiy: KMB – pierwsze litery imion Kacper, Melchior i Baltazar.

S J O W N I K

Hasia podane zostaiy w porz№dku alfabetycznym. Za podstawк wyryїnienia hasia uznaje siк kryterium fonetyczne. W siowniku stosuje siк odsyiacze, wprowadzaj№c skryt «zob.» do wyrazyw synonimicznych. Zwi№zki frazeologiczne oznacza siк symbolem #. Nazwy gwarowe zebrane na terenie Biaiostocczyzny zestawiono z ich odpowiednikami w jкzykach literackich i gwarach biaioruskich, ukraicskich, rosyjskich i polskich. W niektyrych przypadkach podano etymologiк.

druh|aja 1. **# druh|aja kalad|a** *druh|aja kalad|a, dr|uha kolad|a* zob. **kalad|a**

druhaja 2. **# druhaja wileja** *druh|aja v'il|eja* 'wigilia Trzech Kryli' zob. **wilija**

jordac *jord|ac,* **ordac** *ord|ac* 'miejsce nad rzek№, stawem lub jeziorem, gdzie odbywa siк uroczyste poњwiкcenie wody przez kapiana podczas њwiкta Trzech Kryli'; por. scs. LIwрдань '1.ceremonialne chodzenie z procesj№ w њwiкto Epifanii nad rzekк, gdzie odbywa siк wielkie i uroczyste poњwiкcenie wody; 2. Miejsce urz№dzone na rzece, jeziorze lub stawie dla њwiкcenia wody w њwiкto Epifanii' (Znos 131), ukr. *йордань, ордань* 'ts', brus. *ірдань* 'ts', ros. *иордань* 'ts' (Dal II 68), *ердань*, gw. *ёрдань, ирдань, ордань* 'ts' (Vasm II 23).

jordacska woda *jord|acska vod|a, jord|ana vod|a, kreљu|ecska vod|a* 'woda њwiкcona w dniu њwiкta Trzech Kryli podczas uroczystej procesji nad stawem, jeziorem lub rzek№'.

kreszczecska 1. **# kreszczecska kolada** *kreљu|ecska kolad|a,* **kolada na kreszczenije** *kolad|a na N kreљu|ecije,* **kolada pyryt kreszczenijem** *kolad|a p|yryt kreљu|ecijem* zob. **kalad|a.**

kreszczecska 2. **# kreszczecska kutia** *kreљu|ecska kut'|a* zob. **kucia, kutia**

kreszczecska 3. # **kreszczecska wileja** *kreљu|ecskaja v'il|eja* zob. **wileja**

kreszczecska 4. # **kreszczecska woda** *kreљu|ecska v|oda* zob. **jordacska woda**

kalad|a # druhaja kalada, *druh|aja kalad|a, dr|uha kolad|a* **'**wigilia њwiкta Trzech Kryli'; **# kreszczecska kolada** *kreљu|ecska kolad|a,* **kolada na kreszczenije** *kolad|a na N kreљu|ecije,* **kolada pyryt kreszczenijem** *kolad|a p|yryt kreљu|ecijem* 1.'wigilia њwiкta Trzech Kryli'. 2.'wieczerza spoїywana w wigilik Trzech Kryli'; # **posna kalada** *p|osna kalad|a,* 1.**'**wigilia њwiкta Trzech Kryli'. 2.'wieczerza, skiadaj№ca siк z postnych dac, przygotowywana w wigilik њwiкta Trzech Kryli'; **# wadzianaja kalada** *vaZ'an|aja kalad|a, vod'an|aja kolad|a, vodn|aja kolad|a, vod'an|aja kol|adka* 1.'wigilia њwiкta Trzech Kryli'. 2.'wieczerza spoїywana w wigilik Trzech Kryli'; por. brus. *вадзяная каляда*, *вадзянуха* 'wigilia Trzech Kryli', *вадзянка, вадзянуха* 'wieczerza w przededniu Trzech Kryli', brus. gw. *водян|ая коляд|а* 'wigilia Trzech Kryli'; *На водяную коляду свэтят воду* (SBHP I 322; ESBM II 19). Por. brus. gw. *каляда* 'wieczerza wigilijna' (SBHP II 385), brus. *каляда* 'dawny obrzкd chodzenia po domach z pieњniami i їyczeniami; obrzкdowa pieњc; dary otrzymane od gospodarzy za їyczenia i pieњni' (TSBM II 595), ros. *коляда* 'ts', stbrus. *коледа, коляда* 'podatek na czeњж њwi№t Boїego Narodzenia i Wielkanocy; њwiкta Boїego Narodzenia' (HSBM XV 191), ukr. *коляда* 'Boїe Narodzenie; pieњc religijna; dary wrкczane kolкdnikom' (Hrin II 274), pol. *kolкda* 'pieњc religijna o tematyce boїonarodzeniowej, podarunek noworoczny lub wigilijny, odwiedzanie parafian przez ksiкdza w okresie Boїego Narodzenia', pol. gw. *kolкda, kolenda, kolanda, kolada* 'ts. (KariSGP II 400; KariSJP II 401); zapoїyczenie z iac. *calendae* 'pierwszy dziec miesi№ca'; (Siaw II 353; ESUM II 526-527; Vasm II 299-300).

Kreszczenie *Kreљu|ece, Kreљu|ecije* 'њwiкto Chrztu Pacskiego, Epifanii zwane powszechnie њwiкtem Trzech Kryli'; por. brus. *Хрешчэнне* 'ts' (Nosov 683), gw. *Хрышчэнне, Кшчэнне* 'ts', ukr. *Хрещення* 'ts' (Hrin IV 414), ros. *Крещение Господне* 'ts', scs. Кремение Господне 'Chrzest Pacski, њwiкto Epifanii' (Znos 149).

kucia, kutia *kuc'|a, k|ижа, kuc'c'|a, kut'|a* **# kreszczecska kutia** *kresc|ecska kut'|a* 'wieczerza spoїywana w wigilik Trzech Kryli'; # **kucia trykrolowa** *kuc'|a trykrol|ova* **'**wigilia

Trzech Kryli'; # **posnaja kutia** *p|osnaja kut'|a* **'**wigilia Trzech Kryli'; # **wodianaja kutia** *vod'an|aja kut'|a* 'wieczerza spoïywana w wigilik Trzech Kryli'. *Kuc'|a* jako okreњlenie dnia i wieczerzy zostaia przeniesiona z nazwy giywnej potrawy wigilijnej. W tradycji Koњcioia prawosiawnego zachowai sik zwyczaj spoïywania wieczerzy wigilijnej dwa lub trzy razy w roku: przed Boïym Narodzeniem, przed Nowym Rokiem oraz przed њwiktem Chrztu Pacskiego (Trzech Kryli); por. brus. *куцця* 'uroczysta wieczerza w przededniu Boïego Narodzenia *(посная, галодная куцця)* i Nowego Roku *(багатая, шчодрая куцця)*; wigilia tych њwi№t (*Калядныя куцці дзве: адна посная, другая скаромная або багатая*); tradycyjna obrzkdowa potrawa z kaszy np. jkczmiennej' (TSBM II 764; TSBM 309); brus. gw. *куця, куцця* 'obrzkdowa potrawa; wieczerza w wigilik Boïego Narodzenia, Nowego Roku i Trzech Kryli (SBHP II 593); ukr. *кутя* 'obrzkdowa kasza z jkczmienia lub pszenicy przygotowywana w wigilik Boïego Narodzenia (*кутя багата*) i Trzech Kryli (*кутя голодна*); wigilia Boïego Narodzenia' (Hrin II 333; ESUM III 163); ros. *кутія, кутья* 'obrzkdowa potrawa z gotowanej pszenicy, jkczmienia, ryïu, kaszy z dodatkiem miodu, rodzynkyw, przynoszona do cerkwi przy wypominkach, jadana na stypach oraz podczas wieczerzy w przededniu Boïego Narodzenia i њwikta Trzech Kryli; niekiedy teï: 'wigilia Boïego Narodzenia (*постная кутья),* Nowego Roku (*богатая кутья)* czy Trzech Kryli (*голодная кутья)*' (Dal II 227); pol. gw. *kucia, kucja, kucyja, kutyja, kutija* 'potrawa wigilijna ludu Podlaskiego nad Narwi№; wigilia Boïego Narodzenia i wieczerza tego dnia wyprawiana; potrawa niezbkdna na Polesiu Woiycskim w dziec dziadyw; obrzkdowa potrawa pogrzebowa' (KariSGP II 509-510). (Vasm II 435; Siaw III 444).

soczelnik # soczelnik troch kryli *sou|elcik trox kr|uMoli* 'wigilia њwikta Trzech Kryli; por. ros. *сочельник* 'wigilia Boïego Narodzenia i Objawienia Pacskiego – Trzech Kryli' (Dal IV 264), ros. *сочельник* 'wigilia Boïego Narodzenia' (Vasm III 730).

szczedrywka *љuedr|uMovka* 1.'wigilia Trzech Kryli'. 2.'wieczerza spoïywana w wigilik Trzech Kryli' zob. **szczedry**

szczedry # szczedry weczyr *љu|edry v|euur* 'wigilia Trzech Kryli', por. pol. gw. *szczodry wieczyr* 'wigilia Trzech Kryli' (KariSGP V 292); # **szczedra wyczera** *љu|edra vyu|era* 1.'wigilia Trzech Kryli'. 2.'wieczerza spoïywana w wigilik Trzech Kryli'.

Try (troch) Kryli *Try (Trox) Kr|uMoli, Try Kr|oli, Try Kr|uli, Тљу Kr|uli, Тљех Kr|uli* 'Њwikto Trzech Kryli'; por. pol. *Trzech Kryli* 'ts'.

trykrolowa # kucia trykrolowa *kuc'|a trykrol|ova* zob. **kucia, kutia**

wadzianaja # wadzianaja kalada *vaZ'an|aja kalad|a, vod'an|aja kolad|a, vodn|aja kolad|a, vod'an|aja kol|adka* zob. **kalad|a**

wodianaja # wodianaja kutia *vod'an|aja kut'|a* zob. **kucia, kutia**

Wodochryszcza *Vodoxr|уљиа, Vodokr|уљиу, Vodokreљu|ecije* 'Њwikto Epifanii, Chrztu Pacskiego zwane powszechnie њwiktem Trzech Kryli'; por. w tym samym znaczeniu: brus. *Вадохрышча*, brus. gw. *Вод|охрышча, Водохрышч|ы: Вадохрышча – вялікая свята, на Ірдань выходзіць поп і пасвяцае воду* (SBHP I 267), 322), ukr. *Водохреще, Водохрещі, Водохрища* (Hrin I 247), *відерщі, водорщі* 'ts' (ESUM I 392, 415), ros. *Водокрещи, Водокреща* 'ts' (Dal I 105, 220).

wileja, wilija *v'il|eja, v'|ilija, v'il|ija* # **druhaja wileja** *druh|aja v'il|eja* 'wigilia њwikta Trzech Kryli'; # **kreszczecskaja wileja** *kreљu|ecskaja v'il|eja,* **wileja kreszczenija** *v'il|eja kreљu|ecija* **'**wigilia њwikta Trzech Kryli'; # **trykralowaja wileja** *trykral|ovaja v'il|eja,* **wileja troch kroli** *v'il|eja trox kr|oli, v'il|ija (v'ig'|ilia) tsex kr|uli* **'**wigilia њwikta Trzech Kryli oraz wieczerza spoïywana w tym dniu'; por. pol. *wigilia* 'dziec poprzedzaj№cy inny dziec, zwiaszcza dziec poprzedzaj№cy jakieњ њwikto' (SJP III 716), brus. *вілея* 'ostatni dziec przed њwiktem lub jakimњ wydarzeniem', *вілія* 'przeddziec њwikta, post przed њwiktem' (ESBM II 137), stbrus. *вилия, вилея* 'dziec przed jakimњ њwiktem' (HSBM III 265); z iac. *vigilare* 'nie spaж, czuwaж, pilnowaж; straï, czuwanie przed uroczystym њwiktem'.

Wykaz skrytyw

Dal – Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – Москва, 1981 – 1982. – Т. I – IV (1880 – 1882)

ESBM – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Р.У.Краўчук, В.У.Мартынаў, А.Я.Супрун; пад рэд. В.У. Мартынава. – Мінск, 1978 – 2008. – Т.1 – 12.

ESUM – Етимологичний словник української мови / под ред. О. Мельничука. – Київ, 1982 – 2007. – Т. I – V.

Hrin – Словарь української мови / под ред. Б.Грінченко. – Київ 1996 – 1997 (wydanie fototypiczne z 1907 – 1909).– Т. I – IV.

HSBM – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А.І.Жураўскага, А.М.Булыкі. – Мінск, 1982 – 2007. – Т. I – XXVII.

KariSGP – Kariowicz, J. *Siownik gwar polskich.* T.I – VI / J.Kariowicz. – Krakyw, 1900 – 1911.

KariSJP – J.Kariowicz, A.Krycski, W.Nieduwiedzki, Siownik jкzyka polskiego. T. I – VIII. – Warszawa, 1900 – 1927.

Nosov – Словарь белорусскаго наречія, составленный И.И.Носовичем. – Санкт-Петербург, 1870 (Мінск, 1983).

Siaw – Siawski, F. Siownik etymologiczny jкzyka polskiego. T.I – V / F.Siawski. – Krakyw, 1958 – 1965.

TSBM – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. К. К. Атраховіча. Т. I – V. – Мінск, 1977 – 1984.

SBHP – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / рэдакцыйная калегія: Ю.Ф. Мацкевіч, А.І. Грынавецкене, Я.А. Рамановіч, І.Я. Чабярук, Ф.Д. Клімчук. Т.I – V. – Мінск, 1979 – 1986.

Vasm – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. I – IV / М.Фасмер. – Москва, 1986 – 1987.

Znos – Znosko, A. Siownik cerkiewnosiowiacsko-polski / A.Znosko. – Biaiystok, 1996.

Inne skryty

brus. – biaioruski
gw. – gwarowy
pol. – polski
por. – porywnaj
ros. – rosyjski
scs – starocerkiewno-siowiacski
stbrus. – starobiaioruski
ts – to samo
ukr. – ukraicski
zob. – zobacz

Spis literatury

1. Przybyi, Elїbieta. Prawosiawie / Elїbieta Przybyi. – Krakyw, 2000.
2. Бондаренко, Э.О. Праздники христианской Руси / Э.О.Бондаренко. – Калининград, 1993.
3. Miec, A. Syn Cziowieczy / A.Miec. – Warszawa, 1994.
4. Parsch, P. Rok liturgiczny. Okres Boїego Narodzenia, t. I / P.Parsch. – Poznac: Pallottinum, 1956.
5. Pascha nostrum / pod red. J.Charytocskiego. – Poznac, 1966.

ОЛЕГ ШАМОВ, ВЕСЛАВ МАТВЕЙЧУК

Гродно *Белосток*

СОТРУДНИЧЕСТВО ГрГУ И ПОЛИТЕХНИКИ БЕЛОСТОЦКОЙ ПО ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Сотрудничество факультетов экономики и управления проводится на протяжении пяти лет в рамках договора между Гродненским государственным университетом имени Янки Ку-

палы и Белостокским техническим университетом. Цель сотрудничества – способствовать подготовке специалистов, которые могли бы успешно работать в современных условиях глобализации экономики и расширения международных связей. Центром совместной деятельности является учебный процесс. Сотрудничество охватывает дидактическую составляющую учебного процесса, его организацию и воспитательную работу со студентами.

Глобализация экономики ведёт к унификации многих процессов, в том числе и образовательных. Болонское соглашение предполагает унификацию образования во всех европейских странах. Переход на четырехгодичный образовательный цикл и двухступенчатое высшее образование ведёт к сокращению одних дисциплин и включению новых предметов. В этой связи для белорусской стороны представляет интерес детальное изучение зарубежных программ обучения с тем, чтобы, используя зарубежный опыт, сохранить основы отечественного образования и не допустить возможных ошибок.

Объём и содержание изучаемых студентами дисциплин за последние годы существенно изменились в зависимости от предполагаемой ориентации мировой и отечественной экономики, роли и месте той или иной составляющей производства. Управление производством (менеджмент) и организация производства (инжиниринг) с точки зрения их строения и развития рассматриваются как новая область изучения, непосредственно связанная с запросами общественной практики, вынужденной решать новые задачи управления и координации разных сфер и форм культурной, социально-экономической, политической, производственной и других видов деятельностей. Для изучения названных дисциплин оправдано применение идеи комплексного подхода как широкой области междисциплинарных исследований и разработок, методологии комплексного междисциплинарного исследования, в которых предметом изучения выступали бы не смежные науки, а взаимодействие дисциплин, принадлежащих разным группам наук (естественным, общественным, техническим) и образующих синтеза знаний.

Основные взгляды на профессиональную подготовку выпускаемых специалистов в обоих университетах совпадают. Высшее образование определяется как процесс подготовки специалистов, ориентированных на решение социальных, экономических, экологических и других задач методами моделирования и прогнозирования будущего на основе междисциплинарного синтеза знаний. Национальные образовательные стандарты регламентируют общую направленность предметов и определённую вариантность рабочих программ. Однако в различных вузах существует различный подход к составу и содержанию ряда дисциплин.

Практическая направленность дисциплин образует комплексную цепочку: наука – техника – производство – технологии – экономика – менеджмент. Основной дидактической задачей дисциплины является формирование умения экономистами принимать управленческие решения с использованием элементов инженерных пониманий. В результате изучения предметов студенты должны получить такие знания, которые позволят им ориентироваться в функционировании предприятия, на котором они начнут работу, и самостоятельно расширить эти знания в зависимости от рода своей деятельности. При изучении технических дисциплин выделяется такая особенность инженерного мышления, как его творческий характер. При этом под творчеством понимается процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности.

Процесс обучения включает лекционные занятия. Их назначение – рассмотрение наиболее сложных для самостоятельного изучения вопросов курса, а также материала, имеющего принципиальное значение для качественного восприятия студентами основ учебной дисциплины. В силу ограниченного аудиторного времени и насыщенного учебного плана предполагается углубленное самостоятельное изучение студентами учебной литературы по темам курса, что предусматривается рабочими программами.

На аудиторных практических занятиях рассматриваются некоторые вопросы курса, направленные на приобретения навыков решения практических задач, а также закреплению теоретического материала.

Проведение коллоквиума направлено на развитие самостоятельной работы по определённым проблемам, приобретение студентами навыков выступления в роли докладчика и оппонента, умение аргументировать собственные доводы. Под руководством преподавателя студенты осваивают методологию предмета и методику научного исследования. На коллоквиуме в форме обсуждения рассматриваются отдельные части, разделы, темы и вопросы изучаемого предмета, не включаемые в тематику практических и семинарских занятий. Задачей коллоквиума является предоставление студентам возможности использовать теоретические знания в модели практической деятельности специалиста по разработке, обсуждению и обоснованию отдельной проблемы. Развитие профессионального применения знаний включает владение языком соответствующей науки, точность понятий, определений, формулировок.

Применение технических средств в учебном процессе позволяет увеличить долю зрительно воспринимаемой информации и облегчить её усвоение. Широкое применение системного подхода и возможностей компьютерной техники явились предпосылками для обилия графического и табличного материала в печатных изданиях. Использование технических средств на занятиях даёт возможность сделать восприятие графического и табличного материала привычным. Однако необходимо учитывать что при применении технических средств возможна негативная реакция аудитории из-за слишком большого объёма информации, трудности проследить за логикой изложения, понимания как передаваемая информация соотносится с интересами студента, наконец, от усталости или скуки. Следует отметить, что применение демонстрационного материала должно быть обоснованным. Представляется весьма важным определить дозу иллюстративного материала, с тем чтобы познавательная часть занятий не превратилась в созерцательную, а лекция не превратилась в рекламную презентацию. Само по себе демонстрирование не повышает интерес слушателей и не способствует лучшему пониманию.

В подготовке специалистов учитываются современные требования к ним.

Возрастающие темпы технического развития и изменения характера деятельности меняют и акценты в оценке работников. Международные эксперты по организации производства и руководители фирм на первое место ставят методологическую грамотность работника, то есть способность понять и решить проблему. Следующее требование – постоянное самостоятельное обучение по индивидуальным планам, и только далее следует требование к уровню специальных знаний. Для начинающих специалистов важным становится так называемая мягкая квалификация, то есть определённый универсализм. Такой подход объясняют тем, что специальные знания быстро устаревают, жизненно важным становится умение мотивировать себя, самостоятельно учиться работать в команде, ладить с людьми, расценивать переломные моменты не только как риск, но и как шанс. Одновременно подготавливаемого работника следует ориентировать на то, что профессии становятся всё более сложными, простые специальности исчезают. Это обстоятельство особенно важно для специалистов по организации и управлению производством. Приведенные взгляды на критерии оценки специалистов, конечно, не бесспорны, они опасны возможностью превращения управленцев в дилетантов, что для производства разрушительно.

Основное в подготовке будущих специалистов – это ориентация на практическую направленность их предстоящей деятельности. В связи с этим представляется весьма важным подробное изучение современных методов управления производством, применяемых в мировой практике. Среди многих методов и концепций, широко применяющихся в управлении современным предприятием, следует отметить: реинжиниринг (reengineering), бенчмаркинг (benchmarking), аутсоурсинг (outsourcing), сетевой менеджмент (lean management), менеджмент времени (time based management), тотальный менеджмент качества (TQM), самообучающаяся организация, экологический менеджмент, кластры (cluster) и др.

Особенное значение имеют методы, основанные на широком использовании информационных технологий. Современное предприятие использует глобальную ком-

муникационную инфрастуктуру, которую предлагает Интернет, чтобы вести производственно-хозяйственную деятельность. Это создает новые возможности в области нахождения новых поставщиков, улучшения обслуживания клиентов и развития предложений посредством создания новой среды коммерческих контактов. Функционирование фирмы в глобальной среде связывается с реализацией процессов бизнеса, частью которых является обмен информации между фирмой и участниками рынка. В условиях информационного общества возникают предприятия, использующие инструменты телематики, называемые **э-предприятиями.** Элементами э-предприятия являются:

- обслуживание клиентов (Customer Relationship Management) – система, обслуживающая полный хозяйственный цикл, которая хранит полную информацию о заказчике и использует ее для приобретения последующих клиентов, развития его заказов, установления постоянного сотрудничества с клиентом;
- электронная коммерция (e-commerce) – система, обслуживающая презентацию и продажу предложений фирмы через Интернет. В ней обычно имеются каталог проектов и услуг, виртуальная корзина покупок, осуществляется хранение контрактов, расчеты платежей, а также контроль за реализацией заказов;
- поставка информации (e-content) – система, публикующая и управляющая информацией, открываемой клиентам. Это позволяет непосредственно работниками создавать информацию к сервису www., с одобрением помещенного материала руководителями;
- электронное общество (e-community) – система, позволяющая образовать вокруг фирмы виртуальные группы клиентов, заинтересованных какой-то группой услуг;
- электронные документы (EDI, email) – системы, служащие для передачи документов путем Интернета. Обеспечивают подлинность, секретность при использовании электронной подписи;
- электронное снабжение (e-procurement) – система, помогающая предприятию управлять покупками материалов, поставками оборудования и субподрядчиками последующих контрактов. Это реализуется через контакты и выбор поставщиков и подрядчиков, организацию торгов, электронное предоставление предложений и их сравнение.

Системами, которые пронизывают предприятия, являются системы управления цепями поставок. Они поддерживают управление интегрированными цепями поставок материалов и услуг, обслуживающих целый процесс реализации инвестиций.

Очередные фазы развития усматриваются в управлении ресурсами предприятия – системы MRP II и ERP, которые должны дать возможность управления предприятием в реальном режиме времени (MRP II), или даже помогать в принятии решений в стратегической перспективе (системы ERP). Использование экспертных систем и искусственного интеллекта (нейронные сети) позволяет прогнозировать конкурентную ситуацию и эффективно реализовать элементы стратегического управления. Реализация системы управления, основанной на философской базе и интегрированных технических средствах, дает возможность предприятию выйти на очередную ступень развития – организацию обучающуюся, интеллектуальную, самореализующуюся.

Осуществление сотрудничества даёт возможность проводить взаимное изучение системы ценностей возможных партнёров по деловому сотрудничеству, которыми могут стать выпускники университетов.

По нашему мнению, представляет интерес выполнение дипломных работ студентами обоих университетов по аналогичным темам. В процессе выполнения своих работ студенты могут обмениваться результатами своих исследований, что, с одной стороны, расширяет круг их профессиональных знаний и знакомит с подходами к той же проблеме зарубежных коллег, с другой – подготавливает базу для взаимопонимания между специалистами разных стран.

Сотрудники факультетов экономики и управления обоих университетов регулярно участвуют в научных конференциях, проводимых Гродненским и Белостокским университетами. Это участие позволяет видеть научные интересы и направления исследований коллег, знакомиться с результатами исследований, использовать их в учебном процессе.

В перспективе планируется проведение совместных исследований как преподавателями, так и студенческими научными обществами факультетов.

Для Гродненского государственного университета имени Янки Купалы представляют интерес некоторые элементы организации учебного процесса, например, начало дипломной работы студентов в конце предпоследнего года обучения, когда определяются тема и руководитель дипломной работы выпускника. Осуществляемые контакты и совместная деятельность помогают её участникам по-новому взглянуть на свою работу и выбрать направления её совершенствования.

АНДРЕЙ ПАВШОК

Гродно

ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

На рубеже XIX – XX вв. Гродненщина представляла собой поликонфессиональный и полиэтнический регион Российской империи и была одной из её окраин. Кроме белорусов, тут проживали украинцы, русские, поляки, евреи, татары и другие национальности. Давние традиции сосуществования на Гродненщине имели белорусский и польский народы.

О количестве лиц, исповедующих римско-католическое вероучение, на территории Гродненской губернии в то время, а также и их социальном составе можно судить только на основе Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Согласно ей, католиков насчитывалось 422 998 человек, что составляло 26 % от общего количества населения Гродненской губернии, православных – 910 304 человек (55 %) [6, с. 12].

В начале XX в. территория Гродненской губернии находилась под властью Российской империи. Национальная и конфессиональная политика царского самодержавия была направлена на укрепление российского влияния и позиций Православной Церкви на окраинах империи. Это приводило к тому, что интересы национальных меньшинств всячески ограничивались, в первую очередь это касалось сферы культуры и образования. На её территории, как и во всей империи, отрицалось использование какого-либо национального языка, кроме русского.

Помимо этого, после подавления восстания 1863 – 1864 гг., правительство начало закрывать костёлы и католические монастыри. Это продолжалось до начала XX в. Например, только в восьми уездах Гродненской губернии (без Белостокского) до 1906 г. было закрыто 61 костёл и монастырей, 47 из них были переданы Православной Церкви.

Ксендзы находились под строгим надзором со стороны местных органов власти. Их привлекали к ответственности за нарушение множества запретов при ведении богослужений, за самовольный ремонт костёлов, установку придорожных крестов, негативные высказывания о Православной Церкви и правительстве и другие. За подобные нарушения предусматривался штраф в размере 500 рублей или арест [4, с. 10].

Основным стержнем царской политики на территории северо-западных губерний России, начиная со второй половины XIX в., и Гродненской губернии, в частности, стала русификация. Она была направлена на вытеснение польского влияния и Католической Церкви. Польский язык был запрещён, а польская культура надолго стала объектом преследований со стороны российского царизма.

Основополагающим документом, касающимся изменения царского правительства в области государственно-религиозной политики по отношению к Римско-католической Церкви, стал указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. Он разрешал переход из православия в другие вероисповедания, отменял ряд ад-

министративных ограничений, дал возможность преподавания Закона Божьего на родном языке верующих, разрешил строительство костёлов. Тем не менее закон содержал ряд противоречивых положений, последствия которых проявились через некоторое время, например, отсутствие процедуры регистрации переходов в другое исповедование, а также объяснение, как определять природный (т.е. родной) язык верующих. Это всё привело к тому, что наблюдались массовые переходы из православия в католичество. Произвольная регистрация ксендзами этих переходов, без всяких ограничений, вызвала недовольства правительство, которое 18 августа 1905 г. предложило свою процедуру. Правила подробно регламентировали условия, при которых православный мог стать католиком. Желающий принять католичество должен был предоставить местному губернатору письменное заявление, к которому прилагались удостоверение настоятеля римско-католического прихода о времени и месте присоединения данного лица к католичеству и письменное доказательство того, что данное лицо достигло на момент перехода совершеннолетия, то есть 21 года. Для детей, не достигших 14 лет, необходимо было представить метрическое свидетельство и удостоверение настоятеля римско-католического прихода о времени и месте присоединения к католичеству обоих родителей. Если какой-либо из этих документов не был предоставлен, то заявление возвращалось лицу, его подавшему. Губернатор в течение трех дней должен был выяснить у руководства православной епархии, не исповедовался ли данный человек после перехода в католичество в Православной Церкви и не обращался ли он к православному духовенству за совершением каких-либо других таинств; действительно ли данное лицо не намерено оставаться в лоне Православной Церкви. После получения подтверждения от православного духовенства губернатор в течение 40 дней должен был передать заявление в римско-католическую епархию. Затем, после внесения римско-католической епархией соответствующих отметок в метрические книги, губернатор вносил изменения о вероисповедании в паспорта, посемейные книги и другие подобного рода документы [2, с. 165].

Согласно данным Департамента духовных дел иностранного вероисповедания количество лиц, перешедших из православия в католицизм с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1909 г., в Гродненской губернии была следующей: (по уездам) в Гродненском – 356 человек (258 муж., 98 жен.), в Сокольском – 242 чел. (170 муж., 72 жен.), в Белостокском – 170 чел. (110 муж., 60 жен.), в Брестском – 87 чел. (59 муж., 28 жен.), в Кобринском – 231 чел.(209 муж., 22 жен.), в Волковыском – 1274 чел. (1924 муж., 250 жен.), в Бельском – 260 чел. (200 муж., 60 жен.), в Слонимском – 1502 чел. (1190 муж., 312 жен.). Всего 4242 человек (3314 мужчин, 928 женщин). Если анализировать по годам, то 1905 г. – 3625 чел., 1906 г. – 342 чел., 1907 г. – 81 чел., 1908 г. – 194 чел. [4, с. 13]

Также по указу от 17 апреля 1905 г. католики получили право при необходимости и наличии средств, строить свои храмы повсеместно на территории Российской империи. Для этого нужно было выполнить три условия: иметь разрешение католического руководства; наличие необходимых для строительства средств; исполнение технических требований строительства. В период с 1905 по 1910 гг. на территории Гродненской губернии (за исключением трёх уездов современной Польши) было построено и реконструировано 16 костелов. Среди них костёлы в местечке Свислочь, Великая Берестовица, Привалки и др. [5, с. 3]

Следующей значительной уступкой со стороны царского правительства был манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г., который впервые в истории страны даровал, наряду с другими гражданскими свободами, свободу совести.

Однако указ от 17 апреля, как и манифест от 17 октября 1905 г., сохранили ряд преимуществ Православной Церкви в вопросах вероисповедания и регулирующую роль государства при этом. Согласно этим документам смешанные браки (если один из брачующихся был православным) должны были происходить по православному обряду, а дети, родившиеся в таком браке, креститься и воспитываться по правилам Православной Церкви. Из данного общероссийского правила делалось исключение. В Виленской, Ви-

тебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилёвской и Подольской губерниях заключение подобного брака совершалось по обряду священником той веры, к которой принадлежала невеста. Дети воспитывались: сыновья – в вере отца, дочери – в вере матери. [1, с. 372]

Разрешение православным переходить в другое христианское исповедание было самой радикальной отличительной чертой данного указа. Это предопределило поворот в конфессиональной политике российского правительства от жёсткого контроля и вмешательства в дела инославных конфессий до предоставления им до определённого уровня свободы. Но вместе с тем не следует и преувеличивать последствия данного законодательного шага, ибо дальнейшего развития российское законодательство о культах не получило. Ряд проектов «вероисповедных» законов столыпинского Кабинета Министров, внесённых в Государственную Думу (в том числе и по семейному праву), вызвал шквал возмущения со стороны православных иерархов и был отклонён. Многие же положения, лишь обозначенные в законе, получили «откат» при попытках неправославных конфессий осуществить их на практике.

Таким образом, указы 1905 г. по отношению к Римско-католической Церкви носили противоречивый характер. С одной стороны, они провозглашали основы веротерпимости и свободу совести, возможность перехода из православия в католичество, а с другой – неопределённость и двусмысленность их проведения. Сам император Николай II со своими сторонниками занимал консервативные позиции и не хотел перемен, и стремился к сохранению старого государственного строя и прежней роли православной Церкви в нем.

Список литературы

1. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст. / рэдкал.: В. В. Яноўская (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2006. – 447 с.

2. Католическая церковь накануне революции 1917 года: сборник документов / редкол.: М. Радван (гл. ред.) [и др.]. – Люблин: Научное общество, 2003. – 671 с.

3. Лиценбергер, О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение / О.А. Лиценбергер. – Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. – 384 с.

4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 1031. Дело департамента духовных дел иностранного вероисповедания

5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 1115. Дело о строительстве костёлов

6. Mironowicz, E. Zmiana struktury narodowosciowej na pograniczu polsko – bialoruskim w XX wieku / E. Mironowicz. – Bialystok, 2005. – 171 s.

ЮРИЙ КИЙКО

Гродно

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ ТРАНСФОРМАЦИИ ТОРГОВОГО СЕКТОРА НА ВООРУЖЕНИИ БЕЛАРУСИ

Любая экономическая система непрерывно развивается, и первостепенные изменения начинают происходить в сфере торговли. Всемирная глобализация непременно отразится и на белорусской экономике. Особенно это стало хорошо заметно в последние годы, когда на наш рынок начали вторгаться российские торговые сети. Об этом сообщил первый заместитель министра торговли Михаил Свентицкий. По его словам, «в торговлю все более широко внедряются новейшие технологии, в том числе и магазины

больших форматов – гипер- и супермаркеты». Первый заместитель министра торговли подчеркнул, что гипермаркеты будут строиться не только в столице, но и во всех областных центрах.

По мнению главы государства, создание подобного рода крупных центров торговли призвано наиболее полно обеспечить потребности населения страны в качественных промышленных и продовольственных товарах. В свое время глава государства дал поручение Правительству и столичным властям по созданию и развитию сети гипермаркетов.

По мнению Президента, создание подобного рода крупных центров торговли призвано наиболее полно обеспечит потребности населения страны в качественных промышленных и продовольственных товарах, которые должны быть представлены в широком ассортименте. Гипермаркеты представляют собой цивилизованную форму организации торговли, которую в нашей стране необходимо развивать и дальше, убежден Президент.

Концепция «Поход за покупками как способ проведения досуга» формирует особые требования, предъявляемые к организации работы комплекса. Примерами таких объектов в Минске могут служить поэтапно расширяющий свои возможности Торгово-развлекательный центр «Экспобел» и строящийся торгово-развлекательный центр в районе улицы Уманской и проспекта Дзержинского. В этом центре предусматривается разместить развлекательный комплекс, гипермаркет и комплекс по торговле товарами непродовольственной группы.

Среди наиболее крупных французских фирм – владельцев гипермаркетов в Европе выделяются Carrefour (823 магазина в сети), Leclerc (391), Auchan (321), Casino (299), Cora (78). На международном рынке наиболее заметна компания Carrefour. Именно она задавала тон в формировании имиджа гипермаркетов в последние 25 лет.

Строительство гипермаркета стоимостью 30 – 40 млн. USD «с нуля», с учетом уровня наценки в торговле, окупается за 3 – 4 года. Сегодня гипермаркет – один из самых прибыльных форматов розничной торговли. И это направление активно набирает обороты.

В нашей стране практически реализуется программа строительства гипермаркетов не только в столице, но и в крупных городах. Ее цель – наладить максимально выгодные и удобные для потребителей условия приобретения продовольственных и промышленных товаров.

За последние годы в Минске открыты и успешно работают гипермаркеты «Гиппо», «Простор», «Корона», «Бигз». Одновременно развивается сеть так называемых удобных магазинов, расположенных недалеко от жилых домов и торгующих ассортиментом товаров первой необходимости. В рамках реализации Программы развития внутренней торговли Беларуси на 2006 – 2010 годы предусматривается строительство 44 крупных торговых центров, из них в Минске – 12, в том числе трех – с привлечением иностранных инвестиций.

По словам министра торговли Беларуси Александра Иванкоа, до 2010 года всего в республике будет построено 11 гипермаркетов.

Он проинформировал, что в настоящее время на долю гипермаркетов в Минске приходится 7 – 8 % розничного товарооборота, в то время как в других регионах этот показатель менее значителен.

Александр Иванков считает, что владельцы российских гипермаркетов в Беларуси должны уравновесить экспортно-импортные поставки посредством реализации белорусских товаров в России.

А.Иванков также отметил, что в гипермаркетах следует по 50 – 60 кв. м торговой площади предоставить для реализации продукции концерна «Беллегпром». При этом он подчеркнул, что речь не идет о бесплатном предоставлении этих площадей и министерство не намерено вмешиваться в отношения хозяйствующих субъектов.

А.Иванков подчеркнул, что в Беларуси сохранена сеть мелких магазинов в зоне пешеходной доступности. По результатам социсследования, магазины, расположенные рядом с гипермаркетами, потеряли после их открытия 10 – 15 % товарооборота. Министр отметил, что в республике будет произведена инвентаризация торговых организаций, изучены их типы и специализация. Он добавил, что Беларусь вернулась к строительству в новых микрорайонах небольших магазинов и объектов сферы бытовых услуг.

В результате вырисовывается следующая проблема – с одной стороны, Глава государства инициирует строительство гипермаркетов, с другой стороны, правительство отмечает, что данный процесс несет угрозу для уже действующих отечественных торговых предприятий. Поэтому до сих пор на территорию страны не впускаются крупные торговые европейские сети.

Чтоб представить последствия глобализации торговли и определится, какие меры воздействия надо использовать, стоит обратить на экономику стран уже прошедших данный процесс.

Ближайший наш сосед, Республика Польша, опередила Беларусь более чем на десяток лет в развитии, и данный опыт можно у нее позаимствовать.

В 1989 г. Польша первая из постсоциалистических стран, начала преобразования. Стратегическая цель реформ – изменение общественно-экономического строя и создание полноценной рыночной системы. В первые 6 месяцев 1990 г. ограничения в денежно-финансовой сфере (в сочетании с широкой либерализацией всех сфер экономической жизни) были столь жёсткими, что новая политика получила название «шоковая терапия».

Около 99 % оборота розничной торговли до 1970-х годов приходилось на национализированные предприятия. После проведения реформ почти 90 % внутренней торговли перешло в частные руки.

Основа торговой отрасли Польши была заложена в начале 90-х годов, когда в стране прошла приватизация. Торговля давала невиданные темпы роста, до 10 % в год. На рынок страны вошли основные инвесторы, после проведенной денежной реформы польская экономика начала быстро развиваться – по годовому приросту ВВП страна прочно вошла в группу лидеров европейского рынка.

Выгодным динамическим развитием ситуации не преминули воспользоваться владельцы крупных торговых сетей, видевшие хорошие перспективы работы с 38 миллионами потенциальных покупателей. Первыми на рынок вошли польско-австрийская фирма Billa, сеть Globi, а за ними – норвежцы со своей сетью Rema 1000. Этому способствовала законодательная база, защищавшая иностранных инвесторов и предоставлявшая им льготы. На пути к западному рынку Польша опережает страны Балтии примерно на 2 – 3 года. Экспансия западных торговых сетей (гипермаркеты, супермаркеты и торговые сети) в Польше достигла своего расцвета.

Что касается традиционной торговли, то она объединяет около 400 тысяч магазинов по всей стране, каждый третий магазин торгует продуктами питания: суммарное количество таких объектов розничной торговли составляет 121 200. Из общего количества только три тысячи считаются более–менее крупными, их площадь превышает 400 кв. метров, 90 % вообще имеют площадь менее 50 кв. метров. Суммарный оборот польской торговли продуктами питания в 2007 году составлял 25 млрд долларов США.

В начале 2007 года в Польше работало 72 гипермаркета и более 800 супермаркетов, некоторые сети предлагают до 50 тысяч наименований. По прогнозам, через три года в крупнейших городах страны будет действовать 170 гипермаркетов с торговой площадью от 8 до 18 тысяч кв. метров.

Нашествие иностранных торговых сетей сразу повлекло за собой изменение всей структуры продаж торговли. Безусловным лидером как по вложенным средствам, так и по оборотам являются немецкие инвесторы.

Всего на рынке страны работает 9 иностранных сетей, инвестирующих огромные средства в гипермаркеты: две немецкие (Metro–Real, Dohle–Hit), четыре французские (Casino–Geant, Carrefour, Auchan, Leclerc) по одной из Великобритании (Tesco), Голландии (Ahold–Alkauf) и Португалии (Jeronimo Martins–Jumbo). Несмотря на такое проникновение торговых сетей, исследования фирмы IQS and Quant показывают, что 47 % поляков никогда не делали закупок в гипермаркетах.

Строительство гигантов торговли – дело недешевое. На один торговый центр Auchan в Пясечно под Варшавой было потрачено 30 млн. долларов, Clif в Гдыне обошелся в 25 млн. долларов. Но это не является препятствием для западных бизнесменов. Уже обычным явлением стало строительство объектов во всех воеводских центрах.

Розничная торговля в современной Польше переживает революционные перемены как в категориях предложения, так и спроса. Внедрение основных западных торговых сетей дало польским потребителям возможность гораздо большего выбора, что в свою очередь привело к многим резким изменениям в покупательских возможностях. Основные супермаркеты, действующие сейчас в Польше, это: «Auchan» «Carrefour», «Geant», «Tesco», «Real», «HIT» и «Leclerc», а общее число иностранных супермаркетов превысило 110.

В то время как торговые центры на периферии городов переживали весьма динамичный подъем, в самой гуще агломераций их возникало немного. Это положение, вероятно, изменится с приходом на рынок городских развлекательных центров, размещенных в густонаселенных районах с развитой сетью городского транспорта. К числу таких проектов относятся, например: «Золотые террасы» банка «ИНГ» в Варшаве, «Новый свет» фирмы «Апсис» в Лодзи, «Новый город» в Кракове и «Новый центр» фирмы «Челвертон» в Катовице. Каждый из них сочетает такие коммерческие и развлекательные элементы, как торговля, кинотеатры, кегельбаны и рестораны.

Спрос на магазинные площади поступает равно от отечественных и зарубежных предпринимателей, причем число последних на территории Польши сейчас около 200. Наибольшим спросом пользуются торговые площади около 1,5 тыс. кв. м в городах с населением свыше 500 тыс. человек.

В торговых центрах арендные ставки устанавливаются в индивидуальном порядке и зависят от города, вида предпринимательства и от размера арендуемой площади. Среднемесячные арендные ставки в современных торговых центрах колеблются от 6 до 40 долл. США за 1 кв. м. Нехватка свободных торговых площадей современного уровня во многих городах отражается в очень высокой аренде, особенно вдоль главных торговых магистралей, вплоть до 35 – 80 долл. США за 1 кв. м в месяц.

Успешно развиваются торговые сети и в регионах. Здесь активность проявляют не только авторитетные международные компании, но и отечественные, польские. В частности, в Познани открылся торговый центр семьи Kulczyk «Старый бровар» (50 000 кв. м торговых площадей). Другая польская корпорация – Echo Investment, акции которой котируются на Варшавской фондовой бирже, открыла торговый центр Galaxy площадью 41 500 кв. м.

Однако самый большой проект в регионах – торговый центр Nowe Miasto в Кракове. Комплекс разместился между историческим центром города и территорией, занимаемой центральным вокзалом. В его состав входят 54 000 кв. м торговых и 10 000 кв. м офисных площадей, а также кинотеатр-мультиплекс и гостиница. Проект реализует компания ЕСЕ (европейский лидер в области торговых центров) совместно с Tishman Speyer Properties.

Примечательно, что, не найдя соответствующих духу времени помещений в центральной части городов, крупные сетевики стали размещаться в спальных районах, где могли быть построены соответствующие всем необходимым параметрам торговые комплексы. Как правило, крупным иностранным операторам требуются многофункциональные помещения площадью от 4000 кв. м. А их в условиях исторической застройки очень трудно найти.

В столице Польши – Варшаве – сосредоточен 21 % торговых точек. Еще 46 % приходится на долю семи областных центров. Интересно, что в Польше прижилась «американская мечта» – уикэнд всей семьей в гипермаркете.

В настоящее время в частных руках находится более 70 % розничной торговли, процесс распространился и на оптовую торговлю. В значительной мере приватизированы грузовые автоперевозки (в частной собственности находится до 60 % грузового автопарка страны). Быстрыми темпами идет разгосударствление внешней торговли и строительства. Приватизации экономики способствовало также создание зарубежными и польскими (в основном государственными) фирмами 1312 совместных предприятий. Что касается сельского хозяйства, то примерно 75 % его продукции давно уже давал частный сектор.

Пришествие торговых сетей конечно же отразилось на польских торговых предприятиях – менее конкурентоспособные ушли с рынка, а точнее, перешли в руки других

владельцев. Смогли выжить только предприятия, которые смогли укрупнить свой капитал или объединившиеся в сеть, такие, как «Ежик», «Жабка».

По словам директора консалтинговой фирмы «GMB-konsulting» Марьяна Бжезинского: «Выжить польским торговым предприятиям в процессе глобализации помогла в первую очередь рациональная трансформация предприятий и грамотное наращивание стоимости капитала фирм».

Исходя из польского опыта, можно прийти к выводу, что вхождение в Беларусь мировых торговых сетей принесет только плюсы для потребителей и для экономики страны в целом.

А чтобы защитить отечественные предприятия от разорения, необходимо не оберегать, а трансформировать их в соответствии с требованиями рынка. А именно – необходимо объединять более мелкие предприятия в сети с ориентацией на конкретную рыночную нишу, а также внедрить систему управления стоимости, с целью максимизации их капитала, который будет залогом для привлечения заемных средств и дальнейшего развития.

Вхождение торговых сетей на территорию Республики Беларусь будет способствовать созданию тысяч новых рабочих мест, привлечению иностранного капитала, а соответственно – увеличению отчислений в бюджет страны.

Единственное, что необходимо сделать, чтобы этот процесс прошел безболезненно для отечественных торговых предприятий, – это трансформировать торговый сектор республики на основе опыта более развитых европейских стран.

НАТАЛЬЯ РЫБАК

Гродно

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

После освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков на территории республики продолжало действовать антисоветское польское подполье – остатки Армии Крайовой (АК), прекратившей свою деятельность официально в мае 1945 г. В связи с изменившейся военно-политической ситуацией, а также передислокацией основных сил «аковского» подполья на этнические польские земли и ликвидацией отдельных отрядов силовыми структурами БССР, командование АК ставило задачу перенести основное внимание на антисоветскую пропаганду среди местного населения. Руководство политической и пропагандистской деятельностью осуществляло Бюро информации и пропаганды (БИП). Основной формой пропаганды являлось распространение конспиративной прессы, издаваемой центрами Главного командования АК, а также выпускавшейся на территории Беларуси.

С целью активизировать агитационную и пропагандистскую работу комендантом соединения «Юг» Новогрудского округа АК поручиком Ч.Зайончковским, псевдоним «Рагнер», был издан приказ № 2 от 18.05.1944 г., согласно которому необходимо было обеспечить печатными изданиями не только боевые отряды, находящиеся в конспирации, но и мирное население [1, д.2931, л.349; 2, с.277-278].

Похожее содержание имела инструкция коменданта соединения «Север» Новогрудского округа АК поручика Я.Борисевича «Крыся» от 30.09.1944 г., направленная низовым структурам. Среди первоочередных задач были: «1) информировать жителей своего

района о всех распоряжениях Польского правительства в Лондоне; 2) довести до сведения жителей, что единственно законной властью является правительство в Лондоне, всякие прочие власти, как правительство Василевской – Моравского, являются нелегальными, остаются на услугах коммунизма...» [1, д.23925, л.2].

Однако агитационная работа осложнялась тем, что большинство типографий, которые существовали на территории БССР в годы войны и в которых издавались газеты польского подполья, были ликвидированы органами Советской власти к 1945 г. Одним из последних печатных изданий была газета «Ведомости», выпускаемая 10 обводом Белостокского округа АК. Несмотря на то, что её тираж составлял всего 250 – 270 экземпляров, она распространялась не только между членами обвода, но и среди местного польского населения. Согласно информации НКВД БССР, типография находилась в г. Гродно, но обнаружить её не удалось. В процессе следствия органы внутренних дел установили, что материалами для газеты служили радиопередачи, а также корреспонденция, поступавшая через связных из Польши. Этими связными были Багинская Мария Ивановна (арестована сотрудниками Управления НКГБ по Гродненской области 2 августа 1945 г.), Пилява Галина Вацлавовна и её сестра Пилява Вацлава Вацлавовна (арестованы 30 октября 1945 г.). Перевозила корреспонденцию через границу Гаврилюк Мария Ивановна, работавшая проводником на станции Гродно, которая впоследствии также была арестована. В ходе следствия было установлено, что в г. Гродно существовал пункт заграничной корреспонденции, куда стекалась вся информация. Впоследствии она перепечатывалась и размножалась. Содержательницей этого пункта была Яцунская Валерия Константиновна. В ходе агентурно-следственной работы, проведённой с августа по октябрь 1945 г., силовые структуры Гродненской области, кроме упомянутых выше участников польского подполья, арестовали ещё 12 человек [3, ф.38, оп.1, д.19, л.24-24 об., 27–27 об.]. Интерес вызывает тот факт, что активно помогали издавать и распространять газету «Ведомости» дети участников и руководителей обвода. Среди них – дочь одного из руководителей польского подполья на Гродненщине Игнатия Рыхлевича – Галина Рыхлевич, ученица 9 класса Гродненской польской средней школы, которая выполняла функции связной, а также снабжала бумагой подпольную типографию, сын Станислава Мисика, шефа БИП 10 Гродненского обвода АК, – Генрих Мисик, учащийся Гродненской польской средней школы. В организации он выполнял обязанности связного, доставлял в типографию бумагу, а также распространял среди участников подполья и местных жителей газеты и листовки. Оба в августе 1945 г. были арестованы и осуждены Военным Трибуналом на 10 лет исправительно-трудовых лагерей [4, ф.1, оп.1, д.69, л.83-84]. Таким образом, печатное издание 10 обвода Белостокского округа АК – газета «Ведомости» перестала выходить, а польское подполье вынуждено было перейти к распространению листовок, а также проведению устной агитации.

Листовки писались на польском языке, чаще от руки, либо печатались на пишущей машинке. Все они носили антисоветский характер и призывали вести борьбу с Советской властью и бойкотировать проводимые ею мероприятия. Листовки распространялись в наиболее многолюдных местах. Для них был характерен небольшой формат, короткий, эмоциональный и доступный текст. Главным недостатком листовок являлись значительные затраты на тиражирование.

Анализ содержания листовок показывает, что, несмотря на то, что они распространялись в разных районах западных областей БССР, по содержанию они были похожи: не признавать правительство Народной Польши, новую советско-польскую границу, бойкотировать мобилизацию в Красную Армию, госпоставки, выборы органов власти, репатриацию и коллективизацию и т.д.

Так, в воззвании «Поляки!» от 2.09.1944 г. не признавалась советско-польская граница, а советская власть называлась «оккупационной»: «ожидали мы союзника – пришёл новый оккупант... Большинство территорий Республики Польской с г. Вильно, Гродно и Львов «присоединены» к СССР, как будто бы на основании договора с «польским прави-

тельством», во главе которого назначен Россией Осубка-Моравский». Далее призывалось не забывать события 17 сентября 1939 г. и Катынь. «Помните! Что в подполье существует польская Крайовая Армия, существует правительство [имеется в виду Лондонское эмигрантское правительство] и только его приказы должны мы выполнять» [1, д.2749, л.195]. Такую же антисоветскую направленность имела листовка «Польша должна получить суверенность своих границ»: «Советское правительство стремится подчинить себе Польшу, душит польский народ наравне с немцами» [1, д.3933, л.170].

На территории Виленского округа была распространена листовка, призывающая к бойкоту мероприятий Советской власти, в частности, препятствовать открытию школ на освобождённой территории БССР. Листовка запрещала полякам записывать детей в русские и белорусские школы [5, s.227].

После объявления о мобилизации в ряды Советской Армии «аковцы» распространяли воззвания и листовки, призывающие уклоняться от военной службы. Так, в специальной листовке, озаглавленной «Воззвание к жителям Вильно и северо-восточных земель Речи Посполитой» от 6 августа 1944 г., подписанной «Окружной Делегатурой Правительства в Вильно и комендантом Виленского и Новогрудского округа» было издано специальное постановление о бойкоте мобилизации в Красную Армию [5, s.226].

В листовке-обращении к местным жителям, подписанной комендантом Новогрудского округа, также содержится призыв к бойкоту мобилизации в Красную Армию и Армию Берлинга: «На призыв, объявленный большевиками, пусть никто не является. Прячьтесь! Если большевики предпримут террор, ответим на это силой. Не должны идти в так называемую польскую армию Берлинга..., так как она служит нашим угнетателям-большевикам... Кто пойдёт в армию Берлинга – изменник своего народа и государства» [1, д.2931, л.349]. После завершения войны польское подполье продолжало призывать поляков «уклоняться от мобилизации, уходить в леса и ждать изменения обстановки» [2, с.278; 6, ф.7580, оп.3, д.175, л.13].

Особенно активизировалась агитационная деятельность польского подполья в период важных общественно-политических событий в стране и республике, таких, как выборы в Верховный Совет СССР (1946 г.), Верховный Совет БССР (1947 г.) и местные Советы (1948 г.). Так, накануне выборов в Верховный Совет БССР (1947 г.) польское подполье на территории Сопоцкинского района распространило ряд листовок, призывающих бойкотировать выборы. 1 и 2 февраля 1947 г. в деревнях Голынка, Головенчицы, Кадыш, Баляненты, Лойки и посёлке Сапоцкин пограничники 16 погранотряда Белорусского округа сняли листовки, призывающие игнорировать выборы. Более того, в них содержались угрозы расправы над теми, кто примет участие в голосовании [4, ф.1, оп.1, д.77, л.290, 291, 292, 295, 297].

В период проведения коллективизации распространялись листовки, призывающие не вступать в колхозы. Так, в феврале 1949 г. работниками Радуньского РО МВД были сняты листовки, написанные карандашом через копирку и вывешенные в ночь на 20 февраля 1949 г. около квартир председателя Радуньского райисполкома, секретаря РК КП(б)Б, а также рядом с клубом и больницей. Все листовки начинались со слов «Да здравствует Польша! Любимые поляки!». Данные листовки призывали бойкотировать коллективизацию, придерживаться католической веры, а также к терпению. И завершались словами: «Пусть живёт наша любимая и независимая Польша и пусть живут и здравствуют поляки!» [3, ф.38. оп.1, д.11, л.1].

Наряду с печатной агитацией аковским подпольем проводилась и устная. Среди местного населения распространялись различные слухи. В частности, в связи со сменой старого кабинета английского правительства были распространены слухи, что кабинет Черчилля ушёл в отставку потому, что «не поддержал польского вопроса, как это хотело польское эмиграционное правительство в Лондоне». Кроме этого, распространялись слухи «о неизбежности войны между Красной Армией и Англией из-за польского вопроса». Факты распространения указанных слухов установлены в Волковысском, Лидском, Гродненском и других районах Гродненской области [3, ф.48, оп.1, д.10, л.111].

В Барановичской области были отмечены случаи распространения слухов о том, что «граница Польши восстановлена будет там, где она была до 1939 г.» [6, ф.7580, оп.3, д.78, л.4–5]. В Дятловском районе Барановичской области распространялся слух о том, что «скоро район будет польским» [6, ф.7580, оп.3, д.78, л.5]. Аналогичные слухи распространялись в ряде районов Гродненской области: Скидельском, Василишковском районах [6, ф.7580, оп.3, д.78, л.6, 13].

Агитационно-пропагандистская деятельность польского подполья находила отклик у той части местного населения, которое было недовольно мероприятиями Советской власти. Зачастую они срывались под влиянием агитации и пропаганды. Наиболее характерным, по мнению сотрудников силовых структур, являлось отношение местного населения к проведению мобилизации и призыва в Красную Армию. Так, в спецсообщении начальника УНКВД Гродненской области подполковника Гредасова на имя секретаря обкома А.П.Эльмана от 6 августа 1944 г. отмечалось: «проведение призыва находится под угрозой срыва» [4, ф.1, оп.1, д.12. л.4]. В его же докладной записке секретарю обкома от 21 августа 1944 г. указывалось: «в связи с призывом польского населения в Красную Армию на территории Гродненской области отмечены случаи контрреволюционных проявлений... Мобилизация по Гродненскому району польского населения в основном сорвана, на призывные пункты не явилось 97 % граждан призывного возраста. Среди польского населения ведётся агитация об уклонении от службы в Красной Армии» [4, ф.1, оп.1, д.12, л.1]. В 1945-1946 г. в районах Гродненской области по-прежнему имели место случаи массового уклонения от воинского учёта военнообязанных. Эти факты связывались органами НКВД именно с агитационной работой, проводимой польским подпольем [3, ф.48, оп.1, д.2, л.24]. Подобная ситуация имела место в Барановичской [6, ф.7580, оп.3, д.175, л.13], Пинской [6, ф.7581, оп.3, д.135, л.3] и Брестской областях [6, ф.1, оп.2, д.252, л.2].

Пропагандистская работа польского подполья приводила к саботажу государственных поставок. В ряде районов Барановичской и Гродненской областей срывались поставки хлеба государству [6, ф.7580, оп.3, д.78, л.13]. Так, согласно донесению члена Военного Совета Барановичского военного округа генерал-лейтенанта Макарова, направленного в июле 1945 г. секретарём ЦК КП (б)Б П.К.Пономаренко в Гродненскую область, говорилось, что «в ряде с/с Скидельского и Василишковского районов Гродненской области польские осадники распространяют слухи о том, что большевики скоро уйдут, а придут поляки, поэтому большевики нажимают на выполнение хлебопоставок, чтобы вывезти из этих районов весь хлеб...» В итоге этой агитации «многие крестьяне затягивают сдачу хлеба государству» [4, ф.1, оп.1, д.36, 34, 41].

Имелись случаи, когда местные жители польской национальности не пускали своих детей в непольские школы, заявляя, что эти районы снова будут отданы Польше [6, ф.7580, оп.3, д.78, л.5]. Так, учительница Берёзовской средней школы Гродненской области рассказала, что поляки не пускают своих детей в белорусскую школу, заявляя, что скоро Англия будет воевать с Россией и эти районы будут польскими [4, ф.1, оп.1, д.36, л.33].

Антиколхозная агитация также находила свой отклик у местного населения. В спецсообщении на имя секретаря Гродненского обкома П.З.Калинина от 2 декабря 1944 г. отмечалось, что население негативно относится к коллективизации, «а насчёт колхозов лучше не напоминай, говорят, чем в колхоз идти, легче удавиться» [4, ф.1, оп.1, д.12, л.164]. «Нам колхозы не нужны, так как при них мы ничего хорошего не видели, хлеба и то было мало» [4, ф.1, оп. 1, д.12, л.12].

Таким образом, агитационно-пропагандистская деятельность польского подполья была направлена на саботаж и срыв мероприятий, проводимых Советской властью. Агитация находила отклик у определенной части польского и белорусского населения. Это объясняется непопулярными мерами, применяемыми Советской властью: завышенными госпоставками, различными государственными займами, мобилизацией молодежи на службу в армию, на хозяйственные работы, начавшейся коллективизацией и др.

Список литературы

1. Архив УКГБ по Гродненской области.
2. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.): монография/ С.А.Ситкевич [и др.]. – Гродно: ГГАУ, 2004. – 345 с.
3. Архив УВД Гродненского облисполкома.
4. Государственный архив общественных объединений Гродненской области.
5. AK na Nowogrydczyųnie i Wileczszczyųnie (1942 – 1944). W њwietle dokumentyw sowieckich./ Wybyr, oprac. Z.Boradyn, A.Chmielarz, H.Piskunowicz. – Warszawa, 1997. – 261 s.
6. Государственный архив Брестской области.

ВИКТОР БЕЛОЗОРОВИЧ

Гродно

ПРОЯВЛЕНИЯ АНТИСЕМИТИЗМА В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛАРУСИ В 1939 – 1941 гг.

Исторически сложилось, что территория Беларуси являлась зоной наиболее компактного расселения евреев в Восточной Европе. Этому содействовал не только их широкий приток в XIV – XVI веках под протекторат великих князей литовских, но и создание в 1794 году по указу Екатерины II черты еврейской оседлости. Согласно «Положению об евреях» 1804 года им разрешалось проживать только в 13 западных губерниях, в том числе пяти белорусских [1].

В отличие от Западной Европы антисемитизм как проявление враждебных отношений к евреям не получил широкого распространения на Беларуси до начала XX века. Однако создание широкой сети сионистских кружков в рамках Всемирной сионистской организации, созданной в 1897 году, активизация рабочего движения, угроза развёртывания революции содействовали усилению шовинистических настроений, прежде всего в черносотенной среде. В 1903 г. происходят еврейские погромы в Гомеле, Полоцке, Орше, Речице и других городах. В них принимали участие казаки и несознательная часть рабочих железнодорожных мастерских [2, с. 400]. Как заявил министр внутренних дел России В.К. Плеве: «Заставьте ваших прекратить революцию, я прекращу погромы и начну отменять стеснительные против евреев меры» [3, с. 28].

Что касается антисемитских акций, то на территории Гродненской, Виленской, Минской губерний они первоначально носили эпизодический характер, так как евреи преобладали в общем составе рабочего класса и городских жителей западного региона Беларуси. Однако ситуация изменяется с началом польской оккупации в 1919 г. и активизацией отрядов С. Булак-Булаховича, деятельностью бандформирований в начале 20-х годов [2, с. 400].

Антисемитизм наблюдался в Западной Беларуси и в межвоенный период. Правящие круги Польского государства и католический костёл провоцировали польско-еврейские противоречия из-за широкого участия евреев в революционной деятельности партий и сил левого направления, в частности, КПП, КПЗБ и других. Под влиянием фашистской идеологии возник ряд организаций антисемитского толка. В частности, в Поставском районе Вилейской области с 1937 года действовал «Союз объединения народа». Его члены считали, что евреи препятствуют «свободному развитию польского народа» и являются причиной безработицы в Польше [12 с. 7]. Не случайно в 1940 году главный раввин г. Слонима Файн накануне праздника Судного дня благодарил Советскую власть за прекращение антисемитизма, который ранее нагнетался в обществе [4, л.118].

18 сентября 1939 г., перед приходом Красной Армии, в Скидельской гмине Гродненского повета местные подпольщики, комсомольцы и коммунисты подняли вооружённое

восстание. Были захвачены польский гарнизон, почта, электростанция и другие важнейшие объекты. Полицейский М. Радзиевич оповестил о восстании гродненский магистрат, который направил на его подавление армейские подразделения и жандармов. Каратели зверски убили 29 человек: выкалывали им глаза, вырывали языки, а руководителя восстания Лазаря Починка разрубили на мелкие части. Жандармы положили лицом наземь около 200 человек и заставили их целовать землю. При этом каратели приговаривали: «Целуйте, жиды, коммунисты, землю. Она никогда не будет вашей». Дома, в которых проживали участники восстания, обливали керосином и поджигали, бросая в окна гранаты [5, л. 235 – 236].

В городе Гродно перед приходом Красной Армии шовинистически настроенные горожане осуществили еврейский погром. Впоследствии выездная сессия суда Белостокской области с 17 по 24 июня 1940 г. рассматривала это преступление. Четырёх обвиняемых, а предано суду было 13 человек, расстреляли [5, л. 279].

Осенью 1939 года в связи с установлением Советской власти в Западной Белоруссии усиливаются антисемитские настроения среди польского населения. Особенно они проявились во время выборов в представительные органы власти. В октябре 1939 года в городе Пружаны Брестской области были разбросаны антисоветские листовки: «Не голосуйте за Любошицкую, потому что она жидовка... Каждый жид – антихрист» [6, л. 57]. А в городе Бресте в польских и еврейских гимназиях, где размещались избирательные участки по выборам делегатов Народного собрания Западной Белоруссии, срывались плакаты и лозунги, написанные соответственно на еврейском и польском языках [6, л. 58]. На 4-м избирательном участке Сидранского округа Сокулковского повета группа поляков заявила, что не пойдёт на выборы, пока в избирательной комиссии находится еврей Фридман [7, л.3]. А среди крестьян деревни Длуголёнка Белостокского повета ходили слухи следующего содержания: «В состав Советского Союза входить нам незачем, ибо там Конституция не народная, а еврейская» [8, л. 2 об.].

Во время последующих выборов в Верховные Советы СССР, БССР и местные Советы депутатов трудящихся подобные факты продолжали иметь место, но в меньших количествах. Польское население неоднозначно воспринимало понятия «евреи» и «Советская власть». Если осенью 1939 года оно их размежевывало, то к концу 1940 года отождествляло. В частности, после воссоединения Западной Белоруссии с БССР ученицы женской гимназии в Гродно заявляли, что они не выступают против Красной Армии и Советской власти, но придерживаются непримиримой позиции по отношению к евреям, которые, на их взгляд, предали Польшу [9, л.170]. Кстати, среди поляков бытовало мнение, что евреи «вызвали» Вторую мировую войну [9, л.171]. Возможно, подобные убеждения исходили из активного участия лиц еврейской национальности в процессах установления Советской власти и осуществления социалистических преобразований. Поэтому основной нитью содержания антисоветских листовок проходил тезис о союзе «красных» с «бронзовыми», т.е. коммунистов и евреев (местечко Корицин Белостокской области) [9, л. 410]. Например, в местечки Граево во время выборов в местные Советы был вывешен написанный от руки лозунг «Долой евреев и коммунистов!» [10, л. 7]. Аналогичный призыв («Долой жидовскую власть!») был вывешен на оконной раме участкового милиционера в местечке Радошковичи Вилейской области [11, л.151].

В докладных записках, составленных командованием Красной Армии по результатам политических разведок, отмечалась враждебность между поляками и евреями [9, л. 405, 422]. Как правило, любой конфликт с местными органами власти сопровождался антисемитскими настроениями. Так, в местечке Городок Радошковичского района Вилейской области 26 марта 1940 г. работники сельпо конфисковали у торговцев льноволокно, запасы которого превышали 16 кг на одного человека. В ответ четыре продавца стали призывать всех находившихся на рыночной площади бить евреев и выступить против Советской власти [12, с.18-19].

Особое усердие показывали представители бывших польских партий и организаций. Например, в местечке Янов так называемые «стрельцы» спрятали во время танцев в

клубе фуражки еврейской молодёжи [9, л. 410]. Их поддерживал католический костёл, представители которого распускали слухи, что «Советская власть закрывает церкви, а ключи отдаёт евреям» [13, л. 46]. В период агитационной кампании по выборам в Верховные Советы СССР и БССР польское население заявляло, что, по закону божьему, за евреев, выдвинутых кандидатами в депутаты, голосовать нельзя [14, л.135].

Вследствие массовой неграмотности, которая в Западной Беларуси достигала 35 % от общего количества населения [15, с. 423], патриархально настроенные крестьяне были подвержены влиянию шовинистических идей. Ответственность за товарный дефицит, возникший осенью 1939 года, и дороговизну они возлагали на евреев-торговцев [16, л. 1] и беженцев, численность которых к началу 1940 г. составила 72 896 человек [17, с. 73]. Из-за отсутствия работы многие беженцы занялись спекуляцией и контрабандой, что дало повод для антисемитских настроений.

Однако в своём большинстве белорусское население западных областей Беларуси, в отличие от поляков, сохраняло толерантное отношение как к местным евреям, так и к евреям-беженцам. Хотя полностью исключить националистические проявления нельзя. В частности, в городе Белостоке в августе 1940 г. была распространена листовка. В ней говорилось, что «Западная Белоруссия попала уже в полное еврейское иго...», что «Белосток это есть еврейская республика» и т.п. Интересно авторство – «Партия беспартийных белорусов и поляков-большевиков» [18, л.171-172].

Таким образом, в западных областях Беларуси в 1939 – 1941 годах имели место проявления антисемитизма, исходившие в основном из польскоязычных кругов населения. Слухи, листовки, призывы, стычки на бытовом уровне вносили элемент напряжённости в общественно-политическую жизнь региона, препятствуя тем самым консолидации общества в преддверии Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Анішчанка, Я.К. Мяжа аселасці / Я.К.Анішчанка // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. – Мн.: БелЭн, 2000. Т. 11. – С.70.

2. Семянюк, У.А. Антысемітызм / У.А.Семянюк // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. – Мн.: БелЭн, 1996. Т. 1. – С. 399-400.

3. Жарова, Л.Н. История Отечества, 1900 – 1940 гг. / Л.Н.Жарова, И.А.Мишина. – М.: Просвещение, 1992. – 335 с.

4. Национальный архив Республики Беларусь в г. Минске (далее НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 1145.

5. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (далее ГАООГО). – Ф. 6195. – Оп. 1. – Д. 90.

6. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1771.

7. ГАООГО. – Ф. 6195. – Оп. 1. – Д. 231.

8. ГАООГО. – Ф. 6196. – Оп. 1. – Д. 5.

9. ГАООГО. – Ф. 6195. – Оп. 1. – Д. 12.

10. ГАООГО. – Ф. 6195. – Оп.1. – Д. 314.

11. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1940.

12. Адамушко, В.И. «Помилуйте...»: Документы по репрессиям 1939 – 1941 гг. в Вилейской области / В.И.Адамушко, Н.В.Иванова. – Мн., 1992. – 98 с.

13. ГАООГО. – Ф. 6195. – Оп. 1. – Д. 234.

14. ГАООГО. – Ф. 6195. – Оп. 1. – Д. 350.

15. Хаўратовіч, І. Заходняя Беларусь / І.Хаўратовіч // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. – Мн.: БелЭн, 1996. – Т. 3. – С. 421 – 425.

16. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1776.

17. Хацкевіч, А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939 – 1941) / А.Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – №2. – С. 70 – 76.

18. ГАООГО. – Ф. 6196. – Оп. 1. – Д. 7.

ВИТАЛИЙ БАРАБАШ

Гродно

ПРОБЛЕМА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ АНТИФАШИСТСКОЙ КОАЛИЦИИ (1941 – 1945 гг.)

Проблема советско-польской границы в период Второй мировой войны являлась одной из самых острых в международных отношениях государств антифашистской коалиции. В результате нападения Германии в 1941 г. одной из важнейших стратегических задач для советского руководства стал поиск союзников для совместной борьбы с агрессором. Начавшиеся в июле 1941 г. в Лондоне переговоры между премьером польского эмигрантского правительства В.Сикорским и советским послом И.Майским выявили серьезные расхождения по вопросу о будущей советско-польской границе. В.Сикорский добивался восстановления рубежей согласно Рижскому мирному договору 1921 г. И.Майский настаивал на том, что новые границы должны быть установлены на основе этнического критерия. Подписанный 30 июля 1941 г. советско-польский договор восстанавливал дипломатические отношения и, среди прочего, признавал утратившими силу соглашения между СССР и Германией 1939 г., касающиеся территориальных изменений в Польше. С другой стороны, в договоре отсутствовали обязательства Советского Союза восстановить границы до сентября 1939 г. [1, s. 95–96].

Выступая в тот же день в Палате общин, министр иностранных дел Великобритании А.Иден заявил, что в результате подписанного договора английское правительство не берет на себя никаких гарантий восстановления довоенных границ в Восточной Европе. Также представитель Госдепартамента США С.Уэллс на пресс-конференции 31 июля 1941 г., положительно оценив советско-польский договор, тем не менее избежал упоминаний о гарантиях восстановления довоенных границ Польши [2].

Из-за разногласия вопрос о границе вновь был отложен в подписанной в Москве 4 декабря 1941 г. И.Сталиным и В.Сикорским декларации о дружбе и взаимной помощи [3, т. 7, с. 257].

Проблема обсуждалась и во время последовавших во второй половине декабря 1941 г. в Москве переговоров с А.Иденом. И.Сталин настаивал на признании советской границы 1941 г. Возражения А.Идена основывались на положениях англо-американской Атлантической хартии от 14 августа 1941 г., что все вопросы об изменении границ в период войны следует отложить до мирной конференции. В итоге было решено вернуться к проблеме позже [4, с. 188 – 197].

Очевидно, что заключенные в 1941 г. соглашения с Советским Союзом трактовались польским правительством как результат чрезвычайных и временных обстоятельств. Предполагалось, что после войны Германия и СССР выйдут значительно ослабленными. Это даст возможность западным союзникам играть ведущую роль в политическом устройстве Восточной Европы. Как заявил В.Сикорский в январе 1942 г.: «Сейчас неподходящий момент поднимать проблемы наших границ непосредственно с Россией, т.к. неизвестно, какая еще будет послевоенная Европа – поэтому я решил выждать» [5, s. 99].

Согласно мнению некоторых историков, во время самых крупных военных поражений Красной Армии 1941 г. правительство В.Сикорского могло добиться уступок от советского руководства по территориальному спору, тем более что Великобритания и США располагали еще козырями в виде поставок снабжения для СССР. Однако в тот момент англичане всеми силами старались поддержать волю Москвы к сопротивлению. Нет никаких сведений, чтобы в самой драматической военной ситуации И.Сталин переступил границу уступок, которые бы были нацелены в жизненные интересы его державы. Британские переговорщики в декабре 1941 г. получили впечатление, что советский лидер

был глубоко уверен в полном разгроме Германии, и будет трудно отговорить его от так называемой концепции безопасных стратегических границ [6, s. 270].

Не принесла каких-либо результатов и деятельность по вопросу поддержки Вашингтоном «рижской границы», которую предпринял польский посол в США Я.Цехановский в конце декабря 1941 г.. После атаки на Перл-Харбор и вступления США в войну, отношения с СССР, дальневосточного соседа Японии, стали значительно более существенными для американцев, чем беспокойные польские проблемы [6, s. 270]. С июля 1941 г. Ф.Рузвельт принял как высший приоритет своего курса обеспечение военных поставок в СССР [7, s. 157].

Мотивы поведения дипломатии западных союзников были не только вопросом принципов, но прежде всего тактики, которая могла корректироваться в изменяющихся обстоятельствах. В 1941 – начале 1942 г. У.Черчилль и Ф.Рузвельт выступали за отложение рассмотрения проблем границ в Европе на послевоенный период [6, s. 272-273; 7, s. 184]. Их позиция начинает изменяться весной 1942 г., когда ухудшилось военное положение западных союзников на Средиземноморье, в Египте и на Тихом океане. Руководители США и Великобритании считали, что в условиях распространения международного конфликта не следует идти на риск ослабления связей с СССР. Было опасение, что ввиду тяжелого положения на фронте И.Сталин мог заключить сепаратный мир с Германией. На этой основе вопрос гарантий для польской восточной границы был не только проблемой маргинальной, но и напрасно раздражающей.

С марта 1942 г. У.Черчилль высказывался уже в пользу удовлетворения территориальных интересов СССР и в этом искал поддержки у американского президента [5, s. 127]. Эволюцию претерпевала и позиция США. На встрече с советским послом М.Литвиновым 12 марта 1942 г. Ф.Рузвельт заверил, что «по существу у него нет никаких расхождений» с правительством СССР о советских западных границах [8, с. 76–78].

Лондон и Вашингтон считали возможным принять за основу сложившееся положение, но оставить пока открытым для обсуждения вопросы точного прохождения советско-польской границы. Отличия в позициях были лишь в той части, что Ф.Рузвельт не желал пока именно публичного одобрения территориальных приобретений СССР до 22 июня 1941 г. Такой шаг подрывал бы авторитет президента в глазах части американских граждан, прежде всего польского и прибалтийского происхождения.

В то же время после победы над вермахтом под Москвой советская позиция становилась все более жесткой. И.Сталин реализовывал план, согласно которому Лондону, ввиду невозможности удостоверить свои союзнические обязательства по открытию второго фронта в Европе, предлагалось содействовать укреплению взаимоотношений политическими средствами. Отправной точкой в заключении британско-советского военного союза должно было стать признание западных границ СССР, на которых он подвергся нападению в 1941 г. [9, s. 179].

Максимальной победой польской дипломатии при поддержке западных союзников стало тогда отклонение данного постулата И.Сталина.

Дискуссии по проблеме на лондонских переговорах в мае 1942 г. закончились тем, что В.Молотов получил инструкцию от И.Сталина согласиться с предложениями британской стороны и подписать простой договор, без указания будущих границ. 24 мая Сталин телеграфировал Молотову в Лондон: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. ...Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой» [8, с. 79].

Договор СССР и Великобритании от 26 мая 1942 г. не содержал упоминания о советско-польской границе [4, с. 237–240]. Вместе с тем в ходе переговоров советская позиция по территориальному вопросу была с пониманием воспринята английской стороной. Британское правительство окончательно согласилось на включение трех прибалтийских республик в состав СССР [10].

Осенью 1942 г., в связи с общим изменением военно-стратегической ситуации (остановкой немецкого наступления под Сталинградом), на новый уровень в международных отношениях вышла проблема послевоенных границ. Свою позицию по этому вопросу польское правительство изложило в постановлении от 7 октября 1942 г. Представленная программа предполагала возможным за возрождение бывших восточных рубежей Польши отказаться от Вроцлава, Щецина и выхода к Одре [9, s. 251]. Согласно концепции В.Сикорского, польско-советской границе придавалось принципиальное значение как «восточной границе христианской цивилизации». Исходя из такого подхода, программа восстановления западных территорий отодвигалась на второй план [11, cz. 1, s. 202].

На рубеже 1942–1943 г. дипломатические отношения между советским и польским правительствами вступили в стадию кризиса. Усилилась «война нот», а также полемика на страницах печати, касавшаяся главным образом проблемы границ. Советское руководство все меньше считалось с позицией польского правительства. Не имели результата и обращения В.Сикорского к У.Черчиллю и Ф.Рузвельту с призывом оказать давление на СССР. Советско-польские отношения неуклонно приближались к разрыву. Поводом для их прекращения послужил так называемой «Катынский вопрос». Используя его, И.Сталин 25 апреля 1943 г. избавился от польского союзника как одного из главных препятствий в реализации своих геополитических целей.

Одновременно предпринималась активная дипломатическая деятельность по расширению числа сторонников принятия стратегии советского руководства. Поддержка в отношении будущей границы по линии Керзона была получена от президента Чехословакии Э.Бенеша. Взамен советская сторона признала обоснованными претензии Чехословакии в споре с Польшей на Тешинскую область. С начала 1944 г. союзники пытались через Э.Бенеша убедить С.Миколайчика принять условия Сталина (включая и согласие на линию Керзона) для восстановления дипломатических отношений с СССР [7, s. 231, 311].

В дискуссию на тему послевоенной советско-польской границы также присоединилась Франция в лице председателя Французского комитета национального освобождения генерала де Голля. 11 мая 1943 г. во время беседы с советским послом А.Богомоловым де Голль, среди прочего, заметил, что Франция заинтересована, «чтобы Россия имела у себя самые выгодные стратегические границы на западе». Де Голль безусловно поддерживал границу вдоль линии Керзона [11, cz. 1, s. 287].

Согласие с советскими территориальными постулатами было выражено и британскими доминионами. Во время встречи с вицеминистром К.Эттли 13 апреля 1943 г. представители доминионов заявили, что их правительства не намереваются дать себя впутать в конфликт с Москвой из-за судьбы балтийских государств и восточных польских земель. Преобладал прагматический подход, признававший неизбежность занятия Красной Армией этих территорий [7, s. 250].

8 октября 1943 г. британский Военный кабинет во главе с У.Черчиллем одобрил оценки и выводы Форин оффис по вопросу советско-польских отношений. По признанию А.Идена: «Нашей политикой должно быть неоппонирование советской позиции, что линия Керзона должна стать основой новой советско-польской границы; однако следует предпринять всякие усилия в пользу ее модификации таким образом, чтобы Львов был включен в состав Польши». Признавалась невозможность осуществления дальнейших польских притязаний. Однако перед советским правительством следовало «подчеркнуть значение привязанности поляков к Вильно, и использовать это как аргумент торга, чтобы обеспечить им по меньшей мере Львов» [11, cz. 1, s. 296–297].

Соответственно в отношении СССР допускались определенные коррективы положений Атлантической хартии. В сформулированных У.Черчиллем 11 октября 1943 г. директивах для будущей мирной конференции констатировалось: «Подтверждаем принципы Атлантической хартии, отмечая, что присоединение России к хартии опирается на исторических границах России перед двумя войнами, вызванными немецкой агрессией в 1914 и 1939 гг.».

Позиция американской дипломатии в тот период в принципе соответствовала направлению дискуссий, проводимых в Лондоне [12].

Сближение позиций союзных держав обусловило беспрепятственное согласование проблемы будущей советско-польской границы на встрече на высшем уровне в Иране в 1943 г. За ее основу участниками переговоров была принята линия Керзона [13]. Достигнутое соглашение в принципе предрешило позднейшие договоренности на конференции в Ялте. Таким образом, Тегеранские переговоры закончились полным успехом Сталина. В то же время их следствием стало серьезное ослабление позиции польского правительства, вынужденного сопротивляться не только советским территориальным притязаниям, но и усиливающемуся в этом вопросе британскому давлению.

12 февраля 1944 г. У.Черчилль передал польскому правительству для одобрения проект письма, который хотел выслать И.Сталину. В нем предполагалось объявить о согласии польской стороны на линию Керзона. В результате острых дискуссий 15 февраля кабинет С.Миколайчика отклонил предложения У.Черчилля. В качестве компромисса польскими министрами был представлен проект демаркационной линии, проходившей на востоке от Вильно и Львова. Администрация территорий на западе от этой линии передавалась польскому лондонскому правительству, а на востоке – советским органам власти с участием третьего контролирующего органа союзников [7, s. 326–327].

У.Черчилль решил наказать «строптивых поляков» публичным выговором в палате общин. В парламентской речи 22 февраля 1944 г. он заявил: «...Освободить Польшу могут теперь российские армии, которые потеряли миллионы людей, уничтожая немецкую военную машину. Мне не представляется, чтобы российский постулат обеспечения безопасности западных границ переходил то, что является благоразумным или правильным» [11, cz. 2, s. 375–376]. Первый раз публично У.Черчилль заявил об отходе от принципа непризнания изменений довоенных границ.

В 1944 г. С.Миколайчик оказался в сложном положении. С одной стороны, испытывая давления союзников, он готов был пойти на территориальные уступки в отношении СССР. С другой стороны, он не видел возможности убедить в этом большинство польских эмигрантских партий и подполье в Польше. Польский премьер добивался отложить окончательное решение вопроса о границе до завершения войны и созыва мирной конференции [14].

Последнюю попытку отстоять проект демаркационной линии, ссылаясь на поддержку США, С.Миколайчик предпринял на Московской конференции в октябре 1944 г. Однако он был поставлен в известность, что во время встречи в Тегеране Ф.Рузвельт также дал согласие на линию Керзона. [3, т. 8, с. 274, 283].

В ходе дальнейших переговоров 16 октября С.Миколайчик под давлением британцев принял линию Керзона за основу для дискуссии в варианте «Б», проходившей на восток от Львова. Однако, вернувшись в Лондон, С.Миколайчик не встретил поддержки у большинства членов правительства и сложил с себя полномочия премьера.

После Московской октябрьской конференции 1944 г. окончательно рухнула надежда польского эмигрантского правительств на помощь западных союзников в восстановлении границ 1939 г. Образованный 29 ноября 1944 г. кабинет Т.Арцишевского, неизменно занимал прежнюю позицию по территориальному вопросу до конца войны, однако уже потерял какое-либо влияние на его решение [11, cz. 2, s. 72, 80–82]. Вместе с падением роли правительства Польши вопрос польской восточной границы также отходил на второй план международных проблем.

Для реализации своих целей И.Сталиным активно вводилась в действие т.н. левицовая альтернатива – поддержка в завоевании власти в Польше подконтрольных СССР политических сил. Сразу после образования Польского Комитета Национального Освобождения с ним было подписано 27 июля 1944 г. соглашение о советско-польской границе, проходящей по линии Керзона [3, т.8, с. 156–157]. Предварительное соглашение с ПКНО стало основой окончательного установления границы между Польшей и СССР, несмотря на продолжавшиеся переговоры между правительствами трех великих держав.

Это был типичный для И.Сталина метод создания постепенно, но жестко и последовательно свершившихся фактов в ходе реализации своей политики.

В процессе обсуждения польской проблемы главами СССР, США и Великобритании во время Ялтинской конференции 1945 г. У.Черчилль поддержал И.Сталина в проекте установлении советско-польской границы вдоль линии Керзона согласно варианту «А», т.е. с оставлением Львова на стороне СССР. По заявлению английского премьера, его больше интересовал вопрос суверенитета Польши, чем уточнение линии ее границ [15].

Соглашение о советско-польской границе было официально принято, и с этого момента стало необратимым. Окончательно решения Ялтинской конференции были зафиксированы в договоре между СССР и Польской Республикой, подписанным 16 августа 1945 г. [3, т. 8, с. 541–542].

Таким образом, в годы второй мировой войны решение проблемы советско-польской границы было подчинено геополитическим интересам держав антигитлеровской коалиции. Ведущая роль в борьбе с фашистским блоком позволила Советскому Союзу стать важнейшим фактором на международной арене и последовательно реализовать свою программу установления послевоенных границ в Восточной Европе. В итоге в значительной степени были преодолены невыгодные результаты для СССР первой мировой войны и создана «зона безопасности» на его западных рубежах.

Список литературы

1. Eberhardt, P. Polska granica wschodnia. 1939–1945 / P.Eberhardt. – Warszawa, 1993.

2. Slusarczyk, J. Stosunki polsko-sowieckie 1939–1945 / J.Slusarczyk. – Toruc, 2000. – S. 144.

3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений // Сб. док. в 12 т. / под ред. И.А.Хренова и В.Т.Ковальского. – М.: Наука, 1963–1985.

4. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941 – 1944 // Сб. док. в 2 т. / под ред. А.А.Громыко. – М., 1983. – Т. 1.

5. Zaroc, P. Kierunek wschodni w strategii wojskowo-politycznej generaia Wiadysiawa Sikorskiego 1940–1943 / P.Zaroc. – Warszawa, 1988.

6. Historia dyplomacji Polskiej (poiowa X – XX w.): w 5 t. / pod. red. W.Michowicza. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. – T. 5.

7. Tebinka, J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej 1939 – 1945 / J.Tebinka. – Warszawa, 1998.

8. Мягков, М. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941 – 1945 / Мягков М. – М.: ИВИ РАН, 2006.

9. Kowalski, W. Tragedia w Gibraitarze / W.Kowalski – Bydgoszcz, 1989.

10. Ржешевский, О. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941 – 1942) / О.Ржешевский. – М., 1997. – С. 75–77.

11. Kowalski W. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939 – 1945): w 2 cz. / W.Kowalski – Warszawa, 1985.

12. Karski J. Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945 od Wersalu do Jaity / J.Karski. – Warszawa, 1992. – S. 388–389.

13. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. // Сб. док. в 6 т. / под ред. А.А.Громыко. – М., 1984. – Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). – С. 146–151.

14. Ciechanowski J. Powstanie Warszawskie. Zarys podioïa politycznego i dypiomatycznego / J.Ciechanowski. – Warszawa, 1984. – S. 271–272.

15. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. // Сб. док. в 6 т. / под ред. А.А.Громыко. – М., 1984. – Т.4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4 – 11 февраля 1945 г.). – С. 251.

ПЁТР СТЕЦКЕВИЧ

Гродно

ЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ПОВЕТОВ СРЕДИННОЙ ЛИТВЫ (1920 – 1922 гг.)

В середине апреля 1919 г. руководитель польского государства Юзеф Пилсудский издал приказ о проведении Виленской операции, которая закончилась полным успехом польских войск. 20 апреля они вошли в Вильно. Однако военные успехи Красной Армии не позволили полякам надолго закрепиться в регионе. Уже 14 июля 1920 г. части Красной Армии вошли в Вильно. С 15 июля 1920 г. Вильно и его окрестности стали входить в состав формально независимой Литвы [1, s. 75].

Ведущие еврейские политики начали активную деятельность с целью наладить отношения с литовскими властями. В Вильно прибыли представители литовского правительства из Министерства по делам евреев. Вскоре прошла конференция, на которой раввин И. Рубинштейн был назначен временным представителем еврейской гмины города Вильно. Однако, несмотря на старания еврейской стороны, до подписания серьёзных еврейско-литовских соглашений не дошло [1, s. 76].

Вечером 8 октября 1920 г. дивизия генерала Люциана Желиговского, без особого сопротивления со стороны литовской армии, заняла Вильно. Вся операция была проведена по неофициальному приказу Ю. Пилсудского. Вступление польских войск в Вильно вызвало жалобы со стороны еврейской гмины города. 11 октября 1920 г. руководители еврейской гмины г. Вильно Я. Выгодский, И. Рубинштейн и Т. Шабад вручили Л. Желиговскому меморандум, в котором были перечислены свыше 40 конкретных случаев избиений, увечий и других травм, нанесённых евреям польскими солдатами. В своем ответе генерал Желиговский выразил глубокое сожаление в связи с имевшими место инцидентами [1, s. 77].

Сосредоточивший власть в своих руках генерал Л. Желиговский объявил себя Верховным главнокомандующим войсками Срединной Литвы и заявил, что его цель – созыв в Вильно представителей края для выражения истинной воли населения. Первоначально назначенные на 9 января 1921 г. выборы были отложены. 28 октября 1921 была назначена новая дата выборов. Окончательная версия документа, регулирующего проведение выборов, была опубликована 1 декабря 1921 г. К участию допускались постоянные жители Срединной Литвы и уроженцы её территории, достигшие 21 года [1, s. 78].

В декабре 1919 г. польскими властями была проведена перепись населения на территориях, находившихся под юрисдикцией Гражданского управления восточных земель. Данные переписи подтвердили преобладание польского населения на этих землях при сохранении значительного еврейского меньшинства. Сведения в некоторой степени расходятся с показателями переписи, проведенной в 1916 г. немцами. Эту разницу можно объяснить неразберихой, имевшей место в условиях военного времени. Виленский округ, согласно переписи 1919 г., включал территории, выходившие за границы Виленщины, а именно г. Гродно, Новогрудский и Гродненский поветы. Если из общего числа еврейского населения Виленского округа исключить число жителей еврейского происхождения этих трёх административных единиц, то окажется, что в декабре 1919 г. на территории Виленщины проживали около 100 тыс. евреев [1, s. 37–38].

Согласно принятому избирательному законодательству, территория, на которой должны были состояться выборы, была разделена на 12 округов, из которых 7 находились на территории так называемой «Срединной Литвы» (в том числе Свентянский, Ошмянский поветы), 3 были присоединены решением Учредительного сейма Польши 16 ноября 1921 г. (Лидский и Браславский поветы), еще 2 охватили гмины, находившиеся на нейтральной территории (в том числе 1 гмина Свентянского повета) [2, л. 31].

Все политические и национальные группировки на территории региона разделились на два больших лагеря. Одни боролись за максимальную явку избирателей и максимальное количество депутатских мандатов в будущем сейме, другие открыто бойкотировали выборы в сейм и призывали к этому население. Большинство литовцев по призыву лидеров литовского населения Срединной Литвы бойкотировало выборы. К бойкоту присоединилась часть белорусов и евреев.

Основная часть евреев рассматривала плебисцит исходя из собственных интересов, т.е. своих прав и экономической ситуации. Еще в августе 1919 г. на Парижской мирной конференции в декларации, подписанной министром иностранных дел Литвы Аугустинасом Вольдемарасом, указывалось 8 принципов, на которые должно было опираться литовское законодательство по отношению к евреям: 1) наравне с представителями других национальностей они пользуются всеми гражданскими правами; 2) будут иметь пропорциональное представительство во всех законодательных органах; 3) будут участвовать во всех институтах исполнительной и судебной власти, для ведения их дел будет создано специальное министерство; 4) иметь представительство в законодательных органах будет закреплено путем создания национальной избирательной курии либо другим подходящим способом; 5) свободно и публично пользоваться своим языком в прессе, театрах, школах, при создании различных правовых актов, в судах и государственных инстанциях; 6) праздновать шабат и другие праздники; 7) автономно решать все свои внутренние вопросы, касающиеся религии, благотворительности, социальной помощи, образования, культуры; 8) еврейские локальные гмины и их съезды будут объявлены органами еврейской автономии. В рамках своей компетенции они получат право издавать предписания, обязательные для всех евреев. Еврейская автономия должна была получить статус государственной инстанции [1, s. 97].

5 января 1920 г. состоялся съезд представителей еврейских гмин в Литве, на котором был избран Народный совет евреев Литвы – высший орган еврейской автономии. Совет насчитывал 34 человека. При нем был создан рабочий орган – Ваад. На съезде выступили президент Литвы Антанас Сметона и премьер-министр Эрнестас Гальванаускас. Второй съезд представителей еврейских гмин и Совета прошел 14 февраля 1922 г. На нем были приняты решения о созыве всеобщих еврейских гмин. Такие народные собрания получили название «еврейские сеймы». Делегаты на них избирались всеобщим голосованием. Кроме народного собрания, в систему еврейской автономии входили министр по делам евреев, еврейская фракция в сейме Литвы и еврейские фракции в местных органах самоуправления.

Предоставление таких широких прав еврейскому меньшинству имело целью убедить евреев выступить по виленскому вопросу однозначно на стороне литовцев. В свете такого решения еврейского вопроса литовской стороной можно понять поведение евреев на Виленщине, для которых польские предложения казались слишком скромными [1, s. 98].

Один из руководителей еврейской общины в Вильно Я. Выгодский так высказался по этому поводу: «Уже было ясно, кто дал права евреям, а кто нет» [1, s. 96]. Труднее было ответить на вопрос, в каком государстве – в Польше или Литве – будет обеспечен более высокий экономический уровень евреям. Богатые евреи придерживались мнения, что еврейская экономика была больше связана с промышленно развитой Польшей. Газета «Наша свобода» («Unzer Frajnd») 30 декабря 1921 г. писала: «В еврейских торговых кругах зреет намерение выйти из подчинения еврейских политических деятелей и принять участие в выборах. Отношение евреев к выборам неоднозначное. Интеллигенция и еврейские политики не хотят путём участия в выборах стать на сторону польского правительства, так как стремятся сохранить хорошие отношения с правительством в Ковно. В то же время торговые круги из-за своих экономических интересов часто высказываются на стороне Польши» [3, л. 32]. Однако эта группа была немногочисленной. Большинство евреев было склонно выступить на стороне Литвы, а не Польши, поэтому было против плебисцита.

Премьер-министр Польши В. Грабский, который начал организовывать избирательные комиссии по выборам в сейм 1922 г., обратился к руководителю местной еврейской общины Я. Выгодскому с просьбой прислать в окружные комиссии 30 еврейских представителей, а также двух представителей в центральную комиссию. После бурных дискуссий, развернувшихся вокруг этого предложения, на заседании политического комитета еврейской гмины города Вильно было принято решение ни под каким предлогом не принимать участия в выборах в сейм. Выгодский от имени всех еврейских партий написал, что, поскольку условия выборов в сейм не позволяют получить достоверную информацию о волеизъявлении населения Виленского края, еврейская гмина должна предупредить, что евреи не будут принимать участия в выборах. Этот ответ вызвал много злобных статей, особенно в правой польской прессе. Выгодский подчеркивал, что приложил большие усилия, чтобы доказать, что евреи, исходя из собственных жизненных интересов, другого решения принять не могут, однако ведут себя открыто и лояльно.

Открытое выступление против плебисцита поставило еврейское меньшинство в достаточно сложную ситуацию. Позиция, которую заняли евреи, обусловливалась тем, что литовские власти на самом деле признали за ними широкие права и полномочия [1, s. 97].

Еврейские лидеры региона официально огласили, что участия в выборах они принимать не будут и не выставят собственного избирательного списка. Вместе с тем они не бойкотировали выборы в парламент, в отличие от литовцев. Официально они придерживались нейтральной позиции. Газета «Наш день» («Unzer Tog») 18 декабря 1921 г. писала: «Вопрос участия в выборах [в Виленский сейм] непольского населения – белорусов, литовцев и евреев – уже решён. Белорусы – не участвуют, литовцы – не участвуют, евреи – не участвуют. Теперь это уже понятно. То, что Бунд не участвует в выборах, уже решено. Определилось также отношение [к выборам] еврейского населения в провинции. В Ошмянах, например, евреи категорически опровергли известие о том, что якобы часть евреев города собиралась принять участие в выборах» [3, л. 18]. В статье «Согласие между поляками и евреями в нашем крае», которая была напечатана в газете «Наша свобода» 3 января 1922 г., Я. Выгодский отмечал, что отношения между поляками и евреями ухудшаются из-за того, что евреи не примут участия в выборах. Автор выражал надежду, что такая позиция сдвинет эти отношения с мертвой точки, в которой они оказались вследствие ошибочных решений польских властей. Он считал, что поляки должны согласиться на еврейскую национальную автономию, которая бы пошла на пользу и польскому государству [3, л. 19]. Политический комитет еврейской гмины Вильно вместе с еврейскими политическими фракциями единогласно принял предложение Выгодского «не участвовать в выборах в сейм» [4].

В начале января 1922 г. еврейские партии выступили со специальным заявлением, призванным в некоторой степени смягчить ситуацию, касавшуюся участия в выборах в Виленский сейм. В нем они указывали, что евреи считают своей обязанностью принять участие в законодательном сейме, созданном на демократических основах. Информировали также, что евреи считают своей обязанностью принять участие в плебисците, назначенном с целью решения вопроса о государственной принадлежности края, если будут созданы соответствующие условия, которые обеспечат легитимность его проведения. В то же время по вопросу участия евреев в выборах в Виленский сейм указывалось, что эта проблема могла бы быть решена лишь после выхода соответствующего декрета, в котором были бы определены задачи сейма. Под этим заявлением подписались один из руководителей еврейской гмины доктор Я. Выгодский, представители Сионистской организации, «Еврейской демократической партии», Еврейского союза купцов, Еврейского союза торговцев, а также партии «Молодёжь Сиона» [1, s. 102].

После таких невыгодных для поляков решений, принятых еврейской стороной, раввин Исаак Рубинштейн, доктор Якуб Выгодский и доктор Темаш Шабад были приглашены в Варшаву с целью пояснения позиции евреев. Во время встречи с Константином Скирмунтом, министром иностранных дел, еврейские представители высказали мнение, что Вильно должно быть в составе Литвы, сама же Литва вследствие исторических и экономических связей

должна соединиться с Польшей. Позиция еврейской гмины города Вильно в этом вопросе, сказал Я.Выгодский, «вызвала волну недовольства и антисемитизма» [1, s. 103].

Представители виленских евреев готовы были выставить собственный избирательный список только при условии, что Виленский сейм гарантирует Виленщине автономию. На такие условия польская сторона не соглашалась. В большинстве своём евреи бойкотировали выборы 8 января 1922 г. Однако часть еврейского населения все же приняла участие в голосовании и поддержала польские политические блоки и партии [1, s. 99].

В избирательные списки были включены 263 537 человек (по другим сведениям, 249 325 человек), приняли участие в прошедших 8 января 1922 г. выборах 163 292 избирателя. По разным подсчётам, участвовало всего 64,4 % (по другим сведениям, 63,9 %) избирателей. По официальным данным, среди голосовавших 4 853 человека прибыли из Варшавы, Кракова, Познани, Торуня и других городов Польши. По сведениям министерства иностранных дел Литвы, таковых было около 12 тыс. человек. Среди литовцев, имевших право голоса, проголосовало 8,2 %, среди евреев – 15,3 %, среди белорусов – 41 % (24,8 %), среди поляков – 80,8 %. В некоторых местностях проголосовало до 38 % евреев (Василишки, Лидский повет). Несмотря на это, еврейское меньшинство не имело своего представителя в Виленском сейме [1, s. 104].

Председатель Военной контрольной комиссии Лиги Наций в своём докладе 20 марта 1922 г. отмечал, что выборы проходили в обстановке военной оккупации, организовывались и проводились почти исключительно поляками, избиратели прибывали для голосования без документов, удостоверяющих личность, для участия в голосовании достаточно было назвать свою фамилию и найти её в списке, поэтому трудно расценивать выборы как искреннее и беспрепятственное изъявление воли населения [4].

В состоявшем из 106 депутатов Виленском сейме большинство образовали политические объединения, выступавшие за полную и безоговорочную инкорпорацию Срединной Литвы в состав Польши (43 – Польский центральный избирательный комитет, 34 – Народные советы). Сторонники автономии в рамках польского государства набрали в сумме 22 мандата (13 – Польская народная партия, 9 – Польский народный союз «Возрождение»). Сторонники федерации (Демократический избирательный комитет) провели 4 своих кандидатов [4].

На заседании 20 февраля 1922 г. сейм подавляющим большинством голосов (96 при 6 воздержавшихся; в некоторых изданиях цифры соответственно 101 и 3) принял резолюцию о безоговорочном включении Срединной Литвы в состав Польши. 1 марта 1922 г. были избраны члены делегации Виленского сейма (8 – от правых, 5 – от Народных советов, 7 – от левого блока), которые отправились в Варшаву для передачи этого решения руководству Польши [4].

22 марта 1922 г. Учредительный сейм в Варшаве принял Акт воссоединения Срединной Литвы с Польской Республикой. Члены делегации Виленского сейма были признаны депутатами Учредительного сейма Польской Республики. 24 марта 1922 г. маршалок Антоний Локуциевский объявил о роспуске Виленского сейма.

Таким образом, еврейские политические силы, которые действовали на территории Срединной Литвы, фактически не приняли участия в решении судьбы данного региона. На Виленщине проявились значительные политические разногласия между поляками и евреями. Однако после изменения границ местные отделения еврейских партий и организаций активно включились в политическую жизнь польского государства.

Список литературы

1. Wolkonowski, J. Stosunki polsko-ïydowskie w Wilnie i na Wilenszczyznie 1919 – 1939 / J. Wolkonowski. – Bialystok: WUB, 2006. – 463 s.

2. Литовский Центральный Государственный Архив (далее ЛЦГА). – Фонд 19. – Оп. 1. – Д. 240. Реферат о политической ситуации в Вильно, выборах в Виленский сейм, Временной комиссии Средней Литвы (1921 – 1922 гг.).

3. ЛЦГА. – Фонд 70. – Оп. 1. – Д. 224. Рапорты из еврейской прессы.
4. Виленский Сейм [Электронный ресурс] / Википедия. – 2006. – Режим доступа: http://ruwiki.com/articles/. – Дата доступа: 20.04.2006.

АЛЯКСЕЙ ЗАГІДУЛІН

Гродна

АСАБЛІВАСЦІ РАСПАЎСЮДЖАННЯ ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКАГА АБРАДУ КАТАЛІЦКАГА КАСЦЁЛА Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1924 – 1939 гг.)

У Заходняй Беларусі, калі яна знаходзілася ў складзе Польскай дзяржавы, аднавіла сваю дзейнасць уніяцкая царква. У адрозненне ад традыцыйнай грэка-каталіцкай царквы, распаўсюджанай у Заходняй Украіне, заслуга адраджэння якой належыць Львоўскаму мітрапаліту Андрэю Шаптыцкаму, у беларускіх ваяводствах, у першую чаргу ў Палескім, пашыраецца так званы ўсходні, ці візантыйска-славянскі, абрад, які таксама называлі неауніяй. Гэта былі дзве арганізацыйна розныя структуры. Польскі ўрад адхіліў прапановы А. Шаптыцкага па стварэнню грэка-каталіцкіх прыходаў на беларускіх землях, лічачы, што гэта паспрыяе росту нацыянальнай свядомасці беларусаў і ўкраінцаў [1, с. 73]. Ініцыятыва ўзнікнення усходнеславянскага абраду зыходзіла з Ватыкана, які нібыта ішоў насустрач жаданню колішняга уніяцкага насельніцтва, перахрышчнага ў свой час у праваслаўе, вярнуцца ў лона каталіцкага касцёла пад умовай захавання ранейшага, г. зн. праваслаўнага, абраду. Рэальнай прычынай з’яўлення новага накірунку ў каталіцкім касцёле было імкненне распаўсюджваць місіянерскую дзейнасць на ўсход, асабліва на тэрыторыі Расіі, дзе праваслаўе было значна аслаблена кастрычніцкай рэвалюцыяй і бальшавіцкімі рэпрэсіямі. На спецыяльнай канферэнцыі каталіцкіх епіскапаў у Чэнстахове 26 чэрвеня 1922 г. было вырашана, што кожны, хто пераходзіць з праваслаўнай веры ў каталіцкую, мае права выбраць сабе абрад па жаданню: рымска-каталіцкі ці пакінуць усходні [2, с. 232]. Тым самым ідэя неауніі азначала адыход ад папярэдніх форм і метадаў каталіцызацыі славянскіх меншасцей, якія ўключалі ў сябе паланізацыю праваслаўных беларусаў і ўкраінцаў і замену іх больш ліберальнай палітыкай дзяржаўнай асіміляцыі, што дапускала захаванне нацыянальнымі меншасцямі пэўных культурных адрозненняў. Але абрад знешне павінен быў захоўваць выгляд рускага праваслаўя. Увядзенне нацыянальнай спецыфікі не прадугледжвалася.

У 1924 г. епіскап Генрык Пшэздзецкі атрымаў ад папы рымскага спецыяльныя паўнамоцтвы па распаўсюджванню неауніі ва ўсходніх ваяводствах. Па прапанове Ватыкана да гэтай работы далучыліся і манаскія каталіцкія ордэны – бенедыктынцы, францысканцы, дамініканцы. Езуіты стварылі нават спецыяльны ўсходні аддзел ордэна.

Арганізацыйна візантыйска-славянскі абрад каталіцкай царквы не меў уласнай іерархіі і падпарадкоўваўся мясцовым рымска-каталіцкім епіскапам. Епіскап Мікалай Чарнецкі, прызначаны ў 1931 г. апостальскім візітатарам прыходаў усходняга абраду, юрыдычнай улады не меў. Неауніяцкія асяродкі хоць і былі інтэграваны ў сістэму каталіцкіх прыходаў, фінансаванне мелі самастойнае. Утрыманне неауніяцкіх святароў і псаломшчыкаў адбывалася са спецыяльнага місіянерскага фонду. Таму дэканам забаранялася адлічваць сродкі на патрэбы дэканату з матэрыяльнай дапамогі падуладных ім пробашчаў і вікарыяў, гэта можна было рабіць толькі з рыма-каталіцкіх прыходаў [3, арк. 22].

Значную працу па распаўсюджанні неауніі пасля стварэння ў 1925 г. пінскай дыяцэзіі павёў епіскап Зыгмунт Лазінскі. Да 1925 г. ён быў мінскім епіскап з рэзідэнцыяй з 1922 г. у Навагрудку. З самага пераезду з Мінску Лазінскі займаў актыўную грамадскую пазіцыю У 1922 г. ім была распачата акцыя па абароне каталікоў на тэрыторыі БССР, якія там падз-

вяргаліся пераследу. Тым больш, што значная частка вернікаў Мінскай дыяцэзіі засталася за мяжой. Дзейнічаць епіскап збіраўся з дапамогай МЗС Польшчы і Ватыкана, куды неаднаразова звяртаўся з просьбамі і прапановамі [4, арк. 5, 5 зв.]. Ідэі неауніі па апецы над вернікамі ў савецкай дзяржаве знайшлі адпаведнасць у асабістых перакананнях Лазінскага. Ён стаў гарачым прыхільнікам усходняга абраду, асабіста займаўся арганізацыяй уніяцкіх прыходаў, падрыхтоўкай і правядзеннем канферэнцый, на якіх сустракаліся каталіцкія і уніяцкія святары. У 1930 і 1932 г. адбыліся дзве канферэнцыі. На другой (1 – 3 кастрычніка 1931 г.) прысутнічалі архіепіскап Эдвард Роп і апостальскі візітатар неауніяцкі епіскап Чарнецкі. Канферэнцыя прызнала, што Слова Божае ў неауніяцкай царкве трэба прамаўляць на нацыянальнай мове: палякам па-польску, беларусам па-беларуску, украінцам па-ўкраінску [5, с. 89]. Падобныя канферэнцыі працягваліся і пасля смерці епіскапа Лазінскага.

Будучы гарачым прыхільнікам усходняга абраду, епіскап Лазінскі часта прызначаў у каталіцкі касцёл неауніяцкіх святароў. Так, у 1926 г. у каталіцкі прыход ў Гарадцы на пасаду вікарыя быў прызначаны ксёндз усходнеславянскага абраду Вацлаў Аніська. Прызначэнне выклікала пратэст з боку каталіцкіх вернікаў [6, арк. 32]. У сваёй адозве ад 3 снежня 1929 г. «Да праваслаўнага насельніцтва Піскай дыяцезіі» Зыгмунт Лазінскі заклікаў братоў па хрысціянству да аб'яднання. У якасці пацвярджэння прыводзіў пажаданні Ісуса, каб яго паслядоўнікі былі адзінымі і каб касцёл, на чале якога пастаўлены быў святы Пётр, ажыццяўляў духоўную апеку над усімі, хто верыць у Хрыста [7, арк. 25]. Як вынік дзейнасці Лазінскага, ужо пасля яго смерці ў 1932 г., на тэрыторыі Пінскай дыяцэзіі было 5 уніяцкіх прыходаў і каля 5 тысяч вернікаў [8, с. 3].

Непасрэдным арганізатарам і кіраўнíком канферэнцый, сапраўдным спецыялістам па тэалагічных пытаннях і методыцы пашырэння неауніі быў кіраўнік аддзелу усходняга абраду курыі Пінскага каталіцкага епіскапа доктар тэалогіі, прафесар Казімір Кулак, які карыстаўся сапраўдным аўтарытэтам у калег і падначаленых. Блізкі беларускаму нацыянальна-рэлігійнаму руху яшчэ з часоў вучобы ў Віленскай духоўнай семінарыі, К.Кулак, займаючы ў канцы 20-х – пачатку 30-х гадоў вышэйзгаданую адказную пасаду, падтрымліваў тэндэнцыю беларусізацыі усходнеславянскага абраду. К.Кулак паслядоўна адстойваў прынцыпы неауніяцтва. У сваім лісце ад 25 студзеня 1931 г. да місіянерскага кола пры Духоўнай семінарыі ў Познані ён выступаў супраць паступовай лацінізацыі і паланізацыі усходняга абраду; сцвярджаў, што пашырэнне рымска-каталіцкіх традыцый у неауніяцкім набажэнстве можа адбывацца, калі не бярэцца пад увагу рэчаіснасць: псіхалогія мясцовага насельніцтва, яго адносіны да абраду, мясцовыя ўмовы. Наконт паланізацыі і каталізацыі неауніі Кулак выказваўся вельмі асцярожна і абцякальна: «Кожны, хто хоча плённа працаваць для святой справы Уніі – мусіць да лацінізацыі і паланізацыі ставіцца па-божаму, па-каталіцку» [9, арк. 1]. У згаданым лісце кіраўнік усходняга аддзелу Піскай епіскапскай курыі фактычна сфарміраваў асноўныя тэарэтычныя і практычныя прынцыпы распаўсюджання неауніі, якімі карысталіся у падрыхтоўцы неауніяцкіх святароў у Пінскім уніяцкім місіянерскім коле клерыкаў. Тут вучыліся праваслаўнай тэалогіі, спосабам пазнання тэалагічных ісцін на Усходзе, вывучалі розніцу ў дагматыцы паміж каталіцызмам і праваслаўем. Мэтай заняткаў было пазнанне глыбіні і прыгажосці ўсходняга абраду, усходняй літургіі, гісторыі праваслаўя, гісторыі уніяцтва ў Рэчы Паспалітай. Неабходна таксама было вывучыць псіхіку, звычаі, мову тых людзей, якія будуць аб'ектам распаўсюджвання неауніі. Вышэйшым узроўнем падрыхтоўкі Кулак называў авалоданне метадамі ўкаранення новай канфесіі, якія выпрацоўваліся ў першую чаргу на практыцы [9, арк. 1 зв.].

З беларускім каталіцкім рухам Казімір Кулак пазнаёміўся падчас вучобы ў Віленскай духоўнай семінарыі ў 1915 – 1920 гадах. Займаючы досыць важную пасаду ў Пінскай дыяцэзіі, Кулак спрыяў беларусізацыі неауніяцкага набажэнства, вёў перапіску з іншымі беларускімі каталіцкімі дзеячамі. Ён карыстаўся даверам і павагай ў каталіцкіх іерархаў, ажыццяўляў цэнзуру рэлігійна-асветнай літаратуры, прызначанай да выдання ў Пінскай дыяцэзіі. У прыватнасці, у 1931 г. ксёндз Кулак рэцэнзаваў рукапісы брашур на беларускай і рускай мовах пробашча на той момант Бабровіцкага прыходу Целяханскага дэканату Баляслава Пачопкі «Як вучыць верыць і жыць святая Хрыстовая паўсюдная царква»,

«Сцеражыцеся фальшывых прарокаў», «Верую во единую святую церковь», «Казанне» і даў станоўчую ацэнку. Праўда, Пачопка адмовіўся друкаваць гэтыя брашуры ў Пінску, матывуючы тым, што яны будуць надрукаваны ў Вільні намаганнямі ксяндза Адама Станкевіча. Пачопка прапаноўваў Кулаку надрукаваць брашуру на польскай мове «Аб адзінстве Хрыстовага касцёла», тлумачачы гэта тым, што маладыя праваслаўныя ў выніку навучання ў школе ўжо лепш размаўляюць па-польску, чым па-беларуску ці па-руску [3, арк. 55, 48.]. Цікава, што беларускія каталіцкія дзеячы займалі ў Пінскай дыяцэзіі досыць важныя пасады. Акрамя К.Кулака, які фактычна кіраваў неаўніяцкім абрадам, у 1933 г. кіраўніком аддзелу гаспадарчай рады курыі Пінскага епіскапа, скарбнікам дыяцэзіі стаў былы прафесар Санкт-Пецярбургскай духоўнай семінарыі, рэктар Місіянерскага інстытута ў Любліне, беларус (як запісана ў яго асабовай справе) Люцыян Хвецька. У сярэдзіне – другой палове 30-х гадоў Хвецька быў членам рэвізійнай і шэрагу іншых камісій у дыяцэзіі, замяняў Пінскага дэкана [10, арк. 16 зв.]. У Пінскай дыяцэзіі, у адрозненне ад Віленскай архідыяцэзіі, беларускі каталіцкі і неауніяцкі рух фактычна не пераследаваўся, бо тут ён і не быў такі актыўны.

Вялікую работу па распаўсюджванні і беларусізацыі неауніяцкіх асяродкаў распачаў віленскі епіскап Юры Матулевіч. Запрошаныя епіскапам езуіты восенню 1924 г. стварылі уніяцкі цэнтр у Альбярціне, што на Слонімшчыне, у Друі быў заснаваны Марыянскі кляштар, у Вільні з’явілася кангрэгацыя сясцёр эўхарыстак.

Дзейнасць уніятаў галоўным чынам была скіравана на канфесійнае перавыхаванне праваслаўных жыхароў. Але апірышчам уніі ў Заходняй Беларусі былі менавіта беларусы-каталікі, нашчадкі колішніх уніятаў. У лістападзе 1932 г. пінскаму епіскапу паступіла скарга Целяханскага пробашча Францішка Улінскага на Баляслава Пачопку, што той хрысціць і вянчае лацінскіх вернікаў па ўсходняму абраду, прычым вернікі, хутчэй за ўсё, не мелі нічога супраць [3, арк. 58]. У 1941 г. каля 70 % беларускіх уніятаў складалі былыя каталікі [8, с. 3].

Святарамі усходнеславянскага абраду станавіліся часцей каталіцкія ксяндзы. Некаторыя сталі непасрэдна уніяцкімі святарамі, як, напрыклад, настаўнік Баляслаў Пачопка, які атрымаў сан 25 ліпеня 1926 г. у Львове з рук уніяцкага мітрапаліта Андрэя Шаптыцкага [3, арк. 2 зв., 3]. Да неауніі далучаліся і праваслаўныя святары. 5 сакавіка 1928 г. праваслаўны настаяцель Дорскага прыхода Валожынскага павета Ян Панько разам са сваім прыходам перайшоў у каталіцызм усходне-славянскага абраду. Далей Панько, таксама былы настаўнік, быў пробашчам неауніяцкіх прыходаў з 1929 па 1935 гады ў Дзеляцічах Навагрудскага дэканату, пасля 1935 г. – у Курашове Бельскага дэканату [11, арк. 2]. Пераход праваслаўных беларусаў ва ўсходнеславянскі абрад не з’яўляўся масавым.

Часам шчырасць і прычыны пераходу праваслаўных святароў да ўсходнеславянскага абраду выклікалі сумненні і недавер каталіцкіх ксяндзоў. 12 лістапада 1930 г. беластоцкі дэкан А.Хадыка дакладваў у аддзел усходняга абраду пра Пятра Вачынскага, былога праваслаўнага святара, які прыехаў у неауніяцкі прыход ў Фастах, жыў некалькі тыдняў у мясцовага пробашча, вывучаючы каталіцкую тэалогію па польскіх падручніках, хадзіў на набажэнствы. Праўда, актыўна сваіх рэлігійных пачуццяў не праяўляў. Беластоцкага дэкана здзівіў факт, які, на яго думку, сведчыў пра няшчырасць перакананняў новаперайшоўшага святара. Вачынскі святы Божага Нараджэння правёў не ў Фастах, а ў брата ў вёсцы Бацюты, дзе не толькі не пазнаёміўся з мясцовым духавенствам, але ўвогуле не наведаў ні царквы, ні касцёла. Па меркаванні А.Хадыкі, імкненні Вачынскага да неауніі былі выклаканы не экуменічнымі яго перакананнямі, а незадавальненнем аўтакефаліяй праваслаўнай царквы ў Польшчы і духоўнымі пошукамі па гэтай прычыне [9, арк. 3].

Польскія мясцовыя ўлады ў асноўным адмоўна ставіліся да спосабаў уніяцай прапаганды, лічылі, што яна мае антыпольскую накіраванасць. Часта па гэтай прычыне адбываліся абвастрэнні адносін паміж мясцовымі кіраўнікамі і каталіцкімі іерархамі. У 1936 г. пінскі епіскап Казімір Букраба і прадстаўнік Ватыкана Пацыні скардзіліся ў Міністэрства веравызнанняў і публічнай асветы і Міністэрства замежных спраў на палескага ваяводу, які адмовіў у дазволе на пабудову пяці капліц усходняга абраду на тэрыторыі па-

дуладнага яму ваяводства. МЗС настойліва прапаноўвала ваяводзе пайсці на кампраміс з касцёлам, даводзячы, што такія інцыдэнты вельмі непажаданыя, бо даюць дадатковыя аргументы прапагандыстам антыпольскай плыні неауніі і вымушаюць Ватыкан станавіцца на абарону рэлігійнай талерантнасці ў Польшчы [6, арк. 30,44]. Адміністрацыя негатыўна ацэньвала спробы адраджэння уніі. На з'ездзе старастаў Навагрудскага ваяводства 22 красавіка 1926 г. слонімскі стараста дакладваў, што ў цэлым адносіны беларускага насельніцтва да польскіх улад станоўчыя. Псуе агульную карціну толькі езуіцкая місія ўсходняга абраду ў Альбярціне, якая «не прыносіць аніякай карысці, а наадварот абуджае ў мясцовага насельніцтва антаганізм» [12, арк. 3 зв.]. Праяўленні уніі сапраўды часта выклікалі незадавальненне рымска-каталіцкага насельніцтва. 22 студзеня 1933 г. у Жыровічах мясцовы каталіцкі пробашч Пуканец пасля набажэнства прачытаў казанне на тэму гісторыі Брэсцкай царкоўнай уніі, што выклікала абурэнне 150 прыхаджан-палякаў. Праваслаўнае насельніцтва да ўніі не праяўляюць ніякай цікавасці [13, арк. 19].

Прадстаўнікі дзяржаўных улад, не маючы канкрэтных інструкцый зверху, занялі неадназначную пазіцыю адносна распаўсюджвання ўсходняга абраду ў Заходняй Беларусі. Непрыхільныя адносіны дзяржавы выкліканы і спробамі беларусізацыі ўсходняга абраду. У касцёле ў Стоўбцах уніяцкі святар Шымкевіч падчас адсутнасці каталіцкага пробашча адпраўляў набажэнствы на беларускай мове, што вельмі непакоіла мясцовую польскую інтэлігенцыю [14, арк. 177]. Навагрудскі ваявода ў справаздачы за студзень 1933 г. адзначаў, што асноўныя негатыўныя з'явы, звязаныя з дзейнасцю ўніятаў у Слонімскім павеце, выкліканы выкарыстаннем беларускай мовы ў набажэнствах, што перашкаджае змаганню з русіфікацыяй, бо, на думку ваяводы, беларуская мова – гэта тая ж руская. Цікава, што ў сярэдзіне 20-х гадоў беларуская мова, наадварот, разглядалася як інструмент, які выкарыстоўваўся ў праваслаўнай царкве супраць рускай мовы. Беларускія набажэнствы і казанні павінны былі стаць пераходным этапам ад рускамоўных да польскамоўных праваслаўных службаў. У Слоніме ў пачатку 1933 г. каталіцкая моладзь збіралася нават не пусціць беларускамоўнага ксяндза А.Неманцэвіча ў касцёл, але да сутычкі не дайшло [13, арк. 18 зв.].

Афіцыйнае стаўленне дзяржавы да неауніі ў II Рэчы Паспалітай было агучана міністрам веравызнанняў і публічнай асветы Енджэевічам на адным з пасяджэнняў сената вясной 1932 г. Ён адзначыў, што: 1) канкардат, заключаны з Ватыканам, візантыйскага абраду не прадбачыць; 2) перамовы на гэту тэму з Ватыканам не вяліся; 3) абрад гэты з дзяржаўнага пункту гледжання з'яўляецца непажаданым [15, с.1].

У 30-я гады цікавасць папы Пія XI да развіцця уніяцтва ў II Рэчы Паспалітай значна знізілася. Паступова скарачаецца і колькасць вернікаў-уніятаў. Згодна з перапісам 1931 г. іх налічвалася ў Беластоцкім ваяводстве 1,5 тыс. чалавек, у Віленскім – 1 тыс., у Навагрудскім – 1,8 тыс., у Палескім – 1,3 тыс., у Валынскім – 11,1 тыс. [16, с. 33]. А.Вабішчэвіч адзначае, што ў 1935 г. у Заходняй Беларусі жылі 12,5 тыс. уніятаў [17, с. 96]. Паводле М.Банашака, да 1937 г. было ўтворана 43 прыхода з 25 тысячамі вернікаў [5, с. 89]. Згодна Ю.Туронкам, іх колькасць перад вайной скарацілася да 10 тысяч чалавек [1, с.75]. Такім чынам, асаблівасцю распаўсюджвання неауніяцтва ў Заходняй Беларусі з'яўляеццца неадпаведнасць рэалізацыі першапачатковым мэтам, што ставіліся Ватыканам. Пад эгідай усходнеславянскага абраду ў каталіцкім касцёле маглі беспакарана пашырацца беларусізатарскія тэндэнцыі. Таму польскія дзяржаўныя ўлады не былі зацікаўлены ў развіцці уніяцтва ў Заходняй Беларусі ў любых яго праяўленнях па прычыне магчымасці яго спрыяння абуджэнню нацыянальнай свядомасці беларусаў.

Спіс літаратуры

1. Туронак, Ю. Міжваенная унія ў Заходняй Беларусі / Ю. Туронак // Спадчына. – 1992. – № 6. – С. 73 – 78.

2. Mryz, M. Katolicyzm na pograniczu: Koњciyi katolicki wobec kwestii ukraicskiej i biaioruskiej w Polsce w latach 1918 – 1925 / M. Mryz. – Toruc: Wydawnictwo Adam Marszaiek, 2001. – 311 s.

3. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 2346. – Воп. 1. – Спр. 130.
4. ДАБВ. – Ф. 2346. – Воп. 1. – Спр 3.
5. Banaszak, M. Historia koњсioіa katolickiego. Cz. 4. Czasy najnowsze 1914 – 1978 / M. Banaszak. – Warszawa: Akademia Teologii katolickiej, 1992. – 451 s.
6. AAN. Ministerstwo Wyznac Religijnych i Oњwiecenia Publicznego, спр. 472.
7. ДАБВ. – Ф. 2346. – Воп. 1. – Спр. 9.
8. Горбік, С. Шукаць свой шлях / С.Горбік // Літаратура і мастацтва. – 1991. – 12 ліпеня. – С. 3.
9. ДАБВ. – Ф. 2346. – Воп. 1. – Спр 11.
10. ДАБВ. – Ф. 2346. – Воп. 1. – Спр 164.
11. ДАБВ. – Ф. 2346. – Воп. 1. – Спр 122.
12. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАБВ). – Ф. 551. – Воп. 1. – Спр. 51.
13. ДАГВ. – Ф. 200. – Воп. 1. – Спр. 9.
14. ДАГВ. – Ф. 93. – Воп. 1. – Спр. 4.
15. Monitor Polski. – № 62. – 16. 03. 1932.
16. Urban, K. Prawosiawni w strukturze wyznaniowej Polski 1918 – 1939 / K. Urban // Koњciyi prawosiawny w Polsce dawniej i dziњ. – Warszawa, 1993. – S. 214 – 235.
17. Вабішчэвіч, А.М. Уніяцтва на заходнебеларускіх землях у 1920 – 30-я гг. / А.М.Вабішчэвіч // Брэсцкай царкоўнай уніі – 400: матэрыялы міжнар. навук. канф. – Брэст, 1997.

ІВАН ТРАЦЯК

Гродна

АСАБЛІВАСЦІ КАНФЕСІЙНАЙ І НАЦЫЯНАЛЬНАЙ СІТУАЦЫІ НА ГРОДЗЕНШЧЫНЕ (ПАЧ. XX ст. – 1917 г.)

Прынцыпы расійскай дзяржаўнай ідэалогіі і палітыкі да 1917 г. застаюцца нязменнымі паводле вядомай трыяды расійскага міністра Уварава: праваслаўе, самадзяржаўе, народнасць. Праваслаўная Царква мацавала адзінства самадзяржаўя і народнасці, а яны ў сваю чаргу ўмацоўвалі і ахоўвалі ўстоі праваслаўнай веры ад «чуждых ему религиозных начал»[1].

У сувязі з такой палітыкай асаблівая ўвага дзяржаўнымі і праваслаўнымі ідэолагамі ўдзялялася актывізацыі дзейнасці заходнерускіх праваслаўных брацтваў, на сходах якіх прапаноўваліся лозунгі аб неабходнасці пераўтварэння ўсіх заходнерускіх праваслаўных прыходаў у брацтвы [2]. З’езд праваслаўнага брацтва ў Мінску (1908 г.) вынес шэраг рэзалюцый супраць польскіх школ і польскай мовы ў дадатковых набажэнствах [3]. Несумненна, што такую рэзалюцыю падтрымалі іншыя брацтвы. Пытанні беларускай мовы і ўвогуле беларускія нацыянальныя праблемы ў праваслаўных брацтвах не ставіліся і не разглядаліся ўвогуле.

Характэрнай у гэтым плане была перапіска Дэпартамента духоўных справаў з губернатарамі. Так, гродзенскі губернатар Барзенка В.М. 30 красавіка 1912 г. атрымаў ліст, у якім Дэпартамент прасіў звесткі аб існуючых у межах Гродзенскай губерні рускіх грамадскіх арганізацыях і праваслаўных царкоўных брацтвах, дзейнасць якіх накіравана «к насаждению руссих начал и к ограждению русской народности от ополячения (...) и нуждаются ли последние в правительственной и материальной подержке» [4, спр. 1745, л.36]. У адказе губернатар пералічыў існуючыя праваслаўныя брацтвы і адзначыў, што магчымая грашовая падтрымка з боку ўлады была бы вельмі пажаданай «в интересах православнаго русскаго дела в этом обуреваемом инородцами Крае...» [4, спр. 1745, л.42.].

У канцы XIX і пачатку XX ст. абвастрыліся адносіны між свецкімі ўладамі і рымска-каталіцкім духавенствам вакол праблемы «рускіх» школаў: царкоўна-прыходскіх, школаў граматы і народных вучылішчаў, якія павінны былі наведваць дзеці каталікоў і, такім чынам, вывучаць асновы праваслаўнай веры. Нагадаем, што з сярэдзіны 1880-х гг. на-

зіраецца працэс адраджэння школ пры праваслаўных прыходах з выкладчыкамі праваслаўнымі святарамі з расейскай мовай навучання. Рымска-каталіцкае духавенства выступала з агітацыяй супраць царкоўна-прыходскіх школак, бо яны падрывалі не толькі асновы каталіцкай веры ў краі, але і асновы польскасці. Стаўленне рымска-каталіцкай іерархіі да такіх школаў выказаў у лісце да гродзенскага губернатара віленскі епіскап С.Звяровіч, які адзначыў, што такія школы маюць на ўвазе не столькі адукацыю народа, колькі барацьбу з каталіцтвам і навязваюць каталіцкім дзецям іншыя рэлігійныя погляды. Свае высновы епіскап пацвердзіў афіцыйнымі цытатамі: «Церковно-приходская школа служит важнейшим средством к утверждению православия в западном крае. Эти рассадники религиозно-нравственнаго просвещения прививают начало православно-русской жизни даже многим иноверческим детям и незаметно вводят юное инославное (поколение)... в строй православно-русской жизни» (Положение православие в западных епархиях. «Виленский Вестник», № 280 за 1899 г.) [4, спр. 811, л.12 – 13.].

Цікавы інцыдэнт між праваслаўным папом і вучнямі католікамі адбыўся ў Юхнавецкім народным вучылішчы. 21 лютага 1902 г., пасля завяршэння малебену па пісьменніку Гогалю, поп Мікалай Весялоўскі прапанаваў цалаванне крыжа, да якога большасць з каталікоў не падышло. Другім разам вучань каталік Восіп Маславецкі адмовіўся чытаць малітву за цара «Спасі Господі...», а адзін з вучняў заўважыў, што хай гэтую малітву чытае праваслаўны. У лісце ў Гродзенскую дырэкцыю народных вучылішчаў поп між іншым адзначыў, што «такую сумную з’яву, якая мела месца ў вучылішчы можна растлумачыць дурным уплывам на вучняў законавучыцеля каталіцкага веравызнання кс. Антона Далінкевіча, які, падзеля ўсёй справядлівасці, павінен быць звалены з пасады законавучыцеля і пераведзены ў іншы прыход у інтарэсах вучылішча»[4, спр. 854, л.11.].

Адносіны між свецкімі і рэлігійнымі ўладамі яшчэ больш абвастрыліся ў сувязі з пастарскім лістом епіскапа С.Звяровіча да духавенства, у якім ён не толькі раскрыў сутнасць расейскай адукацыйнай палітыкі, але і выдаў указ, паводле якога духавенства епіскапата павінна пільна сачыць за тым, каб дзеці каталікоў не наведвалі такіх школ, а ў выпадку падобных фактаў не адпускаць грахі на споведзі, як дзецям, так і іх бацькам альбо апекунам (ліст ад 12 лютага 1902 г.) [4, спр. 853, л. 2 – 4.]

Рэакцыя ўладаў была маментальнай, і епіскапа С. Звяровіча адхілілі ад кіраўніцтва Віленскай дыяцэзіяй. Тым не менш ва ўсёй дыяцэзіі пракацілася хваля супраціву царкоўна-прыходскім («рускім») школам. Святары абвясцілі ў касцёлах указ свайго епіскапа, і дзеці каталіцкага веравызнання перасталі іх наведваць. Катастрафічная сітуацыя склалася ў тых школах і навучальнях, дзе каталікі складалі большасць. Так, 40 вучняў каталікоў, загітаваныя пробашчам Нараўскага касцёла Бельскага уезда Антонам Шымялюнасам перасталі наведваць царкоўна-прыходскую школу ў в. Будах Белавежска-Аляксандраўскай воласці Пружанскага ўезда; 20 хлопчыкаў перасталі наведваць школу граматы ў в. Вугляны Пружанскага ўезда паводле патрабаванняў пробашча Сігневіцкага касцёла кс. Антона Салатынскага [4, спр. 853, л. 15, 31]. Практычна ў кожным дэканаце мелі месца падобныя факты.

Рымска-каталіцкае духавенства для царскіх уладаў уяўляла сабой рэальную пагрозу, пра што сведчылі такія захады, як пільны нагляд за кожным ксяндзом з боку сілавых структураў, кантроль за кожным словам, за кожным крокам, штомесячныя даносы ўезных паліцмайстараў і спраўнікаў, да прыкладу: «честь имею донести Вашему Сиятельству, что настоятель Песковскаго костёла вверенного мне уезда (Волковыский) кс. Антоний Остилович отлучался без разрешения в г. Вильно и был в отсутствии с 26 по 30 марта с.г.» (ліст ад 17.04.1902) [4, спр. 811, л. 28].

Каталіцкае духавенства маглі абвінаваціць ва ўсім, што дытычыла непаслухмянасці, абыякавасці і супрацьдзеяння мерапрыемствам свецкіх ўладаў і ўвогуле царскай палітыцы. Пад пільнай забаронай заставаліся хросныя хады, празелатызм у рымска-каталіцкай царкве, сакраменты хрышчэння і змешаных шлюбаў з пераходам у неправаслаўную веру.

У сувязі з такой сітуацыяй колькасць няўгодных уладам прэтэндэнтаў з высалкай на розныя тэрміны «в места не столь отдалённые» – Гродзенскі Францысканскі манастыр –

у асяродку рымска-каталіцкага духавенства не змяншалася. Так, у 1901 – 1902 гг. там апынуліся (з падачы Міністэрства унутраных справаў Гродзенскай губерні) наступныя святары Віленскай дыяцэзіі: кс. Яўхім Рачкоўскі, пробашч Задзеўскага касцёла, «изобличённого в неуважении к Царским дням и в несовершении в оные торжественных богослужений...», – тэрмінам на год [4, спр. 719, л. 1]; кс. Казімір Кляпацкі, вікары Святадухаўскага касцёла ў Вільні, «за проявление антиправительственного направления, срокам на два года с тем, чтобы после освобождения он не был назначен на настоятельские должности» [4, спр. 807, л. 26]; кс. Іосіп Жэра, «срокам на один год за антиправительственную агитацию» [4, спр. 808]; кс. Балеслаў Мачульскі, пробашч Карыцынскага касцёла, Сакольскага уезда, «за распространение среди населения запрещённых польских книг» [4, спр. 720]; кс. Іосіп Юхневіч, вікарны Карыцынскага касцёла «срокам на один год за произнесение нецензурной проповеди». Да нецэнзурных адносіліся такія казанні, якія не былі ўзгодненыя і зацверджаныя свецкімі ўладамі. У лісце міністру ўнутраных справаў ад 30 травеня 1902 г. гродзенскі губернатар пісаў: «После заключения в манастыр бывшего настоятеля Мочульскаго, викарий этой церкви кс. Юхневич 7 апреля произнёс проповедь, в которой говорил о притеснении будто бы р. – к. веры в России. Жертвами несправедливых гонений, по словам ксендза, явились такие доблестные поборники католицизма, как епископ Зверович и кс. Мочульский, крепко стоявшие за свою веру и не допускавшие обучение юношества на русском языке, чтобы не погибла католическая религия. Через это католики лишись двух своих свентых. Такой проповедью, произнесённой со слезами на глазах, кс. Юхневич произвёл сильное впечатление на собравшийся в костёле народ и ещё более обострил среди католическаго населения враждебные чувства к православным»[4, спр. 809, л. 14].

Справа з нецэнзурным казаннем у Карыцынскім касцёле атрымала цікавы паварот: кс. І.Юхневіч неўзабаве даслаў на імя губернатара ліст, у якім пісаў, што ён сумленна нясе свае абавязкі, клапоціцца аб маральнасці і рэлігійнасці народа і не бачыць у сваіх учынках нічога, а таму і не разумее, за што ён пакараны: «...Разнаго рода преступники, люди безсовестные, вредные человечеству и общественному порядку несут заслуженное наказание. Но им предоставлено право защищаться и право дать доказательства в своё оправдание. Я лишён возможности защищаться и не знаю, в чём заключается моя вина? А потому, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство указать мне, в чём я провинился и за что наказан? Не откажите, Ваше Превосходительство в том, в чём не отказывают даже преступникам» [4, спр. 809, л. 26].

Замест губернатарскага адказу, у справе кс. Юхневіча знаходзім рапарт начальніка губернскай жандармскай управы на імя губернатара ў тым, што: «....Мною командированы два унтер-офицера Управления для сопровождения кс. Юхневича из м. Корицин в Гродно, в Гродненский Францисканский монастырь» [4, спр. 809, л. 27].

Падзеі 1905-1907 гг. паспрыялі абуджэнню канфесійна-нацыянальнага руху і паставілі перад дзяржаўнымі ўладамі цэлы шэраг новых праблемаў. Наколькі праблемы рэлігіі і канфесій былі важнымі сведчыць той факт, што за перыяд першай рускай рэвалюцыі былі прыняты 24 законы і пастановы, якія мелі непасрэднае дачыненне да веравызнанняў. Найбольш уплывовым сярод іх быў «Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 17.04.1905 г.», які ўвайшоў у гісторыю як закон аб верацярпімасці. На падставе гэтага закону была легалізавана дзейнасць хрысціянскіх арганізацый, абвешчана свабода пераходу з праваслаўя ў іншыя хрысціянскія веравызнанні. Але на практыцы ў адносінах да заходніх губерняў, у тым ліку і да Гродзенскай, як дзяржаўныя ўлады, так і праваслаўныя арганізацыі прытрымліваліся пастановы МУС Дэпартамента духоўных справаў па веравызнаннях ад 9.04.1905 г. за № 2169 «О римско-католических хростных ходах и религиозных процессах», у якой даводзілася да грамадскасці, што на згаданых тэрыторыях «руская праваслаўная народнасць на працягу стагоддзяў знаходзілася пад уплывам польскай дзяржавы, культуры і каталіцкай царквы. Больш сто гадоў, як край вернуты, і ўлады робяць усё магчымае, каб сцёрці сляды гэтага уплыву. Шмат ужо зроблена, але шмат што яшчэ трэба зрабіць. У гэтай паступовай стваральнай працы трэба заўсёды мець на ўвазе моцна пахіснуўшуюся устойлівасць рус-

кага прасталюдзіна ў веры яго прашчураў. Даць рымска-каталіцкай царкве ў гэтым краі поўную волю дзеянняў, было б раўназначна разыходжанням не толькі з інтарэсамі праваслаўнай царквы, але і з дзяржаўнымі патрэбамі, бо яны выражаны ў ахове дзяржаўнасці рускага нацыянальнага пачатку. З гэтай нагоды ў Заходнім краі некаторыя абмежаванні рымска-каталіцкай веры непазбежныя» [5]. «Законы, што былі выдадзены ў 1906 г. пацвердзілі вяршэнства і пануючую ролю праваслаўнай царквы і абазначылі межы верацярпімасці, зафіксаваныя ў статутах духоўных справаў іншаземных веравызнаняў (...) Такім чынам, галоўны стрыжань канфесіянальнай палітыкі – захаванне пануючай ролі праваслаўнай царквы – быў пакінуты і надалей» [6].

Згодна з дадзенымі рэвізіі, якая праводзілася «в начале 1911 г. по распоряжению Министра Внутренних Дел, Депортаментом Внутренних Дел обследованием деятельности некоторых римско-католических духовных лиц были установлены и незакономерные и противогосударственные действия» [7, s. 217]. У выніку рымска-каталіцкаму духавенству было вынесена 21 заўвага. Сярод іх: 1) ужыванне ў афіцыйных зносінах насуперак закону замест дзяржаўнай мовы – мовы польскай; 2) дзеянні, накіраваныя да аб’яднання духоўных спраў рымска-каталіцкай царквы з нацыянальнай польскай справай; 3) адкрыццё тайных польскіх школаў; 4) арганізацыя польскіх нацыянальных суполак; 5) гвалтоўная падмена ў рускага насельніцтва рымска-каталіцкага веравызнання прыроднай яго мовы польскай мовай; 6) сістэматычны ціск духоўнай зброяй на насельніцтва для дасягнення палітычных мэтаў і іншыя дзеянні прапольскага альбо антыправаслаўнага і антырасейскага кшталту [7, s. 217].

Шэраг заўваг Міністэрствам унутраных справаў было зроблена кіраўніцтву Віленскай рымска-каталіцкай дыяцэзіі. Сярод іх – невыкананне патрабаванняў закону аб ужыванні дзяржаўнай мовы, удакладнялася, што мовай навучання Закону Божага павінна быць прыродная мова вучняў, якая вызначаецца не духоўнай уладай, а заявамі бацькоў; пералічваліся рымска-каталіцкія арганізацыі і брацтвы, якія не мелі зацверджаных свецкай уладай статутаў, а значыць, былі незаконнымі і падвяргаліся адказнасці [4, спр. 1842, л. 1 – 3]. У сувязі з такімі заўвагамі Дэпартамент МУС прыйшоў да высновы, што дзейнасць рымска-каталіцкага духавенства Віленскага епіскапата носіць не выпадковы характер, а служыць праявай вызначанай сістэмы, якую паслядоўна праводзіць р. – к. клір: «Практически указанная система действий проявляется в двух направлениях: во первых, под прикрытием и при содействии костёла, искусственно разжигается, во вред русским национальным интересам, польский шовинизм, и, во вторых, создаётся благоприятная почва для развития религиозной обособленности, а вместе с нею прозелитизма» [4, спр. 1842, л. 12].

Цэнтральнай арэнай польска-расійскага палітычнага, канфесійнага і нацыянальнага супраціву і барацьбы было насельніцтва этнічнай тэрыторыі Беларусі, якое ў большыні сваёй ўяўляла сабой беларускі этнас, канфесійныя і нацыянальныя патрэбы якога ані расійскае чыноўніцтва, ані польскае каталіцкае духавенства не хацелі заўважаць, а тым больш, ісці ім насустрач. Цікавым сведчаннем таму можа быць карэспандэнцыя між свецкімі і духоўнымі ўладамі вакол праблемы мовы казанняў з нагоды 50-х угодкаў адмены прыгоннага права. Так, віленскі епіскап К.Міхалькевіч выдаў указ аб прамаўленні 19 лютага казанняў у касцёлах з нагоды ўгодак на польскай і літоўскай мовах, на што гродзенскі губернатар В.М.Барзенка папрасіў епіскапа даслаць яму тэкст на расійскай мове, між іншым адзначыў, што «... в высочайше вверенной мне губернии приходов с преобладанием польского населения немного, большинство же прихожан белоруссы, наречие коих более близко к русскому, нежели к польскому языку, – прошу Ваше Высокопреподобие по получению сего, всем ксендзам приходов с преобладающим белоруским населением дополнительно разослать текст вышеуказанного конспекта проповеди на русском языке» [4, спр. 1748, л. 6]. Епіскап у лісце ад 28 сакавіка даслаў тэкст казанняў на расейскай мове з уведамленнем аб тым, што «... удовлетворение желания Вашего Высопревосходительства относительно разослания текста вышеуказанного конспекта проповеди на русском языке Настоятелям приходов с преобладающим белорусским населением, в виду получения письма Вашего Превосходительства 17 февраля с.г. мною не могло быть удовлетво-

рено, так как все равно за недостатком времени настоятели не могли бы получить сказанного конспекта» [4, спр. 1748, л. 10].

16 сакавіка 1911 г. віленскі епіскап атрымаў ліст з Дэпартамента духоўных спраў. У лісце, між іншым, адсутнічаюць і малейшыя згадкі пра беларусаў, хаця гутарка ідзе менавіта пра іх. Змест ліста як нішто іншае характарызуе стаўленне да беларусаў на самым высокім узроўні расейскага дзяржаўнага чыноўніцтва і адпаведнай нацыянальнай палітыкі. Улічваючы важнасць дакументу, варта згадаць яго на мове арыгінала: «Сделанное Вами распоряжение о произносении проповедей исключительно на помянутых выше языках не оправдывалось никакими обстоятельствами. Акт освобождения крестьян от крепостной зависимости, являясь актом общенародного и общеосударственного значения, само сабою, разумеется требовал, при его трактовании, употребления языка, который составляет природный язык данных крестьян. Как Вашему Высокопреподобию известно, что Гродненская губерния населена почти исключительно русскими крестьянами. Крестьяне польской и литовской народности составляют в названной губернии меньшинство, сосредоточенное в незначительном пространстве в совершенно определённых местностях. Остальная масса крестьян русская. При таких условиях произнесение проповеди, в данном случае даже не религиозного, а светского содержания представляется оскорбительным для русской народности, попиранием прав ея языка, являющагося к тому же государственным. Поэтому вышеуказанное распоряжение Ваше не может быть рассматриваемое Министерством иначе, как стремление при помощи костёла и дел с ним связанных, содействовать денационализации русской народности в искони руской местности. (...). Таким образом, объяснения Ваши, не изменяя существа настоящаго дела, лишь свидетельствуют, что р.-к. духовенство Виленской епархии при помощи костёла даже в делах не религиозного, а гражданского свойства, искусственно вводить среди местного населения польский и литовский языки в ущерб природному языку русскаго населения, составляющаго большинство в Гродненской губернии, и русское население насильственно ополячивается р.-к. духовенством» [4, спр. 1748, л. 8 – 9, 14].

Крытыкуючы расейскія заканадаўчыя ганенні супраць раскольнікаў, праф. М.А.Рэйснер пісаў: «... Гэтая барацьба праводзіцца на нацыянальнай аснове, а не на рэлігійнай; барацьба, якая з'яўляецца натуральным вынікам змяшання нацыянальнасці і рэлігіі, барацьба, якая, на наш погляд, закончыцца толькі тады, калі справа рэлігіі будзе адмежаванай ад інтарэсаў пэўных народнасцей і стане тым, чым яна павінна быць, а менавіта, справай пакланення Богу ў духу і ісціне» [8].

Такім чынам, прадэманстраваныя метады канфесійнай і нацыянальнай палітыкі спрыялі стварэнню такой сітуацыі, пры якой справы рэлігіі і духоўнасці былі не столькі справамі рэлігійнымі, колькі дзяржаўна-канфесійнымі і палітычнымі справамі. Чаму так склалася, што ні расейскія праваслаўныя ідэолагі, ні польскае каталіцкае духавенства не ўяўлялі іншых магчымасцей развязкі праблемнай сітуацыі, іншае пытанне, адказ на якое трэба шукаць у падзеях XIX ст.

Спіс літаратуры

1. Рожков, Владимир, протоиерей. Церковные вопросы в Государственной Думе / Рожков Владимир – М., 2004. – С.13.

2. Миловидов, А. Заподнорусские православные братства, их современное значение и задачи / А.Миловидов. – Вильно, 1913.

3. Короткая, Т.П. Религиозная философия в Белоруссии начала XX века: критический анализ / Короткая Т.П. – Мінск: Наука и техника, 1983. – С. 41.

4. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – С. 409.

5. НГАРБ у Гродне. – Ф.1. – Воп.18.

6. Biblioteka katolieckiego uniwiersitetu Lubielskego (BKUL). Dziai rekapisow. – Zbiory Ks. Br. Ussasa. – Rkps. 804. – S. 14.

7. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева, [і інш.]; пад рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск: В.П. «Экаперспектыва», 1998. – С. 111.

8. Результаты ревизии Римско-Католической Епархии (официальное сообщение) // Wiedamoњsci Koњcielne. – 1911. – № 17.

9. Рэйснер, М.А. Мораль, право и религия по действующему закону... Цыт. паводле: Рожков Владимир, протоиерей. Церковные вопросы в Государственной Думе. – М., 2004. – С. 25 – 26.

ВЛАДИМИР ВЕРХОСЬ

Гродно

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРОДНЕНСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ДРУЖБЫ (1960 – 1990 гг.)

21 апреля 1945 года в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой. В договоре были воплощены стремления советского и польского народов к искренней и нерушимой дружбе. В его основу легли принципы взаимного уважения национальных интересов и невмешательства во внутренние дела друг друга.

В связи с истечением двадцатилетнего срока действия Договора, 8 апреля 1965 года в Варшаве был подписан новый советско-польский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Советский Союз и Польша мотивировали свое желание заключить новый договор стремлением «упрочить коренной перелом в отношениях между соседними народами Советского Союза и Польшей, который произошел в ходе совместной борьбы с гитлеровскими захватчиками, и руководствуясь постоянным стремлением укреплять дружбу, сотрудничество и взаимную помощь двух социалистических государств».

Приграничные связи между трудящимися Гродненской области БССР и Белостокского воеводства ПНР установились в 1948 – 1949 годах. Вначале, как правило, это были поездки отдельных граждан ПНР в нашу область и наоборот. В августе 1956 года делегация комсомольских работников и активистов, возглавляемая первым секретарем Гродненского обкома комсомола Г.Ф.Фомичевым, пересекла польскую границу в районе станции Кузница. Они были приглашены на молодежный фестиваль в Белосток. А в начале сентября 1956 года тысячи гродненцев на стадионе «Локомотив» с интересом наблюдали за игрой сборных футбольных и волейбольных команд Гродненской области и Белостокского воеводства. Польскую делегацию возглавляли секретарь воеводского комитета Союза польской молодежи Сергей Рубчевский и председатель воеводского комитета профсоюзов Дмитрий Карпович. Это были первые визиты дружбы. Начиная с 1957 года связи между Гродненской областью и Белостокским воеводством стали осуществляться на основе согласованных и утвержденных обеими сторонами планов приграничного обмена.

Укреплению дружеских связей между белорусским и польским народами во многом способствовала деятельность Гродненского областного отделения общества советско-польской дружбы, которое более четверти века возглавлял ректор медицинского института, доктор медицинских наук, профессор Дмитрий Андреевич Маслаков. Все эти годы я был его заместителем. На Гродненщине было создано и работало 25 районных и первичных организаций общества советско-польской дружбы. Они проводили большую работу по пропаганде истории и культуры Польши. На промышленных предприятиях и учебных заведениях создавались комнаты, стенды советско-польской дружбы, имелись библиотечки польской литературы, организовывались фотовыставки и выставки книг, посвященные Польской Народной Республике, проводились лекции и беседы о достижениях социалистической Польши, викторины и конкурсы «Что ты знаешь о ПНР?» В мае-

июне 1978 года в выставочном зале Союза художников БССР жители Гродно знакомились с выставкой польского плаката. Более месяца продолжалась выставка книг, посвященная 35-летию Польской Народной Республике в Гродненском сельскохозяйственном институте. Ее посетили сотни студентов, преподавателей и курсантов. Традиционной стала декада польской книги в магазине «Раніца».

О стремлении наших земляков знать о жизни населения Польши свидедельствует и такой факт. В 1979 году трудящиеся области выписывали польские газеты и журналы 181 наименования (22 газеты и 159 журналов). Они получали 8349 экземпляров газет и 5109 экземпляров журналов, в том числе 225 на русском языке.

Добрым другом поклонников поэзии и музыки в Новогрудке стал литературно-музыкальный салон, работающий с 1983 года в Доме-музее Адама Мицкевича. По вечерам здесь загорались свечи, раздавались первые аккорды рояля, к ним присоединялось нежное пение скрипки. Звучала музыка Фредерика Шопена, стихи Адама Мицкевича, на экране – Париж, Варшава, другие города, где бывал великий поэт. Прошли вечера, посвященные поэтам и композиторам, с именами и судьбами которых было связано творчество Мицкевича.

В читальном зале юношеского филиала Гродненской областной библиотеки была оборудована экспозиция о жизни и творчестве Элизы Ожешко. В этой библиотеке был выделен отдел иностранной литературы, фонд которого насчитывает более 8000 экземпляров, в том числе 5000 на польском языке. При отделе были открыты двухгодичные курсы польского языка. Занятия на курсах проводила Зинаида Борисовна Рывкинд. Слушатели курсов ознакомились с творчеством польских писателей, композиторов, художников, ученых. 25 мая 1981 года в этом зале состоялся литературный вечер, посвященный 140-й годовщине со дня рождения Элизы Ожешко. Перед началом здесь был открыт скульптурный бюст писательницы, выполненный гродненским художником В.Теребуном.

В 1965 году в Белосток была направлена фотовыставка «Гродненщина сегодня», рассказывающая о достижениях трудящихся Принеманского края. В 1973 году в период проведения Дней Белоруссии в Польской Народной Республике в Белостоке была открыта выставка народного творчества Гродненщины и фотовыставка о развитии сельского хозяйства.

Ежегодно в апреле и июле в Гродно проходили торжественные собрания представителей общественности, посвященные очередной годовщине подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и ПНР и Дню возрождения Польши. За эти годы было проведено много интересных и содержательных мероприятий: это митинги советско-польской дружбы, посвященные 25-летию и 30-летию Великой Победы в районе станции Берестовица, митинг в Сокулке, посвященный присвоению заводу столярных строительных деталей имени С.О. Притыцкого, митинг советско-польской дружбы у кургана Славы в Гродно, накануне 60-летия Великого Октября, встреча молодежи двух стран в г.п. Свислочь, митинги дружбы в Белостоке, Кузнице, у памятника жертвам фашизма около деревни Наумовичи Гродненского района и др. На этих мероприятиях присутствовали тысячи трудящихся наших приграничных областей. Эти встречи давали новый импульс нашим дружеским отношениям. И не случайно с каждым годом увеличивалось количество лиц, желающих посетить СССР и ПНР. За прошедшие годы несколько десятков тысяч советских и польских граждан побывали в гостях друг у друга.

Многолетняя дружба связывала родственные предприятия, учебные заведения, коллективные сельские хозяйства Гродненской области, Белостокского и Сувалковского воеводств. К ним относились коллективы Гродненского тонкосуконного комбината и фабрики имени Сержана в Белостоке, стеклозаводы «Неман» Лидского района и «Белосток», Гродненского производственного деревообрабатывающего объединения и деревообрабатывающего комбината в г. Сокулка, медицинского института и медицинской академии, Гродненского государственного университета имени Янки Купалы и филиала Варшавского университета в Белостоке и др. Между рабочими и инженерно-техническими работниками этих предприятий, преподавателями и студентами высших учебных заведений

установились прочные деловые контакты. Преподаватели и студенты выступали в родственных вузах с докладами на научных конференциях, знакомились с организацией учебного процесса и производственной практики, проходили стажировку на кафедрах. Старший преподаватель Гродненского сельхозинститута М.И. Шлык защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы исторического материализма в творчестве Юлиана Бруна».В 1970 году издательство «Беларусь» издало книгу доцента В.П.Верхося «В борьбе закаленные» о совместной борьбе советских, польских и немецких антифашистов в оккупированном Белостоке в годы Великой Отечественной войны.

Одной из основных форм приграничных связей является обмен делегациями. За 30 лет в гостях друг у друга побывали сотни различных делегаций: государственных органов, профсоюзных и молодежных, организаций научных работников, журналистов, работников народного образования, культуры и здравоохранения, рабочих и служащих промышленности, строительства, транспорта, связи, сельского хозяйства, сферы обслуживания. Членов делегаций взаимно интересуют вопросы промышленного и сельскохозяйственного производства, капитального строительства, бытового обслуживания населения, благоустройства городов и сел, проблемы здравоохранения, просвещения, торговли, спорта, работа партийных, советских и профсоюзных органов, молодежных организаций, учреждений культуры.

В ходе обмена обе стороны старались планировать посылку делегаций с таким расчетом, чтобы охватить основные отрасли народного хозяйства, по возможности изучить передовой опыт и внедрить у себя то, что у соседей находится на более высоком уровне. Это повышало уровень деловитости, результативности таких связей, способствовало улучшению качества выпускаемой продукции, снижению ее себестоимости.

Тесные дружеские связи существовали между гродненскими и белостокскими текстильщиками. Ежегодно коллективы Гродненского тонкосуконного комбината и фабрики имени Сержана заключали договор на соревнование. Польские и белорусские коллеги вели совместную творческую работу по созданию, обновлению и расширению ассортимента тканей. В результате такого сотрудничества появилась популярная пальтовая ткань «Орленок». Гродненцы предложили своим коллегам из Белостока новый метод проектирования тканей. И он был внедрен на тектильной фабрике имени Сержана. В свою очередь польские ткачи поделились своим новшеством – Купонным способом подработки нового ассортимента, Применение этого метода позволяло при одной заправке основы, меняя рисунок переплетения и манер утка, получать до 30 цветорисунков, из которых выбирались самые лучшие. Это исключало внедрение в массовое производство рисунков, неудачных по технологии и колористике. Между этими коллективами проводился постоянный обмен информацией о ходе соревнования и новых формах трудового соперничества.

В мае 1979 года в городе на Немане находилась делегация работников строительных организаций Белостокского воеводства, которая знакомилась с опытом своих гродненских коллег. Гости посетили проектный институт «Гродногражданпроект», заводы крупнопанельного домостроения и железобетонных конструкций, домостроительный комбинат, объединение «Гроднопромстрой», побывали в северном промышленном районе, осмотрели ряд жилых и индустриальных объектов. Они ознакомились с условиями труда и быта строителей, организацией проектного дела, заимоотношениями заказчиков, основных и вспомогательных служб. Руководитель делегации заместитель начальника отдела экономики воеводского комитета ПОРП Богумил Савицкий положительно отозвался о архитектурной планировке новых жилых микрорайонов, особенно Переселки-3, декоративной отделке зданий, удачной застройке северного промышленного узла. Гродненские строители посещали Белосток в 1978 году и также почерпнули много полезного для себя.

Оправдывала себя и такая форма работы, как обмен лекторами. Например, только в 1976 – 1978 годах 20 гродненских лекторов общества «Знание» выступали перед рабочими, служащими, студентами Белостокского воеводства с лекциями о знаменательных событиях и юбилейных датах, развитии производства и науки в СССР. В мае 1983 года я в составе группы лекторов ЦК КПСС выезжал в Польшу. Выступал с лекциями на военном

заводе в Варшаве, в Кошалинском и Слупском воеводствах. Всего прочитал 18 лекций на различные темы. Отвечал на многочисленные вопросы слушателей.

Развитие телевидения в Гродно и Белостоке дало возможность жителям наших пограничных областей взаимно смотреть цветные передачи. Хорошие дружеские связи установились между работниками радио и телевидения, сотрудниками газет «Гродненская правда» и «Газеты вспулчесной». На страницах областной газеты регулярно публиковались материалы под рубрикой «У наших польских друзей». Из них мы узнавали о жизни трудовых коллективов Белостокского воеводства, об их достижениях во всех областях народного хозяйства, науки и культуры, о работе кружков общества польско-советской дружбы (ТППР). В №1 журнала «Пшиязнь» за январь 1983 года была опубликована статья Марии Путрамент «Гродненская карта дружбы».

Гродненский областной комитет по телевидению и радиовещанию совместно с областным отделением общества советско-польской дружбы провели в марте – апреле 1979 года радиовикторину под девизом «В дружбе народов—огромная сила», посвященную 35-летию возрождения Польши. В ней приняли участие сотни радиослушателей. Победителям радиовикторины были вручены призы радио Белостока и Гродно, большая группа участников награждена грамотами. В 1980 году была проведена совместная радиовикторина, посвященная 110-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина и V111 съезду ПОРП, В ней приняли участие многочисленные радиослушатели.

Хорошей традицией приграничных областей стал ежегодный обмен коллективами художественной самодеятельности, спортивными командами, студенческими строительными отрядами. Многие годы в пионерских лагерях Гродненской области отдыхали польские харцеры, а наши пионеры являлись гостями белосточчан. 30 рабочих и служащих нашей области ежегодно отдыхали в домах отдыха Белостокского воеводства, а гродненцы гостеприимно встречали своих польских коллег.

С 15 по 20 ноября 1967 года в Белостоке прошли гастроли Гродненского областного драматического театра. Польскому зрителю было показано три спектакля: «Олеко Дундич» Н. Ржешевского и В. Каца, «Варвары» А.М. Горького, «Свадебное путешествие» В.Дыховичного. Все спектакли прошли с большим успехом. В 1969 году по приглашению руководства Белостокского театра имени А.Венгерки, главный режиссер Гродненского областного драматического театра, заслуженный деятель искусств РСФСР А.П.Струнин с коллективом театра ставит спектакль по пьесе Л. Рахманова «Беспокойная старость». Коллектив театра посвятил этот спектакль 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. А в 1971 году этот спектакль выдвигается на фестиваль театров Северной Польши в городе Торуне. На фестивале спектакль по разделу «братской советской драматургии» получает диплом 1 степени.

С успехом прошли выступления в Польше самодеятельных ансамблей песни и танца «Неман», «Раніца», «Лидчанка», «Радость», «Свитязь», сморгонского ансамбля песни и танца имени М. Огинского, Делятичской хоровой капеллы, ансамбля песни и танца ордена Ленина колхоза «Прогресс» Гродненского района, студенческого театра ГГУ «Глобус». В Белостокском филиале Варшавского университета они показали два спектакля: «Дурочку» Лопе де Вега и «Вестсайдскую историю» А. Лорентса. Мы с благодарностью вспоминаем выступления Белостокского симфонического оркестра под управлением Яна Куляшевича, артистов театра имени А. Венгерки, показавшим гродненцам три спектакля: «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, «Немцы» Ю.Кручковского, «Мораль пани Дульской» Габриэллы Запольской, ансамбля песни и танца «Курпе зеленэ», музыкального фольклорного ансамбля «Моньки» и других коллективов, приезжавших на Гродненщину из Польской Народной Республики.

Темой дружбы между нашими народами было проникнуто творчество гродненского художника Ивана Васильевича Пушкова. Он создал ряд произведений, посвященных русским, белорусским и польским писателям. Среди них картины: «Адам Мицкевич на озере Свитязь», портрет А. Мицкевича, «Адам Мицеевич и Томаш Зан на озере Свитязь», «Адам Мицкевич и Александр Пушкин в Петербурге», «Э. Тетка у Э. Ожешко». Расши-

рились связи между спортсменами. Если в 1956 году они мерялись силами в двух видах спорта, то за эти годы в Гродно и Белостоке были проведены соревнования по 19 видам спорта. Если в первые годы участвовало в соревнованиях до 40 – 50 спортсменов, то в дальнейшем ежегодно мы принимали и отправляли по 150 человек. Традиционными были встречи в Гродно и Гайновке по спортивной акробатике, международный турнир «Дружба» по баскетболу среди юношеских команд, в котором участвовали и баскетболисты Белостока.

Хорошие контакты областное отделение общества советско-польской дружбы имело с Белостокским воеводским комитетом общества польско-советской дружбы, с Генеральным консульством ПНР в г. Минске. Генеральный консул, консулы встречались с активом общества, знакомили нас с новинками польской литературы, помогали нам в организации фотовыставок и выставок польского плаката и литературы. Делегации ОСПД и ОПСД неоднократно посещали друг друга, выступали на съездах и конференциях. В газете « Гродненская правда» публиковались статьи об итогах этих визитов.

В феврале 1983 года в Москве и Варшаве состоялись торжественные заседания, посвященные 25-летию Общества советско-польской дружбы. С 12 по 15 октября 1989 года в Смоленске в конференц-зале гостиницы «Россия» проходила двухсторонняя встреча председателей отделений Общества советско-польской дружбы и Общества польско-советской дружбы. В составе делегаций представители республик и областей СССР и воеводств Польской Народной Республики, поддерживающих постоянные дружественные связи. С большим вниманием было выслушано выступление ответственного секретаря Общества советско-польской дружбы Н.В. Морозовой и Генерального секретаря Главного правления Общества польско-советской дружбы Стефана Наврота. Участники встречи говорили о путях дальнейшего развития дружбы между нашими народами, о необходимости настойчивого поиска плодотворного решения всех проблем, возникающих в ходе политического, общественного и социального переустройства в обеих странах.

После распада СССР в Республике Беларусь было создано общество Беларусь–Польша. Была избрана Рада, председателем которой стал профессор Лойко Леонид Викентьевич, возглавлявший Раду до своей смерти в 2006 году.

ЕЛЕНА БУРИК

Брест

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ 1990-х гг.

Беларусь и Польшу связывает не только географическая близость, но и многовековые традиции соседства, общность истории и культуры. После Второй мировой войны Польская Народная Республика входила в сферу влияния СССР и почти полвека являлась советским сателлитом с ограниченным правом самостоятельной внешнеполитической деятельности. Такое положение сохранялось до 1989 г., когда в результате демократических преобразований страна получила полный суверенитет и повернула свою внешнюю политику на Запад, ориентируясь на интеграцию с европейскими и евроатлантическими организациями. Но часть польских политических деятелей считали, что в первую очередь республике требовалось сохранить хорошие отношения с соседями, особенно с СССР, ведь экономические интересы государства все еще были связаны с Советским Союзом и зависели от его сырьевого рынка.

Становление и развитие восточного вектора польской внешней политики в конце 1980-х – начале 1990-х гг. связано с деятельностью министра иностранных дел Республики Польша К. Скубишевского, который сумел организовать «двухуровневую» полити-

ку по отношению к СССР, когда Варшава параллельно развивала отношения как с союзным центром, так и с отдельными союзными республиками, уже в то время предполагая вероятность получения ими внешнеполитической самостоятельности. 10 октября 1990 г. К. Скубишевский прибыл с официальным визитом в СССР, в ходе которого были запланированы поездки в УССР и БССР и подписание с этими государствами деклараций о добрососедстве и сотрудничестве. Если посещение УССР закончилось плодотворно, то вопреки ожиданиям визит польского министра иностранных дел в БССР не принес желаемого результата: не было подписано ни одного документа. Основная трудность заключалась в урегулировании проблемы юридического оформления белорусско-польской границы. Белорусская сторона не согласилась ссылаться, как это было предусмотрено в проекте совместной декларации, на договор 1945 г. о границе между СССР и Польшей, так как подписание и ратификации его были осуществлены без участия полномочных представителей БССР. Однако в ходе данного визита министр иностранных дел БССР П. Кравченко заявил, что Беларусь не будет выдвигать территориальных претензий к Польше, хотя и «сослался на так называемый референдум, проведенный в 1939 году, как на факт заслуживающий внимания» [1]. По мнению белорусского министра, дальнейшие переговоры с польской стороной должны основываться на интересах белорусского меньшинства в Польше. Необходимо отметить, что в это время в настроении белорусского общества имелись нотки недовольства политикой Польши, проводимой по отношению к белорусскому меньшинству. Особенное возмущение вызывало то, что на Белосточчине было сожжено несколько православных церквей, и в том числе святыня в Грабарке. Во время пребывания К. Скубишевского в Минске перед зданием польского генконсульства состоялась небольшая антипольская демонстрация, участники которой настаивали, чтобы польские власти не рассматривали белорусское население «как граждан третьей категории» [1]. Разумеется, итоги визита К. Скубишевского в БССР не могли не вызвать реакцию со стороны польских СМИ. Например, журнал «Plys» от 17 ноября 1990 г. был издан с яркой обложкой, на которой изображалось пограничье двух государств, которое определяют национальные бело-красный и бело-красно-белый флаги, а со стороны Минска на запад несется белорусская «Пагоня», грозно занося ноги над Белосточчиной [3].

Тем не менее в ходе визита очертились первоочередные задачи, имевшие решающее значение для дальнейшего развития белорусско-польских связей. Среди них: разработка документа, который охватывал бы важнейшие сферы белорусско-польских отношений, обсуждение вопроса об установлении дипломатических и консульских отношений, разработка соглашения о сотрудничестве в области молодежных обменов, рассмотрение возможности создания на взаимной основе информационно-культурных центров. Но следует отметить, что в 1990 – 1991 гг. двусторонние отношения между Республикой Польша и БССР развивались только в рамках сотрудничества с СССР.

С объявлением независимости Республики Беларусь и распадом СССР в 1991 г. начинается качественно новый этап в развитии белорусско-польских отношений, когда Беларусь начинает сотрудничество с Польшей в другом статусе – независимого самостоятельного государства, полноправного субъекта международных отношений. До этого времени внешнеполитическая деятельность Беларуси была ограничена еще жестче, чем ПНР. Несмотря на то, что советское руководство в феврале 1944 г. дало союзным республикам внешнеполитические полномочия, а в 1945 г. БССР стала одним из государств-учредителей ООН, что свидетельствует о международном признании республики, тем не менее БССР не имела дипломатических отношений ни с одним государством. Подавляющее большинство подписанных БССР договоров и соглашений носило многосторонний характер и заключалось в рамках системы ООН. СССР существенно ограничивал внешнеполитическую деятельность БССР и особенно возможность заключать международные договоры на двусторонней основе. Следует заметить, что Республика Польша также не имела развитого опыта самостоятельной внешнеполитической деятельности. В документе ПОРП от 12 декабря 1988 г., который содержал предложения к пленуму ЦК по международным вопросам, отмечалось, что пленарного заседания на эту тему уже не было 40 лет [13, с. 29].

Польша довольно быстро признала независимость Республики Беларусь. Уже в конце августа 1991 г. польский сейм заявил о признании Беларуси де-факто, а 27 декабря 1991 г. Польша постановлением Совета Министров официально признала независимость Беларуси [12, с. 31].

10 октября 1991 г., спустя год после визита в Минск польского министра иностранных дел, в Варшаву прибыл глава белорусского правительства В.Ф. Кебич. Комментируя это событие, премьер-министр Республики Польша Я. Белецкий назвал визит белорусского премьера историческим [5]. С этим нельзя не согласиться, так как в ходе данного визита был пописан первый базовый межгосударственный документ нового этапа двусторонних отношений – Декларация о добрососедстве, взаимопонимании и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Республикой Польша.

В Декларации подчеркивалось, что два государства не имеют к друг другу никаких территориальных претензий, между ними сохраняется граница, определенная посредством Договора между СССР и Польской Республикой о советско-польской государственной границе от 16 августа 1945 г. Внимание в документе уделялось проблеме национальных меньшинств в двух государствах. Им гарантировались обеспечение условий для свободного развития культуры, языка, исполнения религиозных обрядов. Согласно Декларации государства также взаимно обязывались на своих территориях охранять памятники истории и культуры, развивать всестороннее культурное, гуманитарное, научно-техническое, экологическое, экономическое сотрудничество. Таким образом, Декларация дала начало взаимовыгодному сотрудничеству во многих плоскостях.

Республика Беларусь явилась четвертой из числа бывших советских республик (после России, Украины и Литвы), которые подписали такой документ с польским правительством. Объясняя, почему не была подписана такая декларация еще год назад, В. Кебич обратил внимание на то, что за год в СССР произошли существенные демократические изменения, которые позволили белорусской республике, получившей государственный суверенитет, не оглядываться на центр и принимать самостоятельно решения. Как отметил белорусский премьер, стало также возможным свободно говорить о границе, так как и ее охрана, и таможенные службы перешли под юрисдикцию Республики Беларусь [2]. В этой связи планировалось открытие двух новых пограничных переходов – в Домачево и Берестовице – для разгрузки уже действовавших в Бресте и Гродно.

В тот же день, 10 октября 1991 г., было подписано Соглашение об экономическом сотрудничестве и торговле с польской стороны министром хозяйственного сотрудничества с зарубежьем Д. Ледваровский, с белорусской – председателем Государственного комитета по внешнеэкономическим связям В. Радкевичем. Этот документ преследовал цель создать взаимовыгодные условия для стабильного развития экономики и торговли обеих стран. До вступления в силу данного соглашения на развитии торговли негативно сказывалась неурегулированность системы взаимных расчетов, так как первоначально использовалась система бартерных операций. В статье 7 соглашения говорилось, что все расчеты и платежи будут осуществляться в свободно конвертируемой валюте [9]. На встрече также обсуждалось образование Белорусско-польского торгового дома, который был призван создать благоприятные условия для беспошлинного провоза товаров через границу и продажи их за национальные валюты.

Наиболее продуктивным в развитии белорусско-польских отношений был 1992 г., когда постоянный контакт поддерживали главы правительств, министры иностранных дел и других ведомств и был подписан целый ряд соглашений и договоров в различных сферах сотрудничества.

В марте 1992 г. Польшу посетил министр иностранных дел Республики Беларусь П. Кравченко. Целью его визита являлось официальное установление дипломатических отношений между двумя государствами. В результате 2 марта 1992 г. было подписано Соглашение об установлении дипломатических отношений между Польшей и Беларусью и Консульская конвенция. Министры иностранных дел, подписавшие эти документы, пришли к соглашению обменяться представителями своих государств в ранге чрез-

вычайных и полномочных послов, но до их назначения данные обязанности исполняли временные поверенные в делах [7]. В этом же году Польша открыла в Минске на базе Генерального консульства посольство и запланировала открыть консульства в Бресте и Гродно. Послом Республики Польша в Республику Беларусь была назначена профессор Э. Смулкова, а послом Республики Беларусь в Польше – В. Сенько. Торжественное открытие белорусского посольства в Варшаве состоялось с участием Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевича во время его официального визита в Польшу в июне 1992 г.

Ряд договоров, которые касались экономической сферы и трансграничного сотрудничества, были подписаны несколько ранее – в апреле 1992 г. Например, 16 апреля 1992 г. заключено двустороннее соглашение о взаимной поддержке и охране инвестиций. Во время официального визита премьер-министра Республики Беларуси В. Кебича в Варшаву 23 – 24 апреля 1992 г. было подписано также Соглашение об общих правилах трансграничного сотрудничества, которое имело целью способствовать не только экономическому, но и социальному прогрессу приграничных регионов двух государств. Согласно данному соглашению предметом трансграничного сотрудничества являлась достаточно широкая сфера деятельности – развитие регионов, городов, сельских районов, торговый обмен, сотрудничество в промышленной и сельскохозяйственной сферах, обеспечение электроэнергией, природным газом и водой, территориальное планирование, транспорт, охрана природы и окружающей среды, сотрудничество в области образования и научных исследований, культуры и искусства, туризма и спорта, охраны здоровья, борьба с преступностью и взаимопомощь в случае катастроф и стихийных бедствий [10]. Кроме того, отдельное соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды было подписано между Председателем Государственного комитета Республики Беларусь по экологии А. Дорофеевым и Министром охраны окружающей среды, природных ресурсов и лесного хозяйства Республики Польша С. Козловским в Варшаве 20 мая 1992 г.

Важное значение для развития торговых отношений, усовершенствования организации пересечений совместной государственной границы, а также сотрудничества в сфере борьбы с организованной преступностью имели следующие документы, подписанные в ходе визита В. Кебича в Польшу 24 апреля 1992 г.: Соглашение по вопросу образования польско-белорусского коммерческого банка, Договор по вопросу пограничных переходов, Договор о сотрудничестве с организованной преступностью.

Подробная разработка вопросов, связанных с транспортным сообщением между двумя государствами, получила отражение в двустороннем соглашении о железнодорожном сообщении через государственную границу, подписанном с польской стороны министром транспорта и морского хозяйства Э. Валигурским, с белорусской – начальником Белорусской железной дороги С. Шкапичем, а также в соглашении о международных автомобильных сообщениях. Оба документа были заключены 20 мая 1992 г. в Минске. Данные документы строго определили станции и переходы, открытые для железнодорожного и автомобильного сообщения через государственную границу, регламентировали условия их работы и виды пассажирских и грузовых перевозок.

Третьим наиболее значимым визитом белорусской делегации в Республику Польша в 1992 г. стал официальный визит Председателя Верховного Совета С. Шушкевича, в результате которого 23 июня был подписан Договор о добрососедстве и дружелюбном сотрудничестве Республики Беларусь и Республики Польша. Данный договор вступил в законную силу 30 марта 1993 г. после обмена ратификационными грамотами в г. Минске [11, с. 41]. Следует заметить, что это самый важный договор между двумя странами, определяющий их взаимоотношения уже 15 лет. В документе отмечался тот факт, что Беларусь и Польша имеют общую историю, этническую и культурную близость белорусского и польского народов, которые вносят существенный вклад в развитие данных государств и культур. Обе стороны, как и в подписанной ранее Декларации о добрососедстве, взаимопонимании и сотрудничестве, подтверждали существующую между ними границу и заявляли, что не будут иметь в будущем никаких территориальных претензий друг к другу. Ряд статей (ст. 3 – 10) относились к вопросам европейской безопасности, разоружения в сфере обычного,

ядерного, химического и других видов оружия массового уничтожения, фиксировались обязательства обоих государств решать возникающие споры исключительно мирными средствами, не предоставлять свою территорию третьему государству в целях вооруженной агрессии против другой договаривающейся стороны, регулярно проводить консультации по вопросам безопасности. В связи с этим консультации министров иностранных дел согласно статье 10 должны проходить регулярно, не реже одного раза в год.

Особое внимание следует уделить блоку статей (ст. 13 – 17), посвященных положению национальных меньшинств, где закреплялись права белорусского меньшинства в Польше и польского – в Беларуси, что очень актуально и сохраняет важное значение для стабильного развития белорусского и польского государств. В статье 17 оговаривалось, что представители национальных меньшинств должны, безусловно, выполнять законы государства своего проживания.

Статьи 18 – 25 излагали обязательства взаимовыгодного двустороннего сотрудничества в области экономики, транзитного сообщения, телефонно-телеграфной и почтовой связи, охраны окружающей среды, в том числе минимизации и ликвидации последствий чернобыльской аварии, в области культуры, науки, образования и информации, в сфере здравоохранения, санитарии и гигиены. Предусматривалось совершенствование консульских отношений, оказание правовой помощи по гражданским, семейным, уголовным и административным делам, сотрудничество в деле борьбы с организованной преступностью, терроризмом, экономическими преступлениями, незаконной торговлей оружием, наркотиками и культурными ценностями [4, с. 54 – 64].

Официальный визит С. Шушкевича в Польшу и подписание Договора о добрососедстве и сотрудничестве вызвали много откликов в польской печати, а это свидетельствовало о том, что польское общество не равнодушно к тому как складываются отношения между двумя близкими соседями. Следует отметить, что в Беларуси согласно переписи населения 1989 г. поляки составляли вторую (после русских) по численности группу национального меньшинства – 417 720 человек (4 % населения). Так, газета «Речь Посполита», касаясь Договора, особое внимание уделила его значимости в урегулировании прав национальных меньшинств обоих государств. Польские газеты также особо акцентировали тот факт, что в составе белорусской делегации находился митрополит Минский и Слуцкий Филарет, который встречался с главой католической церкви в Польше примасом Юзефом Глемпом. Этот визит закрепил дружественные отношения между двумя церквами. Тем не менее в ходе переговоров митрополит Филарет пожелал: «... чтобы деятельность костела на Беларуси носила более пасторский характер, нежели политический» [6].

Особый разговор белорусская делегация вела о выходе Беларуси к морю при посредничестве Польши, что на тот момент очень важно было для повышения международного статуса белорусского государства. В итоге стороны подписали межправительственное соглашение об использовании морского порта в Гданьске в качестве места приписки белорусского флота. Также предусматривалось подведение к нему железнодорожной нитки из Белостока для перевозки грузов. Этому соглашению не было суждено реализоваться, так как обе стороны в дальнейшем не смогли договориться о стоимости транзита. Со временем внешнеэкономические приоритеты Беларуси переориентировались в сторону России, которая была заинтересована в развитии морского порта в Калининграде. Беларусь стала использовать именно этот город как место базирования белорусского торгового и рыболовецкого флотов.

На данном этапе взаимоотношений также обсуждался вопрос о возможном присоединении Республики Беларусь к Вишеградской тройке, что позволило бы Минску выйти на многосторонний уровень сотрудничества в рамках этой организации. С. Шушкевич, комментируя перспективы такого присоединения, заявил: «Объявив нейтралитет, Беларусь намерена вести политику равноудаленности от каких бы то ни было политических и военных блоков или союзов» [8]. При этом он усматривал интеграции республики в экономическую жизнь Европы в целом, а не какой-то отдельной части. Позиция белорусского спикера понятна: нужно было считаться с экономической зависимостью белорусского

государства от России и интеграционными процессами в рамках СНГ, а вхождение Беларуси в Вишеградскую тройку противопоставляло ее России и ухудшало внешнеполитическое положение.

Таким образом, в отмеченный период между Беларусью и Польшей был заложен основательный фундамент развития двусторонних отношений, имевший надежную перспективу: Договор о добрососедстве и дружелюбном сотрудничестве, подписанный 23 июня 1992 г., явился итогом установления дипломатических связей между двумя соседними государствами. Он укрепил суверенитет каждой из сторон, стал стержнем развития белорусско-польских отношений и создал основу для активизации дальнейшего сотрудничества во всех сферах взаимоотношений.

Список литературы

1. Белорусы сожалеют // Семь дней. – 1990. – 22 – 28 октября.

2. Візіт В. Кебіча ў Рэспубліку Польшча // Звязда. – 1991. – 12 кастрычніка.

3. Дзярновіч, А. Адкрыццё саміх сябе / А. Дзярновіч // Літаратура і мастацтва. – 1991. – 8 лютага.

4. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о добрососедстве и дружелюбном сотрудничестве // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – 5 июня (№ 16 (90). – С. 54–64.

5. Драздоў, В. І Польшча не згінэла, і Беларусь жыве! / В. Драздоў // Народная газета. – 1991. – 17 кастрычніка.

6. Згет, В. Польская печать о визите белорусской делегации / В. Згет // Белорусская нива. – 1992. – 30 июня.

7. Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Республикой Польша // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – 25 мая (№ 15 (89). – С. 54–74.

8. Меньшикова, В. Визит белорусского премьера в Польшу / В. Меньшикова // Белорусская нива. – 1992. – 30 июня.

9. Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Рэспублікі Польшча аб эканамічным супрацоўніцтве і гандлі ад 10.10.1991 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawbelarus.com/world/sub03/texa4828.htm – Дата доступа: 03.09.2008 г.

10. Пагадненне паміж урадам Рэспублікі Беларусь і урадам Рэспублікі Польшча аб асноўных прынцыпах трансгранічнага супрацоўніцтва ад 24 красавіка 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawbelarus.com/world/sub03/texa4831.htm – Дата доступа: 01.10.2008 г.

11. Пастанова Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь аб ратыфікацыі Дагавора паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча аб добрасуседстве і дружалюбным супрацоўніцтве // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1993. – 5 красавіка (№ 10 (84). – С. 41.

12. Хмяліньскі, Б. Польшча – Беларусь: 15 гадоў міждзяржаўных адносін / Б. Хмяліньскі // Журнал международного права и международных отношений. – 2007. – № 1. – С. 31–37.

13. Часноўскі, М.Э. Сістэмныя пераўтварэнні ў Рэспубліцы Польша (1989 – 1999) / М.Э. Часноўскі. – Мінск: БДУ, 2000. – 288 с.

СВЕТЛАНА СИЛОВА

Гродно

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В г. ГРОДНО В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Понятия «православие» и «благотворительность» неотделимы. Сама по себе христианская идеология несет в себе идею благотворительности и помощи нуждающимся. Согласно данным в работе «Обзор Гродненской губернии за 1913 г.» вероисповедание

населения Гродненской губернии было представлено: православные – 1021082; римо-католики – 508817; протестанты – 12448; иудеи – 364577; магометане – 2900. Всего в губернии проживали 1909824 человека [61]. В 1801 году г. Гродно стал губернским городом. В 1816 году в Гродно проживали 9873 человека, в 1859 г. – 19290 человек, в 1897 г. – 46919 человек [14, с. 98].

28 декабря 1889 г. было издано Наивысочайшее повеление императора Николая II об учреждении Гродненской и Брестской епархии. Фактически праздничное открытие новой епархий прошло 23 января 1900 г. богослужением Пресвятейшего Иоакима в Софийском соборе. С начала создания Гродненской епархии и до первой мировой войны местную кафедру возглавляли епископы Преосвященный Иоаким (с 11 января 1900 г. по 1903 г.), Преосвященный Никанор (с 1903 по 1905 гг.). Первые православные епископы Гродненской Епархии Иоаким и Никанор ещё до своего восхождения на свои посты на Гродненщине были известны как активные меценаты. Так, Никанор пожертвовал на нужды бедных и учащихся несколько тысяч золотых рублей.

Гродненское благотворительное общество фактически существовало с августа 1812 года и называлось первоначально Гродненским товариществом доброчинности [15]. До 1855 года оно руководствовалось Уставом Виленского благотворительного общества, взятым за образец. Собственный устав был учрежден 17 декабря 1854 года. К этому времени оно именовалось Гродненским благотворительным обществом [16].

В конце 70-х годов Гродненское благотворительное общество насчитывало в своих рядах 119 действительных и 4 почетных членов. Ему принадлежало 4 дома (2 каменных и 2 деревянных) в центре города Гродно на улице Садовой, а также участок земли в 3,5 десятины. В 1888 году в благотворительном обществе насчитывалось 70 действительных и 4 почетных члена. Общий приход денежных средств составил 8 тысяч 322 рубля 6 копеек. В заведениях Гродненского общества содержались 105 человек, а 11 человек неимущих получали от общества по 10 фунтов хлеба еженедельно [17].

В 1880 – 1915 гг. духовная благотворительность развивалась ещё более активно, чем в предыдущий период. Продолжал свою работу созданный в 1802 году Гродненский приказ общественного призрения, который на конец XIX в. обладал немалыми материальными средствами. На свои деньги он содержал богадельню, в которой постоянно находились 30 инвалидов и 10 бродяг. Продолжало работать Гродненское благотворительное общество, созданное ещё в 1821 году. В 1888 году общество насчитывало 70 действительных и 4 почётных члена и имело неплохой доход. Работа Православной церкви отличалась разносторонностью.

10 октября 1893 года Гродненское братство Софийского собора открыло дом трудолюбия [11]. Братством оказывалась помощь вдовам и сиротам, одиноким престарелым людям, бедным семьям. Впоследствии этот дом трудолюбия был передан в ведение Гродненскому благотворительному обществу.

В 1891 году преосвященным Донатом была создана так называемая «погребальная касса», из которой оказывалась материальная поддержка вдовам и сиротам, брались средства на похороны неимущих. Надо сказать, что преосвященный Донат был щедр в подаянии нищим милостыни, призывая к этому и верующих в своих проповедях. Если у него не оказывалось с собой денег, он просил взаймы у притча.

При Гродненской епархии в 1902 году был создан попечительский комитет, который стал оказывать поддержку бедным, в частности духовного звания.При Гродненском мужском Борисо-Глебском монастыре существовал приют для сирот мальчиков, которых обучали столярному и переплётному мастерству. В Гродненском женском Рождества-Богородичном монастыре был приют для девочек-сирот, которые находились при монастыре на полном обеспечении, получали приличное образование. Если кто из воспитанниц монастыря выходил замуж, монастырь давал сироте приданное. Была здесь и богадельня. Свято-Александровская церковь г. Гродно курировала приют Гродненского благотворительного общества. Немалые средства поступали сюда от верующих прихода на покупку детям одежды, на лекарство для их лечения.

К Рождеству Христову Гродненская епархия готовила для детей из церковно-приходских школ рождественские подарки, принимала участие в устройстве рождественских ёлок в училищах и гимназиях. Проводились ёлки и в воскресных школах. Например, в 1901 году состоялась ёлка в братской женской воскресной школе в Гродно. Совет Софийского братства отпустил на ёлку 25 рублей, а 32 рубля пожертвовали учительницы, как писал корреспондент «горевшие желанием доставить несостоятельной детворе возможность хоть один день прожить в иной обстановке, чем та, которая окружает их ежедневно»[1]. Дети получили чай, бутерброды. После подарки – обувь, косынку, несколько носовых платков. На ёлке присутствовали председатель совета общества М. К. Стояновский и настоятель собора М. И. Радугин. Такие же самые ёлки проводились и в последующие годы. Рождественские вечера и ёлки проводились и для церковно-приходских школ нашего города. Вообще Гродненская братская женская воскресная школа существовала главным образом за счет братства (50 руб.) и других учреждений (60 руб.) [9].

С 1888 года при Гродненском православном Софийском братстве действовал так называемый «Дамский благотворительный кружок». Его работа заключалась в выдаче беднейшим слоям населения денежных пособий, ежемесячных и единовременных: на дорогу, на похороны и т.д. Также оказывались помощь в выдаче одежды, обуви, лекарств, содействие в трудоустройстве. Большое внимание уделялось нравственному просвещению в приходах, братских школах и гимназиях города. Следует подчеркнуть, что благотворительность «дамского кружка» охватывала лиц всех христианских вероисповеданий: православного, римско-католического и лютеранского.

На основе «дамского кружка» на рубеже XIX – XX вв. произошло своеобразное объединение местных благотворительных организаций. В январе 1891 года гродненскому губернатору поступило прошение о присоединении «Дамского благотворительного кружка» при Гродненском Софийском братстве к Гродненскому благотворительному обществу. После присоединения к Гродненскому благотворительному обществу, кружок получил название Дамского комитета при Гродненском благотворительном обществе. Помимо этого, ДБК активно сотрудничал с местным управлением Российского Общества Красного Креста [19].

Благотворительная деятельность Дамского кружка финансировалась за счет частных пожертвований. Наиболее крупные суммы перечислялись со стороны епископа Иоакима (Левицкого) и впоследствии епископа Никанора (Каменского), Гродненского православного Софийского братства, предпринимательницы М. Ф. Морозовой и других лиц [19].

Из отчёта ДБК при Софийском братстве за 1904 год видно, что его благотворительная деятельность заключалась в содержании бесплатной квартиры для бедных, выдаче денег на обеды неимущих и единовременных раздачах.

Идея обеспечить хотя бы несколько бедных даровыми квартирами возникла у кружка ещё в 1900 году. Она была реализована в январе 1901 года, когда состоялось освещение этих сухих и вообще очень удобных для проживания помещений. В результате улучшить свои жилищные условия смогли 43 человека. Дамский Комитет потратил на это мероприятие 1111 руб. 78 копеек. При освящении присутствовала руководитель комитета, супруга губернатора О.М. Лишина. На этом деятельность «комитетчиков» не заканчивалась. Они как бы взяли под опеку тех, кто собственно и жил в этих квартирах, выдавали им единовременные пособия, помогали лекарствами [3]. Нередко также дети бедных приглашались и на праздники. Так в 1901 году в гродненской Муравьёвской школе состоялся «Праздник детей» на котором присутствовали Гродненский Владыка Иоаким и управляющий губернией В.Д. Лишин. Они имели возможность наблюдать, как детей угощают сладостями, раздают им подарки [2].

В 1904 году на попечении кружка находились две ученицы акушерской школы и одна ученица у модистки. Кроме того, квартирой пользовались акушерка и гувернантка, временно оставшиеся без работы. Всего в квартире находились 30 человек. ДБК оплачивал учёбу нескольких учеников Гродненской гимназии [19].

В состав «Дамского благотворительного кружка» (комитета) помимо его непосредственных участниц входили и мужчины – члены Гродненского благотворительного общества. Члены комитета вносили ежемесячно не менее 25 копеек, но членами могли быть и люди, не платившие взносы, т.е. те, которые оправдывали членство своим трудом: медики, бесплатно лечившие больных; аптекари, бесплатно дававшие лекарства бедным (или по сниженным ценам – менее 60 % стоимости); учителя, обучавшие детей безвозмездно; лица, принявшие на попечение кого-либо из бедных.

Председателем «Дамского благотворительного кружка» долгое время являлась Е.П. Савицкая, которая также была членом Совета Гродненского православного Софийского Братства. В декабре 1899 года Елизавета Павловна Савицкая в связи с серьёзной болезнью отказалась от заведования братским дамским кружком и от звания члена Совета Братства. В 1900 году её сменила М.П. Шлегель, а затем О.Д. Добровольская. С 14 апреля 1900 года по инициативе гродненского епископа Иоакима кружок возглавила супруга гродненского вице-губернатора О.М. Лишина. Большую роль в работе кружка играла помощница председательницы Н.В. Котелевская, которая являлась главной надзирательницей гродненской женской гимназии[19].

Огромную помощь кружку оказывали почётный председатель Софийского братства епископ Гродненский и Брестский преосвященный Иоаким, а также инженер И.Р. Петров. Кстати, Илья Родионович Петров, являлся председателем Слонимского Преображенского братства, а также директор гродненской мужской гимназии А.Ф. Пигулевский, председатель совета Софийского братства М.К. Стояновский, К.С. Кемарский, Флендорф, Аковский и др.

«Дамский благотворительный кружок» при Софийском братстве проводил в пользу бедных регулярный сбор пожертвований. С этой целью чего территория города была разделена на 6 участков-попечительств. Каждое попечительство было закреплено за специально избранным членом кружка. В кружке вёлся список бедных, которые получали пособия, указывалось их место жительства и другие сведения.

Сбор средств происходил также на благотворительных спектаклях, концертах, балах, базарах. Авторитет «Дамского благотворительного кружка» был очень велик.

Часто «Гродненские Епархиальные Ведомости» сами организовывали благотворительные мероприятия, активно пропагандировали их поддержку. Так, когда в 1901 году в Бресте произошёл страшный пожар (сгорело 653 дома, 20000 человек остались без крова), газета выступила с инициативой сбора средств для пострадавших, призывала жителей Гродно помочь брестчанам. Гродненский губернатор просил в один из дней провести повсеместный сбор денег по церквям города. Епископ Иоаким организовал сбор средств в День Вознесения Господня [10].

Очень неплохо развивалось и духовное меценатство. В апреле 1902 года в Гродно состоялся концерт духовной музыки. Он проводился в «Народном доме» по инициативе епископа. Всего было исполнено 12 духовных песен. Билеты стоили довольно дорого, от 30 копеек до 2 рублей. Деньги пошли на помощь бедным при Гродненском Софийском Братстве. Такие концерты имели значение не только с точки зрения заработанных для бедных денег, но и также и потому, что оказывалась помощь талантливым людям, готовившим и выступавшим на этом концерте[8].

Значительными были и частные пожертвования на строительство церквей. Так, помещик Евгений Евграфович Курлов в своём имении Коптёвка Гродненского уезда взял на себя большую часть расходов (900 рублей) по постройке каменного дома для священника, оставшегося без жилья после пожара [8]. В свою очередь жена генерал-майора Надежда Алексеевна Быкова пожертвовала на одну из церквей Гродненщины колокол весом 11 пудов 10 фунтов и стоивший не менее 200 рублей [9]. Часто жертвовали на церковь и целые организации. Учащиеся Гродненской мужской гимназии собрали деньги на священническое облачение [6].

Наиболее известным из религиозных деятелей, оказавших значительную помощь православной церкви на Гродненщине, был знаменитый кронштадский священник Иоанн

Сергеев, более известный как Иоанн Кронштадский. Отец Иоанн несколько раз приезжал на Гродненщину и пользовался огромным авторитетом среди местных жителей, которые даже ездили к нему на аудиенцию в Петербург. По нескольку раз в году печатались в «Гродненских Епархиальных Ведомостях» сведения о пожертвованиях отца Иоанна церквям Гродненщины. Всегда он жертвовал не менее 100 рублей, что тогда было огромными деньгами [4].

В 21 марта 1904 года Хозяйственное управление Синода напечатало в «Гродненских Епархиальных Ведомостях» сообщение о порядке сбора средств в церквях Гродно и Гродненщины для Российского Общества Красного Креста. Все деньги, которые жертвовались прихожанами для раненных русских воинов и их семей, вносились в специальные книги, а после перечислялись Обществу Красного Креста. Весной 1904 года по всем церквям Гродненщины прошли молебны за русских солдат на дальнем Востоке, в ходе которых собирались деньги. Так, в мае 1904 года подобные молебны и сбор пожертвований были осуществлены в гродненском Софийском соборе архиепископом Никанором. Собрано было несколько сотен рублей.

На территории Гродненщины действовало также порядком забытое теперь «Общество Белого Креста», церковная благотворительная организация, на нужды которой собирались средства в храмах Гродненской православной епархии [10].

Осенью 1904 года, на железнодорожной станции Влодавы в Брестском уезде был создан госпиталь-приют для солдат, раненых на фронте. Госпиталь находился под попечительством Петербургской организации железнодорожных рабочих и был рассчитан на 25 коек (по 12 рублей в месяц на содержание одной койки). Инициаторы создания приюта выступили с идеей «именных коек» (коек в честь того лица, которое согласилось бы за свои средства такую койку содержать). Первым, кто откликнулся на подобное предложение, был преосвященный Никанор. Он в августе 1904 года согласился содержать свою именную койку с тем условием, что ему сообщат имя раненого солдата, который на ней лежит, и будут регулярно рассказывать о состоянии его здоровья [10].

Акция по созданию именных коек для русских солдат, пострадавших во время военных действий, имела очень большой успех. Вместо 25 коек в короткий срок было создано более 50 коек. Были персональные койки, – например, койка преосвященного Никанора, койка гродненского губернатора Осоргина, койка вдовы генерал-лейтенанта графа Эссена, койка нижних чинов и офицеров Гродненского крепостного полка. Различные учреждения Гродненской губернии собрали средств на 9 коек (108 рублей). Особенно отличились железнодорожники, из денежных средств которых было создано целых 17 коек [13]. Для раненных солдат дополнительно собиралось продовольствие и деньги, устраивались благотворительные концерты.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что традиции благотворительности в г. Гродно достаточно сильны. Необходимо их не только не забывать, но и развивать, сотрудничая при этом со светскими и духовными организациями.

Список литературы

1. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1901. – №1. – 07.01. – С. 6 – 7.
2. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1901. – №2. – 14.01. – С. 6 – 7
3. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1901. – №3. – 21.01. – С. 5.
4. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1901. – №5. – С. 34.
5. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1901. – №9. – С. 66.
6. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1901. – №9. – 4.03. – С. 66.
7. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1902. – №12. – 24.03. – С. 120.
8. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1902. – №14. – 7.04. – С. 144
9. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1902. – №34. – 25.08. – С. 300 – 300.
10. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1904. – №19. – 13.05. – С. 151.

11. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1993. – №7. – С. 15
12. Гродненские Епархиальные Ведомости. – №22. – 30.05. – С. 632.
13. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1904. – №39. – 26.08. – С. 1104 – 1105.
14. Линкевич, В. Конфессиональный состав населения г. Гродно во второй половине 19 – начале 20 вв. / В. Линкевич // Шестидесятилетие образования Гродненской области: материалы междунар. науч. конф., 3 – 4 марта 2004. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 456 с.
15. НИА РБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1342. – Л. 35.
16. НИА РБ в г. Гродно. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 440. – Л. 2.
17. НИА РБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 862. – Л. л. 35 – 37
18. Обзор Гродненской губернии за 1913 г. – Гродно: Губернская типография, 1914.
19. Православный вестник. – 1998. – № 4 – 5. – С. 18 – 19.

НИКОЛАЙ ГОНЧАРОВ

Гродно

ПРИГРАНИЧЬЕ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Геополитика изучает и анализирует природно-географические данные, исторические, политические и иные факторы для обоснования национальных и коалиционных интересов государств, определения союзников и противников, участия в военно-политических союзах и блоках, выработке эффективных средств достижения целей на международной арене. Реальная политическая практика показала, что геополитические интересы и противоречия сильнее политико-идеологических факторов во внешней политике. Пространственно-территориальные факторы были и остаются важнейшими объектами межгосударственных отношений.

Географическая близость является важной территориальной основой развития сотрудничества между государствами, особенно приграничных регионов, и создания с этой целью региональных союзов и организаций. Обоснованием таких региональных структур являются как географическая близость, так и языковые, культурные, экономические и оборонные связи. Государства, принадлежащие к региональному сообществу, объединяет также общая история, традиции, нередко религия. Данные обстоятельства необходимо более предметно учитывать при реализации внешнеполитической концепции и стратегии Республики Беларусь.

В целом же можно отметить положительную динамику во взаимоотношениях Республики Беларусь и II Речи Посполитой. На долю Польши приходится 3,3 % всех торговых взаимоотношений Беларуси и она замыкает пятерку основных наших торговых партнеров.

Говоря о приграничье как о социальном феномене следует иметь в виду ряд условий: во-первых, это территория, имеющая определенную специфику вследствие социоэкономических, этнокультурных, конфессиональных контактов с аналогичной территорией государств-соседей; во-вторых, необходимо уяснить, что разделяет государственная граница, т.е. насколько политическое пространство страны отличается от физического, экономического и социокультурного. Здесь можно выделить несколько уровней в структуре взаимодействия сопредельных государств. Первый уровень, определяемый как «поведенческий», представлен межличностными, неформальными, родственными и дружескими связями. Именно он в наибольшей степени консервативен и малоподвижен, а трансформации типов взаимодействия здесь протекают по своим внутренним законам и в наименьшей степени подвластны внешним воздействиям. Второй уровень – «институциональный». Он включает различного рода общественно-политиче-

ские организации, региональные ассоциации, производственные предприятия, фонды и т.д. На этом уровне проявляется прямая корреляционная связь с различного рода природными катаклизмами, политическими событиями, экономическими и дипломатическими кризисами и т.д. Третий уровень – «межгосударственный», включающий в себя отношения в области внешней политики. Он предстает в виде тезиса «защита наших рубежей».

Настоящее и будущее любого государства обеспечивается не только его внутренним развитием, но и характером взаимодействия с внешним миром, которое осуществляется главным образом через границу. На ней сосредоточивается весь спектр государственных интересов: политических, экономических, военных, социальных, практически все то, что составляет основу жизнедеятельности и безопасности страны.

Еще в 1876 году один из первых летописцев пограничной службы России Н.И. Кайданов, занимавший скромный пост архивариуса Министерства финансов, в записке на высочайшее имя справедливо отмечал, что нигде так не видны интересы государства и сложность их отстаивания, как на государственной границе. [1, с.90]

Необходимо осмыслить и реализовать понимание того, что граница является не только источником внешних угроз, но и представляет фактор притяжения высокодоходных и инновационных сфер деятельности. Кроме того, пограничное сотрудничество и деятельность пограничных служб становятся определенным амортизатором, смягчающим на данном уровне последствия мер большой политики.

Следует отметить, что в районах белорусско-польского приграничья существует целый пласт отношений, связанный с взаимопроникновением культур, быта, обычаев, общих интересов, межнациональных браков и т.п. При всем различии культур, традиций, обычаев в районах приграничья непреложен факт их совместного существования, что значительно сближает содержание процессов этнической и религиозной идентификации, «уплотняет» межэтнические и межрелигиозные коммуникации, одновременно внося в них порой осложняющие компоненты (национальный нигилизм, недоверие к «чужому» – по языку, религии, культуре и т.п.). [2, с.128]

При сравнивании этносов приграничного региона преобладают положительные характеристики белорусского и польского народов. Белорусам нравятся у поляков присущее им чувство национальной гордости, хозяйственность, практичность, уважение родословной и языка, вера в Бога, культура семейных отношений. В свою очередь полякам импонируют у белорусов чувство терпимости, открытость, доброжелательность, доброта и спокойствие.

Изменения в геополитическом положении регионов Беларуси благоприятствуют углублению приграничной «малой торговли». С этой целью расширяется ассортимент товаров, которые могут быть вовлечены в ее сферу, в том числе и за счет местных ресурсов. Важным в этом деле является использование национальных традиций населения республики (плетение из лозы, соломки, керамика и др.).

Благоприятные перспективы есть в приграничном сотрудничестве и в других сферах – развитии туризма, совместном использовании рекреационных ресурсов и т.д. [3, с.298]

Перспектива социально-экономического развития страны непосредственно зависит от геостратегии государства, при осуществлении которой следует руководствоваться принципом политического реализма, сбалансированности ветвей многовекторной внешней политики, возможностей дипломатического маневра.

В современных условиях, когда в международных отношениях преобладает центростремительная, интеграционная тенденция, развиваются разнообразные формы интернационализации всех сфер жизни человечества, активизируется контактная функция государства. В приграничных районах, имеющих особенно тесные контакты, формируются зоны взаимодействия национальных хозяйств соседствующих стран. Ярким примером в этом отношении являются границы стран Европейского Союза, прежде всего Франции, Германии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, ставшие своеобразной «осью»

мощного международного экономического района. Через эти границы ныне свободно перемещаются люди, товары, услуги, капиталы и информация [4, с.359 – 360]. Подобные взаимоотношения характерны для приграничья Польши и Германии.

Основаниями приграничного сотрудничества могут выступить:

• возможности предоставления особого статуса приграничным регионам по обе стороны границы;

• совместное использование находящихся в приграничной зоне природных и гуманитарных ресурсов;

• создание зон свободного предпринимательства в приграничной полосе;

• совместные меры по охране окружающей среды и т.д.;

• расширение сферы образовательных услуг (здесь можно использовать положительный опыт сотрудничества Гродненского государственного университета и Университета в г. Белостоке).

Приграничные регионы республики имеют объективные предпосылки для дальнейшего развития и совершенствования транспортных коммуникаций. Только посредством их строительства, включающего терминалы, складские помещения, стоянки, гостиницы, АЗС, ремонтный сервис, кафе, туризм можно получить значительные средства для пополнения государственного бюджета за счет зарубежных инвесторов и создать новые рабочие места.

Участие Беларуси в программах ЕС «Литва – Латвия – Беларусь» и «Польша – Украина – Беларусь», возможность включения нашей страны в программу «Восточное партнерство» будут способствовать оживлению польско-белорусского диалога, развитию среднего и малого бизнеса, созданию совместных предприятий, решению проблемы безработицы двух стран.

Опыт ряда европейских стран показывает, что для выхода на соответствующий уровень производства и потребления, материального благосостояния граждан, потребность в инвестициях должна составлять более 3 – 4 млрд. долларов ежегодно. Поэтому необходимо дальнейшее изменение в инвестиционном климате белорусского государства, формирование стабильной законодательной базы, расширение сферы полномочий органов местного управления и самоуправления. Следует отменить государственное регулирование цен, снизить налоговую нагрузку, отменить единую тарифную сетку для предприятий, в уставном фонде которых доля частной собственности превышает 50 %, изменить систему проверок, штрафов и наказаний.

Одновременно нужно иметь в виду, что вступление Польши в ЕС по существу означает делегирование ее полномочий институтам Евросоюза, а это сужает возможности углубления сотрудничества двух стран. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов нестабильность в политической сфере и стремление нынешнего правительства Польши усилить вмешательство государства в экономическую сферу.

Обозначенные проблемы порождают определенное противоречие между необходимостью развития приграничного сотрудничества и возможностью его реализации на практике.

Список литературы

1. Николаев, А.И. На переломе. Записки русского генерала / А.И. Николаев. – М., 1998. – 368 с.

2. Восточная Европа: политический и социокультурный выбор // Материалы междунар. научно-практической конференции. Минск, октябрь 1994 г. – Минск 1994. – С. 128.

3. Киреенко, Е.Г. Социально-экономическая география Республики Беларусь: учеб. пособие / Е.Г. Киреенко. – Минск, 2003. – 400 с.

4. Экономическая и социальная география: Основы науки: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / М.М. Голубчик [и др.]. – М., 2003. – 400 с.

АНДРЕЙ ГАНЧАР

Гродно

ВОЗВРАЩЕНИЕ УПРАЗДНЕННЫХ КОСТЕЛОВ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ: МИКРОАНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ (нач. XX в.)

Проблема возвращения ранее упраздненных храмов является одной из самых острых и болезненных для верующих. В исторической литературе преобладает общее оценочное суждение с отражением общих показателей в целом по данному вопросу, упуская из виду чувства, эмоции сострадающих и причастных к данному процессу. На наш взгляд, разбор каждого конкретного случая ведет к решению проблемы, а полученный таким путем положительный опыт может способствовать разрешению конфликтных ситуаций в будущих схожих условиях. На примере Роготненского храма Слонимского уезда Гродненской губернии и будет показана подобная технология, вскрыты реальные доминанты акторов.

27 сентября 1905 г. на имя министра внутренних дел графа Витте была послана телеграмма уполномоченного от прихожан бывшего Роготненского костела, преобразованного в 1866 г. в православный Рождество-Богородичный храм, Л. Слижа, которую засвидетельствовал 25 сентября 1905 г. Слонимский декан ксендз Петранис [1, л. 48, 51, 54].

Местное руководство, узнав о телеграмме, распорядилось о проведении следствия, естественно, начав его с проверки политической благонадежности ксендза. Гродненскому губернатору стало известно, со слов учителя Дятловской школы Котта, что 23 октября 1905 г. Слонимский декан Юстиниан Петранис произнес проповедь в антиправительственном направлении: «Сейчас настала свобода – никого не бойтесь. Несколько лет молчал, а теперь не буду молчать. Теперь не прежние времена, когда католиков били и переворачивали в православную веру, вязали их и лили в горло причастие насильно. Но они выплевывали на землю, не соглашаясь и за 100 рублей. Отсюда явствует, что православная вера отщепенская, сатанинская и кулачная. Если есть кто в костеле из православных – отворачивайтесь от православной церкви и переходите в католичество, так как православная церковь есть несправедливая. Как равно и православные священники. Ксендзы и костелы справедливы, наши святые таинства справедливы... Сейчас нечего бояться и не нужно слушать полицию... Писарь и старшина ваши батраки, а также и земской начальник. Что кто бы из них не сказал, их следует брать за воротник и выбрасывать за дверь» [1, л. 11].

Гродненский губернатор – человек занятой, привыкший доверять местной администрации. Если бы этот донос поступил в 60-е – 70-е гг., то слонимского декана непременно заключили бы в Гродненский францисканский монастырь на 1 год. Но министерство внутренних дел требовало расследования, а значит, подобного заявления от одного лица, даже если его слова подтвердили представители полиции и православный священник Н. Балицкий, было недостаточно. Тем более ксендз Ю. Петранис представил ему рапорт, что данных слов он не произносил, а учитель Котт таким образом мстил ему за требование после указа 17 апреля 1905 г. преподавать в школе Закон Божий для римско-католиков на польском языке. Не получив согласия заведующего школой по причине отсутствия циркулярных распоряжений, Ю. Петранис, ссылаясь на желание учеников и родителей, послал телеграмму министру внутренних дел [1, л. 12]. Декану удалось выяснить, что крестьяне решились закрыть 25 октября 1905 г. на замок Роготненскую церковь под воздействием проповеди православного священника, в которой он убедил местных жителей, что не только католики не получат обратно своего костела, но даже те православные, которые присоединились к католицизму, будут сосланы в Сибирь. Лишь после увещеваний Петраниса и прибывшего на место слонимского уездного исправника, которому предстояло еще сыграть ключевую роль в расследовании, крестьяне вернули ключи. Подобные проповеди, по заверению Ю. Петраниса, произносились православными священни-

ками и в других храмах [1, л. 15]. Кроме этого, на столе у губернатора лежал рапорт местного пристава на Ю. Петраниса как главного подстрекателя к закрытию православной церкви в с. Роготно. Но должность его была указана неверно – настоятель Дятловского костела, что уже вызывало подозрение в подтасовке фактов [2, л. 46].

Неоднократными рапортами 10, 11, 12 ноября 1905 г. пристав 4 стана сообщал уездному исправнику, что крестьяне-католики, собравшись до 400 человек возле Роготненской церкви, не допустили 10 ноября дятловского благочинного протоиерея отца В. Гричихо отправить службу по усопшим, согласно просьбе православных прихожан Роготненского прихода. Кроме этого, около 5 – 6 часов вечера те же крестьяне ворвались в церковно-приходскую школу и в квартире учителя Красницкого произвели беспорядки, желая выбросить из помещения имущество учителя и его семью [1, л. 17].

К донесениям уездный исправник отнесся скептически. С целью проверки изложенного был командирован помощник Мыца, который изложил свое видение происходившего.

10 ноября 1905 г. с утра начали пребывать в с. Роготно православные крестьяне из окрестных деревень, с целью присутствовать при проверке протоиреем Гречихой и чинами полиции похищения поляками чаши и креста из церкви перед тем, как ее заперли 25 октября 1905 г. Так как слух о похищении чаши и креста был распространен среди населения доверенными от протоирея лицами, то крестьяне-католики того же 10 ноября, но раньше, чем православные, собрались около церкви и, вооружившись палками, заявили прибывшему около 10 часов утра благочинному, что они его вместе с приставом Жидковым не допустят в церковь для расследования дела о похищении чаши и креста. Крестьяне не доверяли обоим, опасаясь столкновения с православными, в случае объявления со стороны благочинного и пристава о похищении [1, л. 19]. Дальнейший ход событий был бы налицо: успокоение толпы, виноватыми признали бы крестьян-католиков и по причине «польско-латинского фанатизма» – установление тотального контроля за местностью. Зачем это было нужно священнику? Ответ станет ясен позже. Что касается нападения крестьян-католиков на церковно-приходскую школу, то произведенным расследованием выяснилось, что пристав Жидков, после того момента, как все разошлись от церкви, зашел в училище для расследования обстоятельства о сорванной когда-то с крыльца училища вывески. Собралась толпа любопытных, которая заглядывала в окна училища. Пристав распорядился разогнать собравшихся, что и было исполнено урядниками Борисюком и стражниками. В это время мимо училища проходил крестьянин П. Юргель и, не зная о распоряжении пристава, остановился у его повозки и стал расспрашивать ямщика. Чины полиции, услыхав разговор у подъезда училища, вышли на улицу и по приказанию пристава задержали П. Юргеля. В помещении училища урядник Борисюк стал бить его. Крестьяне, собравшись на крик П. Юргеля, силой вошли в помещение учителя, требуя выдачи урядника. По приказу пристава урядник ушел через окно соседней комнаты, а сам начал уговаривать толпу, желавшую доставить пристава к помощнику уездного исправника Мыцу. Крестьяне успокоились и разошлись после того, как пристав по их приказу составил протокол о нанесении побоев урядником Борисюком крестьянину П. Юргелю, которую и вручил последнему [1, л. 18–19].

27 декабря 1905 г. – из рапорта Гродненской духовной консистории – вооруженные палками католики, более женщины и дети, «при своих обычных мятежных действиях» не позволили благочинному совершить богослужение, а собравшимся 500 православным христианам – молиться в Роготненском храме. До прибытия дятловского благочинного католики – по его словам – избили палками до 10 православных, опасно раненных в голову [1, л. 75]. Как и следовало ожидать, сведения эти после проверки уездным исправником были признаны ложными.

С 27 ноября 1905 г. – с момента выезда священника Семеняко из с. Роготно – ни один из священнослужителей для совершения богослужения не приезжал. 27 декабря Гречихо в близлежащей Горецкой церкви во время богослужения объявил прихожанам, что 27 декабря он будет служить обедню в Роготненской церкви. Но не приехал, так как был вызван в Новую Мышь на похороны родственника. В драке потерпели лишь 4 человека, которым было нанесено несколько легких повреждений. Судебный следователь

Квасницкий не решался дать оценку драке как произошедшей на религиозной почве, ожидая приезда товарища прокурора. Чувствуя подоплеку, уездный исправник пожелал лично присутствовать на совещании прокурорских работников [1, л. 91–92].

Как выяснилось, все 4 пострадавших были членами одной семьи – католиков и православных – Антона Фабишевского. Мария Фабишевская, жена Казимира Фабишевского, приняла в сентябре 1905 г. католичество и выехала из с. Роготно. М. Фабишевская после того, как призвали ее мужа на действительную военную службу, вплоть до выезда ее из с. Роготно, постоянно судилась с А. Фабишевским, который отказывал в выдаче доходов с части земли, принадлежавшей ее мужу Казимиру. А. Фабишевский мотивировал свой отказ тем, что М. Фабишевская не хотела работать наравне со всей его семьей. Отец семейства особенно ставил ей в укор и не исповедание православной веры.

Считаем важным здесь отметить, что главным основанием, побуждавшим лиц православного вероисповедания – как видно из донесений мировых посредников – относиться не совсем искренне к православному духовенству и даже отпадать от православия, в особенности в семьях со смешанными браками, служили неотзывчивость и корыстное отношение православного духовенства к духовным требам православных христиан, например, требования непосильной для крестьянина платы 6 и более рублей за похороны. В случае отказа со стороны крестьянина, по бедности их, в уплате полностью требуемой суммы, священник в свою очередь отказывал в совершении обряда похорон. Труп оставался довольно продолжительное время, иногда неделю, в церкви без отпевания и затем тело покойника крестьяне вынуждены были предавать земле сами, без совершения религиозного обряда. При совершении браков священники также требовали довольно высокую плату за выдачу метрики. Иногда выдавали и за минимальную сумму, но лишь после угрозы со стороны заинтересованного лица обратиться за советом по этому делу к ксендзу [1, л. 93].

29 и 31 декабря 1905 г. В. Гречихо, осознавая, что исправник ищет реальные факты, не доверяя словам благочинного, обратился с рапортами к нему на усмотрение: «Если Вы, ваше высокоблагородие, признаете для себя невозможным войти в дело угнетения православных католиками и заставить их отказаться от самоуправных и мятежных действий, то благоволите дать мне Ваш совет: к кому из властей мне следует обратиться в данном случае за содействием... Полицейский урядник отказывается составлять протоколы на католиков, так как высшие власти не дают им надлежащего движения. Всякая медлительность или бездейственность может вызвать самые прискорбные сметения, как это усматривается в настроении православных прихожан Роготненской церкви и соседних приходов. 27 декабря из д. Дудичи крестьянин привозил в Роготненскую церковь для отпевания покойника, а католики не допустили внести в церковь покойника и прогнали его за село (так благочинный попытался оправдыться за несовершения обряда погребения – А. Ганчар)». Анализ архивного документа свидетельствует, что благочинный вел свою игру: все свои донесения он давно отсылал прямо в канцелярию гродненского губернатора, с подробной характеристикой происходивших событий, содержавшие клеветнические выпады в сторону уездного исправника [1, л. 152].

18 января 1906 г. Гродненская духовная консистория с целью проверки дел в с. Роготно создала комиссию из священника Дятловской церкви Сергия Дорошевского и священника Сидерской церкви Сокольского уезда Николая Семеняко [1, л. 83]. А ведь это непосредственно участники событий, поднаторевшие в писании доносов, имевшие свой личный интерес в этом деле! Гродненский губернатор стал на сторону православного духовенства, отослав 20 января 1906 г. протоколы дознания – с известными нам именами – прокурору Гродненского окружного суда. Для расследования дела 25 января 1906 г. в с. Роготно был командирован товарищ прокурора Дембицкий [1, л. 85, 90].

Комиссия, образованная в свою очередь Гродненским губернатором для выяснения всех обстоятельств дела, усиленная старшим производителем канцелярии Виленского генерал-губернатора надворным советником С.П. Белецким и действительным статским советником И.Л. Блоком, 12 февраля 1906 г. комиссия окончила расследование. Антона Фабишевского за драку 27 декабря 1905 г. как главного зачинщика, арестовали на 3 месяца, а

остальных – Кибеня, В. Пищик, Ю. Ковшук – на 2 месяца. Главного агитатора вторжения 25 октября 1905 г. в церковно-приходскую школу крестьянина д. Шестаки В. Синевича, выступившего в защиту случайного прохожего, – на 1 месяц ареста. Дальнейшее разбирательство дела передали в волостной суд, так как не увидели наличия религиозных мотивов, то есть доводы благочинного не признали [1, л. 104–105].

22 января 1906 г. по просьбе слонимского уездного исправника священник Хоробровичской церкви отец Кирик совершил богослужение, во время которого католики держали себя чинно, а некоторые из них даже присутствовали при богослужении. 29 января в церкви был совершен молебен на котором присутствовали старший делопроизводитель канцелярии С.П. Белецкий, товарищ прокурора Дембицкий и другие должностные лица. 5 и 13 февраля к Роготненской церкви хотя и собирались прихожане, но богослужений не было, по причине не прибытия духовенства. 2 и 19 февраля богослужения проводились – католики в православной церкви вели себя спокойно [1, л. 154].

Епископ Гродненский и Брестский Михаил назначил к церкви с. Роготны отдельного священника Николая Балицкого, прибывшего утром 24 марта в село. 25 марта он после всенощного бдения совершил литургию. В течение этих двух дней католики вели себя спокойно, причем ни одного не было видно не только вблизи церкви, но даже и по прилегавшим к церкви улицам. Молящихся в первый день присутствовало 317 человек, из которых исповедались и причащались 86 [1, л. 170].

Таким образом, проблема была разрешена лишь при активном участии уездного исправника, сумевшего на деле вникнуть в курс происходивших событий. Противодействующей стороной выступала Гродненская православная духовная консистория в лице местного духовенства. Епископ Гродненский и Брестский до последнего момента поддерживал своих подчиненных. Местная администрация в лице губернатора показала себя ведомой, скорее по привычке устоявшимся способом решения проблемы, православным духовенством. Высшая светская власть в лице министерства внутренних дел, как заинтересованная сторона в успешном решении конфликта. Канцелярия главного начальника Северо-Западного края как осторожная в своих решениях сторона: поначалу не проявив должного интереса и лишь после желания МВД разобраться в проблеме инициировало разбирательство. Прихожане, в значительной массе католики, показали свою полную солидарность в отношении принадлежности храма: главное не церковь или костел, главное – постоянное проведение в храме богослужений.

Список литературы

1. Дело о насильственном закрытии толпой католиков на замок православной церкви в целях недопущения православных совершать службу // Национальный исторический архив в г. Гродно (далее НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1053.

2. Переписка с полицмейстерами и исправниками о доставлении списков ксендзов, замеченных в разжигании национальной вражды среди населения // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1010.

ТАТЬЯНА БОГУШ

Гродно

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ПОГРАНИЧЬЯ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ЕС НА ВОСТОК

История развития Гродненского региона дает возможность понять всю сложность этнокультурных процессов, происходивших на территории Западной Беларуси. Уникаль-

ный характер всех происходивших событий дает основание считать эту территорию своего рода национально-культурной лабораторией с ярко выраженными поли- и мононациональными процессами, присущими только этому региону. Во-первых, это выраженный полиэтнический характер национальных отношений, основанный на взаимодействии и взаимовлиянии трех славянских народов и их культур. Во-вторых, этноязыковая ситуация, в основе которой лежит трилингвизм. В-третьих, сложная этноконфессиональная картина, которая играла и играет, пожалуй, решающую роль в стабилизации такого сложного процесса, каким является культура межнационального общения. В-четвёртых, возрождение, особенно в последнее время, национального самосознания и интереса к своей истории, языку, культуре у представителей всех народов, населяющих нашу область.

На территории Гродненской области можно выделить четыре основных типа этнических сред обитания, которые сложились исторически, социально и географически. Первый из них – белорусско-однородный. К этому типу можно отнести Кореличский район (93,6 % (31864 чел.)) – белорусы по переписи населения 1989 г.) с весьма незначительной прослойкой русского (2,8 % (957 чел.)) и польского 2,7 % (927 чел.) населения; Новогрудский район, где проживает 92,3 % (30520 чел.) белорусов, 4,4 % (1461 чел.) поляков. 2,5 %(813 чел.) русских, 0,5 %(162 чел.) украинцев; Слонимский район, где разместилось 91,3 % (23464 чел.) белорусов, 3,8 % (976 чел.) русских, 3,6 % (924 чел.) поляков, 0,9 % (238 чел.) украинцев; Сморгонский район, в котором находится 91,1 % (25984 чел.) белорусов. 5,1 % (1452 чел.) поляков, 2,7 % (760 чел.) русских. 0,5 %(156 чел.) украинцев.

Второй тип – белорусско-польский с увеличением числа польского населения. К нему относятся Дятловский район – 78,6 % (33233 чел.) –белорусы. 14,1 % (5945 чел.) – поляки. 5,5 % (2336 чел.) – русские, 1,4 % (599 чел.) – украинцы, 0.1 % (23 чел.) – татары; Ошмянский район – 73,6 % (28150 чел.) – белорусы, 20,6 % (7979 чел.) – поляки, 4,2 % (1589 мел.) –русские. 0.7 % (287 чел.) – украинцы, 0,2 % (84 чел.) – татары, 0,1 % (44 чел.) – литовцы. 0.1 % (39 чел.) – евреи; Свислочский район – 73,3 % (21 186 чел.) – белорусы, 21.4 % (6172 чел.) – поляки, 4.1 % (1 188 чел.) –русские. 1.0 % (277 чел.) – украинцы; Островецкий район – 72,4 % (21536 чел.) –белорусы. 17.5 % (5233 чел.) – поляки, 4,6 % (1377 чел.) – русские, 4.2 % (1236 чел.) – литовцы, 1,1 % (315 чел.) – украинцы; Мостовский район –71 % (29814 чел.) – белорусы. 22,2 % (9295 чел.) – поляки, 5.6 % (2375 чел.) –русские; Зельвенский район – 68,5 % (19264 чел.) – белорусы, 26,8 % (7522 чел.) – поляки, 3,7 % (1035 чел.) – русские, 0,8 % (217 чел.) – украинцы; Берестовицкий район – 67,5 % (14354 чел.) – белорусы, 24,8 % (5266 чел.) – поляки, 6,0 % (1986 чел.) – русские; Ивьевский район 66,5 % (27322 чел.) – белорусы, 28,3 % (1 1603 чел.) – поляки. 3,0 % (1220 чел.) – русские. 1.5 % (622 чел.) – татары.

Третий тип – белорусско-польский с приблизительно равным количеством населения белорусской и польской национальности, обе из которых являются преобладающими. К этому типу относятся следующие районы: Гродненский – 47,9 % (93545 чел.) – белорусы, 42,3 % (29623 чел.) – поляки, 7,6 % (5306 чел.) – русские, 1.4 % (985 чел.) – украинцы, 0,2 % (144 чел.) – литовцы, 0,2 % (ПО чел.) – татары, и Лидский – 48,1 % (23776 чел.) – белорусы, 45,4 % (22478 чел.) – поляки, 5,1 % (2523 чел.) –русские, 1,0 % (493 чел.) – украинцы, 0,1 % (47 чел.) – литовцы, 0,1 % (33 чел.) – татары.

Четвертый тип – польско-белорусский с преобладанием польского населения. Это Вороновский район, где проживает 82,5 % (32072 чел) – поляки, 1 1,2 % (4204 чел.) – белорусы, 3,3 % (1246 чел.) – русские, 1.8 % (696 чел.) – литовцы, 0,7 % (267 чел.) украинцы. 0,1 % (29 чел.) – татары, и Щучинский район, где проживает 49,8 % (34121 чел.) – поляки, 40,2 % (25520 чел.) – белорусы, 7,7 % (5292 чел.) – русские, 1,7 % (1140 чел.) – украинцы, 0,2 % (98 чел.) – татары. 0,1 % (51 чел.) – евреи.

Исходя из этого, мы имеем вполне сложившийся этнокультурный профиль западного региона республики. Основными характерными чертами его являются: во-первых, одновременное существование трех славянских культур: белорусской, польской и русской; во-вторых, ведущая роль белорусской культуры в этом триединстве; в-третьих, несомненное и неоднозначное влияние польской и русской культур на культуру коренной

нации, имеющие такие же неоднозначные последствия, которые выразились в ощутимой утрате исторических, национальных, языковых традиций белорусского народа, что привело в свою очередь (особенно в 1990-е годы) к небывалому всплеску и росту национального самосознания, возрождению и поискам национальных корней в культуре и религии. И с этим нельзя не считаться.

Процессы, связанные с овладением родным языком своей национальности, а также языками соседей, позволяют судить об уровне самоидентификации людей, принадлежащих к одной нации, и. что еще более важно, о процессах приобщения людей одной нации к культуре, истории, психологии другой или других наций. Это позволяет говорить о процессе усвояемости белорусами польской и русской, литовской и татарской культур – приобщении поляков к культурным ценностям русского, украинского, белорусского народов и т.д. Налицо процесс интернационализации культур, основанный на взаимовлиянии, взаимопроникновении, словом, на этнодиффузионных процессах, ведущих, в конечном итоге, к созданию единой мировой культуры, состоящей из множества культур различных наций и народностей.

Следует отметить, что процессы, активизировавшиеся сейчас, в частности, в нашем регионе, призваны, в конечном итоге, вдохнуть свежую струю в процессы культурно-национального возрождения. В первую очередь здесь следует иметь в виду языковые процессы. Итак, самый высокий процент овладения родным языком – у русских. Он составляет 95,8 %. У белорусов он равен 84,9 %, у литовцев – 65,2 %, у украинцев –35,4 %, у поляков – 15,5 %, у татар – 14,8 %, у евреев – 9,3 %. Самая высокая степень овладения языком не своей национальности – русским у евреев – 87,4 %, затем у украинцев – 55,3 %, у татар – 39,7 %, у поляков –22,0 %, у белорусов и литовцев – 15.1 %.

Представляется любопытным степень овладения белорусским языком, языком коренной национальности, другими народами. Самый высокий процент у поляков – 62,2 %, затем у татар – 44,6 % у литовцев –19,2 %, у русских – 4.0 %, у евреев – 3,0 %.

В связи с этим интересно оценить степень знакомства с культурой белорусского народа, которую хорошо знают лишь 8,6 % опрошенных независимо от их национальной принадлежности; хотели бы углубить свои знания 22,8 %, знают удовлетворительно 20,5 %, но хотели бы знать лучше – 23,9 %, знают неудовлетворительно – 6,4 %, но хотели бы знать лучше 10,4 %. Думается, что эти результаты очень показательны, ведь от степени владения языком увеличиваются степень и качество владения культурой другого народа, даже если в основе этого лежит элементарное любопытство, не говоря уже об осознании необходимости приобщения к богатствам мировой культуры.

Важную роль в определении региональной типологии этнокультурной структуры Гродненской области играют, во-первых, отношение и место, которые занимает малая этническая группа по отношению к большинству населения данного региона. Оно выражается в следующих тенденциях этнического поведения: равновесие, подчинение, доминация. привилегированное положение. Во-вторых, числовые пропорции малой этнической группы и большой. В-третьих, степень изоляции и взаимоотношений малой этнической группы и большой. Обращаясь к размещению населения по национальностям в большинстве районов Гродненской области, можно определить, что основной тенденцией этноповедения является равновесие. Хочется отметить, что в районах с преобладанием польского населения эта тенденция закономерно перерастает в другую. А именно – белорусское меньшинство, проживающее на этих территориях, принимая польскую культуру, приобщаясь к католицизму, усваивая польский язык, в значительной степени теряет свое национальное лицо, растворяясь этнически в другой нации, культуре и т.д. Происходит ли это с польским меньшинством в Гродненской области? Именно те факторы, о которых мы говорили, обращаясь к проблеме белорусского меньшинства в польском этноокружении, играют решающую, определяющую роль в процессе охраны, возрождения и сохранения польской нации. Особенно ярко это видно на примере восстановления костелов, открытия школ с польским языком обучения, традиционных праздников польского народа. Процесс этот сам по себе носит однозначный характер, говорящий о необходимости

обращения к проблемам малых этнических групп, к каким бы национальностям они ни принадлежали. Ещё хочется отметить, что этнопроцессы, происходящие в Гродненской области, находящейся на этногеографическом перекрестке трех национальных культур, влекут за собой и численное смешение соотношения большой и малой этнических групп. Поскольку этнопроцессы на территории Гродненской области привели к этнодисперсиозному размещению отдельных национальностей (литовцев, татар) в определенной степени в Вороновском и Щучинском районах, а также в Гродненском и Лидском районах – поляков, можно говорить о возрождении польской культуры и национального самосознания в пределах нескольких (четырех) районов. И это является одной из особенностей этнокультурного развития данного региона. Большую роль играет существование этнической дистанции в пределах всего региона. А поскольку речь идет о сосуществовании трех славянских культур, то в этом смысле этническая дистанция сокращена до минимума, по крайней мере, между белорусской и русской культурой с одной стороны, и белорусской и польской – с другой. Возникает любопытная особенность, характерная именно для западного региона – белорусская культура является своего рода проводником от польской к русской национальной культуре. Речь идет об уничтожении этнокультурных границ, связанных с этнодиффузными процессами в национальной культуре. Особенно если иметь в виду существование в Гродненской области достаточно специфической разновидности культуры трех народов: белорусско-польско-русской. Тем более, что степень национально-языковой самоидентификаиии приблизительно одинакова у белорусов и поляков. Несколько выше она у русских, особенно в плане владения родным языком. Но именно эта формула подводит к мысли об относительности понятия «национальная принадлежность» в многонациональном регионе. Поливариантность выбора своей национальности особенно характерна для народов сходных, имеющих одни исторические и национальные корни культур. Ситуация малой этнической группы может быть обусловлена спецификой межэтнических отношений, которые осуществляются между национальным большинством и меньшинством. Ситуация усугубляется и приобретает другой смысл, когда национальное большинство, подвергавшееся длительное время этнокультурному и государственному давлению постепенно стало утрачивать национальные черты, особенности и т.д. Речь идет о влиянии русской культуры, языка на белорусскую культуру и язык. Процесс приобрел явно односторонний характер и вовлек в свою орбиту и другие малые этнические группы, проживающие на территории Гродненской области. Национальное самосознание титульной нации зависит и складывается в значительной степени от осознания государственной принадлежности. С одной стороны, само существование в государстве малых этнических общностей вынуждает их идти по пути ассимиляции. Однако интенсивные национальные процессы, а именно – этнодисперсные, противостоящие процессам ассимиляции, особенно характерны для последнего времени. Ярче всего это проявляется в возрождении национального самосознания, национальной культуры, растущем интересе к родному языку и народным традициям.

Американский социолог Л. Вире выделяет следующие типы этносов малых этнических групп:

1. Плюралистический, характеризующий этническую общность как национальный организм, желающий и стремящийся сохранить свою национальную культуру и самосознание на основании толерантности и равноправия.

2. Ассимиляционный, характеризующий этническую общность, главной целью которой является слияние с основной национальностью, постепенный отказ и потеря национального самосознания, слияние с гомогенным народом.

3. Независимый, желающий обрести национально-государственную и культурную независимость.

4. Борющийся, характеризующий малую этническую группу, желающую обрести доминирующее положение.

Безусловно, в чистом виде эти типы этносов не существуют и могут переходить из одного вида в другой или нести в себе черты двух-трех типов.

Если исходить из вышеприведенной типологии, то для польского этноса в Гродненской области характерен плюралистический тип с явными чертами независимого типа, особенно в области культуры.

В последнее время проблемы белорусско-польской культуры, культуры межнационального общения привлекают самое пристальное внимание исследователей в Польше. Это и понятно, ведь в Белостокском воеводстве проживает около 300 тыс. белорусов. По численности это равно польскому населению в Гродненской области. Очевидно, следует предположить схожесть проблем для исследования в существовании белорусского этноса в Польше и польского – в Белоруссии. Одновременно, исходя из характера польского этноса в Гродненской области, вполне реально поставить вопрос о том, какой же характер носит белорусский этнос. На этот и ряд других важных и актуальных вопросов пытается ответить польский ученый философ и социолог А. Садовский. Становится очевидным, что проблемы поляков в Белоруссии нуждаются в таком же серьезном и пристальном изучении, каким пользуются идентичные проблемы в Польше. Актуальность данной проблематики не нуждается в какой-либо особо убедительной трактовке. Очевидным представляется тот факт, что взаимовлияние и взаимообогащение двух культур славянских народов должно способствовать всё большему их взаимопониманию, возрождению национальной истории, традиций.

Процесс взаимодействия культур и языков в западном регионе долгое время определялся очень мощным русским православным влиянием, с одной стороны, и противостоящим ему польским, в конфессиональном отношении – католическим. Этой основной причиной обусловлено медленное размывание белорусской культуры, языка, традиций.

Процесс этнокультурной интеракции проходил и проходит в регионе в самых различных плоскостях, охватывая как межнациональное, так и межличностное общение. Естественно, что татарское население, компактно проживающее в Ивьевском и некоторых других районах области, несмотря на все попытки сохранить свои национальные и исторические традиции, язык, культуру, не может не испытывать сильнейшее влияние со стороны соседей – белорусов и поляков, которые в Ивьевском районе составляют основную часть населения (татары составляют 1,5 %, а белорусы и поляки, соответственно, 66,5 % и 28,3 %). Одновременно с этим необходимо отметить и работу представителей малых этносов, направленную на сохранение, защиту и возрождение всего национального, в первую очередь, языка, религии, образования и т.д. Значительное место в этой сфере может быть уделено особенностям этнокультурного взаимодействия, национально-культурной общности народа с другими народами. В связи с этим очень важными представляются процессы этнокультурной диффузии и процессы исчезновения национальных культур. Если же говорить о конкретных проблемах региона, его особенностях, определяющих в значительной степени характер развития социально-экономической и этнокультурной структуры, то прежде всего речь может идти о бинации, как явлении, распространенном именно в пограничных районах.

Географическое положение региона определило своеобразный характер его развития именно в культурно-национальной области. Это позволяет говорить о своеобразном, особенном развитии культуры в западном регионе Белоруссии. Определяющим здесь, как не раз уже говорилось, является мощное польско-русское влияние. Это влияние сформировало бинацию. исторически сложившуюся в данном регионе. Причем и здесь есть свои национальные доминанты. В соответствии с типами этнических сред, существующих в рамках области, самыми распространенными являются белорусско-польский и польско-белорусский варианты. Процессы этнодиффузий, влекущие за собой переливание культур, языков, традиций, являются определяющими в возникновении культуры западного региона. Они же являются мощным катализатором в процессах национального возрождения.

Список литературы

1. Радзік, Рышард. Аб'яднанне Беларусі і Расіі у беларускіх сацыялагічных даследаваннях / Рышард Радзік //Acta Albaruthenica 5: навуковы зборнік. – Минск, 2005. – С. 156 – 163.

2. Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы: сб. ст. / РАН, Институт славяноведения. – М., 2002. – 294 с.

3. Nikitorowicz, J. Mlodzez pograniczna kulturowego Polski, Bialorusi i Ukrainy wobec integracji europejskiej: Tozsamosc, plany zyciowe, wartosci / J. Nikitorowicz. – Bialystok: Trans Humana, 2000. – 206 s.

4. Pogranicze. Studia spoleczne. T. 1. – Bialystok, 1992 – 1997.

5. Sadowski, A. Pogranicze Polsko-Bialoruskie. Tozsamosc mieszkancow / A. Sadowski. – Bialystok, 1995.

МІХАІЛАС ПЯТРАУСКАС

Гродна

НОВЫЯ ЦАРКОЎНА-РЭЛІГІЙНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI СТАГОДДЗЯ Ў КАНЦЭПЦЫІ А. МІРАНОВІЧА

Другая палова XVI ст. – час значнай канфесійнай трансфармацыі беларускага грамадства. На сярэдзіну гэтага стагоддзя беларусы былі народам двух хрысціянскіх веравызнанняў пры дамінацыі праваслаўя, на канец стагоддзя – чатырох. Пад уплывам новых тэндэнцый у духоўным і палітычным жыцці грамадства ў другой палове XVI ст. на Беларусь пранікаюць новыя рэлігійныя плыні і вучэнні: ерасі (Феадосія Касога) з Усходу, пратэстантызм і контррэфармацыя з Захаду, пад іх уплывам трансфармаваліся традыцыйныя царкоўныя інстытуты; урэшце, прадпрымаецца спроба аб'яднання на беларускай глебе хрысціянскага Усходу і Захаду.

Разуменню новых павеваў і з'яў у царкоўна-рэлігійным жыцці Беларусі ў другой палове XVI ст. спрыяюць працы беларускага даследчыка ў Польшчы доктара хабілітаванага, прафесара Антоні Мірановіча. Новыя з'явы ў жыцці беларускага праваслаўнага грамадства другой паловы XVI ст. знайшлі адлюстраванне ў наступных працах вучонага: «Bractwa cerkiewne w Rzechypospolitej», «Jozef Bobrykowicz. Biskup bialoruski,» «Suprasl jako osrodek kulturalno – religijny w XVI wieku», «Kosciol prawoslawny w Polsce» і інш. Заснаваныя на багацейшай базе крыніц манаграфіі А. Мірановіча, на думку гродзенскай даследчыцы прафесара С.Марозавай, у многім спрыялі выхаду даследаванняў канфесійнай гісторыі Беларусі на якасна больш высокі ўзровень [3].

Гісторыя праваслаўнай царкоўнай супольнасці і міжканфесійныя стасункі ў Рэчы Паспалітай у XVI ст. аналізуюцца вучоным з Беластока як дынамічныя структуры, у кантэксце культурна-канфесійнай трансфармацыі грамадства і дзяржаўнай палітыкі, а таксама ў кантэксце міжнародных рэлігійна–палітычных адносін на восі Рым – Варшава – Масква – Канстанцінопаль.

А. Мірановіч, вывучаючы другую палову XVI стагоддзя ў гісторыі праваслаўнай царквы, вызначае, што праваслаўную супольнасць складала пераважна насельніцтва Вялікага княства Літоўскага. Аднак праваслаўе аказвала істотны ўплыў на рэлігійнасць і свядомасць грамадства ўсей Рэчы Паспалітай. Даследчык сцвярджае, што «візантыйская культура на рускіх» (літоўска-беларускіх – ***М.П.***) была «глыбока прасякнута рэлігійнымі каштоўнасцямі» [2, с. 36 – 41]. Падобны культуралагічны акцэнт дазволіў А. Мірановічу пазбегнуць тэндэнцыі характарыстыкі праваслаўнай царквы выключна з ідэалагічных і палітычных пазіцый.

Новым феноменам развіцця беларускага грамадства ў канцы XVI ст. стала ўзнікненне царкоўных брацтваў, якое разглядаецца А. Мірановічам на фоне росту палітычнага ўплыву мяшчанства, асабліва ў гарадах з магдэбургскім правам, побач з ростам рэлігійнай свядо-

масці «рускага» (а значыць, беларуска-ўкраінскага – ***М.П.***) насельніцтва. З аднаго боку, брацтвы сталі носьбітамі ідэі рэфармавання праваслаўнай царквы, прынамсі, узмацнення маральных прынцыпаў сярод святарства і вернікаў. А. Мірановіч вылучыў і тыя напрамкі дзейнасці брацтваў, якія выходзілі за межы царкоўна-рэлігійнага жыцця. «У гарадах са змешанай канфесійнай структурай, – піша ён, – узнікненне брацтваў было выклікана і сацыяльна-палітычнымі абставінамі». Брацтвы, на думку прафесара, становяцца абаронцамі свецкіх інтарэсаў мяшчанства [5].

Побач з вывучэннем брацтваў ў сувязі з канфесійным супрацьстаяннем канца XVI – пачатку XVII ст., як гэта робіцца і ў масіве беларускай гістарыяграфіі, А. Мірановіч даследуе феномен брацкага руху ў кантэксце сацыяльна-эканамічнай гісторыі. Гэты царкоўны інстытут разглядаецца ім і як суб’ект рынкавых адносін – эканамічная дзейнасць брацтваў была накіравана на задавальненне патрэбаў вернікаў, прынамсі, у мёдзе, свечках і інш. На фоне агульнага крызіснага становішча праваслаўнай царкоўнай іерархіі ў канцы XVI ст. брацтвы з іх накіраванасцю на маральныя прынцыпы, аскетызм і захаванне царкоўных традыцый сумяшчаюць ўсё гэта са здольнасцю развівацца і ў якасці эканамічных суполак. Падобная характарыстыка брацтваў уяўляе несумненную навуковую цікавасць, але падаецца некалькі ідэалізаванай. Факты з іх эканамічнай дзейнасці – гэта толькі эпізод, а іх сувязь з развіццём гарадоў – гэта хутчэй фон, на якім узнікаюць брацтвы, у той час як непасрэдным чыннікам з’яўлення гэтага феномена выступае рост рэлігійнай свядомасці грамадства, які быў выкліканы шматлікімі пераменамі ў міжканфесійных узаемаадносінах.

Адным з імпульсаў узнікнення брацтваў, як слушна адзначыў А.Мірановіч, сталі крызісныя з’явы ў царкоўным укладзе. Побач з абмежаваннем удзелу праваслаўнага кліру ў палітычных структурах дзяржавы царква была аслаблена «зматэрыялізаванасцю вышэйшага духавенства», пранікненнем у іерархічныя ўзаемаадносіны прынцыпаў, якія не адпавядалі царкоўнай традыцыі і канонам [2, с. 40]. Хоць царкоўны крызіс не становіцца для А. Мірановіча цэнтральным паняццем, аднак вучоны прыводзіць шматлікія факты, што сведчаць пра маральную дэзарганізацыю часткі кліру.

Гісторык дыферэнцыравана падыходзіць да характарыстыкі розных груп духавенства. Ён пераканаўча паказвае, што манастырскае духавенства, у адрозненне ад вышэйшых іерархаў, не было заангажавана канюктурнымі адносінамі з уладай, а прытрымлівалася выключна царкоўнай традыцыі. Паводле А.Мірановіча, «зматэрыялізаванасць» вышэйшага кліра стала унутраным фактарам рэфармацыйных настрояў часткі праваслаўнага святарства. «У выніку, – піша даследчык, – адна частка духавенства, пераважна законнага (манастырскага – ***М.П.***) была падрыхтавана да абароны дагматаў і глыбокіх тэалагічных дыспутаў» [2, с. 241]. Іншымі словамі, на здольнасць праваслаўнай царквы адказаць новым рэлігійна-палітычным рэаліям уплывалі побач са знешнімі і ўнутраныя фактары, сярод які А. Мірановіч вылучыў недапушчальныя з пункту погляду канонаў лад жыцця і паводзіны вышэйшага святарства.

Знешнім імпульсам да актыўных дзеянняў праваслаўнага грамадства па абароне правоў сваей царквы вучоны лічыць дынамічнае пранікненне ў Рэч Паспалітую пратэстанцкіх ідэй, а таксама новую посттрыдэнцкую палітыку рымска-каталіцкага касцёла. У трактоўцы А. Мірановіча неспрыяльная сітуацыя, у якой апынулася праваслаўная царква.кіеўскай мітраполіі ў другой палове XVI ст., пэўным чынам стымулявала аздараўленне царкоўнага арганізму. Гэтым даследчык абвяргае даволі распаўсюджанае ў гістарыяграфіі меркаванне аб поўным заняпадзе праваслаўнай царквы ў гэты час. У выніку праваслаўная супольнасць была падрыхтавана да доўгага палітычнага і тэалагічнага супрацьстаяння. Узрастанне рэлігійнай свядомасці праваслаўнай супольнасці і асабліва эліт праявілася ў асабістым удзеле заможных вернікаў у абароне правоў сваёй царквы і грашовых фундацыях на яе карысць. «Актыўны ўдзел у справе на карысць царквы стаў абавязкам праваслаўных эліт,» – канстатуе даследчык [2, с. 241].

А. Мірановіч адзначае асаблівую ролю «літоўска-рускіх» сенатараў у рэалізацыі «усходняй палітыкі» дзяржавы. Праваслаўная магнатэрыя Рэчы Паспалітай і «шляхта руская», знакамітыя роды з сярэдзіны XVI стагоддзя трапляюць пад уплыў рэфармацый-

нага руху. Гэта значна аслабляе палітычныя пазіцыі праваслаўнай царквы. А. Міранові́ч прызнае адыход з-пад лона Усходняй царквы многіх магнацкіх родаў. З гэтага часу апорай праваслаўя становяцца брацтвы, аднак даследчык не перакрэслівае ролю «праваслаўных эліт» на працягу XVI і ў далейшым. А. Міранові́ч абгрунтоўвае і той факт, што «праваслаўныя эліты» і больш таго – праваслаўнае духавенства, нягледзячы на неспрыяльныя палітычныя ўмовы, прававую дыскрымінацыю з боку ўлады, міжканфесійнае супрацьстаянне не сталі на антыдзяржаўныя пазіцыі. Праваслаўны іерарх Юры Алелькавіч Слуцкі абвінавацію у здрадзе Айчыне тых ліцвінскіх магнатаў, якія выступілі за кандыдатуру маскоўскага цара пры выбары караля Рэчы Паспалітай. Гэты і іншыя прыведзеныя А. Міранові́чам факты даказваюць захаванне праваслаўнымі іерархамі і вернікамі лаяльных і нават патрыятычных адносін да сваей дзяржавы. У наступным стагоддзі сітуацыя зменіцца карэнным чынам, адбудзецца пераарыентацыя праваслаўнай царквы Рэчы Паспалітай на іншыя палітычныя цэнтры, што ў многім прывядзе да трагічных наступстваў.

На аснове багатага фактычнага матэрыялу А. Міранові́ч абгрунтоўвае тэзіс, што брацтвы ўзнікалі як аўтарытэтная духоўная і палітычная сіла. Палітычная роля брацтваў, акрамя іншага, падмацоўвалася фактам надання ім права стаўрапігіі (з 1586 г. некаторыя брацтвы перайшлі пад прамую юрысдыкцыю Антыахійскага патрыярхата, а з 1588 г. частка брацтваў апынулася ў падпарадкаванні Канстанцінопальскага патрыярха) [2, с. 226]. Такім чынам, брацтвы апынуліся па-за ўплывам скампраментаванай царкоўнай іерархіі Рэчы Паспалітай, што, на думку А. Міранові́ча, абумовіла іх важную ролю ў рэфармаванні праваслаўнай царквы. Брацтвам належала значная роля ў развіцці навукі, культуры, асветы. Важным накірункам іх дзейнасці было аднаўленне інтэлектуальнага жыцця праваслаўнага духавенства і вернікаў.

Цікавым падаецца кантэкст разгляду брацкага школьніцтва [5]. Школы пры праваслаўных манастырах пачалі ўзнікаць у канцы XV ст., іх дзейнасць пашыралася ў стагоддзі наступным. Гэты час вызначаецца даследчыкам як асаблівы перыяд агульнага развіцця асветы ў ВКЛ. А. Міранові́ч падкрэслівае, што ў вачах праваслаўных іерархаў школьніцтва адыгрывала важную ролю ў захаванні рэлігійнай свядомасці (альбо тоеснасці) вернікаў. На Брэсцкім саборы 1594 г. духоўныя асобы, «у пісьме Божым навучаныя», абавязваліся побач са справамі царкоўнымі займацца справамі школьніцтва; а ў епархіях пачалі ствараць брацкія школы, друкарні, шпіталі. «Лепшым доказам ролі праваслаўнай царквы...ёсць факт распаўсюджвання сярод прыхільнікаў «грэцкай веры» пісьменнасці» [2, 228], – слушна адзначае вучоны. На прыгаданым саборы было вырашана перадаваць частку даходаў «рускіх уладыкаў» на патрэбы школ і дабрачыннасць. На думку А. Міранові́ча, у XVI ст. дабрачынная і мэцэнацкая дзейнасць царквы набывае асабліваe значэнне [2, с. 235].

Такім чынам, даследчык ставіць пад сумненне даволі распаўсюджанае меркаванне пра выключна пратэстанцкі характар асветы на беларускіх землях у XVI ст., адводзячы важную ролю ў гэтым працэсе праваслаўнай царкве.

Новай беларускай канфесійнай рэаліяй канца XVI ст. стала Берасцейская царкоўная унія. Яна трактуецца А. Міранові́чам як падзел «Усходняй Царквы на праваслаўных і уніятаў». У беларускай гістарыяграфіі падобны акцэнт не з'яўляецца шырока распаўсюджаным. Больш таго, у шэрагу прац, прысвечаных унійнай праблеме, дамінуе тэндэнцыя процістаўлення уніяцкай царквы і праваслаўнай культуры, усходняй традыцыі. Традыцыяй прылічаць уніятаў да ворагаў праваслаўнай царквы характарызуецца гістарычнае асвятленне унійнага працэсу сучаснымі царкоўнымі публіцыстамі. Рэзкая ацэнка падзей пасляўнійнага перыяду, калі дзеянні уніятаў прылічаюцца да «духоўнага генацыду праваслаўных» з боку ўлады і каталіцкага духавенства, не пакідаюць магчымасці разглядаць унію ў кантэксце гісторыі Усходняй (праваслаўнай) царквы. У адрозненне ад трактовак расійскай дарэвалюцыйнай і савецкай гістарыяграфіі, калі з'яўленне уніяцтва называлася не інакш як спробай далучэння праваслаўнай царквы Рэчы Паспалітай да рымска-каталіцкага касцёла, «езуіцкай авантурай», сучасныя беларускія вучоныя прытрымліваюцца пазіцыі, з якой уніяты разглядаюцца асобна ад праваслаўнай царквы і адасоблена ад царквы рымска-каталіцкай, як спроба стварэння ім абедзвюм царкоўнай альтэрнатывы, як феномен беларускай і ўкраін-

скай гісторыі. У такім канфліктным пытанні, як вызначэнне ролі уніі 1596 г., А. Міравіч прыняў тэрміналагічна абгрунтаваную, але не нейтральную фармулёўку – «раскол Усходняй царквы». Побач з гэтым даследчык не адмаўляецца ад вылучэння восі царкоўнага супрацьстаяння «уніяты – праваслаўныя вернікі» як асноўнай, гаворачы пра дзяржаўную палітыку ў адносінах да праваслаўных-дызунітаў пасля сабору 1596 г. У сферы навуковых інтарэсаў вучонага ў пасляунійны перыяд знаходзіцца толькі праваслаўная царква, дызуніты, г.зн. тая частка царквы Усходняй, якая унію 1596 г. не прызнала. Такім чынам, А. Міравіч вынікам «расколу» лічыць утварэнне духоўна адрознай ад праваслаўя царквы, што адпавядае пазіцыі многіх беларускіх вучоных.

Такім чынам, А.Міравіч вылучае наступныя новыя тэндэнцыі ў царкоўна-рэлігійным жыцці беларускага грамадства: з'яўленне і дзейнасць праваслаўных брацтваў, якія сталі палітычнай і духоўнай апорай царквы, праваслаўная царква праз featureнабаковую дзейнасць брацтваў і адпаведныя захады з боку іерархаў ў другой палове XVI стагоддзя адыгрывала ўсе большую ролю ў распаўсюджванні асветніцкіх ідэй ў беларускім грамадстве,

Адбывалася трансфармацыя канфесійнага светапогляду розных груп насельніцтва, страта праваслаўнай царквой падтрымкі з боку значнай часткі магнатаў і шляхты не зменшыла ўплыву гэтай царквы на рэлігійную свядомасць грамадства, важную ролю ў дзейнасці праваслаўнай царквы Рэчы Паспалітай у другой палове XVI стагоддзя набывае мецэнацкая дзейнасць. Дабрачыннасцю займаюцца як заможныя вернікі, так і духавенства, крызіснае становішча іерархіі становіцца ўнутраным выклікам да павышення рэлігійнай свядомасці праваслаўнай супольнасці. Знешнім выклікам паслужыла пранікненне на беларускія землі рэфармацыйных ідэй. Усе пералічаныя тэндэнцыі знаходзяцца і даследуюцца ва ўзаемасувязі паміж сабой.

Багаты факталагічны матэрыял, навуковы аналіз, узважаныя высновы, грунтаваныя на вялікай базе крыніц, дазволілі А. Міравічу абгрунтаваць уласную канцэптуальную пазіцыю адносна канфесійнай гісторыі Рэчы Паспалітай другой паловы XVI стагоддзя.

Спіс літаратуры

1. Mironowicz, A. Kosciol prawoslawny w diejah Rzechypospolitej / A. Mironowicz [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.instytut.cerkiew.pl/13czer.htm – Дата доступу: 21.09.2008.

2. Mironowicz, A. Kosciol prawoslawny w Polsce / A. Mironowicz. – Bialystok: BTH, 2006. – 920 s.

3. Марозава, С.В. Берасцейская царкоўная унія 1596 г. у беларускай гістарыяграфіі / С.В. Марозава. – Гродна: ГрДУ, 2002. – 132 с.

4. Mironowicz, A. The Ortodox Church and Byelorussian people / A. Mironowicz [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://kamunikat.org/knihi.html?pubid=3029 – Дата доступу: 27.10.2008.

5. Mironowicz, A. Bractwa cerkiewne w Rzechypospolitej / A. Mironowicz [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://kamunikat.org/knihi.html?pubid=3007 – Дата доступу: 27.10.2008.

6. Mironowicz, A. Jozef Bobrykowicz. Biskup bialoruski / A. Mironowicz [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://kamunikat.org/knihi.html?pubid=4255 – Дата доступу: 16.11.2008.

7. 243-летняя уния. Исторический очерк [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.church.by/resource/Dir0176/Dir0177/Page0178.html – Дата доступу: 16.11.2008.

ОЛЬГА ПРОЦЕНКО

Гродно

ПОЛЬСКОЕ СЛОВО НА БЕЛОРУССКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В XIX в.

Население, проживавшее на землях, вошедших в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой, по своему этническому составу было весьма пестрым. Политика же сменившихся властей была сходной по своей сути – на смену полонизации при-

шла политика русификации. Языковой ситуации на новом западном рубеже царизм придавал особое значение. Особенно беспокоило власти польское печатное слово, ведь значительная часть представителей высших сословий, проживавших в приграничье, ориентировалась на польские культурные традиции. Польская литература, польская книга были весьма распространены как в среде однодворцев, так и среди городских жителей польского происхождения. Это предопределило ожесточенную борьбу русского правительства с польским печатным словом, борьбу, продолжавшуюся более века и начавшуюся в 1802 году, когда императорским указом было велено «...всех книгопродавцев, торгующих иностранными книгами, обязать подписками, чтобы они не продавали книг, законам божьим и гражданским противных и к соблазну явному клонящих...» [1, л.1014].

Для преследования польской книги годились любые поводы. Так, в предписании министерства внутренних дел гродненскому губернатору в январе 1825 г. сообщалось: «Комитет, Высочайше утвержденный для рассмотрения дел, относящихся до беспорядков, случившихся в Виленском университете... признал нужным усугубить надзор за привозимыми в пределы России книгами на польском и других иностранных языках...» [2, л.1]. Интересно, что во всех документах, где речь идет об «иностранных книгах», особо упоминаются книги на польском языке.

Надзор за польской литературой особенно усилился в связи с событиями 1830 – 31 гг. С этим связано и появление циркуляра шефа жандармов А.Бенкендорфа губернаторам: «Во время мятежа в Царстве Польском изданы были сочинения, содержащие вредныя противныя монархическим правилам мысли... На случай, если подобныя книги были перевезены и в вверены управлению Вашему губернии, приказать немедленно отобрать и уничтожить оныя» [3, л.2].

В том же 1831 г. издается документ под названием «О порядке отправления привозимых в Россию иностранных книг в Цензуру» – предписание в отношении книг и печатных листов на польском языке или на Польском с Русским». «Книги... цензурному рассмотрению подлежащие, постановляется в обязанность Таможням, по взысканию пошлин и по приложении к ящикам или кипам таможенных печатей или пломб... отправлять прямо в Цензуру..., в местах же где нет Цензуры, отдавать хозяевам, обязывая их подпискою, не снимая пломб, представить в шестимесячный срок в один из цензурных комитетов... С тех, которые, дав в Таможне подписку, не представят в назначенный срок выданных им книг в Цензуру или хотя и представят, но с испорченными таможенными печатями или пломбами, взыскивать за каждый отдельный том по 25 рублей штрафа..., если же при сем открыто будет намерение скрыть от правительства запрещенныя или вообще вредныя книги, то сверх взыскания упомянутого штрафа виноватый предается суду для поступления с ним по законам» [4, л.10].

Власти строжайше контролировали, какие книги ввозила в страну оппозиционная аристократия. В июле 1842 г. брестская таможня «обязала подпиской» князя Ксаверия Сапегу представить в шестимесячный срок на цензуру перевезенные через границу книги «на разных языках». По прошествии полугода цензурный Комитет посылал запрос гродненскому губернатору: исполнено ли обязательство в установленный срок? Ситуация с Сапегой повторяется ровно через три года, только на этот раз сокращается время для «установленного освидетельствования – его предписано осуществить в три месяца. Вскоре цензурный комитет с нескрываемым огорчением уведомляет гродненского губернатора, что «книги оказались дозволенными» [5, л.3].

Царскую администрацию интересовала не только проблема ввоза польской книги, но и ее широкая распространенность в обществе, особенно на порубежных землях. В Х1Х в. на территории Гродненской губернии находилось немало библиотек – при монастырях и церквях, костелах и учебных заведениях, в домах городской интеллигенции [6, с.80-88]. Так, согласно инвентарному описанию имения Россь Волковысского уезда за 1836 г. по сохранившейся описи книг, владельцы – Потоцкие – обладали библиотекой из более чем 1200 томов, из которых 378 книг было на польском языке. Это были самые различные издания – труды по истории Польши, собрания законов, статуты, учебная и

духовная литература, жизнеописания и словари, книги по искусству, классика (Овидий, Цицерон) и др. [7, л.59-78].

Конечно, подобных библиотек было немного, но в обществе потребность в польской книге была весьма велика, и это серьезно беспокоило власти. В январе 1846 г. гродненский губернатор получил следующий циркуляр из МВД: «... Запрещаемые Цензурою иностранные сочинения... нередко обращаются в руках читающей публики, и это, без сомнения, происходит преимущественно от неисполнения со стороны книгопродавцев возлагаемой на них уставом о Цензуре обязанности... Поручается Вашему превосходительству усилить надзор за торговлею иностранными книгами, предписав обязать книгопродавцев подпискою, чтобы они ни под каким видом не продавали книги, кои не были еще рассмотрены Цензурою...» [8, л.1]. На оперативно спущенные вниз соответствующие предписания столь же оперативно из уездов от земских исправников пришли ответы. Вот один из них: «... Честь имею почтеннейше донести, что во вверенном мне Сокольском уезде книгопродавцев не находится, но за оборотом иностранных книг по рукам читающей публики имеется всегда бдительное наблюдение» [8, л.1].

Более других видов торговли книгами чиновников беспокоил легко ускользающий от правительственного контроля «мелочной» торг книгами, так как правительство считало, что «... более значительные книгопродавцы, коих удобно ревизовать, не решаются держать в магазинах и продавать запрещенные книги» [9, л.6]. Еще опаснее представлялся мелочный торг на ярмарках. Чиновники МВД требовали от губернаторов, чтобы «мелочные продавцы книг, посещавшие ярмарки в городах и местечках, находились под надзором тамошних полицейских начальств, обязанных внушить им о необходимости запастись заблаговременно заготовленными Каталогами...» [2, л.1 – 4]. В результате в мелочных лавках и вразнос продажа польских книг была запрещена.

Запрещение или изъятие тех или иных книг порой трудно объяснимы. Так, изданная «с дозволения цензуры» книга «Церковные песни, исполняемые во время больших праздников, установленных Римско-Католическим Костелом» была запрещена под предлогом, что «... пения эти ... могут возбуждать и поддерживать вредный дух и ложные понятия в простом народе». Совершенно непонятно, чем руководствовались власти, предписывая принять все меры к изъятию из продажи и запрещению книги «на польском диалекте» под названием «Свадебный подарок для невесты». Трудно сказать, почему на брестской таможне подлежала конфискации изданная на польском языке «Жизнь французских полководцев при Наполеоне» [10, л.1– 1об; 1; 1 – 3].

Борьба велась и с польской религиозной литературой. В архивных делах упоминается «Распоряжение Министра Внутренних Дел о недопущении в среду польского населения появившихся в последнее время в Западных губерниях разносчиков книг религиозно-нравственного содержания на польском языке». Местные начальники также проявляют беспокойство относительно духовной литературы. В январе 1885 г. гродненский уездный исправник доносил губернатору»: «...В книжных лавках, где продаются польские молитвенники, при продаже таковых не спрашивают у покупателей об их вероисповедании, и поэтому молитвенники эти могут быть куплены и лицами, исповедовавшими Православную религию... В здешнем крае большинство православных крестьян умеют читать по-польски...» [11, л.27; 12, л.36]. В фондах гродненского архива содержится обширная переписка губернских, уездных начальников и по поводу того, что «...находящийся в м. Друскениках граф Павел Олизар раздает печатные объявления о продаже издаваемого им на польском языке молитвенника» [13, л.1 – 15].

Объект постоянной озабоченности властей – духовные лица. Так, в ноябре 1833 г. в рапорте на имя губернатора Муравьева сообщается, что в библиотеке гродненского Бернардинского монастыря находятся «предосудительного содержания книги, без дозволения цензуры написанные и, якобы, монахи раздают их для чтения посторонним людям...». В другом случае викарий сокольского костела обвинялся в распространении среди жителей книг на польском языке (изданных в Варшаве с разрешения цензуры) и был оштра-

фован на 25 рублей, как «лицо, оказавшееся виновным в распространении польской грамотности» [14, л.1-4; 15, л.7].

Глубокое беспокойство правительства вызывали и публичные библиотеки. В конфиденциальном циркуляре департамента полиции гродненскому губернатору (январь 1884 г.), в частности, указывалось, что «разрешение на содержание библиотек и кабинетов для чтения выдаются всем желающим, даже лицам совершенно неизвестным... При таких порядках они оказываются нередко в руках злонамерных людей опасным орудием преступной пропаганды». Губернатору предписывалось проследить, чтобы «содержатели библиотек обязаны были в заведениях своих иметь только те книги, кои значатся в их каталогах, утвержденных Министерством Внутренних Дел приложением Цензурной печати и надлежащею скрепою...» [14, л.1 – 4; 1, л.3 – 4].

Власти вообще стремились передать библиотеки в руки «благонадежные». Претенденты сразу же находились. Вот как аргументирует свою просьбу открыть библиотеку одна из соискательниц – некая Иванова Пелагея Петровна, жена губернского секретаря: «...будучи русскою по происхождению и православною могла бы лучше и верней других достигнуть целей правительства и сообщить библиотеке то направление и то влияние, каким она должна пользоваться в Северо-Западном крае для закрепления в нем русской идеи» [16, л.1].

Неким диссонансом этой общей политической линии выглядит следующий документ, повлекший за собой большую переписку и массу недоразумений. В октябре 1880 г. гродненский губернатор сообщает исправникам и полицмейстерам, что департаментом полиции «разрешена в настоящее время продажа на станциях железных дорог цензурированных изданий на польском языке [17, л.227]. В ноябре 1880 г. жандармский полицейский чин из управления железной дороги сообщает губернатору о своем «воспрещении продажи книг и газет на польском языке» на станции Брест, но одновременно просил уведомить его, «последовало ли разрешение г. Министра Внутренних Дел на продажу польских изданий... и может ли быть допущена продажа таковых [17, л.249]. Видимо, гродненский губернатор предпринимал консультации по возникшей проблеме, т.к. в архивных материалах имеется «разъяснение» из МВД, датированное декабрем 1880 г.: «Издание и продажа польских книг, если издания эти не принадлежат к числу запрещенных цензурою... подчиняются действию закона 6 апреля 1865 г. и последующих циркуляров Министра Внутренних Дел по настоящему предмету ... и зависит от усмотрения начальников губернии [17, л.276]. Разъяснение это, в общем, только запутывало ситуацию, т.к. перекладывало ответственность на «начальников губернии», которые, разумеется, предпочитали перестраховаться.

То, что политика государства оставалась прежней и о «послаблении» польскому языку речи не шло, ясно видно из того, что даже появление этикеток на этом языке создавало проблемы. В этом контексте интересно очередное «разъяснение» губернатору из МВД: «По возбужденному управляющим акцизными сборами вопросу о том, может ли быть допущено употребление на табачных изделиях подведомственных ему фабрик этикеток с надписями на польском языке, обозначающими название табаку, мною разъяснено, что ввиду остающихся в силе распоряжений о воспрещении в губерниях Северо-Западного края употребления польского языка во всякого рода объявлениях и на вывесках, выпуск фабриками, находящимися в пределах сего края табачных изделий с польскими надписями на этикетках, допущен быть не может [11, л.18]. Документ датирован февралем 1884 г.

Беспокоило правительство и употребление устного польского слова, особенно в сфере образования. Если в первой половине Х1Х в. на территории Гродненской губернии функционировали школы с русским, польским, еврейским и немецким языками обучения, то с 1864 г. приказом виленского генерал-губернатора Муравьева в западных губерниях Российской империи запрещалось обучение на польском языке в народных училищах. (С 1804 г. белорусские губернии входили в Виленский ученый округ).

Народные же училища со второй половины Х1Х в. становились самым распространенным типом начальной школы, где, несмотря на то, что училища были всесословны,

обучались, главным образом, крестьянские дети, в том числе, с 1863 г., разрешалось обучение девочек наравне с мальчиками.

Несмотря на пестроту этнического состава населения западнобелорусских земель, регион этот не стал «плавильным котлом». Народы, здесь проживавшие, сумели сохранить свою самобытность, этнокультурную «особенность». Огромную роль в сохранении национального самосознания играло национальное образование, которое, в обстановке политики тотальной русификации, было весьма затруднено. Под особым контролем в связи с событиями 1860-х г. оказалась польская диаспора. Польский язык был запрещен. Не только церковно-приходские школы, но и народные училища стали вотчиной православного духовенства. Светские учителя допускались в школы в виде исключения.

В середине 1860-х г. происходит массированная замена местных учительских кадров русскими. К началу 1864/65 учебного года все средние учебные заведения Виленского округа оказались полностью укомплектованными русскими учителями, выписанными из внутренних губерний России и получавшими пятидесятипроцентную надбавку к жалованию. Учителей – местных уроженцев в Гродненской губернии осталось ничтожно мало.

Недоверие польской диаспоры к низшей школе стало одной из причин массовой организации тайных польских школ, стремящихся в условиях официального запрета польского языка сохранить польскую культуру, письменность, особую атмосферу «польскости».

Судя по хранящимся в архиве доносам, во второй половине 1880 – 90-х гг. Х1Х ст. тайные школы имели массовый характер: «...Тайные школы находятся чуть ли не в каждой деревне, между тем сельская полиция на это обращает мало внимания [18, л.100], – отмечалось в одном из донесений.

Одной из причин слабой раскрываемости подобных школ было то, что обучались в них не только дети простого люда. Документы свидетельствуют, что в одном случае «среди обучаемых находилась сестра волостного старшины», в другом – дети сельского старосты и десятского, уволенных в результате раскрытия школы «за полное несоответствие к занятию ими общественных должностей» [19, л.128 – 129] и т.д. Сообщается также о тайных «подвижных» школах, кочующих из дома в дом.

Особую этническую группу на Беларуси составляли татары, появившиеся здесь, по-видимому, в конце XIV в. Безусловно, первые поколения этих татар владели родным языком, но со временем, язык начал утрачиваться. Белорусские татары стали использовать язык местного населения – белорусский или польский, обогащенный тюркизмами. Не растворились же татары в общей массе населения благодаря тому, что продолжали исповедовать ислам, сохранили мусульманские религиозные традиции.

Функцию национального образования для татар выполняло религиозное воспитание. В местах компактного проживания, там, где имелись мечети, дети обучались религии при мечетях. Там, где мечетей не было, детей обучали старики. После событий 60-х г. Х1Х в., когда усилилось преследование использования польского языка татарами, уже несколько веков считавших этот язык своим, пришлось от него отказываться. В этом контексте весьма характерно направленное за подписью гродненского губернатора предписание губернским исправникам и полицмейстерам: «Ввиду того, что Имам Слонимской мечети в день праздника Байрама, 8 сентября 1885 г. допустил употребление польского языка ... предписывается отобрать от имамов всех мечетей (где таковые находятся) подписки в том, что они обязуются не употреблять при богослужении польского языка, а также поставить в известность местное магометанское население в том, что кораны на польском языке не допущены к обращению, посему их надлежит конфисковывать» [20, л.2 – 2 об.].

Чуть позже жандармский полковник, начальник губернского жандармского управления докладывал губернатору: «...до сих пор по малочисленности татар в Гродненской губернии (около 1600 душ обоего пола) не обращалось вообще внимание на язык, употребляемый ими при богослужениях в мечетях. Между тем, татары поселились здесь несколько веков тому назад, во время польского владычества краем, тогда же получили права дворянства и, забыв национальную речь, усвоили себе польскую цивилизацию, а с нею и язык, который ныне у большинства местных уроженцев-татар стал национальным...» [21, л.17 – 17 об.].

Зачастую гонениям подвергались люди, использовавшие польскую речь в быту. Так, в мае 1883 г. распоряжением гродненского губернатора были вынесены взыскания и взяты под надзор ряд ксендзов, читавших манифест об объявлении войны Турции на польском языке [22, л.1 – 5]. А в декабре 1884 г. был оштрафован на десять рублей гродненский мещанин Иосиф Вереник, «позволивший себе» разговаривать на польском языке в канцелярии гродненского полицмейстера [23, л.6].

Таким образом, на протяжении всего X1X в., а особенно после 1831 г., правительство стремилось нейтрализовать польское влияние на западе Беларуси, проводя открытую русификацию западных губерний. Некоторая либерализация правительственного курса в регионе начнется лишь в начале XX столетия.

Список литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 2. – Оп.1. – Д.116. – Л.1 – 14.
2. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.2. – Д.1073. – Л.1.
3. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.10. – Д.323. – Л.2.
4. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.27. – Д.364. – Л.10.
5. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.20. – Д.758.
6. Коўкель Л. Прыватныя бібліятэкі Гродзеншчыны (канец ХУКШ ст. – пачатак XX ст.) // Шлях у навуку. Мінск, 1997. С.80-88.
7. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1143. – Оп.2. – Д.1. – Л.59 – 78.
8. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.21. – Д.120. – Л.1.
9. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.6. – Д.646. – Л.6.
10. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.27. – Д.341; Оп.20. – Д.311, 753.
11. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.8. – Д.1180.
12. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.8. – Д.1432.
13. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.22. – Д.1129.
14. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.27. – Д.344.
15. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.6. – Д.2078.
16. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.8. – Д.2423.
17. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.8. – Д.379.
18. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.8. – Д.1136.
19. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.9. – Д.368.
20. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.8. – Д.1890.
21. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.8. – Д.1702.
22. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.8. – Д.938.
23. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп.8. – Д.1223.

МАРЫНА КАЛАЦЭЙ, Д. БАНДАРЭНКА

Гродна

БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІЯ АДНОСІНЫ Ў 1991 – 1996 гг.

Польскі фактар заўсёды адыгрываў ключавую ролю ў гісторыі Беларусі, міжнародным становішчы, унутранай і знешняй палітыцы беларускай дзяржаўнасці. Для старажытнабеларускіх дзяржаў-княстваў, Вялікага княства Літоўскага, Беларускай ССР Польшча была найбліжэйшай заходняй дзяржавай. Важнае значэнне Польшчы як самага буйнога заходняга суседа захоўваецца зараз і для Рэспублікі Беларусь.

Беларуска-польскія адносіны ў пачатку 1990-х гг. набылі новую якасць і змест, сталі адносінамі паміж дзвюма незалежнымі і суверэннымі дзяржавамі. Гісторыя беларуска-польскіх міждзяржаўных адносін на новым этапе іх развіцця налічвае ўжо больш чым пятнаццацігадовы перыяд. Яна мае ўласную дынаміку, чаргаванне перыядаў уздымаў і падзенняў, ажыўлення і спаду. Гэтую гісторыю ўмоўна можна падзяліць на тры перыяды.

Першы перыяд доўжыўся з 1991 па 1996 год. Але польскія аўтары лініяй водападзелу паміж першым і другім перыядамі схільны лічыць 1994 год, калі да ўлады ў Беларусі прыйшоў Прэзідэнт А. Лукашэнка і пачаў праводзіць і ўнутраную і знешнюю палітыку, якая істотна адрознівалася ад палітычнага курсу парламенцкай рэспублікі. Беларускія вучоныя рубежным момантам у гісторыі сучасных беларуска-польскіх адносін лічаць лістападаўскі рэферэндум 1996 г. Заходнія дзяржавы, у тым ліку Польшча, еўрапейскія міжнародныя арганізацыі не прызналі вынікі гэтага рэферэндума. Незалежна ад таго, які год можна лічыць паваротным у гісторыі навейшых беларуска-польскіх адносін, трэба прызнаць, што на працягу 1994 – 1996 гг. адбыліся падзеі, якія прывялі да пагаршэння адносін Беларусі з Захадам, у тым ліку беларуска-польскіх адносін. Так, у гісторыі найноўшых беларуска-польскіх адносін пачаўся наступны перыяд, які ахоплівае рамкі з 1996 па 2004 год. Канцом другога, пачаткам трэцяга перыяду ўзаемаадносін паміж суверэннай Польшчай і Беларуссю, безумоўна, можна лічыць уступленне Рэспублікі Польшчы ў Еўрапейскі Саюз у 2004 годзе. Пасля 2004 года Польшча ўжо выступае не толькі ад свайго уласнага імя, а і ад імя часткі ЕС. Таму Польшчы прыходзіцца ўзгадняць свае пазіцыі з ЕС і ЗША, а ў некаторых выпадках нават адыходзіць ад сваіх уласных прынцыпаў і меркаванняў. Гэты перыяд працягваецца і сёння. У дадзеным артыкуле разглядаюцца беларуска-польскія адносіны 1991 – 1996 гадоў.

27 ліпеня 1990 года Вярхоўным Саветам БССР была прынята Дэкларацыя аб дзяржаўным суверэнітэце Беларускай ССР, якая паклала пачатак самастойнага выступлення Беларусі на міжнароднай арэне. Галоўнай мэтай, як сцвярджалася ў Дэкларацыі, было імкненне краіны да незалежнасці і нейтралітэту. Прыняцце дэкларацыі змяніла палітычны статус Беларусі: цяпер яна выступала не толькі як састаўная частка СССР, а таксама як незалежны дзяржаўны арганізм. Па сутнасці, пасля прыняцця гэтага дакумента і пачаўся новы этап беларуска-польскіх адносін.

У кастрычніку 1990 года адбыўся візіт польскага міністра замежных спраў К. Скубішэўскага ў Мінск. Мэтай візіта К. Скубішэўскага з’яўлялася жаданне польскага боку падпісаць Дэкларацыю аб асновах міждзяржаўных адносін з Беларускай ССР (аналагічныя дэкларацыі былі падпісаны ў ходзе візіту К. Скубішэўскага ў РСФСР і Украінскую ССР). Міністр замежных спраў БССР П. Краўчанка адмовіўся падпісваць прапанаваную К. Скубішэўскім дэкларацыю. Беларускія ўлады заявілі, што БССР не падпісывала савецка-польскі дагавор аб дзяржаўнай мяжы ад 16 жніўня 1945 г. і таму не можа прызнаць яго сапраўдным для Беларусі. П. Краўчанка таксама ўзняў пытанне аб тэрытарыяльнай прыналежнасці Беласточчыны, якая часткова населена беларусамі. Беларускі бок, адхіліўшы прапанаваную Варшавай фармулёўку аб недатыкальнасці і нязменнасці ў будучым існуючай беларуска-польскай мяжы, не вылучыў ніякіх тэрытарыяльных прэтэнзій да Польшчы. У інтэрв’ю беларускаму тэлебачанню К. Скубішэўскі выказаў сваё шкадаванне адносна пагранічнай праблемы, адзначыўшы, што для яго пазіцыя Мінска не была нечаканай, паколькі для выпраўлення недахопаў мінулага патрэбны час [1, с. 120].

Справа ў тым, што сталінскае кіраўніцтва парушыла Канстытуцыю СССР і Канстытуцыю БССР пры падрыхтоўцы, заключэнні і ратыфікацыі савецка-польскага дагавора аб дзяржаўнай мяжы ад 1945 г., беларускі бок не ўдзельнічаў у падпісанні дадзенага пагаднення. Гэта трэба трактаваць як грубае парушэнне правоў саюзнай рэспублікі і праяву вялікадзяржаўнасці ў сталінскай знешняй палітыцы. Таму становіцца зразумелым, чаму П. Краўчанка адмовіўся падпісаць гэтую дэкларацыю і выказаўся за працягванне дыялогу ў гэтым накірунку.

Пытанне межаў паміж Беларуссю і Польшчай было ўрэгулявана праз год. У кастрычніку 1991 г. была падпісана беларуска-польская Дэкларацыя аб добрасуседстве, узае-

маразуменні і супрацоўніцтве. Яна прызнавала непарушнасць межаў, усталяваных дагаворам ад 16 жніўня 1945 г. Кропка ў вырашэнні гэтага пытання была пастаўлена ў Дагаворы аб добрасуседстве і супрацоўніцтве, які быў падпісаны 23 чэрвеня 1992 г., падчас візіту ў Польшчу старшыні Вярхоўнага Савета С. Шушкевіча. У дакуменце бакі прызнавалі існуючыя паміж імі межы [1, с. 121]. У час візіту было адкрыта беларускае пасольства ў Польшчы.

У 1991 годзе адначасова адбыліся падзеі, якія кардынальна паўплывалі на ход гістарычнага развіцця на кантыненце ў цэлым, у Польшчы і Беларусі ў прыватнасці. 8 снежня 1991 года ў беларускай весцы Віскулі тры былыя савецкія рэспублікі – Беларусь, Расія і Украіна – падпісваюць пагадненне аб распадзе СССР, а ў галандскім Маастрыхце кіраўнікі 12 дзяржаў ці ўрадаў членаў ЕЭС ухваляюць тэкст аб стварэнні Еўрапейскага Саюза, праз 5 дзён – 13 снежня 1991 года – яны падпісваюць пагадненне аб асацыіраваным членстве з Польшчай. Зразумела, што такія маштабныя трансфармацыі не маглі не аказаць значнага ўплыву на стан двухбаковых адносін.

Як ужо адзначалася, 27 ліпеня 1990г. Вярхоўны Савет БССР прыняў Дэкларацыю аб дзяржаўным суверэнітэце рэспублікі. А 19 верасня 1991г. Вярхоўны Савет прыняў пастанову аб замене назвы Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка новай назвай – Рэспубліка Беларусь, што азначала адмову ад савецкага і сацыялістычнага характару дзяржаўнасці. 8 снежня 1991г. кіраўнік Расійскай Федэрацыі Барыс Ельцын, Украіны – Леанід Краўчук і Беларусі – Станіслаў Шушкевіч падпісалі ў Белавежскай пушчы пагадненне аб дэнансацыі Дагавора аб утварэнні СССР ад 1922 г. і аб стварэнні Садружнасці Незалежных Дзяржаў.

Польскі сейм прызнаў незалежнасць Беларусі дэ-факта 30 – 31 жніўня 1991 г., а на дзяржаўным узроўні Польшча прызнала незалежнасць Рэспублікі Беларусь 27 снежня 1991 г. [1, с. 121]. Фармальна краіны ўсталявалі дыпламатычныя адносіны 2 сакавіка 1992 года і неўзабаве абмяняліся амбасадамі. Адразу ж пачаўся працэс стварэння і развіцця дагаворна-прававой базы для рэгламентацыі двухбаковых адносін. Толькі на працягу 1992 г. адбылося пяць афіцыйных візітаў прадстаўнікоў бакоў у Мінск і Варшаву, у тым ліку візіт у Мінск польскага прэзідэнта Л. Валенсы ў чэрвені 1993 г. [2, с. 4]. У дадатак да палітычнай Дэкларацыі аб дабрасуседстве, узаемаразуменні і супрацоўніцтве і Пагаднення аб эканамічным супрацоўніцтве і гандлі, якія былі заключаны бакамі яшчэ 10 кастрычніка 1991 года (да распаду СССР), на працягу 1992 г. паміж Беларуссю і Польшчай быў падпісаны шэраг пагадненняў аб супрацоўніцтве ў канкрэтных галінах, у тым ліку трансгранічнага супрацоўніцтва, пагранічных пераходаў, арганізацыі перавозак, чыгуначных і аўтамабільных зносін, садзейнічання і абароны інвестыцый, пазбягання двайнога падаткаабкладання даходаў і маёмасці, а таксама Дагавор аб супрацоўніцтве ў галіне культуры, навукі і адукацыі [1, с. 121]. Падпісанне гэтых пагадненняў сведчыць аб нармалізацыі адносін паміж краінамі, жаданні бакоў да развіцця ўзаемных адносін ва ўсіх галінах.

Але знешнепалітычныя прыярытэты Польшчы і Беларусі ўжо з пачатку 90-х гадоў пачалі істотна адрознівацца. Рэспубліка Беларусь стала ўмацоўваць сувязі з дзяржавамі СНД, і перш за ўсе, з Расіяй. Прыхільнікам збліжэння з Расіяй быў кіраўнік беларускага ўрада В. Кебіч. Ужо ў ліпені 1992 г. ён казаў пра магчымасць стварэння з Расіяй канфедэрацыі [1, с. 155]. Свае імкненне наблізіцца да Расіі В. Кебіч тлумачыў кроўнай, культурнай і гістарычнай блізкасцю абодвух народаў, неабходнасцю атрымліваць танную сыравіну і энэрганосьбіты і захоўваць рынак збыту прадукцыі беларускай прамысловасці. Ён лічыў патрэбным наладжванне сувязяў з краінамі Захаду, але сцвярджаў, што такое супрацоўніцтва не будзе раўнапраўным, бо беларуская прадукцыя на заходніх рынках неканкурэнтаздольная. Адначасова трэба адзначыць, што шэраг беларускіх палітыкаў пачалі выказваць меркаванні аб магчымасці актывізацыі ўзаемадзеяння з Еўрапейскай эканамічнай супольнасцю з мэтай больш цеснай інтэграцыі ў будучым.

У сваю чаргу Польшча ўжо з канца 80-х гадоў прыярытэтным напрамкам сваей знешняй палітыкі лічыла заходні вектар. Польшча імкнулася да членства ва ўсіх еўрапейскіх арганізацыях: НАТА, Еўрапейскім Саюзе, Заходнееўрапейскім саюзе і Арганізацыі па эканамічным супрацоўніцтве і развіцці. Але каб увайсці ва ўсе гэтыя структуры, Польшчы неабходна было вырашыць шэраг сацыяльных і эканамічных праблем. Спачатку Захад успрымаў Польшчу ў якасці краіны, палажыўшай пачатак рэвалюцыйным зменам у странах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Але з цягам часу краіна стала ўспрымацца дзяржавамі і міжнароднымі арганізацыямі як верагодны дастойны партнёр, які будзе дапамагаць стабілізацыі ўсяго рэгіёна. Ад Польшчы ж чакалася, што яна захавае ўнутрыпалітычную раўнавагу і, дзякуючы набытаму вопыту і гістарычнаму месцу, дапаможа зразумець, што адбываецца на Усходзе.

Калі казаць пра палітыку Польшчы адносна сваіх усходніх суседзяў, то можна казаць, што 1990 – 1994 гг. яна засноўвалася на так званай канцэпцыі «двухкалейнасці» і шмат у чым была абцяжарана кансерватызмам [1, с.116]. Канцэпцыя «двухкалейнасці» з'явілася восенню 1990 г., сцвярджала, што ўсходняя палітыка Польшчы будзе складвацца з палітыкі адносна Масквы як цэнтра і палітыкі адносна астатніх незалежных постсавецкіх краін СССР. Тым не менш да восені 1993 г. Варшава распрацоўвала прагматычныя варыянты садзеяння ў прасоўванні маладой беларускай дзяржавы да адзінай Еўропы. Польшча была зацікаўлена ва ўмацаванні незалежнасці Беларусі і поспеху яе дэмакратычных і рыначных рэформ. Яна была занепакоена высокім узроўнем залежнасці Беларусі ад Расіі і вельмі павольным ходам сацыяльных пераўтварэнняў. У ходзе візіту ў Мінск у лістападзе 1992 г. прэм'ер-міністра Польшчы Х. Сухоцкай была выказана заклапочанасць расійска-беларускім збліжэннем, якое выразілася ў падпісанні у ліпені 1992 г. каля 20 пагадненняў у ваенна-палітычнай і эканамічнай галінах. Пасля вяртання ў Варшаву Х. Сухоцкая выказала пажаданне, каб «Беларусь была цалкам суверэннай дзяржавай» [1, с. 122]. Гэтая заява выклікала негатыўную рэакцыю Масквы. Газета «Известия» пісала, што ад Беларусі залежыць, з кім з суседзяў і на якім узроўні падтрымліваць адносіны [3, с. 6]. У адказ на заклапочанасць Х. Сухоцкай беларускі прэм'ер В. Кебіч заявіў, што яго ўрад прытрымліваецца «палітыкі раўнавагі» паміж суседзямі Беларусі і нават запэўніў, што такія ж пагадненні будуць падпісаны з Польшчай [1, с. 123].

Выказванні прэм'ер-міністра Польшчы Х.Сухоцкай выклікалі шырокі грамадскі рэзананс, які сведчыў аб тым, наколькі ўважліва Польшча і Расія сачылі за вызначэннем прыярытэтаў беларускай знешняй палітыкі ў першыя гады існавання незалежнай Беларусі, імкнучыся «перацягнуць» яе на свой бок. Аднак у гэтай барацьбе за Беларусь у Польшчы шанцаў было значна менш.

З 1993 г. адносіны паміж Беларуссю і Польшчай пачалі пагаршацца. Гэта было звязана з павелічэннем розніцы ў пазіцыях краін па пытаннях міжнароднай бяспекі у 1993 – 1994 гг.. У пачатку 1994 г. Беларусь далучылася да Дагавора аб калектыўнай бяспецы краін – удзельніц СНД, што ў Польшчы і многіх іншых краінах было расцэнена як адыход афіцыйнага Мінска ад абвешчанага і замацаванага ў Канстытуцыі тэзіса аб імкненні стаць нейтральнай дзяржавай і як знак умацавання ваенна-палітычнай залежнасці Беларусі ад Расіі [1, с. 123].

Польшча ў сваю чаргу актывізавала намаганні па далучэнню да НАТА. Першым крокам Польшчы ў НАТА варта лічыць удзел польскай дэлегацыі ў пасяджэнні Палітычнай Камісіі Парламенцкай асамблеі Пакта (Рым, 8 кастрычніка 1989 г.). Далей краіну наблізіла да альянсу прапанова дзяржаў – членаў НАТА падпісаць сумесную заяву (6.07.1989) аб тым, што абодва еўрапейскія вайсковыя блокі перасталі быць праціўнікамі. У хуткім часе ў штаб-кватэры НАТА было створана бюро па кантактах з дзяржавамі не членамі альянсу. У 1991 – 1992 гг. адбываліся ўзаемныя візіты польскіх і натаўскіх дзеячаў. У ліпені 1992 г. польскі камандуючы ваенна-паветранымі сіламі генерал Е. Гатавала, знаходзячыся ў ЗША, прапанаваў Паўночнаатлантычнаму саюзу выкарыстанне польскіх аэрадромаў. У чэрвені 1993 г. у марскіх вучэннях НАТА пад кодавай назвай «Baltope 93» упершыню прынялі ўдзел польскія ваенна-марскія сілы. Арганізацыйны крок

у бок НАТА быў сімвалічна замацаваны наданнем Польшчы статуса пастаяннана назіральніка Асамблеі ЗЕС (Парыж, 30 лістапада 1993 г.) [4, с. 84]. Адначасова ў кантэксце перспектыў паскоранага пашырэння НАТА на Усход варшаўскія палітыкі сталі фарміраваць у заходніх колах думку, што Польшча – амаль адзіная краіна, дасканала разумеючая працэсы, што адбываюцца ў Расіі. Даказвалася, што пры ўмове абстрагавання адносін з Расіяй, Варшава ў стане растлумачваць свету, што робіцца на Усходзе і як належыць абыходзіцца з гэтымі з’явамі, і што для Захаду і Расіі такая пасрэдніцка-аналітычная роля будзе вельмі карыснай.

Але на пачатку 90-х гг. курс на збліжэнне Польшчы з НАТА не набыў адназначнай грамадскай падтрымкі. Так, у маі 1992 г. палякам было зададзена пытанне: якая палітыка з’яўляецца найбольш карыснай для бяспекі краіны. 35 % рэспандэнтаў тады палічылі, што Польшча не павінна уваходзіць ні ў якія вайсковыя саюзы. Столькі ж было пераканаых, што найбольш пажаданы саюз з НАТА. У чэрвені 1993 г. лічбы прыхільнікаў Паўночнаатлантычнага пакта вырасла да 57 %, а праведзенае восенню 1995 г. апытанне выявіла, што больш за 80 % палякаў выказваецца за ўступленне РП у НАТА. Усе гэта сведчыць аб эвалюцыі поглядаў палякаў адносна ўступлення краіны ў НАТА. З сярэдзіны 90-х гадоў большасць насельніцтва падрымлівала гэтую ініцыятыву свайго кіраўніцтва. Але адначасова большасць грамадзян (59 %) не жадалі, каб на тэрыторыі краіны размяшчаліся натаўскія войскі [4, с. 85].

У лістападзе 1993 г. польскае Міністэрства замежных спраў накіравала ў Мінск запыт з мэтай высвятліць пазіцыю беларускага боку адносна польскіх планаў далучэння да НАТА. Беларускі адказ быў стрымана-негатыўны [12, с. 6]. А пасля прыходу да ўлады А.Р. Лукашэнкі Беларусь заняла пазіцыі самай рэзкай крытыкі руху НАТА на Усход. Нягледзячы на гэта, з 1995 г. абедзве краіны пачалі супрацоўнічаюць на форуме НАТА: Беларусь далучылася да праграмы «Партнёрства дзеля міру» у студзені 1995 г., а Польшча зрабіла гэта на год раней – у лютым 1994 г. Разам з праграмай «Партнёрства дзеля міру» важным аспектам супрацоўніцтва Польшчы і Беларусі з’яўляецца іх удзел у Савеце еўраатлантычнага партнёрства [1, с. 165].

Стрымана-негатыўная рэакцыя Мінска адносна намераў уступлення Польшчы ў НАТА была ў Польшчы патлумачана несамастойнасцю знешнепалітычных курсаў Беларусі і ўплывам Масквы, якая «падаўляе яе незалежнасць і рыхтуецца да адраджэння свайго ўплыву на абшары былога сацыялістычнага лагера» [6, с. 4]. Многія ўплывовыя польскія дзеячы сталі заяўляць аб успрыняцці імі суверэнітэту Беларусі ў катэгорыях умоўнасці, падкрэслівалі адсутнасць у яе знешнепалітычнай самастойнасці.

На сесіі Паўночнаатлантычнай асамблеі у лістападзе 1994 г. упершыню прагучалі канкрэтныя заявы аб крытэрыях і пэўных тэрмінах пашырэння НАТА. Паўночнаатлантычная асамблея ўжо канкрэтна выказалася за пашырэнне Пакта на Усход да канца 1998г. ці ў пачатку 1999г. У красавіку 1996 г., падчас візіту ў Варшаву генеральнага сакратара НАТА Х. Саланы, размова ўжо вялася аб дзейнасці парламента па прыстасаванні польскага права да крытэрыяў, прынятых у НАТА [4, с. 148].

З 1994 года разрыў паміж Беларуссю і Польшчай стала павялічвацца яшчэ больш. У 1994 годзе Польшча канчаткова вызначаецца са сваімі знешнепалітычнымі прыярытэтамі. Па заканчэнні веснавой (1994 г.) сесіі Асамблеі ЗЕС старшыня польскай дэлегацыі дэпутат Сейма ад СЛД Л. Пастусяк заявіў, што статус пастаяннага назіральніка на гэтым форуме Польшчу больш не задавальняе. Такі стан, у прыватнасці, не дазваляў польскай дэлегацыі ўдзельнічаць у галасаванні, працы камісій, вылучэнні паправак да дакументаў [4, с. 149].

29 сакавіка 1994 г. Савет Міністраў упаўнаважыў прэм’ер-міністра В. Паўляка падаць заяву аб членстве РП у Еўрапейскім Саюзе. Імкненне да членства, як адзначалася ў заяве, было фундаментам польскай знешняй палітыкі ад 1989 г. Заява аб членстве ў Еўрасаюзе стала наступным крокам да аб’яднання. Паводле ацэнак урада, у пачатку 1994 г. Польшча выканала асноўныя крытэрыі прэтэндэнта на членства. Сярод іх: велічыня бюджэтнага дэфіцыту не вышэй за 3 % ВУП; велічыня ўнутранага доўгу не больш за 60 %

ВУП; узровень інфляцыі не вышэйшы, чым на 1,5 пункты, а сярэдняя працэнтная стаўка – на 2 пункты ў адносінах да адпаведных паказчыкаў трох краін – членаў ЕС з найбольш стабільнымі цэнамі [4, с. 149]. Ва ўрадзе спадзяваліся, што разгляд польскай заявы працягнецца 2 – 3 гады. У выпадку пазітыўнага адказу ў 1996 ці 1997 г. маглі распачацца фармальныя перагаворы. Статус члена з усталяваным канкрэтным пераходным перыядам Польшча мела намер атрымаць каля 2000 г. Дыпламатычны зандаж сярод кіраўнічых эліт краін – членаў ЕС паказваў у цэлым прыхільнасць да польскай заявы [4, с. 150].

У ліпені 1994 года ў Беларусі прайшлі прэзідэнтскія выбары, у выніку якіх Прэзідэнтам краіны стаў А.Р. Лукашэнка. Восенню 1994 г. А. Р. Лукашэнка падкрэсліваў, што Беларусь хоча супрацоўнічаць з Расіяй так, як і з Германіяй, Францыяй і Вялікабрытаніяй, і заклікаў еўрапейцаў больш актыўна ажыццяўляць інвестыцыі ў беларускую эканоміку. Ужо ў 1995 г. курс на збліжэнне з Расіяй зноў стаў панаваць у знешняй палітыцы Беларусі. 6 студзеня Беларусь і Расія падпісалі пагадненне аб стварэнні Мытнага саюза. А 21 лютага, падчас афіцыйнага візіту ў Беларусь Б. Ельцына, быў падпісаны беларуска-расійскі дагавор аб дружбе, добрасуседстве і супрацоўніцтве [7, с. 139]. У маі 1995 г. быў праведзены рэспубліканскі рэферэндум, па выніках якога рускай мове надаваўся статус дзяржаўнай, а таксама былі прыняты новы герб і сцяг.

Польшча была занепакоена працэсам збліжэння Беларусі і Расіі, лічачы, што яно пагражае незалежнасці Беларусі і вядзе яе да абмежавання супрацоўніцтва з заходнімі партнёрамі і наступнай самаізаляцыі. Тым не менш большасць беларусаў падтрымлівала дзеянні А. Лукашэнкі па збліжэнню з Расійскай Федэрацыяй. 14 мая у Беларусі адбыўся рэферэндум, на якім на пытанне «Ці падтрымліваеце вы дзеянні прэзідэнта РБ, накіраваную на эканамічную інтэграцыю з Расійскай Федэрацыяй?» пазітыўна адказалі каля 82,4 % удзельнікаў галасавання [8, с. 3].

Акрамя таго, Польшча і Беларусь мелі розныя меркаванні адносна вайны ў Чэчне. Беларускі бок падтрымліваў дзеянні Расіі, лічачы тэрыторыю Чэчні часткай Расійскай Федэрацыі. Іншую пазіцыю занялі некаторыя польскія грамадскія колы. У снежні 1994 г. некалькі дэпутатаў Сейма ад правых і цэнтрысцкіх партый стварылі міжфракцыйную групу «Салідарныя з Чэчнёй». Група звярнулася да прэзідэнта Л. Валенсы, каб ён у якасці лаўрэата Нобелеўскай прэміі міру звярнуўся да прэзідэнта Расіі з прапановай неадкладнага спынення бамбардзіравання сталіцы Чэчні. Створанае ў Кракаве таварыства Чэчэнскі інфармацыйны цэнтр падрыхтавала ў маі 1995 г. адкрыццё радыёстанцыі «Вольны Каўказ». Таварыства разглядалася грамадскай думкай як спосаб процідзеяння чалавеказабойству ў Чэчні. Рыхтаваліся ў эфір перадачы на чэчэнскай, расійскай, армянскай, грузінскай і польскай мовах [4, с. 159]. Супраць радыёвяшчання рэзка выступіла Дзярждума Расіі, што выклікала скандал у адносінах паміж Варшавай і Масквой. Польскія ўлады неаднаразова рэагавалі на «скандальныя і абразлівыя выказванні ў расійкай Думе адносна Польшчы». Для прыкладу, МЗС накіравала адпаведную заяву ў сувязі са сцвярджэннямі У. Жырыноўскага 7 і 10 лютага 1996 г. аб тым, што ў Польшчы існуюць сілы, здольныя выставіць Беларусі і Украіне тэрытарыяльныя прэтэнзіі на былыя так званыя «усходнія крэсы».

Усе гэтыя падзеі адмоўна адбіліся на беларуска-польскіх адносінах. Двухбаковыя палітычныя ўзаемаадносіны звузіліся да рамак рабочых сустрэч. Рэдкімі сталі афіцыйныя візіты. Усходняя палітыка намаганнямі міністра замежных спраў Польшчы А. Аляхоўскага зводзілася да пашырэння гандлёва-эканамічных сувязей Польшчы з Расіяй, Беларуссю і Украінай. З мэтай інтэнсіфікацыі эканамічных кантактаў з дзяржавамі былога СССР быў абвешчаны шэраг праграм. Аднак яны не насілі сістэмнага характару, а іх палітычны імідж хутка згас і выцесніўся дэманстрацыяй з польскага боку трывогі з-за «неаімперскіх плыняўй у расійскай знешняй палітыцы» і, у прыватнасці, з-за пагрозы суверэнітэту Беларусі, што з іх выцякала. На фоне беларуска-расійскага збліжэння трацілі сэнс намаганні Варшавы спыніць скатванне Беларусі ў «абдымкі» Расіі. Падчас рабочага візіту А. Аляхоўскага ў кастрычніку 1994 г. у Мінск падрыхтаваная беларускімі дыпламатамі ініцыятыва ператварэння «шэрай паласы напружанасці», што пралягла па Бугу, у

«мяжу ўзаемаразумення і даверу» засталася незапатрабаванай польскім бокам. Працягвалася згортванне беларуска-польскага дыялогу, хоць з абодвух бакоў рабіліся заявы аб неабходнасці яго актывізацыі.

30 сакавіка 1996 г. у Белавежскай пушчы адбылася першая і апошняя сустрэча Прэзідэнта Беларусі А. Лукашенкі з Прэзідэнтам Польшчы А. Кваснеўскім. Яна не прывяла да якіх-небудзь істотных вынікаў і мела ў асноўным характар зандажу. Падчас спаткання А. Лукашэнка дэклараваў зацікаўленасць Беларусі выкананнем ролі «маста» у адносінах Польшчы з Расіяй. Таксама беларускі Прэзідэнт пераконваў свайго суразмоўцу ў згубнасці ўзятага Польшчай курсу на членства ў НАТА, падкрэсліваў, што такі крок пагражаў вярнуць на беларускую зямлю расійскія ракеты, вывад якіх толькі што завяршыўся, і згарнуць узяты Беларуссю курс на нейтралітэт [10, с. 3]. Польшча спрабавала падключыць Мінск да трохбаковага супрацоўніцтва з удзелам Украіны. 21 ліпеня 1996 г. міністры замежных спраў трох дзяржаў сустрэліся ў Брэсце, але вынікі сустрэчы не давалі падстаў для аптымізму.

Адносіны Беларусі з Польшчай і Еўрапейскім Саюзам канчаткова сапсавала правядзенне рэферэндума па ўнясенні змяненняў у Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь у кастрычніку 1996 года. Еўрапейскі Саюз крытыкаваў працэс падрыхтоўкі і правядзення рэферэндума, а таксама прапанаваныя прэзідэнтскім бокам змяненні. Восенню Еўрасаюз адмовіўся накіраваць у Беларусь сваіх назіральнікаў. Па выніках рэферэндума Рэспубліка Беларусь стала прэзідэнтскай рэспублікай, з моцнай прэзідэнтскай уладай. За новую рэдакцыю Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь выказаліся 70,4 % выбаршчыкаў [11, с. 337]. Пасля правядзення галасавання структуры ЕС не прызналі яго вынікі. Абвастрэнне ўнутрыпалітычнай сітуацыі ў Беларусі падштурхнула Варшаву да смелай ініцыятывы – прыняцця сумеснай заявы прэзідэнтаў Літвы, Польшчы і Украіны аб становішчы ў Беларусі пасля лістапада 1996 г. У ей выказвалася заклапочанасць развіццём падзей у суседняй краіне [1, с. 124].

Пасля няўдалай спробы дасягнуць паразумення паміж беларускімі ўладамі і апазіцыяй Еўрапейскі саюз вырашыў абмежаваць кантакты з афіцыйным Мінскам, не падтрымліваць працэс уступлення Беларусі ў Савет Еўропы і адмовіцца ад ратыфікацыі пагадненняў, заключаных у 1995 – 1996 гг.

Беларусь фактычна была выключана з працэсу еўрапейскай інтэграцыі.

Такім чынам, палітычныя адносіны паміж Беларуссю і Польшчай у 1990 – 1996 гг. насілі даволі складаны характар. З аднаго боку, Беларусь і Польшча імкнуліся да плённага супрацоўніцтва, а з другога – знешнепалітычныя прыярытэты не давалі разгарнуць супрацоўніцтва на належным узроўні.

Спіс літаратуры

1. Беларусь і Польшча – Polska i Bialorus / пад рэд. Адама Эберхардта і Уладзіміра Улаховіча; Polski Instytut Spraw Miedzynarodowych. – Варшава, 2003. – 217 с.

2. Рашэтнікаў, С. Беларусь. Польшча (Аб знешнепалітычных сувязях паміж краінамі) / С. Рашэтнікаў, В. Бенькоўскі // Беларусь. – 1993. – №2. – С. 4 – 6.

3. Реакция польского правительства на публикацию в «Известиях» // Известия. – 1992. – 24 ноября.

4. Часноўскі, М.Э. Сістэмныя пераўтварэнні ў Рэспубліцы Польшча (1989 – 1999) / М.Э. Часноўскі. – Мінск: БДУ, 2000. – 288 с.

5. Александрович, В. Лиссабон в роли доброго следователя / В. Александрович // Белорусский рынок. – 2002. – № 46. – С. 4.

6. Польшча не абыякавая да каго, з кім і куды ідзе Беларусь (Размова з часова паверaным у справах РБ у Польшчы М.Э. Часноўскім аб беларуска-польскіх сувязях) // Рэспубліка. – 1995. – 11 лістапада. – С. 4.

7. Кириенко, В. Беларусь: между Польшей и Россией / В. Кириенко // Беларуская думка. – 2002. – № 11 – 12. – С. 137 – 147.

8. Быковский, П. Единение как высшая форма экономической интеграции / П. Быковский // Белорусский рынок. – 1996. – № 9. – С. 3.
9. Рудницкий, А. Беларусь – Польша: Нет у дружбы границ / А. Рудницкий // Рэспубліка. – 1995. – 1 снежня. – С. 2.
10. Руба, Н. Беларусь и Польша станут мировым мостом между Востоком и Западом / Н. Руба // Беларуская Нива. – 1996. – 2 апреля. – С. 3.
11. Панов, С.В. Материалы по истории Беларуси / С.В Панов. – Минск: Аверсэв, 2004. – 382 с.
12. Часноўскі, М. Беларуска-польскія адносіны: «Шэрая паласа няпэўнасці» / М. Часноўскі // Беларусь у свеце. – 1996. – № 3. – С. 6 – 7.

СЕРГЕЙ ДОНСКИХ
Гродно

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ПРИНЕМАНЬЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы развитию туризма в Республике Беларусь уделяется повышенное внимание. Туризм рассматривается, как средство популяризации белорусского природного потенциала и историко-культурного наследия, а также как отрасль экономики, создающая новые рабочие места, как перспективный источник привлечения в страну валютных поступлений. От белорусской туристической индустрии в первую очередь ждут развития въездного и внутреннего туризма. Решение этой задачи потребует не только создания соответствующей инфраструктуры. В первую очередь необходимо глубокое изучение отечественных туристических ресурсов и их позиционирования на международном и внутреннем рынке.

Реализация указанной задачи неизбежно требует определенного «туристического районирования» Беларуси. С точки зрения рынка, крайне необходимо, чтобы белорусские регионы обладали ярко выраженным своеобразием, способствующим «потреблению места» [3, с.58 – 59]. В противном случае воспринимаемая как однородное пространство Беларусь не сможет диверсифицировать свой туристический рынок, стимулировать развитие внутреннего туризма и расширять въездной туризм. Страна будет восприниматься на туристическом рынке с точки зрения однотипных турпродуктов. Решение указанной проблемы лежит преимущественно в социально-гуманитарной плоскости и может интерпретироваться как «семиозис пространственных мифов» [3, с.51 – 52, 62 – 64, 69 – 70]. В плане физической географии районирование Беларуси является очевидным лишь для профессиональных географов. Для массового потребителя туристических продуктов, ориентированного на классический туризм «Трех S» (Sea, Sun, Sand – море, солнце и песок), природно-климатические различия даже между белорусскими Полесьем и Поозерьем являются практически незаметными. Лишь конструирование туристических регионов позволит диверсифицировать белорусский туристический рынок.

К сожалению, отечественная наука никогда не осуществляла подобные исследования. Регионалистика как междисциплинарное научное направление с определенными практическими экспликациями, делает в нашей стране лишь первые шаги. Поэтому изучение теоретических оснований и особенностей туристического районирования Беларуси представляется крайне актуальным.

Первый шаг в этом направлении был сделан 18 июня 2004 г., когда Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 730 было утверждено «Положение о порядке создания туристических зон и ведения Государственного кадастра туристических ресурсов Республики Беларусь». Показательно, что изначально создание туристических зон не

предполагало какой-либо научной разработки данной проблемы. Согласно пункту 3 указанного Положения туристические зоны создавались «по предложению органов государственного управления, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей». Насколько позволяет судить текст «Положения о порядке создания туристических зон и ведения Государственного кадастра туристических ресурсов Республики Беларусь» первоначально планировалось выделить в качестве туристических зон лишь отдельные территории в рамках действующего административного деления республики.

Однако низкая активность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей привела к тому, что органы государственного управления вынуждены были осуществить туристское районирование Беларуси исходя исключительно из собственных соображений. В результате Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 573 от 30 мая 2005 г. «О создании туристских зон» вся территория страны была разделена на 27 туристских зон различной специализации. Были выделены следующие типы туристских зон: туристско-рекреационные, культурно-туристские, транзитно-туристские и [собственно] туристские.

Согласно Постановлению «О создании туристских зон» от 30 мая 2005 г. на территории Гродненской области было создано три туристские зоны:

1. Гродненская культурно-туристская зона (Гродненский, Лидский, Берестовицкий, Щучинский районы, города Гродно, Лида);
2. Новогрудская культурно-туристская зона (Новогрудский, Сморгонский, Кореличский, Ивьевский, Дятловский, Вороновский, Ошмянский, Островецкий районы);
3. Слонимская культурно-туристская зона (Слонимский, Волковысский, Мостовский, Свислочский, Зельвенский районы) [1].

Очевидно, что осуществленное по инициативе Министерства спорта и туризма туристическое районирование Беларуси стало огромным шагом в определении перспектив развития отечественной туристической индустрии. Практически, оно пошло намного дальше «Положение о порядке создания туристических зон...» 2004 г., не предполагавшего развития туризма на всей территории страны и трактовавшего туристские зоны сугубо локально. Относительно Гродненской области выделение на ее территории исключительно культурно-туристских зон имплицитно предполагало специализацию преимущественно на оказании туристско-экскурсионных услуг, детерминированных преимущественно антропогенными – историко-культурными туристическими ресурсами.

Главным критерием государственного туристского районирования Беларуси в 2005 г. стал территориально-административный принцип. Он позволял надеяться на эффективность государственного управления и контроля за развитием региональной туристической индустрии, но не учитывал специфику региональных туристических ресурсов. В частности, такие природные рекреационные туристические ресурсы, как Беловежская, Липичанская и Налибокская пущи, оказались разделенными между несколькими туристскими зонами и даже областями. Тесно связанный с этнографической и историко-культурной точками зрения с Лидским районом Вороновский район оказался включенным в Новогрудскую туристскую зону. В результате большинство туристских маршрутов в рамках утвержденных туристских зон Гродненской области оказалось «транзитными» – проходящими по территории двух зон, что ставит под сомнение саму идею самодостаточности каждой туристской зоны, как уникального места отдыха или посещения.

Таким образом, первое же крупное научное исследование по проблемам туристского районирования Беларуси, осуществленное А.И.Локотко, отошло от утвержденной на государственном уровне модели. Минский исследователь предложил следующие «локальные районы комплексного историко-культурного наследия, как основы для организации туристско-рекреационных зон»:

1. Центральный регион, включающий 9 локальных регионов;
2. Поозерье (Подвинье) – 6 локальных регионов;
3. Поднепровье – 4 локальных региона;
4. Полесье (Поприпятье) – 8 локальных регионов;
5. Понеманье – 12 локальных регионов [2, с.469 – 470].

Насколько позволяет судить текст его монографии «Историко-культурные ландшафты Беларуси», предложенное Локотко деление во многом опирается на исследования известного белорусского ученого В.С.Титова [4; 6]. В 1984 г. Титов, преимущественно на основе анализа артефактов и источников второй половины XIX – начала XX, обосновал существование в Беларуси следующих «историко-этнографических регионов»:

1. Северный регион (Поозерье);
2. Восточный регион (Поднепровье);
3. Центральный регион;
4. Северо-Западный регион (Понеманье);
5. Восточное Полесье;
6. Западное Полесье [4, с.152].

Следует отметить, что районирование Титова является сугубо этнографическим. Оно ограничено сферой народной культуры – т.н. «низовой культурой сельского населения» и, являясь значительным шагом в развитии белорусской этнографии, вряд ли может безоговорочно приниматься как основа для выделения туристских регионов современной Беларуси. К сожалению, как туристический ресурс народная культура Беларуси не обладает такими важнейшими характеристиками, как известность и доступность. Поэтому, принимая за основу модель Титова, Локотко наполняет ее принципиально иным содержанием, делая акцент на архитектурных и исторических памятниках. То есть им, в качестве «структурообразующих туристических ресурсов» при выделении туристских зон предлагаются архитектурные памятники высокой, элитарной культуры, несущие на себе отпечаток «больших стилей»: готики, ренессанса, барокко, классицизма и модерна.

Поскольку Принеманье обладает наиболее высокой концентрацией и сохранностью памятников историко-культурного наследия, то здесь для Локотко становится возможным выделение наибольшего числа локальных туристских регионов – двенадцати:

1. Пружанско-Слонимский локальный район (Пружанский, Березовский, Ивацевичский. Слонимский и Волковысский районы);
2. Щучин и Желудок (Щучинский район);
3. Новогрудский край (Дятловский, Новогрудский, Кореличский районы);
4. Вороновщина (Вороновский район);
5. Дорога замков (Лидский, Новогрудский, Кореличский, Столбцовский и Несвижский районы);
6. Дятлово;
7. Новоельня;
8. Щорсы;
9. Деревная – Ивенец;
10. Ивьевское Понеманье (Ивьевский район);
11. Ошмянский край (Ошмянский район);
12. Сморгонь (Сморгонский район) [2, с.261 – 363, 422 – 428].

В целом же предложенная Локотко модель туристского районирования Принеманья выглядит не совсем аргументированной. Она включает в себя принципиально разные таксонометрические единицы. Дятлово, Новоельня, Щорсы и Деревная – Ивенец представляют собой не столько локальные районы, сколько связанные с Налибокской и Липичанской пущами маршруты [2, с.303 – 314]. Целый ряд локальных регионов полностью совпадает с отдельными районами: Вороновским, Ивьевским, Сморгонским, Ошмянским, Щучинским. В то же время Пружанско-Слонимский район, Новогрудский край и «Дорога замков» охватывают целый ряд административных районов, выходят далеко за пределы Гродненской области, а то и вовсе пересекаются между собой. Следует отметить, что в приложении к монографии Локотко «Историко-культурные ландшафты» указаны два локальных туристских региона Принеманья, которые не были рассмотрены на страницах книги: Волковысский край (Свислочский, Волковысский и Зельвенский районы) и Гродненское Понеманье (Гродненский, Мостовский и Щучинский районы) [2, с.426, 428].

Альтернативная модель туристского районирования Беларуси была предложена в 2008 г. научным коллективом под руководством И.И.Пирожника. Ученые выделили на территории Беларуси 18 рекреационно-туристских зон, которые различаются «специализацией и концентрацией рекреационно-туристского обслуживания», туристским спросом, уровнем развития санаторно-курортного и туристского обслуживания. С этой точки зрения наиболее развитыми были признаны Минский и Молодечненско-Нарочанский рекреационно-туристские районы [5, с.18, 29 – 30].

Территория Гродненской области, согласно модели Пирожника, входит в состав четырех рекреационно-туристских районов Беларуси:

1. Гродненского (Берестовицкий, Волковысский, Гродненский, Зельвенский, Мостовский, Свислочский и Щучинский районы), со специализацией на экскурсионном, санаторном и туристском обслуживании;

2. Лидско-Новогрудского (Вороновский, Дятловский, Ивьевский, Кореличский, Лидский и Новогрудский районы), со специализацией на оздоровительном, экскурсионном и туристском обслуживании;

3. Молодечненско-Нарочанского (Островецкий, Ошмянский, Сморгонский районы, а также Молодечненский, Мядельский и Вилейский районы Минской области), со специализацией на курортном, экскурсионном, оздоровительном, рыболовном обслуживании, экотуризме и агротуризме;

4. Барановичского (Слонимский район Гродненской области, а также Барановичский, Ивацевичский, Ляховичский и Ганцевичский районы Брестской области), со специализацией на оздоровительном, экскурсионном и санаторном обслуживании.

Очевидно, что модель научного коллектива под руководством Пирожника является наиболее продуманной. Она учитывает специфику природных и антропогенных туристических ресурсов, а также уровень развития туристической индустрии. К недостаткам данной модели следует отнести нарушение современного территориально-административного деления республики. В результате четыре района Гродненской области оказались в составе рекреационно-туристских районов Брестской и Минской областей. При этом все варианты туристского районирования Понеманья лишены образности, не обладают качествами столь ценимого на рынке «бренда».

Анализ существующих на сегодняшний день моделей туристского районирования Беларуси и Принеманья позволяет сформулировать следующие выводы-рекомендации:

1. Выделение туристских районов должно учитывать действующее территориально-административное деление страны. Объединение либо разделение области и районов на какие-либо новые, «надстроечные» территории резко снижает эффективность планирования, управления, контроля, развития и финансирования тех или иных локальных туристских районов (зон).

2. В рамках области целесообразно выделять отдельные туристские зоны в пределах одного, двух районов, возможно, сельсоветов в пределах района, с ярко выраженной «туристской специализацией». При этом в первую очередь необходимо учитывать возможности транспорта, коммуникаций и средств размещения.

3. В рамках организации въездного туризма, в том числе и из Польши, необходимо делать акцент на использование природных ресурсов Беларуси и, соответственно, рекреационного, отчасти бальнеологического туризма. Этому будет способствовать и традиционный образ Беларуси в западноевропейской интеллектуальной и культурной традиции как сельской страны – «Полесья» по преимуществу. Для Гродненской области наиболее перспективными в плане въездного туризма являются агротуризм и экотуризм в Беловежской, Гродненской (Русской), Липичанской и Налибокской пуще.

4. Антропогенные, историко-культурные ресурсы Беларуси будут наиболее востребованы при развитии внутреннего туризма. Здесь конструирование регионов и некоторая мифологизация историко-культурных ландшафтов крайне необходимы. Туристическая привлекательность Понёманья может и должна быть усилена новыми смыслами: «Литва изначальная (древняя, историческая)», «Тайны Черной Руси», «Западный (каменный) щит

Белой Руси» (замки Гродненщины), «Жемчужина Пограничья» (Гродно и окрестности), «Земля поэзии и полонезов» (Слоним, Новогрудок, Гродно при сотрудничестве с учреждениями культуры), «Дорогами мужества и славы» (в рамках военно-патриотического туризма с привлечением клубов военно-исторической реконструкции).

Список литературы

1. Карты туристской инфраструктуры административных районов Гродненской области Республики Беларусь на 2006 – 2007 г. в рамках развития туристских зон. – Минск: Министерство спорта и туризма Республики Беларусь – Белкартография, 2006. – 21 л.

2. Локотко, А.И. Историко-культурные ландшафты Беларуси / А.И.Локотко. – Минск: Белорус. наука, 2006. – 470 с.

3. Митин, И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов / И.И.Митин. – Смоленск: Ойкумена, 2004. – 160 с.

4. Титов, В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX – начало XX в. / В.С.Титов. – Минск: Наука и техника, 1983. – 152 с.

5. Туристические регионы Беларуси / редкол. Г.П.Пашков; под общ. ред. И.И.Пирожника. – Минск: Беларус. Энцыкл. імя П.Броўкі, 2008. – 608 с.

6. Цітоў, В.С. Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі: вучэб.-метад. дапам. – Мінск: Беларусь, 1996. – 208 с.

АНАТОЛЬ ВЯЛІКІ

Мінск

БЕЛАРУСЬ У САВЕЦКА-ПОЛЬСКІХ УЗАЕМААДНОСІНАХ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 40-х – 50-я гг. XX ст.

Беларуска-польскія ўзаемадачыненні ў другой палове 40-х – 50-я гг. XX ст. магчыма падзяліць на два кардынальна адрозніваючыя перыяды: першы – 1944 – 1955 гг., другі – 1955 – 60-я гг. Першы перыяд характарызуецца кароткатэрміновай актыўнасцю ў 1944 – 1947 гг., а потым глыбокім спадам і звядзеннем да мінімуму двухбаковых стасункаў. Пачатак актыўным двухбаковым узаемаадносінам паміж БССР і Польскай Рэспублікай быў закладзены ў 1944 г., калі паводле Закона ВС СССР «Аб прадастаўленні саюзным рэспублікам паўнамоцтваў у галіне знешніх зносін і аб пераўтварэнні ў сувязі з гэтым народнага камісарыята замежных справаў з агульнасаюзнага ў саюзна-рэспубліканскі народны камісарыят» БССР атрымала права ўступаць ў непасрэдныя зносіны з замежнымі дзяржавамі заключаць з імі пагадненні і абменьвацца дыпламатычнымі і консульскімі прадстаўніцтвамі. Пачатак узаемаадносін паміж дзвюма краінамі пачаўся з падпісання беларуска-польскага пагаднення аб узаемнай эвакуацыі беларускага, рускага і ўкраінскага насельніцтва з Польшчы ў БССР, а польскага і яўрэйскага з Беларусі ў Польшчу [4, с. 52]. Беларуска-польскім пагадненнем Крэмль «выводзіў» і зацвярджаў на міжнароднай арэне ў якасці паўнапраўных суб’ектаў міжнародных адносін і Польскі камітэт нацыянальнага вызвалення (ПКНВ) і БССР, бо і для ПКНВ як часовага ўрада, і для Беларусі гэтае пагадненне з’яўлялася першым міжнародна-прававым актам, з якім павінна была лічыцца міжнародная супольнасць.

У пагадненне неаднаразова ўносіліся дапаўненні і змяненні. Гэта тлумачыцца тым, што і ўрад Беларусі, і ўрад Польшчы дапусцілі шэраг сур’ёзных пралікаў пры яго падрыхтоўцы, што і абумоўлівала неабходнасць ўнясення паправак. Так, пагадненне ад 9 верасня 1944 г. прадугледжвала, што перасяленне павінна было пачацца 15 кастрычніка 1944 г. і скончыцца 1 лютага 1945 г. Аднак у студзені 1945 г. стала відавочным, што ў

вызначаны тэрмін (да 1 лютага 1945 г.) не ўдасца зарэгістраваць і перасяліць у Польшчу ўсіх жадаючых з-за іх вялікай колькасці. Улічваючы сітуацыю, якая склалася, 26 студзеня 1945 г. Старшыня СМ Польшчы Э. Асубка-Мараўскі накіраваў Старшыні СНК БССР П. Панамарэнку ноту, у якой выказвалася жаданне прадоўжыць тэрмін перасялення да 1 мая 1945 г. [11, арк. 67]. Беларускі бок, разгледзеўшы ноту і ўлічыўшы жаданне польскага ўрада, накіраваў 19 лютага 1945 г. ліст на імя Э. Асубкі-Мараўскага, у якім паведамлялася аб згодзе «прадоўжыць да 1 мая 1945 г. эвакуацыю беларускага насельніцтва з тэрыторыі Польшчы і польскіх грамадзян з тэрыторыі БССР» [6, арк. 69]. Аналізуючы перапіску П. Панамарэнкі і Э. Асубкі-Мараўскага, неабходна ўсведамляць, што без дазволу ўрада СССР урад Беларусі не мог самастойна прыняць такое рашэнне. Гэта пацвярджае ліст наркама замежных спраў БССР К. Кісялёва, накіраваны 11 студзеня 1945 г. В. Молатаву, ў якім ён прасіў урад СССР «разгледзець і прыняць адпаведнае рашэнне па пытанню дадатковага пагаднення паміж урадамі БССР і ПКНВ аб эвакуацыі беларускага насельніцтва з тэрыторыі Польшчы і польскіх грамадзян з тэрыторыі БССР» [6, арк. 1]. Толькі атрымаўшы дазвол Цэнтра, урад Беларусі даў палякам згоду на прадаўжэнне перасялення.

Улічваючы, што не ўсе палякі паспелі зарэгістравацца на выезд у Польшчу да 1 мая 1945 г., урад Польшчы прапанаваў ураду БССР сустрэцца ў Варшаве і падпісаць дадатковы пратакол аб прадоўжанні перасялення [6, арк. 148]. Беларуская дэлегацыя, якую ўзначальваў намеснік Старшыні СНК БССР А. Шаўроў, прыбыла ў Варшаву 23 лістапада 1945 г. На другі дзень, 24 лістапада, у савецкім пасольстве адбыліся беларуска-польскія перамовы, ў якіх з польскага боку прымалі ўдзел старшыня СМ Польшчы Э. Асубка-Мараўскі, віцэміністр, генеральны ўпаўнаважаны польскага ўрада па справах рэпатрыяцыі А. Вольскі і галоўны ўпаўнаважаны польскага ўрада па справах эвакуацыі ў Беларусі С. Вішнеўская [6, арк. 119]. Асноўнымі пытаннямі, якія вылучыў польскі бок, з'яўляліся наступныя: прадаўжэнне тэрміну рэгістрацыі да 31 студзеня 1946 г., стварэнне спрыяльных ўмоў для ад'езду тых, хто ўжо зарэгістраваўся, дазвол на перасяленне ў Польшчу татар і караімаў, якія раней з'яўляліся грамадзянамі Польшчы. Перамовы ішлі даволі цяжка, асабліва спрэчнымі з'яўляліся першае і трэцяе пытанні. Польская дэлегацыя настойвала на прадоўжанні тэрміну рэгістрацыі да 31 студзеня 1946 г., матывуючы гэта тым, што немагчыма будзе забяспечыць рэгістрацыю ўсіх жадаючых. Беларускі бок заняў жорсткую пазіцыю і настаяў, каб рэгістрацыя была прадоўжана толькі да 15 студзеня 1946 г. [6, арк. 120]. Спрэчкі выклікала вылучанае польскім бокам пытанне аб бесперашкодным выездзе ў Польшчу татар і караімаў. Беларуская дэлегацыя адхіліла гэтыя патрабаванні польскага боку як не маючыя дачынення да перасялення палякаў з БССР у Польшчу. Цяжкасці выклікала абмеркаванне пытання аб рабоце прадстаўніцтва СНК БССР у Лодзі. У сувязі з тым, што яно пачало працаваць без згоды з польскім бокам, палякі патрабавалі яго закрыцця. Беларуская дэлегацыя, ўлічыўшы абгрунтаванае патрабаванне палякаў, пагадзілася з імі. Астатнія пытанні былі вырашаны па абаюднай згодзе, і 25 лістапада 1945 г. Старшыня Савета Міністраў Польшчы Э. Асубка-Мараўскі і намеснік Старшыні СНК БССР А. Шаўроў падпісалі дадатковы пратакол аб прадаўжэнні тэрміну перасялення да 15 чэрвеня 1946 г. [6, арк. 120].

Пачаўшыяся двухбаковыя ўзаемаадносіны, кантакты на вышэйшым міждзяржаўным узроўні закладвалі падмурак для іх далейшага паглыблення і пашырэння. Лагічным крокам ў гэтым накірунку стала б адкрыццё консульства Польскай Рэспублікі ў БССР, аб чым хадайнічаў польскі бок. Аднак гэтую прапанову польскага ўрада не жадала рэалізаваць на практыцы савецкае кіраўніцтва. Але і адмовіць палякам было няёмка, таму СНК СССР 6 ліпеня 1945 г. прыняў пастанову аб неабходнасці адкрыцця савецкіх консульстваў у Познані, Кракаве і Гданьску, а польскіх – у Кіеве, Мінску, Вільні [7, с. 83]. Аднак у наступныя гады міністэрствы замежных спраў СССР і ПНР імкнуліся не ўзгадваць аб гэтым і больш таго, у выдадзеным у 1974 г. сумесным савецка-польскім зборніку дакументаў замест слова «дыпламатычных» устаўлена слова «дэмакратычных». У выніку падмены атрымалася, што палякі імкнуліся «да ўстанаўлення нэпасрэдных дэмакратычных адносін» з Украінай, Беларуссю, Літвой [7, с. 83].

Разам з тым у сярэдзіне 40-х – 50-я гг. палякі ўсе ж не гублялі надзеі на адкрыццё польскага консульства ў Мінску. Актыўную пазіцыю ў гэтым пытанні займала польскае

пасольства ў Маскве і міністэрства замежных спраў Польшчы ў сярэдзіне 1947 г. Так, 12 чэрвеня пасол Польскай Рэспублікі ў СССР М. Нашкоўскі сустрэўся ў МЗС СССР з міністрам замежных спраў Савецкага Саюза В. Молатавым і ў час размовы з ім прапанаваў адкрыць консульства Польшчы ў Мінску. У справаздачы аб размове з В. Молатавым, накіраванай у МЗС Польшчы, М. Нашкоўскі з надзеяй паведамляў, што «...ён (Молатаў. – ***А.В.***) прыхільна аднёсся да гэтай прапановы і абяцаў яе разглядзець» [9, k. 6]. 19 чэрвеня саветнік польскага пасольства ў Маскве А. Юшкевіч пры сустрэчы з кіраўніком IV Еўрапейскага аддзела МЗС СССР А. Аляксандравым зноў закрануў гэтае пытанне. А. Аляксандраў адказаў, што прапанова польскага боку накіравана ў МЗС Беларусі, ў прынцыпе ўрад СССCР не бачыць перашкод для стварэння генконсульства [9, k. 9]. Настойлівасць палякаў пачала раздражняць Маскву і ў жніўні 1947 г. ім далі зразумець, што яны марна спадзяюцца на адкрыццё ў Мінску генконсульства. 19 жніўня М. Нашкоўскі зноў сустрэўся з А.Аляксандравым, які на запыт польскага пасла аб консульстве, нічога канкрэтнага не адказаў, але падкрэсліў, што ўрад СССР не супраць адкрыцця консульства ў Мінску. Разам з тым А. Аляксандраў адзначыў, што адкрыццё консульства ў Мінску затрымліваецца з-за тэхнічных прычын, найважнейшая з якіх заключаецца ў тым, што «...у знішчаным Мінску не маецца адпаведнага памяшкання для консульства» [9, k. 41]. Для вопытнага дыпламата, якім з’яўляўся М. Нашкоўскі, гэтыя словы значылі, што спадзявацца на адкрыццё консульства ў Мінску не выпадае. У наступныя гады зразумеўшы, што адкрыць консульства ў Мінску не ўдасца, палякі так актыўна і завострана гэтае пытанне перад кіраўніцтвам МЗС СССР не ставілі. Аднак, у штогадовых справаздачах пасольства Польшчы ў СССР заўсёды падкрэслівалася, што «і па цяперашні час застаецца актуальным адкрыццё консульства ў Беларускай ССР» [10, k. 43].

Палітычная «адліга» і ўстанаўленне больш адкрытых адносін з краінамі «народнай дэмакратыі» актуалізавалі пытанне аб адкрыцці консульства ў Мінску. Польскае пасольства ў Маскве падрыхтавала падрабязную службовую запіску «Справа стварэння консульства ў Мінску», ў якой абгрунтоўвала неабходнасць яго стварэння. У ёй адзначалася, што «ажыўленне і далейшае пашырэнне ўсебаковых безпасрэдных кантактаў паміж ПНР і БССР вымагае... стварэння консульства ПНР у Мінску... За стварэнне ў Мінску польскага консульства сведчаць як консульскія патрэбы, так і палітычна-культурныя... У сувязі з вышэйадзначаным, дэпартамент (палітычны дэпартамент МЗС ПНР. – ***А.В.***), просіць аб узгадненні з савецкім бокам пытання аб адкрыцці консульства ў Мінску [11, s. 44].

Новы этап быў звязаны з палітычнымі рэформамі, у тым ліку і ў сферы міжнародных адносін, якія пачаліся ў СССР з прыходам да ўлады М. Хрушчова. Пераломным у развіцці беларуска-польскіх адносін стаў 1955 г., калі ў БССР праходзіў месячнік польска-савецкага сяброўства. Адзначым, што на працягу месячніка рэспубліканскія сродкі масавай інфармацыі надрукавалі значную колькасць артыкулаў па польскай праблематыцы, чаго ніколі раней не назірался. Таму сярэдзіну 50-х гг. магчыма разглядаць як пачатак якасна новага этапу ў развіцці беларуска-польскіх адносін, які характарызуецца іх пашырэннем і паглыбленнем.

Адным з найважнейшых фактараў беларуска-польскіх адносін стала рэпатрыяцыя палякаў з БССР у ПНР. Колькасныя паказчыкі рэпатрыяцыі 1955 – 1959 гг. засведчылі, што ў гэты час з Беларусі выехалі 88 546 чалавек (дадзеныя без уліку 1955 г., бо лічбы ад’ехаўшых за гэты год пакуль не ўдалося дакладна ўстанавіць) [5, с. 269]. З Беларусі выехала найбольшая колькасць палякаў, рэпатрыіраваўшыхся з усяго Савецкага Саюза. Масавы ад’езд палякаў у 1955 – 1959 гг. і дзесяціголдзе (1944 – 1955 гг.), якое яму папярэднічала, меў для Беларусі важнае грамадска-палітычнае значэнне. «Польскае пытанне» для палітычнага кіраўніцтва краіны і рэспублікі, страціла тое палітычнае значэнне і вастрыню, якое яно мела ў першыя пасляваенныя гады. «Грамадзянне польскай нацыянальнасці» лакалізаваныя ў асноўным у Гродзенскай і Маладзечанскай (да 1960 г.) абласцях, страціўшыя ў час абмена насельніцтвам (1944 – 1946 гг.) і рэпатрыяцыяй (1955 – 1959 гг.) сваю найбольш актыўную, энергічную, нацыянальна свядомую і адукаваную частку, прызвычаіўшыся, прыстасаваўшыся і змірыўшыяся з савецкай рэчаіснасцю ўжо не ўяўлялі ніякай небяспекі, тым больш пагрозы для існуючай улады.

Найважнейшае значэнне рэпатрыяцыі 1955 – 1956 гг. і ў тым, што яна лагічна завяршыла, хаця і са значным спазненнем, выкліканыя Другой сусветнай вайной масавыя беларуска-польскія перамяшчэнні насельніцтва. Пасля яе заканчэння не адбывалася і нават патэнцыяльна не магло адбыцца такіх перамяшчэнняў насельніцтва з Беларусі ў Польскую Народную Рэспубліку. Адным з яе вынікаў стала яшчэ большая і хуткая інтэграцыя і ўніфікацыя заходняй часткі рэспублікі з усходняй, што непазбежна вяло да стабілізацыі і кансалідацыя ўсяго пасляваеннага беларускага грамадства.

У гэты перыяд узнікла, пачало развівацца і набыло ўстойлівы характар, стала неад'емнай часткай двухбаковых адносін рэгіянальнае супрацоўніцтва прыгранічных абласцей Беларусі і ваяводстваў Польшчы. Так, напрыклад, калі ў 1956 г. бюро ЦК КПБ разглядзела толькі тры пытанні, што датычылі сувязей Брэсцкай і Гродзенскай абласцей з Беластоцкім і Люблінскім ваяводствамі [5, с. 196], то ў 1957 г. бюро ЦК КПБ на сваіх пасяджэннях 8 раз [5, с. 196], а сакратарыят ЦК тройчы разглядаў аналагічныя пытанні [5, с. 196]. Такім чынам, у 1957 г. бюро і сакратарыят ЦК КПБ на сваіх пасяджэннях 11 разоў разглядалі пытанні, звязаныя з беларуска-польскай праблематыкай. У 1958 г. гэта колькасць значна павялічылася. Так, на сакратарыяце ЦК КПБ 8 разоў [5, с. 196], а на бюро 9 разоў разглядаліся аналагічнага кшталту пытанні [5, с. 196]. Такім чынам, у 1958 г. вышэйшыя партыйныя органы Беларусі 17 раз абмяркоўвалі і разглядалі пытанні, звязаныя з накіраваннем пераважна ў Беластоцкае ды Люблінскае ваяводствы рознага кшталту дэлегацый.

Акрамя прыгранічнага супрацоўніцтва пачалі пашырацца кантакты на вышэйшым партыйна-дзяржаўным узроўнях. Так, 12 – 14 снежня 1957 г. у БССР знаходзіўся з візітам пасол ПНР у СССР Т. Гедэ, якія сустрэўся і правёў перамовы з шэрагам высокапастаўленых дзяржаўных асоб – Старшынёй СМ БССР М. Аўхімовічам (10 снежня), старшынёй Мінскага гарвыканкама В.Шарапа (11 снежня), намеснікам Старшыні Прэзыдыўма ВС БССР Ф. Сурганавым (12 снежня), на якіх закраналіся пытанні актывізацыі і пашырэння двухбаковых адносін: прыгранічнага супрацоўніцтва, рэпатрыяцыі палякаў з БССР у ПНР, эканамічнага і культурнага супрацоўніцтва і г.д. [5, с. 170].

У красавіку 1958 г. адбыўся візіт партыйна-ўрадавай дэлегацыі СССР у Польшчу, у склад якой уваходзіў першы сакратар ЦК КПБ К.Мазураў [2, с. 3]. Частка дэлегацыі, якую ўзначальваў К.Мазураў, наведала Познань, дзе ён выступіў на ўрачыстым пасяджэнні, прысвечаным падпісанню польска-савецкага Дагавора аб сяброўстве, узаемнай дапамозе і пасляваенным супрацоўніцтве і 85-ці годдзю з дня нараджэння У. І. Леніна.

«Пікам» беларуска-польскіх узаемаадносін канца 50-х г. з'явіўся візіт польскай партыйна-урадавай дэлегацыі на чале з першым сакратаром Польскай Аб'яднанай Рабочай Партыі (ПАРП) У. Гамулкай у Беларусь, які праходзіў з 1 па 2 лістапада 1958 г. Прэса Беларусі вельмі шырока асвятляла гэты візіт. «Нех жые Пшыязнь» – пад такім загалоўкам з'явілася ў «Советской Белоруссии» перадавіца, у якой, у прыватнасці, падкрэслівалася, што «...ў сваёй прамове У. Гамулка назваў беларускі народ блізкім і добрым суседам [3, с.1]. Аднак разам з палякамі ў БССР прыехалі і маскоўскія «кураторы» – член Прэзідыўма ЦК КПСС А.Кірычэнка, намеснік Старшыні Прэзідыўма ВС СССР М. Тарасаў, намеснік міністра замежных спраў СССР М. Фірубін, пасол СССР у Польшчы П. Абрасімаў, загадчык аддзелам ЦК КПСС Ю.Андропаў, загадчык 4 Еўрапейскім аддзелам МЗС СССР А.Гарчакоў ды іншыя службоўцы апарата ЦК КПСС і МЗС СССР [3, с. 1]. Магчыма меркаваць, што яны прыехалі ў Беларусь для таго, каб трымаць пад кантролем і візіт палякаў і двухбаковыя беларуска-полскія перамовы. У сувязі з гэтым неабходна пагадзіцца з меркаваннем беларускага гісторыка У. Снапкоўскага, што «візіты партыйна-ўрадавых дэлегацый сацыялістычных краін у рэспубліку не мелі самастойнага значэння», а ... замежныя госці з «брацкіх краін сацыялізму» знаёміліся з вопытам сацыяльна-эканамічнага і культурнага развіцця беларускага народа ў многіх галінах грамадскага жыцця, савецкім вопытам дзяржаўнага і партыйнага кіраўніцтва» [8, с. 192 – 193]. Гэта поўнасцю адносілася і да візіта партыйна-урадавай дэлегацыі ПНР у Беларусь.

Такім чынам, асноўныя накірункі і змест сувязей БССР з Польшчай вызначаліся кіраўніцтвам СССР і залежылі ад характару і дынамікі савецка-польскіх адносін. У іх

выразна назіраюцца два перыяды. Першы пачынаецца ў сярэдзіне 40-х гг. і працягваўся да «хрушчоўскай адлігі». Ён характарызуецца тым, што ва ўмовах «халоднай вайны» і рэзкага абмежавання кантактаў СССР з Польшчай прывяло да рэзкага абмежавання і спаду беларуска-польскіх узаемаадносін. Гэты перыяд магчыма характарызаваць як час страчаных патэнцыяльных магчымасцей у развіцці двухбаковых узаемаадносін Беларусі і Польшчы. Узаемны абмен насельніцтвам паміж БССР і Польшчай у 1944 – 1946 гг. аказаўся недастатковым, каб ўсе жадаючыя палякі маглі выехаць у Польшчу. У 1946 г. гэты працэс па ініцыятыве кіраўніцтва СССР быў ў аднабаковым парадку спынены. Дзесяткі тысяч семья'ў па абодзвух баках савецка-польскай граніцы аказаліся раз'яднанымі. Неаднаразовыя звароты і хадайніцтвы вышэйшага палітычнага кіраўніцтва Польскай Рэспублікі аб прадаўжэнні масавай рэпатрыяцыі ў 1947 г. былі адхілены ўрадам Савецкага Саюза. Штучна перапынены працэс і праблема раз'яднаных сем'яў з'явіліся адным з найважнейшых фактараў, які вёў да напружанасці ў савецка-польскіх адносінах. Таму ў сярэдзіне 50-х гг. Савецкі Саюз пагадзіўся аднавіць перасяленчую акцыю. «Замарожванне» адносін СССР з Польшчай негатыўна паўплывала на развіццё дыпламатычных адносін паміж БССР і Польшчай. Міжнародная правасуб'ектнасць БССР, консульская канвенцыя падпісаная ўрадамі СССР і Польшчы, дазваляла адкрыццё генеральнага консульства Польшчы ў БССР. Аднак, нягледзячы на ўнутры- і міжнародна-прававыя асновы для яго адкрыцця, неаднаразовыя хадайніцтвы кіраўніцтва Польскай Рэспублікі да ўрада СССР аб дазволе адкрыцця генконсульства ў БССР не мелі поспеху. У адзначаны перыяд польскае консульства так і не было адкрыта ў Беларусі. З моманту дэмаркацыі беларускага ўчастку савецка-польскай граніцы ён стаў «непразрыстым», што стала сур'ёзнай праблемай для родных, якія апынуліся па абодвух баках граніцы. Дзесяцігоддзе: 1944 – 1955 гг. магчыма характарызаваць як перыяд найбольш жорсткага і ўсебаковага абмежавання кантактаў паміж БССР і Польшай. Другі перыяд звязаны з «хрушчоўскай адлігай» і пераглядам знешнепалітычнай дактрыны Масквы ва ўзаемаадносінах з краінамі «народнай дэмакратыі», у тым ліку і з ПНР. Рэзка ўзросшая актывізацыя двухбаковых савецка-польскіх адносін, непазбежна актывізавала і беларуска-польскія ўзаемаадносіны.

Спіс літаратуры

1. БЕЛТА, Сердечная встреча делегации Польской Народной Республики в столице Белорусской ССР // Советская Белоруссия. – 1958. – 2 ноября. – С.1.
2. БЕЛТА, Пребывание К.Е.Ворошилова в Польской Народной Республике / Советская Белоруссия. – 1958. – 24 апреля. – С.3.
3. БЕЛТА, «Нех жие пшиязнь» / Советская Белоруссия. – 1958. – 1 ноября. – С.1.
4. Вялікі, А.Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944 – 1946 гг.): манагр. / А.Ф. Вялікі; навук. рэд. В.Дз. Селяменеў. – Мн.: БДПУ, 2005. – 319 с.
5. Вялікі, А.Ф. Беларусь – Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955 – 1959 гг.: манагр. / А.Ф. Вялікі; навук. рэд. В.Дз. Селяменеў. – Мн.: БДПУ, 2007. – 272 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф.788. – Воп.1. – Спр.10. Дакладныя запіскі і перапіска з урадам СССР і Польшчы аб ходзе эвакуацыі. 11 студзеня 1945 г. – 31 снежня 1945 г.
7. Снапкоўскі, У.Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі. 1944 – 1953 гг. / У.Е.Снапкоўскі; пад рэд. Ю.П.Броўкі. – Мінск: Бел. навука, 1977. – 207 с.
8. Снапкоўскі, У.Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін. У 2 ч. Ч.2 – Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У.Е.Снапкоўскі. – Мн.: БДУ, 2004. – 303 с.
9. Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (AMSZ) RP, Z.6, t.521, w.33, k.1-2. Wydzial radziecki, notatki z rozmow dyplomatow polskich w Moskwie z przedstawicelami MSZ ZSRR. 1947.
10. AMSZ, Z.20, t.71, w.5, k.43. Biuro konsularne w Moskwe. 1949.
11. Szumski, J. Z historii utworzenia placowek dyplomatycznych w BSRR (w swietle dokumentow archiwum MSZ RP) / J. Szumski // Magazyn Polski. – № 2. – 2005.

ВАЛЕНТИНА РАБЦЕВИЧ, ЮРИЙ БЕЛЫХ

Гродно

РЕГИОНЫ, МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ГОРОДА БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ

В статье показано значение развития регионов, малых и средних городских поселений в белорусско-польском пограничье для локальных интеграционных процессов.

Для Республики Беларусь, расположенной в центре Европы, выстраивание отношений с европейскими странами имеет первостепенное экономическое и геополитическое значение. Важным аспектом такой конструкции является понимание обеими сторонами нынешнего состояния тенденций и перспектив интеграционных процессов.

Общеизвестно, что Беларусь как партнер ЕС выполняет важнейшие функции – обеспечивает общеевропейский транзит, сдерживает трансграничные угрозы, выступает стыковым элементом интеграционных процессов Эти функции осуществляют люди, которые в процессе деятельности контактируют с людьми с другой стороны границы, находят общие интересы, взаимопонимание, обмениваются информацией, накапливают опыт общения. Сложность, противоречивость, изменчивость нынешних отношений на межгосударственном уровне лишь частично влияет на частные отношения местного населения.

Недавнее расширение Евросоюза приблизило к Беларуси его огромный рынок с высокой покупательной способностью и большим объемом качественной продукции и услуг, способных удовлетворять потребности быстро развивающейся экономики нашей республики и ее населения. Важное значение для Республики Беларусь экономических связей с Европейским Союзом имеет также выход нашей страны на рынок высоких технологий. Взаимовыгодное экономическое сотрудничество Белоруссии с ЕС и его отдельными странами способствует развитию народного хозяйства республики и его интеграции в мировую экономику, обеспечивая, в частности, возможность освоить применяемые в Европе формы и инструменты хозяйствования

Немаловажно и значение экономических связей с Республикой Беларусь для стран Европейского Союза. В стране представлен значительный экономический и научно-технический потенциал, сохраненный в постсоветский период и развитий в 2000 – 2008 гг. Кроме производственной инфраструктуры, в республике развит рынок высококвалифицированной рабочей силы а её удобное географическое положение считается еще одним фактором региональных преимуществ.

Приграничные территории Польши и Беларуси имеют много факторов сходства в экономическом плане. Можно начать с того, что они ровесники по освоению своих территорий. Изначально территория была заселена и освоена достаточно плотно: сложилась система расселения, отражающая сходные характерные особенности природных условий, природных ресурсов, хозяйственной деятельности, социально-демографического и историко-культурного развития. Близки показатели и современного хозяйственного развития. На территории обоих приграничных регионов имеются крупные транспортные узлы. Это позволяет усилить экономические связи. Наконец, характер развития научно-технологической сферы общества также имеет заметные черты сходства: та и другая сторона вынуждена преодолевать тенденции примитивизации производства и дезинтеллектуализиации труда.

Необходимо отметить геополитическое сходство приграничных терри- торий Беларуси и Польши. Оба государства, будучи расположенными в середине Европы, олицетворяют периферии, с западной стороны – ЕС – Европейского Союза, с восточной стороны – СНГ – Содружества Независимых Государств. При этом обе территории – транзитные пространства, и обе территории – интеграционное пространство высокой частоты контактов.

При невнятной до недавнего времени позиции Российской Федерации в отношении создания с Республикой Беларусь Союзного государства наша республика стала заметно превращается в пространство международной конкуренции. В ответ на отмеченную стратегию «ново-

го соседства», то есть «ближнего зарубежья» ЕС, специальная линия России в отношении Украины, Белоруссии и Молдавии еще только разрабатывается. Это обстоятельство в данной ситуации и определяет внешнюю среду контактов населения приграничных территорий.

Внутреннее содержание бизнес-контактов населения обеих сторон составляют экономические интересы зарубежных партнеров, а плотность деловых связей определяется состоянием экономической конъюнктуры на прилегающих к границе территориях. Естественно, прогресс в динамике приграничных связей должен иметь экономические корни, в частности, экономическое развитие территорий.

При определении принципиальных направлений экономической политики Республики Беларусь в приграничьи следует иметь в виду две ее составляющих: во-первых, развитие экономики вширь, понимаемое как ее количественный рост, во-вторых, развитие экономики вглубь, в направлении ее модернизации.

Первое направление уже оправдало себя в развитии национальной экономики Республики Беларусь 1995 – 2005 годов. Это решение злободневных первоочередных проблем жизнедеятельности населения: повышение его материального благосостояния, ликвидация безработицы, меры социального порядка, экономическое наполнение территорий, выравнивание уровня их развития.

Второе направление зиждется на результатах первого и сопряжено со снижением нагрузки на природную среду, с расширением масштабов «новой экономики», на ведущие роли в которой претендуют «человеческий капитал» и информационные технологии.

Важной перспективной задачей для Беларуси является наращивание экспорта высокотехнологичной продукции в страны ЕС, что требует повышения ее качества и конкурентоспособности. С этой целью необходимо создание благоприятных общесистемных условий в экономической, институциональной, правовой и других сферах. Решение таких сложных вопросов в достаточно короткий срок не под силу только стихии рынка. С этой точки зрения оправдывается выбор Республики Беларусь между либералистской и дирижистской моделями развития. Задачи такого уровня решаются мерами государственной поддержки прежде всего направлений инновационного развития территорий.

Правительством разработаны в последние годы два важных документа, связанных с развитием территорий страны. Принятая в 2005 году «Государственная программа возрождения и развития села на 2005-2010 годы» охватила около 30 % населения [1]. Принятая затем в 2007 году «Государственная Комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007 – 2010 годы» включила в орбиту воздействия еще около 17 % населения страны [2]. То есть почти для половины населения Беларуси, пребывающего за пределами крупных городов, преодолевается неконструктивная ситуация социально-экономической неравенства из-за места проживания.

По данным Министерства экономики с учетом объемов финансирования ранее принятых государственных программ на развитие малых и средних городов в Беларуси в 2007 – 2010 годах будет направлено 5,55 триллионов белорусских руб., в том числе 2 трлн. будет направлено в рамках «Государственной комплексной программы развития регионов, малых и средних городских поселений». 37 % из этой суммы составят бюджетные средства. Программа предусматривает реализацию 84 инвестиционных проектов в промышленности с общим объемом финансирования 2,7 трлн. и 111 проектов в жилищно-коммунальном хозяйстве с объемом инвестиций в 1 трлн.

Для конкретного анализа содержания программы нами выбраны поселки, включенные в Государственную Комплексную программу, по признаку расстояния от границы до 50 км.: Большая Берестовица, Волковыск, Красносельск, Пограничный, Порозово, Россь, Свислочь, Скидель, Сопоцкин. В программе использованы для перечисленных поселков данные этапа программы на 2008 г., интересного тем, что его параметры уже превращаются в реальные дела.

На основе анализа важнейших инвестиционных проектов в приграничных городских поселениях Гродненской области видно, что за 2008 г. в перечисленных центрах будет создано 279 малых предприятий, 995 новых рабочих мест, а – всего в реализацию программы для названных поселков вкладывается в 2008 г. свыше 50 млрд. белорусских руб. (ок. 25 млн долл.).

Программа включала несколько разделов, отражающих направления развития территорий. По разделу «Строительство новых промышленных предприятий, создание новых производств» было предусмотрено в гор. Волковыск – производство многослойных мешков, оснащенных клапаном для цемента и других сыпучих материалов стоимостью 800 млн. руб. (КУП «Волковыск стройматериалы»), в городском посёлке Красносельск – строительство технологической линии по производству блоков из ячеистого бетона на филиале №2 «Завод АЦИ» (ОАО «Красносельскстройматериалы), в городском посёлке Пограничный – строительство цеха по производству и розливу минеральной воды (СПК «Тетеревка»), в гор. Свислочь – приобретение холодильного оборудования для камеры по заморозке дикорастущих грибов и ягод (Свислочское районное потребительское общество); строительство комплекса по переработке углеводородного сырья (филиал № 1 Российско-белорусского совместного предприятия СООО «СП БНК групп инвест»); строительство газонаполнительной станции в пос. Кобыльники Свислочского района (филиал РУП «Белоруснефть» – Свислочь ГАЗ» РУП «Производственное объединение «Белоруснефть»); в городе Скиделе – создание строительного подразделения, приобретение оборудования и техники для организации производства работ по благоустройству (ОАО «Мебельстройконструкция»); в городском посёлке Сопоцкин – установка линии по изготовлению изделий из ПВХ (РУП «Гродненский райбыткомбинат»).

Чтобы представить масштабы программы, можно привести пример по одному, не самому крупному, из малых поселков. Так, перечень инвестиционных проектов и мероприятий, подлежащих реализации, в г. п. Большая Берестовица на 2008 год включает:

- по разделу «Модернизация, реконструкция, техническое перевооружение существующих промышленных предприятий (производств)»: реконструкцию птичника №2 и №9 ОАО «Берестовицкая птицефабрика»; газификацию и приобретение недостающего автотранспорта ЧУП «Кооппром Берестовицкого райпотребобщества»; строительство локальных очистных сооружений, реконструкцию системы микроклимата и строительство склада для гофротары в филиале ОАО «Молочный Мир» Берестовицкий маслосырзавод;
- по разделу «Строительство (реконструкция) объектов сферы услуг (строительство, транспорт и связь, ЖКХ, бытовое обслуживание), торговли и социальной сферы»: строительство музея; открытие сервисного центра клининговых услуг г.п. Б.Берестовица, приобретение транспорта для оказания ритуальных услуг при УКП бытового обслуживания; строительство сооружений очистки сточных вод в РУП жилищно-коммунального хозяйства; приобретение оборудования для магазина «Стройматериалы» ЧУП «Промторг» Берестовицкого райпотребобщества;
- по разделу «Реализация прочих инвестиционных проектов и мероприятий»: строительство жилья (2,297млрд. руб.) и строительство инженерных сетей в поселке.

Всего на 2008 г. предусмотрено по названному поселку финансирование этих работ на сумму 7,818 млрд. белорусских руб., в том числе 0,310 – собственные средства, 4,377 – кредиты банков, 3,131 – государственное участие.

Одним из основных понятий региональной экономики является экономическое пространство – территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д. Уровень экономического развития территории зависит от степени насыщения ее экономическими связями [3, с. 80].

Как видно, главные цели Программы составляют, во-первых, развитие территорий; во-вторых, создание конкурентного производственного сектора малых и средних городов; в-третьих, новые аспекты правового регулирования предпринимательства. Эти направления охватывают всю экономическую базу поселений – городское хозяйство, производственную и социальную инфраструктуру, жилищную сферу, качество жизни.

Государственная программа способствует росту привлекательности приграничных территорий. В результате ее осуществления периферийная территория насыщается объектами и связями между ними: населенные пункты улучшают экономическую структуру территории за счет роста численности населения, объема валового регионального продукта,

углубления переработки и освоения природных ресурсов, увеличения основного капитала на единицу площади пространства; уплотняется сеть промышленных предприятий, меняются соотношения хозяйственно освоенных и рекреационных площадей, показатели равномерности, дифференциации, концентрации, распределения населения и экономической деятельности; растет интенсивность экономических связей между частями и элементами пространства, улучшаются условия мобильности товаров, услуг, капитала и людей, определяемые развитием транспортных, инженерных и коммуникационных сетей).

Факторы привлекательности региона обычно делят на две группы: так называемые жесткие и мягкие факторы. К группе «жестких» относят факторы, связанные с производственными ресурсами, инфраструктурой, установленными государством правилами хозяйствования (налоги, субсидии, программы поддержки и т.п.). Мягкие факторы определяют те условия, которые создают территориальные системы для проведения хозяйственной деятельности: качества локальной администрации, развитая сеть финансовых услуг, имидж региона или города, близость университетов и исследовательских центров, условия жизнедеятельности [4, с. 61 – 62].

Таким образом, Государственная Комплексная программа развития регионов, малых и средних городов 2007 г. создает благоприятные условия для развития приграничных территорий Гродненской области. В социальном плане улучшается качество жизни человека, повышается покупательная способность населения, в экономическом плане возрастает привлекательность региона для бизнеса местного и соседского.

Задачи отмеченного другого направления решаются во взаимосвязях населения приграничных территорий в их повседневности, в условиях государственного регулирования и сложившихся отношений учета экономической конъюнктуры населением с обеих сторон границы.

Путь взаимопонимания – это и контакты в сфере экономических связей, так как внешнеэкономические отношения различного масштаба фактически влияют на воспроизводственные процессы в локальной экономике приграничных территорий, в том числе и на уровень ее модернизации.

Список литературы

1. Указ Президента Республики Беларусь «О государственной программе развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007 – 2010 годы». 7 июня 2007 г., № 265 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. – 11 июня. – № 1/8650.

2. Указ Президента Республики Беларусь «О государственной программе возрождения и развития села на 2007 – 2010 годы». 26 марта 2005 г., № 150 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2005. – 29 марта. – № 1/6339.

3. Поршнев, А. Модернизация российской экономики и государственное управление / А.Поршнев // Российский экономический журнал. – 2006. – № 9 – 10. – С. 79 – 82.

4. Точицкая, И.Э. Показатели конкурентоспособности регионов / И.Э.Точицкая // Белорусский экономический журнал. – 2003. – № 3. – С. 60 – 70.

ГЕННАДИЙ КРИВОЩЁКИЙ

Гродно

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Распад СССР, роспуск Варшавского Договора и СЭВ привели к резкому изменению геополитической и геоэкономической ситуации в Европе. Республика Беларусь оказалась в уникальном положении в системе международных экономических отноше-

ний. Республика граничит с тремя странами Евросоюза – Польшей, Литвой, Латвией и крупнейшими государствами бывшего СССР – Россией и Украиной. Сложившаяся геополитическая ситуация, ускорение глобализационных процессов, отсутствие важных природных ресурсов объективно вызвали необходимость ускоренными темпами развивать всестороннее экономическое сотрудничество. Правильный выбор стратегии экономического развития позволил Беларуси преодолеть тяжелые последствия кризиса, вызванного распадом Советского Союза.

Сохранив и укрепив реальный сектор экономики, сосредоточив внимание на инновационном развитии, республика добилась значительных результатов во внешнеэкономической деятельности.

По предварительным данным Национального банка Республики Беларусь, рост объёма внешней торговли товарами и услугами в январе – мае 2008 года (по методологии платежного баланса) из расчета в фактических ценах составил 156,2 % к уровню января – мая 2007 года при прогнозе на 2000 г. 114,5 – 115,5 %, экспорта – 158,4 % (прогноз 116 – 117 %), импорта – 154,1 % (прогноз 112,5 – 113,5).

Наиболее крупными торговыми партнерами Беларуси из числа стран – членов ЕС в 2007 году являлись Нидерланды (8,6 % от всего объема товарооборота республики), Германия (5,5 %,), Польша (3,9 %), Великобритания (3,2 %), Латвия, (2,1 %), Италия (1,5 %) и Литва (1,4 %).

В последние годы экспортный потенциал Беларуси существенно укрепился. Сегодня республика торгует с 171 страной мира, поставляя свои товары на рынки 152 государств. На долю третьих стран (вне СНГ) приходится 53,7 %, в том числе доля Евросоюза составляет 43,2 %. Среди стран СНГ основными потребителями белорусской продукции являются Россия, Украина и Казахстан.

Товарная структура белорусского экспорта разнообразна и только по укрупненным группам товаров насчитывает около 100 позиций. В прайс-листе белорусских предприятий содержится более 1000 наименований экспортируемой продукции – от карьерных самосвалов до интегральных микросхем, кондитерских изделий [6, с. 72].

Во многих странах ближнего и дальнего зарубежья известна продукция химической и нефтехимической промышленности, черной металлургии, автомобилестроения, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Конкурентоспособность продукции белорусских предприятий повышается. В первую очередь это связано с ростом выпуска наукоемкой продукции, с применением новых материалов, современных ресурсосберегающих технологий и оборудования [6, с. 72].

Особо следует отметить, что с усилением технологического развития, масштабным внедрением высоких технологий во многих сферах жизнедеятельности нашего общества возрастает потребность в расширении научного и производственно-технологического сотрудничества Беларуси и ЕС.

Специалисты отмечают, что европейское направление в МНТС Беларуси относится к числу приоритетных. Его развитие еще более возросло с расширением ЕС и появлением на западных границах нашего государства нового соседа в лице объединенной Европы, которая формирует единую научно-техническую политику, основанную на принципах интеграции и стремлений использовать синергический эффект от кооперации стран-членов в области науки и технологий [4, с. 42].

Сегодня Республика Беларусь в МНТС стремится развивать отношения на двусторонней основе в рамках межправительственных договоров. Одним из основных партнеров нашей страны в научно-технической сфере среди государств – членов ЕС являются Федеративная Республика Германия и Республика Польша.

В условиях развития и оживления торговых отношений между двумя государствами структура белорусского экспорта значительно улучшилась. Основными товарами, которые Республика Беларусь экспортирует в Польшу, являются нефтепродукты. органические химические соединения, калийные удобрения, фанера и лесоматериалы, молоко и сливки, запас-

ные части и оборудование для автомобилей и тракторов, двигатели внутреннего сгорания и подшипники, синтетические нити и волокна, трубы и профили из черных металлов.

Из Польши Беларусь импортирует машины для уборки сельскохозяйственных культур, машины и механические устройства специального назначения, лампы и трубки электронные, аккумуляторы электрические, изделия из пластмасс, древесностружечные и древесноволокнистые плиты.

В последние годы активизировалось научно-техническое сотрудничество Беларуси и Польши. Договорно-правовая база научно-технического сотрудничества Республики Беларусь и Польши представлена Договором между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в области науки и технологий (от 19 февраля 1991 г., пролонгированного 19 мая 1998 г.) и др. [4, с. 44].

Тематика проектов достаточно разнообразна: химия, электротехника, информатика, материаловедение и технологии, строительство и архитектура, математические и физические науки, биология и охрана окружающей среды, гуманитарные науки, сельское хозяйство и лесоводство. В их выполнении участвуют 43 польских и более 30 белорусских организаций [4, с. 44]. По ведомственной принадлежности польские организации-участницы распределяются следующим образом: институты Польской академии наук – 15, отраслевые НИИ – 15, вузы – 13. С белорусской стороны институты и организации НАН Беларуси участвуют в выполнении 76,4 % проектов, вузы – 29,2 %, НИИ Министерства здравоохранении – 28 %, отдельные малые инновационные предприятия – 2,8 % (ряд проектов с белорусской стороны выполняется двумя организациями). По оценке специалистов исполнительная программа с Польшей – самая крупная по числу проектов и самая длительная по срокам своего существования из всех программ, действующих в научно-технической сфере в рамках международных договоров [4, с. 44].

Помимо выполнения совместных проектов, Межправительственной Белорусско-Польской комиссии по сотрудничеству в области науки и технологий, ГКНТ и Министерством науки и информатизации Польши периодически организуются совместные выставки научно-технических разработок и научно-практические семинары, направленные на коммерциализацию результатов совместных работ ученых двух стран, трансфер технологий, развитие сотрудничества в приграничных регионах, создание благоприятных условий для формирования международных консорциумов и участия в международных программах. Такие мероприятия проводились в Гродно (1999 г.), Белостоке (2001 г.), Бресте (2002 г.) и в октябре 2004 г. в Ольштыне [4, с. 44].

Сегодня в условиях глобализации инновационное развитие является важнейшим фактором общественного прогресса. Республика Беларусь активно расширяет сотрудничество со многими развитыми странами.

В Академии наук действует свыше 60 соглашений с зарубежными научными центрами. Установлены тесные связи с организациями из 76 государств. В течение 2007 г. организациями Академии наук выполнялся 21 проект МНТУ с общим финансированием 6,0 млн. долл., 20 проектов ИНТАС (более 500 тыс. евро), 10 проектов 6-й рамочной программы ЕС, проекты по программам Центрально-Европейской инициативы, МАГАТЭ, ДААД и др. [5, с. 10].

Участие белорусских академических учёных в международных проектах свидетельствуют о растущем научном потенциале страны. В 2007 году в рамках совместных международных конкурсов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований с международными и зарубежными организациями и фондами финансировалось 423 проекта. Партнёрами БРФФИ были учёные из 25 стран, включая Францию, Германию, США, Японию, Швецию, Италию, Польшу, Китай, Канаду, Норвегию, Азербайджан, Вьетнам, Болгарию, Испанию, Монголию и др. [5, с.10].

Значительные перспективы для Беларуси и Польши открываются в развитии производственного взаимодействия отдельных регионов обоих государств. Немаловажное значение в этом направлении имеет создание СЭЗ в каждой области и столице Беларуси.

В настоящее время в Брестской области зарегистрировано около 400 предприятий с иностранными инвестициями. Лидируют по числу созданных совместны и иностранных предприятий Польша, Россия и Германия. Также значительное количество составляют предприятия из США, Кипра, Украины, Чехии, Италии, Нидерландов, Швейцарии, Вликобритании. В целом в области действуют организации с иностранными инвестициями из 43 государств [9, с.17].

По объему вложения капиталов лидирует Россия (накоплено на 1 июля 2008 г. 95,5 млн. долл.), Германия (40,6 млн. долл.), Великобритания (30,4 млн. долл.) и Польша (18,3 млн. долл.). На долю этих стран приходится около 2/3 всего объема привлеченных иностранных инвестиций [9, с. 17].

Важная роль в развитии взаимовыгодного экономического сотрудничества Брестчины со странами Запада принадлежит СЭЗ и Брести, в которой действуют 73 резидента, из них 55 представляют иностранный капитал.

Экспортные поставки предприятий-резидентов ежегодно увеличиваются на 20 %, и в 2007 г. внешнеторговый оборот составил около 700 млн. долл. Доля продукции, поставленной на экспорт составляет 54 % от общего объема произведенной и содержит весь спектр товаров производимых СЭЗ. За первое полугодие 2008 товарооборот составил более 420 млн. долл. (темп роста к аналогичному периоду 2007 г. – 134,1 %) [9, с. 18].

Товары, производимые в СЭЗ, поставлялись в 32 страны СНГ и дальнего зарубежья. Разнообразные товары поставлялись в страны ЕС: в Чехию – офисная мебель, во Францию – стулья, телевизионные антенны, в Германию – электронные табло и блоки, стекло для производства ламп, в Польшу – детали строительные из пластмасс, краска и машины дорожной разметки, велосипеды и др. [9, с. 18].

Белорусско-польское экономическое сотрудничество получило новый импульс после знакомства деловых кругов соседней страны со структурой экономики отдельных регионов нашей республики. Для бизнесменов Польши Гомельский регион в перспективе может стать наиболее привлекательным. В первую очередь это связано с тем, что Польша импортирует отсюда ряд стратегических товаров.

В настоящее время Гомельская область поддерживает торгово-экономические отношения с 79 странами мира. Наряду с Российской Федерацией, на долю которой приходится более 38 % внешней торговли, также активно развивается торговля с Нидерландами, Германией, Польшей, Украиной. Объем внешнеторгового оборота Гомельщины по итогам первого полугодия 2008 года вырос по сравнению с аналогичным периодом прошлого года более чем на 60 % и составил около 6,3 млрд. долларов, в том числе экспорт – 4,1 млрд., импорт – 2,2 млрд. долларов. По сравнению с 2006 годом экспорт вырос более чем на 64 %. Сальдо внешней торговли положительное – 1,9 млрд. долларов [10, с.24].

Странам ЕС в условиях обострившегося финансового и экономического кризиса следовало бы более внимательно посмотреть на колоссальные возможности данного региона для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Гомельская область располагает мощным интеллектуальным человеческим капиталом. Численность трудовых ресурсов составляет 900 тыс. человек (60 % населения региона, более 100 тыс. имеют высшее образование и около 150 тыс. – среднее специальное).

В области работают три института Национальной Академии наук Беларуси, 8 высших учебных заведений, около 20 отраслевых научных и проектных институтов, специальных конструкторских и конструкторско-технологических бюро [10, с. 25].

В последние годы происходит геоэкономическое перераспределение товарных и финансовых потоков**.** Для стран ЕС, в том числе Польши, Республика Беларусь может быть не только выгодным партнером, но и местом для проникновения на необъятные российские рынки. Кроме этого, Беларусь готова принять значительные иностранные инвестиции для модернизации своей экономики. Перспективным регионом для инвестирования польского капитала является Витебская область. В ходе белорусско-поморской встречи деловых кругов, которая состоялась в городах Вейхерово и Шымбрак (Республика Польша), был проведен ряд переговоров с западными бизнесменами по организации совместного бизнеса.

С использованием средств иностранных кредитных линий реализуются проекты на витебском АОА «Молоко», Верхнедвинском маслосырзаводе, Глубокском и Лепельском молочно-консервных комбинатах. Оборудование поступает из Австрии, Италии, Германии, Польши и Словакии. Сегодня получили поддержку проекты развития производств, расположенных в малых и средних городских поселениях. В первом полугодии 2008 года на эти цели инвестировано 177 млрд. рублей номинальных вложений. Начата реализация 215 инвестиционных проектов. Это будут высокотехнологичные производства по выпуску продукции, имеющей повышенный спрос [1, с. 20].

Республика Польша наряду с Германией, Литвой, США, Австрией и Израилем проявляют повышенную инвестиционную активность в Гродненском регионе.

В последние годы более успешно развивается сотрудничество между городами-побратимами Лида и Кошалин (Западно-Поморское воеводство). В 2006 – 2007 гг. в г. Кошалине проведены презентация экономических и инвестиционных возможностей Беларуси, в том числе презентации стеклозавода «Неман», встреча с белорусскими студентами, обучающимися в Кошалинском технологическом университете, пресс-тур для белорусских журналистов. Было принято решение об участии делегации представителей официальных и деловых кругов города Кошалина в 3-й региональной презентации – выставки «Лида – Регион – 2007». Участники встречи обсудили возможные направления сотрудничества в экономической области [2, с. 89].

Для белорусского государства, как, впрочем, и для Польши, стратегически важно укрепить свои позиции в международном разделении труда, улучшить структуру своего экспорта за счет наукоемкой продукции. Особенно важно это сейчас, в условиях тяжелого финансового и экономического кризиса. Промедление в условиях сложных экономических проблем чревато серьезными последствиями для обоих государств.

По всем направлениям экономического сотрудничества между Республикой Беларусь и Республикой Польша имеются широкие возможности для расширения эффективных форм взаимодействия: инвестиционных процессов, промышленной интеграции, масштабного обмена научно-технологическими достижениями.

Для достижения новых высот в развитии тесного экономического сотрудничества между двумя странами необходимо соответствующая политическая воля, привлечение к решению этих задач широкого круга политиков, ученых, общественных деятелей.

Список литературы

1. Андрейченко, В. Перспективность и взаимовыгодность / В.Андрейченко // Экономика Беларуси. – 2008. – № 3 (16).

2. Есин, Р.О. Северо-Западный регион Польши – неиспользованные возможности белорусского экспорта / Р.О.Есин // Проблемы управления. – 2007. – № 4 (25).

3. Крупец, Л. Конкретные проекты, большой интерес / Л.Крупец // Экономика Беларуси. – 2008. – № 3 (16).

4. Мееровская, О.А. Международное научно-техническое сотрудничество Ресрублики Беларусь со странами Европейского Союза / О.А.Мееровская // Белорусский экономический журнал. – 2005. – №1.

5. Мясникович, М.В. Инновационное развитие – императив становления новой экономики / М.В.Мясникович // Проблемы управления. – 2008. – № 9 (27).

6. Республика Беларусь: общество, политика, экономика, люди. – Мн., 2008. – 430 с.

7. Савченко, В. Реалии сегодняшнего дня / В.Савченко // Экономика Беларуси. – 2008. № 3 (16).

8. Сидорский, С. Открыты для делового взаимовыгодного сотрудничества / С.Сидорский // Экономика Беларуси. – 2008. – № 3 (16).

9. Сумар, К. «Западные ворота» открыты для сотрудничества / К.Сумар // Экономика Беларуси. – 2008. – № 9 (16).

10. Якобсон, А. *На перекрестке всех дорог* / А.Якобсон // Экономика Беларуси. – 2008. – № 3 (16).

JAROSJAW MATWIEJUK

Biaiystok

POZYCJA PRAWNA ZWIҐZKYW RELIGIJNYCH W PRZEDREWOLUCYJNEJ ROSJI

W skutek zakocczenia siк procesu jednoczenia ksiкstw ruskich w IX wieku powstaio Wielkie Ksiкstwo Kijowskie, bкd№ce klasyczn№ monarchi№ patrymonialn№ z wyksztaiconymi wiasnymi organami wiadzy, kultur№ i ideologi№ oraz systemem finansowym i prawnym. Pocz№tkowo wiadza wielkoksi№їkca usiiowaia przeksztaiciж kulty pogacskie w religiк pacstwow№ jednoczeњnie dostosowuj№c je do nowych warunkyw spoieczno-pacstwowych. Osi№gniкcie tego celu uniemoїliwiia stosunkowo prymitywna organizacja kultyw siowiacskich siuї№ca jedynie celom kultowym oraz faktyczna niemoїnoњж wypeinienia przez nie funkcji jednoczenia nowo powstaiego pacstwa i caiego spoieczecstwa. Wielki ksi№їк Wiodzimierz maj№c to na uwadze, pragn№c dokonaж skoku cywilizacyjnego, a jednoczeњnie staraj№c siк zrywnaж z chrzeњcijacskimi wiadcami innych pacstw europejskich oraz wykorzystuj№c fakt bardzo bliskich zwi№zkyw politycznych z Cesarstwem Bizantyjskim zdecydowai siк dokonaж w 988 roku chrystianizacji Rusi.

Powstanie koњcioia chrzeњcijacskiego jako organizacji religijnej zbiegio siк w czasie pierwszym okresem formowania pacstwa rosyjskiego zwanego wywczas pacstwem ruskim. Rozwyj statusu prawnego organizacji religijnych byi rywnolegiy do rozwoju organizacji pacstwowej. Byio to pierwszym powaїnym determinantem ksztaitowania siк pozycji prawnej organizacji religijnych. Drugim determinantem byia przejкta od Bizancjum doktryna cesarza Justyniana zwana symfoni№ wiadz (iac. consonatia). Termin ten zostai wyartykuiowany w Szystej noweli Justyniana adresowanej do Patriarchy Konstantynopola Elifana[1] . U podstaw tej doktryny legia idea harmonii i zgody miкdzy pacstwem i koњcioiem, zgodnie z ktyr№ obie sfery istniaiy lecz nie zlewaiy siк i nie d№їyiy do wzajemnego podporz№dkowania siк oraz dominacji.

Zasada symfonii wiadzy koњcielnej i pacstwowej zakiadaia z jednej strony rozdzielnoњж obu wiadz, a z drugiej wspyidziaiaie wiadz. Rozdzielnoњж polegaia przede wszystkim na tym, їe wiadza koњcielna i pacstwowa dziaiaiy kaїda w swojej sferze, chociaї miaiy faktycznie jeden i ten sam cel «upiкkszaж i uiatwiaж їycie cziowieka»[2]. Jednoczeњnie pacstwo nie pretendowaio do regulowania problematyki њciњle rozumianego kultu i naboїecstw oraz doktryny. Natomiast koњciyi uznawai siк za niewiaњciwy co do spraw ustrojowych pacstwa i њrodkyw politycznych stosowanych przez organy pacstwowe[3]. Symfonia wiadz zakiadaia rywnieї wspyidziaiaie we wszystkich rodzajach wiadz: ustawodawczej, wykonawczej i s№downiczej. W siuїeniu cziowiekowi koњciyi i pacstwo miaio stanowiж jedn№ caioњж, jednolity organizm.

Wediug doktryny imperatora Justyniana o symfonii wiadz konieczn№ przesiank№ wiaњciwego funkcjonowania pacstwa i koњcioia byiy uczciwoњж i kompetencja wiadzy pacstwowej oraz autorytet i wiernoњж koњcioia Bogu. Symfonia byia moїliwa w dwych formach organizacyjnych pacstwa monarchii i republice.

Dla nowo powstaiego pacstwa ruskiego doktryna symfonii wiadz jako ustrojowy model stosunkyw wyznaniowych pacstwa z koњcioiem byia bardzo atrakcyjna[4] . Zapeiniaia bowiem pryїniк prawn№ i stawaia siк przewodnikiem bizantyjskiego systemu prawnego i wysokiej kultury prawnej, bкd№cych naturaln№ kontynuacj№ i rozwiniкciem osi№gniкж rzymskiego systemu prawnego.

Instytucjonalnym odzwierciedleniem przyjкcia doktryny symfonii wiadz byio wprowadzenie wraz z chrztem do systemu prawnego Wielkiego Ksiкstwa Kijowskiego wielkiego zbioru aktyw normatywnych bкd№cego podstaw№ funkcjonowania pacstwa bizantyjskiego Nomokanonu – drugiej redakcji z 873 r[27] .

[1] Tekst noweli w: A. Nikolin, Cerkow i gosudarstwo. Istoria prawowych otnoszenij. – Moskwa 1997/ – S. 278.

[2] Tamїe s. 16.

[3] Cypin, W. A. Cerkownoje prawo/ – Moskwa 1996/ – S. 416 – 420.

[4] Szapow, J. N. Kijewskije ustawy i cerkow w drewniej Rusi XI - XIV ww. – Moskwa 1972/ .– S. 19.

[5] Nomokanon (gr. nomos - prawo, kanon – przepis) to zbiyr praw w imperium bizantycskim oraz w innych pacstwach staroїytnych i њredniowiecznych. E. Smoktunowicz (red.), Wielka encyklopedia prawa, Warszawa 2000, s. 513.

Nomokanon skiadai siк z dwych czкњci podzielonych na 14 tytuiyw, ktyre z kolei dzieliiy siк na rozdziaiy[6] . Pierwsza czкњж zawieraia normy prawa kanonicznego i koњcielnego. Druga czкњж byia zbiorem aktyw normatywnych wydanych przez cesarzy bizantyjskich dotycz№cym problematyki cywilnej, karnej i publicznoprawnej[7] . Na terytorium Wielkiego Ksiкstwa Kijowskiego akty prawne wydane przez cesarzy bizantyjskich, w przeciwiecstwie do norm prawa kanonicznego i koњcielnego nie posiadaiy mocy obowi№zuj№cej. Wyj№tkiem byiy akty normatywne okreњlaj№ce prawa i pozycjк prawn№ koњcioia.

Wielki zbiyr praw Cesarstwa Bizantyjskiego na terenie Rusi kijowskiej peinii dwojak№ rolк. Po pierwsze byi wzorem sprawdzonego systemu prawnego i punktem odniesienia dla prawodawcy ruskiego. Po drugie, co zreszt№ na samym pocz№tku istnienia pacstwa ruskiego byio najczкњciej spotykanym rozwi№zaniem, prawo bizantyjskie byio bezpoњrednio stosowane przez organy wiadzy pacstwowej i koњcielnej.

Omawiaj№c pozycjк prawn№ organizacji religijnych w tym okresie naleїy mieж na wzglкdzie Koњciyi wschodniochrzeњcijacski zwany od 1054 r. Koњcioiem prawosiawnym[8] .

Przyznanie mu statusu koњcioia pacstwowego, opartego na modelu bizantyjskim doprowadziio do jego szybkiego rozwoju i wzmocnienia organizacyjnego. Przyjкty model faktycznie uniemoїliwii rozwyj i rywn№ pozycjк prawn№ organizacjom religijnym naleї№cym do innych nurtyw religijnych.

Okres od kocca X wieku do pocz№tku XIII wieku byi czasem formowania siк struktury koњcielnej i wielkiej chrzeњcijacskiej akcji misyjnej. Aktywn№ rolк w tym procesie odgrywaia wiadza pacstwowa. Ksi№їкta kijowscy zabezpieczyli podstawy materialne funkcjonowania koњcioia oraz nadali i gwarantowali mu liczne prawa. Moїna stwierdziж, їe w tym okresie koњciyi byi utrzymywany przez pacstwo. Technicznie odbywaio siк to przede wszystkim w formie odliczania od budїetu pacstwa koњcielnej dziesiкciny oraz przekazywania przedmiotyw liturgicznych oraz wyposaїenia њwi№tyc, w tym ksi№g potrzebnych do naboїecstw[9] .

Dziesiкcina byia giywnym њrodkiem materialnego zabezpieczenia dziaialnoњci i funkcjonowania koњcioia. W Wielkim Ksiкstwie Kijowskim miaia ona swoj№ specyfikк. Polegaia na tym, їe wiadza koњcielna przekazywaia koњcioiowi 1/10 dochodyw pacstwa w trybie i systemie scentralizowanym, w imieniu caiego spoieczecstwa. Nastкpnie ta ogylna kwota dziesiкciny byia dzielona na rywne czкњci i przekazywana na katedry biskupie[10] . Nie zawsze rozmiar dziesiкciny wynosii 10 % dochodyw pacstwa. Ruska Prawda, zbiyr ruskich przepisyw z XI wieku przynosi informacje, їe zdarzaiy siк lata, w ktyrych przekazywano od 20 % do nawet 50 % dochodyw pacstwa[11] . Gwarantem instytucji darowizny byia wiadza ksi№їкca z podporz№dkowanym jej aparatem siiowym.

W pierwszej poiowie XII wieku pojawiio siк nowe џrydio koњcielnych dochodyw. Na pocz№tku najwiкksze klasztory i koњcioiy katedralne otrzymaiy od ksi№ї№t ziemiк. W pierwszym okresie obszary ziemskie pocz№tkowo nadawane byiy na wiasnoњж bez wsi, nastкpnie takїe z wsiami i zamieszkuj№c№ j№ ludnoњci№.

Џrydia normatywnej regulacji problematyki wyznaniowej w omawianym okresie historycznym byiy bardzo zryїnicowane. Zasadnicze znaczenie dla normowania stosunkyw

---

[6] O treњci i budowie Nomokanonu wiкcej w: I. S. Bierdnikow, Kratkij kurs cerkownago prawa. – Kazac 1903.– S. 77 – 82.

[7] Szerzej o genezie Nomokanonu oraz innych zbiorach bizantyjskiego prawa w: A. Znosko, Prawosiawne prawo koњcielne, Tom I. – Warszawa, 1973. – S. 31 – 69.

[8] W 1054 roku doszio, do schizmy wschodniej (terminologia zachodnia) lub do schizmy zachodniej (terminologia wschodnia) w wyniku ktyrej dotychczas jednolity organizacyjnie koњciyi chrzeњcijacski rozpadi siк na Koњciyi katolicki oraz Koњciyi prawosiawny. Schizma w jкzyku greckim oznacza organizacyjne oddzielenie siк grupy religijnej od dotychczasowej struktury religijnej z ryїnych, w tym przede wszystkim doktrynalnych powodyw.

[9] Szapow, J. A. Gosudarstwo i Cerkow Drewnioj Rusi X – XIII w. – Moskwa 1989. – S. 74.

[10] Np. ustawa ksiкcia Wiodzimierza o koњcielnej dziesiкcinie, w: Drewnieruskije kniaїeskije ustawy XI – XV w. – Moskwa 1976. – S. 143.

[11] Ruska Prawda powstaia w XI wieku za panowania Jarosiawa M№drego w oparciu o wzory bizantyjskich zbioryw prawnych. Zawiera wczesnosiowiacsk№ terminologiк prawnicz№. Zostaia napisana w jкzyku starocerkiewno-siowiacskim. Zasadniczo moїna wyryїniж dwie jej redakcje: Krytk№ Prawdк (starsz№) oraz Obszern№ Prawdк (miodsz№). Tekst Ruskiej Prawdy w: Rossijskoje zakonodatielstwo X – XX wiekow, T. I. – Moskwa 1984. – S. 130.

pacstwa z organizacjami religijnymi miaiy: ksi№ïкce statuty, osobiste pisma ksiкcia wyraïaj№ce jego wolк i zawieraj№ce normy prawne, oraz regulaminy organizacyjne i finansowe wydawane przez ksiкcia[12] . Zakres merytorycznej regulacji ywczesnych џrydei prawa z zasadzie byi zbliïony. Podstawowa ryïnica polegaia na zakresie podmiotowym regulacji. Przejawiaio siк to na tym, ïe pierwsze normowaiy status prawny diecezji, granice ktyrych pokrywaiy siк z granicami ksiкstw, a adresatem drugich byiy okreњlone indywidualnie klasztory oraz њwi№tynie[13] .

Warte podkreњlenia jest, ïe od XII do XIV, czyli w okresie rozdrobnienia Rusi moc obowi№zuj№ca aktyw prawnych reguluj№cych kwestie wyznaniowe rozci№gaia siк nie na caie terytorium dawnego Wielkiego Ksiкstwa Kijowskiego, lecz na jego czкњci – dzielnice. W takich warunkach kaïde ksiкstwo rozwijaio wiasny, niezaleïny od siebie system ustawodawstwa. Zasadnicza jego czкњж odnosiia siк do problematyki wyznaniowej oraz statusu koњcioia. Rzecz№ charakterystyczn№ jest, ïe starano siк przy tym uwzglкdniaж akty pierwszych wielkich ksi№ï№t kijowskich Wiodzimierza oraz Jarosiawa, zaioïycieli i twyrcyw pacstwa.

Przedstawiaj№c pozycjк prawn№ koњcioia w tym okresie naleïy zauwaïyж, ïe dziaialnoњж koњcioia nieograniczaia siк juï jedynie do dziaialnoњci religijnej sensu stricto. Na pocz№tku XII wieku, na terenie miast koњciyi otrzymuje bardzo waïne uprawnienie straïnika miar i wag. Zgodnie z ywczesnym stanem prawnym wagi miejskie, wagi handlowe oraz narzкdzia i urz№dzenia miernicze znajdowaiy siк w jurysdykcji wiaњciwych miejscowo biskupyw. Biskup kontrolowai ich stan, rzetelnoњж oraz sprawnoњж oczywiњcie pobieraj№c przy tym stosown№ opiatк, ktyra stanowiia dochyd koњcielny.

W њwietle aktyw normatywnych ywczesnego okresu wynika, ïe istotn№ czкњci№ dziaialnoњci koњcioia byia funkcja s№dowa. Z aktyw prawnych Wielkiego Ksiкstwa Kijowskiego wynika, ïe w jurysdykcji koњcielnej znajdowaiy siк sprawy z zakresu moralnoњci, przestкpstwa przeciwko koњcioiowi, przestкpstwa duchownych oraz sprawy rodzinne i maiïecskie. Zakres spraw s№dowych upowaïnia do stwierdzenia, ïe s№dy koњcielne stanowiiy zasadnicz№ czкњж systemu s№downiczego pacstwa. Z aktyw prawnych Wielkiego Ksiкstwa Kijowskiego wynika rywnieï, ïe jurysdykcja podmiotowa koњcioia obejmowaia caie duchowiecstwo oraz stosunkowo duïym zakresie wszystkie inne stany spoieczne.

Oddanie do dyspozycji koњcioia tak istotnych uprawniec maj№tkowych i s№dowych nasuwa pytanie o stopiec zwi№zania koњcioia z pacstwem? W radzieckiej literaturze wyznaniowej dominowai pogl№d, zgodnie z ktyrym koњciyi byi wtedy czкњci№ pacstwa. Po analizie norm prawnych reguluj№cych prawne poioïenie koњcioia w Wielkim Ksiкstwie Kijowskim naleïy jednak kategorycznie odrzuciж takie stanowisko. Istniej№ co najmniej dwa argumenty przecz№ce tezie o њcisiym zespoleniu koњcioia i pacstwa. Po pierwsze akty prawne normuj№ce poioïenie koњcioia w pacstwie miaiy religijn№ i kanoniczn№ genezк, a nie њwiecki charakter. W ten sposyb prawo koњcielne nie tylko nie wkraczaio w sferк domeny i interesyw pacstwa, ale wypeiniaio jedynie funkcjк wspomagaj№c№. Drugim zasadniczym argumentem przemawiaj№cym za t№ tez№ jest charakter ywczesnego systemu zabezpieczaj№cego funkcjonowanie i materialny status koњcioia. Przyjкty model dziesiкciny wskazuje bowiem na materialn№ samodzielnoњж i niezaleïnoњж koњcioia.

Podsumowuj№c koњciyi nie byi jedn№ z instytucji pacstwowych, lecz funkcjonowai na rywnych prawach z pacstwem, nie ingeruj№c wprost w jego dziaialnoњж i jednoczeњnie nie doњwiadczaj№c ingerencji wiadzy ksi№ïкcej w swoje wewnкtrzne sprawy. Z informacji znajduj№cych siк w zachowanych џrydiach historycznych brak jest informacji na temat konfliktyw miкdzy pacstwem a koњcioiem[14]. Dlatego teï naleïy przyj№ж, ïe model wzajemnych relacji pacstwa z koњcioiem zostai rzeczywiњcie oparty o bizantyjski model symfonii, czyli harmonicznego wspyiistnienia i wspyidziaiania organyw pacstwa i organyw koњcioia. Osi№gniкcie tego stanu nie byio zreszt№ takie trudne w jednowyznaniowym spoieczecstwie ruskim.

[12] Kunicyn, I. A. Prawowyj status religioznych objedinienij w Rossii. – Moskwa, 2000. – S. 8.

[13] Tamïe, s. 9.

[14] Milczy na ten temat najwybitniejszy pomnik piњmiennictwa staroruskiego Powieњж doroczna z okoio 1113 r., autorstwa minicha Nestora. Patrz szerzej: L. Bazylow, Historia Rosji. – Wrociaw, 1985. – S. 41 – 42.

W 1236 roku juї wyksztaicony system relacji pacstwa z koњcioiem zostai poddany cikїkiej prybie na skutek najazdu mongolsko – tatarskiego i utraty suwerennoњci przez bкd№ce w stanie rozbicia dzielnicowego ksiкstwa ruskie[15] . Generalnie jednak uksztaitowany w Ksiкstwie Kijowskim system relacji wyznaniowych przetrwai prybк czasu i nie doszio do jego zasadniczej zmiany.

W okresie jarzma tatarskiego trwaj№cego od XIII w. do drugiej poiowy XV w. pojawiio siк nowe џrydio normatywnej regulacji stosunkyw wyznaniowych – jariyk. Byi to specjalny akt prawny wydawany przez chana Ziotej Ordy[16] ze stolic№ w Saraju, na mocy ktyrego ofiarowywano koњcioiowi znacz№ce uprawnienia ekonomiczne. Do najwaїniejszych zaliczyж naleїy: zwolnienie od skiadania danin, prawo klasztoryw do pobierania opiat za przeprawy rzeczne oraz opiat od transakcji handlowych. Taka polityka islamskiego chanatu wobec koњcioia chrzeњcijacskiego jest powszechnie maio znanym faktem. Utario siк bowiem biкdne przekonanie o powszechnej nietolerancji i dyskryminacji chrzeњcijan przez muzuimanyw. Taka polityka chanatu byia nacechowana pragmatyzmem uwzglкdniaj№cym przede wszystkim siiк i wysoki autorytet koњcioia w spoieczecstwie a takїe jego sprawnoњж organizacyjn№. W perspektywie umoїliwiaia takїe zapewnienie spokojnego wiadania podbitymi terytoriami. Polityka Ziotej Ordy wpiywaia bezpoњrednio na politykк ksi№ї№t ruskich, ktyrzy prowadz№c swoist№ rywalizacjк z chanatem o poparcie koњcioia starali siк umacniaж jego pozycjк na przykiad kolejnymi nadaniami ziemskimi.

Uwzglкdniaj№c wszelkie uwarunkowania koњciyi pozostai w ksiкstwach ruskich odrкbn№ struktur№ organizacyjn№, wspyipracuj№c№ z organami pacstwowymi i stale poszerzaj№c№ zakres swoich uprawniec oraz bazк materialn№.

Po zrzuceniu jarzma tatarskiego w pierwszej poiowie XVI wieku powstaia pilna potrzeba okreњlenia w nowych warunkach historyczno – politycznych pozycji prawnej koњcioia oraz dostosowania jego relacji z pacstwem na wielkim obszarze zjednoczonych ziem ruskich do realiyw tamtych czasyw. W zakresie formy regulacji stosunkyw pacstwowo – koњcielnych pojawii siк nowy, dotychczas nie wystкpuj№cy element. Kluczow№ rolк w stanowieniu przepisyw prawnych zaczкiy odgrywaж sobory ziemskie czyli zgromadzenia stanowe. W latach 1549 – 1684 regulacja stosunkyw wyznaniowych w pacstwie w praktyce nie byia moїliwa bez udziaiu i uchwai Soboru Ziemskiego.

Sobyr Ziemski zwoiany zostai po raz pierwszy w 1549 r. w okresie walki cara z bojarami i likwidacji pozostaioњci rozbicia feudalnego[17]. W jego skiad wchodziiy: Њwiкty Sobyr (skupiai biskupyw), Duma Bojarska (skupiaia bojaryw – szlachtк) oraz przedstawiciele pozostaiych stanyw spoiecznych z wyj№tkiem chiopstwa[18]. Sobory zwoiywai car lub patriarcha (w okresie bezkrylewia) w celu rozpatrzenia najwaїniejszych spraw z zakresu polityki wewnкtrznej oraz zagranicznej. Dlatego teї dosyж czкsto rozstrzygaiy kwestie zwi№zane ze statusem prawnym koњcioia w pacstwie. Z punktu widzenia ewolucji pozycji prawnej organizacji religijnych zasadnicze znaczenie maj№ dwa sobory tj. Sobyr Ziemski z 1551 r. zwany Soborem Stu Rozdziaiyw[19] oraz Sobyr Ziemski z 1649 r.

Jako pierwszy istotnych zmian w zakresie problematyki wyznaniowej dokonai Sobyr Ziemski Stu Rozdziaiyw. Jego uchwaiy zostaiy skodyfikowane w Sobornoje Uioїenije z 1551 r.[20] Wyj№tkowy charakter tej kodyfikacji polegai na tym, їe zostaia ona uchwalona jednoczeњnie przez wiadzк pacstwow№ jak i wiadzк koњcieln№. Normy prawne zawarte w tym kodeksie okreњlaiy poioїenie prawne koњcioia w pacstwie. Zbiyr norm z 1551 r. utrwalai zasadк symfonii wiadz, przejкt№ z bizantyjskiego systemu prawnego i funkcjonuj№c№ juї na terenie Rusi od X wieku. Przewodni№ ide№ Sobornich Uioїenij byia idea zgodnie z ktyr№ wiadza koњcielna oraz wiadza pacstwowa wywodz№c siк z tego samego џrydia czyli od Boga s№ zobowi№zane do wzajemnego wspierania siк. Bardzo widoczna jest rywnieї, nie wystкpuj№ca wczeњniej tendencja do stopniowego wprowadzania i rozszerzania nadzoru i kontroli koњcioia przez pacstwo[21].

[15] Bakajew, J. N. Istoria gosudarstwienno – cerkownych otnoszenij w Rossii. – Chabarowsk, 1994. – S. 14.

[16] Pacstwo mongolsko – tatarskie powstaie w XIII stuleciu na terenach zachodniej czкњci imperium Czyngis – chana. Zostaio zaioїone przez jego wnuka Batu-chana.

[17] M. Szczaniecki, Powszechna historia pacstwa i prawa. – Warszawa, 1985. – S.249.

[18] Na obrady Soboru Ziemskiego z 1613 r. wyj№tkowo zaproszono takїe chiopyw.

[19] Nazwa zwi№zana jest z faktem podzielenia w czasie redagowania jego wszystkich uchwai na sto rozdziaiyw.

[20] Uchwaia soboru ziemskiego z 1551 r. w: Rossijskoje zakonodatielstwo X – XX wiekow, T. II. – Moskwa, 1984.

[21] W rosyjskiej literaturze prawniczej, wydawanej w latach dziewiкжdziesi№tych dominuje okreњlanie tego zjawiska jako naruszanie zasady symfonii przez pacstwo.

Dowodzi tego zasadnicza czкњж regulacji normatywnej zawarta w Sobornich Uioїenijach obejmujЉca problematykк majЉtku koњcielnego. Sobyr Ziemski zakazywai klasztorom zwracania siк do cara o nowe nadania ziemskie z wyjЉtkiem szczegylnych przypadkyw[22] oraz wystкpowania o nowe ulgi i przywileje. Dodatkowo koњciyi zostai zobowiЉzany do zwrotu pacstwu dybr ziemskich, ktyre nabyi w okresie rzЉdyw bojarskich w latach 1538 – 1547. Jednoczeњnie przyjкto zakaz zbywania majЉtkyw koњcielnych. Wreszcie wskazuje na to wprowadzenie rozwiЉzania na podstawie ktyrego, klasztory nabywajЉce ziemiк musiaiy skiadaж z tego rodzaju czynnoњci prawnych stosownЉ informacjк carowi. Dawaio to wiadzy pacstwowej moїliwoњж peinej wiedzy i oceny zjawiska przekazywania, przepiywu ziemi dla koњcioia, a takїe gdyby zaistniaia taka koniecznoњж szansк na podjкcie szybkich i potrzebnych z punktu widzenia cara dziaiac w tym zakresie.

Oprycz regulacji koњcielnej problematyki majЉtkowej zobowiЉzano duchowiecstwo do otwierania szkyi koњcielnych i szerzenia oњwiaty.

Sobornije Uioїenija utrzymaiy dotychczas obowiЉzujЉce normy w materii wymiaru sprawiedliwoњci. Potwierdzono autonomiк sЉdownictwa koњcielnego i jego zakres podmiotowy oraz przedmiotowy. Przeprowadzono niewielkie zmiany w ustroju sЉdyw koњcielnych oraz procesu sЉdowego.

Postanowienia Sobornich Uioїenij z 1551 r. zostaiy uzupeinione przez dekret cara Iwana IV Groџnego z 1572 r[23] . Z treњci dekretu wyraџnie wynika nie tylko kontynuowanie, ale wrкcz umocnienie tendencji polegajЉcej na wzmocnienia roli pacstwa w zakresie stosunkyw wyznaniowych w Rosji. Odchodzenie od bizantyjskiej zasady symfonii wiadzy pacstwowej i koњcielnej w owym czasie powoli, ale systematycznie staje siк faktem. Њwiadczy o tym treњж przyjкtych nowych rozwiЉzac.

Na mocy carskiego dekretu wprowadzony zostai caikowity zakaz nabywania ziemi przez koњciyi na podstawie testamentyw, zapisyw oraz w drodze umyw kupna-sprzedaїy. Klasztory zostaiy zobowiЉzane do informowania organyw administracji pacstwowej szczebla lokalnego o jakichkolwiek majЉtkowych darowiznach. W zwiЉzku z zaostrzeniem sytuacji miкdzynarodowej i groџbЉ wybuchu wojny wprowadzono takїe bezprecedensowy, przymusowy podatek o jednorazowym charakterze. Do jego zapiacenia zobowiЉzano klasztory, ale w przypadku niewypiacalnoњci klasztoryw do jego uiszczenia zostai zobowiЉzany koњciyi jako caioњж.

Problem regulacji pozycji majЉtkowej koњcioia byi takїe tematem numer jeden kolejnego Soboru Ziemskiego zwoianego w roku 1581. Najwaїniejszym postanowieniem Soboru byio wprowadzenie caikowitego zakazu nabywania ziemi przez koњciyi. Potwierdzono przy tym nienaruszalnoњж nieruchomoњci ziemskich znajdujЉcych siк we wiadaniu koњcielnym. Przy czym pacstwo zobowiЉzaio siк do uznawania wiasnoњci koњcielnej takїe w przypadku braku dokumentyw potwierdzajЉcych tк wiasnoњж. Jednoczeњnie zniesiono wszelkie obciЉїenia zwiЉzane z koњcielnЉ ziemiЉ. Przyjкto takїe zasadк zakazujЉcЉ odwoiywania darowizn przekazanych koњcioiowi oraz rozwiЉzanie uniemoїliwiajЉce dotychczas istniejЉcЉ moїliwoњж odkupywania darowizn dokonanych na rzecz koњcioia przez bliskich krewnych darczyccy. Ziamanie postanowiec Soboru skutkowaio konfiskatЉ ziemi nabytej z naruszeniem prawa na rzecz pacstwa.

RozwiЉzania przyjкte w 1581 r. w zasadzie zostaiy powtyrzone przez postanowienia kolejnego Soboru Ziemskiego z 1584 r.

Dokonywane przez pacstwo pryby ograniczenia wiadania ziemiЉ przez koњciyi miaiy na celu zatrzymanie procesu zwiкkszania koњcielnego stanu posiadania i w zwiЉzku z tym wzrostu potencjaiu ekonomicznego koњcioia, co stanowiio duїe zagroїenie dla wiadzy њwieckiej[24] .

---

[22] Uїytej w kodyfikacji formuiy precyzyjniej nie okreњlono. Dziкki temu przyjкte rozwiЉzanie z jednej strony umoїliwiaio przekazywanie dybr ziemskich koњcioiowi w sposyb uznaniowy, a z drugiej strony znacznie ograniczyio dotychczasowe rozdawnictwo pacstwa.

[23] ZasadniczЉ przyczynЉ dalszego wzmocnienia roli pacstwa w zakresie materii wyznaniowej byia krytyka koњcioia dotyczЉca powoianej przez Iwana IV Groџnego dla wzmocnienia wiadzy carskiej i kontroli instytucji opriczniny. Tekst carskiego dekretu z 1572 r. w: Rossijskoje zakonodatielstwo X –XX wiekow, T. II. – Moskwa, 1984.

[24] Szczegyiowej charakterystyki problemu ograniczenia pozycji ekonomicznej koњcioia dokonuje W. S. Uljanowa w: Wzaimootnoszenija cerkwi i gosudarstwa w Rossii w dopietrowskoj pieriod. – Moskwa, 1995.

Nowa dynastia Romanowych panujЉca na tronie Rosji od 1613 r. oficjalnie nie odrzuciia regulacji soborowych z kocca XVI wieku. Jednak faktycznie tolerowaia naruszanie wprowadzonych zakazyw dotyczЉcych nabywania ziemi przez koњciyi. Byio to prawdopodobnie podyktowane koniecznoњciЉ uzyskania poparcia koњcioia dla umocnienia siк u wiadzy.

Pierwszym znaczЉcym aktem normatywnym regulujЉcym stosunki pacstwa z koњcioiem w okresie panowania dynastii Romanowych byiy Sobornija Uioїenija z 1649 r. zwane takїe kodeksem cara Aleksego Michajiowicza[25]. Kodeks zamykai trwajЉcy od њmierci Iwana IV Groџnego okres kazuistycznego normowania bieїЉcych problemyw z zakresu relacji pacstwa z koњcioiem oraz stosowania prawa zwyczajowego. Regulacje normatywne zawarte w akcie z 1649 r. cechowaiy wzmocnienie nadzoru pacstwa nad koњcioiem oraz dalsze ograniczanie i uszczuplenie koњcielnego zakresu wiadania ziemiЉ.

Wzmocnienie nadzoru pacstwa nad koњcioiem przejawiio siк w powoianiu do їycia w 1650 r. centralnego organu administracji pacstwowej do spraw koњcielnych tzw. Monasterskiego Prikazu[26]. W zakresie jego kompetencji znajdowaiy siк kontrola przestrzegania prawa przez organy koњcielne, nadzyr nad nieruchomoњciami koњcielnymi oraz sЉdownictwo nad osobami duchownymi. Jeїeli chodzi o ostatniЉ kompetencjк warto zauwaїyж, їe Prikaz Monasterski otrzymai prawo sЉdzenia w spraw cywilnych i karnych dotyczЉcych wszystkich kategorii osyb duchownych poczЉwszy od biskupyw a na zakonnikach skocczywszy. SЉdownictwo koњcielne zostaio ograniczone jedynie do orzekania w sprawach osyb duchownych i њwieckich z zakresu prawa kanonicznego.

W zwiЉzku z deficytem ziemi uprawnej potrzebnej do nadzielania urzкdnikyw i wojskowych kodeks kategorycznie zabraniai koњcioiowi kupowania, przyjmowania darowizn, ustanawiania zastawu oraz przyjmowania w formie testamentowej nieruchomoњci naleїЉcych do osyb њwieckich oraz prowadzenia jakichkolwiek starac o nie. Za naruszenie ustanowionych w Sobornich Uioїenijach z 1649 r. zakazyw karano konfiskatЉ majЉtku koњcielnego bez odszkodowania. W kodeksie cara Aleksego znalaziy siк takїe normy likwidujЉce jurydyki klasztorne w miastach[27] oraz normy na podstawie ktyrych moїliwe byio przejmowanie przez pacstwo bez odszkodowania nieruchomoњci koњcielnych w Moskwie i jej najbliїszej okolicy oraz koњcielnych zakiadyw handlowo-rzemieњlniczych. W ten sposyb koњciyi generalnie utrzymujЉc dotychczasowy stan posiadania ziemi utracii moїliwoњж jego powiкkszania, a wraz z tym umocnienia i rozwoju potencjaiu ekonomicznego, tym bardziej їe zakazano organom koњcielnym prowadzenia dziaialnoњci gospodarczej.

Przypieczкtowaniem wzmocnienia kontroli wiadzy pacstwowej nad wiadzЉ koњcielnЉ byio wprowadzenie zasady, zgodnie z ktyrЉ nowo wybrani patriarchowie rosyjscy podlegali kaїdorazowo ostatecznemu zatwierdzeniu przez cara.

Z pewnЉ liberalizacjЉ nowo uksztaitowanych stosunkyw pacstwa z koњcioiem mamy doczynienia w zwiЉzku z przyiЉczaniem do Rosji terytorium Ukrainy w wyniku umowy Perejesiawskiej z 1654 r. oraz wybuchem wojen z PolskЉ oraz SzwecjЉ. Car zrezygnowai z mieszania siк w koњcielne sprawy wewnкtrzne oraz pozbawii Monasterski Prikaz uprawniec sЉdowniczych wobec duchowiecstwa, przywracajЉc tym samym wczeњniejszy system sЉdownictwa koњcielnego. W 1677 r. organ ten zostai caikowicie zlikwidowany. Prawdopodobnie byio to skutkiem pojawienia siк w poiowie XVII w. nowej, niestosowanej dotychczas formuiy ingerowania pacstwa w sprawy administracyjno – kadrowe koњcioia. W tym czasie sobory koњcielne zwoiywano na podstawie dekretu carskiego. Uczestnikyw soboryw zapraszai wyiЉcznie car. Projekty uchwai soborowych byiy przygotowywane przez komisje skiadajЉce siк z osyb њwieckich. Przyjкte rozwiЉzania umoїliwiaiy carowi decydujЉcy wpiyw na ksztaitowanie spraw

---

[25] Kodyfiakcja ta skiadaia siк z ponad 1000 artykuiyw, usystematyzowanych w 25 rozdziaiyw obejmujЉcych wszystkie dziedziny prawa. Byia to najwaїniejsza kodyfikacja rosyjskiego prawa do pierwszej poiowy XIX w. Tekst kodeksu w: Rossijskoje zakonodatielstwo X – XX wiekow, T. II. – Moskwa, 1985.

[26] Prikazy to rosyjski odpowiednik ministerialnych organyw centralnych powoiywanych w ywczesnych monarchiach absolutnych. Prikazy tworzone byiy na zasadzie biurokratycznej i kierowane jednoosobowo.

[27] W rosyjskim systemie prawnym jurydyki zwane byiy «biaiymi slobodami». Ich mieszkaccy nie podlegali wiadzom miejskim, zajmowali siк wszystkimi rodzajami dziaialnoњci miejskiej nie piacЉc przy tym podatkyw.

koњcielnych w poïЅdanym przez siebie kierunku. Sobory koњcielne ewoluowaiy w kierunku organyw doradczych cara w zakresie spraw wyznaniowych[28] .

Do czasu reform wyznaniowych cara Piotra I oba zbiory norm prawnych tzn. Sobornija Uioïenija z 1551 r. oraz Sobornija Uioïenija z 1649 r. byiy podstawowymi aktami prawnymi normujЅcymi problematykк wyznaniowЅ w Rosji. Uzupeiniaiy je akty normatywne wydawane przez caryw, a w szczegylnoњci dekrety. W tym okresie pacstwo i koњciyi stanowiЅc dwa odrкbne podmioty prawa generalnie њciњle ze sobЅ wspyidziaiaiy i wspyipracowaiy wykonujЅc przypisane sobie zadania w okreњlonych sferach stosunkyw spoiecznych. Przykiadem tego byi dekret carski z 1685 r. przeciwko roziamowcom i heretykom wprowadzajЅcy karк њmierci za te przestкpstwa oraz angaïujЅcy aparat pacstwowy w ich њciganie i wymierzanie kary.

Reformatorska dziaialnoњж Cara Piotra I radykalnie zmieniia dotychczas obowiЅzujЅcy system stosunkyw pacstwa z koњcioiem zarywno w wymiarze normatywnym jak i faktycznym. Polityka cara zmierzajЅca do peinego podporzЅdkowania koњcioia pacstwu, uczynieniu z niego czкњci aparatu pacstwowego doprowadziia do zmiany dotychczas obowiЅzujЅcego statusu prawnego koњcioia w pacstwie[29] tym bardziej, ïe wiadze koњcielne nie sprzyjaiy jego reformatorskiej dziaialnoњci.

W latach 1697 – 1725 Piotr I wydajЅc kilkadziesiЅt dekretyw regulujЅcych problematykк wyznaniowЅ wprowadzii faktycznie model supremacji pacstwa nad koњcioiem[30].

Jednym z pierwszych krokyw nowego cara byio objкcie w 1697 r. kontrolЅ pacstwa gospodarstw domyw biskupich oraz klasztoryw. Klasztorom zakazano jakiejkolwiek dziaialnoњci budowlanej. W 1698 r. Piotr I zracjonalizowai wydawanie њrodkyw publicznych wstrzymujЅc wypiatк pieniкdzy i przekazywanie zboïa podmiotom koњcielnym majЅcym grunty ziemskie i gospodarstwa rolne. Kolejnym aktem byio w 1700 r. zablokowanie wyboru nowego patriarchy i samodzielne wyznaczenie osoby kierujЅcej koњcioiem[31] . Przy tej okazji ograniczono jego kompetencje, ktyre przejЅi car np. powoiywanie na stanowiska koњcielne.

Dekretem z 24 stycznia 1701 r.[32] car przywrycii Monasterski Prykaz jako organ pacstwa wiaњciwy do zarzЅdzania i nadzorowania koњcielnЅ wiasnoњci i majЅtkiem oraz finansowaniem jednostek koњcioia. Organ ten byi odpowiedzialny za wprowadzenie w ïycie i skutecznЅ realizacjк wszystkich decyzji i pomysiyw cara w zakresie polityki wyznaniowej pacstwa i statusu prawnego koњcioia. W zwiЅzku z tym stale poszerzano jego kompetencje i uprawnienia. W koccowym okresie istnienia w 1721 r. Monasterski Prikaz skupiai olbrzymiЅ wiadzк wykonywanЅ w imieniu cara. W zakresie jego kompetencji byiy kontrola: dziaialnoњci wydawniczej, funkcjonowanie drukarni, dziaialnoњci gospodarczej, kontrola wydatkowania њrodkyw finansowych oraz sposobu zarzЅdzania majЅtkiem. Monasterski Prikaz zarzЅdzai dochodami piynЅcymi z nieruchomoњci koњcielnych w tym celu prowadzЅc ich rejestr oraz rejestr warsztatyw rzemieњlniczych, miynyw, olejarni itp.

Pozbawienie koњcioia moïliwoњci kierowania i zarzЅdzania swoim majЅtkiem w istocie oznaczaio jego sekularyzacjк chociaï formalnie nadal byia to wiasnoњж koњcielna[33]. Potwierdzeniem tego jest praktyka z lat 1701 – 1705 sprzedawania, darowywania i przekazywania w dzierïawк ziemi koњcielnej oraz uznanie koњcioia za organizacjк budïetowЅ z moïliwoњciЅ zatwierdzania przez cara tabeli stanowisk koњcielnych.

Po 1705 r. w zwiЅzku z kryzysem finansowym koњcioia pacstwo stopniowo odchodzi od tak rozumianej sekularyzacji na rzecz tzw. czкњciowej sekularyzacji. Polegaia ona tym, ïe wszystkim jednostkom koњcielnym posiadajЅcym niewielkie nieruchomoњci ziemskie zwrycono je do peinego zarzЅdzania na dotychczasowych zasadach. Natomiast jednostki koњcielne posiadajЅce najwiкksze obszary ziemskie nabyiy prawo zarzЅdzania њciњle okreњlonЅ czкњciЅ nieruchomoњci i otrzymaiy na utrzymanie okreњlonЅ czкњж dochodyw z tych ziem, druga czкњж

[28] Nikolskij, N. M. Istoria russkoj cerkwi. – Moskwa, 1985. – S. 118.

[29] Kunicyn, I. A. Prawowyj status religioznych objedinienij w Rossii. – Moskwa, 2000. – S. 22.

[30] Pietrzak, M. Prawo wyznaniowe. – Warszawa, 2003.

[31] Sprawami koњcielnymi zarzЅdzai bez tytuiu patrirchy jeden z metropolityw.

[32] Tekst opublikowany w: Poinoje sobranije zakonow Rossijskoj Imperii, T. 5.

[33] Wszystkie ywczesne ћrydia tak њwieckie jak i koњcielne zgodne byiy, ïe przyjкte rozwiЅzania doprowadziiy do kryzysu finansyw koњcioia, ktyry znacznie ograniczyi wszystkie formy jego dziaialnoњci.

maj№tkyw ziemskich nadal pozostawaia we wiadaniu pacstwa, a dochody z nich zasilaiy tylko budïet pacstwa. W 1720 r. wraz z ponown№ likwidacj№ Monasterskiego Prikazu wszystkie nieruchomoњci koњcielne zostaiy ponownie przekazane pod zarz№d pierwotnym wiaњcicielom, aczkolwiek dochody z nich zasilaiy budïet pacstwa.

Za panowania Piotra I szczegyln№ kontrol№ pacstwa objкto klasztory wprowadzaj№c jednoczeњnie caiy szereg istotnych z punktu widzenia pacstwa nowych obowi№zkyw dla klasztoryw. Dekretem carskim z 24 stycznia 1701 r. klasztory zobowi№zano do dostarczania ïywnoњci dla jednej z formacji kawaleryjskiej – dragonyw, zapewnienia zakwaterowania dla cudzoziemcyw i paszy koniom. Od tej pory zaioïenie nowego klasztoru wymagaio osobistej zgody cara. Na podstawie kolejnego dekretu cara z 31 stycznia 1724 r.[34] naioïono na klasztory obowi№zek wypeinianie okreњlonych funkcji socjalnych. Przede wszystkim zobowi№zano klasztory do przyjmowania i zapewniania opieki chorym, starym oraz rannym ïoinierzom i innym funkcjonariuszom pacstwa. W tym celu zakazano przyjmowania na wolne miejsca klasztorne nowych mnichyw.

Kontynuuj№c tendencjк ograniczania roli klasztoryw dekretem z 22 maja 1724 r. Piotr I podzielii klasztory na klasztory pierwszej kategorii oraz drugiej kategorii jednoczeњnie likwiduj№c najmniejsze z nich. Przy tej okazji wszystkie klasztory przesziy na utrzymanie pacstwa. Polegaio ono na wydzieleniu kaïdemu klasztorowi w zaleïnoњci od kategorii okreњlonej sumy pienikïnej oraz okreњlonej iloњci zboïa. Kaïdy z mnichyw zdolny do pracy musiai jednak zobowi№zaж siк do uprawiania ziemi ewentualnie wykonywania innej pracy.

Ukoronowaniem reform stosunkyw wyznaniowych w Rosji dokonanych przez Cara Piotra I byio przyjкcie 25 stycznia 1721 r. aktu normatywnego znanego powszechnie jako Duchowny Regulamin[35] .

Akt ten sankcjonowai likwidacjк instytucji patriarchy jako organu zarz№dzaj№cego Koњcioiem prawosiawnym i przewidywai reformк sposobu kierowania koњcioiem. W tym celu powoiano do ïycia Њwiкty Synod zwany teï pocz№tkowo Kolegium Duchownym na wzyr innych kolegiyw powoiywanych przez cara jako kolegialne organy ministerialne w miejsce dotychczasowych prikazyw.

Duchowny Regulaminu wyposaïai Њwiкty Synod w rozlegie kompetencje, wњryd ktyrych najwaïniejsze byiy: zarz№d nieruchomoњciami koњcielnymi, kontrola nad stanem gospodarczym posiadioњci koњcielnych, wydawanie rozporz№dzec, zwalczanie herezji, cenzura oraz zarz№dzanie instytucjami koњcielnymi i systemem finansowym koњcioia w tym zbiyr opiat i podatkyw.

Organ ten szybko stai siк skutecznym wykonawc№ polityki wyznaniowej cara[36] . Tym samym kierownictwo koњcioia zostaio poddane kontroli wiadzy њwieckiej, giowa ktyrej zostaia w istocie giow№ koњcioia. Jednoczeњnie koњciyi utracii administracyjn№ samodzielnoњж przeksztaicaj№c siк stopniowo w instytucjк pacstwow№. W ten sposyb usunikto kanoniczny system kierowania koњcioiem.

Њwiкty Synod skiadai siк z przedstawicieli wyïszego duchowiecstwa pracuj№cych pod kierownictwem mianowanego przez cara urzкdnika cywilnego z tytuiem oberprokuratora Њwiкtego Synodu bкd№cego «okiem i uchem monarchy». Spoczywaia na nim najwyïsza wiadza wykonawcza w koњciele. Oberprokurator osobiњcie odpowiadai przed carem za: stosunki z instytucjami pacstwowymi, kierowanie instytucjami koњcielnymi, dziaialnoњж finansow№ i gospodarcz№ koњcioia oraz dziaialnoњж propagandow№ koњcioia.

Њwiкty Synod skiadai siк z kancelarii, komitetu naukowego, drukarni oraz reaktywowanego Monasterskiego Prikazu zajmuj№cego siк koњcielnymi finansami. Obradowai na posiedzeniach

---

[34] Poinoje sobranije zakonow Rossijskoj Imperii, T. 7.

[35] Poinoje sobranije zakonow Rossijskoj Imperii, T. 6.

[36] W XVIII w. w podobny sposyb wiadcy protestanccy organizowali narodowe koњcioiy w krajach zachodniej Europy. W tym celu powoiywano, bкd№ce jednym z filaryw pacstwa koњcioiy narodowe na czele ktyrych stawali wiadcy jako pierwsi biskupi oraz tworzono konsystorze z udziaiem њwieckich. Monarcha absolutny i organy њwieckie nadzorowali w ten sposyb i w peini kontrolowali wszystkie aspekty ïycia koњcielnego. Podobne cechy charakterystyczne wykazywai takïe system wprowadzony w katolickiej Austrii zwany «jyzefinizmem”. Na mocy reform cesarza Jyzefa II pacstwo caikowicie podporz№dkowaio sobie Koњciyi katolicki zmuszaj№c go na przykiad do ogiaszania z ambon rozporz№dzec cesarskich.

prowadzonych przez oberprokuratora. Wszystkie sprawy z zakresu jego kompetencji byiy dyskutowane i rozstrzygane w giosowaniach zwyki№ wiккszoњci№ giosyw.

Zupeinie nowym elementem polityki wyznaniowej cara Piotra I byio stworzenie podstaw prawnych funkcjonowania innych kultyw religijnych na terenie Rosji. Potrzeba unormowania tej kwestii byia podyktowana szybkim rozwojem terytorialnym pacstwa i przejmowaniem terytoriyw zamieszkiwanych przez wyznawcyw innych religii monoteistycznych. Przeiomowym krokiem w tej mierze byi Manifest cesarski z 1721 r. wydany po ogioszeniu przez Senat Piotra I Cesarzem – Imperatorem Wszech Rosji[37] . Manifest przyznawai innowiercom wolnoњж kultu i odprawiania naboїecstw, umoїliwiai posiadanie wiasnych њwi№tyc oraz utrzymywanie duchowiecstwa. Moїna akt ten potraktowaж jako pocz№tek normatywnej regulacji wolnoњci sumienia i religii. Koniecznie naleїy jednak podkreњliж, їe pozycja prawna organizacji religijnych zrzeszaj№cych wyznawcyw innych giywnych religii w Rosji zaleїaia i tak od konkretnych uwarunkowac politycznych, spodziewanych korzyњci oraz pogl№dyw i koncepcji giywnego kreatora polityki wyznaniowej – cara. Jednoczeњnie jednak wzmoїono starania i wysiiki aparatu pacstwowego zmierzaj№ce do likwidacji wszelkiego rodzaju herezji i podziaiyw koњcielnych. Jako przykiad posiuїyж moїe carska dyrektywa wydana dla organyw administracji skarbowej nakazuj№ca pobieranie od nich podatkyw w podwyjnym wymiarze[38] .

Zapocz№tkowan№ przez Piotra I politykк wyznaniow№ generalnie kontynuowali jego osiemnastowieczni nastкpcy dokonuj№c jednak ich zdaniem potrzebnych korekt i zmian. W tym czasie w stosunkach pacstwowo-koњcielnych њcieraiy siк dwie przeciwstawne tendencje. Pierwsza polegaia na d№їeniu do peinej sekularyzacji maj№tku koњcielnego i jeszcze wiккszym ograniczeniu uprawniec koњcioia. Druga charakteryzowaia siк zwiккszaniem niezaleїnoњci koњcioia i przyznawaniem mu nowych lub zwracaniem utraconych wczeњniej uprawniec i swobyd.

Tendencja sekularyzacyjna wyst№piia w okresie panowania cesarzowej Katarzyny I (1725 – 1727), cesarzowej Anny (1730 – 1740) oraz cesarza Piotra III (1762). O prowadzonej polityce sekularyzacji w okresie panowania Katarzyny I њwiadczyio pozbawienie koњcioia prawa do kierowania naleї№cym do niego maj№tkiem oraz reforma Њwiкtego Synodu[39]. Synod zostai wywczas podzielony na dwa departamenty. Pierwszy departament, skiadaj№cy siк z szeњciu biskupyw mianowanych przez cesarza kierowai dziaialnoњci№ kultow№ koњcioia. Drugi departament zwany teї Kolegium Ekonomii, skiadaj№cy siк wyi№cznie ze њwieckich urzкdnikyw powoiywanych przez cesarza bez konsultacji z koњcioiem sprawowai kontrolк nad koњcieln№ dziaialnoњci№ gospodarcz№, s№dow№ oraz zarz№dzaniem koњcielnym mieniem.

W okresie panowania cesarzowej Anny przeprowadzono skuteczn№ kampaniк њci№gania diugyw i zalegioњci koњcielnych wobec skarbu pacstwa oraz zapocz№tkowano praktykк likwidacji klasztoryw i przejкcia ich maj№tku na rzecz pacstwa. Zasadniczym elementem polityki wyznaniowej tego okresu byio przekazanie nieruchomoњci koњcielnych w peine zarz№dzanie Kolegium Ekonomii Њwiкtego Synodu, ktyre jednoczeњnie podporz№dkowano Senatowi Rz№dz№cemu[40] . Tym samym Kolegium bezpoњrednio kierowaio jednostkami koњcielnymi, ich dziaialnoњci№ gospodarcz№ oraz finansow№[41] .

Politykк peinej sekularyzacji kontynuowai rywnieї cesarz Piotr III wydaj№c 21 marca 1762 r. Dekret o peinej sekularyzacji nieruchomoњci koњcielnych[42] . Na jego podstawie ponownie przywrycono Kolegium Ekonomii. Jednak faktycznie ze wzglкdu na krytkie panowanie Piotra III nie zrealizowai on swoich reform.

Tendencja do zwiккszania niezaleїnoњci koњcioia oraz przywracania mu nowych lub zwracaniem utraconych wczeњniej uprawniec i swobyd miaia miejsce za panowania cesarzowej

[37] Bezpoњrednim powodem ogioszenia Manifestu byio zwyciкstwo Rosji w wojnie pyinocnej ze Szwecj№ i chкж przyci№gniкcia jeccyw szwedzkich do siuїby carskiej w szczegylnoњci z terenyw dzisiejszej Jotwy i Estonii.

[38] Szerzej na ten temat: I. A. Kunicyn, Prawowyj status religioznych objedinienij w Rossii. – Moskwa, 2000. – S. 26.

[39] Najwyїszy Dekret cesarzowej Katarzyny I z 12 lipca 1726 r., Poinoje sobranije zakonow Rossijskoj Imperii, t. 7.

[40] Senat Rz№dz№cy powstai za panowania Piotra I w 1711 r. jako organ sprawuj№cy kontrolк nad administracj№ i s№downictwem. Zajmowai siк takїe publikacj№ aktyw normatywnych, sprawami budїetowymi, handlem zagranicznym oraz zastкpowai cesarza w czasie jego pobytu za granic№.

[41] Dekret cesarzowej Anny z 25 kwietnia 1740 r., Poinoje sobranije zakonow Rossijskoj Imperii, t. 11.

[42] Poinoje Sobranije zakonow Rossijskoj Imperii, t. 15.

Elїbiety (1741 – 1762). Do najwaїniejszych postanowiec monarchini w zakresie polityki wyznaniowej zaliczyж naleїy likwidacjк Kolegium Ekonomii w 1744 r., ponowne przekazanie koњcioiowi w 1753 r. wszystkich zabranych przez Piotra I nieruchomoњci oraz opodatkowanie jednorublowym podatkiem koњcielnych zagryd chiopskich, z ktyrego poiowк pozostawiano do dyspozycji Њwiкtego Synodu na cele koњcielne[43]. Warto w tym miejscu podkreњliж, їe likwidacjк Kolegium Ekonomii powi№zano z powoianiem konsystorzy diecezjalnych bкd№cych kolegialnymi organami wykonawczymi koњcioia w diecezjach. Przyjкty system powoiywania czionkyw konsystorza przez Њwiкty Synod oraz peine podporz№dkowanie sekretarza konsystorza wyi№cznie oberprokuratorowi potwierdza utrzymywanie przez pacstwo systemu nadzoru nad organami koњcielnymi.

Њcieranie siк dwych koncepcji stosunkyw pacstwa z koњcioiem i wynikaj№ce zmiany w polityce wyznaniowej byiy skutkiem przede wszystkim licznych wojen oraz zwrotyw w polityce zagranicznej i wewnкtrznej, ktyre zwi№zane byiy z koniecznoњci№ zwiккszania wydatkyw pacstwa oraz prybami izolacji koњcioia lub wykorzystywania go do doraџnych celyw politycznych przez rz№dz№cych. W tym czasie polityka wyznaniowa oscylowaia od polityki liberalizacji do polityki zaostrzania kursu wobec koњcioia, od polityki zwiккszania zakresu nadzoru pacstwa do polityki jego osiabiania. Najlepszym przykiadem tego wydaje siк byж przedstawiona powyїej ewolucja polityki pacstwa w odniesieniu do maj№tku koњcielnego.

Reformк stosunkyw pacstwowo – koњcielnych zapocz№tkowan№ przez Piotra I zakocczyia cesarzowa Katarzyna II. W okresie swojego panowania zrealizowaia ona dwa zasadnicze i istotne dla pacstwa, a niedokocczone wczeњniej cele. Po pierwsze dokocczyia sekularyzacjк maj№tkyw koњcielnych wzmacniaj№c przy okazji nadzyr pacstwa umacniaj№c pacstwow№ administracjк wyznaniow№ oraz reorganizuj№c administracjк koњcieln№ w oparciu o zasadк kolegialnoњci z udziaiem przedstawicieli wiadzy њwieckiej. Po drugie uregulowaia pozycjк prawn№ organizacji religijnych naleї№cych do innych religii oraz ich relacje z pacstwem co wraz z szybkim rozwojem terytorialnym Rosji zaczynaio stanowiж powaїny problemem dla pacstwa.

Przeprowadzenie sekularyzacji bкd№cej w istocie nacjonalizacj№ maj№tku koњcielnego poprzedziio powoianie specjalnej komisji do spraw ustalenie faktycznych dochodyw koњcielnych jednostek organizacyjnych uїytkuj№cych ziemiк i porywnania ich z dochodami najlepszych gospodarstw њwieckich. Zadaniem komisji byio takїe ustalenie liczbowego skiadu personalnego wszystkich jednostek organizacyjnych koњcioia oraz okreњlenie w przybliїeniu rozmiaru wynagrodzenia jakie powinni otrzymywaж ze skarbu pacstwa po przeprowadzeniu sekularyzacji i przejкciu ich utrzymania przez pacstwo. Sekularyzacji maj№tku koњcielnego dokonano po zakocczeniu prac komisji na podstawie manifestu cesarskiego z 22 lutego 1764 r. o zniesieniu poprzedniego lokalnego wiadania ziemi№ przez instytucje koњcielne[44]. Potrzebк sekularyzacji uzasadniono niefachowoњci№ i marnotrawstwem administracji koњcielnej. Na podstawie manifestu zsekularyzowano nieruchomoњci ziemskie naleї№ce do koњcioia i przekazano je do zarz№dzania reaktywowanemu przez Piotra III Kolegium Ekonomii. W uїytkowaniu biskupyw diecezjalnych i klasztoryw pozostawiono niewielkie dziaiki o wielkoњci od 6 do 30 dziesiкcin[45]. Jednoczeњnie przeprowadzono nadzielanie niewielkimi obszarowo dziaikami parafii i zwolniono je z szeregu podatkyw np. na cele wojenne. W rezultacie sekularyzacji pacstwo przejкio na siebie utrzymanie instytucji cerkiewnych i klasztornych oraz wypiatк uposaїenia duchownym na podstawie sporz№dzonych stanyw etatowych. Sekularyzacja chociaї zlikwidowaia feudaln№ w istocie koњcieln№ wiasnoњж ziemsk№ oraz umoїliwiia jeszcze wiкksze podporz№dkowanie koњcioia pacstwu co byio przecieї jednym z celyw giywnych monarchii absolutnej nie wywoiaia wiкkszych protestyw ze strony koњcioia[46].

W rezultacie licznych zwyciкskich wojen w XVIII w. nast№pii gwaitowny wzrost terytorialny Rosji, ktyry przeksztaicii dot№d jednorodne wyznaniowo pacstwo w pacstwo wielowyznaniowe.

---

[43] Poinoje Sobranije zakonow Rossijskoj Imperii, t. 12 i t. 13.
[44] Poinoje Sobranije zakonow Rossijskoj Imperii, t. 16.
[45] Urzкdowa jednostka powierzchni gruntyw rozpowszechniona w Rosji od XV w. do XX w., 1 dz. = 1.09 ha.
[46] Szerzej na ten temat w: N. V. Riasanovsky, A history of Russia. – New York, 1969.

PalЉcym problemem staio siк uregulowanie pozycji prawnej pozostaiych organizacji religijnych, a w szczegylnoњci drugiej pod wzglкdem liczby wyznawcyw konfesji – islamu. Pacstwo staraio siк uioїyж wzajemne stosunki z organizacjami islamskimi na podobnych zasadach jak z Koњcioiem prawosiawnym. Podstawк prawnЉ stanowiio Prawo o tolerancji wyznac z 1773 r.[47] ZasadЉ przewodniЉ tej regulacji normatywnej byio zobowiЉzanie administracji pacstwowej do iЉczenia interesyw pacstwa z religiami a de facto ich podporzЉdkowania przy utrzymaniu њcisiego nadzoru pacstwa. Generalnie potwierdzono prawo do swobody kultu oraz posiadania њwiЉtyc, szkyi religijnych i duchowiecstwa. Jednoczeњnie wprowadzono normatywy dotyczЉce liczby њwiЉtyc w zaleїnoњci od liczny wiernych. Uzaleїniono budowк nowych њwiЉtyc od zgody administracji terenowej. Przyjкto zasadк zatwierdzania nominacji na funkcje religijne przez cesarza.

Wiek XIX przyniysi w zasadzie umocnienie i ostateczne uksztaitowanie modelu stosunkyw wyznaniowych pacstwa z organizacjami religijnymi, zapoczЉtkowanego reformami koњcielnymi Piotra I i jego nastкpcyw. Uksztaitowany wywczas system dotrwai do 1917 r. PrzedstawiajЉc system stosunkyw wyznaniowych w XIX – ym Imperium Rosyjskim naleїy scharakteryzowaж nastкpujЉce elementy: regulacje prawnЉ majЉtku koњcioia, system opodatkowania organizacji religijnych, pozycjк prawnЉ duchownych, prawno – karnЉ ochronк religii, organizacjк administracji wyznaniowej oraz stosunki pacstwa z innymi organizacjami wyznaniowymi.

Gdy idzie o pierwszy element to jeszcze za panowania Cesarza Pawia I w 1797 r. podwojono nadziaiy ziemskie bкdЉce w uїytkowaniu biskupyw oraz potrojono nadziaiy ziemskie bкdЉce w uїytkowaniu klasztoryw zwiкkszajЉc tym samym znacznie wielkoњж uїytkowanej ziemi przez koњciyi. Jednoczeњnie dodatkowo przekazano tym koњcielnym jednostkom organizacyjnym w uїytkowanie miyny, stawy rybackie i innego rodzaju uїytki rolne. Za panowania Mikoiaja I kontynuujЉc trend powiкkszania areaiu uїytkowanej ziemi zezwolono klasztorom na uїytkowanie do 150 dziesiкcin ziemi i do 150 dziesiкcin gruntyw leњnych oraz przyznano prawo poiowu ryb. W drugiej poiowie XIX w. stan posiadania koњcioia gwaitowanie wzrysi giywnie na skutek rozpowszechnienia siк praktyki nadzielania koњcioia przez pacstwo gruntami ziemskimi, nabywania w formie kupna – sprzedaїy, licznych darowizn, zapisyw oraz spadkyw. W praktyce zrezygnowano wywczas z limitowania stanu posiadania nieruchomoњci przez jednostki organizacyjne koњcioia. Nadal jednak jednostki koњcielne uїytkowaiy nieruchomoњciami na prawach zbliїonych do wiasnoњci, ale bez moїliwoњci ich sprzedawania i jakiegokolwiek innego zbywania oraz obciЉїania. Wiaњcicielem nieruchomoњci koњcielnych pozostawaio pacstwo.

Drugim istotnym elementem pozwalajЉcym na dokonanie charakterystyki stosunkyw wyznaniowych byi system opodatkowania organizacji religijnych. Organizacje religijne korzystaiy z licznych przywilejyw podatkowych i celnych. Zwolniono je z podatku od nieruchomoњci z wyjЉtkiem nieruchomoњci, ktyre zostaiy wynajкte i przynosiiy dochyd z najmu[48]. Instytucje koњcielne wszystkich wyznac zwolnione byiy od podatku podymnego, podatku ziemskiego oraz podatku przemysiowego. Zwolnienie od podatku przemysiowego objкio drukarnie i wydawnictwa koњcielne, przedsiкbiorstwa koњcielne, ktyre produkowaiy utensylia religijne oraz zakiady handlujЉce przedmiotami potrzebnymi do sprawowania kultu, kadzidiem oraz olejem. Od podatku zwolniono takїe darowizny, zapisy i spadki na rzecz organizacji religijnych. Dodatkowo Koњciyi prawosiawny zostai zwolniony z podatku od wynajmowanych nieruchomoњci miejskich oraz sklepyw koњcielnych oraz wszystkich opiat miejskich.

DokonujЉc charakterystyki rozwiЉzac majЉtkowych odnoszЉcych siк do organizacji religijnych nie moїna zapominaж o kwestii dotacji pacstwowych. Wszystkie uznane przez pacstwo organizacje religijne otrzymywaiy dotacje na przykiad na: utrzymanie centralnych i lokalnych organyw religijnych, klasztoryw, na budowк i remont obiektyw sakralnych[49]. OsobnЉ sferк stanowiia finansowa pomoc pacstwa dla dziaialnoњci oњwiatowej i wydawniczej prowadzonej przez organizacje religijne. Oczywiњcie wielkoњж pomocy finansowej uzaleїniona byia od

[47] Poinoje Sobranije zakonow Rossijskoj Imperii, t. 16.

[48] RozwiЉzanie to niedotyczyio organizacji religijnych dziaiajЉcych w guberniach Krylestwa Polskiego, oficjalnie zwanego po powstaniu styczniowym Krajem Przywiњlacskim.

[49] Koњciyi prawosiawny dodatkowo otrzymywai dotacje na pokrycie kosztyw dziaialnoњci misjonarskiej.

wielkoњci i potencjaiu organizacji religijnej. Najwiкksze dotacje otrzymywai Koњciyi prawosiawny skupiajЉcy wyznawcyw religii pacstwowej i panujЉcej[50].

Trzecim kluczowym elementem umoïliwiajЉcym ocenк stosunkyw wyznaniowych w Rosji byia kwestia statusu prawnego osyb duchownych. Duchowni wszystkich organizacji religijnych byli powoiywani lub zatwierdzani na funkcje religijne przez organy pacstwowe. Najwyïsi duchowni powoiywani byli bezpoњrednio przez cesarza – imperatora. Pozostaiych wyïszych duchownych powoiywaio Ministerstwo Spraw Wewnкtrznych lub gubernatorzy. W przypadku niïszego duchowiecstwa stosowano procedurк zatwierdzenia przez lokalne organy administracyjne. Jednoczeњnie organy te sprawowaiy nadzyr administracyjny nad dziaialnoњciЉ osyb duchownych, przestrzeganiem aktyw normatywnych oraz wykonywaniem zarzЉdzec organyw wiadzy.

Zasadnicze znaczenie dla okreњlenia statusu prawnego osyb duchownych ma sprecyzowanie katalogu obowiЉzkyw i uprawniec. Wszystkie osoby duchowne zobowiЉzane zostaiy do skiadania przysiкgi na wiernoњж cesarzowi – imperatorowi i nastкpcy tronu oraz ochrony samodzierïawia i obowiЉzujЉcego porzЉdek prawny. Na duchowiecstwo parafialne naioïono obowiЉzek wykonywania funkcji organyw pacstwowych poprzez prowadzenie ksiЉg metrykalnych, rejestracje aktyw urodzenia, maiïecstwa i zgonyw, wydawanie њwiadectw metrykalnych oraz czytanie w њwiЉtyniach aktyw prawnych pochodzЉcych od organyw pacstwowych, ktyre ze wzglкdu na swojЉ treњж powinny byж powszechnie znane narodowi. Ponad to duchowni zostali zobowiЉzani do informowania wiaњciwych organyw pacstwowych oraz swoich przeioïonych o przestкpstwach zdrady stanu i buncie przeciwko cesarzowi. W tych dwych przypadkach zostali oni zwolnieni od przestrzegania gwarantowanej w systemie prawnym tajemnicy spowiedzi. Do pozostaiych obowiЉzkyw osyb duchownych wszystkich organizacji religijnych zaliczyж naleïy: skionienie przestкpcy do poinformowania policji o popeinieniu przestкpstwa i do przyznania siк do winy przed sЉdem[51], informowanie policji o stwierdzeniu na ciele denata њladyw wskazujЉcych na nienaturalnЉ њmierж[52], ogioszenie informacji o wyroku sЉdowym dotyczЉcym parafianina, przeprowadzenie na wniosek sЉdu aktu przysiкgi religijnej oraz naioïenie dodatkowej kary religijnej na osobк skazanЉ wyrokiem sЉdu.

OmawiajЉc katalog uprawniec osyb duchownych naleïy zauwaïyж, ïe w porywnaniu do pozycji prawnej osyb њwieckich wystкpowaio wyraџne uprzywilejowanie. Dowodzi tego zwolnienie osyb duchownych z obowiЉzku siuïby wojskowej i obowiЉzku piacenia podatkyw[53], a takïe uprawnienie do odbywania kary orzeczonej przez sЉd w indywidualnych celach lub klasztorach oraz prawo do wyiЉczenia jawnoњci postкpowania sЉdowego w sprawach karnych prowadzonych przeciwko duchownym. Ponad to wszyscy duchowni dziaiajЉcych legalnie w Imperium Rosyjskim organizacji religijnych otrzymywali staie wysokie wynagrodzenie, ktyre wypiacane byio regularnie co miesiЉc ze skarbu pacstwa[54].

Szczegylne miejsce w systemie prawnym carskiej Rosji zajmowaiy normy karno – prawne siuïЉce ochronie religii i organizacji religijnych. Znajdowaiy siк one w kodeksie karnym z 14 marca 1906 r. w rozdziale o zapobieganiu i zwalczaniu przestкpstw przeciwko wierze oraz naruszec uprawniec jЉ zabezpieczajЉcych[55]. Do katalogu przestкpstw przeciwko wierze zaliczono: bluџnierstwo przeciwko: Bogu, Њwiкtej Tryjcy, Marii Panny, boskiemu krzyïowi, siiom niebieskim, њwiкtym oraz ich wizerunkom, przeњladowanie religii chrzeњcijacskiej,

---

[50] Szczegyiy dotyczЉce zasad i skali dotacji pacstwa dla organizacji wyznaniowych na przeiomie XIX – XX w. w: W. D. Boncz – Brujewicz, Izbrannyje proizwiedienija. – Moskwa, 1959.

[51] W czasie sakramentu spowiedzi duchowni wyznac chrzeњcijacskich winni byli uzaleïniж od tego rozgrzeszenie grzechyw i dopuszczenie do komunii њwiкtej.

[52] W tym przypadku osoba duchowna zobowiЉzana byia do powstrzymania siк od odprawiania obrzкdyw pogrzebowych.

[53] Uprawnienie to obejmowaio rywnieï wdowy i sieroty po osobach duchownych.

[54] E. F. Grekuiow, Razchody, swiazannyje s religiej w budïetie carskoj Rossii, Woprosy istorii religii i ateizma nr 12, s. 142.

[55] O szczegylnej roli prawno – karnej ochrony religii w systemie pranym Imperium Rosyjskiego њwiadczy takïe fakt, ïe artykuiy dotyczЉce przestкpstw przeciwko religii ujкte byiy w pierwszej kolejnoњci i wyprzedzaiy artykuiy traktujЉce o przestкpstwach przeciwko pacstwu i imperatorowi oraz czionkom rodziny panujЉcej.

wyњmiewanie i krytykowanie Pisma Њwiкtego oraz dogmatyw wiary i њwiкtych sakramentyw, herezjк, roziam organizacji koњcielnej, uchylenie siк od wykonania postanowiec organizacji religijnej, odejњcie od religii chrzeњcijacskiej i przejњcie na islam oraz judaizm lub inn№ religiк niechrzeњcijacsk№, czionkostwo w sektach i strukturach heretyckich, њwiкtokradztwo czyli kradzieї bкd№cych wiasnoњci№ organizacji religijnych wszelkich rzeczy i pieniкdzy, odsianianie mogii, grabienie lub inne bezczeszczenie zwiok oraz zioїenie niezgodnej z prawd№ przysiкgi religijnej[56].

W grupie przestкpstw przeciwko religii znajdowaiy siк takїe przestкpstwa wyi№cznie przeciwko Koњcioiowi prawosiawnemu i religii prawosiawnej jako religii dominuj№cej i pacstwowej. Zaliczono do nich: przeњladowanie religii prawosiawnej i Koњcioia prawosiawnego, nawracanie prawosiawnych na inn№ religiк chrzeњcijacsk№, powstrzymywanie innowiercyw od przechodzenia na wyznanie prawosiawne, niewykonywanie obowi№zku wychowania dzieci w wierze prawosiawnej[57], odprawianie nad prawosiawnymi obrzкdyw religijnych oraz nauczanie ich religii innych konfesji.

Przestкpstwa przeciwko religii byiy zagroїone surowymi sankcjami karnymi. Najsurowiej karano za przestкpstwo bluџnierstwa przeciwko Bogu, ktyre zagroїone byio wyi№cznie kar№ њmierci. Pozostaie przestкpstwa zagroїone byiy przede wszystkim robotami katorїniczymi orzekanymi w maksymalnym wymiarze od 6 do 15 lat, zsyik№ do oddalonych guberni europejskich lub azjatyckich lub kar№ wiкzienia w wymiarze od 3 miesiкcy do kilku lat. Wymiar kary uzaleїniony byi od stopnia winy oraz publicznego charakteru czynu. Oczywiњcie przestкpstwa popeinione z winy umyњlnej karane byiy znacznie surowiej od przestкpstw popeinionych nieumyњlnie[58]. Karane byio takїe nie informowanie stosownych organyw o popeinieniu tych przestкpstw.

W celu zapewnienia wiaњciwego poszanowania religii w їyciu spoieczecstwa gubernatorzy, organy policji oraz wszystkie osoby peini№ce funkcje publiczne zobowi№zane zostaiy do zapobiegania oraz zwalczania, wszystkimi dostкpnymi dla nich њrodkami dziaiac zmierzaj№cych do naruszenia szacunku do religii. Rosyjski system prawny dopuszczai w takich sytuacjach moїliwoњж zastosowania w trybie administracyjnym nastкpuj№cych њrodkyw zapobiegawczych: zakaz zamieszkania w dotychczasowym miejscu, zsyikк do oddalonych miejscowoњci europejskiej lub azjatyckiej czкњci Rosji oraz oddanie pod nadzyr policji.

Organem administracyjnym, ktyry koordynowai i zapewniai naleїyt№ ochronк wszystkich leganie dziaiaj№cych na terytorium Rosji religii byi gubernator lub generai-gubernator, dziaiaj№cy w tym zakresie przy pomocy organyw policji. Do zakresu jego obowi№zkyw naleїaio zapewnienie: ciszy, spokoju i porz№dku w њwi№tyniach i ich bezpoњrednim s№siedztwie oraz przestrzegania zakazu: handlu, wyszynku, teatralnych przedstawiec, muzyki i taccyw do czasu zakocczenia naboїecstw w њwi№tyniach.

Przedstawiaj№c system stosunkyw wyznaniowych w Imperium Rosyjskim na przeiomie XIX i XX ww. naleїy scharakteryzowaж takїe organizacjк administracji wyznaniowej. Dla dorewolucyjnego systemu prawnego Rosji charakterystyczne byio istnienie rozbudowanego i dualistycznego aparatu administracji wyznaniowej nadzoruj№cej dziaialnoњж organizacji religijnych[59]. Dualistyczny model administracji wyznaniowej przejawiai siк w tym, їe w stosunku

---

[56] Zioїenie faiszywej przysiкgi religijnej w s№dzie traktowane byio nie jako przestкpstwo przeciwko wymiarowi sprawiedliwoњci lecz jako przestкpstwo przeciwko religii i w zwi№zku z tym karane byio wyj№tkowo surowo tj. kar№ zsyiki na Syberiк z obowi№zkiem osiedlenia ewentualnie prac№ katorїnicz№.

[57] Obowi№zek ten obejmowai tylko tych rodzicyw lub opiekunyw dzieci wyznania prawosiawnego, ktyrzy byli zobowi№zani do tego na podstawie prawa np. maiїonkyw lub osyb adoptuj№cych bкd№cych innowiercami.

[58] Szczegyiowe dane dotycz№ce wysokoњci orzekanych kar i liczby prowadzonych postкpowac w sprawach przestкpstw przeciwko religii w ostatnich latach istnienia Imperium Rosyjskiego przytacza S. G. Strumilin, Bog i swoboda, Moskwa 1961.

[59] Z jedynym odstкpstwem od tej zasady mamy doczynienia za panowania cara Aleksandra I w latach 1817 – 1824, kiedy to pod wpiywem rozwi№zac stosowanych w pacstwach zachodnioeuropejskich powoiano jednolity organ administracji wyznaniowej tj. Ministerstwo Spraw Duchowych i Narodowego Oњwiecenia. W tym czasie Њwiкty Synod byi organem doradczym usytuowanym przy departamencie spraw duchownych, jednym z dwych departamentyw ministerstwa.

do najwiккszej organizacji religijnej – Koњcioia prawosiawnego zadania administracji pacstwowej speiniai Њwiкty Synod. Natomiast w stosunku do innych organizacji religijnych organem administracji wyznaniowej byio Ministerstwo Spraw Wewnкtrznych z specjalnym departamentem spraw duchowych wyznac zagranicznych.

Jeїeli chodzi o Њwiкty Synod funkcjonowai on w imieniu cesarza i wykonywai jego polecenia[60]. W nomenklaturze administracyjnej Imperium Rosyjskiego Synod miai status resortu na rywni z resortami spraw wewnкtrznych, wojennych czy teї spraw wewnкtrznych. Najbardziej charakterystyczn№ cech№ Synodu byio z jednej strony to, їe byi to centralny organ pacstwowej administracji wyznaniowej z wyraџnie uksztaitowanymi funkcjami nadzorczymi, a z drugiej їe byi najwyїszym organem wiadzy administracyjnej, prawodawczej oraz s№downiczej Koњcioia prawosiawnego. Do giywnych kompetencji Synodu naleїaio: tworzenie nowych diecezji, wybyr biskupyw, sprawowanie nadzoru nad przestrzeganiem prawa przez wszystkich czionkyw koњcioia, nadzyr nad duchowym oњwieceniem narodu, ustanawianie nowych obrzкdyw i њwi№t oraz kanonizacja њwiкtych, wydawanie Pisma Њwiкtego oraz ksi№g liturgicznych, peinii funkcje cenzora literatury teologicznej, nadzyr nad finansow№ dziaialnoњci№ koњcioia, wypeinianie funkcji ostatniej, odwoiawczej instancji s№downiczej w sprawach przestкpstw kanonicznych oraz sprawach rozwodowych oraz utrzymywanie stosunkyw kanonicznych z innymi autokefalicznymi koњcioiami prawosiawnymi.

W skiad Њwiкtego Synodu wchodziio 12 czionkyw powoiywanych przez cesarza. Pracami organu kierowai oberprokurator, ktyry byi przede wszystkim straїnikiem spraw pacstwowych[61] . Na przeiomie XIX w. i XX w. oberprokurator ostatecznie przeksztaicii siк z urzкdnika kontroluj№cego prowadzenie spraw synodalnych w ministra czionka Gabinetu Rady Ministryw prowadz№cego administracjк wyznaniow№ w imieniu monarchy, a czкsto takїe faktycznego kreatora polityki wyznaniowej pacstwa. Oberprokurator ponosii odpowiedzialnoњж przed cesarzem. Do jego zadac naleїaio: kontrola przestrzeganie aktyw normatywnych, terminowe wykonywanie spraw przekazywanych Synodowi, przedstawianie raportyw Synodu imperatorowi, przedstawianie polecec cesarskich Synodowi, kontrola dziaialnoњci konsystorzy duchownych oraz opiniowanie spraw przekazanych przez monarchк i Senat Rz№dz№cy.

Drugim centralnym organem administracji wyznaniowej wiaњciwym do prowadzenia i nadzorowania spraw organizacji religijnych innych uznanych w pacstwie rosyjskim wyznac byio Ministerstwo Spraw Wewnкtrznych. W ministerstwie funkcjonowai departament spraw duchowych wyznac zagranicznych wyposaїony w rozlegie kompetencje. Do jego zadac naleїaio: powoiywanie duchownych[62], zwalnianie duchownych, ktyrych dziaialnoњж uznano za szkodliw№ dla interesyw pacstwa, wyraїanie zgody na zakiadanie nowych parafii i gmin wyznaniowych, nabywanie nieruchomoњci oraz na budowк њwi№tyc i kaplic. W przypadku Koњcioia katolickiego Departament peinii takїe rolк obligatoryjnego poњrednika w kontaktach miкdzy instytucjami koњcielnymi a Stolic№ Apostolsk№.

Organy administracji wyznaniowej miaiy dwa giywne zadania. Po pierwsze sprawowaiy kontrolк nad przestrzeganiem rosyjskiego systemu prawnego przez wszystkie organizacje religijne. Po drugie wpiywaiy na wewnкtrzn№ dziaialnoњж organizacji religijnych w celu osi№gniкcia poї№danych przez pacstwo efektyw.

Przedstawiaj№c system stosunkyw wyznaniowych w koccowej fazie istnienia Imperium Rosyjskiego naleїy odnieњж siк rywnieї do stosunkyw pacstwa z innymi organizacjami wyznaniowymi. Zasadnicze znaczenie dla pozycji prawnej organizacji religijnych w tym okresie miaiy dwa akty normatywne wydane po wybuchu rewolucji 1905 r. Pierwszym z nich byi dekret cesarski z 17 kwietnia 1905 r. o umocnieniu zasad tolerancji wyznaniowej[63]. Drugim byi dekret cesarski z 17 paџdziernika 1906 r. o porz№dku tworzenia i dziaialnoњci staroobrzкdowych i sektanckich wspylnot.

---

[60] Wszystkie akty Њwiкtego Synodu rozpoczynaiy siк od formuiy «Z polecenia Jego Imperatorskiej Wysokoњci”.

[61] Kartaszew, A. W. Oczerki po istorii Russkoj Cerkwi, T. 2. – Paryї, 1959. – S. 369.

[62] Najwyїszych duchownych uznanych organizacji religijnych powoiywai cesarz.

[63] Poinoje sobranije zakonow Rossijskoj Impierii, T. XXV.

Do czasu ich wydania ze wzglкdu na pozycjк prawn№, zakres praw i przywilejyw (ewentualnie ich brak) oraz stosunek do nich pacstwa wszystkie uznane organizacje religijne istniej№ce na terytorium Rosji moїna byio odpowiednio uszeregowaж[64]. Najkorzystniejsz№ pozycj№ prawn№ posiadai Koњciyi prawosiawny uznawany za koњciyi panuj№cy i pacstwowy, ktyrego najwyїszym obrocс№ i straїnikiem dogmatyw byi imperator. Nastкpn№ grupк stanowiiy koњcioiy chrzeњcijacskie do ktyrych zaliczyж naleїy: Koњciyi luteracski, Koњciyi kalwicski, Koњciyi ormiacski i Koњciyi katolicki. Trzeci№ grupк organizacji religijnych stanowiiy organizacje zrzeszaj№ce muzuimanyw szityw oraz muzuimanyw sunnityw. Do czwartej grupy zaliczyж naleїy organizacje їydowskie i buddyjskie. W skiad pi№tej grupy skupiaj№cej organizacje religijne tolerowane przez pacstwo ale pozbawione jakichkolwiek uprawniec i przywilejyw wchodzili staroobrzкdowcy, baptyњci oraz syberyjscy – szamaniњci.

Ostatni№ grupк stanowiiy nieuznane przez pacstwo i zwalczane przez jego organy organizacje religijne do ktyrych zaliczono adwentystyw dnia siydmego, њwiadkyw jehowych oraz skrajne ruchy religijne.

Na podstawie pierwszego z aktyw normatywnych czyli dekretu cesarskiego z 17 kwietnia 1905 r. przyznano obywatelom Rosji prawo do swobodnego wyboru religii i dobrowolnego przechodzenia z jednej organizacji religijnej do drugiej. Od tego momentu nie byio karane odstкpstwo od religii prawosiawnej i religii chrzeњcijacskiej[65]. Ponadto staroobrzкdowcy, katolicy i muzuimanie otrzymali caiy szereg nowych uprawniec. Staroobrzкdowcy otrzymali prawo budowania њwi№tyc i otwierania szkyi religijnych. Natomiast katolicy i muzuimanie uzyskali liberalizacjк procedur zwi№zanych z budowaniem i remontem budynkyw o przeznaczeniu kultowym.

Natomiast na podstawie drugiego aktu normatywnego tj. dekretu o porz№dku tworzenia i dziaialnoњci staroobrzкdowych i sektanckich wspylnot, bкd№cego aktem wykonawczym do manifestu cesarskiego z 17 paџdziernika 1905 r. proklamuj№cego nietykalnoњж osobist№, wolnoњж sumienia i siowa oraz wolnoњж zgromadzec i zrzeszania siк poszerzono katalog uprawniec zwi№zanych z wolnoњci№ sumienia i religii jednostki. Wspylnoty sektanckie i staroobrzкdowe otrzymaiy prawo do: swobodnego uczestniczenia w kulcie, odprawianiu naboїecstw, nauczania religii swoich dzieci, wydawania ksi№g religijnych, zakiadania wspylnot i gmin wyznaniowych, budowy њwi№tyc, domyw modlitwy, zakiadania szkyi religijnych, zakiadania przedsiкbiorstw produkuj№cych utensylia religijne, prowadzenia akt metrykalnych, nabywania i nieruchomoњci oraz wyboru osyb duchownych. Ponad to staroobrzкdowcy, osoby naleї№ce do wspylnot sektanckich oraz muzuimanie otrzymali prawo dostкpu do siuїby publicznej[66]. Podstawowe jednostki organizacyjne tych wspylnot religijnych otrzymaiy osobowoњж prawn№.

Od tego czasu system prawny Imperium Rosyjskiego dopuszczai wyznawanie wszystkich funkcjonuj№cych na terytorium pacstwa religii. Jednak pozycja prawna organizacji religijnych nie byia nadal jednakowa i rywnoprawna. Generalnie chrzeњcijacskie organizacje religijne posiadaiy nieznacznie korzystniejsz№ sytuacjк prawn№ od niechrzeњcijacskich organizacji religijnych. Dowodzii tego miкdzy innymi utrzymany w mocy zakaz dziaialnoњci publicznej niechrzeњcijacskich organizacji religijnych, zakaz prowadzenia dziaialnoњci misjonarskiej oraz duszpasterskiej w armii a takїe wielkoњж dotacji pacstwowych i zakres pomocy ze strony organyw pacstwa.

Koccz№c charakterystykк pozycji prawnej organizacji religijnych moїna stwierdziж, їe w Imperium rosyjskim wystкpowai model pacstwa wyznaniowego oparty na systemie supremacji pacstwa nad organizacjami religijnymi. Nie byi to jednak model klasyczny wypracowany w pacstwach Europy zachodniej na przestrzeni wiekyw XVI i XVIII. Na gruncie rosyjskim koncepcja supremacji byia pryb№ poi№czenia bizantyjskiego modelu symfonii wiadz oraz modelu stosunkyw pacstwa z koњcioiami wystкpuj№cego w protestanckich ksiкstwach niemieckich. Z tym, їe w jurydycznej praktyce i realiach politycznych idea symfonii wiadz ulegaia radykalnej deformacji i zniekształceniu. O ile do czasu panowania Piotra I najwaїniejszym celem pacstwa i spoieczecstwa

[64] Iliczew, M. W. (red.), Ruskaja prawosiawnaja Cerkow i prawo. – Moskwa, 1999. – S. 30.

[65] Do tego czasu przejњcie muzuimanyw, buddystyw i їydyw na religiк chrzeњcijacsk№ oraz zmiana religii chrzeњcijacskiej na niechrzeњcijacsk№ wymagaio takїe zgody wiaњciwego terytorialnie gubernatora.

[66] Katolicy takie prawo posiadali juї wczeњniej.

byio siuïenie Bogu i koњcioiowi a koњciyi cieszyi siк autonomi№ i niezaleïnoњci№, to potem koњciyi i wszystkie inne organizacje religijne uznano za podmioty podlegaj№ce w caioњci suwerennej wiadzy pacstwowej, ktyra przyznaia sobie prawo regulowania ich sytuacji oraz ingerencji w sprawy wewnкtrzne. W rezultacie organizacje religijne zostaiy w Rosji podporz№dkowane pacstwu w stopniu znacznie wiккszym niї w innych krajach w ktyrych wyst№pii ten model.

Celem pacstwa staia siк sekularyzacja i wykorzystywanie religii jako instrumentu potrzebnego do prowadzenia polityki. W zamian za to pacstwo nadawaio organizacjom religijnym i osobom duchownym liczne w szczegylnoњci natury maj№tkowej i podatkowej przywileje oraz otaczaio je specjaln№ ochron№ prawn№. Cech№ charakterystyczn№ tego modelu stosunkyw wyznaniowych byio takїe caikowite podporz№dkowanie organizacji religijnych cesarzowi i uzaleїnienie ich od podlegiego mu aparatu zbiurokratyzowanej i scentralizowanej administracji wyznaniowej, dodatkowo wyposaїonej w rozbudowane њrodki nadzoru. W pewnej mierze byio to skutkiem wielonarodowego i poprzez to wielowyznaniowego charakteru pacstwa rosyjskiego.

Kolejn№ cech№ rosyjskiego modelu supremacji pacstwa nad organizacjami religijnymi byio gwarantowanie wolnoњci wyznania dla nowo podbijanych narodyw. Rozwi№zanie to podyktowane to byio oczywiњcie pragmatyzmem i zapewnieniem sprawnego zarz№dzenia nowymi terytoriami. Przy tej okazji starano siк tworzyж rozwi№zania zabezpieczaj№ce pacstwo przed konfliktami i waњniami na tle religijnym, a koњciyi panuj№cy przed prozelityzmem.

Ostatnim swoistym elementem dla modelu supremacji rosyjskiej byi uprzywilejowany status prawny Koњcioia prawosiawnego skupiaj№cego najwiккsz№ liczbк wyznawcyw w pacstwie i stanowi№cego koњciyi narodowy dla Rosjan. Uprzywilejowana pozycja prawna tego koњcioia przejawiaia siк przede wszystkim w najwiккszym wsparciu finansowym ze strony pacstwa, uiatwieniami przy budowaniu nowych њwi№tyc, moїliwoњci prowadzenia nieskrкpowanej dziaialnoњci misyjnej i wydawniczej, pomocy pacstwa w zwalczaniu w ionie koњcioia sekt i herezji oraz szczegylnej ochronie karno –prawnej.

СЕРГЕЙ ЛАВРОВ

Гродно

РОЛЬ РОДА ВОЛЛОВИЧЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ГРОДНЕНСКОГО ПОВЕТА (XVI – XVIII ВВ.)

Происхождение рода Воловичей не совсем ясно. Условным протопластой дома считается Станислав Виссигин, принявший после Городельской унии 1413 г. герб Богория. Блазонирование герба следующее: в поле червлёном две укороченные серебряные стрелы, обращенные остриём против себя, в надвершии павлин, держащий в клюве направленный кверху обломок подобной стрелы. Не очень распространённый в землях Короны, в Литве долгое время этот герб использовал лишь род Воловичей. По предположению некоторых геральдистов, в частности, К. Несецкого, Виссигин и есть предполагаемый основатель рода [7, t. 9, s. 217].

Сын Станислава Виссигина Юрий Виссигинович за уникальные физические данные получил при дворе Казимира Ягеллончика прозвище Вол, от которого и произошла фамилия. Юрий Виссигинович отличился в 1454 г. в битве с крестоносцами при Хойниках, где спас жизнь королю. О его сыне Юрии Волловиче как о полковнике, участнике битвы с московским войском под Ведруссой в 1499 г., получившем там ранение, упоминает М. Стрыйковский [6, s. 28].

С тех пор род стал играть достаточно видную роль в Великом княжестве Литовском, а его представители занимали на протяжении трёх веков высокие должности в Виль-

но и в воеводствах. Самым, пожалуй, значимым и добившимся высших государственных должностей, стал Остафий Богданович Воллович (ум. 1580). Он занимал должности писаря и маршалка ВКЛ, каштеляна трокского и виленского, неоднократно возглавлял дипломатические миссии в Москву, умер в должности канцлера ВКЛ [6, s. 30]

Его брат, Григорий Богданович (ум. 1577) – староста мерецкий, мстибовский, державца эйшишкский, коневский, варнянский, дубицкий и зельвенский. В 1567 – 1568 гг. был назначен ловчим литовским. В 1572 г. получил чин смоленского воеводы. Среди его многочисленных должностей была и должность гродненского городничего. В Великом княжестве Литовском чин городничего можно сравнить с должностью коменданта крепости или замка. Причём фортификация, за которую нёс ответственность городничий, не могла быть малозначащей. Это говорит о значимости укреплений гродненского замка в масштабе всей страны и, соответственно, о степени доверия к представителю рода Волловичей, которому были доверены подобные обязанности.

Весьма правдоподобно, что тесные связи рода с Гродненским поветом были давними. Уже в начале XVI века Волловичи насчитывали в повете многочисленную и состоятельную родню, что подтверждается данными «Перапіса войска Вялікага княства Літоускага 1528 года» [3, с. 94]. В реестре бояр городенских значатся шесть братьев Волловичей, ставивших в войско двух «коней», что говорит прежде всего об обладании достаточно прибыльными земельными владениями. Более чем через 250 лет именно одна из ветвей рода получила графский титул в Пруссии в 1792 году, подтверждённый и в Российской империи в 1844 году.

Современный польский исследователь Р. Афтаназы предполагает [4, s. 139 – 140], что уже с XVI века владением рода стал обширный ключ Святск в Гродненском повете. Со временем по разным причинам он оказался раздробленным. И лишь во 2-й пол. XVIII в. маршалок гродненский Юзеф Воллович (ум. в 1779 г.), наследник Святска по своему отцу Ежи, выкупил у Станислава и Михала Воловичей и у Красицких другие части ключа. Всё это унаследовал его сын Антоний (ум. 1822 г.), при котором было закончено строительство красивейшей и сохранившейся по сей день резиденции рода.

Древнюю связь Волловичей с Гродненской землёй подтверждают сведения К. Несецкого [7, t. 9, s. 416] о захоронении в гродненской русской соборной церкви Григория Волловича, второго сына Юрия, ветерана Ведруссы. Причём автор пишет о церкви как о месте, где издавна хоронили предков рода.

Родовитость и состоятельность рода не могло не выдвинуть его представителей в первые ряды должностных лиц на поветовом, воеводском и великокняжеском уровне. Причём Волловичи преуспевали и на должностях гражданских, и на воинских, и на духовных. Помимо уже упомянутых Остафия и Григория, 23 представителя рода на протяжении трёх веков занимали сенаторские должности в Великом княжестве. Среди них Владислав Воллович, каштелян смоленский в 1653 г., воевода витебский в 1656 г., с 1667 г. гетман польный литовский, Ежи Станислав, каноник виленский, а также референдарий и писарь литовский в 1656 г., Антоний Воллович, уже упомянутый строитель дворца в Святске, каштелян мерецкий в 1794 г.

Система государственных должностей ВКЛ всех уровней окончательно сформировалась в результате Люблинской унии 1569 г. Существовавшие до Унии должности различались по обычаям земель, где они имели употребление, и за немногим исключением не были общеприняты. Благодаря своеобразному административному обогащению аппарата управления ВКЛ обрело чёткость и системность в территориальном делении и в должностях, которые осуществляли государственные функции. Некоторые поветовые должности через какое-то время превратились в номинальные, но тем не менее сохранились до самого распада Речи Посполитой, являясь для их носителей своеобразными почётными званиями. Другие должности требовали самого действенного участия в делах повета, прежде всего в судебно-административных.

В 1596 году в делах Гродненского земского суда упоминается подсудок Иероним Григорьевич Воллович [2, с. 13]. Судя по отчеству он мог бы приходиться сыном выше-

упомянутого Григория, похороненному в гродненской соборной церкви. Но, к сожалению, не удалось обнаружить документов, свидетельствовавших об их прямом родстве. Впрочем, помня, что в 1528 году в «Перапісе войска» значатся шесть братьев бояр городенских Волловичей, вполне можно предполагать наличие уже в те далёкие времена в Гродненском повете весьма разветвлённой родственной системы (клана) древней шляхетской фамилии. Исследования генеалогии рода на протяжении пяти веков говорят о присутствии с более позднего времени отдельных ветвей рода в Шавельском, Слонимском, Мстиславском поветах.

Одна из самых заметных личностей в Гродненском повете начала XVII века – Павел Воллович, сын Ивана, гродненского старосты и маршалка ВКЛ. Павел Воллович представлял 5-е колено рода, начиная от Юрия Юрьевича Волловича. Был женат на дочери Павла Ходкевича, виленского каштеляна. Свою службу ВКЛ начал на должности подкомория гродненского. Основной функцией подкомория поветового было разрешение граничных споров и конфликтов. Назначался он из числа четырёх кандидатов, выбранных на поветовом сеймике. Согласно Статуту Литовскому, подкоморий присягал в земском суде и имел в своём распоряжении двух коморников, также принёсших присягу. Должность явно не только почётная, но, прежде всего, связанная с бесконечными земельными спорами поветовой шляхты. Несколько позже, уже в качестве посла на сейм 1613 г., Павел Воллович назначался сеймом комиссаром по разграничению земель между Пруссией и княжеством Жмудским. В том же году он вошел в состав Трибунала фискального литовского. А в 1628 г. он в числе 11 представителей шляхетской элиты Гродненского повета в качестве старосты гродненского подписывает Инструкцию депутатам, избранным на варшавский сейм. В 1619 г. он назначается подскарбием надворным литовским, оставаясь старостой гродненским, утянский и плотельский. Умер в 1630 г.

Томаш Воллович, сын Яна, шляхтича гродненского, прослужил всю жизнь на выборных судебных поветовых должностях. Начал в качестве писаря земского гродненского. Судебный земский писарь, как и упомянутый выше подкоморий, назначался великим князем из четырёх кандидатур. Он заведовал судебной канцелярией, оформлял судебные протоколы, вёл судебные книги, а также являлся хранителем поветовой печати с гербом ВКЛ. В 1664 – 66 гг. документы фиксировали Томаша Волловича уже в должности подсудка гродненского земского суда, также выбираемого поветовой шляхтой. [2, с. 89]. Подсудок – это уже заместитель судьи, входивший вместе с писарем в состав суда и ответственный за подготовку судебных дел. Именно он готовил достаточно громкое дело, заведённое полоцким архиепископом Гавриилом Календой об отобрании весьма влиятельным и известным магнатом, конюшим литовским Богуславом Радзивиллом от униатов Заблудовской церкви и введении в ней богослужения по греческому обряду. В 1673 г. Томаш Воллович упоминается как судья земский гродненский. Это была высшая судебная должность в повете. Сам суд собирался трижды в год. Во время судебных сессий могли рассматриваться гражданские и криминальные дела. Под руководством судьи суд выдавал акты, сравнимые с современными нотариальными, мог принимать претензии и жалобы на должностных лиц повета. Судья вёл дела на основе Бельского привилея 1564 г. и Статутов ВКЛ 1566 и 1588 годов. Но Томаш не ограничивался в своей деятельности одними судебными делами. В 1674 г. он в числе представителей поветовой шляхты подписывал постановление об отсрочке взимания податей и реквизиций на содержание войска и касательно отсрочки податных конституций [2, с. 203].

Сын Томаша Волловича Александр также исполнял поветовые судебные функции. Имея почётное, но необременительное звание стольника витебского, он в 1674 г. фиксировался документами как писарь земский гродненский [2, с. 202]. После смерти отца Александр Воллович избирается судьёй земским Гродненского повета.

Уже упомянутый выше в связи со строительством в конце XVIII века дворца в Святске Антоний Воллович играл в своё время достаточно серьёзную роль в административной и политической жизни Гродненского повета и страны. Был женат на Теофиле из рода Микош. Помимо хозяйственной деятельности в Святском ключе и владений в Дзялыне в

Велькопольше, Антоний принял чин войского Гродненского повета. В мирное время эта должность выглядела не более как почётное звание человека, пользующегося авторитетом у поветовой шляхты. Но в военное время она приобретала особенно важное значение. Войский был призван обеспечить всеми доступными средствами безопасность своего повета, его жителей и их имущества. Для молодого человека это было серьёзным делом, особенно если учесть, что время разделов Речи Посполитой совпало с началом деятельности Антония Волловича. По-видимому, он произвёл хорошее впечатление, и в марте 1786 года последовало утверждение его в должности хорунжего надворного литовского. Дальнейшие назначения Антония Волловича совпали по времени с последним разделом Речи Посполитой, и это наложило на них отпечаток общего трагизма личности и страны. Последней государственной должностью Антония Волловича стала в марте 1794 года должность мерецкого каштеляна вновь образованного воеводства. Он стал последним каштеляном. Умер Антоний Воллович в 1822 году, будучи, министром-каштеляном Царства Польского.

Конечно же, здесь были названы лишь некоторые представители рода, исполнявшие должностные обязанности в Гродненском повете. Практически это была почти непрерывная цепь членов фамильного клана, всем поколениям которых были тесны рамки одной хозяйственной деятельности в наследственном имении. Многие из них, начиная общественное служение на должностях в повете, достигли высших, сенаторских постов. Род Волловичей – один из многих незаслуженно обойдённых вниманием белорусских и литовских родов, заслуживший поколениями своих представителей своё достойное место в истории.

Список литературы

1. Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. У 2 т. – Мн., 2006.

2. Акты, изданные комиссиею, Высочайше учреждённой для разбора древних актов в Вильне. Т. 1. Акты Гродненского земского суда. – Вильна., 1865. – 376 с.

3. Перапіс войска Вялікага княства Літоускага 1528 года: Метрыка Вялікага княства Літоускага. Кн. 523. Кн. публічных спраў. – Мн., 2003.–444с.

4. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych Kresach Rzeczy Pospolitej. T. 3. – Wrociaw-Warszawa-Krakyw, 1992. – 416 s.

5. Ciechanowicz, J. Rody rycerskie Wielkiego Ksikstwa Litewskiego: 5 tt / J. Ciechanowicz. – Rzeszyw, 2001.

6. Kojaiowicz, W. Herbarz rycerstwa W.X.Litewskiego, tak zwany Compendium / W. Kojaiowicz. –Krakyw, 1897. – 527 s.

7. Niesiecki, K. Herbarz polski: 10 tt / K. Niesiecki. – Lipsk, 1839 – 1846.

8. Wolff, J. Senatorowie i dygnitarze WKL 1386 – 1795 / J. Wolff. – Krakyw, 1885. – 354 s.

АЛЕКСАНДРА НОСОВА

Гродно

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1944 – 1948 гг.)

Под миграцией понимается перемещение населения из одной страны в другую, а также внутри страны. Эти процессы происходят постоянно. В отдельные периоды истории они могут носить массовый характер и оказывать влияние на различные стороны жизни общества: экономику, социальную сферу, культуру, этнический, конфессиональный состав и др.

Сложные миграционные процессы происходили в Гродненской области в послевоенный период. Они были продолжением того огромного движения масс населения, кото-

рое вызвала война. Депортация, преимущественно поляков, в 1939 – 1941 годах из западных областей Беларуси и Украины имела следствием обмен населением между СССР и Польшей в 1944 – 1946 годах. Вывоз немцами в Германию на принудительные работы людей из оккупированных территорий породил обратный процесс – репатриацию, которая в основном проходила в области в 1944 – 1948 годах. После окончания войны из Советской Армии происходила демобилизация. Восстановление народного хозяйства привело к широкой миграции внутри страны и республики. Миграционные процессы носили организованный, управляемый характер. Они проходили под контролем государственных, партийных органов, а также силовых структур. Всё, что было связано с перемещением населения, осуществлялось как на основании международных, межправительственных договоров и соглашений, так и внутригосударственных (союзных, республиканских) законов, постановлений, распоряжений и т.д.

В рассматриваемый период на Гродненщине можно выделить четыре важнейших направления миграции: обмен населением между БССР (СССР) и Польшей; репатриация из Германии; демобилизация из армии; трудовая миграция. Следует отметить, что всё это происходило практически одновременно и требовало большой организаторской работы органов власти.

В июле 1944 года между правительством СССР и Польским Комитетом Национального Освобождения (далее ПКНО) было подписано соглашение о советско-польской границе, которое было закреплено Договором между СССР и Польской Республикой о советско-польской границе (август 1945 года). Он подтвердил «линию Керзона» как основу новой границы с отступлением от нее на расстояние от 5 до 8 км в пользу Польши [21, с. 135]. В связи с изменением границ государств возникла необходимость в переселении поляков из БССР и белорусов из Польши. Для этого 9 сентября 1944 года между правительством БССР и Польским Комитетом Национального освобождения было заключено соглашение о переселении. 25 ноября 1945 года подписан дополнительный протокол к нему [5, с. 52].

Обмен населением коснулся и Гродненской области. По состоянию на август 1945 года на её территории проживали, по данным белорусского исследователя А. Великого, 443 908 человек (сведения по Мостовскому и Желудокскому районам отсутствуют). Из них белорусами себя считали 219 475 человек, поляками – 208 754 человек. По районам диспропорция между белорусами и поляками была ещё большая. К примеру, в Гродненском районе из 51 422 человека поляков насчитывалось 31 497 белорусов – 19 607, в Порозовском – из 25 997 человек 22 574 считали себя белорусами и только 3 319 – поляками [5, с. 70].

Переселение осуществляли уполномоченные ПКНО и представители СНК БССР, которые занимались выявлением, регистрацией людей и планомерной их эвакуацией. На территории Гродненской области были открыты представительства аппарата Главного уполномоченного ПКНО в городах Слоним, Гродно, Новогрудок, Волковыск [5, с. 63-64].

В июне 1946 года почти двухлетняя работа по переселению была окончена. Но в области оставалось ещё небольшое количество граждан, которые в силу разных обстоятельств не смогли переехать в Польшу. Их регистрация проводилась в индивидуальном порядке в Гродно до 31 декабря 1946 года. К этому времени всего из области зарегистрировалось и выехало в Польшу 26 307 семей (69 357 человек) [5, с. 306]. Значительное число граждан переселилось в Польшу и из других областей БССР: из Барановичской – 55 141 человек, из Молодеченской к 15.06.46 г. – 42 525 человек, Брестской – 33 064 человек [5, с. 306]. В Гродненскую область из Польши на 15.06.46 г. переселилось всего 1 044 хозяйства, которые насчитывали 3 028 человек, в Барановичскую – 3 630, Молодеченскую – 1 310, Брестскую – 1 809 человек [5, с. 317].

Таким образом, переселение поляков из Беларуси и в частности из Гродненской области в Польшу значительно превысило количество белорусов, которые переселились в БССР и ни «качественно», ни количественно не компенсировало людские потери Беларуси. Но самое главное, что переселение разорвало родственные, соседские связи и значительно изменило структуру населения в области.

В августе 1946 года в г. Москве был подписан Договор между СССР и Польшей о государственной границе. Для ее обозначения на местности была образована смешанная советско-польская комиссия. В результате из состава Гродненской области к Польше отошло 26 деревень и 4 хутора, от Польши в состав Брестской области – 13 деревень и 4 хутора [21, с. 138]. Кроме того, после установления запретной пограничной зоны, в которую попали Сопоцкинский, Гродненский, Берестовицкий, Свислочский и Порозовский районы, необходимо было произвести отселение из 800-метровой запретной пограничной полосы более 600 крестьянских хозяйств. По состоянию на 22 декабря 1948 года были отселены только 435. Переселение ещё 163 хозяйств по Берестовицкому району и 36 – по Свислочскому планировалось завершить к 1 мая 1949 года [17, л. 193]. Однако продолжалось оно ещё в начале 1950-х годов.

На территории Гродненской области проводилась также работа, связанная с репатриацией советских граждан из Германии. Она осуществлялась в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны (далее ГКО) СССР от 24 августа 1944 года «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно уведенных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей» [2, с. 6], и двусторонними соглашениями между СССР и Англией, СССР и США, заключенными 11 февраля 1945 г. на Крымской конференции. В них закреплялись принципы обязательной репатриации всех граждан СССР [24, с. 283].

15 января 1945 года начал работу отдел СНК БССР по делам репатриации граждан СССР (с 22 января 1946 года реорганизован в отдел переселения и репатриации) [2, с. 6]. При облисполкомах действовали отделы репатриации. Гродненский областной отдел по делам репатриации был организован в августе 1945 года [10, л. 4]. Эти органы занимались координацией работы, проверкой и контролем различных структур, занимающихся репатриацией.

На территории области для приема и отправки репатриантов в феврале 1945 года был организован областной приемно-распределительный пункт (далее ПРП) в г. Гродно (размещался до декабря 1945 года в одном километре от железнодорожного вокзала, в отдельном 3-этажном здании вместимостью свыше 600 человек) [12, л. 6], а также пять сборно-пересыльных пунктов (№ 308, 311, 312 в гор. Гродно, 309 в г. Волковыске и 313 в г. Мосты). По одному проверочно-фильтрационному пункту НКВД СССР было в г. Гродно и в г. Волковыске [12, л. 6, 21, 22].

Репатрианты, которые следовали эшелонами и походным порядком через пограничные контрольно-пропускные пункты (на гродненском направлении – в поселках Беляны и Кузница, на волковысском – в поселке Бобровники), направлялись на пограничные сборно-пересыльные пункты (далее СПП) НКО и проверочно-фильтрационные пункты (далее ПФП) НКВД [2, с. 7].

Основная масса репатриантов, не вызывающих особых подозрений, проходила через СПП, которые были сформированы в соответствии с Постановлением Государственного Комитета Обороны от 16 июня 1945 года, а также совместным постановлением СНК и ЦК КП(б)Б от 23 июня 1945 года. Волковысский пересыльный пункт занимал здание военного городка, рассчитанного на 10 000 человек. В Мостах, где имелись бараки, СПП мог вместить 5 500 человек [2, с. 253]. К концу 1947 года сборно-пересыльные пункты прекратили свою работу, за исключением 312 лагеря (г. Гродно), который продолжал функционировать [10, л. 31].

Те, кто были направлены на ПФП, проходили проверку, осуществлявшуюся органами НКВД или «Смерш». Кроме того, репатрианты проходили в ПФП полную санобработку, им оказывалась медицинская помощь. Подавляющее большинство возвращалось домой поездами. Они следовали в Пензенскую, Ровенскую, Кустанайскую, Киевскую, Ленинградскую, Орловскую, Рязанскую и другие области СССР. Репатриируемые с ПФП направлялись также в спецлагеря НКВД и на спецпоселение. Так, конвои из Волковыского ПФП направлялись на станцию Калинин Октябрьской железной дороги в спецлагерь НКВД СССР № 140 [6, л. 1]. 30 апреля 1945 года этап был отправлен до ст. Малеевка в проверочно-

фильтрационный лагерь НКВД СССР № 0318 [6, л. 19]. Кроме советских граждан, через ПФП проходили немцы, которые направлялись на спецпоселение [6, лл. 46 об, 65, 85]. Детей с ПФП направляли в детский распределитель НКВД г. Волковыска и г. Гродно.

Прошедшие проверку и направленные по месту жительства в БССР, поступали на областные приемно-распределительные пункты (ПРП), находившиеся в ведении исполкомов областных Советов депутатов трудящихся. На ПРП они проходили регистрацию и отправлялись к прежнему месту жительства. Гродненский ПРП работал с февраля 1945 года по 1 мая 1946 года [19, л. 2]. За это время через него прошло 37 750 советских граждан, из них было направлено в Гродненскую область 2 946 человек [10, л. 59, 60].

Как правило, трудоустройство репатриированных граждан проводилось по месту их прежнего жительства. Репатрианты, поселившиеся в городах области, работали в промышленности (к примеру, на табачном заводе г. Гродно, сахарострое г. Скидель, райпромкомбинате г. Зельва, райпромкомбинате г. Мосты), где обеспечивались жильем в общежитиях или домах коммунального хозяйства, подведомственных этим предприятиям. Остро нуждающимся оказывалась единовременная денежная помощь до 300 руб. на человека [10, л. 4, 33, 61].

В отчете «О хозяйственном и трудовом устройстве репатриированных советских граждан по состоянию на 1 января 1948 года» сообщалось, что всего в области было размещено 4 329 человек. В неразрушенных и восстановленных домах – 4 018, во вновь построенных – 14, в порядке подселения 284 человека, в общежитиях – 6. Никто из репатриированных граждан не жил в землянках. Кроме того, для размещения репатриантов строились ещё 6 домов [18, л. 4].

Подавляющее большинство репатриантов возвращались в сельскую местность, находили свои семьи, обзаводились собственным хозяйством (единоличным) [12, л. 7]. Эта часть репатриантов была устроена хорошо, т.к. хозяйства за период их отсутствия находились у членов семьи или же близких родственников.

Всего в Гродненскую область на 1 декабря 1948 года возвратилось 12 690 человек, из них 8 667 мужчин и 8 667 женщин 1 175 было направлено в промышленность и 7 424 человека в сельское хозяйство [18, л. 16].

Большое влияние на перемещение населения на Гродненщине оказала демобилизация из рядов Советской Армии, которая была связана с окончанием войны и переходом экономики, нуждавшейся в рабочих руках, на мирные рельсы. 23 июля 1945 года был издан закон Президиума Верховного Совета «О демобилизации старших возрастов состава Красной Армии» [23, с. 365]. Руководство республики и Гродненской области предприняли ряд мер для их встречи, приема, а также для обеспечения демобилизованных жильем, работой (у большинства были гражданские специальности) и т. д. По состоянию на 1 марта 1947 года в области были устроены 22 693 гражданина – бывших военнослужащих. В сельском хозяйстве были трудоустроены 19 544, в промышленности – 2 930 человек [15, л. 3]. Кроме того, в области некоторое время находились демобилизованные граждане, следующие в другие регионы СССР.

Рабочие руки требовались не только в Гродненской области, но и за её пределами, для восстановления экономики Советского Союза и БССР. Набор рабочих проводился централизованно на государственном уровне. Совет Министров СССР или БССР регулярно издавали распоряжения об организованном наборе рабочих из числа сельского населения и неработающего городского для министерств союзного и республиканского уровня соответственно. При этом до областей и районов доводился план набора, который необходимо было выполнить. Так, только на восстановление г. Минска в 1944 году требовалось набрать 893 рабочих [8, л. 143], в 1946 году – 850 человек [1, л. 74]. В 1947 году для Министерства угольной промышленности следовало набрать 900 человек [14, л. 142], Военно-морского строительного управления № 230 – 500 человек, для военморбазы бухта Находка – 400 [13, л. 68] и т. д. Для области, население которой на 10 ноября 1947 года составляло 500 352 человек [20, л. 85], это были значительные цифры, учитывая, что и экономика самой области нуждалась в рабочих руках. В ноябре 1947 года Министерство

трудовых резервов СССР даже разрешило набор семейных рабочих, имеющих на своем иждивении жену и от 1 до 3 детей, а также женщин, имеющих 1 – 2 детей школьного возраста [7, л. 26]. Тем не менее план на 1947 год по БССР был выполнен только на 49 % [16, л. 32], при том, что, кроме советских граждан, только в Гродненской области трудились более 10 000 интернированных немцев (на Волковысском цементном заводе, Мостовском фанерном, Табачной фабрике, Кожзаводе № 4 г. Гродно и т.д.) [9, лл. 80-82].

Послевоенный период в Гродненской области характеризуется сложными процессами, которые были вызваны последствиями Второй мировой и Великой Отечественной войн. Сотни тысяч людей, лишенных крова, привычных занятий, работы и места жительства, возвращались на родину. Правительство республики и страны принимало ряд организационных, политических и экономических мер, чтобы обеспечить в максимально короткий срок трудоустройство и минимальные социальные гарантии возвращающимся гражданам. Сложно протекали процессы, связанные с обменом населения между Польшей и БССР. В целом к концу 1940-х годов основная тяжесть миграционных процессов была снята. Жизнь на Гродненщине входила в привычное русло мирных будней.

Список литературы

1. Белорусские остарбайтеры: ист.-аналит. исслед. / Г.Д. Кнатько [и др.]; под ред. Г.Д. Кнатько. – Мн.: НАРБ, 2001. – 336 с.

2. Белорусские остарбайтеры. Репатриация (1944 – 1951): Документы и материалы. В 3 кн. / сост. Г.Д. Кнатько [и др.]. – Мн.: НАРБ, 1998. – Кн. 3, ч. 1. – 368 с.

3. Белорусские остарбайтеры. Репатриация (1944 – 1951): Документы и материалы. В 3 кн. / сост. Г.Д. Кнатько [и др.]. – Мн.: НАРБ, 1998. – Кн. 3, ч. 2. – 310 с.

4. Вялікі, А.Ф. Нацыянальна-дэмаграфічная сітуацыя ў Заходніх абласцях Беларусі ў 1944 – 1947 гг. / А.Ф. Вялікі // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў Заходнім рэгіёне Беларусі: Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, Гродна, 5 – 6 снежня 1997 г. / ГрДУ ім. Я. Купалы; пад навук. рэд. І.П. Крэня. – Гродна, 1998. – С. 269 – 271.

5. Вялікі, А.Ф. На раздарожжы. Беларусы и палякі ў час перасялення (1944 – 1946): манагр. / А.Ф. Вялікі. навук. рэд. В.Дз. Селяменеў. – Мн.: БДПУ, 2005. – 319 с.

6. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 375. – Оп. 1. – Д. 34. Документы о направлении репатриированных в спецлагеря и на спецпоселение (Волковысский ПФП).

7. ГАГО. – Фонд 810. – Оп. 1. – Д. 7. Планы организованного набора рабочей силы и сведения о ходе выполнения оргнабора рабочих по районам Гродненской области на 1948 г.

8. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 2. Постановления Совета Народных Комиссаров БССР и ЦК КП(б)Б 5.01 – 24.10.1944 г.

9. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 13. Постановления Совета Народных Комиссаров БССР и ЦК КП(б) Беларуси 6.01 – 18.04.1945 г.

10. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 23. Переписка по вопросам репатриации граждан, сведения о прохождении репатриантов через Гродненский приемно-распределительный пункт, сведения о количестве граждан, угнанных в Германию (15.02 – 9.11.1945 г.).

11. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 36. Решения и распоряжения Исполкома Гродненского Областного Совета депутатов трудящихся, постановления Обкома КП(б)Б и облисполкома 12.01–29.12.1946 г.

12. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 39. Переписка по вопросам переселения и репатриации граждан СССР 18.01 – 25.02.1946 г.

13. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 48. Постановления и распоряжения Совета Министров БССР 5.02 – 5.07.1947 г.

14. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 52. Решения и постановления Исполкома Гродненского Областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП(б)Б 16.01 – 31.12.1947 г.

15. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 57. Сведения о трудовом и бытовом устройство демобилизованных воинов Советской Армии 18.01 – 27.04.1947 г.

16. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 65. Постановления и распоряжения Совета Министров БССР 10.01 – 6.07.1948 г.

17. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 66. Постановления и распоряжения Совета Министров БССР 6.07.1948 г. – 3.01.1949 г.

18. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп.1а. – Д. 72. Отчеты о трудовом и бытовом устройстве репатриированных граждан, прибывших в Гродненскую область 2.03.1948 г. – 18.08.1949 г.

19. ГАГО. – Фонд 1214. – Оп. 2. – Д. 14. Книга приказов отдела переселения и репатриации 1946 – 1947 – 1948 гг.

20. ГАГО. – Фонд 1204. – Оп. 2. – Д. 27. Отчеты единовременного учета сельского населения 1.01 – 31.12.1947 г.

21. Елизаров, С.А. Административно-территориальное деление западных областей БССР 1944?1953 гг. / С.А. Елизаров // Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў: зборнік навук. артыкулаў / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.П. Крэнь, У.І. Навіцкі, В.А. Белазаровіч [і інш.]. – Гродна, 2006. – С. 135 – 139.

22. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 787.– Оп. 1. – Д. 1. Постановления Брестского и Гродненского обкомов Волковыского и Пружанского райисполкомов об организации ПФП и сведения о состоянии пунктов 3.08 – 9.12.1944 г.

23. Освобожденная Беларусь: Документы и материалы. В 2 кн. / сост. В.И. Адамушко [и др.]. – Мн.: НАРБ, 2005. – Кн. 2. Январь-декабрь 1945 г. – 506 с.

24. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг.: Сборник документов/ М-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраль 1945 г.). – 1979. – 326 с.

СЕРГЕЙ ОМЕЛЬКО

Гродно

ОТОБРАЖЕНИЕ СОСЛОВНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ В г. ГРОДНО (К. XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX вв.)

Вопросы благотворительной деятельности уже не одно столетие притягивают к себе внимание историков и краеведов. В XIX веке в Вильно выходит периодическое издание «Благотворительность», в котором раскрываются ее происхождение, традиции. Важным является то, что среди авторов издания есть выходцы из различных сословий [28]. Общечеловеческие ценности становятся во главу повседневной жизни, а личный пример поднимает не только престиж в глазах окружающих, но и является внутренней потребностью. Вместе с тем издание в Вильно «Вестника Западной России» под редакцией К.Говорского положило начало опубликованию многочисленных материалов по истории православной церкви, благотворительной деятельности, освещению отдельных эпизодов из белорусской истории [3]. П.Горючко печатает материалы по истории униатских и православных церквей Беларуси. В них подробно рассмотрены вопросы строительства новых церквей. Дается разъяснение вопроса о том, почему сборы с крестьян и их личные пожертвования не приносили значительных результатов, а усилия только отдельных помещиков православного и униатского вероисповедания не могли сыграть решающей роли [4]. Однако основной причиной бедности церквей называлось неопределенность отношения центральных властей к попыткам улучшения ситуации на местах и отсутствие достоверной информации. Значительный вклад в дело изучения религиозно-просветительской деятельности, благотворительных учреждений сделал И. Преображенский. Он не только собрал и проанализировал статистический материал, но и подробно охарактеризовал положение в учебных заведениях [23]. Деятельностью благотворительных товариществ, в том числе и на Гродненщине, занимались и офицеры Генерального штаба. В их работах

отражены и статистические сведения о деятельности Гродненского приказа общественного призрения [2]. Деятельность Виленского учебного округа описана в юбилейных работах, изданных к столетию со дня его основания. Местными историками изучается работа гимназий. Например, Е.Орловский исследует деятельность Гродненских православных братств, Гродненского приказа общественного призрения [22]. На современном этапе мы можем говорить о «возвращении» к благотворительности, в то время как в послевоенный период попечение над нуждающимися полностью лежало на государстве. Среди современных исследователей следует назвать работы С.Куль-Сельверстовой, которая, рассматривая деятельность шляхты, затрагивает и вопросы благотворительности [6], В.Черепицы, занимающегося исследованием деятельности православной церкви на Гродненщине. В данном случае автор довольно обстоятельно пишет о благотворительных организациях и лицах, работавших в них [25; 26]. Ю.Гордеев исследует отдельные аспекты филантропической деятельности Гродненских массонов в рассматриваемый период. Проблемами еврейской благотворительности занимаются Ю.Функ и А.Григорьев [24; 5]. Историю женской благотворительности, в том числе и на Гродненщине исследует Н. Онофренко. Дается анализ проведения благотворительных концертов, членства в организациях (товариществе), «эмансипации» внутри них, возникновении первых женских благотворительных организаций [1; 20].

Информация, находящаяся в делопроизводстве канцелярии Гродненского гражданского губернатора, губернского правления позволяет судить о результатах сбора различных подуховных капиталов уездными казначействами. На исполнителях дарственных записей лежала обязанность надзора за их правильным использованием. В 1827 году митрополитом Иосифом Семашко была составлена первая записка о средствах, какие «могут вывести из отчуждения от России полтора миллиона русских людей». Дело касалось попыток ликвидации владения католическим духовенством имениями с крестьянами и землёй, передаче их государству. Одновременно было предложено ликвидировать имущество монастырей в пользу государства и греко-униатской церкви. Вызвано это было тем, что содержание приходских церквей происходило исключительно на добровольные пожертвования и только в 1840-х годах получило небольшую государственную поддержку. То же самое касалось и постройки новых церковных зданий. Это было связано с бедностью приходов и отсутствием больших пожертвований. Согласно с указом императоры Павла I церкви, которые содержались от приходской земли, наделялись одинаковым земельным участком, обрабатываемым прихожанами. Это встретило сопротивление католических помещиков, в первую очередь князей Сапег, Любомирских, Домбровских и других. Несколько иное положение было во владениях православных помещиков. Однако и здесь ситуация была бедственной из-за недостатка средств и небольшого количества прихожан [21]. Часть храмов была получена в результате передачи бывших униатских церквей и монастырей, что в свою очередь, вело к полному материальному упадку, вызванному тем, что бывшие владельцы вывозили всё имущество. Отмена императором Александром I в 1801 году указа своего предшественника не исправило ситуации по той причине, что юридически неоформленные церковные земли отошли бывшим владельцам. С этим недоразумением столкнулись коллегии, основанные для раскрытия церковных пожертвований [20]. Регистрируются неоднократные случаи незакнного овладения церковной собственность и крестьянами, нередко приводящие к оказанию сопротивления решениям земских судов [9; л.5]. Согласно особым предписаниям казенной палаты духовенство непосредственным образом должно было отвечать за увеличение капитала. На протяжении всего XIX века поступление денежных средств происходило различными путями. Нередко благотворительность в отношении какого-либо учебного заведения, церкви наступала вследствие неизысканных капиталов, обеспечении дарственных сумм на имениях. Например, в последнем случае, определением эксдевизорского суда, состоявшегося 7 января 1831 года, из имения Явор был выделен участок, с обеспечением действующего капитала в 463 руб., который поступил Виленскому кармелитскому р.–к. монастырю Всех святых.

Ранее данная сумма была обеспечена на имениях Жирмуны и Явор князей Радивилов [19, л. 36]. Пути поступления денег контролировались властями и без промедления взыскивались (согласно решениям Литовско-Гродненского Главного суда 2 департамента, палатами гражданского суда и т.д.). Неправильно использовавшиеся денежные суммы объявлялись в розыск губернским правлением и поступали с личного имущества землевладельцев или приходских администраторов. В отдельных случаях могли заключаться мировые соглашения. В 1826 г. в Слонимском уездном суде было зарегистрировано соглашение, составленное между графом Тызенгаузом и правлением бывшей Литовской правинции [19; л. 45 – 52]. После передачи иезуитской собственности в ведение соответствующих учебных округ многочисленные её владения перешли в руки дворянства, опосредованно финансируя учебные заведения. Только по Гродненской губернии их насчитывалось около 40. Эти пожертвования, оформленные соответствующим законодательным образом, сохраняли свою деятельность на протяжении довольно длительного времени. В 1813 году с помещичьих имений взыскиваются «образовательные» в пользу образовательной комиссии Литовских, Белоруской и Минской губерний [16]. И только в 1823 году было принято решение о наведении порядка выплат по благотворительным записям. Они постепенно приводятся в соответствие с действующими нормами [10, л. 12 – 162].

Первые попытки регулирования её деятельности были предприняты во времена Речи Посполитой. Законодательное регулирование было во время работы сеймов 1775 и 1780 годов, однако не имело успеха, а постановления четырёхлетнего сейма были отменены. На сейме 1791 года была создана Комиссия полиции, в обязательства которой входил надзор за больницами, богадельнями, театрами, местами отдыха, а также за различными пожертвованиями. В законе, принятом в 1793 году на Гродненском сейме, говорилось, что ответственные за сохранность пожертвований и благотворительной деятельности лица должны подчиняться распоряжениям специально созданных комиссий. За положением дел в частных владениях помещиков осуществлялся только общий надзор [27, с. 1 – 5]. В 1797 году была создана так называемая Госпитальная комиссия, действовавшая до 1808 года, к которой перешли вышеперечисленные функции.

В Российской империи дела охраны здоровья, образования и благотворительности были доверены в губерниях особому органу – приказу общественного призрения. Председателем приказа являлся губернатор. Средства, отпускаемые правительством на благотворительность, частично собранные с населения в виде пожертвований, пускались в обращение под залог имущества помещиков. После создания в 1802 году Министерства народного образования, подчиненные приказам школы вышли из-под их управления. И только финансовые средства продолжали поступать через них. При открытии каждого из приказов государство выделяло 15 тыс. рублей, остальные деньги поступали от судопроизводства и других источников, в том числе и из частных доходов. До 1819 года приказы подчинялись Министерству полиции, а с 1819 года Министерству внутренних дел.

При исследовании сословной благотворительности дворянства особенный интерес представляют дела Литовской греко-униатской духовной консистории (Ф.1172) и Гродненской коллегии, основанной для раскрытия церковных фундаций (Ф.1475). Дела по церковному строительству, поддержке православных священников находятся в фондах Гроднеского губернского церковно-строительного коммитета, канцелярии Гродненского губернского правления (Ф.2), канцелярии Гродненского губернатора (Ф.1). В дело благотворительности вносил свою лепту и Гродненский приказ общественного призрения (Ф.15). Именно он являлся, с одной стороны, проводником благотворительности, а с другой – осуществлял контроль за деятельностью благотворительных организаций. Именно при нём были организованы воспитательные дома, проводились благотворительные публичные концерты, собирались деньги частных лиц.

Довольно подробное описание деятельности на территории Гродненской губернии благотворительных обществ находится в фондах губернского правления. Одно из первых в городе Гродно было образовано в 1821 году согласно указа императора от 8 июня 1821 го-

да [11, л. 4]. Хотя имеются сведения о уже существующих в городах Гродно и Бресте в 1808 – 1819 годах. Источниками их финансирования были добровольные членские взносы, получение частных разовых пожертвований, сбор денежных средств для малоимущих в ходе театрализованных представлений, вечеров, проценты от ранее собранных или доходов от пожертвованного капитала (имущества и т.д.). В последнем случае общая сумма пожертвований по отдельным уездам Литовско-Гродненской губернии составляла 129 350 злотых с процентными поступлениями 13 600 рублей. Самые большие поступления были в Брестском и Новогрудском уездах – 48 400 и 3 200, 42 000 и 3 460 рублей соответственно. В г. Бресте в 1813 году полученный доход из этих источников составлял около 800 руб. в год. Крупнейшими взносами стали завещания, составленные Д.Шамбеляном, Ягмином и К.Шеметом. В последующие годы (в 1818 и 1819 гг.) это общество получило 8665 руб. от 10 жертвователей. В сопоставимых цифрах доходы Новогрудского общества увеличиваются и составляют с 1817 по 1824 год около 7800 рублей, в Брестском – около 5700 руб. А общая численность людей, получивших помощь, составила 682 человека.

На протяжении ряда лет уставы благотворительного общества переутверждались. Первоначальный проект Гродненского благотворительного общества в 1821 году был составлен на основании подобного общества в городе Вильно.

Для Виленского благотворительного общества, во главе которого стоял военный губернатор генерал от инфантерии Римский-Корсаков, император Александр I пожертвовал 10 тысяч рублей. Впоследствии и в Гродно их руководителями мы видим высших представителей власти. 16 декабря 1809 года состоялось, а 17 декабря утверждено в актах Новогрудского уездного суда, постановление об основании помещиками Новогрудского уезда благотворительного общества. И хотя 20 февраля 1810 года Гродненским гражданским губернатором В. Ланским оно было утверждено, а 16 марта прошло первое заседание, однако пожертвования были довольно скромными. После войны 1812 года приходские попечители вовсе прекратили работу, еще более сузив его возможности [11; 12; 13; 14; 15; 17; 18]. Одним из пунктов устава предусматривалась отправка детей бедных дворян в ланкастерскую школу при Новогрудском уездном дворянском училище. И только в 1838 году, согласно предложению Министерства народного образования, были организованы показательные женские пансионы. Их финансирование осуществлялось за счёт государственной помощи в 1 500 рублей и поступлений от приказов общественного призрения.

В 1839 году Министерство внутренних дел (Департамент духовных дел иностранных исповеданий) осуществляет сбор сведений об имуществе, принадлежащем духовенству, для составления в Министерстве полного статистического описания России. Подобная работа проводится и в Гродненской губернии. Итогом её стал сбор информации по каждому из приходов, с указанием принадлежащей земли, количества крестьян по вероисповеданиям, финансовые поступления от ценных бумаг и доходов от имений [10]. Информация подобного характера, как нами уже отмечалось, собиралась в 1823 году Министром духовных дел и народного просвещения, а также Гродненским приказом общественного призрения [7].

Однако были и частные пожертвования, направленные на получение образования членами семьи жертвователей. В 1841 году помещик Чеховский заявил о переводе в распоряжение Гродненского благородного пансиона 30 тыс. руб. серебром, обеспечив эту сумму из доходов имения Лунно. Чеховский стал волеизъявителем графа Михаила Валицкого, составившего завещание в пользу родственников в 1808 году [8]. В 1840 году произошли изменения, затронувшие порядок пожертвований в пользу неимущих. Согласно указа Правительствующего сената от 28 февраля 1840 года дворянство Витебской, Минской и других губерний было приглашено жертвовать личные средства для открываемых приютов. При этом главным попечителем становилась императрица Александра Федоровна, а после её смерти в 1860 году – императрица Мария Александровна. Данное ведомство берет свое начало в 1797 году. Во главе его была императрица Мария Федоровна, а после её смерти в 1828 году все последующие русские императрицы становились его руководителями. Выходя за рамки сословной благотворительности, оно объединяло

многих представителей высшего сословия. Средства на финансовую поддержку шли через сбор денег от постановок спектаклей, проведения различных лотерей.

На протяжении первой половины 1800-х годов устанавливается постепенный контроль государства за деятельность благотворительных обществ. А через различные организации – попытка контроля и за направлениями финансовых потоков. Вместе с тем участие в них отдельных представителей высшего сословия не носит самостоятельного характера, а идёт в русле инициатив и предложений губернаторов (через открытие подписки, сбора денег, участия в благотворительных концертах и спектаклях). Государство осуществляет при этом контрольно-ревизионную проверку. Информационно-пропагандистскую функцию выполняют не только приходские священники и члены обществ, но и выходившие различного рода периодические издания. Начинает меняться отношение к православной и католической церкви, их материальному обеспечению. Персональная благотворительность постепенно уменьшается, а порой приобретает безымянный характер. Таким образом, довольно большой объем материалов, хранящийся фондах НИАБ в г. Гродно, позволяет судить о довольно широком распространении идей милосердия, желания помочь ближним, нуждающимся, поддержать духовную жизнь в обществе.

Список литературы

1. Анофранка, Н. Свецкая жаночая дабрачыннасць у першай чвэрці XIX ст. / Н. Анафранка // Беларуская жаночая ліга [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: htpp://belwl.org/ru/history/anofranka. – Дата доступа: 05.03.2008.

2. Бобровский, П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Гродненская губерния. В 2 ч. / П.Бобровский. – Санкт-Петербург, 1863. – Ч.2. – С.659 – 660.

3. Вестник Западной России. – Вильно, 1865.

4. Горючко, П.С. Материалы для истории церквей Белоруссии конца XVIII – начала XIX столетий / П.С.Горючко. – Могилев, 1903. – 42 с.

5. Григорьев, А.Д. Филантропия и меценатство на Беларуси: благотворительнрость у белорусских евреев / А.Д. Григорьев // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2005. – № 5. – С.59-63.

6. Куль-Сяльверстава, С.Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фарміраванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. – 1820-я гады) / С.Я. Куль-Сяльверстава. – Мн.: БГУ, 2000. – 260 с.

7. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 103. – Ведомости о количестве земель, отданных помещиками в пользу школ, больниц и духовных ведомств.

8. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 11. – Д. 1195. – По прошению помещика Чеховского о переводе в распоряжение Гродненского благородного пансиона 30 тыс. руб. сер., обеспеченных на им. Лунно.

9. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 19. – Д. 500.

10. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 5. – Ведомости о количестве имений, принадлежавших римско-католическому духовенству по уездам Гродненской губернии в 1939 году.

11. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 875. – Копии уставов и правил благотворительных обществ губерний.

12. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 220. О проведении сбора пожертвований среди насления губернии в пользу благотворительных обществ 1832. Отчеты по приходам и расходам денежных средств по благотворительным обществам губерний.

13. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 640. – Отчеты о деятельности благотворительных обществ 1834 год.

14. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 667. – Об отчислении части дохода Гродненского театра в пользу Гродненского благотворительного общества 1834 год.

15. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 1548. – О сборе пожертвований среди дворян губернии на содержание Виленского реального училища.

16. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 2. – Оп. 2. – Д. 253. – О взыскании с помещичьих имений образовательных недоимок в пользу судовой образовательной комиссии губерний Литовских, Белорусской и Минской. 1813.

17. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 2. – Оп. 6. – Д. 224. – Об учереждении благотворительного общества.

18. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 2. – Оп. 6. – Д. 548. – Об открытии подписки в Гродненской губернии для добровольных пожертвований.

19. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 2. – Оп. 21. – Д. 1198. Ведомость о сборе недоимок подуховных капиталов и переписка с уездными казначействами по этому вопросу.

20. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1475. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 3.

21. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1621. – Оп. 2. – Д. 84. – Дело о капиталах церквей Новогрудского уезда по Цыринскому благочинию.

22. Орловский, Е.Ф. Гродненская старина / Е.Ф. Орловский. – Ч.1. – Гродно: Губернская типография, 1910.

23. Преображенский, И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1540 – 41 по 1890 – 91 гг. / И. Преображенский. – СПБ, 1897. – 236 с.

24. Функ, Ю. Яўрэйская дабрачыннасць на Беларусі ў XIX – пачатку XX стст. / Ю.Функ // Беларус.гіст.часоп. – 1999. – № 1. – С.63 – 69.

25. Черепица, В.Н. Гродненский Православный некрополь / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2001. – 230 с.

26. Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В.Н.Черепица. – Гродно: Гродно: ГрГУ, 1999. – Ч.1. – 320 с.

27. Dzieje dobroczynnosci. – 1820. – № 1. – S. 1–5.

28. Dzieje dobroczynnosci. – 1820 – 1824.

ВАЛЕРИЙ ЧЕРЕПИЦА

Гродно

ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ – ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР (1937 – 1938 гг.)

Причины и масштабы политических репрессий в СССР во второй половине 30-х годов XX столетия относятся к числу наиболее сложных и запутанных вопросов истории страны. К их разработке исследователи подходят с разных сторон: государственно-политических, личностно-психологических и др. В ряде работ развернувшийся в стране террор целиком приписывают отдельным личностям – Сталину, Ягоде, Ежову, Кагановичу, Молотову, Жданову, Хрущеву, Маленкову и др. Другие же отмечают, что это уместно только в отношении репрессий в самом верхнем слое партийно-государственной верхушки, ибо нелепо полагать, что около 2 млн. осужденных тогда по политическим обвинениям людей (из них около 700 тыс. со смертельными приговорами), были непосредственными жертвами Сталина и других высокопоставленных лиц из его окружения. По мнению В.В.Кожинова, репрессии тех лет, направленные на «правящий» слой (по всей его вертикали), захватывали иные слои населения не закономерно, а в силу становившейся неуправляемой цепной реакции террора. В этой связи все осужденные той поры представляли собой жертвы тогдашнего политического «климата», царившего в партии и власти (сверху донизу), и которые, в сущности, предались «самопожиранию». С этим нельзя не согласиться, как, впрочем, и с тем, что всесторонняя характеристика репрессированных может быть осуществлена лишь на основе трудоемких исследований. В этой связи представляется актуальным изучение такой значительной части жертв репрессий, какую представляли западные и южные славяне.

Источниковая база исследования – семь томов книг памяти жертв политических репрессий (Бутовский полигон. 1937 – 1938. – М., 1997 – 2000, вып. I – VI; Расстрельные списки. Москва. 1937 – 1941. «Коммунарка», Бутово. – М., 2000), подготовленных и изданных Российским институтом экспериментальной социологии, обществом «Мемориал», другими общественными организациями, при поддержке правительства Москвы. Эти объемные публикации содержат краткие биографические сведения на 25 292 человека, расстрелянных и захороненных в Подмосковье в специально выделенных «зонах», обычно «легендированных» для местных жителей как армейские стрелковые полигоны – у поселка Бутово и близ совхоза «Коммунарка». Среди жертв этих полигонов наибольшее число составляют москвичи, жители Подмосковья и окрестных областей. Кроме них, в списках погибших немало представителей республик бывшего СССР, а также лиц иностранного происхождения и подданства. По численности после русских, которых в местах захоронений насчитывается от 60 до 70 %, преобладают латыши, поляки, евреи, украинцы, немцы, белорусы. Всего же среди захороненных насчитываются представители свыше пятидесяти национальностей.

Небывалые по масштабу расстрелы 1937 – 1938 гг. были следствием решения Политбюро ВКП(б) от 2 июля 1937 года о проведении широкомасштабной операции по репрессированию «антисоветских элементов». Во исполнение этого решения вышло несколько оперативных приказов НКВД СССР за подписью Ежова, касавшихся различных групп населения страны, как в социальном, так и в национальном плане. Одним из таких приказов в отношении ареста в 5-дневный срок «немецких шпионов, осевших в совучреждениях» по всей территории страны, был датирован 25 июля 1937 г. Затем последовал аналогичный приказ от 11 августа 1937 г. за № 00485 о «фашистско-повстанческой, шпионско-диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР», который в качестве основной задачи требовал «разгрома антисоветской работы польской разведки» и полной ликвидации ее основных людских контингентов в СССР в 3-месячный срок.

В соответствии с ним немедленному аресту подлежали все оставшиеся в стране военнопленные польской армии, перебежчики из Польши, политэмигранты и политобменные, бывшие члены ППС и других польских политических партий, а также «наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов».

В первую очередь подлежали аресту поляки, работающие в органах НКВД, в Красной Армии, на военных и оборонных заводах, на транспорте, в электросиловом хозяйстве всех промышленных предприятий, на газовых и нефтеперерабатывающих заводах; во вторую очередь – все остальные категории польского населения. Все арестованные подлежали или расстрелу, или заключению сроком от 5 до 10 лет. Со дня выхода приказа прекращалось освобождение из тюрем и лагерей заключенных по признакам польского шпионажа. Исследователи общества «Мемориал» справедливо отмечают, что «этот приказ стал «модельным» по всем последующим национальным операциям, включая меры по отношению к чехам, словакам, болгарам и югославам. В силу того, что государства, где эти нации были титульными, занимали враждебную позицию по отношению к СССР, все те, кто имел какое-либо отношение к ним, рассматривались в качестве потенциальной пятой колонны и подлежали тотально чистке.

Польская операция была не только первой, но и самой крупной из «национальных» операций по числу жертв. Это объясняется тем, что Польша на всем протяжении 20 – 30-х годов, безусловно, ощущалась самым опасным из государств – непосредственных соседей СССР (существовал и глубоко укоренялся миф об особом коварстве в Польше, где еще были живы в памяти события последней советско-польской войны, отзвуки ушедших в историю польских восстаний и интриг против России), но и тем, что в составе населения этого государства было значительным число белорусов, украинцев и русских, якобы находившихся под сильным влиянием польской пропаганды.. Последнее обстоятельство значительно облегчало ревностным исполнителям приказа № 00485 достигать плановых установок по репрессиям в отношении поляков. Когда действительных поля-

ков не хватало для выполнения «лимита», то в ход шла фабриковка дел на белорусов, украинцев, русских лишь только потому, что у них имелись родственники в Польше, или место их рождения к этому времени находилось в составе этого государства. Подобным же образом «раскрывалось» участие большинства репрессированных в антисоветской и шпионской деятельности. Чаще всего выявление действительных шпионов заменялось хождением по домоуправлениям с целью выписки данных о жильцах с иностранными фамилиями: если фамилия немецкого происхождения, то писали, что это лицо «занимается шпионажем в пользу Германии, если польского, то писали, что это польский шпион и т.д.». Большинство признаний в шпионаже и антисоветской деятельности были сделаны с применением методов физического и психологического воздействия.

Такого рода методы «работы» применялись не только по отношению к отдельным арестованным, но при фабриковке коллективных дел, в частности, таких, как «Польская организация войсковая» (ПОВ) и «Союз польских патриотов» (СПП). «Раскрытие» их стало практическим обоснованием к развертыванию маховика репрессий против поляков. Материалы следственных дел позволяют реконструировать не только детали технологии следствия, но и их хронологическую последовательность. Во второй половине 50-х годов один из участников тех событий, превратившись из палача в жертву, на следствии рассказал следующее: «На один из допросов пришел начальник 4-го Отдел Персиц и спросил арестованного, как по-польски называется «Союз польских патриотов». Обвиняемый перевел это Персицу. Тогда Персиц спросил, а как называлась ваша организация, и арестованный сказал: «Союз польских патриотов». Фактически название этой антисоветской группы было приклеено Персицем. Я лично этому не препятствовал и в дальнейшем дело развертывали как организацию «Союз польских патриотов».

Технология проведения польской операции, несомненно, учитывалась при анализе биографических данных, в основу которых были положены анкеты арестованных, включая сведения о национальности, месте рождения и т.д. При подсчете числа поляков был признан наиболее целесообразным учет лишь только тех из них, кто родился непосредственно на территории польских губерний; те же, кто местом своего рождения называл населенные пункты Белоруссии, Литвы, Украины и других регионов Российской империи из него исключались. Такой подход нельзя признать идеальным, но он наиболее приемлем, ибо исключает спорные ситуации при определении национальной принадлежности тех, кого записали в «польские шпионы». При подсчете количества расстрелянных из числа чехов и словаков (западных славян); сербов, хорватов, словенцев, черногорцев и болгар (южных славян) брались во внимание также лишь те лица, которые родились на территории Чехословакии, Болгарии и Югославии. В отличие от поляков, бывших длительное время российскими подданными и проживавшими в Подмосковье по семейно-бытовым и производственным причинам, в связи с учебой в местных учебных заведениях, службой в армии, беженством, вызванном мировой и гражданской войнами, советско-польскими конфликтами, другие представители западных и южных славян оказались здесь сравнительно недавно. Большинство из них – это бывшие военнопленные, перебежчики, деятели Коминтерна и других левых партий и организаций. По этой причине среди них почти не было женщин.

В результате анализа биографических сведений на 25292 человека, расстрелянных на Бутовском полигоне в «Коммунарке», удалось выявить 537 западных славян, в том числе 496 поляков, 40 чехов и 1 словак. Из расстрелянных поляков 114 относились к представителям рабочих профессий, 3 человека – к колхозникам, остальные 382 человека занимали руководящие должности в органах НКВД, армии, на производстве или являлись служащими, журналистами, преподавателями, студентами. В совхозе «Коммунарка», к примеру, погребено лишь 5 человек рабочих, а остальные 79 человек – занимали высокое положение в обществе. Большая часть из них являлась членами ВКП(б) и КПП, в их числе: Я.Адамский заместитель торгового представителя СССР во Франции, Я.Белавский-Палин представитель КПП в ИККИ, А.Битнер-Эдьбаум советник полпредства СССР в Китае, генеральный консул в Тяндзине, М.Бронский ст.научный сотрудник Ин-

ститута экономики АН СССР, Г.Ганецкая научный сотрудник Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), Ц.Гейн начальник управления Госплана СССР, Л.Герба редактор газеты «Варшавский вечер», В.Глазек начальник Виленской железной дороги, К.Косиор заместитель наркома лесной промышленности УССР, В.Коханский комдив, командир 5 авиакорпуса Забайкальского военного округа, М.Логановский заместитель наркома пищевой промышленности СССР, Р.Лонгва нач.управления связи РККА, В.Лоренц начальник иностранного отдела Глававиапрома СССР, Я.Лоренц полномочный представитель СССР в Австрии, Е.Маковский начальник особого отдела УГБ по Омской области, Р.Муклевич заместитель наркома обороны СССР, К.Цесляк директор машиностроительного завода «Борец», З.Ширинский директор Центрального Архива РККА, В.Янковский главный бухгалтер Наркомата земледелия СССР и др. Из чехословаков лишь двое были рабочими (чех – пекарь, словак –слесарь), остальные являлись высокопоставленными госслужащими и преимущественно членами ВКП(б). Женщин среди репрессированных поляков было 28, среди чехов – 2. Среди них преобладали домохозяйки и пенсионерки. Большая часть репрессированных находилась в возрасте от 40 до 50 лет.

На основании биографических данных можно сделать вывод, что среди репрессированных в Подмосковье находилось 47 представителей южных славян, в том числе – 25 болгар, 12 сербов, 7 хорват, 2 словенца и 1 черногорец. Большинство из них были членами ВКП(б), национальных компартий и занимали достаточно высокое социальное положение. К лицам рабочих профессий относилось 9 человек (4 болгарина, 3 хорвата и 2 серба). Женщин среди репрессированных не обнаружено. Средний возраст расстрелянных южных славян составлял 55 – 45 лет. В их списке были: болгары – Р.Абрамов, управляющий Всесоюзным трестом «Хлеботорг»; П.Ангелов, преподаватель курсов «Выстрел»; В.Кацараки, работник Всесоюзного общества коллекционеров: Б.Филиппов-Чолаев, заведующий службой связи Коминтерна; Д.Бедев, секретарь парткома ВДНХ СССР; А.Добрев, работник наркома водного транспорта; Н.Груцев, старший экономист завода «Искра»; В.Скарлат, начальник планового отдела завода «Колибр»; сербы – Ф.Бошкович и Г.Крепич, сотрудник Международного аграрного института; Д.Сердич, командир 3-го кавалерийского корпуса РККА; Г.Вуйович, работник службы связи Коминтерна и др.

Материалы книг памяти Подмосковья в совокупности с мартирологами Левашовской пустоши под Ленинградом, Куропат под Минском, Быковней под Киевом и многими другими предоставляют широкую возможность для достаточно серьезных обобщений по национальным, профессиональным, возрастным, политическим, демографическим признакам и, главное, – духовно-нравственным. Все проводимые в этом направлении исследования – это мучительный поиск ответа на вопрос, как это все могло произойти, где истоки и причины произошедшей трагедии.

ИГОРЬ ФЕДОРОВ

Гродно

АРХИТЕКТОРЫ И СТРОИТЕЛИ ГРОДНО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

3 декабря 1794 г. в 21 час на Ратушной площади канцелярские чиновники, члены магистрата, купечество, ремесленники и представители духовенства, а также других слоев городского населения Гродно приняли присягу на верноподданство Екатерине II. С этого дня фактически весь Принеманский край был присоединен к Российской империи [1, с.47]. Вхождение многолетней резиденции короля Станислава Августа Понятовского в состав России означал новую эпоху в развитии города. С этого времени Гродно, как, впрочем, и все остальные города Белоруссии, стал постепенно приобщаться и развивать-

ся в общем русле российского градостроительного искусства. Обретение городом статуса губернского центра в 1802 г. также не могло не отразиться на градостроительной политике местной администрации.

До 1802 г. всеми вопросами строительства и ремонта объектов городской застройки в Гродно занималась Строительная экспедиция Казённой палаты, которая в связи с образованием губернии в том же году была переименована в губернскую Строительную экспедицию и её непосредственно возглавил губернский архитектор [2, с.125]. В 1832 г. экспедиция была переименована в Гродненскую строительную комиссию Главного управления путей сообщения и публичных зданий. В марте 1850 г. она была преобразована в Строительную и дорожную комиссию [2, с. 138]. Значительно позднее за Комиссией прочно закрепляется название – «Строительное отделение губернского правления». Именно этот заголовок фигурирует в специальном архивном фонде Национального исторического архива РБ в г. Гродно, где сосредоточены материалы по всем строительным работам и архитектурным проектам, которые велись в губернском центре, начиная с 1816 г. и до начала XX в. Подобные реорганизации указанной структуры были вызваны скорее всего постоянным возрастанием масштабов застройки города и стремлением упорядочить исполнение конкретных функций той или иной профессии, так или иначе связанной со строительством или ремонтом зданий

Однако в реализации градостроительной политики участвовали не только ахитекторы, строители и землеустроители указанного отделения. К подобным работам привлекались штатные работники других отделений губернского правления: инженерное ведомство Главного управления путей сообщения, Губернская чертёжная, межевая канцелярия Межевого корпуса, хозяйственное и лесное отделения Губернского правления, поверочно-люстрационная Комиссия и ряд других, где также имелись штатные должности архитекторов, землемеров, инженеров. Схематически иерархию этих должностей можно представить следующим образом:

Архитектурные должности: губернский архитектор; помощник губернского архитектора; архитектор; младший архитектор; классный художник-архитектор (возможно, речь идет о художнике-дизайнере); сверхштатный архитектор; приватный (частный) архитектор [3. ф.1.оп.4.д.369, 1061; оп.19, д.1411; оп.20, д.57].

Инженерные должности: губернский инженер; старший инженер; младший инженер; губернский механик; механик; сверхштатный техник; инженер-техник [3, оп.22, д.818,862; оп.13 д.1291].

Должности землемеров и люстраторов: губернский землемер; старший и младший помощники губернского землемера; уездный землемер; городской землемер; участковый землемер; особый землемер; лесной землемер; землемер-таксатор (таксация – учёт и материальная оценка леса); частный землемер-таксатор; губернский люстратор (производил периодическую опись государственных имуществ для определения их доходности); землемер по люстрации; городской люстратор; люстратор; временный люстратор (упразднена после 1847 г.) [3, оп.10,д.550, 2121; оп.21, д. 1134].

Должности межевщиков (в современном понимании топографы и геодезисты): межевой инженер; межевой топограф [3, оп.11 д.1011].

Наконец, немаловажное значение имели должности старшего и младшего чертёжника [3, оп.12, д.46, оп.28, д. 62].

Следует отметить, что указанная структура строительных и землеустроительных должностей существовала в Гродно и в конце XVIII в. и соответствовала европейским стандартам. Однако в XIX в. перечень этих профессий значительно расширился. Должности губернских архитектора, инженера, землемера и люстратора являлись определяющими, Эти лица обладали всей полнотой власти в архитектурно-строительной политике на территории губернии.

Остановим свое внимание на функциональных обязанностях указанных должностей.

Губернский архитектор возглавлял группу штатных профессиональных инженеров и архитекторов, которая в разные годы насчитывала 3 – 7 человек. Фактическим замести-

телем был губернский инженер (в современном смысле – инженер-проектировщик). Однако, зачастую эти две должности совмещались в одном лице, что свидетельствует, на наш взгляд, о высоком профессиональном уровне специалистов их занимавших.

Отдел архитекторов занимался представлением проектов для постройки и ремонта зданий, сметных сумм по строительству и ремонту «казенных» объектов, следил за заготовкой и качеством строительных материалов. В круг обязанностей губернских и уездных архитекторов входило заключение контрактов на строительство, технический надзор за работами и приёмом готовых объектов («освидетельствовать окончательные работы») и составлять отчёты [3, ф. 8, оп.1, д.237, лл. 4 – 6].

В 1795 – 1802 гг. «городовым» архитектором был Кароль Штильгауз, которого в качестве уже губернского архитектора сменил Павел Лукин (1802-1803) [3, ф.1, оп.1, д.16]. Затем сменяли друг друга в этой должности Адам Тодт (1803-1805) [3, ф.2.оп.1, д.133], К.Ленговский (1805 – 1808) [3, ф.1,оп.3, д.1184]. С 1811 по 1826 гг. эту должность исполнял Карл Багемиль (Багемиле) [3, ф.2, оп.37, д.1810], а с 1826 по 1836 гг. Осип Михаэлис [3, ф.8, оп.1, д.702]. В разные годы ответственные заказы на проектирование зданий получали приватные (партикулярные) архитекторы. В 40-50 гг. подобные работы выполняли Франц Ящолт и Александр Гродецкий [3, ф.1, оп.19, д.1411; оп.4, д.883].

Губернский инженер занимался снятием плана на местности, «привязке» к нему проектируемого объекта, выполнением гидростатических работ, изучением грунта, производил нивелирование. К середине Х1Х в. вводится должность губернского механика, в круг задач которого входил контроль за соблюдением строительного Устава (иначе говоря – соответствие принятым стандартам). В целом, инженеры были ответственны за измерением земельных участков, соблюдением технических норм при возведении и ремонте зданий и т.п.

Нельзя обойти вниманием и те профессии, которые были непосредственно связаны с процессом строительства в городе. Это была довольно многочисленная штатная группа, в которую входили каменщики, плотники, печники, столяры, кузнецы, слесари, стекольщики, «красильщики» (маляры), жестянщики и др. [3, ф.1068, оп.1, д, 1, лл. 5-9].

Немаловажную роль на стадии проектировании объектов строительства играли землемеры, люстраторы и топографы. Именно они были ответственны за выбор места будущего объекта. К середине века землемеры стали даже выполнять проектные планы здания. Многие архитекторы, окончившие средние учебные заведения, начинали свою деятельность землемерами.

Поскольку вплоть до конца 60-х гг. основным строительным материалом было дерево, то при возведении объектов брались в расчет как качество леса, так и стоимость пиломатериалов.

Этими работами занимались таксаторы.

Таким образом, строительным делом в Гродно и в губернии занимался довольно обширный штат архитекторов, проектантов, строителей. Понятно, что «жалование» губернских архитекторов, инженеров и землемеров было выше, нежели рядовых исполнителей. Так, в 30 – 50-е гг. оклад губернскому архитектору был определён в сумму 550 рублей в год, губернскому землемеру – 500 руб., уездному землемеру – 200 – 300 руб. Гродненский городской архитектор получал до 400 рублей в год [3, ф.2, оп.1, д.133; ф.11, оп.1, д.313].

Все процессы проектирования и возведения зданий требовали, разумеется, основательной профессиональной подготовки. В этом смысле корпус Строительного отделения губернского правления был наиболее высокообразованным среди других социальных групп городского населения в первой половине Х1Х в. Архивные документы дают нам представление об образовательном цензе архитекторов и строителей, которые были выпускниками следующих учебных заведений:

1. Императорская академия художеств в Санкт-Петербурге.
2. Московское дворцовое архитектурное училище.
3. Берлинская академия.

4. Варшавский университет.
5. Институт гражданских инженеров.
6. Лесной межевой институт.
7. Московский университет.
8. Харьковский университет.
9. Киевский институт императора Александра I.
10. Строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий и др.

Не менее солидным выглядит перечень учебных заведений, которые закончили гродненские землемеры, топографы и таксаторы.

1. Высший Константиновский институт в Москве (Межевой институт).
2. Высшая Российская школа межевых топографов.
3. Горы-Горецкая земледельческая школа.
4. Гродненское училище землемеров.
5. Белостокская гимназия и др.

В своих циркулярах указанные специалисты указывали, что изучали такие предметы как «рисование землемерских и архитектурных планов до некоторой степени», «начала планиметрии», практическое межевание», топографию, нивелировку, черчение и другие «науки» [3, ф.11, оп.1, д.313].

Что касается национального состава лиц, состоявших на службе в Строительном отделении Гродненского губернского управления, то, судя по фамилиям, они были представлены русскими, поляками и незначительным числом евреев, которые в основном работали уездными землемерами.

В первой трети XIX в. губернский Гродно подвергся коренным изменениям в застройке и архитектурной стилистике. Это объяснялось не только сменой стилей, который наблюдался в этот период, но и самим фактором вхождения Белоруссии в состав России. Гродно постепенно стал приобретать черты типичного российского губернского центра. К городам такого статуса предъявлялся довольно высокий уровень требований застройки, что обеспечивался разработкой многочисленных т.н.» образцовых» проектов.

Эти проекты охватывали по существу все функциональные типы зданий и инженерно-коммуникационные сооружения. Застройка улиц и площадей губернского города регламентировалась и по высоте. Главные площади и улицы должны были застраиваться «образцовыми» (типовыми) домами, поставленными вплотную друг к другу в единый «фасадный ряд». Такой приём утвердился в Петербурге и был перенесён как требование на застройку всех других городов империи. По мысли властей, это обеспечивало единству организации улиц и их репрезентативности. В Гродно начали строить сооружения, предназначенные для губернского, городского и уездного управления: «присутственные места», резиденции губернатора и других городских властей, провиантские склады, казарменные здания, «тюремные замки» и т.д. Центральная часть города отводилась под дворянские и купеческие особняки, окраины застраивались скромными домами малоимущих и хижинами бедняков.

Для большинства типов «казённых» зданий ко второму десятилетию XIX в. уже имелись типовые проекты. В 1803 г. были утверждены 12 «образцовых» фасадов «губернаторских» домов, присутственных мест для городов губернского и уездного ранга, винных и соляных «магазинов», тюремных замков и др. [2, с. 380, 401]. В1824 г. был издан альбом образцовых «церквей, а немногим позднее появились каталоги типовых зданий инженерного, военного назначения. В указанном выше архиве в г. Гродно сохранилось большое количество примерных планов и фасадов» для сооружений различного предназначения, нормативные документы по правилам строительства и многое другое [3. ф. 8, оп.1, д. 80, 96, 114].

В первые десятилетия XIX в. архитекторы в Гродно занимались в основном капитальным ремонтом зданий на центральных улицах (Доминиканской, Парадной, Замковой, Роскошь и Городнице), которые были возведены в «период Тызенгауза и короля С.А. Понятовского». Часть из них подверглась частичной перестройке в соответствии с новыми требованиями.

При этом архитекторы стремились учесть сложившиеся традиции городской планировки, что находит подтверждение в объяснительной записке к каждому плану или фасаду, где оговаривалось, что здание строить только в том случае, «если есть в этом необходимость» [2, д. 80, л.1].

Основную часть зданий, которые с 1802 г. перестраивали и ремонтировали с целью придания им нового облика составляли бывшие иезуитские и тызенгаузовские постройки. Ремонт «казённых» домов производился из сумм земских сборов, а также из средств Министерств Финансов и Внутренних дел. В год с «мещан и крестьян» собирали по 7 копеек серебром с человека [2, д.954]. Например, в 1824 г. на «мелочные поправки» в Гродно было собрано 3 тысячи рублей. Архивные документы дают возможность сделать вывод, что в 20 – 30 гг. в городе возводили новые объекты очень редко из-за отсутствия средств, поэтому архитекторы ограничивались капитальным и частичным ремонтом в основном официальных зданий. По нашим подсчетам, с 1802 по 1862 гг. в Гродно были перестроены (с частичным или полным изменением как фасада, так и планировочной композиции) около 8 архитектурных объектов, часть из которых определяли внешний облик города. К их числу относились перестроенное в 1804 г. одно из крупнейших зданий города – «Фара Витовта» в православный Софийский собор; перестроенный в 1816 г. один из корпусов комплекса иезуитов под лазарет Черниговского полка; здания губернской почтовой конторы, почты и «казённой палаты» на Городнице; здание «театра Тызенгауза», которое неоднократно ремонтировалось на протяжении всей первой половины века. Таким же изменениям подверглись здания тюрьмы (1829 г.), городского магистрата (1834 г.), резиденции губернатора (1834 г.), бывшего иезуитского кляштора, уездного казначейства (1835 г.) и ряд других [2, д.3, ф.1, оп.1, д.954].

В Гродно, как и в любом другом городе, подавляющее число построек составляли здания гражданского назначения, которые в первую очередь, предназначались для жилья горожан.

В феодальную эпоху застройка в городе была почти сплошь деревянной, на рубеже XVIII – XIX вв. каменных зданий (несмотря на построенные дворцы – резиденции магнатерии Речи Посполитой в период проведения в Гродно сеймов и многолетнего пребывания здесь короля) в целом насчитывалось немного. В первой половине Х1Х в. положение значительно меняется. Заметный размах приобретает каменное жилищное строительство, особенно на окраинах и в т.н. «Занеманском форштадте». В центре города возводятся исключительно каменные дома, деревянные могли строиться только на окраинах. О стиле таких построек говорить затруднительно, так как на окраинах дома проектировались разными архитекторами, и к ним не предъявлялись строгие предписания, как к зданиям в центральном районе города. Можно считать, что они носили на себе печать влияния классицизма. Несмотря на рост каменного строительства, Гродно даже к середине Х1Х в. оставался городом преимущественно деревянной застройки. По нашим подсчётам, к 1843 г. каменных построек насчитывалось 145, а деревянных – 992 [2, ф.8, оп.1, д.77, 115, 225]. В целом, удельный вес каменной застройки увеличился примерно в 2,5 раза, а деревянной лишь в 1,5 раза. Всё же рост каменной застройки в городе был серьёзным успехом гродненских зодчих. Если принять во внимание, что каменные дома обычно строились более крупными по размерам и 2 – 3-этажными, то удельный вес каменной застройки (по общей площади) увеличится ещё более.

Ограниченный рамками статьи, автор не ставил перед собой задачу подробного рассмотрения всех аспектов деятельности архитекторов и строителей Гродно в первой половине XIX в. В качестве итоговой оценки этой деятельности можно отметить следующее. Планировочная структура Гродно, которая сложилась во второй половине XVIII в. благодаря деятельности А. Тызенгауза, поставила перед новым поколением архитекторов непростую задачу – одновременного сохранения сложившейся структуры застройки с требованиями развития города в новых условиях. Вхождение Гродно в состав России совпал со сменой архитектурных стилей и появлением новых стандартов в планировке и застройке городской территории. Время показало, что гродненские архитекторы достойно справились с поставленной задачей. Они сумели сохранить общую тенденцию развития

городской застройки, органично вписали в неё новые элементы и приумножили тем самым неповторимый облик древнего города над Неманом.

Список литературы

1. Гостев, А.П. Кронон. Летопись города над Неманом (1116 – 1990) / А.П.Гостев, В.В.Швед. – Гродно, 1993.
2. Пилявский, В.И. История русской архитектуры / В.И.Пилявский, А.А.Тиц, Ю.С.Ушаков. – Л., 1984.
3. Центральный государственный исторический архив РБ в г.Гродно.

СВЯТЛАНА КУЛЬ-СЯЛЬВЕРСТАВА
Гродна

ТАДЭВУШ ГАРЭЦКІ: ЖЫЦЦЁ І ТВОРЧАСЦЬ

Лёс аднаго з найбольш знакамітых мастакоў беларуска-літоўскіх земляў, якім, безумоўна, з'яўляецца Тадэвуш Гарэцкі, надзвычай яскрава адлюстроўвае не толькі стан і ўзровень выяўленчага мастацтва першай паловы XIX ст., але можа служыць сваеасаблівай энцыклапедыяй палітычнага жыцця нашай зямлі, нораваў, звычаяў, разумення годнасці шляхціца і чалавека, уласцівым нашым продкам. Архіўныя і мемуарныя крыніцы, якія часткова апублікаваныя, а часткова яшчэ чакаюць публікацыі ў сховішчах Пецярбурга, Гродна, Варшавы, захавалі шмат матэрыялаў аб жыцці і дзейнасці гэтага чалавека, гісторыі сям'і Гарэцкіх. Важнай крыніцай з'яўляюцца і работы яго пэндзля, якія зберагаюцца ў лепшых музеях Еўропы.

Род Гарэцкіх быў вельмі разгалінаваным і старажытным. Гарэцкія здавён карысталіся гербам «Даленга» і мелі маёнткі і ў Кароне, і ў Княстве. Прапрадзед Тадэвуша Міхал быў у канцы XVII ст. суддзёй у Хэлме, дзед мастака Валенцій жыў на Віленшчыне, у 1778 г. пазначаны ў дакументах як падстараста і скарбнік лідскі. У той час пад Вільняй Гарэцкія мелі маёнтак Саленікі і некалькі фальваркаў. У 1770 г. Валенцій Гарэцкі набыў у леннае трыманне маёнтак Біскупцы, ці, інакш, Гаўе на беразе р.Гаўя на Лідчыне. Да гэтага часу Гаўе належала біскупу Масальскаму, адкуль і з'явілася новая назва паселішча, якая захавалася да нашых дзён. Дзед мастака быў вядомым масонам, прымаў актыўны ўдзел у паўстанні пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі. Ён блізка сябраваў з Якубам Ясінскім, уваходзіў у склад найвышэйшай Рады ВКЛ, быў сябрам камісіі для разбора спраў падазроных асобаў. У пачатку XIX ст. Валенцій Гарэцкі, жывучы ў Вільні, славіўся як мецэнат, быў блізка знаёмы з Ю.Нямцэвічам. Не менш вядома была і бабка мастака, Марыя Гарэцкая. Палкая патрыётка, яна была адной з натхніцелек маральнага адпору расійскім уладам, які прадпрынялі мясцовыя шляхцянкі ў першыя гады пасля далучэння гэтых земляў да Расійскай імперыі. Аб Марыі Гарэцкай шмат згадак пакінулі ў сваіх мемуарах С.Мараўскі і Г.Пузыня.

Валенцій і Марыя Гарэцкія мелі двух сыноў – Восіпа і Антонія – і дзвюх дачок, адна з якіх, Схаластыка, выйшла замуж за Мельхіёра Ваньковіча і нарадзіла сына, названага ў гонар дзеда Валенціем. Валенцій Ваньковіч – знакаміты мастак, гонар беларускай зямлі, прыходзіцца, такім чынам, стрыечным братам Тадэвушу Гарэцкаму.

Бацька Тадэвуша, Антоній Гарэцкі (1787 – 1861 гг.) пакінуў адметны след у палітычным і асабліва літаратурным жыцці і Польшчы, і Беларусі. Ён вучыўся ў Віленскім універсітэце, рана пазначыўся як таленавіты паэт. У 1812 г. Антоній далучыўся да польска-ліцвінскіх частак, якія ваявалі на баку Напалеона. Пасля амністыі жыў у Вільні, блізка сябраваў з філаматамі, добра ведаў А.Міцкевіча, уваходзіў у таварыства шубраўцаў і быў адным з аўтараў «Wiadomości brukowane». Антоній валодаў несамавітым пачуццём гумару, ягоныя

байкі, жарты, вострыя слоўкі паўтарала ўся Вільня. У час паўстання 1830 – 1931 гг. ён быў адным з ягоных кіраўнікоў і таму пасля задушэння супраціву не меў права на амністыю. Паводле царскага ўказу ён быў аднесены да першай катэгорыі ўдзельнікаў паўстання, што цягнула за сабой канфіскацыю маёнткаў, пазбаўленне ўсіх правоў і катаргу. Антоній выехаў за мяжу і больш на радзіму не вярнуўся. Жыццё і творчасць бацькі мастака можа стаць тэмай для асобнай работы. Для нас жа важным з'яўляецца тое, што актыўны ўдзел Антонія Гарэцкага ў паўстанні, фактычна, абумовіў лёс яго сыноў, ды і ўсёй сям'і Гарэцкіх.

Вераніка, жонка Антонія Гарэцкага і маці мастака, была, па сведчаннях сучаснікаў, вельмі прывабнай і разумнай жанчынай. У сям'і Антонія было двое сыноў: старэйшы Людвіг і малодшы Тадэвуш.

Тадэвуш Гарэцкі нарадзіўся ў 1825 г. у маёнтку Дусеняты непадалёк ад Вільні. Па іншых звестках, месцам яго нараджэння была Вільня. З маленства хлопчык паказваў здольнасці ў прыгожым мастацтве, пэўна, першыя ўрокі жывапісу даў яму яго стрыечны брат Валенці Ваньковіч. Малады Гарэцкі мог таксама наведваць і майстэрню Дмахоўскага, які ў той час жыў у Вільні.

Пасля ад'езду бацькі за мяжу і канфіскацыі маёнткаў Вераніка Гарэцкая з дзяцьмі засталася фактычна без сродкаў існавання. Працэс канфіскацыі цягнуўся даволі доўга, бо належала вызначыць долю Антонія ў сямейнай маёмасці. Брат яго, Восіп Гарэцкі, памёр вельмі рана: злоўжываючы гульнёй у карты, праводзячы жыццё ў марнаванні часу, скончыў жыццё самагубствам. Пасля яго смерці Антонію перайшоў маёнтак Біскупцы, паколькі па праву леннага трымання ім павінен быў валодаць старэйшы мужчына ў сям'і Гарэцкіх. Вераніка, спасылаючыся на гэтую акалічнасць, спрабавала вывесці Біскупцы з-пад канфіскацыі. Яе ліст да ўлад, якім яна імкнецца заснаваць недатыкальнасць леннага ўладання, выклікае сапраўднае спачуванне лёсу абяздоленай кабеты. «Муж мой, Антон Горецкий, – піша Вераніка, – яко удалившийся за границу не может быть считаем иначе в настоящее время, как только (в отношении служивших ему гражданских прав) умершим». Яна піша, што ў гэтых абставінах права на трыманне Біскупцаў перайшло старэйшаму сыну Антонія Гарэцкага – Людвігу, таму маёнтак ужо не можа быць канфіскаваны. Але, пэўна, яна не ведала, што напярэдадні паўстання ленныя маёнткі былі прыроўнены да спадчынных, што дазваляла ўладам праводзіць секвестр і канфіскацыю. Біскупцы былі канфіскаваны. У 1840 г. сям'я Гарэцкіх мела толькі двух прыгонных і невялікі кавалак зямлі, дадзены ўладамі Веранiцы ў пажыццёвае ўладанне. Між іншым, яшчэ на працягу многіх гадоў сяляне з Біскупцаў памяталі аб былых гаспадарах і звярталіся па дапамогу да Веранікі Гарэцкай ў час пошасці і ў галодныя гады, а сама іх былая пані хадайнічала перад уладамі аб грашовых субсідыях і іншай падтрымцы для сялян.

Пазбаўленая магчымасці ўтрымліваць сям'ю, Вераніка Гарэцкая адважваецца на крок, які мог бы выклікаць абурэнне патрыятычна настаўленых суайчыннікаў – звяртаецца па дапамогу да душыцеляў паўстання. Яна піша ліст графу А.Х.Бенкендорфу – начальніку III аддзялення і шэфу корпуса жандараў, у якім перадае сваю сям'ю пад апеку цара. Бенкендорф у рапарце Мікалаю І ад 30 красавіка 1841 г. хадайнічаў аб прыняцці Тадэвуша Гарэцкага ў Пецярбургскую акадэмію прыгожых мастацтваў і прызначэнні яму стыпендыі ад урада, тлумачачы сваю просьбу наступным чынам: «принимая во внимание, что мать, отдающая в руки правительства своего сына, заслуживает полного уважения, и желая доказать, что оно всегда изъявляет благосклонность к тем из них, которые вручают оному детей своих..». Цар напісаў на рапарце «згодны», і лёс сына паўстанца быў вырашаны. Стыпендыя ў 350 рублёў, якая была прызначана Тадэвушу царом, удвая пераўзыходзіла звычайныя выплаты вучням Акадэміі. Людвігу Гарэцкаму была наканавана вайсковая кар'ера, таксама пры падтрымцы Бенкендорфа.

Між іншым, паручыцелем і апекуном маладога Гарэцкага А.Бенкендорф назваў палкоўніка Яна Гячэвіча. Пэўна, палкоўнік быў нейкім крэўным Гарэцкіх ці знаёмым бацькі Тадэвуша. Ва ўсякім выпадку, Гячэвіч быў цесна звязаны з віленскім універсітэтам – мы сустракаем яго імя ў спісе заснавальнікаў Таварыства маламаёмасных студэнтаў, ініцыяванага філаматамі.

Паступіўшы ў Акадэмію ў 1841 г. у якасці вольнага слухача, Тадэвуш Гарэцкі стаў вучнем Карла Брулова. Здольнасці юнака ў хуткім часе зрабілі яго лепшым сярод іншых у класе знакамітага майстра-партрэтыста. Ужо праз год Гарэцкі выставіў на штогадовай выставе ў Акадэміі дзве работы, якія звярнулі на сябе ўвагу знаўцаў прыгожага мастацтва, а яшчэ праз год за карціну «Сляпы з павадыром» ён атрымаў сярэбраны медаль II класа. У час вучобы ў Пецярбургу Гарэцкі прыняў удзел у аздабленні Ісаакіеўскага збору, дзе разам з мэтрамі працавалі найбольш здольныя вучні Акадэміі. Штогод поспехі маладога мастака адзначаліся медалямі і іншымі ўзнагародамі Акадэміі. У 1844 г. некалькі яго палотнаў у якасці ўзорных былі адпраўлены ў Маскоўскую школу жывапісу і дойлідства для капіравання маладым мастакам; у 1845 г. за карціну «Споведзь маладой дзяўчыны ў каталіцкага святара» Тадэвушу Гарэцкаму быў прызначаны медаль «за экспрэсію». «Эта последняя награда, – пісаў у 1850 г. канферэнц-сакратару акадэміі графу Авлову граф Ф.Талстой, –дается весьма немногим и весьма редко, так что получили ее течение последних двадцати лет только четыре художника.».

Імператарская Пецярбургская Акадэмія мастацтваў была на той час адным з буйнейшых і паважаных у Еўропе цэнтраў падрыхтоўкі мастацкіх кадраў. Яна засноўвалася, найперш, для навучання прыгожым мастацтвам дзяцей непрывеліяваных саслоўяў – паспяхова скончыўшы Акадэмію, яны набывалі права на асабістае дваранства. Акадэмія не была універсітэтам у класічным разуменні: усе дысцыпліны, якія вывучалі студэнты, былі падпарадкаваны іх мастацкай адукацыі. Мастак у разуменні тагачаснай расійскай грамадскасці быў «рамеснікам», і толькі дзяржаўная служба магла зрабіць яго вартым набілітацыі. З такімі адносінамі сутыкнуўся і Тадэвуш Гарэцкі. У 1844 г. да яго звярнулася кіраўніцтва лейб-гвардыі Літоўскага палка з прапановай зрабіць тры партрэта манарха і членаў яго сям'і. Гарэцкі перадаў заказ вучню акадэміі Станкевічу, які ўзяў за работу задатак 100 рублёў. Партрэты патрэбны былі для прадстаўлення ў час імператарскага вайсковага агляду і, хаця атрымаліся дрэннымі, спачатку былі прынятыя вайскоўцамі. Калі ж агляд мінуў, казначэй палка Малахоўскі пачаў рэзка і груба патрабаваць ад Гарэцкага, каб ён вярнуў грошы, бо партрэты не падобны на арыгіналы. У гэтай спрэчцы, пэўна, найбольш яскрава праявілася пачуцце чалавечай годнасці, годнасці майстра і шляхціча, якія былі ўласцівыя сыну паўстанца. У лісце да канферэнц-сакратара Акадэміі, які патрабаваў ад Гарэцкага тлумачэнняў, мастак пісаў: «Вы сами, Василий Иванович, судить можете, моя ли это кисть?...Удивляюсь притязаниям г. Малаховского на вежливый ответ, верно, он считает художника простым ремесленником, которого все чувства мертвы, и обругать его ничего не значит». Пад націскам кіраўніцтва Акадэміі Гарэцкі вымушаны быў перарабіць партрэты, але прабачэння прасіць ў вайскоўцаў адмовіўся.

У час навучання ў Акадэміі Тадэвуш Гарэцкі атрымаў яшчэ адзін сярэбраны і адзін залаты медалі, а ў 1849 г. пры заканчэнні вучобы – званне мастака 14 класа. Ён спецыялізаваўся ў партрэтным жывапісе, але таксама добра паказаў сябе ў гістарычным жанры і ў пейзажы. У час вучобы Гарэцкі стварыў шмат партрэтаў. Яго мадэлямі былі, у большасці, землякі мастака: палкоўнік Гячэвіч, епіскап Бароўскі, архіепіскап Дмахоўскі, епіскап Валанчэўскі, граф і графіня Шадурскія, граф і графіня Лапацінскія і іншыя. З Пецярбурга мастак неаднойчы выязджаў на радзіму. Лета і восень 1849 г. ён бавіў у свайго знаёмага Івана Младзяноўскага ў маёнтку Дукштыгай непадалёк ад Рэжыцы ў Віцебскай губерні, адкуль выязджаў і на Віленшчыну. «Заработался я на провинции, – пісаў ён у лісце да канферэнц-сакратара Акадэміі 26 верасня 1849 г., – и не могу возвратиться в Петербург на обещанный срок. Работы достал порядочно – и едва ли еще через три месяца успею кончить».

Пасля завяршэння вучобы ў Акадэміі Т.Гарэцкі атрымаў магчымасць паехаць для ўдасканалення за мяжу. Такое права даваў выпускніку атрыманы залаты медаль і іншыя ўзнагароды. Такім чынам, Тадэвуш Гарэцкі, атрымаўшы ад Акадэміі бясплатны замежны пашпарт і грошы, выправіўся ў Еўропу. У гэтую паездку Тадэвуш наведаў Італію і Галандыю, але пакуль што абмінуў Францыю. У той час у Парыжы жыў яго бацька Антоні Гарэцкі. Але, пэўна, пакуль быў жывы Мікалай I, які ўзяў на сябе апеку над сынам

паўстанца, Тадэвуш быў звязаны ўдзячнасцю, а таксама, і гэта, магчыма, найважнейшае, увагай палітычнай паліцыі, якая мела за мяжой уласную агентуру.

У 1852 г. памёр настаўнік Гарэцкага Карл Брулоў, які апошнія гады жыцця правёў за межамі Расійскай імперыі. Няскончанымі засталіся некалькі карцін. Менавіта Гарэцкаму ён даверыў іх закончыць. Такім чынам, замежная камандзіроўка Гарэцкага атрымала працяг. Закончыўшы за два гады работы, пакінутыя Бруловым, найперш копію з карціны Рафаэля «Святая Цэцылія», Гарэцкі папрасіў аб падоўжанні тэрміну замежнай камандзіроўкі. Цар дазволіў застацца яшчэ на адзін год і прызначыў стыпендыю – 300 рублёў золатам. Працы, якія Гарэцкі прывёз у Пецярбург пасля замежнай вандроўкі, спаткалі прызнане акадэмікаў. Да таго ж Тадэвуш далучыў сведчанні прафесароў Балонскай акадэміі мастацтваў аб вернасці копіі і яе высокім мастацкім узроўні. У Пецярбургу Тадэвуш звярнуўся з хадайніцтвам да кіраўніцтва Акадэміі мастацтваў з просьбай прызначыць яму іспыт на званне акадэміка. Праграмнай работай ён выбраў партрэт акадэміка Клота. Гэты партрэт знаходзіцца сёння ў Траццякоўскай галерэі. У лістападзе 1854 г. яму было надазена званне акадэміка і адпаведны дыплом. У гэты ж час яму давялося ўладкоўваць фінансавыя справы свайго брата. Людвіг Гарэцкі служыў на Каўказе і ў Прычарнамор'і, меў чын капітана. У 1855 г. ён памёр. Высветлілася, што за гады службы Людвіг не толькі не зарабіў капітал, але і крыху завініў крэдыторам. Людвігу ў спадчыну павінен быў перайсці маёнтак паўстанца Казакевіча на Віленшчыне, які быў крэўным Веранікі Гарэцкай, але на яго прэтэндавала і цётка Гарэцкіх Роза Замбржэцкая. Тадэвуш меў права на маёнтак як спадкаемца брата і абавязаўся выплаціць пазыку з даходаў ад гэтай уласнасці. Між іншым, у польскіх працах аб мастаку часам Розу Замбржэцкую называюць апякункай братоў Гарэцкіх, але па архіўных дакументах гэта не прасочваецца.

У 1855 г. памёр Мікалай I. Цяпер мастак быў вольны ад слова, дадзенага яго маці цару пятнаццаць гадоў перад тым. Гарэцкі мог наведаць Парыж і нарэшце ўбачыць бацьку, а таксама пазнаёміцца з шэдэўрамі Луўра. Такі прыезд быў тым больш неабходны, што мастак рыхтаваўся да шлюбу. Яго абранніцай стала дачка Адама Міцкевіча Марыя, з якой малады мастак пазнаёміўся ў час вандроўкі па Італіі. У лісце да дзядзькі Францішка Міцкевіча Марыя так характарызавала свайго мужа: «Myj przysziy jest to Pan Tadeusz Gorecki, syn pyikownika Antoniego Goreckiego. Pan Tadeusz w kraju i zagranic№ ma juï imк znane reputacjк ustalon№; odznaczyl siк jako wyïszy artysta malarz, a ci, co go bliïej znaj№, ceni№ w nim wiele innych zalet. Ojciec myj znai go od lat kilku i czksto o nim mile wspominai. Mam w Bogu nadziejк, iї przysziюњж usprawiedliwi myj wybyr». Шлюб адбыўся 7 лістапада 1857 г. Але сям'я Міцкевічаў, найперш, Уладыслаў і Аляксандр Міцкевічы, не прыняла новага родзіча. Марыя Міцкевіч была на дваццаць гадоў малодшая за свайго мужа, яна сама вырашыла пайсці замуж насуперак жаданню радні. Справа была яшчэ і ў тым, што рукі Марыі дабіваўся сакратар паэта Анры Ляры, які блізка сябраваў з дзядзькамі маладой. У лістах да Францішка Міцкевіча і ў пазнейшых успамінах Марыя скардзілася на дрэннае стаўленне да сябе і мужа з боку Уладзіслава і Аляксандра, а сучаснікі ўспамінаюць, што напярэдадні шлюбу паміж Ляры і Гарэцкім ледзь не дайшло да дуэлі.

У 1858 г. Тадэвуш Гарэцкі, надоўга наведаўшы Пецярбург, зноў выехаў за мяжу, каб ужо больш не вярнуцца ў імперыю. Аднак ён падтрымліваў сталыя кантакты з Акадэміяй, прадстаўляючы на суд найбольш знакамітых яе членаў свае працы. Выдатны талент і заслужанае імя мастака еўрапейскага ўзроўню дазвалялі Тадэвушу жыць за кошт свайго пэндзля. Работы нашага земляка з ахвотай пакупаліся для лепшых збораў, прычым за вялікія грошы. Так, за копію з карціны Рафаэля Акадэмія заплаціла 1500 рублёў, а за пейзаж «Від Альгамбры», які Гарэцкі стварыў у час побыту ў Гішпаніі, – 800 рублёў. Мастак жыў у Парыжы разам з сям'ёй. Першая дачка Гелена, якая нарадзілася неўзабаве пасля шлюбу, памерла ў 1860 г., але пасля лёс даў Гарэцкім яшчэ чатырох дзяцей – Цэліну, Гелену, Людвіга і Адама. Людвіг, названы ў гонар старэйшага брата мастака, у далейшым стаў вядомым доктарам-акулістам, многа зрабіў для развіцця медыцынскай навукі.

У 1861 г. памёр Антоні Гарэцкі, бацька мастака. Ён быў пахаваны на могілках Манмарансі ў Парыжы. Тадэвуш Гарэцкі ў 1867 г. выправіў для сябе і жонкі бестэрміновы

пашпарт для побыту за мяжой, такім чынам прыняўшы рашэнне больш не вяртацца ў Расію. Ён не толькі маляваў, але і даваў урокі малюнку, але толькі абраным вучням. Так, яго выхаванцамі былі чатыры іранцы (персы, як іх тады называлі), якіх Гарэцкі вучыў жывапісу па просьбе персідскага шаха. За гэтую вучобу, якая дала выдатныя вынікі, мастак быў узнагароджаны персідскім ордэнам Льва і Сонца.

Мастаку не было наканавана доўгае жыццё. Тадэвуш Гарэцкі памёр у Парыжы 30 студзеня 1868 г. У беларускіх выданнях датай смерці мастака называюць часам 1867 г. Але ў дакументах Акадэміі ў Пецярбургу, з якой Тадэвуш Гарэцкі падтрымліваў сувязь да канца жыцця, гэтай даты няма, вядома толькі, што ў 1867 г. ён звяртаўся ў Акадэмію з хадайніцтвам аб выдачы пашпарта, і яго фармулярны спіс, які вёўся на кожнага акадэміка, заканчываецца менавіта гэтым годам. Пахавалі Тадэвуша Гарэцкага на могілках Манмарансі, побач з бацькам.

Марыя Гарэцкая перажыла мужа на 45 гадоў. Яна больш не выйшла замуж, стала жыла ў Парыжы, пазначылася ў прыгожым пісьменстве як філантропка, публіцыстка, перакладчыца і аўтарка ўспамінаў.

Імя Тадэвуша Гарэцкага менш вядома на Беларусі, чым імя яго стрыечнага брата Валенція Ваньковіча. Але і па ўзроўню таленту, і па значнасці мастацкага даробку Тадэвуш нічым не саступае Валенцію. Хацелася б, каб і на беларускай зямлі імя знакамітага мастака было пазначана музеем ці хаця б помнікам або шыльдай. Гэта тым больш пажадана, што на Гродзеншчыне ёсць куточак, які многа значыў для самога мастака і яго крэўных – вёска Біскупцы на беразе рэчкі Гаўя.

Спіс літаратуры

1. НГАБ у Гродне. – Ф.1. – Воп. 19. – Спр.714. – Арк.1.
2. РГИА. – Ф. 789. – Воп. 14, 1841 – 1867. – Д. 39 Г. – Арк. 2.
3. РГИА. – Ф. 789. – Воп. 1, ч.II, 1841. – Д. 2594. – Арк.1.
4. РГИА. – Ф. 789. – Воп. 14, 1841 – 1867. – Д. 39 Г. – Арк.12.
5. РГИА. – Ф. 789. – Воп. 12, 1853. – Д. 58. – Арк.4,6.
6. РГИА. – Ф. 789. – Воп. 12, 1858. – Д. 38. – Арк.21, 26.
7. РГИА. – Ф. 789. – Воп. 14, 1841 – 1867. – Д. 39 Г. – Арк.48.
8. РГИА. – Ф. 789. – Воп. 2, 1855. – Д. 50.
9. Borejsza, J. Sekretarz Adama Mickiewicza.(Armand Lery i jego czasy. – 1827 – 1891) / J.Borejsza. – Warszawa, 1969 – S.188.
10. Borejsza, J. Sekretarz Adama Mickiewicza.(Armand Lery i jego czasy. – 1827 – 1891) / J.Borejsza. – Warszawa, 1969 – S.188.
11. РГИА. – Ф. 789. – Воп. 14, 1841 – 1867. – Д. 39 Г. – Арк.81.
12. РГИА. – Ф. 789. – Воп. 14, 1841 – 1867. – Д. 39 Г. – Арк.74.
13. Polski siownik biograficzny. – T. 8 – Wrociaw-Krakyw, 1959 – 1960. – S.305.

МАРЫЯ ЯРАШУК

Гродна

ПОЛЬСКАМОЎНАЯ МЕМУАРНАЯ ЛІТАРАТУРА ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX ст. (СПРОБА АНАЛІЗУ)

Першая палова XIX ст. была складаным часам, насычаным значнымі гістарычнымі падзеямі для беларускіх зямель, далучаных да Расійскай імперыі. Свае асаблівасці разнастайныя пераўтварэнні ў палітычнай, эканамічнай і духоўнай сферах мелі менавіта на

заходнебеларускіх землях.Тлумачыца гэта тым, што дадзеныя тэрыторыі адышлі да Расійскай імперыі падчас трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай у 1795 г., таму працэсы пераўтварэнняў пачаліся тут пазней, чым на ўсходнебеларускіх землях. Да таго ж расійскія ўлады вымушаны былі даволі працяглы час лічыцца з польскім уплывам на гэтых землях, што склаўся традыцыямі і ладам жыцця. Яўнае наступленне расійскіх уладаў і барацьба з польскім уплывам пачалася толькі пасля паўстання 1830 – 1831 гг.

Па-новаму паглядзець на дадзеныя працэсы і падзеі першай паловы XIX ст., больш дэталёва вывучыць іх уплыў на жыцце канкрэтных людзей таго часу, вызначыць асабістыя адносіны людзей да розных абставін, вылучыць факты невядомыя з афіцыйных дакументаў дазваляюць творы мемуарнай літаратуры. Сярод іх можна вылучыць дзве вялікія групы ў залежнасці ад мовы арыгінала: польскамоўныя і рускамоўныя мемуары. Зрэдку сустракаюцца мемуары на нямецкай, французскай мовах, вядомыя ў перакладзе. Улічваючы значны ўплыў польскай мовы ў розных сферах жыцця заходнебеларускіх зямель першай паловы XIX ст., актуальным бачыцца аналіз менавіта польскамоўнай мемуарнай літаратуры.

Аналіз гістарычных крыніц складаецца з дзвюх частак: аналізу знешніх прыкмет (часу напісання, вызначэння аўтара, уплыву выдаўца, формы і структуры крыніцы) і ўнутранага аналізу непасрэдна тэксту (уплыву асобы аўтара на змест крыніцы, вызначэння храналагічных і прасторавых межаў падзей, адлюстраваных у крыніцы, паўнаты і дакладнасці прыведзеных фактаў, літаратурных асаблівасцей крыніцы). Аналіз крыніцы дазваляе вызначыць яе каштоўнасць, рэпрэзентыўнасць і магчымасць далейшага выкарыстання ў розных відах даследаванняў.

Важнай прыкметай мемуарнай літаратуры, якая дазваляе вызначыць ступень дакладнасці апісаных у ёй фактаў, служыць ***час напісання*** [1, с. 6]. Яго можна вызначыць, абапіраючыся на прамыя сведчанні аўтара, змешчаныя ім у прадмове і тэксце. Так, свае мемуары С. Мараўскі напісаў у 1848 г. [2, с. 1 – 4], Л. Патоцкі – у 1859 г. [3, с. 16], Э. Паўловіч ў 1860-я гг. апрацаваў ранейшыя адрывачныя запісы [5, с. 2], К. Скібінскі толькі напрыканцы жыцця ў 1853 г. пачаў пісаць успаміны, не маючы ранейшых запісаў [6, с. 4 –5], І. Дамейка вёў дзеннік на працягу ўсяго жыцця, пачынаючы з 1831 г. [7, с. 1 – 2].

Пры адсутнасці прамых звестак аб часе стварэння мемуараў ці для іх удакладнення можна звяртацца да ўскосных дадзеных. Напрыклад С. Мараўскі, апісваючы лад жыцця і норавы 1820-х гг. у Вільні, параўноўвае іх з 1840-мі гг. [2, с. 166 – 167], значыць успаміны былі напісаны прыкладна праз 20 год. І. Дамейка таксама рабіў параўнанні, звяртаючыся праз нейкі час да напісанага. Аб гэтым сведчаць свабодныя аркушы, прызначаныя спецыяльна для гэтага, некаторыя з якіх так і не былі запоўнены, а таксама змененая з часам манера пісьма [8, с. 31 – 32]. У мемуарах Г. Пузынінай упамінаецца дзённік, які яна вяла на працягу жыцця [9, с. 161 – 162]. Ён і стаў асновай яе мемуараў. Ускосна аб часе напісання мемуараў можа сведчыць дата іх выдання. Так першае выданне ўспамінаў аб паўстанні 1831 г., якія сабраў Ф. Вратноўскі, адбылося ў 1833 г. [10, с. 3 – 4]. Значыць, яны былі напісаны на працягу такога кароткага перыяду. Мемуары Ю.І. Крашэўскага, выдадзеныя ў 1842 г., апавядаюць аб жыцці Вільна ў 1830 – 1835гг., значыць былі напісаны да 1842 г. [11, с. 3 – 5].

Дату стварэння ўспамінаў важна вызначыць для таго, каб зразумець, які прамежак часу прайшоў паміж падзеямі і момантам іх фіксацыі. Пры гэтым патрэбна ўлічваць уласцівасці чалавечай памяці. З часам падзеі могуць губляць актуальнасць, пэўныя дэталі, набываць новае значэнне і разуменне іх аўтарам. Калі падзеі фіксуюцца адразу, можна казаць аб сінхроннасці часу. Калі прамежак значна большы, то час ва ўспамінах набывае рэтраспектыўнасць. У аўтара з’яўляецца магчымасць прадставіць мінулае ў святле яго частковай ці поўнай завершанасці, ведання бліжэйшых і далейшых наступстваў [12, с. 25]. Карыстаючыся гэтым, мемуарыст можа асвятляць у новым ракурсе ўжо вядомыя падзеі, абставіны мінулага, апісваць некаторыя «сакрэтныя» падзеі, што раней хаваліся ад чужога позірку [13, с. 31]. Напрыклад, І. Дамейка ў пачатковай частцы сваіх успамінаў «Першыя дні красавіка 1831 г. на Літве», напісанай адразу пасля паўстання назвы мясцовасцей і прозвішчы асоб падае скарочана як ініцыялы, магчыма, для бяспекі. Гэтая частка ўспамінаў была скрадзена ў 1884 г. Аднаўляючы яе з памяці, І.Дамейка назвы і прозвішчы ўжо не

скарачае. Параўнанне двух гэтых варыянтаў сведчыць аб выдатнай памяці мемуарыста, які змог так дакладна і поўна аднавіць змест сваіх ранейшых успамінаў [8, с. 37 – 38].

Прамежак часу паміж падзеямі і момантам іх фіксацыі служыць прыкметай для вылучэння ***форм мемуарнай літаратуры***:

1. Успаміны (мемуары) – запіскі аўтара аб мінулым (як яго ўласнай біяграфіі, так і грамадска-палітычным жыцці), зробленыя з той ці іншай мэтай, але заўсёды пасля апісваемага часу, праз больш ці менш значны прамежак часу [17, с. 46]. Да ўспамінаў адносяцца творы С. Мараўскага [2, с. 3 – 5], Л. Патоцкага [4, с. 16], І.Ю. Крашэўскага [11, с. 4 – 6], К. Скібінскага [6, с. 4 – 5], Е. Фялінскай [19, с. 9 – 10], Э.Адынца [20, с. 27 – 29].

2) Дзённікі – звычайна запісы, што робяцца кожны дзень, аб бягучых падзеях жыцця, думках аўтара. Такія запісы маюць на мэце непасрэднае замацаванне для памяці асобных фактаў, назіранняў, меркаванняў аўтара [17, с. 45 – 46]. Само апавяданне ў такіх выпадках звычайна не вызначаецца паслядоўнасцю [18, с. 38].

Разнавіднасцю гэтай формы мемуарнай літаратуры з'яўляюцца апрацаваныя дзённікі (пасля іх напісання адрэдагаваныя, перагледжаныя аўтарам, які вёў першапачатковы дзённік) [17, с. 46]. Прыклад успамінаў, створаных на аснове дзённікаў, – творы Г. Пузынінай [9, с. XV], І.Дамейкі [7; 8]. Запіскі падарожнікаў рабіліся, хутчэй за ўсё, такім жа чынам, апрацоўваліся пасля вяртання з падарожжа. Значыць, да апрацаваных дзённікаў можна аднесці творы Ю.У. Нямцэвіча [14, с. 3 – 6], У. Сыракомлі [15, с. 14 – 16], К. Контрыма [21, с. 24], Я. Маяркевіча [22, с. 65 – 67].

Унутраная структура твораў мемуарнай літаратуры таксама мае пэўныя адрозненні. Адны аўтары прытрымліваюцца храналогіі пры запісах падзей, пазначаюць даты ці змяшчаюць разам падзеі, што адбыліся ў адзін год ці ў вызначаны прамежак часу (Г. Пузыніна, І. Дамейка, К. Скібінскі). Іншы раз аўтар блытае даты, факты, калі прайшло ўжо шмат часу (К. Скібінскі).

Іншым падыходам з'яўляецца сюжэтнае групаванне фактаў. Яно выразна прасочваецца ва ўспамінах Л. Патоцкага, які асобна апісвае падзеі, звязаныя з Ружанамі, Свіслаччу і Дзярэчынам [4, с. 19, 105, 151]. І. Ю. Крашэўскі, успамінаючы жыццё Вільні ў 1830 – 1835 гг., падае характарыстыкі знешняга выгляду горада, кавярняў і тракціраў, гандляроў і фурманаў, жыцце студэнтаў і паноў у асобных главах [11, с. 5 – 6]. Сюжэтнае групаванне прасочваецца таксама ў С. Мараўскага, Ю.У. Нямцэвіча, У. Сыракомлі.

У залежнасці ад пастаўленай мэты мемуарысты ў сваіх творах адлюстроўвалі ***падзеі большага або меншага прамежку часу***. Па гэтай прыкмеце можна вылучыць:

1. Успаміны, дзённікі, якія ахопліваюць усё ці амаль усё жыццё аўтара. Выразныя прыклады – успаміны Е. Фялінскай, С. Шумскага, К. Скібінскага, Г. Пузынінай, І. Дамейкі.

2. Мемуары, якія датычацца толькі пэўнага перыяду жыцця аўтара. Напрыклад, вучоба ў школе, універсітэце – успаміны Э. Адынца, С. Мараўскага, Э. Паўловіча, падарожжа – К. Контрым, Я. Маяркевіч, Ю.У. Нямцэвіч, жыццё нейкі час у пэўнай мясцовасці – Л. Патоцкі, І.Ю. Крашэўскі.

3. Успаміны, прысвечаныя нейкай адной падзеі, часта даволі значнай у гісторыі ўсяго рэгіёна, краіны. Успаміны аб паўстанні 1830 – 1831 гг. на заходнебеларускіх землях – зборнік Ф. Вратноўскага, Л. Дэмбоўскі [25, с. 45], Д. Хлапоўскі [26, с. 65], тайныя таварыствы ў Віленскім універсітэце – М. Чарноцкі [27, с. 35 – 45].

Свой адбітак на змест мемуарнай літаратуры аказвае ***асоба выдаўца***. Менавіта ад яго залежыць, наколькі дакладна ён зможа разабраць і зразумець рукапіс (асабліва калі выданне адбываецца пасля смерці аўтара), дакладна яго перадаць і граматна ўнесці патрэбныя папраўкі. Абавязковым з'яўляецца давядзенне да чытача звестак аб унесеных зменах, скарачэннях, з пазначэннем гэтых месцаў у тэксце [23, с. 35 – 38]. Так, пры выданні ўспамінаў К. Скібінскага рэдактар паспрабаваў упарадкаваць падзеі згодна з храналогіяй і выправіць некаторыя памылкі ў датах [6, с. V]. Успаміны Г. Пузынінай выдаўцамі былі падзелены на дзве часткі (1815 – 1843 гг, 1843 – 1860-я гг.), што не адпавядала падзелу самой аўтаркі. Недахоп сродкаў вымусіў таксама абмежаваць ілюстрацыйны матэрыял [9, с. XVI]. Невыдадзеная частка ўспамінаў загінула пад час вайны ў 1944 г. [24, с. 5].

Вельмі нязначная частка мемуарнай літаратуры была перавыдадзена ў наш час (успаміны Г. Пузынінай у 1990 г., І. Дамейкі ў 1962 – 1963 гг.), а таксама перакладзена на беларускую мову (успаміны Л. Патоцкага, У. Сыракомлі, І. Дамейкі). Гэта значна абмяжоўвае дотык да польскамоўных мемуарных крыніц шырокага кола чытачоў і ўскладняе магчымасці іх даследавання.

Аб якіх жа ***мясцінах заходнебеларускіх зямель*** можна знайсці інфармацыю ў польскамоўнай мемуарнай літаратуры? Дастаткова падрабязна мемуарысты апісваюць жыццё Вільні ў першай палове XIX ст. Некаторыя ўспаміны цалкам прысвечаны сталаму жыццю аўтара ў Вільні ў пэўны перыяд. Так, С. Мараўскі адлюстраваў жыццё горада ў 1818 – 1825 гг., г.зн. у свае студэнцкія гады, а таксама падчас пазнейшых наведванняў у 1830 – 1840-я гг. [2, с. 48 – 71]. Ю.І. Крашэўскі ахапіў крыху пазнейшы час – 1830 – 1835 гг. [11, с. 7 – 23]. Іншыя аўтары звесткам аб Вільні адводзяць пэўныя часткі сваіх мемуараў. Напрыклад, Э. Адынец вучобе ва універсітэце ў 1820 – 1823 гг. прысвяціў частку III сваіх успамінаў [20, с. 80 – 124]. Г. Пузыніна [9, с. I – XII], С. Шумскі [28, с. 34 – 65], Э.Паўловіч [5, с. 5 – 29], К. Скібінскі [6, с. 5 – 8, 16 – 18, 117 – 121, 204, 215] таксама змяшчаюць у сваіх мемуарах абшырную інфармацыю аб Вільні, але па прычыне частага наведвання іншых мясцін падаюць яе ў храналагічным парадку, чаргуючы з апісаннем наведаных мясцовасцей. У цяперашні час Вільня не адносіцца да заходнебеларускіх зямель, але, вывучаючы першую палову XIX ст., яе нельга астаўляць па-за ўвагай. Хаця пасля далучэння да Расійскай імперыі Вільня пераўтварылася ў сталіцу губерніі, але яе значэнне ў жыцці краю (Літвы, як да сярэдзіны XIX ст. называлі заходнія землі цяперашняй Беларусі) не зменшылася. У Вільню традыцыйна з’язджаліся на кірмашы, для падпісання кантрактаў. Шляхецкія фаміліі звычайна на зіму пакідалі свае маёнткі і наймалі кватэры ў Вільні [9, с. II – XII]. Таксама Віленскі універсітэт прыцягваў моладзь з усяго края [2, с. 170 – 175].

Сярод населеных пунктаў Віленскай губерні Г. Пузыніна называе наступныя вёскі і маёнткі: Дабраўляны, Ракішкі, Варняны, Залессе, Смаргонь, Войстам, Вішнева, Альшэва, Нестанішкі, Булкаў, Лынтупы, Ашмяны, Паставы [8, с. II – XII]. Згадкі населеных пунктаў аўторка непасрэдна звязвае з роднымі і знаёмымі, якія імі валодалі і жылі там. Э. Адынец распавядае аб Барунах і Гальшанах, дзе прайшло яго дзяцінства [20, с. 27 – 30, 66 – 106]. Аб становішчы Вілейкі, Мядзеля, Глыбокага, Дзісны (з 1842 г. у складзе Віленскай губерніі), Ашмянаў, Відзаў, Валожына пад час паўстання 1831 г. вядома з успамінаў удзельнікаў, сабраных Г. Масціцкім [30, с. 96 – 137].

Гродна – яшчэ адзін цэнтр губерніі, звесткі аб якім можна адшукаць у мемуарнай літаратуры. Асобных твораў, прысвечаных менавіта гэтаму гораду, няма, але пэўныя падзеі адлюстраваліся ва ўспамінах К. Скібінскага [6, с. 8 – 13, 15 – 16, 116 – 128, 204 – 205, 211], І. Дамейкі [7, с. 187 – 189], Ю.У. Нямцэвіча [14, с. 357 – 358; 29, с. 352, 375, 386].

Падарожнічаючы па Гродзенскай губерніі, Ю.У. Нямцэвіч наведаў Кобрын, Пружаны, Ружаны, Ізабэлін, Ваўкавыск, Ліду, Навагрудак, Дзятлава, Слонім, Бярозу Картузскую, Хомск, Бездзеж [14, с. 346 – 349, 390 – 398]. Для Э. Паўловіча Навагрудчына была родным краем, таму ён падрабязна апісаў падарожжа з Вільні дадому, узгадваючы Жырмуны, Збойск, Уселюб, Навагрудак, шлях да Завосся і Туганавіч праз Котлаў, Валеўку, навакольныя вескі Мірацічы, Варончу, Дварэц, Гарадзішча, Завоссе [5, с.28, 33 – 79]. Падчас гастролей тэатра па Гродзенскай губерні К. Скібінскі пабываў у Зэльве, Свіслачы, Слоніме [6, с. 10 – 11, 13 – 14]. Але найбольш ярка, падрабязна апісаў Свіслач, Ружаны, Дзярэчын Л. Патоцкі [4, с. 19 – 102, 105 – 150, 151 – 178].

Жыццё мемуарыстаў праходзіла ў цеснай сувязі з развіццём, зменамі ў грамадстве. Па гэтай прычыне многія падзеі і працэсы першай паловы XIX ст. знайшлі сваё адлюстраванне ў іх творах, нават калі стварэнне дакладнай карціны тагачаснага грамадства мэтай не з’яўлялася. Супастаўляючы інфармацыю з розных мемуарных крыніц, можна ахарактарызаваць ***палітычнае жыцце, сацыяльна-эканамічнае развіцце і працэсы ў культурнай сферы*** заходнебеларускіх зямель першай паловы XIX ст.

Важнай падзеяй, якая вызначыла ***палітычныя настроі і памкненні*** значнай часткі

насельніцтва заходнебеларускіх зямель, было далучэнне да Расійскай імперыі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай. Адбыўся ўздым патрыятызму, які праявіўся ў жаданні аднаўлення былой дзяржаўнасці. Вайна 1812 г. была ўспрынята неадназначна. Адны віталі яе з радасцю і надзеяй, пышна сустракалі надыходзячыя французскія войскі, аб чым сведчыць Ю.У. Нямцэвіч [14, с. 358], актыўна змагаліся на баку французаў, як С. Шумскі [28, с. 15 – 46]. Нават пасля паражэння Напалеона яшчэ доўга ўспаміналі 1812 г., на расказах аб ім выхоўвалі новае пакаленне, напрыклад у сям'і Г. Пузынінай [9, с. 1 – 2, 62 – 63]. Э. Паўловіч сведчыць, што і праз 20 год да былых салдатаў напалеонаўскага войска адносіліся з павагай, як да жывой легенды [5, с. 41]. Э. Адынцу, які меў у 1812 г. толькі 8 год, французы запомніліся з адваротнага боку як марадзеры, якія нясуць небяспеку, вымушаюць яго сям'ю пакутаваць, галадаць, хавацца па лясах. Э. Адынец так зненавідзеў ворагаў, што пэўны час нават не жадаў вывучаць французскую мову [20, с. 27 – 30].

Пасля вайны 1812 г. наступіла пэўнае зацішша, цэнтр патрыятычнага руху перамясціўся ў Віленскі універсітэт, дзе пачалі ствараца тайныя таварыствы. Аб іх дзейнасці і мерапрыемствах расійскіх уладаў па барацьбе з гэтымі таварыствамі ўспамінаюць М. Чарноцкі [27, с. 35 – 45], С. Мараўскі [2, с. 185 – 230]. С. Мараўскі, які ўдзельнічаў у Таварыстве прамяністых і філарэтаў, сцвярджае, што яны былі створаны толькі з навуковымі мэтамі, для вывучэння края, а расійскія ўлады не змаглі змірыцца з пэўнай самастойнасцю Віленскага універсітэта, таму шукалі нават нязначную зачэпку, каб распачаць барацьбу [2, с. 188, 211 – 213]. Увогуле С. Мараўскі абвінавачвае расійскія ўлады ў тым, што менавіта іх дзеянні прывялі да паўстання 1830 – 1831 гг. Расійскія чыноўнікі імкнуліся атрымаць пасаду на далучаных тэрыторыях, каб нажыцца ўсялякімі спосабамі, нахватаць грошай, узнагародаў, атрымаць хабары. Такія чыноўнікі пастаянна змяняліся як пералётныя птушкі, таму насельніцтву складана было іх насыціць. Паступова нянавісць да чыноўнікаў стала атаясамлівацца з нянавісцю да ўрада. Да таго ж расійскія ўлады не пажадалі зразумець склаўшыяся традыцыі краю і ўзяць іх у разлік [2, с. 229 – 230].

У лістападзе 1830 г. у Польшчы выбухнала паўстанне, якое ўжо вясной 1831 г. ахапіла тэрыторыю т.зв. Літвы. Менавіта падзеям 1831г. прысвечаны зборнікі ўспамінаў, выдадзеныя ў 1833 г. і 1931 г. Удзельнікі паўстання малююць яркую карціну барацьбы з рускім войскам, абарону гарадоў Віленскай і Гродзенскай губерняў [10; 30]. Успаміны Л. Дэмбоўскага і Д. Хлапоўскага ахопліваюць падзеі паўстання ў Польшчы, а таксама паход на заходнебеларускія землі для аказання дапамогі паўстанцам [25; 26]. З гэтымі ўспамінамі добра суадносяцца і прадстаўляюць магчымасць супастаўлення мемуары І.Дамейкі, які далучыўся ў 1831 г. да корпуса Д. Хлапоўскага [7, с. 3 – 37]. Э. Паўловіч пакінуў успаміны аб сваім удзеле ў паўстанні на Наваградчыне, прыязных адносінах насельніцтва да паўстанцаў [5, с. 93 – 96]. Мемуары Г. Пузынінай выклікаюць інтарэс, таму што сама аўторка ў ваенных дзеяннях не ўдзельнічала, але змагла перадаць атмасферу ў грамадстве, рэакцыю расійскіх уладаў і становішча Вільні і наваколляў адразу пасля паўстання [9, с. 143 – 155].

Пасля падаўлення паўстання патрыятычная дзейнасць не спынілася. Важнай падзеяй было стварэнне, дзейнасць і выкрыцце змовы Ш. Канарскага. Інфармацыя аб ей маецца ва ўпамінах самаго Ш. Канарскага [31, с. 3 – 6]. Сучаснікі сталі сведкамі жорсткай расправы з Ш. Канарскім – растрэла ў 1839 г., які іх моцна ўразіў, прымусіў задумацца над прычынамі. Успаміны аб гэтым пакінулі Г. Пузыніна [9, с. 270], Э. Паўловіч [5, с. 102 – 104], А.Кіркор [32, с.18, 32, 47].

Лагічным дапаўненнем карціны палітычнага жыцця першай паловы XIX ст. з'яўляюцца вобразы М. Далгарукава і Ф. Міркавіча, генерал-губернатараў Літвы ў 1831 – 1840 гг. і 1840 – 1850 гг., часоў іх кіравання. Г. Пузыніна і С. Мараўскі характарызуюць М. Далгарукава як разбэшчанага ва ўсіх адносінах, прагнага да чужых грошай чалавека, які сваімі паводзінамі адмоўна паўплываў на маральны стан грамадства, прывеў да збяднення ўсю Літву [2, с. 407 – 409; 9, с. 153, 226, 282]. Ф. Міркавіч падаецца як поўная супрацьлегласць М. Далгарукаву: стрыманы, разважлівы, працавіты, сямейны чалавек, які не дазваляў сабе злоўжыванняў уладай [2, с. 409; 8, с. 282].

У мемуарнай літаратуры можна знайсці таксама звесткі, якія характарызуюць ***эканамічнае развіццё*** краю. Г. Пузыніна ўспамінае, як уладальнікі маёнткаў заводзілі ўзорныя гаспадаркі, якія арыентаваліся на рынак. Так, Ракішкі Ігнація Тызенгаўза славіліся добрым ільном [9, с. 11], у Смаргоні і Войстаме Караля Пшаздзецкага была фабрыка экіпажаў, вырошчваліся пародзістыя коні і быдла на продаж [9, с. 13], як і ў Паставах Канстанціна Тызенгаўза [9, с. 139], у Стравеніках дзейнічала знакамітая ткацкая фабрыка палатна і батысту [9, с. 155]. У Вішневе і Шчорсах Адам Храптовіч працягваў справу свайго бацькі Іяхіма, які перавеў сялян на чынш, заснаваў ашчадныя касы, школы для сялянскіх дзяцей [9, с. 159 – 160]. Мемуары Г. Пузынінай змяшчаюць кароткія характарыстыкі гэтых маёнткаў, прычым толькі станоўчыя. Праблемных сітуацый у вёсцы, звязаных са становішчам сялян, аўторка не адзначае. У Л. Патоцкага больш падрабязна апісаны павіннасці сялян маёнтка Свіслач (3 дні работы з канем і 1 пешшу ў тыдзень з хаты, гвалты, шарваркі), увядзенне Вінцэнтам Тышкевічам магазінаў збожжа, камунальнай касы для падтрымкі сялян у неўраджайныя гады [4, с. 41]. Але ацэнкі становішча сялян зноў жа не знаходзім. Л. Патоцкі таксама ўспамінае буйныя і вельмі значныя для ўсяго рэгіёна Свіслацкі і Зэльвенскі кірмашы [4, с. 38 – 39, 141]. К. Контрыма, служачага Польскага банка, падчас падарожжа ў 1829 г. зацікавіла менавіта эканамічнае становішча Палесся, магчымасці развіцця мясцовай прамысловасці і гандлю [21, с. 5 – 29].

Э. Паўловіча непрыемна ўразіла сцэна, убачаная ў карчме, дзе сяляне пілі і скардзіліся на сваю цяжкую долю. Аўтар лічыць, што ў распаўсюджванні п'янства вінаваты гаспадары, якія дазваляюць яўрэям адкрываць корчмы і якія не клапоцяцца аб лёсе сялян, імкнучыся да ўзбагачэння [5, с. 55 – 57]. Цяжкае становішча прыгонных сялян адзначалі і выказвалі ім спачуванне ў сваіх мемуарах Я. Маяркевіч [21, с. 17 – 35] і Е. Фялінская [19, с.5 – 24].

Мемуары ўяўляюць сабой выдатную крыніцу інфармацыі аб ***культурным жыцці*** заходнебеларускіх зямель першай паловы XIX ст. Дзякуючы ім, можна ўявіць знешні выгляд некаторых гарадоў і маёнткаў, іх планіроўку, (напрыклад, Вільні, Свіслачы, Дабраўлянаў), а таксама архітэктурныя рысы асобных будынкаў (палацаў, дзе жылі шляхецкія фаміліі, храмаў, навучальных устаноў) і іх унутранае аздабленне і інтэр'ер. Такія звесткі сустракаюцца ў мемуарах Г. Пузынінай [9], С. Мараўскага [2], І.Ю. Крашэўскага [11], Л. Патоцкага [3; 4], Э. Паўловіча [5]. Аб Віленскім універсітэце – цэнтры адукацыі і навукі для ўсяго краю, яго выкладчыках, вывучаемых прадметах, ладзе жыцця студэнтаў, іх настроях і занятках, аб установах, што дзейнічалі пасля закрыцця універсітэта, апавядаюць С. Мараўскі [2], Э. Паўловіч [5], М. Чарноцкі [27], І.Ю. Крашэўскі [11], Э. Адынец [20]. Дзейнасць Свіслацкай гімназіі ўспамінае Л. Патоцкі [3; 4]. Тэатр, гастролі замежных артыстаў, музыкантаў выклікалі вялікі інтарэс у жыхароў краю. Своеасаблівай энцыклапедыяй тэатральнага жыцця можна лічыць мемуары К.Скібінскага, які падрабязна апавядае аб сваіх выступленнях у Вільні і гастролях па губернях, называе п'есы, якія ставіліся [6, с.5-24]. Дзейнасць тэатраў у губернскіх гарадах, маёнтках, а таксама дамовыя пастаноўкі ўзгадваюць Г. Пузыніна [9], Л. Патоцкі [3; 4], І.Ю. Крашэўскі [11]. Увогуле, мемуары С. Мараўскага, Г. Пузынінай, Л. Патоцкага, І.Ю. Крашэўскага, К. Скібінскага прадстаўляюць падрабязную карціну жыцця шляхецкага саслоўя першай паловы XIX ст. Яны дазваляюць уявіць, як жыла, забаўлялася (карнавалы, маскарады, балі), як апраналася, чым цікавілася, нават чым хварэла, які лад мыслення мела шляхта таго часу. Гэтыя крыніцы прадстаўляюць нам паўсядзённае жыццё чалавека, дазваляюць зразумець прычыны яго ўчынкаў, праламленне буйных палітычных, эканамічных, культурных падзей і працэсаў на лакальным узроўні і ў свядомасці асобы.

Мемуары прадстаўляюць цікавасць не толькі як гістарычная крыніца, але ў пэўнай ступені і як літаратурны твор. Літаратурныя асаблівасці мемуараў залежаць ад здольнасцей аўтара выразна, ёміста, цікава адлюстраваць падзеі і свае думкі. Так, успаміны С. Мараўскага, дапоўненыя выдаўцамі ўрыўкамі з іншых яго твораў, вылучаюцца дасціпнасцю, уменнем ярка ахарактарызаваць асобу і абставіны, выкарыстаннем тагачасных анекдотаў, плетак. Але ж трэба адзначыць часам празмерны скептыцызм і імкненне адшукаць ва ўчынках, характарах асобаў і грамадства адмоўныя рысы [2, с. XV]. Напрыклад І.Ю. Крашэўскі ва ўспамінах імкнецца не проста перадаць падзеі з жыцця Вільні 1830 –

1835 гг., а стварыць яркія вобразы яго жыхароў, вылучыць найбольш характэрныя катэгорыі (паны-спекулянты, паны з вялікім імем і малым маенткам, пані-элеганткі, паніліттэраткі і інш.) [11, с. 113 – 130, 147 – 161].

Такім чынам, польскамоўная мемуарная літаратура, што тычыцца заходнебеларускіх зямель першай паловы XIX ст., прадстаўляе сабой каштоўнасць як гістарычная крыніца, якая характарызуе розныя бакі жыцця тагачаснага грамадства, адлюстроўвае значныя для рэгіена падзеі і ўдзел у іх асобных людзей. Але пры аналізе мемуараў трэба памятаць аб галоўнай іх асаблівасці – суб'ектыўным характары, які патрабуе пільнай увагі да змешчанай інфармацыі. З другога боку, суб'ектыўнасць мемуараў дазваляе вылучыць асобу аўтара, зразумець яго лад мыслення, самаўсведамленне. Акрамя таго, мемуары маюць важнае значэнне і як літаратурныя творы.

Даследаванне мемуарнай літаратуры ўяўляецца перспектыўным напрамкам, які патрабуе ўдасканалення метадалагічных падыходаў да іх апрацоўкі. Актуальнай з'яўляецца праблема перавыдання і перакладу гэтых гістарычных крыніц з мэтай пашырэння іх выкарыстання ў даследчых працах і знаёмства з імі шырокага кола чытачоў.

Спіс літаратуры

1. Черноморский, М.Н. Мемуары как исторический источник: учеб. пособие / М.Н. Черноморский. – М., 1959.

2. Morawski, Stanisiaw. Kilka lat miodoњsi mojej w Wilnie (1818 – 1825) / Stanisiaw Morawski. – Warszawa: Wyd. Adam Czartkowski i Henryk Moњcicki, 1924.

3. Potocki, Leon. Wspomnienie o Њwisioczy, Dereczynie i Ryïanie / Leon Potocki. – Wilno, 1912. Odbitka z «Kwartalnika litewskiego» (T. 3,4 1910r., t.5 1911r.)

4. Патоцкі, Л. Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану / Л. Патоцкі; уклад., прадм., камент. А.М.Філатавай; пер. з пол. І.У.Саламевіча; уступ. і пасляcл. М.Федароўскага. – Мн.: Полымя, 1997.

5. Pawiowicz, E. Wspomnienia znad Wilji i Niemna / E. Pawiowicz. – Lwyw, 1895.

6. Skibicski, Kazimierz. Pamiкtnik aktora (1786 – 1858) / Kazimierz Skibicski; oprac. i wyd. M. Rulikowski. – Warszawa, 1912.

7. Pamiкtniki Ignacego Domejki (1831 – 1838). Z autografњw wydal Jњzef Tretiak (ћrњdla do dziejњw Polski porozbiorowych). – Krakњw.1908. – T. I. – Warszawa, 1908.

8. Domejko Ignacy. Moje podrњїe. Pamiкtniki wygnacca. – Wrociaw–Warszawa–Kraky-w. – T.1 (1831 – 1837). 1962.

9. Puzynina Gabriela z Guntherњw. W Wilnie i w dworach litewskich. Pamiкtnik z lat 1815 – 1843. – Wilno: Drukiem Jyzefa Zawadzkiego.1928.

10. Wrotnowski, Felix. Zbiyr pamiкtnikyw o powstaniu Litwy w r. 1831 / Felix Wrotnowski. – Paryї, 1833. Lipsk, 1875.

11. Kraszewski Jozef Ignacy. Obrazy z їycia i podryїy. – T. II. – Wilno, 1842.

12. Гаранин, Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы: ист.-теорет. очерк / Л.Я. Гаранин. – Мн., 1986.

13. Тартаковский, А.Г. 1812 год и русская мемуаристика / А.Г. Тартаковский. – М., 1980.

14. Niemcewicz, I.U. Podrњїe historyczne po zemiach polskich od 1811 do 1828 roku / I.U. Niemcewicz: Wyd. 2. – Pbg,1858.

15. Syrokomla, Wi. Wкdrywki po moich niegdyњ okolicach / Wi. Syrokomla. – Wilno, 1853.

16. Сыракомля, Уладзіслаў. Вандроўкі па маіх былых ваколіцах: Успаміны, даслед. гісторыі і звычаяў / Уладзіслаў Сыракомля; пер. з пол., прадм., камент. Цвіркі К. – Мн, 2002. – 204 с.

17. Дмитриев, С.С. Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников / С.С. Дмитриев // Вопросы архивоведения. – 1965. – № 3.

18. Деревнина, Л. А. О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников / Л.А. Деревнина // Вопросы архивоведения. – 1963. – № 4.

19. Pamiкtniki z їycia Ewy Felicskiej. – Wilno, drukiem Jyzefa Zawadzkiego. – T.2. – 1856.

20. Odyniec Antoni Edward. Wspomnienia z przeszioњsi, opowiadane Dyotymie. – Warszawa, 1884.

21. Kontrym Kazimirz. Podrњz odbyta w roku 1829 po Polesiu. – Poznac. 1839.

22. Mazur z Piockiego (Jan Majorkiewicz). Wspomnienie z podrњїy po Litwieё Rusi Czarnej i Rusi Biaiej. // Przegl№d Naukowy. – 1843. – № 3, 4.

23. Розанова, С. Издание мемуаров – дело серьезное / С. Розанова, К. Тюнькин, В. Фридлянд // Редактор и книга: сб. ст. Вып. 5. – М., 1965.
24. Пузына, А.Г. // Энцыклапецыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 6, 444кн. 1. – Мн., 2001. – С. 5.
25. Dembowski, Leon. Moje wspomnienia z czasyw W. Ksikstwa Warszawskiego i wojny polsko-rosyjskoj 1831 roku / Leon Dembowski. – Petersburg, 1898. – T. I, II.
26. Chiapowski, D. Pamiκtniki. Cz.II. Wojna roku 1830 – 31 / D. Chiapowski. – Poznac,1899. – 126 s.
27. Czarnocki, M. Krytkie wiadomoњci o tainych Towarystwach uczni Uniwersitetu Wilecskiego aï do ich rozwi№zania / M. Czarnocki // Rocznik Towarystwa Przyjaciyi Nauk w Wilnie. – T.I. – 1907.
28. Szumski, Stanisiaw. W walkach i wiκzieniach. Pamiκtniki z lat 1812 – 1848 / Stanisiaw Szumski. – Wilno: Wyd. Henryk Moњcicki, J. Zawadski, 1931.
29. Niemcewicz, I.U. Pamiκntniki Juliana Ursyna / I.U. Niemcewicz. – Poznac, 1871.
30. Powstanie 1831 r. na Litwie. Wspomnienia uczκstnikyw. – Wilno: Wydai Henryk Moњcicki, drukiem Jyzefa Zawadzkiego,1931.
31. Konarski, Szymon. Dziennik z lat 1831 – 1834 / Szymon Konarski. – Wrociaw, 1973.
32. Obrazki litewskie: Ze wspomniec tulacza Sobarri. – Poznac, 1874.

ВІТАЛЬ ГАЛУБОВІЧ

Гродна

ПАЛЯКІ І КАРОНА ПОЛЬСКАЯ Ў ПАСОЛЬСКІХ ІНСТРУКЦЫЯХ ШЛЯХТЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў ЧАС ПРАЎЛЕННЯ УЛАДЗІСЛАВА ВАЗЫ

Узаемныя стасункі народаў у складзе федэратыўнай краіны маюць цікавасць як з гістарычнага, так і з палітыка-дзяржаўніцкага пункта гледжання, тым больш калі гэтыя «народы» з'яўляюцца тытульнымі. Некаторыя аспекты ўспрымання польскай павятовай шляхтай Вялікага княства Літоўскага ў 1633 – 1648 гг. намі ўжо закраналіся, але гэта толькі адзін бок справы [1]. Паспрабуем адказаць на пытанне: як жа да саміх палякаў (маюцца на ўвазе жыхары Польшчы) і польскага каралеўства ставілася шляхта ВКЛ? Крынічнай базай гэтага даследавання сталі пасольскія інструкцыі, складзеныя на сойміках ВКЛ у час праўлення Уладзіслава Вазы [3; 4; 5; 6; 7]. Адразу неабходна нагадаць, што пасольская дакументацыя з'яўляецца не адзіным відам матэрыялаў, якія дазваляюць прааналізаваць узаемадачыненні дзвюх частак «*шляхецкага народа*» Рэчы Паспалітай, аднак ад-метнасць інструкцый палягае на палітычным характары іх зместу і адзнакаў. Таксама прыйдзецца канстатаваць, што з-за незахаванасці вялікай колькасці саміх інструкцый (большасць дайшоўшых да нашага часу ханалагічна адносіцца да 1640-х гадоў) сістэматызаваныя звесткі маюць мазаічны характар. Паколькі на сойміках ВКЛ польская тэма ўзнікала амаль выключна ў пэўных і дастаткова традыцыйных кантэкстах, то паспрабуем аб'яднаць выяўленыя адзнакі па наступных аспектах: ***знешняя палітыка, фінансы і войска, права, супярэчнасці і канфлікты.***

Пачаць хочацца з таго, што стаўленне да Польшчы ў інструкцыях, складзеных на тэрыторыі ВКЛ, мае двухузроўневы характар. З аднаго боку, на адносіны літвінаў да Кароны ўплывала ідэалізацыя мінулага, замацаваная нават ва ўстойлівых словазваротах з вялікім пачуццёвым напаўненнем: напрыклад, наваградскія абывацелі ў 1639 г. так абгрунтоўвалі неабходнасць фінансавай падтрымкі палякаў: «*не толькі з любові, якая тыя народы ў адзінае цела аб'яднала (in corpus unici)...*» [4, sygn. 1177, s. 1]. Супольная з палякамі мінуўшчына мела фундаментальны падмурак: акт Люблінскай уніі, якому надаваўся сакральны характар, бо, як сцвярджалі ў 1640 г. аўтары лідскай інструкцыі, «*ні каралі іх міласці, ні ўсе абодвух народаў станы, ні земскія паслы, нават пры аднагалоснай згодзе, не маюць улады і не могуць навек ніводнага пункта уніі змяняць і парушаць*» [4, sygn. 1189, s. 3]. З іншага боку, рэальная практыка ўзаемадачыненняў відавочна карэктавалася і ўваходзіла ў супярэчнасць з наўмысна прыаздобленай гісторыяй.

Знешняя палітыка. Перадсоймавыя соймікі былі ці не адзінай нагодай для абмеркавання на лакальным ўзроўні накірункаў знешнепалітычнай дзейнасці супольнай Рэчы Паспалітай. Фармальнай падставай для звароту да гэтай тэмы былі прапановы, змешчаныя ў каралеўскіх інструкцыях, якія дасылаліся ў каронныя і літоўскія паветы без уліку адной акалічнасці, а менавіта таго, што ў Рэчы Паспалітай існавала пэўная спецыялізацыя ў вядзенні знешняй палітыкі. Так,ураднікам ВКЛ належаў прыярытэт у камунікацыі з Масквой і часткова Швецыяй, а ўсё іншае адпісвалася да прэрагатывы Кароны. Тым не менш шляхта княства мела фармальную нагоду выказацца, што яна і рабіла, але пры гэтым можна заўважыць пэўную невыразнасць і некатэгарычнаць яе меркаванняў. Гэта знаходзіць праяву ў патрабаваннях да паслоў раіцца з палякамі. Напрыклад, у адносінах слыннай справы каралевіча Яна Казіміра, арыштаванага ў траўні 1638 г. у Францыі па загаду кардынала Рэшыл'е [9, s. 24], ваўкавыскія абывацелі перад соймам 1639 г. не здолелі выпрацаваць дакладных прапаноў, таму дазвалялі *«абмеркаваць гэта з іх міласцямі панамі каронымі, як і ВКЛ»* [4, sygn. 1174, s. 3]. Аналагічным чынам належала пастулаць паслам і ў справе (пра Плоцкае каадзютарства) іншага брата Уладзіслава Вазы – Караля Фердынанда, вроцлаўскага епіскапа. Падобна ў 1643 г. жамойцкая шляхта, спасылаючыся на каралеўскую інструкцыю, дзе манарх папярэджваў пра неабходнасць забяспечыць ахову межаў, загадвала сваім прадстаўнікам правесці перамовы з «*іх [міласцямі] панамі каронымі і ВКЛ, паколькі бяспека вельмі ад гэтага залежыць*» [4, sygn. 1206, s. 1].

Адным з самых важных для Рэчы Паспалітай накірункам знешнепалітычнай актыўнасці ў 1630-40-я гады былі адносіны з Турцыяй і Крымам. Пазіцыя ВКЛ у адносінах «*паганых»,* з аднаго боку, цалкам адпавядала пацыфістычным настроям шляхты. Так, у снежні 1636 г. мазырскія абывацелі дэкларавалі «*здавён толькі тая дзяржава – манархія красавала і была шчаслівай, якая доўга ў сумленным міры жыла*» [6, s. 619], а ў 1643 г. вількамірскія абывацелі папярэджвалі, каб парламентарыі самі «*памежных Рэчы Паспалітай нашых суседзяў не правакавалі*» [4, sygn. 1207, s. 2]. Нават пры агучванні на сойміках канкрэтных прапаноў, інструкцыі рэкамендавалі паслам выносіць тэму на супольнае абмеркаванне, што фактычна азначае – на водкуп кароннай шляхты. Інструкцыя вількамірскага сойміка 1634 г. пацвярджае гэту думку ў наступным пастулаце: «*Татарская і турэцкая небяспека іх міласцям каронным паслам magis incumbit, таму з імі паны паслы media securitatis чыніць будуць*» [3, с. 145].

Толькі зрэдку і пераважна на найбольш аўтарытэтным віленскім сойміку абмяркоўваліся пытанні, якія фармальна не належалі да кампетэнцыі літоўскага боку. Напрыклад, у 1641 г. віленскія абывацелі пісалі, што паслы «*дапамагчы іх міласцям панам каронным братам нашым маюць*» у справе выправы камісіі па размежаванні з Венгрыяй і Сілезіяй «*для суседскага сяброўства*» Рэчы Паспалітай [4, sygn. 1202, s. 2].

Фінансы і войска. Надзвычайную важнасць шляхецкія павятовыя форумы надавалі разнастайным грашовым справам. І гэта не беспадстаўна, бо ад волі шляхты залежала фінансаванне дзяржаўных праектаў. Цалкам заканамерным з'яўляецца тое, што пры наяўнасці асобнай ад Кароны скарбовай сістэмы і несупадзенні літоўскіх і польскіх лакальных інтарэсаў, грашовае пытанне станавілася для шляхты княства вельмі важкім аргументам у палітычным працэсе. Шляхта ВКЛ звычайна дакладна дыферэнцыявала свае і каронныя выдаткі. Гэта ідэя так фармулявалася ў вількамірскай інструкцыі 1634 г.: «*Жалаванне войску кароннаму іх міласці паны палякі самі абдумаюць, бо мы сваім і іншаземным палкам плацілі*» [3, с. 145]. Паказальнай ва ўсіх адносінах з'яўляецца сітуацыя ў ВКЛ напярэдадні сойма 1640 г., калі частка паветаў увогуле адкрыта адмовілася прымаць падаткі на карысць Кароны. У ашмянскай інструкцыі ўтрымліваецца наступная сентэнцыя: «*Паколькі забеспячэнне жалаваннем кварцянага войска належыць уласна да кампетэнцыі іх міласцей каронных паноў, то іх міласці [паслы] маюць адсочваць, каб нас да гэтага не прыцягвалі*» [4, sygn. 1191, s. 1]. Браслаўскія абывацелі таксама забаранілі сваім паслам «*прыкладацца да выплатаў на каронны суплемент, бо гэта не датычыцца ВКЛ*», больш таго, рэкамендавалі толькі на выпадак рэальнай небяспекі «*абмеркаваць з іх міласцямі панамі каронымі магчымасць пасылкі пэўнага войска з ВКЛ, а калі б не было вай-*

ны, то ні пабораў, а ні іншых падаткаў не дазваляць» [4, sygn. 1192, s. 2]. Вількамірскі соймік таксама пагаджаўся на падаткі пры вайсковай небяспецы, але спецыяльна абмовіўся аб недапушчальнасці прыніжэння статуса вайсковых урадаў ВКЛ, а таксама вызначаць стацыі ў княстве «*ні жаўнеру каронnаму, ні іншаземнаму*» [4, sygn. 1196, s. 2].

Нежаданне шляхты ўтрымліваць каронную армію было ўсеагульным у ВКЛ, а адзіны выпадак братэрскай дапамогі літвінаў, які меў месца ў канцы 1630-х гадоў [7, s. 322], потым з падкрэсленым задавальненнем выстаўляўся як надзвычайнае дабрадзейства: упіцкая інструкцыя 1640 г. [4, sygn. 1194, s. 2].

Не рэдкасцю былі і наступныя выказванні: «*Войска каронnага у Інфлянтах не патрабуем. Гарантаваць і тое належыць, каб яно за межы літоўскія не пераходзіла і стацыяў ніякіх не брала*» (пастулат вількамірскага сойміка снежня 1634 г.) [3, с. 145 адв.].

Права. На сойміках неаднаразова ставіліся пытанні пра ўдасканаленне прававой базы ВКЛ і часта гучалі прапановы карыстацца юрыдычнымі нормамі, якія дзейнічалі ў Кароне. У 1640 г. ашмянская шляхта патрабавала: «*Канстытуцыя аб дэпутатах, якія адначасова не маюць выконваць пасольскіх функцый, каб і ў Вялікім Княстве Літоўскім служыла...*» [4, sygn. 1191, s. 2]. Мясцовыя абываЦелі ў 1645 г. на сойміку ў Гародні канстатавалі павелічэнне ў ВКЛ колькасці банітаў, якія, маючы так званыя «*інфаміі*», учыняюць наезды на менш уплывовых асоб «*не маючы ніякай пагрозы з боку права*». Для вырашэння гэтай праблемы паслам даручалі паспрыяць пашырэнню на ВКЛ правоў і канстытуцый каронных адносна банітаў ужо на будучым сойме [7, s. 123 v.].

Клапацілася шляхта і пра выкананне законаў па ўсёй Рэчы Паспалітай. У 1643 г. жамойцкая шляхта пастулявала: «*Апошняя канстытуцыя аб эканоміях каб цалкам была ўвасоблена як у Кароне, так і ў Вялікім Княстве Літоўскім*» [4, sygn. 1206, s. 2].

Аднак у той жа час шляхту ВКЛ не задавальняла дзейнасць дзяржаўных судовых установаў Кароны. Слонімскі соймік у 1645 г. канстатаваў: «*Хваляваць мусіць станы ВКЛ і тое, што галоўны Каронны суд наважваецца аспрэчваць правамоцнасць запісаў з ВКЛ, прымаючы дэкрэты перавышаючыя (in preaiudicium processow) права Літоўскае. Таму трэба публічна гарантаваць, каб такія дэкрэты былі ануляваныя*» [7, s. 120 v.]. Тое ж было паўторана і на сойміку 1645 г. у Гародні [7, s. 124 v.].

Супярэчнасці і канфлікты. Адным з актуальных у адносінах ліцвінаў і палякаў было пытанне пра соймавых маршалкаў. Згодна з пастановамі Люблінскай уніі кожны трэці сойм належала праводзіць пад зверхнасцю прадстаўніка ВКЛ. Так і адбывалася, але, як вядома, тэорыя не заўсёды стасуецца з рэчаіснасцю. У 1640-я гады шляхта ВКЛ пачала выстаўляць патрабаванні аб вызначэнні маршалка зыходзячы не з фармальных правілаў, а ў залежнасці ад рэальных абставінаў. Мелася на ўвазе, што ў выпадку зрыву сойма прынцып «*альтэрнаты*» павінен быў працаваць толькі адносна так званых «*соймаў шчасліва скончаных*». Падставай для такіх прапаноў стаў, хіба, зрыў сойма 1639 г., маршалкам якога быў Уладзіслаў Кердзей, земскі гарадзенскі пісар. Са спасылкай на гэты выпадак у 1640 г. упіцкая шляхта адзначыла: «*Выразная ў тым варожасць іх міласцей паноў Каронных праяўляецца, што з-за нейкай незычлівасці, соймы якімі кіруюць маршалкі ex gente nostra лёгка зрываюцца*». Далей прапаноўвалася лічыць скасаваным не толькі сарваны сойм, але і каб «*дырэктарства за дырэктарства не прызнавалася, а на быдучы сойм ізноў дырэктар ex cadet gente быў абраны*» [4, sygn. 1194, s. 3]. Падобныя заявы гучалі ў той жа час у Лідзе, Вільні і былі паўтораныя на сталічным сойміку ў 1641 г. [4, sygn. 1189, s. 1; sygn. 1195, s. 2; sygn. 1202, s. 4]

Яшчэ адным сведчаннем усведамлення асобнасці ад Кароны былі настойлівыя просьбы літоўскай шляхты аб размежаванні паўнамоцтваў каронnага і літоўскага земскага маршалкаў. У гарадзенскаяй інструкцыі 1645 г. вылучаўся наступны пункт: «*Прэрагатывы маршалка ВКЛ з маршалкам Каронным трэба супакоіць, каб кожны ў сваёй правінцыі належнае да свайго ўраду чыніў не зважаючы на розныя прыватныя дамовы*» [7, s. 123 v.].

Калі выпадак з соймавым дырэктарствам можна назваць важнай, але не скрайняй супярэчнасцю, то падзеі, якія мелі месца пасля передачы маскоўскаму цару часткі тэрыторыі ВКЛ наўзамен павелічэння тэрыторыі Кароны без згоды літоўскай шляхты, трэба кваліфікаваць як востры крызіс у палітычных адносінаў паміж суб’ектамі шляхецкай федэра-

цыі. Страта Трубецка выклікала хвалю нараканняў на палякаў на літоўскіх сойміках у 1645 г. Браслаўскія абывацелі нават забаранілі сваім паслам прыступаць да соймавых нарадаў, пакуль «*рэстытуцыя equivalens ад паноў каронных не адбудзецца ці ўсе тыя воласці ўжо Маскве прызначаныя пры Вялікім Княстве Літоўскім па старому не застануцца, пакольkі Яго Каралеўская міласць пан наш міласцівы dilatare augere non diminuere дзяржаву Вялікае княства Літоўскае sacrosancte прысягнуў*» [5, s. 254]. Незадаволенасць парушэннем тэрытарыяльнай цэласнасці княства выказалі і ў Слоніме, дзе шляхта настойвала, каб паслы не пагаджаліся пацвярджаць ніякія трактаты да часу, пакуль «*пану Трубецкаму слушная рэкампенсацыя ад паноў кароннех не будзе дэклараваная, а воласці якія адыйшлі Рэчы Паспалітай ад Масквы Яго Каралеўская міласць павінен раздаць добра заслужанымі асобам*» [7, s. 120 v.]. Абураныя «братэрскай удзячнасцю» палякаў гарадзенскія абывацелі таксама патрабавалі кампенсацыі «*за кошт, аднак, Каронных земляў, а не ВКЛ*», бо, на іх погляд, было б дзіўна, каб страціўшы землі «*для пашырэння межаў каронных*», яшчэ самі ж літвіны клапаціліся пра маёмаснае забеспячэнне пацярпелых [7, s. 122 v.]. Сойм 1645 г. не паставіў кропку ў канфлікце, які перайшоў у новую фазу падчас соймікавай кампаніі 1646 г. і дасягнуў апагея на сойме ў тым жа годзе [2].

Высновы. Польская дзяржава і каронныя абывацелі ў перадсоймавых інструкцыях шляхты ВКЛ, як і ліцвіны ў польскіх інструкцыях, ацэньваюцца неадназначна. Стаўленне літоўскага боку да суседзяў іначай як стрыманымі назваць нельга. Супрацоўніцтва і згода мелі месца у тым, што непасрэдна ВКЛ не датычылася.

Шляхта ВКЛ разглядала польскія юрыдычныя нормы, у тым ліку соймавыя канстытуцыі, датычныя Кароны, як істотную крыніцу права літоўскага, але адначасова не пагаджалася прызнаваць зверхнасць каронных судовых установ і супраціўлялася перадузятаму стаўленню палякаў да літоўскага права.

Найбольш відавочныя разыходжанні польскай і літоўскай шляхты датычыліся фінансавых пытанняў. Абывацелі ВКЛ імкнуліся па максімуму абмежаваць свой ўдзел у грашовым забеспячэнні польскай арміі, толькі зрэдку рэагуючы на заклікі аб падтрымцы.

Каталізатарам супраціўлення шляхты ВКЛ дамінацыйным амбіцыям польскай шляхты стала авантура з парушэннем тэрытарыяльнай цэласнасці княства ў выніку перадачы Трубецка маскоўскаму цару. Успрыманне партнёраў з-за Буга ў ВКЛ у апошнія гады праўлення Уладзіслава Вазы у значнай ступені вызначалася менавіта праз прызму гэтай падзеі.

Увогуле ж, нельга заўважыць у інструкцыях шляхты ВКЛ асабліва вялікай цікавасці да Кароны і яе ўнутранняга жыцця.

Спіс літаратуры

1. Вялікае княства Літоўскае ў пасольскай дакументацыі кароннай шляхты ў 1632 – 1648 гг. / В. Галубовіч // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemnoњсi: матэрыялы XIV міжнар. навук. канф., Гродна, 26 – 27 кастр. 2006 г. / пад рэд. С.Мусіенка, І. Крэня. Гродна: ГрДУ, 2007. – С. 236 – 240.

2. Спрэчкі пра далучэнне Лоева да Вялікага Княства Літоўскага на сойме 1646 года / В. Галубовіч // Шостыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні: Міжнародная навуковая канферэнцыя (Рэчыца, 2007). У 2 ч. Ч. 2. Рэчыца ў часе і прасторы: 795 год заснавання горада. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – С. 38 – 44.

3. Российская Национальная Библиотека в Санкт-Петербурге. Отдел рукописей. Автографы Дубровского. – № 152. – С. 145 – 146.

4. Archiwum Giywne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiiiyw, dziai II.

5. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, Teka Naruszewicza 139. – S. 253 – 262.

6. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, Rks. 375. – S. 619 – 625.

7. Biblioteka PAU i PAN w Krakowie. Rks. 365. – S. 120 – 121 v.; 122 – 162 v.; 148 – 153.

8. Skarbowoњж Rzeczypospolitej 1587 – 1648. Projekty-ustawy-realizacja / Filipczak-Kocur A. – Warszawa: Wydawnictwo sejmowe, 2006. – 438 s.

9. Jan Kazimierz Waza / Wyjcik Z. / – Wrociaw: Zakiad Narodowy imienia Ossolicskich – Wydawnictwo, 1997. – 248 s.

АНДРЕЙ БОРКО

Гродно

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921 – 1939 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Первый этап в развитии отечественной историографии по исследованию западнобелорусских земель, присоединенных к Польше, относится к 1920 – 1950-х гг. В БССР в это время был издан ряд работ, посвященных данной проблематике. Однако большинство изданий было не столько научного, сколько прапагандистского характера, поэтому имело все характерные недостатки этого рода литературы. Отечественная историография этого периода специально не занималась изучением местных органов государственного управления и самоуправления. Внимание уделялось другим аспектам общественно-политической жизни. Тем не менее некоторые авторы и в тех условиях определенным образом затронули данный аспект через предмет своих исследований, целью которых было показать неправомерность присоединения западнобелорусских и западноукраинских земель к Польше, отразить политическое, экономическое положение, которое сложилось на территории Западной Беларуси в межвоенный период.

Важным этапом в развитии историографии Западной Беларуси стал период со второй половины 1950-х до конца 1980-х гг., когда были проведены исследования, посвященные разным аспектам деятельности Компартии Западной Беларуси. Работы, посвященные партийной тематике и революционной борьбе, параллельно затрагивали сущность местных органов государственного управления и самоуправления. В них показана борьба левых сил за места в самоуправлении, представлены фрагментарные данные относительно результатов их выборов, значительное внимание уделено выборам в Сейм Польши. Информация по теме исследования содержится в монографии А.Сорокина [1], в которой автор при исследовании аграрного вопроса поверхностно затронул органы сельского самоуправления. Он уделил внимание личности войта и его самовольным действиям в деревне, показал решающую роль поветового старосты при назначении войта на должность. Б.Кухарев [2] в своем исследовании, посвященном сельскому хозяйству, утверждал, что местное самоуправление в Западной Беларуси преобразовалось в самоуправство фашистской администрации, укомплектованной выходцами из зажиточных слоев общества. А.Вихров в своей монографии [3] обращал внимание на отсутствие у молодых людей права выбирать и быть избранными в органы местного самоуправления.

В конце 1970 – 1980-е гг. в белорусскую историческую науку пришло много новых исследователей западнобелорусской проблематики. Появились работы, в которых более основательно рассматривалась деятельность белорусских национально-демократических партий и организаций, отражалась их роль в противодействии политике полонизации, участие в борьбе за места в органы самоуправления. Это работы В. Ладысева, И. Полуяна [4; 5] и других исследователей. В них авторы представили некоторые результаты выборов в органы самоуправления, количество мест, полученных как коммунистами, так и другими политическими партиями и объединениями, обобщенно характеризовали деятельность польских административных властей. Однако специальных исследований по изучению функционирования, истории создания местных органов государственного управления и самоуправления и в этот период не проводилось.

Современный период историографических исследований (с конца 1980-х гг.) характеризуется новыми подходами при изучении Западной Беларуси в составе II Речи Посполитой. Началось переосмысление методологии исследований, более объективными стали оценки отдельных партий, движений, деятелей Западной Беларуси. Произошло общее увеличение количества исследований, в той или другой степени отражающих деятель-

ность властных структур. В это время защищены кандидатские диссертации, посвященные истории Западной Беларуси. Это работы А.Чернякевича, А.Загидулина [6; 7] и др., в которых авторы так или иначе по направлениям своих исследований затронули вопросы, связанные с деятельностью органов государственного управления и самоуправления. Этот период также характеризуется появлением ряда статей, где упоминается о политике властных структур. Это статьи В.Ладысева, А.Вабищевича, А.Загидулина [8 – 10] и др. В них авторы обратили внимание на людей, которые были проводниками государственной политики на белорусских землях, показали их действия, направленные на полонизацию края. В статье М.Бабко и А.Теребунь [11; 12] впервые в белорусской историографии была сделана попытка дать структуру отдельных органов государственного управления и самоуправления.

Данный период примечателен изданием сборников научных статей, посвященных западнобелорусской тематике [13]. Вышел пятый том шеститомной истории Беларуси [14], в котором рассматривается история Западной Беларуси в составе II Речи Посполитой. Однако и это издание только косвенно затронуло органы государственного управления и самоуправления, отдавая предпочтение изучению социально-экономического и национально-культурного развития края.

Органы государственного управления и самоуправления в Западной Беларуси межвоенного периода не стали предметом особого исследования и в польской исторической науке. Польские историки, современники событий, не проявляли особого интереса к исследованию особенностей истории формирования властных структур и органов самоуправления на западнобелорусских землях. Присоединенные к Польше территории считались польскими землями, возвращенными в состав государства. Польская историография характеризовалась появлением ряда обобщающих работ, посвященных дальнейшему развитию органов управления и самоуправления в только что возражденном государстве. В большинстве авторами таких работ являлись начальники отделов, референты министерств. К их числу можно отнести работы А. Бардского, Е. Малишевского [15; 16] и др., где они анализировали польское законодательство и давали практические рекомендации по его реализации на местах, аргументировали создание органов самоуправления исторической традицией польского народа. Работы в подавляющим большинстве носили научно-практический характер. В них не содержалось критического анализа и не использовались статистические данные. Наибольшую ценность представляют немногочисленные работы, в которых размещены фактические данные. Среди них можно выделить работу Е. Осмоловского [17], которая содержит статистические данные деятельности поветового самоуправления Полесского воеводства за 1923 – 1925 гг. Автор показал недостатки в работе органов самоуправления, причину которых он видел в отсутствии инициативы у местного населения. Некоторые данные по Новогрудскому воеводству можно найти в монографии Ц. Голосевича [18], где, кроме хозяйственной характеристики воеводства, приведены количественные данные относительно состава органов самоуправления. Работа носит описательно-статистический характер.

Польская историография 1950-х – начала 1990-х гг. отдельно не занималась изучением органов управления и самоуправления, которые были созданы и функционировали на присоединенных к II Речи Посполитой западнобелорусских землях. Немногочисленные, чаще всего отрывочные сведения, об отдельных направлениях деятельности органов самоуправления содержатся в монографиях А. Лучака, У. Менджетского, Е. Сохи [19 – 21]. Исследования А. Лучака, Е. Сохи, посвященные общегосударственной деятельности народных партий, содержат общие результаты выборов в органы самоуправления, в том числе данные относительно восточных воеводств. Оригинальным подходом по изучению отношений между польской администрацией и населением присоединенных восточных воеводств выделяется книга историка и социолога В. Менджетского. По мнению автора, отрицательные результаты польской политики на Востоке зависели не от «злой воли» шовинистской администрации, а от ошибок, сделанных в результате незнания края и местных обычаев.

Среди работ польских историков конца 1980-х – 1990-х гг. выделяются исследования Я. Милевского, Г. Новицкого, Е. Мирановича [22 – 25] и др. Я.Милевский в своих исследованиях отразил национальный состав городских рад, выделил роль национального фактора в деятельности органов самоуправления. Его работы, посвещенные Белостокскому воеводству, содержат данные о самоуправлении Гродненского и Волковысского поветов. В статье Г.Новицкого на основе законов начала 1920-х гг. дана основательная характеристика органов самоуправления восточных воеводств II Речи Посполитой, приведено общее правовое сравнение положения органов территориального самоуправления, созданных на землях, которые были включены в состав Польши, ранее бывших частью России и Австрии. Е.Миронович в обобщающий работе по истории Беларуси критиковал деятельность отдельных войтов и поветовых старост на западнобелорусских землях, показал их отношения (чаще враждебные) с населением.

При исследовании темы значительное внимание было уделено работам историков государства и права. В белорусской юридической науке проблемой местных органов государственного управления и самоуправления в Западной Беларуси специально не занимались, однако некоторые данные по этой проблематике можно найти в обобщающих работах белорусских исследователей: В.Круталевича, И. Юхо, А. Вишневского, Н. Сильченки, И. Басюка [26 – 28] и др.

Значительный интерес вызывают обобщающие работы польских историков государства и права Ю.Бардаха, Б.Леснадарского, М.Пиетрчака, А.Айненкеля, Ф.Рички [29 – 31] и др., в которых авторы отразили сущность высших органов власти и управления II Речи Посполитой, показали изменения их полномочий на протяжении определенного промежутка времени. Надо отметить, что историки государства и права затронули данную проблематику только при написании отдельных глав, посвященных данному периоду при создании обобщающих работ по истории государства и права. Однако местная администрация и органы самоуправления на западнобелорусских землях не стали предметом их самостоятельного исследования.

Таким образом, историографический анализ исследований, которые затрагивают данную проблему, свидетельствоет, что ни белорусская, ни польская историческая наука изучением истории создания, функционирования местных органов государственного управления и самоуправления, исследованием законодательных основ и их практической реализацией в сфере административных органов власти и местного самоуправления на территории Западной Беларуси специально не занимались. Не получил надлежащего освещения в исторической науке и вопрос национального состава этих органов. Данный аспект косвенно затрагивался исследователями только при изучении отдельных направлений деятельности польских властей на присоединенных белорусских землях. В большинстве работ раскрывалась политика административных властей по разным направлениям, но основные проводники этой политики оставались в стороне от исследований, хоть и являлись прямыми исполнителями на местах.

Список литературы

1. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920 – 1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Минск: Наука и техника, 1968. – 204 с.

2. Кухарев, Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919 – 1939 гг.) / Б.Е. Кухарев; под науч. ред. проф. И.Н. Шемякина. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 112 с.

3. Віхраў, А.А. Баявы памочнік КПЗБ / А.А. Віхраў. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1975. – 128 с.

4. Ладысев, В.Ф. В борьбе за демократические права и свободы: (Из ист. опыта КПЗБ, 1926 – 1938 гг.) / В.Ф. Ладысев. – Минск: Беларусь, 1988. – 191 с.

5. Палуян, И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929 – 1933 гг. / И.В. Палуян. – Минск: Наука и техника, 1991. – 207 с.

6. Ладысеў, Уладзімер. Аб'яднанне беларускай нацыі (да 65-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР) / Уладзімер Ладысеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 9. – С. 3 – 13.

7. Чернякевич, А.Н. Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны (февраль 1919 – март 1921 года): дис.... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Н. Чернякевич. – Гродно, 2001. – 130 л.

8. Загідулін, А.М. Нацыянальная і канфесійная палітыка польскіх улад у адносінах да беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.): дыс.... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.М. Загідулін. – Гродно, 2005. – 130 л.

9. Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальная школа ў Заходняй Беларусі 1921 – 1939 гг. / А.М. Вабішчэвіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994 – № 2. – С.38–46.

10. Загідулін, А. Нацыянальная палітыка ў адносінах да беларусаў у ІІ Рэчы Паспалітай (1921 – 1939гг.) / А. Загідулін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 10. – С. 31–38.

11. Бобко, М.В. Органы административного управления Кобринского поветового староства (1921 – 1939 гг.) / М.В. Бобко // Моладзь Берасцейшчыны: зб. студ. навук. прац / навук. рэд. І.І. Акінчыц – Брэст: Выд-ва С. Лаўрова, 1999. – 172 с.

12. Теребунь, А.В. Из истории города Бреста межвоенного периода (по документам Брестского магистрата 1919 – 1939 гг.) / А.В. Теребунь // Берасцейскі хранограф: зб. навук. прац. Выпуск 1 / навук. рэд. В.Ф. Кушнер і П.А. Лойка. – Брэст, 1997. – 87 с.

13. Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: БелЭн, 1999. – 256 с.

14. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) [і інш.] – Мінск: Экаперспектыва, 2000 – 2006. – Т.5: Беларусь у 1917 – 1945 гг. / А.Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.

15. Bardzki, A. Wykaz aktyw ustawodawczych, wprowadzaj№cych zmiany w ustawodawstwie na Kresach Wschodnich od czasu przyi№czenia ich do Rz-tej Polskiej i objкcia nad niemi wiadzy pacstwowej / A. Bardzki. – Warszawa: Drukarnia Pacstwowa, 1925. – 75 s.

16. Maliszewski, E. Najwaїniejsze Wiadomoњci o Polsce / E. Maliszewski. – Warszawa, 1928. – 79 s.

17. Osmoiowski, J. Stan gospodarczy i dziaialnoњж samorz№du powiatowego Wojewydztwa Poleskiego w latach 1923 – 1925 / J. Osmoiowski. – Warszawa, 1926. – 30 s.

18. Galasiewicz, C. Ziemia Nowogrydzka. Najpilniejsze gospodarcze i kuituralne potrzeby / C. Galasiewicz. – Nowogrydek, 1936. – 74 s.

19. Juczak, A. Samorz№d terytorialny w programach i dziaialnoњci stronnictw ludowych 1918 – 1939 / A. Juczak. – Warszawa: Ludowa spyidzielnia wydawnicza, 1973. – 384 s.

20. Mкdrzecki, W. Wojewydztwo Woiycskie 1921 – 1939 / W. Mкdrzecki. – Warszawa: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1988. – 202 s.

21. Socha, J. Stronnictwa ludowe w wyborach samorz№dowych do rad gminnych w 1927 i 1930 r. z badac nad aktywnoњcia spoieczno-polityczn№ ruchu ludowego / J. Socha. – Warszawa, 1981. – 72 s.

22. Мілеўскі, Я. Нацыянальная структура гарадскіх рад у перыяд з 1919 па 1939 год у Віленскім, Навагрудскім і Палескім ваяводствах / Я. Мілеўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 1. – С. 21 – 23.

23.39. Milewski, J. Z dziejyw wojewydztwa biaiostockiego w okresie mikdzywojennym / J. Milewski. – Biaiystok, 1999. – 135 s.

24. Nowicki, H. Samorz№d terytorialny w okresie Drugiej Rzezcypospolitej na kresach wschodnich Polska i Ukraina. Sojusz 1920 roku i jego nastкpstwa / H.Nowicki: red. nauk. Z. Karpus, W. Rezmer, E. Wiszka. – Torun, 1997. – S. 455 – 472.

25. Мірановіч, Я. Навейшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. – Беласток, 1999. – 270 с.

26. Круталевіч, В.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917 – 1945 гг.) / В.А. Круталевіч, І.А. Юхо. – Мінск: Беларуская навука,1998. – 238 с.

27. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / А.Ф. Вішнеўскі. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – 313 с.

28. Сільчанка, М.У. Беларуская дзяржаўнасць / М.У. Сільчанка, І.А. Басюк. – Гродна, 1997. – 247 с.

29. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б.Леснодарский, М. Пиетрчак. – М.: Юридическая литература, 1980. – 560 с.

30. Ajnenkiel, A. Administracja w Polsce. Zarys historyczny / A. Ajnenkiel. – Wydanie drugie, poprawione. – Warszawa, 1977. – 214 s.

31. Historia Pacstwa i prawa Polski 1918 – 1939 / pod red. Ryszki F. – Warszawa, 1962. – 416 s.

СЕРГЕЙ ЗАНЕВСКИЙ

Гродно

«САРМАТСКИЙ МИФ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛЬСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИСТОРИКОВ

Миф о Польской Сарматии на протяжении ряда веков оставался одной из основополагающих конструкций в написании истории этого региона и связанных с ним общим прошлым стран – Беларуси и Украины. «Сарматский миф» был очень важен для Польши, даже до сих пор во многих случаях он остаётся неофициальной национальной идеей. Что он из себя представляет и как проявился в творчестве польских и белорусских исследователей, каковы его региональные особенности и формы проявления – в этом попытался разобраться автор.

Представление о «сарматском мифе» уходит в далёкую древность – к XVI в., когда формируется новый образ человека, принадлежащего к привилегированному сословию [47, s. 259 – 260, 263 – 268]. Как отмечает В.Конон: «в новой системе взглядов меняется отношение к мифу: если ренессансный гуманизм использует структуру и содержание античных мифов для постижения действительности, то барокко начинает мифологизировать саму действительность» [8, с. 89]. Это было временем формирования единого шляхетского сословия. Поначалу шляхта мало чем отличалась от крестьянства. Однако многочисленные войны, которые приходилось вести Великому княжеству Литовскому против внешних завоевателей, усилили роль мелкой военно-служилой шляхты в жизни государства. Она стала основной опорой великого князя в его борьбе с магнатами. Пользуясь этим, уже к середине XVI в. шляхта постепенно добилась права сначала на землю и личную неприкосновенность, а потом на занятие высших государственных постов. Шляхта начала вести свой род от воинственного племени сарматов, которые покорили в далёком прошлом здешние племена и по праву начали господствовать над ними, выбирая со своей среды предводителя. «Сарматский миф» и был призван закрепить все данные ей привилегии, будь то liberum veto или иные «кардинальные права». Как отметил П.Лойко: «это был тот единственный момент в истории княжества, когда голоса мелкой и средней шляхты выслушивались, хотя и не всегда брались во внимание при установлении политического курса государства» [11, с. 3].

В этом заключался *первый этап функционирования «сарматского мифа»*, который проявился в целом ряде исторических памятников Беларуси и Польши. На защите шляхетских привилегий стоял неизвестный автор «Хроники Быховца». Он выступал против действий великого князя, пытавшегося разрушить формирующиеся «золотые шляхетские вольности» (гарантом которых выступал «сарматский миф»), – «всех его злых проступков, которые он совершил над всей шляхтой Великого княжества», и попыток «всё шляхетское сословие искоренить и кровь их пролить» [15, с. 155 – 156]. В целом автор высоко оценил роль шляхетского сословия в истории страны. Восславляет шляхту как источник благодеяний и польский историк Матей Стрыйковский. Этой цели посвящено его рифмованное морализаторское произведение «Гонец цноты». Он пишет о сарматском происхождении шляхетского сословия, что предопределяло их более широкие привилегии, чем у короля Речи Посполитой. Задачей своего другого рифмованного произведения он прямо ставит «показать деяния сильных сарматских предков, примеров коих в истории много найдётся» [35, s. 81]. Всё это наложило свой отпечаток на представление о роли и истоках благородного сословия государства. А.Семенчук по этому поводу пишет: «однозначно можно утверждать, что содержанием и пафосом «Хроники» Стрыйковский усилил позиции литовских и белорусских магнатов и шляхты, которые особенно после Люблинской унии стремились подтвердить своё особенное место в федеративном государстве... Стрыйковский не обошёл своим вниманием как самых влиятельных среди них, так и совсем, казалось, незначительных» [16, с. 8]. Большую заслугу польского исто-

рика подтверждает тот факт, что многие последующие исследователи попросту заимствовали у него значительную часть материала, в том числе и известие о происхождении шляхты от сарматских племён – будь то книга об истории шляхты полемиста, писателя, геральдиста и нумизмата Альберта Кояловича, которая вызвала самые противоречивые чувства в среде шляхты и магнатов (по протесту одной из влиятельных в государстве семей её издание запретили и впервые свет она увидела лишь спустя 250 лет) [31], или автор «Грамматики» славянского языка, писатель-полемист, филолог и педагог Мелетий Смотрицкий. Последний в главе «Щ Просщдїи стіхотворной» со ссылкой на Стрыйковского пишет о сарматском происхождении славянского народа, олицетворением которого выступала в то время шляхта [4, с. 474]. Другой писатель-полемист – Сымон Будный на протяжении всего произведения «О светской власти» называет Великое княжество Сарматией [6, с. 70, 71, 77]. На подобной позиции стоит и автор необычайно популярной в первой половине XVIII в. работы «Облик сарматов» литвин Адам Нарамовский [43].

Однако на протяжении второй половины XVII в. роль средней и мелкой шляхты в политической жизни Речи Посполитой постепенно падала. И уже в конце XVII – первой половине XVIII вв. в государстве наблюдалась ожесточённая политическая борьба между небольшими группами магнатов, сосредоточившими в своих руках все крупные государственные посты, и многочисленной шляхтой, «золотые вольности» которой стали лишь видимостью [2, с.17 – 18, 64 – 75; 26, s. 61 – 71]. Вместе с политической сферой в жизни общества кризис к середине нового столетия охватил и все остальные. Миф о могуществе шляхты как опоры государства себя исчерпал. И стало очевидно, что старый «сарматский миф» остро нуждается в переработке. Общественное настроение в среде магнатов и шляхты середины XVIII в. раскрывает в своих «Мемуарах» Мартин Матушевич [2, с. 141]. Многие шляхетские политические деятели и писатели той эпохи выдвигали свои программы по восстановлению политического веса в государстве своего сословия. Среди них – имена С. Карвицкого, С. Щуки, К. Головко и др. [28; 30; 48]. Так наступил *второй этап его функционирования* – образ идеального поляка на фоне сельской идиллии, поляка-помещика, хранителя традиций мирной старины, живущего на лоне природы, ведущего простую сельскую жизнь [27]. Однако за внешней обманчивостью должен был скрываться смелый патриот, готовый бороться за возрождение былых славных традиций. Главным тезисом в данную эпоху было *представление о неделимой целостности шляхты как «единой нации»*. В конце XVIII в. был создан, а в XIX в. развился образ польского бунтаря, борца против русской имперскости, польского повстанца. Этот образ идеального шляхтича-рыцаря-сармата господствовал в исторической литературе Польши и Беларуси вплоть до XX в., а в некоторых случаях – и по сей день.

У истоков данной теории стоял один из основоположников философии эпохи Просвещения в Беларуси Казимир Нарбут. Совместно с двумя своими учениками в 1771 г. он издал работу «Избранные суждения из философии...», в которой призывал шляхту отбросить все противоречия и сплотиться с единой целью во имя спасения государства «защищать её целостность, авторитет и самую высокую безопасность, т.к. даже самый малый урон, причинённый Верховной власти, является ущербом и разрушением всеобщности (шляхетского сословия)» [13, с. 308]. Тем более примечательно, что данный призыв прозвучал накануне первого раздела «государства обоих народов», когда внутренние противоречия достигли своего апогея. Подтверждением того, что сплочение шляхетского сословия и достижение им своего былого величия К. Нарбут считал делом всей своей жизни, служит тот факт, что после окончательного падения государства, на пике своей славы, учёный возвратился в родное имение, где почти безвыездно провёл остаток своей жизни [5, с. 123 – 124]. Мысль К. Нарбута повторил в своих «Предостережениях Польше» (1790 г.) известный польский философ, общественный и политический деятель Ст.Сташиц [17, с. 193 – 359].

Говоря о разработке «сарматского мифа» как о «шляхетской нации» нельзя обойти вниманием идейного вдохновителя шляхетских революционеров первой половины XIX в. крупного польского историка Иоахима Лелевеля. Выражая идейную направленность современного ему периода, он идеализировал шляхетскую Речь Посполитую и значение

шляхты в польской истории, утверждая, что «шляхта в Польше была всем», и именно это сословие на протяжении длительного периода представляло интересы всего польского народа [29, s. 480, 499]. При этом «братья-шляхта была ровная между собой» [29, s. 479], и «только тот, кто был ниже шляхетства, жил в подданстве» [39, s. 282]. Равное положение шляхты И. Лелевель выводил ещё с древних времён, когда в Польше жили два сословия – кметей и лехитов. «Как мы увидим позднее из состояния лехитов и произойдёт шляхетское сословие», участью же кметей стало беспрекословное подчинение лехитам [51, s. 39 – 41, 51]. Возрождению тех славных времён, через пробуждение польского национального движения за возрождение Речи Посполитой, и должна послужить, по словам историка, польская шляхта [38]. И именно историческая наука, по его словам, выступает здесь главным идейным вдохновителем.

С позиции идеализации сарматского прошлого, за возрождение которого необходимо бороться, написана работа уроженца Беларуси Теодора Нарбута «Древняя история литовского народа» [44, s. 54 – 57]. Во втором томе своего исследования он прямо понимает «под названием сарматы народ, ... который внёс большой вклад в нашу древность». В начале XX в. подобные позиции разделяли польские исследователи Вадислав Конопчиньски [34, s. 150 – 421], Станислав Кутшэба [9; 36; 37] и др. Однако не все историки того периода разделяли версию сарматского происхождения сословия шляхты. А. Нарушевич отмечает, что «вещи это настолько далёкие, что скорее они тешат наше любопытство, нежели раскрывают правду» [45, s. 24]. Е.Морачевский выдвигает предположение, что Сарматы – это всего лишь греческая версия северных племён, «которые сами себя называли Славянами» [42, s. 8]. А Ст.Бжозовски в начале прошлого века и вовсе заявил, что «современная культура в значительной степени полна иллюзий, следуя мифам – мы бежим из истории» [24, s. 6].

Необходимо выделить *ещё один период*, хронологические рамки которого простираются на вторую четверть XX – начало XXI вв. В эту эпоху шляхетское сословие исчезло из политических реалий вместе со всеми сословными разграничениями, однако продолжало жить в исторических трудах исследователей. Это – «*период меланхолии»,* когда историки, следуя традициям, продолжали придерживаться «сарматского мифа» о «шляхетской нации». В шляхте, как и в былые времена, исследователи продолжали видеть проявление национального духа Польши и связанной с неё Беларуси. В этот период необходимо выделить деятельность Феликса Конечного [32; 33], В. Вечорэка [52], Я. Быстрона [25], Юлиуша Бардаха [20; 21], Януша Тазбира [49] и др. Вместе с политической составляющей «сарматского мифа» польские исследователи обратили внимание на культурный аспект данного явления. Над ним работали всё тот же Я. Тазбир [50], Ю. Мацеёвски [40], Т. Манковски [41] и др.

В 1970 – 1980-е гг. вопрос о «сарматском мифе» в польской историографии вышел в несколько иную плоскость. Речь в данном случае идёт об известном предании о родоначальнике польской династии – короле Пясте, выходце из простонародья. Каждое поколение поляков обращается к этому вопросу, а иногда дискуссия о родоначальнике легендарной династии выходит на международный уровень [19, s. 5]. Предание о тиране – князе Попеле и сменившем его на рубеже IX – X в. выходце из народа Пясте дошло до нас из уст древнего автора Анонима Галла и приобрело особую популярность в XVI – XVII вв. Дискуссия касается личности самого Пяста – был ли он легендарной фигурой, как считают Брюккер и Шнедер [23, s. 289; 46, s. 603], или он действительно существовал (данную позицию выражает Я.Банашкевич [19, s. 10 – 12]). На первый взгляд может показаться, что данная дискуссия не имеет ничего общего со шляхетским мифом, однако, согласно Галлу, Пяст был представителем польского племени сарматов, а как известно, народ ассоциировался со шляхтой [1, с. 332]. Поэтому неудивительно, что особую популярность предание обрело в эпоху борьбы королевской династии со всевластием магнатов. Именно шляхта тогда помогла первой, а легенда о Пясте преследовала двойную цель: показать величие пошатнувшейся королевской власти и сроднить с нею шляхетское сословие [19, s. 24 – 27].

Следует отметить, что для Беларуси этого периода было характерно несколько иное отношение к шляхетскому мифу. Здесь в Советское время «сарматский миф» подвергся жёсткой критике в трудах И.Ф.Лочмеля, В.И.Пичеты [12; 14] и др. С обретением в последнем десятилетии XX в. Беларусью независимости к «сарматскому мифу» у нас стали относиться несколько иначе, чем в Польше, относясь к нему действительно как к мифу, который говорит об определённых представлениях наших предков в далёком прошлом, однако не имеющим ничего общего с политической действительностью. Говоря о нём сегодня, белорусские исследователи имеют в виду определённую эпоху в развитии отечественной и польской *культуры* с её представлениями об окружающем мире [3; 7; 10; 18].

В связи с расколом представлений о «сарматском мифе» *наступающий период* автор охарактеризовал бы как «*период росстаней»,* когда приблизившийся кризис представлений о «шляхетской нации» заявил о том, что «сарматский миф» в очередной раз себя исчерпал. Об этом говорит в целом ряде своих работ известный исследователь польско-украинского дворянства, директор Центра славян в Сорбонне Даниель Бовуа [22, s. 20 – 24]. В сложившейся ситуации необходимо чётко решить дилемму: исключить политическую составляющую «сарматского мифа», либо полностью от него отказаться. В этом отношении белорусская историография сделала шаг вперёд, так как отвергла миф о «шляхетской нации» ещё век назад, и перенесла акцент на культурную составляющую «сарматского мифа».

Список литературы

1. Аноним, Г. Хроника и деяния князей или правителей польских / Г. Аноним // Славянские хроники. – М.: Глагол, 1996. – С. 329 – 354.

2. Бирало, А.А. Философская и общественная мысли в Белоруссии и Литве в конце XVII – середине XVIII вв. /А.А.Бирало. – Мн.: БГУ, – 1971. – 180 с.

3. Васильев, А.Г. Обращение к «истокам» как форма производства «своей» и «чужой» культуры (сарматский миф и шляхетская идентичность XVII в.) /А.Г.Васільев // Культура «своя» и «чужая». – М., 2003. – С. 71 – 74.

4. Грамматікн СлавенскиА правилное Сvнтаґма... Потщанїємъ МногогрЂшнагщ Мнїха МелетїА Смотрискогщ... назданномъ *странствующагщ снисканное и прижитое...*. – Ёвю, 1619. – 502 с.

5. Дубровский, В.В. Казимир Нарбут /В.В.Дубровский. – Мн.: Наука и техника, 1979. – 136 с.

6. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI – XIX в. – Мн.: АН БССР, 1962. – 524 с.

7. Клімуць, Л. Мецэнацтва і шляхецкі патранаж у Рэчы Паспалітай XVI – XVIII ст. і іх сацыяльнае значэнне / Л. Клімуць // Роднае слова. – 2003. – №11. – С. 97 – 98

8. Конон, В.М. От Ренессанса к классицизму. Становление эстетической мысли Белоруссии в XVI – XVIII вв./ В.М.Конон. – Мн.: Наука и техника, 1978. – 160 с.

9. Кутшеба, С. Очерк истории общественно-политического строя Польши / С.Кутшеба; пер. с пол. Я.Пашкович. – СПб.: Типография А.Суворина, 1907. – 287 с.

10. Лавыш, К.Арыенталізм як частка мастацкай культуры і побыту беларускай шляхты эпохі сарматызму /К.Лавыш // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – №1.

11. Лойка, П.А. Сфера палітычных інтарэсаў шляхты беларускіх зямель у апошняй трэці XVI – першай трэці XVII ст / П.А.Лойка // Веснік БДУ. – Серыя 3. – 2000. – №1. – С. 3 – 7.

12. Лочмель, И.Ф. Очерк истории борьбы Белорусского народа против польских панов / И.Ф.Лочмель. – М.: Воениздат, 1940. – 133 с.

13. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В.В.Дубровский, М.В.Кашуба, С.А.Подокшин и др. – Мн.: Наука и техника, 1991. – 319 с.

14. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV– XVI вв. /В.И.Пичета. – М.: АН СССР, 1961. – 815 с.

15. Полное собрание русских летописей. – Т. XXXII. – М., 1975.

16. Семянчук, А.А. Мацей Стрыйкоўскі ў Вялікім княстве Літоўскім /А.Семянчук // Спадчына. – 1995. – №1 – С. 2 – 10.

17. Сташиц, Ст. Избранное. /Ст.Сташиц; пер. Е.Усиевич. – М.: Госполитиздат,1957. – 383 с.

18. Хадыка, А. Старабеларуская шляхецкая мода /А.Хадыка // Спадчына. – 1992. – № 3.

19. Banaszkewicz, J. Podanie o Piaњcie i Popelu /J.Banaszkewicz. – Warszawa: PWN, 1986. – 205 s.
20. Bardach, J. Dzieje sejmu polskiego /J.Bardach, S.Grodziski, A.Gwiїdї. – Warszawa, 1993.
21. Bardach, J. Historia panstwa i prawa polskiego / J.Bardach, B.Lesnodorski, M.Pietrzak. – Warszawa: PWN, 1985
22. Beauvois, D. Tryjk№t ukraicski. Szlachta, carat i lud na Woiyniu, Podolu i Kijowszczyџnie, 1793–1914 / D.Beauvois. – Lublin: Wydawnictwo Marii Curie-Skiodowskiej, 2005. – 809 s.
23. Brьcker, A. Mitologia slowianska i Polska /A.Brьcker. – Warszawa, 1974.
24. Brzozowski, St. Legenda Miodej Polski. Studia o strukturze duszy kulturalnej /St.Brzozowski. – Lwyw, 1910. – 130 s.
25. Bystron, J. Dzieje obyczajow w dawnej Polsce wiek XVI – XVIII /J.Bystron. – Warszawa, 1994. – 596 s.
26. Czaplicski, W. Dzieje sejmu polskiego do roku 1939 /W.Czaplicski. – Krakyw: Wydawnictwo literacke, 1984. – 136 s.
27. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska: w 4 t. / Z.Gloger. – T.3. – Warszawa, 1902.
28. Hoiowka, K. Europa sejmuj№ca albo pacstwa, w ktyrych sejmy bywaj№ /K.Hoiowka. – Warszawa, 1753.
29. Historiczna parallela Hiszpanji z Polsk№ w XVI, XVII, XVIII wieku // Lelewel, J. Polska dzieje i rzeczy jej /J.Lelewel. – Tom III. – Poznan?, 1855. – S. 471 – 513.
30. Karwicki S. De ordinanda Republica / S.Karwicki. – Krakyw, 1871.
31. (Kojaiowicz Wijuk W.) Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego, tzw. Compendium, czyli o klejnotach albo herbach, ktyrych familie stanu rycerskiego w prowincyach W.X. Litewskiego zaїywaj№. – Krakyw, 1897, REPRINT 2002. – 527 s.
32. Koneczny, F. Polska miкdzy wschodem a zachodem / F.Koneczny // Odczyt wygioszony na Katolickim Uniwersytecie Lubelskim. – 1927. – 41 s.
33. Koneczny, F. Tadeusz Kosciuszka. Zycie. Czyny. Dych. – Wyd. II / F.Koneczny. – Poznac, 1922. – 404 s.
34. Konopczynski, W. Liberum veto: studyum porywnawczo-historyczne / W.Konopczynski. – Krakyw, 1918. – 421 s.
35. Kronika polska, litewska, їmydzka i wszystkey Rusi Macieia Striykowskiego. Wydanie nowe, bкd№ce dokiadnem powtyrzeniem wydania pierwotnego krylewieckiego z roku 1582... – Tom I. – Warszawa: Nakiad Gustawa Leona Glьcksberga, Ksiкgarza, 1846. – 510 s.
36. Kutrzeba, S. Historja џrydei dawnego prawa polskiego, t. I: Polska, Ukrajina / S.Kutrzeba. – Lwyw-Warszawa-Krakyw: Wyd. Zakiad Narodowy im. Ossolicskich, 1925. – 286 s.
37. Kutrzeba, S. Historja џrydei dawnego prawa polskiego, t. II: Litwa / S.Kutrzeba. – Lwyw-Warszawa-Krakyw: Wyd. Zakiad Narodowy im. Ossolicskich, 1926. – 462 s.
38. Lelewel, J Pamiкtnik z roku 1830 – 1831/ J.Lelewel; przedm. i przyp. J.Iwaszkiewicz. – Warszawa: Bibljoteka polska, 1924. – 163 s.
39. Lelewel, J. Polska dzieje i rzeczy jej /J.Lelewel. – Tom XVIII. – Poznac, 1865.
40. Maciejowski, J. Sarmatyzm jako formacja kulturowa /J.Maciejowski // Teksty. – 1974. – № 4.
41. Mankowski, T. Orient w polskiej kulturze artystycznej / T.Maciejowski. – Wroclaw-Krakow, 1959.
42. Moraczewski, J. Dzieje Rzeczypospolitйj Polskiйj. – T. 3 – 4: do piкtnastego wieku / J.Moraczewski. – Poznac: Nakiadem i drukiem N. Kamiecskiego i Spyiki, 1851. – 631 s.
43. Naramowski, A. Facies Rerum Sarmaticorum / A.Naramowski. T. 1 – 2. – Wilno, 1724, 1726.
44. Narbutt, T. Dzieje staroїytne narodu litewskiego / T.Narbutt. – Tom Drugi.: Њledzenia pocz№tkyw narodu litewskiego i pocz№tki jego dziejyw. Z trzema kartami geograficznemi. – Wilno: Nakiadem i drukiem Antoniego Marcinowskiego, 1837. – 577 s.
45. Naruszewicz, A. Historya narodu polskiego, od pocz№tku chrzeњciacstwa. T.3: Panowanie Piastyw / A.Naruszewicz; edycja T.Mostowskiego. – Warszawa: Drukarnia N° 646. przy Nowolipiu, 1803. – 438 s.
46. Schneider, S. W sprawie Piasta, Rzepichy i Ziemowita /S.Schneider // Kwartalnik Historyczny. – 1893 – №21. – S. 591-603
47. Staroїytnoњc, Њredniowiecze, Renesans /Opracowala E.Zarych. – Krakyw: Zielona Sowa, 2007. – 407 s.
48. Szczuka, S. Zaжmienie Polski њwiatu Powszechnemu wykazane / S.Szczuka. – Krakyw, 1902.
49. Tazbir, J. Polska przedmurzem Europy / J.Tazbir. – Warszawa: Twoj Styl, 2004. – 216 s.
50. Tazbir, J. Synkretyzm a kultura sarmacka / J.Tazbir //Teksty. – 1974. – № 4.
51. Uwagi nad dziejami Polski I ludu ej // Lelewel, J. Polska dzieje i rzeczy jej /J.Lelewel. – Tom III. – Poznac, 1855. – S. 29 – 470.
52. Wieczorek, W. Z dziejyw ustroju rolnego Wielkiego Ksкstwa Litewskiego w XVIII w. / W.Wieczorek. – Poznac, 1929.

ALFONS BOBOWIK

Eik

REPATRIACJA I PRZESIEDLENIE POLSKIEJ LUDNOЊCI Z BIAJORUSKIEJ SOCJALISTYCZNEJ REPUBLIKI RADZIECKIEJ DO POLSKI W LATACH 1944 – 1947

W polskiej literaturze naukowej dotychczas niewiele ukazaio siк opracowac naukowych poњwiкconych repatriacji i przesiedleniom polskiej ludnoњci po II wojnie њwiatowej wywoianej zmianami granic na wschodzie z terenu Biaioruskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej[1]. Zbiory dokumentyw z tamtego okresu pozostaj№ w archiwach krajowych i zagranicznych i oczekuj№ na historykyw, szczegylnie to dotyczy Biaiorusi, sk№d repatriacja i przesiedlenie polskiej ludnoњci miaio dwukrotnie masowy charakter.

Na wstкpie kilka uwag dotycz№cych terminologii uїywanej w celu przemieszczenia ludnoњci. Otyї w moich wypowiedziach i opracowaniu bкdк uїywai terminyw repatriacja i przesiedlenie. Oba te okreњlenia maj№ inne znaczenie. Przemieszczenia ludnoњci miaiy miejsce i wystкpowaiy przy powrotach Polakyw wywiezionych w latach 1939-1941 i latach pyџniejszych z Polski na wschyd z t№ ryїnic№, їe przesiedlenie dotyczyio Polakyw, ktyrzy zdecydowali siк opuњciж Biaioruњ i zamieszkaж w granicach powojennej Polski, a repatriacja dotyczyia powrotu Polakyw wywiezionych na wschyd w czasie wojny. W literaturze moїna takїe jeszcze spotkaж siк z rywnoznacznym okreњleniem ekspatriacja dla przesiedlanej ludnoњci. Naleїy takїe zaznaczyж, їe przesiedlenie i repatriacja w zawartych przez rz№d polski porozumieniach z ZSRR i republikami granicz№cymi z Polsk№ dotyczyia Polakyw i Їydyw polskich, ktyrzy sami podjкli decyzjк opuszczenia Biaiorusi.

Jest jeszcze i trzecia grupa osyb, ktyre byiy deportowane z Biaiorusi juї w grudniu 1944 roku. Wiadomo, їe NKWD 22 listopada 1944 r. przygotowaio spis wydalenia 600 polskich rodzin jako niebezpiecznych aktywnych bandytyw i powstaccyw. Nie jest mi znana bliїej ta forma ich wysiedlenia do Polski.

Moje opracowanie oparte s№ na dokumentach zgromadzonych w Archiwum Akt Nowych w Warszawie oraz na dokumentach Pacstwowego Urzкdu Repatriacyjnego zgromadzonych w Pacstwowych Archiwum w Biaiymstoku, Olsztynie i w Eiku, a takїe w oparciu dostкpn№ najnowsz№ literaturк naukow№. Tu pomijam opracowanie naukowe tego tematu na Biaiorusi, gdyї ich nie znam.

7 lutego 1945 roku na Konferencji Wielkiej Tryjki w Jaicie na Krymie zapadia ostateczna decyzja polityczna o ustaleniu polskiej granicy wschodniej na linii Curzona i tym samym zostai przes№dzony los Polakyw na ziemiach wschodnich II RP. Staio siк jasne, їe tymczasowa granica wschodnia ustalona po przejњciu frontu w lipcu 1944 roku staje siк granic№ pomiкdzy Polsk№ a trzema republikami radzieckimi: Litw№, Biaiorusi№ i Ukrain№. Wiadomo teї byio, їe Polska po zapowiadaj№cym siк rychiym zwyciкstwie nad Niemcami otrzyma w zamian ziemie Pyinocne i Zachodnie naleї№ce do Niemiec. Z ziem tych zostan№ wysiedleni Niemcy, a na ich miejsce zajm№ przesiedleni i repatriowani Polacy z ziem wschodnich II RP z ZSRR oraz z Zachodniej Europy. Przesiedlenie i repatriacja nast№piia na wniosek Polski.

Taki rozwyj sytuacji miai byж korzystny dla pacstw Europy Њrodkowej w celu rozwi№zania kwestii narodowoњciowych republik radzieckich oraz odwiecznych sporyw granicznych Polski z Niemcami, miai teї byж najlepszym gwarantem na trwaiy pokyj i bezpieczecstwo narodyw w tej czкњci Europy.

Juї wtedy byio wiadomo, їe nie jest to najlepszy sposyb na rozwi№zanie ludzkich problemyw przesiedlanej ludzi, ktyra traciia wiekowy dorobek rodyw ziemiacskich i szlacheckich oraz zwykiych rodzin wypracowany przez pokolenia. Wiadomo taї byio, їe bкdzie to zadanie

[1] *Przesiedlenie ludnoњci polskiej z Kresyw Wschodnich do Polski 1944-1947.* Wybyr, opracowanie dokumentyw Stanisiaw Ciesielski, Warszawa 1999/ – S.5

trudne do wykonania. Mimo przewidywanych trudnoњci decyzja zostaia podjкta przez Rz№d Jednoњci Narodowej ywczesnej Polski i rz№dy zachodnich republik radzieckich i ZSRR.

W historiografii zagadnienie repatriacji i przesiedlenia ludnoњci polskiej i їydowskiej z Kresyw Wschodnich i ZSRR jest bardzo zioїonym i obszernym tematem badac st№d myj referat dotyczyж bкdzie tylko Polakyw z Biaioruskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej przesiedlonych w latach 1944 – 1947. Po stronie polskiej natomiast dotyczy tylko osadnictwa w wojewydztwie biaiostockim i Okrкgu Mazurskim przemianowanego pyџniej na wojewydztwo olsztycskie[2] .

W sierpniu 1944 roku po ukonstytuowaniu siк Rz№du Jednoњci Narodowej w Lublinie nast№piiy pierwsze rozmowy w Ministerstwie Spraw Zagranicznych ZSRR w sprawie repatriacji i przesiedlenia polskiej ludnoњci. 9 wrzeњnia 1944 roku zostaio zawarte porozumienie pomiкdzy stron№ biaiorusk№ i polsk№ o przesiedleniu polskiej i їydowskiej ludnoњci z BSRR do Polski[3] . W tym celu zostai powoiany przy rz№dzie polskim w Lublinie Peinomocnik do Spraw Repatriacji Ludnoњci Polskiej. Zostai nim Wiadysiaw Wolski. Do przeprowadzenia przesiedlenia i repatriacji powoiano w Polsce 7 paџdziernika 1944 roku Pacstwowy Urz№d Repatriacyjny. Prac№ jego kierowai dyrektor Michai Sapieha. W kraju utworzono 8 oddziaiyw, w tym w Biaiymstoku i w Olsztynie. W oddziaiach powoiano punkty wlotowe do przyjmowania transportyw z przesiedleccami, punkty przelotowe na trasach poci№gyw do zaopatrywania przesiedleccyw w їywnoњж, punkty przeiadunkowe z szerokiego toru na w№ski tor w Polsce i punkty docelowe gdzie przesiedleccyw kierowano na miejsce osiedlenia siк.

Po stronie biaioruskiej zostai powoiany Giywny Peinomocnik Rz№du Tymczasowego Rzeczypospolitej Polskiej do Spraw Ewakuacji Polakyw z terytorium Biaiorusi, byi nim Aleksander Janczukowicz. Placywka miaia swoj№ giywn№ siedzibк w Baranowiczach. Jemu podlegaio 45 rejonowych placywek na terenie republiki, ktyrych zdaniem byio rejestrowanie chкtnych na przesiedlenie do Polski, oraz pomoc w kompletowaniu dokumentyw i kierowanie rodzin w ustalone miejsca do zaiadunku na transport do Polski. Dodatkowo, zostali rywnieї powoiani peinomocnicy okrкgowi w 9 najwiкkszych skupiskach miejskich polskiej ludnoњci w Zachodniej Biaiorusi.

W rejonowych placywkach na terenie Biaiorusi zatrudnionych byio 250 polskich pracownikyw, ktyrzy przez caiy okres rejestracji polskiej ludnoњci i odprawy transportyw pracowali w bardzo trudnych warunkach, nie posiadali umyw o pracк, nie otrzymywali wynagrodzenia, a jedynie wyїywienie. Ponadto pracownicy ci nie cieszyli siк powaїaniem u wiadz biaioruskich, gdyї uwaїano ich za podejrzanych polskich nacjonalistyw. Chociaї tu naleїy przyznaж, їe na terenie Biaiorusi byio najmniej skarg ze strony peinomocnikyw na niewiaњciwy stosunek do ich pracy ze strony siuїb biaioruskich.

Na Biaiorusi zgodnie z zawartym porozumieniem polsko-biaioruskim o przesiedleniu ludnoњci polskiej i їydowskiej uzgodniono, їe rejestracja chкtnych rodzin na przesiedlenie bкdzie siк odbywaia w terminie od 15 wrzeњnia 1944 roku do 15 paџdziernika 1944 roku. Po tym terminie miai nast№piж transport zarejestrowanych osyb do Polski. Przesiedlenie miaio siк zakocczyж 1 lutego 1945 r.

Byi to termin nierealny do wykonania z uwagi na ogromn№ liczbк osyb chкtnych do rejestracji i wyjazdu, jak i na moїliwoњci ich przyjкcia przez siuїby w Polsce ze wzglкdu na brak miejsca na osiedlenie siк, gdyї trwaia wojna i obiecanie ziemie niemieckie pozostawaiy pod zarz№dem komendantur wojennych Armii Czerwonej i byiy niedostкpne polskiej administracji. Ponadto nie nast№piia przewidywana repatriacja i przesiedlenie ludnoњci biaioruskiej z woj. biaiostockiego do BSRR. Dodatkowo byia zima, okres bardzo niebezpieczny dla wyjeїdїaj№cych z uwagi na nieprzygotowane wagony kolejowe do transportu ludzi i zwierz№t domowych. Zdarzaiy siк wypadki њmiertelne zamarzniкcia ludzi i zwierz№t. Prymas Polski kardynai Adam Sapiecha wyst№pii do rz№du polskiego z biagaln№ proњb№ o zaniechanie

[2] 14 marca 1945 roku zostai utworzony Okrкg Mazurski, ktyry zostai 29 maja 1946 roku przemianowany na wojewydztwo olsztycskie.

[3] GARF, *O ewakuacji obywateli polskich z terytorium Biaiorusi*

przesiedlenia w zimie z uwagi na zdrowie ludzi. Przesiedlana ludnoњж byia nie tylko wyniszczona wojn№ ale jednoczeњnie jej skiad demograficzny wiekowo byi niewskazany na odbycie takiego transportu w zimie. W kwietniu 1945 rok, na zarejestrowanych do przesiedlenia 227 tys. osyb, mкїczyџni stanowili zaledwie 53 tys. (23,5 %), dzieci do lat 16 byio 90 tys. (39,8 %), kobiety – 83 tys. (36,7 %). Przesiedlanie jednak trwaio. Juї w grudniu 1944 roku pierwszy transport przesiedleccyw z Biaiorusi zostai przyjкty w Biaiymstoku. Do 1 lutego 1945 roku do Polski z Biaiorusi przesiedlono 12 tys. Polakyw, w tym niewiele rodzin їydowskich. Wiadze biaioruskie chкtnie widziaiy przesiedlenie majкtnej ludnoњci polskiej z miast na Biaiorusi i bogatych wiaњcicieli ziemskich w celu przyjкcia ich maj№tku. Natomiast oci№gaiy siк z odsyianiem rodzin robotniczych i chiopskich.

Dla polskiego rz№du byio wiadome, їe terminy repatriacji i przesiedlenia s№ nierealne i naleїy je przediuїyж. W tym celu w listopadzie 1944 roku przesuniкto termin rejestracji do 15 stycznia 1945 roku. Przesuwano rywnieї terminy zakocczenia przesiedlenia. Ostateczn№ decyzj№ KC WKP(b) z 25 listopada 1945 roku ustalono termin skiadania przez Polakyw dokumentyw na przesiedlenie do 1 stycznia 1946 roku, a zakocczenie przesiedlenia do 15 czerwca 1946 roku. Wydano takїe szereg zalecec w celu przyњpieszenia odprawy transportyw z przesiedleccami, їeby nie koczowali tygodniami na dworcach na Biaiorusi. Ponadto w czasie podryїy zalecono przesiedleccom zapewniж niezbкdne zaopatrzenie w їywnoњж i zabezpieczyж opiekк lekarsk№.

Rzeczywistoњж jednak byia inna. Biaioruњ Zachodnia posiadaia bardzo ubog№ sieж kolei i dryg bitych. Kraj byi totalnie wyniszczony wojn№ podczas okupacji niemieckiej. Brakowaio wagonyw. Dodatkowo w pierwszym pyiroczu 1945 roku jeszcze trwaia wojna i pierwszecstwo w przewozach miaiy transporty wojskowe, a po zakocczeniu wojny trwaio wycofywanie z Niemiec Armii Czerwonej.

Na Biaiorusi trudnym problemem byia rejestracja polskiej ludnoњci z powodu braku dokumentyw przez rodziny. Takim osobom odmawiano wydania dokumentyw na przesiedlenie. Wiele rodzin posiadaio dowody osobiste wydane przez wiadze radzieckie, lub przez okupantyw niemieckich gdzie wpisano im inn№ narodowoњж. Problem ten w pyџniejszym czasie uporz№dkowano i Polacy otrzymywali potrzebne potwierdzenie polskiego pochodzenia pomimo wpisu w dokumentach innej narodowoњci.

Byia takїe liczna grupa ludnoњci «tutejszej», ktyra odwiecznym zwyczajem zachowywaia obojкtnoњж wobec przynaleїnoњci narodowej, a kiedy widziaia szanse na poprawк bytu materialnego rodziny podejmowaia decyzjк o przesiedleniu. Trzeba stwierdziж, їe wielu z nich wahaio siк i w czasie pierwszej repatriacji nie podjкio decyzji o wyjeџdzie. Uczynili to dopiero w czasie w nastкpnej ekspatriacji.

Podobnie trudna sytuacja przesiedlanej ludnoњci byia po przekroczeniu granicy w Polsce. Pierwsze transporty, ktyre trafiiy w grudniu 1944 roku i w styczniu 1945 tygodniami oczekiwaiy na rozlokowanie ludnoњci w Biaiymstoku. Biaiystok byi w 70 % zniszczony w czasie wojny. Mimo to do maja 1945 roku osiedlono w mieњcie 15 tys. osyb. W terenie brakowaio wolnych gospodarstw, chociaї tu podobnie do maja osiedlono 5 tys. osyb. Rodziny przewidziane do wysiania na zachyd Polski koczowaiy na dworcu w Biaiymstoku i w prowizorycznych kwaterach po parк tygodni. Pacstwowy Urz№d Repatriacyjny w Biaiymstoku na obiecanych w styczniu 200 wagonyw otrzymai zaledwie 18. Samochodyw transportowych nie otrzymai w ogyle.

Przyjкcia transportyw z osadnikami odmawiaiy komendantury wojenne Armii Czerwonej w miastach Okrкgu Mazurskiego, gdyї brakowaio uzgodniec pomiкdzy polskimi wiadzami cywilnymi, a Armi№ Czerwon№. Jeszcze w drugiej poiowie 1945 roku na terenie Okrкgu Mazurskiego komendantura Armii Czerwonej zabraniaia osadnictwa w terenie w promieniu 10 km. przy liniach kolejowych i dworcach. To zarz№dzenie praktycznie paraliїowaio osadnictwo.

Dopiero po zniesieniu tych zakazyw i komendantur wojennych ruszyio osadnictwo na Ziemie Odzyskane z centralnej Polski. Byio czкsto tak, їe osadnicy z centralnej Polski blokowali przyjкcie ludnoњci przesiedlanej ze wschodu. W Bartoszycach w Okrкgu Mazurskim radni Powiatowej Rady Narodowej podjкli decyzjк o odwoianiu kierownika PUR z tego powodu, їe nie pozwalai na osadnictwo swoich rodakyw z centralnej Polski i oczekiwai na osadnikyw ze

wschodu. Dla wyeliminowania takich zachowac Ministerstwo Rolnictwa wydaio zarz№dzenie, aby starostowie na administrowanych Ziemiach Odzyskanych zabezpieczali co najmniej 50 % gospodarstw dla przesiedleccyw i repatriantyw ze wschodu.

Tego zarz№dzenia nie zawsze przestrzegano. Kwitio samowolne osadnictwo z terenyw przygranicznych. Bardzo czкsto przesiedleccy ze wschodu kierowani na wskazane gospodarstwo zostawali je zajкte samowolnie i zmuszeni byli szukaж innego miejsca. Taka sytuacja wystкpowaia bardzo czкsto w wojewydztwie biaiostockim powszechnie w powiecie eickim i tu niewielu rolnikyw z Biaiorusi znalazio wolne gospodarstwa.

Innym trudnym problemem dla PUR byio osadnictwo polskich rodzin wojskowych przesiedlanych z Biaiorusi. Їoinierze ci widzieli w czasie zdobywania ziem niemieckich w dobrym stanie gospodarstwa rolnicze i chкtnie podejmowali decyzjк o przesiedleniu swoich rodzin. Gorzej byio z realizacj№ tych planyw. Tu czкsto miejscowa wiadza przekazywaia gospodarstwa umywionym osadnikom cywilnym. Chociaї wiadomo, їe na zachodzie Polski byiy zakiadane caie wsie osadnikyw wojskowych, ktyrzy mieli byж gwarancj№ dla naszej granicy zachodniej z okupowanymi jeszcze wtedy przez armie zwyciкskie Niemcami.

Przesiedlana ludnoњж z miast miaia wiкksze szanse na osiedlenie siк w mieњcie, np. w Eiku osiedliia siк spora grupa Polakyw z miast Zachodniej Biaiorusi. Generalnie jednak przesiedleccy i repatrianci z Biaiorusi byli kierowani do wojewydztwa wrociawskiego – 46,3 %, szczecicskiego – 22,4 % i do gdacskiego 19,3 %. W wojewydztwie biaiostockim i w Okrкgu Mazurskim miejsce na osiedlenie siк znalazio niespeina 7 % przesiedleccyw i repatriantyw z Biaiorusi w latach 1944 – 1947 [4].

Wiele problemyw przesiedlanym rodzinom stwarzaiy biaioruskie wiadze terenowe, ktyre ї№daiy od rolnikyw rozliczenia siк z podatku gruntowego i obowi№zkowych dostaw piodyw rolnych. Byiy takїe ogromne trudnoњci w czasie transportu z uwagi na zdecydowan№ wiккszoњж odkrytych wagonyw i zaopatrzenia logistyczne na trasie. Zdarzaiy siк teї przypadki wymuszania przez biaiorusk№ obsiugк poci№gyw nieuzasadnionych w czasie przejazdu opiat od repatriowanych rodzin pod groџb№ przestoju poci№gyw.

Pomimo tych trudnoњci repatriacja z Biaiorusi odbywaia siк spokojnie bez wiкkszych incydentyw pomimo braku nadziei na terminowe uzyskanie transportu na zaiadunek i jej zakocczenie. Z zachowanych materiaiyw archiwalnych i opracowac naukowych wiadomo, їe w latach 1944 – 1947 do Polski z Biaiorusi przesiedlono 274 163 osoby. Przesiedlenie ludnoњci poszczegylnych latach byio nastкpuj№ce: w 1945 r – 135 624 osoby, 1946 – 136 419 osyb. 58 % przesiedlanej ludnoњci pochodziio z okrкgyw: Baranowicze, Brzeњж, Moiodeczno i Grodno. Polacy stanowili 269 027 (98,1 %). Ludnoњж їydowska stanowiia zaledwie 4531 (1,7 %) osyb. Mieszkaccy miast stanowili 25,9 % przesiedleccyw, a ludnoњж wiejska 74,1 %. Najwiкksze przesiedlenie ludnoњci nast№piio w III kwartale 1945 roku (34 %), oraz w II kwartale 1946 (32,2 %). W strukturze spoiecznej najliczniejsz№ grupк stanowiiy rodziny chiopskie – 35,3 %, inteligencja – 24,5 %. Robotnicy stanowili zaledwie – 4,9 %. Pomimo ograniczec tonaїu bagaїu do 2 t. przesiedleccy przywieџli ze sob№:

30 458 kryw, 16 812 koni, 9177 њwic, 8664 owiec, 20 468 piugyw, 25 019 bron, 1809 miocarni[5].

Dziaialnoњж polskiego Giywnego Peinomocnika ds. Ewakuacji Polakyw z Biaiorusi ustaia 27 listopada 1946 roku. Oznaczaж to miaio definitywne zakocczenie przesiedlenia i repatriacji. Tak siк jednak nie staio gdyї Rada Ministryw ZSRR pozwoliia jeszcze na przesiedlenie i repatriacjк 636 rodzin i№cznie 2044 osoby, byli to rejonowi i okrкgowi peinomocnicy PUR, ksiкїa i rodziny polskich їoinierzy walcz№cych na froncie.

Sumuj№c przebieg i wyniki zakocczonej 1 stycznia 1947 roku pierwszej repatriacji i przesiedlenia polskiej ludnoњci w latach 1944-1947 z Biaioruskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej naleїy stwierdziж, їe jej przebieg odbywai siк poњpiesznie w nieprzygotowanych bardzo trudnych warunkach powszechnego niedostatku. Wynikaio to z krytkich terminyw

[4] J. Czerniakiewicz, *Repatriacja ludnoњci polskiej z ZSRR 1944-1948*, Warszawa 1987. – S. 194 – 197.

[5] Tamїe (...), s.54 – 64, 123 – 127.

wyznaczonych przez wiadze biaioruskie i radzieckie oraz braku przygotowania PUR do rozsiedlenia osadnikyw w Polsce. Chociaї tu naleїy zauwaїyж wiele dobrej woli ze strony wiadz biaioruskich w wielokrotnym przesuwaniu terminu rejestracji i przes**iedlenia ludnoњci.**

Najwiкksze trudnoњci jak wiadomo wynikaiy z braku transportu kolejowego, samochodowego i zaopatrzenia po obu stronach granicy. Spowodowaio to, їe okoio 300 tys. chкtnych Polakyw zarejestrowanych do przesiedlenia pozostaio na Biaiorusi z nadziej№, їe Polska o nich nie zapomni.

Przebieg organizacyjny przesiedlenia tak wielkiej liczby ludnoњci naleїy oceniж negatywnie z kilku wzglкdyw. Po pierwsze tylko poiowa polskiej ludnoњci wyjechaia do Polski. Po drugie warunki w jakich przebiegaia repatriacja byiy fatalne. Naleїaio akcjк przesiedlenia i repatriacji rozioїyж w dogodniejszych terminach i w diuїszym czasie. Po polskiej stronie znacznie lepiej przeprowadziж organizacyjnie rozsiedlenie przybyiej ludnoњci i wsparcie materialne wielu rodzin, ktyre w warunkach ywczesnego pacstwa polskiego musiaiy siк przekwalifikowaж i rozpocz№ж pracк lub naukк w szkoiach.

Tabela I – Zestawienie statystyczne zarejestrowanych, przesiedlonych i repatriowanych Polakyw i Їydyw z Biaioruskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej do Polski w latach 1944 – 1947

	Zarejestrowani na wyjazd		Przesiedleni, repatriowani	
Data	Liczba gospod. lub rodzin	Liczba osyb	Liczba gospod. lub rodzin	Liczba osyb
grudziec 1944 r.[6]				
1 lutego 1945 r.				12 000
16 marca 1945 r.				16 000
10kwietnia1945r.	67 842	227 093	8 749	23 754
15 kwietnia 1945	68 282	231 152	9 210	24 429
15 wrzeњnia 1945	113 212	387 199	35 890	105 583
1 grudnia 1945 r.	116 134	390 513	42 210	125 822
1 stycznia 1946r.		407 274		132 053
15 stycznia 1946	150 170	520 355	45 830	137 065
1 lipca 1946 r. dla Stalina	156 497	545 284	72 511	241 152
1 lipca 1946 r. Peinomocnik PUR w Baranowiczach[7]	146 808	499 648	72 465	231 187
1 stycznia 1947				**274 163**

I. Їrydia archiwalne

1. Archiwum Akt Nowych, *Pacstwowy Urz№d Repatriacyjny, syg. XIV/29, XI/97, X/ 24Giywny Peinomocnik Rz№du do Spraw Repatriacji, syg. 9, syg. 25 i 12 Centralne Archiwum Wojskowe, syg. III-2,87.* Ministerstwo Informacji i Propagandy, syg. 785.

2. Pacstwowe Archiwum w Eiku, prace mgr.: J.Gryziewicz*, Osadnictwo w pow. eickim 1945 – 1948, syg. 657,*Ziemicska E., *Dziaialnoњж osadnicza Pacstwowego Urzкdu Reatriacyjnego w Eiku 1945 – 1949, syg. 658,* B. Zielicska, *Osadnictwo polskie w pow. eicvkim 1945 – 1950, syg. 1144, syg. 130/2/3/4/5- Starostwo Powiatowe w Eiku 1946 r.*

3. Pacstwowe Archiwum w Olsztynie, *syg. 390 Urz№d Peinomocnika Rz№du RP na Okrкg Mazurski, t. 19 – Protokoiy ze zjazdyw starostyw 1945 – 1946, t. 28 – Akta Peinomocnika RP na Okrкg Mazurski w Biaiymstoku n1945.*

[6] Puste miejsca w tabeli oznaczaj№, їe takie dziaiania miaiy miejsce lecz brakuje danych liczbowych.

[7] Trudna jest do wyjaњnienia rozbieїnoњж pomiкdzy liczb№ osyb zarejestrowanych i przesiedlonych przekazanych w raporcie do Stalina, a wykazanym przez Giywnego Peinomocnika ds. Ewakuacji Polakyw i Їydyw z Biaiorusi w Baranowiczach. Naleїy jednak przyj№ж za wiarygodn№ wielkoњж zarejestrowanych przez stronк polsk№, gdyї ona jest zbliїona do zawartej w џrydiach biaioruskich.

4. Pacstwowe Archiwum w Biaiymstoku, *syg. 19, 23 – Wojewydzki Oddziai Pacstwowego Urzкdu Repatriacyjnego w Biaiymstoku. Ref. Ogylny – Sprawozdania miesiкczne z dziaialnoњci WOPUR 1945 – 1946, syg. 25 – Protokoiy z posiedzec Zarz№du Powiatowego Komitetu Opieki Spoiecznej w Eiku 1946 – 1947.*

II. Bibliografia

1. *Archiwum Ruchu Robotniczego, t. VII,* – Warszawa 1982

2. S. Banasiak, *Dziaialnoњж osadnicza Pacstwowego Urzкdu Repatriacyjnego na Ziemiach Odzyskanych w latach 1945 – 1947,* Poznac, 1963.

3. J. Czarniakiewicz, *Repatriacja* ludnoњci *polskiej z ZSRR 1944 – 1948,* Warszawa, 1987.

4. *Deportacje i przemieszczenia ludnoњci polskiej w gi№b ZSRR 1939-1945 Przegl№d czasopiњmiennictwa.* Pod red. T.Walichowskiego, Warszawa, 1989.

5. Z. Dulczewski, A. Kwilecki, *Z їycia osadnikyw na Ziemiach zachodnich,* Warszawa 1961.

6. *EGO (Eik-Goidap-Olecko) Wspomnienia lekarzy weterynarii, Pod red. dr n.wet. Jana Krupa,* – Biaiystok, 2003.

7. A. Giowacki, *Sowieci wobec Polakyw na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939 – 1941,* Jydџ, 1997.

8. K. Kersten, *Repatriacja ludnoњci polskiej po II wojnie њwiatowej(studium historyczne)*, Wrociaw, 1974.

9. H. Kuczycski, *Syberyjski szlak,* – Suwaiki, 2007.

10. S. Jach, *Osadnictwo wiejskie na ziemiach zachodnich i pyinocnych Polski w latach 1945-50,* – Siupsk, 1983.

11. H. Murawska, *Przesiedleccy z kresyw pyinocno-wschodnich II Rzeczypospolitej w wojewydztwie olsztycskim,* Olsztyn, 2000.

12. *Okrкg Mazurski w raportach Jakuba Prawina. Wybyr dokumentyw 1945.* Przygotowai do druku T. Baryia, Olsztyn, 1996.

13. *Przesiedlenie ludnoњci polskiej z kresyw wschodnich do Polski 1944-1947* Wybyr oprac. i red. S. Ciesielski, Warszawa, 1999.

14. K. Sobczak*, Wyzwolenie Ziem Zachodnich i Pyinocnych w 1945,* Poznac, 1985.

15. *Spoieczno-gospodarczy rozwyj powiatyw: Eik Goidap Olecko w latach 1945 – 1965. Wewnкtrzne wydanie TRZZ Materiaiy z Sesji Popularno-Naukowej,* Biaiystok, 1965.

16. H. Siabek, *Polityka agrarna PPR. Geneza, realizacja, konsekwencje,* Warszawa 1978.

17. P. Їaroc, *Ludnoњж polska w Zwi№zku Radzieckim w czasie II wojny њwiatowej,* Warszawa, 1990.

III. Czasopisma

1. A. Bobowik, *Deportacja wsi Mazurki 1940-1941, Sybirak 1994, № 11, s.25 – 28.*

2. A. Bobowik, *Deportacja wsi Netty Folwark, Sybirak, № 8, s. 38 – 43.*

3. *Dziennik Urzкdowy Ministrstwa Rolnictwa i Reform Rolnych, 1945, № 2, poz. 25.*

4. P. Dziurzycski, *Osadnictwo grupowe w maj№tkach woj. olsztycskiego w latach 1945-1948,* |W:| *Komunikaty Warmicsko-Mazurskie 1968, № 2, s. 133 – 139.*

5. A. Guriunow, *Cztery deportacje 1940-1941, Karta, № 12, s.114 –136.*

6. E. Koiodziej, *Polityka rz№du RP wobec repatriacji i reemigracji obywateli polskich z ZSRR w latach 1944 – 1948,* |W:| *Komunikaty Warmicsko-Mazurskie 1994, № 2 – 3, s.317 – 329.*

7. K.Kersten, *Szacunek strat osobowych w Polsce Wschodniej // Dzieje Najnowsze 1994, № 2, s.45.*

8. *Studia Angerburgika* t. 7, *Obcy wњryd obcych – swojacy wњryd swoich,* Wкgorzewo, 2002.

9. E. Tomaszewicz, *Dziaialnoњж Powiatowego Urzкdu Repatriacyjnego w Eiku w latach 1945 – 50 // Rocznik Eicki 2006 t.III, s. 42 – 49.*

10. S.Їyromski, *Procesy migracyjne w woj. olsztycskim // Komunikaty Warmicsko-Mazurskie, 1972, № 3, s.713.*

11. S. Їyromski, *Procesy Ludnoњciowe na Warmii i Mazurach,* |W:| *Komunikaty Warmicsko-Mazurskie 1985, № 5, s.576.*

АНДРЭЙ БАРТАШЭВІЧ

Гродна

ДА ПРАБЛЕМЫ ВЫВУЧЭННЯ СКЛАДВАННЯ ГАРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ Ў ЗАХОДНІМ РЭГІЁНЕ БЕЛАРУСІ Ў ПОЗНЯЕ СЯРЭДНЯВЕЧЧА

Вывучэнне гісторыі гарадоў перыяду позняга Сярэднявечча і ранняга Новага часу заўсёды прыцягвала ўвагу даследчыкаў, што займаліся гісторыяй Беларусі адзначанага перыяду. Гарады як цэнтры рамяства і гандлю, асветы, адміністрацыі і палітычнага жыцця займалі значнае месца ў жыцці беларускага грамадства феадальнай эпохі. Менавіта ў гарадах канцэнтраваліся важныя вытворчыя сілы, у гарадах пачыналі складвацца новыя грамадскія адносіны, у гарадской архітэктуры знаходзілі ўвасабленне новыя мастацкія і ідэйныя кірункі эпохі Адраджэння і барока. «Гарадское паветра робіць чалавека вольным» – знакаміты выраз, які мае дачыненне і да гісторыі беларускіх гарадоў: у гарадах з'яўляліся першыя парасткі прававой свядомасці, новыя адносіны да чалавечай асобы, новыя каштоўнасці, крытэрыі самаўсведамлення – г.зн. іншы тып ментальнасці, які адрозніваў мяшчан ад іншых саслоўяў феадальнага грамадства. Разам з тым менавіта ў гарадскім жыцці найбольш відавочна праяўляліся сацыяльныя, палітычныя, этнакультурныя супярэчнасці эпохі.

Важнае месца ў даследаванні феномена беларускага горада займае вывучэнне такой складанай і шматкампанентнай дэфініцыі як гарадская культура, да якой ёсць самыя розныя падыходы. Увогуле, традыцыйна пад тэрмінам «культура» разумеюць сукупнасць матэрыяльных і духоўных каштоўнасцей, якія створаны і ствараюцца людзьмі. У такім разуменні гарадская культура – пэўная сукупнасць матэрыяльных і духоўных здабыткаў, характэрных гарадскому асяроддзю: помнікі культавага і грамадскага дойлідства, творы мастацтва і характэрныя прадметы побыту, гарадскі касцюм, каштоўнасці і стэрэатыпы, светапогляд і формы паводзін месцічаў – гараджан і г.д. У айчынай гістарыяграфіі даволі часта пад тэрмінам «гарадская культура» – разумеецца найперш менавіта матэрыяльная культура горада: асаблівасці побыту гараджан, гарадскі строй, забудова, прадметы культу і пісьменства, упрыгожванні і іншыя элементы, характэрныя культурнаму слою гарадоў. Між тым усё часцей пад гарадской культурай разумеюць пэўную манеру паводзін, менталітэт, асобную іерархію каштоўнасцей і грамадскую актыўнасць [5, с. 98].

Тэрмін «гарадская культура» з'яўляецца даволі агульнай катэгорыяй, якая абазначае створанае людзьмі штучнае асяроддзе існавання і самарэалізацыі. Гэта арганізаваная сукупнасць фізічных, сімвалічных аб'ектаў, нарматыўных і каштоўнасных фармаванняў, якія ўключаюць ў сябе не толькі матэрыяльныя (прыродныя ці штучныя, г.зн. створаныя чалавекам аб'екты (артэфакты), але і такія элементы культуры як нормы і этыка дадзенай гарадской абшчыны, сацыяльная псіхалогія гарадской грамады, лад жыцця і менталітэт гараджан, сацыяльная камунікацыя і сацыяльнае праектаванне і г.д.

Трэба адзначыць, што ў такой якасці гарадская культура на Беларусі толькі пачынае вывучацца. Папярэднія даследаванні, прысвечаныя ўрбаністыцы, закраналі толькі асобныя аспекты акрэсленай дэфініцыі.

Эпоха з канца XVI да пачатку XVIII ст. – дастаткова яскравая але і складаная ў гісторыі гарадоў і гарадскога жыцця на Беларусі. Гэты час даследчыкі схільны разглядаць асобна, адзначаючы што: «перыяд пасля Лівонскай вайны і да пачатку казацкіх паўстанняў на Украіне можна свабодна назваць «залатым векам» гарадской культуры ВКЛ. У галіне архітэктуры – гэта часы позняга рэнесансу (маньерызму) і ранняга барока. З'яўляюцца новыя тыпы абарончых збудаванняў – замкі бастыённага тыпу, кальвінскія зборы і мураваныя гарадскія ратушы. Да дзвюх пануючых у ВКЛ хрысціянскіх плыняў: праваслаўя і каталіцызму – дадаюцца спачатку пратэстантызм, а потым і уніяцтва. Гэтыя плыні дазваляюць пранікаць на Беларусь і Літву розным элементам пратэстанцкай гарадской культуры з гарадоў Галандыі, Швецыі, Германіі [10, с.12]. Да таго ж «развіццё феадальных вытворчых адносін

зрабіла непазбежным урбанізацыйны працэс. Аднак ўплыў пануючага класа надаў развіццю гарадоў своеасаблівыя рысы. Да іх трэба аднесці перавагу невялікіх па колькасці жыхароў пасяленняў – мястэчак...Гарадоў да сярэдзіны XVII стагоддзя налічвалася каля 37, у той жа час мястэчак 425. Большасць беларускіх гарадоў склалася да XVI ст. Адпаведна, XVI – першая палова XVII ст. былі часам развіцця ў Беларусі мястэчак» [4, с.10].

Калі звяртацца да духоўнага жыцця гараджан, то ў артыкуле, прысвечаным вывучэнню менталітэту магілёўскіх гараджан на аснове актавых запісаў XVI – XVII стст. І.Марзалюк падкрэслівае: «...можна казаць аб існаванні ў гэты час уласнагарадской этыкі. Стаўленне да працы ў Магілёве другой паловы XVI – XVII стст. было традыцыйным для бюргерскіх супольнасцяў Еўропы. Праца і сумленна зробленыя грошы – вось важнейшыя дабрачыннасці чалавека. Крыніцы сведчаць аб поўным засваенні месцічамі прававых канцэпцый Сярэднявечча. Права адрознівае хрысціянскія народы ад паганцаў, свабодныя дзяржавы – ад несвабодных. Магдэбургскае права для магілёўскага месціча XVI ст. і «права хрысціянскае» выступаюць як сінанімічныя паняцці» [8, с.267]. Безумоўна, падобныя рысы былі характэрныя ментальнасці мяшчан у іншых гарадах Беларусі, трэба меркаваць, у Заходнім і Цэнтральным рэгіёнах у большай меры, паколькі яны былі ў большай ступені закранутыя Рэфармацыяй, уплыў заходнееўрапейскай культуры там быў мацнейшым [7, с.6]. Між тым, разглядаючы пытанні прававога функцыянавання гарадской абшчыны ў працы, прысвечанай сацыяльнай барацьбе ў гарадах Беларусі ў XVI – XVII стст. Грыцкевіч А.П. адзначаў: «...рысай гарадскога ладу Рэчы Паспалітай, у тым ліку і прыватнаўласніцкіх гарадоў Беларусі і Літвы, было тое, што правы і функцыі органоў мясцовага самакіравання, выкарыстанне нормаў гарадскога права мела амаль для кожнага горада свае асаблівасці» [2, с.6].

Агульны росквіт гарадоў і гарадскога жыцця, рэнесансавыя тэндэнцыі ў культуры абумовілі тое, што «адзенне магнатаў і гарадской знаці развівалася ў рэчышчы заходнееўрапейскай моды... На горадабудаўнічую культуру, архітэктуру беларускіх гарадоў і мястэчак у XVI – XVII стст. значна ўплывала рэнесансавае дойлідства. У шэрагу беларускіх гарадоў, перш за ўсё прыватнаўласніцкіх, была праведзена карэнная рэканструкцыя, пры якой гарадская тэрыторыя набыла геаметрычнае акрэсленне, развівалася стройная сістэма рэгулярнай квартальнай планіроўкі» [9, с.126].

Трэба адзначыць, што мяшчанству беларускіх гарадоў была ўласціва пачуццё ўласнай годнасці, павага да асобы, строгая рэгламентацыя маральна-этычных бакоў жыцця: «рашучай была пазіцыя гарадской рады пры пакаранні за п'янства, азартныя гульні... Рада Берасця адправіла ў астрог сына мяшчаніна Максіма Алісіевіча і 12 чэрвеня 1624 г. патлумачыла бацьку, што прычынай арышту было п'янства. У Друі вучань рамесніка быў па рашэнню рады біты пугай за п'янства... Разгляд парушэнняў сямейна-шлюбных адносін, грамадскага парадку зафіксаваны ў невялікай групе запісаў... Аднак кожная скарга падрабязна разглядалася з выклікам сведкаў, выкарыстаннем прысягі і іншых элементаў судовага працэса. Для папярэджвання боек і хваляванняў забараняўся продаж гарэлкі раніцай перад малітвай і ў нядзелю, і святочныя дні» [4, с.138].

Такім чынам, разглядаемы перыяд – час паўнавартаснага развіцця ўсіх формаў гарадской культуры: афармленне і росквіт мяшчанства як паўнапраўнай саслоўнай групы са сваімі правамі і абавязкамі, формамі ментальнасці, каштоўнасцямі, прававой культурай; росквіт архітэктуры і горадабудаўніцтва, развіццё кнігадрукавання, гарадскога мастацтва. У гістарыяграфічным аспекце гэтая думка, у цэлым, не адмаўляецца і ў даследаваннях савецкага перыяду, нягледзячы на тое, што ў працах савецкіх гісторыкаў акцэнт рабіўся на сацыяльны антаганізм унутры гарадской абшчыны, канфесійныя канфлікты, прыгнечанае становішча беларускай і украінскіх культур у межах Рэчы Паспалітай [1, с.183]. Сучасныя даследчыкі звяртаюць увагу на развіццё гарадской культуры Беларусі ў агульнаеўрапейскім рэчышчы, на значэнне магдэбургскага права для развіцця гарадоў, характэрна пэўная ідэалізацыя перыяду і г.д.

Расійска-польская вайна сярэдзіны XVII ст. нанесла значныя страты вельмі развітой гарадской культуры ВКЛ. Шмат рамеснікаў альбо загінула, альбо трапіла ў расійскі па-

лон і было вывезена за межы ВКЛ. Аднак да канца XVII ст. гарадская матэрыяльная культура ў ВКЛ адрадзілася і ўсё XVIII ст. існавала ў заходнееўрапейскай культуры. З'явіўся новы архітэктурны стыль – «віленскае барока», былі запазычаныя новыя еўрапейскія традыцыі ў галіне прыкладнога ўжытковага мастацтва [10, с.12]. З гэтага часу можна казаць пра новы, складаны і супярэчлівы этап развіцця гарадской культуры Беларусі, які часта адбываўся на іншаэтнічнай аснове. Інтэлектуальнае жыццё ў другой палове XVII – пачатку XVIII ст. занепадае. Забываліся здабыткі часоў Рэфармацыі і Адраджэння, зноў набылі папулярнасць ідэі часоў Сярэднявечча [9, с.131]. Трэба памятаць, што менавіта гарады і магнацкія рэзідэнцыі ў гэты час з'яўляліся асяродкамі культурнага жыцця. На мастацкія, ментальныя каштоўнасці эпохі непасрэднае ўздзеянне аказвала ідэалогія сарматызму, якая набывала папулярнасць у адзначаны перыяд сярод сацыяльных вярхоў Рэчы Паспалітай. Справа сацыяльнага прэстыжу становіцца асноўным вызначальным фактарам культурнага жыцця, гэта праяўлялася як у будаўніцтве магнацкімі родамі раскошных архітэктурных комплексаў, так і ў патранажы над мастацтвам – мецэнацтвам [6, с.97].

Палітыка «апякунства» над культурным жыццём, элементы Асветніцтва, што пачалі пранікаць на Беларусь у першай чвэрці XVIII ст., пэўны ўздым эканомікі абумовілі ажыўленне гарадскога жыцця: стварэнне шырокай сеткі адукацыйных устаноў, спробы рэфармавання горада і актыўная жылая забудова. Развітымі культурнымі цэнтрамі становяцца і адносна невялікія гарады – магнацкія рэзідэнцыі: Нясвіж, Ружаны, Слонім. Разам з тым, трэба адзначыць, што агульны выгляд і тэндэнцыі развіцця беларускага горада змяніліся: з-за дэмаграфічных стратаў перыяду ваенных ліхалеццяў пацярпела сацыяльная структура горада, яго абшчына пачала актыўна папаўняцца сялянствам, шляхта, духавенства шырока набывалі гарадскую маёмасць [3, с. 253]. Змяніўся і этнічны склад гарадоў: ён стаў больш стракатым, шматмоўнымі сталі і творы гарадской літаратуры і драматургіі. Падобныя змены непасрэдна закранаалі менталітэт месцічаў, іх каштоўнасці і сацыяльнае самаўсведамленне, агульны характар беларускага горада. На прыкладзе Гродна XVI – XVIII стст. гэта ўсебакова адлюстравана ў апошняй манаграфіі Ю.Гардзеева «Магдэбургская Гародня».

Падсумоўваючы здабыткі вывучэння ў айчыннай гістарыяграфіі па акрэсленай тэматыцы, трэба адзначыць высокі ўзровень даследаванасці найперш матэрыяльнай культуры горада ў перыяд позняга Сярэднявечча і ранняга Новага часу, асобных пытанняў дзейнасці ўстаноў адукацыі і культу, сацыяльнага становішча ў гарадах. Разам з тым, адчуваецца недахоп даследаванняў, прысвечаных гораду як комплекснаму культурнаму феномену, па светапогляду, звычках, паўсядзённым жыцці гараджан, нарэшце, месцы гарадоў у беларускай культуры ўвогуле. Чакаюць свайго асэнсавання і наступствы для гарадской культуры вайны 1654 – 1667 гг. На думку аўтара артыкула, падобныя праблемы перш за ўсё звязаны з метадалагічнымі недахопамі, захаваннем пэўных ідэалагічных установак у асвятленні сацыяльна-палітычнай і культурнай гісторыі Беларусі, нераспрацаванасцю тэрміналагічнага апарата і г.д.

Спіс літаратуры

1. Грицкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI – XVIII вв./ А.П. Грицкевич. – Минск: Наука и техника, 1975.

2. Грицкевич, А.П. Социальная борьба горожан Белоруссии XVI – XVIII вв./ А.П.Грицкевич. – Минск: Наука и техника, 1979.

3. Гардзееў, Ю. Магдэбургская Гародня./ Ю.Гардзееў. – Гародня – Wroclaw, 2008.

4. Копысский, З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в./ З.Ю.Копысский. – Минск: Наука и техника, 1975.

5. Келер, В. Магдэбургскае права / В. Келер // Спадчына. – 1997. – №5. – С. 90 – 101.

6. Климуць, Л. Мецэнацтва і шляхецкі патранаж у Рэчы Паспалітай XVI – XVIII стст. і іх сацыяльнае значэнне /Л.Клімуць // Роднае слова. – 2003. – №11. – С. 97 – 98.

7. Лакотка, А. Гісторыка-культурныя рэгіёны Беларусі / А.Лакотка // Роднае слова. – 2006. – №1. – С. 5 – 7.
8. Марзалюк, І. Актавыя кнігі магілёўскага магістрата XVI – XVII ст. як крыніца па гісторыі ментальнасці беларускага мяшчанства/ І.Марзалюк // Castrum, urbis et bellum: зб. навук. прац. – Минск, 2002. – С. 263 – 272.
9. Парашкоў, С.А. Гісторыя культуры Беларусі / С.А.Парашкоў. – Мінск: Бел. навука, 2004.
10. Трусаў, А. Агульныя тэндэнцыі ў гарадской матэрыяльнай культуры Вялікага княства Літоўскага / А.Трусаў // Спадчына. – 1994. – №6. – С. 11 – 12.

ВЯЧАСЛАЎ ШВЕД

Гродна

ГРОДЗЕНСКІЯ ГУБЕРНАТАРЫ 1812 ГОДА

Недаўна выйшла кніга «Гродненские губернаторы», дзе мной былі апублікаваны бяграфічныя нарысы гродзенскіх губернатараў [1]. У 2003 г. з'явіўся мой артыкул «Гродзенскія губернатары польскага паходжання» [5]. Але ў гэтыя друкаваныя творы не ўвайшлі матэрыялы пра губернатараў, якія кіравалі Гродзенскім дэпартаментам (губерняй) падчас вайны 1812 года. Дадзеная публікацыя ліквідуе прабел і робіць завершанай тэму пра гродзенскіх губернатараў.

Першым гродзенскім губернатарам 30 верасня 1812 года стаў Аляксандр Аляксандравіч Ражнецкі (12.02.1774 – 24.07.1849), калі ў Гродна ўвайшлі войскі вестфальскага караля Жэрома Банапарта. Апошні прызначыў Ражнецкага на пост губернатара, відаць, для таго, каб падкрэсліць, што ў вызваленым «польскім горадзе» будзе правіць паляк. Ражнецкі за сваё 75-гадовае жыццё прайшоў шлях ад паўстанца да жандара, ад удзельніка вайны з Расіяй да генерала расійскай арміі і члена Дзяржаўнай рады.

Пасля заканчэння корпуса кадэтаў у 1788 г. Аляксандр стаў у служыць у гвардзейскай кароннай кавалярыйскай частцы і ўдзельнічаў у польска-расійскай вайне 1792 г. (бітвы пад Мірам, Крэмянем, Гранна). Належаў да праціўнікаў Таргавіцкай канфедэрацыі і тайнага таварыства, якое рыхтавала касцюшкаўскае паўстанне. У 1794 г. ваяваў пад Казубавым, Іванішкамі, Рацлавіцамі, Шчэкоцінам, Радошыцамі, абараняў г. Віланув, атрымаў чын віцэ-брыгадзіра, а потым каменданта брыгады. Пасля паражэння паўстання эміграваў у Дрэздэн, адкуль паехаў у Італію, дзе ў сакавіку 1798 г. запісаўся ў польскі легіён. Па жаданню камандуючага Італьянскай арміі Ж.В.Маро Ражнецкі напісаў «Запіскі аб расійскай арміі Суворава». Служыў пры штабах спачатку Дамброўскага, а потым Ж.Хампенэта, наступнага камандуючага арміі Італіі. У 1800 г. Ражнецкі прымаў удзел у арганізацыі Наддунайскага легіёна. Добрыя адносіны з Маро паўплывалі на прызначэнне Ражнецкага ў штаб арміі і членства ў Адміністрацыйнай радзе. Пастпова ён стаў шэфам коннай брыгады і камандзірам палка ўланаў і лёгкай артылерыі. У час знаходжання у Фларэнцыі арганізаваў абучэнне салдат, заснаваў школу вальтыжэроўкі, наладзіў заняткі па чытанню і пісанню для падафіцэраў, заклаў друкарню. За заслугі атрымаў кавалерскі ордэн Ганаровага Легіёна і ордэн Жалезнай Кароны.

У 1805 г. Ражнецкі са сваім палком удзельнічаў у вайне супраць III кааліцыі (на італьянскім фронце): бітве пад Кастэль-Франко. У 1806 г. у Каралеўстве Неапаль полк Ражнецкага, узмоцнены эскадронам гановерскіх стральцоў і ўзводам пяхоты, ахоўваў міжземнаморскае ўзбярэжжа паміж Осцыі і Тэраціны ад англійскага дэсанта. Потым Ражнецкі вярнуўся ў Каралеўства і праз некаторы час адправіўся на вызваленыя польскія землі прускага захопу. На развітанне кароль Неапаля ўзнагародзіў яго ганаровай шабляй і даў яму рэкамендацыйны ліст да Напалеона, у якім падкрэсліў высокую кваліфікацыю і заслугі Ражнецкага. Напалеон даў яму чын брыгаднага генерала французкай арміі і прыз-

начыў генеральным інспектарам польскай кавалерыі. У Княстве Варшаўскім Ражнецкі папаў пад начальства князя Юзафа Панятоўскага, які быў зацікаўлены ў выкарыстанні яго для ўпарадкавання арганізоўваемай польскай кавалерыі. Не губляў Ражнецкі і сувязь з французскім штабам. Пасля візіту ў Кракаў ён напісаў генеральнаму губернатару Княства Варшаўскага маршалу Л.Даву рапарт (16.09.1807) аб палітычна-вайсковым становішчы ў Галіцыі. Рапарт быў перасланы Напалеону, а ў студзені 1808 г. Ражнецкі быў узнагароджаны кавалерскім крыжам Віртуці Мілітары. Пры арганізацыі польскай кавалерыі спрабаваў увесці традыцыі польскіх легіёнаў і рэвалюцыйнай французскай арміі, ствараў у палках школы для непісьменных і салдацкія бібліятэкі, патрабаваў ад афіцэраў, каб яны чыталі ваенную літаратуру, выпісвалі краёвыя і французскія газэты.

Заснаваўшы ў 1807 г. масонскую ложу «Злучаныя браты-палякі», Ражнецкі пачаў масонскую кар'еру: у 1810 г. стаў намеснікам Вялікага майстра, у 1816 г. атрымаў ступень Кавалера Ружовага Крыжа, у 1821 г. быў выбраны Вялікім Майстрам «Вялікага Усхода Польскага». Ён быў ганаровым сябрам шэрагу масонскіх ложаў: «Шчаслівага вызвалення» і «Сябры чалавецтва» у Гродне, «Паўночнай паходні» у Мінску, «Шчаслівага вызвалення» у Нясвіжу.

У лютым 1809 г. Ражнецкі знаходзіўся ў Кракаве для таго, каб разведаць становішча ў Галіцыі. У складзеным рапарце для Даву апісаў грамадскія настроі, палітыку аўстрыйскіх уладаў і іх ацэнку сітуацыі ў Расіі, Прусіі, Княстве Варшаўскім, нямецкіх краінах. Выснова Ражнецкага, што Аўстрыя не пагражае Польшчы, аказалася вернай, бо хутка пачалася польска-аўстрыйская вайна. Ражнецкі ўдзельнічаў у вызваленні Любліна, Сандоміра, Яраслаўля, Львова. На вызваленай тэрыторыі арганізоўваў мясцовыя ўлады і фармаваў новыя вайсковыя часткі. У чэрвені 1809 г. Ражнецкі ўзначаліў усю польскую кавалерыю. Захапіў Радам, Кельцы, дзе арганізаваў упраўленне, падуладнае Напалеону. 15 ліпеня вызваліў Кракаў. Відаць, за пералічаныя заслугі быў узнагароджаны афіцэрскім ордэнам Ганаровага Легіёна і камандорскім крыжам Віртуці Мілітарі.

У лістападзе 1810 г. прымаў удзел у працы дэмаркацыйнай камісіі па ўсталяванню мяжы з Астрыяй у раёне Падгужа. Пасля вярнуўся ў Варшаву, дзе выконваў абавязкі інспектара кавалерыі, але хутка перайшоў да дзейнасці ў вайсковай разведцы. Напярэдадні франка-расійскай вайны 1812 г. яму ўдалося ўкараніць сваіх агентаў у корпус генерала І.Эсэна, атрымаць інфармацыю ад жыхароў Беларусі. Перад кампаніяй 1812 г. Ражнецкі атрымаў 4-ю кавалерыйскую дывізію ў 4-м рэзэрвовым корпусе ген. М.В.-Н.Латур-Мабура. Менавіта з гэтай дывізіяй, складзенай з 28-й (генерал Д.Дзеваноўскі) і 29-й (генерал К.Турна) брыгад уланаў, ён ўвайшоў 25 чэрвеня ў Гродна. Тут Ражнецкі арганізаваў Гродзенскую канфедэрацыю і далучыў яе да Генеральнай канфедэрацыі. Губернатарам Ражнецкі прабыў недоўга, бо, відаць, 4 ліпеня разам з дывізіяй адправіўся даганяць армію Баграціёна і 8 ліпеня заняў Навагрудак.

Далейшы лёс Ражнецкага склаўся наступным чынам. У 1812 г. ён удзельнічаў у баях пад Мірам, Сімаковым, Качанавіцамі, Раманавым (усе на тэрыторыі Літоўска-Гродзенскай губерні), Мажайскам, вёскай Сямёнаўскай. Пасля ранення лячыўся ў Маскве, а потым служыў шэфам галоўнага штаба V корпуса. На гэтай пасадзе вёў перамовы з аўстрыйскімі ўладамі аб маршрутах руху корпуса, суправаджаў Ю.Панятоўскага на перамовах з Напалеонам у Дрэздзене. Восеньскую кампанію 1813 г. правёў таксама побач з князям, будучы шэфам штаба 8-га (польскага) корпуса Вялікай Арміі. У баю пад Лейпцыгам зноў быў паранены і трапіў у расійскі палон. Аляксандр І хутка вызваліў яго, і ў снежні 1813 г. Ражнецкі прыехаў у Варшаву. Дапамагаў арганізоўваць армію Каралеўства Польскага, але пасаду камандуючага дзвюх дывізій кавалерыі атрымаў толькі 8 верасня 1815 г. Атрымаў чарговыя ўзнагароды: ордэн св.Станіслава 1-й ступені (1.12.1815) і св. Ганны 1-й ступені (17.10.1817).

Дэкрэтам 28.10.1816 г. вялікі князь Канстанцін Паўлавіч выдаў інструкцыю аб стварэнні жандармерыі, якая падпарадкоўвалася камандуючаму кавалерыі Ражнецкаму. З гэтага часу ён адыходзіць ад вайсковых спраў і больш займаецца жандарскімі. Пастулова атрымоўвае ордэны: св.Уладзіміра 2-й ступені (6.05.1818), св.Ганны 1-й сту-

пені з брыльянтамі (24.10.1819), св.Аляксандра Неўскага (18.10.1820). У студзені 1820 г. быў выбраны паслом у сейм. У гэты час Ражнецкага лічаць даносчыкам Канстанціна Паўлавіча і за гэта патаемна ненавідзяць. Акрамя службовых, выконваў абавязкі старшыні Таварыства сяброў музыкі ў Варшаве, з пачатку 1821 г. – старшыні ўрадавай дырэкцыі варшаўскіх тэатраў. Будучы масонам, прымае ўдзел у камісіі, якая ліквідавала польскае масонства, згодна з указам Аляксандра I у 1821 г. Пішуць, што рабіў гэтае не без матэрыяльнай карысці для сябе. У верасні 1826 г. атрымаў чын генерала кавалерыі і камандаванне жандарскім корпусам і тайнай паліцыяй. Спецыялізаваўся на разведцы на тэрыторыях прускага і аўстрыйскага захопаў, арганізацыі шырокай сеткі тайнай паліцыі ў Каралеўстве. Пры гэтым не грэбаваў засунуць рукі ў дзяржаўную казну, браў хабары, вымагаў грошы ў падначаленых і залежных ад сябе асоб. Канстанцін Паўлавіч яму давяраў, узнагародзіў ордэнам Белага Арла, а грамадства яго ненавідзела, патаемнае таварыства нават задумала забіць Ражнецкага. У час паўстання 1830 – 1831 г. ён уцёк у Пецярбург, а рэвалюцыйная ўлада зняла яго з вайсковых пасадаў. З 1832 па 1839 г. служыў генералам кавалерыі расійскага войска пры штабе Мікалая I, з 1832 па 1849 г. быў сябрам Дзяржаўнай рады. Памёр у Варшаве, дзе і пахаваны на Павонзкаўскіх могілках [7, с. 276 – 277; 9, с. 457 – 464].

Наступным гродзенскім губернатарам 1812 г. стаў Людвік Юзэфавіч Камянецкі (26.08.1758 – 20.04.1816). Цікава адзначыць, што ён, як і Ражнецкі, па службе быў звязаны з Юзэфам Панятоўскім, а таксама належаў з 1808 г. да той жа франка-польскай масонскай ложы «Злучаныя браты на Усходзе Варшавы» (быў прамоўцам). Камянецкі – сын ашмянскага чэсніка – выхоўваўся пад апекай кіеўскага ваяводы Францішка Салезега Патоцкага. У 1778 – 1785 г. служыў у саксонскім войску, а калі перайшоў у каронную армію, дык хутка ад капітана даслужыўся да падпалкоўніка. Ваяваў з расіянамі ў вайне 1792 г. пад Барушкаўцамі, Зелянцамі, Берэжцамі. Як ад'ютант Панятоўскага, адзначыўся ў бітве пад Уладзімірам Валынскім (7.07), за што атрымаў крыж Віртуці Мілітары.

Камянецкага падазравалі ў шпіёнстве на карысць расіян, але спецыяльны пасланец з Варшавы нічога не выявіў. Напэўна, на рэпутацыю Камянецкага ўплывала дзейнасць яго братоў-таргавічан, Ігнація і Дамініка. Князь Панятоўскі яму давяраў і, выязджаючы з краю, даручыў кіраваць сваім маёнткам. Камянецкі быў у ліку тых, хто дэманстрацыйна падаў у адстаўку, а затым удзельнічаў у канспірацыі 1793 г. і ў паўстанні 1794 г. Служыў генерал-маёрам у дывізіі Панятоўскага, абараняў Варшаву. Пасля паражэння паўстання належаў да світы Панятоўскага, вёў інтарэсы князя ў 1798 – 1806 г. і ўваходзіў у клуб «залатой моладзі» пры палацы пад Бляхай.

З лютага 1807 г. Камянецкі служыў ад'ютантам і шэфам штаба легіёна Панятоўскага, увайшоў у Вайсковую камісію ўрадавай камісіі Княства Варшаўскага. З 28.07 па 3.08 1807 г. удзельнічаў у пасяджэннях Генеральнага Дырэкторыя, выконваючы функцыі ваеннага дырэктара. Восенню 1807 г. узначаліў пяхоту корпуса Панятоўскага. Удзельнічаў у вайне з Аўстрыяй 1809 г. і заслужыў Крыж Ганаровага Легіёна. З 1.07.1809 па 20.04.1810 г. быў губернатарам Варшавы з шырокімі паўнамоцтвамі. Варшавяне на развітанне падаравалі Камянецкаму залаты пярсцёнак з надпісам «Удзячная Варшава губернатару». Потым кіраваў 3-й вайсковай акругай з сядзібай у Любліне, атрымаў чын генерала дывізіі. Удзельнічаў у працах масонскай ложы «Адшуканая вольнасць», у якой стаў майстрам кафедры.

Напярэдадні вайны 1812 г. атрымаў пад сваё камандаванне 18-ю пяхотную дывізію ў V корпусе і дзейнічаў у крэпасці Модлін, а ў маі – у Пултуску. У маскоўскую кампанію 1 ліпеня дайшоў да Гродна, дзе пры садзеянні Панятоўскага атрымаў пасаду губернатара. На ёй прабыў, верагодна, да 21 ліпеня. У час адыхода шчасліва вярнуўся з Магілёва ў Варшаву (праўда, хворым), пазней прымаў удзел у рэарганізацыі рэштак польскай арміі ў Кракаве. У жніўні 1813 г. у Саксоніі атрымаў камандаванне 1-й дывізіяй VIII корпуса. У Лейпцыгскай бітве быў паранены і трапіў у расійскі палон (18.10). Аляксандр I адпусціў яго на лячэнне, таму ўжо ў снежні Камянецкі быў у Варшаве. Яго ўключылі ў спіс генералаў новафарміруемай арміі Каралеўства Польскага, але ён раптоўна памёр [6, с. 247; 7, Т. 3, с. 763; 8, с. 515 – 516].

Найбольш доўга гродзенскім губернатарам у 1812 г. быў французскі генерал граф Ан Шарль Лебрэн (28.12.1775 – 21.01.1859). Першапачаткова з-за недахопу інфармацыі мы лічылі, што трэцім па ліку губернатарам ваеннага часу быў маршал Гільём Мары-Анн ле Брун (13.03.1763 – 2.08.1815). У зман уводзіла сугучнасць і амаль аднолькавае напісанне прозвішчаў у перакладзе з французскага ле Брун (Brune) Лебрэн (Лебрун) [Lebrun]. Да таго ж абодва былі графамі. Насцярожвалі, праўда, такія факты, як назва ле Бруна генералам, адсутнасць звестак пра яго за 1812 – 1814 г., паведамленне пра тое, што ён быў у дрэнных стасунках з Напалеонам у гэты час.

Ан Шарль Лебрэн быў сынам архіскарбніка імперыі Шарля Франсуа Лебрэна, з 1808 г. герцага дэ Пьянчэнца. Сваё жыццё ён звязаў з вайсковай службай, калі 26.12.1799 г. стаў суб-лейтэнантам 5-га драгунскага палка. Удзельнічаў у Італьянскай кампаніі 1800 г. – быў у свіце Напалеона і адзначыўся ў бітве пры Марэнга. З мая 1801 г. знаходзіўся ў Генеральным штабе Консульскай гвардыі. У кампаніі 1804 – 1805 г. быў пры штабе маршала М.Нэя, а са снежня 1805 г. – у Стаўцы імператара (меў у гэты час чын палкоўніка). Удзельнічаў у бітвах пры Аўстэрліцы, Йене, Эйлау, Фрыдландзе. Першага сакавіка 1807 г. атрымаў чын брыгаднага генерала. У лістападзе 1808 г. суправаджаў Напалеона ў Іспанію, а ў маі 1809 г. – у Германію. Біўся пры Ваграме. Са жніўня 1811 г. знаходзіўся ў Страсбургу, дзе меў заданне вышукваць дызерціраў і рыхтаваць вайсковае папаўненне. Думаем, што гэты вопыт яму моцна спатрэбіўся на пасадзе гродзенскага губернатара.

Пад час вайны 1812 г. Лебрэн быў пры Напалеоне. Загадам ад 21 (па другіх дадзеных 27) ліпеня былі прызначаны генерал-губернатар ВКЛ і губернатары па дэпартаментах. У Гродзенскі дэпартамент паслалі Лебрэна [4, ф.1, воп.19, спр.1141, а.123 адв.; 3, с.435 – 436]). Да якога часу ён заставаўся на пасадзе дакладна не вядома, але згодна «Исторической записке о событиях в Гродненской губ. в 1812 г., составленной в 1836 – 1837 г. Гродненским Гражданским Губернатаром» 3 лістапада Лебрэн яшчэ быў у Гродне. У гэты дзень ён паслаў дэлегацыю насустрач Рэнье і Шварцэнбергу, якія ішлі з Беластока ў Свіслач. Памешчык Міхаіл Анджэйкавіч, Сільвестровіч, ксёндз Каржанеўскі і Булгарын павінны былі прывітаць іх ад усяго дваранства і прасіць абараніць жыхароў ад саксонскіх і аўстрыйскіх войскаў. З названага дакумента бачна, што Лебрэн апекаў гарадзенцаў. Калі 26 верасня лідскі падпрэфект данёс у адміністрацыйную камісію аб рабаўніцтве французаў у м.Каменка, дык ён абяцаў вярнуць забранае [3, с. 450, 443]. Зразумела, што галоўным у яго дзейнасці было забеспячэнне напалеонаўскай арміі ўсім неабходным – харчам, фуражом, вопраткай.

Пасля выгнання напалеонаўскай арміі з Гродзенскага дэпартамента Лебрэн у 1813 г. прызначаецца генерал-палкоўнікам гусар, пазней іншых вайсковых частак, а з 7.12.1813 г. – губернатарам Анвера. На гэты раз, відаць, дапамагаў гродзенскі вопыт губернатарства. Пасля адрачэння Напалеона прызнаў Бурбонаў і быў прызначаны імі надзвычайным камісарам караля ў 14-й ваеннай акрузе. Потым стаў генерал-інспектарам гусар, але, калі Напалеон у 1815 г. вярнуўся ў Францыю падчас знакамітых «ста дзён», Лебрэн стаў на баку імператара. Разгром Напалеона пакінуў яго без працы аж да 30.12.1818 г., калі яго залічылі ў склад Генеральнага штаба. Ва ўзросце 76 гадоў Лебрэн быў прызначаны сенатарам, а на наступны 1853 г. – Вялікім канцлерам Ганаровага Легіёну [2, с.539 – 540].

Як бачым, усе тры гродзенскіх губернатары ў 1812 годзе былі ўплывовымі і складанымі асобамі. Яны не былі людзьмі выпадковымі – мелі ваенны і адміністрацыйны вопыт, выконвалі адну задачу – забеспячэнне арміі Напалеона. Шляхі іх часам перакрыжоўваліся, але гэтая акалічнасць яшчэ патрабуе далейшага даследавання.

Спіс літаратуры

1. Афанасьева, Т.Ю. Гродненские губернаторы (1801 – 1917 гг.): документально-биографические очерки) / Т.Ю. Афанасьева, Р.Ф.Горячева, В.В.Швед. – Гродно: Гродн. тип., 2007. – 168 с.

2. Залесский, К.А. Наполеоновские войны. 1799 – 1815: биографический энциклопедический словарь / К.А. Залесский. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2003. – 857 с.

3. Историческая записка о событиях в Гродненской губернии в 1812 году, составленная в 1836 – 1837 г. гродненским губернатором // Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года: Сборник Русского исторического общества. Т. 128. – СПб., 1909. – С. 433 – 449.

4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродне.

5. Швед, В.В. Гродзенскія губернатары польскага паходжання / Швед В.В. // Problemy њwiadomoњci narodowej ludnoњci polskiej na Biaiorusi. – Grodno, 2003. – С. 183 –191.

6. Bielecki, R. Encyklopedia Woen Napoleonowskich / R. Bielecki. – Warszawa: TRIO, 2002. – 638 s.

7. Encyklopedja wojskowa. – Warszawa, 1937. – T.7. – 763 s.

8. Pachocki, L. Kamieniecki Ludwik / L. Pachocki // PSB. – T.XI. – Wroclaw–Warszawa–Krakyw, 1964 – 1965. – S. 515 – 516.

9. Zacharewicz, Z. Rozniecki Aleksander / Z. Zacharewicz // PSB. – T. XXXII. – Wrociaw–Warszawa–Krakyw, 1967 – 1968. – S. 457 – 464.

АЛЕКСАНДР БОГУШ

Гродно

БЕЛОСТОКСКИЕ ГАЗЕТЫ – ПРЕДШЕСТВЕННИЦЫ «ГРОДНЕНСКОЙ ПРАВДЫ»

25 сентября 1939 года освободительный поход советских войск в Западную Белоруссию был завершен. В городах и волостях создавались временные управления, в деревнях и гминах (волостях) – сельские комитеты. В Белостоке начинает работу областное и городское временное управление и проводит социально-экономические преобразования. В связи с этим появилась необходимость иметь и свой печатный орган. 9 октября 1939 года выходит газета под названием «Освобожденный Белосток» как орган областного и городского временных управлений на польском языке. Газета широко освещала подготовку, а затем и работу Народного собрания Западной Белоруссии, которое приняло декларацию об установлении Советской власти на всей территории Западной Белоруссии, затем рассказывала своим читателям о законах, принятых III сессией Верховного Совета СССР о включении Западной Белоруссии в состав СССР. Редакция считала необходимым широко освещать преобразования, которые проходили в то время в белорусской деревне. Безземельным и малоземельным крестьянам было передано свыше 1 млн. гектаров земли, сообщала газета в одном из своих номеров. Значительные преобразования происходили в духовно-культурной сфере – открывались белорусские школы, избы-читальни, дома культуры, создавались фельдшерско-акушерские пункты. 13 декабря 1939 года бюро Белостокского обкома КП(б)Б решило переименовать областную газету «Освобожденный Белосток» в «Вольную працу», орган обкома КП(б)Белоруссии, горкома и облисполкома, перевести газету на белорусский язык Редактором газеты был утвержден В.М. Зельманов. Под этим названием газета выходила с января 1940 по июнь 1941 года. «Вольная праца» за этот период внесла определенный вклад в организацию новой власти, совершенствование ее работы, «по сплочению трудящихся масс вокруг партии и Советской власти, по мобилизации их на выполнение политических и хозяйственных задач» – отмечалось в постановлении бюро обкома от 27 сентября 1940 года. В передовых статьях и корреспонденциях широко освещались вопросы социалистического соревнования, агитационно-пропагандистской работы, подготовка и проведение выборов различных уровней.

Вот какие планы намеревалась газета осуществить в начале 1941 года. По отделу пропаганды планировалось напечатать материалы о пропагандистских кадрах одного района, воспитательной работе среди учителей Белостока, та же тема, но уже среди медицинских работников, – Гродно.

В этом же разделе значатся материалы, как тогда называли, на антирелигиозные темы – «Сущность праздника Рождества», «Французские материалисты XVIII века вскрывают происхождение святых» и др.

Интересная для того времени тема в Белостокской области: руководящие партийные и советские работники. изучают белорусский и польский языки. И это необходимо для руководителей. Ведь, как правило, это были люди из восточных областей Белоруссии, а то и из Российской Федерации, и им необходимо знать язык, на котором разговаривает местное население.

«Вольная праца» уделяла большое внимание партийному и советскому строительству в области. И это вполне оправдано. В конце 1939 – начале 1940 г. были созданы партийные и местные органы Советской власти. Для организации их работы из восточных областей направлены 4500 коммунистов, а всего к концу 1940 года в западные области БССР прибыла тысяча партийных, комсомольских, советских работников, деятелей культуры и специалистов народного хозяйства. Они играли большую роль в организации социально-экономических и культурных преобразований. Газета, естественно, уделяла большое внимание их деятельности. Партийный отдел газеты был загружен разнообразной тематикой в этом направлении. Коммунисты-хозяйственники, передовики производства, работа молодежных бригад, руководство Гродненского райкома КП(б)Б, промартелями, роль партийной организации в советском учреждении – все эти и многие другие вопросы интересовали газету.

Содержательная программа освещения тематики экономического отдела – работа машинно-тракторных станций, коллективизация, транспорт, ход заготовок, текстильная и обувная промышленность – все это темы ведущего отдела газеты.

Отдел писем и рабселькоров отличается своим вниманием к развитию рабселькоровского движения в области, привлечением к участию в работе газеты как можно большего числа тружеников города и деревни.

На страницах газеты пропагандировался опыт предприятий Советского Союза с целью его применения на Белосточчине. Например, в июне 1940 года помещена страница материалов под заголовком «Советский Манчестер» – о работе ивановских текстильщиков, напечатана серия материалов с Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. От редакции, требовали, и она это выполняла, систематически помещать материалы в помощь агитатору и пропагандисту. Они носили как общий характер, так и строились на конкретном местном материале.

Представляет интерес и график выхода газет того времени. Областная газета «Вольная праца», гродненская городская и районная «Свободная Белоруссия» выходили 6 раз в неделю с выходным днем в воскресенье. «Вольная праца» – на польском языке – вторник, пятница, воскресенье. Областная газета «Белостокер Штерн» на еврейском языке – один раз в неделю по четвергам. Как видим, плотность выхода газет была довольно напряженной. Стоит отметить, что и тираж их был солидный. Вот некоторые данные: «Вольная праца» – 10 тыс. экземпляров, на польском языке – 4 тыс., «Белостокер Штерн» – 4 тыс. экземпляров. В 1941 году «Вольная праца» на польском языке выходила тиражом до 10 тыс. экземпляров.

Было бы ошибочным думать, что в газете все шло гладко, без сбоев и пробелов. Выпуск газеты – творческое дело, а в творчестве не бывает без упущений и даже ошибок. Были они и в «Вольной працы». Бюро обкома КП(б)Б строго контролировало деятельность редакции, своевременно реагировало на упущения и по многим из них принимало соответствующие решения. Вот только несколько примеров в подтверждение сказанному.

В сентябре 1940 года бюро обкома принимает развернутое решение «О работе областной газеты «Вольная праца» Наряду с положительным установлено, что в работе редакции имеется ряд крупнейших недостатков. Перестройка работы аппарата в соответствии с постановлением оргбюро ЦК ВКП(б) от 25.07.1940 года проходит медленно. Малое место в газете занимают материалы внередакционных работников. Партийный и советский актив к работе в газете привлечен слабо, вопросы местной жизни области освещаются неудовлетворительно, зачастую поверхностно и односторонне.

Бюро указало так же, что нерегулярно и часто поверхностно освещаются вопросы партийной работы, пропаганды и агитации, газета слабо борется за действенность публикуемых материалов. В подтверждение приводится такой пример: из посланных различным организациям на реагирование 46 корреспонденций ответы получены только на 17. Редакция обязана исправить все вышеуказанные недостатки.

Еще одно важное событие того времени. 15 апреля 1941 года бюро Белостокского обкома КП(б)Б Белоруссии приняло постановление «О проведении дня большевистской печати». Он проводился в области с 5 по 15 мая. На промышленных предприятиях, в сельсоветах и колхозах, в школах и учреждениях были проведены беседы и доклады о задачах большевистской печати, конференции читателей, массовые комсомольские молодежные кроссы.

В последнем пункте своего решения бюро обкома обращало внимание райкомов и горкомов КП(б)Б на то, что «день большевистской печати в этом году наша страна будет отмечать в условиях сложной международной обстановки». И несмотря на эти предчувствия, 13 июня принимается новое постановление о печати – созвать однодневное областное совещание редакторов городских и районных газет и рабселькоров 29 июня с повесткой дня: «О политической работе в деревне и о задачах низовой печати и рабселькоров». Совещанию не суждено было сбыться, история распорядилась иначе – 22 июня началась Великая Отечественная война. На рассвете вражеская авиация нанесла удары по Белостоку. Диверсионные группы полка «Бранденбург», сброшенные с парашютов, вывели из строя связь, управление войсками. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, неся тяжелые потери, советские пограничники, красноармейцы оказывали решающее сопротивление. Но силы были не равны. Что такое фашизм и фашистская оккупация, почувствовали все, кто оказался под властью гитлеровцев. С первого дня войны часть населения встала на путь борьбы против оккупантов. Организаторами ее в начальном периоде были партийные, советские, комсомольские работники, оставшиеся воины и рядовые граждане. И уже в 1943 году партизанское движение на Белосточчине набирает силы, в июле начало формироваться Белостокское партизанское соединение. 15 апреля 1943 года подпольный обком партии принимает решение об издании подпольной газеты «Вольная праца». Решено издавать газету на белорусском языке, раз в декаду, тиражом 5000 экземпляров. Позже было принято решение переименовать название газеты «Белостокская правда» вместо «Вольная праца».

Первый номер «Белостокской правды» вышел 7 ноября 1943 года и был посвящен 26-й годовщине Великого Октября. Газета выходила малым форматом на русском, частично белорусском и польском языках, 1 – 2 раза в неделю. Известно всего 57 номеров. В состав редколлегии входили Я. Колос, С.К. Майхрович, Ф. Пестрак, С.П. Притыцкий, Я.М. Савицкая. Редактор – С.К. Майхрович.

Газета широко освещала борьбу советских людей с фашизмом, положение на фронтах, подвиги партизан и подпольщиков, считала необходимым рассказывать о подневольном труде на предприятиях и в имениях оккупантов, об издевательствах и зверствах фашистов. Со страниц «Белостокской правды» звучали призывы бить врага, идти в партизаны и с оружием в руках добывать победу. Следует отметить, что в это тяжелое время газета значительное место отводила советско-польским отношениям, рассказывала о деятельности Союза польских патриотов в СССР, о боевых действиях Войска Польского, сражавшегося плечом к плечу с Красной Армией против общего врага, борьбе местных поляков, воевавших в партизанских отрядах вместе с русскими, белорусами и представителями других национальностей.

Последний номер «Белостокской правды» вышел 6 июня 1944 года.

20 сентября 1944 года Президиум Верховного Совета СССР опубликовал Указ о создании Бобруйской, Гродненской и Полоцкой областей в составе Белорусской ССР. В октябре создаются местные партийные, советские и хозяйственные органы управления, работа их была очень напряженной. Восстановительные работы на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в годы IV пятилетки осуществлялись в сложных обще-

ственно-политических условиях, вызванных активизацией антисоветских и националистических бандформирований. Ощущались результаты «хозяйствования» немецких оккупантов, которые уничтожили промышленные предприятия, все колхозы и совхозы, большинство медицинских учреждений, школ. Потери от оккупации составили более 2,3 млрд. рублей. Партийным и советским органам надо было поднять народ на борьбу с разрухой, вселить веру у людей в победу, в дальнейшую лучшую жизнь.

2 октября 1944 года бюро Гродненского обкома КП(б)Б принимает решение «Об издании областной газеты». В нем говорится:

«В связи с созданием Гродненской области бюро обкома КП(б)Б постановляет: Просить ЦК КП(б)Б разрешить газету «Свободная Белоруссия» – орган Гродненского горкома и исполкома горсовета депутатов трудящихся преобразовать в областную газету –орган обкома, горкома КП(б)Б, облисполкома и горисполкома и в дальнейшем именовать «Гродненская правда». Установить выпуск ее 5 раз в неделю с тиражом 15000 экземпляров. 22 октября 1944 года вышел первый номер «Гродненской правды». Рядом с этим номером в скобках стояла цифра 508 – число, продолжавшее счет номеров вышедших газет «Освобожденный Белосток», «Вольная праца» и «Белостокская правда».

АЛЯКСАНДР ЕРАШЭВІЧ

Мінск

АРГАНІЗАЦЫЙНА-ШТАТНАЯ СТРУКТУРА МЫТНЫХ УСТАНОЎ НА БЕЛАРУСКІМ УЧАСТКУ ЗАХОДНЯЙ МЯЖЫ РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ КАНЦА XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX ст.

Гісторыкі, асабліва ў апошняе дзесяцігоддзе, звярнуліся да даследавання розных аспектаў праблемы фарміравання [2], аховы і прыкрыцця заходняй мяжы Расійскай імперыі, пераважна ў кантэксце вывучэння знешнегандлёвай, мытнай палітыкі Расіі і расійска-польскіх гандлёвых адносінаў. Шэраг прац прысвечана пытанням уплыву мытных тарыфаў на стан гандлю і развіццё прамысловасці, у тым ліку ў час існавання ў складзе Расійскай імперыі Царства Польскага [4; 5; 8; 11; 12; 15; 16; 20; 21; 23 і інш.], зменам у сістэме аховы беларускага ўчастка заходняй мяжы [6; 7; 22 і інш.]. Мытная служба стала аб'ектам даследаванняў М. Заікіна і мытнага служачага У. Саяпіна [3; 4; 18; 19 і інш.]. Апошняе даследаванне У. Саяпіна вылучаецца значнай крыніцавай базай, у тэксце аўтар прыводзіць шмат вытрымак з дакументаў, асобныя факсіміле [19]. Менавіта У. Саяпін звярнуўся да аналізу арганізацыйна-штатнай структуры мытнай сістэмы мяжы, перадусім у Гродзенскай губерні.

Мэта артыкула – абагульніць і некалькі дапоўніць арганізацыйна-штатную структуру мытных устаноў на беларускім участку заходняй мяжы Расійскай імперыі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. на падставе аналізу афіцыйна зацверджаных штатаў і табеляў мытняў, застаў, варты, апублікаваных у «Поўным збору законаў Расійскай імперыі» і адклаўшыхся ў справаводчай дакументацыі дзяржаўных устаноў Беларусі.

Змены ў сістэме ваенна-палітычнага планавання і стратэгіі знешнегандлёвай дзейнасці Расійскай імперыі выклікалі перагляд асноў мытна-тарыфнай палітыкі дзяржавы і адпаведную перабудову ў арганізацыі сістэмы аховы і прыкрыцця мяжы. Знамянальна, што ў сувязі са стварэннем Царства (Каралеўства) Польскага ўнутры Расійскай імперыі для прадухілення канкурэнцыі для расійскай прамысловасці пэўны час існавалі асобныя мытныя межы.

Ліквідацыя дзяржаўнасці былога Вялікага княства Літоўскага выклікала неабходнасць рэарганізацыі мытнай сістэмы ўздоўж заходняй мяжы Расійскай імперыі.

Паводле сенацкага ўказа ад 14 (25).12.1795 г. усталёўвалася мытная стража, мытні і заставы на новай мяжы Расійскай імперыі з Аўстрыяй і Прусіяй ад Уладавы да Балтыйскага мора. [10, ф. 2002, воп. 1, спр. 8, арк. 37 – 37 адв.]. На заходняй мяжы былі заснаваны 7 мытняў: у Палангену, Юрбургу, у м. Пунях, на правым беразе Нёмана ў Гродне, каля вярхоўя р. Свіслачы паблізу пункта злучэння межаў ранейшых Брэсцкага і Навагрудскага ваяводстваў, с. Крынках і насупраць Уладавы на правым беразе Заходняга Буга (цяпер Тамашоўка). У адпаведнасці з «Палажэннем для стварэння памежнага мытнага ланцугу і варты ў Вялікім княстве Літоўскім» мяжа ад Валынскай губерні да Палангена складала 674 вярсты і падзялалася на 3 участкі: 240 вёрст (ад Валынскай губерні да Гродна), 266 вёрст (ад Гродна да Юрбурга), 168 вёрст (ад Юрбурга да Палангена). 674-вёрстную памежную дыстанцыю ахоўвалі: у кожнай з 50-вёрстных дыстанцый 13 чал., у т.л. у кожнай дыстанцыі па мытнаму памежнаму наглядчыку і на кожныя 10 вёрстаў па 2 мытных аб’ездчыка (135 чал.) і 27 чал. для пасылак і папаўнення выбылых [10, ф. 2002, воп. 1, спр. 8, арк. 40].

Табліца 1 – Штатная структура аховы мяжы 1795 г. [10, ф. 333, воп. 25, спр. 1, арк. 92 – 93 адв.]

Назва установы і служачых	Колькасць асоб	Аклад ўтрымання, руб.	Разам
Мытня (на 7 мытняў)	16	2456	17192
Мытная застава	8	978	
Мытны наглядчык	13	250	3250
Мытныя аб’ездчыкі і пасыльныя	162	80	12960

Табліца 2 – Штат мытні ў 1795 г. [10, ф. 2002, воп. 1, спр. 8, арк. 39; 13, т. 44. ч. 2. отд. 3 и 4. с. 366 – 369]

Чын мытніх служачых	Жалаванне штогод, руб.
	1795
Дырэктар	1500
Цолнер	1300
Бухгалтар	
Кантралёр	1200
Пакгаузны інспектар	1150
Касір	1150
Вагштемпельмайстра	1120
Экер	1150
Перакладчык	1300
Канцылярыст	1130
2 капіісты	120
2 вартавых	36
3 пакгаузных надглядчыка	150
На канцылярскія выдаткі	150
Разам	2456

Разам на штогоднае ўтрыманне мытнага ланцугу і варты на мяжы ВКЛ выходзіла 16210 руб. На ўтрыманне літоўскіх памежных мытняў і застаў штогод выдатковаўвалася па 34380 руб. з даходаў Літоўскай губерні [10, ф. 2002, воп. 1, спр. 8, арк. 37 – 42].

У снежні 1798 г. была адкрыта Брэсцкая мытня. У адпаведнасці з імянным указам Сенату ад 19.3.1799 г. ліквідавалася гродзенская мытня [13, т. 25. № 18896, с. 590], якая была зноў адкрыта 27.3. (7.4.)1800 г. разам з ковенскай мытнай заставай [13, т. 26, № 19346, с. 102].

Паводле маніфеста ад 8.9.1802 г. аб заснаванні міністэрстваў мытная справа паступіла ў ведамства створанага на базе камерц-калегіі Міністэрства камерцыі. 26.9.1802 г. Брэсцкая мытня была пераведзена ў Крынкі, а ў Брэсце заснавана мытная застава [10, ф. 76, воп. 1, спр. 57, арк. 348].

Табліца 3 – Штатнае ўтрыманне Крынскай мытні і Брэсцкай заставы

Чын мытніх служачых	Жалаванне штогод, руб.	
	Крынская мытня	Брэсцкая застава
Дырэктар	500	500
Цолнер	300	275
Унтэр-цолнер	275	
Кантралёр	200	
Касір	150	
Перакладчык	300	
Канцылярыст	130	
4 капіісты	240	60
Пакгаузны інспектар	150	
Вагштельмайстра	120	
Экер	150	
2 вартавых	72	
5 пакгаузных надглядчыкаў	250	
Расходы	200	100
Рамонт мытных будынкаў	250	
Разам	3935	935

24.3.1809 г. гродзенская мытня была ператворана ў мытную заставу са штатам у 3 супрацоўніка [13, т. 44, ч. 2, отд. 3 и 4, с. 282 – 283].

У 1811 г. адбыліся змены ў сістэме (арганізацыйнай структуры) мытнай службы (кантролю) на заходняй мяжы для ўзмацнення кантролю за правозімымі праз мяжу таварамі і вызвалення ад аховы мяжы ірэгулярных часцей. 24.06. (6.07.) 1811 г. было прынята «Учреждение таможенного управления по европейской торговле» [13, т. 31, № 24684, с. 681 – 685], згодна з якім на еўрапейскай мяжы ствараліся 11 мытных акругоў. Кіраўніку 6-га Палангенскага мытнага округа падпарадкоўваліся ўсе мытні, заставы і мытная стража ад Палангена да Брэст-Літоўска ўключна. У склад округа ўвайшлі Палангенская, Юрбургская, Ганіондская (Ганёндзкая), Харошчанская, Цэханавецкая і Крынская мытні, Гарджоўская, Ковенская, Гродзенская, Баброўская, Бугская і Брэсцкая заставы. Штат Палангенскай мытні ўключаў 23 служачых, Юрбургскай – 13, у астатніх – 11 чал., застаў: Ковенскай – 5, Гарджоўскай – 4, Гродзенскай, Брэсцкай, Баброўскай і Бугскай – па 2 чал.

Табліца 4 – Штат застаў 1811 г. [13, т. 44, ч. 2, отд. 3 и 4, с. 281 – 282]

Чын мытных служачых	Жалаванне штогод, руб.
Наглядчык	500
Памочнік наглядчыка	300
Наглядчык	250
2 надглядчыка	150

У час вайны 1812 г. паміж дэклараваным ВКЛ і Каралеўствам Польскім 16 (28) ліпеня было абвешчана аб скасаванні мытнай мяжы, а з боку Прусіі загадана спаганяць тую ж пошліну, якую збірала Княства Варшаўскае [1, с. 435]. Тым не менш Камісія Часовага ўрада Вялікага княства Літоўскага вызначыла памеры ўтрымання мытных служачых.

Табліца 5 – Штатная структура і памеры гадавога ўтрымання службоўцаў мытняў на мяжы з боку Герцагства (Княства) Варшаўскага паводле распараджэння КЧУ ВКЛ ад 22 жніўня 1812 г. [9, ф. 1168, воп. 1, спр. 3, арк. 148 – 148 адв., 152 – 164;17, ф. 12, воп. 1, спр. 261, арк. 53]

Назва ўстановы	Памеры гадавога ўтрымання штатных чыноўнікаў, злотых	Разам, злотых
Мытня ў Гродне	Інтэндант 3000, пісар 1500, кантралёр 1500, обер-вартаўнік 1000, 2 пешых вартаўніка кожнаму па 500	8800
Мытня ў Кнышыне	Інтэндант 3000, пісар 1500, кантралёр 1500, обер-вартаўнік 1000, 2 пешых вартаўніка кожнаму па 500	8800
Мытня ў Брэсце	Інтэндант 3000, пісар 1500, кантралёр 1500, обер-вартаўнік 1000, 2 пешых вартаўніка кожнаму па 500	8800
5 падмытняў у Коўне, Ганёндзу, Цэханаўцы Бельскага павета, маёнтку Гранне Драгічынскага павета і Пшэбораве Брэсцкага павета	Пісар ці экспедытар 1500, конны вартаўнік 800, пешы вартаўнік 500	14000
На пагранічнай паласе	50 конных вартаўнікоў кожнаму па 800	40000
Разам выдаткаў	83 службоўца	80400

У верасні 1813 г. выйшаў сенацкі ўказ «аб прызначэнні кантрольнай мытнай рысы па сухапутнай заходняй мяжы», у адпаведнасці з якім 21.1. 1814 г. былі заснаваны кантрольныя мытныя заставы ў мястэчках Масты, Свіслач і Шарашова [9, ф. 1, воп. 1, спр. 388, арк. 5].

18.6.1816 г. Аляксандр I зацвердзіў меркаванне Дзяржаўнага Савета аб стварэнні Ковенскага (ад Палангена да Гродна і р. Ласосны) і Брэст-Літоўскага (ад р. Ласосны да с. Пребарова, Прабарова) мытных акруг [9, ф. 2, воп. 3, спр. 4, арк. 16 – 21]. У склад Ковенскага округа ўваходзілі Ковенская мытня, Палангенская, Гарждоўская, Юрбургская і Гродзенская мытныя заставы. Брэст-Літоўскі мытны округ уключаў Брэсцкую мытню, Ганіондскую (Ганёндзкую), Харошчанскую, Цэханавецкую, Нурацкую і Пребароўскую мытныя заставы. Ганіондская, Харошчанская, Цэханавецкая мытні былі пераўтвораны ў заставы. Харошчанская застава з мястэчка Кнышын перамяшчалася паблізу замежнага г. Тыкочына. Крынская мытня і Баброўская застава скасоўваліся. Бугская застава з с. Гранна перамяшчалася ў месцы упадзення р. Нурчака ў Заходні Буг [10, ф. 333, воп. 1, спр. 795, арк. 313]. Тавары, якія накіроўваліся за мяжу па Заходняму Бугу, даглядаліся ў Брэсце ці Нураве, па Нёману – у Юрбургу, Коўне і Гродне. Акружная мытня выдавала пасведчанні. Памежныя заставы мелі права пропуска тавараў за мяжу ў выпадку адпаведнасці колькасці груза, заяўленага ў пасведчанні [10, ф. 333, воп. 1, спр. 795, арк. 318 – 318 адв.].

Табліца 6 – Штат мытняў і застаў Брэст-Літоўскага округа ў 1816 г. [10, ф. 333, воп. 1, спр. 795, арк. 314 – 315 адв.]

Найменне мытні і заставаў	Колькасць асоб	Жалавання штогод, руб.
Ковенская мытня	24	14000
Палангенская застава	9	5250
Гарждоўская застава	9	3800
Юрбургская застава	9	4150
Гродзенская застава	9	4050
Начальнік Брэст-Літоўскага округа	4	9600
Брэсцкая мытня	24	14200
Ганёндзкая застава	9	4150
Харошчанская застава	9	4150
Цэханавецкая застава	9	4150
Нурацкая застава	9	4150
Прабароўская застава	9	4150
Разам па Брэст-Літоўскаму округу	133	75800

Працяг табліцы 6

Штат мытні	Штат заставы
Упраўляючы	Упраўляючы
2 члена мытні	Памочнік і казначэй
Сакратар	Пакгаузны наглядчык і вагштэмпельмайстра
Перакладчык	старшы надглядчык
Казначэй	2 надглядчыка
Бухгалтар і выкладчык пошлін	2 пісца
5 пісцоў	Вартавы
Пакгаузны наглядчык	
Наглядчык для аптэкарскіх матэрыялаў і фарбаў	
Вагштэмпельмайстра	
Старшы надглядчык	
6 надглядчыкаў	
2 вартавыя	
Разам 24 чал.	

14.12.1819 г. выйшаў указ аб стварэнні мытнага ўстава па еўрапейскім гандлі [13, т. 36, № 28030, с.417], у адпаведнасці з якім еўрапейская мяжа Расійскай імперыі была падзелена на 12 мытных акругоў. Усе мытні падзяляліся на 4 класы: складачныя (Віленская, Варшаўская і інш.), галоўныя сухапутныя і партовыя (Ковенская, Гродзенская і інш.), дэкларацыйныя (Палангенская, Юрбургская, Радзівілаўская і інш.), астатнія мытні і заставы. 6-ы Ковенскі округ уключаў складачную мытню ў Вільні, галоўную ў Коўне, 3-га класа Юрбургскую і 4-га класа Гарждоўскую. У створаны 7-ы Гродзенскі мытны округ увайшлі галоўная гродзенская мытня 2-га класа (яна ж і кантрольная мытня), кантрольныя мытні 4-га класа: Ганіондская, Харошчанская, Цэханавецкая, Нурацкая, Пребароўская, Брэст-Літоўская, Усцілужская. Ганіондская, Харошчанская, Цэханавецкая, Нурацкая і Пребароўская кантрольныя мытні на мяжы Расійкай імперыі і Царства Польскага прапускалі тавары пад літэрай «А» пасля выплаты пошліны ў Варшаўскай, Люблінскай і Навадворскай мытнях, а Брэст-Літоўская і Усцілужская – усе без выключэння тавары, пасля выплаты пошлінаў у вышэйзгаданых мытнях і накіроўваемыя ў складачныя мытні Расійскай імперыі для выплаты пошлін [13, т. 36, № 28030, с. 418 – 419, 420]. Усе незабароненыя для ўвозу замежныя тавары прапускаліся толькі праз кантрольныя мытні ў Коўне, Гродне, Брэст-Літоўскім і Усцілуге. Кантрольныя мытні ў Ганіондзе, Харошчы, Цэханаўцы, Нуре і Пребарове не мелі права афармлення тавараў, акрамя вызначаных у тарыфе пад літарай «А» [13, т. 36, № 28030, с. 489 – 490]. Штат кантрольнай мытні уключаў упраўляючага, кантралёра, надглядчыка, пісца і вартавога [13, т. 36, № 28030, с. 480].

Табліца 7 – Штат галоўнай Гродзенскай мытні 1819 г. [13, т. 44, ч. 2, отд. 4, с. 170 – 175]

Чын мытных служачых	Гадавое ўтрыманне, руб.
Упраўляючы	2000
Старшы член мытні	1500
Сакратар	800
Казначэй	800
Бухгалтар	600
Пераклачык	600
5 пісцоў	2000
Пакгаўзны наглядчык прывазімых і адпраўляемых тавараў	800
Наглядчык аптэкарскіх матэрыялаў і фарбаў	600
Вагштэмпельмайстра і экер	600
6 надглядчыкаў	1500
2 вартавых	400
Канцылярскія выдаткі	1000
Разам 22 чал.	13200

На гадавое ўтрыманне Гродзенскага мытнага округа прызначалася 11200 руб., у т.л. 3000 руб. жалавання і 2000 руб. кватэрных і раз'ездных для начальніка округа, па 1500 руб. жалавання і 500 руб. раз'ездных для 3-х чыноўнікаў для асобных даручэнняў, 1000 руб. сакратару і па 400 руб. 2 пісцам, 4000 руб. на канцылярскія выдаткі.

Пасля заключэння ў Берліне 27.2.(11.3.)1825 г. канвенцыі аб гандлі і суднаходстве паміж Расіяй і Прусіяй [13, т. 40, № 30264, с. 113] у адпаведнасці з указам ад 19.05.1825 г. штат Гродзенскай мытні скараціўся да 5 чал., з утрыманнем 2000 руб. упраўляючаму і 250 руб. надглядчыкам [14, т. 15, отд. 3, 1840 г., с. 1079]. У Брэсцкай мытні лічылася 7 чал.: упраўляючы, яго памочнік і казначэй, 2 пісары, пакгаузны наглядчык і вагштемпельмайстра, 2 наглядчыкі.

«Для скарачэння выдаткаў» 11.08.1825 г. было зацверджана палажэнне Камітэта міністраў аб пераводзе Гродзенскай і Ковенскай мытняў у 3-і клас., а Палангенскай і Юрбургскай – у 1-ы клас. Ковенскі мытны округ быў перайменаваны ў Юрбургскі [13, т. 40, № 30348, с. 380, № 30446, с. 417 – 419]. У склад Гродзенскай мытні ўваходзілі упраўляючы, памочнік і казначэй, пісец і даглядчык [13, т. 44, ч. 2, отд. 3 и 4, № 30446, с. 187]. У верасні 1825 г. Гродзенская мытня была пераведзена ва ўрочышча Ласосна.

Акрамя прызначаных і зацверджаных акладаў паводле асобных указаў прызначаліся ведамасныя выплаты. Так, міністр фінансаў прызначыў даплату жалавання за другую палову 1828 г. памерам 497 руб. 4 чынам Брэсцкай мытні [19, с. 96].

У 1837 г. Брэсцкая мытня стала мытняй 2-га класа. У Гродзенскай губерні існавалі 2-класная мытня ў Брэсце, 3-га класа ў Гродне, Пребароўская ў м. Валадаўке, мытныя ўстановы Юрбургскага мытнага округа. Насупраць у Царстве Польскім Цярэспальская 1-га класа мытня насупраць Брэсцкай, Ласосненская 2-га класа насупраць Гродзенскай, Уладаўская 2-га класа насупраць Пребароўскай, у Беластоцкай вобласці Ганёндзкая 3-га класа, Харошчанская, Жалткоўская, Цэханавецкая і Нурацкая [19, с. 100 – 101].

Пасля скасавання 13.(25)10.1850 г. унутранай мяжы Расійскай імперыі і Царства Польскага і ў адпаведнасці з «агульным тарыфам па еўрапейскім гандлі» былі ліквідаваны гродзенскі мытны округ, мытні і заставы.

Такім чынам, недахоп кваліфікаваных мытных служачых і невысокае ўтрыманне большасці з іх спрыялі пашырэнню кантрабанды, росквіту хабарніцтва. Імпартныя кантрабандныя тавары паглыналі наяўныя грошы і садзейнічалі іх уцечцы за мяжу.

Спіс літаратуры

1. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению его императорского высочества великого князя Михаила Александровича: В 3 т. / под редакцией К. Военского. – СПб.: Тип. А.Ф. Штольценбурга, 1909 – 1912. – Т. 1: Литва и западные губернии. – 1909. – VIII, XLIV, – 582 с.

2. Демаркация западной границы Российской империи (1796): документы и материалы / авт.-сост. А.М. Лукашевич, Н.А. Заикин; под общ. ред. А.А. Павловского. – Минск: Харвест, 2005. – 176 с.

3. Заикин, Н.В. Формирование, охрана и прикрытие западной границы Российской империи (на примере белорусского участка). 1772 – 1822: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Н.В. Заикин. – Минск, 2005. – 118 л.

4. Заікін, М. Арганізацыя пагранічнай (мытнай) службы на заходняй мяжы Расійскай імперыі, 1819 – 1822 гг. / М. Заікін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 10. – С. 39–44.

5. Заикин, Н.А. Подготовка таможенной унии между Российской империей и Королевством Польским (1815 – 1819 гг.) / Н.А. Заікін // Славянскі свет: мінулае і сучаснасць: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 26 сак. 2004 г.: у 3 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; гал. рэд. А.П. Жытко. – Мінск, 2004. – Ч. 3. – С. 60 – 66.

6. Лукашевич, А. «Я лучше согласен есть сухарь с водою, нежели марать свою совесть...» (Белорусские кордоны) / А. Лукашевич // Беларуская думка. – 2003. – № 5. – С. 128 – 137.

7. Лукашевич, А.М. Российские планы крепостного прикрытия западных границ империи (1772 – 1812 гг.) / А.М. Лукашевич // Сборник научных трудов Центра пограничных исследований

Объединённого научного центра Пограничного комитета Союзного государства. – Минск: Харвест, 2003. – С. 6–35.

8. Марией, Л.П. Торговая политика России и Королевства Польского после Венского конгресса, 1815 – 1819 гг. / Л.П. Марией // Славяноведение. – 2001. – № 3. – С. 74 – 81.

9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродне.

10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Мінску.

11. Обушенкова, Л.А. Королевство Польское в 1815 – 1830 гг.: экономическое и социальное развитие / Л.А. Обушенкова. – М.: Наука, 1979. – 295 с.

12. Покровский, С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России / С.А. Покровский. – М: Международная книга, 1947. – 403 с.

13. Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: В 45 т. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.

14. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е с 1825 по 1881 г. В 55 т. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – 1862.

15. Поляков, В.Л. Таможенная политика царского правительства и ее влияние на развитие отечественной промышленности в период разложения феодальной системы (конец XVIII – первая четверть XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В.Л. Поляков; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1976. – 48 с.

16. Прошин, Г.Г. Таможенный тариф 1819 года / Г.Г. Прошин // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. – 1961. – № 4. – С. 102 – 116.

17. Расійскі дзяржаўны архіў старажытных актаў.

18. Саяпин, В.Ю. Пять веков Гродненской таможенной службы / В.Ю. Саяпин. – Гродно: Гродн. тип., 2003. – 365 с.

19. Саяпин, В.Ю. Таможенная служба: в 2 кн. Кн. 2. Борьба с контрабандой / В.Ю. Саяпин. – Гродно: Гродненская тип., 2005. – 583 с., 32 л. илл.

20. Страхова, Н.П. Внешнеторговая политика российского правительства после Венского конгресса. 1815 – 1822 гг.: автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.П. Страхова; Моск. гос. ун-т. – М., 1983. – 21 с.

21. Страхова, Н.П. Тариф 1819 г. во внешнеполитических планах России / Н.П. Страхова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 1990. – № 3. – С. 43 – 53.

22. Сяльверстава, С.Я. Арганізацыя памежнай варты на заходняй мяжы Беларусі ў першай трэці XIX ст. / С.Я. Сяльверстава // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы рэсп. навук. канф., Гродна, 3–4 мая 2002 г. У 4 ч. / Гродзен. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.П. Крэнь (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2003. – Ч. 2. – С. 87 – 95.

23. Jezierski, A. Handel zagraniczny Krylestwa Polskiego, 1815 – 1914 / A. Jezierski. – Warszawa: Pacstwowe wyd-wo naukowe, 1964. – 224 s.

24. Strzeszewski, Cz. Handel zagraniczny Krylestwa Kongresowego, 1815 – 1830 / Cz. Streszewski. – Lublin, 1937. – 160 s.

ВАЛЯНЦІНА ЦЫГАНЕЦ

Гродна

УДЗЕЛ ЛІДСКАЙ ШЛЯХТЫ Ў ПАЎСТАННІ 1863 – 1864 гг.

Лідскі павет Віленскага краю, на паўдарозе паміж дзвюма сталіцамі – Наваградкам і Вільняй, – цэнтр летапіснай Літвы, унікальны славяна-балцкі кангламерат. На працягу 500 гадоў ён выконваў адну дзяржаўную задачу стратэгічнай важнасці. Ён рэгулярна з года ў год, з вайны на вайну пастаўляў людскія і матэрыяльныя рэсурсы ў войска Вялікага княства Літоўскага. Ворскла, Грунвальд, Ворша, Смаленск, Масква, Пскоў – усюды былі Лідскія харугвы. Усюды, дзе ішла бітва за незалежнасць свайго краю, сваёй радзімы. Пад камандай Гедыміна, Альгерда, Кейстута, Ягайлы, Вітаўта, Радзівілаў, Сапегаў, Глінскіх, Касцюшкі, Ясінскага,

Панятоўскага. Пад сцягамі з Пагоняй яны біліся за свой Край.Праходзіла 20 – 30 гадоў пасля чарговай паразы, падрастала новае пакаленне і Лідскі павет зноў быў гатовы пасылаць сваю моладзь на бітвы. Панёсшы вялікія страты ў паўстанні 1794 года, у вайне 1812 года, у паўстанні 1831 года, Лідскі павет у 1863 годзе быў адной з самых падрыхтаваных да паўстання тэрыторый. Густа заселены, з вялікім працэнтам баявой, ганаровай шляхты, з балоцістай і зарослай лясамі мясцовасцю, Лідскі павет мусіў сказаць сваё важнае слова ў гэтым паўстанні.

Цэнтрам паўстання 1863 года на Беларусі была сталіца – Вільня. Лідскі павет – суседніх з Віленскім. Лідзян вельмі шмат было ў Вільні. Далучэнне да паўстанцкага руху аднаго цягнула далучэнне іншага. Вакол Каліноўскага мы бачым некалькі відных лідзян, прычым на самых высокіх пасадах.

Перш за ўсё гэта Валеры Ўрублеўскі (нарадзіўся 27 снежня 1836 года ў мястэчку Жалудок Лідскага павета), адзін з выдаўцоў «Мужыцкай праўды»,начальнік паўстанцкіх сілаў на Гродзеншчыне, камандзір атрада.

Цітус Далеўскі (нарадзіўся 13 мая 1840 года у фальварку Кункулка Лідскага павета). Дакладнае месцазнаходжанне фальварка нам невядома. Найбліжэйшы памочнік Кастуся Каліноўскага.

Францішак Далеўскі (1825, 25 красавіка – памёр у 1904 годзе, фальварак Руднікі Лідскага павета),брат Цітуса – адзін з кіраўнікоў атрада белых.

Кастусь Далеўскі (1837, 25 мая – памёр у 1871 годзе),брат Цітуса, камандзір атрада на Ковеншчыне.

Апалонія Далеўская (1841 – памерла пасля 1915), сястра Цітуса, жонка Зыгмунта Серакоўскага.

Эмануэль Юндзіл, сын вядомага батаніка Станіслава Юндзіла з вёскі Ясенцы Лідскага павета.

Нейкім чынам можа быць звязана з Лідчынай і нарачоная Кастуся Каліноўскаго Марыя Ямант. Нарадзілася яна ў Вільні, але бацька яе Тадэвуш Ямант узначальваў адміністрацыю маёнткаў князя Вітгенштэйна, якому належала і Дакудава. У Марыі былі тры сястры і чатыры браты. Марыя, яе бацька, маці, дзве сястры і брат Юзэф былі арыштаваны і сасланы ў Сібір. Лёс трох малодшых напаўлетніх братоў Марыі дакладна невядомы. Ці яны дабраахвотна паехалі з бацькамі ў Сібір, ці засталіся ў радні. Тым ні менш у 1886 годзе ў Дакудаве ў сям'і Казіміра Яманта, якому ў час паўстання было 13 гадоў, нараджаецца вядомы мастак Браніслаў Ямант. Значыць, Яманты мелі сувязі з Вінгенштэйнам і Лідчынай. А гэта дае падставы меркаваць, што калі да паўстання Яманты і не жылі ў Дакудаве, то маглі бываць, у тым ліку і Марыя, нарачоная Кастуся Каліноўскага.

2 лютага, праз 10 дзён пасля пачатку паўстання ў Польшы, Літоўскі правінцыйны камітэт заклікаў падтрымаць паўстанне.

13 лютага Людвік Нарбут атрымаў з Вільні загад узначаліць паўстанне ў Лідскім павеце. І павет паўстаў. Лідскі павет паўстаў першым на тэрыторыі Беларусі. На Гродзеншчыне, дзе ў гэты час быў сам Каліноўскі і, само сабой зразумела, Урублеўскі, паўстанне пачалося толькі 24 красавіка. У Лідскім павеце на тую пару ужо ішлі баі.

Выключная роля ва ўздыме павета належала каталіцкаму касцёлу. У большасці парафій ксяндзы з амбонаў зачыталі маніфест паўстання і заклікалі народ да барацьбы.Гісторыя захавала імёны некаторых з іх. У аддзел Людвіка Нарбута пасля зачытання маніфесту паўстання ў Эйшышкаўскім касцёле (тады Лідскі павет) прыбыў малады ксёндз Юзаф Гарбачэўскі. 22 мая 1863 года пасля прызначэння віленскім генерал-губернатарам Мураўёва, быў расстраляны першы паўстанец – ім быў жалудокскі вікары ксёндз Станіслаў Ішора. 24 мая 1863 года ў Вільні быў растраляны ваверскі пробашч ксёндз Земацкі, 22 чэрвеня 1863 года ў Лідзе расстраляны ішчолнскі пробашч ксёндз Адам Фалькоўскі. Ксёндз Ануфры Сырвід, пробашч васілішскі, быў сасланы ў Сібір. Гэта тыя, што сталі вядомымі, а колькі іх засталося па-за паперай і памяццю, але яны не менш мужна зрабілі сваю справу. Да паўстання ў Лідскім павеце было 20 касцёлаў, пасля паўстання засталося 13, 7 было закрыта.

Адразу пасля атрымання загаду Людвік Нарбут сабраў першы атрад з васьмі чалавек. У яго ўвайшлі сам Людвік, яго брат Баляслаў, Уладзіслаў Пілецкі і пяць сялянаў.

Дарэчы, трэба адзначыць, што як бы хто гэта не хацеў замоўчаць, паўстанне 1863 года ў Лідскім павеце, як і ў цэлым па Беларусі было не шляхецкім, а ўсенародным. Сасланую, расстраляную, павешаную, эміграваную шляхту па ўсёй Беларусі мы лічым на сотні, колькасць сасланых у Сібір, на катаргу, у арыштанскія роты на дзесяткі тысяч. Адкуль яны ўзяліся? Адказ просты: з сялян і мяшчан.

9 сакавіка Нарбут даў першы бой. Да гэтага да аддзелу далучыўся Лявон Краінскі з групай сялян і ужо згаданы ксёндз Юзаф Гарбачэўскі, які стаў капеланам аддзела. Пры пераходзе ў Рудніцкую пушчу пад Руднікамі пры выхадзе з лесу аддзел Нарбута колькасцю каля 80 чалавек шляхты, студэнтаў і сялян сустрэў сотню казакоў і дзве роты стралкоў. Пасля першых стрэлаў казакі ўцяклі, а пяхота адступіла. Аддзел у паходным парадку пераправіўся цераз рэчку Сольчу. Пасля гэтай сутычкі да аддзела далучылася група моладзі з Вільні на чале з мастаком Міхалам Эльвірам Андрыёлі (1836 - 1893).

У сакавіку аддзел вярнуўся ў Начскую пушчу і стаў лагерам поблізу в. Паддубічы. 11 красавіка адбыўся другі бой. Ноччу конныя паўстанцы разабралі пад Берштамі мост праз р. Котру. Сюды паспеў аддзел пад камандаваннем гвардзейскага капітана Цімафеева сілаю ў дзве роты Паўлаўскага палка і 36 казакоў Данскога палка.

Па атрыманных ім звесткех аддзел Нарбута знаходзіўся каля фальварка Глямбокі памешчыка Мікульскага, дзе Нарбут разам з княндзом Ю. Гарбачэўскім прыводзіў да прысягі прыбыўшых у аддзел сялян. Выведка папярэдзіла Л. Нарбута пра набліжэнне непрыяцеля, і ён вырашыў даць бой. Як толькі ланцуг стралкоў выйшаў на ўзлессе, па яму быў адкрыты стрэльбавы агонь. Дзякуючы калькаснай перавазе і наўянасці штуцараў царскія роты наступалі «рухаючыся месцамі па пояс у вадзе па густым балоцістым лесе». Паўстанцы адступілі. У расейцаў былі забіты два, паранены пяць, у паўстанцаў – забіты адзін, паранены пяць чалавек. Акрамя нарбутаўскага, у Лідскім павеце дзейнічала яшчэ некалькі аддзелаў. Адным з іх камандаваў Баляслаў Навіцкі.

Значная бітва паўстанцаў з царскімі войскамі адбылася на полі паміж вёскамі Малое Ольжава і Мохавічы. Паўстанцы панеслі тут вялікія страты і адступілі праз балоты ў бок Нёмана. На жаль, ні прозвішча камандзіра аддзела, ні імёны палеглых у гэтай бітве невядомыя. Але ўжо сёння мы можам гаварыць пра аднаго з магчымых удзельнікаў гэтай бітвы. Гэта Кастусь Кашыч (Кашыц, Kaszyc, 1828 – 1881 гг.), сын Юзафа Кашыча, маршала навагрудскага. Кастусь Кашыч – выпускнік Дэрпцкага (Талінскага) універсітэта, беларускі пісьменнік, уладальнік Тарнова, Белагруды, Малога Одьжава. За ўдзел у паўстанні быў сасланы і да 1866 года знаходзіўся ў высылцы. Тэрмін высылкі быў невялікі, таму казаць, што Кашыч кіраваў гэтым аддзелам, няма падстаў. Камандзір аддзела мог быць проста расстраляны, а калі сасланы, то надоўга. Магчыма, што Кашыч ваяваў зусім у іншым месцы. Але тут ёсць невялікае «але». Наперш наконт тэрміну высылкі. Царскія следчыя маглі і не ведаць паслужнога спісу Кашыча. Другое – пасля бітвы, якая адбывалася на землях самага Кашыча пад Малым Ольжавам і Берагрудай, усе паўстанцы былі пахаваны проста на полі бою. Было пастаўлена некалькі помнікаў. На сённашні дзень ацалеў толькі адзін і зараз адноўлены. Пасля паўстання маёнткі Кашыча перайшлі да расейскага палкоўніка, пазней генерал-лейтэнанта, Зміцера Маўроса. Маўрос на сваіх землях помнікі паўстанцам не ставіў бы. Відочна, помнікі паспелі паставіць яшчэ ў час паўстання. Пастаноўка гэтых помнікаў – вялікая рызыка. Хто мог на яе пайсці? Хутчэй за усё, той, каго нешта вельмі моцна лучыла з палеглымі. Лучыць магло перш за ўсё сумеснае змаганне. У гэтым выпадку матывы з'яўлення гэтых помнікаў зразумелыя.

У красавіку аддзелы Нарбута і Навіцкага перамясціліся ў Гарадзенскую пушчу. 8 красавіка палкоўнік Вернер, у падпарадкаванні якога былі тры роты пяхоты, эскадрон уланаў, 20 казакоў і гармата – усяго 805 штыхоў і шабель, атрымаў паведамленне, што лідскі аддзел у колькасці ня менш 300 чалавек размясціўся лагерам у ваколіцах возера Думбля ў Лапшуцянскім лесе. Тут адбыўся трэці бой аддзела, вядомы як бой пад Кавалькамі. Бой цягнуўся 4 гадзіны. Страты ў царскіх салдат – 10 параненых, у паўстанцаў – 7 забітых, у тым ліку Войтак Нарбут і Уладзіслаў Навіцкі, і каля дзесяці параненых. Людвіку Нарбуту тым не менш удалося вывесці аддзел з акружэння і захаваць сілы. Яму была

нададзеня годнасць палкоўніка і загадам 18 красавіка ён быў прызначаны начальнікам усімі баявымі сіламі паўстанцаў па Беларусі і Літве.

24 красавіка нарэшце паўстаў Гарадзенскі павет. І Нарбут павярнуў на Лідчыну. 4 мая лёс зноў звёў Нарбута з капітанам Цімафеевым, на гэты раз на рэчцы Котра пад Дубічамі. Цімафееву дапамог мясцовы селянін Базылевіч, які за грошы прывёў пераапранутага ў сялянскую вопратку Цімафеева пад самы лагер аддзела. Першая рота Паўлаўскага палка заспела паўстанцаў знаняцку, але біліся яны па-майстэрску: адступалі перакатамі ў дзве лініі – адна лінія адстрэльвалася, другая – перабягала і залягала. Людвік Нарбут стаў адной з першых ахвяр: пахіснуўся, упаў на калені, калі да яго кінуліся на дапамогу, гукнуў: «Гэта нічога, нічога...». Яго падхапілі на рукі і панеслі, але ратаваць ужо не маглі, ранены ён быў смяртэльна. Людвік паспеў перадаць паперы і грошы аднаму са сваіх памочнікаў, але і той упаў побач, забіты куляй. У гэтым баі загінулі Л. Красінскі, Т. Скірмунт, Я. Ёдка, Гемза, Ігнат Тарасевіч, лідскі фельдчар, Лукашэвіч і яшчэ 5 ці 6 чалавек. 25 паўстанцаў трапілі ў палон.

Цімафееў дазволіў пахаваць каля Дубіцкага касцёла ўсіх загінуўшых. Мураўёў-вешальнік загадаў Дубіцкі касцёл разбурыць, а магілкі зраўняць з зямлёю. 6 жніўня 1933 года тут быў пастаўлены помнік.

Рэшткі лідскага аддзела ўзначалілі Баляслаў Нарбут і Парадоўскі-Астрога. Яны вывелі аддзел у Гарадзенскую пушчу, а затым – у Аўгустоўскія лясы.

А ў гэты час лідчане біліся з ворагам на ўсіх тэрыторыях. Францішак Нарбут быў капітанам паўстанцаў на Вільні. Фелікс Калышка з фальварка Карманішкі Лідскага павета ўзначальваў аддзел на Віленшчыне і Аўгустоўшчыне. Баляслаў Калышка з таго ж фальварка Карманішкі быў камандзірам паўстанцкага аддзела на Ковеншчыне.

У гісторыі захаваліся імёны далёка не ўсіх герояў, але пералічым тых, каго ведаем.

Ураджэнцы і жыхары Лідскага павета, забітыя ў баях:

1. Нарбут Людвік (26.08.1832 – 22.04./5.05/1863),31 год, начальнік паўстання на Лідчыне, забіты пад Дубічамі;

2. Нарбут Войтак-Юліян (1847 – 1863), 16 гадоў, сын Карнелія-Андрэя, забіты пад Кавалькамі;

3. Беразоўскі Аляксандр, забіты пад Дубічамі;

4. Беразоўскі Францішак, забіты пад Дубічамі;

5. Гемза, забіты пад Дубічамі;

6. Ёдка Я,. забіты пад Дубічамі;

7. Жукоўскі Уладзіслаў, забіты пад Дубічамі;

8. Краінскі Лявон з Храшанішак, забіты пад Дубічамі;

9. Лукашэвіч, забіты пад Дубічамі;

10. Навіцкі Уладзіслаў, забіты пад Кавалькамі;

11. Паплаўскі Уладзіслаў з фальварка Крэвін Сабакінскай гміны, забіты пад Дубічамі;

12. Ракемпіновіч, забіты пад Дубічамі;

13. Скірмант Т,. забіты пад Дубічамі;

14. Тарасевіч Ігнат, забіты пад Дубічамі;

15. Хубаровіч Стэфан, забіты падДубічамі і дзесяткі- сотні невядомых.

Растраляны і павешаны:

1. Ксёндз Земацкі Раймунд, ваверскі пробашч,растраляны 24 мая 1863 года ў Вільні па выраку вайсковага суда за чытанне ў касцёле маніфеста паўстання;

2. Ксёндз Ішора Станіслаў, жалудокскі вікарый, расстраляны 22.05.1863.года ў Вільні па выраку ваеннага суда;

3. Ксёндз Фалькоўскі Адам, ішчолнскі пробашч, расстраляны ў Лідзе на выгане 24 чэрвеня 1863 года за чытанне ў ішчолнскім касцёле маніфеста паўстання;

4. Далеўскі Цітус (1/13/05.1840 – 30.12/11.01. 1864 года) публічна расстраляны на Лукішскім пляцы ў Вільні;

5. Калышка Баляслаў (26.07 1837 – 28.05/9.06/1863 года) камандзір Ковенскага аддзела, павешаны на Лукішскім пляцы ў Вільні;

6. Ласковіч Альберт, малады памешчык з Кір'янаўцаў, расстраляны 5 чэрвеня 1863 года за тое, што ў Наваельненскам касцёле спытаў ксендза, чаму той не чытае маніфест паўстання;

7. Лясьноўскі Юльян, памешчык з Ліды, павешаны ў Вільні за прачытанне маніфеста сялянам;

Усяго на Беларусі і Літве пакараны смерцю былі 8 ксяндзоў, 3 з Лідскага павету. Былі высланы 36 ксяндзоў. У Віленскай і Гарадзенскай губернях было зачынена 140 касцёлаў, 7 з іх ў Лідскім павеце.

Сасланыя ў Сібір на катаргу:

1. Вільбік Стэфан з Піпкунцаў, вярбоўшчык паўстанцаў. Яго дыялог з сукамернікам: «Што са мной будзе?», «Могуць павесіць?», «А ці траплю я ў гісторыю?», «Абавязкова», «Слава Богу хай вешаюць»;

2. Далеўскі Францішак, 30 годоў катаргі ў Сібіры;

3. Клімантовіч Уладзіслаў, капітан;

4. Мінскі Войтак;

5. Пясецкі, рэдактар;

6. Струміла, рэдактар;

7. Таленская Альжбета;

8. Таленская Антаніна;

9. Табенская Антаніна, бацькі уладальнікі Рудава;

10. Манюшка Клеменція, шляхетка, 4 гады, Калуга;

11. Скібіцкі Ромуальд – ксёндз, 8 гадоу катаргі на заводах;

12. Пульяноўскі Напалеон, шляхціц, 6 гадоў на катаржныя работы на завод;

13. Рудніцкі Людвіг;

14. Кандратовіч Адам, дваранін, Тамбоў;

15. Раубе Андрей, шляхтіц, Тамбоў;

16. Стацевіч Усцін,дваранін;

17. Цыдзік Міхаіл, дваранін;

Сасланыя ў Сібір на пасяленне:

1. Альхімовіч Казімір (1840 – 1916), вядомы мастак;

2. Андрэйкавіч;

3. Вільканец Фёдар, губернскі сакратар,чыноўнік Гарадзенскай казёнай палаты, – высланы ў Шадрынск Пермскай губерні;

4. Гажыч Вітольд, грамадзянскі начальнік Лідскага павету з мая 1863 года, праваслаўны, памёр ад тыфу па дарозе ў Сібір;

5. Далеўская (Серакоўская) Апалонія, выслсна ў Ноўгарад, аўтар успамінаў пра паўстанне;

6. Жукоўскі Ян;

7. Кашыч Кастусь;

8. Нарбут Баляслаў (24.12.1843 – 8.09.1889), 20 гадоў, ад'ютанат і брат Людвіка Нарбута, сасланы ў Краснаярск, памёр у Шаўрах ад туберкулёзу;

9. Нарбут Крысціна (1803 – 1899), у дзявоцтве Падзеўская, маці Нарбутаў (6 сыноў і 4 дачкі), выслана ў Пермскую губерню, пахована ў Шаўнах;

10. Нарбут Мірон-Браніслаў, сакратар Наваградзкай канцылярыі, напісаў успаміны, сасланы ў Арэнбургскую губерню;

11. Петрыкоўскі Анзелем;

12. Ксёндз Сырвід Ануфры, пробашч васілішскі, за чытанне маніфеста быў асуджаны на смерць, але, дзякуючы заступніцтву губернатаршы Патапавай з дому ксянзоў Абаленскіх, памілаваны і сасланы ў Тамбоўскую губерню, дзе праз некалькі гадоў памёр;

13. Тышкевіч Кароль з Жырмун, доктар, сасланы ў Пермскую губерню на пасяленне;

14. Шукевіч Томаш, лідскі павятовы суддзя, сябар паўстанцкага камітэта, збіраў падаткі для паўстанцаў, сасланы ў Ніжагародскую губерню.

Усяго з Беларусі ў Сібір было вывезена 1329 чалавек, у войска было адддадзена яшчэ 12 тысяч чалавек.

Аказаліся ў эміграціі:

1. Александровіч Ксаверы з Нявешы;
2. Бердаўскі Эдвард;
3. Грымайла Фелікс;
4. Далеўскі Кастусь, растраляны версальцамі падчас Парыжскай камуны;
5. Захватовіч Вінцэнт – уладальнік Бердаўкі;
6. Звяровіч Адольф;
7. Звяровіч Аляксандр;
8. Клімантовіч Генрых;
9. Масальскі;
10. Масальская, у дзявоцтве Захватовіч;
11. Манчунская Тэадора,у дзявоцтве Нарбут;
12. Марачэўскі Адам;
13. Нарбут Францішак-Салезі (9.11.1845 – 7.10.1892) капітан паўстанцкіх сіл на Вільні, эмігрыраваў у Венгрыю;
14. Юндзіл Эмануэль;
15. Марачэўскі;
16. Паплаўскі Юльян, уладальнік Касцюхоў, Кажаняк і Ваўчынак, быў арыштаваны за дапамогу паўстанцам – дастаўка зброі, вопраткі – пасаджаны пры касцёле св. Пятра ў Вільні. Вызвалены за хабар. Дзед па маці Грымайла-Прыбыткі;
17. Пульяноўскі Напалеон;
18. Расніцкі Станіслаў;
19. Рыхлевіч Ян;
20. Сямашка Ян;
21. Сумарок Юзеф;
22. Таленскі Кіпрыян;
23. Таленскі Яраслаў;
24. Урублеўскі Валеры (1836 – 1907), начальнік Сакольскай школы, кіраўнік паўстання на Гарадзеншчыне, генерал Парыжскай камуны, сябар Маркса і Энгельса;
25. Хензел Кастусь з Валдацішак, студэнт матэматыкі і медыцыны ў Пецярбургу, грамацкі начальнік Лідскага павета, уцёк у Парыж у маі 1863 года;
26. Хеншал Уладзіслаў;
27. Хеншал Людвіг;
28. Шалевіч Казімір;
29. 4 браты Янкоўскіх – Пётр, Аляксандр,Кастусь,Стэфан, сыны Пятра Янкоўскага з Рачкоўшчыны.

У большасці ўдзельнікаў паўстання, якія мелі маёнткі, гэтыя маёнткі былі канфіскаваны. Усе лідскія чыноўнікі адлічвалі ад свайго «жалавання» па 2 % на паўстанне, таму і з іх шмат хто мусіў расплачвацца і маёмасцю і эміграцыяй.

Спіс літаратуры

1. Козловская, Н. Шляхта Гродненского повета... / Н. Козловская // 60-летие образования Гродненской области: матэрыялы Междунар. науч. конф., Гродно, 3 – 4 марта 2004 г. / отв. ред. В.Белозорович. – Гродно: ГрГУ, 2004. – С.43 – 48.

2. Смирнов, А.Ф. Востание 1863 года в Литве и Белоруссии / А.Ф. Смирнов. – М., 1963.

3. НГАБ у г.Гродна. – Ф.1. – Воп.13. – Спр.1398. – Арк.1 – 120: «Спіс высланых з беларусі паўстанцаў 1863 – 1864 г.».

4. Лідскі летапісец. – 1999. – №4. С.12 – 15; 2000. – №5. – С. 9 – 13.
5. Памяць – М,. 2005. – С.106 – 107.
6. Токць, С., Семянчук, А., Трацяк, Я. // Матэрыялы навук. канф. – Гарадня, 2005. – С.110 – 127.

СЕРГЕЙ ЖИХАРЕВ

Гомель

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Во второй половине XIX в. на территории белорусских губерний развернулось интенсивное строительство усовершенствованных путей сообщений, результатом которого стало создание довольно густой железнодорожной сети. Однако интересы государства в сфере железнодорожного строительства часто не совпадали с потребностями населения и местной промышленности. Поэтому распределение железнодорожных коммуникаций в пределах отдельно взятых белорусских губерний существенно отличалось. Это хорошо видно из таблицы 1, где представлено состояние транспортной системы 5 белорусских губерний в начале XX в. [1; 46, 74, 89 – 91, 135 – 141, 389, 440].

Таблица 1 – Обеспеченность белорусских губерний железнодорожными путями сообщений в 1902 г.

№ п/п	Название губернии	Железные дороги, проходящие в пределах губернии	Протяженность в пределах губернии (верст)	Железных дорог приходится	
				на 1 в.I саж.	на 100 чел. саж
1.	Виленская	Либаво-Роменская	152	10,1	27
		Полесские	125		
		Петербурго-Варшавская	320		
		Первое общество подъездных путей	145		
			Всего: 742		
2.	Витебская	Петербурго-Варшавская	136	10	30
		Риго-Орловская	364		
		Московско-Виндаво-Рыбинская	269		
		Витебск-Жлобинская	30		
		участок Новосокольники–Витебск	137		
			Всего: 936		
3.	Гродненская	Москва–Брест	171	15,3	38
		Полесские	318		
		Привислинские	60		
		Петербурго-Варшавская	198		
		Юго-Западные	289		
			Всего: 1036		
4.	Могилевская	Либаво-Роменская	149	5,4	15
		Московско-Брестская	168		
		Полесские	77		
		Риго-Орловская	65		
		Витебск–Жлобин	233		
			Всего: 459		
5.	Минская	Либаво-Роменская	275	6,8	28
		Московско-Брестская	263		
		Полесские	558		
			Всего:1096		

В начале XX в. Гродненская губерния находилась на 13 месте из 51 по обеспеченности железнодорожными путями сообщения в Российской империи и на 2 месте среди белорусских губерний, лишь незначительно уступая Минской губернии. Вместе с тем, по таким важным показателям, как плотность железных дорог, их длина в расчете на 100 жителей Гродненщина лидировала среди всех белорусских губерний.

В данной статье на основе документальных материалов Национального исторического архива Беларуси в городе Гродно предпринята попытка осветить еще недостаточно изученные аспекты строительства через Гродненскую губернию Петербурго-Варшавской железнодорожной магистрали и Привислинских железных дорог. История неосуществленных проектов железнодорожного строительства в Гродненской губернии или осуществленных, но уже в начале XX в., а также сооружение здесь Московско-Брестской магистрали и стратегических Полесских железных дорог может стать предметом дополнительного исследования.

Первые поезда в Гродненской губернии появились на перегонах Поречье – Гродно-Лососно – Кузница линии Ландварово – Варшава, открытой для движения в декабре 1862 г. Эта линия являлась конечной частью магистрали Петербург – Варшава. Сооружение Петербурго-Варшавской железной дороги было начато государством в мае 1852 г. Управление строительством планировалось разделить на 8 отделений, из которых 7-е (от Гродно до Белостока – 72 версты) и 8-е (от Белостока до Варшавы – 163 версты) осуществляли бы постройку магистрали через Гродненскую губернию [2, л.7]. 18 февраля 1852 г. гродненским властям от министра государственных имуществ П.Д. Киселева даже последовало предписание оказывать содействие инженерам путей сообщения в проведении изысканий трассы планируемой линии Петербург – Варшава [3, л. 281]. Однако сооружение железной дороги вскоре было фактически «заморожено» из-за начавшейся Крымской войны. Достраивало магистраль Главное общество российских железных дорог, учрежденное 26 января 1857 г. указом Александра II. С 1 января 1858 г. все работы на Петербурго-Варшавской железной дороге переходили в ведение этой крупнейшей в России частной акционерной компании [4]. Строительство велось поэтапно от Петербурга в направлении Варшавы с перерывами почти 10 лет (см. таблицу 2) [5, л. 96].

Таблица 2 – Петербурго-Варшавская железная дорога с ветвями к Прусской границе

[illegible]	[illegible]	*Время открытия участка*	Длина в верстах
1.	Санкт-Петербург–Гатчина	1 ноября 1853 г.	42 в.
2.	Гатчина–Луга	5 декабря 1857 г.	86 в.
3.	Луга–Псков	10 февраля 1859 г.	129 в.
4.	Псков–Острова	26 января 1860 г.	49 в.
5.	Острова–Динабург	8 ноября 1860 г.	191 в.
6.	Ковно–Прусская граница	11 апреля 1861 г.	81 в.
7.	Динабург–Ковно	9 мая 1862 г.	257 в.
8.	Ландварово–Варшава	15 декабря 1862 г.	371 в.
			Всего: 1206 в.

В научной литературе историю белорусской железной дороги принято начинать с 29 ноября 1871 г., когда была завершена постройка линии Москва – Брест. Именно эта дата официально принята за начало летоисчисления истории железной дороги Беларуси. Однако с исторической точки зрения представляется не совсем корректным начинать историю Белорусской железной дороги со дня сдачи в эксплуатацию самой крупной магистрали, даже если она и пролегла через нынешнюю столицу г. Минск. Во всех странах мира история национальной железнодорожной сети берет свое начало от сооружения первой железнодорожной линии общественного пользования. Например, в Российской Федерации отсчет истории железнодорожного строительства ведется с ввода в 1838 году в эксплуатацию первой в России Царскосельской железной дороги. Поэтому и отсчет

истории Белорусской железной дороги правомерно вести с 1862 года, когда через Гродно прошла первая на белорусской земле железная дорога (магистраль Петербург – Варшава). Спорной также является низкая оценка экономического значения Петербурго-Варшавской железной дороги для Беларуси. Ведь ее постройка через Гродно заметно активизировала экономическую жизнь этого губернского города [6, л. 119].

На большом стратегическом значении Петербурго-Варшавской железной дороги особый акцент делали российские военные. Военный министр Д.А. Милютин в своих докладах отмечал колоссальное значение линии Петербург – Варшава в быстром подавлении восстания 1863 – 1864 гг. В 1863 г. по Петербурго-Варшавской железной дороге в западные губернии были перевезены 5 пехотных дивизий и большое число кавалерийских и казачьих частей практически со всех районов Российской империи [7, л. 96]. В свою очередь с целью нарушения коммуникаций царской армии участники восстания разрушали полотно, выводили из строя проходивший вдоль насыпи телеграф. К осени 1863 г. российское влияние в крае настолько ослабло, что, по признанию начальника военного отдела Петербурго-Варшавской магистрали, «власть нашего правительства ограничивается пределами пока еще подконтрольной ему железной дороги» [8, л. 2 об.].

17 февраля (1 марта) 1870 г. было открыто движение на участке Брест – Тересполь (7 верст). В этот знаменательный день с Брестской станции начали осуществляться пассажирские (75 человек с багажом) и грузовые (400 пудов льна) перевозки. Кроме того, администрация заказала для железной дороги вагоны для перевозки табака и хлеба [9, л. 1]. Строило эту линию государство, в частности, Комитет по сооружению Тереспольско-Брестской железной дороги во главе с генерал-лейтенантом Шуберским, но эксплуатацию обеспечивало частное общество Варшаво-Тереспольской железной дороги. Еще в начале 1866 г. Министерство путей сообщения планировало, что продолжение железнодорожного пути из Тересполя через реку Буг до Кобринского форштадта Брест-Литовской крепости, с ответвлением до реки Муховец, осуществит акционерное общество Варшаво-Тереспольской железной дороги. Однако условия постройки Брест-Тереспольского участка, заявленные предпринимателями, оказались настолько невыгодными, что 24 марта 1866 г. было принято решение прекратить с ними все переговоры [10, л. 43 об.].

В итоге наместнику в Царстве Польском графу Ф.Ф. Бергу поручили в максимально сжатые сроки составить подробный проект, планы и сметы работ и представить их на утверждение министру путей сообщения П.П. Мельникову. Согласно представленным Бергом финансовым документам стоимость участка Брест – Тересполь составила 1540000 рублей, что не устроило МПС, и после внесения технических корректив в проект (замена каменного здания станции возле Кобринского форштадта на деревянное здание), предполагаемые расходы уменьшились до 1200000 рублей [10, л. 46]. Большую часть средств для покрытия этой суммы планировалось получить из контрибуционного сбора и штрафного капитала Царства Польского. Весь объем земельных работ по контракту в период с весны 1867 г. по 1 октября 1869 г. возлагался на подрядчиков Рау и Рейхмана из Варшавы. Однако здесь не обошлось без курьеза: возле трассы строящейся железной дороги находились 2 самовольно построенных кабака. Руководство комитета по сооружению Тереспольско-Брестской железной дороги настоятельно просило Гродненское губернское правление снести питейные заведения, так как они оказывали на рабочих-строителей настолько пагубное воздействие, что под сомнение ставилась реализация всего проекта [10, л. 52]. Камнем преткновения при строительстве дороги стал произвол местной полиции, осуществляющей надзор за рабочими. Местный полицмейстер необоснованно удерживал паспорта рабочих и требовал от подрядчика по строительству Брест-Тереспольской железной дороги взятку в размере 700 рублей серебром. Для поддержания порядка на строительстве была командирована жандармская команда [11, л. 1 – 3].

В июле 1873 город Брест с прусской границей через Белосток соединила Брестско–Граевская железная дорога. Благодаря поддержке графа Ф.Ф. Берга концессия на постройку этой железнодорожной линии (199 в.) была выдана графу Лендорфу Мейнерту [12, л. 8]. Владелец концессии занимался активным лоббированием интересов акционерного

общества Брестско – Граевской железной дороги в Кенигсберге и Санкт-Петербурге. Благодаря высокому покровительству в столицах Прусского королевства и Российской империи сооружение этой линии шло довольно успешно. В августе-сентябре 1870 г. в Бельском, Белостокском и Брестском уездах Гродненской губернии уже завершались земельные работы на трассе будущей железной дороги. Для верхнего строения пути и искусственных сооружений были заготовлены все необходимые материалы (камень, известь, шпалы, телеграфные столбы и проволока, водопроводные трубы, металлоконструкции мостов и т.д.) [13, л. 5 – 7]. К февралю 1872 г. из 41 моста железнодорожной линии Брест – Граево в пределах Гродненской губернии остались незавершенными только 3. Незначительные доработки требовались на мостах через реки Белую, Супрасль и Нарев [14, л. 296]. Готовность сторожевых домов и казарм к этому времени составляла 95 %, а станционных сооружений – 80 %. 1 июля 1873 г. правительственная комиссия осмотрела Брестско-Граевскую железную дорогу и признала, что можно начинать ее эксплуатацию.

В августе 1873 г. открылось пассажирское и товарное движение на линии Брест – Бердичев – Киев (985 в.). Для беспрепятственного движения пассажиров и перевозки грузов по соединительной ветви между ст. Радзивилов и Броды (в Галиции – Австрийская империя) общество Киево-Брестской железой дороги вступило в прямое сообщение с управлением Галицийской железной дороги [12, л. 14].

Таким образом, военно-политические и экономические интересы российского правительства в условиях упадка традиционных путей сообщения вызвали необходимость строительства железных дорог через Гродненскую губернию. Заинтересованное в скорейшем завершении строительства Петербурго-Варшавской железнодорожной линии российское правительство не считалось с высокими затратами. Так, первоначальная смета по этой магистрали была превышена Главным обществом российских железных дорог на 57 %. Нарушая действующее законодательство, государство даровало этой частной кампании право на беспошлинный ввоз из-за границы металлических конструкций для всех мостов Варшавской железной дороги. Несмотря на транзитный характер, Петербурго-Варшавская железная дорога имела большое значение для экономики Гродно: участок Ландварово – Варшава соединил этот губернский город с Вильно и Петербургом, а также с Варшавой и Веной.

Список литературы

1. Мейен, В.Ф. Россия в дорожном отношении. В 3 т. / В.Ф. Мейен. – СПб.: Тип. хоз. департамента М–ва внутренних дел, 1902. – Т.1. – 467 с.; Т.3. – 928 с.

2. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее: НИАБ в г. Гродно). – Фонд 12. – Оп. 1. – Д. 1010.

3. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 31. – Оп. 2. – Д. 2170.

4. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2. – Т. 32. – Отдел 1. – СПб., 1858. – №32590.

5. Сборник сведений о железных дорогах в России. – СПб.: Тип. Шумахера, 1867. – 168 с.

6. Киштымов, А. Этапы железнодорожного строительства на Беларуси / А. Киштымов // Гістарычны альманах. – 2002. – Т.7. – С.116–143.

7. Исторический очерк деятельности военного управления в России (1855 – 1880 гг.) – Т.III / сост. ген.-лейт. Богданович. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1879. – 543 с.

8. Российский государственный военно-исторический архив. – Фонд 484. – Оп. 3. – Д. 3.

9. Музей истории Белорусской железной дороги г. Минск. – Фонд «основной». – Инв. №158. (Российский государственный исторический архив. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 32 фотокопия).

10. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 2. – Оп. 38. – Д. 686.

11. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1266.

12. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 23. – Д. 484.

13. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 22. – Д. 1868.

14. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 23. – Д. 12.

НАТАЛЬЯ УЛЕЙЧИК

Гродно

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Благотворительность – универсальная общечеловеческая ценность, один из важнейших атрибутов гражданского общества, инструмент, посредством которого общество удовлетворяет свои основные социальные, общечеловеческие потребности.

Традиционными объектами благотворительной деятельности во всем мире являются люди, страдающие от тяжелых недугов, инвалиды, имеющие ограниченные возможности для жизни и деятельности, а также дети и взрослые, чье развитие существенно отличается от общепринятой нормы.

Основная цель благотворительности – обеспечение нуждающихся в общественной помощи всем необходимым для сносного существования и предупреждения, по возможности, бедности и нищеты. Благотворительное движение существовало на территории Гродненщины в период Речи Посполитой. Эта традиция продолжила свое развитие и после вхождения белорусских земель в состав Российской империи.

Изначально создание благотворительных организаций происходило только под началом самого императора. В 1775 г. был издан «Указ об учреждениях для управления губерниями». Согласно указу, в состав губернских учреждений должен был входить «Приказ общественного призрения». Суть работы Приказов сводилась к организации заботы и опеки над «малоимущими и обездоленными».

Приказы общественного призрения были ответственны за деятельность частных благотворительных обществ, контролировали и координировали их. Целью этих обществ являлось «призрение людей бедного состояния и престарелых всех сословий обоего пола». Особо подчеркивалось, что члены общества оказывали помощь в «устройстве судьбы людей беспомощных, лишенных каких-либо источников дохода».

Гродненский Приказ общественного призрения был учрежден в 1802 г., одновременно с образованием Литовско-Гродненской губернии. Первоначальный капитал Приказа составил сумму 10 тысяч рублей, пожертвованных в его пользу членами царской семьи. Сумма его ежегодного дохода в первой половине XIX века составляла, в среднем, 3 тысячи рублей серебром, или 20 тысяч рублей ассигнациями [1, с. 76]. В распоряжении Приказа имелся ряд ценных бумаг, таких, как билеты государственных займов. Приказ обладал и рядом капиталов, помещенных с благотворительной целью от частных лиц, причем вкладчики капиталов отдавали имеющиеся проценты в пользу Приказа, сохраняя при этом свой капитал. Для увеличения и приумножения собственных средств Приказу разрешалась ростовщическая и иная финансово-коммерческая деятельность: принимать вклады на хранение, выдавать ссуды под залог недвижимости и государственных ценных бумаг. Таким образом, Гродненский Приказ общественного Призрения широко использовал свои финансовые полномочия и вскоре стал представлять собой подобие губернского банка [2, с. 84].

Гродненское благотворительное общество фактически начало свою работу с августа 1821 г. Ранее это был Дом благотворительности, который некогда располагался в здании католического костела Святого Духа, в котором жили монахи. После кампании 1812 г. в здании костела губернские власти разместили бедняков, а сам костел был обращен в богоугодное заведение. На ремонт его помещений гродненскому губернатору из государственной казны была выделена сумма в 10 тысяч рублей. Для этих же целей Литовский военный губернатор Корсаков пожертвовал 500 червонцев золотом [3, с. 85]. К общему капиталу присоединилась добровольная подписка многих горожан г. Гродно и помещиков Гродненской губернии, которые обязались платить ежегодно по 2, 3, 5 – до 10 рублей серебром. По установившейся в г. Гродно тради-

ции, каждый год в страстную неделю дамы – члены Благотворительного общества ходили по домам собирать милостыню в пользу бедняков, что значительно увеличивало капитал богоугодного заведения. Первый сбор денежных средств для Благотворительного дома был проведен в 1816 г. Всего было пожертвовано 139 червонцев, 829 рублей серебром, 10.507 рублей ассигнациями, что составило весьма значительную сумму [4, с. 86].

Уже в следующем году в богоугодном заведении находилось более 100 человек обоих полов. Одевались они в белое полотняное платье, зимой носили полушубки. Каждому выделялась кровать, стол, все хозяйственные принадлежности. «Для пропитания страждущих» на пожертвованные помещиками деньги у городских властей была приобретена под огород земля, расположенная за губернаторскими домами. Большая площадь огорода, высокая плодородность земли дали возможность беднякам, которые сами обрабатывали эту землю, получать урожай сверх средней нормы, употребляемой ими в пищу, и поэтому они могли продавать овощи на 50 рублей серебром в год в пользу заведения [5, с. 68].

В соответствии с целями и задачами Общества члены Гродненского благотворительного общества занимались сбором и распределением одежды для бедняков, организацией питания и ночлега неимущих, выдачей денежных пособий, покупкой и распределением лекарств среди бедняков, помещением их в больницы за счет общества, определением престарелых и инвалидов в богадельни и лечебницы, а детей и сирот – в приюты.

Члены Общества разделялись на почетных, действительных и соревнователей (сотрудников). Действительными членами состояли лица, уплачивавшие в кассу общества взнос в размере не менее 5 рублей в год или внесшие единовременно не менее 60 рублей. Звание действительного члена общества могло присваиваться и лицам, оказывавшим Обществу всемерные услуги, например: медикам, оказывавшим бесплатно врачебную помощь бездомным больным, учителям, безвозмездно обучающим бедных детей и сирот, и др. [6, с. 74].

Почетными членами общества выбирались лица, сделавшие крупные пожертвования в пользу Общества или оказавшие ему значительные услуги. Членами-соревнователями (сотрудниками) состояли лица, вносящие ежегодно менее 5 рублей, а также лица, помогающие действительным членам общества в выполнении их обязанностей [7, с. 61]. Делами Благотворительного общества руководило Правление, которое избиралось на 3 года. Правление занималось контролем над имуществом и капиталом Общества, наблюдало за выдачей денежных пособий, собирало сведения о лицах, обратившихся за помощью, и т.д.

В целях эффективной работы Общество организовало 6 попечительств, которые распространяли свою деятельность на определенные районы города. Главной обязанностью данных попечительств являлся учет всех нуждающихся в помощи на территории их района. Финансы Благотворительного общества складывались из следующих источников: членские взносы, доходы от капиталов и имуществ, пожертвования членов общества и посторонних лиц, а также различных учреждений как деньгами, там и вещами, сборы по подписным листам и книжкам, публичный сбор и «сбор в кружки». Кроме того, Общество устраивало с благотворительной целью театральные представления, литературные чтения, публичные лекции, концерты и общественные гуляния. Все эти средства шли на выполнение уставных функций Благотворительного общества. Так, в 1824 г. поступление денежных сумм в Гродненское благотворительное общество составило 29 червонцев, 605 рублей 72 копейки серебром и 1070 рублей ассигнациями. Из них прибыль от спектакля, состоявшегося в Гродненском театре в пользу бедных, составила 15 рублей 15 копеек серебром, а остальная сумма – членские взносы и добровольные пожертвования. В заведениях Общества в 1824 г. призревалось 96 человек [8, с. 98].

Таблица – Численный состав лиц, находящихся на попечении Гродненского благотворительного общества [9, с. 7]

Таким образом, постепенно возможности Общества расширялись. Если в 1844 г. в Благотворительном доме призревалось 59 человек (8 мужчин, 42 женщины и 2 детей), то к концу 80-х годов XIX века количество лиц, находившихся на попечительстве Общества, увеличилось в 2 раза, и таким образом, составило 101 человек.

Прием лиц в Благотворительный дом Гродненского благотворительного общества строго регламентировался, т.е. необходимо было веское основание для зачисления какого-либо лица в Благотворительный дом. Приводим некоторые примеры подобных оснований. Из числа призреваемых в Благотворительном доме находились: мещанка-вдова Марьяна Гродевская с трехлетним сыном по ее просьбе в связи с крайне бедным состоянием, Марьяна Морозова, которая находилась в крайне бедном состоянии без помощи со стороны родственников, Каролина Величкова в связи с крайне слабым здоровьем [10, с. 7 – 9].

В целом, в первые десятилетия своего существования Гродненское благотворительное общество развернуло весьма эффективную деятельность. Это в конечном счете, привело к тому, что к середине XIX века Общество стало самым значительным на территории Гродненской губернии богоугодным заведением.

Наряду с Гродненским благотворительным обществом, на территории Гродненской губернии в первой половине XIX века успешно действовали еще два благотворительных общества – Брестское и Новогрудское. Эти общества, как и Гродненское, выполняли ряд схожих функций: обучение и воспитание сирот, содержание столовых для бедных, снабжение приютов и богаделен всеми необходимыми средствами, выдача единовременных и постоянных пособий неимущим или малообеспеченным семьям и т.д. Главное отличие данных обществ заключалось в масштабах деятельности и в численности их членов.

Оба общества – Брестское и Новогрудское – возникли примерно в одно и то же время, а именно в первом десятилетии XIX века. Общества имели свои Уставы, схожие по общим положениям с Уставом Гродненского общества. Управление обществами осуществляли Комиссии. Члены Комиссий занимались контролем за имуществом и капиталом обществ, наблюдали за выдачей денежных пособий, собирали сведения о лицах, обратившихся за помощью, и т.д. [11, с. 32].

Одним из основных направлений в работе Брестского и Новогрудского благотворительных обществ в первой половине XIX века являлось обучение и воспитание сирот. Беспризорные дети помещались в сиротские приюты при домах благотворительности, где находились на содержании до совершеннолетия. По достижении определенного возраста мальчиков определяли на обучение в местные приходские училища, а после окончания последних отдавали мастерам для освоения художеств и ремесел. Девочки же изучали Закон Божий и грамоту в самих домах благотворительности. Кроме того, под руководством надзирательниц они обучались ведению домашнего хозяйства, рукоделию, а по достижении совершеннолетия выдавались замуж. Наряду с этим благотворительные общества оказывали бесплатную материальную помощь сиротам, проживавшим у родственников, а также маленьким детям бедных или малообеспеченных родителей. На протяжении первой половины XIX века Новогрудское и Брестское благотворительные общества

не только содержали сирот в приютах и при домах благотворительности, но и направляли их за свой счет на обучение и воспитание частным лицам, так как в сиротских приютах не хватало свободных мест.

Благотворительные общества содействовали поступлению сирот в учебные заведения и давали им возможность обучаться ремеслам, материально поддерживая их во время учебы. Значительное внимание члены Брестского и Новогрудского благотворительных обществ уделяли духовному воспитанию детей и подростков и с этой целью открывали православные часовни и католические каплицы.

Под опекой Брестского и Новогрудского благотворительных обществ находились и дети бедных родителей, которым оказывалась материальная помощь на дому. Кроме того, они наряду с сиротами принимались в дома трудолюбия обществ, где занимались плетением корзин и ковриков, расщеплением перьев, вязанием чулок, перчаток, платков, вышиванием и другими мелкими работами, получая по 5 – 6 копеек в день, а также обед из одного горячего блюда и фунта хлеба [12, с. 25].

Что касается денежных средств, находящихся в распоряжении Брестского и Новогрудского благотворительных обществ: поступлений, а также расходов на различные нужды, мы можем судить о них исходя из «Отчетов о состоянии Брестского и Новогрудского обществ за 1831 г.».

Таблица – Брестское благотворительное общество (отчет за 1831 г.) [13, с.13]

Приход	Серебром		Расход	серебром	
	руб.	Коп.		руб.	коп.
С 1830 г. осталось на лицо	16	82			
К тому в 1831 г. поступило:					
а) процентных капиталов	410	14	а) на содержание нищих и больных	409	96
б) аренды с дома	26	25	б) на прислужников	40	32 1/2
в) внесено комитетом	52	–	в) на сделанье гробов	31	20 1/2
г) пожертвования от членов товарищества и подаяний от разных лиц	39	91	г) на устройство кроватей, одежды, а также починку и поддержание дома и находящейся в нем разной посуды	11	92 1/2
Итого поступило	528	36	Итого	493	41 1/2

Таблица – Новогрудское благотворительное общество (отчет за 1831 г.) [14, с.15]

[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

В целом, анализ основных направлений деятельности вышеуказанных благотворительных обществ свидетельствует о том, что уже к середине XIX века система общественной благотворительности на территории Гродненской губернии сложилась окончательно.

Список литературы

1. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1342. – Л. 76.
2. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1342. – Л. 84.
3. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1342. – Л. 85.
4. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1342. – Л. 86.
5. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 200. – Л. 68.
6. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 31. – Д. 218. – Л. 74.
7. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 611. – Л. 61.
8. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1342. – Л. 98.
9. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 15. – Оп. 1. – Д. 482. – Л. 7.
10. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 15. – Оп. 1. – Д. 482. – Л. 7 – 9.
11. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 19. – Д. 1301. – Л. 32.
12. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 19. – Д. 1595. – Л. 25.
13. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 640. – Л. 13.
14. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 640. – Л. 13.

ВІТАЛІЯ ПАНАСЮК

Гродна

З ГІСТОРЫІ ВЁСКІ ПАРЭЧЧА ГРОДЗЕНСКАГА РАЁНА: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ (XVII – XX стст.)

Люди, и где зародилися
и ускормлены суть...
к тому месту
великую ласку имеють.

Францыск Скарына

Кожная, нават самая маленькая вёсачка ці хутар маюць сваю гісторыю, аб якой мы не маем права запамятаць, бо лёс нашых родных мясцін – гэта наш лёс, лёс нашых дзяцей і нашага народа.

Сказанае датычыць і вёскі Парэчча, якая вядома з 1660 г. як маёнтак Гродзенскага вщэ-эканома І. Недзялкоўскага. У пятым томе Энцыклапедыі Гісторыя Беларусі запісана, што з 1795 г. яна належала да Расійскай імперыі, а з 1802 г. адносілася да Сабалянскай валасці Гродзенскага павета Гродзенскай губерні.

15 снежня 1862 г. на чыгуначнай магістралі Пецярбург – Варшава побач з вёскай была адкрыта станцыя Парэчча. Вядома, што жыхары вёскі удзельнічалі ў паўстанні 1863 – 1864 гг. і менавіта на гэтай станцыі, у канцы чэрвеня 1863 г. адбыўся бой паўстанцаў з ротай расійскіх салдат, накіраваных віленскім генерал-губернатарам для барацьбы з удзельнікамі паўстання.

У 1889 г. у Парэччы працавала народнае вучылішча. Для праваслаўных вернікаў існавала царква Казанскай Маці Божай, якая згарэла ў 1846 г., але і замест згарэлай у 1901 г. вернікамі была пабудавана новая царква. А ў 1902 – 1905 гг. жыхары – каталікі вёскі Парэчча хадайнічалі аб пабудове каталіцкай капліцы. На будынак быў складзены праект і Міністэрства ўнутраных спраў Расійскай імперыі дало згоду на яе будаўніцтва, аднак затым вырашылі замест капліцы ў цэнтры вёскі ўзводзіць філіяльны касцёл, які і быў пабудаваны ў 1906 г.

Пачынаючы з 1921 г., мястэчка Парэчча знаходзілася ў складзе Другой Рэчы Паспалітай, з’яўлялася цэнтрам гміны Гродзенскага павета Беластокскага ваяводства. У ім было

1098 жыхароў, 202 дамы, гмінная ўправа, участак паліцыі. 3 верасня 1939 г. Парэчча ўваходзіць ў склад БССР. З 15 студзеня 1940 г. мястэчка становіцца цэнтрам Парэчскага раёна, а з 12 кастрычніка гэтага ж года з'яўляецца цэнтрам аднаіменнага сельсавета. З 25 лістапада 1940 г. Парэчча ўваходзіць у склад Гродзенскага раёна. У час Вялікай Айчыннай вайны мястэчка было акупіравана фашыстамі, яны стварылі тут лагер смерці і ў 1943 г. загубілі 234 чалавекі.

З 1957 г. Парэчча з'яўлялася цэнтрам калгаса «Радзіма». Пачынаючы з 1978 г., у Парэччы заснаваны батанічны заказнік рэспубліканскага значэння. З энцыклапедычных звестак за 1998 г. можна даведацца аб тым, што Парэчча – цэнтр сельсавета Гродзенскага раёна, а таксама гэта і чыгуначная станцыя Парэчча на чыгуначнай лініі Гродна – Вільнюс. Станцыя знаходзіцца на адлегласці ў 31 км ад горада Гродна. У мястэчку Парэчча на той час пражывала, 2027 жыхароў, было 633 двары, 2 лясніцтвы, спіртавы завод, хлебазавод, рыбавяндлярны цэх, санаторый, 2 прафілакторыі, сярэдняя агульнаадукацыйная школа і 2 школы-інтэрнаты, Дом культуры, 2 бібліятэкі, дашкольная установа, бальніца, аптэка, аддзяленне сувязі, магазіны. У Парэччы таксама знаходзіцца брацкая магіла савецкіх воінаў, што загінулі ў Вялікую Айчыную вайну. Захаваліся помнікі духоўнай архітэктуры – каталіцкі касцёл Маці Божай і праваслаўная царква Казанскай Маці Божай.

У гісторыка-дакументальнай хроніцы Гродзенскага раёна «Памяць» апісваецца архітэктурнае аблічча царквы і касцёла: «*... Будынак царквы прамавугольны ў плане гарызантальна выцягнуты пад вальмавым дахам, у цэнтры якога надбудаваны чацверыковы зруб, з боку галоўнага фасада узвышаецца чатырохгранная шатровая званіца. У цэлым зрубную пабудову можна аднесці да звычайнай грамадзянскай. Адзіныя сімвалы культавай прыналежнасці – цыбулепадобныя галоўкі на круглых барабанах, ярусная пабудова апсіды, асноўнага зруба і званіцы, што і дае падставу аднесці архітэктуру царквы да неарускага стылю. Унутры храма вылучаны папярочны неф і вузкі бабінец, па баках якога былі размешчаны класы царкоўнапрыходскай школы*». Што тычыцца будынка касцёла, то сказана, што *«...цэнтральны аб'ём касцёла з пяціграннай апсідай перасечаны папярочным трансептам. Усе зрубы накрыты рознавялікімі вальмавымі дахамі, над якімі ўзвышаюцца пяць чатырохгранных шатровых галовак на высокіх калонках. У пластыцы пакрыцця, шматграннасці крылаў трансепта адчуваецца ўплыў барока, у стральчатай форме акон і шпілепадобных вежах – уплыў готыкі, алтары выкананы ў стылі неабарока».*

Міністр унутраных спраў у маі 1912 г. – снежні 1913 г. вырашыў пытанне пашырэння касцёла. Гэтую працу было даручана выканаць ксяндзу Радзішэўскаму Шымелю Аляксандравічу.

А ў Дзяржаўнай установе «Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна» захоўваюцца дакументы, якія нагадваюць нам аб гісторыі Парэчча і адносяцца да катэгорыі асабліва каштоўных. Гэта апісанне *Парэчскага касцёла за 1909 г., план і дакументы аб зацверджані плана на адкрыццё яурэйскага малітоўнага дома ў Парэччы за 1914 г., апісанне праваслаўнай царквы Казанскай Маці Божай у мястэчку Парэчча, паслужныя спісы праваслаўных святароў і іх сем'яў за 1922 – 1924 гг.* і іншыя дакументы.

Энцыклапедычныя звесткі гавораць нам аб тым, што ў 1896 – 1897 гг. на будаўніцтва новага царкоўнага храма замест згарэўшага ў 1846 г., аб чым ужо ўпаміналася вышэй, і вёўся збор грошаў сярод вернікаў. І ў 1901 г. была пабудавана драўляная царква. А ў архіўных дакументах удакладняецца, што царква пабудавана ў 1900 г. і адносілася яна да Гродзенскай епархіі, была драўляная, сцены зробленыя з бярвенняў на каменным падмурку, крытая бляхай.

У тых жа архіўных дакументах адзначана, што ў час вайны згарэў дом святара, і таму ён жыў у будынку царквы. Псаломшчык да 1923 г. жыў на прыватнай кватэры, а з 1924 г. у памяшканні былой царкоўнапрыходскай школы. Вернікі былі дбалымі гаспадарамі, яны адрамантавалі старожку, пабудаваную з цягніковых шпалаў, а таксама два драўляныя хлявы.

У ведамасці аб колькасці вернікаў Парэчскай царквы запісана, што да царкоўнага прыхода належалі: горад Друскенікі, мястэчка Парэчча, вёскі Калонія, Рыбніца, Пярэ-

сельцы, Сабаляны і Прывалка. Колькасць вернікаў з 1922 г. па 1924 г. павялічылася з 490 чалавек да 572 чалавек.

Непадалёк ад Парэчча знаходзіліся могілкі, якія да 1924 г. былі не агароджаныя, агароджу вернікі пачалі будаваць у 1924 г. У сучасны момант агароджванне могілак завершана.

Апісанні царкоўнай маёмасці, кнігі прыхода і расхода грошаў, копіі царкоўных метрычных кніг і іншыя дакументы згарэлі ў час Першай сусветнай вайны, таму святар з 1922 г. пачаў весці новыя кнігі. У адной з такіх кніг ёсць запіс аб царкоўных грошах, якія захоўваліся «... *в целости за ключем и печатию церковной: в свечном ящике, в ведении церковного старосты. В виду незначительности суммы ящик не опечатывается «.*

З паслужных спіскаў мы можам даведацца аб царкоўных служыцелях і іх сем'ях. У прыватнасці, гэта святар Філімон Філімонавіч Бязюк, якому на той час быў 61 год, псаломшчык Іван Паўлавіч Арлоў – 26 гадоў, царкоўны староста Іван Пятровіч Мойніч – 52 гады.

Ва ўзгаданых архіўных дакументах захавалася Інвентарнае апісанне Парэчскага касцёла за 1909г. «... *Поречский деревянный костёл на каменном фундаменте построен прихожанами в 1904 г. под воззванием Пресвятой Девы Марии. Покрыт он тесом, на крыше находится небольшая башня, покрытая цынковой жестью «.* У энцыклапедычных звестках час пабудовы касцёла датуецца 1906 г. На касцельным даху было два крыжы, касцёл меў драўляную агароджу. Пры касцёле пабудавана драўляная званіца з крыжам, на якой прымацаваныя 2 званы – *адзін 24 пуды, а другі – 1 пуд.* На касцельных хорах маецца васьмігалосы арган, перароблены са старага Навадворскага аргана.

Пры касцёле пабудавана плебанія (жылы дом для ксяндза) «...*при доме светлое крыльцо. Пол в плебании деревянный, потолок двойной, две печи и одна кухонная лежанка.... при плебании находится амбар... пол в нём деревянный, покрыт он соломой. Кроме того есть колодец с деревянным срубом «.*

Трэба дадаць, што ў Парэччы ў пачатку XX стагоддзя была таксама 2-класная прыходская дзяржаўная школа.

Аб адкрыцці самастойнай яўрэйскай школы нагадалі нам архіўныя дакументы за 1914 г. 18 студзеня гэтага ж года жыхары Парэчча падпісалі *Общественный приговор* (больш за 30 подпісаў), у якім яны вырашылі прасіць губернатара аб адкрыцці школы. На той час у Парэччы пражывала 50 яўрэйскіх сем'яу. Паміж членамі таварыства яўрэяў і Гродзенскім губернскім паліцэйскім праўленнем вялася грунтоўная перапіска. Таварыства прасіла дазволіць працу ў Парэччы адзінай яўрэйскай школы, якая існавала ўжо каля трыццаці гадоў і з'яўлялася адначасова малітоўным домам. Яно перасылала адначасова з просьбай на адрас Гродзенскага губернскага праўлення план двухпавярховага драўлянага будынка школы. Губернатар разгледзеў пытанне, але ў сувязі з тым, што школа была пабудавана на зямлі, арэндаванай яўрэйскім таварыствам у сялянкі Марыі Раўновай, ён таварыству адмовіў.

Такі своеасаблівы лёс мела Парэчча з яго сацыяльнымі і культавымі рэлігійнымі ўстановамі, так яно развівалася да сённяшняга часу. Парэчча – гэта толькі адна са шматлікіх геаграфічных назваў на тэрыторыі былой Заходняй Беларусі, якая спалучае ў сабе вялікую колькасць людзей розных веравызнанняў і народнасцей. Гэтыя людзі ў згодзе жывуць на сваёй зямлі і сёння. Яны, як і многа гадоў і нават вякоў назад, актыўна падтрымліваюць і адстойваюць сваю грамадзянскую і жыццёвую пазіцыю, умацоўваюць сваю Радзіму – Рэспубліку Беларусь.

Спіс літаратуры

1. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Гродзенскага раёна. – Мн., 1993. – С. 36.
2. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 8. – Воп. 2. – Спр. 2051. – Арк. 5,6, 18 –23.
3. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 886. – Воп. 1. – Арк. 491.
4. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1820. – Воп 1. – Арк. 5.
5. Siownik geograficzny Krylestwa Polskiego i innych krajyw siowiacskich. – Warszawa, 1980. – T. 8. – S. 835.
6. Энцыклапедыя «Гісторыя Беларусі». – Мн., 1999. – Т. 5. – С. 426.

ТАДЕУШ КРУЧКОВСКИЙ

Гродно

ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ВО ВРЕМЕНА СТЕФАНА БАТОРИЯ В ОЦЕНКЕ Н.М.КАРАМЗИНА

В данной статье автор ставит перед собою задачу комплексного представления взглядов и оценок Н.М. Карамзина, крупнейшего русского историка первой половины XIX века, на проблематику польско-российского соперничества во времена Стефана Батория. Следует отметить, что в рамках своих исследовательских задач различные аспекты заявленной тематики косвенно рассматривались исторической наукой России как исследуемого периода [1 – 7], советского периода [8 – 11], так и в современной российской историографии [12 – 17], Польши [18 – 22], а также в последнее время и Беларуси [23 – 26]. Вместе с тем в данном ракурсе комплексного исследования заявленной нами проблематики не существует.

Новый этап борьбы России и польско-литовского государства наступил, по мнению Карамзина, в период царствовании Ивана IV Грозного. Именно тогда, по его мнению, Москва имела первоначально возможность в свою пользу разрешить давнее соперничество на западе с польско-литовским государством. Оценка перспектив разрешения этого спора самым тесным образом связана с общей концепцией истории России и места в ней Польши, а также оценки царствования Ивана Грозного, в частности. Несмотря на исходное трудное положение в данном вопросе в начале правления Ивана Грозного, историк считал, что потенциально существовала возможность в силу роста могущества России решить данный вопрос в ее пользу: «Древния Юго-западные Княжения потомков Владимировых еще оставались в руках Польши, зато Россия, новая, возрожденная, во времена Иоанна IV приобрела три царства: Казанское, Астраханское и неизмеримое Сибирское, дотоле неизвестное Европе» [27, с. 476].

Именно период Ивана Грозного и последовавшее за ним Смутное время в российско-польских отношениях, в интерпретации Н.М. Карамзина, стали не просто новым этапом российско-польского противостояния, но и фактически религиозной войною, цивилизационным противостоянием двух различных общественно-политических устройств. Альтернативность российско-польского противостояния как столкновения совершенно различных общественно-политических устройств отчётливо видна при описании историографом полемики Ивана Грозного с князем Курбским, укрывшимся для спасения своей жизни в Речи Посполитой, а также представленной аргументации московского царя в переговорах с польской стороной в пользу московского государственного устройства. Следует также отметить, что ранее уже отмеченные у Карамзина элементы конфессионального противостояния между Москвою и польско-литовским государством вылились в полноценную религиозную войну, войну за сохранение православной веры и московского самодержавного устройства.

Н.М. Карамзин заложил в русской историографии своеобразный подход разделения правления Ивана IV Грозного как бы на два совершенно противоположных этапа: «двух Иванов» – хорошего (реформатора, до введения опричнины и, главное для него, царя-воителя, успешно расширяющего земли России на востоке и имеющего все шансы на соединение русских земель на западе) и плохого (кровавого тирана, после введения опричнины), что и обусловило поражение его планов присоединения Западной России. Именно это последнее обстоятельство стало решающим в конечном определении историографом оценки не только западной политики Ивана IV, в первую очередь на польско-литовском направлении, но и итогов его правления в целом для истории России. Еще М.П. Погодин заметил, что историограф «отложил все дурное об Иоанне до смерти Анастасии» [4, с. 152].

Вместе с тем Карамзин никоим образом не допускал мысли о том, что возможен был вариант альтернативного развития России, при условии сохранения тенденций первой части правления Ивана IV. Исходя из разделения правления Ивана Грозного на два периода, как это видел еще Карамзин, в современной российской историографии появилось мнение о возможности двух вариантов развития России: по пути общественного согласия и сословного представительства или по пути усиления неограниченного единовластия [28].

Н.М. Карамзин, оценивая во многом исторические события по нравственно-психологическим нормам, уделял также особое внимание характеру и поведению Ивана IV, пытаясь этим объяснить личность и политику царя. Историограф особенно подчеркивал склонность царя попадать под влияние людей с сильным характером. Поэтому в карамзинской «Истории» уделяется много внимания благотворному воздействию на натуру Ивана IV его первой жены Анастасии и священника Сильвестра. После смерти Анастасии, согласно Карамзину, наступает новый период в правлении Ивана IV – эпоха страшных казней и опричнины [15].

Эти взгляды Карамзина оказывали огромное воздействие на развитие в России представлений о царствовании Ивана IV. Так, карамзинские психологические построения в той или иной мере восприняли Н.Г. Устрялов, К.С. Аксаков, К.Д. Кавелин, С.Ф. Платонов и особенно Н.И. Костомарова. В 1870-е годы к психологическим характеристикам Грозного обратился и В.О. Ключевский [15, с. 80].

Определенное влияние такого карамзинского подхода чувствовалось и в начальном периоде советской историографии, однако в целом советские историки рассматривали личность Ивана Грозного прежде всего как продукт классовых отношений. Подобная трактовка ярко проявлялась в работах М.Н. Покровского, Н.А. Рожкова, Р.Ю. Виппера, И.И. Смирнова, С.В. Бахрушина.

Согласно мнению Карамзина, польско-литовская политика Ивана IV была продолжением политики собирания русских земель еще московских князей и прежде всего Ивана III. Данное положение стало общепринятым в русской историографии как консервативного, так и либерально-западнического направления от М.П. Погодина, С.М. Соловьева и заканчивая Д.И. Иловайским, С.Ф. Платоновым и Н.И. Кареевым. Сохранилась она также и в советской историографии (М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, Р.Ю. Виппер, С.В. Бахрушин, И.Б. Греков, В.Т. Пашуто и др.), а также и в обобщающих трудах. Актуально данное положение и в современной российской исторической науке: в III главе коллективной монографии о внешней политике России в XV – XVII веках (автор А.В. Виноградов) освещаются проблемы внешней политики России эпохи Ивана IV. В ней показано, как на восточном и западном геополитических направлениях правительство Ивана IV реализовало на практике внешнеполитическую программу, сформулированную еще Иваном III и Василием III [29]. Отмечается также, что еще в начале XVI века господство Польши в регионе казалось незыблемым, однако уже в середине века оно оказалось под угрозой. И эта угроза исходила со стороны Москвы, прямо заявившей о намерении объединить под своей властью все русские земли, используя в качестве консолидирующей идеи фактор православной конфессиональной принадлежности и исторический аргумент восстановления былого величия Киевской Руси [29, с. 56].

Вместе с тем появились исследования, которые с новых позиций, весьма близких к польской историографии данной проблематики, рассматривают борьбу польско-литовского государства и России без столь категоричных эмоциональных оценок, в том числе с геостратегических позиций. Так, по мнению Н.И. Бухарина: «В основе сложности и драматизма российско-польских отношений лежало объективное несовпадение геополитических интересов. В XVI – XVII вв. Польша превратилась в одно из ведущих государство Европы. На ее долю выпала задача объединения славянского мира и создания противовеса Османской империи. По мере укрепления централизованного Московского княжества между ним и Польшей возникло региональное соперничество и на протяжении нескольких веков шла борьба за главенство в Восточной Европе – на Украине, в Белоруссии, а также в Прибалтике» [30, с. 3].

Началом активной политики Ивана IV, одобряемой Карамзиным, на западном направлении была Ливонская война. Данная война, по его мнению, была для Ивана IV более важной, чем борьба за русские земли, находящиеся под властью Литвы. При этом историограф вполне одобрительно высказывается об «исторических» правах Москвы на ливонские земли на основании того, что часть из них во времена Ярослава Мудрого платила дань полоцким князьям, таким образом, у Карамзина Россия еще раз выступала как преемница Киевской Руси. То, что в этой войне русские войска попутно, используя свою огромную численность, заняли Полоцк, то есть уже территорию иного государства, не находящегося в состоянии войны с Москвой и не готовившегося к такой войне, Карамзин считал вполне приемлемым: «Огромное необыкновенное ополчение столь незаметно вступило в Литву, что король не хотел верить первой о том вести» [31, с. 19]. При этом историограф писал, что легкая победа над Литвой и занятие Полоцка означала «блестящее завоевание древнего «княжества Российского... знаменитого в истории наших междоусобиц и ранним подданством Литве, спасенного от ига монголов» и присвоение царем себе титула «великого князя полоцкого» [31, с. 20]. Эта легкая победа привела к тому, что царь гордо отказался от помощи и посредничества Швеции в войне с Польшей [31, с. 23].

Историк описывал как нормальное явление во время войны захват русскими войсками добычи в Полоцке, который он считал русским городом. Вместе с тем признавал, что царь не сдержал условий сдачи города, «взяв государственную казну, взял и собственность знатных, богатых людей, дворян, купцов: золото, серебро, драгоценныя вещи», а также расправу Ивана над иноверцами «велел разорить латинския церкви и крестить всех – жидов» [31, с. 20]. Следует при этом отметить, что Карамзин в своей «Истории» постоянно подчеркивал веротерпимость московских владык. В данном случае весьма показательно, что историк, признавая нарушения Иваном Грозным своего слова и отсутствия религиозной терпимости, одновременно снова повторяет свое положение о его веротерпимости, однако обоснование этой «веротерпимости» даже в этом случае явно непоследовательно: «Иоанн славился благоразумною терпимостию вере (за исключением одной Иудейской); ...хотя, дозволив лютеранам и кальвинистам иметь в Москве церковь... лет через пять велел сжечь ту и другую (опасаясь ли соблазна, слыша ли о неудовольствии народа?) ...собираться для богослужения в домах у пасторов» [31, с. 211]. Примеров подобной «веротерпимости» московских государей в тексте своей «Истории» Карамзин приводит весьма много.

Сравнения описания деяний и личностных характеристик польских королей – Сигизмунда, а затем и Стефана Батория в противопоставлении с тиранией Ивана IV Карамзиным видно, что историк, несмотря на все свои личностные симпатии к стилю управления государством польскими правителями оставался приверженцем московского самодержавия. Другое дело, что он неоднократно показывал, как кровавая тирания царя не дала возможности России выиграть в этот исторически благоприятный момент векового противостояния с польско-литовским государством. В данном случае, согласно нашему мнению, общая оценка политики Ивана IV в интерпретации историографа подверглась воздействию, как и в случае с Иваном III, как мы уже отмечали, негативных оценочных результатов западного вектора политики царя и особенно проигрышной и унизительной польской политики царя.

Как уже неоднократно отмечалось в научной литературе Карамзин, несмотря на все свои симпатии к самодержавию не остановился перед отображением исторической правды о кровавой тирании Ивана Грозного. Таким образом, Карамзин подошел к одному из труднейших вопросов русской истории XVI века. Последующие русские историки (как и предыдущие – Щербатов), которые прямолинейно признавали усиление государственности основной исторически прогрессивной чертой эпохи, оказывались перед необходимостью оправдывать опричнину и террор Грозного как историческую необходимость. Как отмечается, в научной литературе: так высказался В.Г. Белинский, и уже безоговорочно оправдал все действия Грозного К.Д. Кавелин. Исходя из идеи прогрессивности «государственных начал» в их борьбе с «родовым бытом», к этой позиции приблизился и С.М. Соловьев [32, с. 12]. Данное положение с еще большим фатализмом было присуще

советской историографии, начиная с классического труда об Иване Грозном Р.Ю. Виппера и заканчивая трудами В. Бахрушина, И.Б. Грекова.

В связи с этим встает вполне закономерный вопрос: как Н.М. Карамзин, вполне европейски образованный русский интеллигент, хорошо понимающий все не просто негативные влияние тирании Ивана Грозного, а их катастрофические, сравнимые, по его же определению, с монголо-татарским игом, последствия для будущего России продолжал оставаться сторонником московского самодержавия. На наш взгляд, единственным объяснением этого положения может быть его вера в самодержавие как «палладиума» для величия и могущества имперской России без чего историк просто не мог себе представить «любезное свое отечество». И в связи с этим даже представляя леденящую кровь и душу картину кровопролития, зверств и ужасов царствования Ивана IV историк продолжал поддерживать его политику усиления Москвы и расширения ее территорий.

Н.М. Карамзин, описывая кровавые злодеяния Ивана Грозного в отношении собственного народа, иногда пытался дать им, хотя какое-то политическое обоснование: «Думая, вероятно, что все жители сей области, покоренной» его дедом, суть тайные враги московского самодержавия, Иоанн велел смертоносному легиону своему начать войну, убийства, грабеж, там, где никто не мыслил о неприятеле, никто не знал вины за собою; где мирные подданные встречали государя, как отца и защитника. Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни жен, ни младенцев» [31, с. 71], а чаще всего не мог ответить о причинах поведения царя в отношении своих верноподданных, сравнивая их по жестокости с татарскими погромами: «Иоанн не хотел въехать в Тверь и пять дней жил в одном из ближних монастырей, между тем как сонмы неистовых воинов грабили сей город, начав с духовенства и не оставив ни одного дома целого: брали легкое, драгоценное; жгли, чего не могли взять с собою; людей мучили, убивали, вешали в забаву; одним словом, напомнили несчастными тверитянам ужасный 1327 год, когда жестокая месть хана Узбека совершалась над их предками» [31, с. 71].

При этом Карамзин признает, что такому обращению царя подвергались все сословия, в том числе и церковные служащие: «Опечатали церкви, монастыри в городе и в окрестностях, связали иноков и священников [...], всенародно били, секли с утра до вечера. Опечатали и дворы всех граждан богатых; гостей, приказных людей оковали цепями; Царствовала тишина ужаса. Никто не знал ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытия государева» [31, с. 72]. По прибытии государя все эти ужасы только усиливались «ежедневно представляли им от пятисот до тысячи и более новгородцев; били их, мучили, жгли каким-то составом огненным, привязывали головою или ногами к саням, влекли на берег Волхова, где сия река не мерзнет зимою, и бросали с моста в воду, целыми семействами, жен с мужьями, матерей с грудными младенцами [31, с. 72]. Таким было обращение Ивана не только с новгородцами, тверянами, но и с Москвой, где царил страх перед своим государем: «среди большой торговой площади, в Китае-городе разложили многия орудия мук; зажгли высокий костер и над ним повесили огромный чан с водою. Увидев сие грозные приготовления, несчастные жители вообразили, что настал последний день для Москвы; что Иоанн хочет истребит их всех без остатка: в беспамятстве страха они спешили укрыться, где могли. Площадь опустела; в лавках отворенных лежали товары, деньги; не было ни одного человека, кроме толпы опричников, виселиц и костра пылающего» [31, с. 72]. Примеров подобного рода кровавых преступлений царя против собственного народа из текста Истории Карамзина можно привести еще великое множество. Подводя итог злодеяниям царя-тирана, историк писал: «Одним словом, Иоанн достиг, наконец, высшей степени безумного своего тиранства; мог еще губить, но уже не мог изумлять россиян никакими новыми изобретениями лютости. Не было ни для кого безопасности, но всего менее для людей», известных заслугами и богатством, ибо тиран, ненавидя добродетель, любил корысть» [31, с. 80].

Одной из причин сделавших возможным такое поведение московского царя, по мнению историка, было состояние русского общества, точнее его подданных, так как это не были граждане, не было общество: «Таков был царь; таковы были подданные! Если он

не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть государеву властно божественною и всякое сопротивление беззаконием, приписывали тиранство Иоаново гневу небесному» [31, с. 81].

Вместе с тем Карамзин, представляя эти преступления, как он сам отмечал Скрепившив сердце, опишем только некоторые из бесчисленных злодеяний», во имя высшей цели оправдывал эти жертвы и считал их приемлемыми: «гибли, но спасли для нас могущество России, ибо сила народного повиновения есть сила государственная» [31, с. 81]. Как видим, несмотря на общее осуждение кровавых злодеяний Ивана Грозного, историк считал слепое послушание и терпение россиян одним из их главных достоинств, благодаря которому и выросла великая Россия.

Данное обстоятельство и его оценка Карамзиным с совершенно противоположных позиций оценивалась в русской и польской исторической традиции XIX века. М.О. Коялович считал достижением «Истории» Карамзина его понимание сущности русской жизни как повиновение, терпение, жертвенность ради государства: «Он, кажется, всегда чувствовал необходимость повиновения, и ту истину, что своевольная управа граждан есть во всяком случае великое бедствие для государства» [2, с. 194]. Подобное мнение не один раз высказывалось в трудах русских историков – М.П. Погодин, Д.И. Иловайский и др. Более того, по утверждению Кояловича, главное воззрение историографа, что Россия «гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием», которое проходит через всю его «Записку о древней и новой России» и легло в основу его «Истории», было им поддержано и в описании времени Ивана Грозного: «Карамзин не отступил от этого положения даже перед ужасным самовластием Иоанна IV, а напротив, озарил его необыкновенным, ослепительным для его современников светом» [2, с. 212]. В то время как И. Лелевель пытался акцентировать внимание на положениях Н. Карамзина о том, что он обращает внимание на такие моменты российской истории, как терпение народа и несправедливость, однако одновременно ненавидит насилие и тиранию, подлость и недоверие [19, s. 21–22]. По мнению А. Мицкевича, согласно его романтической теории, славянским народам присущи были чувства свободы, благородства и чести. Повиновение угнетению Мицкевич считал свойством не врожденным, а навязанным определенными историческими обстоятельствами. Отмечая в парижских лекциях пассивную покорность русского народа царю во время жесточайших репрессий Ивана Грозного, Мицкевич не соглашался с тем, что в ее основе лежало религиозное чувство привязанности к «помазаннику божьему». Он считал, что эта особая привязанность не основана на моральной идее, что ее привили монголы: «монгольское чувство проникло постепенно в сердца московитов» [33, t. IX, s. 81].

Данные описания историком преступных злодеяний Ивана Грозного мы приводим, чтобы показать своеобразие и противоречивость его оценок польской политики царя, политики, которую Карамзин в целом одобрял, а также шляхетского устройства Речи Посполитой и российского самодержавия. Именно этот весьма противоречивый монарх «герой добродетели в юности» и «неистовый кровопийца в летах мужества и старости», как писал Карамзин, стремился после смерти последнего Ягеллона овладеть его троном: «честолюбивый Иоанн верил и мысленно уже простирал свою кровавую десницу к венцу Ягеллонов» [31, с. 82].

Описание Карамзиным начала отношений Москвы с новоизбранным королем Баторием, причины их обострений не вызывает сомнений в правильности этой политики: «Бояре именем государя сказали посланникам, что король Стефан явно идет на кровопролитие: «в грамоте своей не дает Иоанну титула царского ни смоленского, ни полоцкого князя» [31, с. 119]. И это происходило в условиях непризнания властями Речи Посполитой отнятия Полоцка у ВКЛ в необъявленной войне. Вообще польской политике Ивана Грозного и особенно его попыткам, условиям возможности наследовать польский престол историк уделяет весьма большое внимание, даже непропорционально много по сравнению с другими эпизодами внешней политики, в том числе Ливонской войне и отношениям с крымским ханством. Подобные положения мы будем наблюдать и в отношении войн Стефана Батория с Москвою.

Исходные позиции России Ивана Грозного в представлении Карамзина для выполнения грандиозных, уже традиционных для Москвы внешнеполитических задач, в тот момент были весьма благоприятны: «Все ему благоприятствовало. Бедствия, опасности и враги исчезли. Смертоносные болезни и голод прекратились в России. Хан смирился. Султан уже не мыслил о войне с нами. Литва, Польша, сиротствуя без короля, нелицемерно искали Иоанновой дружбы. Швеция не имела ни сил, ни устройства, а царь, оставив в Ливонии рать многочисленную, нашел в Москве 70 000 победителей, готовых к новым победам. ...Но и без оружия, без кровопролития он мог совершить дело великое, исполнить важный замысел своего отца, ...возвратить, чего мы лишились в злосчастные времена Батыевы и еще соединить с Россиею древнее достояние Пястов, – то есть вследствие мирного, добровольного избрания быть королем польским» [31, с. 99].

Карамзин показывает, как, стремясь овладеть наследием Ягеллонов, Иван Грозный проявляет себя тонким политиком, даже изменяет в отношении возможных новых подданных свои тиранские нормы поведения: «Гонцам нашим велено было разведать о том в Литве и ласкать вельмож» и даже царь временно изменил для этого свое поведение в России к своим подданным «Государь умерил кровопролитие, дабы потушить в литовцах враждебное к нам чувство» [31, с. 59]. Из сказанного видно, что Карамзин, осуждая злодеяния Ивана Грозного в России и одновременно с ними примиряясь во имя «высших интересов» России, понимал их ненормальность для государства и признавал, что в Речи Посполитой такое не было допустимым. Более того, он весьма однозначно высказывается о том, что желающие поддержать кандидатуру Ивана, причем явно из благих пожеланий, польско-литовские магнаты явно не представляли себе возможных последствий данного эксперимента: «многие коронные, и в особенности литовские, вельможи думали избрать Иоанна, чтобы сим способом утвердить навеки счастливый союз с опасною, могущественною Россией, – мысль, внушенная политикою здравою и дальновидною! Зная, без сомнения, всю его жестокость, они надеялись, что законы их республики обуздают тирана и могли обмануться!» [31, с. 109]. Однако, по его мнению – «судьба устранила сей опыт» [31, с. 109], «проведение не дало восторжествовать Иоану» [31, с. 60], так как «условия, с обеих сторон предложеныя, были равно неумеренны, равно противны и той и другой» [31, с. 109].

При этом историк отмечает, что московский тиран даже обещал польским и литовским панам сохранение их шляхетских прав: «Но не изменю, ни в чем ваших прав и вольностей: буду раздавать места и чины с согласия думы Польской и Литовской» [31, с. 112]. Вместе с тем Карамзин признает, что московский царь, выдвигая эти завышенные требования, понимал, что поляки их не примут, и надеялся разделить ВКЛ и Польшу, давая широкие обещания литовским панам, в том числе и за счет Польши [31, с. 112].

В современной исторической науке этот весьма интересный эпизод российско-польских отношений продолжает привлекать пристальное внимание исследователей. В советской же историографии особого внимания данной проблеме не уделялось и в связи с невозможностью альтернативной интерпретации истории. Однако большинство исследователей считают, что в конце XVI века возможности достижения договоренности об условиях выбора московского царя на престол Речи Посполитой были не реальными, так как к тому времени «слишком разошлись в своем развитии социально-политические структуры двух держав» [28, с. 81]. Весьма интересный комментарий российско-польских отношений этого периода выдвинул современный российский исследователь Б. Флоря. Он пишет, что ряд представителей польской политической элиты считали, что «варварское» состояние русского общества служило известным оправданием «тиранического» образа правления русских царей. Некоторые из них полагали, продолжает ученый, что даже такой «тиран», как Иван Грозный, вступив на польский трон и оказавшись в атмосфере более развитого и культурного общества, смог бы перемениться и способствовать распространению в России «вольностей» и «свобод», характерных для польско-литовского дворянства. И в дальнейшем способствовало бы объединению России и Речи Посполитой в одно государство. Однако большая часть представителей политической элиты Речи

Посполитой, отмечает далее Флоря, не без оснований сочла подобный эксперимент рискованным. «Тирания» Ивана IV явно нарушала даже нормы отношений, принятые в варварском обществе [16, с. 55].

В современной польской историографии также обсуждался вопрос о том, какие изменения в усилении государственной власти могли бы произойти в Польше после 1572 г., если бы польским королём был избран Иван Грозный [34, s. 34]. Вместе с тем акцентируется мысль, что Россия Ивана Грозного, с его концентрацией власти и безжалостного управления, отличалась от Киевской Руси и России Петра I своей материальной культурой, системой ценностей, и поэтому может рассматриваться как московская цивилизационная альтернатива, рождённая под влиянием монголо-татарского владычества [34, s. 35].

Новый и весьма трагический в последствиях для польско-русского соперничества, по мнению Карамзина, период российско-польского соперничества начинается с воцарения в Речи Посполитой Стефана Батория. Именно этот король Польши стал для русского историка, наряду с такими московскими князьями как Иван III и Василий III образцами правителя, в то время как на примере второй половины тиранического царствования Ивана Грозного он явно хотел показать каким не должен быть монарх.

Карамзин, подчеркивая прибытие Батория из страны «полудикой, необразованной, населенной людьми грубыми, духа мятежного», вместе с тем отмечал, что он умел в тех условиях управлять как истинный повелитель: «утвердил тишину, безопасность, терпимость вере: исповедуя римскую, приобрел любовь и лютеран и кальвинистов; снискал доверенность султана и в то же время оказывал важные услуги императору; и менее отличался и храбростью, сведениями в науках, красноречием и самою величественною наружностью: имея 42 года от рождения, еще был прекрасным мужем» [31, с. 118.]. Исходя из этих качеств, Карамзин, делал заключение, благоприятное для Польши в условиях войны с Россией: «Одним словом, усердные к государственному благу поляки не могли желать достойнейшего венценосца» [31, с. 118].

Описывая начало управления Батория, Карамзин отмечал, что он принял правила управления страной согласно тогдашнему польскому общественному строю: «дав торжественное обязательство свято наблюдать договор Генрихов и все уставы республики», а также приняв ряд династических и международных обязательств «жениться на пятидесятилетней сестре Августа Сигизмунда, Анне, – заключить союз с Оттоманскою империею, смирить хана, освободить мечом или выкупить всех христианских пленников в Тавриде, оградить безопасность государства крепостями, всегда лично предводительствовать рати» и главное для рассказа историка о предстоящей войне с Москвою, причем с весьма характерной оговоркой – «снова присоединить к Литве все ее земли, завоеванные царями московскими, если сенат и народ хотят войны с Россиею» [31, с. 118]. По мнению Карамзина, эта программа нового короля смогла объединить польское общество: «Раздоры кончились; недовольные умолкли. Польша и Литва единодушно воскликнули: «да здравствует король Баторий» [31, с. 118].

Вместе с тем он не смог удержаться, вслед за использованными источниками, от замечания о «бусурманской» зависимости нового польского короля и о сожалении шляхты ВКЛ по поводу проигрыша московского кандидата: «Он действительно прибыл туда с хоругвей султанскою и с именем короля, к искреннему огорчению многих литовских вельмож, усердно хотевших иметь Феодора своим государем» [31, с. 118]. Подчеркивал также историк и то обстоятельство, что Баторий в войне с Россией действовал как политический прагматик и готов был обращаться за помощью к разным силам, в том числе и к мусульманской Турции. Совсем забывая о том как он сам описывал как политически умелые действия московских правителей использовавших в борьбе с Польшей и ВКЛ также Турцию и Крым: «Не обольщая себя излишнею надеждою на собственный силы, Баторий требовал вспоможения от других держав, от султана и папы»! Желая снискать особенное благоволение первого, он не усомнился нарушить святую обязанность чести, ибо думал, что совесть должна молчать в политике и что государственная выгода есть главный закон для государя» [31, с. 118].

Баторий в описании Карамзина представлен как выдающийся политик и полководец «сей опасный враг, изъявляя нам миролюбие, в то же время предлагал варшавскому сейму необходимость утвердить оружием безопасность государства», который сумел подчинить себе или привлечь на свою сторону строптивую польско-литовскую шляхту, не понимающую государственных интересов своего государства.

Такой преобладающей государственной задачей для Речи Посполитой времен Батория, по его мнению, было объединение сил для победоносной войны с Москвою как главного внешнеполитического соперника: «Имеем двух злых неприятелей, – сказал он», – крымцы жгут, россияне берут наши владения. Идти ли на обоих вместе? или с кого начать? ...Баторий знал худо язык, но твердо историю Литвы и Польши; исчислил земли, отнятые у них Россиею: винил слабость королей и льстил народному самолюбию... . Сей дикий неприятель всегда грабит и всегда беден. Лучше до времени искать мира с ханом. Государство московское велико и сильно: тем славнее победа!» [31, с. 138]. Баторий, как отмечал историк, смог воодушевить шляхту – «уже присутствие великого мужа одушевляло вельмож и дворянство ревностно, ко благу отечества» – не только на решение продолжить войну с Россией, но и на материальные жертвы: «Решили единогласно воевать Россию; велели собирать многочисленное войско; обременили неслыханными дотоле налогами владельцев и граждан; никто не противился; вооружались и платили с чувством или с видом усердия» [31, с. 118]. В данном случае Карамзин считал, что польская шляхта под руководством выдающегося вождя могла мобилизоваться для внешней борьбы и не обвиняет в неудачах польский национальный характер, как это будет в основном общепринятым в последующей российской историографии исследуемого периода [23].

Баторий в представлении Карамзина выступает как выдающийся полководец: он не только сумел доказать правильность ведения войны с Россией, начав борьбу за Полоцк, а не в опустошенной Ливонии, но и успешно повел за собою своё разрозненное войско: «Войско Стефаново, подобно Аннибалову, было составлено из людей чуждых друг другу языком, обычаями, верою: из немцев, венгров, ляхов, древних славян галицких, волынских, днепровских, кривских, коренных литовцев: Баторий умел дать ему единодушие и соревнование» [31, с. 141]; умел постоянно ставить в тупик московское войско своими неожиданными ходами «Баторий опять явился там, где его не ожидали»; сравнивая короля с Витовтом по манере искусства ведения войска: «Неприятель шел болотами и лесами дикими, где 150 лет не ходило войско, где только Витовт в 1428 году умел открыть себе путь к областям новгородском и где некоторые места еще назывались его именем. Баторий, подобно Витовту, просекал леса, делал гати, мосты, плоты, сражался с трудностями, терпел недостаток» [31, с. 149].

Даже при таком войске, как отмечал Карамзин, противопоставляя методы ведения войны Батория и Ивана Грозного, польский король вел войну совершенно иначе, чем московский царь: «объявил, что извлекает меч на царя московского, а не на мирных жителей, коих будет щадить, миловать во всяком случае; что, любя доблесть, гнушается варварством, желает победы, и не разрушения, не кровопролития бесполезного» [31, с. 141]. Более того, по мнению Карамзина, данная декларация польского короля не расходилась с делом, хотя и по политическим мотивам: «Сказал и сделал: у него никогда, – война не бывала для земледельцев и граждан тише, человеколюбивее... Баторий говоря, как христианин, он действовал, как политик: хотел приклонить к себе жителей, ибо хотел завоеваний прочных» [31, с. 141]. Описывая занятие Полоцка: «древний наш Полоцк, удел племени Владимирова и Рогнеды», он отмечал, что польский католический король, «указав строить там великолепную церковь римского исповедования, оставил Софийскую христианам греческим; дал им в епископы бывшего святителя витебского и грамотою утвердил свободу нашей веры, имея в виду дальнейшее завоевания в России и желая угодить ее народу, сея благоразумною терпимостью вопреки, своим любимцам, иезуитам, коим он дал тогда богатые местности и земли в Белоруссии, с обязательством исправлять нравы жителей учением и примером» [31, с. 144]. Таким образом, Полоцк «легко взятый, бесславно утраченный Иоанном», отмечал историк, одновременно припоминая, что го-

род был 18 лет областью государства Московского, сделался вновь «собственностью Литвы, до царствования Екатерины бессмертной» [31, с. 144]. В данном описании, несмотря на все положительные оценки в отношении политики Батория, в сравнении с кровавой тиранией Ивана Грозного, как видим, Карамзин, используя историческую аргументацию и прославляя деяния Екатерины, разделившей Речь Посполитую, то есть выполнившей, наконец, политическую программу московских князей на западном направлении, выражает искреннее сожаление в потере Москвою Полоцка, возвращения которого пришлось ждать до времен Екатерины II.

Мы уже видели описание Карамзина того, как вел войну со своим же народом московский царь, и не трудно догадаться, что его методы ведения войны с иноземцами не отличались в лучшую сторону. Несомненной заслугой историка было в данном случае также признание варварских методов ведения войны войсками русского царя. Так описывая вторжение московских войск в Эстонию, отмечая, что этот поход приходился на религиозный праздник: «мирные дворяне в замках своих весело праздновали святки, так что передовые наши отряды везде находили пиры, музыку, пляски. Царь велел не щадить никого: грабили домы, убивали жителей, бесчестили девиц» [31, с. 104]. После гибели под Виттенштейном «царского друга», жестокого опричника Милюты Скуратова Иван Грозный совершил, отмечал Карамзин, воистину языческое жертвоприношение: «он сжег на костре всех пленников, шведов и немцев, – жертвоприношение, достойное мертвеца, который жил душегубством!» [31, с. 105].

Одновременно Карамзин дает весьма низкую оценку Ивана Грозного как государя в ведении внешней политики, при этом совершенно не вспоминает о его возможных военных талантах, подчеркивая, что внешнеполитические успехи – завоевание трех царств и защита от набегов крымских татар – это заслуга воевод и воинов российских. Картина поведения Ивана перед гонцами Девлет-Гирея, представленная Карамзиным, в переговорах с татарами после их успешного набега на Москву просто унизительная, по его мнению, для величия России: «Теперь увидим, сколь тиран был малодушен в сем первом, важнейшем злоключении своего царствования... Царь был в простой одежде; бояре и дворяне также, в знак скорби или уважения к хану. На вопрос Иоаннов о здравии брата его, Девлет-Герея, чиновник ханский ответствовал: «Отдай Казань с Астраханью, тогда усердно пойду на врагов твоих»... . Я везде искал тебя, в Серпухове и в самой Москве; хотел венца и головы твоей; но ты бежал из Серпухова, бежал из Москвы – и смеешь хвалиться своим царским величием, не имея ни мужества, ни стыда!... Иоанн, столь надменный против христианских знаменитых венценосцев Европы, продолжал историк, бил челом хану: обещал уступить ему Астрахань при торжественном заключении мира; а до того времени молил его не тревожить Россию; не отвечал на слова бранныя и насмешки язвительные» [31, с. 89].

В результате такого царствования кровавого тирана все остальные составляющие его концепции могущества России, утверждал Карамзин, наличие самодержавия в стране, а также покорного и верного народа, не смогли победить заранее более слабого противника – Речь Посполитую, но возглавляемую великим государственным деятелем и полководцем – Стефаном Баторием. Данное положение Карамзин облекает в весьма выразительную и эмоционально представленную формулу: «Россия казалась слабою, почти безоружною, имея до восьмидесяти станов воинских или крепостей, наполненных снарядами и людьми ратными; сверх того многочисленные воинства полевыя, готовые устремиться на битву! Зрелище удивительное, навеки достопамятное для самого отдаленного потомства, для всех народов и властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижает душу, ослёпляет ум привидениями страха, мертвит силы и в государе, и в государстве! Не изменились россияне, но царь изменил им!... Воеводы, смятенные нерешительностью царя, сами опасались действовать решительно» [31, с. 151]. Историк в связи с этим признает огромное численное превосходство российских войск над армией Батория: «Иоанн, имея триста тысяч добрых воинов, терял наши западные владения, уступая их двадцатишести тысячам полумертвых ляхов и немцев» [31, с. 147].

Более того, Карамзин даже оправдывает тиранией Ивана невиданное ранее явление – бегство россиян к полякам, отмечая, что бегство не «всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: спасаться от мучителя, – однако вносит существенную оговорку – «но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству!» [31, с. 129]. Таким образом, Карамзин считал вполне естественным само бегство Курбского, но никогда ему не мог простит вступления во вражескую армию «преступлением лишенный имени русского» [31, с. 129].

В результате всего вышепредставленное поражение россиян после вступления войск Батория было неминуемым. По мнению Карамзина, «гибли добрые россияне, предаваемые в жертву врагам Иоанновою боязливостью; когда отечество сетовало в незаслуженном унижении», в тоже самое время их царь «имея силу в руках, но робость в душе, Иоанн унижался искушением чуждого, отдаленного вспоможения, ненужного и невероятного» [31, с. 149]. Эта характеристика историка об унижении царя и этим самым и величия России касалась предложения о мире к Баторию и просьб о помощи к папе и немецкому императору. Это положение звучит довольно удивительно из уст историка, понимающего то, что война Россией проиграна. Однако если мы оценим ее с точки зрения Карамзина о величии России, о недопустимости уступать «ни пяди своей земли», о признаке величия как постоянного расширения владений России, то все становится на свои места. Карамзин, понимая неотвратимость поражения и описывая его, не мог, однако, с ним внутренне смириться, испытывая от этого явно душевную боль. Дальнейшее описание определенных деталей переговоров подтверждает нашу точку зрения.

Описывая первые российско-польские контакты по поводу заключения мира, историк явно становится на сторону явно завышенных и чисто престижных требований Москвы провести переговоры на ее территории «Не в Литве и не в Польше, а в Москве издревле заключались договоры между всеми державами и Россиею». Одновременно отмечая, что московские представители «в случае упрямства и явной готовности Баториевой к возобновлению неприятельских действий, должны были тайно сказать ему, что царь согласен прислать бояр своих в Вильну или в Варшаву» отмечает эту готовность как «унижение бесполезное» [31, с.146]. Также оцениваются историком посольства Ивана к императору Рудольфу исполнить свое обещание и прислать уполномоченных в Москву, но главное суть обращения к папе: «жаловался папе на злобу и вероломство Баториево; предлагал ему усовестить, отвести его от ненавистной связи с турками; уверял, что ревностно желает вместе со всеми европейскими государями ополчиться на султана и быть для того в непрестанных дружественных сношениях с Римом» [31, с. 149]. Продолжение данной темы мы видим в описании интерпретации Карамзиным приема Иваном Грозным посольства от папы и императора: «Никогда не оказывалось в России такого уважения ни королевским, ни императорским послам. Иоанн и старший царевич встали при имени Григория XIII... Григорий называл Иоанна, в письме к нему, своим сыном возлюбленным, а себя единственным наместником Христовым; обещал Батория склонить к миру, нужному для общего блага христианских держав, ...в надежде, что Иоанн умирить церковь соединением нашей с апостольскою... Иоанн должен вступить в тесный союз с Римом, с императором, с королями испанским, французским, с Венециею и с другими европейскими державами... Ему ответствовали ласково, однако ж с некоторою твердостью. Царь благодарил папу за любовь и доброжелательство; хвалил за великую мысль наступить на турков общими силами Европы; не отвергал и соединение Церквей и мира с Швецею, в угодность Григорию, но прежде хотел мира с Баторием» [31, с. 157].

Еще более, согласно описанию Карамзина, были унизительными для величия России переговоры с польской стороной. Согласно его мнению в ходе переговоров Иван Грозный становился «более и более снисходительным» и начал не просто уступать – «именовал Стефана братом», но и допускать унижение величия царской власти: «жаловался, что литовцы не престают тревожить Россию нападениями; молил его не собирать войска к лету». Действием, которому историк дал отдельный комментарий, вызвавшим, по его мнению наибольшее унижение России, было послание к польскому королю для пере-

говоров думных дворян Пушкина и Писемского, которым велел «не только быть смиренными, кроткими в переговорах, но даже (неслыханное унижение терпеть и побои!) Так Иоанн пил чашу стыда, им, а не Россиею заслуженного»! [31, с. 153].Трудно что-либо добавить не только к такому комментарию, но и московским представлениям о ведении международных переговоров.

Таким образом, описывая последний период войны за Ливонию России с Речью Посполитой во главе со Стефаном Баторием, Карамзин, особенно болезненно воспринимал поражение России, считая, что страна потерпела неудачу по причине тиранства Ивана и при этом от противника, который всегда был представлен им как более слабый. Вместе с тем общая оценка «кровавого тирана» при всех описаниях его бессмысленной жестокости, его как главного виновника поражения России от старого врага Польши у Карамзина, как это ни парадоксально, положительна. Историк вспоминает его реформы первой половины царствования, а главное – его успешные завоевания и добытую славу для величия России: «В заключение скажем, что добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старыя предания затмились новейшими, но имя Иоаново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех царств монгольских: доказательства дел ужасных лежали в книгохранильницах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь, как живые монументы царя-завоевателя; чтил в нем знаменитого виновника нашей государственной силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему современниками... История злопамятнее народа!» [31, с. 225].

Вообще о польско-литовском государстве, как мы уже видели, Карамзин неоднократно высказывался в весьма пренебрежительном тоне. Объясняется это как его ретроспективным взглядом на результат исторического соперничества России и Польши, так и его общей негативной оценкой польского шляхетского общественно-государственного устройства, идентифицированного во многом с российскими аристократическими тенденциями, в частности. Данное положение было впоследствии принято в российской историографии изучаемого периода [23]. Даже на примере победной для Речи Посполитой Ливонской войны Карамзин не один раз на страницах своей «Истории» показывает, как по данной причине часто не мог действовать король Баторий. Так, описывая поход польского короля на Псков, в числе неблагоприятных обстоятельств он называет не только климатические условия «Хотя Баторий не мыслил дать нам перемирия, но осень и зима остановили его блестящие успехи», но и главное политический характер польско-литовского государства: «В Вильне граждане и дворянство встретили его с громогласными благословениями, а, в Варшаве многие паны с мрачными лицами и с ропотом неудовольствия – те, которые любили законную и беззаконную власть свою более отечества расслабленного их своевольством, негою, корыстолюбием. Великих мужей славят и злословят: устрашенные сильною волею, сильными мерами короля, паны жаловались на его самовластие» [31, с. 157].

Данное положение в творчестве Карамзина отмечается и в польской историографии [21, s. 93]. При этом К. Блаховска подчеркивает, что Н. Карамзин видел причину поражения России также и в личности польского короля Стефана Батория, единственного положительно оцененного историком государственного деятеля этого периода. Он также указывал на то обстоятельство, что поляки не сумели его оценить, близоруко думая только о временном спокойствии, а не использовали для достижения победы над Россией. Данное положение Н. Карамзина польский историк К. Блаховска интерпретировала как мнение российского историографа о нежизнеспособности польского общественно-государственного устройства, а также то обстоятельство, что историк или не видел, или не хотел замечать разницы между состоянием польского государства в XVI и XVIII веках [21, s. 85].

Ям-запольский мирный договор 1582 года России с Речью Посполитой Н.М. Карамзин оценивал весьма критически. Историк описывает ход переговоров, отмечает спорные вопросы о титулах властителей: «теряя Ливонию, Иоанн желал еще именоваться в договоре ливонским властителем и царем, в смысле императора, о чем ни послы Стефа-

новы, ни папские не хотели слышать» и способы их разрешения «условились дать Иоанну только в российской перемирной грамоте имя царя, властителя смоленскаго и ливонскаго; в королевской же просто государя, а Стефану титул ливонского» [31, с. 167].Однако он не обращает внимания читателя, что Россия не просто сохранила свои территории, но и, проиграв войну, получила в русском варианте договора титул властителя ливонского, что давало возможность в ином свете представить условия мира внутри страны, в главное – иметь в будущем исторические обоснования территориальных претензий на эти земли. Вероятно, чувство недовольства условиями мира с Баторием было таким огромным, что попросту заслоняло собою все остальное.

Это подтверждает и общая оценка историком договора: «В первый раз мы заключили мир столь безвыгодный, едва не бесчестный с Литвою», с указанием главного виновника не просто поражения России, а ее позора: «Так кончилась война трехлетняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для России, менее славная для Батория, чем устыдная для Иоанна, который в любопытных ее происшествиях оказал всю слабость души своей, униженной тиранством; который с неутомимым успехом домогаясь Ливонии, чтобы славно предупредить великое дело Петра, иметь море и гавани для купеческих и государственных сношений России с Европою – воевав 24 года непрерывно, чтобы медленно шаг за шагом, двигаться к цели – изгубив столько людей и достояния, повелевая воинством отечественным, едва не равносильным Ксерксову, вдруг все отдал, и славу и пользу, изнуренным остаткам разноплеменного сонмища Баториева» [31, с. 167].

Далее историк даже предполагает, что если бы не защитники Пскова, то «Баторий не удовлетворился Ливониею; не оставил бы за Россиею ни Смоленска, ни земли Северской; взял бы может быть и Новгород» [31, с. 167]. Именно в описании героической обороны Пскова Карамзин вслед московскими политическими источниками акцентирует внимание на религиозный характер российско-польского противостояния [31, с. 164–167]. Эта тенденция особенно отчетливо прослеживается в текстах, посвященных походам Стефана Батория на Россию.

Как видим, историк явно эмоционально подходил к описанию условий мира с Польшей, считал его унизительным для величия России и это при том, что страна потеряла только несколько пограничных городов на северо-западе, хотя, по мнению Карамзина, потерять могла значительно более обширные территории. Историк, явно учитывал в числе потерь, и потери перспективы овладения Россией Ливонией и ВКЛ и выхода к берегам Балтики, так как не забыл, не в первый раз вспомнить, что эти потери были компенсированы «великими Петром и Екатериной». Как видим, историк придерживался положения о постоянном расширении границ России и принципа, впоследствии зафиксированного им в «Записке о Польше» «Ни пяди своей земли не отдадим» [35].

Этот подход Карамзина явно виден при сопоставлении его описания неудач России в войне с Польшей с «изнуренным остаткам разноплеменного сонмища Баториева» и огромного царского войска и славной победы в то самое время «малочисленной шайки бродяг, движимых и грубой алчностью к корысти и благородною любовью к славе», приобретшей для России новое царства «казалось, что Сибирь упала с неба для России». Историк, описывая огромную народную радость этой победы, явно и сам к ней присоединяется и ему не мешает даже то обстоятельство, что это завоевание совершилось таким образом «Три купца и беглый атаман волжских разбойников дерзнули, без царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь» [36, с. 177].

Исходя из этих идей, как нам представляется, Карамзин и дал исключительно высокую оценку польскому королю Стефану Баторию, как государственному деятелю, который не только мог остановить рост могущества России, но и предотвратить создание ее империи. При этом Н.М. Карамзин весьма нетрадиционно для последующей русской исторической науки первым ставил вопрос о возможности Польши в период тирании Ивана Грозного решить в свою пользу многовековое соперничество Москвы и Речи Посполитой. Он отмечал: «Если бы жизнь и гений Батория не угасли до кончины Годунова, то слава России могла бы навеки померкнуть в самом первом десятилетии нового

века: столь зависима судьба государств от лица и случая, или от воли Провидения!» [36, с. 39]. Король мог бы, продолжал историк, дать Речи Посполитой возможность последовательно строить свое внешнеполитическое могущество, в том числе путем подчинении или соединения своего государства с Москвою. Исходя из этого, Баторий в интерпретации историографа представлен как идеальный правитель, несмотря на его борьбу с Россией, которая его уважала, так, он только выполнял свои обязанности монарха и пытался осуществить возможные внешнеполитические перспективы. Именно поэтому, считал он, его больше оценили в России, чем в Польше. «Один из знаменитейших венценосцев в мире, один из опаснейших злодеев России, коего смерть более обрадовала нас, нежели огорчила его державу, ибо мы боялись увидеть в нем нового Гедимина, нового Витовта, а Польша и Литва неблагодарные предпочитали дешевое спокойствие драгоценному величию» [36, с. 39].

Данное положение Карамзин подтверждает описанием возможности дальнейших успехов Батория в отношении России. Он писал: «Еще гораздо важнее и затруднительнее были для нас сношения с Литвою, ибо Стефан, как бы предчувствуя, что ему жить недолго, нетерпеливо хотел довершить начатое: возвысить державу свою унижением России и, считая Ливонию только задатком, а мир отдохновением, мечтал о восстановлении древних границ Витовтовых на берегах Угры» [36, с. 16]. Главную причину неудачи Батория в этих планах историк видел в слабости польского шляхетского государственного устройства, настолько слабого, что даже такой идеальный государственный деятель не смог помочь Речи Посполитой стать великой державою. «Нет сомнения, – писал историограф, – что Баторий немедленно обнажил бы меч на Россию, если бы вельможные паны, особенно литовские, боясь разорения земли своей, не противились его славолюбию и не грозили королю отказом сейма в деньгах и в людях» [36, с. 19].

Данная высокая оценка деятельности Батория, а главное – оценка возможных перспектив победы Речи Посполитой в соперничестве с Россией уникальна не только для российской официальной историографии, но и для всей русской исторической науки XIX – начала XX веков вообще. Это относится также и к представителям либеральной историографии, часто считавшимися полонофильски настроенными (Н.И. Кареев, А.Л. Погодин). Так, А.Л. Погодин, характеризуя противостояние России и Речи Посполитой времен Батория весьма однозначно утверждал, «Даже если бы Польша расширилась от Балтийского моря до Черного, имея таких полководцев, как Жолкевский и Ходкевич, государственных деятелей, как Ян Замойский – все равно она не смогла бы одолеть России, так как наткнулась бы на стойкое сопротивление русского народа, в котором настолько было сильно желание жить правильной государственной жизнью под скипетром православного царя, как Россия справилась с Наполеоном, Карлом XII, без труда справилась бы она и с поляками» [37, с. 115]. Комментарии, как говорится, в данной ситуации просто излишни.

Список литературы

1. Погодин, М.П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний 1831 – 1867 / М.П. Погодин. – М., 1867.

2. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – Мн.: Лучи Софии, 1997. – 688 с.

3. Погодин, М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников / М.П. Погодин // Материалы для биографии, с примечаниями и пояснениями М. Погодина. – Т. 1–2. – М., 1866.

4. Милюков, П.Н. Главные течения русской исторической мысли / П.Н. Милюков. – М., 1913. – 342 с.

5. Платонов, С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) / С.Ф. Платонов. – СПб., 1899.

6. Платонов, С.Ф. Н.М. Карамзин / С.Ф. Платонов. – СПб., 1912.

7. Костомаров, Н.И. Смутное время в Московском государстве / Н.И. Костомаров. – СПб., 1883.

8. Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.) / М.А. Алпатов. – М., 1985.

9. Козлов, В.П. Н.М.Карамзин – историк / В.П. Козлов // История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1988. – Т. 4. – С. 17 – 37.

10. Сахаров, А.Н. Уроки «Бессмертного историографа» / А.Н. Сахаров // История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1989. – Т. 1. – С. 415 – 460.

11. Космолинская, Г.А. Научные заметки. Об иностранных источниках «Истории государства российского» Н.М. Карамзина / Г.А. Космолинская //Вопросы истории. – 1986. – № 3. – С. 172 – 176.

12. Казаков, Р.Б. Фрагменты о России и Польше в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина / Р.Б. Казаков / Карамзинский сборник: Национальные традиции и европеизм в русской культуре. – Ульяновск, 1999. – С. 8 – 15.

13. Filatowa, N. Polska w rosyjskiej myњli historycznej / N. Filatowa // Polacy i Rosjanie. – Warszawa, 2002. – S. 21 – 34.

14. Карнаухов, Д.В. Формирование исторического образа Руси в польской хронологии XV–XVI вв. (Источники и историография исследования) / Д.В. Карнаухов // История и историки. – М., 2005. – № 1. – С. 53 – 83.

15. Богатырев, С.Н. Грозный царь или грозное время? Психологический образ Ивана Грозного в историографии / С.Н. Богатырев // История и историки. – 2004. – № 1. – С. 62 – 82.

16. Флоря, Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество / Б.Н. Флоря. – М.: Индрик, 2005. – 416 с.

17. Флоря, Б.Н. Иван Грозный / Б.Н. Флоря. – М., 1999.

18. Лелевель, И. Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина / И. Лелевель // Северный архив. – 1822. – Ч. 4. – С. 402 – 434, 486 – 506; 1823; – Ч. 5. – С. 91 – 100; Ч. 8. – С. 52 – 80, 147 – 160, 287 – 297; Ч. 9. – С. 41 – 57, 91 – 103, 163 – 172; Ч. 11. – С. 132 – 143, 187 – 195; Ч. 12. – С. 47 – 53; 1825; Ч. 13. – С. 60 – 84, 182 – 201, 271 – 278; Ч. 14; – С. 176 – 197, 362 – 372.

19. Lelewel, J. Dziaia / J. Lelewel. – T. X. – Warszawa, 1969.

20. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. – Warszawa, 1970. – 518 s.

21. Biachowska, K. Narodziny imperium. Rozwyj teritorialny pacstwa caryw w ujkciu historykyw rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Biachowska. – Warszawa, 2001. – 310 s.

22. Czubaty, J. Rosja i swiat. Wyobraïnia polityczna elity wiadzy imperium Rosyjskiego w pocz№tku XX w. – Warszawa, 1997. – 211 s.

23. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Т.Т. Кручковский // Наш Радавод. – Гродно, 1994. – Кн. 6, ч. 2. – С. 218 – 417.

24. Карев, Д.В. Белорусская и украинская историография конца XYIII – начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального сознания белорусов и украинцев / Д.В. Карев. – Вильнюс, 2007. – 310 с.

25. Кручковский, Т.Т. Польско-русские отношения во времена Стефана Батория в оценке русской историографии 2-й половины XIX в. / Т.Т. Кручковский // Веснік Гродзенскага універсітэта. – 1999. – № 2. – С. 54 – 61.

26. Кручковский, Т.Т. Стефан Баторий и его эпоха в интерпретации русской историографии XIX – нач. XX вв. / Т.Т. Кручковский // Стэфан Баторы ў гістраычнай памяці народаў Усходняй Еўропы: матэрыялы міжнароднага круглага стала. – Гродна, 2004. – С. 149 – 165.

27. Карамзин, Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1989. – Т. 10 – 12. – С. 472–530.

28. Карацуба, И.В. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов / И.В. Карацуба, И.В. Курукин, Н.П. Соколов. – М., 2005.

29. История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). – М.: Международные отношения, 1999. – 447 с.

30. Бухарин, Н.И. Российско-польские отношения в XIX – первой половине XX в. / Н.И. Бухарин //Вопросы истории. – 2007. – № 7. – С. 3 – 16.

31. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1908. – Т. IX.

32. Лотман, Ю.М. Сотворение Карамзина / Ю.М. Лотман. – М., 1987.

33. Mickiewicz, A. Dzieia / A. Mickiewicz. – Warszawa, 1955.

34. Madej, Z. Rosyjskie zmagania cywilizacyjne / Z. Madziej. – W., 1993.

35. Карамзин, Н.М. Мнение русского гражданина / Н.М. Карамзин / Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. – СПб., 1862. – С. 3 – 20, 27 – 28, 29 – 30, 194 – 195.
36. Карамзин, Н.М. История Государства Российского / Н.М. Карамзин – Т. Х. – Ростов-на-Дону, 1990.
37. Погодин, А.Л. Очерк истории Польши / А.Л. Погодин. – М., 1909.

СЯРГЕЙ МАРОЗАЎ
Гродна

ПРАВАЛ КАНФЕДЭРАЦЫІ ВКЛ 1915 ГОДА – ЛЁС АБО ЗАКАНАМЕРНАСЦЬ?

Ваганне паміж Усходам і Захадам,
і шчырая да іх непрыхільнасць
з'яўляюцца асноўнай адзнакай
гісторыі Беларусі.

Ігнат Абдзіраловіч, Вільня, 1922 г.

Якімі б жудаснымі нам не здаваліся 20 мільёнаў ахвяр Першай сусветнай вайны, але ўскосна яна мела і станоўчыя вынікі. Менавіта ў гэты час атрымаў сваю кульмінацыю нацыянальны рух Беларусі і Літвы. Першай юрыдычнай спробай стварыць сваю дзяржаву і, адначасова, апошняй спробай адрадзіць Вялікае Княства Літоўскае ў пачатку ХХ стагоддзя стала Канфедэрацыя ВКЛ 1915 года. «Лета 1915 года месяца грудня, 19 дня члены літоўскіх, Беларускіх, Польскіх і Жыдоўскіх арганізацій прыступілі да Конфэдэрацыі Вялікаго Князьства Літоускаго...»[1] .

У польскай літаратуры да сярэдзіны 90-х гадоў ХХ ст. Канфедэрацыя лічылася ледзь не жартам некалькіх невядомых. Бо ні дакладных дадзеных аб арганізацыях, якія стварылі Канфедэрацыю, ніводнага прозвішча не было вядома[2] . Некаторыя польскія даследчыкі, абапіраючыся на ўспаміны, з якіх вынікае, што ў свой час многія дзеячы нацыянальнага адраджэння былі сябрамі масонаў, нават пісалі, што Канфедэрацыя цалкам масонскі праект для іх асабістай выгады[3] . Яшчэ у канцы ХХ стагоддзя польскія даследчыкі ідэй уніі часоў першай сусветнай вайны прызнаюцца, што да гэтага часу веды пра ВКЛ абапіраліся на два дакументы: Універсал з снежня 1915 году і Адозва ад лютага 1916 г. «Іх змест пераказвалі з больш ці менш трапным каментарам»[4].

У Беларускай літаратуры таксама не ўдакладняюць, што за арганізацыі і хто канкрэтна выдаў універсал Канфедэрацыі, хоць у падручніках даволі ўпэўнена пішуць, што гэта былі браты Луцкевічы. Далейшае развіццё ідэі ў праекце Злучаных Штатаў ужо дастаткова даклада прыпісваецца канкрэтным дзеячам (на Беларусі гэта «невялікая група беларускіх дзеячаў на чале з братамі І. і А. Луцкевічамі, Вацлавам Ластоўскім»[5] і г.д.), і аўтарства гэтых людзей аўтаматычна пераносіцца на Канфедэрацыю. Таму аўтарства праекта Канфедэрацыі застаецца намінальным.

[1] F255-1673 Didziosios Leituvos Kunigaikstijos Konfederacija Laikini Taryba. Didziosios Leituvos Kunigaikstijos Konfederacija Atsisaukimas. – 1915. – 2 s.
[2] Sukiennicki, W. Pocz№tki Ober-Ostu i sprawa Konfederacji W. Ks. Litewskiego w 1915 – 1916 / W. Sukiennicki // Zeszyty Historyczne. – Paryї. – №. 28. – S. 100 – 104.
[3] Zenowiusz Ponarski Konfederacja Ksikstwa Litewskiego 1915 – 1916 // Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – Biaiystok, – 1998. – S. 59.
[4] Zenowiusz Ponarski Konfederacja Ksikstwa Litewskiego 1915 – 1916 // Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – Biaiystok, 1998. – S. 66.
[5] Багалейша, С. Канфедэрацыя Вялікага Княства Літоўскага: праекты і дзяйсненні / С. Багалейша // БГЧ. – 2005. – №7. – С. 13.

Другі момант, які даволі смутна ўяўляе сабе навука, а тым больш не спецыялісты па тэме заключаецца ў неадмысловым абагульненні ўсіх праектаў адраджэння ВКЛ 1915 – 1917 гадоў у праект Канфедэрацыі. Фактычна ж праектаў было чатыры.

Першы – Канфедэрацыя Вялікага Княства Літоўскага, абвешчаная 15 снежня 1915 года ў Вільні. Прынята канфедэрацыя была сіламі літоўскіх, беларускіх, польскіх і жыдоўскіх арганізацый. Але маторам усяго гэтага былі віленскія беларусы[6], або беларускія краёўцы[7]. «Тымчасовая Рада Канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага мела на мэце, як тое ва Універсале яе адзначана, дайсці вызвалення Літвы і Беларусі, як дзяржаўнай адзінкі»[8].

«Стойма, грамадзяне, моцна, цвёрда і ў згодзі бяз рожніцы станоў, нацыі і веры, пры штандары нашай вольнай бацькоўшчыны – Літвы і Беларусі!»[9] – гаварылася ў Адозве ў лютым 1916 года.

Аднак, літоўцы мелі свае планы. 6 студзеня 1916 г. у Коўне збіраецца канферэнцыя літоўскіх і латышскіх арганізацый, якія стварылі Галоўны літоўскі народны камітэт[10]. Камітэт выдаў уласную адозву аб утварэнні ВКЛ пад сваім кіраўніцтвам. Адозва выйшла толькі на літоўскай мове накладам у 800 экземпляраў. Мэта гэтай арганізацыі – стварэнне дзяржаўнай адзінкі з Латвіі і Літвы пад кіраўніцтвам апошняй на былых тэрыторыях ВКЛ. Для Беларусі пакідалі магчымасць увайсці ў склад канфедэрацыі «...калі я ны прызнаюць, што гэта адпавядае іх нацыянальным імкненням...»[11]. Такім чынам утварылася двоеўладдзе, і кожны з бакоў – Вільня і Коўна – змагаліся за кіраўніцтва землямі гістарычнай Літвы[12]. Акрамя таго, трэба адзначыць два прынцыповыя адрозненні гэтых праектаў: рухаючай сілай Віленскай Канфедэрацыі былі ліберальі, і яны мелі на мэце стварыць федэрацыю з рэспубліканскім ладам, галоўная роля адводзілася Беларусі; рухаючай сілай Ковенскай Канфедэрацыі былі клерыкалы[13] , і яны мелі на мэце стварэнне канстытуцыйнай манархіі, якая складалася бы з аўтаномных адзінак, галоўная роля адводзілася Літве.

У ліпені 1916 года БНК на чале з А. Луцкевічам абгрунтаваў ідэю Злучаных Штатаў ад Балтыйскага да Чорнага Мораў. З аднаго боку, гэта эвалюцыя Канфедэрацыі 1915 году, але ёсць прынцыповыя моманты, якія дазваляюць выдзеліць ЗШ у асобны праект. *Папершае*, мяняецца тып аб'яднання з канфедэрацыі на федэрацыю. *Па-другое*, гэта ўжо чыста Беларускі праект. У рэфераце Луцкевіча, падрыхтаваным для выступлення на Лазанскай канферэнцыі адкрытым тэкстам чытаем, што «Так звязываецца Беларусь з Літвой, Латышскім краем і Украінай, і лучнаць з імі на грунці федэрацыі пры больш цесным зблізкэнні з Літвой – гэта ідэя... зрабілася як-бы нацыянальным ідэалам для беларускага свядомага грамадзянства. Спаўненне яго магло бы ў найбольш поўнай меры забяспечыць беларускаму народу свабоду ўсестаронняга развіцця і праўдзівую волю.

Вольная Беларусь у федэрацыі з вольнымі суседнімі народамі, свайго роду «Злучэныя Штаты» ад Балтыцкаго да Чорнаго мора – гэта найшырэйшы, найдалейшы палітычны ідэал, на каторым зыходзяцца беларусы ўсіх партый, усіх палітычных кірункаў»[14] . І далей: «Само

---

[6] Zenowiusz Ponarski Konfederacja Ksikstwa Litewskiego 1915 – 1916 // Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – Biaiystok, 1998. – S. 63.

[7] Смалянчук, Алесь. Беларускі Нацыянальны рух і краёвая ідэя / Алесь Смалянчук // Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – Biaiystok, 2000. – S. 105 – 114.

[8] F255-1674 Didziosios Leituvos Kunigaikstijos Konfederacija Taryba. – Люты 1916 г. – Арк. 2.

[9] F255-1674 Didziosios Leituvos Kunigaikstijos Konfederacija Taryba. – Люты 1916 г. – Арк. 2.

[10] ЭГБ. У 6 Т. Т.4. – Мінск: БелЭн, 1997. – С. 93

[11] Багалейша, С. Канфедэрацыя Вялікага Княства Літоўскага: праекты і дзяйсненні / С.Багалейша // БГЧ. – 2005. – №7. – С. 16.

[12] Zenowiusz Ponarski Konfederacja Ksikstwa Litewskiego 1915 – 1916. – Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – Biaiystok, 1998. – S. 61.

[13] Багалейша, С. Канфедэрацыя Вялікага Княства Літоўскага: праекты і дзяйсненні / С.Багалейша // БГЧ. – 2005. – №7. – С. 16.; Zenowiusz Ponarski Konfederacja Ksikstwa Litewskiego 1915 – 1916 // Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – Biaiystok, 1998. – S. 63.

[14] F21-276. Пратаколы беларускіх арганізацый. – 1916 год. – 36 лістоў. – Рэферат А. Луцкевіча. – С. 6.

сабой разумеецца, што нельга ашукваць сябе надзеямі на лёгкае спаўнене гэтаго ідэалу. Калі б на яго выявілі згоду суседзі беларусоў, дык і так спаўненне яго мела-бы шансы толькі пры адным варунку: пры поўным развале расійскай гасударственнай сістэмы»[15].

І, па-трэцяе, гэта прагматычны эканамічны праект для асабістай выгады. А. Ластоўскі абгрунтоўвае праз шляхі сувязі (гасцінцы, рэкі, выхад да мораў), адзіны эканамічны арганізм у мінулым і цесныя ўзаемаадносіны ў сучасным неабходнасць аб'яднацца Беларусі, Літве і Украіне[16]. Канешне, гэта была рамантыка. Літва і Украіна эканамічна не залежалі ад Беларусі, не мелі такой патрэбы яднання, як Беларусь для асабістага выжывання. Да таго ж у тых абставінах лягчэй было стварыць невялікую палітычную адзінку, чым развіваць вялізны непаваротлівы арганізм з нуля. Сюды трэба дадаць, што кожны цягнуў дыван на сябе.

Быў яшчэ і чацвёрты праект польскай групы сацыялістаў з Вільні. Паходжанне групы і хто ў яе ўваходзіў невядома. Але 10 снежня 1916 года яны выдалі дэкларацыю, змест які сцвярджаў наступнае[17]:

1) Літва і Беларусь – адзіны дзяржаўны арганізм, у вялікай ступені адналітны, падзел якога шкадлівы;

2) пры акрэсленні межаў краю трэба кіравацца этнаграфічным прынцыпам: безапеляцыйным з'яўляецца далучэнне да Літвы часткі Сувалкаўшчыны і аддзяленне часткі з польскай большасцю;

3) група змагаецца супраць анексійных памкненнях з боку Расіі, Германіі і «некаторых груп з Польшчы»;

4) край павінен быць самастойную праўна-палітычную адзінку, дэмакратычную з цэнтральнай уладай у Вільні. Гледзячы на этнаграфічную розніцу павінен быць падзелены на аўтаномныя правінцыі;

5) з пункту гледжання абароны дзяржавы і грамадска-эканамічнага развіцця магчыма праўна-дзяржаўная сувязь з Польшчай на грунце роўнасці краяў;

6) павінна быць прызнана права нацыянальнага самавызначэння або ўраўноўванне ўсіх жыхароў і народнасцяў, гарантыя праў меншасцяў.

З пункту погляду астатніх праектаў уніі гістарычнай Літвы і Польшчы (аднаўленне РП у межах 1772 году) гэты праект аж занадта дэмакратычны. Але нашы веды пра дзейнасць арганізацыі, на жаль, заканчваюцца на гэтай дэкларацыі.

У 1917 годзе была створана Літоўская Тарыба, якая выказала прэтэнзіі на тэрыторыі Беларусі. У гэтых умовах беларускі рух падзяліўся на дзве часткі. У чэрвені 1917 году пад кіраўніцтвам Вацлава Ластоўскага была створана арганізацыя «Сувязі незалежнасці і непадзельнасці Беларусі». За мэту ставілася адстойваць тэрытарыяльную цэласнасць і адмова ад ідэі якіх-кольвек кан/федэрацый на карысць змагання за незалежную Беларусь.

У гэтых жа ўмовах частка беларускіх арганізацый працягвала лічыць мэтазгодным стварэнне Літоўска-Беларускай арганізацыі. У верасні адбылася канферэнцыя, на якой БНК, БСДРГ і Віленскі камітэт БСГ прынялі універсал, у якім, фактычна, былі паўтораны ідэі А. Луцкевіча з яго даклада для канферэнцыі ў Лазане аб стварэнні Злучаных Штатаў. «У гэты момант, калі важыцца пытанне аб нашай будучыні, выставіць жаданне незалежнасці і непадзельнасці Беларусі і Літвы, абнімаючы ў новай беларуска-літоўскай дзержаве ўсе беларускія і ўсе літоўскіе землі з абодвух бакоў ваеннаго фронту, у найцяснейшай еднасці – згодне з пастановай рады работнікаў і салдатаў у Рызе – з курляндзіей, а также евентуальна з Украінай»[18], – гаварылася ва Універсале. Мэтай канферэнцыя сабе паставіла стварэнне федэрацыі з нацыянальных аўтаномій на аснове рэспубліканскага ладу. Цікава, што ў спасылцы пад Універсалам беларусы, нібыта баючыся застацца без

[15] F21-276. Пратаколы беларускіх арганізацый. – 1916 год. – 36 лістоў. – Рэферат А. Луцкевіча. – С. 7.

[16] F21-276. Пратаколы беларускіх арганізацый. – 1916 год. – 36 лістоў. – Рэферат А. Луцкевіча. – С. 6.

[17] Zenowiusz Ponarski Konfederacja Ksikstwa Litewskiego 1915 – 1916. – Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – Biaiystok, 1998. – S. 64.

[18] F21-858 Konfederacijos propaganda. – 1916 – 1917. – 7 арк. – Арк. 4.

падтрымкі літоўцаў выракаліся нейкіх «лістовак», выдадзеных у Вільні і «выстаўленай ў іх думкай аб незалежнасці Беларусі, адарванай ад Літвы, ў еднасці з сучаснай буржуазнай Польшчай»[19] . Яшчэ адзін рамантычны беларускі праект, аднак з цвёрдым эканамічным разлікам на сваю карысць. А, можа не праект, можа, проста ўсведамленне недахопу ўласных сіл для працы над стварэннем монанацыянальнай беларускай дзяржавы[20].

Усё ж застаецца не зразумелым, ці беларусы былі настолькі не ўпэўнены ў сабе і меркавалі, што без Літвы прападуць, ці яны былі настолькі самаўпэўнены, што падсвядома зыходзілі з апрыоры незалежнай Беларусі ў бліжэйшым будучым. Часам здаецца, пытанне ставілася: з кім нам выгодней будаваць сваю незалежнасць, а не метадах яе пабудовы. Аднак, погляд збоку выяўляў карані гэтай падсвядомай прагі незалежнасці і эканамічнай самастойнасці.

1917 год, давераны беларускіх арганізацый чалавек па «гэты» (Расійскі) бок фронту пісаў да нейкага міністра Часовага Ураду аб бачанні беларусамі іх будучыні. Тэрыторыя Беларусі падзелена на дзве часткі. І беларусы разумеюць, што ў сувязі з гэтым ім трэба вырашаць дзве праблемы, а не адну. «В отношении подъяремной Белоруссии белорусское общество может лишь просить центральные державы, на основании признания национальных прав белорусского народа, оказать возможное содействие, чтобы права эти были признаны и обеспечены Россией.

Мы не обманываем себя надеждой на реальное значение этого пожелания: вопрос о достижении национальных прав в пределах Российской Империи – это вопрос внутренней услуги России и может быть разрешен только путем борьбы белорусского народа за свое право с нарушителями этого права»[21].

У той жа час Сярэдне-Еўрапейскія краіны могуць паўплываць на Германію, аднак, яна дастаткова ўпэўнена заявіла, што акрамя прызнання беларусаў як этнасу, палітычную самастойнасць не дазволіць. Праблем, на самой справе хапала, іх быў цэлы коп. Першая, якую ўжо называлі – Расія.

Другая – Польшча. «Несмотря на то, что подавляющее большинство населения Белоруссии и Литвы стремится издавна к независимости существований этих земель, местные поляки (лишь руководящие круги местной польской земельной буржуазии и мещанства), игнорируя голос народа, ведут совершенно ясную акцию в целях уже не восстановления унии Вел. Кн. Литовского с Польшей, а просто аннексии Белорусско-Литовских земель к Королевству Польскому. Для создания видимости тяготения нашего края к Польше, они искусственно придают ему польские внешние черты»[22].

Трэцяя – Германія. «аннексия Белорусских земель противоречит в принципе идее освобождения угнетенных народов»[23].

Чацвёртая – неабходная незалежнасць, для пасляваеннага эканамічнага ўладкавання. «Белорусский край, разоренный разыгравшимися на его территории военными событиями, за время оккупации несет чрезвычайно тяжелые экономические тяготы. По окончании войны его экономическое положение будет таково, что потребуется крайнее напряжение всех платежных сил населения, чтобы восстановить нормальную жизнь и дать толчок для дальнейшего развития его экономической жизни. Поэтому белорусы, понимают, что присоединение их края к той или другой из возможных сторон – назад к Росси, или к Германии, – будет иметь своими последствиями еще и возложение на него совершенно непроизводительного податного бремени ради

[19] F21-858 Konfederacijos propaganda. – 1916 – 1917. – 7 арк. – Арк. 4.

[20] Смалянчук, Алесь. Беларускі Нацыянальны рух і краёвая ідэя / Алесь Смалянчук // Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – Biaiystok, 2000. – S. 105-114.

[21] F21- Baltarusios fondas. – 1917 г. – 19 арк. – Арк. 3.

[22] F21- Baltarusios fondas. – 1917 г. – 19 арк. – Арк. 4.

[23] F21- Baltarusios fondas. – 1917 г. – 19 арк. – Арк. 8.

покрытия военных расходов, единственной формой своего политического существования, обеспечивающего возможность хозяйственно-экономического прогресса считают политическую независимость»[24].

Пятая – суіснаванне Літвы і Беларусі. Падзяліць іх тэрыторыі і не парушыць жыццёвых інтарэсаў «обеих коренных народностей» немагчыма. Сюды ўваходзіць як праблема эканамічных зносін – у першую чаргу выхад для Беларусі да Балтыйскага мора. Так і праблема Вільні, якая змяшчаецца ў вобласці сутыкнення інтарэсаў беларусаў і літоўцаў. Яно «объединяло и сейчас объединяет оба народа: это – самый крупный культурный центр края; здесь создаются и развиваются большинство белорусских и литовских национальных учреждений... И если белорусы считают Вильно своей столицей, то литовцы не могут себе представить Литву без Вильна»[25]. Урэшце, беларусы і літоўцы, як блізкія друг другу па сваёй сацыяльнай структуры (абодва сялянскія народы), маюць аднолькавых ворагаў у твары Расіі і Польшчы. «И эта общая борьба на два фронта с теми же противниками составляет еще одно звено в длиной цепи, связующей Белорусско-Литовский край в один организм».

Нават пасля аб’яўлення ў пачатку снежня 1917 года аб стварэнні Літоўскай Рэспублікі беларускія арганізацыі спрабавалі дзейсна аб’яднаць дзве краіны. І толькі пасля абвяшчэння незалежнасці Літвы 16 лютага 1918 года са сталіцай у Вільні беларусы вымушаны былі адмовіцца ад ідэі аднаўлення ВКЛ і стварэння сумеснай Беларуска-Літоўскай дзяржавы.

Такім чынам, мы маем шэраг прычын упадку ідэі і спробаў:

1. Непадрыхтаванасць мас. Ва ўмовах акупацыі мясцовае насельніцтва ўспрымала любое мясцовае кіраўніцтва як магчымасць дамовіцца з акупантамі, і ім была без розніцы ідэйная падаплёка.

2. Адсутнічала адзінства інтарэсаў. Кожная народнасць мела свае планы на будучыню. Палякі глядзелі ў бок Варшавы, жадаючы далучыць гэтыя землі ў форме федэрацыі або аўтаноміі. Літоўцы першапачаткова былі прыхільны да ідэі ВКЛ. Але іх жаданне граць галоўную ролю не падзялялі іншыя. Да таго ж, пазней, баючыся знікнуць у культурнай дамінацыі беларусаў або палякаў зрабілі стаўку на Берлін. Жыды не былі прыгатаваны да супольнай працы з народамі гістарычнай Літвы. Яны аглядаліся на Расію і вялікія магчымасці яе рынку. Толькі беларусы спадзяваліся, што можа паўстаць агульная дзяржава з літвінамі[26].

3. Невыгадная знешнепалітычная сітуацыя. Кіруючыя колы Расіі лічылі падобныя памкненні бунтам. Нямецкія ўлады не ўспрымалі ўсур’ез беларусаў як магчымы палітычны арганізм. Сярэдне-Еўрапейскія краіны засталіся глухімі да голасу беларусаў.

4. Станаўленне нацыянальнай ідэі. Паступова, але няўхільна беларусы і літоўцы падыходзілі да ідэі сепаратнай нацыянальнай дзяржавы. Першы штуршок далі Еўрапейскія краіны з іх канферэнцыямі ў Стакгольме і Лазане. Другі штуршок далі немцы загадам фельдмаршала П. фон Гіндэнбургам ад 7 чэрвеня 1916 года, у якім гаварылася пра аднолькавыя правы і роўнасць моў усіх народнасцяў на акупаванай тэрыторыі. Трэці штуршок далі літоўцы – абвяшчэнне незалежнасці Літвы вымусіла беларусаў адмовіцца ад федэратыўных ідэй. І, урэшце развіццё самастойнага беларускага руху, які набіраў абароты з 1916-1917 гадоў (эканамічны прагматызм ў праектах і арганізацыя «Сувязі незалежнасці...»).

Рамантычны прагматызм беларусаў 1915 – 1918 гадоў выліўся ў пальчатку, кінутую Расіі і Польшчы[27] . На жаль, збег абставін як знешніх, так і ўнутраных прывёў да паразы ў гэтым паядынку.

---

[24] F21- Baltarusios fondas. – 1917 г. – 19 арк. – Арк. 8.

[25] F21- Baltarusios fondas. – 1917 г. – 19 арк. – Арк. 10.

[26] Zenowiusz Ponarski Konfederacja Ksikstwa Litewskiego 1915 – 1916 // Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – Biaiystok, – 1998. – S. 65.

[27] Turonek, Jerzy. Waciaw Iwanowski i odrodzenie Biaiorusi / Jerzy Turonek – Warszawa, 1992. – S. 5.

МОНИКА ФАМЕЛЕЦ

Быдгощ

НАИМЕНОВАНИЯ БРЕСТСКИХ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Интересная и одновременно сложная топонимическая ситуация одного из старейших и крупнейших городов Беларуси частично уже рассматривалась нами в ряде опубликованных статей [1; 2; 3].

Интенсивное развитие Бреста, начавшееся после включения в 1939 году Западной Беларуси в состав БССР, было прервано вероломным нападением 22 июня 1941 года гитлеровской Германии на СССР. За период немецко-фашистской оккупации в Бресте были уничтожены 40 000 человек, 17 000 брестчан вывезены на принудительные работы. В освобождённом городе остались лишь 14 960 человек. Во время немецкого отступления очень сильно пострадала также городская застройка. Лучшие здания улиц Советской, Пушкинской, Комсомольской, Садовой были взорваны и сожжены. Жилищный фонд города был разрушен более чем на 30 %. Гитлеровцы уничтожили школы, библиотеки и клубы, взорвали все промышленные предприятия Бреста.

После освобождения Бреста войсками армий 1-го Белорусского фронта в результате Люблинско-Брестской операции 28 июля 1944 года перед населением города встала неотложная задача быстро его восстановить: озеленить, привести в порядок дороги, тротуары – разрушенное войной коммунальное хозяйство. Работой руководил организованный 29 августа 1944 года отдел коммунального хозяйства Брестского городского исполнительного комитета. 14 октября 1944 года состоялась сессия Брестского городского Совета депутатов трудящихся, решением которой предусматривалось привлечь к участию в восстановительных работах всё трудоспособное население города, активизировать в этом плане деятельность профсоюзных, комсомольских и общественных организаций. За целый 1944 год было проведено 10 массовых мероприятий по благоустройству города, участие в которых приняли 5 тысяч человек и на которые было отведено больше чем 20 тысяч часов. В те времена в городе были 2 парка, 4 сквера, насчитывалось 4037 садов. В целом, площадь зелёных насаждений составляла 201 га. Были установлены границы зелёной зоны Бреста, выполняющей санитарно-гигиеническую и оборонную функции.

В 1945 году в соответствии с решением Совета Министров БССР начались работы по генеральному плану восстановления и реконструкции Бреста. Его разработка велась сотрудниками института «Белгоспроект» и была завершена в 1948 году (план уточнялся и корректировался под руководством архитектора Г.А. Парсаданова). Генплан определял направление развития города на два послевоенных десятилетия и предусматривал совершенствование планировочной структуры города, разделял всю территорию Бреста на планировочные районы, которые в свою очередь делились на промышленные и жилые районы, микрорайоны. Город развивался в восточном (районы Киевка и Восток), северном (Адамково, Речица, Граевка) и частично южном направлениях. Предусматривались восстановление, реконструкция и благоустройство центра города и главных его магистралей – улицы Ленина, соединявшей Привокзальную площадь с набережной реки Мухавец, и Московской, ведущей от Брестской крепости к шоссе Брест – Москва. Застраивалась площадь Ленина, ставшая административно-общественным центром Бреста. Новые жилые дома и торгово-бытовые объекты возводились на центральных улицах города, а также в ближайших деревнях и посёлках, которые постепенно были включены в черту города.

Значительные результаты этих работ в городе были достигнуты в 1950-е годы. В частности, были вымощены: проезжая часть улицы 1 Мая (1926,4 м^2), ул. Гоголя (1245 м^2), Мостовая (3800 м^2), Энгельса, Красногвардейская и Полевая. Были отремонтированы мостовые улиц Депутатская, Баррикадная, ремонтировались – Кривая, 1 Мая, Респуб-

ликанская, начали асфальтировать Советскую и Пушкинскую. Согласно решению горисполкома от 1 июня 1954 году, общественными силами в городе были благоустроены парк имени 1 Мая, 8 городских скверов, 20 улиц, пляж на реке Мухавец. На протяжении 1957 года было уложено 4228 м^2 плиточных тротуаров, а 5318 м^2 – заасфальтировано. Комсомольцы приняли активное участие как в благоустройстве парка имени 1 Мая, так и в постройке стадиона «Спартак». Особое значение придавалось благоустройству парков и скверов и озеленению города – высажено более 14 тысяч декоративных деревьев и 27 800 кустов. На только что отремонтированных улицах Комсомольской, Советской, Держинского, Пушкинской в 1951-1957 гг. были построены 2-, 3-этажные жилые дома. Была благоустроена Привокзальная площадь, реконструирован разрушенный во время войны железнодорожный вокзал (1956 г.), в центральной части города построены здания универмага (1955 г.), швейного ателье (1956 г.), гостиницы «Буг» (1958 г.).

Согласно новому разработанному и утверждённому в 1965 году (в том же институте) генплану, дальнейшее развитие города происходило в восточном направлении. С 1967 года ведётся застройка нового жилого района Восток, включающего 7 микрорайонов и общественный центр. В начале 1970 года Брест насчитывал уже 6 районов: Южный, Центральный, Восточный, Граевка, Адамково-Речица и район Каменецкого шоссе [см. 4, с. 39; 5, с. 440 – 451; 6, с. 94; 7, с. 16 – 17].

Границы послевоенного города расширялись за счёт постепенно включаемых окрестных деревень, улицы которых автоматически становились брестскими. В 1958 году в городскую черту вошли деревни Адамково, Берёзовка I, Берёзовка II, Ковалёво, Лысая Гора, Южный, посёлки мясокомбината и кирпичного завода № 22 [9], в 1968 – Берёзовка, Вулька-Подгородская, Гузни, Котельня-Пригородская, Крушина, Речица и Тришин [10], а в 1979 году – Дубровка, Катин бор и Пугачёво [11]. В 1978 году образовано два административно-территориальные района – Ленинский и Московский [8, с. 272; 12].

В настоящей работе процесс переименований линейных объектов города Бреста анализируется на основе ряда архивных документов, хранящихся в Брестском государственном архиве Брестской области (ГАБО), принятых исполнительным комитетом Брестского городского Совета депутатов трудящихся в период с 1944 по 1967 год. Как указывает собранный нами онимический материал, работники исполкома руководствовались самыми разными мотивами переименования или наименования брестских линейных объектов в послевоенный период.

Итак, самый первый из находящихся в нашем распоряжении документов-протоколов заседаний Брестского городского Совета депутатов трудящихся от 7 октября 1944 г. касается постановления переименования улиц города Бреста Белостокской и Трудовой с присвоением им имён героев Советского Союза, павших в борьбе с немецкими захватчиками за освобождение города Бреста, Александрова и Тарнопольского (*ул. Белостокская* получила название *ул. им. Александрова*, а *Трудовая – им. Тарнопольского* [13]). Для увековечения памяти защитника Брестской крепости[1] лейтенанта Наганова, павшего смертью храбрых при защите Брестской крепости от немецко-фашистских захватчиков во время Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.), исполком решил вновь образованную улицу в городе наименовать *улицей имени Наганова* [14]. Рассмотрев материалы, представленные городской комиссией по увековечению героических подвигов советских людей в период революции и Великой Отечественной войны и ходатайство политотдела войсковой части 2187, принято решение о переименовании *ул. Трудовой* в *ул. А. М. Кижеватого* [15]. В целях увековечения памяти героя Советского Союза генерал-полковника Попова Василия Степановича, начальника Брестского гарнизона в 1941 году, возглавившего боевые действия против немецко-фашистских захватчиков и в связи с 30-й годовщиной освобождения Советской Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков решением исполкома улице *Полесской* присвоено имя генерала Попова Василия Степа-

[1] Все определения – названия занимаемых должностей приводятся по источникам.

новича (*улица генерала Попова*), а *улице Речицкой* – имя лейтенанта Акимочкина Ивана Филипповича (*улица лейтенанта Акимочкина*) [16]. В честь бывшего секретаря Брестского областного комитета КПЗБ Сергея Богданчука исполком областного Совета народных депутатов принял предложение Брестского горисполкома о присвоении *улице Гузнянской имени Сергея Богданчука* [17; 18]. В честь активных участников революционного подполья З.Ф. Поплавского и Н.Н. Дворникова, после рассмотрения ходатайства общего собрания старых коммунистов города Бреста и библиографических справок, исполком решил переименовать *ул. Переезд* в *ул. Поплавского* [19] и *ул. Виленскую* в *ул. Дворникова* [20]. Учитывая большие заслуги Л.А. Базановой в освобождении города Бреста от немецко-фашистских захватчиков, решением исполкома переименовано *улицу Торфяную* в *улицу Базановой Л.А.* [21].

Далее, идя навстречу пожеланиям трудящихся города о присвоении имени великого вождя Владимира Ильича Ленина одной из главных улиц Бреста, исполком решил переименовать *ул. 17 Сентября,* являющуюся в это время центральной улицей города в *ул. Им. В.И. Ленина*. Вследствие этого *ул. Им. Ленина* переименовано в *ул. Широкую*, а *ул. Переца* – в *ул. им. 17 Сентября* [22].

В соответствии с генеральным планом восстановления и реконструкции города Бреста, а также в связи с застройкой индивидуальными домами района улиц Авиационной и Пригородной решением исполкома в районе ул. Авиационной запланировано пять новых улиц: *1-й Северный переулок*, *2-й Северный переулок*, *3-й Северный переулок*, *4-й Северный переулок* и *ул. Александра Матросова* от ул. Обиходная до 5-го Северного переулка; а в районе ул. Пригородной – три новых улицы: *ул. Лизы Чайкиной*, ул. Пригородная до ул. Граничной была расширена и продлена, и *ул. Шишкина* [23]. В целях упорядочения в наименовании улиц города Бреста *улицу Лермонтова* переименовано в *переулок Лермонтова* [24], а в результате перепланировки квартала улиц Северная-Крестьянская-Чернавчицкая и Обходная возникла необходимость в возникновении новой улицы, названной *именем Заслонова* [25]. С расширением городских границ возникла потребность в упорядочении наименований улиц в посёлках Адамково, Лысая Гора, Берёзовка – 1, Берёзовка – 2, Кирпичного Завода № 22, Мясокомбината и прочих территорий, входящих в черту города. Решением Брестского исполкома в посёлке Адамково переименованы *ул. Стаханова* на *переулок Виленский*, *ул. Восточную* на *ул. Весёлую*, *ул. Кооперативную* на – *Дачную*, *ул. Пионерскую* на – *Речицкую*, *ул. Северную* на – *Цветочную*, *ул. Гастелло* на – *Голубиную*, *ул. Добрую* на – *Медовую*. Проезду вдоль железнодорожной ветки на станции Брест-Западный от ул. Виленской присвоено название *ул. Межевая*. В посёлке Мясокомбината проезду от ул. Межевой к мясокомбинату присвоено название *ул. Карбышева*, *ул. Граничная* переименована на *ул. Западную*, безымянному проезду присвоено название *ул. Задорожная*. В посёлке Кирпичного Завода № 22 проездам присвоены названия: *ул. Кирпичная* и *ул. Озёрная*. В посёлке Берёзовка – 1 проездам присвоены названия: *переулок Герцена* и *переулок Берёзовский*. В посёлке Берёзовка – 2 переименована *ул. Полевую* на *ул. Ольховую*. Дороге, соединяющей ул. Фортечную с шоссе на Каменец, присвоено название *ул. Инженерная*. Шоссейной дороге на Каменец от ул. Переезд до границы городской черты присвоено название *улицы Каменецкое шоссе*. В посёлке Лысая Гора проездам присвоено следующие названия: *ул. Белорусская*, *ул. Аэродромная*, *ул. Беловежская*, *ул. Целинная*, *ул. Лысая Гора*, *ул. Проходная*, *ул. Огородная* и *ул. Дубровская*. На предместье Волынка проезду вдоль посёлка Новая Аркадия присвоено название *ул. Новая Аркадия*. Шоссейной дороге от улицы Фортечной до деревни Берёзовка присвоено название *улица Шоссейная* [26]. Учитывая пожелания трудящихся города в части упорядочения наименования улиц, исполком решил упразднить ряд улиц. В результате *улицам Фомина* и *Депутатской* присвоено наименование *улица Московская*, *улице Розы Люксембург – ул. Гоголя, улице Минской – ул. Пушкинской*, *улице Мостовой – Брестских дивизий*, а *улице Новокаштановой – Фомина* [27].

Поводом для переименования ряда улиц в те времена были различные юбилеи. Итак, в связи с 30-летним юбилеем пограничных войск СССР и ознаменованием «Дня Пограничника» переименовано *улицу Белостокскую* в *улицу Советских Пограничников* [28]. В честь ознаменования 20-летия героической обороны Брестской крепости были переименованы: *улица Тереспольская* в *улицу имени Фомичева*, *улица Новокаштановая* в – *Зубачева*, ранее именуемая *улица Зубачева* получила название *Первый Западный тупик*, а бывшая *улица Фомина* наименована *Второй Западный тупик* [29]. В соответствии с постановлением бюро Брестского ГК КПБ от 17 мая 1972 года «О подготовке и проведению празднования 50-летия СССР» решено присвоить условно названной ул. Районной № 2 Восточного микрорайона название – *Партизанский проспект* [30].

Рассмотрение ходатайства городского отдела коммунального хозяйства привело к переименованию *Минского переулка* во *2-й Минский переулок* и присвоению наименования *I-й Минский переулок* существующему переулку под названием ул. Минская [31].

Учитывая настоятельную просьбу некоторой части жителей улицы лейтенанта Акимочкина, исполком решил восстановить наименование ул. «Речицкая» части улицы лейтенанта Акимочкина, в пределах от улицы Западная до ул. Солнечная и впредь именовать эту часть *улицей «Речицкая».* Части от ул. Солнечной до ул. Дворникова оставлено наименование *улица* «*Акимочкина*» [32].

Приведённые выше данные архивных источников позволяют нам сделать выводы о том, что решения исполнительного комитета Брестского городского Совета депутатов трудящихся о переименовании и наименовании брестских линейных объектов в послевоенный период обусловлены разнообразными причинами. В разрушенном Бресте прокладывалось много новых улиц, застраивались окраины, которые необходимо было называть. Кроме того, в границу города постоянно включались окрестные деревни, улицы которых после переименования во избежание дублирования существующих уже наименований тоже становились брестскими. Итак, большинство новых названий возникло именно в целях упорядочения наименований улиц в посёлках, входящих в черту города. Таким образом, присвоено 28 названий. В связи с упорядочением в наименовании улиц города Бреста переименованы улицы в переулки, а в результате упразднения ряда названий новые наименования присвоены 5 улицам. В соответствии с генеральным планом восстановления и реконструкции города, а также в связи с застройкой домами вновь образовано 8 улиц, которые, соответственно, получили свои названия.

Типичным для этого времени было наименование улиц именами, знаменующими недавние, значимые для истории города, события. Итак, 12 названий дано в целях увековечения памяти имен Героев Советского Союза, павших в борьбе с немецкими захватчиками за освобождение города Бреста, в том числе руководителям обороны Брестской крепости. 5 наименований было присвоено в честь активных участников революционного подполья Западной Белоруссии и вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Хорошим поводом для переименования и присвоения новых названий трем улицам были юбилеи. Решения исполкома учитывали как ходатайство горотдела коммунального хозяйства, так и якобы настоятельную просьбу части жителей одной из улиц. В представленном онимическом материале очень много перемен символических, не имеющих привязки к событиям, ландшафту, объекту, находящемуся в городе (напр. *ул. Кооперативную* переименовано в *ул. Дачную*, *Пионерскую* – в *Речицкую*, *Граничную* – в *Западную*, *Гастелло* – в *Голубиную*).

В общем, в результате послевоенного процесса восстановления города над Бугом, согласно доступным нам документам, свои названия получило или поменяло 67 линейных объектов. Переименовано 28 улиц; проложено 9 новых, 1 – вновь образовано. Новые названия присвоены 16 проездам, 3 дорогам, 8 улицам, 1 – переулку, а 1 наименование было восстановлено.

Список литературы

1. Famielec, M. Analiza semantyczna urbanonimyw Brzeњcia w ujkciu historycznym / M.Famielec // Polsko-biaioruskie zwi№zki jkzykowe, literackie, historyczne, kulturowe, red. M. Kondratiuk i B. Siegiec. – Biaiystok, 2006. – S. 187 – 195.

2. Famielec, M. Переименования брестских линейных объектов (1939 – 1941 гг.) / M. Famielec // Acta Albaruthenica Rossica Polonica: материалы междунар. науч. конф. «Беларуско-русско-польское сопоставительное языкознание, литературознание и культурология» (Witebsk, 25 – 27.04.2006), – Віцебск, 2006. – S. 361 – 364.

3. Famielec, M. Zmiany w nazewnictwie ulic Brzeњcia (lata 1941 – 1944) / M. Famielec // Polsko-biaioruskie zwi№zki jkzykowe, literackie, historyczne, kulturowe / red. S. Musijenko i I. Krec. – Grodno, 2007. – S. 157 – 162.

4. Купцова, В.Г. Я иду по городу, по знакомой улице... Путешествия по улицам довоенного и современного Бреста / В.Г.Купцова. – Брест, 2007.

5. Память: гістарычна-дакументальная хроніка Брэста. У 2 кн. Кн. 2 / Р.Р.Бысюк [і інш.]. – Мінск, 2001.

6. Брестская область / И.И. Манюк [и др.]. – Минск, 1987.

7. Гарады і вёскі Беларусі. Брэсцкая вобласць. Кн. 1. – Минск, 2006.

8. Брест: энциклопедический справочник. – Минск, 1987.

9. Указ прэзідыўма Вярхоўнага Совета БССР от 31 III 1958 г. «О включении в городскую черту города Бреста ряда населённых пунктов Брестского района» // ГАБО. – Ф. 815. – Оп. 10. – Д. 18. – Л. 9.

10. Указ президиума Верховного Совета БССР «О включении в черту г. Бреста некоторых населённых пунктов Брестского района» // ГАБО. – Ф. 815. – Оп. 10. – Д. 958. – Л. 1.

11. Указ президиума Верховного Совета Белорусской ССР//Собрание законов Белорусской ССР, указов президиума Верховного Совета Белорусской ССР, Постановлений Совета Министров Белорусской ССР (5. XI – 25. XII 1979 г.), Статья 589. – С. 570.

12. Указ Президиума Верховного Совета БССР от 7 апреля 1978 г. «Об образовании районов в городах Бресте и Гродно» // ГАБО. – Ф. 815. – Оп. 10. – Д. 2058. – Л. 77.

13. Протоколы заседаний, решения городского исполнительного комитета и документы к ним (с 1 VIII 1944 по 28 XII 1944); Протокол №8 заседания Исполкома Брестского Городского Совета Депутатов Трудящихся от 7 октября 1944 г. «О переименовании улиц города Бреста с присвоением имён героев Советского Союза павших в борьбе с немецкими захватчиками за освобождение гор. Бреста» // ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 90.

14. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 78. – Л. 259. Протоколы заседаний исполнительного комитета Брестского Совета депутатов трудящихся, том № 4, (с 18. V.1954 по 22. VI. 1954); Решение от 8 июня 1954 г. № 668 «О присвоении наименования вновь образованной улице в гор. Бресте».

15. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 411. Протоколы № 7 – 12 заседаний, решения горисполкома и материалы к ним. Решение от 18 мая 1967 г. № 214. «Об увековечении героических подвигов Советских людей в период революции и Великой Отечественной войны».

16. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 812. – Л. 258-9. Протоколы заседаний и решения исполкома городского Совета депутатов трудящихся и материалы к ним (с 23 мая по 18 июля 1974 г). Решение от 20 июня 1974 г. № 406. «О присвоении имени генерала В.С.Попова и лейтенанта Акимочкина И.Ф. улицам Полесской и Речицкой».

17. ГАБО. – Ф. 783. – Оп.3. – Д. 1127. – Л. 367. Протоколы заседаний исполкома Брестского горсовета народных депутатов и документы к ним (с 17 мая по 28 июня 1984 г.). Решение от 28 июня 1984 г. № 492. «О переименовании улицы Гузнянской в улицу Сергея Богданчука». Рассмотрев ходатайство группы ветеранов партии, войны и труда, бывших членов КПЗБ, о присвоении одной из ул. города Бреста имени бывшего секретаря Брестского окружного комитета КПЗБ Сергея Ефимовича Богданчука, исполком Брестского горсовета народных депутатов решил просить исполком Брестского областного Совета народных депутатов переимено-

вать улицу Гузнянскую, присвоить ей имя Сергея Богданчука, бывшего секретаря Брестского областного комитета КПЗБ.

18. ГАБО. – Ф. 815. – Оп. 10. – Д. 2791. – Л. 2. Документы об изменении Административно-териториального деления области за 1984 г. (решения, справки и др.). Решение от 20 августа 1984 г. № 564. «О присвоении улице Гузнянской в городе Бресте им. Сергея Богданчука».

19. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 579. – Л. 94. Протоколы № 1 – 6 заседаний, решения горисполкома и материалы к ним. (с 11 января по 21 марта 1968 г.). Решение от 25 января 1968 г. № 28. «Об увековечении памяти З.Ф. Поплавского».

20. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 530. – Л. 157. Протоколы № 13 – 19 заседаний, решения горисполкома и материалы к ним. (с 1 мая по 24 августа 1967 г.). Решение от 29 июня 1967 г. № 284. «Об увековечении памяти Дворникова Н.Н».

21. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 530. – Л. 282. Протоколы № 13-19 заседаний, решения горисполкома и материалы к ним. (с 1 мая по 24 августа 1967 г.). Решение от 3 августа 1967 г. № 350. «Об увековечении памяти Базановой Л.А».

22. ГАБО. – Ф. 630. – Оп. 1. – Д. 18б. – Л. 54. Решения исполнительного комитета Брестского городского Совета депутатов трудящихся (с 19 января по 3 ноября 1948). Решение от 12 октября 1948 № 930. «О переименовании улиц».

23. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 350. Решения и протоколы заседаний Брестского горисполкома (с 6 января по 15 марта 1949); Решение от 8 марта 1949 г. № 249. «О пробивке новых улиц в соответствии с ген. планом восстановления и реконструкции г. Бреста».

24. ГАБО. – Ф. 731. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 321. Протоколы заседаний исполнительного комитета Брестского Совета депутатов трудящихся, том нр 7, (с 11 XI 1952 по 31 XII 1952); Решение от 31 декабря 1952 г. № 1310. «О переименовании ул. Лермонтова в переулок Лермонтова».

25. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 112. – Л. 117. Протоколы заседаний исполнительного комитета Брестского Совета депутатов трудящихся, том нр 5, (с 5 VII 1955 по 13 IX 1955); Решение от 23 июля 1955 г. № 706. «О присвоении названия вновь образовавшейся улице в квартале № 4 гор. Бреста».

26. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 205. – Л. 69 – 70. Протоколы заседаний исполкома Брестского горсовета депутатов трудящихся за 1958 г. (с 3 июня по 29 июля 1958 г.). Решение от 17 июня 1958 г. № 429. «Об упорядочении наименований улиц в гор. Бресте».

27. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 441. – Л. 127. Протоколы и решения заседаний горисполкома (с 4 ноября по 29 декабря 1965 г.). Решение от 18 ноября 1965 г. «Об упорядочении наименования улиц города».

28. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 106. Решения и протоколы заседаний Брестского Горисполкома (с 6 марта по 17 апреля 1951); Решение от 18 марта 1951 г. № 338. «О переименовании ул. Белостокской в ул. “Советских пограничников”».

29. ГАБО. – Ф. 783. Оп. 3. – Д. 308. – Л. 237. Протоколы заседаний исполкома Брестского городского совета депутатов трудящихся (с 5 мая по 30 июня 1961 г). Решение от 22 июня 1961 г. № 395. «О переименовании ул. в г. Бресте».

30. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 742. – Л. 77. Протоколы заседаний и решения исполкома городского Совета депутатов трудящихся и материалы к ним (с 3 октября по 23 ноября 1972 г.). Решение от 12 октября 1972 г. № 612. «О присвоении названия условно названной ул. Районной № 2 Восточного микрорайона “Партизанский проспект“».

31. ГАБО. – Ф. 738. – Оп. 3. – Д. 378. – Л. 258. Протоколы заседаний исполкома Брестского горсовета депутатов трудящихся за 1963 г. (от 1 июня по 29 августа 1963 г.). Решение от 15 августа 1963 г. № 490. «О переименовании Минского переулка во 2-ой Минский и с присвоением наименования I-ый Минский переулок существующему переулку по ул. Минской».

32. ГАБО. – Ф. 783. – Оп. 3. – Д. 891. – Л. 165. Протоколы заседаний и решения исполкома городского Совета депутатов трудящихся и материалы к ним (с 8 января по 19 февраля 1976 г.). Решение от 22 января 1976.

33. О востановлении наименования улицы «Речицкая».

ИОСИФ ДОРНЯК

Гродно

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКОЙ ПОЛЬША В 1990-е ГОДЫ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В ходе произошедших перемен на рубеже 80-х – начале 90-х годов прошедшего столетия суть и содержание культурной жизни в Республике Беларусь стали быстро меняться. Получение Республикой Беларусь статуса независимого государства способствовало самостоятельному осуществлению культурных связей с зарубежными странами, равноправному участию в международных культурных обменах, интеграции в мировое культурное пространство, осознанию самобытности национальной культуры.

Однако возможность такого участия на начальном этапе использовалась недостаточно активно. В стране отсутствовала собственная концепция зарубежных культурных связей с разработанной системой национальных приоритетов, учитывающих сложившиеся в республике связи с соседними государствами и регионами, зарубежным землячеством. Сказывались также слабая координация и планирование обменов, отсутствие достаточно квалифицированных кадров (правовых, внешнеэкономических), навыков деловых связей с зарубежными партнерами, знание международной конъюнктуры. Это усугублялось незнанием зарубежными специализированными фирмами, а зачастую и общественностью стран, культуры народа Беларуси, ее особого места в контексте славянских культур. Кроме этого, социально-культурная сфера приняла на себя главный удар экономического кризиса, сопровождающего переходный период в белорусском обществе. Все это вызывало опасения в образовании небезопасного положения преобразования Беларуси в культурную провинцию Европы.

В Предложениях Министерства культуры по совершенствованию системы связей с зарубежными странами в области культуры, направленными в конце 1991 г. на рассмотрения в Совет Министров Республики Беларусь, были впервые сформулированы особенности и определены приоритеты политики Беларуси в области международного культурного сотрудничества [1, л. 245].

Особое значение в преодоления кризисных явлений начала 90-х XX в. приобрело реформирование национального законодательства с целью создание на обновленной содержательной основе в области культурной деятельности нормативной базы, которая бы учитывала особенности исторического развития Беларуси и отвечала изменившимся геополитическим условиям в регионе. Главной законодательной и идейной основой деятельности по развитию международных связей стали положения Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями 1996 г.), принятые Верховным Советом Республики Беларусь закон «О культуре в Республике Беларусь» (04.06.1991 г.), «Об охране историко-культурного наследия» (13.11.1992 г.), «Об национальных меньшинствах в Республике Беларусь» (17.11.1992 г.).

Первый протокол о сотрудничестве между Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством культуры и искусств Республики Польша на 1991 – 1992 гг. был подписан еще осенью 1990 г. и составлен на основе положения Договора о дружбе и сотрудничестве Польской Народной Республикой и СССР от 8 апреля 1985 г. [2, л.74]. Однако уже здесь можно отметить ряд моментов, сохранивших свою актуальность в последующем. В первом пункте протокола был воплощен один из главных принципов будущей концепции культурного сотрудничества – развитие паритетных и добрососедских отношений. Особое внимание уделялось вопросу развития национальных меньшинств, польского в Беларуси и белорусского в Польше. Достаточно развернуто были представ-

лены основные направления и организационные формы сотрудничества на период действия протокола. Единственное, что подверглось радикальному изменению в протокольной части сотрудничества, так это название польско-советской межправительственной комиссии по делам культурного наследия, именуемой в дальнейшем белорусско-польской консультационной комиссией по вопросам историко-культурного наследия.

Насыщенным и содержательным для двусторонних контактов оказался 1992 год, в течении которого состоялся ряд встреч на высшем уровне. Во время визита Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевича в Варшаву (23 – 24 июня) был подписан договор о добрососедстве и дружественном сотрудничестве. В статье договора 22 обе стороны заявили: «Принимая во внимание позитивные ценности многовекового культурного наследия белорусского и польского народов и их вклада в европейскую цивилизацию, договаривающиеся стороны будут содействовать дальнейшему сотрудничеству в области культуры, науки, образования и информации». В том же году, во время визита 18 ноября премьер-министра Республики Польша Ханны Сухоцкой в Республику Беларусь, была подписана «*Декларация о сотрудничестве в области культуры, науки и образования*, *соглашение о сотрудничестве в области науки и технологий*» [3, л.7]. Указанными событиями был завершен начальный этап создания правовых рамок двусторонних отношений в культурной сфере. К этому времени стороны смогли определить основные направления и формы сотрудничества, сформулировать подходы сторон по широкому спектру двусторонних вопросов в области гуманитарных и культурных взаимоотношений. Вошло в добрую практику ежегодное подписание двухгодичных протоколов с рабочим планом реализации двустороннего сотрудничества.

В первой половине 1990-х был подписан еще ряд важных договоров, способствовавших развитию связей в гуманитарной и культурной сфере. Большое значение в этом плане имело Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в области культуры, науки и образования, которое было подписано 27 ноября 1995 г. в г. Варшаве. В рамках данного соглашения обе стороны очертили широкий круг вопросов, требующих взаимной заинтересованности и совместного участия в их решении. Это касалось своевременного информирования сторон о проведении конференций, конкурсов, фестивалей, различных мероприятий в области культуры и искусства; налаживания непосредственных контактов и взаимного обмена оперными, балетными, театральными трупами; содействия по развитию обменов выставками между государственными музеями, галереями, библиотеками, архивами; сотрудничества в области кинематографии. Соглашение также отражало целеустремленность сторон по развитию сотрудничества и обмена в области образования, которое должно было проявляется в обмене учителями и учениками, специалистами в области образования; поддержке сотрудничества в области высшей школы.

В 1993 – 1995 гг. продолжалась работа по соглашениям от 5 марта 1992 г. и от 20 апреля 1994 г. между Министерствами образования и науки Республики Беларусь и Министерством национального образования Республики Польша. В связи с истечением 31 декабря 1995 г. срока действия межведомственного соглашения, белорусской стороной был подготовлен проект соглашения на 1996 – 1997 гг. и во время нахождения делегации в Варшаве в июне 1995 г. был обсужден с польской стороной. Однако 30 июня 1995 г. был подписан только Рабочий план к соглашению о сотрудничестве от 20 апреля 1994 г. Только 18 марта 1997 г. в Варшаве Министерство национального образования Республики Польша и Министерство образования Республики Беларусь подписали соглашение о двустороннем сотрудничестве в области образования на 1997 – 1999 гг.

Актуальной проблемой стал поиск организационных структур, которые смогли бы не только решать накопившиеся вопросы, но и в результате своей деятельности инициировали бы создание новых возможностей и форм сотрудничества. В 1992 г. была образована межправительственная белорусско-польская комиссия по сотрудничеству в области науки и технологий, что говорит о существовании у сторон взаим-

ной заинтересованности и необходимости продолжать совершенствовать правовое поле в данном направлении. Ее задачами было создание условий для проведения совместных научных и научно-практических конференций, обмен тематической информацией и документацией, способствование по исполнению совместных программ и проектов, а также решение задач, сформулированных в двусторонних соглашениях, касающихся этой сферы [4]. Всего с момента создания комиссии и до 2004 г. было проведено 8 совместных заседаний. В рамках Исполнительной программы выполняются 72 совместных проекта [5, с. 44]. Тематика проектов весьма разнообразна: химия, информатика, электротехника, строительство и архитектура, биология и охрана окружающей среды, гуманитарные науки и др. Результатом восьмого заседания комиссии, состоявшегося 20 – 21 октября 2003 г. в Варшаве, стала договоренность о проведении на территории Польши (октябрь 2004 г.) очередной совместной Белорусско-Польской выставки научно-технических достижений.

Широкому представлению белорусской культуры и искусства в Польше, а польской культуры и искусств в Беларуси, содействию по развитию белорусско-польских культурных связей, поддержке деятельности белорусского меньшинства в Польше и польского – в Беларуси должны были способствовать культурные учреждения. Согласно подписанному Договору о добрососедстве и дружественном сотрудничестве, стороны в границах своего внутреннего законодательства должны были образовать на территории своих государств Культурный Центр Беларуси в Республике Польша и Польский Институт в Республике Беларусь и оказывать им всестороннюю помощь. В соответствии с поручением Кабинета Министров Республики Беларусь от 4 декабря 1994 г. Министерство иностранных дел совместно с Министерством культуры подписали проект соглашения между правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша об открытии и деятельности Культурного центра Беларуси в Польше и Польского института в Беларуси. Идея создания Польского института в Минске высказывалась польской стороной еще до подписания двустороннего соглашения, а уже в 1997г. он de facto начал свою работу при Посольстве Республики Польша в Минске. Белорусская часть соглашения по открытию Культурного центра в Польше была реализована 3 июля 2008 г. во время торжественного приема в честь Дня независимости Республики Беларусь в Варшаве.

Особое внимание в процессе создания договорно-правового поля уделялось положению национальных меньшинств на территории двух государств и обязательствам сторон по созданию условий, оптимальных для сохранения, развития своей национальной, культурной, языковой, этнической самобытности, свободы вероисповедания без какой-либо дискриминации и при полном равенстве перед законом. Ни одна белорусско-польская встреча на правительственном или же ведомственном уровне не обходилась без рассмотрения непростой ситуации вокруг положения национальных меньшинств. Белорусская и польская стороны в рамках национального законодательства, а так же межгосударственных соглашений должны были поддерживать деятельность общественно-культурных организаций, которые объединяли национальные меньшинства двух стран.

Важной составной частью договорно-правового процесса стало воплощение идеи о национально культурных ценностях Республики Беларусь и Республики Польша, которые являются неотъемлемой частью историко-культурного наследия Европы. Совместные белорусско-польские проекты в области охраны историко-культурного наследия реализовывались в рамках деятельности белорусско-польской консультационной комиссии по вопросам историко-культурного наследия. Она начала свою деятельность на основании соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в области охраны историко-культурного наследия, которое было подписано 25 марта 1995 г. в Варшаве и ратифицировано Законом Республики Беларусь от 26 февраля 1997 г., подписанным Президентом Республики Беларусь. Фактически же деятельность комиссии велась с момента подписания первого протокола двустороннего сотрудничества в области культуры в 1990 году. С этого времени была проделана большая работа по реставрации памятников за счет польской стороны (алтарь XVII

в. в костеле в деревне Волпа, Богоматерь с младенцем XVII в. в костеле в деревне Россь); в создании музейных экспозиций в Беларуси с помощью польской стороны (мебель и экспонаты в депозит музея А. Мицкевича в Новогрудке, были предоставлены архивные материалы для музея Т. Касцюшко, два архитектора из Варшавы работали над экспертизой архитектурных проектов Мирского замка для ЮНЕСКО и др.). Для осуществления совместной деятельности по восстановлению, реставрации и использованию памятных мест, связанных с жизнью и творчествам выдающихся деятелей литературы, истории и культуры 15 мая 1991 г. между Министерством культуры и искусств Польши и Министерством культуры Беларуси было подписано соглашения о создании совместного предприятия «Реноватум» с местом нахождения в г. Минске.

В рамках комиссии были созданы группы экспертов, работающие над совместными проектами в следующих основных направлениях: недвижимые историко-культурные ценности, движимые историко-культурные ценности, библиотеки, книги и библиотечные своды, архивные материалы и своды.

За время деятельности комиссии с 1998 по 2004 гг. было проведено 8 заседаний в Минске, Гродно, Витебске, Новогрудке, Вроцлаве, Гданьске, Торуни, Кракове. Основными вопросами, которые рассматривались на заседаниях, были: совместная работа с польской стороной по проблемам Несвижа и его роли в совместном культурном наследии Польши и Беларуси, формирование долговременной программы полного восстановления дворцово-паркового комплекса, определение будущих функций Несвижских памятников прошлого; совместная работа сотрудников Республиканского музея истории и религии и Варшавского университета по проведению работ по инвентаризации собственности костельных коллекций Беларуси; проведение совместных научных конференций, организация стажировок научных сотрудников, археологов, реставраторов.

Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польши о сотрудничестве в области туризма было подписано в Варшаве 27 ноября 1995 г. Стороны договорились, что будут стремиться к укреплению и развитию взаимного сотрудничества в области туризма между государствами с целью более широкого ознакомления с жизнью, историей и культурой своих народов. Сотрудничество предполагалось реализовывать путем разработки совместных мероприятий с целью обслуживания туристов, в том числе из третьих стран, образования и развития предприятий с участием иностранного капитала, формирование и развитие инфраструктуры, необходимой для реализации туристического сотрудничества, совместных инвестиций в области туризма, обмена специалистами, организацией выставок и ярмарок.

На рубеже 1997 – 1998 гг. начался сложный период дипломатической работы по приданию двустороннему культурному сотрудничеству нового импульса, который продлился вплоть до 2004 года. Данный период, который можно назвать временем нереализованных возможностей, проходил в условиях критического ограничения и свертывания контактов на высшем уровне, демонстративного безучастия в культурных мероприятиях, не выполнения ранее взятых на себя обязательств.

Еще в сентябре 1998 г., когда в Новогрудке проходило празднование 200-летия со дня рождения А. Мицкевича, польская сторона демонстративно снизила уровень своего представительства. По заключениям польских средств массовой информации высшее руководство Польши тогда продемонстрировало неспособность отделить политику от культуры [6, с.210]. Сорванным без объяснений с польской стороны оказалось мероприятие по проведению Дней культуры Польши в Беларуси, запланированные сначала на 1998 г., а затем на 1999 г. Одновременно нереализованным остался визит министра культуры Польши И. Внук-Назаровой в Беларусь осенью 1999 г., предложенный польской стороной. В одностороннем порядке в 1999 г. польской стороной была так же приостановлена работа над проектом межведомственного протокола.

С целью решения возникших проблем, в марте 1999 г. Министерство культуры Республики Беларусь обратилось к польской стороне с предложением принять в Минске

группу экспертов Министерства культуры и искусства Польши для проведения переговоров по вопросам окончательной разработки протокола и обсуждения возможностей организации Дней культуры Польши [7, л. 45]. Однако польские партнеры фактически отказались от организации предложенной встречи.

На этом фоне 24 ноября 2000 г. в Министерстве культуры Республики Беларусь состоялась белорусско-польская встреча на уровне заместителей министров. В ходе этой встречи стороны высказались за нормализацию сотрудничества в области культуры [8, л. 430]. Польская сторона (возглавлял С. Журовский – заместитель министра) проявила интерес к возможности проведения Дня культуры Польши в рамках Международного фестиваля «Славянский базар» в Витебске, а также высказала предварительное намерение о возобновлении работы по подготовке межведомственного протокола о сотрудничестве.

Взятая польской стороной очередная затяжная «пауза» в октябре 2002 г., казалось, должна была уступить место конструктивному диалогу, после того как Министерство культуры через Министерство иностранных дел Республики Беларусь направило польской стороне проект межведомственного соглашения для обсуждения и внесения поправок [9, л. 92]. Выдержав в очередной раз «паузу» сроком почти в один год, в Министерстве культуры Беларуси был получен и рассмотрен проект предложений польской стороны о межведомственном сотрудничестве на 2003 – 2005 гг. Но по причине отсутствия в нем предложений относительно участия белорусской стороны в мероприятиях на территории Польши, что шло в разрез принципу паритетности, а также несоблюдение хронологических рамок, в проект были внесены поправки и отправлены на рассмотрение польским коллегам.

В сложившейся ситуации позицию Польши по данному вопросу прояснил министр культуры В. Домбровский в беседе с послом Республики Беларусь в Польше Н. Кречко, которая состоялась 26 августа 2002 г. По его мнению, основой белорусско-польских связей в области культуры должна стать работа по налаживанию и развитию *прямого сотрудничества* между учреждениями культуры, музеями, творческими союзами, ведущими художественными коллективами, учебными заведениями культуры Беларуси и Польши и т.д. [10].

Окончательное решение в этом почти шестилетнем дипломатическом противостоянии было принято в декабре 2004 года в городе Вроцлаве, где были достигнуты договоренности по ряду вопросов двустороннего белорусско-польского сотрудничества в сфере культуры, оформленные в рамках межведомственного соглашения на 2005 – 2006 гг.

Список литературы

1. Архив Министерства культуры. – Фонд 974. – Оп. 1 – Д. 2060 Справки, информации, докладные записки в Совет Министров БССР.

2. Архив Министерства культуры. – Фонд 974. – Оп. 4. – Д. 41. Документы о разработке и согласовании протокола о сотрудничестве Министерства культуры Республики Беларусь и Министерства культуры и искусств Республики Польша.

3. Архив Министерства иностранных дел. – Фонд 907. – Оп 2. – Д.90 Документы о двусторонних отношениях с Республикой Польша (ноты, информации, справки).

4. Дагавор паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Рэспублікі Польшча аб супрацоўніцтве ў галіне навукі і тэхналогій ад 18 лістапада 1992 г. // Эталон – Международный договор [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ.Беларусь. – Минск, 2007.

5. *Мееровская, О.А.* Международное научно-техническое сотрудничество Республики Беларусь со странами Европейского Союза / О.А. Мееровская // Белорусский экономический журнал. – 2005. – № 1. – С. 40 – 48.

6. Архив Министерства иностранных дел. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 1955 Документы о двусторонних отношениях с Республикой Польша (ноты, информации, справки).

7. Архив Министерства культуры. – Фонд 974. Оп. 4. Д. 41. Протоколы № 9 – 15 заседаний коллегии министерства и документы к ним.

8. Архив Министерства иностранных дел. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 8 (2000 г.) Документы о двусторонних отношениях с Республикой Польша (ноты, информации, справки).

9. Архив Министерства культуры. – Фонд 974. – Оп. – 4. Д. 42. Протоколы №19 – 25 заседаний коллегии министерства и документы к ним.

10. Архив Министерства иностранных дел. – Фонд 907. – Оп. 1. – Д. 639. Документы о двусторонних отношениях с Республикой Польша (ноты, информации, справки.

MIKOJAJ KRUK

Biaiystok

BIAJOSTOCKIE BIAJORUTENIKA W LATACH 2004 – 2005

Biaiostocczyzna jest giywnym skupiskiem Biaiorusinyw w Polsce. Na ogyln№ liczbк prawie 49 tysiкcy osyb tej narodowoњci w naszym regionie mieszka ponad 46 tysiкcy (wykazai to ostatni spis ludnoњci). Obecnoњж tej mniejszoњci najbardziej widoczna jest w їyciu spoieczno-politycznym i kulturalnym [7].

Їycie kulturalne w њrodowisku mniejszoњci biaioruskiej jest dosyж bogate i ryїnorodne. Giywnym inicjatorem i organizatorem imprez kulturalnych jest BTSK. Przez caiy rok systematycznie odbywaj№ siк takie imprezy jak festyny, koncerty i konkursy (np. festiwal «Piosenka Biaioruska», Њwiкto Kultury Biaioruskiej, lipcowe i sierpniowe festyny i wiele innych).

Jeszcze innym organizatorom zawdziкczamy takie imprezy, jak Festiwal Muzyki Miodej Biaiorusi «Basowiszcza» (lipiec) czy Dni Muzyki Cerkiewnej (maj). W marcu 2004 roku w Hajnywce po raz pierwszy odbyiy siк Dni Kina Biaioruskiego.

Rywnieї konferencje naukowe, organizowane przez њrodowisko inteligencji biaioruskiej w Polsce, wpisaiy siк na trwaie w krajobraz їycia naukowego Biaiostocczyzny. W lipcu 2005 roku odbyia siк 13 Miкdzynarodowa Konferencja «Droga ku wzajemnoњci», w ktyrej wziкio udziai ponad 60 naukowcyw z Micska, Grodna, Wilna, Biaiegostoku, Lublina i Warszawy. Na jej zakocczenie odbyiy siк XII Spotkania Artystyczne Biaiystok-Grodno. Rezultatem konferencji jest gruby tom wyst№piec uczestnikyw konferencji [8]. Rywnieї w lipcu w Japiczach pod Krynkami Stowarzyszenie Villa Sokrates zorganizowaio V i VI Trialogi Biaioruskie. W tym przypadku materiaiy ze spotkania s№ publikowane w roczniku «Annus Albaruthenicus». Rywnieї њrodowisko historykyw systematycznie organizuje konferencje naukowe i wyst№pienia uczestnikyw publikuje w «Biaioruskich Zeszytach Historycznych».«

Nie byio zastoju, mimo trudnoњci finansowych, w ruchu wydawniczym. Zgodnie z planem ukazaiy siк roczniki «Annus Albaruthenicus» (Nr 5 i 6) pod red. Sokrata Janowicza i «Termopile» (Nr 8 i 9) pod red. Jana Czykwina. Zawieraj№ one sporo tekstyw z literatury biaioruskiej, takїe artykuiy krytyczne o niej oraz tiumaczenia na jкzyki obce.

Wњryd wydawnictw ksi№їkowych zwracaj№ uwagк fundamentalne џrydia historyczne Jarosiawa Janowicza [9] i Grzegorza Sosny i A.Troc-Sosny [10] oraz pierwsza w Polsce antologia literatury starobiaioruskiej Haliny Twaranowicz [11]. Do ciekawych wydawnictw naleї№ niew№tpliwie eseje historyczne S.Janowicza [12] i wspomnienia Michaia Chmielewskiego [13]. W zakresie literatury piкknej ukazaiy siк kolejne tomiki Biblioteczki «Biaiowieїy» (46-52), takich autoryw, jak Michaњ Andrasiuk, Їenia Martyniuk, Dymitr Szatyiowicz, Halina Twaranowicz, Jurka Bujniuk, a takїe tom szkicyw krytycznych Ludmiiy Zaremby [14]. Ponadto w wydawnictwie UwB ukazaiy siк szkice krytyczno-literackie J.Czykwina [15] i H.Twaranowicz [16], a tygodnik «Niwa» wydai tomik њwietnej poezji Nadzi Artymowicz [17]. Najbardziej burzliw№ dyskusjк wywoiaia «Biaiorusinka» Marty Picskiej (wydana przez Stowarzyszenie Villa Sokrates). Jest to ksi№їka o przeciкtnych walorach artystycznych, ale dobrze siк czyta i jest atrakcyjna w warstwie narracyjnej.

Jako їe w stosunkach miкdzy Polakami i Biaіorusinami na Biaіostocczyџnie zdarzaіy siк ryїne napiкcia i konflikty, dlatego na іamach miejscowej prasy pojawiaіy siк dyskusje o tych stosunkach. Bardzo ciekawa wymiana zdac miaіa miejsce w «Kurierze Porannym» w 2004 roku, w ktуrej zabrali gіos S.Janowicz, Eugeniusz Mironowicz, Marcin Rкbacz, Adam Dobrocski, Bogdan Dudko[18].

Duїo uwagi biaіostocka prasa poњwiкciіa kontrowersjom wokуі katakumb w Supraњlu ale najbardziej dyskutowan№ i konfliktow№ byіa tzw. sprawa «Niwy». Wynikіa ona po znalezionych przez NIK uchybieniach w ksiкgowoњci tygodnika, ktуre zostaіy rozdmuchane przez њrodki masowego przekazu do rozmiarуw afery kryminalnej. Przypomnijmy, їe o zaniedbania oskarїono caі№ Radк Programow№, w ktуrej zasiadaj№ znani dziaіacze i liderzy organizacji biaіoruskich. Jakby tego byіo maіo, NIK przeprowadziі kontrolк w szkoіach z nauczaniem jкzyka biaіoruskiego i zaї№daі od dyrektorуw zebrania od rodzicуw deklaracji, potwierdzaj№cych ich wolк nauczania dzieci jкzyka ojczystego. Byж moїe byіy to rutynowe kontrole, ale sposуb ich przeprowadzenia i pуџniejsza kampania propagandowa, w њrodowisku polskich Biaіorusinуw nasunкіy podejrzenia, iї jest to zaplanowana akcja przeciwko mniejszoњci biaіoruskiej. Co ciekawe, w obronie czіonkуw Rady Programowej wyst№pili tylko Biaіorusini. Najpierw oњwiadczenie ogіosiіo Stowarzyszenie Dziennikarzy Biaіoruskich, a potem dziaіacze i szefowie ryїnych organizacji biaіoruskich w Polsce. Mуwiono w nich o pogarszaj№cej siк atmosferze wokуі mniejszoњci oraz o zniechкcaniu spoіecznoњci biaіoruskiej do dziaіalnoњci publicznej [4, № 11; 5, № 1].

Wnikliwy obserwator їycia spoіecznego na pograniczu, іatwo zauwaїy, їe Polacy toleruj№ biaіorusk№ mniejszoњж dopуty, dopуki ona nie wychodzi poza wіasne њrodowisko. Jak tylko Biaіorusini prуbuj№ zabraж gіos w sprawach publicznych, a do tego jest to gіos krytyczny, natychmiast podnosi siк larum, їe znowu m№c№ spokуj i psuj№ іad. Niestety, racjк chyba miaі J.Chmielewski, ktуry pisaі: «Atmosfera spoіeczna jest wci№ї taka, їe do najmniejszych zwi№zkуw z biaіoruskoњci№ nie ma co siк przyznawaж. Ileї to razy spotykaіem osoby z naszej spoіecznoњci, ktуre odїegnywaіy siк od zaangaїowania w jak№њ sprawк, gdy tylko dowiadywaіy siк, їe ma ona podtekst biaіoruski» [4, № 11, s. 3].

Kaїda nadarzaj№ca siк okazja jest wykorzystywana by zaatakowaж Przewodnicz№cego BTSK Jana Syczewskiego. Jego krytyczna uwaga o ziym traktowaniu Biaіorusinуw przez polskie siuїby graniczne, wypowiedziana na konferencji prasowej ministra spraw zagranicznych Biaіorusi, zostaіa na sesji sejmiku podlaskiego nazwana skandalem politycznym. Co wiкcej, rуwnieї przedstawiciele mniejszoњci maj№ nieuzasadnione pretensje do przewodnicz№cego np. o to, їe przyj№і wysokie odznaczenie pacstwowe z r№k prezydenta Јukaszenki, albo, їe skrytykowaі autorуw audycji «Pad znakam Pahoni» za to, їe zbyt maіo uwagi poњwiкcaj№ kulturze biaіoruskiej, a znacznie wiкcej opozycji na Biaіorusi. Wywi№zaіa siк polemika z Prezesem Zarz№du «Radia Biaіystok», w trakcie ktуrej J.Syczewski udowodniі, їe zainteresowanie radia kultur№ biaіorusk№ czкsto sprowadza siк do kilkusekundowych anonsуw [5, № 4, s. 45 – 46].

Dziennikarze miesiкcznika «Czasopis» ci№gle szukaj№ okazji aby skrytykowaж BTSK (czy jak potocznie siк mуwi «doіoїуж» mu). W jednym ze swoich felietonуw J.Chmielewski [5, № 7 – 8] sk№din№d siusznie chwali nauczycielkк, ktуra przygotowaіa uczniуw ze szkoіy podstawowej i gimnazjum do prezentacji przedstawiec w jкzyku biaіoruskim. Ale przy okazji wyraїa їal, їe na tych prezentacjach nie byіo nikogo z BTSK, bo mogliby, jego zdaniem, posіuchaж jak mуwi№ po biaіorusku ci uczniowie w przeciwiecstwie do jкzyka, ktуrym posіuguj№ siк uczestnicy konkursуw recytatorskich organizowanych przez Stowarzyszenie. J.Chmielewskiemu nie podoba siк i to, їe J.Syczewski narzeka na niedostateczne finansowanie BTSK. A skoro pracuje w Urzкdzie Marszaіkowskim to wіaњciwie «krzyczy na siebie samego». Wyobraџmy jednak sobie jaka byіaby afera, gdyby Przewodnicz№cy zdobyі pieni№dze dla organizacji dziкki ukіadom.

W omawianym tu latach wci№ї jeszcze powracano do wynikуw spisu powszechnego mieszkaccуw Polski. Najczкњciej wyraїany jest smutek z powodu, їe wielu Biaіorusinуw nie przyznaіo siк do swej biaіoruskoњci. Wyniki te њwiadcz№ o postкpuj№cej asymilacji i

polonizacji Biaiorusinyw w Polsce. Moïna chyba powiedzieж, ïe jest to skutek nie tylko polityki pacstwa polskiego, ale teï dobrowolnego wyrzekania siк swych historycznych korzeni i zlewania siк z polsk№ wiкkszoњci№ [4, № 2, s. 3 – 4]. Okazuje siк teï, iï ci ktyrzy zadeklarowali narodowoњж biaiorusk№ to s№ prawie wyi№cznie prawosiawni. Skoro w Polsce mieszka okoio 200 tysiкcy prawosiawnych, jak policzyi K.Goss [4, № 1, s. 40 – 43; № 2, s. 35 – 37], a w samym Biaiymstoku okoio 50 tysiкcy (z ktyrych 80 % podaio narodowoњж polsk№), to kim s№ ci prawosiawni, jeњli nie s№ Biaiorusinami. Na pewno nie s№ to Ukraiccy czy Rosjanie, bo spis wykazai ich њladow№ obecnoњж w Polsce. Niektyrzy mywi№, ïe s№ to «prawosiawni Polacy». Racjк ma chyba J.Chmielewski, ktyry uwaïa, ïe mywienie o prawosiawnych Polakach na Biaiostocczyџnie nie ma powaïnego uzasadnienia. Z powyïszego wynika, ïe duïa czкњж prawosiawnych nie ma poczucia њwiadomoњci narodowej i jest na prostej drodze do stania siк Polakami i katolikami. Wiadomo, ïe cerkiew prawosiawna w Polsce od dawna boryka siк z problemem odchodzenia od prawosiawia. Znane jest zakiadanie w parafiach rzymsko-katolickich specjalnych ksi№g «nowo nawryconych», w ktyrych s№ wpisywani ci, ktyrzy przeszli na katolicyzm (giywnie z prawosiawia). Podobno poiowa spoњryd miodszego i њredniego pokolenia prawosiawnych (ochrzczonych w cerkwiach) jest juï katolikami.

Wspomniany problem nie jest li tylko problemem Cerkwi ale dotyczy caiej mniejszoњci biaioruskiej. «Bo odchodzenie od prawosiawia – pisze J.Chmielewski – w obecnych realiach oznacza automatyczn№ polonizacjк» [4, № 4, s.3]. Czy zatem ratowanie siк przed kurczeniem siк prawosiawia przez przechodzenie w naboïecstwach cerkiewnych jest dobrym i skutecznym pomysiem?

O tym jak ekspansywny bywa polski katolicyzm њwiadcz№ bardzo osobiste wyznania Jerzego Wolskiego o jego diugiej walce z wiasn№ ïon№, fanatyczn№ katoliczk№ o sprowadzenie syna na iono prawosiawnej cerkwi. Byi on ochrzczony w cerkwi a pyџniej dziкki staraniom ïony wpisany w koњciele na listк «nowo nawryconych». Po diugiej walce ojcu udaio siк wyrejestrowaж syna z tej listy i zapisaж na lekcje religii prawosiawnej. Niby wszystko dla ojca zakocczyio siк pomyњlnie, ale matka ïyje w nienawiњci i czeka na rewanï. Co ciekawe, okazaio siк, ïe przodkowie ïony byli prawosiawnymi, a jej ïyj№ca matka jest prawosiawn№ Biaiorusink№.

Nie mniej dramatyczn№ wiasn№ historiк przedstawia felietonistka «Czasopisu» Tamara Fic [4, № 10]. Jako Biaiorusinka zostaia ona odrzucona przez rodzinк mкïa. Jak wyznaje w swoim felietonie od kilkunastu lat s№ oni њmiertelnie obraïeni na jej «kacapskoњж». Nawet ich jedyny wnuk przypomina im «sowieta», czкsto nie pamiкtaj№ o jego urodzinach. S№ przekonani, ïe padli ofiar№ biaioruskiej synowej, ktyra zburzyia ich katolick№ rodzinк.

Ta sama T.Fic przeprowadziia szczer№ rozmowк ze znajom№ o imieniu Agata, prosz№c j№ by wyjaњniia, dlaczego w czasie spisu powszechnego nie przyznaia siк do swej biaioruskoњci i podaia, ïe jest prawosiawn№ Polk№. Okazuje siк, ïe tak naprawdк nie potrafi tego w sposyb logiczny wyjaњniж. Najpierw zaczкia mywiж o wolnej woli, do czego kaïdy ma prawo, a potem juï bardziej konkretnie: «uciekiam od czegoњ co nie byio dobre. Czy uwaïasz, ze to caie biaioruskie chiopstwo to jakiњ powyd do dumy? I czy to w ogyle jest biaioruskie, czy jakieњ nie wiadomo jakie...» [4, № 3, s. 39]. Doszio do tego, ïe Agata wstydzi siк swoich rodzicyw, nie chce ich znaж, bo nie mywi№ po polsku, boi siк utraty przyjaciyi Polakyw, boi siк nawet utraty pracy.

W zwi№zku z wyraџnym kryzysem њwiadomoњci narodowej polskich Biaiorusinyw pojawia siк i wci№ï przypominana jest idea kreowania mniejszoњci Podlaszukyw (Podlasian), czy teï tzw. «tutejszych». Chodzi tu o ludzi identyfikuj№cych siк z terytorium i nie odczuwaj№cych jednoznacznej wiкzi z narodem biaioruskim. Niestety, musimy przyznaж racjк Tamarze Boidak-Janowskiej, ktyra pisze: «Jednoznacznie biaioruska przeszioњж odchodzi u nas na zawsze wraz ze њmierci№ dziadkyw i rodzicyw, a w dzieciach i wnukach coraz bardziej siк rozrzedza i staje siк kompletnie niezrozumiaia» [4, № 3, s. 4].

Rodzi siк pytanie, kim s№ ludzie mieszkaj№cy na Biaiostocczyџnie i mywi№cy jкzykiem podobnym do biaioruskiego. Stosowane tu uciekanie siк do «tutejszoњci» nie ma chyba wiкkszego sensu. Jest to

pryba tworzenia nowych bytyw a jednoczeњnie droga do iagodnego przechodzenia do polskoњci. Nieprzypadkowo T.Boidak-Janowska zatytuiowaia jeden ze swoich felietonyw «Tutejszy, czyli nikt» [4, № 1]. Jej zdaniem, «tutejszy» oznacza to samo co «tubylczy» i ma wymowк pejoratywn№. «Cziowiek pogranicza kulturowego, zdegradowany do «tutejszoњci», nie jest od wiekyw brany powaїnie ani przez kraj, w ktyrym їyje, ani przez s№siadyw tego kraju. Poza polskimi Biaiorusinami juї nigdzie na њwiecie nie dochodzi do takiej samodegradacji narodowoњciowej, aby uwaїaж siк za «tutejszego» [4, № 1, s. 4]. W innym felietonie cytowana autorka dodaje: «Tutejszoњж to jakiњ tymczasowy stan beznarodowoњciowej maipy» [4, № 2, s. 6]. Chociaї niektyre sformuiowania autorki s№ zbyt stanowcze i ostre, to jednak co do meritum sprawy nie moїna z ni№ nie zgodziж siк.

Tak wiкc pryba zast№pienia pojкcia «polscy Biaiorusini» w odniesieniu do tej czкњci obywateli RP, ktyra tworzy mniejszoњж biaiorusk№, pojкciem «tutejsi» jest, naszym zdaniem, zamierzeniem maj№cym podtekst polityczny.

Wiadomo przecieї, їe zbiorowoњж, ktyra ma wiasny jкzyk, kulturк, religiк i i№cz№ce tych ludzi poczucie wspylnoty, tworzy naryd [Zob.: 4, № 4, s. 4]. Tymczasem w znanej polskiej encyklopedii mywi siк, їe w II Rzeczypospolitej Biaiorusini «czкsto okreњlali siк mianem «tutejszych» lub Polakyw, nie rozryїniaj№c pojкcia narodowoњci i obywatelstwa, co uniemoїliwiaio dokiadne okreњlenie liczby Biaiorusinyw» [19]. Po upadku komunizmu w Polsce nasiliiy siк tendencje nawracania Biaiorusinyw czy «tutejszych» na polskoњж i katolickoњж. Jeden z czytelnikyw «Czasopisu» w liњcie do redakcji bez ogrydek pisze, їe to wrogowie narodu biaioruskiego podsuwaj№ okreњlenie «tutejsi» dla Biaiorusinyw z Biaiostocczyzny, bo iatwiej polonizuje siк «tutejszych» niї Biaiorusinyw [4, № 9, s.46].

Groџba utraty biaioruskiej toїsamoњci dotyczy teї Republiki Biaioruњ i powraca w wyst№pieniach wielu historykyw i socjologyw na ryїnych konferencjach naukowych. Tak byio teї na Trialogu Biaioruskim w 2004 roku. Profesor ze Szwecji Barbara Tornquist-Plewa wyraziia w№tpliwoњж czy biaioruski naryd kiedykolwiek siк uformuje. Natomiast socjolog Ryszard Radzik z UMCS stwierdzii, їe wszystko wskazuje na to, їe Biaioruњ zmierza w kierunku jednoczenia siк z Rosj№, a to raczej nic dobrego nie wryїy biaioruskiej toїsamoњci. Tenїe badacz w jednym z wywiadyw radiowych [Zob. przedruk: 4, № 4, s. 24-29] na pytanie czym ryїni№ siк Biaiorusini od Polakyw i innych narodyw oznajmii, їe maj№ oni bardzo siabe poczucie њwiadomoњci narodowej. Dlatego przyszioњж Biaiorusi, jego zdaniem, zaleїy od tego czy Biaiorusini zdobкd№ њwiadomoњж narodow№, czy s№ zdolni do myњlenia w kategoriach interesu narodowego. Musz№ to zrobiж aby zdecydowaж siк czy dalej iњж z Rosj№ czy z Uni№ Europejsk№. Pyki co Biaiorusini kieruj№ siк emocjami i sympatiami b№dџ antypatiami.

Juї od dawna dosyж czarno widzi przyszioњж polskich Biaiorusinyw S.Janowicz. Na przykiadzie swoich rodzimych Krynek dowodzi on, iї polonizacja dzieci rozpoczкia siк juї w czasach komunizmu za przyzwoleniem rodzicyw. Doszio do tego, їe dzieci nie rozumiej№ mowy rodzicyw. Rodzice-internacjonaliњci, jak ich nazywa Janowicz, konsekwentnie nie rozmawiali z dzieжmi po swojemu. Dzieci staiy siк wrogami biaioruskoњci i szczerymi Polakami, co wyraїa siк teї w ich przechodzeniu na katolicyzm. Obecnie ci miodzi masowo emigruj№, moїna wiкc powiedzieж, їe rodzice wychowuj№ emigrantyw, ktyrym prawdopodobnie bкdzie za daleko jechaж by pochowaж rodzicyw. Inne zjawisko, ktyre zaobserwowai Janowicz, to їe z Krynek wyjeїdїaj№ giywnie Biaiorusini, prawosiawni. Bardzo czкsto na ich miejsce przyjeїdїaj№ obcy ludzie, z dalekich stron, wykupuj№ domy i zamieszkuj№ tu. Natomiast Biaiorusini prawie nie wracaj№ na swoje ziemie, uciekaj№ z rodzinnych stron by pracowaж u Niemca czy Wiocha, nieџle zarabiaж i niczym siк nie przejmowaж. Jest to bardzo smutny opis rzeczywistoњci na pograniczu, ale, niestety, prawdziwy.

Rywnieї w omawianym okresie, a dokiadniej w 2005 roku byi dyskutowany postulat utrwalenia w formie pisemnej gwar, ktyrymi posiuguj№ siк na Podlasiu Biaiorusini. Zdaniem niektyrych przedstawicieli mniejszoњci jest to pryba ratowania toїsamoњci narodowej i kulturowej Biaiorusinyw. Jeїy Sulїyk pisze: «Postawienie wyi№cznie na literack№ biaioruszczyznк w budowaniu toїsamoњci narodowej, szczegylnie w poiudniowych rejonach Biaiostocczyzny nie przyniosio przed laty, a i dziњ nie przyniesie poї№danych skutkyw» [5,

№ 3, s. 7]. Gor№cym zwolennikiem pisania «po swojemu» jest dziennikarz, tiumacz, mieszkaj№cy w Pradze, a pochodz№cy z Biaiostocczyzny, Jan Maksymiuk. Opracowai on nawet zasady pisania «po swojemu» [5, Nr 2, s. 14,20]. Zupeinie innego zdania na ten temat jest ta czкњж inteligencji, ktyra posiuguje siк w swej twyrczoњci jкzykiem literackim. Rzeczywiњcie naleїy zgodziж siк z tymi, ktyrzy nawoiuj№ do tego by zachowaж jкzyk swego dziecicstwa, jкzyk rodzicyw, naleїy go uїywaж w rozmowach, w komunikacji. Moїna w ten sposyb dochowaж wiernoњci swoim korzeniom. W№tpliwoњci siк rodz№ przy prybie zast№pienia t№ gwar№ biaioruskiego jкzyka literackiego. Jak siк wydaje, ten swojski jкzyk jest zbyt ubogi by wyraїaж subtelne uczucia i przeїycia twyrcy czyli staж siк tworzywem literatury piкknej. Jest to problem dyskusyjny i bкdzie przedmiotem zainteresowania w nastкpnych latach.

Reasumuj№c, moїemy chyba powiedzieж, їe omawiane tu dwa lata їycia mniejszoњci biaioruskiej w Polsce wypeinione byiy prac№, twyrczoњci№, upowszechnianiem wiasnych osi№gnikж w њrodowisku polskiej wiккszoњci. Najwiкcej czasu i energii oraz miejsca na iamach gazet i czasopism poњwiкcono najbardziej їywotnym interesom mniejszoњci, jej przyszioњci. Na szczкњcie wielu przedstawicieli biaioruskiej inteligencji rozumie powagк sytuacji i poszukuje dryg wyjњcia z tego kryzysowego stanu. Jak siк wydaje, i w nastкpnych latach problemy kryzysu њwiadomoњci narodowej Biaiorusinyw w Polsce pozostan№ na pierwszym planie, bкd№ w centrum zainteresowania dziennikarzy, pisarzy, naukowcyw.

Spis literatury

1. Annus Albaruthenicus. – 2004, 2005.
2. Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – 2004. – Z. 1,2.
3. Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – 2005. – Z. 1,2.
4. Czasopis. – 2004. – № 1 – 12.
5. Czasopis. – 2005. – № 1 – 12.
6. Termopile. – 2004, 2005.
7. Poprzedni nasz przegl№d biaiorutenikyw za rok 2003 zob.: Dziedzictwo przeszioњci zwi№zkyw jкzykowych, literackich i kulturowych polsko-baito-wschodniosiowiacskich. T.X. Z badac nad jкzykiem i literatur№. – Biaiystok, 2004. – S. 80 – 85.
8. Polsko-biaioruskie zwi№zki jкzykowe, literackie, historyczne i kulturowe: materiaiy XIII Miкdzynarodowej Konferencji Naukowej «Droga ku wzajemnoњci» (2005)/ – Biaiystok, 2006.
9. Likwidacja oficjalnego nazewnictwa miejscowoњci Biaiostocczyzny pochodzenia biaioruskiego przez administracjк rz№dow№ w latach 1921 – 2004. – Biaiystok, 2005.
10. Sosna, G. Cerkiewna wiasnoњж ziemska na Biaiostocczyџnie w XV – XX wieku / G.Sosna, A.Troc-Sosna. – Biaiystok, 2004.
11. Старабеларуская літаратура XI – XVIII стст.: хрэстаматыя / пад рэд. Г.Тварановіча. – Biaiystok, 2004.
12. Яновіч, С. Пад знакам Арла і Пагоні / С.Яновіч. – Krynki, 2004.
13. Хмялеўскі, М. За годам год / М.Хмялеўскі. – Biaiystok, 2005.
14. Зарэмба, Л. Слова у зменлівым свеце. Літаратурна-крытычныя артыкулы / Л.Зарэмба. – Беласток, 2005.
15. Чыквін, Я. Па прызванні і абавязку. Літаратурна-крытычныя артыкулы. / Я.Чыквін. – Biaiystok: UwB, 2005.
16. Тварановіч, Г. Пад небам Айчыны. Літаратурна-крытычныя артыкулы / Г.Тварановіч. – Biaiystok: UwB, 2005.
17. Артымовіч, Н. Жоўтая музыка / Н.Артымовіч // Праграмная рада тыднёвіка «Ніва», 2005.
18. Zob.: M.Kruk, Obraz stosunkyw polsko-biaioruskich w biaiostockiej publicystyce ostatnich lat / M.Kruk. Droga ku wzajemnoњci: materiaiy XII Miкdzynarodowej Konferencji Naukowej (Grodno, 11 – 12 listopada 2004). – Grodno, 2006. – S. 306 – 311.
19. Nowa Encyklopedia Powszechna PWN, T. 1. – Warszawa, 1995. – S. 442.

ЕЛЕНА МАКРУШИЧ

Гродно

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ В БЕЛАРУСИ (90-е гг. ХХ – НАЧАЛО XXI в.)

Республика Беларусь является страной с полиэтническим составом населения. Проживание в одном государстве представителей различных этносов и этнических групп вызывает необходимость создания благоприятных условий для удовлетворения этнокультурных запросов всех его граждан при учёте общенациональных интересов. С этой целью в стране осуществляется этнокультурная политика, одним из основных направлений которой является сохранение и развитие культур национальных общностей. В рамках реализации этнокультурной политики государственными органами предпринимаются меры по поддержке этнокультурного образования, развитию информационно-просветительской деятельности, популяризации художественной культуры национальных общностей в белорусском обществе.

Одной из наиболее многочисленных этнических групп Беларуси на сегодняшний день являются поляки. В 1991 – 2006 годах государственная политика в отношении польской национальной общности проводилась в русле общегосударственной национальной (этнической) политики. Соответственно, деятельность государственных структур по обеспечению образовательных, информационных и культурных запросов поляков Беларуси являлась составной частью этнокультурной политики. 70 % польского населения Беларуси проживают в Гродненской области, что объясняет активность в ней польских общественных объединений и повышенное внимание к этнокультурной сфере со стороны местных властей.

Реализацией этнокультурной политики в отношении всех национальных общностей, в том числе и польской, занимались на республиканском уровне Министерство образования Республики Беларусь и Министерство культуры Республики Беларусь, с 1997 года – Государственный комитет по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь (реорганизованный в 2001 и 2006 годах, сейчас – Уполномоченный по делам религий и национальностей). На местах этнокультурную политику осуществляли управления культуры и образования облисполкомов, соответствующие отделы рай- и горисполкомов. В начале 2000-х годов при облисполкомах и Мингорисполкоме были созданы специальные органы по делам религий и национальностей, в чью компетенцию непосредственно входила деятельность по поддержке этнокультурного развития национальных общностей, проживающих на территории региона. С 1998 года во всех областях реализовывались комплексные программы работы с национальными общностями (в том числе и польской), рассчитанные, как правило, на два года.

Включение польского этнокультурного компонента в образовательный процесс выступало как ведущее направление политики в отношении этнокультурного развития польской общности. С начала 90-х годов XX века в республике открылись классы с обучением на польском языке, в 1996 и 1999 годах начали действовать две школы с польским языком обучения в городах Гродно и Волковыске соответственно. Данные школы были построены за счёт средств международных польских организаций, но функционировали в рамках государственной системы образования Республики Беларусь. Число детей, охваченных польскоязычным обучением, достигло пика в начале 2000-х годов (около 900 человек), а к 2006 году сократилось до 520 учеников, что объяснялось в основном сокращением числа учащихся из-за демографического кризиса [1, с. 21, табл. 3.10]. Также польский язык, литература, история изучались как предмет или фа-

культатив в общеобразовательных школах страны, действовали кружки по изучению польского языка, воскресные школы при государственных учреждениях культуры и образования (центрах внешкольной работы, школах искусств, библиотеках, домах культуры и т.д.). Такой формой этнокультурного образования было охвачено наибольшее количество детей (по разным сведениям, 15 тысяч в середине 1990-х годов, около 20 тысяч в 2000-е годы). Подготовка педагогических кадров для преподавания польского этнокультурного компонента осуществлялась в высших учебных заведениях республики. К примеру, в Гродненском государственном университете имени Я. Купалы по состоянию на 2003/2004 учебный год было подготовлено 325 учителей польского и белорусского языков (состоялось 9 выпусков) [2, с. 253].

Информационный аспект политики в отношении польской национальной общности включал в себя помощь в издании печатных органов, основанных польскими общественными объединениями. Так, в середине 1990-х годов из госбюджета финансировалось издание газеты «Glos znad Niemna», в 2000 году за счёт средств, выделенных Комитетом по делам религий и национальностей, выходил журнал «Slowo Ojczyste» [3, с. 84]. Еженедельно на Гродненском областном радио выходили польскоязычные программы «Над Немнам» (2002 г.), «Городенские вечера» (2005 г.), в воскресенье на Лидском радио – 30-минутная передача на польском языке [2, с. 255; 4, л. 103]. Средства государственного и местных бюджетов, выделенные на финансирование культурно-просветительской деятельности польской диаспоры в 2004 – 2005 годах, составляли около 1,5 млрд. рублей (600 тыс. долларов США) [5, с. 14]. События культурного характера, организуемые польскими общественными объединениями, освещались также в республиканской и региональной прессе.

Возможность чтения книг на родном языке является немаловажным фактором приобщения к национальной культуре. С 1992 года при отделении Союза поляков на Беларуси в городе Гродно работала польская библиотека, которая входила в состав центральной библиотечной системы города Гродно [6]. Городская библиотека № 10 города Минска с начала 1990-х годов сотрудничала с польским обществом «Полония». В библиотеках ряда районов Витебской области с помощью Союза поляков на Беларуси были организованы «уголки польской литературы» [3, с. 133].

Изучению истории и культуры народов пограничья, в том числе польского, Беларуси были посвящены конференции «Шлях да ўзаемнасці», первая из которых состоялась в 1993 году. В организации данного мероприятия с 1998 года принимал участие Гродненский облисполком и Государственный комитет по делам религий и национальностей, которые оказывали поддержку в организации конференции и издании её материалов. Также вопросы состояния польского образования и просвещения поднимались на конференциях «Этнічныя супольнасці ў Рэспубліцы Беларусь», «Нацыянальная адукацыя» и других.

Стремление к самовыражению, сохранению своей национальной самобытности проявилось в создании значительного числа польских самодеятельных коллективов (ансамблей песни и танца, хоров, фольклорных ансамблей и др.) Большая часть из них действовала в Гродненской области. Коллективам художественной самодеятельности польских национальных объединений со стороны местных властей создавались условия для репетиций, концертной и гастрольной деятельности: предоставлялись помещения, аппаратура и транспорт, осуществлялся пошив костюмов. Ряд польских самодеятельных коллективов получили почётные звания «народный» и «образцовый»: хор польской песни «Прамень» из Щучина, ансамбль польской песни и танца «Лехити», ансамбль польской песни и танца «Хабры». Такие коллективы работали на базе государственных учреждений культуры и образования, оплата труда руководителей производилась из бюджетных средств [2, с. 252].

С начала 1990-х годов берёт истоки традиция проведения фестивалей польской песни, в их организации принимало участие Министерство культуры. В 1993 году состоялись первые артистические встречи «Гродно-Белосток» и «Белосток-Гродно», в ко-

торых принимали участие польские артисты из Гродненской области и белорусские коллективы из Белостокского воеводства. В Гродненском районе регулярно проводился фестиваль «Августовский канал в культуре трёх народов» (белорусского, польского и литовского), который в августе 2004 состоялся уже в седьмой раз [7, л. 154]. Начиная с 1994 года, в г. Гродно ежегодно проводился фестиваль национальных праздников и обрядов, где учащимися школ, членами этнокультурных объединений представлялись инсценировки и реконструкции белорусских, польских, еврейских, татарских праздников и обрядов [8]. В организации вышеупомянутых мероприятий участвовали местные органы власти, Комитет по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь. Представители польской национальной общности участвовали в различных региональных фестивалях: так, на IV областном фестивале народной музыки в городе Лида было представлено творчество не только белорусов, но и русских, литовцев, поляков. Польские художественные коллективы являлись активными участниками фестивалей национальных культур, представлявших собой систему конкурсов и смотров, длящуюся полтора года и завершающуюся красочными мероприятиями в Гродно.

Подводя итоги, можно отметить, что в 1990-х – 2000-х годах государственная поддержка этнокультурного развития польской национальной общности включала в себя три основных направления: образовательно-просветительское, информационное и культурное. По количеству детей, охваченных польским этнокультурным образованием, числу проводимых мероприятий в культурной сфере, активной информационной деятельности лидировала Гродненская область, что объясняется проживанием здесь большей доли польского населения страны. В целом же проводимая политика в отношении польской национальной общности позволяла удовлетворять основные этнокультурные запросы граждан польской национальности и способствовала сохранению межнационального согласия и стабильности в белорусском обществе.

Список литературы

1. Параўнальны аналіз развіцця адукацыі ў рэгіёнах Рэспублікі Беларусь па стану на пачатак 2006/2007 навучальнага года: стат. даведнік / Мін-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Установа «Гал. інфарм.-аналіт. цэнтр Міністэрства адукацыі Рэсп. Беларусь». – Мінск: ГІАЦ, 2006. – 63 с.

2. Попов, И. Поддержка национально-культурного развития польской общности в Гродненской области / И. Попов // Шлях да узаемнасці: матэрыялы X міжнарод. нав. канф., Гродна-Мір, 24–25 кастр. 2002 г. У 2 ч. / Камітэт па справах рэлігій і нацыянальнасцей пры Савеце Міністраў Рэсп. Беларусь, Гродзенскі аблвыканкам, ГрДУ ім. Я. Купалы [і інш.]; пад рэд. С. Мусіенка, І. Крэня. – Гродна, 2004. – Ч. 2. – С. 250 – 256.

3. Пушкін, І.А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990 – 2005 гг.) / І.А. Пушкін. – Магілёў: МДУ імя А. Куляшова, 2007. – 206 с.

4. Протоколы заседаний коллегии Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь и документы к ним (2006 г.) // Архив Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь. – Д.01-03. – Т.1. – 157 л.

5. Новікаў, Л.І. Культурна-асветніцкая дзейнасць палякаў Беларусі / Л.І. Новікаў // Веснік адукацыі. – 2005. – № 12. – С. 13 – 17.

6. Савченко, В. Фестиваль объединяет народы / В. Савченко // Гродненская правда. – 2004. – 3 июня. – С. 2.

7. Протоколы заседаний коллегии Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь и документы к ним (2005 г.) // Архив Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь. – Д.01-03. – Т.1. – 225 л.

8. Ліцьвінка, В. «Купалле», «Багач», «Каляды» ды іншыя пакарылі Гародню / В. Ліцьвінка // Культура. – 1999. – № 46. – С. 13.

Л ІТАРАТУРАЗНАЎСТВА (LITERATUROZNAWSTWO)

П. НАВОЙЧЫК
Мінск

«ПОЛЬСКІ ВЕКТАР» У ЛЕКЦЫЙНЫМ КУРСЕ «ЛІТАРАТУРА БЛІЖНЯГА ЗАМЕЖЖА»

У польскага і беларускага народаў шмат супольнага і ў гістарычным мінулым, і ў сённяшнім дні, у нацыянальных культурах увогуле і ў літаратуры ў прыватнасці. Немагчыма вывучаць беларускую літаратуру без уліку грамадска-палітычнага і агульнакультурнага кантэксту у пэўны гістарычны перыяд, таму што ўплыў польскай літаратуры на беларускую ў мінулыя стагоддзі быў найбольш істотным і нават вызначальным. На філалагічным факультэце БДУ гэта заўсёды выдатна разумелі. Тым не менш доўгі час польская літаратура не мела належнага месца ў вучэбных праграмах беларускіх вышэйшых навучальных устаноў, чаго не скажаш адносна рускай літаратуры. Хаця наўрад ці шмат логікі ў тым, што беларускія студэнты павінны былі дасканала ведаць творчасць Сумарокава, Фанвізіна, Жукоўскага, але зусім не ведалі нават пра існаванне таленавітай прозы, паэзіі, драматургіі польскіх пісьменнікаў XVI – XVIII стст., у тым ліку і выхадцаў з Беларусі.

У канцы 80-х – 90-я гады мінулага стагоддзя становішча польскай літаратуры ў сістэме філалагічнай адукацыі ў Беларусі пачало істотна змяняцца. Канцэптуальна іншым стаў падыход да выкладання літаратуры, да падрыхтоўкі студэнтаў-філолагаў у цэлым. Больш увагі сталі надаваць культурам народаў бліжняга замежжа, праблемам уплываў і узаемасувязей з польскай і ўкраінскай літаратурамі. Такія перамены былі абумоўлены як знешнімі, аб'ектыўнымі фактарамі, так і суб'ектыўнымі. Так, у Мінску вялікім прыхільнікам польскай літаратуры быў прафесар, паэт і перакладчык А. А. Лойка, у Гродне, якая была, напэўна, піянерам у адбудаванні, так бы мовіць, польска-беларускіх «мастоў сяброўства», станаўленне паланістыкі многім абавязана аднаму з найбольш аўтарытэтных даследчыкаў польскай літаратуры ў Беларусі прафесару С.П. Мусіенка.

На пачатку 90-х гадоў XX ст. у БДУ, як і ва ўсёй Беларусі, разгарнуліся працэсы беларусізацыі. Да кіраўніцтва універсітэтам і факультэтам прыйшлі людзі, якія добра разумелі неабходнасць карэнных перамен у змесце філалагічнай адукацыі ў краіне. У плане моўнай і літаратурнай падрыхтоўкі акцэнты перамясціліся з аджыўшых агульнасаюзных арыенціраў на карысць уласнанацыянальных. Неабходна было вырашаць задачы, якія ў нядаўнім мінулым з'яўляліся прэрагатывай саюзных цэнтраў – Масквы і Ленінграда – рыхтаваць для сістэмы адукацыі спецыялістаў па класічнай філалогіі, славістаў, знаўцаў заходнееўрапейскіх і ўсходніх моў, літаратур. Гэты працэс у БДУ ініцыіраваў тагачасны дэкан факультэта, член-карэспандэнт НАН РБ, прафесар А.А. Лойка. У 1993 г. на філалагічным факультэце БДУ адбыўся першы набор на аддзяленне славянскіх моў і літаратур. Адкрывалі новую спецыяльнасць, зразумела ж, паланісты. У далейшым штогод мова вывучаемай краіны змянялася, аднак, калі між наборамі на сербістыку, балгарыстыку ці багемістыку праходзіла чатыры-пяць год, то на польскую філалогію набіралі праз кожныя два-тры гады, і ўжо гэты факт пераканаўча сведчыў аб універсітэцкіх прыярытэтах у славістычнай падрыхтоўцы.

Адпаведна змянялася і месца польскай літаратуры ў вучэбных планах філфака. З распадам СССР страціў сваю актуальнасць і, больш за тое, стаў анахранізмам лекцыйны курс «Літаратура народаў СССР». Яму на змену з'явіўся новы: «Літаратура народаў бліжняга замежжа», у якім найбольшая ўвага надаецца польскай літаратуры. Сёння гэты курс у БДУ чытаецца студэнтам спецыяльнасцей «Беларуская філалогія» і «Руская філалогія».

Для спецыяльнасці «Славянская філалогія» прадугледжаны больш маштабны курс: «Гісторыя славянскіх літаратур». Мэта якога даць студэнтам уяўленне пра міжславянскі літаратурны кантэкст, дзе асноўная ўвага надаецца зноў жа польскай літаратуры. Такім чынам, на сучасным этапе ў вучэбных праграмах філалагічнага факультэта БДУ польская літаратура займае даволі значныя пазіцыі.

Падрэслім: значэнне курса гісторыі польскай літаратуры для глыбокай і ўсебаковай падрыхтоўкі славістаў, спецыялістаў па беларускай і рускай філалогіі надзвычай важнае. У мінулыя эпохі польская літаратура з'яўлялася свайго роду пасярэднікам між еўрапейскімі і ўсходнеславянскімі літаратурамі. Праз яе на землях Беларусі пашыраліся найноўшыя агульнакультурныя і літаратурныя напрамкі, стылі і да т.п. У сілу таго, што польская мова займала пануючае становішча ва ўнутрыпалітычным жыцці Рэчы Паспалітай, а польскамоўная літаратура стала панаваць у арыстакратычных салонах, вышэйшыя сацыяльныя станы Беларусі, інтэлігенцыя былі польскамоўнымі. У выніку найбольш здольныя да мастацкай дзейнасці выхадцы з Беларусі рэалізавалі свой творчы патэнцыял у рэчышчы польскага мастацтва і сёння вядомыя свету толькі як прадстаўнікі польскай культуры, што, думаецца, не зусім справядліва.

Існуюць розныя падыходы да вырашэння праблемы «нацыянальнай прыналежнасці» пісьменніка. Для аб'ектыўнага адказу на гэтае пытанне неабходна разглядаць кожную культурна-гістарычную эпоху з улікам усяго комплексу грамадска-палітычных рэалій. Як адзначаў А. Мальдзіс, «характарыстыка беларускай літаратуры часоў барока не будзе поўнай, калі не ўлічваць полілінгвістычнага характару тагачаснага літаратурнага жыцця Беларусі. Многія яе ўраджэнцы пісалі на польскай, лацінскай, стараславянскай і іншых мовах. Таму іхняя спадчына, угрунтаваная часта на мясцовым матэрыяле, належыць адначасова двум, або і тром, суседнім літаратурам. Шматмоўнасць выяўлялася часам у межах аднаго і таго ж твору (беларуска-лацінскія макаранічныя вершы, беларускія інтэрмедыі да лацінскіх і польскіх драм). Такі полілінгвізм спрыяў літаратурнаму ўзаемадзеянню, пранікненню ў беларускую літаратуру мастацкіх здабыткаў суседзяў» [1].

Агульнавядома, што нацыянальнасць аўтараў лацінамоўных твораў Сярэднявечча і Рэнесансу не можа ідэнтыфікавацца паводле мовы твора, неабходна ўлічваць іншыя пазалітаратурныя фактары – жыццёвы шлях пісьменніка, месца стварэння твора, дзе пашыраўся і інш. З гэтым сёння ніхто не спрачаецца, аднак іх «падзяліць» аказваецца складана ці ўвогуле немагчыма. Да прыкладу, ці можам мы настойваць на выключнай беларускасці М. Гусоўскага? Што лічыць вызначальным? Нарадзіўся, верагодна, на тэрыторыі Беларусі, адукацыю атрымліваў у Польшчы і іншых гарадах Еўропы, пісаў на лацінскай мове, жыў у Вільні, Рыме, Кракаве – якія крытэрыі браць за аснову? Не менш складаным з'яўляецца пытанне аб «нацыянальнасці» пісьменнікаў-палемістаў канца XVI ст., якія пісалі і на польскай мове, і на лаціне, і на царкоўна-славянскай. Такія прыклады добра вядомыя выкладчыкам і даследчыкам азначанага перыяду.

Выкладчыкам, якія чытаюць курс «Літаратуры бліжняга замежжа» даводзіцца быць у нейкім сэнсе дыпламатамі. А таму ў аглядзе літаратуры бліжняга замежжа XV – XVIII стст., звяртаючыся да творчасці пісьменнікаў, творчасць якіх належыць адначасова некалькім суседнім літаратурам, нерацыянальна акцэнтаваць увагу на праблеме нацыянальнасці. У дадзеным выпадку важна іншае: якую ролю адыграла творчая дзейнасць пэўнага аўтара ў той ці іншай нацыянальнай літаратуры, які літаратурны кантэкст аказаў уплыў на пісьменніка, хто і што з'яўляецца аб'ектам мастацкага пераасэнсавання. Пры такім падыходзе зразумелая заканамернасць разгляду паэзіі вышэйзгаданага М. Гусоўскага ў кантэксце і польскай, і беларускай літаратур (але ніяк не італьянскай ці іншай заходнееўрапейскай). Менавіта таму пры вывучэнні гісторыі польскай літаратуры часоў Рэнесансу, барока неабходна ўключаць у агляд і творчасць тых творцаў, чыя пісьменніцкая спадчына ў гісторыі беларускай літаратуры разглядаецца як чыннік літаратурнага жыцця Беларусі.

Інакш будзе вырашацца «нацыянальнае пытанне» адносна пісьменнікаў XVIII – XIX стст. У гэты перыяд лацінская мова цалкам выцясняецца з літаратурнага ўжытку і на тэрыторыі Беларусі, якая ў XVIII ст. яшчэ ўваходзіла ў склад Рэчы Паспалітай, запанавала польская мова. Паводле цытаванага вышэй А. Мальдзіса «літаратурнае жыццё Беларусі другой паловы XVIII ст. да значнай ступені з'яўлялася складнай часткай літаратурнага жыцця Рэчы Паспалітай. З Варшавы і Вільні паступалі кнігі і перыядычныя выданні, пашыраліся новыя густы, «мода» на класіцызм і сентыменталізм. Аднак беларуская зямля заставалася не толькі пасіўным успрымачом іншаземных уплываў. Ураджэнцы яе прыўнеслі важкі

ўклад у развіццё польскай літаратурнай эпохі Асветніцтва. Вядомы гісторык і рэвалюцыянер Б.Ліманоўскі прызнаваў: «Асабліва трэба сказаць пра літвінаў рускага паходжання. Іхні ўдзел у росквіце польскага пісьменства выдатны. Юльян Нямцэвіч, Адам Нарушэвіч, Францішак Князьнін, Францішак Багамолец займаюць у ім вядучае месца». Паводле статыстычных табліц і карт, складзеных Э. Александроўскай, з 553 польскіх пісьменнікаў эпохі Асветніцтва 19 нарадзіліся ў Брэсцкім ваяводстве 16 – у Трокскім (куды ўваходзіла і Гродзеншчына), 13 – у Наваградскім; усяго ж з тэрыторыі Беларусі паходзіла каля 50 чалавек (амаль кожны дзясяты). Не меншы працэнт пісьменнікаў, якія тут вучыліся (Полацак – 14, Слуцак – 13, Нясвіж – 8) або доўгі час пражывалі (Гродна – 16, Нясвіж – 14, Полацак – 9)». Прыведзеная цытата выразна тлумачыць прынцыпы нашага падыходу да асвятлення польскай літаратуры азначанага перыяду: мы разглядаем дасягненні польскай літаратуры і безумоўна ўключаем у агляд і творчасць ураджэнцаў Беларусі, таму што гэта сведчанне інтэнсіўнасці культурнага жыцця на нашых землях, выяўленне тых мастацкіх ідэй і плыней, якія панавалі на тэрыторыі Беларусі ў мінулыя эпохі.

Зразумела, што зараджэнне новай беларускай літаратуры ў XIX ст. таксама недапушчальна разглядаць без уліку ўплыву польскай літаратуры. Аднак і тут асобнай гаворкі патрабуе праблема «беларускасці» класікаў польскай літаратуры Адама Міцкевіча, Яна Баршчэўскага, Уладзіслава Сыракомлі, Элізы Ажэшка і інш. Іх творчая спадчына вывучаецца беларускімі студэнтамі ў курсе беларускай літаратуры XIX ст. Аднак у аглядзе польскай літаратуры іх таксама немагчыма «выключыць» з літаратурнага працэсу, маўляў, гэта польскамоўныя пісьменнікі Беларусі і да Полыпчы не маюць асаблівага дачынення. Неабходна вывучаць пытанне ўплыву беларускай народнай культуры, гісторыі і да т.п. на іх творчасць у комплексе з агульнакультурнымі працэсамі, размяжоўваць польскамоўную літаратуру Беларусі і ўласна беларускамоўную. Аднак у курсе «Літаратура бліжняга замежжа» класікі польскай літаратуры павінны быць прадстаўлены ў кантэксце найперш польскай і толькі потым беларускай літаратуры, як бы не хацелася нам, беларусам, зрабіць гэта наадварот. Пры ўсёй неаспрэчнай прысутнасці і нават уплыву на паэзію Міцкевіча беларускай народнай культуры ён застаецца класікам польскай літаратуры, а не пачынальнікам новай беларускай.

Гэтыя і падобныя праблемы не могуць перапыніць сустрэчны рух, які наноў адрадзіўся амаль два дзесяцігоддзі таму назад: Польшчы і Беларусі. «Шлях да ўзаемнасці», як і кожная дарога, мае свой пачатак, але не можа мець канца – гэта шлях нашых братніх народаў. І наша агульная літаратурная спадчына павінна спрыяць толькі нашаму збліжэнню, і ні ў якім разе наадварот. А таму галоўная задача курса «Літаратура бліжняга замежжа» не толькі пазнаваўчая, але і выхаваўчая. Ён актыўна спрыяе выхаванню новых пакаленняў беларускай моладзі ў духу міжнацыянальнай узаемапавагі, якая грунтуецца на глыбокім веданні і разуменні нашага агульнага беларуска-польскага культурна-гістарычнага мінулага.

ДЗМІТРЫЙ ЛЕБЯДЗЕВІЧ

Гродна

«АЛЕКСАНДРЫЯ» Ў СУСВЕТНАЙ ЛІТАРАТУРЫ: ВЫТОКІ, ВЕРСІІ І ТРАДЫЦЫІ

З часоў антычнасці да нашых дзён захавалася вялікая колькасць гістарычных і літаратурных твораў пра Аляксандра Македонскага, якія напісаны на мовах розных народаў, у тым ліку прыкладна сто твораў, створаных у Заходняй Еўропе ў эпоху Сярэднявечча. Усё гэта сведчыць пра вялікую папулярнасць асобы македонскага цара Аляксандра на працягу многіх стагоддзяў. Як мяркуюць даследчыкі, «Александрыя» з’явілася ў эпоху

Элінізму ў егіпецкім горадзе Александрыі і прыпісвалася невядомаму аўтару, які прысвоіў сабе імя Калісфена, пляменніка Арыстоцеля і спадарожніка Аляксандра Македонскага ў яго легендарных паходах.

«Александрыя» Псеўда-Калісфена ляжыць у аснове шматлікіх «Александрый», апублікаваных у розных краінах, у тым ліку ў Беларусі. Вывучэнне твораў пра Аляксандра распачалі італьянскія гуманісты эпохі Адраджэння, якія перакладалі творы антычных аўтараў пра Аляксандра Вялікага з грэчаскай мовы на лацінскую, а таксама на іншыя раманскія мовы, таму, відаць, многія з іх былі надрукаваны ў Новы час па гэтых захаваных рукапісах і ранніх друкаваных выданнях, а ў XIX ст. з’явіліся першыя літаратуразнаўчыя і гістарычныя даследаванні пра македонскага цара.

Арыгінал твора, які быў напісаны на грэчаскай мове, і паслужыў крыніцай для шматлікіх рэдакцый «Александрыі», апублікаваных у розных краінах свету.

На рубяжы IV – V стст. тэкст твора быў перапрацаваны, у выніку чаго з’явіліся дзве яго рэдакцыі, элінізаваная і іўдзея-хрысціянская. Паралельна «Александрыя» Псеўда-Калісфена была перакладзена Юліем Валерыем на лацінскую мову. Такім чынам, Сярэдневечча атрымала ў спадчыну ад антычнасці тры рэдакцыі «Александрыі» – дзве на грэчаскай мове і адну на лацінскай.

Кампазіцыя рамана, многія яго матывы выклікалі цікавасць як у краінах Блізкага Усходу, так і ў Еўропе, у тым ліку і ў Беларусі. Асабліва пільная ўвага праявілася да вобраза Аляксандра Македонскага, у якім народ бачыў усе неабходныя якасці ідэальнага манарха і палкаводца, заступніка і апекуна навук, мастацтваў і культуры. Ужо нават у антычны час вобраз Аляксандра ў значнай ступені перацярпеў абстрагіраванне і стаў «канонам фізічных і маральных якасцей: у вобразе Аляксандра злучыліся фізічная прыгожосць і сіла, дабрыня, мудрасць і пранікнёнасць» [1].

Вобраз Аляксандра Македонскага ў розныя эпохі набываў своеасаблівы эмацыянальны і палітычны каларыт, абумоўлены не толькі сацыяльнай псіхалогіяй, але і ідэйнымі перакананнямі аўтараў, якія перараблялі легенды і паданні пра Македонскага і рабілі іх сугучнымі настроям і імкненням тагачасных чытачоў.

Большасць герояў рамана (персідскі цар Дарый, індыйскі цар Пор, жонка Аляксандра Македонскага Раксана, военачальнікі Антыёх і Пталамей) з’яўляюцца рэальнымі асобамі. Адпавядаюць гістарычным рэаліям і ваенныя паходы ў Персію, Палесціну, Егіпет і Індыю, апісваюцца захопніцкія войны грэка-македонскім войскам Рыма і ўсёй Італіі, Сіцыліі і Паўночнай Афрыкі.

«Александрыя» прайшла вельмі доўгі і складаны шлях творчага развіцця. Кожная эпоха, кожны народ «дастасоўвалі раман да сваіх патрэб. І александрыйская эпоха, і эпоха рымскіх заваёў, і Візантыя наклалі свае характэрныя адбіткі на рэдакцыі «Рамана пра Аляксандра» [2]. «Александрыя» набыла своеасаблівую мастацкую афарбоўку і казачна-прыгодніцкі характар, але цалкам не страціла свайго ўсходняга каларыту.

У эпоху Сярэднявечча пад уплывам лацінскіх перакладаў у Заходняй Еўропе ўзнікла вялікая колькасць хранаграфічных версій «Александрыі», дзе ў сюжэт першакрыніцы былі ўведзены новыя фантастычныя эпізоды. У свядомасці сярэднявечнага грамадства «Александрыя» стаяла побач з «Касмаграфіямі», паданнямі аб зямным жыцці і цудах свету, уводзіла культуру антычнасці ў кантэкст біблейскіх сюжэтаў. Антычнае паданне парой пераплятаецца з традыцыяй Старога Запавету. Для прыкладу можна нагадаць эпізоды, дзе Аляксандр наведвае Іерусалім, як прарок Іерэмія склікае для яго сход. Як вядома, хрысціянізацыя сюжэта антычнага рамана – важная і характэрная асаблівасць для літаратуры Візантыі, якая «стаіць пад знакам дуалізму антычнай і хрысціянскай традыціі, дзе запаветы Гамера ці Дэмасфена, Платона ці Арыстоцеля існавалі дзесьці побач з запаведзямі Бібліі, зрэдку ўступаючы з імі ў спрэчку ці сінтэз» [3].

Вядомы армянскі паэт і літаратурны дзеяч XIII – XIV стст. Хачатур Кечарэці шляхам паралельных параўнанняў вобразаў Хрыста і Аляксандра хрысціянізуе антычнага героя, робіць яго блізкім і зразумелым свайму чытачу. У літаратурна-мастацкай апрацоўцы і інтэрпрэтацыі армянскага аўтара вобраз Аляксандра набывае маральна-выхаваўчую значнасць і падаецца непахісным ва ўсіх адносінах:

1. «Аляксандр нарадзіўся ў Македоніі ад Алімпіі, якую спакусіў егіпецкі маг. У наш гасподзь нарадзіўся ў Віфлееме ад Марыі, якая была благавеставана Гаўрыілам».

2. «Ён перамог Дарыя. І наш гасподзь – д'ябла».

3. «Ён зваліў ганарыстага Пора, індыйскага цара. І наш гасподзь – князя цемры».

4. «Прыбліжаныя Аляксандра зламысна атруцілі яго ядам. І нашаму госпаду давалі піць воцат і жоўць».

5. «Ён, паміраючы, пакінуў запавет. І наш гасподзь пакінуў запаведзі і настаўленні сваім вучням» [4].

На аснове вобразаў, тэм і матываў «Александрыі» узніклі такія новыя творы, як утопія «Слова аб рахманах», «Паданне пра дачку Аляксандра Македонскага», некаторыя рыцарскія раманы, французская версія «Александрыі» – «Раман пра Аляксандра».

У народную эпічную традыцыю Старажытнага Усходу Аляксандр Македонскі ўвайшоў пад імем Іскандэра. Гісторыя героя прасочваецца ў Талмудзе, дзе ён паказваецца абаронцам монатэізму, праведным царом, а таксама і ў Каране, дзе Аляксандр выступае ў ролі прарока.

У іранскай традыцыі Іскандэр паказваўся то як узурпатар, які нішчыць свяшчэнную Авесту, то як нашчадак прэстола шаха, ідэальны цар. Іскандэру былі прысвечаны такія славутыя творы як «Шах-намэ» Фірдаўсі, «Іскандэр-намэ» Нізамі, «Вал Іскандэра» Наваі. Так у адной з частак паэмы Фірдаўсі «Шах-намэ» апісваюцца падзеі паўлегендарнага, паўгістарычнага характару, дзе паказваецца цараванне Дараба (персідскага цара Дарыя) і Іскандэра, які прыходзіць у Іран. Апавядаецца пра яго паходы ў Індыю, дзе ён сустракаецца з брахманамі, будуе вал для аховы краіны ад чужаземных ворагаў.

У асноўным у творах літаратуры Сярэднявечча Старажытнага Усходу Аляксандр выступае ў ролі храбрага і добрага віцязя, у якога толькі моцны і непераможны праціўнік – ранняя і няўмольная смерць:

> Взяли прах; на весы горсткой малой он пал.
> Этот вес с весом камня нежданно совпал.
> Мир лишь прах. Царь смущен был столь явным примером.
> Станет прахом и то, что звалось Искандером [5].

Гэтыя радкі Нізамі перадаюць трагічную тэму паданняў пра Аляксандра ў сярэднявяковай літаратуры Старажытнага Усходу.

У славянскія літаратуры «Александрыя» трапіла па давух шляхах. На Русь яна прыйшла ў выніку прыняцця хрысціянства з Візантыі, якая стала спадкаемніцай антычнай культуры, а да чэхаў і палякаў яна прыйшла з лацінскіх перакладаў.

На землях Старажытнай Русі «Александрыя» з'явілася не пазней XII стагоддзя, а ў XIII стагоддзі ў перапрацаваным выглядзе ўвайшла ў склад хронікі Іаана Малалы і была ўключана ў першыя хранографы. Асаблівае пашырэнне атрымала «Александрыя» у 15 стагоддзі, калі была створана руская рэдакцыя сербскай «Александрыі», якая істотна адрознівалася ад свайго паўднёва-славянскага арыгінала. Гэты другі пераклад «Александрыі» быў зроблены з грэчаскага арыгінала, у аснову якога была пакладзена іўдзея-хрысціянская рэдакцыя з увядзеннем асобных раманскіх прыкмет. Справа ў тым, што на Захадзе таксама ажыцяўляліся пераклады «Александрыі». Асабліва пасля таго, калі ў Х стагоддзі Леон з Неапаля нанова пераклаў тэкст «Александрыі» Псеўда-Калісфена на лацінскую мову. Заходнееўрапейскія версіі «Александрыі» успрынялі характэрныя рысы сучасных рыцарскіх раманаў, адкуль традыцыі рыцарскага рамана пранікліў сербскую «Александрыю», а затым і ў рускую. На рускай літаратурнай глебе сербская Александрыя прадоўжыла сваю літаратруную гісторыю. У яе тэксце прасочваецца шэраг сюжэтных змен, правак, мяняецца мова і стыль. Матывы і вобразы твора пранікаюць у вуснапаэтычную народную творчасць. Так, у быліне «Святогор и тяга земли» выразна згадваюцца сцэны з «Александрыі», дзе ў адказ на просьбу Аляксандра даць яму пацверджанне аб наведванні таго свету, вартавы Рая падае яму костку чэрапа.

На Беларусі «Александрыя» бытавала ў дзвюх асноўных рэдакцыях – сербскай і лацінскай і трапіла сюды яна, відаць, у канцы XV ст. ці ў самым пачатку XVI ст. Пра што

сведчыць адна з прадмоў да «Бібліі» Францыска Скарыны, у якой вялікі гуманіст пісаў: «Аще ли же кохание имаши ведати о военных, а о богатырских делех, чти книги Судей, или книги Махавеев, более и справедливее в них знайдеш, нежели во Александрии или во Тройи» [6].

«Александрыя» сербскай рэдакцыі была перакладзена ў Беларусі ў XV стагоддзі. Сюжэт гэтага твора мае некаторыя разыходжанні з хранаграфічнай «Александрыяй», хоць у аснове абодвух твораў ляжыць раман Псеўда-Калісфена. Сербская «Александрыя» набліжалася да свецкага чытання. Тут шырока выкарыстоўваўся фальклорны матэрыял. «Верагоднай радзімай як грэчаскага арыгінала, так і перакладу сербскай «Александрыі» з'яўляецца Далмацінскае пабярэжжа (Боснія і Паўночная Далмацыя), дзе перакрыжоўваліся славянская, візантыйская і раманская культуры» [7].

Для лацінскай рэдакцыі «Александрыі» характэрна перапляценне дакументальнага і казачна-містычнага матэрыялу. Характар галоўнага героя «вымалёўваецца праз апісанне яго стасункаў са шматлікімі персанажамі, прычым пераважае прыём кантраснага супрацьпастаўлення. Вобраз Аляксандра – ідэалізаваны партрэт палкаводца; разам з тым, гэта статычны, пазбаўлены ўсялякага псіхалагічнага развіцця і супярэчнасцяў вобраз» [8].

Непасрэднай крыніцай беларускага перакладу лацінскай рэдакцыі было адно з польскіх друкаваных выданняў, якое было выдадзена ў Кракаве ў 1590 годзе на аснове лацінскага перакладу X ст. Леона.

Раман бытаваў у скарочаных варыянтах, уключаўся ў гістарычныя зборнікі, хронікі, хранографы. Тагачасных чытачоў захапляў сюжэт твора, дзе апавядалася, як смелы герой, рызыкуючы жыццём, пераадольваў неверагодныя перашкоды, вострыя інтрыгі і нечаканыя канфлікты. Не менш цікавамі падаюцца фантастычныя вымыслы і цудадзейныя прыгоды галоўнага героя з пэўнымі гістарычнымі з'явамі, якія з цягам часу самі ператварыліся ў легенды і цуды, прайшоўшы праз творчую фантазію і казачна-міфалагічнае ўяўленне не аднаго пакалення безыменных складальнікаў народных паданняў [9]. Але гэтыя апісанні шматлікіх цудаў не змаглі пахіснуць веры ў іх упэўненасць, бо дзеянне твора разгортваецца на фоне гістарычных падзей. Сведчанне таму – «Пахвала гетману, князю Канстанціну Іванавічу Астрожскаму», датаваная 1515 годам і змешчаная ў зборніку беларускіх летапісаў: «А прыгадайма ўчынкі і смеласць мужнага Антыёха, вялікага гетмана цара Аляксандра Македонскага, які войску персідскаму раку Арсінар перайсці загадаў, дзе першы воін сквасіўся, а астатні як пасуху перайшоў. Так і князь Канстанцін пярэднім людзям плысці загадаў, а астатнія ўжо як па бродзе перайшлі» [10]. Як бачым, Канстанцін Астрожскі параўноўваецца з Антыёхам, гетманам Аляксандра Македонскага, а літоўска-беларускія віцязі сваёй мужнасцю прыпадабняюцца да храбрых македонцаў.

Да нашага часу дайшлі шэсць спісаў беларускіх перакладаў «Александрыі». Асноўныя беларускія спісы «Александрыі» упершыню былі апублікаваны ў 1962 годзе У.В.Анічэнкам [11].

Пра вялікую папулярнасць рамана пра Аляксандра на беларускіх землях сведчыць прыпіска ў няпоўным спісе 1697 года, дзе гаворыцца: «Павло що ранку читаеть александрею за щастя то собе мае» [12].

Беларускія пераклады «Александрыі» з'яўляюцца каштоўнымі помнікамі нацыянальнай культуры і іх значэнне цяжка пераацаніць. Гэта важная і цікавая скарбонка «пазнаня этычных і эстэтычных уяўленяў і мастацкіх густаў беларускіх чытачоў эпохі феадалізму, вывучэння беларускай літаратурнай мовы і гісторыі беларускай белетрыстыкі» [13]. Пераклады не толькі садзейнічалі далучэнню беларускага чытача да антычнай спадчыны, але і паклалі пачатак для развіцця мастацкага перакладу антычных класікаў на беларускую мову.

Эпізоды рамана пра Аляксандра Македонскага сустракаюцца на старонках кнігі Яна Баршчэўскага «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях». Дастаткова прыгадаць, што для шляхціца Завальні адзінай гісторыяй была Біблія, але са свецкіх паданняў ён дзесьці вычытаў, што Аляксандр Македонскі, жадаючы даведацца пра вышыню неба і глыбіню мора, лятаў на грыфах і апускаўся на дно акіяна, і такая чалавечая смеласць здзіўляла і займала яго. Зазначым, што ў кнізе Яна Баршчэўскага прысутнічае

рэальнае сведчанне аб успрыманні тагачасным беларускім чытачом рамана пра Аляксандра Македонскага.

Матывы «Александрыі» з'яўляюцца неад'емнай часткаю інтэлектуальнага і вобразнага рэпертуара шматлікіх культур свету. Яны сустракаюцца пры афармленні святынь, у зборніках прытчаў і афарызмаў, у сцэнах «Гамлета» У.Шэкспіра, у «Вертаградзе шматкаляровым» Сімяона Полацкага.

У канцы дадамо, што антычная «Александрыя» абышла многія літаратуры свету і ўсюды карысталася вялікай папулярнасцю.

Спіс літаратуры

1. Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – С. 91.
2. Кузнецова, Т.И. Историческая тема в греческом романе. «Роман об Александре» / Т.І. Кузнецова //Античный роман. – М.: Наука, 1969. – С. 192.
3. Византийская литаратура. – М.: Наука, 1974. – С. 6.
4. Симонян, А.А. «Повесть об Александре Македонском» Псевдо-Калисфена в средневековой армянской литературе / А.А.Симонян // Русская и армянская средневековая литература. – Л.: Наука, 1982. – С. 49 – 50.
5. Низами. Пять поэм / Низами. – М., 1968. – С. 706.
6. Скарына, Францыск. Прадмовы і пасляслоўі / Францыск Скарына. – Мн.: Навука і тэхніка, 1969. – С. 63.
7. Орлов, А.С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства 16 – 17 вв. / А.С.Орлов. – Л., 1934. – С. 23.
8. Бразгуноў, А.І. Перакладны рыцарскі раман Беларусі XV – XVI стст.: еўрапейскі кантэкст, трансфармацыя і эвалюцыя жанру: аўтарэф. дыс... / А.І. Бразгуноў. – Мн., 2002. – С. 10.
9. Майхровіч, С.К. Нарыс гісторыі старажытнай беларускай літаратуры 14 – 18 стст. / С.К. Майхровіч. – Мн., 1980. – С. 96.
10. Беларускія летапісы і хронікі. – Мн.: Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 170 – 171.
11. Александрыя. – Мн., 1962. – 365 с.
12. Александрыя. – Мн., 1962. – С. 4.
13. Чамярыцкі, В.А. «Александрыя» / В.А.Чамярыцкі // Францыск Скарына і яго час. – Мн.: БелСЭ, 1988. – С. 235.

УЛАДЗІМІР КАЯЛА

Гродно

ЦАРКОЎНА-ПАЛЕМІЧНАЯ ПУБЛІЦЫСТЫКА КАНЦА XVI – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XVII СТАГОДДЗЯЎ У КАНТЭКСЦЕ СЛАВЯНСКІХ ЛІТАРАТУР

У сярэдзіне XVI стагоддзя Вялікае княства Літоўскае страціла сваю былую магутнасць і не магло ўжо прэтэндаваць на вядучае становішча ў міжнародных зносінах. Перад дзяржавай рэальна паўстала пагроза поўнага палітычнага краху. Каб пазбегнуць гэтага, Княства вымушана было пайсці на страту дзяржаўнай незалежнасці і аб'яднацца з Каралеўствам Польскім, тым больш, што з боку палякаў ужо даўно з'явілася жаданне для такога аб'яднання, Безумоўна, стварэнне новай дзяржавы было выгадна ў першую чаргу Польскаму Каралеўству, якое імкнулася палепшыць сваё становішча на міжнародным рынку, Справа ў тым, што Польшча пастаўляла заходнім дзяржавам прадукцыю сельскай гаспадаркі ўзамен на прамысловыя тавары. Пашырэнне зямельнай тэрыторыі ў такіх умовах было важнейшым сродкам паспяховай эканамічнай палітыкі. Пасля вядомай Крэўскай уніі 1385 г. паміж ВКЛ і Польшчай было падпісана нямала пагадненняў і уній, але ўсе яны існавалі нядоўга, бо выклікалі супраціўленне ліцвінаў, якія не маглі пагадзіцца са

стратай незалежнасці. У 1508 і адбылося паўстанне пад кіраўніцтвам Міхаіла Глінскага, скіраванае супраць караля Жыгімонта І.

І ўсё ж у 1569 г. чарговая спроба уніі была завершана падпісаннем пагаднення. Афіцыйнае аб'яднанне дзвюх дзяржаў было зацверджана на Люблінскім сейме. Новая дзяржава атрымала назву – Рэч Паспалітая. Актам Люблінскай уніі было замацавана кіраванне польскімі феадаламі ўсёй дзяржавай, у тым ліку землямі Беларусі і Украіны.

Гістарычна атрымалася так, што паміж палякамі, з аднаго боку, беларусамі і украінцамі, – з другога, склалася адно адрозненне – веравызнанне. Таму феадальныя вярхі Польшчы разгарнулі шырокую барацьбу за акаталічванне беларускага і ўкраінскага народаў. З аднаго боку, згрупіраваліся сілы уніяцка-каталіцкія, з другога, праваслаўныя.

Як вынік барацьбы сацыяльных нізоў Украіны і Беларусі за ўласную незалежнасць стала масавае аб'яднанне іх у Запарожскай Сечы. З боку Польшчы была створана спецыяльная рэлігійная арганізацыя для барацьбы з праваслаўем – Ордэн езуітаў. Езуіты імкнуліся наблізіцца да народных мас, пасеяць сярод іх свае ідэі. За кароткі тэрмін былі адкрыты агульнаадукацыйныя бясплатныя школы, у 1570 г. – Віленская калегія, якая пазнейператварылася ў акадэмію (1578). Такая акцыя была вельмі важнай, бо нават рэфарматары такіх школ не мелі. Але менавіта з прыходам езуітаў, якіх С.Будны называў «чортавым семенем», пачаўся этап Контррэфармацыі, скіраванай супраць дэмакратычных ідэй Рэфармацыі.

Ідэолагі Контррэфармацыі пачалі адкрываць касцёлы, праводзіць пышныя набажэнствы; каб заваяваць давер народа -адчыняюць аптэкі (адна з іх у г.Гродна). Яны поўнасцю адверглі вучэнне пратэстантаў-рэфарматараў аб свабодзе веравызнання. У 70-я гады XVI стагоддзя езуіты пачалі прапагандаваць ідэю аб'яднання праваслаўнай і каталіцкай царквы. Галоўнай прычынай стала агульная патрэба супрацьстаяць даволі моцнаму рэфармацыйнаму руху, а таксама і Маскоўскай патрыярхіі, якая абвясціла сябе пераемніцай Канстанцінопаля, або 3-м Рымам. Гэтую ідэю цалкам падтрымаў польскі каралеўскі ўрад, паколькі яна супадала з дзяржаўнай палітыкай – заняволіць беларускі і ўкраінскі народ, скасаваць праваслаўе на тэрыторыі Рэчы Паспалітай. Падтрымаў гэтую ідэю і ўрад ВКЛ, бо слушна разлічваў дасягнуць спакою ў дзяржаве, спыніць канфлікты на рэлігійнай глебе.

Як акт супрацьстаяння ордэну езуітаў, праваслаўнае насельніцтва пачало аб'ядноўвацца і ствараць царкоўныя брацтвы, якія сталі асяродкам нацыянальнай кансалідацыі беларускага і ўкраінскага народаў.

Асноўная задача брацтваў – супрацьстаяць ідэалагічнай агрэсіі езуітаў. Для гэтага пры прыходах і цэрквах ствараліся брацкія школы, дзе выкладанне вялося не на польскай мове, як у езуітаў, а на стараславянскай у яе збеларушчаным варыянце. Вялікай заслугай брацкіх школ было тое, што яны ўзялі на ўзбраенне дасягненні кнігавыдавецкай справы, значна пашырылі сетку друкарняў, зрабілі кнігу вострай ідэялагічнай зброяй. З гэтага моманту літаратура набывае новыя, не ўласцівыя ёй якасці: яна становіцца адным з галоўных сродкаў прапаганды і агітацыі. Вядучае месца ў беларускай літаратуры гэтага перыяду займае жанр, адметны непасрэднай сувяззю з жыццём, палітычнай завостранасцю і эмацыянальным пафасам, – публіцыстыка.

У кастрычніку 1596 г. на царкоўным саборы ў Брэсце паміж каталіцкай і праваслаўнай царквой была заключана Брэсцкая унія аб іх уз'яднанні.

Калі разважаць абстрактна-тэарэтычна, то ідэя уніі прагрэсіўная і гуманная. Але гэта толькі тэарэтычна. Слова «унія» азначае «адзінства», «аб'яднанне». І гэта аб'яднанне было зроблена не ў імя Хрыста, а з палітычнай мэтай – у імя папы рымскага і каталіцкай царквы, прызнання поўнай улады папы над праваслаўем, паланізацыі Беларусі і Украіны. На думку ідэолагаў праваслаўя, палітыкай дзяржавы павінна быць свабода веравызнання, бо народ, як вядома, не прызнае ніякіх кампрамісаў, калі гэта датычыцца веры.

Літаратурная палеміка пачалася кнігай езуіцкага епіскапа Пятра Скаргі «Аб адзінстве царквы божай пад адзіным пастарам» (1577). Аднак, па сутнасці, гаворка тут вядзецца зусім не пра адзінства, а пра перавагу каталіцкай царквы над праваслаўнай.

Галоўнай умовай выратавання душ, – лічыць ён, – гэта разрыў рускай царквы з Канстанцінопалем і падпарадкаванне Рыму. Скарга спасылаўся на айцоў царквы, якія быццам бы з глыбокіх часоў старажытнасці марылі аб уз'яднанні цэркваў пад уладай рымскага папы. Каб абгрунтаваць першынства рымскіх пап над усімі астатнімі епіскапамі, Скарга звяртаецца да гісторыі ўзнікнення хрысціянства і даказвае, што галавою над усімі хрысціянамі быў заснавальнік рымскай царквы, рымскі першаепіскап – апостал Пётр.

Такую ўстаноўку Пятра і трэба адрадзіць у хрысціянскім свеце. Па-другое, – гаворыць ён, – праваслаўная царква адступіла не толькі ад «сапраўднай» рымскай веры, але і ад грэка-візантыйскай. Скарга вылучае 18 т.зв. «памылак» у набажэнстве рускай праваслаўнай царквы, выпраўленне якіх толькі і можа прывесці «да міру і спакою ва ўсёй хрысціянскай царкве» ў выніку аб'яднання.

Яго кніга нарабіла многа шуму, узняла цэлую буру ў праваслаўным лагеры. Амаль увесь тыраж быў скуплены і, паводле сцвярджэння самога Скаргі, спалены найбагацейшай часткай праваслаўнага насельніцтва.

Тым не менш ідэю Пятра Скаргі падтрымаў праваслаўны епіскап Іпаці Пацей, родам з Ружан, што на Брэстчыне. Ён стаў галоўным арганізатарам па падрыхтоўцы тэкста уніі. Каб апраўдаць свой учынак, Пацей выступае ў друку з творамі «Унія», «Гармонія», «Антырызіс», дзе палемізуе са сваімі праціўнікамі і горача даказвае неабходнасць царкоўнай уніі. Аўтар даволі аб'ектыўна паказвае крызіс праваслаўнай царкоўнай вярхушкі. Але калі Скарга налічвае 18 «аблуд» (адступленняў), то Пацей – толькі 4. Мэта яго была іншаю – паказаць не рознасць, а блізкасць дагматыкі і абрадаў абодвух цэркваў. Унія, на яго думку, прывядзе да той згоды, у якой жылі продкі, а рэфарматары – ворагі як каталіцызму, так і праваслаўя. Яны былі б рады вынішчыць і праваслаўныя, і каталіцкія культавыя ўстановы, і «набажэнства наше з грунту й з памяці людскае выкаранім». І толькі рымляне, баронячы сваю рэлігію, абароняць і праваслаўную.

У адрозненне ад езуітаў, кнігі Іпація Пацея былі напісаны на старабеларускай мове з выкарыстаннем моўна-стылёвых сродкаў, характэрных для публіцыстычнага жанру. Вялікай папулярнасці яны не набылі, бо ў іх асуджаўся просты народ за яго бунтарства і невуцтва.

Яшчэ адзін вядомы полацкі уніяцкі архіепіскап Ісафат Кунцэвіч наогул лічыў, што каталіцкая і уніяцкая царква павінна быць вышэй за каралеўскую ўладу. У лісце да канцлера ВКЛ Льва Сапегі ён раіў выгнаць усіх іншаверцаў, маючы на ўвазе праваслаўных, за межы дзяржавы, учыніць фізічную расправу над тымі, хто не падтрымлівае уніі, закрыць усе праваслаўныя цэрквы.

Леў Сапега асудзіў ваяўнічую пазіцыю Кунцэвіча ў сваім «Адказе» на яго ліст. Ён, крытыкуючы дзейнасць і погляды уніяцкага архіепіскапа, адназначна ўказваў, што каралеўская ўлада павінна быць вышэй як за праваслаўную, так і за уніяцкую і каталіцкую цэрквы, а пастановы і загады караля тычацца ўсіх грамадзян, незалежна ад іх веравызнання. Сапега лічыў, што ў пытаннях веры гвалт і прымус прывядзе да адмоўных вынікаў. Кожны чалавек, на яго думку, мае права на свабоднае веравызнанне, а задача ўлад – забяспечыць гэтае права. Сапега загадаў Кунцэвічу спыніць незаконныя ганенні на праваслаўных і ў «Адказе» недвухсэнсоўна заявіў: «Уратуй нас, Божа, ад такога глупства».

Як вядома, Кунцэвіч за сваю жорсткасць быў забіты ў Віцебску ў час паўстання праваслаўнага насельніцтва 12 кастрычніка 1623 г.

У канцы XVIII ст. цікавасць да перапіскі Я.Кунцэвіча і Л.Сапегі аднавілася, але ўжо з боку крытыкаў епіскапа: «Расейскі ўрад захацеў скарыстаць дакументы дзеля апраўдання сваіх акцыяў гвалтоўнага далучэння ўніятаў да Расейскае праваслаўнае царквы, каб згаданыя вышэй дзеянні расейскае адміністрацыі не выглядалі надта жорсткімі» [1, с. 4]. Таму не дзіўна, што пры перакладах на расейскую мову і ў польскім варыянтах лісты Л.Сапегі і Я.Кунцэвіча былі свядома сфальсіфікаваныя з палітычнай мэтай Ф.Туманскім, М.Бантыш-Каменскім, С.Ліндэ і іншымі. Цяпер высветлена тэндэнцыйнасць перакладаў і наяўнасць мноства адхіленняў ад праўдзівага сэнсу ліставання. Падрабязна аб гэтым

расказана ў кнізе «Эпісталяцыя Сьвятога Язафата: Збор дакументаў», выдадзенай полацкай грэка-каталіцкай парафіяй Святапакутніка Язафата ў 2006 г.

Супраць уніятаў рашуча выступіў выдатны пісьменнік-палеміст Стэфан Зізані (сапр. Кукаль – грэч. Зізані), які выкарыстаў рэлігійную барацьбу для асветніцкіх мэт, разгарнуў шырокую публіцыстычную дзейнасць, адкрыў праваслаўную школу ў Вільні. Ён выступаў з палымянымі прамовамі супраць уніі і уніятаў у цэрквах, на гарадскіх рынках і вуліцах. Мэта яго выступленняў – недапушчэнне вайны і насілля паміж веруючымі. Ен разглядаў веру як акт свабоднага выбару веравызнання, што адпавядала духу эпохі Рэфармацыі. У сваім асноўным творы «Казанне святога Кірыла» ён называе папу рымскага антыхрыстам, а адзінай праўдзівай верай — праваслаўную. Зізані вырашае не толькі царкоўныя пытанні, але і шырока прапагандуе дасягненні забароненых царквою навук – адкрыцці Дж.Бруна і Мік.Каперніка, выступае супраць існуючага ладу, выказвае ідэі сацыяльнай справядлівасці. Аб'ектам крытыкі сталі і «свае» прадажныя праваслаўныя святары, якія перайшлі ва уніяцтва з разлікам на вялікую выгаду. Не дзіўна, што вышэйшае праваслаўнае духавенства адмоўна ацаніла яго выступленні і адлучыла ад царквы.

Творы С.Зізанія сведчаць пра высокія стылістычныя магчымасці тагачаснай беларускай мовы. Яго кнігі ні па свайму тону, ні па стылю не выбіваюцца з твораў біблейскіх. Дзякуючы гэтаму, яны ўспрымаюцца як аўтарытэтныя рэлігійныя дакументы. І пісьменніку верылі. Верылі як простыя людзі, так і прагрэсіўная інтэлігенцыя, якая яшчэ не паспела адарвацца ад народа,

На баку Стэфана стаяў і яго брат – вучоны-філолаг, асветнік Лаўрэнцій Зізані. Ён падрыхтаваў звод асноўных палажэнняў хрысціянскай веры для рускай праваслаўнай царквы па заказу мітрапаліта Філарэта. Напісаны на старабеларускай мове пад назвай «Аглашэнне», твор быў адпраўлены ў Маскву, перакладзены на царкоўнаславянскую і адрэдагаваны Філарэтам. Там твор атрымаў назву «Катэхізіс», з прычыны таго, што назва «Аглашэнне» ў літаратуры ўжо ёсць (Кірыла Ерусалімскі). Пасля гарачых спрэчак па рэлігійных праблемах, узнятых Л.Зізаніем, і нават пасля праўкі Філарэтам, кнігу да друку не дапусцілі. Выйшла яна пазней, без імя аўтара, і стала настольнай кнігай накшталт Бібліі для рускіх старавераў. У 1596 г. ім была напісана «Грамматіка славенска» для тых, хто жадаў атрымаць адукацыю. Яна стала вяршыняй вывучэння гісторыі ўсходнеславянскай філалагічнай думкі.

Пачэснае месца ў палемІцы належыць выдатнаму мысліцелю і гуманісту Беларусі Хрыстафору Філалету. Ён выступіў супраць езуітаў творам «Апокрысіс» і паказаў неабгрунтаванасць і неаб'ектыўнасць доказаў П.Скаргі. У пачатку кнігі Філалет заяўляе, што ён шануе і паважае польскі народ, яго культуру і рэлігію; ён за брацкае сяброўства палякаў і ўсіх славян. Ён успамінае мінулае славян, калі яны жылі ў еднасці і згодзе, і менавіта ў гэтым ён бачыць і іх будучае. Вось чаму аўтар лічыць, што прымусовая паланізацыя, прымусовая царкоўная унія з'яўляецца злейшым ворагам славянскага яднання. П.Скарга не паспеў нацешыцца сваімі пісаннямі, як Філалет ушчэнт разнёс яго хітрую езуіцкую аргументацыю. Ён яшчэ больш аргументавана выкрыў ілжывую казку Скаргі пра польскі рай і звярнуў увагу грамадства на цяжкае прыгнечанае жыццё польскага народа ў самой Польшчы. Аўтар выкрывае «святасць» Папы і захопніцкія імкненні Рыма. Ён піша, што папа небяспечней за туркаў, бо ён імкнецца падпарадкаваць сваёй уладзе ўвесь свет. Ён гандлюе буламі (граматамі), высокімі санамі, пасланнямі і нават нябесным раем. Філалет удала выкарыстоўвае сатырычныя казкі і анекдоты пра ксяндзоў.

Твор цікавы тым, што ў моўных адносінах насычаны афарызмамі, прыказкамі, вострымі жартамі, іроніяй. Гэта ўзор публіцыстычнага жанру.

Акрамя вышэй названых абаронцаў трэба адзначыць дзейнасць Лявонція Карповіча. Ён быў вядомым прамоўцаю, публіцыстам, заснавальнікам брацкіх школ, кнігавыдаўцом. Карповіч наладзіў уласную друкарню, з якой выйшлі ў свет многія творы праваслаўных беларускіх палемістаў. За сваю актыўную антыўніяцкую дзейнасць два гады, па загадзе караля, адсядзеў у турме.

Адным з выдатных дзеячоў Беларусі быў уніяцкі прапаведнік Язэп Руцкі (1574 – 1637), які нарадзіўся ў маёнтку Рута каля Навагарадка ў шляхецкай сям'і. Скончыў Віленскую кальвінісцкую школу, вучыўся ва універсітэтах Чэхіі і Германіі, затым Рыма, дзе пранікся духам каталіцызма і даў клятву падтрымліваць ідэі уніяцкай царквы. Вярнуўшыся на радзіму, стаў рэктарам Віленскай семінарыі. Затым быў намеснікам мітрапаліта І.Пацея і, нарэшце, стаў трэцім уніяцкім мітрапалітам пасля М.Рагозы і І.Пацея.

Першы твор Я.Руцкага «Дыскурсус» абгрунтоўвае неабходнасць карэнных рэформаў у сістэме адукацыі і выхавання. Гэтыя рэформы, на яго думку, павінны былі істотна паўплываць на становішча уніяцкай царквы. Адна з галоўных прапаноў Руцкага — перайманне педагагічнага вопыту лацінскіх і рымскіх настаўнікаў, прычым, не свецкіх асобаў, а манахаў, якія акрамя ведаў давалі навучэнцам прыклад набожнасці і пакорлівасці. Ён лічыў, што лепш ажыццяўляць навучанне на радзіме, удасканаліць свае школы, бо юнакі, апынуўшыся на Захадзе, уражаныя багатай культурай, заходнім жыццём, прымалі б іх абрады.

Для барацьбы з праваслаў’ем і кансалідацыі усіх сіл Я.Руцкі стварае адзін з наймагутнейшых ордэнаў ва ўсёй хрысціянскай прамоўцаю, публіцыстам, заснавальнікам адсядзеў у турме.

Адным з выдатных дзеячоў Беларусі быў уніяцкі прапаведнік Язэп Руцкі (1574 – 1637), які нарадзіўся ў маёнтку Рута каля Навагарадка ў шляхецкай сям'і. Скончыў Віленскую кальвінісцкую школу, вучыўся ва універсітэтах Чэхіі і Германіі, затым Рыма, дзе пранікся духам каталіцызма і даў клятву падтрымліваць ідэі уніяцкай царквы. Вярнуўшыся на радзіму, стаў рэктарам Віленскай семінарыі. Затым быў намеснікам мітрапаліта І.Пацея і, нарэшце, стаў трэцім уніяцкім мітрапалітам пасля М.Рагозы і І.Пацея.

Першы твор Я.Руцкага «Дыскурсус» абгрунтоўвае неабходнасць карэнных рэформаў у сістэме адукацыі і выхавання. Гэтыя рэформы, на яго думку, павінны былі істотна паўплываць на становішча уніяцкай царквы. Адна з галоўных прапаноў Руцкага – перайманне педагагічнага вопыту лацінскіх і рымскіх настаўнікаў, прычым не свецкіх асобаў, а манахаў, якія, акрамя ведаў давалі навучэнцам. прыклад набожнасці і пакорлівасці. Ён лічыў, што лепш ажыццяўляць навучанне на Радзіме, удасканаліць свае школы, бо юнакі, апынуўшыся на Захадзе, уражаныя багатай культурай, заходнім жыццём, прымалі б іх абрады.

Я.Руцкі і І.Кунцэвіч былі вельмі блізкімі і адданымі сябрамі і паплечнікамі. Гібель апошняга ў Віцебску азмрочыла жыццё Руцкага. Нават пакаранне вінаватых не суцешыла мітрапаліта. Не жадаючы новых трагедый, Руцкі істотна змяняе тактыку сваіх дзеянняў. Шляхам аргументаванай палемікі з праваслаўнымі святарамі многіх з іх ён перацягвае на свой бок, у тым ліку і М.Сматрыцкага.

Уплыў мітрапаліта на Мялеція, як і ўся гісторыя пераходу яго ў лагер уніятаў, – дасюль неразгаданая таямніца нашай мінуўшчыны. Магчыма, падзейнічала прапанаваная Я.Руцкім ідэя яднання праваслаўных з уніятамі і стварэнне сваёй, незалежнай патрыярхіі ў Вільні.

І калі М.Сматрыцкі зламаўся і здрадзіў праваслаўю, то яго аднадумца А.Філіповіч пранёс сваю веру праз усё жыццё і не адмовіўся ад яе нават перад расстрэлам.

Царкоўна-палемічная публіцыстыка, такім чынам, данесла ўсю складанасць рэлігійнай барацьбы таго часу, якая так ці інакш паўплывала на лёсы і жыцці не толькі перадавой інтэлігенцыі, якая апынулася па абодва бакі барыкад, але ўсяго праваслаўнага і каталіцкага насельніцтва Беларусі, Украіны, Польшчы.

Спіс літаратуры

1. Эпісталяцыя Сьвятога Язафата: збор дакументаў / укладаньне й апрацоўка М.Баўтовіча. – Полацак: Грэка-каталіцкая парафія Сьвятапакутніка Язафата, 2006.

ДАНУТА МЫШКО

Гродно

ИСКУССТВО КОМПЛИМЕНТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГРОДНЕНСКОГО ПЕРИОДА СТАНИСЛАВА ТРЕМБЕЦКОГО

Вся жизнь Станислава Трембецкого прошла под знаком изящества и элегантности. Поэт был особенно чувствителен на все совершенное, деликатное, красивое, на все, в чем проявляются вкус, рафинированное мастерство. Станислав Трембецкий ценил приятную сторону жизни – танец, игру, веселье, в этих занятиях он умел находить то, что формирует эстетический и художественный вкус. Подобного рода занятиям поэт отдавался целиком, чем и снискал себе славу гуляки, дебошира, весельчака. Поэт мог быть придворным стихоплетом, но делал это грациозно и ненавязчиво, панегирическое начало отходило на второй план, а в стихотворении господствовала элегантность. Поэт мог блистать в большом свете эрудицией и начитанностью, но всегда с чувством такта и меры. Он не представлял себя вне жизни салонов и светских приемов, где был наиболее интересным собеседником. Ощущение светскости жизни так прочно укоренилось в сознании поэта, что он, находясь даже в очень стесненных обстоятельствах, мог позволить себе принять не одного гостя в течение дня. Патологическая страсть к долгам приводила иногда Трембецкого на край финансовой руины. Так, например, годовой доход поэта оценивался на 20 000 злотых, из которых он тут же должен был вернуть половину, выплачивая долги. Станислав Август, зная финансовую бесшабашность своего шамбеляна, поручает все финансовые дела Трембецкого своему камердинеру Брунету, который должен был получать пенсию Трембецкого, постепенно выплачивать долги и оставлять определенную сумму на жизнь. После трех лет такого финансового опекунства, в 1780 году, между Трембецким и Брунетом вспыхивает конфликт, в результате которого остался целый ворох писем участников конфликта королю и королевских писем. Письма – ценный источник великосветского образа жизни поэта, который не мог себе позволить на такой образ жизни. В одном из писем изложены очень подробно расходы Трембецкого (следует принять во внимание, что 1 дукат был равен ценности 18 польских злотых): золотые (!) часы за 24 дуката, три пары туфлей за пол дуката, 2 дуката сапожнику, за ливрею двум слугам 36 дукатов, за сюртук 10 дукатов, 30 – за вечерний наряд и т.д. и т.п. Брунет очень эмоционально описывал расточительность, жизнь не по средствам Трембецкого. Да и сам поэт в 1776 году в одном из писем писал Брунету: «Погруженный в книги, ***неприятно пахнущие и съеденные крысами***, веду *скромный* образ жизни» [Цит. по: 3, с.ХХП]. Скромным такой образ жизни можно назвать с некоторыми оговорками. На жалобу, которую Трембецкий отправляет королю, где обвиняет во всех своих бедах не любимого им Брунета, последний отвечает так, представляя Станиславу Августу, как проходит обычный, «скромный» день поэта: «Стол пана шамбеляна всегда был хорошим, чистым и более чем достаточным, ибо каждый день он принимал гостей. Шести хорошо приготовленных блюд хватало на три или на четыре человека. А если случалось так, что пан шамбелян принимал большее количество гостей, чем обычно, и требовал всего, что ему казалось необходимым, он немедленно был обслужен» [Цит. по: 3, с.ХХШ]. Но даже в такой ситуации поэт мог так изящно сказать о своих увлечениях: «Очень редко выхожу из дому, ибо пребываю в великолепной компании: просыпаясь, сразу же вижу Платона, Цицерона и Монтеня, которые говорят мне милые слова; остальную часть дня провожу с Монтескье, Жан Жаком и ксендзом Сен-Пьером, которые поучают меня. Иногда появится Вергилий, чтобы меня взволновать, иногда – Лафонтен веселит меня своими историями и бессмертными баснями; в конце концов вечером засыпаю в одной кровати с достойным Гомером» [Цит. по: 3, с. XXIX]. Легкость, но не панибратство, изящество, но не сентиментальная чувствительность… В этом – весь Станислав Трембецкий.

Надо предполагать, что Станислав Трембецкий был мастером комплимента в жизни. На светских балах, приемах у многих дам дрогнуло сердце от элегантного и приятного слова этого кавалера. Известны факты, что большинство комплиментов, двустиший, словесных каламбуров поэт помещал на дамских веерах, на салфетках, в карнетах, не придавая значения их сохранности. Действительность салонов, дамских будуаров требовала грации и тонкости манер, слова, поведения, жеста. Трембецкому это было дано от природы. Он – автор стихотворений, воспевающих, как «szampacski nektar iskry wysadza na szklanki». Наиболее художественно завершенным считается стихотворение «Коссовской во время танца» («Do Kossowskiej w taccu»). В поэтической форме описываются полные грации танцевальные движения Зофьи Коссовской, когда «nyzki sik ledwie widzieж pozwol№ – i czasem tylko dotkn№ sik ziemi». Движения танцующей женщины легки, юбка воздушна и невесома. Трембецкий любуется виртуозными движениями прекрасной пани, когда лишь любовному ветерку Зефиру дано видеть «najtajemniejsze skrytoњci». Описание танца динамично. Словесное выражение не достаточно для передачи танцевального движения, Трембецкий отдает право увековечить момент танца художнику Смуглевичу. Совершенство, по мнению поэта, должно быть видимым. Комплимент прекрасной Зофье вмещает в себя и восхищение, и восхваление (что является каноническим в данном жанре). Однако у Трембецкого комплимент конкретной женщине содержит и культ привлекательности как эстетической категории. Трембецкий присваивает польской шляхетской культуре, далеко еще не европейской, культ элегантности, тонкости, эстетически развитый вкус, чувство совершенства. На фоне культурной политики Станислава Августа, стремящегося цивилизовать польскую шляхту, сделать из шляхтича гражданина, поэзия Станислава Трембецкого как нельзя кстати. Да и сам король умел совместить просветительские нормы и нормы прекрасного. В королевских покоях, в резиденции Изабелли Чарторысской томики Ж.-Ж. Руссо, Дидро (просветительский рационализм, свободомыслие) лежали на искусно выполненных миниатюрных столиках (тенденции рококо). В польском Просвещении находилось место на синтез просветительской трезвости и изящества рококо. Король культивировал такой тип поведения и сознания. В нем он также усматривал цивилизующий фактор. Стихотворений подобного характера в творческом наследии Трембецкого не мало («Do jeneraiowei Wittowej», «Do Ksikïny Czartoryskiej», «Do Fr. D. Kniaцnina» и др.).

Специфическую комплиментарную природу имеет поэтическое письмо Трембецкого «Гость в Гейльсберге». Ода умеренна в своем панегирическом звучании, зато сквозь строки просвечивает галантный, но сдержанный комплимент епископу Красицкому, который уже давно выбрал позицию невмешательства в политику, изящное, но холодное напоминание о патриотизме каждого поляка. Стихотворение было написано по заказу короля, стремящегося привлечь Игнатия Красицкого к сотрудничеству с королевским лагерем.

В течение всей жизни поэт сохранил страсть к развлечениям себя и других. Именно в этой последней функции ему пришлось выступить в Гродно, куда он прибыл вместе с королем в 1795 году. Уже немолодой поэт призван был скрасить досуг Станислава Августа, с чем поэт прекрасно справился. Сфера развлечений Станислава Трембецкого в Гродно обширна: конструирование воздушного шара, работа в лаборатории монастыря отцов доминиканцев, составление надписей на ротонду в парке Лазенковском в Варшаве, участие в поэтических турнирах, королевских балах, ученых диспутах и т.д.

В Гродно были написаны последние стихотворения поэта. После них поэт напишет только поэму «Софиада». Эти стихотворения имеют ряд специфических черт. Во-первых, некоторые из них отличаются ранее практически не встречавшимся в поэзии Трембецкого элементом – наличием личной «нотки», глубоко субъективной, когда поэт впервые, пожалуй, решился на откровенность («Anakreontyka przy odebraniu czaszy wina z pikknych r№k», «Wierszyk do panny Tekli»). Во-вторых, это стихотворения «на случай», написанные, вероятнее всего, по заказу короля, прославляющие генерал-губернатора князя Репнина («Wiersz do ksikcia Repnina, gdy sik rozchodziia pogioska o wojnie z Turcj№»). Сам по себе этот факт не является novum у Трембецкого, который, исправно выполняя

обязанности придворного, подобных стихотворений написал не один десяток. Однако в стихотворениях заказного характера, написанных в Гродно, мы имеем дело с несколько иной ситуацией. Дело в том, что в этих панегириках Трембецкий выражал не только точку зрения заказчика (в данном случае – короля, который был заинтересован в самых хороших отношениях с его опекуном, более того, королю нужно было получить доверие Репнина, о том, что этого доверия пока не было, свидетельствует тот факт, что генерал-губернатор принимал серьезные меры предосторожности, которые помешали бы предполагаемому побегу плененного польского короля), а прежде всего – свою (отношение к России, роль России в трагической судьбе Польши). Трембецкий впервые оказался в ситуации, когда нужно было выполнить заказ, руководствуясь общенациональными интересами, и когда нужно было высказаться самому.

Однако эти тематически разные группы стихотворений объединяет одно обстоятельство – искусство комплимента, умение высказать комплимент ненавязчиво, более того, спрятать его, избавляя себя от славы панегириста (особенно по отношению ко второй группе стихотворений).

Даже в последнем периоде своего творчества Трембецкий проявил себя как оригинальный классицист, идущий непроторенными еще дорогами. М.Климович связывает неповторимость классицизма Трембецкого с отсутствием сатирического и дидактического начала, так свойственного польскому Просвещению (А.Нарушевич, И.Красицкий) и приближением к придворному рококо [2, с.73]. В.Боровы отмечает не свойственное классицизму чувство элегантности, грациозности и деликатности, но в полной мере проявляющееся в поэзии Трембецкого и делающее ее специфическим вариантом польского просветительского классицизма [1, с.195]. «Специфический профиль» классицизма у Трембецкого С.Петрашко усматривает в «страсти к форме, культе слова и виртуозным владением им, вознесение категории привлекательности на вершину эстетических ценностей» [4, с.359]. Все это делало Станислава Трембецкого более современным и европейским, отделило его от основного течения в просветительской мысли Польши.

В стихотворениях, в которых адресатом является дама, возникает образ немолодого уже поэта (во время пребывания в Гродно Трембецкому было 56 лет), на что указывает сам поэт. Свою возрастную и эмоциональную ситуацию лирический герой ассоциирует с образом вулкана. Образ сконструирован в соответствии с барочной стилистикой; контрастное сопоставление внешнего («њniegami siwa» («Wierszyk»), «Hekla siwa» («Anakreontyk») и внутреннего («w њrodku peina ogniyw Hekla» («Wierszyk»), «wiecznie karmi poïary ogniste pieczary» («Anakreontyk»). Концептуальная стилистическая ориентация находит свое выражение в искусстве усовершенствованного конструирования мотивов любви, в барочно-рокайльной образной системе (снег, лед, пожар). В стихотворениях просвечивает дух современной Трембецкому эпохи, полной элегантности, салонного остроумия, утонченного вкуса. Но лирический герой, наделенный «чувством жизни» и искренностью, эмоционально связан с ситуацией одиночества, которое усугубляется возрастом поэта перед лицом юных дам. В стихотворения проникают рокайльно-сентиментальные тенденции салонного любовного искушения и муки (Z imionnika Pani A. G. W. B. / M. K.). И все же в каждом из них Трембецкий расточает комплименты, сделанные изящно и тонко, делающие честь самой даме. За салонными виртуозными словосочетаниями («zabawy nasze cukrujesz» («Wierszyk»), «przygaszam ogiec oliw№» («Anakreontyk»), «zdolne stare rozgrzaж lody» («Z imionnika Pani M. K.») и т.д.), возникает образ дамы просвещенной («Wierszyk», «Anakreontyk»), наделенной от природы добродетелями («W imionniku»). В каждом из стихотворений поэт создает эмоциональную ситуацию, которая иногда апеллирует к разуму («Wierszyk», «Anakreontyk»), а иногда – к чувству («W imionniku»).

Стихотворения гродненского периода являются художественным свидетельством того, как изменилась эстетическая наполненность понятия «прекрасное». Если в классицизме «прекрасное» понималось как «pulchrum» – то, что гармонично, то у Трембецкого вкус ассоциируется с «прекрасным», понимаемым как латинское «bellum» – то, что нра-

вится, то, что красиво, притягательно. «Прекрасное» идентифицируется с понятием «красивый». Такое понимание «прекрасного» критерием эстетической ценности сделало субъективность, эмоциональность. «Wierszyk» и «Anakreontyk» содержат канонообразующие доминанты барочного комплимента. Начало стихотворений – это традиционный комплект восхищений и восхвалений, когда обладательница «прекрасных рук» («Anakreontyk») является вместилищем всего совершенного

O wdzikkyw zbiory,
Grzecznoњсi wzory,
Panie, krylowe, boginie [5, с.107].

Трембецкий использует риторическую инверсию, создающую торжественность и высокопарность стиля. Нагромождение обращений, построенных по принципу усиления качества (пани, королевы, богини), также принадлежат арсеналу барочной лирики. Риторический вопрос, открывающий лирическую ситуацию стихотворения к панне Текле, тоже из этой же сферы. В двух стихотворениях использован целый ряд образов барочной любовной лирики – огонь, пожар, который сжигает человека. Лирический герой стихотворений не исключение. В анакреонтическом стихотворении поэт в состоянии погасить этот огонь, в любовных признаниях панне Текли поэт радуется, что этот огонь еще горит в его сердце. И если всех окружающих слово «люблю», произнесенное старым поэтом, смешит, то сам поэт гордится, что еще может себе позволить на такое излияние чувств.

В центр стихотворений Трембецкий помещает ситуацию немолодого поэта с «serdecznym upaiem zwikkszonym». На первый план выступает поэт, занятый собственными переживаниями, эмоционально связанный с представленной ситуацией. Лирическое «я» ощущает неумолимый бег времени, которое «wios ubieliio, twarz podzieliio». Поэт принимает это движение как данность, констатирует как факт, с которым надо считаться. С этим ощущением входит почти барочная уверенность в непостоянстве мира. Но поэт видит положительное в этой ситуации (из области рокайльного ощущения) – мир в награду дает человеку способность любить, что и становится смыслом быстротечной жизни. Осознание этого факта становится фундаментом специфической ситуации человека: если фактом является то, что «tylko przechodnie jesteњmy na њwiecie», то надо успеть прожить жизнь, воспринимая ее исключительно в категориях приятного и прекрасного. Поэт призывает «сок Бахуса» течь потоком, даже если этот процесс кратковременен. Ценность его не в длительности, а в качестве, в содержании – ему сопутствует прекрасная дама.

Ощущение времени в «Стихотворении» усиливается указанием на разный возраст

Miodsi cik, starsi i ci kochamy,
Co nas lat chyl№ cikzary [5, с.107].

Поэт тоже включен в этот процесс – «zbyt stary». Количество прожитых лет нивелируется в стихотворениях ассоциацией с образом вулкана. Возрастная и эмоциональная ситуация проецируется на этот образ. Поэт заинтересован тем, что мощное, сильное, в чем кипит жизнь. Поэт не ищет гармонии, понимаемой как уравновешенность. И это на фоне идиллически-сентиментальных пристрастий эпохи! Трембецкий культивирует буйное и активное.

Вулкан, покрытый снегами, «лысый от льда», напоминает немолодого поэта, но, как и в вулкане, «внутри полном огня» («Wierszyk»), который «вечно кормит пожары» («Anakreontyk»), в душе поэта горит огонь любви. Атрибуты вулкана (седой от снега, горячий внутри) – это проекция ситуации самого поэта, которая не воспринимается как дисгармония. Поэт еще может громко произнести: «Я люблю!», не боясь осуждения или непонимания.

Кажется, что поэт, окунувшись в свои переживания, забыл о прекрасной даме, подавшей ему кубок с вином. Композиционным центром оказалась эмоциональная ситуация убеленного сединами поэта. Но поэт вынужден представить свою ситуацию, отдать ее на суд обладательнице прекрасных рук. Он призывает даму «sikgaж gikboko», не воспринимать только внешнее, поверхностное. Обладая тонким вкусом и эстетическим чу-

тьем, дама, уверен Трембецкий, разглядит тот внутренний огонь, который сжигает поэта, т.е. то, что делает его еще молодым, способным на горячее, всепоглощающее чувство. Это скрытый, опосредованный комплимент даме. Под пером Трембецкого анакреонтическое стихотворение формирует тип утонченной культуры салонов (и в этом его цивилизующая роль, неофициально, но почти программно закрепленная в королевском лагере). С другой стороны, просветительский анакреонтик не лишен общей для всей эпохи тенденции, которая проявляется в акцентировании рационального восприятия сути явлений. С подобным можно встретиться и в стихотворении к панне Текле, в котором поэт призывает молодую паненку вынести приговор старому любовнику. Поэт надеется, что юная особа сумеет разглядеть горячую душу старого поэта, который, может быть, последний раз отважился на громкое признание: «Я люблю!». В молодой панне Текле, при всей ее образованности, светскости, ценится прежде всего разум, умение видеть не только глазами.

Салонную легкость и рафинированность проявляет Трембецкий и тогда, когда делает реверанс в адрес мужчины – «главнокомандующего» Репнина – «Wiersz do ksikcia Repnina». Стихотворение было написано в 1796 году, вероятнее всего, по случаю именин губернатора. Это должен был быть похвальный гимн, прославляющий Репнина, его полководческие заслуги и добродетели. Несомненно, что стихотворение возникло по инициативе Станислава Августа, заинтересованного в сохранении наилучших отношений с генерал-губернатором. Гимн был исполнен на торжественном приеме во дворце Станислава Августа, но точно известно, что Станислав Трембецкий не присутствовал на этом мероприятии.

Поэт перечисляет заслуги («zniszyczyieњ smutki, zgoiieњ rany tw№ roztropnoњci№ przedziwn№») и достоинства Репнина («czynny, iagodny, waleczny»). Репнин выступает в роли отца, который должен обеспечить своим детям счастливую и беспечную судьбу. Губернатор – обладатель лаврового венка, символа победы. Трембецкого можно было бы обвинить и в славянофильстве, и в плоском панегиризме. Но дело в том, что похвалу князя Трембецкий вложил в уста подначаленных Репнина. Таким композиционным приемом поэт избавил себя от проявления собственных чувств и взглядов, оставил за собой право отвечать только за форму, а не за содержание. Тем самым поэт дистанцировался от политики, выполняя однако поручение короля, руководствуясь при этом интересами не личными, а государственными. Трембецкий обошел вниманием политическую деятельность Репнина, кроме упоминания о русско-турецкой войне. Не вспомнил поэт ничего и о роли Репнина, которую он играл в разделенной Польше. Поэт сохранил светски-развлекательное назначение панегирика. Просьба короля была выполнена. Подначаленные пропели гимн на балу. И лишь сам поэт невзначай вспомнил о слезах, которые теперь уже высохли, о сердце, которое теперь уже не болит. Написав через полтора года после раздела Польши этот панегирик, поэт не мог не намекнуть на страшную катастрофу. Но только намекнуть… На большее не позволял не только адресат гимна, но и его назначение (песнь на балу) и цель написания (не рассорить короля и Репнина). Трембецкий, написав комплимент, по сути дела его не высказал, не приписав его себе.

В стихотворениях-комплиментах Станислав Трембецкий проявился как мастер виртуозного владения словом, барочным, тяжеловесным, а под пером поэта становящимся легким и элегантным. Комплимент Трембецкий никогда не использовал в его прямом назначении – похвала и восхищение. Комплимент в адрес прекрасной дамы чаще всего служил предлогом для представления собственной ситуации (это общая тенденция творчества Трембецкого, который всегда при любом удобном случае говорит о себе, будь то в письмах или топографических поэмах, панегириках в честь других, стихотворениях по заказу и т.д.). Будучи чувствительным к женской красоте, грации, тонкости, Трембецкий ценил в женщине и другие качества, которые считал достойными похвалы.

Комплименты Станислава Трембецкого формировали салонную культуру шляхетской Польши, шлифовали вкус. Далекий от дидактизма и сатирической тенденции эпохи Просвещения, Трембецкий сумел выполнить требования эпохи в стиле легком и изящном, оставаясь при этом в равной мере придворным поэтом, горячим любовником и идеологом Просвещения.

Список литературы

1. Borowy, W. O poezji polskiej w wieku XVIII / W.Borowy. – Krakyw, 1948 – 398 s.
2. Klimowicz, M. Literatura Oњwiecenia / M.Klimowicz. – Warszawa, 1990 – 238 s.
3. Kott, J. Przedmowa / J.Kott//S.Trembecki. Pisma wszystkie. – T.1. – Warszawa, 1953 – 343 s.
4. Pietraszko, S. Doktryna literacka polskiego klasycyzmu / S.Pietraszko. – Wrociaw-Warszawa-Krakyw, 1966 – 667 s.
5. Trembecki, S. Pisma wszystkie. W 2 t. T.1. / S.Trembecki. – Warszawa, 1953 – 343 s.

ЭЛЛА ДЮКОВА

Минск

БЕЛАРУСЬ И ПОЛЬША КАК КОМПОНЕНТЫ ПАЛОМНИЧЕСКОГО ТЕКСТА УКРАИНЫ КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ: КОРРЕЛЯЦИЯ САКРАЛЬНОЙ ТЕМЫ, ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА АВТОРА

Конец XVII в. ознаменован повышенным интересом к паломническим путешествиям из украинских земель в священные места Европы. Украина входила как полноправный компонент в состав Речи Посполитой, государства, которое по самому названию мыслилось как объединенная общественно-политическая структура польского и белорусского народов. Еще не началась Северная война (1700 – 1721). Только в 1702 г. шведский король Карл XII введет свои войска, захватив молниеносно Краков и Варшаву, одновременно оккупируя территорию Великого Княжества Литовского. Это тогда произойдет разделение польских сил на сторонников Карла XII и Петра I. Не могло еще помешать пилигриму и запланированное позже на 1707 год наступление объединенных польско-шведских войск через Беларусь и Смоленск на Москву, а через Полесье и Волынь – на Киев. Как отмечают украинские историки, «между 1687 и 1708 годами, то есть в период Мазепинского гетманства, на территории Гетманата не проходило никакой внутренней войны, а редкие всплески козацких бунтов гетман душил твердой рукой. Благодаря этому мирному перерыву тут установились те нормы социального уклада, которые определили жизнь козацкой державы вплоть до ликвидации ее автономии»[7]. Благоприятный общественно-культурный климат, в котором проходила культурная жизнь украинцев, подталкивал одаренную личность к активным действиям и поступкам.

С одной стороны, именно отмеченная стабилизация социальной структуры объединенных украинской, белорусской, польской территорий сделала возможным сам факт осуществления паломничества. С другой стороны, слишком зыбким был период перемирия, когда в относительно спокойное время у руководителей государств зрели замыслы новых захватнических войн и интервенций.

События и факты государственно-политической значимости, связанные с жизнью на территории Беларуси, содержатся в описании путешествия, осуществленного украинцем – иеромонахом Тарасием Каплонским. Тарасий Каплонский – лицо одновременно духовное и в то же время светское. В 1697 году он предпринял паломничество к мощам чудотворца Николая в итальянский город Бари. Однако его миссия, как оказалось, носила также и образовательный, и дипломатический характер. Указанный документ – так называемые «распросныя рЂчи» – был обнаружен в архиве московского Министерства иностранных дел М.М. Плохинским и опубликован в 1896 г. в «Сборнике Харьковского историко-филологического общества» [5, с. 289 – 296]. Путешествия с целью улучшить свое образование, расширить кругозор для украинцев были довольно обычным явлением в

XVII веке. К сожалению, в основном, об этих фактах не сохранилось никаких записей. Вот почему особенно ценны «распросныя рѢчи» Тарасия Каплонского [4, с. 49-53]. Подчеркнем еще раз: путешествовал он, прежде всего, с паломнической целью, однако, его сочинение приобрело не строго паломнический, а гораздо более широкий характер.

Тимофей Иванович Каплонский (иногда его называют Поклонским или Коплонским), в монашестве названный Тарасием, родился в семье священника в Конотопе Сумской области. По достижении совершеннолетия он отправился в Киев, где три года обучался грамматике, синтаксису и поэтике в стенах Киево-Могилянской академии. Показательно, что в дальнейшем Каплонский продолжил учебу в белорусском городе Несвиже, «определился там в тамошнюю иезуитскую коллегию и в течение трех лет учился здесь риторике у иезуита Юдейка» [4, с. 50]. Следующие три года обучения Каплонский провел во Львове. К сожалению, такой образованный человек оказался невостребованным в родном Конотопе, куда он вернулся. В 1682 году Тимофей Каплонский «по обещанию своему» постригся в монахи. Процедуру совершил архиепископ Черниговского Елецкого монастыря Лазарь Баранович. Ввиду образованности Каплонского он был возведен в сан иеромонаха. В 1696 году Тарасий задумал осуществить второе свое «благочестивое обещание». С благословения архимандрита Киево-Печерской лавры Иоасафа Кроковского и настоятеля Макошинского монастыря преосвященного Никодима в мае 1697 года Каплонский отправляется на поклон к мощам Николая-чудотворца в итальянский город Бари.

Помимо благословения, Каплонский получил также «открытые листы» (свидетельство личности паломника). Через Полесье он добирается до Жовкы, что расположена под Львовом. В июне он уже прибыл в Краков, а к сентябрю добрался до Праги. Обращает на себя внимание документ, полученный Каплонским в Кракове. Приведем его текст тут польностью: «Бурмистръ і совѢтники города Кракова престолнаго Королевства полского всѢмъ обще і всякому особо, кому о томъ вѢдати належить, и кто ни есть сей насъ честь будетъ объявивъ наше доброходство вѢдомо чинимъ что объявитель сего листа честныи отецъ Тарасиі Каплонскиі іеромонах закона святаго Василия Великого по своему намѢрению путешествует в Римъ к порогамъ святыхъ апостолъ Петра и Павла і для посѢщения иныхъ святых мѢст и чюдотворныхъ, которому дали есмы сей насъ во свидѢтелство того, что слава Богу у насъ воздухъ здравый и чистой от всякого морового повѢтрия и для того, того монаха восхотѢли б безопасно пропущать и ему пособие и милостиню подавать, за что возмѢздие от Господа Бога восприімете и для лутшеи вѢры сей пасъ припечатать и подписати восхотѢли есмі. Данъ в Кракове іюля въ 9 день 1697-го году. В низу печать градцкая» [4, с. 294].

Краков на пути паломника оказался не случайно. Ведь именно Краков, будучи важным центром религиозной жизни Речи Посполитой, считался «сакрально-религиозной столицей Польши» [1, с. 75.], именно этот город был известен огромным количеством монастырей. Свидетельство санитарно-гигиенического характера в документе также имеет под собой реальные основания. Европа в то время действительно боялась «морового поветрия», поскольку осенью 1650 года со стороны Львова в Краков пришла «трагическая зараза, забравшая в городе и его ближайших околицах несколько десятков тысяч жертв» [3, с. 53].

Таким образом, можем констатировать, что в польском католическом Кракове к представителю православной веры, исповедующему законы святого Василия Великого, власти отнеслись благосклонно. Однако предположение о том, что первые рекомендационные письма Каплонского, полученные от Батуринского митрополита Никодима, от архимандрита Киево-печерской лавры Иоасафа Кроковского, имели в польском городе огромный авторитет, были бы несколько наивными: все предыдущее столетие характеризуется активной полемикой между православными, католиками, униатами. Очевидно, уже в начале своего пути пилигрим Каплонский был наделен дополнительной миссией. Вспомним, что Краков был королевским городом. Короной владел тогда Август II. Через несколько лет, 3 апреля 1702 года, в Москве будет подписан первый договор между ВКЛ и Россией. Август II, как и вставшая под его руку шляхта, получат от Петра огромную денежную субсидию [2, с. 95].

Далее маршрут Каплонского привел его в Прагу, где он снова получил «проезжие листы», на этот раз от местного сената и архиепископа. Пройдя через Мюнхен, Аусбург, Тироль, Инсбрук, паломник две недели провел в Венеции. И снова в путь – теперь Падуя, Феррари, Болонья, Анкона, где Каплонский попадает на российский корабль, чтобы приветствовать царского стольника Михаила Хилькова. После Анконы Тарасий отправился в Лоретто, где испил воды из блюда Пресвятой Богородицы. Чтобы продолжить путешествие и получить новые специальные разрешительные бумаги, ему пришлось в Лоретто исповедоваться у ксендза «римской веры»: на чужих европейских землях Тарасию, в целях безопасности, приходится выдавать себя за поляка-католика. К тому же полученные документы позволяли ему пользоваться гостеприимством католических монастырей и другими «странноприимными» учреждениями. В конце октября 1697 года Тарасий Каплонский пришел в Рим, затем отправился в Неаполь и, наконец, в местечко Бари. По дороге Тарасий встретился с российскими крупными государственными деятелями, князьями Дмитрием и Петром Голициными, а также крупнейшим российским военачальником и дипломатом Борисом Шереметьевым, с Лопухиным, Ртищевым и Лобановым. В Бари Каплонский пробыл также три дня: исповедовался, причастился, набрал миро от мощей святого Николая и, получив очередной «свидѢтельственный лист», отправился домой. Правда, внезапно он изменил маршрут. После Вены и Варшавы, он повернул на Гродно, Минск, Могилев, Смоленск. 16 мая 1698 года Каплонский прибыл в Москву.

Что заставило паломника изменить маршрут? Не исключено, что он мог иметь тайную миссию (свидетельством тому являются его встречи с представителями российской военно-государственной элиты, описанные выше). Как бы то ни было, но в Москве Каплонского принял сам Московский Патриарх Адриан, которому был подарен сосуд с миром от мощей святого Николая. В соответствии с имперскими порядками, Тарасий дал подробные свидетельства о своем путешествии в Малороссийском приказе, где был составлен протокол «Расспрос присланному от Патриарха в малороссійской Приказ ієромонаху Тарасію Коплонскому, бывшему для поклоненія в Италіанском городѢ БарѢ отпуск его в Чернигов». Интересен и тот факт, что царь Петр I принял в дар от пилигрима скляночку с миром от мощей святого Николая и, в свою очередь, 3 июня вручил ему «отпускную грамоту», в соответствии с которой Каплонскому обеспечивался режим наибольшего благоприятствования, высокий уровень комфорта и безопасности. Воеводе Луке Федоровичу Долгорукому поручалось проследить, чтобы полковники, сотники войска запорожского гетмана Ивана Степановича Мазепы по обе стороны Днепра «гдѢ кому о том вѢдати належит, ево Тарасия до Чернигова по тому пропускать без задержания…» [4, с. 296].

Подобные «распросныя рѢчи» являются очень ценными документами, благодаря которым нам доступны сегодня важные исторические сведения о том, что происходило в то время в далеких от нас государствах. Здесь есть свидетельства о военно-политической обстановке в Австрийской империи, Оттоманском государстве, Франции, Испании.

Интересны были для Москвы (и не менее интересны сегодня для белорусских исследователей) описания того, что «в Гродне гетман СапѢга збирал на сеймик шляхту, чтоб воевать Огинского, которому нынешний король приказал воевать СапѢгу; и шляхта СапѢгина воевать Огинского не позволили; а при СапѢге было войска с четыре тысячи человѢк» [4, с. 292]. Речь идет о мощнейшем магнатском роде герба «Лис» в Великом княжестве Литовском, представители которого в XV – XVIII вв. занимали наивысшие государственные, административные и военные должности. Сапеги были крупнейшими землевладельцами и, конечно, оказывали существенное влияние на государственную политику. Это был второй по значению (после Радзивиллов) магнатский род ВКЛ. События, свидетелем которых стал Тарасий Каплонский, подтверждают известные сегодня исторические факты. В конце XVII в. Сапеги, уверенные в незыблемости своего положения, выступили против короля. С 1696 года против них объединилась большая часть шляхты ВКЛ. И хотя на сейме 1697 года была предпринята попытка примирения противников, конфликт между Сапегами и шляхтой продолжался, приняв в 1700 г. характер граждан-

ской войны [6, с. 223]. В паломническом отчете Каплонского речь идет об открытом противостоянии Сапеги войскам Огинского, представителя другого княжеского рода ВКЛ.

Как видим, для Москвы сведения Каплонского, полученные на белорусской земле, были исключительно важны. Петр I искал для себя союзников, искал пути и способы расширения и укрепления Московского государства как на юге, о чем говорит упоминание в царской грамоте имени гетмана Мазепы, так и на западе. *И именно поэтому рассказы очевидца Каплонского имели для него особое значение.* Значительность миссии Каплонского подчеркивают и определенные события буквально последующих месяцев, не только годов. Как уже отмечалось, Петр I принял Каплонского 16 мая 1698 года. А уже 31 июля того же года Петр I, возвращаясь из Европы с «большим посольством», остановился в городе Рава-Русская, что находился под Львовом в десятке километров от Жовквы, посещенной Каплонским. Тут произошла встреча Петра I с королем польским и великим князем ВКЛ Августом II. Как отмечает исследователь, «два молодые монархи (Петру было 26 лет, Августу – 28) договорились про тайный союз против Швеции, при этом король нарушил спрадвечный правовой порядок Речи Посполитой, когда принял судьбоносное решение без согласия на то шляхты. И именно действия Августа II положили начало Великой Северной войне» [2, с. 89].

15 февраля 1703 года военные силы шведского генерала Адама Людвига Левенгаупта разбили пророссийски настроенные вооруженные силы белорусско-литовской шляхты под руководством Григория Антония Огинского. 3 ноября 1703 года был провозглашен Манифест Казимира Сапеги, адресованный Карлу XII в связи с переходом значительной части шляхты Великого Княжества Литовского под протекторат Швеции… Белорусские же и украинские земли в охарактеризованное время, ввиду начавшихся интенсивных военных действий, оказались между молотом и наковальней. «Стуль маскалі, а ссюль швяды, дзе пазбыцца такой бяды? » – гласила мудрость народных низов, зафиксированная в народной поговорке…

Как видим, Тарасий Каплонский, с одной стороны, обычный украинский паломник, с другой, как человек образованный, он оказался приближенным к дипломатическим и военным государственным верхам. Что касается непосредственно литературного процесса того времени, то нельзя не согласиться с украинскими исследователями (Сулима Н.), которые справедливо считают, что из паломнической литературы вырастала украинская мемуаристика конца XVII – начала XVIII в.

Отчет Каплонского раскрывает маршрут паломничества, в нем запечатлен, правда, только в общих чертах, сам путь паломника, его рассказ дает нам представление об условиях паломничества того времени. Кроме того, как и предполагалось каноном хождений, рассказ содержит временную характеристику пути, описание святых мест, в частности храма Николая-чудотворца. Опубликованное в 1896 году в Сборнике Харьковского историко-филологического общества свидетельство Каплонского о его путешествии сопровождается копиями всех тех местных, украинских, и заграничных, европейских «свидетельственных листов», которые обеспечили ему возможность паломничества, что также представляет безусловный интерес для исследователей жанра «хождений». Если бы не эти записи, обнаруженные в конце XIX века, возможно, обстоятельства описываемого паломничества так и затерялись бы в веках. Данный документ представляет ценность не только с точки зрения документально-исторических сведений (о которых упоминалось выше). Его текст дает представление о развитии паломничества в XVII веке, позволяет уточнить и сравнить маршруты путешественников. Кроме того, мы можем внести некоторую корректировку в образ автора паломнической прозы, проследить его трансформацию из обычного паломника в носителя важной военно-политической информации, касающейся судеб польского, украинского, белорусского и русского народов.

Таким образом, идея паломничества, собственно сакральная тематика, сохраняя на протяжении многих веков свою актуальность, постепенно корректируется, дополняется. Многие паломники сочетают в своих путешествиях сакральные цели с образовательными, в последнем же случае – еще и с тайной дипломатией и политической разведкой.

Рассмотренный украинский текст так или иначе раскрывает жанровую модификацию паломнической литературы. В последнее время с белорусской стороны активно вводят в литературный процесс «Перегринацию…» Николая Криштофа Радзивилла Сиротки (начало XVII ст.), с украинской – «Странствия…» Василия Григоровича-Барского (первоя половина XVIII ст.) И хотя эти паломнические произведения по времени создания несколько удалены друг от друга, они также вписываются в общую картину нашей давней истории. С литературоведческой точки зрения напрашивается типологическое сопоставление «Перегринации» и «Странствий» – в плане изучения жанровай эволюции «хождений». Однако это уже задача отдельного исследования.

Список литературы

1. Bogucka, M. Krakyw – Warszawa – Gdacsk: trojk№t stolecznoњсi jako wyraz policentryzmu polskiej urbanizacji // Maiopolska w Europie Њrodka. – Krakyw, 1996.

2. Катлярчук, А. Шведы ў гісторыі і культуры беларусаў / А. Катлярчук. – Мн., 2002.

3. Малецький, Ян М. Між Середземним і Балтійським морями. Краків і Львів у новій історії Європи / Ян М. Малецький // Зб: Краків і Львів у європейській цивілізації. – Краків, 2004.

4. О.Л. Путешествие малороссийского иеромонаха Тарасия Каплонского в Италию в 1697 году // Киевская старина. – 1896. – №4 (апрель). – С. 4 – 53.

5. Плохинский, М.М. Путешествие иеромонаха Тарасия Коплонского в Италию в конце XVII столетия / М.М.Плохинский // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – 1896.– Т. 8. – С. 289 – 296.

6. Сапегі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Т. 6. – Мн., 2001.

7. Яковенко, Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України / Н. Яковенко. – Київ, 2006.

АНАТОЛЬ БРУСЕВІЧ

Гродна

ФАЛЬКЛОРНЫЯ ВОБРАЗЫ Ў СЛАВЯНСКІХ ЛІТАРАТУРАХ XIX СТАГОДДЗЯ

XIX стагоддзе ў славянскіх літаратурах прайшло пад знакам рамантызму. Яго адметнасць заключаецца перш за ўсё ў пошуку новай канцэпцыі адносінаў асобы (рамантычнага героя) і народа (народнай свядомасці). Калі казаць пра свядомасць славянаў (беларусаў, палякаў, рускіх, славенцаў, украінцаў і іншых народаў), нельга не звярнуць увагу на яе незвычайную глыбіню, якая сягае на некалькі тысячагоддзяў у студню гісторыі і вельмі гарманічна змешвае плынь хрысціянства з яшчэ больш старадаўнім струменем язычніцтва. Галоўнае, што вынік гэтай сумесі дзівіць сваім дасканалым колерам і смакам і гэта ўпершыню заўважылі паэты-рамантыкі.

Народная свядомасць бачыць свет не толькі ва ўсёй яго статычнай шматаблічнасці, але і ў дынаміцы эвалюцыйнага развіцця. Адсюль такую цікавую, неадназначную інтэрпрэтацыю гэтага свету мы бачым у народных песнях, паданнях, прыказках, прымаўках, прымхах і забабонах.

Але вернемся да літаратуры рамантызму, якая ўпершыню высока ацаніла глыбіню народнага ўяўлення, здольнасць народа адлюстроўваць свет ў вобразах і сімвалах. Сярод некаторых цікавых, яскравых вобразаў, прыдуманых народнай фантазіяй і які прыйшоўся да густу многім рамантыкам, стаў вобраз русалкі. Адным з першых у славянскай літаратуры XIX стагоддзя гэты вобраз выкарыстаў Адам Міцкевіч. Незадоўга да выхаду ў свет знакамітых «Балад і рамансаў» «Віленскі дзённік» («Dziennik Wilecski») надрукаваў на сваіх старонках Міцкевічаву «Свіцязянку» з наступным прыпісам аўтара: «Ходзяць

чуткі, што на берагах Свіцязі з’яўляюцца Ундзіны, альбо водныя Німфы, якіх народ называе Свіцязянкамі» [12, с. 65]. Так народны вобраз стаўся вобразам літаратурным.

Да вобраза воднай німфы Міцкевіч звяртаецца не выпадкова. На радзіме паэта, у Беларусі, як зрэшты і ў іншых славянскіх краінах, вера ў звышнатуральныя істоты, якія насялялі вадаёмы, а таксама лясы і лугі побач, была ледзь не ўсеагульнай. Як сведчаць даследчыкі, на славянскіх землях існавала нават свята русалак, якое «пачыналася раніцай на другі дзень Троіцы. Моладзь збіралася ў лясках, асабліва на беразе рэчкі ці возера. Дзяўчаты, седзячы на галінках дрэў, плялі вянкі <…> Скончыўшы плясці, станавіліся ў карагод, танцавалі і спявалі <…> Пасля гэтага закаханыя абменьваліся пярсцёнкамі <…> У наступную нядзелю, якая мела назву разгары, зноў збіраліся ў гэтым месцы і распляталі вянкі <…> Вянкі, якія добра захаваліся, прадказвалі доўгае жыццё таму, на чыё імя запляталіся. Засохшыя кідалі ў ваду; калі яны плаваюць, то яшчэ прынамсі год жыцця прадказвалі; калі тонуць, трэба чакаць хуткай смерці» [5, с. 261 – 262]. Пра свята русалак ведаў і Міцкевіч, таму ў некаторых месцах балады «Свіцязянка» сустракаем аналагічныя рытуалы – напрыклад пляценне вянка для каханага:

Ona mu z kosza daje maliny.
A on jej kwiatki do wianka;
Pewnie kochankiem jest tej dziewczyny,
Pewnie to jego kochanka [12, s. 65].

Варта прыгадаць, што сам вобраз вянка, выкарыстаны Міцкевічам і іншымі паэтамі-рамантыкамі, як і вобраз русалкі, таксама звязаны з агульнаславянскай народнай культурай. Вянок паводле старажытнага ўяўлення славян, як вядома, мае перш за ўсё шлюбную сімволіку, а значыць, з’яўляецца атрыбутам кахання. Менавіта такая трактоўка вянка ў баладзе Міцкевіча «Свіцязянка» і ў другіх вершах паэта.

Нельга не заўважыць і той факт, што вобразы русалкі і вянка часта знаходзяцца ў адной творчай прасторы народнага светаўспрымання: русалкі пераважна «узнікаюць у выніку ператварэнняў маладых тапельніц-самазабойцаў, дзяцей, праклятых яшчэ ў мацярынскім улонні, немаўлят, што нарадзіліся мёртвымі, ці загубленых (задушаных, утопленых) адразу пасля нараджэння» [3, с. 434], якія не змаглі ці не паспелі рэалізавацца ў каханні, таму ў новым жыцці прагнуць акружыць сябе markednымі шлюбнымі атрыбутамі. Так, напрыклад, русалкі з аднайменнай балады беларускага польскамоўнага паэта Аляксандра Грот-Спасоўскага весела гуляюць са звітымі вянкамі:

Њmielsi tak nieraz widzieli, czuli,
Jak busia r№czk№ wci№ï macha,
Jak њpiewa»: hu, ta, ta, huli!
A na krzyï Pacski, cha, cha, cha!..
Jak z rozpionionych kwiatyw porankiem,
Mniej waï№c mii№ przysiugк,
Nie dla kochankyw uwitym wiankiem
Rzucaj№ jedna na drugк [4, s. 102].

Вянком укаранаваная і адна з найбольш рамантычных русалак, створаная пяром Юліуша Славацкага, – Гапляна, каралева возера Гопла з драматычнай паэмы «Балядына». Праўда ўпершыню яна з’яўляецца не ў звыклым вяночку з кветак, а ў вянку з ластавак:

Ona ma wianek na giowie…
Czy to kwiaty? czy sitowie?
O nie…to na wiosach wryïki
Uњpione leï№ jaskyiki [13, s. 17].

З жывым вянком на галаве паўстае і русалка з балады Яна Баршчэўскага «Рыбак» – яе вянок з матылькоў:

I motylyw жma skrzydlata
Na ksztait barwnej tкczy

Okoio jej skroni lata,
Jak kwiatkami wiecczy [2, s. 66].

Аналізуючы творы прадстаўнікоў славянскага рамантызму, у першую чаргу польскага і беларускага, можна заўважыць, як паэты ўносяць значныя змяненні ў традыцыйныя народныя вобразы, мяняючы і воблік русалкі і яе паводзіны, у выніку чаго міфічная істота становіцца рамантычнай гераіняй. Так, напрыклад, не адпавядае народным уяўленням знешні выгляд Міцкевічавай Русалкі-Свіцязянкі:

Jej twarz jak ryїy bladej zawoje,
Skropione jutrzenki iezk№;
Jako mgia lekka, tak lekkie stroje
Obwiaiy postaж niebiesk№ [12, s. 67].

Надзвычай прыгожай, прынамсі не на ўзор фальклорнаму вобразу русалкі, малюе сваю Гапляну і Славацкі, аздабляючы гераіню самымі дзіўнымі параўнаннямі і эпітэтамі. Незямной прыгажосцю вабіць русалка і Яна Баршчэўскага: яго водная німфа паўстае ў вобразе «цуд-дзяўчыны» [2, с. 66]. А вось у народных паданнях славянаў, зафіксаваных многімі этнографамі, русалкі выглядаюць менш паэтычна. «Праўда, яны таксама маюць прыгожую знешнасць, калі здольныя баламуціць маладых мужчынаў, аднак больш простыя, маюць больш рэальных рысаў. Гэта маладыя дзяўчаты, пераважна голыя, з поўнымі і развітымі грудзямі, з распушчанымі валасамі, якія спадаюць да самай зямлі» [8, с. 146 – 147]. Хіба што адсутнасць адзення як раз і вабіла, баламуціла хлопцаў, якіх русалкі перш за ўсё рабілі сваімі ахвярамі. Так, менавіта, праз прыгожосць белых грудзей воднай німфы хлопцы трацілі розум у баладзе Грот-Спасоўскага «Русалкі»:

O mкka temu, z losyw niechкsi,
I biada wioњnie miodziana,
Co go ich lekka kibiж zanкsi,
Pierњ biaia, twarz ich rumiana [4, s. 104].

Голымі выплываюць з хваляў Дняпра і русалкі ў баладзе «Сурочаная» ўкраінскага паэта-рамантыка Тараса Шаўчэнкі:

И вдруг русалочки над плесом
Поднялись, выплыв из Днепра
(Нагие; из осоки – косы),
Кричат: «Погреться нам пора!» [9, с. 132].
(Пераклад М. Ісакоўскага)

У баладзе «Рыбак» Францэ Прэшэрна, найбольш яскравага прадстаўніка славенскага рамантызму, русалкі таксама паўстаюць аголенымі:

Но вот разверзаются бездны вод,
И девы морские, ведя хоровод,
По пояс нагие, из моря встают [7, с. 83].
(Пераклад Л. Мартынава)

Такім чынам, прадстаўнікі беларускай, украінскай і славенскай рамантычнай школы найменьш аддаліліся ад фальклорнай традыцыі, малюючы знешні выгляд русалкі. Аднолькава блізкае да народных крыніц і ў Грот-Спасоўскага, і ў Шаўчэнкі, і ў Прэшэрна атаясамліванне русалкі з гвалтоўнай смерцю. У баладзе украінскага аўтара «Сурочаная» русалкі без усякай прычыны, проста так заказыталі дзяўчыну. Заказытваюць сваіх ахвяр – маладых хлопцаў, завабіўшы іх прыгожым аголеным бюстам і русалкі з балады Грот-Спасоўскага. Гіне ў марскіх хвалях заманены русалкамі і рыбак з аднайменнай балады Прэшэрна. Дарэчы і ў прадстаўніка беларуска-польскага рамантызму, Баршчэўскага, у баладзе з такой самай назвай – «Рыбак», герой гіне фактычна без прычыны, толькі таму, што паддаўся на чары прыгожай русалкі. Зрэшты, пажадлівасць – таксама грэх, але ўжо хутчэй з пункту гледжання хрысціянскай маралі, якая, у прынцыпе, становіцца мараллю народнай. Ды і наогул, хрысціянства, як вядома, злілося ў славянаў са старадаўнімі

язычніцкімі ўяўленнямі, становячыся моцнай асновай для народнага светасузірання. Гэта адлюстравалася і ў сваце русалак, і ва ўяўленнях, звязаных з імі: «маленькія дзяўчынкі, якія памерлі не хрышчанымі, пераўвасабляюцца ў русалак <…> убачыўшы чалавека, яны завабліваюць яго <…> калі хто паддаецца на хітрасць, русалкі заказычуць да смерці» [5, с. 261].

У баладзе Міцкевіча «Свіцязянка» герой таксама гіне праз русалку, аднак паэт у дадзеным выпадку змяняе прычыну смерці. Хлопец траціць жыццё не па прыхаці русалкі, як гэта адбываецца ў фальклоры, а за сваё клятваадступніцтва. Такім чынам аўтар выказвае ідэю непазбежнай кары за амаральныя ўчынкі, у прыватнасці, за здрадніцтва. Тут, дарэчы, варта прыгадаць яшчэ адзін момант, цесна звязаны з народнымі прымхамі: гераіня балады Міцкевіча заклінае душу нявернага каханка ў дрэва:

A dusza przy tym њwiadomym drzewie
Niech lat doczeka tysi№ca,
Wiecznie piekielne cierpi№c zarzewie
Nie ma czym zgasiж gor№ca [12, s. 70].

Славяне шчыра верылі, што душы грэшнікаў пасля смерці могуць быць закляты ў дрэве і заставацца ў такім стане, пакуль не скончыцца тэрмін пакуты. Пра гэта піша А.Багдановіч: «Не раюць рубаць дрэва, якое скрыпіць, бо гэта верны знак, што ў тым дрэве мучыцца чалавечая душа. Зсёкшы такое дрэва, прымусіш душу шукаць іншае месца, за гэта цябе можа скруціць ці ўвогуле жыцця пазбавіць» [1, с. 29 – 30]. Гэтае народнае ўяўленне выкарыстоўвае ў сваёй «Балядыне» і Славацкі. Яго гераіня, русалка Гапляна, заклінае няўдзячнага, халоднага да яе кахання хлопца ў вярбу:

Wiкc poznaj wiadzк Goplany!
Wroњnij w ziemiк i z tej ziemi
Wyroњnij kor№ odziany
I liњciami piacz№cemi [13, s. 42].

Аднак аўтар драматычнай паэмы свядома аддаляеецца ад фальклорнага вобраза русалкі. Славацкі замяняе яго на вобраз рамантычнай гераіні. Менавіта таму Гапляна заклінае хлопца ў дрэва ўсяго толькі на некалькі гадзін. Каралева возера Гопла настолькі моцна кахае Грабца, што не можа прычыніць яму крыўды, хаця той, безумоўна, варты пакарання за свае амаральныя паводзіны. Праўда, каханы Гапляны ўрэшце рэшт, як і водзіцца ў народных казках, знаходзіць гвалтоўную смерць. І русалка, хоць і не на прамую, але ўсё ж такі спрычынілася да яе, таму што толькі з-за ўмяшання Гапляны ў справы людзей Грабец быў забіты. Ды і не толькі ён адзін, але яшчэ і іншыя героі гінуць фактычна па віне русалкі. Адчуваючы віну, водная німфа ў жалобе пакідае сваё каралеўства і разам з клінам журавоў адлятае на поўнач. Справядлівая кара напаткала толькі самую адмоўную з усіх прадстаўленых герояў – Балядыну. За страшныя грахі яна караецца звышнатуральным чынам – яе забівая маланка. Магчыма, гэта сама Гапляна карае забойцу, таму што менавіта яна ў гэты час разам з журавамі і чорнай, пяруновай хмарай пралятала над замкам Балядыны.

Тэма русалак, віны і пакарання звышнатуральным чынам рэалізуецца і ў баладзе Міцкевіча «Рыбка». Ствараючы яе, паэт выкарыстаў некалькі народных матываў, шырока распаўсюджаных ў славянскім фальклоры, у тым ліку матыў ашуканай дзяўчыны, якая пасля самагубства перамяняецца ў русалку (рыбку). Матыў ашуканай дзяўчыны шырока адлюстраваны ў народных песнях, таму адпаведны прыпіс мае і балада Міцкевіча. Некаторыя радкі «Рыбкі» сапраўды вельмі блізкія да народнага гучання:

Przybiega na koniec i№czki,
Gdzie w jezioro wpada rzeka;
Zaiamuje biaie r№czki
I tak ïaioњnie narzeka [12, s. 71].

А вось радкі з беларускай народнай песні, занатаванай на Навагрудчыне:

Быстра рэка корэнь мые,
А ў дзеўчыны сэрца ные.

Белы ручкі заламаны,
Чорны очкі заплаканы [11, с. 342].

Пад народную песню стылізаваны таксама і іншыя месцы ў баладзе, асабліва гэта адчуваецца ў радках, калі Рыбка прыплывае да немаўляці:

I dziecік bierze do rкki,
U iona biaiego tuli.
«Luli-woia-myj malecki,
Luli, myj malecki, luli» [12, s. 73].

Яшчэ адзін матыў балады – перамяненне жанчыны ў Рыбку, паходзіць з беларускага народнага падання, версіі якога распаўсюджаны амаль па ўсёй этнічнай тэрыторыі Беларусі і зафіксаваны ў зборніках М.Федароўскага, Е.Раманава і інш. Прывядзем адну з версій падання, занатаваную на Навагрудчыне С.Станкевічам: «Адзін пан палюбіў простую дзяўчыну і ўзяў яе замуж. А яго матка была вядзьмарка і хацела згубіць сваю нявестку. Падгаварыла гэта яе вядзьмарка ісці з ёй у возера купацца. Як прыйшлі да возера, дык вядзьмарка спіхнула яе ў ваду і ўтапіла, ды загаварыла, што нявестка зрабілася рыбай. Але пакінула яна маленькага сына. Не было каму карміць дзіця, дык слуга таго пана насіў яго штодзень да вады і клікаў:

Крыся-Марыся
Маладзян плача,
Цыцкі хоча!
А яна яму з вады аказывалася:
Я іду, я бягу,
Жарстваца вочкі выядае,
Вадзіца ножкі падмывае.

І яна рыбкай выплывала на бераг, давала скоранька цыцкі дзіцяці, ды ўсё аглядалася, каб ніхто яе не бачыў. Як накорміць дзіця, тады зноў вяртаецца ў возера. Гэтак было доўгі час. Аднаго разу пан сам панёс дзіця да возера, палажыў яго, а сам схаваўся за куст. Як выплыла рыбка з вады і пачала дзіцятка саіць, дык ён яе і злавіў. Тады з яе злезла рыбіна луска і яна зноў зрабілася харошай паненкай. А матку ўзялі, разбаранавалі на зелязныя бараны, а пан з жонкаю жылі ўжо шчасліва і бяды не зналі» [8, с. 128 – 129].

«Рыбка» Міцкевіча мае шмат агульнага з народнай казкай. Гераіня балады (у адрозненні ад «Свіцязянкі») не толькі падобная да гераіні падання, але мае нават аднолькавае імя. Характэрны для народнай версіі і вобраз надзейнага слугі, уведзены ў баладу. Акрамя таго Міцкевіч у свой твор пераносіць і вершаваны фрагмент падання:

Tam staje w ciemnym zak№tku,
Piacze i woia: «Niestety!
Ach, ktyї da piersi dzieci№tku!
Ach! Gdzie ty, Krysiu, ach, gdzie ty?»
«Tu jestem, w rzece u spodu
– Cichy mu gios odpowiada –
Tutaj drїк caia od chiodu,
A їwir mnie oczki wyjada» [12, s. 72].

Каб звязаць у адно два матывы, Міцкевіч адступае ад падання, дзе пан выступае як станоўчы персанаж. У «Рыбцы» вобраз пана цалкам адмоўны. Ён ашуквае дзяўчыну і тым самым прычыняецца да яе самагубства. Акцэнтуючы на гэтым увагу, паэт свядома надае баладзе сацыяльную афарбоўку. Крыся нават у вобліку русалкі мае ўсе рысы беларускай абяздоленай жанчыны. Як адзначае С.Мусіенка, даследчыца творчасці Міцкевіча, паэт надзяляе сваю гераіню «тыпова беларускімі нацыянальнымі прыкметамі: пяшчотнасцю, слабасцю, жаноцкасцю, пакорлівасцю лёсу, душэўнай далікатнасцю» [6, с. 347], таму ў адрозненні ад Свіцязянкі, якая сама карае здрадлівага хлопца, пан у «Рыбцы» караецца звышнатуральным чынам – разам з жонкай перамяняецца ў камень. Гэты матыў таксама ўзяты Міцкевічам з фальклорных крыніцаў. У беларускіх народных казках за

страшныя грахі, асабліва за непавагу да царкоўных святаў, Бог караў людзей, замяняючы іх у камяні. П.Шэйнам занатаваны дзве такія казкі: пра селяніна, які араў зямлю валамі на Вялікдзень, а таксама пра шаўца Гомсіна, які ў гэтае свята працаваў, ды яшчэ і «падтруніваў над ідучымі ў царкву» [10, с. 439 – 440]. Легенда пра злога войта, якога Бог замяняе ў камень, занатавана таксама А.Багдановічам [1, с. 24 – 25]. У баладзе ж «Рыбка» род віны іншы. Тут адбываецца здзек з кахання, што таксама з’яўляецца парушэннем Божага закону. Падобнае злачынства мусіць сурова карацца. У гэтым, дарэчы, галоўнае падабенства «Рыбкі» і «Свіцязянкі» Міцкевіча з «Балядынай» Славацкага.

Шырока вядомы фальклорны матыў ашуканай дзяўчыны, якая з гора топіцца і становіцца русалкай, выкарыстоўвае і прадстаўнік рускай літаратуры XIX стагоддзя – А. Пушкін. У нясконачанай трагедыі «Русалка» рускі паэт, як і яго калега Міцкевіч, паказвае злачынства, здзейсненае супраць шчырага кахання простай дзяўчыны. Аднак калі «руская» водная німфа сама рыхтуе помсту крыўдзіцелю, «беларуская» русалка Крыся толькі спадзяецца на заступніцтва Бога. У гэтых двух выпадках, канешне, бачацца нацыянальныя рысы рускай і беларускай жанчыны, якімі паэты-рамантыкі надзяляюць сваіх гераінь. У дадзены кантэкст, зрэшты, трэба ўключыць і драматычную паэму Славацкага «Балядына», таму што сваю русалку паэт надзяляе нацыянальнымі рысамі польскай жанчыны: бяскрайняй, шчырай адданасцю, здольнасцю ўсімі сродкамі змагацца за сваё шчасце і ў пэўныя моманты быць нават вельмі жорсткай.

Падагульняючы вышэй сказанае, можна зрабіць наступныя высновы:

- у славянскіх літаратурах XIX стагоддзя вельмі моцная фальклорная аснова;
- прадстаўнікі славянскага рамантызму актыўна выкарыстоўваюць народныя матывы, сіволіку і вобразы, у прыватнасці, вобраз русалкі;
- народныя вобразы ў беларускай, польскай, рускай, украінскай і славенскай літаратурах XIX стагоддзя рэалізуюца ў адпаведнасці з нацыянальнай спецыфікай фальклору таго ці іншага народа, а таксама згодна канкрэтным мастацка-эстэтычным задачам кожнага аўтара.

Спіс літаратуры

1. Багдановіч, А. Перажыткі старажытнага светасузірання ў беларусаў. Этнаграф. нарыс: рэпрынт. выд. 1895 г. / А. Багдановіч. – Мінск: Беларусь, 1995. – 186 с.

2. Баршчэўскі, Я. Рыбак / Я. Баршчэўскі // Раса нябёсаў на зямлі тутэйшай; Беларуская польскамоўная паэзія XIX стагоддзя: вершы / уклад., прадм. і камент. У.Мархеля. – Мінск: ППП імя Я.Коласа, 1998. – С. 66 – 73.

3. Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С.Санько [і інш.]; склад. І.Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск: Беларусь, 2006. – 599 с.

4. Грот-Спасоўскі, А. Русалкі / А. Грот-Спасоўскі // Раса нябёсаў на зямлі тутэйшай; Беларуская польскамоўная паэзія XIX стагоддзя: вершы / уклад., прадм. і камент. У.Мархеля. – Мінск:ППП імя Я.Коласа, 1998. – С. 102 – 105.

5. Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значении: Литов. и Белорус. Полесье: репринт. воспроизведение изд. 1882 г. – 2-е изд. – Минск: БелЭн, 1994. – 550 с.

6. Мусіенка, С. П. Беларускі фальклор і праблема рамантычнага героя (русалкі) у творчасці Міцкевіча, А. Пушкіна, Т. Шаўчэнкі / С.П. Мусіенка // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: матэрыялы XIII міжнар. з’езду славістаў, Любляна, 2003 г.: дакл. бел. дэлегацыі. – Мінск: Бел. навука, 2003. – С. 337 – 353.

7. Прешерн, Ф. Лирика / Ф. Прешерн. – М.: Худож. лит., 1971. – 166 с.

8. Станкевіч, С. Беларускія элементы ў польскай рамантычнай паэзіі / С. Станкевіч // Спадчына. – 1998. – № 6. – С. 100 – 176.

9. Шевченко, Т. Порченая / Т. Шевченко // Поэзия XIX – начала XX века. / редкол. М.Шолохов [и др.]. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 131 – 133.

10. Шейн, П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края: В 3 т. / П Шейн. – СПб.: Типогр. Император. Акад. наук, 1893. – Т.2. – 715 с.

11. Шейн, П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края: В 3 т. / П Шейн.– СПб.: Типогр. Император. Акад. наук, 1902. – Т.3. – 585 с.
12. Mickiewicz, A. Dzieia: W XVII t. / A. Mickiewicz. – Warszawa: Czytelnik, 1998. – T.I. – 718 s.
13. Siowacki, J. Balladyna / J. Siowacki. – Warszawa: Orkla Press Polska Sp. z o. o., 2005. – 142 s.

СВЕТЛАНА ГОНЧАР

Гродно

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ ГЛАЗАМИ РУССКИХ И ПОЛЯКОВ

XIX век в Европе стал веком Наполеона. Пристальное внимание современников и потомков к его жизни сделало его одной из самых популярных исторических личностей этого времени, породив наряду с множеством правдивых жизнеописаний Бонапарта его легенду, миф, основанный на свидетельствах и суждениях, далеких от научности, достоверности и объективности. Родившийся еще при жизни императора и при его непосредственном участии, миф Наполеона (или так называемая «белая легенда») еще более упрочил свои позиции в историографии и литературе, созданной после его смерти. С появлением «Мемориала» Эмануэля Лас-Каза и «Жизни Наполеона» Фредерика Стендаля наполеоновская легенда прочно вошла в историографическую и литературную традицию Европы.

Однако ни для одной страны Европы личность Наполеона не имела такого значения, какое она имела для Польши Выдающийся историк начала XX века Эдуард Дрио утверждал, что Польша настроена «еще более пронаполеоновски, чем Франция» [Nieuwaïny, A. My z Napoleonem / A. Nieuwaïny. – Wrociaw: Wydawnictwo Dolnoњl№skie, 1999., с 7]. Это тем более парадоксально, что наполеоновская эпоха в Польше – это относительно небольшой промежуток времени с 1807 по 1815 год, характеризующийся введением Кодекса Наполеона и заложением основ централизованного государства с принципиально новой системой ценностей, которое оказалось не вполне жизнеспособным и просуществовало лишь до 1832 года. Так что, говоря о пробонапартистской настроенности Польши, Дрио, очевидно, имел в виду не вклад Наполеона в становление польской государственности, обещание которой с самого начала было лишь «торговлей надеждой», а необъяснимую живучесть его легенды, которая владела лучшими умами страны на протяжении всего XIX века. Легенда эта не была следствием отношения самого Бонапарта к Польше, но возникла, по словам Марселя Хандельсмана, как «несколько запоздалое по времени отражение в народном сознании краткого периода войн и надежд, сводящихся к личности Наполеона» (Nieuwaïny, A. My z Napoleonem / A. Nieuwaïny. – Wrociaw: Wydawnictwo Dolnoњl№skie, 1999. – S. 9).

Как бы то ни было, жизнеспособность наполеоновской легенды «над Вислой и Неманом бесспорна» и заставляет всерьез задуматься о причинах этого явления не одно поколение историков. В действительности, отношение поляков к Бонапарту непостижимо без учета исторической трагедии их страны: три раздела Речи Посполитой, по сути, стерли Польское государство с политической карты Европы. Настроения, царившие в Польше накануне наполеоновской эпохи, наилучшим образом отражены в стихотворении Франтишка Карпиньского «Плач Сармата над гробом Зигмунда Августа» (Ïale Sarmaty nad grobem Zygmunta Augusta). Поэт, исполненный отчаяния, говорит о том, что теперь поляки потеряли свою сущность и собственное имя, что «даже их след пытаются стереть», что Польша, «та, что царила от моря до моря, не имеет теперь земли даже для собственной могилы», и что полякам остается лишь сложить «ненужные отныне саблю и надежду» на могиле Зигмунда Августа (Zahorski, A. Spor o Napoleona we Francji i w Polsce / A. Zahorski. – Warszawa, 1974. – S. 33). Стихотворение Карпиньского более чем созвучно

со словами Павла I, обращенными к Тадеушу Костюшко во время одного из визитов царя в Петербургскую тюрьму: «Позабудь об отчизне, ее постигла та же участь, что и многие другие государства, от которых осталась лишь память...» [163, с. 297].

Реакцией на слова русского царя стало создание Польских Легионов, которое положило начало «битве за свободу». Именно с Легионов начинается польская легенда Наполеона, именно с ними связан неотъемлемый элемент польского наполеоновского мифа - «Песнь Польских Легионов в Италии» (Pieњс Legionyw Polskich we Wioszech, 1797). Эта песня, взывавшая к боевому духу борцов за свободу, указывавшая на очевидный факт: «Польша не умерла, пока мы живы», стала своеобразной отповедью тем, кто подобно Карпиньскому, оплакивал родину. Вера в помощь Запада, которую символизировал Бонапарт, была важной движущей силой для народа без государства, живущего иллюзией, что Европа примет участие в его судьбе, и исполненный уважения к Наполеону Юзеф Выбицкий вводит его имя в текст песни, ставшей полтора века спустя (в 1926 году) гимном Польши, увековечив таким образом надежду на свободу и возрождение своей страны, которую поляки связывали с именем французского императора.

Следующий этап развития наполеоновской легенды связан с вступлением Наполеона в Польшу в 1806 году и создание им герцогства Варшавского, которое привлекло на сторону Наполеона большинство поляков. Создание польской армии и администрации еще больше укрепили веру в намерение Наполеона возродить Польшу, глубоко укоренившееся в сердцах поляков. Выбицкий в Воззвании к полякам в ноябре 1806 года провозглашает «великого и непобедимого» Наполеона «мстителем» за поруганную свободу страны и «создателем» новой Польши, и призывает народ «отдать ему свои сердца», «доказать готовность проливать кровь за свободу родины», как это сделали легионеры, последовавшие за Наполеоном и сражавшиеся в его армии далеко за пределами Польши (Zahorski, A. Spor o Napoleona we Francji i w Polsce / A. Zahorski. – Warszawa, 1974. – S. 36).

В Польше начала XIX века царил культ Бонапарта со всеми его составляющими: медалями с изображением императора французов, возвеличиванием Наполеона в архитектуре – триумфальными арками, и в литературе – в одах и стихах, превозносивших его достоинства и уподоблявших его античным богам войны Юпитеру и Марсу. Постепенно наполеоновский миф так прочно укоренился в сознании поляков, что уже ничто не могло поколебать их веру в то, что «по мановению руки Наполеона соединятся вновь отчизна и Корона» (Мицкевич, А. Пан Тадеуш / А. Мицкевич. – Минск: Мастацкая літаратура, 1997. – С. 169). Поляки последовали за Наполеоном в Россию, как до того следовали за ним по всей Европе. Их не отрезвило ни поражение, ни отступление с остатками императорской армии в Литву, в Великое герцогство, в Германию. По мнению Т. Бурмистрова, «свои иллюзии относительно намерений Наполеона поляки должны были бы утратить еще в тот день, когда император двинулся от Смоленска к Москве» (Бурмистров, Т. Россия и Запад: антология русской поэзии / Т. Бурмистров // Северные огни [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://www.lib.ra/NEWPROZA/BOURMISTROV/rw.txt – Дата доступа: 10.11.2007), однако даже после проигрыша российской кампании некоторые жители герцогства Варшавского все еще надеялись на Наполеона и рассчитывали, что он вернется для наступательных действий, хотя было более чем очевидно, что если Наполеон не создал Польшу, «когда мог это сделать; теперь он, может быть, и хотел бы, да не может. Австрия не оказывает ему искреннего содействия; немцы хотят сбросить его иго, а мы [поляки] будем отданы в жертву иностранцам; быть может, спасение Франции будет куплено этой жертвой» [Бурмистров, Т. Россия и Запад: антология русской поэзии / Т. Бурмистров // Северные огни [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.lib.ru/NEWPROZA/BOURMISTROV/rw.txt – Дата доступа: 10.11.2007].

Ситуация, в которой оказалась Польша в 1815 – 1830 годах после разгрома Наполеона в русской кампании, вызвала к жизни сожаления о великом наполеоновском прошлом. Запрет на такого рода воспоминания и рассуждения в официальной прессе привели к появлению тайных сообществ, во главе одного из которых стоял известный апологет Наполеона майор Валериан Лукасинскии, высоко ценивший полководческий и полити-

ческий дар Бонапарта и противопоставивший разговорам о его вероломстве собственное видение вопроса: Наполеон и Польша. «.. .Наполеон обманывал поляков для собственной выгоды, об этом нам говорили миллион раз и на всех языках. Может быть, кто-то и хочет верить в это, но только не поляки <...> Наполеон желал ее [Польши] существования для народа и безопасности Европы, а также в надежде приобрести для Франции благодарного и сильного союзника. <...> ... поляки остались до конца верны Наполеону. Он сумел настолько очаровать их, что до сих пор и богатые, и бедные повторяют его имя с благословением» (Jukasicski, W. Pamiktnik / W. Jukasicski. – Warszawa, 1960. – S. 56 – 57]. Безусловно, Лукасинский идеализировал Наполеона, когда видел в нем «великого героя, ниспосланного на землю Польши, чтобы воскресить честь отчизны», к его представлению об императоре французов примешивался и присущий эпохе мистицизм, и элементы наполеоновской легенды.

Важнейшую роль в становлении и развитии мифа Наполеона на этом этапе сыграла польская романтическая поэзия. Европейское преклонение перед романтизированным Бонапартом – «демократичным и гениальным мессией, правителем из народа и для народа» (Zahorski, A. Spor o Napoleona we Francji i w Polsce / A. Zahorski. – Warszawa, 1974. – S. 163) – нашло свое отражение в творчестве польских романтиков.

К образу императора Франции обращались в своем творчестве почти все польские поэты-романтики (Ю. Словацкий «Na sprowadzenie prochyw Napoleona», 3. Красиньский «Coњ ty Atenom zrobii Sokratesie, Vendфme»). Юлиуш Словацкий видел в смерти Бонапарта конец идеалов Франции и начало духовного упадка в ожидании нового вождя и разделял веру своего поколения в мессианское предназначение французского императора. Религиозность Наполеона и его преемственность Христу восхищали Зыгмунта Красиньского, автора написанной по-французски «Исповеди Наполеона», в которой Бонапарт признается в неблагодарности в отношении поляков, но вместе с тем утверждает, что целью его было единственно освобождение Польши.

Подлинным создателем культа Наполеона в польской литературе, бесспорно, был Адам Мицкевич, переосмысливший европейскую наполеоновскую легенду и предложивший своему народу собственный вариант мифа о «спасителе». Особенность польского варианта наполеоновского мифа состоит в том, что возвеличивание Бонапарта и его эпохи подчинено у Мицкевича патриотическим целям – оно должно вдохновить и ободрить современников поэта, уверить их в способности возродиться и сплотиться в вольнолюбивом порыве, как это сделали их отцы в эпоху великих наполеоновских свершений и побед.

Оформленный вариант мифа Наполеона прослеживается в поэме Мицкевича «Пан Тадеуш». Очевидно, что в основе его лежит европейская традиция мифотворчества о Бонапарте, заложенная Стендалем в «Жизни Наполеона» и «Красном и черном», хотя некоторые его составляющие модифицированы в соответствии с национально-исторической спецификой.

Так, европейский миф Наполеона-освободителя, Прометея нового времени, несущего «огонь свободы и независимости» народам Европы, трансформируется у Мицкевича в **миф Наполеона-спасителя Польши**. Мицкевич уверен: Наполеон не случайная фигура на историческом небосклоне XIX столетия. Бонапарт видится ему новым мессией, чье появление обусловлено потребностью европейских народов в сильной авторитетной личности Только Наполеон, незаурядный, эгоцентричный, слепо верящий в свою звезду, способный «несметные полки швырять в огонь сражений» (Мицкевич, А. Пан Тадеуш / А. Мицкевич. – Минск: Мастацкая лггаратура, 1997. – С. 39), может и должен возродить этот мир.

Мессианизм - одна из ведущих идей польских философов эпохи романтизма: Товяньского, Цешковского, Вронского-Хёне, Трентовского – нашел свое выражение и в литературе, в творчестве Мицкевича, Словацкого, Красиньского. В русле мессианской концепции образ Наполеона имел особую смысловую нагрузку: для растоптанных им европейских монархий он выступал символом зла; в России в нем видели апокалиптического всадника на белом коне, символ бренности земной славы и ничтожества человеческих усилий по отношению к воле Божьей; в польской историософии, культуре и литературе

создавались мессианские теории, основанные на вере в исцеляющее значение муки и страдания, в избранность польского народа. В этом ключе Наполеон, благословленный на императорский престол Папой Римским, еще при жизни олицетворял для поляков саму католическую церковь, а после трагической гибели на острове Святой Елены и вовсе «возвысился до светского Христа», положив начало «периоду настоящего культа – с верующими, священниками и катехизисом» (Тюлар, Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» / Ж. Тюлар. – М.: Молодая гвардия, 1996. – С. 632). «Мицкевич, еще в 1833 году дискредитирующий французского императора как образец нового мессии в статье «О будущем великом человеке», изменил свою точку зрения с переходом от идеи мессии-народа к идее мессии-личности, сделавшей из Наполеона воплощение харизматичного мужа рока» (Zahorski, A. Spor o Napoleona we Francji i w Polsce / A. Zahorski. – Warszawa, 1974. – С. 171). Под влиянием Анджея Товяньского Мицкевич выступил одним из проповедников культа Наполеона-мессии в своих лекциях в Коллеж де Франс, окончательно превратив его из человека в миф, а из реальной исторической личности в литературного героя, чья легенда «кристаллизовала политические установки поляков, всегда принимавших за аксиому, будто свобода – это «веяние Запада» (Милош, Ч. Россия / Ч. Милош // «Новая Польша» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.novpol.ru/index.php?id= 151. – Дата доступа: 03.12.2006).

Еще одна отмеченная национальной спецификой составляющая наполеоновского мифа у Мицкевича – **миф о великом полководце**, чья мудрость и военный гений обеспечивают ему непобедимость в борьбе с любым противником. Именно на вере в непобедимость Бонапарта зиждется у Мицкевича надежда поляков на восстановление родины. Наполеон Мицкевича выступает побратимом всемогущих римских богов: авторское воображение рисует его на колеснице, запряженной золотыми и серебряными орлами, а в возницы Мицкевич прочит императору самого грозного бога войны Марса. Наполеон-полководец предстает в интерпретации Мицкевича всемогущим игроком, который точно знает, какую стратегию нужно применить, чтобы победить врага. Полководческий гений Бонапарта дополняется в народном сознании представлением о его недюжинной силе, сверхчеловеческих и сверхъестественных способностях: он и колдун, способный обернуться зверем, чтобы перехитрить врага, и провидец, интуитивно предугадывающий все движения противника задолго до того, как вражеская нога ступит на поле битвы.

Насколько восторженно отнеслась к Наполеону польская романтическая поэзия, провозгласившая в литературе культ Бонапарта, настолько же настороженно и даже враждебно приняли наполеоновскую легенду позитивисты. Шок, вызванный поражением январского восстания 1863 года, и идеология позитивизма привели к тому, что, начиная со второй половины XIX столетия, отношение к Наполеону изменяется как в историографии, так и в литературе. Критика французского императора в исторических трудах И. Лелевеля, Ю.Фальковского укрепила в Польше позиции «черной» наполеоновской легенды и привела ее к триумфу в 80 – 90-е годы XIX века. Все чаще польские историки высказывают мысль о том, что доверить судьбу независимости Польши Франции и Наполеону было большой политической ошибкой и даже политическим вредом. Тадеуш Корзон таким образом подвел итог проблемы Наполеона в Польше: «Наполеон осуществил четвертый и пятый раздел Польши и послужил причиной шестого; а жертв и крови Польша увидела от него даже больше, чем от его предшественников... Наградой за это полякам были несколько лет приятных заблуждений» (Zahorski, A. Z dziejyw legendy napoleocskiej w Polsce /A. Zahorski. – Warszawa: wyd. PZWS, 1971. – С. 103). По мнению Корзона, ошибка и вина поляков состояла в том, что они «как на тузов, поставили на французов», а должны были рассчитывать исключительно на свои силы.

Глава варшавских позитивистов Александр Свентоховский назвал в 1882 году разговоры о независимости Польши «сказкой о спящей царевне, которая вот-вот пробудится от сна, столь схожего со смертью, и победит колдовские силы своих врагов» (Paszek, J. Tekst i styl «Popioiow» / J. Paszek. – Wrociaw, 1992, с 181). Литература Молодой Польши вновь рождает интерес в наполеоновской эпохе и возрождает наполеоновскую легенду в

искусстве. Именно патриотический характер польского наполеоновского мифа обусловил это возрождение. Изменение мировоззрения на рубеже веков и ощущение грядущих в Европе военных катаклизмов, которые обещали вновь поставить на международной арене вопрос о независимости Польши, а также ницшеанство с культом индивидуализма, подтолкнули поляков к поискам новых ценностей в историческом прошлом страны, где за наполеоновским мифом стояла надежда на освобождение родины, на возрождение польской государственности. В этот период собственная история приобретает особое значение для Польши, переживающей попытки русификации и германизации, и образ Наполеона, выдающейся исторической личности, был для нового поколения поляков одновременно моделью и фоном для новых народных героев. «Молодая Польша должна была войти в XX век под знаменем истории» (Zahorski, A. Spor o Napoleona we Francji i w Polsce / A. Zahorski. – Warszawa, 1974. – S. 149).

Среди польских историков, поднимавших в этот период в своих работах тему Наполеона, следует упомянуть Шимона Ашкенази, попытавшегося разобраться в причинах популярности Наполеона в Польше. Профессор Львовского университета, «еврей по рождению и вероисповеданию, поляк по убеждениям и духу», Ашкенази тонко чувствовал настроение своего времени и понимал, что примеры для подражания следует искать в относительно близкой Молодой Польше эпохе разделов Речи Посполитой. Польский неоромантизм противопоставил позитивизму новый идеал человека – идеал отважного, бескомпромиссного, иногда с налетом безумия героя, способного рисковать всем для достижения своей цели. Этому идеалу поколения, жившего в ожидании войны, как нельзя лучше соответствовал Наполеон, миф о военном гении которого прочно укоренился в сознании народов Европы. Потому обращение Ашкенази и историков его школы к событиям наполеоновской эпохи вполне закономерно. В своей работе «Наполеон и Польша» Ашкенази представляет Бонапарта национальным героем, утверждая, что «Польша сохранила Наполеона в своем сердце», что «воспоминания о нем и по сей день греют душу поляков» (Askenazy, S. Napoleon a Polska / S. Askenazy. – Warszawa, 1994. – S. 31). По мнению Ашкенази, Наполеон – единственный европеец, от которого Польша видела хоть «какое-то добро», который, не будучи поляком, «сделал для Польши то, что, по его мнению, было целесообразно для нее, Франции и Европы», а именно: «вернул наследникам отнятые у них Познань, Варшаву, Краков, Вильно. Восстановил польскую армию и правительство. Уничтожил акты раздела страны» (Askenazy, S. Napoleon a Polska / S. Askenazy. – Warszawa, 1994. – S. 32).

XIX столетit противоречиво в отношении к Наполеону: в то время как писатели-позитивисты открыто обвиняют романтиков в создании «губительного для польского народа» культа Наполеона, называя его «одним из наиболее опасных и вредных для Польши порождений романтической школы»[1], лучшие представители младопольской литературы увидели в Бонапарте новый идеал человека – идеал отважного, бескомпромиссного, иногда с налетом безумия героя, способного рисковать всем для достижения своей цели.

Осознание этих противоречий подтолкнуло Стефана Жеромского к переосмыслению романтического мифа Наполеона. Однако на пути к развенчанию легенды о Наполеоне-спасителе польской нации автор «Пепла» столкнулся с необходимостью считаться с новым взлетом наполеоновской легенды на рубеже веков, а потому он был вынужден прибегнуть лишь к опосредованной критике Бонапарта. В целом развивая мицкевичевскую традицию изображения ***Бонапарта – бога войны*** античным Зевсом-громовержцем, Жеромский в романе представляет его ***тщеславным честолюбцем***, «наглым выскочкой», ставящим собственные интересы выше судеб целых народов. Авторское восприятие превращает простого и понятного каждому солдату маленького капрала времен итальянской кампании в ***каменное изваяние, недоступного и великого в своей недосягаемости императора***, противопоставив романтическому Наполеону-освободителю народов Наполеона-императора, равнодушного не только к судьбе отдельных солдат и всего польского народа, но и к судьбе собственной страны.

[1] Paszek, J. Tekst i styl «Popioiyw / J. Paszek. – Wrociaw, 1992. – S. 184.

Безусловно, этого опосредованного развенчания Бонапарта как освободителя Польши было недостаточно для того, чтобы изменить представление о Наполеоне в массовом сознании поляков, однако именно роман Жеромского «Пепел» положил начало новой интерпретации мифа Наполеона в польской литературе конца XIX – начала XX века.

Оставаясь открытым, сюжет польского мифа Бонапарта дополняется во второй половине XX века новыми деталями. Оборванная Жеромским сюжетная линия романа нашла свое продолжение в фильме Анджея Вайды, где герои «Пепла» польские легионеры Рафал Ольбромский и Кшиштоф Цедро представлены истинно верными солдатами Наполеона, прошедшими с ним все ужасы русской кампании, единственными славянами в личной гвардии французского императора.

Отдельно следует сказать о роли Наполеона Бонапарта в русской истории и о том значении, которое его образ получает в русской литературе XIX века, вышедшей за рамки беллетристики, за привычные пределы художественности и ставшей средоточием не только культурной и идеологической, но также и социально-политической жизни страны: «Все, имевшие наибольшее влияние на политическое лицо страны, партии были одновременно и литературными партиями: декабристы, западники и славянофилы, консерваторы, либералы, почвенники, народники...» (Савельев, Н. Политическая мифология / Н. Савельев [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.savelev.ru/books/content/?b=4 – Дата доступа: 10.06.2007). Естественно поэтому, что событие такого масштаба, как война 1812 года не могло не найти своего осмысления в литературе.

«Вторжение Наполеона в Россию, занятие Москвы, а затем изгнание и гибель его гигантской армии – все это оказало потрясающее впечатление на русское общество, вызвав вполне естественно мощный подъем национального самосознания и всплеск патриотических настроений» (Бурмистров, Т. Россия и Запад: антология русской поэзии / Т. Бурмистров // Северные огни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/NEWPROZA/BOURMISTROV/rw.txt – Дата доступа: 10.11.2007). Более того, война с Бонапартом воспринималась как великое столкновение России и Запада – «вооруженной Европы» (Ф. Н. Глинка), «всей европейской армады» (Денис Давыдов), «соединенных сил всей Европы» (Александр I), «армии, составленной почти из всех европейских народов» (адмирал Шишков), – как обещанный Библией апокалипсис. Еще накануне событий 1812 года в русской литературе появляются апокалиптические интонации, с присущими этой теме мотивами Рока, Провидения, Судьбы, Божьего Промысла: «Начало его (1812 года) наполнено было мрачными предвестиями, томительным ожиданием. Гневные тучи сгущались на Западе. Вслед за пламенною кометою многие дивные знамения на небе явились. Люди ожидали будущего, как Страшного суда. Глубокая, однако ж, тишина и тайна господствовали на земле. Но эта обманчивая тишина была провозвестницей страшной бури. Взволновались народы, и все силы, все оружие Европы обратилось на Россию» (Глинка Ф.Н. Письма русского офицера / Ф.Н. Глинка. – М.: Правда, 1990).

Нашествие Наполеона было воспринято русской общественностью и «как Божья кара, как страшное и роковое возмездие за то, что Россия свернула с истинного пути и, ослепленная ложным и фальшивым западным блеском, стала жить чужим умом и пользоваться плодами чуждой культуры» (Бурмистров, Т. Россия и Запад: антология русской поэзии / Т. Бурмистров // Северные огни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/NEWPROZA/BOURMISTROV/rw.txt – Дата доступа: 10.11.2007) и как возможность прозрения, избавления от иллюзий в отношении Европы и европейцев, созданных XVIII веком. С этой точки зрения, война 1812 года стала ключевым моментом в развенчании не только мифа Наполеона, но и мифа Европы в целом: из цивилизованной и просвещенной носительницы идей свободы, философии и человеколюбия, какой она виделась русским «издалека», она превращается в хищницу, вторгающуюся на чужую территорию, посягающую на чужую свободу. Сожженная Москва в этом ключе перекликается сразу с двумя мифологическими символами. С одной стороны, она, подобно Библейским Содому и Гоморре, была «праведным наказана судом» (В. В. Капнист) за западничество последних столетий и слепое подражание Европе; с другой – разрушение Мос-

квы стало залогом ее обновления: из пламени московского пожара Россия, как мифическая птица Феникс, должна была выйти возрожденной и очищенной.

Таким образом, в событиях 1812 года Наполеон в глазах русских выступает не как историческая личность, а скорее как символ Запада, враждебного «незападной» по сути своей России. Непосредственное обращение к образу Бонапарта, отделение его в русском сознании от Запада, осмысление его роли в исторической судьбе Европы и России характеризует русскую литературу начала XIX века. После своего поражения в России Наполеон из символа враждебной Европы превращается в тирана и узурпатора, «презревшего человечество» (А.С. Пушкин) и навязавшего свою волю мирным и просвещенным европейским народам. Русская поэзия начала XIX века однозначна в своем отношении к Бонапарту: для проникнутых «отечественнолюбивым духом» (Бурмистров, Т. Россия и Запад: антология русской поэзии / Т. Бурмистров // Северные огни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/NEWPROZA/BOURMISTROV/rw.txt – Дата доступа: 10.11.2007) поэтов Наполеон – «ужас мира», «бич вселенной», «самовластительный злодей» (Пушкин), «хищный враг», «питомец ужасов, безвластия и брани» (Жуковский), «изверг, миру в казнь рожденный» (Карамзин), «высокомерный дух», «враг рода человеческого» (Державин).

Под знаком общих тенденций антибонапартистской черной легенды проходил первый период создания пушкинского наполеоновского мифа (1814 – 1821 гг.). На оскорбленном патриотическом чувстве в первые годы после окончания Отечественной войны 1812 года строит поэт свою интерпретацию образа Бонапарта в лицейских стихотворениях «Воспоминания в Царском селе» (1814) и «Наполеон на Эльбе» (1815). Стихотворения эти в целом созвучны общеевропейской поэтической традиции изображения Бонапарта «тираном», «убийцей», «деспотом», «губителем», «хищником», «бичом Европы, царем воссевшим на гробах». Однако уже на этом этапе можно проследить тенденции к романтизации образа Наполеона, которые достигнут своего апогея в двадцатые годы XIX века. Подобный переход от инвектив в адрес Наполеона к поэтизации и романтизации его образа объяснялся переосмыслением роли французского императора в связи с вновь установившимся в Европе реакционным политическим режимом, который оказался для нее более тягостным, чем тот, что насаждался «тираном и узурпатором». Резкий диссонанс героической наполеоновской эпохи с серостью и бесперспективностью периода Реставрации заставили поэтов и писателей иначе взглянуть на Бонапарта. Сквозь призму этого нового отношения воспоминания о деспотизме и кровопролитных войнах отходили в тень, уступая место обаянию выдающейся личности. Белая наполеоновская легенда, окончательно утвердившаяся во французской историографии и литературе середины XIX в., вынесла новое «романтическое» видение Бонапарта далеко за пределы Франции, заставив пересмотреть свое отношение к Наполеону и родину «черной легенды» императора – Англию, и охваченную ненавистью к Бонапарту со времен войны 1812 года Россию. Романтический миф Наполеона, превративший «тирана» в «героя» подпитывался сначала ореолом мученичества, который окружал «всесильного самодержца Европы» (Бурмистров, Т. Россия и Запад: антология русской поэзии / Т. Бурмистров // Северные огни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/NEWPROZA/BOURMISTROV/r_w.txt – Дата доступа: 10.11.2007) в ссылке на острове Св. Елены, а позже трагическими и таинственными обстоятельствами его смерти, потрясшей Европу и вызвавшей множество домыслов и споров.

Вслед за европейскими романтиками русские поэты увидели в судьбе Наполеона трагедию сильной и талантливой исторической личности, чья жажда власти превосходила любовь к жизни, трагедию титана нового времени, умело использовавшего благоприятные исторические обстоятельства для собственного возвеличивания и достижения власти над миром, но, в конце концов, потерпевшего сокрушительное поражение. Эта сказочная, необыкновенно красивая в своем несомненном трагизме и силе судьба, несущая потрясенным народам «зло погибельных чудес» (Пушкин) не могла оставить равнодушными и русских романтиков. Отдаляясь во времени, фигура Бонапарта становилась для

романтиков все более притягательной и значительной. И если для Пушкина Наполеон все-таки остался современником, а значит вполне реальной исторической личностью с ее достоинствами и недостатками, то для поколения, к которому принадлежал М. Лермонтов, Бонапарт – это страница прошлого, необычайная яркость и событийная насыщенность которой контрастировала с угрюмой бесцветностью современности. В свете этого контраста Лермонтов поднимает Наполеона на пьедестал романтического героя, воспевая в нем носителя субстанциональных начал бытия, избранника, отмеченного «божественным перстом», «мужа рока», воина-вождя, одевшего свой народ в «ризу чудную могущества и славы», выдерживая его портрет в традициях романтического психологизма восточных поэм Байрона («возвышенное чело», «строгий взор», «острый взгляд», «следы забот и внутренней войны» на лице) (Лермонтов, М.Ю. Собр. соч. В 2 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 1. – С. 48).

Попытки осмысления образа Наполеона Бонапарта предпринимал в своем творчестве и Ф. Тютчев. Однако, в его стихотворении «Наполеон» Бонапарт предстает индивидуалистом, презирающим людей и готовым принести в жертву своему тщеславию сотни человеческих жизней. Из бесконечных конфронтаций: «мать Революция» и ее сын Наполеон, «два демона», «две силы», «орлиный, дерзостный полет» и «змеиной мудрости расчет», «земной» и «Божий пламень» у Тютчева складывается необычайно целостный в своей противоречивости образ Наполеона как апофеоза западного эгоизма и прагматичности. Истоки такого понимания Бонапарта, можно найти еще у Пушкина, последний этап развития наполеоновского мифа в творчестве которого можно трактовать как «переходный от романтического мифа, реализованного в массовом сознании эпохи, к новому варианту антибонапартистского мифа об игроке, прагматичном и расчетливом авантюристе» (Вольперт, ЛИ. Мятежной вольности наследник и убийца / Л.И. Вольперт // Русско-французские литературные связи конца XVIII – первой половины XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/volpert/mtro.htm. – Дата доступа: 03.02.2007). Можно утверждать поэтому, что именно с Пушкина «начинается переоценка роли Наполеона и новый этап мифотворчества о нем, получивший развитие в реалистической литературе последней трети XIX» (Мусиенко, С.Ф. Миф Наполеона в русской и польской прозе XIX в. / С.Ф. Мусиенко // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России: сб. науч. ст. / РАН, Институт славяноведения, ПАН, Институт литературных исследований; редкол.: М.В. Лескинец, В.А. Хорев. – М.: Индрин, 2004. – С. 192) и связываемый обычно в русской литературе с именем Л.Н. Толстого.

Согласно замыслу автора, произведение должно было олицетворять несовместимость русской национальной идеи со всем западным и чужеродным: захватническими войнами, посягательством на свободу и жизнь других людей, – олицетворением чего стал в романе Наполеон. Авторская концепция истории предполагала, таким образом, иную, отличную от традиционной трактовку образа Бонапарта, идущую вразрез с основными положениями его романического мифа в литературе и истории.

Лев Николаевич Толстой в «Войне и мире» выступает против культа Наполеона, доказывая всем доступным ему арсеналом художественных средств несостоятельность и ложность индивидуалистических ценностей: противопоставления себя окружающим, ведущего к раздробленности, вражде и войне, наигранности, фальши и лицемерия, ложного величия. Для него Наполеон – агрессор, напавший на Россию; честолюбец, стремящийся к мировому господству; самовлюбленный, самонадеянный властитель Франции, руководствующийся в поступках лишь своей прихотью; воплощение французской революции и уже поэтому злодей.

Высказывая непосредственную критику в адрес Бонапарта с позиции писателя и философа или вкладывая обличающие слова в уста героев, Толстой последовательно и методично развенчивает на страницах произведения романтический образ Наполеона во всех его ипостасях. Реалистичное описание французского императора в сцене его встречи с генералом Балашевым, натуралистичной сцена императорского туалета, ощущение фальши и наигранности, которое Толстой постоянно нагнетает, всячески подчеркивая

склонность Наполеона к позерству и лицедейству, поражение, которое терпит Бонапарт в душах своих вчерашних поклонников (Пьера Безухова и Андрея Болконского), – вот ключевые моменты толстовской трактовки образа Наполеона.

Представший перед читателем «Войны и мира» «маленький человек», с «неприятно-притворной улыбкой» на лице, с «жирной грудью», «круглым животом» и «жирными ляжками коротеньких ног», беспрестанно актерствующий и произносящий напыщенные фразы, вызвал множество возражений со стороны критиков, увидевших в романе искажение реального исторического лица. Однако, хотя толстовская трактовка образа Бонапарта не вполне соответствует исторической правде, намерение писателя развенчать индивидуалистическое начало, противопоставление себя окружающим, наигранность, фальшь и лицемерие, ложное величие, предполагало именно такой сатирически снижающий способ изображения Наполеона.

Бесспорно, литературный портрет Наполеона противоречив: в нем тесно переплелись отголоски «Реляций Великой Армии» и мемуары врагов и поклонников императора, романтический культ Бонапарта и желание реалистов оставаться бесстрастными в оценке его исторической роли. Однако, вопреки всем попыткам развенчать политический и литературный миф Наполеона, он был и остается самой мифологенной фигурой современной истории. Очевидно, в этом умении быть всегда в центре внимания, приковывать взгляды, вызывать сильные эмоции, будь то любовь или ненависть, и состоит феномен Бонапарта. И спустя два столетия мистический ореол наполеоновской легенды продолжает оставаться загадкой, вызывая споры, рождая сомнения и новые версии. Возможно, причина этого кроется в том, миф Наполеона, по сути своей, миф демократический: обычный человек, независимо от национальности видит в Наполеоне не императора и полководца, а, прежде всего, обычного человека, достигшего вершин власти, благодаря тому, что он сумел реализовать желание, которое большинство людей вынуждены скрывать и подавлять в себе, – жажду власти.

Отношение к Наполеону в литературе никогда не было и не могло, наверное, быть однозначным. Одни и те же его черты и поступки по-разному трактовались в художественных произведениях в зависимости не только от политических и исторических взглядов авторов, но и от той роли, которую Бонапарт сыграл в судьбе их народов. В Польше романтики во главе с Адамом Мицкевичем создали на основе общеевропейского мифа Наполеона-освободителя народов, его национальную модификацию – миф Наполеона-мессии, Наполеона-спасителя Польши, навсегда соединив имя Бонапарта в народном сознании с понятием свободы и государственности. «В Польше, в ее историософии, культуре, литературе значение Наполеона было огромное, ибо с ним связаны были большие надежды польского народа на независимость. Надежды оказались иллюзиями, но это не помешало полякам создавать мессианские теории, основанные на вере в исцеляющее значение муки и страдания Польши для народов мира» (Fijaikowska-Janiak, I. Символика мессианских идей / I. Fijaikowska-Janiak // Toronto Slavic Quarterly [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.utoronto.ca/tsq/12/fijalkowska 12.shtml – Дата доступа: 26.05.2007). Тогда как для русских Наполеон – прежде всего враг, захватчик, образ которого «определяется только его деянием – его вторжением» (Лихачев, Д.С. Литература-реальность-литература / Д.С. Лихачев. – Л., 1984. – С. 1100. Поэтому разгром Наполеона в кампании 1812 года стал своеобразным «доказательством особенной роли России, избранной Провидением для уничтожения апокалипсического всадника на белом коне, символа бренности земной славы и ничтожества человеческих усилий по отношению к воле Божьей» (Fijaikowska-Janiak, I. Символика мессианских идей / I. Fijaikowska-Janiak // Toronto Slavic Quarterly [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www, utoronto. ca/ t sq/12/fijalkowska 12. shtml – Дата доступа: 26.05.2007).

Новый Мессия и всадник Апокалипсиса - два взаимоисключающихся понятия, уживающиеся в рамках одного мифа. Именно это противоречие привело русских и польских писателей XIX века к идее переосмысления представлений, положенных в основу одного из самых продуктивных мифов XIX-го столетия.

Список литературы

1. Шеллинг, Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг. – М., 1966.
2. Барт, Р. Миф сегодня / Р. Барт. – М., 1996.
3. Fijaikowska-Janiak, I. Символика мессианских идей / I. Fijaikowska-Janiak // Toronto Slavic Quarterly [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.utoronto.ca/tsq/12/fijalkowska 12.shtml – Дата доступа: 26.05.2007.
4. Лихачев, Д.С. Литература – реальность – литература / Д.С. Лихачев. – Л., 1984.
5. Толстой, Л.Н. Война и мир / Л.Н. Толстой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:/ /magister.msk.ru/library/tolstoy/wp/wpOO.htm – Дата доступа: 02.05.2007.
6. Мусиенко, С.Ф. Миф Наполеона в русской и польской прозе XIX в. / С.Ф. Мусиенко // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России: сб. науч. ст. / РАН, Институт славяноведения, ПАН, Институт литературных исследований; редкол.: М.В. Лескинец, В.А. Хорев. – М.: Индрин, 2004. – С. 192 – 219.
7. Русские писатели ХГХ века о своих произведениях: хрестоматия историко-литературных материалов / сост. И.Е. Кагшан. – М.: Новая школа, 1995.
8. Жеромский, С. Пепел / С. Жеромский // Избранные сочинения. Т. 3 – 4. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
9. Markiewizc, H. Popioiy / H. Markiewizc. – Warszawa, 1983.
10. Мицкевич, А. Пан Тадеуш / А. Мицкевич. – Минск: Мастацкая літаратура, 1997.
11. Мотылева, Т Л.Н. Толстой / Т. Мотылева // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// feb-web.ru/feb/ivl/vl7/vl7-1302.htm – Дата доступа: 23.04.2007.
12. Jukasicski, W. Pamiktnik / W. Jukasicski. – Warszawa, 1960.

ІААНА ВАСІЛЮК

Беласток

БЕЛАРУСКІЯ ВЫТОКІ ТВОРЧАСЦІ АДАМА МІЦКЕВІЧА

Агульнавядома, што беларуская нацыянальная ідэя адраджалася і фарміравалася на тэрыторыі Беларусі перш за ўсё ў рэчышчы польскамоўнай культуры. Аднак на працягу апошніх некалькіх дзесяцігоддзяў пераканаўча сцверджана: *Творы, якія былі напісаны па-польску аўтарамі, этна-генетычна звязанымі з Беларуссю, уваходзяць у гісторыю беларускай літаратуры як яе польскамоўная плынь* [1, с. 14], піша адзін з найаўтарытэтных даследчыкаў спадчыны польска-беларускіх пісьменнікаў Уладзімір Мархель.

Наўрад ці ўжо трэба даказваць, што творчасць вялікага навагрудчаніна Адама Міцкевіча належыць і беларускай літаратуры. Ён пачаў адкрываць для сябе радзіму ў бацькоўскім доме ў Навагрудку пры пасрэдніцтве беларуса з прыгонных сялян Блажэя, і полькі Гансеўскай. *Дзве крыніцы захаплення – казкі і апавяданні Блажэя, і песні, спяваныя Гансеўскай – гэта два істотныя (эпічны і лірычны) нацыянальна адметныя ўплывы на ўяўленне будучага паэта, уплывы роўнамагчымыя і, эстэтына вызначальныя* [2, с. 81].

Зацікаўленасць людам літоўска-беларускіх земляў, ягонай культурай, этнаграфіяй, фальклорам, моваю спалучаецца на пачатку XIX ст. перш за ўсё з дзейнасцю Віленскага універсітэта, з раўпасюджаннем ідэалогіі рамантызму. Досыць вялікая група шляхецкай інтэлігенцыі Беларусі, пераважна моладзі, пачала збіраць і вывучаць песні, звычаі і абрады беларускага народа. *У свядамасці польскіх пісьменнікаў* , – праніклiва заўважае Марыя Яніон, *– што паходзілі з паўночных крэсаў, згодна з уяўленнямі, што панавалі ў даўняй РП, не было варожых падзелаў паміж тым, што беларускае, а што польскае. Род і нацыя, як вядома гарманічна спалучаюцца: род беларускі і нацыя польская* [3, с. 40].

У філамацкім асяроддзі першымі ўспрынялі новыя павевы Тамаш Зан і Ян Чачот. Шукаючы матэрыялы для сваіх паэтычных твораў, яны звярнуліся па сюжэты і вобразы да вусна-паэтычнай творчасці беларускага народа. І менавіта пад уплывам Яна Чачота Міцкевіч таксама адкрывае для сябе фальклорныя скарбы. У снежні 1819 г. Адам Міцкевіч стварае свае першыя рамантычныя балады на аснове вуснай паэзіі беларусаў, якую ведаў з маленства. Яго *Балады і рамансы*, кніга, якую ён прысвячае сябрам філаматам, становіцца першым актыўным выяўленнем адносін паэта да вуснай творчасці народа. Сапраўды, як піша У. Мархель: *выступленне Міцкевіча ў друку з рамантычнай паэзіяй зрабіла моцны ўплыў не толькі на рост пісьменніцкай цікавасці да вуснапаэтычнага набытку беларускага народа, але і выклікала да жыцця, перш за ўсё ў асяроддзі філаматаў, мноства твораў, заснаваных на беларускім фальклорным матэрыяле.*

У творах гэтага часу паэт не мінаў магчымасці выказаць сваю любоў да роднага краю, да Наваградчыны, якую называе ў вершы *Бульба* родным домам. Міцкевіч перакана ўча сцвярджаў, што ўсё вялікае ў чалавечым жыцці пачынаецца з любові да Бацькаўшчыны. Паэт з удзячнасцю гаворыць аб родных мясцінах:

Цвіці ж, прывольны край, зямелька Прынямоння,
Людзьмі славутая, дарамі тымі ўлоння.
Вітаю ўсіх, хто славіць край. Табе падзяка,
Род дэпутатаў соймавых, род Верашчакаў!
Табе, наш графе, Шчорсаў гаспадар руплівы... [4, с. 38].

Ён не ганіць іншыя краіны, не адмаўляе ім у адметным прыродным харастве і багацці, у прыватнасці, апісваючы незвычайныя для вока яго суайчыннікаў горныя мясцовасці. Аднак ён тут жа трапна зазначае, што «для нас» гэта проста экзотыка, не больш. Міцкевіч не проста натхнёна перадае перавагу родных мясцін над чужымі краінамі, але падкрэслівае, што толькі ў родным краі яму дыхаецца на поўныя грудзі, толькі родныя краявіды жывяць яго душу і даюць яму сапраўднае натхненне, духоўны ўзлёт.

Сваёй творчасцю Міцкевіч вучыў, нагадваў арыстакратам духу, што менавіта чалавека працы павінны шанаваць грамадства і дзяржава. У падтэксце гучыць горкае шкадаванне і папрок сучаснікам, што прамінулі слаўныя часы, і ўсім сэрцам паэт жадае вяртання незалежнасці, сапраўднай народнай веліччы і волі роднаму краю. Твор мае выразнае патрыятычнае, бунтарскае гучанне: трэба ратаваць край, запалонены расейскім чыноўніцтвам, бараніць ад гвалту і ўціску, не даць магчымасці царскаму самадзяржаўю задушыць нацыянальна-патрыятычныя парыванні народаў. Апошнія радкі верша *Бульба* Міцкевіча гучаць як прысяга вернасці працавітым людзям беларускай вёскі:

Я ж, просты вершапісец, проста, так, я знаю,
Табе, славуты Земляроб, вянок сплятаю... [4, с. 38].

Заслугоўвае ўвагі сцвярджэнне Віктара Каваленкі аб тым, што *Міцкевіч звяртаўся да роднай беларускай зямлі як да прадмета паэзіі, чэрпаючы ў ёй натхненне не пад націскам знешніх жыццёвых прычын, а па адзінаму загаду паэтавага сэрца* [5, с. 65]. *Прыгажосць Літвы была звязанай з духоўным светам мясцовага жыхара* [5, с. 70].

Зразумела, сам факт, што вялікі мастак піша аб Беларусі, натхнёны яе сапраўдным і мінулым, адыгрываў значную ролю ў станаўленні самасвядомасці беларускага народа, фарміраванні новай мастацкай традыцыі. У 1822 г. выходзіць у Вільні першы том твораў Міцкевіча, у 1823 – другі. Змест іх склалі, у асноўным, балады і ковенска-віленскія *Дзяды* – творы, якія выраслі на беларускім фальклорным матэрыяле.

Творчасць Міцкевіча належыць аднachocова дзвюм роднасным культурам, – як слушна зазначае Люба Тарасюк, – *польскай (паводле мовы і агульнапольскай вызваленчай ідэі ў барацьбе з Расіяй) і беларускай (паводле асноўных матываў і вобразаў, а таксама літвінскага патрыятычнага пафасу – Літвы як спадкаемцы ВКЛ)* [6, с. 9]

На працягу ўсяго творчага жыцця Міцкевіч не аднойчы даказваў, што яго творчая індывідуальнасць сфарміравалася менавіта ў гэтым *zak№tku Europy* [7, с. 8] на Наваградчыне.

Галоўныя матывы для *Балад і рамансаў* былі пачэрпнуты Міцкевічам з тэрытарыяльнага трохкутніка Наваградак – Калдычэўскае возера – берагі Нёмана. У цэнтры гэтага трохкутніка знаходзіцца возера Свіцязь, якое займае ў творчасці паэта галоўнае месца. Па сутнасці, Свіцязь – гэта асобная арыгінальная старонка яго творчасці, з якой звязаны найперш такія творы, як *Свіцязь, Свіцязянка, Рыбка*. Вобраз Свіцязі выступае як топас і сімвал паэтавай малой радзімы, увасабляе таямніча загадкавы свет яе прыроды. Балады *Свіцязь* і *Свіцязянка* з'яўляюцца яркім прыкладам таго, як, зыходзячы з пэўнай творчай задумы, выкарыстоўваў Міцкевіч вобразы і матывы вуснай народнай творчасці.

Містычнае дзеянне міцкевічаўскай балады *Свіцязь* адбываецца на беразе рэальнага возера, што стала цяпер адным з прыродных сімвалаў самога паэта і месцам паломніцтва яго прыхільнікаў. Над Свіцяззю маладыя закаханыя Адам і Марыля слухаюць, як дзедрыбак апавядае цудоўную легенду аб узнікненні возера. Апрача таго, твор насычаны рэаліямі, звязанымі з постаццю Марылі Верашчака, каханне да якой прадвызначыла ўсе наступныя творчыя ўзлёты паэта. *Свіцязь* была прысвечана брату Марылі Міхалу Верашчаку ў знак успаміну пра сумесна праведзены з ім час у фальварку Плужыны. Згадваецца ў творы і легендарны князь Туган, імя якога выклікае асацыятыўны намёк на Туганавічы – знакаміты маёнтак Верашчакаў.

Балада *Свіцязь* пачынаецца з маляўнічага апісання ваколіц улюбёнага возера паэта, роўнядзь якога нагадвае шкло, а ноччу ў ім мігцяць зоркі, як на небе, і можна ўбачыць адразу два месяцы – у нябёсах і ў возеры:

Не можаш адрозніць у срэбным сутонні
Дно возера ўжо ад зэніту.
Як быццам вісіш ты ў нябесным бяздонні,
У нейкім разліве блакіту [4, с. 71].

Аднак ноччу да возера падыходзіць толькі самы смелы з людзей. Бо там нібы нейкі нячысцік сядзіць, як быццам абуджаецца возера, а потым настае раптоўная цішыня, сярод якой чуецца шум лесу, а з водаў даносіцца ціхая малітва і жаласлівы дзявочы голас. Пан, якому дасталася гэтая зямля, вырашае разгадаць таямніцу. Велізарным невадам з вады выцягнулі дзіўную жанчыну з мілым тварыкам, каралавымі вуснамі і белымі валасамі. Яна і апавядае спалоханым людзям даўнюю трагедыю: некалі тут стаяў прыгожы Свіцязь-горад, дзе жылі мужныя і адважныя людзі. Але калі ворагі асадзілі сталіцу Міндоўга, то ўсё войска пайшло абараняць легендарны Наваградак – *Літвы тагачаснай сталіцу* [4, с. 73] А сам горад пакінулі пад апеку Бога. На Свіцязь-горад напала Русь, і адважныя жыхары замест няволі і палону выбіраюць удар грому: няхай жывых зямля пахавае. Слаўнае месца знікла пад водамі, а ўсе свіцязянкі ператварыліся ў расліны з зялёнымі лістамі і белымі кветкамі, што нагадваюць матылькоў:

Дзе ў тонях цар-кветкі блішчаць, як каралі,
Дзе дрэмле чарот той бязмоўны,
Дзе рэжа вясло ваша гэтыя хвалі,
Стаяў колісь горад чароўны [4, с. 73].

Гэтыя кветкі неслі смерць захопнікам, якія, зачараваныя нязвыклай прыгажосцю, спрабавалі іх сарваць. Распавёўшы гэтую гісторыю, дзяўчына назаўсёды знікае ў хвалях.

Яўленае Міцкевічу бачанне *Свіцязі* пазначыла магчымасць адкрыцця вышэйшасці гармоніі свету менавіта ў сувязі з родным краем і найперш праз любасць да яго [2, с. 83].

Свіцязянка Міцкевіча з аднайменнай балады – родная сястра русалкі, як яна ўяўлялася беларускаму селяніну. Паэт не імкнецца сказаць усяго, што гавораць аб русалках у народзе. *Ён спыняецца на адным моманце: дзе русалка, там ніхто з хлопцаў не адважайся адзін прайсці міма, бо не ўхілішся ад смерці. Але калі русалка, паводле народнага падання, губіць хлопца проста так – такое ўжо прыроджанае ў яе жаданне губіць мужчынскі род, то ў баладзе Міцкевіча, яна губіць стральца за ашуканства, за здраджанае каханне* [8, с. 50]. Здрада павінна быць пакарана – такую агульначалавечую думку пра-

водзіць паэт у баладзе *Свіцязянка***,** абапіраючыся на беларускія матывы і вобразы. Назва Свіцязянка з'яўляецца ўласнай выдумкай паэта.

Матыў віны і кары знайшоў сваё яскравае ўвасабленне і ў баладзе *Рыбка*. Паніч, спакусіўшы простую дзяўчыну, вераломна здраджвае ёй і за гэта яго спасцігае суровая кара. Два розныя фальклорныя матывы выкарыстаў Міцкевіч пры стварэнні балады *Рыбка*. Першы з іх – жанчына, якая пасля смерці стала рыбкай, корміць сваё дзіця, другі – пакаранне злачынцы звышнатуральным чынам: ён камянее.

Згодна з народнымі павер'ямі, душа пакутніка блукае па зямлі, але не ў сілах прасіць чалавека аб слове ці дзеянні, якое можа вызваліць яе ад пакуты, і толькі незнарок і выпадкова хто-небудзь вызваляе яе. Падобным чынам выратоўвае грэшніцу, якая нікога пры жыцці не кахала, і герой балады Міцкевіча *Люблю я!*

У сваёй паэзіі Адам Міцкевіч апеў і ўславіў родны кут, дарагія сэрцу краявіды і вобразы, па сутнасці стварыў культ беларускага пейзажу і прыроды бацькоўскага краю. Бадай цэнтральнае, нават дамінантнае месца ў яго сістэме мастацкага мыслення займаюць вобразы-топасы ракі Нёман і возера Свіцязь. Нёман і прынямонне, Свіцязь і свіцязянскае ўлонне сталі калыскай будучага песняра. Прырода нарадзіла паэта і абудзіла яго сэрца, зрабілася неад'емным светам яго вобразаў і думак. Нёман – спрадвечны пейзажны вобраз беларускай геаграфічнай і этнічнай прасторы, які трывала замацаваўся ў нацыянальнай літаратуры як апазнавальны сімвал беларускага краю.

Сакралізацыя радзімы ў беларускай паэзіі актыўна адбываецца праз апяванне рэк і азёр. Менавіта так нарадзіўся санет-пасланне *Да Нёмана,* калі аўтар у роспачы як бы піша ліст рацэ, якая ўзгадвала яго ў маленстве:

> Нёмане, рэчка мая радаводная, дзе
> Тыя воды, што браў я ў маленстве ў далоні... [4, с. 54].

Паміж аўтарам і ракой склаліся цёплыя сяброўскія адносіны (прычым Нёман выступае тут як бы ў вобразе абаронцы ўражлівай душы паэта). Вобраз Нёмана – гэта нібы душэўна блізкі субяседнік, якому аўтар давярае любоўныя таямніцы, шчыра спавядаецца.

Гучыць у санеце філасофская думка аб незваротнасці шчаслівых юнацкіх гадоў, а *вобраз Марылі,* як піша Ірына Багдановіч, *трансфармуецца ў вечны вобраз сімвал каханай – Петраркавай Лауры* [9, с. 26]*,* які замацуецца пазней у адэскім санетным цыкле:

> Дзе бунтоўнасць, якой мне цяпер не стае?
> Дзе Лаура мая? Дзе былая сябрына?... [4, с. 54].

Да Нёмана звяртаецца таксама герой раманса Міцкевіча *Дудар*:

> Нёман мой, Нёман, родны мой краю:
> Поле, лужочак, бярозкі... [4, с. 117].

Рака з'яўляецца старому натхненнем, яна дае сілу, каб ісці ад вёскі да вёскі і несці людзям суцяшэнне.

Такім чынам, аналіз пейзажных вобразаў Нёмана і Свіцязі пераконвае нас у тым, што гэтыя гідронімы сталі асновай выяўлення любові паэта да навагрудскай прыроды, сваёй радзімы, яскрава характарызуюць яе топіку, а таксама даюць уяўленне пра глыбокую духоўнасць і ментальнасць паэта.

У творах Міцкевіча адбіліся хараство і дасканаласць беларускай міфалогіі, фальклору, абраднасці, асаблівасці шляхецкага жыцця, гістарычных каранёў. *Гісторыя рамантызму польскага пачынаецца на Літве,* – невыпадкова з такой фразы пачала сваю манаграфію аб рамантызме польская даследчыца Дарота Сівіцка, маючы на ўвазе гістарычную назву зямлі, дзе нарадзіўся і ўзрос Міцкевіч [10, с. 7].

Тут жа, на сваёй Наваградчыне, назіраў Адам Міцкевіч і захаваныя з язычніцкіх часоў урачыстыя абходзіны свята Дзяды. Незвычайная таямнічасць рытуалу Дзядоў, яго высокая маральнасць, звязаная з глыбокай пашанай беларусамі сваіх продкаў, прываблівалі паэта, і ён узяў гэты абрад у аснову паэмы *Дзяды*.

Хаця, як заўважыла Д. Сівіцкая, паводле інтэрпрэтацыі Міцкевіча гэта *spotkanie widzialnego z niewidzialnym*, дзе праз смерць паказана духоўная мера чалавечай экзістэнцыі, як жывых так і памерлых – іх пачуцці крыўды і радасці. Чатыры разы ў год святкаваў калісьці беларускі селянін дзяды – асеннія, зімовыя, вясеннія і летнія. Селянін спраўляў на Дзяды багатую вячэру. Па яго ўяўленнях ежа, пітво, якія ён прапаноўваў душам памерлых, павінны былі аблягчыць іх пакуты і цярпенні. У хаце, за сталом, старэйшы ў сям'і, сядаючы за вячэру, урачыста звяртаўся да продкаў, заклікаючы іх прыляцець на памінальную ўрачыстасць:

Сёння ж мы Дзяды спраўляем!
Вас сустрэць мы ўсе гатовы:
Ёсць пітво і пачастункі,
Сэрцаў шчодрыя дарункі, а яшчэ – малітваў словы [4, с. 282].

Даследчыкі ўстанавілі, што месцам таемнага дзейства, апісанага ў паэме *Дзяды*, магла быць закінутая капліца, якая стаяла на могілках у Цырыне.

І зусім невыпадкова, што ў гісторыі народаў, якія ва ўмовах дэнацыяналізацыі сацыяльных вярхоў на цэлыя стагоддзі страчвалі сваю палітычную самастойнасць, фальклор адыграў гістарычную місію хавальніка іх нацыянальнай самабытнасці,- адзначае Уладзімір Конан 11, с. 46]. Роля беларускага фальклору ў XIX ст. – гэта духоўная аснова адраджэння нацыянальнай мовы, літаратуры і іншых відаў мастацтва.

Велічныя муры Наваградскага замка, якія з малых гадоў узвышаліся перад вачыма будучага паэта, клікалі разгадаць яго таямніцу, зазірнуць у даўно мінулыя стагоддзі, асабліва ў часы Вялікага княства Літоўскага, самай першай сталіцай якога быў яго родны Наваградак. Якраз Наваградак, які заснаваў Яраслаў Мудры, і стаў месцам дзеяння першых гістарычных паэм Адама Міцкевіча.

І калі балады Міцкевіча былі асваеннем беларускага фальклору, а *Дзяды* – асваеннем памінальнага рытуалу беларусаў, то гістарычная аповесць *Гражына* распачынала асваенне гісторыі Беларусі – Літвы.

Выдатным здабыткам Міцкевіча, стала менавіта *Гражына* (1823 г.) – літоўская аповесць з часоў пярэдадня Грунвальдскай бітвы 1410 года. У 1819 – 1822 гг. Міцкевіч настойліва працаваў над гістарычнымі матэрыяламі ў бібліятэцы графа Храптовіча ў Шчорсах. Паэт даў сваім героям выдуманыя імёны: Літавор – другое прозвішча графа Храптовіча, прозвішча Рымвід насіў уласны род Міцкевічаў. Паводле сюжэта Літавор уступае ў змову з тэўтонцамі супраць Вітаўта. Не здолеўшы адгаварыць мужа ад здраднага саюза з ворагам, ягоная жонка, прыгажуня Гражына, адсылае тэўтонскіх паслоў і, перапрануўшыся ў рыцарскае адзенне Літавора, сама вядзе княжацкую дружыну:

І калі сонца з-за Шчорсаў зазяе,
Калі асвеціць Магілу Мендога,
Хай там на вуліцы Лідскай чакае
Войска, гатовае ў бой і ў дарогу [4, с. 196].

На жаль, яна гіне ў баі з крыжакамі. Пад уздзеяннем яе патрыятычнага парыву на поле боя спяшаецца і Літавор, які разбівае тэўтонцаў, а затым на пахаванні Гражыны сам кідаецца ў памінальны касцёр. Хіба не падазраваючы аб тым, вобразамі гераічных жанчын-ліцвінак Міцкевіч як бы ўваскрашаў на ніве айчыннай літаратуры і ў памяці жыхароў былога Вялікага княства славуты Скарынаў заклік, якім той адгукнуўся на подзвіг біблійнай Юдзіфі, калі ў прадмове выдадзенай ім кнігі звяртаўся да сваіх суайчыннікаў .

Паэма *Гражына* была напісана як з мэтай падключэння гістарычных урокаў да сучаснай паэту палітычнай сітуацыі, так і дзеля асэнсавання ўзроўню маральнасці гонару і славалюбства, якія ўступаюць у супярэчнасць з інтарэсамі дзяржавы і нават прыглушаюць пачуццё патрыятызму. Вельмі трапны зрэз ліцвінскай гісторыі канца XIV – першай паловы XV ст., у паэме *Гражына*, калі ВКЛ раздзіралася міжусобіцамі, выкліканымі як палітычнымі, так і дынастычнымі прычынамі. Рымвід надзелены патрыятычным духам,

які асуджае міжусобіцу і тых князёў, што раздіраюць Бацькаўшчыну, карыстаючыся пры гэтым паслугамі спрадвечных ворагаў ВКЛ – крыжакоў.

Паходня барацьбы і волі, узнятая Міцкевічам як песняром Літвы, свяціла ўсім народам былой Рэчы Паспалітай, але найперш беларусам – як заснавальнікам і прамым нашчадкам старажытнай Літоўскай дзяржавы.

Так, патрыёты свайго краю – ваяводы – у паэмах *Мешка князь Навагрaдка* і *Гражына* мелі імёны адпаведна Порай і Рымвід, што азначала ў першым выпадку назву шляхецкага герба Міцкевічаў, а ў другім – прыдомак да прозвішча – Рымвід-Міцкевіч.

Хаця гісторыя ў Міцкевіча рамантызаваная, яго радзіма з’яўляецца не толькі месцам яго нараджэння, але і жыццём народа, якое складаецца з мінулага, сучаснага і будучыні. Гэта значыць, што *яно мае гіс№тарычнае існаванне* [5, с. 71].

Галоўны герой паэмы Конрад Валенрод у абставінах усеагульнай апатыі і маўчання народа свядома асуджае самога сябе на гібель, каб разбудзіць гэты народ і паказаць прыклад нязломнасці і гераізму наступным пакаленням барацьбітоў за народную волю. Тэматычна паэма звернута да часоў, калі ВКЛ вяло цяжкія войны з Тэўтонскім ордэнам. Гэта былі часы князёў Кейстута і Вітаўта. Здаралася так, што ў час вайны немцы захоплівалі ў палон дзяцей і юнакоў, выхоўвалі ў сваім духу і накіроўвалі іх супраць сваёй айчыны. Некаторыя з іх не страчвалі канчаткова памяці пра радзіму, уцякалі з чужой зямлі і станавіліся самымі зацятымі ворагамі ордэна. Да такіх людзей адносіўся і Конрад Валенрод. Паэт дапускае, што ён быў ліцвінам па паходжанню, які з тайным намерам выехаў з Літвы, каб увайсці ў давер да ордэна і здрадай зламаць яго магутнасць.

Для гісторыі адраджэння беларускай духоўнай культуры важна тое, што ідэя валенрадзізма была параджэннем менавіта краёвай свядомасці, а не польскай. Цікавае назіранне адносна пафасу *Конрада Валенрода* знаходзім у В. Каваленкі: *Учынак КВ быў толькі прыкладам для патрыятычна настроенага паляка, прыкладам у значнай ступені пабочным, бо ён не выцякаў натуральна з яго нацыянальнай гісторыі і псіхалогіі. Наадварот, для тыповага паляка з яго старадаўнім шляхетным гонарам, з яго выхаваным абавязкам рыцарства ўчынак, падобны да ўчынку КВ, павінен быў выклікаць, прынамсі пагарду. Валенрадызм – зброя слабых. А для паляка словы айчына, гонар і адвага стаялі яшчэ побач, калі не былі сінонімамі* [5, с. 98].

У *Конрадзе Валенродзе* Нёман сімвалізуе веліч і славу Айчыны, з ім звязаны матывы свабодалюбства, трываласці, заступніцтва:

Літву ад немцаў аддзяляе Нёман...
Так вабны Нёман, што здаўна быў вольным
І братнія злучаў сабой дзяржавы,
Сягоння стаў парогам неадольным [4, с. 225].

Канцэпцыя ракі ў Міцкевіча сапраўды патрыятычная, але разам з тым надзелена і думкай агульначалавечай значнасці і вялікай духоўнасці. Нёман увасабляе сабой адкрытасць свету, ён сімвал паяднання народаў.

Паэт паказаў, што яго родная зямля мела гераічнае мінулае, значную гісторыю, і гэта садзейнічала хутчэйшаму выспяванню перакanання, што гэты край, Літва (Беларусь), калі ён меў мінулае, будзе мець і прышласць.

Сваім гістарызмам і лакальным беларускім зместам, укаранёнасцю ў народную паэтычную культуру і традыцыі старабеларускай літаратуры, сваімі вобразамі старой Літвы творчасць вялікага паэта аказала агромністы ўплыў на станаўленне новай беларускай літаратуры і выпрацоўку беларускай нацыянальнай ідэі. Пры належных умовах Адам Міцкевіч мог бы стаць цалкам беларускім паэтам.

Спіс літаратуры

1. Мархель, У.І. Прысутнасць былога: Нарысы, артыкулы, эсэ / У.І.Мархель. – Мінск, 1997.

2. Гісторыя беларускай літаратуры XI – XIX стагоддзяў. У 2 т. Т. 2 / навук. рэд. У. І. Мархель, В.А. Чамярыцкі. – Мінск, 2007.
3. Janion, M. Szkoia biaioruska w poezji polskiej / M. Janion // Przegl№d Wschodni. – 1991. – № 1.
4. Міцкевіч, А. Выбраныя творы / А.Міцкевіч; рэд. К. Цвірка. – Мінск, 2003.
5. Каваленка, В.А. Вытокі. Уплывы. Паскоранасць / В.А.Каваленка. – Мінск, 1975.
6. Тарасюк, Л.К. Мастацкія кірункі іплыні ў беларускай паэзіі XIX – пач. XX ст. / Л.К.Тарасюк. – Мінск, 1999.
7. Miiosz, Cz. Њwiadectwo poezji. Szeњж wykiadyw o dotkliwoњciach naszego wieku / Cz. Miiosz. – Warszawa, 1990.
8. Лойка, А.А. Адам Міцкевіч і беларуская літаратура / А.А.Лойка. – Мінск, 1959.
9. Багдановіч, І.Э. Авангард і традыцыя. Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння / І.Э.Багдановіч. – Мінск, 2001.
10. Siwicika, D. Romantyzm, 1822 – 1863 / D. Siwicika. – Warszawa, 1997.
11. Конан, У. Ля вытокаў самапазнання / У. Конан. – Мінск, 1989.

ЕЛЕНА БИЛЮТЕНКО
Гродно

ХРОНОТОП В ПОВЕСТИ ЭЛИЗЫ ОЖЕШКО «ДЗЮРДЗИ»

Жизнь Элизы Ожешко с начала и до последних дней прошла на Гродненщине. С краем «над Неманом» связано ее рождение как писательницы и вся творческая судьба. Из 69 прожитых лет только 10 прошли вдали от «малой родины». «Здесь без труда читала она, – пишет Ю.Бахуж, – дворы, хаты, реки, поля, дороги…» [1, с.11]. Из недр этой земли, ее живительных соков черпала она свое вдохновение как художник. Однако характер этого вдохновения не исчерпывался только эстетическим служением действительности. В произведениях Ожешко стремилась воздействовать на жизнь, совершенствовать ее и формировать согласно своим идеалам.

Благодаря Ожешко польская проза последней четверти XIX века обогатилась таким важным художественным открытием, как тема белорусского народа, впервые поднятая писательницей в ряде романов, повестей, рассказов[1]. Эти произведения, появление которых шло параллельно с серьезным изучением духовной и бытовой культуры «белорусов с берегов Немана», свидетельствуют о подлинном новаторстве писательницы.

Родная земля имела для Ожешко особое очарование. Деревни Свислочь, Квасовка, Понемунь, Понизаны или Миневичи были близки ее сердцу. Не случайно в письме Т.Т.Ежу писательница подчеркивала, что по рождению, воспитанию и вкусам она ощущает себя деревенской жительницей и счастлива только в деревне, среди простых людей, в поле, в лесу. Стремясь глубоко проникнуть в духовный мир белорусов, лучше познать этот народ и его культуру, Э.Ожешко с упорством настоящего ученого изучала белорусский язык, народный быт, записывала песни, баллады, легенды, предания, описания

[1] Интерес к жизни белорусов был вызван, с одной стороны, близостью писательницы-демократки к народным массам, а с другой – развернувшейся в русской и польской прессе 60 – 80 годов XIX века дискуссией вокруг белорусского вопроса – проблемы национальной самобытности белорусов. Ожешко приняла участие в этой дискуссии своими произведениями, прежде всего романами и повестями, которые являются непосредственной репликой в художественной форме на высказывание Н.А.Добролюбова о потенциальных могучих силах белорусского народа [3, с.103 и послед.] .Работу над темой жизни белорусской деревни Э.Ожешко начинает в 80-е годы по просьбе Л. Мейе – инициатора издания «десятикопеечных» рассказов для народа. В результате появились «Низины» (1884), интересующая нас повесть «Дзюрдзи» (1885), несколько позднее – «Хам» (1887). На страницах этих произведений предстал белорусский народ – многоликий, неразгаданный, тогда еще неизвестный польскому читателю.

обрядов, ворожбы, суеверия и т.д. (Любопытно, что эти записи, содержащие ценнейшие научные наблюдения, даже в начале 90-х годов XIX века все еще не были известны ученым). Благодаря Ожешко, тема белорусского селянина – большая тема «народа-мужика» – получила гражданство в польской литературе.

Итак, повесть «Дзюрдзи» можно считать новаторским произведением уже в силу новизны его темы. Но новаторским был также и подход писательницы к ее художественному воплощению. В «Дзюрдзях» Э.Ожешко закладывает свою традицию в изображении жизни и судеб белорусского крестьянства, показывает психологию, быт, обычаи, особенности национального характера белоруса – его менталитет. Повесть интересна также тем, что в ней находит отражение процесс освоения богатого фольклорного наследия белорусского народа в оригинальном художественном творчестве. Особую роль в произведении играет концепция пространства и времени.

Не случаен выбор заглавия романа. В нем четко обозначен объект художественного исследования. Заглавие свидетельствует о том, что произведение посвящено не одному герою, а семье, если взять шире – белорусской деревне, типичными представителями которой являются крестьяне с распространенной фамилией Дзюрдзи. Выбирая именно эту фамилию, которую носят многие пассивные или активные участники трагедии, разыгравшейся в наднеманской деревне Сухая Долина, писательница подчеркнула, что в центре ее исследовательских интересов жизнь белорусской деревни во всем ее разнообразии.

Повесть имеет реальную основу (очень важный постулат в поэтике реалистических произведений XIX века), проявляющуюся в конкретности места (деревня Сухая Долина) и времени непосредственного повествовательного действия, разворачивающегося перед читателем (несколько месяцев – от августа до первых дней января). Вместе с тем предыстория событий, соответствующих повествовательному «сейчас», связанная с приходом Аксены и ее внучки Петруси в Сухую Долину, представлена в двух отдельных разделах. Такой композиционный прием дает возможность четко обозначить присутствие рассказчика и его дистанцию по отношению к представленным событиям. Тем более что ретроспективные разделы размещены у Ожешко сразу после сцены рокового выхода Петруси на огонь из осиновых поленьев. Динамичный мотив (появление героини на обряде стало поворотным моментом в отношении к ней суходолинцев и предопределило ее гибель в конце повести) соседствует здесь со статичным и подробным рассказом о прошлом, что нарушает естественное течение повествования[2].

Важно, что Ожешко сохранила и аутентичное название деревни, и подлинные имена селян. События, положенные в основу сюжета, действительно произошли в деревне Сухая Долина Гродненского района, а сама писательница присутствовала на суде над убийцами. Увидеть аутентичный «театр действия» (М.Бютор), в котором разворачиваются события в «Дзюрдзах», можно было даже в 60-е годы XX века, когда в Сухой Долине еще стояли почерневшие, поросшие мхом хаты Дзюрдзей, а также можно было найти место кузницы Михала Ковальчука [4, с.157 – 158]. Сама Ожешко также подчеркивала подлинность своих героев. «Мои Дзюрдзи, что меня очень радует, – это настоящие русинские (читай *белорусские* – ***Е.Б.***) селяне, отнюдь не животные, а просто люди, находящиеся на низком уровне развития цивилизации», – писала она этнографу Яну Карловичу [5, с.71].

Повесть, в которой нарисованы неизвестные до времени ее появления картины жизни белорусской деревни, имеет оригинальное построение, связанное с концепцией пространства. Так, оригинальность композиции проявилась в построении вступления и эпилога и в их взаимодействии с основной частью повествования.

Вступление, местом действия в котором является город, играет исключительно важную роль в создании социально-психологического образа белорусского селянина. Исходный пункт в построении сюжета – сцена суда над четырьмя мужиками, зверски убивши-

[2] Следует заметить, что такой прием свидетельствует о мастерстве писательницы, которая не только умеет поддержать интерес читателей, но и использовать композицию в связи с познавательными задачами повести.

ми жену деревенского кузнеца. Композиция вступления и стилистика повествования подчинены стремлению сосредоточить внимание читателя на том факте, что чудовищное злодеяние совершено крестьянами, тружениками *«с орошенным потом челом, по своей чистоте и величавому спокойствию равным увенчанному лаврами челу»* [6, с.149]. Несколько сот глаз затаивших дыхание людей обращено в сторону обвиняемых, только что введенных в зал суда. Из четверых Дзюрдзей, сидящих на скамье подсудимых, только отупевший от пьянства Шимон, с мутными, гноящимися глазами и открытым ртом, напоминает животное. Давая подробное описание лиц, Ожешко особое внимание уделяет глазам. Серьезный и печальный взгляд, глаза, полные мольбы, еще крепкого, бодрого Петра; мрачное, скорбное и в то же время смелое и тоже умное лицо Стефана; румянец во всю щеку и голубые, как небо, глаза молодого Клеменса не характеризуют Дзюрдзей как людей, способных на зверское убийство. Их социальный статус и материальное положение («землепашцы и землевладельцы») несовместимы с тем чудовищным злодеянием, в котором они сознались. Более того, в XIX веке было распространено мнение о селянах, находящихся в постоянном контакте с природой, как носителях более высокой по сравнению с городом нравственности. И сама Ожешко считала, что человек до тех пор остается человеком, пока любит землю, понимает ее и воспринимает как кормилицу.

Оппозиция город – деревня подчеркнута в описании «огромного высокого зала», в котором «машина правосудия предстала во всем своем грозном величии» [6, с.147]. Стилистика описания основана на оппозиции «высокий» – «низкий». Писательница целенаправленно повторяет эти определения, создавая картину суда. На «возвышении» «восседают члены суда», на «высоких, покрытых резьбой скамьях» сидят присяжные, за «высоким барьером» стоят четыре мужские фигуры в длинных серых арестантских халатах, только что введенных через «низкую дверь, за которой на мгновение открылся темный внутренний коридор» [6, с.148]. Описание выдержано в символическом ключе. Исключительно важное значение имеет в описании пространства игра света и тени. Подсудимые выходят из ***темного*** внутреннего коридора, словно «*из бездны*», из ***тьмы*** в буквальном и переносном смысле. Важно, что *«низкая дверь»* тотчас же захлопывается за Дзюрдзями и они оказываются оторванными от привычного и понятного им крестьянского мира. В ослепительно ярком от ***света*** парадном судебном зале селяне сталкиваются с миром чуждым и враждебным. Враждебность Присутствующие не понимают и не хотят понять сущности кровавой драмы, разыгравшейся в Сухой Долине. Эту враждебность Ожешко подчеркивает, когда пишет о купающихся в ***слепящем свете*** *ламп,* ***блестящих остриях штыков*** четверых вооруженных солдат, которые стоят по обе стороны скамьи.

Символика пролога подчеркивает обобщающий характер сцены: на скамье подсудимых не только Дзюрдзи – судят белорусскую деревню.

В романе не представлена история расследования: его не было. Подсудимые признали, что убийство совершено ими, и суду достаточно этого для вынесения сурового приговора, содержание которого становится известно из очень короткого эпилога. Ожешко выстраивает эпилог, используя прием симметрии. Из сверкающего зала (из мира света) осужденные один за другим возвращаются в ***«черный мрак»*** *(использован плеоназм)*, потому что в мире света они чужие. И снова *низкая дверь* бесшумно захлопывается за селянами, теперь уже навсегда.

Таким образом, во вступлении и эпилоге, образующих оригинальное обрамление центральной («внутренней») части повествования повествования, Ожешко так организует пространство, чтобы лучше показать механизм бездушного и никчемного правосудия[3] . Писательница-гуманистка тоже осуждает убийство, но ей понятен и трагизм положения подсудимых, которые хотя и признаются в убийстве, но не понимают своей вины: ведь убийство ведьмы – орудия «нечистой силы», в которую они верят так же искренне, как в Бога, – согласно крестьянской морали не является преступлением.

[3] Мотив бездушного суда и подсудимых, выходцев из социальных низов, не понимающих своей вины, неоднократно используется в литературе польского позитивизма. Уместно вспомнить замечательную новеллу М.Конопницкой «Кража со взломом».

Пролог завершается рядом вопросов: *«Кто же эти люди?», «Как это случилось? По каким побуждениям и по чьему подстрекательству?»* [6, с.151]. Чтобы ответить на них, писательница и начинает свое исследование белорусской деревни.

Тема белорусского селянина – центральная тема в повести. Показывая своих героев через социально-бытовые коллизии, во всей сложности общественных, бытовых, эмоциональных, психологических связей, рисуя правдивую картину жизни наднеманской деревни после отмены крепостного права (1864), писательница особое место уделяет национальному фактору. Оригинальный образ белорусского народа Э.Ожешко создает при помощи богатого фольклорного и этнографического материала. Такой подход к художественной разработке темы не случаен. Позднее, в серии очерков «Люди и цветы на берегах Немана», опубликованных на страницах «Вислы» в 1888 – 1891гг., Ожешко писала: «Где нужно искать, чтобы показать другим не двух селян и селянку, но всех селян? ... Мне кажется, что в истории, в песне, в балладе, в народных преданиях, в их языке», а также «в судебных делах ежегодников, фиксирующих преступления селян», «в многочисленных тщательно отобранных и правдивых наблюдениях над их жизнью и склонностями» [7, с. 457 и послед.].

Концепция места действия в основном повествовании подчинена главной цели – раскрыть особенности менталитета белорусов. Писательница сосредоточила внимание на мировоззрении белорусского крестьянина как важнейшем элементе духовной жизни, влияющем на исторический, социально-экономический, политический и культурный процессы. Ее интересовали наиболее устойчивые черты, определяющие мировосприятие белорусов, нормы их поведения, принципы социальной практики. Призмой, через которую писательница взглянула на белорусов как на самобытный славянский народ, стал фольклор (в широком значении термина, включающем и этнографический фактор, т.е. народную медицину, магию, приметы и суеверия, обряды, ритуалы, возникшие в результате исторических условий жизни белорусского народа и ставшие нематериальным воплощением особенностей его духовной жизни). В «Дзюрдзях» впервые были художественно разработаны не исследованные еще во второй половине XIX века вопросы белорусской этнографии. И сама Ожешко подчеркивала этнографический характер своего произведения, называя его «любопытным этнографическим этюдом».

Место действия в центральной части повести ограничено территорией деревни Сухая Долина. Только упоминается находящаяся в трех верстах от нее усадьба, куда нанимаются молотить деревенские парни и где батрачит Петруся. Только в последней из шести частей действие переносится в местечко, находящееся, впрочем, всего в нескольких верстах. Сюда селяне отправляются по делам, на церковные праздники, ярмарки. Но все основные события происходят в границах деревни, центральные точки которой: богатая хата Петра Дзюрдзи, корчма, а также кузница и хата Ковальчука, расположенные в версте от основного массива суходолинских хат. Ожешко не случайно делает акцент на некоторой отдаленности дома, в котором живет семья Петруси, ставшей жертвой варварства суходолинцев. Замкнутое пространство подчеркивает ограниченность знания крестьян о мире, суеверие и дикость жителей Сухой Долины.

Основное повествование писательница начинает, описания этой небольшой (в сорок хат) зажиточной, утопающей в садах деревеньки, которая живописно раскинулась среди колышущихся нив, окаймленных осиновыми и березовыми рощами. За общей обрисовкой места действия следует подробное описание известного только в Беларуси фольклорного обряда заклинания молочной ведьмы. Описание обряда несет у Ожешко большую идейную нагрузку. В нем нет ничего случайного, важен каждый элемент. Символичен выбор места для обряда. Его проводят за околицей, на распутье четырех дорог. С одной стороны перепутья стоит «старый высокий крест» – символ христианской веры. Против креста, по другую сторону узкой полосы дороги, лежит огромный, поросший седым мхом валун, символизирующий уходящие корнями в седую старину языческую веру суходолинцев. Именно здесь, у камня – символа язычества, начинает магический обряд Петр Дзюрдзя. Ожешко подчеркивает, что в менталитете белорусского селянина неразрывно переплелись язычество с христианством. На это указывает и место для маги-

ческого обряда, и сам обряд, во время которого обязателен выбор именно осиновых дров для ритуального костра. Рядом с местом проведения обряда находится прекрасный лес, из которого на этот костер и выходит с охапкой лекарственных трав Петруся.

С самого начала все события, происходящие в Сухой Долине, подаются в свете косного быта деревни, да и сама главная героиня суеверна и искренне верит в приметы, являющиеся органичной частью мировосприятия белорусов. Вводя в ткань повествования многочисленные суеверия, приметы, ворожбы, Ожешко подчеркивает их традиционность.

Э.Ожешко трезво оценивала состояние белорусской деревни второй половины XIX века и была далека от идеализации патриархального селянства. Особенно убедительно свидетельствует об этом трагический финал романа. Интеллектуальное невежество, варварство, «идиотизм сельской жизни», тупость и суеверие суходолинцев приводят к зверскому убийству главной героини, которому предшествует символическая сцена «блужданий» пьяных Дзюрдзей, возвращающихся из местечка, из корчмы – «просторного каменного здания с черным, как пропасть, полукруглым проемом, на застывшей от мороза, покрытой снегом и усеянной соломой площади». Местечко расположено всего в шести верстах от Сухой Долины. Последние две стали непреодолимыми для четверых пьяных крестьян, потерявших всякие ориентиры в снежной мгле. «Всюду только снег и снег, ни холма, ни верстового столба, ни одного деревца» [6, с.307]. Как и в сцене суда, в описании места действия можно выделить два плана – реалистический и символический – правда, выраженных не столь отчетливо, как во вступлении и эпилоге. Одурманенные алкоголем и суевериями, Дзюрдзи не могут найти дорогу ни в прямом, ни в символическом смысле. Двери в мир светлый «тщательно заперты». Дзюрдзей поглощает «черный мрак», в который они один за другим вступают «из сверкающего огнями зала».

К десяти годам каторжных работ и пожизненному поселению в Сибири приговорены убийцы. Суровый приговор (десять лет каторжных работ и пожизненное поселение в Сибири с лишением всех гражданских и личных прав) не наказывает, однако, зло, причинами которого, по мнению писательницы, являются низкий уровень цивилизации, патриархальность и косность крестьян. Поэтому финал повести звучал как обвинительный акт против общественного уклада, обрекавшего миллионы белорусских селян на интеллектуальную отсталость и неразвитость.

«Каждое ее произведение – это благородный гражданский поступок», – писала об Ожешко З. Налковская [2, с.142]. Глубоко отражая жизнь «низин», пульсируя проблемами, связанными с бытом простого народа, книги великой писательницы сочетали высокую эстетическую ценность и глубокое социальное содержание. Красота природы надднеманского края и драматические судьбы и проблемы людей, живущих здесь, становятся смыслообразующей частью художественного космоса великой польской писательницы.

Список литературы

1. Bachyrz, J. Wstкp / J.Bachyrz // Orzeszkowa, E. Nad Niemnem / E. Orzeszkowa. – Ossolineum, 1996.

2. Naikowska, Z. Widzenie bliskie i dalekie / Z. Naikowska. – Warszawa, 1957.

3. Гапава, В. Эліза Ажэшка. Жыцце і творчасць / В.Гапава. – Мінск: Беларусь, 1969.

4. Климанский, С.В. Люд Наднеманскага краю у творах Э.Ажэшка / С.В.Кліманскій // Наднёманскія былі. – Мінск: Беларусь, 1968.

5. Orzeszkowa, E. Listy zebrane / E.Orzeszkowa. – Wrociaw, 1954.

6. Ожешко, Э. Дзюрдзи / Э.Ожешко. Собр. соч. В 5 т. – Москва, 1954. – Т. 2.

7. Ажэшка, Э. Людзі і кветкі над Неманам // Ажэшка Э. Аповесці, апавяданні, нарысы / Э.Ожешко. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. Уместно вспомнить при этом, что Ф.Стендаль также советовал заглядывать в «Судебную газету», чтобы лучше знать, что творится в душах современников и каковы на деле их обычаи.

8. Об особенностях мировоззрения белорусов см.: Дубянецкі, Э. Светапогляд беларусаў. Спроба даследвання / Э.Дубянец // Беларусіка – 3, Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994.

EUGENIUSZ PACKOW

Grodno

MISTYFIKACJA CZYTELNIKA W POWIEЊCI K. IRZYKOWSKIEGO «PAJUBA»

Pierwsza wersja powieњci «Paiuba» gotowa byia w roku 1899. Rok 1903 przyniysi pierwsze i jedyne za ïycia autora wydanie «Paiuba. Sny Marii Dunin» (Lwyw). Warto przypomnieж, ïe w tym samym roku ukazaio siк wydanie ksi№ïkowe powieњci W.Berenta «Prychno». Obydwa utwory zasygnalizowaiy formalne zacz№tki prozy modernistycznej, stworzyly odrкbny modelunek powieњciowy pozostaj№cy w opozycji do modeli poprzednich epok, staiy siк wielk№ «iamigiywk№ literack№, likwiduj№c№ wiasn№ epokк». Eksperymenty artystyczne K.Irzykowskiego z teoriami intelektualno-filozoficznymi oraz postulowanie zasad nowej literatury staiy siк w «Paiubie» prybк przeciwstawienia siк estetyce Miodej Polski. A.Werner twierdzi, ïe «we wszystkich atakowanych przez Irzykowskiego elementach poetyki modernistycznej najgiкbszy jego protest budzi intelektualna nieproduktywnoњж, myњlowy prymitywizm, brak rozumienia realnego ïycia» [4, s. 367].

Podstawowy problem pisarza jest zawsze ten sam: jego indiwiduum d№ïy do wiasnego, niepowtarzalnego ksztaitu, do wyodrкbnienia siк spoњryd innych ludzi. Karol Irzykowski kieruje sw№ refleksjк w stronк prawdziwoњci, dokonuj№c rozrachunku z poezj№, natchnieniem i wyobraџni№ artystyczn№.

Powieњж «Paiuba» jest utworem duskursywnym: komentuje sama siebie i zarazem nie kryje, jak i z czego powstaia, zestraja rozmaite odmiany gatunkowe, stylistyczne, jest peina polemicznych odniesiec. Dziwny i zagadkowy utwyr przysparza w№tpliwoњci, co do precyzyjnej definicji gatunkowej – «powieњж» – a nawet do okreњlenia granic tekstu. Od pierwszego wydania ksi№ïka Irzykowskiego skiada siк z noweli «Sny Marii Dunin», studium biograficznego pod tytuiem «Paiuba» i trzech opatrzonych osobnymi tytuiami tekstyw: «Uwagi do „Paiuby"», «Wyjaњnienie „Snyw Marii Dunin"» i ich zwi№zek z „Paiub№"» oraz «Szaniec „Paiuby"». Pisarz wci№ga czytelnika w obszar wielorakich przekształcec struktury narracyjnej. W «Snach Marii Dunin» i w «Paiubie» dziaia mechanizm gry narracyjnej, konsekwentnie obowi№zuj№cej w obu tekstach, lecz w nieco innym zakresie.

W noweli narratorem jest bohater, doktor archeologii, ktyry wyznaje: «Wszak jestem postaci№ kontrastow№ do Marii Dunin: ja jestem ïyciem, ona њmierci№, ja dniem, ona noc№» [3, s. 23]. Elementy kontrastu modyfikuj№ konstrukcjк narracyjn№, potкguj№ dysharmonik miкdzy narratorem-bohaterem a Mari№ Dunin, ktyra staje siк obiektem jego spostrzeïec analitycznych i studiyw psychologicznych: «ta dziewczyna nie byia kwiatem na tej piкknej grz№dce, ale gnij№cym grzybem!» [3, s. 8], niczym «prychno» w poweњci Berenta.

Opowieњж o snach Marii Dunin krzyïuje siк z opowieњci№ o Bractwie Wielkiego Dzwonu, aktualizuje problem idealizmu w ïyciu cziowieka, namaca granice miкdzy њwiadomym a podњwiadomym, sfer№ snu i halucynacji. W «Snach» percepcja otaczaj№cej rzeczywistoњci przechodzi przez pryzmat psychiki narratora, ktyry «opowiada swoje przygody џle i faiszywie, opuszcza czasem najwaïniejsze szczegyiy, przemilcza lub przekrкca wszystko» [3, s. 458]. On wyraџnie siк dystansuje wobec rzeczywistoњci przedstawionej, aï w zakocczeniu oњwiadcza, ïe «Maria Dunin jest palimpsestem do kwadratu» [3, s. 457] (podtytui noweli «Palimpsest»). Natomiast «Wyjaњnienie „Snyw Marii Dunin"» przynosi rozszyfrowanie nazwy «palimpsest» w znaczeniu «mistyfikacja», czyli faisz, kiamstwo w obrкbie pewnej opowieњci i opowieњci o tej opowieњci.

Rozwarstwienie rzeczywistoњci przedstawionej w «Snach Marii Dunin» harmonizuje z «pokiadami» «Paiuby», konotuje treњci wspyigraj№ce. Nazywaj№c «Paiubк» «jednolitym krysztaiem», w «Szaccu „Paiuby"» Karol Irzykowski wyjaњnia, ïe jest ona zlepkiem warstw, ktyre pierwotnie zamierzai rozgraniczyж, przecinaj№c powieњж «na dwie poiowy w ten sposyb,

їeby na kaїdej stronicy na gуrze opisywaж suche fakta, a pod kresk№, niejako w suterenach, zamieszczaж wszelkie psychologiczne uwagi autora o tych faktach» [3, s. 470-471]. Osnuta na motywach biografii Piotra Strumiecskiego («Paiuba» jako studium biograficzne) narracja, ktorej ukonstytuowana rzeczywistoњж legitymuje siк walorem autonomicznoњci, zdradza skionnoњж pisarza do formalnych eksperymentуw. Irzykowski dystansuje siк wobec dziewiкtnastowiecznych technik narracyjnych, w ktуrych kontakt z czytelnikiem sprowadzai siк do zabiegуw retorycznych: narrator zwraca siк do czytelnika bezpoњrednio, lecz nie pozwala mu na њledzenie procesu twуrczego. «Pomimo swych apostrof do czytelnika jest „Paiuba» ksi№їk№ pisan№ zupeinie bez wzglкdu na czytelnika, a dla niego i przed nim [...] a їe szanujк i czczк myњli moje i staram siк na serio o wpojenie ich memu czytelnikowi, wiкc iopat№ wkiadam mu je do giowy, nudzк go, to, co waїniejsze, dziesiкж razy podkreњlam, powtarzam» [3, s. 473].

W powieњci zwyciкїa aktywna pisarska ingerencja w materiai literacki. Narrator prezentuje rуїne swe oblicza patronuj№ce odmiennym celom narracji. Sformuiowanie «narrator wszechwiedz№cy» sugeruje tu relacjк dynamiczn№. W «Paiubie» narrator jest wszechwiedz№cy wtedy, gdy rozstrzyga bez w№tpienia kaїd№ z postawionych przez siebie kwestiк. Inaczej jest w tych zdaniach, ktуre opatrzone s№ znakami zapytania, podane w nawiasach, narrator rezygnuje tu z roli wszechwiedz№cego, wszechobecnego narratora. Michai Giowicski w studium «Powieњж miodopolska» dostrzega w «Paiubie» narratora «nieustannie podkreњlaj№cego swe czynnoњci kreacyjne» [1, s. 261].

K.Irzykowski odbiera њwiat i siebie jako autora na sposуb estetyczny, warsztat artystyczny jest dla niego czymњ zdecydowanie waїniejszym niї wyobraџnia, «џrуdio poezji». Struktura narracyjna powieњci daje mu moїliwoњж zespolenia fikcyjnoњci opowiadanej historii, refleksji teoretycznej i zabawy z czytelnikiem, ktуry jest zmuszony do zgiebienia myњli narratora, delimitacji obrazуw literackich i s№dуw o nich autora.

Czytelnik porusza siк w obrкbie konstrukcji niespуjnej, utkanej z aluzji i reminiscencji, podobno jak w muzeum Angeliki mieszcz№cym «wiele kopii, wiele pozaczynanych i wkrуtce porzuconych szkicуw, czasem na jednym i tym samym pуtnie plan jakiegoњ obrazu przepiywai w inny, tworz№c dziwaczn№ caioњж» [3, s. 128]. Palimpsest wiaњciwie rozci№ga siк na wszystko, o czym mуwi№ dzieje Strumiecskiego, ktуrego їyciorys okreњlony jest wymogami myњlowymi narratora i nie pozwala na indywidualn№ orientacjк. W «Paiubie» narracja zmierza ku demistyfikacji historii Piotra Strumiecskiego (ktуry zreszt№ sam prowadzi pamiкtnik), kojarzy siк z technik№ pisarsk№ Irzykowskiego-analityka. Autor eliminuje z powieњci «mistyfikacjк», czyni j№ przestrzeni№ zabiegуw intelektualnych, eksploruje labirynt wiasnej pamiкci emocjonalnej i koncepcji teoretycznoliterackich.

Artur Hutnikiewicz zaznacza: «„Paiuba» K.Irzykowskiego jest produktem swoistej estetycznej nadњwiadomoњci, jest eksperymentem, w ktуrym nie ma nic z intuicji i spontanicznoњci, wszystko przemyњlane jest do najdrobniejszego szczegуiu i po wielokroж poddane sprawdzaj№cej kontroli» [2, s. 79].

«Ja wypruiem niejako rуїnokolorowe nici z kanwy i pozwijaiem kaїd№ na osobny kiкbek» [3, s. 99]. Owe nici, zarуwno jak amorficzne obrazy, wodne pejzaїe, wiosy (prawdziwe nazwisko Piotra brzmi Wiosek), strumienie, «strumienie њwiadomoњci» (przybrane nazwisko Strumiecski) sugeruj№ wzmoїon№ semantycznoњж piynnoњci, rezygnacji z kanonicznych ksztaitуw. «Sprawa Strumiecskiego tkwi we mnie samym: jest to konglomerat reminiscencyj, zachcianek, fantazyj, zemst, ukrytych polemik, wiasnych i cudzych pomysiуw, tia wspуiczesnych giupstw – i rуїnych innych rzeczy» [3, s. 364]. Autodefinicja narratora uwypukla zasadк wewnкtznej organizacji powieњci «Paiuba», ktуra jest zlepkiem studium biograficznego, traktatu psychologicznego i powieњci autotematycznej. Kazimierz Wyka nazywa to powieњci№ wiaњciw№, quasi-powieњci№ analityczn№ i quasi-powieњci№ o powieњci [5, s. 381].

Trzy poziomy egzystencji utworu, tekstu hybrydycznego, stanowi№ przykiad oddziaiywania techniki dysproporcji narracyjnej i fabularnej, podwуjnej motywacji autorskiej. W konsekwencji stwarza siк model chronotopu powieњci, ktуra zaprzecza literackim przyzwyczajeniom i przyczynia siк do speinienia warunku «prawdomуwnoњci» tekstu literackiego.

Spis literatury

1. Giowicski, M. Powieњж miodopolska. Studium z poetyki historycznej / M.Giowicski. – Wrociaw, 1969.
2. Hutnikiewicz, A. Portrety i szkice literackie / A.Hutnikiewicz. – Poznac, 1976.
3. Irzykowski, K. Paiuba. Sny Marii Dunin / K.Irzykowski. – Krakyw, 1981.
4. Werner, A. Cziowiek, literatura i konwencje. Refleksja historycznoliteracka w «Paiubie» K.Irzykowskego / A.Werner // Z problemyw literatury polskiej XX wieku. T. 1.– Warszawa, 1965.
5. Wyka, K. Modernizm polski / K.Wyka. – Krakyw, 1968.

ПЁТР МАЛЯЎКА

Гродна

ЖАНР ЗАГАДКІ Ў ТВОРЧАСЦІ НІЛА ГІЛЕВІЧА

Беларуская дзіцячая літаратура сёння сапраўды з'яўляецца шматграннай, шматтэмнай і шматпраблемнай. Многія і многія добрыя кніжкі для дзяцей розных па ўзросту, па творчай манеры, па светабачанні аўтараў дапамагаюць пазнаваць складаныя законы жыцця, застаюцца ў памяці назаўсёды, робяцца добрымі дарадчыкамі і сябрамі, акрыляюць дзіцячую мару. Нераўнадушна, надзвычай сур'ёзна і патрабавальна ставіцца да дзіцячай літаратуры Ніл Гілевіч, народны паэт Беларусі. Напісанае ім для маленькіх і большанькіх адпавядае якраз тым запатрабаванням, якія таленавіты творца прад'яўляе да дзіцячай літаратуры: яна і шырокая па тэматыцы, і мнагастайная ў жанрава-стылёвых адносінах, і ў ёй адлюстроўваюцца інтарэсы малодшага, сярэдняга і старэйшых дзіцячых узростаў, і галоўнае – яна высокамастацкая, сапраўды паэтычная. Пра гэта вельмі выразна патлумачваецца ў інтэрв'ю Ніла Гілевіча балгарскай газеце «Народны младзеж»: *«Узнікая вострая неабходнасць павысіць якасць твораў для дзяцей... Прымітыўна-сацыялагічны падыход для ацэнкі твораў дзіцячай літаратуры, на жаль, канчаткова не пераадолены... Няма неабходнасці тлумачыць, якую шкоду прыносіць гэта справе эстэтычнага выхавання падрастаючага пакалення. І наконт гумару. Яшчэ вельмі мала вясёлых кніх для малых чытачоў. Мала смеху ў іх – смеху разумнага і чалавечнага, ачышчальнага і ўзвышальнага. Мне здаецца, што мы недастаткова вучыліся ў вялікіх майстроў смеху мінулага»* [1, с. 259].

Што датычыцца самога Ніла Гілевіча, то добрае веданне жыцця дзяцей, іх інтарэсаў, схільнасцей, заняткаў, разуменне дзіцячай псіхалогіі дазволіла яму стварыць цікавыя цыклы твораў. Асабліва плённы набытак мае паэт у ***жанры загадкі***.

У артыкуле «Вытокі вобраза» В.Вітка, разглядаючы даследаванне Ніла Гілевіча «Паэтыка беларускіх загадак» зазначае, што загадка заўсёды адрасавалася дзецям, што па даўняй традыцыі фалькларысты лічаць загадку жанрам «дзіцячым»:

*»У вялікім вопыце народнай педагогікі **загадка была і ёсць** найпершым падручнікам выхавання чуйнага слыху да слова, да ўсіх яго сэнсавых, вобразных, эмацыянальных і гукавых багаццяў. І гэты нічым незаменны падручнік з пакалення ў пакаленне складаюць, выпрабоўваюць і ўдасканальваюць самыя мудрыя народныя педагогі»* [2, с. 104]. Ніл Гілевіч і з'яўляецца адным з такіх мудрых народных педагогаў. Таленавіты творца, абапіраючыся на традыцыі народнай творчасці, на паэтыку народных загадак, стварае свае – аўтарскія – загадкі, якія друкуе ў зборніках «Сіні домік, Сіні дом», «Загадкі», «Шчаслівыя хвіліны». Усе яны, без выключэння, характарызуюцца добрым густам, паэтычным майстэрствам. Глыбокае веданне фальклору, тонкае адчуванне мастацкага слова спадарожнічаюць пісьменніку ў стварэнні па-бацькоўску пяшчотных і цёплых, па-народнаму мудрых і вобразных вершаваных загадак. Яны неназойліва вучаць дзяцей мысліць асацыятыўна, заўважаць у з'явах і рэчах яркія, характэрныя рысы. У загадках паэта **заўсёды**

прысутнічае багаты метафарычны вобраз, разгадка якога звычайна прыносіць дзіцяці эмацыянальную асалоду. Разам з тым загадкі Ніла Гілевіча багатыя на вобразна-паэтычныя ўвасабленні. У яго нават газета набывае рысы жывой істоты і нагадвае белага голуба:

«Белы голуб прыляцеў
Белым крыллем
Шалясцеў,
І з усёй зямлі
Навіны
Расказаў
За паўгадзіны» [3, с. 227].

Шырока і да месца карыстаецца паэт і гіпербалізаванай метафарай, якая добра развівае фантазію дзяцей. Паказальная ў гэтым сэнсе загадка пра мурашнік. Яна дазваляе ўбачыць, адчуць паэзію нават там, дзе яе не чакаеш і не спадзяешся сустрэць:

«Касцёр пад дрэвам не гарыць,
Кацёл не грэўся, а кіпіць,
Кіпіць, кіпіць, не выкіпае,
Кранеш рукою – апякае» [3, с. 182].

А цяпер засяродзімся ўвагай на паэтычным зборніку «Шчаслівыя хвіліны», прызначаным для дзяцей малодшага школьнага ўзросту. У ім змешчана за дзвесце загадак – вершаваных мініяцюр, яркіх, маляўнічых, лёгкіх для запамінання. Жывапіс мастацкім словам і фарбамі ўяўляе тут, на наш погляд, удалае спалучэнне двух відаў мастацтва, нацэленых на мастацкае, эстэтычнае выхаванне самага маленькага чытача і слухача загадак. Гэтыя паэтычныя мініяцюры ўводзяць дзяцей у навакольны свет, выпрацоўваюць у іх назіральнасць і дапытлівасць. Аднак галоўная функцыя аўтарскіх загадак – эстэтычная: паэт імкнецца далучыць дзяцей да сапраўднай паэзіі ў акаляючым іх свеце. Па сцверджанні самога творцы: *«...**загадка** – гэта **Паэзія**, а Паэзія прыходзіць у жыццё навечна. Без чараў яе першароднага хараства чалавецтва існаваць не зможа. Пакуль Чалавек будзе заставацца Чалавекам, датуль і **Паэзія** будзе яму патрэбна»* [4, с. 111]

Прадметны свет загадак і ступень цяжкасці яго зашыфроўкі суадносяцца з ўзростам маленькага чытача. Заўважым, што і тэматыка загадак разнастайная: неба, рыбы, насякомыя, жывёлы, птушкі, зямля, чалавек, дом, адзенне, ежа, рэчы хатняга ўжытку, посуд, мэбля, гаспадарчыя пабудовы, прылады працы, сучасная тэхніка, збожжавыя расліны, садавіна і агародніна. Загадкі канкрэтна-прадметныя, у разгадках няма адцягненых паняццяў, адсутнічаюць і загадкі на тэму хваробы і смерці, якія лёгка адшукаць ў дарэвалюцыйным фальклоры.

У пачатку зборніка падаюцца ў асноўным нескладаныя загадкі, а напрыканцы яго прадметны свет паступова пашыраецца і ўскладняецца. Па ўсім бачна, што Нілу Гілевічу падуладна тайна паэтычнай прыроды загадак, што ён дасканала валодае яе механізмам і ўдала скарыстоўвае гэта ў пабудове аўтарскіх загадак. Памаглі ў гэтым адчуванне і разуменне аўтарам народнай паэзіі, спасціжэнне ім глыбінь яе чароўнай паэтыкі, уменне пранікнуць у творчую лабараторыю народа – вершатворцы. Вось адзін з такіх твораў:

Шатавіла-матавіла
па-нямецку гаварыла,
па-французску лапатала,
па-татарску заварачывала;
спераду шыльца,
ззаду вільца,
падысподам палатно,
а наверсе аксаміт. [3, с. 196].

Пра гэтую выдатную народную загадку сам Ніл Гілевіч гаворыць усцешана і замілавана: *«Услухаемся ў рытм і інтанацыю гэтага маленькага паэтычнага шэдэўра – і, здаецца, чуеш само жывое шчабятанне ластаўкі, і нібыта бачыш яе самую, белагру-*

дую, на тэлефонным дроце, над вясковай вуліцай зырка-сонечнай чэрвеньскай раніцай... Чары паэзіі! Сапраўднай, непрытворнай паэзіі, што вылілася з душы прыгожай і чалавечнай, бязмежна закаханай у свет прыроды, у векавечную радасць жыцця» [4, с. 110].

Цікава піша пра загадкі, якія стварыў Ніл Гілевіч, даследчык яго творчасці А.Марціновіч:

«На дзіва плённыя дасягненні Ніла Гілевіча ў жанры загадкі... дзіву даешся, наколькі багатая фантазія ў паэта. Ён па-майстэрску рыфмуе (хаця правільней сказаць – зашыфроўвае) самыя розныя паняцці: расліны, жывёлы, пабудовы, прадметы побыту, прылады і г.д. І ўсё робіцца для таго, каб дзіця змагло пашырыць уласны кругагляд, навучыцца мысліць вобразна, развіваць лагічнае мысленне...» [5, с. 142].

Слушна расказвае пра Ніла Гілевіча яшчэ адзін даследчык яго творчасці Алесь Бельскі. Расказвае, не выпускаючы з-пад увагі жанр загадкі, у змястоўным артыкуле «...Усё адтуль, з гадоў дзяцінства». Пагаджаемся з даследчыкам, што *«паэт вучыць у звычайным бачыць незвычайнае, дзівоснае, прыгожае. Вобразныя алегорыі, параўнанні, мастацкія ўвасабленні і метафары, якія ляжаць у аснове твораў Ніла Гілевіча, не заўсёды адразу расчытваюцца, бо ўтрымліваюць у сабе складанасць, парадаксальнасць праведзенай аналогіі. Без працы думкі, інтэлектуальных намаганняў тут не абысціся. Каб зразумець паэтычнае іншасказанне, адкрыць загадку-таямніцу, дзіцяці неабходна падумаць, разважыць, правесці пэўныя паралелі, зрабіць супастаўленні і зразумець вобразна-асацыятыўны сэнс таго ці іншага паняцця. Творы паэта нараджаюць радасць спазнання навакольнага свету...»* [6, с. 14]. І яшчэ адзін вельмі важны штрых ў гэтым жа артыкуле: *«...Загадкі паэта – гэта сапраўдны ўрок нестандратнага і разняволенага мыслення, які вымагае арыгінальнага, мастацка-вобразнага ў сваёй аснове бачання свету, гэта своеасаблівы разумовы трэнінг для дзяцей»* [6, с. 15].

Менавіта ў такім плане варта ставіцца да зборніка Ніла Гілевіча «Шчаслівыя хвіліны». Перачытваеш і яшчэ раз перачытваеш кожную аўтарскую загадку і дзіву даешся, як можна ў некалькіх радках апісаць пэўную з'яву ці нейкую рэч, каб нельга было адразу здагадацца пра што ідзе гаворка. Мала гэтага, дык яшчэ падабраць такія словы, якія рыфмуюцца і пры гэтым падкрэсліваюць асноўныя рысы прадмета ці з'явы. Пра што толькі не складзены загадкі Нілам Гілевічам. З іх можна даведацца пра рэчы, якія можна ўбачыць хіба што ў музеі ці адшукаць на гарышчы, ці ў далёкім куце ў старой сялянскай хаце.

Пра адну і тую ж рэч ці прадмет аўтар складае па дзве і больш загадак. Вось , напрыклад, пра мурашнік. Адна – з дзесяці радкоў, а дакладней – з семнаццаці слоў, а другая – з чатырох радкоў і дзесяці слоў.

Заўважым, што ні адно слова не ўжываецца аўтарам двойчы, гэта значыць не паўтараюцца словы з першай у другой і наадварот:

1) **«Касцёр»**
Пад дрэўцам
Не гарыць,
Кацёл
Не грэўся,
А кіпіць.
Кіпіць, кіпіць,
Не выкіпае,
Кранеш рукою –
Апякае» [3, с.182].

Восем дзеясловаў выкарыстаў аўтар, каб скласці гэтую загадку і ні аднаго прыметніка. Не адзін раз патрэбна перачытаць гэты твор, каб, паразважаўшы, пазней здагадацца, што гэта такое. А вось яшчэ адна загадка пра той жа мурашнік:

2) «Семсот семдзесят
І сем цесляроў
Збудавалі сабе дом
Без вуглоў» [3, с. 186].

Вось і думай, пра якіх-такіх цесляроў гаворыць аўтар, што ўмеюць будаваць дом без вуглоў. Думай, думай, галава, што гэта за дом: вежа, замак... не? І каб хоць адно слова для падказкі.

Арыгінальнае, вобразна-іншасказальнае апісанне розных з'яў і рэчаў, а паралельна гэтаму – эфект таямнічнасці, напружанай інтрыгі, здзіўлення і нечаканасці. Па дзве загадкі склаў пісьменнік пра аловак, кнігу, самалёт, плот, ручай, месяц, гаршчок і вілы. Вось яны якія загадкі **пра плот**: з шасці і трыццаці васьмі слоў:

1) На адным паваду
Сорак коней вяду [3, с. 204].

2) Сто братоў
І адзін брат
Сталі ў роўны
Стройны рад.
Адным поясам усе
Падпяразаныя,
Адным шалікам усе
Перавязаныя.
На пасту стаяць браты,
Дзень і ноч не сходзяць
Каб не мог ні ён, ні ты
У царстве іх нашкодзіць [3, с.231].

У загадках пра кнігу, а іх таксама дзве, тое ж самае:

1) Не світка, а сшыта,
Не куст, а з лістамі,
Маленькага росту,
Прыгожага стану,
Хто яе знае,
Той розум мае [3, с.225].

2) Поле белае,
Няворанае,
Зерне дробненькае,
Чорнае.
Хто умее –
Той пасее,
А хто знае –
Адгадае [3, с.229].

Як асцярожна падбірае і ўжывае ў сваіх загадках Ніл Гілевіч прыметнікі. Дзе-ніздзе: у першай загадцы два прыметнікі – «маленькага, прыгожага», а ў другой – чатыры – «белае, няворанае, чорнае, дробненькае». Мабыць таму, што прыметнікі з'яўляюцца прамой падказкай на хуткі адказ-адгадку.

Ажно тры загадкі склаў аўтар пры клубок нітак. І ў іх вытрымліваецца тая ж самая ўстаноўка: ні адным словам не паўтарыцца ў наступнай. Усё гэта сведчыць не толькі пра ***выключнае*** майстэрства, не толькі пра клопат і ўменне сказаць пра розныя рэчы і з'явы цікава, займальна, змястоўна, а яшчэ і пра радасць і гонар за мову родную, яе багатую вобразнасць і шматфарбнасць, якая лучыцца бязмежжам адценняў і пераліваў акаляючага нас свету ў чароўных беларускіх словах.

Вось яны тры інтрыгуючыя моўныя залацінкі – загадкі народнага паэта:

1) Пакачуся на памост –
Застанецца доўгі хвост,
Ды за хвост той гаспадыня
Мяне з долу не падыме [3, с. 214].

2) Тысяча колцаў
І два канцы:
Адзін закруціўся
На верхнім кальцы,
Другі пасярод,
Каб яго дастаць –
Тысячу кольцаў
Патрэбна зняць [3, с. 220].

3) Круглы,
Тоўсты,
Абкручаны
Мільёнамі
Абручыкаў.
Абручыкі – абручы,
Калі можаш – палічы [3, с.236].

Тры загадкі, а колькі слоў: у першай – шаснаццаць, у другой – дзевятнаццаць, а ў трэцяй – дзесяць. І як у папярэдніх прыкладах: ні адно слова не паўтарылася ў гэтых загадках. Для кожнай з іх аўтар падабраў асобныя словы, стварыўшы маленькі твор-загадку, непаўторны моўны шэдэўр. У адной кольцы, якіх тысяча і нейкія два канцы, з якіх адзін нельга адшукаць, у другой – абручыкі, а іх ужо мільён. Сорак пяць слоў, а прыметнікаў на тры загадкі пра адну і тую ж рэч усяго чатыры.

Толькі сапраўднаму майстру, якому неабыякава, для каго ён піша і як піша, пад сілу такая справа. Працуючы над загадкамі, мы вырашылі падзяліць іх на групы адпаведна адгадкам. Сур'ёзна аналізуючы і падзяляючы, незаўважна для сябе зрабілі маленькае адкрыццё. Калі напачатку нас здзіўляла, што Ніл Гілевіч лёгка можа адну і тую ж рэч ці з'яву «зашыфраваць» у дзвюх ці трох загадках. І не проста «зашыфраваць», а падаць памастацку вобразна, інтрыгуюча-прыцягальна, як толькі ён адзін умее **гэта** сёння ў беларускай дзіцячай літаратуры. Яшчэ ў большай ступені ўразіла **вось што!**: што **пра зоркі і неба** ў таленавітага творцы найбольшая колькасць загадак. Ажно цэлых **дзесяць**, калі не больш, таму што сюды яшчэ можна дадаць загадкі пра сонца і месяц. Штосьці таямнічае, прыцягальнае ёсць у гэтым, пагадзіцеся. Нам не думаецца, што ў Ніла Гілевіча быў нейкі пэўны план колькі загадак скласці пра якую-небудзь рэч ці з'яву, ці нейкі прадмет. Так атрымалася хутчэй за ўсё без планавання. Магчыма, што і сам аўтар не звярнуў увагі на такую акалічнасць у сваёй творчасці ажно па сённяшні дзень. У любым выпадку нават у працы «Паэтыка беларускіх загадак» акцэнт на гэта не робіцца. Не звярнула на гэта ўвагу і ўся папярэдняя крытыка, якая багата ўдзяліла ўвагі напісанаму народным паэтам.

Вось яны, гэтыя загадкі пра зоркі і неба, якія заўсёды вабілі і будуць вабіць людзей сваёй таямнічасцю і недасягальнасцю, прыгажосцю і неабсяжнасцю:

1) **На полі аксамітным**
Чароўнае пісьмо:
Сярэбраныя літары
І пішацца само.
Удзень яно хаваецца
Увечары відаць
А хто з вас пастараецца
Той зможа прачытаць.
(Зоркі ў небе) [3, с. 180].

2) **На вялізарнай** патэльні
Ды **маленькія аладкі**,
Пасярод – прыгожы вельмі
Каравай румяны, гладкі
Ды ў такім высокім месцы –
Не панюхаць і не з'есці.
(Неба, поўня і зоркі) [3, с. 186].

3) Ішла дзяўчына з торгу,
Гароху несла торбу.
І рассыпала гарох
На дванаццаць дарог:
Ні лапатай згрэбці,
Ні мятлою змесці.
А як стала світаць
Дык няма чаго збіраць.
(Зоркі ў небе) [3, с. 183 – 184].

4) Што гэта за блузачка,
Што гэта за сіняя
Што на **трыста гузічкаў**
Залатых
Зашпілена.
(Неба ў зорках) [3, с. 196].

5) Гайда, дзеці, увечар
Дзіва паглядзім:
Поўны хлеў **авечак**,
А **казёл** адзін.
(Неба, зоркі, месяц) [3, с. 194].

5) **Цёмна-сіняя рагожка**
Скрозь усеяна **гарошкам**,
Пасярод **акрайчык хлеба**
Хто адкажа так, як трэба?
(Неба, зоркі, месяц) [3, с. 208 – 209].

7) Пад **паветкаю**, напэўна,
Вераб'ёў семсот усіх,
І адзін агністы певень
Важны ўсеўся паміж іх.
(Зоркі і месяц) [3, с.201].

8) Што за цуд за такі:
Па ўсім полі – светлякі
А найбольшы святляк
Перагнуўся, як чарвяк.
(Зоркі і месяц) [3, с.204].

9) Бегла ноччу ліска
Каля лесу блізка,
І была ўсім відаць
Залатая пыска.
(Месяц) [3, с.191].

10) На **цёмным лузе**
Без травы
Пасецца ў ночы
Конь сівы.
(Месяц) [3, с.197].

Неба ў загадках Ніла Гілевіча – гэта і «поле аксамітнае», і «велізарная патэльня», і «сіняя блузачка», і «цёмна-сіняя рагожка», і «паветка», і «поле», а **зоркі**, як толькі не называе іх таленавіты творца: «сярэбраныя ліхтары» ў адной загадцы, «маленькія аладкі» – у другой, у трэцяй – «трыста гузічкаў залатых», у чацвёртай – «поўны хлеў авечак», у наступнай – «семсот вараб'ёў», у шостай – «светлякі». І пра **месяц** Ніл Гілевіч таксама гаворыць надзвычай вобразна, ашчадна ўжываючы розныя параўнанні: то ён «каравай румяны», то «акрыйчык хлеба», то «казёл адзін», то «адзін агністы певень», то «залатая пыска», то «найбольшы святляк», а то «конь сівы».

Даешся дзіву (інакш не атрымліваецца): наколькі бязмежная фантазія аўтара: як ён умее ўпрыгожыць звычайнае і простае, зямное і бязмежнае і ўвесці яго ў свет моўнага хараства і захапляючай інтрыгі не толькі дзіцячага, але і дарослага чытача. Трапна і пераканаўча адносна мастацкіх вартасцей літаратурных загадак Ніла Гілевіча выказалася даследчыца беларускай літаратуры М.Яфімава: *«Загадкі вабяць дакладнасцю і адточанасцю думкі, гучнай рыфмай, добразычлівай усмешкай аўтара, якая нібы свеціцца праз словы»* [7, с. 77 – 78].

Загадкі Ніла Гілевіча – гэта бязмежнае поле для працы. Чытаючы і перачытваючы гэтыя маленькія шэдэўры таленавітага майстра слова, кожны раз мы будзем пастаўлены перад фактам нараджэння ў яго загадках нечаканага, новага, цікавага, прыцягальнага (як дзеці!). А яшчэ – адчуваць непаўторнае гучанне беларускай мовы і рабіць маленькія адкрыцці разам з меншанькімі **на шляху да чалавека**. І мае рацыю Ніл Гілевіч, сцвярджаючы: *«...усё самае галоўнае, самае істотнае і важнае, што ёсць у нас, у кожным дарослым чалавеку – усё адтуль, з гадоў дзяцінства.* ***Там – незабыўныя радасці адкрыцця і пазнання свету****, першаснага яднання душы і сэрца з ім, першых сустрэч з векавечнымі і заўсёды новымі цудамі прыроды, першага, яшчэ не ўсвядомленага ўспрымання любові, пяшчоты, ласкі, дабрыні і спагады, даверлівасці і ўдзячнасці. Усё – там. Пазней – ўсё у асноўным будзе ў той ці іншай меры паўтарэннем. Вось чаму так трэба даражыць маленствам і не адбіраць у дзіцяці ані крупінкі з таго, на што яму самім Богам дадзена права і без чаго ўсё яго далейшае жыццё можа аказацца непаўнавартасным»* [8, с. 565].

Спіс літаратуры

1. Сіненка, Г.Д. Ніл Гілевіч: Нарыс творчасці / Г.Д.Сіненка. – Мінск: Выш. школа, 1981. – 269 с.
2. Вітка, Васіль. Дзеці і мы / Васіль Вітка. – Мінск: Маст. літ., 1977. – 241 с.
3. Гілевіч, Н.С. Шчаслівыя хвіліны: Вершы, казкі, байкі, небыліцы, загадкі / Н.С.Гілевіч. – Мінск: Юнацтва, 2001. – 247 с.
4. Гілевіч, Н.С. Паэтыка беларускіх загадак / Н.С.Гілевіч. – Мінск: Маст. літ., 1976. – 191 с.
5. Марціновіч, Алесь. Святла чароўнага люстэрка: Выбр. старонкі гісторыі беларускай дзіцячай літаратуры: дапам. для педагогаў дашк. установ. У 2 ч. Кн. 2 / А.Марціновіч. – Мінск: Народная асвета, 1998. – 253 с.
6. Бельскі, А.І. Усё адтуль, з гадоў дзяцінства / А.І.Бельскі. – Роднае слова. – 2006. – № 9. – С. 13 – 17.
7. Беларуская дзіцячая літаратура / пад агульн. рэд. М.Б.Яфімавай, М.М.Барсток. – Мінск, 1980. – 218 с.
8. Беларуская дзіцячая літаратура: вучэб. дапам./ А.М.Макарэвіч [і інш.]; пад агульн. рэд. А.М.Макарэвіча, М.Б.Яфімавай. – Мінск: Выш. шк., 2008. – 688 с.

АЛЛА ПЕТРУШКЕВІЧ

Гродна

ПРАБЛЕМА БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІХ ДАЧЫНЕННЯЎ У АПОВЕСЦІ АЛЯКСЕЯ КАРПЮКА «ДАНУТА»

У 2008 годзе споўнілася 50 гадоў, як аповесць слыннага беларускага празаіка Аляксея Карпюка «Данута» пабачыла свет у гарадзенскім альманаху «Нёман», зборніку твораў пісьменнікаў Гродзенскай вобласці – такі падзагаловак мела выданне. У тым часе часопіс быў даволі папулярным сярод чытачоў не толькі Гарадзеншчыны, але і ўсёй Беларусі. Пра гэта сведчыць і немалы наклад – 5000 асобнікаў. Імёны многіх аўтараў згубіліся ў часе, іх творы, прысвечаныя апяванню зусім не светлай сацыялістычнай, калгаснай явы нічога не гавораць сённяшнім чытачам, але між іх знаходзім прозвішчы тых, хто вядомыя сёння як знаныя пісьменнікі, навукоўцы, дзеячы беларускай культуры: Васіль Быкаў, Міхась Васілёк, Данута Бічэль, Апанас Цыхун, Барыс Клейн.

Аповесць Аляксея Карпюка распачынала той цікавы для даследчыкаў культуры Гарадзеншчыны і сёння нумар часопіса. Яна выйшла пад назвай «У маладыя гады», а імя галоўная гераіня мела Крыся.

Вядома, што Аляксей Карпюк быў праўдзівым працаголікам. Кожны свой твор ён перапрацоўваў неаднойчы. Аповесць «Данута» перараблялася 32 разы. Таму пад апошняй публікацыяй твора прачытаем расцягненую на дваццаць гадоў дату – 1958 – 1978.

Згадваючы час працы над творам, аўтар пазней пісаў: «Перарабляючы і перапісваючы рукапіс, я нарэшце сваёй гераіні выбраў і канчатковае імя – Данута. Мне яно спадабалася свежасцю, хоць на Гродзеншчыне тады называлі так амаль кожную трэцюю дзяўчыну» [1, с. 505]. Пэўную супярэчнасць у згадцы аўтара можна вытлумачыць так: хоць у нашых мясцовасцях гэтае імя было вельмі папулярным, у беларускай літаратуры яно і сапраўды было свежым, новым. І менавіта гэткім успрымае яго герой аповесці Янка Барташэвіч: «Яна мела прыгожае ні то літоўскае, ні то польскае імя – Данута. Яшчэ можна было да яе казаць: Данка, Дана, Дануся…» [2, с. 53].

Далёка няпростым быў шлях твора да чытача, пра што даведваемся з артыкула Аляксея Карпюка «Перыпетыі пошукаў». Сёння крыху прызабытая, у свой час аповесць набыла вялікую папулярнасць. Яна ўведзена ў новае, кнігазбораўскае выданне выбраных твораў пісьменніка (2007 г.), аўтар прадмовы да якога вызначыў аповесць, мажліва занадта катэгарычна і адназначна, як «лепшы празаічны твор пра каханне, напісаны па-беларуску» [3, с. 15].

Аповесць «Данута» складаецца з трох частак. Трэцяя, што апісвае час, калі ўсё «завярцелася» (а гэта падзеі 1939 года, Вялікая айчынная вайна), па мастацкіх вартасцях значна ўступае першым дзвюм. Тут страчваецца тое незвычайна далікатнае, тонкае пачуццё, якім прасякнуты першыя часткі твора, якім жыве герой і праз якое ён успрымае свет. І гэта натуральна і зразумела, бо і герой у многім змяніўся. Але найперш змяніліся абставіны, бо свет стаў цалкам іншым.

У першых частках падзеі адбываюцца ў Вільні напрыканцы трыццатых гадоў, напярэдадні Другой сусветнай вайны. І ўжо гэта незвычайна. Згадайма твор беларускага савецкага пісьменніка паваеннага часу, дзе б падзеі адбываліся ў Вільні. Гэта сучасная літаратура вяртае нам «нашу» назаўжды страчаную «крывіцкую Мекку», а ў тым часе такое месца дзеяння і сапраўды было выключным. Матыў гораду – адзін з цэнтральных у аповесці, а незвычайны рамантычны шарм Вільні адыгрывае не апошнюю ролю ў раскрыцці асобы галоўнага героя – беларускага хлопца Янкі Барташэвіча. Такі выбар месца дзеяння абумоўлены яшчэ і тым, што менавіта гэта – чужое для вясковага хлопца гарадское асяроддзе – і стала першапрычынай таго, што ў душы ягонай пачаў адбывацца вельмі складаны працэс разбурэння цэласнасці. Гэта той жа, знаёмы нам з нашаніўскай літаратуры, з прозы Максіма Гарэцкага матыў раздваення душы, які асабліва ярка прагучаў у першай беларускай аповесці «Дзве душы».

Юным героем рухае цалкам натуральнае жаданне падабацца, рабіць ураханне на іншых, быць вартым увагі. Ён пакутуе ад адзіноты, пакінутасці ў чужым горадзе. Яму здаецца, што ён «у Вільні – няпрошаны госць і каб паехаў дахаты, ніхто гэтага і не заўважыў бы. А яшчэ здалося, што я нічога не варты» [2, с. 34]. Адчуванне сваёй непаўнавартасці прыходзіць тады, калі Янка Барташэвіч сутыкаецца з з'явамі, да якіх не быў падрыхтаваны ранейшым жыццём. Да прыкладу, на канцэрце класічнай музыкі юнак без аніякай музычнай адукацыі не здольны зразумець захопленасці слухачоў, што прыводзіць да недарэчных высноваў і гэткіх жа паводзінаў: «І чаго людзі ходзяць на такія канцэрты? Буржуі, свалата, няма іншай работы! Я пазяхнуў і стаў азірацца на залу» [2, с. 36]. Гэты ваяўнічы настрой пасля размовы з суседкай вельмі хутка змяняецца на разуменне сваёй непадрыхтаванасці, недасведчанасці, ад чаго пакуты героя яшчэ больш павялічваюцца: «Ішоў я з канцэрта сам не свой. Мяне не пакідаў выраз шчырага здзіўлення, спагады на твары жанчыны і інтанацыя яе голасу… Мне далёка да слухачоў у зале: да мяне, нібы ды глухога, не дайшоў ні адзін гук» [2, с. 37].

Герой задаецца пытаннем: «Ці вырвуся калі з гэтага?» [2, с. 37]. Пераадоленне сябе, духоўнае ўзыходжанне Янкі Барташэвіча, ягоныя маральныя перамогі і паразы праходзяць па шляху пераадолення дысгармоніі, раздваення. І першае, што даволі лёгка ўдалося зрабіць герою, – гэта дабіцца гармоніі з душой горада. Лёгка, таму што яшчэ раней многа ведаў пра Вільню, пра тыя падзеі, якія былі звязаны з беларускай гісторыяй, культурай. Вандроўкі па старажытных вулках гораду даюць яму вялікую асалоду, напаўняюць радасцю і гонарам ад усведамлення далучанасці да вялікіх спраў. Успрыняцце Вільні як цуду, як святыні напаўняе душу юнака вялікім шчасцем, у якое няпроста паверыць, бо няшмат дарункаў лёсу меў у жыцці: «Гледзячы на гэтую старажытнасць, я забыўся на ўсё і адчуў, як у мяне пачынае займаць дух ад усведамлення, што хаджу мясцінамі, пра якія толькі пішуць у кніжках.

«Няўжо я ў Вільні? А мо толькі сню?
І ўсё ж такі я ў Вільні, эх!..» [2, с. 37].

У гэтым кароткім выгуку-выдыху змяшчаецца столькі адчайна-радаснага пачуцця, пра што можна расказваць бясконца, але адлюстравана аўтарам менавіта гэтак: як імгненне, як пробліск маланкі.

А самай значнай прычынай раздваення душы героя сталася каханне да генеральскай дачкі Дануты Янкоўскай, каханне, якое прынесла яму многа радасці, шмат новага, нязведанага раней, але і мноства пакутаў. Адна палова душы героя жыве таемным хвалюваннем, у ёй пануе вобраз прыгожай гімназісткі, гучыць яе спеў, пачуты выпадкова ў часе канцэрту. А ў іншай палове распальваецца, падаграваецца варожасць да яе, бо – генералава дачка, бо – полька. Каханне і нянавісць пераплятаюцца ў сэрцы юнака. Калі другое пачуццё выклікана ўздзеяннем на героя вясковага выхавання, цяжкай працы, несправядлівасці, якую неаднойчы даводзілася цярпець ад багацеяў, то першае – магутнай сілай прыроды, таемным прыцягненнем да святла і хараства. І гэтае другое мусіць перамагчы, бо каханне – сіла стваральная, у той час, калі нянавісць разбурае, знішчае.

Працэс раздваення душы балючы, амаль фізічна адчувальны героем: «Мая душа раздвоілася. Я адчуваў пагарду і варожасць да новай забавы паноў. Але Дануся, я ведаў, недзе не магла дачакацца яе. І другая мая палова была верная Дануце, хвалявалася гэтаксама» [2, с. 64]. Неаднойчы юнак задае сабе пытанне: «Пры чым тут Данута?», якое гучыць рытарычна, бо, канешне ж, яна, такая светлая, чыстая, добрая, ні пры чым.

Праблема беларуска-польскіх дачыненняў – адна з цэнтральных у творы. Дачыненні паміж прадстаўнікамі двух народаў заўсёды былі вельмі няпростымі. Аўтар не ўнікае гэтай спрадвечнай праблемы. Яна існуе на ўзроўні адносін між людзьмі, на што робяць уплыў гістарычныя, геаграфічныя, эканамічныя і іншага роду стасункі між дзяржавамі. Пра тое вельмі слушна напісала гарадзенская паэтка Данута Бічэль у вершы-прысвячэнні свайму сябру, вядомаму польскаму літаратару Мацею Юзафу Канановічу, чые карэнні тут, на нашай гарадзенскай зямлі:

Між суседак-краін не заўсёды ўсё гладка.
Прагавітасць да ўлады – то мір, то вайна.
Тут граніца зыбалася, ды дашчаная кладка.
Ды любоў і нянавісць у сяброў тут адна [4, с. 323].

Варожасць да прадстаўнікоў польскай нацыянальнасці ў многім ёсць вызначальнай прычынай пакутаў галоўнага героя Янкі Барташэвіча, раздваення ягонай душы паміж каханнем да прыгожай полькі, генеральскай дачкі Дануты і варожасцю да ўсяго, што звязана з яе нацыянальнасцю. Самае недарэчнае, што нацыянальная нецярпімасць была навязана Янку з самага маленства якраз выхаваннем маці. Жанчына ж атрымала гэта ў спадчыну ад сваіх бацькоў. Герой аналізуе гэтую з’яву, імкнецца дайсці да каранёў варожасці між беларусамі і палякамі: «Я жыў на граніцы Польшчы з Беларуссю. У маёй мясцовасці панавала нянавісць паміж двума суседнімі народамі, адурманенымі шавінізмам і забабонамі, гарэлкай і рэлігіяй» [2, с. 50]. Прычынаў, як вядома, нямала. Адна з іх – нежаданне хоць нейкіх стасункаў, асабліва мажлівасці парадніцца з ненавіснымі суседзямі, што і выказана ў наказе маці, якая адпраўляе сына ў горад: «Каго хочаш выбірай сабе там за жонку. Нават за жыдоўку нічога не скажу. Адно не бяры мне полькі. Яе нага не ступіць на мой парог, покуль жыцiму! Так і ведай сабе!..» [2, с. 50]. І вось ён, паслухмяны сын, што шчыра шануе сваю маці, перакрэслівае сваім каханнем гэтую, па сутнасці сваёй недарэчную, нянавісць. І ад таго пакутуе яшчэ больш.

Незвычайнай свежасці, далікатнасці ў адлюстраванні пачуццяў герояў беларускага хлопца Янкі Барташэвіча і генеральскай дачкі полькі Дануты Янкоўскай празаік дасягае не ў апошнюю чаргу праз легкавейныя, ледзьве ўлоўныя водары, шолахі, колеры, што ўрываюцца ў абуджаны каханнем свет душы маладога героя як найвялікшы цуд: «Я пасапраўднаму адчуў вясну з усімі яе пахамі, птушыным шчабятаннем…, сіняватую рунь яравых…, луг, пакрыты ўжо лотаццю такой далікатнай жаўцізны, што дзіва брала, як гэткая прыгажосць можа ўжывацца з бруднай цінай» [2, с. 116].

Пад вясковай, сялянскай, грубай, жорсткай, часам нехлямяжай знешнасцю Янкі Барташэвіча і за адпаведна гэткімі ж ягонымі паводзінамі хаваецца такая кволая, ранімая, вытанчаная душа, што прагне хараства, што здольна на самае ўзвышанае, светлае пачуццё. Ягоная грубасць – гэта і ёсць тая брудная ціна, наносная, напускная, своеасаблівая ахоўная рэакцыя ў свеце чужым, жорсткім і несправядлівым, дзе неаднойчы даводзілася зносіць абразы, пагарду, знявагу з боку нялепшых прадстаўнікоў польскай нацыянальнасці на адрас самага дарагога, роднага. Згадаем хіба самы балючы з мноства іншых выпадкаў, дзе зневажалася душа маладога чалавека: «Неяк маці прыслала мне ў Вільню вышытую кашулю. На ўроку польскай мовы і літаратуры ўбачыў яе наш прафесар Залескі і заявіў класу:

–У Афрыцы ёсць народы, якія любяць каляровыя шкельцы, каменьчыкі, ніткі. .. У нас на «крэсах» гэтае дзікунства захавалася ў тым, што мясцовыя сяляне расшываюць вопратку рознакаляровымі ніткамі. І выхаленай рукой ён паказаў на мяне: –Вось вам жывы прыклад!» [2, с. 47].

Цывілізаваны дзікун, прафесар-шавініст быў далёка не адзіным, хто імкнуўся прынізіць і абразіць, хто прадстаўляў не лепшы бок польскай інтэлігенцыі. Таму трэба было абараняцца, трэба было станавіцца моцным і жорсткім. А якраз з гэтага свету яна – першае і самае вялікае каханне героя, абараніцца ад якога Янка Барташэвіч не мае ніякае сілы.

У спагадных вачох Дануты юнак заўважыў тое незвычайнае, што калісьці так чаравала Максіма Багдановіча: вобраз маці ў вобліку дзяўчыны. Расказвае ёй пра крыўду, што меў ад выкладчыка, і заўважае, як змяняецца яна, як спачуванне і крыўда, абурэнне і бяссільная злосць перапаўняюць дзяўчыну. Яна як бы здымае з ягонай душы цяжар, і там становіцца светла і хораша. У гэтую хвіліну ужо дарослы, цалкам самастойны, такі дужы, моцны Янка Барташэвіч нагадвае маленькага хлопчыка з вершаванага аповеда Максіма Багдановіча «У вёсцы». Такое светлае супакаенне здольна прынесці шчырая спагада, спачуванне: «Раптам мне зрабілася лёгка-лёгка на душы, як бывала толькі ў дзяцінстве, калі выкладзеш сваю крыўду маці» [2, с. 47]. У гэтым эпізодзе герой, не ўсведамляючы, не аналізуючы сітуацыі, а толькі пад уплывам адчування, што ўспыхнула імгненна, ставіць іх побач – сваю маці, беларуску, якая так ненавідзіць палякаў, і Дануту, польку, якая ў пяшчоце і дабрыні сваёй нагадвае маці. Тым самым аўтар яшчэ раз падкрэслівае: менавіта адносіны між людзьмі павінны быць вызначальнымі, павінны стаць той кладкай, хай яшчэ ўсё хісткай, што павінна пралегчы праз бездань міжнацынальнай нянавісці.

Юнак-беларус адпрэчвае вельмі многае з таго, што адбываецца ў горадзе, што ладзіцца польскімі ўладамі. Бачыць і разумее недарэчную сітуацыю ў Польшчы, што склалася напярэдадні Другой сусветнай вайны. Прыводзіць дакладныя факты пра вайсковую падрыхтоўку: «Дзіўна гучала самавыхваленне ваеннай клікі. Яна заяўляла, што польская армія разгроміць за адзін дзень і бальшавікоў, і немцаў. Чым? Кавалерыя мела дапатопныя пікі. Баявых самалётаў усяго 337… Дзяржаўная казна ледзь ліпела» [2, с. 64]. Начытаны, палітычна пісьменны Янка Барташэвіч прыходзіць да высновы: «Вінаваўцам усяму была сістэма» [2, с. 64].

Узгадаваны з дзяцінства ў юначай душы пратэст супраць усяго польскага выліваецца ў многіх, часцей не абдуманых учынках.

У тых часах патрабавалася, каб мужчыны здымалі галаўныя ўборы, калі вайскоўцы неслі палкавы сцяг. За непавагу да вайсковага сімвалу пагражала зняволенне ў паліцэйскім пастарунку. Янка Барташэвіч, каб не вітаць варожы сцяг, заўсёды абыходзіў вайскоўцаў. Аднойчы выпадкова, не згледзеўшы, натрапіў на вайсковую калону, што ўрачыста маршыравала па вуліцы. Ён застаўся адзіным, хто шапкі так і не зняў, вырашыў: лепей трапіць у рукі паліцыі, чым паступіцца сваімі прынцыпамі. Каб не саступіць, давялося перажыць абразу, ганьбу, прыкінуцца вар'ятам.

Пампезныя святы, якія наладжваюць польскія ўлады ў горадзе, не прымае душа маладога героя, бо гэта чужыя для яго святы. Тут ужо герой выступае не толькі як стыхійны носьбіт нацыянальнай варожасці, а свядома асэнсоўваючы тыя няшчасці, што прынесла ваеннае супрацьстаянне між беларусамі і палякамі, якія апынуліся па розныя бакі барыкадаў у гады грамадзянскай вайны: «Меліся аддаць чэсць легіянерам, якія ваявалі за варожую мне справу і прычыніліся да няшчасця майго народа. Мо адзін з тых, каго памянуць на свяце, шомпалам паласаваў спіну майго бацькі або забіў чырвонаармейца, чыя безыменная магілка сіратліва ўзвышаецца пад грушай ля маёй вёскі» [2, с. 64].

Падаграючы нянавісць, напаўняючыся той бурнай энергіяй, што накапілася ў душы героя, патрабавала выйсця, Янка Барташэвіч не без рызыкі для сябе спраўляе сваё свята, свой салют у імя памяці сваіх герояў, якім для яго застаўся закатаваны ў польскім пастарунку старэйшы сябра, сакратар камсамольскай ячэйкі Сцяпан Рамановіч. Хлопец бярэ наган, які якраз і дастаўся ў спадчыну ад Сцяпана, і страляе з яго. Сам разумее, што ягоны ўчынак недарэчны: «Раптам мяне страшэнна пацягнула выкінуць нейкі фокус. Захацелася патрывожыць гэтае магутнае і варожае наваколле. Я падняў наган, узвёў яго і націснуў на спуск» [2, с. 68]. У ягонай душы змагаюцца супярэчлівыя пачуцці: жах і дзікая радасць ад таго, што зварухнуў той агромністы мурашнік, якім бачыцца яму ў гэтую хвіліну горад, на імгненне стаў гаспадаром над цішынёй і цемрай.

Шмат гаворыць пра стаўленне тагачасных польскіх уладаў і пэўнай, даволі шматлікай часткі насельнікаў горада да беларускай культуры здарэнне, што адбылося насамрэч, у якім прымаў удзел і сам Аляксей Карпюк – вечар беларускай літаратуры, які паварожы настроеныя малойчыкі імкнуліся сарваць. Янка Барташэвіч ідзе на гэтае змаганне свядома, укладаючы ў яго нянавісць да ўладаў і жаданне абараняць сваё, беларускае: «У любы час я быў гатовы прыкласці рукі да ўсяго, што накіравана супроць ненавіснай улады, а тут надарыўся гэткі выпадак пад настрой!» Патрэбна было змагацца, біцца ў сапраўднай бойцы, каб пракласці беларускаму паэту Граніту (прататыпам гэтага вобраза быў Максім Танк) шлях на сустрэчу з прыхільнікамі ягонай паэзіі.

Дзякуючы вялікаму, шчыраму пачуццю, спакутаваная душа Янкі Барташэвіча пазбаўляецца шчымліва-балеснага раздваення, у ёй гарманічна і непадзельна пачынае валадарыць шчасце. Ён адкідае нянавісць, поўніцца дабрынёй. Тым самым Аляксей Карпюк паказвае, што людзі здольныя пераадолець выпрацаваную за доўгі час міжнацыянальную нецярпімасць. Але наперадзе ў герояў яшчэ шмат дарог, выпрабаванняў, ростаняў і стратаў.

Заключныя старонкі аповесці хвалююць надзвычайна, гучаць як прыгожы заключны акорд вечнай тэмы. Смутак ад страты каханай, ад немажлівасці вярнуць мінулае пераплятаецца тут з радасцю вялікага адкрыцця: каханне вечнае, як вечнае само жыццё.

Спіс літаратуры

1. Карпюк, А. Перыпетыі пошукаў // А.Карпюк. Выбраныя творы. – Мінск: Кнігазбор, 2007. – С. 501 – 510.

2. Карпюк, А. Данута // А.Карпюк. Выбраныя творы. – Мінск: Кнігазбор, 2007. – С.27 – 387.

3. Фядута, А. У змаганні за праўду / А.Фядута // А.Карпюк. Выбраныя творы. – Мінск: Кнігазбор, 2007. – С.5 – 24.

4. Бічэль-Загнетава, Д. Даўняе сонца // Д.Бічэль-Загнетава. Даўняе сонца: Лірыка. – Мінск: Маст. літ. 1987. – 398 с.

ГАННА АЛЬШТЫНЮК

Беласток

ПОЛЬСКІЯ МАТЫВЫ Ў ЛІРЫЧНАЙ МІНІЯЦЮРЫ ЯНКІ БРЫЛЯ

Янка Брыль – класік нацыянальнай літаратуры, многія творы якога сталіся знакавымі ў беларускай літаратуры. Гэта празаік, для якога свет быў напоўнены жывымі гукамі, незвычайнымі падзеямі, цікавымі характарамі. Гэта глыбокі знаўца чалавечай душы, што найбольш ярка адлюстравалася ў самым улюбёным жанры пісьменніка – мініяцюры.

Многія даследчыкі звярталі ўвагу на тое, што вялікі ўплыў на фарміраванне Янкі Брыля як чалавека і пісьменніка мелі Леў Мікалаевіч Талстой, Антон Паўлавіч Чэхаў, а таксама Якуб Колас, Адам Міцкевіч, Кузьма Чорны. Нельга аднак забываць пра ўплыў польскай мовы і культуры, з якімі сутыкнуўся Я. Брыль яшчэ ў школе:

«Польскія (кнігі – ***Г.А.***) былі блізка, у школе, спачатку ў Загор'і, а потым у суседнім мястэчку Турэц, дзе я скончыў сямігодку. Міцкевіч, Прус, Славацкі, Сянкевіч, Канапніцкая, Ажэшка... Здаровая, натуральная любасць да польскай культуры, да прыгожага ў польскім народзе – вось найлепшае, што я вынёс са школы» [1, с. 447].

Шляхі, якія вызначыў Я. Брылю яго час, яшчэ не адзін раз злучалі яго з Польшчай. Ён наведваў гэтую дзяржаву, быў цесна звязаны з польскай культурай. Варта адзначыць і факт, што Янка Брыль быў вядомы не толькі як пісьменнік, але і як перакладчык з рускай, украінскай і польскай моў. У яго перакладзе з польскай мовы выйшлі паасобныя творы Мар'і Канапніцкай, Элізы Ажэшкі, Яраслава Івашкевіча, Леана Кручкоўскага, Войцеха Жукроўскага, Тадэвуша Ружэвіча і іншых. За гэтыя пераклады і ўмацаванне дружбы паміж народамі ён атрымаў прэміі імя Уладзіміра Петшака (1972) і аўтарскага аб'яднання «ЗАІКС» (1975). Польскія матывы гучаць у рамане «Птушкі і гнёзды», у апавяданнях. У жанры мініяцюры таксама знаходзім цікавасць да пальшчызны. Пісьменнік адлюстроўваў тут польска-беларускае памежжа, гаварыў пра свае адносіны да палякаў, пра польскую літаратуру.

Вельмі выразна абмалёўваюцца ў мініяцюрах аўтабіяграфічныя моманты. У 1939 годзе Я. Брыль быў прызваны ў польскую армію. Ён служыў у марской пяхоце. Уладзімір Калеснік пісаў: «Жылі на рэжыме баявой гатоўнасці, нават спалі цераз дзень адзетымі, роты па чарзе неслі баявое дзяжурства» [2, с. 75]. У адной з мініяцюр Я. Брыль успамінае гэты час:

«У даваенным польскім войску нам тлумачылі, што пяхотны полк, узняты па трывозе, павінен стаць на пляцы ў поўнай баявой гатоўнасці за дванаццаць мінут.

Гэтага дамагаўся наш гдыньскі батальён марской пяхоты, і гэта нам, салдатам, не надта падабалася» [3, с. 324].

У іншай мініяцюры знаходзім успамін «пана старшага сержанта», які аднойчы падышоў да адпачываючага пасля начнога дзяжурства Я. Брыля:

«– Поўстань! – вякнуў ён на ўсю моц бяззубага рота. – Бегем марш! Падній!.. Я ці, курва, одпочнэн!.. А тэраз – до лужка!..» [3, с. 326].

Далей Я. Брыль прызнаецца, што такое адбывалася неаднойчы і ўспамінаецца зусім нечакана, калі стомлены сеў на канапе, чакаючы сеанса. Пісьменнік не злуецца, а толькі

хоча паказаць, што і такія «сонечныя абразкі» бываюць ў жыцці і гэта трэба годна прыняць, перажыць.

У мініяцюрах перш за ўсё Янка Брыль пісаў пра чалавека, пра адносіны паміж людзьмі. Часта гаварыў пісьменнік пра сваіх знаёмых, сяброў, пра людзей, якія занялі ў яго жыцці важнае месца. Былі сярод іх і польскія пісьменнікі, паэты, культурныя дзеячы. У адной з мініяцюр пра Уладзіслава Бранеўскага, знаёмства з якім «не паспела развіцца ў сапраўдную дружбу» [1, с. 56] і пра Леона Кручкоўскага, з якім Янка Брыль быў на «ты». Пісьменнік адзначае, што дзякуючы знаёмству з гэтымі літаратарамі іх творы сталі яму больш блізкімі, зразумелымі.

На некалькі скупых радкоў у газеце «Rzeczypospolita» пра смерць польскага сцэнарыста і пісьменніка Войцеха Жукроўскага адказаў Брыль мініяцюрай-успамінам. Тут і пра спатканні пісьменнікаў, і пра адносіны ўлады да Жукроўскага, і пра яго знаёмства з Каралем Вайтылам, якое пачалося ў дні гітлераўскай акупацыі. У некалькіх радках расказаў Брыль пра пераклад аповесці-казкі «Прыгоды ў Цюцюрлістане» і пра прычыны ўстрымання ад перакладу другой часткі тых прыгодаў. Вельмі шчыра прызнаецца пісьменнік і ў тым, што ён не быў ахвотны да ліставання і таму нямнога ведаў пра тое, як жыў Жукроўскі пасля іхняга апошняга спаткання. Але і гэта не перашкаджае Брылю закончыць мініяцюру словамі:

«І вось тым часам «Дзень задушны», свята памяці, газетная калонка з мноствам імёнаў людзей, што адышлі, а сярод іх – амаль апошні з тых, каго я ў Польшчы ведаў бліжэй, з кім сябраваў» [4, с. 239].

Сярод запісаў Я. Брыля знаходзім не толькі яго адносіны да пісьменнікаў і паэтаў, якія пісалі па-польску. Ён вельмі добразычліва выказваўся і пра дзейнасць літаратурнага аб’яднання «Белавежа». Ягоныя мініяцюры сведчаць пра тое, што ён добра ведаў творчасць белавежцаў, што цікавіўся іх дзейнасцю:

«Сляза пякучая айчыны» – зборнік артыкулаў пра творчасць Яна Чыквіна. Хараша выдадзена кніга, дастойна і па-асабліваму прыемна мне адкрываецца словам Валодзі Калесніка. Артыкулы Конана, Мацяш, Разанава і іншых аўтараў шчодра, пераканаўча падмацоўваюцца радкамі з вершаў і сапраўды таленавітага, культурнага паэта» [4, с. 198]. Пісьменнік заканчвае мініяцюру фрагментам аднаго з вершаў Яна Чыквіна, які дазваляе сабе акрэсліць «просценькім усплескам пачуцця».

З вялікай цеплынёй пісаў Я. Брыль і пра выдатную паэтэсу, перакладчыцу Віславы Шымборскай – Ніну Мацяш у мініяцюры пра віншаванне яе з 8 Сакавіка:

«Напісаў іх мілай Мацяшцы на адвароце паштоўкі, дадаўшы, што мы з ёю, Богу дзякаваць, ведаем, дзе яно, шчасце, – у працы, у дружбе, у радасці сказаць любімым пра гэта не толькі з нагоды святочнага дня» [4, с. 181].

Я. Брыль шмат падарожнічаў, многа бачыў, што пазней адлюстроўваў у сваіх творах. Вось прыклады мініяцюр пра падарожжы па польскіх гарадах: «Аглядалі ў Нябарове, каля Лодзі, адзін з радзівілаўскіх палацаў, дзе іх сіяцельствы жылі сабе і ў гады акупацыі» [1, с. 71], ці «У Варшаву я ехаў у двухмесным купэ з маладым энергічным армянінам» [6, с. 370], «у 1983-м ляцеў з Познаня ў Шчэцін на тым самым анельска-белым верталёце, які абслугоўваў святога айца ў час яго нядаўняга перад гэтым гасцявання ў Польшчы» [4, с. 141].

Дзякуючы вучобе ў польскай сямігодцы Янка Брыль вельмі добра ведаў польскую мову. Ён многа чытаў на польскай мове: «прачытаў я пра гэта ў газеце «Polityka» [4, с. 49], «учора ўспомнілася прачытанае тыдні два таму назад у «Ïyciu literackim» [5, с. 169]. Апрача газет і часопісаў, чытаў ён па-польску і літаратурныя творы, пры чым не толькі польскія. Сам Брыль прызнаваўся: «Польская мова пазнаёміла мяне з літаратурным набыткам усяго чалавецтва, ад казак Андэрсена да раманаў Дастаеўскага, з арыгіналамі якіх мне суджана было сустрэцца ў іншы час» [1, с. 447]. У адной з мініяцюр ён запісвае: «Чытаючы папольску славенца Драга Янчара, «Terra inkognita», успомніў пляменніка Шуру» [4, с. 138].

Усё жыццё клапаціўся Я. Брыль пра стан беларускай мовы. Вельмі крыўдна было яму чуць адказы на пытанні па-руску. У адной з мініяцюр пра універсітэцкага вахцёра, які, пачуўшы беларускую мову, спытаў: «А вы по-человечески спросить не можете?..» [4, с. 223] і адначасова пра доктара, які не можа сцярпець таго, што ў бальніцы гавораць пасвойму. «Якая блізкасць моў! І як аднолькава – «по-человечески» і «po ludzku» адносяцца

да нас браты і сёстры славяне!..» [4, с. 224] – горкай іроніяй заканчвае мініяцюру пісьменнік, звяртаючы ўвагу на падобныя праблемы, з якімі трэба штодзень змагацца і ў Польшчы, і на Беларусі.

Трэба звярнуць увагу і на спосабы выкарыстання Брылём польскай мовы. Іх некалькі. Часам ён проста ўплятае напісаныя на польскай мове словы: «А ў пана Яна Коханоўскага ідуць у вершах такія словы: babiж, kramny, pyt rzeczy» [4, с. 94]. Іншым разам піша польскія фразы беларускімі літарамі: «Бегем марш! Падній!.. (...) А тэраз – до лужка!..» [3, с. 326]. Не адзін раз побач з польскімі словамі пісаў іх беларускія адпаведнікі: «Niestety! – скажам па-польску, што азначае на жаль!» [4, с. 239].

Як бачым, польская культура адкрыла для Янкі Брыля не толькі дзверы ў іншыя літаратуры, але і стварыла новыя магчымасці. Калі б не пражытае Брылём, не яго сувязі з пальшчызнай, не было б напісана многа цікавых твораў. Улічваючы тое, што за кожным з яго твораў мы бачым самога пісьменніка, трэба сказаць, што польскім матывам проста наканавана было з'явіцца ў творчасці Я. Брыля.

Спіс літаратуры

1. Брыль, Янка. Збор твораў. У 4 т. Т. 4 / Янка Брыль. – Мінск, 1968.
2. Калеснік, Уладзімір. Янка Брыль. Нарыс жыцця і творчасці / Уладзімір Калеснік. – Мінск, 1990.
3. Брыль, Янка. Пішу як жыву / Янка Брыль. – Мінск, 1994.
4. Брыль, Янка. З людзьмі і сам-насам / Янка Брыль. – Мінск, 2003.
5. Брыль, Янка. Вячэрняе / Янка Брыль. – Мінск, 1994.
6. Брыль, Янка. Запаветнае / Янка Брыль. – Мінск, 1999.

ГАЛІНА ТВАРАНОВІЧ

Беласток

ДУХОЎНАЕ ЖЫЦЦЁ ЯК САМАКАШТОЎНАСЦЬ У ПАЭЗІІ ЯНА ЧЫКВІНА

Па-свойму хіба сімвалічна, што этымалогія слова паэзія і вызначэнне належнасці да зместу дзейнасці ў яе выпадку супадаюць. Менавіта за гэтым, агульна гаворачы, тыпам мастацкай літаратуры замацавалася назва, узнікшая ад грэчаскага дзеяслова са значэннем рабіць, тварыць. Аб глыбокай жа зацікаўленасці чалавека творчымі працэсамі сведчыць той факт, што асэнсаванне крыніцы, прыроды, агульных праблем творчасці ў Еўропе распачалося яшчэ ў антычнасці і працягваецца з рознай інтэнсіўнасцю да нашага часу. На кожным этапе сацыяльнага, гістарычна-культурнага развіцця выказвалася сваё разуменне гэтай унікальнай з'явы. Сакрат, напрыклад, прытрымліваўся канцэпцыі мастацтва інтуітыўнага, падсвядомага. Платон, пагаджаючыся з настаўнікам, ішоў яшчэ далей, параўноўваў паэтаў з прарокамі, лічачы, што паэты ствараюць па боскаму натхненню. Асабліва шмат разважалі над прыродай творчых працэсаў на працягу XVII – XVIII стст. нямецкія філосафы. Так, І. Кант лічыў, што мастацтва абумоўліваецца спалучэннем сузірання з паняццямі, пачуцця з розумам і што на гэту з'яву трэба глядзець як на прыроду, усведамляючы пры тым, аднак, што гэта ўсё ж мастацтва. Прынцып збліжэння літаратуры з жыццём адстойваў Г.Э. Лесінг, сцвярджаючы, што прыгожае пісьменства здольнае перадаць дынаміку, разнастайнасць быційнай плыні.

Між тым наш віленчук Ігнат Канчэўскі (Абдзіраловіч), па духу брат Максіма Багдановіча, вызначаючы прыярытэты развіцця Беларусі, разважаў у сваім слынным эсэ «Адвечным шляхам. Даследзіны беларускага сьветапогляду» (1921), своеасаблівай вяршыні беларускай літаратурна-філасофскай думкі: *Сапраўднай падставай жыцьця можа быць толькі твор-*

часьць. Творчасць на кожным кроку: у штодзённай працы, ў сямейных адносінах, ў грамадзянскім руху. Толькі тады жыцьця ня будзе сьціскаць форма і чалавек здаволіць сваё прыроднае імкненьне быць творцам [1, с. 26]. Паводле І. Канчэўскага, само жыццё цэлага народа магчымае толькі як няспынны творчы працэс, які з*аўсёды мае адзнаку боскасьці* [1, с. 21].

Аб творчым прызванні чалавека шмат гаворыцца ў Евангеллі. Строга асуджаецца ў прытчы Хрыста той, хто хавае сярэбраны талант, дадзены яму на памнажэнне гаспадаром. Ад пакаранага нерашучага і лянівага адымаецца, каб перадаць таму, хто гатовы рызыкаваць, шукаць, адным словам, узрастаць у сваіх стваральных магчымасцях.

Разам з дарам жыцця чалавек атрымлівае ў дар-карыстанне і цэлы свет, арганізаваны па законах гармоніі, прыгажосці, спасціжэнне якіх адбываецца дзякуючы духоўнай субстанцыі, укладзенай у кожнага патэнцыяльным зернейкам (*Сеецца цела душэўнае, паўстае цела духоўнае* – 1 Кар. 15:44). У строгім, класічным сэнсе дух – частка чалавечай прыроды, якой чалавек успрымае свайго Творцу, Бога. Па Івану Ільіну, дух *«ёсць патрэба свяшчэннага», «дар малітвы», «жыллё сумлення», «месцазнаходжанне мастацтва», «крыніца правасвядомасці, сапраўднага патрыятызму і нацыяналізму»* [2, с. 34]. Відавочна, што духоўнасць, як вытворнае ад духу, ахоплівае самы шырокі спектр чалавечай свядомасці і дзейнасці.

Пра творчасць Яна Чыквіна, аўтара паэтычных зборнікаў «Іду» (1969), «Святая студня» (1970), «Неспакой» (1977), «Сонечная вязь» (1988), «Светлы міг» (1989), «Кругавая чара» (1992), «Свет першы і апошні» (1997), «Крэйдавае кола» (2002), «Жменя пяску» (2008) выказваліся вядомыя літаратуразнаўцы, крытыкі, калегі па пяру. Так, выдатны беларускі эміграцыйны паэт, празаік Масей Сяднёў пісаў: *Паэзія Яна Чыквіна па сутнасці філасофская. Яна вяртае нашу паэзію ў лона еўрапейскай паэзіі, да вопыту Максіма Багдановіча. Экзістэнцыянальна яна адрозная ад нашай сённяшняй паэзіі, калі хочаце – нават запярэчвае яе матэрыялістычную сутнасць, яна ў нашай паэзіі – як бы новая планета, хоць яшчэ і не адкрытая. Паэзія Чыквіна сімвалічная, метафарычная, як і належыцца быць сапраўднай паэзіі* (3, с. 72). Надзвычай дакладна акрэслены тут істотныя параметры творчасці аўтара «Светлага мігу». Менавіта знаёмства з гэтай, пабачыўшай свет у мінскай «Мастацкай літаратуры», кнігай сталася нагодай для глыбокіх назіранняў М. Сяднёва, якога, між іншым першага наогул з кагорты беларускіх пісьменнікаў, па ініцыятыве слыннага Барыса Кіта вылучалі ў свой час на атрыманне Нобелеўскай прэміі.

На тое, што ў паэзіі Яна Чыквіна няма альбо зусім мала твораў на сацыяльна-палітычную тэму, звяртае ўвагу ў артыкуле «Быццё і час у люстэрку паэзіі» Уладзімір Конан. Паэтычныя набыткі «белавежца», па назіраннях даследчыка, кантрастуюць з беларускай савецкай паэзіяй 50 – 80-х гадоў мінулага стагоддзя: *Каб пераканацца ў гэтым, дастаткова параўнаць Чыквінаў «Неспакой» з кніжкай вершаў «Неспакой» (1961) Ніла Гілевіча. Нашыя калегі з Беласточчыны, відаць, бліжэй да сучасных нормаў еўрапейскай літаратуранай эстэтыкі, паводле якіх – паэзія – для паэзіі, а палітыка – для палітыкаў* [4, с. 54].

Першы паэтычны зборнік Я. Чыквіна «Іду» адкрываецца вершам, прысвечаным бацькам:

Я жыць хачу, як вы жылі:
Сярод палёў, звяроў і чыставоддзя,
Здалёк ад гарадоў, машын
І цывілізаваных паводзін. (...)

Як хлеба, мне хочацца зелені,
Цішыні, надвячоркаў росных,
Шчасця, нічым не раздзеленага,
І дарог палявых, няпростых.

Дзе лёгка зусім заблудзіцца
І верыць: шчаслівы ты ўволю,
Дзе б'юць жыватворчы крыніцы,
Дзе кожнаму можа прысніцца
Паэзіі магнітнае поле [5, с. 7].

Прызнанне ў любові да роднага, гарачае памкненне быць верным спаконнаму ладу, вызначанаму самім нараджэннем у маляўнічых Дубічах Царкоўных на ўскрайку Белавежскай пушчы, выказана непасрэдна, шчыра. Ужо лірычны герой зведаў ростань з палявымі дарогамі, засумаваў па вясковым хлебе 3-за дзяжы высокай – шчэ дзедавай, спазнаў абыякавую ўсеагульнасць гарадскога свету, які аблытвае чалавека ланцугамі ўмоўнасцей (хаця, пэўна ж, здольны і аддзячыць таму, хто паслядоўны ў імкненні зразумець яго). І

менавіта гэты вопыт дапамагае ўсвядоміць, дзе ж бруяць вытокі ягонага натхнення. Да таго ж творчы дух, паводле паэта, не гасцюе толькі ў абраных асобах, а разліты па родных прасторах і гатовы азвацца, выявіцца ў кожным. Уласна гэты верш зараз можна разглядаць як своеасаблівы энергетычны зачын, пафас не толькі першага паэтычнага зборніка, але і ўсёй творчасці аўтара «Іду». На адным дыханні акрэслілася тут унутраная пазіцыя, якой забяспечваецца цэласнасць развіцця творчай індывідуальнасці. Так, у апошнім па часе выдання зборніку Я. Чыквіна «Жменя пяску» лірычны герой сведчыць:

Цяпер, калі разам
Са светам і я пастарэў –
Хоць не на толькі, каб вочы
Мае не бачылі хараства тваіх вачэй
І не адрознівалі часу ад прасторы –
Кожны дзень
я паўтараю, як малітву:
роднае мяне выратавала!

Дзе былі мы народжаны,
У цэнтры сусвету,
дзе вечна ўстае
і велічна заходзіць
нашае сонца,
і жыватворыць тайну
вокадух [6, с. 47].

Менавіта роднае надало пэўнасці кроку па пакручастых жыццёва-творчых шляхах, на якіх, згодна з М. Бярдзяевым, адбываецца здзяйсненне ісціны і прыгажосці [7, с. 121]. І якраз вернасць спаконнаму са спантаннага эмацыянальнага захаплення-любові эвалюцыяніравала ў метафізічнае ўсведамленне, што незалежна ад таго, у якіх каардынатах і мерыдыянах адносна ўмоўнасцей соцыуму ляжыць радзіннае месца, яно ў *цэнтры сусвету*. Бо ў Вечнасці няма прасторавых перыферый, няма мінулага і наступнага – ёсць адно сапраўднае, да якога належыць усё створанае і народжанае аднойчы. Лірычны герой спыняецца на парозе відочнага і невідочнага. На парозе тайніцы Святой Тройцы, Святога Духу, які прасякае ўсё жывое. Новатвор *вокадух* у вершы асацыіруецца з іканапісным Нядрэмным Вокам, што спазірае ўважліва на свет чалавечы, гатовае прыйсці на дапамогу таму, хто адкрыецца Яму насустрач... Узгадваецца тут таксама херувімскі чын, тыя чатыры жывыя істоты, што ў адпаведнасці з «Адкрыццём» Святога Іаана Багаслова маюць па шэсць крылаў абапал, а ў сярэдзіне – поўныя вачэй і бесперапынна ўзносяць падзяку *Таму, Хто сядзіць на троне, Хто жыве ва векі вечныя* (Адкрыццё 4:9). Так адно слова спараджае цэлы асацыятыўны рад.

Святло, сонца, «вялікае свяціла», згодна з Старым Запаветам створанае Богам для кіравання днём, аднолькава ласкавае да кожнага, бачыцца адным з ключавых вобразаў у паэзіі Я. Чыквіна. Варта ўзгадаць назву білінгвальнага зборніка паэзіі «Сонечная вязь» (Ольштын, 1988) , вершы «Даспелае сонца», «Захад сонца ў ваколіцы Дубіч Царкоўных», «Сонечная дарога змяркання», «Сонечная меса». У вершы «Вячэрні роздум» лірычны герой невыпадкова называе сябе сынам Сонца, у якога цемната адымае жыццёвыя сілы. Сонца гучыць, туліцца да плячэй, цячэ слязой агністай міласцівасці, скрылікі сонца захоўваюцца ў летняй шкатулцы...

Сонца ходзіць па хаце
цёпла-светлаю з'явай,
мякка душу адчыняе,
сцеле наўсцяж надзею:

Будзе жыць айчына
небам сваім і зямлёю!
Ёсць такая памклівасць!
Ёсць такая патоля! [8, с. 44].

І як тут не пагадзіцца з вызначэннем І. Ільіна, што менавіта дух з'яўляецца крыніцай сапраўднага патрыятызму, нацыяналізму. Бацькоў, свой род, нацыянальную прыналежнасць, а таксама веравызнанне не выбіраюць. Гэта тое, што даецца разам з нараджэннем, як лёс, урэшце як евангельскія срэбныя таланты. «Пасеянае» аднойчы душэўнае звычайна ўзрастае адпаведным плёнам духоўнага якраз на *звыш* наканаваным чалавеку палетку, што датычыцца, між іншым, асабліва майстроў слова. Усведамляючы драматызм, парадаксальнасць беларускай гісторыі, лірычны герой Я. Чыквіна ўздымаецца над балючай канкрэтыкай і глядзіць на Айчыну з перспектывы духоўнага. Так, ён, відаць, у роднай хаце, адкрытай разам з ім сонечнаму дню, а надзея на жыццё ў свеце лепшым, *дзе кнігі чытаюць кнігі,/ а вершы родзяць новыя вершы* [8, с. 44] і беларускае слова моцнае сваёй уладаю, абуджаецца ў ім *Сонцам праўды*, далучанасцю да боскага, трансцэндэнтнага.

Лірычнага героя Яна Чыквіна ў вершы «Крык начны савы» хвалюе шэраг, па сутнасці, галоўных – найпершых у іерархіі экзістэнцыяльных каштоўнасцей – пытанняў:

> Што ёсць быццё? Што – чалавек? Што – Бог?
> Чаму нікому нельга лёсу перайначыць?
> Не адсумуе смутак нашых ўсіх зямных трывог –
> З вачэй злятае белы голуб плачу.
>
> І што ёсць час – рака ці акіян?
> Вытокі дзе яго? І дзе яго скрыжалі?
> Смыліць бяскрылы лёт жыцця нібы павеў фіранкі –
> З вачэй злятае белы анёл жалю.
>
> А чым свабода ёсць? – Для розуму, для сэрца й рук –
> Цудоўны божы дар? Пыхлівы чалавечы мык?
> Чаму усё жыццё свой камень пхаем пад гару?
> Адгадкі ў свеце, мабыць, ёсць... Але не выкажа язык [9, с.7].

У гэтым творы выразна чутно водгулле, рэха тугі мудрага старазапаветнага прарока песіміста Эклезіяста, які адназначна сцвярджаў, што ўсё нязменна пад сонцам, і чалавек на сваёй зямной сцяжыне мусіць цярпліва-мужна зносіць абыякавае і звычайна суровае, нат варожае яму наканаванне. Аднак ужо самі пытанні перад яшчэ зачыненымі дзвярыма сведчаць пра намаганні спазнаць тайніцу: *Стукайцеся і адчыняць вам*. Здаецца, лірычны герой вось-вось ступіць пад шаты новазапаветнага часу, абвешчанага аптымістычным евангельскім Словам, але пошук доўжыцца – пакутлівым ростам, марудным нараджэннем у адпаведнасць лёсу і здзяйсненне яго... Звяртае на сябе ўвагу драматычная супярэчнасць між назвай і зместам твора. Ці крык – гэты мужны, стрыманы голас знутры важкага чалавечага вопыту, калі асвоена жыццёвая канкрэтыка, але ненатоленая ёю душа імкне ў асэнсаванне, дзеля чаго ж дадзены ёй гэты свет і менавіта ў такой вось форме? Хіба што напор, ствараемы канцэнтрацыяй унутранага зместу, дае падставы ўспрымаць і шэпт як крык. І ці ноч на падворку лірычнага героя? Хутчэй за ўсё мае месца згушчаная пара, у якой цесна Пытанням Пытанняў і засяроджанасць на іх засціць знешняе, нібыта слепіць – нездарма твор разгортваецца пад крыламі мудрай начной птушкі і як ёю прамаўляецца. Урэшце і самі пытанні, што ліхтары, запаленыя чалавечай свядомасцю на шляху да ісціны. Эклезіяст, між тым, толькі канстатаваў і да пошукаў не заклікаў.

Адзін з найпраніклівых рускіх філосафаў, між іншым беларускага паходжання, Уладзімір Лоскі, разважаючы над праблемамі дагматычнага багаслоўя, адзначыў, што *толькі паэзія здольная выказаць словамі пазазямное*, прыадчыніць тайніцы боскай рэальнасці, *бо паэзія славасловіць і не прэтэндуе на тлумачэнні* [10, с. 218]. Сапраўды, як ні імкнецца чалавецтва зразумець, вытлумачыць пытанні, якімі задаецца і лірычны герой верша «Крык начны савы», а не ўдаецца тут паставіць кропку. Наадварот, чым далей углыб матэрыі, тым больш таемнага, неасягальнага аказваецца на шляху, нягледзячы на, здавалася б, фантастычныя цывілізацыйныя дасягненні чалавецтва.

Шматвяковы вопыт развіцця паэтычнага слова сведчыць, што менавіта здзіўленне перад дасканаласцю свету, удзячнасць за дар жыцця з'яўляецца адной з галоўных стрыжнявых эмоцый паэзіі. З'яўляецца ўласна і энергетычнай крыніцай, якая жыватворнасцю сваёй здольная пераадолець супярэчнасці, знешнія і ўнутраныя складанасці, што шчодра спадарожнічаюць творчай асобе. Вось на пачатку мінулага стагоддзя Райнер Марыя Рыльке як выдыхае: *O Leben Leben, wunderliche Zeit...* [11, с. 109] (*0 жыццё, жыццё, цудоўны час...*). Аляксандр Блок той жа зімой 1914 года таксама сцвярджае, распачынаючы цыкл «Ямбы»: *О, я хочу безумно жить./Всё сущее – увековечить,/Безличное – вочеловечить,/несбывшееся – воплотить!* [12, с. 205]. Ва унісон з гэтай высокай еўрапейскай паэзіяй гучаць напрыканцы трагічнага XX стагоддзя радкі беларускага паэта: *Мы жывём. Якая радасць гэта!/ Мы жывём, як антытэза да прадметаў./Адчуваючы, мы бачым, ходзім/ Па зялёнай сферы быту* [13, с. 65]. Лірычны герой Я. Чыквіна ўдзячна вітае навакольны свет, адчуваючы сябе адначасова і гаспадаром і госцем сваёй часапрасторы. Яна яму належыць ад нараджэння, але ж з'яўляецца фрагментам агульнай, неасягальнай адным чалавечым вопытам плыні.

Польская даследчыца паэзіі «белавежцаў» Тэрэса Занеўская вельмі дакладна выказалася аб рэалізацыі ў творчасці Я. Чыквіна прыгажосці як адной з істотных катэгорый яго паэтычнага свету: *Свет, які прадстаўлены ў паэзіі Яна Чыквіна, амаль выключна пабудаваны з прадметаў і з 'яваў, прынятых паўсюдна як прыгожыя. Іх мастацкі лад заўсёды застаецца эстэтычна еысокі. Калі лірыку Я. Чыквіна змясціць у кантэксце эстэтычных і літаратурных досведаў цягам апошніх двух стагоддзяў, дык – ідэалістычнай пераконанасці сімвалістаў, якія імкнуліся выказаць у паэзіі тое, што невыказнае, і ўпэўненых у тым, што найпрыгожае тое, што не існуе, – проціставіць ён прыгажосць рэальную, канкрэтную, адчувальна даступную* [14].

Пагаджаючыся з шаноўнай даследчыцай, варта ўдакладніць, што хіба аднак стварэнне прыгожай *рэалістычнай* карціны свету, не з'яўляецца галоўнаю мэтаю мастака слова. Ён, творчая індывідуальнасць, успрымае ўсе праявы знешняга, хоча таго ці не, а менавіта *знутры* сябе. У глыбінях яго свядомасці, і хутчэй – падсвядомасці, знешні свет трансфармуецца ў асаблівую вобразную матэрыю. Прыкладам таму наступны, на нашу думку, у поўным сэнсе анталагічны верш Я. Чыквіна:

Лодка і вёслы. Цвітуць берагі.
Пясочак сыплецца з жмені,
Як побыту нашага час дарагі.

Навокал струменны і творчы дух.
Плывём ці нясе нас цячэнне?
Як цела жывое, варушыцца струг.

Яснасць балючая б'е з глыбіні,
Вечнасць так свеціць ці толькі імгненне?
Мы – у жыцця пры стале агнявым... [15, с. 84].

Цудоўная прастора гарачага летняга дня з усімі яго нібы звыклымі атрыбутамі стаецца ў гэтым творы месцам вялікай шчырасці, вобразнага, метафарычнага абагульнення духоўнага вопыту творчай асобы. Відавочна, што прыгажосць прыроды, жыццё ва унісон з прыродаю лірычнага героя ў паэзіі Я. Чыквіна найчасцей аказваецца шляхам да выяўлення ўнутраных рэфлексій, роздумаў аб трансцэндэнтным, вечным.

М. Бярдзяеў у 1931 годзе – як ва унісон з І. Канчэўскім! – пісаў, што творчасць, творчыя адносіны да ўсяго жыцця ёсць не толькі правам чалавека, а і ягоным абавязкам (7, с.121). І невыпадкова, што менавіта ў кампетэнцыі паэзіі – мастацтва слова – паказаць, адлюстраваць разнастайнасць як бачнага, так і толькі вычуваемага, а кожнае ж слова таксама ёсць пэўнай энергіяй: не быў бы чалавек *вобразам і падабенствам Божым.* Падкрэслім, што вобразам і падабенствам менавіта духоўным, сутнасным. Паэзія Я. Чыквіна, сцвярджаючы самакаштоўнасць духоўнага жыцця, дае магчымасць прасачыць, як паступовa з *цела душэўнага* разгортваецца *цела духоўнае*.

Спіс літаратуры

1. Абдзіраловіч, Ігнат. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / Ігнат Абдзіраловіч. – Менск: Навука і тэхніка, 1993.

2. Ильин, Иван. Аксиомы религиозного опыта. Наследование / Иван Ильин. – Москва: АСТ, 2006.

3. Сяднёў, Масей. Масеева кніга / Масей Сяднёў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994.

4. Сляза пякучая Айчыны. Творчы партрэт Яна Чыквіна. – Беласток: Бібліятэка БЛА «Белавежа», 2000.

5. Чыквін, Ян. Іду / Ян Чыквін. – Беласток: Выдавецтва ГП БГКТ, 1969.

6. Чыквін, Ян. Жменя пяску / Ян Чыквін. – Беласток: Бібліятэка БЛА «Белавежа», 2008.

7. Бердяев, Н.А. О назначеннн человека / Н.А.Бердяев. – Москва: Республика, 1994.

8. Чыквін, Ян. Крэйдавае кола / Ян Чыквин. – Беласток: Бібліятэка БЛА «Белавежа», 2002.

9. Чыквін, Ян. Кругавая чара / Ян Чыквин. – Беласток: Бібліятэка БЛА «Белавежа», 1992.

10. Лосский, В.Н. Очерк мистического Богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В.Н.Лосский. – Москва: Цэнтр «СЭН», 1991.

11. Raiпег Maгia Ri1кe, Qedichteю – Leipzig: Уer1ag Philip Reklam, 1975.

12. Блок, Александр. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников / Александр Блок. – Москва: Правда, 1989.

13. Чыквін, Ян. Светлы міг / Ян Чыквин. – Мінск: Маст. літ., 1989.

14. Занеўская, Тарэса. Катэгорыя прыгажосці ў лірыцы Яна Чыквіна / Тарэса Занеўская // Ніва (Беласток). – 1995. – 2 ліпеня.

МОВАЗНАЎСТВА (JEZYKOZNAWSTWO)

LUBOW FROLAK

Lublin

SEMANTYKA I STRUKTURA NAPISYW NAGROBNYCH NEKROPOLII PRAWOSJAWNYCH POGRANICZA POLSKO-WSCHODNIOSJOWIACSKIEGO[1]

«Aforyzm mywiacy, їe *ojczyzna to ziemia i groby*, kryje w sobie gікbok№ prawdк o wieloњci wielopokoleniowych zwi№zkyw ludzkich z ziemi№ rodzinn№ i ci№gioњci narodowych dziejyw. Cmentarze s№ bowiem obrazem historii. Ich dzieje s№ takїe zwierciadiem przemian postawy wobec њmierci, st№d z wygl№du miejsc pochywku odczytywaж moїna losy nie tylko jednostek, ale takїe wielkich zbiorowoњci i ich kultury», – tak pisze o roli cmentarza Jacek Koibuszewski, okreњlaj№c nekropolік jako *tekst kultury* [4, s.33], ktyrego zaznaczony charakter rozwin№i siк w XIX wieku, kiedy to, w duchu romantycznym, cmentarz zaczкto okreњlaж jako «ksiкga», «sztambuch», na ktyrego stronach zapisana jest historia ludzkoњci [Ibidem].

Cmentarze pogranicza polsko-wschodniosiowiacskiego nie s№ wyj№tkiem i odzwierciadlaj№ wspyifunkcjonowanie, przenikanie siк kultur narodyw s№siaduj№cych – polskiego, biaioruskiego, ukraicskiego, ich historiк oraz meandry dziejyw. Obrzкdy pogrzebowe, jak teї ornamentyka, symbolika nagrobkyw, wyposaїenie grobyw wyraџnie odbijaj№ mentalnoњж ludu jako charakterystyczny sposyb myњlenia i odnoszenia siк do rzeczywistoњci, w tym do їycia i њmierci, pojmowania zwi№zku miкdzy њwiatem їywych a њwiatem umariych, przyjкcia okreњlonych zasad i wartoњci, ktyre wyznaczaj№ sposyb zachowania pewnej jednostki lub grupy spoiecznej w odniesieniu do pamiкci o przodkach. W zwi№zku z tym napisy nagrobne jako specyficzna dziedzina uїycia jкzyka zasiuguje na uwagк nie tylko jкzykoznawcyw, ale rywnieї historykyw, etnografyw, socjologyw.

Przestrzenna organizacja pochywkyw, wystryj plastyczny, formuiy oraz treњж napisyw nagrobnych na cmentarzach pogranicza polsko-wschodniosiowiacskiego s№ odbiciem problemyw spoiecznych i kulturowych owych regionyw: istnienie grup spoiecznych ryїnych wyznac, ktyre maj№ odmienne koncepcje eschatologiczne, jкzyki, grafikк, systemy њwiatopogl№dowe [Zob. rywnieї: 5, s. 53; 3]. Wiкc, wњryd giownych czynnikyw, wpiywaj№cych na semanykк cmentarzy regionyw pogranicznych naleїy wymieniж: 1. Stan narodowoњciowy i wyznaniowy, jego zioїony charakter, zmiany i kontaminacje; 2. Szkoia i jкzyk nauczania; 3. Jкzykowo-kulturowe otoczenie; 4. Przestiїowoњж jкzyka mniejszoњci narodowej oraz ewentualne sfery uїywania gwary; 5. Historia regionu; 6. Charakter miejscowoњci i grupy spoiecznej, ktyra zaioїyia cmentarz (miasto, miasteczko, wieњ; klasztor, cerkiew miejscowoњж opuszczona przez ludzi i td.); 7. Charakter cmentarza wobec grup wyznaniowych – unicki, prawosiawny, mieszany.

Wediug J. Koibuszewskiego, semantyczny obraz cmentarza przedstawia siк «jako pewnego rodzaju suma wartoњci kulturowych wyraїonych w jego organizacji przestrzennej i wystroju plastycznym, oraz sumie treњci wypowiadanych w epitafiach i innych inskrypcjach, emblematach, znakach» [5, s. 53].

Kompleks semiotyczny cmentarza skiada siк ze znakyw pozajкzykowych i jкzykowych, wњryd ktyrych moїemy wyryїniж nastкpuj№ce obowi№zkowe i fakultatywne elementy [Zob. 9]: 1. Symboliczne lub siowne oznaczenie tego, їe to jest miejsce pochowku zmariego (zmariych); 2. Formuia identyfikacyjna zmariego (zmariych); 3. Okreњlenie diugoњci їycia. Do elementyw fakultatywnych moїemy odnieњж: dedykacjк, przesianie martwego do їywych, zwrycenie siк czionkyw rodziny do zmariego; spoieczna czy inna charakterystyka zmariego.

Jak pokazuje przeanalizowany materiai wybranych nekropolii prawosiawnych i mieszanych (z czкњci№ rzymskokatolick№ i prawosiawn№ lub prawosiawno i greko-katolick№) Podlasia Pyinocnego, Podlasia Poiudniowego i Jemkowszczyzny w porywnaniu z materiaiami badaczy

[1] Praca naukowa finansowana ze њrodkyw na naukк w latach 2005 – 2008 jako projekt badawczy

z Polski Centralnej [Zob. 8] i Woiynia [Zob. 2], – istotne znaczenie ma nie tylko sposyb i њrodki semiotyczne materializacji zaznaczonych elementyw, ale rywnieї kolejnoњж ich wystкpowania.

1. Symbolem miejsca pochywku jest krzyї jako znak chreњcjacstwa. Koscioi twierdzi, їe «skrzyїowanie linii Boga – pionowej i linii cziowieka – poziomej tworzy znak krzyїa... Cziowiek, ktyry przez chrzest, jak powiedziai Pawei Apostoi, zostaje wszczepiony w Chrystusa kryje w sobie cziowieczecstwo i transcendencjк. Krzyї mкk№ Chrystusa uњwiкcony jest najpierw znakiem mкki i cierpienia, jednak konsekwencj№ krzyїa Chrystusowego byio zmartwychwstanie [...], dlatego krzyї jest rywnieї znakiem zwyciкstwa, zmartwychwstania i chwaiy. Kiedy wiкc zatykamy [umieszczamy] krzyї na mogile wyznawcyw Chrystusa to wszystko giosimy caiemu њwiatu» [Zob. 6]. Na nagrobkach rzymskokatolickich jako symbol wyznania jest umieszczany krucyfiks (krzyї z wizerunkiem Chrystusa Ukrzyїowanego), ktyrego nie znajdujemy, z reguiy, na nagrobkach prawosiawnych albo rzadko znajdujemy na pochowkach greko-katolickich (tu czкњciej na nagrobkach metalowych). Jak wynika z cytowanego wyїej, krzyї jest znakiem polisemantycznym, oznacza bowiem: 1. wyznanie religii i obrz№dku – chreњcjanin, wierny cerkwi prawosiawnej czy cerkwi greko-katolickiej, rzymskokatolikiej (ksztait krzyїa, obecnoњж krucyfiksa), 2. miejsce pochywku cziowieka tego wyznania, 3. znak cierpienia i mкczeninctwa; 4. znak zmartwychwstania.

Jako poznaczenia miejsca pochowku uїywa siк abrewiatury, w napisach cyrylicznych – В.П., В†П (В.†П.) «вічна пам'ять» (ukr.), «вечная память» (ros.), «вечная памяць» (biai.) lub Б†П (Б.†П.) «блаженної пам'яті» (ukr.), a w napisach iacink№ – Њ†P (Њ.†P.) «swiкtej pamiкci», co jest w jкzykach polskim i wschodniosiowiacskich tradycyjnym sposobem wyraїania szacunku, powaїania zmariych i jednoczeњnie – wyodrкbnienia zmariego, wyi№czenia jego ze њwiata їyj№cych, np.: Њ. P. */ Michai / Romaniuk/ їyi lat 78 / zm. 21-IV-1982 r. / pokyj jego duszy*; Б. П. / *Евдокія Іоакімовна* / *Тихмановичъ* / *СК. 23-VI-1928 г.* / *НА 46 Г. Ж.* / *МИР ПРАХУ* / *ТВОЕМУ* / *ДОРОГАЯ ЖЕНА* / *І МАТЬ;* В. П. /МИХАИЛ / БАЛКОВИЧ / ЖИЛ 63 ЛЕТ / УМ. 7-I-1934 Г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / ДОРОГОЙ МУЖ И ОТЕЦ / УПОКОЙ ГОСПОДИ ДУШУ / РАБА ТВОЕГО (Biaia Podlaska).

Znak krzyїa, ktyry najczкњciej siк znajduje miкdzy wyїej wymienionymi literami rymnieї jest wielosemantycznym. W napisach nekropolii tak prawosiawnych, jak i katolickich Podlasia znak ten wskazuje na miejsce pochowku i powtarza znaczenie krzyїa jako symbolu cierpienia i zmartwychwstania. Jednak na cmentarzach Jemkowszczyzny krzyїyk wystкpuje jako synonimiczny do wyrazu «zmari (a), np.: *Тутъ почиваетъ Наста* / *Кусайло жена Ивана …* 1911 /*жертвовали* […] *Антоній Кусайло 1928 года* [Czarne, Gm.Sкkowa, 7 s.38]. W niektyrych napisach znak ten jest nieobecny.

Na mniejszej czкњci nagrobkyw nekropolii Podlasia znajduj№ siк siowne poznaczenia miejsca pochowku dokonane przez formuiк «*здесь покоятся*», «*здесь покоится прах*», «*здесь похоронен(а)*», np. *здесь похор /на гр. деревни / Яновки / Варвара Занюкъ; здес / покоїтся / прах/ Кузмы За /пюка (Gm.Hanna).*

Na cmentarzach Jemkowskich formuia napisu najczкњciej zaczyna siк od zwiazku wyrazowego *Тут спочиває* /, wystкpuj№cego w kilku wariantach, ryїnica miкdzy ktyrymi polega w uїywaniu, po pierwsze, form przysiywka – peinej *Тут*, skryconej *Ту* (wpiyw jкzyka polskiego) lub z ъ (jerem) na koccu wyrazu *Тутъ* oraz stylizowanej pod cerkiewno-siowiacsk№ formy z h – *Здhсъ* z jerem na koccu wyrazu, *Здhсь* z miкkkim znakiem, *Здесъ* przez *e*, np. *Тут спочиває* / *Тутъ спочивають* / *Ту спочиває* / *Здесъ почивають / Здhсъ почиваєтъ / Здhсь почивають.* Po drugie, pocz№tkowe grupy wyrazyw odryїniaj№ siк od siebie formami czasownika *спочиває / спочивають / почиваетъ / почиваєтъ/ почивають*. Pierwsza z tych form z prefiksem *с-* ma m.in. znaczenia 1.«odpoczywaж, t.zn. przerwaж jak№њ pracк, czynnoњж poi№czon№ z wysiikiem; spкdziж czas na spoczynku po zrobieniu czegoњ lub uwolniwszy siк od jakichњ zajкж»; 2. znajdowaж siк po њmierci w jakimњ miejscu, – druga zaњ jest archaiczna i uїywana jako uroczysta tylko ze znaczeniem, zwi№zanym ze њmierci№ jako wiecznym odpoczynkiem. Forma czasownika teї wskazuje na iloњж pochowanych np. *Тут спочиває* / *Наста Смий* [Banica, Gm.Sкkowa, 7, s.14]; *Тут спочивають* / Андрей [...] / [...] 1902 [...] [Czarne, Gm.Sкkowa, 7, s.42]; *Ту почивають* / *Иванъ и Варвара Гиба* /✝ 17.8.1907 ✝23.8.1906 / *Вhчная память!*

[Czarne, Gm.Sкkowa, 7, s.37]; *Ту спочиває / Дмитро / Ванько /рож.* [...] *ум.* [...] [Czarne, Gm.Sкkowa, 7, s.55]; *Здhсъ почиваєтъ / Елена Про*[...] / *Вhчная Ей память / Во славу Божію создал синъ Олександр 1928 г.* [Czarne, Gm.Sкkowa, 7, s.56]. Jak widaж z przykiadyw, przez ulokowanie na pocz№tku napisu w tych inskrypcjach akcentowane jest miejsce pochowku, ktyre znajduje siк wiasnie tu, gdzie umieszczono napis.

Wieloznacznoњж tego rodzaju napisyw wynika, po pierwsze, ze znaczenia, ktyrego nadaj№ mieszkaccy tego regionu przekazywaniu informacji potomkom o miejscu znajdowania siк grobyw rodzicyw, dziadkyw i pradziadkyw. Po drugie napisy te przekazuj№ rozumienie przez mieszkaccyw regionu њmierci jako spoczynku po ciкїkiej pracy i cierpieniu w їyciu. Metaforyczne wyraїanie њmierci jako snu charakterystyczne jest dla wielu regionyw Siowiacszczyzny. Jego przywoiuje, m.in. Renata Marciniak w opisie cmentarzy Jowicza (centralna Polska), podkrelaj№c, їe owe znaczenie wynika z zasad religii chreњciacskiej, «ktyrej jednym z elementyw jest їycie wieczne, њmierж jest stanem przejњciowym, snejm» [Zob. 7, 1, s.95]. Jednak materiai nekropolii Polski Centralnej analizowany przez R.Marciniak wykazuje czкstsze zwrycenie siк mieszkaccyw tego regionu w napisach nagrobnych do metafory opartej na widzeniu њmierci jako kocca њwiata, przejњcia do њwiatu zmariych, np.: *odejњж od nas, odejњж na wieki*; Њ.P. Wiadysiaw Palos / 1922-1898 / odeszliњcie od nas – tak chciai Byg / myњmy zostali sami / wieczysty przekroczyliњcie pryg / lecz zawsze jesteњcie z nami (Jowicz) [Ibidem]. Akcentuje na tej metaforze jako swoistej dla napisyw na cmentarzach Woiynia Agnieszka Dudek [2]. Porywnajmy napisy: ТУТ СПОЧИВАЄ / РАБ. / МЕЛЬНІК МИКОЛА / АНТОНОВИЧ / НАР. 10/Х 1913 **ПОМЕР** 12/IV 1939 Р. / СПОКІЙ ДУШІ ЙОГО (Juck); ТУТ СПОЧИВАЄ / КОНДЗЕРА / ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ / НАР. 12? 1900 Р / ПОМ. 25?XII 1945 Р. / **СПИ СПОКІЙНО /** КОХАНИЙ ДРУЖЕ / ОСТАННІЙ ДАР ТОБІ /ПРИНОШУ ДРУЖИНА (Juck).

W tradycji prawosiawnej wierny cerkwi jest poddanym Boga, dla tego znak Р.Б. «раб Божий» zamieszczony przed nazwiskiem i imienem teї nie jest jednoznacznym, wskazuj№c na wyznanie, giкbok№ religijnoњж i pokorк przed wol№ Boga, np: Р. + Б. / ОЛЬГА ДЕМИДОВА / КУХАРЧУК / СПОЧИВАЕ ВІЧНИМ СНОМ / ВМ. 9 / XI 1946 ТРАГІЧНОЮ СМЕ / РТЮ НА 26 ЖИТТЯ (Juck). Jednak znak ten nie ma znaczenia «zmariy», poniewaї jest uїywany rywnieї, jeњli chodzi o їyjacego prawosiawnego, np., w czasie modlitwy i td.

Wiкc, analiza tylko czкњci elementyw napisyw nekropolii pogranicza polsko-wschodniosiowiacskiego pokazaia zioїonoњж kompleksu semiotycznego cmentarzy, zwiaszcza mieszanych. Kaїdy z poddanych analizie elementyw ma tradycyjne znaczenie, jednak jego semantyka zaleїy teї od ulokowania znaku w napisie wњryd innych elementyw znacz№cych. Kolejnoњж ich zamieszczenia wykazuje specyfikк њwiatopogl№du mieszkaccyw regionu oraz ujawnia przenikanie siк elementyw kultury pogrzebowej na pograniczu jкzykowo-kulturowym.

Spis literatury

1. D№mbrowska, A. Siownik eufemizmyw polskich czyli w rzeczy mocno, w sposobie iagodnie / A.D№mbrowska. – Warszawa, 1998.

2. Dudek-Szumigaj, Agnieszka, Eufemizmy њmierci w њwietle inskrypcji nagrobnych wybranych nekropolii prawosiawnych Woiynia / Agnieszka Dudek-Szumigaj // Tabu jкzykowe w gwarach siowiacskich. – Lublin, 2008.

3. Kasper, Joanna, Znaczenie cmentarza / Joanna Kasper. – http: www.cmentarzepogranicza.pl

4. Kolbuszewski, Jacek. Cmentarze / Jacek Kolbuszewski. – Wrociaw, 1996.

5. Kolbuszewski, Jacek. Wiersze z cmentarza / Jacek Kolbuszewski. – Wrociaw, 1985.

6. Ks. Mierzwa, Piotr. Ludzie њwieccy. Czyї Zygmunt. – http: www. diecezia.rzeszow.pl

7. Ks. Roman Dubec, Adan Jacczy, Inwentaryzacja cmentarzy iemkowskich w nieistniej№cych wsiach na terenie gmin Sкkowa i Uњcie Gorkickie. – Gorlice, 2007.

8. Marciniak, Renata. Okreњlenia њmierci i umierania w inskrypcjach nagrobnych cmentarzy w Jowiczu i Ziakowie Koњcielnym / Renata Marciniak // Tabu jкzykowe w gwarach siowiacskich. – Lublin, 2008.

9. Фроляк, Любов. Інскрипції некрополів польсько-українського пограниччя: нагробні написи на цвинтарі села Ганна Володарського повіту на Люблінщині / Любов Фроляк, Ева Назарук // Діалектологічні студії 6. – Львів, 2008.

AGNIESZKA DUDEK-SZUMIGAJ

Lublin

METAFORYZACJA ЊMIERCI W ЊWIETLE INSKRYPCJI NAGROBNYCH CMENTARZA PRAWOSJAWNEGO W ZABJOCIU KOJO BIAJEJ PODLASKIEJ [1]

Myњl o њmierci wywoiuje lкk, niepewnoњж, brak wizji, pustkк, bezsilnoњж. Wszyscy doњwiadczamy tych uczuж, choж na ryїne sposoby prybujemy sobie z nimi poradziж. Wymazanie њmierci z naszej њwiadomoњci nie jest jednak moїliwe, moїemy jedynie zamaskowaж nasze reakcje na ni№, choж wyparcie tego wydarzenia z indywidualnej i zbiorowej њwiadomoњci to przejaw coraz wiкkszego lкku przed њmierci№. Tabuizacja њmierci lкk ten rywnieї wzmaga, bo to, co nienazwane tajemnicze, niewyraїalne, budzi wiкksz№ grozк [7, s.160]. Њwiadomoњж nieuchronnoњci nadejњcia tego ostatniego i nieodwracalnego etapu bytowania cziowiek powoduje, їe њmierж tak jak inne zjawiska niezrozumiaie, niebezpieczne, nadprzyrodzone staje siк tabu, wywoiuje lкk, ktyrego konsekwencj№ jest ograniczenie lub caikowity zakaz uїywania nazw pozostaj№cych w mistycznym zwi№zku ze swoimi desygnatami. W przekonaniu mywi№cych tego rodzaju nazwy, czyli tabu, mog№ byж narzкdziem naszego bezpoњredniego oddziaiywania na te zjawiska [3, s.41].

Jak zauwaїa I. Borkowski, w jкzyku wspyiczesnej epigrafiki odzwierciedleniem lкku przed њmierci№ i prybк wyrugowania jej z codziennoњci jest eufemizowanie wszystkiego, co siк ze њmierci№ wi№їe [1, s.343 – 348]. Uїycie eufemizmu, czyli zastкpczego њrodka jкzykowego (wyrazu, wyraїenia lub zwrotu) o pozytywnych lub neutralnych konotacjach, bкd№cego ominiкciem, zasioniкciem lub ziagodzeniem nazwy wprost [2, s.51] metaforyzuje њmierж, przedstawia j№ w sposyb obrazowy, przenoњny, a tym samym ziagodzony.

W analizowanym materiale najliczniejsz№ grupк metafor њmierci stanowi№ okreњlenia zastкpcze nawi№zuj№ce do odpoczynku[2] :

ZAB-6243
Њ.P.
MIKOJAJ
CHARYTONIUK
ЇYJ 71 LAT
ZM. 30. 01. 1996 R.
SPOCZYWAJ W POKOJU

---

[1] Praca naukowa finansowana ze њrodkyw na naukк w latach 2005 –2008 jako projekt badawczy. Podstawк materiaiow№ artykuiu stanowi№ inskrypcje nagrobne pochodz№ce z cmentarza prawosiawnego w Zabiociu (powiat bialski, wojewydztwo lubelskie). Materiai zostai zebrany w ramach grantu wiasnego pt. *Strukturalno-semantyczny opis nekropolii prawosiawnych Lubelszczyzny,* realizowanego w Uniwersytecie im. M. Curie-Skiodowskiej w Lublinie w latach 2005 - 2008 pod kierownictwem prof. dr. hab. F. Czyїewskiego.

[2] Z odpoczynkiem kojarzy siк samo umieranie; w znaczeniu 'odpocz№ж, quiescere' w jкzykach siowiacskich uїywane s№ kontynuanty prasiowiacskiego **pouin№ti.* W jкzykach poiudniowosiowiacskich maj№ one ponadto znaczenie 'umrzeж'. Oba te znaczenia maj№ rywnieї rosyjskie *pouitь* i polskie szesnastowieczne *spoczyn№ж.* Form№ przejњciow№ w ewolucji znaczenia jest macedocskie *pouiva* i ukraicskie *pouyvaty* 'leїeж, o umariym' oraz iacicskie *quiesco* 'leїeж (spoczywaж) w grobie'. Rywnieї polskie szesnastowieczne *odpocz№ж* znaczyio 'znaleџж spokyj, ukojenie, o zmariych'. Istot№ bowiem pierwiastka siowiacskiego **ui-,* ktyremu odpowiada iacicskie *qui-* jest bezruch, bezczynnoњж, cisza [5, s.308].

ZAB-6385
S. P.
ANASTAZJA
WOJOSZUK
ZYJA 33 LATA
ZM. 10.VIII.1931 R.
POKYJ JEJ DUSZY

TU **SPOCZYWA** MOJA ЇONA,
NASZA MAMA I BABCIA

ZAB-6461
TU **SPOCZYWA W BOGU**
S. P.
MICHAJ
RUDZKI
UR. 12-XI-1888 R.
ZM. 18-XI-1975 R.
POKYJ JEGO DUSZY
KOCHANEMU OJCU- RODZINA

ZAB-6568
В. П.
МИХАИЛ МАКСИМОВИЧ
ШЕПЕЛЮК
27.09.1881 – 21.02.1936

АННА МИХАЙЛОВНА
ШЕПЕЛЮК
16.02.1887 – 5.09.1974
ВЕЧНЫЙ ИМ
ПОКОЙ

Kolejna grupa metafor nawi№zuje do њmierci jako snu i przedstawia cziowieka zmariego jako њpi№cego. Њmierж i sen stanowi№ czкste motywy w mitologii greckiej (Tanatos – personifikacja њmierci – byi bliџniaczym bratem Hypnosa uosabiaj№cego sen). Takїe w wierzeniach chrzeњcijacskich, w ktyrych istotnym elementem jest їycie wieczne, њmierж traktowana jest jak sen, czyli stan przejњciowy, czasowy, nie zaњ jako caikowite unicestwienie cziowieka [2, s. 95 – 96]. W analizowanym materiale zanotowano nastкpuj№ce inskrypcje wykorzystuj№ce metaforк snu:

ZAB-7063
ALEKSANDER
SZOJUCHA
UR.14.07.1925 R.
ZM.21.09.1983 R.
«WIELU ZAЊ,
CO **POSNKLI** W PROCHU ZIEMI,
ZBUDZI SIK…»
(DAN.12:20)

ZAB-6220
СО
СВЯТЫМИ УПОКОЙ
ГОСПОДИ ДУШУ **УСОПШАГО**
РАБА ТВОЕГО

ИГНАТИЯ
АНТОНОВИЧА
САМОЩУКА
ПОМ. 15 – 1- 1920

ZAB-6323
УПОКОЙ ГОСПОДИ ДУШУ
УСОПШАГО РАБА ТВОЕГО
ФОМУ
ИВАНЧЕВСКАГО
15.07.1898Г. 1.05.1963 Г.
ПАМЯТЬ ОТ ЖЕНЫ И ДЕТЕЙ

Jak zauwaïa I. Borkowski, zastкpowanie њmierci snem ma nie tylko funkcje iagodz№ce, ale teї przypomina o odwracalnoњci њmierci, czyli o zmartwychwstaniu, traktowanym w chrzeњcijacstwie jako przebudzenie [1, s.348]. Oto przykiady inskrypcji nawi№zuj№cych do zmartwychwstania:

ZAB-6284
Њ.P.
MIKOJAJ
ROMACCZUK
ЇYJ LAT 82
ZM. DN. 22. XII. 2004 R.
POZOSTAWIJ W SMUTKU
ЇONK I DZIECI
OCZEKUJE ZMARTWYCHWSTANIA

ZAB-6285
ANASTAZJA GASIUK
UR. 24. IV. 1914 R.
ZM. 3. V. 2004 R.
OCZEKUJE ZMARTWYCHWSTANIA
JANA 5: 28.29

ZAB-6527
Њ.P.
ANASTAZJA
SAMOSZUK
ЇYJA LAT 84
ZM. **DN. 28-XII-1979 R.**
JAM JEST ZMARTWYCHWSTANIE
I ЇYWOT: KTO WE MNIE WIERZY,
CHOЖBY UMARJ ЇYЖ BKDZIE
JAN II 25

ZAB-7060
PELAGIA STEFAN
TROЖ TROЖ
UR. 1893 R. UR.1896 R.
ZM. 1994 R. ZM.1989 R.
«POKJADAJЃC W BOGU NADZIEJK,
ЇE **NASTЃPI ZMARTWYCHWSTANIE**
SPRAWIEDLIWYCH I NIESPRAWIEDLIWYCH»
Dz. A.24:15

Do zmartwychwstania – tu okreњlonego jako *powstanie do їycia* – nawi№zuje poniїsza inskrypcja, w ktуrej przypomina siк o s№dzie ostatecznym:

ZAB-6287
ZOFIA
KIRYLUK
ZYJA 96 LAT
ZM. 26. XII. 1996 R.
«NIE DZIWCIE SIК TEMU, GDYЇ NADCHODZI GODZINA,
KIEDY WSZYSCY W GROBACH USJYSZҐ GJOS JEGO
I WYJDҐ CI CO DOBRZE CZYNILI, BY **POWSTAЖ DO ЇYCIA**
A INNI KTУRZY ЏLE CZYNILI, BY **POWSTAЖ NA SҐD**.»
Ew. JANA 5 : 28-30

Inskrypcje poњwiкcone pamiкci dzieci zawieraj№ peryfrastyczne okreњlenie њmierci *powiкkszyж grono anioikуw*:

ZAB-6538
Њ.P.
ANDRZEJ
DANILUK
UR. 8-II-1973 R.
ZM. 14-II-1973 R.
POWIКKSZYJ GRONO
ANIOJKУW
*
ZAB-6541
Њ.P.
ANTOЊ
MIKICIUK
ЇYJ 1,5 ROKU
POWIКKSZYJ
GRONO ANIOJKУW

Ten zunifikowany napis њwiadczy o przekonaniu, їe po њmierci dziecko na pewno znajduje siк w niebie. Wiarк w poњmiertn№ chwaік niebiesk№ zmariego dziecka wyraїa rzeczownik *anioi* lub frazeologizm *powiкkszyi grono anioikуw* (bкd№ce teї eufemizmem rzeczownika *њmierж* i czasownika *umrzeж*). W potocznej њwiadomoњci los dziecka nie podlega dyskusji – zostaje ono bezwarunkowo zbawione. Dziecko okreњla siк czкsto mianem anioia ‘niematerialnej istoty poњrednicz№cej miкdzy Bogiem a cziowiekiem’. W inskrypcji nastкpuje kontaminacja postaci dziecka i anioia ze wzglкdu na podobne cechy: niewinnoњж, szczegуlne umiiowanie przez Boga, nieszkodliwoњж, niezioњliwoњж. Ta stereotypowa kontaminacja zostaje nastкpnie sfunkcjonalizowana: podobne do anioia dziecko odchodzi do grona niebieskich duchуw i uzyskuje moїliwoњж orкdowania za їywymi [1, s.350 – 351].

W inskrypcjach cmentarza prawosiawnego w Zabiociu њmierж eufemizowana jest poprzez przeniesienia metonimiczne. Џrуdiem tworzenia tego rodzaju wyraїeс zastкpczych њmierci jest leksem *grуb,* co nawi№zuje do pochodz№cego z Pisma Њwiкtego zdania: *Zd№їaж bкdzie cziowiek do swego wiecznego domu* (Koh. 12, 5); o zmariych mуwi siк tam: *A groby ich bкd№ ich domami na wieki* (PS. 48, 12 – Wlg) [6, s. 49]. Grуb staje siк wiкc synonimem domu, їycie ziemskie zaњ oznaczaio przejњciowy pobyt poza domem [4, s. 207].

ZAB-6490
S. P.
WIERA HAJASZUK

ÏYJA 63 LATA ZM. DN. 18-IV-1995 R.
POKУJ JEJ DUSZY
CO MIELIЊMY NAJDROÏSZEGO
ZJOÏYLIЊMY W TYM GROBIE
TYLKO ÏAL I SMUTEK
ZOSTAJ NAM PO TOBIE
DZIECI

ZAB-6763
ЊP.
ALEKSANDER
JUCHIMIUK
ÏYJ LAT 21 ZG.TRAG.7 II 1975
POKУJ JEGO DUSZY
SYNU UKOCHANY
SPOCZYWASZ W TYM GROBIE
A NAM POZOSTAJ ÏAL
I SMUTEK PO TOBIE
RODZICE

ZAB-6287
ZOFIA
KIRYLUK
ZYJA 96 LAT
ZM. 26. XII. 1996 R.
«NIE DZIWCIE SIK TEMU, GDYÏ NADCHODZI GODZINA,
KIEDY WSZYSCY **W GROBACH** USJYS

ЗДІЕСЬ
ПОКОІТСЯ
ВЕРА ЛІТВІНЮК
Ж. 18 Л. П 17 АВГ.
1940 Г.
МІР ПРАХУ
ТВОЕМУ
П. ОТ ОТЦА ГЕОРГІЯ
И МАТЕРИ ПАВЛІНЫ

ZAB-6237
ЗДЕСЬ
ПОКОИТСЯ
АННА ВАЛЬЧУК
УМ. 25 МАРТА
1923 ГОДА
МИР **ПРАХУ**
ТВОІЕМУ
ОТ МУЖА ДМІТРІЯ
ВАЛЬЧУКА

Kolejne zastкpcze okreњlenie њmierci skonstruowane poprzez metonimiк opiera siк na skojarzeniach z jedn№ z faz procesu umierania, tj. z zatrzymaniem pracy serca:

OKRUTNA ЊMIERЖ
CIEBIE ZABRAJA
NAJDROÏSZE SERCE

PRZESTAJO BIЖ
SZCZKЊCIE POGRZEBANE
BOLEЊЖ POZOSTAJA
LECZ W SERCACH NASZYCH
BKDZIESZ ЇУЖ
ЇONA I CYRKI
Z MKЇAMI

Wnioski

Poddane analizie zastкpcze okreњlenia њmierci odzwierciedlaj№ sposyb widzenia њwiata przez miejscow№ ludnoњж, w szczegylnoњci podejњcie do њmierci, stosunek do zmariych, zaleїnoњci i wiкzi emocjonalne miкdzy њwiatem їywych i zmariych. Poprzez werbalizacjк wymienionych obszaryw њwiatopogl№du ludowego podkreњla siк silne nacechowanie religijne eufemizmyw, wzmacniaj№ce ich siiк zasianiaj№c№ i iagodz№ce grozк њmierci tych, ktyrzy odeszli, jak i tych, ktyrzy doњwiadczaj№ lкku i bezsilnoњci wobec nieuniknionego *memento mori.*

Spis literatury

1. Borkowski, I. Њmierci tajemnicze wrota. Jкzykowy њwiat inskrypcji nagrobnych / I.Borkowski //Jкzyk a kultura. T. 13. – Wrociaw, 2000. – S. 343 – 354.
2. D№browska, A. Eufemizmy wspyiczesnego jкzyka polskiego / A. D№browska. – Wrociaw, 1994.
3. Diugosz, K. Inskrypcje nagrobne z Pomorza Zachodniego w ujкciu jкzykoznawczym / K. Diugosz. – Szczecin, 1991.
4. Dudek-Szumigaj, A. Eufemizmy њmierci w њwietle inskrypcji nagrobnych wybranych nekropolii prawosiawnych Woiynia / A. Dudek-Szumigaj //Tabu jкzykowe i eufemizacja w dialektach siowiacskich / red. F. Czyїewski, A. Tyrpa. – Lublin, 2008. – S. 201 – 209.
5. Herej-Szymacska, K. Z czym Siowianie kojarz№ umieranie / K. Herej-Szymacska // Problemy wspyiczesnej tanatologii. T. V / red. J. Kolbuszewski. – Wrociaw, 2001. – S. 305 – 310.
6. Kolbuszewski, J. Cmentarze / J. Kolbuszewski. – Wrociaw, 1996.
7. Mazurek, J. Lкk przed њmierci№ w ujкciu humanistycznym i psychiatrycznym / J.Mazurek, K. Maiyszczak, K. Maksymowicz // Problemy wspyiczesnej tanatologii. T. IX / red. J. Kolbuszewski. – Wrociaw, 2005. – S. 159 – 166.

MICHAJ KONDRATIUK
Biaiystok

URZKDOWE I GWAROWE NAZWY MIEJSCOWOЊCI PYJNOCNEJ BIAJOSTOCCZYZNY. OJKONIMY O DWU NAZWACH

W s№siaduj№cych ze sob№ gwarach polskich i biaioruskich obecnego wojewydztwa podlaskiego, na obszarze miкdzy Kanaiem Augustowskim na pyinocy a rzek№ Narew na poiudniu, w powiatach: augustowskim, biaiostockim, monieckim i sokylskim nazwy geograficzne s№ bardzo ciekawe, bo zryїnicowane pod wzglкdem jкzykowym, siowotwyrczym i znaczeniowym. Obok toponimyw polskich wystкpuj№ nazwy wschodniosiowiacskie i baityckie oraz formacje hybrydalne polsko-biaioruskie i siowiacsko-baityckie [2; 3; 4].

Przyczyn№ tak duїego zryїnicowania nazw miejscowoњci byio dawne osadnictwo terenu niejednolite pod wzglкdem etnicznym, jкzykowym i wyznaniowym. Obszar ten aї do rzeki Bug na poiudnie, byi zasiedlany z kilku kierunkyw: z caiego zachodu przez Mazowszan (Mazuryw), od wschodu przez Biaiorusinyw spod Grodna i Woikowyska z domieszk№ Litwinyw i Jaжwingyw oraz od poiudniowego wschodu znad Bugu i Brzeњcia przez Rusinyw pochodzenia pyinocnoukraicskiego. Te ryїne fale osadnictwa na ziemiach dawnych zachodnich rubieїy

Wielkiego Ksiкstwa Litewskiego przy granicy z Koron№, zetknкiy siк tworz№c jeszcze obecnie widoczny podziai na trzy zasadnicze czкњci: zachodni№ – zasiedlon№ przez ludnoњж polsk№, przewaïnie drobnoszlacheck№, czкњж poiudniowo-wschodni№ zasiedliia we wsiach chiopskich i miastach ludnoњж ruska, nadbuïacska oraz czкњж pyinocno-wschodni№, ktyr№ objкia w posiadanie biaioruska ludnoњж znad Niemna i znad Rosi z duï№ domieszk№ litewsk№ i potomkami emigrantyw jaжwieskich [1, s. 14-27; 6].

Podstaw№ materiaiow№ artykuiu s№ gwarowe zapisy nazw miejscowoњci we wszystkich punktach zamieszkaiych pyinocnej Biaiostocczyzny, zebrane pod kierunkiem prof. A. Obrкbskiej-Jabiocskiej, przeze mnie, M. Wryblewskiego i T. Zdancewicza podczas prac nad rejestracj№ nazw miejscowoњci i obiektyw fizjograficznych, przeprowadzanych w latach 1961-1970, na zlecenie Komisji Ustalania Nazw Miejscowoњci i Obiektyw Fizjograficznych przy Urzкdzie Rady Ministryw oraz gwarowe formy nazw miejscowoњci zebrane przez zespyi Pracowni Filologii Biaioruskiej Zakiadu Siowianoznawstwa PAN w Warszawie.

Porywnuj№c urzкdowe postaci nazw miejscowoњci z badanego obszaru z ich odpowiednikami gwarowymi widzimy nieraz duї№ rozbieïnoњж tych nazw w zakresie fonetyki, morfologii czy siowotwyrstwa. Ryïnice te moïna by uznaж za warianty fonetyczne, morfologiczne lub siowotwyrcze nazw urzкdowych. Nie wszystkie te rozbieïnoњci moïna tak okreњliж. Jest pewna liczba ludowych nazw miejscowoњci utworzonych od wyraџnie innych niї nazwy urzкdowe podstaw derywacyjnych. S№ to po prostu miejscowoњci o dwu nazwach, z ktyrych jedna jest nazw№ oficjaln№, uïywan№ przez urzкdy pacstwowe i wystкpuj№c№ na drogowskazach, a druga nazwa jest nazw№ gwarow№ uïywan№ przez okoliczn№ ludnoњж i to w duïym promieniu. Gdy chodzi o mapy, to moïna jedynie podkreњliж, ïe przynajmniej na niektyrych figuruj№ obie nazwy tej samej miejscowoњci (nazwa ludowa jako oboczna w nawiasach), a nieraz nazwa ludowa wystкpuje jako jedyna.

Rozbieïnoњж znaczeniow№ nazw urzкdowych i ludowych oraz odmiennoњж ich podstaw siowotwyrczych uwidacznia poniïsza tabela, w ktyrej podana jest nazwa urzкdowa, jej charakter oraz przynaleïnoњж administracyjna w ramach wsi, gminy i powiatu. W rubryce: nazwy gwarowe, zapisano czcionk№ biaiorusk№, uproszczonym zapisem fonetycznym, postaci gwarowe nazw w mianowniku i dopeiniaczu oraz przytoczono (jeњli byiy) formy przymiotnikyw utworzone od nazw miejscowoњci. Miejsca akcentu zaznaczono przez podkreњlenie samogioski akcentowanej w sylabach. W uwagach podano inne informacje istotne dla objaњnienia uïycia nazw podwyjnych.

NAZWA URZКDOWA, charakter obiektu, lokalizacja(wњ, gm., pow.)	NAZWA GWAROWA, (nom., gen., adi.), inne nazwy	UWAGI
1	2	3
Bagno, kol. wsi Zofiywka, gm. Kn, pow. mon.	*Баг'но, -а // Павэлко, -а*	
Bajki Stare, wњ gm. Trzc, pow. mon.	*Байкі Старэ,Байк –рых, байецкі// Старовесь, Старовсі*	Stare Bajki
Bobra Maia, kol. i pole wsi Koniuszki, gm. Nowd, pow. sok.	*Доха, -хі //Малая Бобра, Малой Бобры*	por. grunt bojaryna Jana Dochi 1558 r. PKGE I
Boguszowski Wygon, kol. wsi Bogusze, gm. Sok, pow. sok.	*Колёніі Подлесьнэ // Пшэгон, Выг`он Бог`ушовскі*	
Car, cz. wsi Stara J upianka, gm. J ap, pow. biai.	*За Ево, з За Евы*	
Chodorywka Nowa, wњ gm. Such, pow. sok.	*Фэрма, - мы, фэрмянскі*	Maj№tek rozparcel. w 1946 – 1947 r.

2	3	4
[illegible]	*Ксыва // Крывайа // Цэнтраля, крывлянскі*	
[illegible]	*Кумяла // Фэрма, кумельскі, фэрмясты*	
[illegible]	*Кусьцінак // Двор, з Дворнаго, кусьцінскі*	
[illegible]	*Берастэ, берастоўскі // Нова Весь*	
[illegible]	*Ліпск Мурованы // Маёнтак // Падлучэ, падлучанскі*	
[illegible]	*Ліза Нова // Лізянка, лізянскі*	
[illegible]	*Ліза Стара // Ліза, лізянскі*	
[illegible]	*Колёнійа Любейкі // од Радліньскіх*	daw. kol. Ra(e)dlicskich
[illegible]	*Ліпіна, -ны, ліпнаўскі*	
[illegible]	*Керкелеўшчына, - ны*	
[illegible]	*Лососьна // Капітанова // Капітаніха*	
[illegible]	*Сэты, - таў, сэтаўскі*	

2	3	4
[illegible]	*Поддубе // Бартошыха, -хі*	
[illegible]	*Падбудно // Дарашкевічы, падбудня́нскі*	
[illegible]	*Балото // Шкіландзе*	2 n. od nazwiska Szkii[illegible]
[illegible]	*Лахабуды // Маёнтак*	Daw. dwyr w XVIII-XIX w.
[illegible]	*Падкамянка // Плянта*	
[illegible]	*Подканторуфка // Гароднікі, -каў*	
[illegible]	*Падлазьні //Чабанэ*	2 n. od n. os. Czaban
[illegible]	*Падлазьніско // Чэрамхе, -хоў*	
[illegible]	*Паднавінка // Андрейчык, паднавінскі*	2 n. od nazw. Andrejczyk
[illegible]	*Прагаліна, -ны*	
[illegible]	*Падрудаўка // Бэты, падрудаўскі*	2 n. od n. os. Beto

Przedstawione wyїej rozbieїnoњci w brzmieniu nazw urzкdowych i ludowych oraz wystкpowanie dwych nazw dla jednego obiektu rodz№ pytania: Sk№d te rozbieїnoњci wynikaj№? Jaka jest przyczyna uїywania dwych nazw dla jednej miejscowoњci – nazwy oficjalnej, urzкdowej i nazwy ludowej? Jest to zadanie dla jкzykoznawcyw – onomastyw, ktyrzy oprycz objaњnienia pochodzenia nazw miejscowoњci i ich klasyfikacji, powinni badaж okolicznoњci ich powstania, ich rozwyj i zmiany. Nazwa geograficzna, to nie tylko oznaczenie miejsca na powierzchni ziemi, to takїe fakt historyczny. W kaїdej nazwie zostai zakodowany okreњlony sens, jakaњ treњж, naturalne wiaњciwoњci otoczenia, wytwory kultury spoiecznej i duchowej cziowieka czy fakt z їycia pierwszych mieszkaccyw osady.

Wyjaњnienie zjawiska rozbieїnoњci w brzmieniu nazw urzкdowych i ludowych oraz istnienia dwych nazw dla jednej tej samej miejscowoњci moїna rozwi№zaж jedynie w oparciu o bogate dane historyczne i informacje wspyiczesne o tych osadach. Z braku miejsca na dokiadne omawianie poszczegylnych nazw obiektyw zamieszkaiych, moїna jedynie okreњliж ogylne przyczyny istnienia rozbieїnoњci w brzmieniu nazw i uїywania dwych nazw dla jednej i tej samej miejscowoњci.

Nazwa urzкdowa czasami jest niezrozumiaia ze wzglкdu na swoje innojкzyczne pochodzenie, np. urzкdowa nazwa wsi *Brzesiawka* w gm. Korycin pow. sokylskiego w miejscowej gwarze biaioruskiej brzmi: *Parosiawka*, zapewne oznaczaia pierwotnie strumyk lub i№kк, teren poroњniкty i nie ma їadnego zwi№zku z polskimi wyrazami *siawiж, przesiawiж*. Nazwy urzкdowe powstaie od biaioruskiego apelatywu *hryd* 'miejsce wyїsze wњryd i№k biotnistych', polskie *gr№d* zostai skojarzony z polskim *gryd* 'miejsce obronne otoczone waiem lub murami zwykle z zamkiem warownym; twierdza' i st№d mamy nazwy Suchy Gryd, Samogryd, Juszkowy Gryd [4, 5].

Czкњж nowo powstaiych osad zostaia nazwana od istniej№cych juї wczeњniej mikrotoponimyw, pyl, pastwisk, zagajnikyw, laskyw i w ryїnych wykazach oficjalnych tak jest nazywana, w odryїnieniu od nazw ludowych, gdzie czкsto osady te miejscowa ludnoњж okreњla wediug nazw osobowych zamieszkaiych tam osadnikyw, np. urzкdowa nazwa: *Bagno, gw. Paweiko, Miynek, gw. Kundzicze, Miszkieniki, gw. Kmite, Na Polu, gw. Perkowskich, Nowosiyiki, gw. Kachanouski, Podbrzozywka, gw. Bartoszycha, Podbudno, gw. Daraszkiewicz, Podgaje, gw. Szkiiandzie, Podiaunie, gw. Czabane, Podnowinka, gw. Andrejczyk, Soroczycszczyzna, gw. Miltykie.*

Wiele nazw wsi, kolonii i czкњci wsi nowopowstaiych po dawnych prywatnych posiadioњciach nosz№ gwarowe nazwy od apelatywyw okreњlaj№cych charakter dawnych obiektyw takich jak *dwyr, ferma, maj№tek*. Oto przykiady: *Chodorywka Nowa, gw. Ferma, Kumiaia, gw. Ferma, Pokarszyniec, gw. Ferma Pokarszyniec; Kuњcinek, gw. Dwor, Kobyli Szyja, gw. Dwor, G№sywka Bagno, gw. Dwyr, Wilkowo Nowe, gw. Dwyr, Zubowszczyzna, gw. Dwyr; Lipsk Murowany, gw. Majontak, Podgrodzisk, gw. Majontak.*

Nazwy ludowe czasem zachowuj№ pamiкж o dawnych wiaњcicielach, np.: *Bobra Maia, gw. Docha,* (od gruntu naleї№cego do bojaryna Jana Dochi w 1558 r.), *Lubejki – Kolonia, gw. od Radlicskich, Olszynka, gw. Wilkindorf,* (dawny maj№tek niemiecki *Wilkedorf*).

Nieraz nazwa ludowa okreњla stan spoieczny osadnikyw, np.: *Nietupa, gw. Asoszniki,* (wczeњniej poњwiadczona џrydiowo nazwa – *Nietupa alias Osoczniki*), *Soiojewszczyzna, gw. Szlachta.*

	2	3	4
[illegible]	*Завістоўшчына, -ны // Руднікі, з Руднік*		
[illegible]	*Зорайе, -йду // Тылыбудек, зоражскі*	2 п. znana juї w 1708 r.	
[illegible]	*Двор, Двара, -рэ*	Daw. dobra panyw Nowickich 1784 r.	

Ludowe nazwy miejscowoњci, jak widaж z przytoczonych przykiadyw, zawieraj№ nieraz bardzo istotne informacje o pierwotnych osadnikach, historii osad i zmianach nazw w ryїnych okresach dziejowych. Analiza jкzykowa tych nazw musi byж jednak poparta wiarygodnymi џrydiami historycznymi i wspyiczesnymi zapisami gwarowymi omawianych obiektyw.

Spis literatury

1. Atlas gwar wschodniosiowiacskich Biaiostocczyzny. T. I / pod red. S. Glinki, A. Obrкbskiej-Jabiocskiej, J. Siatkowskiego. – Wrociaw-Warszawa, 1980.

2. Kondratiuk, M. Baitycko-siowiacskie hybrydy nazewnicze z formantem -i(z)na, -szczy-(z)-na, -icha, na terenie Biaiostocczyzny / M. Kondratiuk. Formacje hybrydalne w jкzykach siowiacskich / pod red. S. Warchoia. – Lublin, 1986. – S. 185 – 198.

3. Kondratiuk, M. Elementy baityckie w toponimii i mikrotoponimii regionu biaiostockiego / M.Kondratiuk. – Wrociaw, 1985.

4. Kondratiuk, M. Nazwy miejscowe i terenowe od apelatywyw geograficznych gr№d, hrud na pograniczu polsko-biaiorusko-ukraicskim / M.Kondratiuk. – Acta Baltico-Slavica. – XII. – 1979. – S. 147 – 157.

5. Kondratiuk, M. Nazwy miejscowe poiudniowo-wschodniej Biaiostocczyzny,. – Wrociaw, 1994.

6. Wiњniewski, J. Osadnictwo wschodniej Biaiostocczyzny, geneza, rozwyj oraz zryїnicowanie i przemiany etniczne / J.Wiњniewski // Acta Baltico-Slavica. – T. XI. – 1977. – S. 7 – 80.

LILIA CITKO

Biaiystok

TYP NAZW «ORIENTACYJNYCH» W HISTORYCZNEJ URBANONIMII GRODNA

Grodno, w najstarszej kronice ruskiej *Powieњж lat minionych* wzmiankowane po raz pierwszy w 1128 r. pod nazw№ *Horodno, Horodnia, Horoden*, powstaio jako warowny gryd na wzgyrzu, na prawym brzegu Niemna, u ujњcia do niego rzeki Horodniczanki (Sem 2008: 8). Stanowiio kulturowe centrum Czarnej Rusi. Sporna jest w historiografii pocz№tkowa przynaleїnoњж polityczna grodu. Opanowane w XII w. przez Litwinyw, w poiowie XIII znalazio siк w rкkach ksi№ї№t ruskich. Od r. 1283 aї do bitwy pod Grunwaldem nadniemecski gryd nкkany byi przez najazdy krzyїackie. W 1376 r. Grodno weszio ponownie w skiad Wielkiego Ksiкstwa Litewskiego. W 1391 r. otrzymaio niepeine prawo magdeburskie (rozszerzone w 1444) i zostaio jednym z giywnych miast Ksiкstwa. W tym czasie gryd stai siк giywn№ siedzib№ ksiкcia Witolda, na ktyrego rozkaz w 1398 r. wybudowano murowany gotycki zamek. Za panowania Jagiellonyw Grodno byio jednym z miast rezydencjalnych. Na zamku w Grodnie, Kazimierz Jagiellocczyk zgodzii siк przyj№ж koronк polsk№ od rycerstwa maiopolskiego. Tu zmari jego syn – њw. Kazimierz, patron Polski i Litwy – oraz kryl Stefan Batory. Od 1569 r. miasto wspyitworzyio, wraz z reszt№ Wielkiego Ksiкstwa Litewskiego, Rzeczpospolit№ Obojga Narodyw. W XVII – XVIII w. odbywaiy siк tu sejmy Rzeczypospolitej, w tym niesiawny sejm grodziecski z 1793 r., ktyry zatwierdzii II rozbiyr Polski. W Grodnie w 1795 r. abdykowai ostatni Kryl Rzeczypospolitej Stanisiaw August Poniatowski, a po klкsce insurekcji koњciuszkowskiej miasto przeszio we wiadanie Rosji.

Najstarsz№ historiк Grodna, podobnie jak wiкkszoњci miast dzisiejszej Biaiorusi, uksztaitowaia tradycja bizantyjska. Jak podkreњla J. Gordziejew (2008), autor najnowszej monografii Grodna, w strukturze miasta wyodrкbniaiy siк trzy czкњci: zamek, dzielnica obwarowana (okolny gorod) oraz dzielnice nieobwarowane. Sieж uliczna formowaia siк wediug zasady promieniњcie-pierњcieniowej. Od XIV w., po wejњciu Wielkiego Ksiкstwa Litewskiego

w strefк wpiywyw cywilizacji zachodniej, miasto rozwijaio siк juї wediug wzorcyw europejskich, ktyrych cech№ charakterystyczn№ byia obecnoњж dwych centryw: zamku (siedziby przedstawiciela wiadzy) oraz rynku z ratuszem (siedziby wiadz samorz№dowych miasta). Џrydia zachowuj№ dawny plan urbanistyczny Grodna, jednak nazewnictwo utrwalone zostaio w nich fragmentarycznie. W roku 1558 miasto skiadaio siк z dwych rozdzielonych Niemnem czкњci. W czкњci prawobrzeїnej byio 27 ulic i 2 rynki, w lewobrzeїnej zaњ 4 ulice i 1 rynek. W niecaie sto lat pyџniej, w 1651 r., dokumenty wymieniaj№ 448 placyw, a w 1680 r. – 570 (Dubas-Urwanowicz 1997: 23). Nazewnictwo tylko czкњci z nich zaњwiadczaj№ materiaiy џrydiowe. Analizowane niїej nazwy ulic grodziecskich wyekscerpowane zostaiy z opublikowanych dokumentyw XVI – XVIII w.[1], takich jak: *Inwentarz miasta JKMci Grodna A.D. 1680* (skryt: IG), *Lustracja kurz№cych dymyw w caiym powiecie grodzieckim [...] podiug konstytucji 1775 r. [...] sporz№dzona i do Archiwum Najjaњniejszej Komisyi Skarbu Rzplitej WKsLit. eodem Anno 8-bra 10 dnia oddana* (skryt: LDG) oraz *Spis mieszkaccyw Grodna z 1794 r. (na podstawie Deputacji Kontrybucyjnej)* (skryt: SG). Wykorzystano ponadto urbanonimy poњwiadczone w siowniku A. Mezenko, *Imia wnutrigorodskogo obiekta w istorii. Ob urbanonimach Bieiarusi XIV – nacz. XX w.* (skryt: Mez), w pracy J. Jodkowskiego, *Grodno* (skryt: Jodk) oraz w przewodniku *Korolewskij gorod Grodno*, oprac. A. Siemenczuk i A. Gostiew (skryt: Sem).

*

Typy semantyczne w obrкbie urbanonimii zdeterminowane s№, jak podkreњlaj№ badacze (por. np. E. Jкdrzejko 2000: 5-25), przez pewne uniwersalne wzorce nominacji wynikaj№ce ze wspylnego europejskiego dziedzictwa kulturowego. Niezaleїnie jednak od funkcjonowania konwencji onimicznej w nazewnictwie miejskim znajduj№ udokumentowanie szczegyiy indywidualnej historii miasta, jego specyficznej struktury architektonicznej, topograficznej, socjalnej, etnicznej. Jak wynika z analizy semantyczno-kulturowej nazw ulic Grodna, waїnym elementem wspyitworz№cym «pamiкж miasta» byia topografia. Urbanonimy siuї№ce orientacji w topografii reprezentuj№ najbardziej powszechny typ nazewnictwa miejskiego historycznego Grodna[2]. Ze wzglкdu na przebieg procesu (aktu) nominacji naleї№ do nazw motywowanych realnie, dokumentuj№ bowiem okreњlony zwi№zek z cechami nazywanych obiektyw. Odznaczaj№ siк pewnym zryїnicowaniem wewnкtrznym, jeњli chodzi o sposyb ich tworzenia[3].

Nieliczn№ grupк tworz№ w badanym materiale nazwy przeniesione z innych obiektyw na podstawie stycznoњci przestrzennej (z gramatycznego punktu widzenia s№ to giywnie rzeczowniki prymarne), np. *Horodnica* Jodk 1560 – 1561, LDG 1775 (nazwa centralnej czкњci Grodna, w ktyrej znajdowaiy siк reprezentacyjne budynki, paiace Mez s. 78) (n. rzeki *Horodnica*), *Podoi* Jodk 1560 – 1561 (*podoi* 'nisko poioїona czкњж miasta, pod gyr№' Mez s. 191), *улица Ровъ замковой* Mez XVIII w. (ap. *ryw*), *Rynek* Sem 1507, Mez 1560, IG 1680, LDG 1775, SG 1794 (ap. *rynek*).

Zdecydowan№ przewag№ iloњciow№ odznaczaj№ siк onimy bкd№ce od pocz№tku nazwami ulic. W ich motywacji waїne s№ cechy relacyjne lub inherentne nazywanego obiektu. Motywacja oparta na cechach relacyjnych wi№їe siк giywnie z funkcj№ kierunkow№ nazw, uiatwiaj№c№ orientacjк wewn№trz miasta lub poza nim.

Punktami odniesienia w obrкbie samego miasta s№ waїne instytucje lub obiekty architektury miejskiej: *Kaiuїycska* IG 1680, *Kaiuїacska* LDG 1775, SG 1794 (od nazwy cerkwi *Koioїa*, ktyra jest nazw№ przeniesion№, pochodzi od nazwy podgrodzia Pskowa *Koioїa*, sk№d przybyli jeccy ksiкcia Witolda, osadzeni przez niego na pocz. XV w. w Grodnie Mez s. 121), *Mogiikowa* SG 1794 (od ap. brus. *mohiiki* 'cmentarz', w stronк ktyrego ulica prowadziia Mez s. 157), *Mostowa* Sem 1496 (od ap. *most*, w stronк ktyrego prowadziia), *Ulica Plebacska* Mez 1560, LDG 1775, SG 1794 (od nazwy obiektu poioїonego przy ulicy – *plebanii* Mez s. 187), *Подолье* Mez 1633 (od nazwy *Podoi* Mez s. 191), *Podwalska* SG 1794 (od usytuowania ulicy *pod*

[1] Zamieszczono je w pracy: *Grodno w XVIII wieku. Miasto i ludnoњж (na tle trendyw rozwojowych od њredniowiecza do 1939 roku)* / pod red. A. Woltanowskiego i J. Urwanowicza. – Biaiystok, 1997. – S. 24, 25, 63 – 171.

[2] Wszystkie typy nazewnictwa miejskiego Grodna omywione zostaiy w innym miejscu, por. L. Citko (2008).

[3] Wykorzystujк tu niektyre zaioїenia klasyfikacji nazw ulic Cz. Kosyla (2001: 49 – 57).

waiem Mez s. 189), *Podzamcze* LDG 1775 (nazwa wskazuje na poioïenie ulicy / czкњci miasta *pod zamkiem* Mez s. 190), *Школьная улица* Mez 1560 / *Szkolna* SG 1794 (od nazwy obiektu *szkoia* 'synagoga' Mez s. 279), *Троицкая* Sem XV w. / *Trojecka* SG 1794 (od wezwania cerkwi *Њw. Tryjcy* Sem s. 46, wediug Jodk s. 14 od wezwania koњcioia *Њw. Tryjcy* poioïonego przy tej ulicy, zburzonego w 1655 r.), *Zamkowa* IG 1680, LDG 1775, SG 1794 (od nazwy obiektu, w stronк ktyrego ulica prowadziia – *zamku* Sem s. 41).

Relacja stycznoњci przestrzennej ulicy i innego obiektu swyj konkretny wyraz znajduje ponadto w nazwach, ktyre zachowaiy strukturк wyraïec przyimkowych: *Ulica ku bernardynom* SG 1794 (od nazwy zakonu i koњcioia bernardynyw), *Ulica na Kurhan* IG 1680 (od n. m. *Kurhan* Mez s. 135; nie moïna teï wykluczyж motywacji przez ap. *kurhan* 'wzniesienie' w obrкbie miasta), *Ulica z Podola* IG 1680 (od nazwy czкњci miasta *Podoi, Podole*; mnie prawdopodobna jest motywacja przez nazwк regionu *Podole*).

Funkcja kierunkowa nazw ulic najwyraџniej utrwalona zostaia w urbanonimach siuї№cych orientacji w topografii poza miastem. Okreњlaj№ one ukiad giywnych arterii nadniemecskiego grodu i wyznaczaj№ jednoczeњnie kierunki jego rozwoju przestrzennego. Motywowane toponimami grodziecskie ulice wskazuj№ zwykle kierunek do i z okolicznej wsi, osady, miasta, regionu. Po wzglкdem formalnojкzykowym s№ to najczкњciej derywaty przymiotnikowe z formantem *-ski*, por.: *Ulica Hornicka* Mez 1560, 1783 (od n. m. *Hornica*), *Лабенская улица / Ulica Jabecska* Mez 1560, 1783 (od n. m. *Jabno*), *Mostowa* Mez 1645, IG 1680, LDG 1775, SG 1794, *Ulica Nowikowska* Mez 1783 (od. n. m. *Nowiki* Mezenko 2003: 168), *Ulica Nowodworska* Mez 1560, 1783 (od n. m. *Nowy Dwyr* Mez s. 169), *Ulica Oliskowska* Mez 1560 / *Oliszkowska* SG 1794 (od n. m. *Oliszkowce* Mez s. 175), *Озерская улица* Mez 1560 /*Jezierska* IG 1680, LDG 1775, SG 1794 (od n. m. *Озеры /Jeziory* Mez s. 174), *Podolska* IG 1680, LDG 1775, SG 1794 (od n. czкњci miasta *Podoi* Mez s. 191), *Ulica Sadownicka* Mez 1560, 1783 (od n. m. *Sadowniki*), *Ulica Skidelska* Mez 1765 (od n. m. *Skidel*), *Wilecska* IG 1680, LDG 1775, SG 1794, *Wilecski goњciniec* IG 1680 (od n. m. *Wilno*), *Przedmieњcie Zaniemecskie* LDG 1775, SG 1794 (od nazwy czкњci miasta poioïonej za Niemnem – *Zaniemonie* Jodk s. 17).

Oprycz wiaњciwych urbanonimyw џrydia grodziecskie XVI – XVIII w. zachowaiy znaczn№ liczbк roњwiadczec deskrypcji sytuacyjno-tekstowych[4], tj. formui w sposyb opisowy informuj№cych lub orientuj№cych w przestrzeni miasta, por. przykiady: *Улица от Немана до церкви Честного креста* Mez 1560; *Uliczka od Niemna id№c do miasta* IG 1680; *Uliczka od samego Niemna* IG 1680; *Uliczka w Rynku mimo koњciyi farski* IG 1680, *Uliczka z uliczki Zamkowej* IG 1680, *Uliczka mimo plac jm. marszaika lit. od Zamkowej* IG 1680, *Uliczka od ulicy Ïydowskiej id№c do farnego koњcioia* IG 1680, *Uliczka w bok Tryjcy od Wilecskiego goњcicca* IG 1680, *Ulica id№c z Rzeџnickiej na Horodnickк* LDG 1775, *Ulica z Rynku Niemieckiego koio Mogiiek Ïydowskich* Mez 1783.

Nielicznie reprezentowane s№ w badanym materiale nazwy ulic motywowane cechami inherentnymi. Formalnymi wykiadnikami takich nazw s№ przymiotniki jakoњciowe. Kilka zachowanych roњwiadczec tego typu urbanonimyw grodziecskich wpisuje siк w model nazewniczy charakteryzuj№cy ulicк: 1) z punktu widzenia jej wymiaru, por. *Ciasna* SG 1794 (: ap. *ciasny*), *Wielka* Jodk 1560-1561 (: ap. *wielki*); 2) ze wzglкdu na peryferyjne usytuowanie w obrкbie miasta, np. *Polna* LDG 1775, SG 1794 (ulica, ktyra powstaia w miejscu, gdzie dotychczas byio pole, na co moïe wskazywaж dodatkowa informacja 'nowo udziaiana' vel *Polna*).

Czкњж urbanonimyw omawianego tu typu nazewniczego przechowaia pamiкж dawnej struktury architektonicznej usytuowanego na wzgyrzu i maj№cego obronny charakter grodu. Urbanistyczny obraz miasta posiadaj№cego zamek warowny, waiy obronne tworz№ nazwy takich ulic, jak: *Zamkowa*, *Podzamcze*, *Podwalska*, *улица Ровъ замковой*. Centraln№ czкњж miasta zajmowai *Rynek*, bкd№cy miejscem lokalizacji wiadz i giywn№ przestrzeni№ wymiany handlowej. Pojawii siк wraz z lokacj№ miasta na prawie niemieckim, zatem nie pyџniej niï w 1444 r., kiedy to po raz pierwszy nadane zostaio Grodnu peine prawo magdeburskie (Dubas-Urwanowicz 1997: 10). W 1560 r. џrydia odnotowuj№ istnienie drugiego rynku, ktyrego nazwa wskazuje na pochodzenie etniczne zaioïycieli – *Немецкии рынок* Mez 1560 / *Niemiecki Rynek* IG 1680, LDG 1775.

[4] Termin uïyty za K. Handke 2005: 286.

Analiza urbanonimyw w aspekcie podstawowej dla nich funkcji – orientacyjnej – pokazuje mieszkaccyw dawnego Grodna jako spoiecznoњж praktyczn№. Na pragmatyzm w nominacji wskazuje dominuj№cy liczebnie typ tzw. nazw-drogowskazyw, orientuj№cych w przestrzeni, kierunkowych. Tworzono je z uwzglкdnieniem takich kryteriyw, jak: 1) uksztaitowanie elementyw przestrzeni miejskiej, charakterystyczna topografia, zwi№zek z najwaїniejszymi obiektami miejskimi, 2) usytuowanie wobec innych osad bliїszej lub dalszej okolicy.

Spis literatury

1. Citko, L. Obraz spoiecznoњci miejskiej utrwalony w urbanonimii Grodna XVI – XVIII w. // Materiaiy XVI Ogylnopolskiej Konferencji Onomastycznej pt. «Nazwy wiasne a spoieczecstwo». – Wrociaw (w druku).

2. Dubas-Urwanowicz, E. Grodno do XVIII wieku. Miasto i ludnoњж / E.Dubas-Urwanowicz // Grodno w XVIII wieku. Miasto i ludnoњж (na tle trendyw rozwojowych od њredniowiecza do 1939 roku) / pod red. A. Woltanowskiego i J. Urwanowicza. – Biaiystok, 1997. – S. 6 – 26.

3. Гардзееў, Ю. Магдэбургская Гародня / Ю.Гардзеев. – Wrociaw, 2008.

4. Handke, K. Nazewnictwo miejskie /K.Handke // Polskie nazwy wiasne. Encyklopedia / pod red. E. Rzetelskiej-Feleszko. – Krakyw, 2005. – S. 283 – 307.

5. Jкdrzejko, E. Systemy onimiczne ryїnych jкzykyw a jкzykowe obrazy њwiata: w stronк porywnawczej onomastyki kulturowej / E.Jкdrzejko // Onomastica. 200. – T.XLV. – S. 5 – 25.

Wykaz skrytyw їrydei

Jodk – Jodkowski, J. Grodno. Z 28 ilustracjami i planem miasta. – Wilno, 1928.

Kosyl, Cz. Modele onimiczne w nazewnictwie ulic Toponimia i oronimia / pod red. A. Cieњlikowej i B. Czopek-Kopciuch, Krakyw. – S. 49 – 57.

Mez – Mezenko, A. Imia wnutrigorodskogo obiekta w istorii. Ob urbanonimach Bieiarusi XIV – nacz. XX w. – Minsk, 2003.

Sem – Королевский город Гродно / обраб. А.А. Семенчук, А.П. Гостев. – Минск, 2008.

ІРЫНА ГАПОНЕНКА

Мінск

ПЕРАДАЧА ПОЛЬСКІХ ГЕАГРАФІЧНЫХ НАЗВАЎ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

Геаграфічныя назвы – гэта анамастычныя адзінкі, надзеленыя важнымі грамадскімі і прававымі функцыямі пры ўнутрыдзяржаўным выкарыстанні. Іх правільнае і стабільнае напісанне патрабуецца ў пашпартах, пасведчаннях аб нараджэнні, заключэнні шлюбу, дыпломах, атэстатах, актах маёмасных адносін і пад. Да таго ж тапонімы з’яўляюцца мабільнымі моўнымі элементамі, якія рэгулярна транспартуюцца з мовы ў мову і выступаюць прадстаўнікамі розных краін у сферы міжнародных зносінаў. Яны ўжываюцца на картах, у турыстычных даведніках, пры афармленні або перакладзе разнастайных нарматыўна-значных дакументаў, запаўненні анкет, заключэнні дамоў міжнароднага характару і пад. Ад таго, наколькі адэкватна ў пералічаных сітуацыях аформлена геаграфічнае найменне, напрамую залежыць дакладнасць яго тапаграфічнай прывязкі, а нярэдка і асабістая ідэнтыфікацыя асобы.

Адпаведна кожная суверэнная краіна павінна ўстанавіць нарматыўную нацыянальную форму геаграфічных найменняў, якая ў тым ліку будзе служыць зыходнай базай пры іншамоўным афармленні тапонімаў, а ў мэтах аптымізацыі міжнароднага супрацоўніцтва – распрацаваць прынцыпы і правілы перадачы іншамоўных геаграфічных назваў, асабліва памежных, на нацыянальную мову. На сённяшні дзень такія задачы асабліва актуальныя, паколькі ва ўмовах паглыблення міжнародных дзяржаўных і прыватных кантактаў, развіцця масавай камунікацыі, пашырэння віртуальных сродкаў зносін свет паступова аб'ядноўваецца ў адну глабальную інфарматыўную сетку, набліжаецца да кожнага з нас.

Упарадкаванне афармлення геаграфічных назваў – заданне міжнароднага характару, вырашэнне якога знаходзіцца пад патранажам ААН. У 1967 годзе ў Жэневе была праведзена 1-я канферэнцыя ААН па стандартызацыі геаграфічных назваў, на якой прынялі Статут і Праграму ААН па пытаннях нацыянальнай і міжнароднай стандартызацыі. На пазнейшых канферэнцыях гэтай аўтарытэтнай міжнароднай арганізацыі (Лондан, 1972; Афіны, 1977; Жэнева, 1982; Монрэаль, 1987; Нью-Йорк, 1992; Нью-Йорк, 1998; Берлін, 2002, Нью-Йорк, 2007) абмяркоўваліся самыя разнастайныя аспекты агульнай праблемы тапанімічнага ўнармавання.

У Польшчы работа ў названым накірунку вядзецца ўжо даўно. Яшчэ ў 1954 годзе была створана Камісія па нармалізацыі геаграфічных назваў (*Komisja Ustalania Nazw Geograficznych*), перад якой стаялі задачы вызначэння правільных пісьмовых формаў польскіх тапонімаў, наданне ім статусу нарматыўных і ўвядзення іх у абавязковы ўжытак. Па выніках работы камісіі ў 1959 годзе выйшла выданне *Polskie nazewnictwo geograficzne świata*. У 1994 – 1996 гадах з'явіліся чатыры часткі зборніка *Polskie nazwy geograficzne świata.* А ў апошнія гады сіламі Камісіі па стандартызацыі геаграфічных назваў па-за межамі Польшчы (*Komisja Standartyzacji Nazw Geograficznych poza Granicami Polski*) распачалася і праца па ўнармаванні перадачы іншамоўных геаграфічных назваў па-польску, вынікам якой сталася выданне асобных сшыткаў пад агульнай назвай *Nazewnictwo geograficzne świata*. У 2005 годзе ў сшытку № 6 была кадыфікаваная перадача на польскую мову геаграфічных найменняў нелацінамоўных краін – Беларусі, Расіі і Украіны. Беларускія назвы ў гэтым сшытку падаюцца ў некалькіх варыянтах: у транскрыпцыйным і транслітарацыйным па-беларуску і па-руску адпаведна.

На Беларусі пытанні ўпарадкавання правапісу геаграфічных найменняў даволі доўга не былі прадметам спецыяльнага даследавання. Беларускія тапонімы ў савецкія часы, як правіла, адвольна афармляліся згодна з рускімі арфаграфічнымі нормамі, а іх нацыянальная форма заставалася па-за ўвагай навукоўцаў і службовых асоб. Важнай падзеяй у беларускай тапаніміцы з'явілася выданне *« Слоўніка назваў населеных пунктаў»* Я. Н. Рапановіча (1977-1986 гг.) па ўсіх абласцях Беларусі. Аднак гэты безумоўна каштоўны слоўнік не меў нарматыўнага статусу, і пры афармленні беларускіх тапонімаў даводзілася арыентавацца на нарматыўны рускамоўны *« Справочник административно-территориального деления БССР»*, 1987. У суверэннай Беларусі, якая з'яўляецца членам ААН, такое становішча не магло лічыцца прыймальным. У канцы 90-х гадоў ХХ стагоддзя ў выніку працы Рэспубліканскай тапанімічнай камісіі пры НАН Беларусі (пад старшынствам доктара філалагічных навук В. П. Лемцюговай), Дзяржаўнага камітэта па маёмасці Рэспублікі Беларусь, Тапанімічнай камісіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь пачаў выдавацца нарматыўны даведнік *«Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь»*. На сённяшні дзень выйшлі з друку даведнікі па Мінскай (2003), Гродзенскай (2004), Гомельскай (2006) і Магілёўскай (2007) абласцях, даведнікі па Віцебскай і Брэсцкай абласцях пакуль у стадыі падрыхтоўкі. Пад кіраўніцтвам Дзяржаўнага камітэта па маёмасці Рэспублікі Беларусь і РУП «Белкартаграфія» вядзецца і работа па нармалізацыі перадачы іншамоўных назваў па-беларуску. У прыватнасці, складаюцца так званыя тэхнічныя кодэксы, якія рэгламентуюць правілы афармлення геаграфічных найменняў розных краін на беларускай мове. У першую чаргу апрацоўцы падлеглі назвы памежных тэрыторый. Так, у стадыі канчатковага зацвярджэння знаходзяцца кодэксы па перадачы латышскіх і ўкраінскіх тапонімаў, распрацоўваецца кодэкс па перадачы назваў Літвы, а на наступны

год запланавана падрыхтоўка кодэкса па перадачы польскіх тапонімаў. У артыкуле на абмеркаванне прапануюцца папярэднія напрацоўкі па гэтым кодэксе.

Асноўныя **прынцыпы** перадачы польскіх назваў на беларускую мову зводзяцца да наступнага:

1. Польскія геаграфічныя назвы перадаюцца на беларускую мову паводле прынцыпу *транслітарацыі*, зыходзячы з іх афіцыйнага напісання, прынятага ў польскай мове. Асноўнымі крыніцамі для ўстанаўлення аўтэнтычнай формы польскіх геаграфічных назваў служаць выдадзеныя ў апошнія гады польскія буйнамаштабныя карты, атласы, а таксама турыстычныя даведнікі, даведнікі населеных пунктаў, даведнікі адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу і іншыя падобныя нарматыўныя выданні.

Поўнасцю выключаецца перадача польскіх геаграфічных назваў шляхам даслоўнага перакладу тыпу *Krasne – Чырвонае, Bohatery – Героі, Wspylne – Сумеснае.* Не дапускаюцца змяненні структурнага аблічча польскіх геаграфічных назваў тыпу *Przedmieњscie – Прадмесце, Synkowce – Сынкоўцы, Harasimowicze – Харасімавічы, Boratycszczyzna – Баратыньшчына.* Перадаем па-беларуску *Пшэдмесьце, Сынкоўцэ, Харасімавічэ, Баратыньшчызна.*

2. Пры адсутнасці прамых адназначных графічных адпаведнікаў літар польскай лацінкі і беларускай кірыліцы пад увагу бяруцца асаблівасці вымаўлення назвы ў польскай мове (напрыклад, у дачыненні літар для абазначэння спецыфічных польскіх насавых галосных *к* і *№*). Пры гэтым, як правіла, улічваюцца традыцыі перадачы польскіх гукаў.

3. Дыялектныя і размоўныя асаблівасці польскіх геаграфічных назваў адлюстроўваюцца пры перадачы на беларускую мову толькі ў тым выпадку, калі яны замацаваліся ў афіцыйных тапанімічных формах.

4. Транслітарацыя польскіх геаграфічных назваў праводзіцца з такім разлікам, каб афармленне транслітараванай назвы адлюстроўвала асноўныя беларускія фанетычныя асаблівасці і не супярэчыла арфаграфічным прынцыпам беларускай мовы. Арфаграфічнае афармленне польскіх геаграфічных назваў у беларускай перадачы ажыццяўляецца згодна з нормамі сучаснай беларускай літаратурнай мовы[1] .

4.1. Пры транслітарацыі польскіх геаграфічных назваў улічваюцца наступныя асаблівасці беларускай арфаграфіі:

• цвёрдасць шыпячых, [р] і [ц] спрадвечнага;

• часткова аканне, а менавіта пераход [о] ў [а];

• пераход [у] ў [ў].

4.2. У транслітараваных назвах у мэтах максімальнага захавання зыходнага выгляду назвы не адлюстроўваюцца наступныя беларускія асаблівасці:

• дзеканне і цеканне. Неадлюстраванне дзекання і цекання пры транслітарацыі дасягаецца за кошт напісання пасля [д], [т] толькі непамякчальных галосных *э, ы, а, о, у*;

• часткова яканне, за кошт перадачы ненаціскного [е] ў транслітараваных назвах праз непамякчальнае э. Выключэнне складаюць напісанні, дзе *е* знаходзіцца пасля *ж, с, l, њ, ц*;

• часткова аканне, а менавіта пераход [е] ў [а]. Захаванне ненаціскнога э ў словах іншамоўнага паходжання дапускаецца правіламі беларускай арфаграфіі (гл.: ПБАП, § 4);

• узнікненне прыстаўных гукаў перад пачатковымі *о, у.* Адсутнасць прыстаўных у словах іншамоўнага паходжання дапускаецца правіламі беларускай арфаграфіі (гл.: ПБАП, § 14).

5. Выключэнне з правілаў перадачы складаюць польскія геаграфічныя назвы, якія ва ўсходнеславянскай картаграфіі, энцыклапедычных і ў іншых афіцыйных пісьмовых выданнях традыцыйна замацаваліся ў іншай форме, напрыклад, *Кракаў*, а не *Кракуў*, *Лодзь*, а не *Лудзь*, *Беласток*, а не *Бялыстак*, *Аўгустоў*, а не *Аўгустуў* і пад.

Канкрэтныя **правілы** і **спосабы** перадачы польскіх літар і літарных спалучэнняў прадстаўлены ў наступнай табліцы:

[1] Гл. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. – Мінск: Нацыянальны цэнтр прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, 2008 (далей – ПБАП).

Табліца – Перадача польскіх геаграфічных назваў на беларускую мову

Працяг табліцы

1	2	3	4	
i№	[ён]	**ён** – у большасці пазіцый **ян** – у трэцім ад канца складзе	Mi№se – Pi№kowo –	Мёнсэ Пянтква
ік	[ен]	**ен –** у большасці пазіцый **ян –** у трэцім ад канца складзе	Онwikcim – Mikdzyleњ–	Асвенцим Мяндзылесь
o	[о]	**о** – у перадапошнім складзе шматскладовай назвы або ў аднаскладовай назве **а** – у іншых ненаціскных складах	Oiobok – Stock – Ostroryg – Skieblewo –	Алобак Стоцк Астроруг Скяблева
y	[у]	**у** – у большасці пазіцый **ю** – пасля зычных ***ж, сс, l, ņ, ц***	Baligryd – Noskyw – Korolywka –	Балігруд Носкуў Каралюўка
u	[у]	**у** – у большасці пазіцый **ю** – пасля зычных ***ж, сс, l, ņ, ц*** **ў** – пасля галосных перад зычнымі	Ujazd – Ruda – Augustynka –	Уязд Руда Аўгустынка
y	[ы]	**ы**	Cybinka – Myszki – Czyste – Szydiowiec – Gyrzyn – Ï ychlin –	Цыбінка Мышкі Чыстэ Шыдловец Гужын Жыхлін
ПЕРАДАЧА ЗЫЧНЫХ				
b, f, g, k, m, p, t	[б], [ф], [г], [к], [м], [п], [т]	**б, ф, г, к, м, п, т, в**	Babin – Fordon – Gagowy – Kukorek – Maiomice – Paprotnia – Tatary –	Бабін Фордан Гаговы Кукорэк Маламіцэ Папротня Татары
w	[в]	**в** – на пачатку слова, паміж галоснымі, пасля зычнага перад галосным **ў** – на [illegible]анцы [illegible]лова, пасля [illegible]лоснага	Woikusz – Stanowisko – Zelwa –	Волкуш Станавіска Зэльва

Працяг табліцы

Акрамя перадачы асобных літар і літарных спалучэнняў, урэгулявання патрабуе напісанне польскіх складаных і састаўных назваў.

Па-першае, у польскай мове пры лінейным афармленні такіх назваў сустракаюцца асобна аформленыя і дэфісныя назвы: *Miszkieniki Wlk., Koziowy Jug, Nw. Ostryw, Ostryw Pid., Nw. Juplanka* і *Malawicze-Dln., Malawicze-Grn., Horczaki-Grn., Siyjka-Borowszczyzna, Waliiy-Stacja*, *Ozierany-Mi., Nowe-Mokrany, Maia-Klonowica, Horoszki-Duïe, Stare-Buczyce*. У беларускай мове аналагічныя назвы ў шэрагу выпадкаў афармляюцца паводле іншых прынцыпаў (напрыклад, назвы, якія складаюцца з назоўніка і залежнага прыметніка тыпу *Stare-Buczyce* прынята пісаць асобна – *Старыя Бучыцы*). Аднак у дачыненні да польскіх назваў пры перадачы па-беларуску прапаноўваецца захоўваць аўтэнтычнае польскае дэфіснае або раздзельнае напісанне. Такі варыянт бачыцца аптымальным, паколькі дазваляе пазбегнуць скажэння зыходнай формы, што з'яўляецца адным з асноўных сучасных патрабаванняў да правіл трансляцыі назваў з мовы ў мову.

Па-другое, у польскай мове паўтаральныя элементы складаных назваў тыпу *Dln*., *Grn., Wlk., Mi., Nw., Str., Pin., Pid.* могуць або скарачацца (*Malawicze-Dln., Malawicze-Grn., Horczaki-Grn., Horczaki-Dln., Miszkieniki Wlk., Nw. Ostryw, Ostryw Pin., Ostryw Pid., Ozierany-Mi., Ozierany-Wlk., Nw. Juplanka , Nw. Juka, Nw. Masiewo, Nw. Pawiyw, Maiaszewicze-Mi., Ïiobek-Mi., Nw. Dwyr, Nw. Rogoïyn, Str. Rogoïyn*), або падавацца ў поўным выглядзе (*Horoszki-Duïe, Horoszki-Maie, Nowe-Mokrany, Malaszewicze-Duïe, Maia-Klonowica, Duïa-Klonowica, Dobryc Duïy, Ïiobek-Duïy*). Элементы *Nw., Str.* пры гэтым знаходзяцца перад асноўнай назвай (*Nw. Dwyr, Nw. Rogoïyn, Nw. Ostryw, Nw. Juplanka , Nw. Juka, Nw. Masiewo, Nw. Pawiyw, Str. Rogoïyn*), а іншыя элементы размяшчаюцца, як правіла, пасля асноўнай назвы (*Malawicze-Dln., Malawicze-Grn., Horczaki-Grn., Horczaki-Dln., Miszkieniki Wlk., Ostryw Pin., Ostryw Pid., Ozierany-Mi., Ozierany-Wlk., Maiaszewicze-Mi., Ïiobek-Mi.*).

Пры беларускай перадачы такіх польскіх назваў скарочаныя часткі *Dln*., *Grn., Wlk., Mi., Nw., Str., Pin., Pid.* і пад. паслядоўна раскрываюцца да поўнай формы (*Maiaszewicze-Mi. – Малашэвічэ-Малэ, Malawicze-Dln. – Малявічэ-Дольнэ, Malawicze-Grn. – Малявічэ-Гурнэ, Miszkieniki Wlk. – Мішкенікі Вельке* і г.д.) з улікам родавай прыналежнасці галоўнай часткі назвы (*Ïiobek-Mi. – Жлобэк-Мал**ы**, Horoszki-Maie – Харошкі-Мал**э**; Nw. Dwyr – Нов**ы** Двур, Nw. Juka – Нов**а** Лука, Nw. Masiewo – Нов**э** Масева*). Такі падыход, на нашу думку, можна прызнаць прыймальным, паколькі ён адпавядае ўсходнеславянскай тапанімічнай традыцыі. Заўважым, што часткі польскіх складаных назваў пры перадачы на беларускую мову не павінны мяняць пазіцыі адна адносна адной і падавацца ў тым парадку, у якім яны размешчаны ў польскай мове. Варыянты з пазіцыйным перамяшчэннем частак назвы, якія ў асобных выпадках сустракаюцца пры рускамоўным афармленні польскіх тапонімаў (*Nowe-Mokrany – Мокраны Нове, Maia-Klonowica – Клёновица Мала, Duïa-Klonowica – Клёновица Дужа*) мы лічым недапушчальнымі.

У цэлым, на наш погляд, нармалізацыя перадачы польскіх геаграфічных назваў на беларускую мову ў апісаным кірунку будзе садзейнічаць устанаўленню іх аднастайнай беларускай формы, што дазволіць пазбегнуць разнабою у картаграфічнай і геадэзічнай практыцы, у рабоце пашпартна-візавых службаў і станоўча паўплывае на эфектыўнасць працы органаў дзяржаўнага кіравання, міждзяржаўных устаноў, сродкаў масавай інфармацыі.

LEONARDA DACEWICZ

Biaiystok

NAZWY POLSKICH I BIAJORUSKICH UCZELNI WYЇSZYCH W UJКCIU PORYWNAWCZYM

Zgodnie z aktualnym stanem badac onomastycznych nazwy uczelni, szkyi wyїszych moїna okreњliж mianem *ergonimyw* lub *instytucjonimyw*[1], ktyre naleї№ do ogylnego zbioru *chrematonimyw*. Chrematonimia jest najnowsz№ subdyscyplin№ onomastyki, ktyrej rozwyj stoi w bezpoњrednim zwi№zku z dynamicznym rozwojem nowoczesnej cywilizacji. W Polsce jej rozwyj wi№їe siк z okresem transformacji ustrojowej i wprowadzeniem gospodarki rynkowej [1, s. 343 – 362; 4, s. 596].

Zakres uїycia terminu *chrematonim* nie jest jeszcze w peini ustalony, a przedmiot badac chrematonimii stanowi, pomimo intensyfikacji badac – klasк otwart№ [1, s.Breza 1998]. Okreњlenie jego zakresu, cech wyryїniaj№cych itd. jest uzaleїnione od uwarunkowac spoieczno-kulturowych, a takїe od rozwoju badac.

Nie zamierzam w tym artykule wi№czaж siк do prezentowanej w ryїnych opracowaniach dyskusji na temat zakresu badawczego tej subdyscypliny onomastycznej. Wydaje mi siк, їe aktualna sytuacja sprowadzaj№ca siк do szybko wzrastaj№cej liczby nazw ryїnego typu instytucji, organizacji, placywek handlowych itp., nazw ryїnorodnych wytworyw ludzkiej rкki, wymaga przyjкcia definicji uwzglкdniaj№cej doњж szeroki zakres badawczy chrematonimii, a w dalszej perspektywie z pewnoњci№ uda siк ustaliж odpowiednie kryteria i wyodrкbniж okreњlone subdyscypliny w tym dziale onomastyki obejmuj№cym wyj№tkowo bogaty i ryїnorodny zbiyr nazw [6, s. 83 – 97; 7, s. 440 – 444; 8, s.173 – 182].

Przedmiotem uwagi niniejszego opracowania bкdzie analiza porywnawcza nazewnictwa polskich i biaioruskich uczelni wyїszych uwzglкdniaj№ca sposoby nominacji, strukturк nazw i ich wartoњж informacyjn№. W dotychczasowych badaniach z zakresu chrematonimii nazwom uczelni poњwiкcono niewiele uwagi [1, s. 352; 2; 10, s. 165 – 179; 11, s. 9 – 20].

Czynniki spoieczne i ekonomiczne spowodowaiy dynamiczny rozwyj szkolnictwa wyїszego w Polsce. Informator OPI (3, t. 2), ktyry stanowi podstawowe џrydio omawianych tu nazw uczelni, zawiera 387 chrematonimyw (bez jednostek filialnych), w tym 134 nazwy uczelni pacstwowych i 253 prywatnych. Џrydiem materiaiu porywnawczego z obszaru Biaiorusi jest informator z 2007 r. (Высшие учебные заведения Республики Беларусь. Справочник абитуриента, Минск 2007), ktyry zawiera 55 nazw ryїnych uczelni pacstwowych i prywatnych i№cznie. Pomimo wyraџnej dysproporcji liczbowej nazw dokonanie porywnania jest moїliwe.

Wiele chrematonimyw nie tylko oznacza, ale takїe znaczy. Tak jest w przypadku wielowyrazowych okreњlec nazw uczelni, szkyi, partii, stowarzyszec itd. Maj№ one nierzadko formк deskrypcji jednostkowych, ktyre odnosi siк do nazw wiasnych okreњlanych przez Z. Kaletк jako «mniej typowe (prototypiczne»)» [5, s. 31].

Wњryd ergonimyw dawnych lub tradycyjnych, do ktyrych moїna odnieњж niektyre nowe nazwy tworzone na wzyr dawnych i odnosz№ce siк do wspyiczeњnie powoiywanych polskich uczelni, dominuj№ konstrukcje prostsze, przewaїnie dwuwyrazowe, zioїone z czionu utoїsamiaj№cego (uniwersytet, akademia) i drugiego w postaci przydawki lokalizuj№cej lub nazwy upamiкtniaj№cej, np. *Uniwersytet Rzeszowski*, *Uniwersytet Kardynaia Stefana Wyszycskiego*, *Akademia Siedlecka*.

Zdecydowana wiкkszoњж nazw uczelni, powoianych w okresie transformacji ustrojowej, to wielowyrazowe okreњlenia, zawieraj№ce podstawowy apelatywny czion utoїsamiaj№cy, ktyry informuje o charakterze nazywanego obiektu (najczкњciej jest to *szkoia wyїsza*, rzadko *uniwersytet*, *akademia*), przewaїnie z przydawk№ okreњlaj№c№ zakres ksztaicenia, a czasami czJony

[1] Ergonimy (od grec. ergon ‘dzieio, praca’) lub instytucjonimy (od iac. institutio,-onis ‘urz№dzenie’) – to nazwy instytucji, przedsiкbiorstw, organizacji, stowarzyszec itd. [1, s.348].`

dyferencjacyjne w postaci antroponimu upamiкtniaj№cego wybitn№ postaж ze њwiata nauki, literatury i/lub toponimu, wskazuj№cego na lokalizacjк szkoiy; czкsto jest to takїe przydawka wskazuj№ca na lokalizacjк, np. *Pomorska*..., *Gyrnoњl№ska*..., *Suwalska*... .

Wњryd polskich chrematonimyw wyodrкbniono modele o nastкpuj№cym skiadzie:

1) czion utoїsamiaj№cy (*uniwersytet*, *politechnika*, *akademia*) i przydawka wskazuj№ca na lokalizacjк, np. *Uniwersytet Gdacski, Uniwersytet Rzeszowski, Politechnika Biaiostocka, Politechnika Warszawska, Akademia Siedlecka*;

2) czion utoїsamiaj№cy i nazwa upamiкtniaj№ca, np. *Uniwersytet Mikoiaja Kopernika, Uniwersytet Kardynaia Stefana Wyszycskiego*;

3) czion utoїsamiaj№cy + przydawka okreњlaj№ca lokalizacjк oraz nazwa upamiкtniaj№ca, np. *Akademia Bydgoska im. Kazimierza Wielkiego, Akademia Њwiкtokrzyska im. Jana Kochanowskiego, Politechnika Krakowska im. Tadeusza Koњciuszki*;

4) czion utoїsamiaj№cy + przydawka okreњlajaca lokalizacjк i okolicznik miejsca, np. *Uniwersytet Њl№ski w Katowicach, Uniwersytet Mazursko-Warmicski w Olsztynie*;

5) czion utoїsamiaj№cy + przydawka okreњlaj№ca profil ksztaicenia, np. *Akademia Techniczno-Humanistyczna*;

6) czion utoїsamiaj№cy + przydawka okreњlaj№ca profil ksztaicenia + lokalizacja, np. *Akademia Ekonomiczna w Poznaniu, Akademia Rolnicza w Lublinie, Akademia Medyczna w Biaiymstoku, Akademia Muzyczna w Krakowie, Akademia Sztuk Piкknych w Gdacsku, Wyїsza Szkoia Administracji Publicznej w Jodzi, Wyїsza Szkoia Administracji Publicznej w Biaiymstoku*, *Wyїsza Szkoia Kupiecka w Jodzi*; nazwy z podwyjn№ lokalizacj№ (region i miasto), np. *Pomorska Akademia Pedagogiczna w Siupsku, Pomorska Akademia Medyczna w Szczecinie;*

7) czion utoїsamiaj№cy + okreњlenie profilu ksztaicenia + nazwa upamiкtniaj№ca, np. *Akademia Gyrniczo-Hutnicza im. Stanisiawa Staszica, Akademia Medyczna im. Piastyw Њl№skich*;

9) czion utoїsamiaj№cy + okreњlenie profilu ksztaicenia + nazwa upamiкtniaj№ca + lokalizacja, np. *Akademia Ekonomiczna im. Karola Adamieckiego w Katowicach, Akademia Rolnicza im. Augusta Cieszkowskiego w Poznaniu, Akademia Muzyczna im. Karola Szymanowskiego w Katowicach, Akademia Wychowania Fizycznego im. Bronisiawa Czecha w Krakowie, Њl№ska Wyїsza Szkoia Zarz№dzania im. gen. Jerzego Ziкtka, Bielska Wyїsza Szkoia Biznesu i Informatyki im. Jyzefa Tyszkiewicza, Wyїsza Szkoia Komunikowania i Mediyw Spoiecznych im. Jerzego Giedroycia w Warszawie*;

10) czion utoїsamiaj№cy + okreњlenie profilu ksztaicenia + nazwa upamiкtniaj№ca i podwyjna lokalizacja (przydawka i okolicznik), np. *Gyrnoњl№ska Wyїsza Szkoia Pedagogiczna im. Kardynaia Augusta Hlonda w Mysiowicach*.

Nazwy uczelni maj№ peine, opisowe nazwy oraz przewaїnie ich formy skrycone, np. *Uniwersytet Warszawski – UW, Uniwersytet Mikoiaja Kopernika – UAM*. W przypadku niezbyt rozbudowanych tradycyjnych nazw skryty iatwo rozszyfrowaж, natomiast rozwiniкcie skrytyw wielowyrazowych nazw uczelni powoianych wspyiczeњnie, czyli mniej znanych, sprawia znaczne trudnoњci.

Nazewnictwo uczelni Biaiorusi, choж wyraџnie mniej liczne, teї odznacza siк bogactwem modeli:

1) przydawka okreњlaj№ca lokalizacjк + okreњlenie *государственный* (pacstwowy) + przydawka okreњlaj№ca profil ksztaicenia + czion utoїsamiaj№cy, np. *Брестский государственный технический университет, Витебский государственный медицинский университет, Витебский государственный технологический университет, Гомельский государственный медицинский университет, Гродненский государственный аграрный университет, Минский государственный лингвистческий университет*;

2) przydawka okreњlaj№ca lokalizacjк + okreњlenie *государственный* (pacstwowy) + przydawka okreњlaj№ca profil ksztaicenia + czion utoїsamiaj№cy + nazwa upamiкtniaj№ca, np. *Гомельский государственный технический университет им. П.О.Сухого, Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина*;

3) przydawka okreњlaj№ca lokalizacjк + okreњlenie *государственный* + czion utoїsamiaj№cy + nazwa upamiкtniaj№ca, np. *Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина*,

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, *Гродненский государственный университет им. Янки Купалы*, *Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова*;

4) przydawka okreњlajЉca lokalizacjк + okreњlenie *государственный* + czion utoїsamiajЉcy, np. *Барановичский государственный университет, Полоцкий государственный университет, Полесский государственный университет;*

5) przydawka okreњlajЉca lokalizacjк + okreњlenie *государственный* + czion utoїsamiajЉcy + okreњlenie profilu ksztaicenia, np. *Московский государственный университет экономики статистики и информатики. Филиал в г. Минске*, *Могилевский государственный университет продовольствия;*

6) przydawka okreњlajЉca lokalizacjк + nazwa upamiкtniajЉca + okreњlenie *государственный* + czion utoїsamiajЉcy + okreњlenie profilu ksztaicenia, np. *Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины;*

7) przydawka okreњlajЉca przynaleїnoњж pacstwowЉ + okreњlenie *государственный* + czion utoїsamiajЉcy + okreњlenie profilu ksztaicenia, np. *Белорусская государственная академия искусств, Белорусская государственная академия музыки, Белорусский государственный университет транспорта*, *Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники*, *Белорусский государственный университет культуры и искусств;*

8) przydawka okreњlajЉca przynaleїnoњж pacstwowЉ + okreњlenie *государственный* + przydawka okreњlajЉca profil ksztaicenia + czion utoїsamiajЉcy, np. *Российский социальный университет, Филиал в г. Минске;*

9) przydawka okreњlajЉca przynaleїnoњж pacstwowЉ + okreњlenie *государственный* + przydawka okreњlajЉca profil ksztaicenia + czion utoїsamiajЉcy + nazwa upamiкtniajЉca, np. *Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Международный государственный экологический университет;*

10) przydawka okreњlajЉca przynaleїnoњж pacstwowЉ + czion utoїsamiajЉcy, np. *Белорусско-Российский*;

11) przydawka okreњlajЉca przynaleїnoњж pacstwowЉ + okreњlenie *государственная* + nazwa upamiкtniajЉca + przydawka okreњlajЉca profil ksztaicenia + czion utoїsamiajЉcy, np. *Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия.*

Ponadto stwierdzono kilka innych typyw: *Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Военная академия Республики Беларусь Высший государственный колледж, Минский государственный высший авиационный колледж Минский государственный высший радиотехнический колледж.*

W Polsce *instytuty* na ogyi stanowiЉ czкњж skiadowЉ wiкkszych jednostek badawczych, na Biaiorusi sЉ to takїe odrкbne uczelnie, bкdЉce prawdopodobnie odpowiednikami polskich szkyi wyїszych, np. *Командно-инженерный институт Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Белорусь*, *Гомельский инженерный институт Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь*, *Частный институт управления и предпринимательства*, *Минский институт управления, Международный институт трудовых и социальных отношений (МИТСО), Международный гуманитарно-экономический институт, Институт современных знаний им. А. М. Широкова, Институт парламетаризма и предпринимательства.*

Nazwy szkyi wyїszych, ktyre powstaiy w Polsce w okresie tzw. transformacji ustrojowej, charakteryzujЉ siк przewaїnie wysokim wspyiczynnikiem pragmatycznoњci. SЉ to typowe informacyjne nomina propria zawierajЉce konkretnЉ informacjк o zakresie dziaialnoњci nazywanej instytucji i jej lokalizacji, np. *Wyїsza Szkoia Hotelarstwa i Gastronomii w Poznaniu, Wyїsza Szkoia Ochrony Њrodowiska w Bydgoszczy, Pomorska Wyїsza Szkoia Polityki Spoiecznej i Gospodarczej w Starogardzie Gdacskim*. Zaioїyciele uczelni kierowali siк dwoma giywnymi motywacjami: potrzebЉ przekazania informacji o uczelni: zakresie, w jakim odbywa siк

ksztaicenie i potrzeb№ reklamowania, przyci№gniкcia uwagi potencjalnych kandydatyw ubiegaj№cych siк o indeks, poprzez konkretyzacjк informacji [por. 9, s.269].

Struktura niektyrych nazw uczelni opiera siк na dwych zasadniczych elementach: czкњci informacyjnej i identyfikacyjno-dyferencjacyjnej. Pierwszy element to zazwyczaj wyraїenie syntaktyczne o wyrazistej semantyce. Drugi wystкpuje najczкњciej pod postaci№ pojedynczego wyrazu, wyryїniaj№cego nominowan№ jednostkк, moїe mieж charakter konotuj№cy, byж nazw№ znacz№c№ lub byж caikowicie asemantyczny dla odbiorcy. W grupie nazw informacyjnych element identyfikacyjno-dyferencjacyjny raczej nie zwiкksza w istotny sposyb oddziaiywania reklamowego, ale moїe zwryciж uwagк odbiorcy, np., *Wyїsza Szkoia Sztuki Stosowanej «Opus Art» w Sosnowcu, Dolnoњl№ska Wyїsza Szkoia Siuїb Publicznych «ASESOR» we Wrociawiu, Gnieџniecska Wyїsza Szkoia Humanistyczno-Menedїerska «Milenium», Wyїsza Szkoia Zawodowa «Oeconomicus» Polskiego Towarzystwa Ekonomicznego w Szczecinie*.

Nazwy nowych uczelni (deskrypcje jednostkowe) s№ przewaїnie diugie lub bardzo diugie, wielowyrazowe i na ogyi nios№ istotn№ informacjк o charakterze dziaialnoњci, czyli profilu ksztaicenia, ofercie edukacyjnej, a takїe lokalizacji.

Nazwy polskich i biaioruskich uczelni i№cz№ podobiecstwa, ale teї dziel№ wyraџne ryїnice. Jako wzorcowe teoretycznie moїna uznaж takie nazwy, ktyre zawieraj№ informacjк o zakresie ksztaicenia i lokalizacji, np. *Брестский государственный технический университет, Wyїsza Szkoia Administracji Publicznej w Biaiymstoku*. Tк wartoњж informacyjn№ reprezentuje znaczny procent nazw uczelni w obu krajach. Jeњli chodzi o strukturк to zasadnicza ryїnica dotyczy szyku poszczegylnych czionyw zestawienia stanowi№cego nazwк. W nazwach polskich czion utoїsamiaj№cy (np. *uniwersytet*, *akademia*) przewaїnie stoi na pierwszym miejscu, czasami poprzedza go przydawka lokalizacyjna, np. *Pomorska Akademia Medyczna w Szczecinie*), w nazwach biaioruskich – na koccu lub w њrodku zestawienia, np. *Минский государственный лингвистический университет, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,* pozycja pocz№tkowa stanowi wyj№tek, np. *Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Институт современных знаний им. А. М. Широкова.* Wњryd polskich nazw dawnych tradycyjnych dominuj№ cziony utoїsamiaj№ce typu *akademia*, *politechnika*, *uniwersytet,* rzadko *szkoia wyїsza*, wyj№tkowo *szkoia giywna*), nowe uczelnie ze wzglкdu na sw№ specyfikк przewaїnie zawieraj№ element *szkoia wyїsza,* na Biaiorusi dominuje nazwa *uniwersytet*, *instytut*, rzadko *akademia*, zjawiskiem stosunkowo nowym jest nazwa *koledї*.

Nazewnictwo polskich i biaioruskich uczelni ryїni teї pisownia. Poszczegylne cziony w nazwach polskich pisze siк wielk№ liter№, w biaioruskich – mai№.

W Polsce nie byio zwyczaju precyzowania informacji, їe uczelnia stanowi wiasnoњж pacstwa. Dopiero w ostatnich latach 25 nowo utworzonych uczelni wyїszych otrzymaio w nazwie element «pacstwowa» w opozycji do licznych prywatnych szkyi wyїszych, np. *Pacstwowa Wyїsza Szkoia Zawodowa w Pile, Pacstwowa Wyїsza Szkoia Zawodowa w Elbl№gu*. W nazwach pacstwowych uczelni biaioruskich element *государственный* wystкpuje obligatoryjnie.

Z kolei okreњlenie przynaleїnoњci narodowej przy pomocy nazwy *Белорусский* moїna uznaж za cechк charakterystyczn№ nazewnictwa uczelni u naszych s№siadyw. Byia to waїna informacja w okresie, gdy Biaioruњ nie miaia odrкbnej niezaleїnej pacstwowoњci.

Wњryd chrematonimyw czкњciej niї w nazewnictwie innych dziaiyw onomastyki spotyka siк nazwy upamiкtniaj№ce, o czym њwiadczy nazewnictwo 66 polskich szkyi wyїszych, z czego wiкkszoњж stanowi№ uczelnie artystyczne, a takїe nazwy ponad 10 uczelni biaioruskich (np. *Akademia Muzyczna im. Karola Szymanowskiego w Katowicach, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка*).

Zdecydowana wiкkszoњж omawianych w niniejszym opracowaniu nazw szkyi ma charakter pragmatyczny, poniewaї konkretnie okreњla ofertк edukacyjn№. Nie jest to informacja wyczerpuj№ca, bo w rzeczywistoњci jej zakres ksztaicenia jest na ogyi wiкkszy. Z jednej strony jest to wyjњcie naprzeciw aktualnym potrzebom, z drugiej strony jest to dziaialnoњж komercyjna, np. pod szyldem szkoiy finansowej s№ uruchamiane zupeinie inne kierunki ciesz№ce siк duїym zainteresowaniem (np. filologia angielska), a co za tym idzie przynosz№ce dochyd. Inna sprawa,

їe nawet w wieloczionowej nazwie trudno jest zawrzeж caі№ informacjк o zakresie dziaіalnoњci edukacyjnej.

Waїnym elementem jest informacja o lokalizacji, czasami podwyjna (region i miasto, np. *Њwiкtokrzyska Szkoіa Wyїsza w Kielcach*) wyraїana przy pomocy przydawki przymiotnikowej (*Гродненский государственный аграрный университет, Uniwersytet Opolski, Politechnika Lubelska*) lub okolicznika miejsca w postaci wyraїenia przyimkowego (*Akademia Morska w Gdyni*).

Spis literatury

1. Breza, T. Nazwy obiektyw i instytucji zwi№zanych z nowoczesn№ cywilizacj№ (chrematonimy) / T.Breza // Polskie nazwy wіasne. Encyklopedia / red. E. Rzetelska-Feleszko. – Warszawa-Krakyw, 1998.

2. Dacewicz, L. Nazwy polskich uczelni wyїszych – tradycja i wspyіczesnoњж / L.Dacewicz // Nowe nazwy wіasne. Nowe tendencje badawcze. – Krakyw, 2007.

3. Informator Nauki Polskiej. T. 2 Instytucje naukowe, OPI 2003.

4. Jakus-Borkowa, E. Chrematonimia kosmiczna / E.Jakus-Borkowa // Metodologia badac onomastycznych, Olsztyn, 2003. – S. 592 – 609.

5. Kaleta, Z. Teoria nazw wіasnych / Z.Kaleta // Encyklopedia. Polskie nazwy wіasne. – Warszawa-Krakyw, 1998. – S. 15 – 36.

6. Kosyl, Cz. Forma i funkcja nazw will, pensjonatyw i domyw wczasowych / Cz.Kosyl // Forma i funkcja nazw wіasnych. – Lublin, 1983. – S. 83 – 97.

7. Kosyl, Cz. Chrematonimy / Cz.Kosyl // Wspyіczesny jкzyk polski / red. J. Bartmicski, Encyklopedia kultury polskiej. T. 2. – Wrocіaw, 1993. – S. 440 – 444.

8. Mryzek, R. Terytorialno-etniczne i komunikatywne zasiкgi komponentyw onimicznej sfery jкzyka / R.Mryzek // Kultura. Jкzyk. Edukacja. T. 3 / red. R. Mryzek. – Katowice, 2000. – S. 173 – 182.

9. Rzetelska-Feleszko, E. Obecne nazwy firmowe w Polsce i w Europie / E.Rzetelska-Feleszko // Onomastica. – 1998. – S. 267 – 281.

10. Szelewski, M. Pragmatyczna interpretacja ergonimyw komercyjnych na przykіadzie nazw szkyі jкzykowych / M.Szelewski // Onomastica. – 2004. – S. 165 – 179.

11.Walczak, B. Uniwersytet w Poznaniu: nazwy uczelni i budynkyw / B.Walczak // Jкzyk polski – historia i wspyіczesnoњж. – Poznac, 1995. – S. 9 – 20.

MAREK MARSZAJEK

Bydgoszcz

REFLEKSY WYMOWY BIAЈORUSKIEJ W POLSKOJКZYCZNYCH WYDAWNICTWACH KSIҐЇKOWYCH DRUKOWANYCH NA POWOJENNEJ LITWIE

Artykuі dotyczy refleksyw wymowy biaіoruskiej w polskojкzycznych ksi№їkach i broszurach wydawanych na Litwie w latach 1949 – 1985.

Bazк materiaіow№ tworzy 111 pozycji zwartych: 41 podrкcznikyw dla szkyі z polskim jкzykiem wykіadowym, 19 wydawnictw politycznych, 17 utworyw literatury piкknej, 16 broszur z zakresu oњwiaty sanitarnej, 6 ksi№їek popularnonaukowych, 6 pozycji rolniczych, 5 broszur metodycznych oraz 1 poradnik dla gospodyc domowych.

Wynotowaіem z nich 323 formy wyrazowe (w sumie 441 wyst№pieс), ktyrych postaж graficzna, nieakceptowana przez ywczesne џrydia normatywne, mogіa odzwierciedlaж regionaln№ wymowк, czyli wymowк – na tle ogylnopolskim – osobliw№.

Pisz№c o refleksach wymowy biaіoruskiej, zdajк sobie sprawк z tego, po pierwsze, їe wnioski na temat wymowy, wyci№gniкte na podstawie drukyw, nie mog№ byж w peіni adekwatne

do rzeczywistego stanu fonetyki uïytkownikyw powojennego dialektu kulturalnego, po drugie, ïe niektyre wynotowane postaci graficzne moïna i№czyж z warstw№ fonetyczn№ miejscowej odmiany polszczyzny tylko z pewnymi zastrzeïeniami [por. m.in.: 22, s. 49; 11, s. 16; 21, s. 79; 18, s. 417], i po trzecie, ïe pyinocnokresowe regionalizmy fonetyczne s№ najczкњciej wypadkow№ kilku ryïnych czynnikyw i okolicznoњci, zatem mywienie w tym miejscu wyi№cznie o biaioruskim џrydle zmian nie wyklucza bynajmniej ewentualnych wpiywyw litewskich i/lub rosyjskich czy teï dziaiania mechanizmu wyrywnac analogicznych itd. [por. np. interpretacjк zapisyw *њ*, *џ*, *ж* przed twardymi w: 18, s. 176 – 179].

Poniïej omawiam najpierw refleksy biaioruszczyzny w regionalnych zjawiskach innowacyjnych, czyli cechach jкzykowych powstaiych na obszarze wilecsko-dyneburskim pod wpiywem obcym, potem – prawdopodobne oddziaiywanie podioïa biaioruskiego na zjawiska fonetyczne, ktyre notowano teï w historii polszczyzny etnicznej, czyli regionalne archaizmy.

Badane druki dostarczyiy 10 przykiadyw poњwiadczaj№cych przechodzenie *o* w *a*: *nic nie moïna byia uzyskaж* – WL 78[1], *gar№c№* – KWR 23, *paiapaia siк* – JRS 222, *paniewaï* – KWR 26, *jedna z zasadniczych przeciwiecstw* – GCW 37, *po radzicach* – CP 70, *dwie skrzydiy* – SN 54, *zaroi siк stadka sikoreczek* – JPHV 41, *zabaczywszy* – GRIG 215, *zadowalony* – DO 34 oraz 4 formy dowodz№ce hiperpoprawnej zamiany ogylnopolskiego *a* na *o*: *akomponiament* – WPK 8, *awiomodelizmu* – OL 50 (2 razy), *bogatela* – SSU 4, *nogietek* – MPP 140 (5 razy). Kilkakrotnie wiкcej przykiadyw zastкpowania *o* przez *a* i hiperyzmyw zarejestrowano w jкzyku powojennej prasy wilecskiej [por.: 17, s. 19], liczne wypadki wskazanej transpozycji odnotowano takïe w powojennych gwarach pyinocnokresowych [zob. m.in.: 6, s. 35 – 38; 5, s. 16 – 26].

Jest niemal pewne, ïe wskazana tu wymiana *o* > *a* wynika z charakteru wschodniosiowiacskiego przycisku i ma biaiorusk№ proweniencjк, bo pojawiia siк na kresach pyinocno-wschodnich juï w XVI – XVII stuleciu [zob. m.in.: 12, s. 85, 228 – 230; 19, s. 126 – 128; 16, s. 20]. W№tpliwoњci budzi natomiast biaioruskie tio fonetyczne wymian *e* > *a* po miккkich w sylabach innych niï pierwsza przed akcentowan№, ktyre odnotowaiem w wydawnictwach ksi№ïkowych dwukrotnie: *przestrzenia miкdzy ïebrami* – SZB 8 oraz *gyrnicy otrzymuj№ premia* – SSP 106. Jak siк wydaje, џrydia takiej transpozycji naleïy upatrywaж nie w biaioruskiej wymowie, lecz w oddziaiywaniu fonetyki litewskiej, a mianowicie «w tendencji do szerokiej wymowy samogioski *e* na wzyr litewskiego *e*, ktyra czкsto prowadzi do utoïsamiania siк *e* i *a*» [zob.: 9, s. 134; por. teï: 10, s. 180 – 181; 27, s. 186; 18, s. 122].

Dynamiczny charakter przycisku biaioruskiego powodowai w polszczyџnie pyinocnokresowej nie tylko obniïanie artykulacji *o* do *a*, mygi on byж takïe czynnikiem sprawczym podwyïszania *e* do *i*, *y* [zob. m.in.: 12, s. 168]. Materiaiy ksi№ïkowe dostarczyiy zaledwie 5 ilustracji tego wybitnie regionalnego zjawiska: *ryïkami bodzisz* – SN 24, *stiuczy siк* – WD 5, *wielkie piecy* – MN 28, *widaж koni* – KD 80, *s№ gejszy* – MWN 154 oraz 6 wypadkyw hiperpoprawnoњci: *kaczki*, *gкsie* – MRP 34 oraz SN 57, *koњcie dorosiych* – KWR 7, *silne pikњcie* – REK 28 oraz OC 15, KO 3, *urz№dzili szaiase* – PKP 46 (2 razy), *weteranie wojny* – WW 28, *wiкzie gospodarcze* – GЇ 61 (4 razy) oraz PRP 73, ZB 121, NOS 48 (3 razy), DP 22, AG 43 (21 razy), PPRA 11, SDB 39, PS 48 (3 razy), DWD 67, WPL 22, OL 62 (3 razy), BDIJ 28, GGL 38 (2 razy), JZZ 25, PRK 15 (2 razy), SOL 15, PSL 2 (3 razy), RK 22, WЊ 9 (2 razy). Znacznie wiкcej przykiadyw, ponad 600, dostrzeïono w jкzyku powojennej prasy wilecskiej [zob.: 15, s. 24; 16, s. 22 – 24; 17, s. 30 – 36]. Na powszechnoњж zjawiska *e* > *i*, *y* w okresie powojennym wskazuj№ rywnieï badacze gwar pyinocnokresowych [m.in.: 26, s. 17 – 18; 8, s. 79; 5, s. 37 – 41].

Jak widaж z przytoczonych zapisyw, do przechodzenia *e* w *i*, *y* dochodziio wyi№cznie w zgiosce nieakcentowanej, zatem istnienie zwi№zku tej transpozycji z mai№ wyrazistoњci№ samogiosek znajduj№cych siк w siabej pozycji, ktyr№ obserwujemy wspyiczeњnie w gwarach biaioruskich, nie ulega – jak siк wydaje – w№tpliwoњci. Zmiany fonetyczne odzwierciedlone w formach *piecy*, *koni*, *gejszy* wzmacniaio dodatkowo i utrwalaio oddziaiywanie fleksji biaioruskiej, por. *печы*, *коні*, *гейшы*.

[1] Rozwi№zania skrytyw zamieszczam na koccu artykuiu.

Refleksy wymowy biaioruskiej odzywaj№ siк – jak s№dzк – w 5 innych przykiadach, a mianowicie: *utrzymuje siк od niej 2,2 miotu rocznie* – SJ 15; *przy leczeniu uwiosionej czкњci giowy* – CW 25; *uwiosienie zanika u zarodka na krytko przed urodzeniem* – WBO 263 (2 razy) oraz GA 7 (2 razy); *uwrzodzenia na skyrze* – WMW 21, a takїe *Podczas mycia podiyg*, *wszystkie*, *jak omywione*, *wieszaj№ brudne њcierki* – DCZ 27. Њwiadcz№ one o zastкpowaniu њredniej samogioski *o* przez wyїsz№ w№sk№ *u* w sylabach nieakcentowanych (i hiperpoprawnej na nie reakcji), zjawisku maio charakterystycznym dla XVII–XIX stulecia, natomiast stosunkowo czкstym w okresie powojennym (kilkadziesi№t przykiadyw z prasy wilecskiej, z idiolektyw uczniyw polskiego pochodzenia, z polszczyzny pisanej Polakyw z Biaiorusi) [zob. m.in.: 14, s. 65 – 66; 16, s. 21 – 22; 17, s. 27 – 30; 1, s. 110; 8, s. 49; 3, s. 75; 4, s. 130 – 131]. Mimo їe przyczyna podwyїszania *o* > *u* na obszarze wilecsko-dyneburskim nadal nie jest jasna i wymaga gruntownego zbadania [zob.: 18, s. 125 – 129], dziњ nie moїemy zupeinie wykluczyж gwarowego wpiywu biaioruskiego [por. m.in.: 11, s. 39; 25, s. 26 – 28].

O wpiywie biaioruszczyzny w zakresie konsonantyzmu mog№ њwiadczyж 2 zapisy z osobliwym miккkim *њ* przed przyrostkiem *-ny*: *nawoiuje do bezlitoњnego zabijania* – PLA 12 i *dusznica boleњna* – HIZ 27. Osobliwa palatalizacja, ktyra wyst№piia њladowo takїe na iamach powojennej prasy wilecskiej [por.: 17, s. 57], moїe byж tu albo skutkiem przesady poprawnoњciowej wobec wiaњciwie nieobecnych w jкzyku biaioruskim zmiккczec przed *n* [zob.: 23, s. 134], albo – w wypadku postaci *bezlitoњnego* – na tle analogicznego przymiotnika brus. *бязлітасны*.

Odniesienie do fonetyki substratu biaioruskiego mog№ mieж 2 inne zapisy, dokumentuj№ce wahania *n* // *c*, a mianowicie: *Drukarnia Panstwowa* – WW (okiadka) i *oњwiecone sioncem* – GMJC 173, w biaioruszczyџnie bowiem miккkie *c* nie wystкpuje przed szczelinowymi i zwarto-szczelinowymi [zob. m.in.: 20, s. 62; 25, s. 55]. W okresie powojennym chwiejnoњж w doborze *n* lub *c* notowano rywnieї w gazetach wilecskich [por.: 16, s. 36 – 37; 17, s. 58 – 59] oraz w potocznej polszczyџnie pisanej Polakyw na Biaiorusi [zob.: 4, s. 131], jednak najliczniej poњwiadczono j№ w gwarach pyinocnokresowych II poi. XX w. [por. m.in.: 26, s. 21, 38, 42; 7, s. 94; 5, s. 49, 99, 100].

Materiaiy ksi№їkowe dostarczyiy 39 ilustracji wahac *l* // *i*: *wartoњж iiczbowa* – KF 26, *niechiuj* – PJRW 175, *pai№ce kobiety maj№ przedwczesny poryd* – KS 41, *podziei na poiowк* – BA 277, *pogi№dowy* – PJRC 172, *postawiii* – PKF 121 oraz BO 43, *rywnoiegle* – PKF 89, *w skiepie* – PJRMT 47, *szczegyinie* – MRP 24, *tyiko* – DO 25, *wкgiei kamienny* – MRP 115, *w kiasach pocz№tkowych* –SN 51 oraz BA 224, *wzgiкdem* – PKF 10 (2 razy), *kukiuksklanowcy* – MWN 39, *blona* – KWR 21, *bylo* – DO 49, *blккitnych* – KB 151, *ci№gly* – PJRK 15, *cieple* – CZEP 167, *feudalyw* – MЇ 6, *kielek* – ALEK-II 23, *kolchozu* – MPP 57, *mywila* –PCJ 78, *napeinila* – BBM 65, *nieublagan№* –PCJ 69, *okladkк* – MЇ 32, *okolo* – MЇ 30, *otulila* – PJRS 61, *pletwa* – GS 251 oraz RR 105, WBO 13 (2 razy), *plynie* – ALEK-II 54, *plycmy* – DO 48, *podeszla* –ALEK-I 71, *sloikyw* – BBM 65, *wyznaczyж dla ucznia stale obowi№zki* – RBU 47, *stolywka* – PJRC 11, *њmiala siк* – ALEK-I 71, *њwiatlo* – PCJ 44 oraz KF 26, *wlasnoњci* – CE 138, *wspylpracowai* – WЊ 34, *wpruњcilem* – SMR 39.

Jeњli przyj№ж, їe do wahac *l* // *i* dochodziio na podioїu fonetycznym, to jednym z czynnikyw sprawczych osobliwej dystrybucji mogia byж miккkoњж brus. *l*, utrudniaj№ca realizacjк twardego ogylnopolskiego *l*. Pryby bowiem artykuiowania *l* niepalatalnego prowadziiy do podstawiania na jego miejsce brus. *i* przedniojкzykowego, ktyre nie ulegio na kresach pyinocno-wschodnich redukcji do *u* niezgioskotwyrczego i «pozostaio giosk№ pyiotwart№ jak *l* – st№d iatwoњж ich mieszania» [zob.: 22, s. 49; por. teї: 2, s. 26]. Przyczyn№ wahac mogio byж takїe oddziaiywanie analogicznych form biaioruskich, por.: *w kiasach* (brus. *класс*) i *kukiuksklanowcy* (brus. *кук-лукскланавец*).

S№ w mojej kartotece takїe takie przykiady, ktyre mog№ њwiadczyж o wpiywie biaioruszczyzny na spowalnianie tempa ogylnopolskich zmian fonetycznych, przechowywanie na kresach pyinocno-wschodnich archaicznych brzmiec wyrazowych czy teї nadawanie odmiennego niї na terenach etnicznych kierunku owych zmian.

Twierdzi siк na przykiad, ïe to jкzyk biaioruski hamowai stabilizacjк wahac *o* // *y* wediug wzorca ogylnopolskiego i nakianiai do wyboru *o*, a nie *y* [zob. m.in.: 24, s. 45, 12, s. 74–75]. Wi№zaio siк to z brakiem w nim pochylec oraz bezpoњrednim wpiywem konkretnych form biaioruskich. Zatem odmienny niï na terenach etnicznych kierunek przemian dawnego *o* pochylonego mog№ odzwierciedlaж nastкpuj№ce zapisy: *pierog* – OLBP 185 (2 razy), *sposob* – OZS 26, *ugor* – OLBS 65, *pioz* – PKF 67 (2 razy), *lasow nie ma* – GGL 18, *sprobuj* – SRUS 128, *poprobujcie* – OLSP 120, *do noïek muchy* – BHZ 19, *w końcioiku* – KSK 5, *dwoch* – PPA 21 (2 razy), *odnoïa* – SMDR 65, *rownanie* – BA 110, *siusznoњж rownoњci* – BA 32, *zamowienie* – WW (okiadka), *zdroweczko* – WAS 146, *dlaczegoï* – SP 252 oraz KFM 226, SKP 27, DWD 95, MG 50, *coïeњ* – MNM 89.

Biaioruskie podioïe jкzykowe uznaje siк takïe za џrydio zakiycec w rozmieszczeniu samogiosek nosowych [zob. m.in.: 26, s. 28]. W badanych drukach odzwierciedlaj№ je nastкpuj№ce przykiady: *zakreњlaj№ peiny okrкg dookoia Gwiazdy Polarnej* – WWA 16 (3 razy), *odcina doln№ сzкњж giкba* – POJ 134 (2 razy), *pierwszy ukos roztrzкsamy* – BTN 37, *strzкsn№* – REK 25, *napomknкiem* – CNM 17, *rozszerzyж widnokrкg dziewczyny* – RBU 39, *na jedenasty miesiкc* – KWR 43, *okr№ïnymi drogami* – MWN 153, *zasi№g tej pracy jest bardzo szeroki* – OL 77. Mechanizm wpiywu biaioruskiego trafnie uj№i T. Zdancewicz, pisz№c o stanie obserwowanym w gwarach sejnecskich: « […] ludnoњж pod Sejnami musiaia sobie przyswoiж sposyb wymowy i miejsce wystкpowania polskich samogiosek nosowych […]. W tym procesie widaж zakiycenia wywoiane przez biaioruskie podioïe gwar. […]. Ludnoњж biaioruska przejmuj№ca polskie samogioski nosowe nie mogia ich po prostu podstawiaж w miejsce swoich ‘*a*, *u*, poniewaï zarywno birs. ‘*a* jak i birs. *u* moïe w ogylnopolskim odpowiadaж w jednych pozycjach *к*, w innych *Q*» [25, s. 45].

Trudnoњci z artykulacj№ samogiosek nosowych – nieznanych w jкzyku biaioruskim – stwarzaiy sprzyjaj№ce warunki do utrzymywania na obszarze wilecsko-dyneburskim archaicznego zjawiska zaniku nosowoњci w њrydgiosie. Jego њlady odnajdujemy w 3 formach: *niж srebrn№ snuje z swojej przeњli* – SMDR 305, *zabezpieczywszy sobie zdrowie i piekno* – PCT 4 oraz *zasiegn№ж* – WPL 8.

Biaioruszczyzna przeszkadzaia takïe w nad№ïaniu dialektu pyinocnokresowego za polszczyzn№ etniczn№ w zakresie stabilizowania obocznoњci ‘*e* // ‘*o* i ‘*e* // ‘*a* [por.: 25, s. 50–51]. Њwiadcz№ o tym, po pierwsze, zmiana samogioski w formie *grzeliњmy* (LW 132), do ktyrej mogio dojњж pod bezpoњrednim wpiywem odpowiednika biaioruskiego *мы грэлі*, i po drugie, formy *lazк* (SMDR 255), *wlazк* (JB 185 oraz JIT 89), *zlazк* (JIT 97), *dowlekiem siк* (JB 58), ktyre mogiy siк utrzymywaж na kresach pyinocno-wschodnich pod wpiywem poњrednim, wyraïaj№cym siк w skionnoњci do unikania form rzekomo biaioruskich, por. brus. *лезу*, *улезу*, *злезу*, *давалокся* [por. teï: 16, s. 27–28; 18, s. 343].

Pod wpiywem biaioruskim mogia byж utrzymywana na obszarze wilecsko-dyneburskim takïe dawna chwiejnoњж w przedrostkach czasownikowych, dostrzeïona w nastкpuj№cych formach: *odegrzaж* –GG 15 oraz SMDR 137, *podegrzaж* – PH 52 oraz JM 75, MRP 122, *rozegrzan№* – LW 150 (por. brus. *адагрэць*, *падагрэць*, *разагрэць*).

Jкzyk biaioruski, charakteryzuj№cy siк niepein№ palatalizacj№ spyigiosek њrodkowojкzykowych, podtrzymywai rywnieï dawne zakresy uïywalnoњci spyigiosek twardych i miкkkich [zob. m.in.: 16, s. 37]. Wpiyw biaioruszczyzny na utrzymanie wahac znanych z dawnej polszczyzny etnicznej odnajdujemy w nastкpuj№cych postaciach: *w pismie* – PCJ 44 oraz PJRC173, RK 39, *smiaiego* – SKP 154, *smierж* – O 162, *spiewaж* – ALEK-II 53, *swiat* – SN 51 (2 razy), *swiatie* – ALEK-II 63, *swiкta* – SZP 3, *swic* – WAS 136, *dorosli* – WD 27, *jesli* – PKF 10, *roslin* – KB 185, *sladami* – CL 48, *jesteњ slamazar№* – DU 5, *slisko* – JIT 57, *osrydkami* – MЇ 11, *sposryd* – AG 238 oraz CCO 168, *sredniej* – SN 54 (2 razy), *srodkyw* – JH 89, *wsryd* – GA 3, *piesni* – O 65, *przyrosniкte* – GA 41, *sniegu* – AG 199, *snieïyж* – ALEK-II 70, *sniiy siк* – DO 13, *wczesniej* – CCO 93, *sciskaj№ siк* – JIP 9, *sciњle* – MЇ 19, *ukiadalibysmy* – CEG 145, *cwiczenia* – SN 51 (3 razy) oraz SZP 28 (2 razy), *dzwiкk* – PR 11, *powiezli* – JB 27, *terazniejszoњci* – O 159.

W materiaiach ksi№ïkowych napotkaiem rywnieï 2 zapisy dowodz№ce frykatywnej wymowy *ш*: *wytwarïa* – PKF 126, *zadzierïgnкiy siк* – DWD 67 oraz 2 wypadki hiperkorekcji: *wyrzniкte* – ЇO 34 i *zarznк* – ЇO 37. Taki typ wymowy, sprzeczny z ogylnopolsk№ tendencj№ do identyfikowania *ш* z *ћ* (*љ*), wynikai prawdopodobnie z trudnoњci przyswojenia nieznanego w

systemie biaioruskim *ш* frykatywnego, zamiast ktyrego podstawiano poi№czenia spyigiosek znanych biaioruszczyџnie *r* + *ħ* i *r* + *љ* [por. m.in.: 25, s. 71; 12, s. 115].

Jak wynika z zebranego materiaiu, њlady wymowy biaioruskiej widaж wyi№cznie w tych regionalnych zjawiskach fonetycznych, ktyre odnotowano na obszarze wilecsko-dyneburskim najwczeњniej, juї w XVI, XVII i XVIII stuleciu. Najliczniej wyst№piiy one na kartach ksi№їek i broszur opublikowanych przed rokiem 1966, a wiкc w czasie zawodowej aktywnoњci osyb pamiкtaj№cych dawny dialekt pyinocnokresowy (ponad 57% analizowanych form wyrazowych). Zatem powojenny dialekt kulturalny nie moїe byж, jak siк przyjmuje [szczegyiy zob.: 13, s. 168–174], wytworem nowym, uksztaitowanym po II wojnie њwiatowej, lecz jest prawdopodobnie socjolektem-kontynuatorem, czyli specyficznym kontinuum jкzykowym od poprzednich stuleci aї po dziec dzisiejszy, w ktyrym z upiywem czasu dochodzi do stopniowego redukowania cech regionalnych.

Spis literatury

1. Bartnicka, B. Regionalizmy w mowie miodzieїy z Wilecszczyzny / B. Bartnicka // Polszczyzna Mazowsza i Podlasia. Ryїnice w mowie pokolec / pod red. B. Bartnicka/ – Jomїa-Warszawa? 1993. – S. 105 – 113.
2. Dwilewicz, B. Jкzyk mieszkaccyw wsi Bujwidze na Wilecszczyџnie / B.Dwilewicz. – Warszawa, 1997.
3. Geben, K. Њwiadomoњж i kompetencja jкzykowa a warstwy leksykalne w idiolektach miodzieїy polskiego pochodzenia na Wilecszczyџnie / K.Geben. – Warszawa, 2003.
4. Grek-Pabisowa, I. Przyczynek do badac wspyiczesnej potocznej polszczyzny pisanej Polakyw na Biaiorusi / I. Grek-Pabisowa // Studia nad polszczyzn№ kresow№. T. X / pod. red. J. Rieger. – Warszawa, 2001. – S. 125 – 136.
5. Grek-Pabisowa, I. Wspyiczesne gwary polskie na Litwie i Biaiorusi. Fonetyka / I. Grek-Pabisowa. – Warszawa, 2002.
6. Grek-Pabisowa, I. Jкzyk polski na Kresach pyinocno-wschodnich dawniej i dziњ / I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa // Historia i wspyiczesnoњж jкzyka polskiego na Kresach Wschodnich / pod red. I. Grek-Pabisowej. – Warszawa, 1997. – S. 27 – 109.
7. Grek-Pabisowa, I. O jкzyku polskim i sytuacji jкzykowej na Grodziecszczyџnie / I. Grek-Pabisowa, M. Ostrywka, A. Zielicska // Bohatyrowicze sto lat pyџniej. – Warszawa, 1998. – S. 87 – 98.
8. Karaњ, H. O gwarze Kamionki koio Solecznik / H.Karaњ // Jкzyk polski dawnych Kresyw Wschodnich. T. II. Studia i materiaiy / pod. red J. Rieger. – Warszawa, 1999. – S. 77 – 93.
9. Karaњ, H. Gwary polskie na Kowiecszczyџnie / H.Karaњ. – Warszawa-Pucsk, 2002.
10. Kasner, M. Jкzyk polski w ustach Litwinki z Pucska, JP LXXII, 1992. – S. 178 – 186.
11. Kurzowa, Z. Studia nad jкzykiem filomatyw i filaretyw (fonetyka, fleksja, skiadnia) / Z.Kurzowa. – Warszawa-Krakyw, 1972.
12. Kurzowa, Z. Jкzyk polski Wilecszczyzny i kresyw pyinocno-wschodnich XVI – XX w. / Z.Kurzowa. – Warszawa-Krakyw, 1993.
13. Marszaiek, M. Dawne regionalizmy leksykalne w polskojкzycznych wydawnictwach ksi№їkowych a kwestia ksztaitowania siк dialektu kulturalnego na powojennej Litwie / M.Marszaiek // Respectus Philologicus. – 2008. – №13 (18). – S. 168 – 179.
14. Mкdelska, J. Jкzyk polski na Litwie w dziewi№tym dziesiкcioleciu XX wieku / J.Mкdelska. – Bydgoszcz, 1993.
15. Mкdelska, J. Jкzyk «Prawdy Wilecskiej». Pyinocnokresowa polszczyzna kulturalna w pocz№tkach sowietyzacji Wilna i Wilecszczyzny / J.Mкdelska. – Bydgoszcz, 1999.
16. Mкdelska, J. Jкzyk polski prasy wilecskiej (1945 – 1979), t II: Lata 1945 – 1959 / J.Mкdelska. – Bydgoszcz, 2000.
17. Mкdelska, J. Jкzyk polskiej prasy wilecskiej (1945 – 1979), t. III: Lata 1960 – 1979, cz. 1: Fonetyka, siowotwyrstwo, fleksja, skiadnia / J.Mкdelska. – Bydgoszcz, 2001.
18. Mкdelska, J. Za murem. Polszczyzna wydawnictw publikowanych w Republice Litewskiej w latach 1919 – 1940 (na tle ogylnopolskim i pyinocnokresowym). T. I. Fonetyka, grafia / J.Mкdelska, M. Marszaiek. – Bydgoszcz, 2005.
19. Pihan, A. Literacka polszczyzna kresyw pyinocno-wschodnich XVII wieku. Fonetyka / A.Pihan. – Poznac, 1999.
20. Sawaniewska-Mochowa, Z. Regionalne cechy fonetyczne polszczyzny pyinocnokresowej XIX w. w «Podrкczniku» Jana Kariowicza / Z.Sawaniewska-Mochowa // Werenicz (red.), Studia nad polszczyzn№ kresow№. T. IV /pod red. J.Rieger. – Wrociaw-Warszawa-Krakyw-Gdacsk-Jydџ, 1986. – S. 37 – 70.

21. Sawaniewska-Mochowa, Z. Ze studiyw nad socjolektem drobnej szlachty kowiecskiej XIX wieku (na podstawie siownikyw przekiadowych Antoniego Juszkiewicza) / Z.Sawaniewska-Mochowa. – Bydgoszcz, 2002.

22. Smolicska, B. Polszczyzna pyinocnokresowa z przeiomu XVII i XVIII w. Na podstawie rкkopisyw Jana Wiadysiawa Poczobuta Odlanickiego i Antoniego Kazimierza Sapiehy / B.Smolicska. – Wrociaw-Warszawa-Krakyw, 1983.

23. Trypuжko, J. Jкzyk Wiadysiawa Syrokomli (Ludwika Kondratowicza). Przyczynek do dziejyw polskiego jкzyka literackiego w wieku XIX. – T. I. – Uppsala, 1955.

24. Trypuжko, J. O jкzyku «Wspomniec dziecicstwa» Franciszka Mickiewicza / J.Trypuжko. – Uppsala, 1970.

25. Zdancewicz, T. Wpiywy biaioruskie w polskich gwarach pod Sejnami / T.Zdancewicz. – Poznac, 1966.

26. Zdaniukiewicz, A.A. Gwara Jopatowszczyzny. Fonetyka, fleksja, siownictwo / A.A.Zdaniukiewicz. – Wrociaw-Warszawa-Krakyw-Gdacsk, 1972.

27. Кур'ян, I. Сістэмнасць некаторых дыялектных рысаў віленскай польскай гаворкі / I.Кур'ян J. Rieger (red.), Studia nad polszczyzn№ kresow№. – T. X. – Warszawa, 2001. – S. 179 – 188.

Wykaz skrytyw џrydei

AG – A. Artiemjewa, W. Maksakowski, S. Rakowski, A. Soiowjowa, *Geografia gospodarcza krajyw zagranicznych. Podrкcznik dla klasy IX*, Kaunas 1966; ALEK-I – J. Aleksandraviиius, *Jкzyk litewski. Podrкcznik dla klasy VIII*, Kaunas 1984; ALEK-II – J. Aleksandraviиius, *Жwiczenia z jкzyka litewskiego. Dla klasy VIII szkyi z polskim jкzykiem wykiadowym*, Kaunas 1984; BA – A. Barsukow, *Algebra. Dla klas VI-VIII*, Kaunas 1962; BBM – B. Balczytis, *Matematyka dla klasy II*, Kaunas 1972; BDIJ – P. Baublys, *Biegunki dzieciкce i jak im zapobiec*, Wilnius 1951; BHZ – A. Bite, *Higiena zagrody koichozowej*, Kaunas 1972; BO – J. Polanski (red.), *Biologia ogylna. Podrкcznik dla klasy X*, Kaunas 1968; BTN – B. Baginskas, J. Tarwidas, *Nawyz zielony*, Wilnius 1952; CCO – L. Cwietkow, *Chemia organiczna. Podrкcznik dla klas X-XI*, Kaunas 1973; CE – J. Chodakow, D. Epsztejn, P. Gioriozow, *Chemia nieorganiczna. Podrкcznik dla klas IX-X*, Kaunas 1983; CEG – J. Chodakow, D. Epsztejn, P. Gioriozow, *Chemia nieorganiczna. Podrкcznik dla klas VII-VIII*, Kaunas 1979; CL – *O czytankach literackich w klasie siydmej. Praca zbiorowa nauczycieli jкzyka polskiego i literatury*, Wilnius 1969; CNM – A. Baitrunas, *Chiopcy naszego miasta*, Vilnius 1954; CP – A. Cuzmer, O. Pietriszyna, *Cziowiek. Anatomia, fizjologia, higiena. Dla klasy VIII szkoiy њredniej*, Kaunas 1971; CW – K. Ambrozaitis, *Czy wiesz, co to s№ promienie Roentgena i promieniowanie radu*?, Wilnius 1958; CZEP – J. Иepaitiene, M. Иibiriene, T. Dejus, S. Jankeviиiene, *Podrкcznik jкzyka litewskiego. Dla klasy IX szkyi z polskim jкzykiem wykiadowym*, Kaunas 1971; DCZ – A. Waitilawiczius, *Drobnoustroje, czystoњж, zdrowie*, Wilnius 1969; DO – K. Czukowski, *Ojboli*, Vilnius 1957; DP – F. Drobyszow, *Podstawowe ekonomiczne prawo wspyiczesnego kapitalizmu*, Wilnius 1953; DU – J. Dauksztialis, *Upiory. Sztuka w jednym akcie*, Wilnius 1953; DWD – I. Dowidajtis, *Woigo-Don-Cymlacskaja*, Wilnius 1953; GA – R. Garibjan, N. Markow, *Anatomia i fizjologia cziowieka*, Kaunas 1958; GCW – G. Guriew, *Co to jest Wszechњwiat*, Wilnius 1956; GG – J. Gamperis, *Gruџlica*, Wilnius 1955; GGL – K. Geruiajtis, *Geografia Litewskiej SRR. Dla klasy IV*, Kaunas 1963; GMJC – P. Gajliunas, A. Matutis, J. Jarmoiowska, *Czytanki dla klasy trzeciej*, Kaunas 1970; GRIG – G. Grigeniene, K. Poszkus, *Podrкcznik jкzyka litewskiego. Dla klas X-XI szkyi z polskim jкzykiem wykiadowym*, Kaunas 1974; GS – P. German, F. Szurawin, *Podrкcznik jкzyka rosyjskiego dla klasy VI szkyi z polskim jкzykiem wykiadowym*, Kaunas 1959; GЇ – A. Gaigalaite, R. Ћepkaite, *Historia Litewskiej SRR dla klas X-XI*, Kaunas 1970; HIZ – A. Chripkowa, D. Kolesow, *Higiena i zdrowie. Pomoc naukowa dla uczniyw. Dodatek do podrкcznika «Cziowiek. Anatomia, fizjologia i higiena». Klasa VIII*, Kaunas 1985; JB – B. Jauniљkis, *Bez iluzji*, Kaunas 1983; JH – J. Jurginis, *Historia Litewskiej SRR. Podrкcznik dla szkyi њrednich*, Kaunas 1958; JIP – A. Poidniewa, *Pochodnie*, [w:] *Jednoaktywki i intermedia*, Wilnius 1960; JIT – K. Saja, *Tchyrze. Komedia w dwu odsionach*, [w:] *Jednoaktywki i intermedia*, Wilnius 1960; JM – B. Jauniљkis, *Malecka tajemnica*, Kaunas 1980; JPHV – P. Hausvater, *Jкzyk polski. Podrкcznik dla klasy IV*, Kaunas 1970; JRS – F. Szurawin, K. Urbanowicz, H. Zacharkiewicz, *Podrкcznik jкzyka rosyjskiego dla klasy IV szkyi z polskim jкzykiem wykiadowym*, Kaunas 1958; JZZ – J. Jauniszkiene, *Zdrowe zкby*, Wilnius 1958; KB – W. Korczagina, *Botanika. Podrкcznik dla klas 5-6 szkoiy њredniej*, Kaunas 1965; KD – N. Krasnosielski, *Drogami nowej Polski*, Wilnius 1956; KF – I. Kikoin, A. Kikoin, *Fizyka. Pomoc naukowa dla klasy IX*, Kaunas 1973; KFM – B. Kowalewicz, *Jкzyk polski. Fonetyka i morfologia. Podrкcznik dla klas V-VI*, Kaunas 1974; KO – M. Kriksztopajtis, *O piwie, wydce i winie*, Wilnius 1956; KS – M. Krikљtopaitis, *Szkodliwe nawyki*

dorosiych, Kaunas 1978; KSK – J. Kasperawiczius, *Skarby kultury*, Wilnius 1965; KWR – A. Kaminskiene, *Wiaњciwoњci rozwoju, pielкgnowanie i odїywianie maiych dzieci*, Wilnius 1960; LW – M. Lemberg, *Wypisy*. *Pomoc naukowa dla klasy X*, Kaunas 1974; MG – N. Maksimow, *Geografia fizyczna*. *Kurs pocz№tkowy*. *Podrкcznik dla klasy V*, Kaunas 1967; MN – G. Mdiwani, *Nasza rodzina*, [w:] G. Mdiwani, *Nasza rodzina*. Z. Czaiaja, *Masza*, Wilnius 1955; MNM – Z. Czaiaja, *Masza*, [w:] G. Mdiwani, *Nasza rodzina*. Z. Czaiaja, *Masza*, Wilnius 1955; MPP – L. Drozdow, S. Ïemajtis, *Miodzi przeobraziciele przyrody*, Wilnius 1953; MRP – S. Molis, B. Rimkeviиiene, *Przyrodoznawstwo*. *Podrкcznik dla klasy IV*, Kaunas 1972; MWN – B. Wronski, *Miodoњж w niewoli*. *Poioїenie miodzieїy w USA*, Wilnius 1951; MÏ – J. Mackeviиius, *Їycie kulturalne w Litwie*, Vilnius 1980; NOS – G. Szachnazarow (i in.), *Nauka o spoieczecstwie*. *Podrкcznik dla klasy koccowej szkoiy њredniej*, Kaunas 1968; O – J. Bilunas, *Opowiadania*, Wilnius 1953; OC – A. Obolлnieпл, *Czytanki dla klasy 3*. *Pomoc naukowa*, Kaunas 1974; OL – A. Kniwa, I. Ïiugïda, *Oњwiata w Litewskiej SRR*, Wilnius 1951; OLBP – R. Jukinskas, *Bikkitne pole*, [w:] *Opowiadania litewskie*, Wilnius 1953; OLBS – J. Baituszys, Sumienie, [w:] Opowiadania litewskie, Wilnius 1953; OLSP – J. Szymkus, *Prosiaki Jonikasa*, [w:] *Opowiadania litewskie*, Wilnius 1953; OZS – K. P. Obolecski, *Zarz№dzanie sprawami koichozu*, Wilnius 1953; PCJ – P. Pawioikin, *Czy jest Byg*? *Pogadanki*, Wilnius 1961; PCT – A. Paszkiewicziene, *Czystoњж to zdrowie*, Vilnius 1962; PH – J. Petrajtis, *Hodowla przychywka bydia w њwietle doњwiadczenia przoduj№cych koichozyw i sowchozyw Litewskiej SRR*, Wilnius 1954; PJRC – A. Иetverikova, G. Chmieliauskiene, *Podrкcznik jкzyka rosyjskiego*. *Dla klasy V*, Kaunas 1975; PJRK – J. Kvasas, *Jкzyk rosyjski*. *Pomoc naukowa dla klasy VII*, Kaunas 1980; PJRMT – F. Maћulis, E. Tautienene, *Podrкcznik jкzyka rosyjskiego dla klasy VII*, Kaunas 1976; PJRS – F. Szurawin, K. Urbanowicz, H. Zacharkiewicz, *Podrкcznik jкzyka rosyjskiego*. *Dla klasy V szkyi z polskim jкzykiem wykiadowym*, Kaunas 1960; PJRW – A. Wiktorowskaja, J. Jowaisziene, J. Proszajewa, *Podrкcznik jкzyka rosyjskiego*. *Dla klasy IV*, Kaunas 1975; PKF – A. Pioryszkin, W. Krauklis, *Kurs fizyki*. *Podrкcznik dla szkoiy њredniej*. *Сzкњж pierwsza*. *Mechanika*, Kaunas 1971; PKP – J. Paleckis, N. Konowaiow, *Pikkno naszego їycia rodzinnego*, Vilnius 1962; PLA – *Przedњmiertny list Adomasa Szernasa*, Kaunas 1973; POJ – M. Mordkonia, L. Blinow, *Przerybka owocyw, jagyd i warzyw w domu*, Wilnius 1956; PPA – A. Pczoiko, G. Polak, *Arytmetyka*. *Podrкcznik dla klasy IV*, Kaunas 1968; PPRA – *Roњliny przemysiowe*. *Przepisy agrotechniczne w zakresie uprawy roњlin w koichozach Litewskiej SRR na rok 1955*, Vilnius 1954; PR – *Poradnik rolnika*, Wilnius 1966; PRK – M. Poïarskas, *Rozwyj kultury na Litwie Radzieckiej w szystej pikciolatce*, Wilnius 1957; PRP – A. Pietrow, *Rozwyj przemysiu Litwy Radzieckiej*, Wilnius 1955, s. 116; PS – A. Pankratowa, *Sojusz klasy robotniczej i chiopstwa – niewzruszona podstawa spoieczecstwa radzieckiego*, Wilnius 1955; PSL – M. Poïarskas, *Stosunki Litwy Radzieckiej i Polski Ludowej*, Kaunas 1974; RBU – S. Raciute-Butinawicziene, *Uczec powinien rosn№ж zdrowy*, Wilnius 1969; REK – Z. Raczycska, *Egle*, *Krylowa wkïyw*, Vilnius 1956; RK – J. Ragauskas, *Kobieta a religia*, Wilnius 1962; RR – J. Rimidïius, K. Tyszkiewicz, F. Szurawin, *Podrкcznik jкzyka rosyjskiego*. *Dla klasy VII szkyi z polskim jкzykiem wykiadowym*, Kaunas 1955; SDB – G. Szachnazarow, *Dlaczego burïuazja rozdeptaia zasadк rywnoњci praw ludzi i narodyw*, Wilnius 1954; SJ – P. Burda, *Sowchoz* «*Jaszunaj*», Wilnius 1957; SKP – M. Skatkin, W. Kwietkawskas, *Przyrodoznawstwo dla klasy 4*, Kaunas 1970; SMDR – G. Siwicka, *Materiai dydaktyczno-rozdzielczy z jкzyka polskiego dla klasy III*, Kaunas 1969; SMR – A. Skakowska, *Materiai dydaktyczno-rozdzielczy z jкzyka polskiego dla klasy IV*, Kaunas 1969; SN – Cz. Szapiro, *Nauczanie jкzyka polskiego w klasach przygotowawczych*. *Wskazywki metodyczne dla nauczycieli*, Wilnius 1979; SOL – J. Szopauskas, *O alkoholu i alkoholizmie*, Kaunas 1973; SP – J. Mincewicz, W. Turowski, *Њpiewnik*. *Pomoc naukowa dla klas IV-VIII*, Kaunas 1973; SRUS – *Sprawy rodzinne*. *Utwory sceniczne*, Wilnius 1956; SSP – G. Stepanin, *O stopniowym przejњciu od socjalizmu do komunizmu*, Wilnius 1952; SSU – B. Ambrozajtienie, *Stefek sik uczy*, Wilnius 1959; SZB – L. Steponajtienie, *Zwalczajmy bionicк*, Wilnius 1961; SZP – A. Skakowska, *Zajкcia pozalekcyjne jako zasadnicza pomoc we wszechstronnym rozwoju uczniyw klas IV*, Vilnius 1968; WAS – S. Saja, *W iaџni*. *Komedia w jednym akcie*, [w:] W. Audronasza, *Niespodziewany goњж*. *Utwory sceniczne*, Wilnius 1956; WBO – J. Wiesieiow, *Biologia ogylna*. *Dla klasy IX*, Kaunas 1964; WD – A. Szejnbergas, *Wychowanie dzieci do wieku 3 lat w rodzinie*, Wilnius 1951; WL – *Wspomnienia krewnych o W. I. Leninie*, Wilnius 1956; WMW – A. Wilejszys, *Medycyna w walce z przes№dami*, Wilnius 1956; WPK – *Wilenka*. *Program koncertu X-lecia*, Wilnius, 1982; WPL – A. Wenckauskas, *Porady lekarza dla kobiet* (*z kalendarzem cyklu miesi№czkowego na lata 1966-1968*), Wilnius 1966; WЊ – W. Wanagas, «*Њwikci*», Wilnius 1963; WW – S. Wajdinauskajtie, *Wilecski Pacstwowy Uniwersytet im. W. Kapsukasa*, Wilnius 1959; WWA – B. Woroncow-Wieljaminow, *Astronomia*. *Podrкcznik dla klasy XI*, Kaunas 1971; ZB – N. Zubow, *Вуж czujnym na kaïdym odcinku i w kaïdej sytuacji*, Wilnius, 1954; ÏO – Ïemaite, *Opowiadania*, Vilnius, 1953.

ELÏBIETA BOGDANOWICZ

Biaiystok

BIAJORUSKIE APELATYWY JAKO PODSTAWY NAZWISK MIESZKACCYW BIAJOSTOCCZYZNY

Obszar okreњlany dziњ mianem Biaiostocczyzny ma charakter typowo pograniczny, czyli jest terenem etnicznie niejednorodnym, uksztaitowanym w warunkach wzajemnego oddziaiywania wielu kultur i jкzykyw. Z podobn№ sytuacj№ mieliњmy do czynienia i w przeszioњci, bowiem od najdawniejszych czasyw wschodnie ziemie dzisiejszej Rzeczypospolitej kolonizowali przedstawiciele ryїnych nacji. Najistotniejsz№ rolк odegraio osadnictwo polskie (mazowieckie) docieraj№ce tu z zachodu oraz ruskie – z poiudnia i pyinocy, chociaї w ryїnych okresach wystкpowaia przejњciowa dominacja jednego z nich. Na pocz№tku XI wieku wiкkszoњж ziem omawianego obszaru naleїaia do pacstwa polskiego i byia gкsto zaludniona przez Mazowszan [1, s. 14]. W dwych kolejnych stuleciach bardzo duї№ aktywnoњж wykazywali Rusini woiycscy, ktyrzy masowo wznosili swoje grody wњryd osad mazowieckich [1, s. 15]. W XIV wieku tereny te znalaziy siк w granicach Wielkiego Ksiкstwa Litewskiego i rozpocz№i siк najbardziej intensywny okres ich kolonizacji. Pierwszymi osadnikami byia drobna szlachta z zachodniego Mazowsza osiadaj№ca caiymi rodami w kilku-kilkunastu wsiach skupionych obok siebie, rzadziej przybywali chiopi mazowieccy [10, s.15]. W XV wieku odnotowaж moїna nasilanie siк wpiywyw ruskich. Wiadcy litewscy, aby umocniж swe rz№dy na tych ziemiach, osadzali pod grodami mazowieckimi i na szlakach giywnych dryg bojaryw pochodzenia ruskiego i litewskiego, dokonywano teї licznych nadac na rzecz moїnowiadztwa litewsko-ruskiego [10, s. 20 – 23]. Napiywali tu w dalszym ci№gu z poiudnia ruscy chiopi. Osiabienie wpiywyw ruskich nast№piio w drugiej poiowie XVI wieku i zwi№zane byio z wcieleniem wiкkszoњci omawianego obszaru do Korony Polskiej. W XVII wieku caiy teren Biaiostocczyzny nкkany byi dziaianiami wojennymi i przemarszami wojsk, ktyre zahamowaiy procesy osadnicze i doprowadziiy do wyniszczenia ludnoњci [10, s. 49]. Po wojnach nast№piio ponowne zasiedlanie tych ziem, a nowi osadnicy odznaczali siк przewaїnie polskim rodowodem [10, s. 55]. Ruchy kolonizacyjne na badanym terytorium ostatecznie ustaiy pod koniec XVIII wieku, ale naleїy wspomnieж, їe w dobie їywego procesu osadniczego proporcje miкdzy ludnoњci№ polsk№ i rusk№ pod wzglкdem liczebnoњci przemawiaiy na korzyњж tej drugiej, zwiaszcza jeњli chodzi o chiopyw [2, s. 55].

Tak wiкc na terytorium Biaiostocczyzny w sposyb rywnorzкdny wkraczaiy dwie kultury z pokrewnymi lecz odrкbnymi systemami wartoњci, religi№, jкzykiem, a co za tym idzie, i z charakterystycznym dla danej nacji nazewnictwem osobowym. W takiej sytuacji historyczno-osadniczej nie budzi zdziwienia obecnoњж na tym terenie nazwisk odapelatywnych o proweniencji biaioruskiej. W niniejszym artykule podejmк prybк ich wyodrкbnienia z osobowego zasobu nazewniczego Biaiostocczyzny. Pod uwagк bкd№ brane zarywno historyczne, jak i wspyiczesne nazwiska identyfikuj№ce mieszkaccyw badanego obszaru, chociaї do kocca XVIII wieku okreњlenia wystкpuj№ce po imieniu chrzestnym nie byiy jeszcze strukturami w peini ustabilizowanymi w zakresie funkcji nazwiskowej.

Z badac onomastyw [4, s. 79 – 85; 6, s. 95 – 261; 7, s. 148 – 165] zajmuj№cych siк antroponimi№ ryїnych miejscowoњci i terytoriyw Polski wynika, їe wyrazy pospolite od czasyw najdawniejszych zaliczane s№ do giywnych i najczкstszych podstaw motywuj№cych nazwiska. Istotn№ rolк w okreњlaniu cziowieka za pomoc№ wyrazu pospolitego odgrywaia naturalna potrzeba cziowieka zawieraj№ca siк w subiektywnym postrzeganiu i wartoњciowaniu ludzi – czionkyw tej samej wspylnoty jкzykowo-kulturowej. W konkretnym akcie nominacji nazywaj№cy albo uїywai siowa juї istniej№cego w apelatywnej piaszczyџnie jкzyka dla okreњlenia cech nazywanego i

ocenianego cziowieka (np. *Czmut*[1] < pot. czmut ‘igarz, kiamca’ TSBLM, *Ubohi* < ubohi ‘uiomny fizycznie; їebrak’ ScMS), albo teї tworzyi od wyrazu pospolitego now№ nazwк dla okreњlenia i oceny indywidualnych cech cziowieka (np. *Hakaio* < hakaж ‘wymawiaж krtaniowe *h*’ ESBM, *Kruhlicz* < kruhiy ‘okr№giy’ TSBM, *Pleszywiec* < pleszywy ‘iysy’ TSBM). Niektyre nazwy ostatniej grupy upowszechniaiy siк w jкzyku jako okreњlenia kaїdego cziowieka posiadaj№cego dan№ cechк. Mogiy rywnieї pozostawaж nazw№ indywidualn№, wskazuj№c№ i wyryїniaj№c№ danego cziowieka. Taka nazwa indywidualna zyskiwaia akceptacjк њrodowiska, byia uїywana w charakterze szeroko rozumianego przezwiska konkretnego cziowieka. Od XIV wieku pierwotne miana przezwiskowe na skutek dziedziczenia swoim zasiкgiem zaczкiy obejmowaж їonк i braci, czyli cai№ rodzinк, coraz czкњciej nie jedno lecz dwa pokolenia oraz dalszych krewnych, tj. ludzi, ktyrzy z cechami ich przodka nie mieli nic wspylnego, czyli rozpoczynai siк diugotrwaiy proces ich utrwalania w roli nazwisk [6, s. 98 – 99].

Nazwiska odapelatywne mogiy indywidualizowaж cziowieka przez bezpoњredni№ charakterystykк poi№czon№ z ocen№ wynikaj№c№ ze znaczenia leksykalnego wyrazu pospolitego uїytego w konkretnym akcie nominacyjnym. Jako podstawy funduj№ce wykorzystywano tu przede wszystkim leksemy apelatywne wartoњciuj№ce psychiczne i fizyczne cechy cziowieka w kategoriach pozytywny – negatywny, np. *Bokacz* < bokacz ‘cziowiek kr№giych, peinych ksztaityw’ Bir I 35, *Chaciejko* < chaciej ‘m. in. ten, ktyry chce’ Bir II 429, *Chadaia* < chadziж ‘chodziж’ TSBLM, *Chnyko* < chnyka ‘piaksa’ TSBM, *Czornych*, *Czornysz* < czorny ‘cziowiek o czarnych wiosach, њniadej cerze’ TSBM, *Czuryio* < stbrus. czuryia ‘straszydio; dziki, nieokrzesany cziowiek’ Nos, *Drynczowicz* < drynkaж ‘odzywaж siк przerywanym, drї№cym giosem; nieumiejкtnie graж na jakimњ instrumencie’ TSBM, *Dyrda* < dyrda ‘wysoki, diugonogi cziowiek’ Nos, *Harbulew* < gw. harbul ‘garbaty cziowiek’ Bir II 103, *Hubar* < gw. hubar ‘cziowiek o duїych wargach’ Bir II 119, *Kudra* < gw. kudra ‘cziowiek o kкdzierzawych wiosach’ Bir II 226, *Kulhawy* < kulhawy ‘chromy’ Nos, *Jobacz* < iobacz ‘cziowiek z duїym czoiem’ TSBM, *Jupasty* < gw. iupasty ‘cziowiek o duїych wargach’ Tich 60, *Morhalik* < pot. morhaж ‘mrugaж, mrugaj№c dawaж znaki’ TSBLM, *Pierchun* < pierchun ‘czкsto kaszl№cy cziowiek’ Nos, *Piskun* < piskun ‘ten, ktyry czкsto piszczy’ TSBM, *Puzyna* < puzyna ‘cziowiek z duїym brzuchem, brzuchacz’ Bir II 337, *Pykacz* < pykaж ‘mywiж niewyraџnie, niezrozumiale’ TSBM, *Rumiiowicz* < reg. rumiia ‘piaksa, mazgaj, skionny do piaczu’ Bir II 355, *Rupko* < gw. rupiж ‘troszczyж siк, niepokoiж siк’ SBH, *Sipacz* < sipacz ‘cziowiek mywi№cy giosem ochrypiym, chrypliwym’ Bir II 375, *Sutuia* < sutuiy ‘przygarbiony’ TSBLM, *Swiaszczenia* < swiaszczenny ‘њwiкty; czysty, nieskazitelny’ TSBM, *Szmyga* < szmyhaж ‘chodziж bardzo szybko’ TSBLM, *Tonki* < tonki ‘cienki’ Bir II 412.

W sposyb bezpoњredni – we wstкpnej fazie formowania siк nazwisk odapelatywnych – okreњlaiy cziowieka takїe antroponimy motywowane wyrazami pospolitymi, ktyre informowaiy o relacjach rodzinnych, np. *Blizniuk* < gw. bliџniuk ‘bliџniak’ AGWB, *Dzietko* < gw. dzietko ‘dziadek’ AGWB, *Prymaczek*, *Prymaka* < prymak ‘m№ї przyjкty do domu їony’ TSBLM, *Prystupa* < gw. prystupa ‘ziкж przybrany do domu rodzicyw їony» AGWB.

Czкњciej jednak omawiane nazwiska byiy okreњleniami charakteryzuj№cymi cziowieka na zasadzie metafory lub metonimii.

Odapelatywne nazwiska metaforyczne powstawaiy na skutek wartoњciowania konkretnej osoby w oparciu o podobiecstwo jej cech do cech innego (obiektu). Np. nazwa osobowa *Rahoza* (< rahoza ‘nieporz№dek, baiagan’ Nos) mogia wskazywaж na skionnoњж konkretnego cziowieka do baiaganu, nazwisko *Szczygoi* (< szczyhoi ‘szczygiei’ TSBLM) nazywaia cziowieka, ktyry byi podobny do szczygia pod pewnymi wzglкdami – moїe piкknie њpiewai. Ostatni przykiad i wiele innych jest potwierdzeniem tego, їe w tej grupie antropoleksemyw licznie wystкpowaiy nazwy zoologiczne i botaniczne. Wyrazy te mogiy stanowiж antroponimy metaforyczne na

[1] Zgodnie z tytuiem niniejszego artykuiu jako materiai ilustracyjny przywoiywane bкd№ tylko nazwiska odapelatywne motywowane biaioruskimi wyrazami pospolitymi. Wyekscerpowaiam je z mojej rozprawy doktorskiej pt. «XVIII-wieczne nazewnictwo osobowe poiudniowej Biaiostocczyzny», «Siownika historycznych nazw osobowych Biaiostocczyzny (XV – XVII w.)» autorstwa Z. Abramowicz, L. Citko, L. Dacewicz oraz ksi№їki telefonicznej «Biaiystok 2007/2008».

zasadzie odnajdywanych podobiecstw ludzi do zwierz№t i ich zachowac oraz do roњlin, np. *Biycha* < reg. biycha 'pchia' Bir II 55, *Chruszcz* < chruszcz 'chrab№szcz' TSBLM, *Dziaciei* < dziaciei 'dziкcioi' HSBM, *Hoiub* < hoiub 'goi№b' TSBLM, *Husakowicz* < husak 'g№sior' TSBM, *Huska* < huska 'g№ska' HSBM, *Jastrab* < jastrab 'jastrz№b' TSBLM, *Kuryca* < kuryca 'kura' TSBLM, *Jastowczyc* < iastouka 'jaskyika' TSBM, *Pauk* < pauk 'paj№k' Nos, *Udodowicz* < udod 'gatunek ptaka' TSBM; *Cybulewcz*, *Cybulik*, *Cybulko* < cybula 'cebula' TSBLM, *Hreczan* < hrecza 'gryka' Nos, *Skrypok* < skryp 'skrzyp' TSBM, *Snitka*, *Snitkiewicz* < gw. snitka 'dziкgiel, roњlina o wiaњciwoњciach leczniczych' SBH itd.

Metaforycznymi nazwiskami byiy teї niektyre tzw. nazwy odzawodowe[2] , tj. nazwiska motywowane nazwami stanowisk, godnoњci, urzкdnikyw, zawodyw i wykonawcyw ryїnych czynnoњci, np. *Czobotar* < czobotar 'szewc' Nos, *Czumak* < czumak 'furman zajmuj№cy siк jednoczeњnie sprzedaї№ przewoїonych towaryw' TSBM, *Diak* < diak 'pisarz; kleryk, њpiewak cerkiewny' HSBM, *Dubotoik* < dubotoik 'ten, ktyry przygotowuje korк dкbow№ do garbowania' HSBM, *Hanczar* < hanczar 'garncarz' HSBM, *Rymar* < rymar 'rzemieњlnik produkuj№cy wyroby z rzemienia' TSBLM, *Siedelnik* < stbrus. siedelnik 'siodlarz' Nos. Czкњж najstarszych nazwisk mogia okreњlaж rzeczywistych dostojnikyw lub rzemieњlnikyw, inne, drog№ dziedziczenia po pierwotnych wykonawcach tych czynnoњci, utrwalaiy siк w funkcji nazwisk.

Nazwiska odapelatywne indywidualizowaiy cziowieka takїe przy pomocy metonimii. Miaio to miejsce wtedy, gdy cziowiek nazwany byi wyrazem pospolitym oznaczaj№cym obiekt pozostaj№cy z nim w realnym zwi№zku na zasadzie stycznoњci. Metonimia pozwalaia na uїywanie pewnego pojкcia tak, aby zast№piio ono inne, pozwalaia wyryїniж czкњж, ktyra reprezentowaia caioњж, a wybyr tej czкњci uzaleїniony byi od tego, na czym nazywaj№cy skupiai szczegyln№ uwagк. Do odapelatywnych nazw metonimicznych naleїaiy m.in. indywidualizuj№ce cziowieka nazwy czкњci ciaia, nazwy narzкdzi i instrumentyw zwi№zane z wykonywaniem jakiejњ czynnoњci lub zawodem, nazwy ryїnych przedmiotyw materialnych oznaczaj№ce upodobania cziowieka, np. *Bonda* < gw. bonda 'podpiomyk' AGWB, *Ciuk* < ciuk 'duїa wi№zka czegoњ' TSBM, *Czupra* < gw. czupry 'wiosy' ScMS, *Kaibaska* < kaibaska 'kieibaska' TSBM, *Miakisz* < miakisz 'miкkisz' TSBLM, *Puzacz* < puza 'duїy brzuch' TSBM, *Skrypok* < skrypka 'skrzypce' TSBM, *Strelewicz* < streia 'strzaia' TSBM, *Sukaczyk* < reg. sukacz 'sznurek skrкcony z lnu lub konopi' Bir II 397.

Konkluduj№c, nazwiska odapelatywne mieszkaccyw Biaiostocczyzny o genezie biaioruskiej mogiy wywodziж siк bezpoњrednio ze znaczenia wyrazu pospolitego, przypisywano je takїe osobie nazywanej poprzez metaforyczne lub metonimiczne uїycie wyrazu pospolitego. Jednakїe dotarcie do mechanizmyw tworzenia tych jednostek onimicznych w kaїdym odrкbnym przypadku jest utrudnione, poniewaї nie potrafimy zrekonstruowaж pragmatyki aktu nazwania, ktyry dokonai siк w czasach historycznych.

Powyїsze omywienie pozwala teї poczyniж pewne spostrzeїenia co do semantyki nazwisk odapelatywnych, wynikaj№cej ze znaczec leksykalnych tkwi№cych w nich biaioruskich wyrazyw pospolitych. Apelatywy motywuj№ce te antroponimy uwzglкdniaiy cechy cziowieka i ryїne aspekty jego egzystencji, a konkretnie:

1. Cechy zewnкtrzne okreњlaj№ce wzrost, budowк ciaia, w tym tuszк, kolor i rodzaj wiosyw, cechy charakterystyczne twarzy, sposyb mywienia, czкњci ciaia, uiomnoњci fizyczne (por. *Dyrda*, *Czupra*, *Harbulew*, *Pleszywiec*, *Puzyna*).

2. Cechy wewnкtrzne, tj. cechy charakteru, usposobienia i zachowania oraz cechy moralne (por. *Chnyko*, *Pierchun*, *Sipacz*, *Swiaszczenia*, *Szmyga*).

3. Interakcje ze њwiatem zewnкtrznym, ktyrych podstawк stanowiia np. wykonywana czynnoњж, wydarzenie bкd№ce udziaiem danego cziowieka, przedmiot lub zjawisko zwi№zane z danym cziowiekiem (por. *Miakisz*, *Skrypok*, *Sukaczyk*).

---

[2] Niektyrzy badacze-onomaњci, np. W. Taszycki [8, s. 13] i J. Bubak [3, s. 156] nazwy odzawodowe traktuj№ jako odrкbn№ grupк okreњlec odapelatywnych. W niniejszym opracowaniu, zgodnie z punktem widzenia B. Tichoniuka [9, s.71 – 75], Z. Kalety [5, s. 49], do nazwisk odapelatywnych obok szeroko rozumianych mian przezwiskowych zostaiy rywnieї zaliczone antroponimy pochodne od nazw zawodyw.

4. Miejsce cziowieka w spoieczecstwie poprzez wskazanie na wykonywany zawyd, zajmowany urz№d lub stanowisko, a takїe przez wskazanie na relacje rodzinne (por. *Czumak*, *Dubotoik*, *Dzietko*, *Prymaka*, *Siedelnik*).

Jeњli chodzi o charakterystykк gramatyczn№ wyrazyw pospolitych funduj№cych badane nazwiska, to byiy to przede wszystkim rzeczowniki: їywotne dotycz№ce cziowieka (np. osobowe nazwy nosicieli cech i czynnoњci, nazwy zawodyw, stopni pokrewiecstwa), їywotne odnosz№ce siк do zwierz№t, nieїywotne konkretne, jak nazwy roњlin, narzкdzi, czкњci ciaia cziowieka, nieїywotne abstrakcyjne, a takїe przymiotniki i czasowniki.

Ze wzglкdu na budowк jкzykow№ przytoczony materiai antroponimiczny lokuje siк w dwych grupach. Zaliczyж tu trzeba nazwiska rywne wyrazom pospolitym (np. *Chruszcz*, *Huska*, *Kudia*, *Rymar*, *Snitka* itp.) oraz utworzone od wyrazyw pospolitych w piaszczyџnie antroponimicznej (np. *Cybulko*, *Czornysz*, *Morhalik*, *Rumiiowicz*, *Strelewicz* itd.).

W podsumowaniu naleїy stwierdziж, їe potwierdza siк po raz kolejny wpiyw warunkyw historycznych, etnicznych i wyznaniowych na ksztaitowanie siк nazewnictwa osobowego na danym terytorium. Biaioruskie wyrazy pospolite stanowi№ce podstawк omawianych nazwisk odapelatywnych s№ њwiadectwem trwaj№cej od wiekyw obecnoњci na obszarze Biaiostocczyzny potomkyw osadnikyw pochodzenia ruskiego.

Etymologiczna interpretacja materiaiu jкzykowego w niniejszym opracowaniu udowadnia ponadto, їe zasady kreowania nazwisk odapelatywnych w oparciu o biaioruskie џrydia semantyczno-leksykalne nie odbiegaj№ od ogylnych mechanizmyw tworzenia tego typu jednostek nazewniczych.

Skryty opracowac

AGWB – Atlas gwar wschodniosiowiacskich Biaiostocczyzny. T. I / pod red. S. Glinki, A. Obrкbskiej-Jabiocskiej, J. Siatkowskiego; T. II – III / pod red. S. Glinki. – Wrociaw, 1980 – 1993.
Bir – Biryia, M.W., Bieiaruskaja antrapanimija. T. I – III. – Minsk, 1966 – 1982.
ESBM – Etymaiahiczny siounik bieiaruskaj mowy. T. I –VII. – Minsk, 1978 – 1991.
HSBM – Histaryczny siounik bieiaruskaj mowy. T. I – XII. – Minsk, 1982 – 1993.
Nos – Nosowicz, J.J., Siowar' bieiorusskago nareczija. – Sankt-Petersburg, 1870 (przedruk: Minsk, 1983).
ScMS – Sciaszkowicz, T.F., Materyjaiy da siounika Hrodzienskoj wobiasci. – Minsk, 1972.
SBH – Siounik bieiaruskich haworak paunoczna-zachodniaj Bieiarusi i jaje pahraniczcza, pod red. J.F. Mackiewicza. T. I – IV. – Minsk, 1979 – 1984.
Tich – Tichoniuk, B. Antroponimia poiudniowej Biaiostocczyzny w XVI wieku. – Opole, 1988.
TSBLM – Tiumaczalny siounik bieiaruskaj litaraturnaj mowy. – Minsk, 2005.
TSBM – Tiumaczalny siounik bieiaruskaj mowy. T. I – V. – Minsk, 1977 – 1983.

Inne skryty

gw. – gwarowy
pot. – potoczny
reg. – regionalny
stbrus. – starobiaioruski

Spis literatury

1. Atlas gwar wschodniosiowiacskich Biaiostocczyzny. T. I / pod red. S. Glinki, A. Obrкbskiej-Jabiocskiej, J. Siatkowskiego. – Wrociaw, 1980.
2. Biernacka, M. Wsie drobnoszlacheckie na Mazowszu i Podlasiu / M.Biernacka. – Wrociaw-Warszawa-Krakyw, 1966.
3. Bubak, J. Proces ksztaitowania siк polskiego nazwiska mieszczacskiego i chiopskiego / J.Bubak. – Krakyw, 1986.
4. Citko, L. Nazewnictwo osobowe pyinocnego Podlasia w XVI wieku / L.Citko. – Biaiystok, 2001.
5. Kaleta, Z. Nazwisko w kulturze polskiej / Z.Kaleta. – Warszawa, 1998.

6. Kowalik-Kaleta, Z. Historia nazwisk polskich na tle spoiecznym i obyczajowym (XII – XV wiek). T. 1 / Z.Kowalik-Kaleta. – Warszawa, 2007.

7. Rudnicka-Fira, E. Antroponimia Krakowa od XVI do XVIII wieku. Proces ksztaitowania siк nazwiska / E.Rudnicka-Fira. – Katowice, 2004.

8. Taszycki, W. Polskie nazwy osobowe / W.Taszycki. – Krakyw, 1924.

9. Tichoniuk, B. Antroponimia poiudniowej Biaiostocczyzny w XVI wieku / B.Tichoniuk. – Opole, 1988.

10. Wiњniewski, J. Osadnictwo wschodniej Biaiostocczyzny, geneza, rozwyj oraz zryїnicowanie i przemiany etniczne / J.Wiњniewski // Acta Baltico-Slavica. – T.XI. 1977. – S. 7 – 80.

BAZYLI SIEGIEC

Biaiystok

O POCHODZENIU NAZW PTAKYW W GWARACH WSCHODNIOSJOWIACSKICH BIAJOSTOCCZYZNY

Gwarowa leksyka faunistyczna stanowi bardzo interesuj№cy i do tej pory niezbadany obiekt dociekac lingwistycznych. W oparciu o pochodz№cy z obszaru Biaiostocczyzny materiai jкzykowy z tego zakresu szczegyiowe badania naukowe nie byiy prowadzone. Jedynie w V tomie *Atlasu gwar wschodniosiowiacskich Biaiostocczyzny* [1] trzy jego czкњci tematyczne poњwiкcono siownictwu dotycz№cemu њwiata zwierzкcego (cz. II – *Њwiat zwierzкcy*, mapy 35 – 47, i cz. III – *Hodowla*, mapy 48 – 75, cz. IV – *Ryboiywstwo*, mapy 76 – 85), w ktyrych nominacje zwierz№t stanowi№ 22 jednostki atlasowe. Wњryd nich znalaziy siк jedynie 4 ornitonimy: *jastrz№b*, *bocian*, *skowronek* i *sowa pyjdџka* (mapy 42 – 45).

Przedmiotem analizy niniejszego artykuiu s№ nazwy ptakyw wyekscerpowane z istniej№cych, i co naleїy wyraџnie podkreњliж, nielicznych publikacji leksykograficznych odnosz№cych siк do omawianego terenu, a takїe wyselekcjonowane z kartoteki leksyki gwarowej autora. Џrydia pisane to dwa siowniki gwarowe powstaie w poiowie XX wieku, w znacznej mierze inspirowane trwaj№cymi wywczas pracami terenowymi nad wspomnianym juї *Atlasem gwar wschodniosiowiacskich Biaiostocczyzny*. Pierwszy z nich, autorstwa Stanisiawa Glinki, zawiera leksykк gwarow№ wsi Nomiki w dawnym powiecie sokylskim. Do dnia dzisiejszego istnieje jedynie w postaci rкkopiњmiennej, choж niew№tpliwie materiaiy zebrane przez tego skrupulatnego badacza dialektyw wschodniej Biaiostocczyzny zasiuguj№ na opublikowanie. Zwiкkszy to ich dostкpnoњж dla szerokiego koia badaczy i wzbogaci bibliografiк prac jкzykoznawczych odnosz№cych siк do tego terenu o niezwykle cenn№ pozycjк siownikow№. Drugim џrydiem pochodzenia materiaiu jкzykowego jest *Siownik jкzyka wsi Chraboiy k. Bielska Podlaskiego*, opracowany przez Mikoiaja Wryblewskiego [6]. W postaci osobnych zeszytyw byi on opublikowany w latach 2001-2006 w *Bielskim Goњcіccu* (tytui w wersji oryginalnej *Бельскі Гостінець*), w piњmie krajoznawczo-kulturalnym wydawanym w Bielsku Podlaskim przez Stowarzyszenie «Muzeum Maiej Ojczyzny w Studziwodach». Twyrc№ i redaktorem naczelnym periodyku jest znany dziaiacz i propagator tradycyjnej kultury ludowej mniejszoњci zamieszkuj№cych przede wszystkim ziemiк bielsk№, bardzo oddany tej sprawie, Doroteusz Fionik. Jego pomysiem jest teї opublikowanie tego siownika w formie osobnego wydania.

Oba siowniki ryїni№ siк nie tylko form№ bytowania w obiegu naukowym. Nie wgiкbiaj№c siк w ich dokiadn№ i drobiazgow№ charakterystykк, chcк zwrysiж uwagк jedynie na kilka aspektyw, ktyre w mniejszym lub wiкkszym stopniu dotycz№ analizowanej leksyki ornitologicznej. Z ryїnych wzglкdyw zawarte w siownikach nominacje opisywanej grupy zwierz№t ograniczyiem do ptakyw dziko wystкpuj№cych w przyrodzie. Ze siownika M. Wryblewskiego wynotowaiem 43 ornitonimy, pomijaj№c czasem spotykane formy deminutywne i tworzone od nazw podstawowych przymiotniki dzierїawcze. Siownik S. Glinki zawiera 32 tak zdefiniowane jednostki wyrazowe. W obydwu leksykonach przyjкto identyczny sposyb okreњlenia znaczenia danej nazwy gwarowej

polegajЉcy na podaniu jej polskiego odpowiednika. Nie zawsze okazaio siк to jednak moїliwe. W takiej sytuacji przy leksemie gwarowym widnieje najczкњciej bardzo ogylne okreњlenie – gatunek ptaka. W materiale pochodzЉcym ze wsi Chraboiy odnosi siк to tylko do nominacji *derkˈau*[1] . S. Glinka taki lakoniczny opis znaczenia stosuje czкњciej, bo aї w szeњciu przypadkach (*b'aiauˈuz'ik*, *iˈivaio*, *l'al'ˈak*, *s'm'ac'ˈux*, *s'v'inˈarka*, *vaiˈova vˈouko*, *ħydˈok*), przy niektyrych z nich pojawia siк charakterystyka opisowa desygnatu, np. 'szary, wielkoњci wrybla, jaja skiada w kamieniach' (*b'aiauˈuz'ik*); 'wywabia pszczoiy' (*ħydˈok*). Dwie nazwy ptakyw (*z'ˈika kˈauka*, *z'ˈika kˈuryca*) w ogyle nie posiadajЉ jakiegokolwiek okreњlenia ich znaczenia. Pewne usterki, majЉce decydujЉce znaczenie dla warstwy fonetycznej prezentowanego siownictwa, znalaziy siк w siowniku M. Wryblewskiego. W nazwie *d'axt'oi*, zapewne niezamierzenie, pominiкto oznaczenie akcentu. We wszystkich jednostkach leksykalnych zabrakio oznaczenia miккkoњci spyigiosek przed ***i***. Ten, jak siк wydaje, њwiadomy zabieg bez wЉtpienia utrudnia odczytanie wiaњciwej formy brzmieniowej poszczegylnych wyrazyw.

Zebrany materiai gwarowy poddano analizie etymologicznej. Jej wyniki, uwzglкdniajЉce pochodzenie poszczegylnych ornitonimyw, pozwalajЉ wyryїniж nastкpujЉce grupy nominacji ptakyw: nazwy prasiowiacskie, nazwy ruskie, nazwy rodzime oraz nazwy zapoїyczone.

I. Prasiowianizmy

Do tej grupy naleїЉ jednostki leksykalne odziedziczone z epoki prasiowiacskiej. StanowiЉ one niemal poiowк badanego siownictwa. Te najdawniejsze nazwy sЉ zryїnicowane pod wzglкdem zasiкgu terytorialnego. Charakter ogylnosiowiacski majЉ: ***uˈapl'a*** 'czapla' (prasi. **uapa* [3, 90], **ummlja* [2, I, 215]), ***uˈyħyk*** 'czyїyk' (prasi. **uiħь*, **uiħikъ*), ***d'ˈaxt'oi***, ***z'ˈac'a^{e}i*** 'dzikcioi' (prasi. **dкtelъ*, **dкtьlъ*), ***druozd*** 'drozd' (prasi. **drozdъ*), ***hˈaivoron*** 'gawron' (prasi. **gajьvornъ*, **gavornъ*), ***hˈoiup*(*b*)**, ***haiˈup*** 'goiЉb' (prasi. **golobь*), ***horl'ˈic'a*** 'sierpywka' (prasi. **gъrlica*, **gъrdlica*), ***ˈivoiha***, ***iˈivaio*** 'wilga' (prasi. **jьvьlga*, **vьlga*), ***iˈastrep*** 'jastrzЉb' (prasi. **astrкbъ*, **jastrкbъ*), ***kuropˈatva***, ***kurapˈata*** 'kuropatwa' (prasi. **kuropъty*, **kuropъtъve*), ***iˈastouka***, ***iˈastavka***, ***iˈastuvka***, ***iˈastauka*** 'jaskyika' (prasi. **lasta*, **lasta*(*o*)*vica*, **lastovъka* [5, 95]), ***orˈoi***, ***harˈoi*** 'orzei' (prasi. **orьlъ*), ***p'erap'ˈoika***, ***perepel'ˈica*** 'przepiyrka' (prasi. **perpelъ*, **pelpelъ* > **perpelica*, **perpelъka*), ***pl'ˈiska*** 'pliszka' (prasi. **pliska*, **pliљьka*), ***skvarˈec***, ***skvorˈec'*** 'szpak' (prasi. **skvorъ*, **skvorьcь*, **skorьcь*), ***sˈokoi*** 'sokyi' (prasi. **sokolъ*), ***soiov'ˈiei***, ***saiav'ˈei*** 'siowik' (prasi. **solvьjь*, **solvikъ*), ***sorˈoka***, ***sarˈoka*** 'sroka' (prasi. **sorka*, **svorka*), ***sovˈa***, ***savˈa*** 'sowa' (prasi. **sova*), ***sˈuoika*** 'syjka' (prasi. **soja*, **sojьka*), ***vorob'ˈiei***, ***vorob'ˈei***, ***v'e^{a}rab'ˈei*** 'wrybel' (prasi. **vorbъ*, **vorbьjь*, **verbьjь*), ***vorˈona***, ***varˈona*** 'wrona' (prasi. **vorna*), ***ħuravˈel'***, ***ħurav'ˈel'*** 'їuraw' (prasi. **ħeravь*, **ħeravjь*).

Ornitonimy o zasiкgu pyinocnosiowiacskim to: ***kruk*** 'kruk' (prasi. **krukъ*), ***l'al'ˈak*** 'lelek' (prasi. **lelькъ*, **lilькъ*, **lelekъ*), ***zazˈul'a***, ***z'a^{e}z'ˈul'ka*** 'kukuika' (prasi. **ħegъza*, **ħegъzulja*), zaњ ***hˈaika*** 'kawka' (prasi. **gala*, **galъka*), ***l'ˈebet'***, ***l'ˈeb'ez'***, ***iˈeb'ed'*** 'iabкdџ' (prasi. **elbedь*)[2] , ***ħˈavoronok***, ***ħˈaivoronok***, ***ħaurˈuk*** 'skowronek' (prasi. **ħavornъ*, **ħavornъkъ*) odnoszЉ siк do prasiowianizmyw charakterystycznych wyiЉcznie dla obszaru jкzykyw wschodniosiowiacskich.

II. Nazwy ruskie

W tej grupie nazw znalaziy siк nominacje powstaie na gruncie wschodniosiowiacskim, wystкpujЉce we wszystkich bЉdџ czкњci jкzykyw ruskich. Wњryd nich moїna wyryїniж wschodniosiowianizmy: ***bˈus'oi***, ***bˈus'ai***, ***bˈus'a^{e}i*** 'bocian', ***dˈerkau***, ***derkˈau*** 'derkacz', ***hiuxˈar*** 'giuszec'[3] , ***kn'ˈiha*** 'czajka', ***puhˈau*** 'puchacz', ***s'in'ˈiuka*** 'sikorka', ***љˈul'ak***, ***љul'ˈak*** 'jastrzЉb', oraz biaiorusko-ukraicskie innowacje dialektalne: ***d'ˈika*** (***uˈortova***) ***kˈurouka***, ***z'ˈika kˈuryca***

---

[1] W siowniku M. Wryblewskiego zastosowano uproszczony zapis transkrypcyjny, wykorzystujЉc cyrylicк i niektyre znaki diakrytyczne. W celu ujednolicenia prezentacji materiaiu gwarowego zunifikowaiem sposyb ich przytaczania, stosujЉc zasady transkrypcji oparte na alfabecie iacicskim.

[2] Na pozostaiych terenach siowiacskich bytujЉ nazwy powstaie od prasi. dial. **olbodь*, **olbotь*, **olbкdь*, **olbкtь*.

[3] Istnieje hipoteza o prasiowiacskim pochodzeniu tej nazwy wywodzЉcej siк z prasi. dial. **glucharь* [5, 119], jednak wiккszoњж etymologyw wskazuje jedynie na pochodzenie od prasi. **giuchъ* bez rekonstrukcji postaci prasiowiacskiej. Moїna wiкc przypuszczaж, їe forma z sufiksem *-arь* mogia powstaж juї na gruncie staroruskim.

'malecki, rudawy ptaszek polny'[4], ***s'm'ac'|ux*** 'dzierlatka', ***voi|ove |ouko***, ***vai|ova v|ouko*** 'strzyïyk', ***houtobr|uльka*** 'gil', ***hyd|ok*** 'srokosz'.

III. Nazwy rodzime

T№ kategorіk nazw stanowi№ okreњlenia specyficzne dla omawianych gwar, odnotowane tylko na obszarze wschodniej Biaiostocczyzny. Naleї№ do nich: ***b'aiau|uz'ik*** 'szary ptak wielkoњci wrybla, jaja skiada w kamieniach', ***b'|ieia vor|ona*** 'mewa', ***hoiub'|atn'ik*** 'jastrz№b goiкbiarz', ***k|aika*** 'kawka', ***kl'ekot|un*** 'bocian', ***koptyodur|yeu*** 'ptak, ktyrego gios zwiastuje deszcz', ***p|uot'kau***, ***pov'|iukau*** 'pyjdџka', ***rah|ul'ka*** 'jaskyika oknywka', ***s'v'in|arka*** 'gatunek ptaka', ***hyd|uovs'ka zoz|ul'a*** 'dudek'.

IV. Zapoïyczenia

Czкњж analizowanego siownictwa ornitologicznego charakteryzuj№ poïyczki leksykalne. S№ to w zdecydowanej wiкkszoњci polonizmy, tylko jedna nominacja uznana zostaia za rusycyzm. Za nazwy przejкte z polszczyzny uznano okreњlenia siowiacskie, czasem powstania siкgaj№ce epoki prasiowiacskiej, takie jak: ***d'|ika*** (***z'|ika***) ***k|auka*** 'dzika kaczka' i ***g'il'***[5] 'gil', oraz te, ktyrych etymologia wywodzi siк z jкzykyw zachodnioeuropejskich b№dџ orientalnych, a jкzyk polski stanowi jedynie medium w ich zapoïyczeniu: ***bah|ant*** 'baïant' (њrwniem. *fasant* < iac. *phвsiвnus*), ***m|eva*** 'mewa' (niem. *Mцwe*), ***pap|uha*** 'papuga' (њrwniem. *papegвn* < franc. *papegai*, hiszp. *papagayo* < arab. *babbagв*), ***p|ava*** 'paw' (њrwniem. *phвwe* < iac. *pвvф*), ***pel'ik|an*** 'pelikan' (niem. *Pelikan* < iac. *pelicвnus*), ***љpak*** 'szpak' (њrwniem. *spaz*, *spatze* 'wrybel'). Poïyczk№ z jкzyka rosyjskiego jest nazwa ***stravs*** 'struњ' (niem. *Strauss* < iac. *strъtio*).

Wnioski

1. Z liczby 60 nazw ptakyw odnotowanych w gwarach wschodniosiowiacskich Biaiostocczyzny okoio poiowy stanowi№ ornitonimy powstaie jeszcze w epoce prasiowiacskiej. Fakt ten nie powinien dziwiж, gdyї cziowiek ïyje w otoczeniu zwierz№t, w tym takïe ptakyw, od dawien dawna. W znacznej mierze nomenklatura ptakyw zostaia utworzona przez naszych odlegiych przodkyw i przejкta oraz kontynuowana przez wspyiczesne jкzyki siowiacskie.

2. Nazewnictwo ptakyw omawianych gwar wyryïnia siк znaczn№ iloњci№ ornitonimyw charakterystycznych wyi№cznie dla analizowanego materiaiu jкzykowego, њwiadcz№cych o jego specyfice i oryginalnoњci. Czasem s№ to swoiste dublety do istniej№cych juï nazw, np. *kl'ekot|un* – *b|us'oi*, *k|aika* – *h|aika*, *b'|ieia vor|ona* – *m|eva*, innym razem jednostki leksykalne stanowi№ okazjonalne terminy bкd№ce wytworem ludowej twyrczoњci jкzykowej, najczкњciej podkreњlaj№ce najbardziej charakterystyczne cechy nazywanego obiektu, np. *b'aiau|uz'ik*, *koptyodur|yeu*, *p|uot'kau*, *pov'|iukau*, *s'v'in|arka*.

3. Poioїenie geograficzne i bezpoњredni kontakt z polszczyzn№ w naturalny sposyb sprzyjaj№ zapoïyczeniom z jкzyka polskiego. Przejmowane do gwar s№ przede wszystkim nazwy ptakyw egzotycznych, na co dziec nie wystкpuj№cych w њrodowisku naturalnym na omawianym terenie. Naleïy podkreњliж, ïe w wiкkszoњci przypadkyw polszczyzna jest jedynie poњrednikiem ptasiej terminologii, ktyrej pierwotne џrydia odnosz№ siк do jкzykyw zachodnioeuropejskich.

4. Zaprezentowany tutaj krytki wycinek nazewnictwa ptakyw w gwarach wschodniosiowiacskich Biaiostocczyzny jest czкњci№ znacznie obszerniejszej analizy gwarowej terminologii ornitologicznej. We wczeњniejszych badaniach autor przedstawii klasyfikacjк nominacji ptakyw z punktu widzenia semantyki leksykalnej, wyryïniaj№c jednostki identyczne i zryïnicowane pod wzglкdem formalnym oraz znaczeniowym (opracowanie w druku). W zamierzeniach jest kontynuacja charakterystyki nomenklatury ornitologicznej w kierunku motywacji semantycznej i siowotwyrczej.

---

[4] Tu i dalej z powodu braku identyfikacji dokiadnego desygnatu nazwy podajк znaczenie opisowe podane przez informatora.

[5] Mimo prasiowiacskiego pochodzenia pol. *gil* (prasi. **gylь*) i *kaczka* (prasi. **kaua*, **kauьka*) bardziej prawdopodobnym wydaje siк przejкcie tych nazw przez omawiane gwary juï z jкzyka polskiego, a nie bezpoњrednia kontynuacja form prasiowiacskich.

Spis literatury

1. Atlas gwar wschodniosiowiacskich Biaiostocczyzny. T. V. Leksyka 1. – Warszawa, 1995.
2. Backowski, A. Etymologiczny siownik jкzyka polskiego. T. I – II / A.Backowski. – Warszawa, 2000.
3. Boryњ, W. Siownik etymologiczny jкzyka polskiego / W.Boryњ. – Krakyw, 2005.
4. Brьckner, A. Siownik etymologiczny jкzyka polskiego / A.Brьckner. – Krakyw, 1927.
5. Budziszewska, W. Siowiacskie siownictwo dotycz№ce przyrody їywej / W.Budziszewska. – Wrociaw-Warszawa-Krakyw, 1965.
6. Wryblewski, M. Siownik jкzyka wsi Chraboiy k. Bielska Podlaskiego. Stan z roku 1967. – Zesz. I – XVII / M.Wryblewski // Бельскі Гостінэць. Bielsk Podlaski, 2001 – 2006.
7. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 3. – Мінск, 1985.

ЖАННА ЕРОМА

Москва

СУДЕБНЫЕ ТЕКСТЫ ВКЛ: ЯЗЫКОВАЯ РАЗВЕДКА

Великое княжество Литовское – государство, существовавшее с первой половины XIII в. по 1795 г. на территории современной Литвы, Беларуси, Украины, России и др. С 1386 г. находилось с Польшей в персональной, или личной унии, известной как Кревская уния, а с 1569 г. — в сеймовой Люблинской унии, войдя в состав польско-литовского государства. Окончательно прекратило своё существование после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. Большая часть княжества вошла в состав Российской империи (Северо-Западный край).

1. Судебная система ВКЛ.

Система судебных органов в Великого княжества Литовского складывалась постепенно, но в завершенном виде сформировалась в XVI в. [1 – 12].

Прогрессивными чертами судебной системы были: всесословность некоторых судов (Главный суд, замковый суд), отделение судов от администрации (земский, подкоморский суды), выборность большинства членов судов (Главного, земского, подкоморского, магистратского), высокие требования морального и профессионального характера к кандидатам на должности судей («особ годных, богобойных, цнотливых прав и звычаев оного панства Великого княжества Литовского», т.е. людей добропорядочных, знающих права и обычаи), четкое разделение судов на инстанции (в середине XVI в. – суды 1-й и 2-й инстанции), преобладание коллегиальности при рассмотрении дела, публичность и ряд других положений.

Господарский суд был высшим всесословным коллегиальным судом, который до 1581 г. (до учреждения Главного суда) выступал как апелляционный (суд 2-й инстанции) и как суд 1-й инстанции по наиболее важным делам, затрагивающим интересы государства и шляхты. По Статуту 1588 г., он действует только как суд 1-й инстанции по делам о государственных преступлениях, по делам, затрагивающим имущественные интересы государства, по делам о незаконных действиях высших *врадников*, об установлении принадлежности к сословию шляхты и в некоторых случаях по делам иностранных купцов. Резкому сужению компетенции Господарского суда содействовало и введение во второй половине XVI в. судебных инстанций, когда законодательством прямо предписывалось сначала рассматривать дела в местных судах, а затем только подавать жалобы в Господарский суд, а с 1581 г. – в Главный суд. Состав Господарского суда не был четко определен, но в его работе принимал участие *господар* и обязательно — *паны Рады*, количество которых колебалось от 2 до 20 и более.

Сеймовый суд – это также разновидность Господарского суда. Он более демократичен по своему составу. В него, помимо господара и панов Рады, согласно Статуту 1588 г., входило еще 8 депутатов сойма. Этот суд действовал только в период работы сойма.

К высшим судам относился и Главный суд (Главный литовский трибунал), учрежденный грамотой Стефана Батория от 1 марта 1581 г. Это был выборный коллегиальный орган. Вся территория Великого княжества Литовского была как бы условно разделена на 3 судебных округа, с учетом которых и рассматривались судебные дела в указанных городах [1, с. 341].

Главный суд в основном выступал как суд 2-й инстанции, т.е. апелляционный. Он рассматривал жалобы на решения и приговоры местных судов. Но по некоторым категориям дел, например, о незаконных действиях местных должностных лиц, он выступал как суд 1-й инстанции. И если в первом случае действия Главного суда не могли быть обжалованы, то во втором – жалоба подавалась в Господарский суд.

Члены этого суда избирались ежегодно на местных соймиках по 2 человека от воеводства и по 2 человека от повета, не имевших воеводства. Заседания Главного суда поочередно проходили в городах Вильно, Новогрудке, Менске. Вся территория Великого княжества Литовского была как бы условно разделена на 3 судебных округа, с учетом которых и рассматривались судебные дела в указанных городах.

К местным судам относились замковый (гродский), земский, подкоморий, магистратский (магистрат) и копный суды. Порядок формирования, структура, компетенция и правовой статус их были неодинаковы.

Замковый (гродский) суд – это всесословный суд, ежемесячно действующий, но не отделенный от администрации. Такие суды существовали в каждом повете ВКЛ начиная с XV в. Название получили от места заседания в гродах или замках. Он функционировал в двух составах и в силу этого мог осуществляться как воеводой (поветовым старостой), так и заседателями и в составе подвоеводы (подстаросты), гродского судьи и писаря. Суд, во главе которого стоял воевода, назывался воеводским (подвоевода), а суд, во главе которого стоял староста (подстароста) – старостинским. Заседания замковых судов проходили 4 раза в год, рассматривали уголовные и гражданские дела. В XVI в. гродские суды получило право «вечности». Высшей инстанцией для них до 1797 г. был Трибунал ВКЛ. Замковые (гродские) суды были ликвидированы в 1795 г.

Земский суд, учрежденный ранее в 1447 г. и впервые закрепленный Бельским привилеем в 1564 г. и Статутом 1566 г., был судом более демократичным, т.к. это был суд исключительно выборный, коллегиальный и полностью отделенный от администрации. Земский суд работал посессионно, проводя чаще всего три сессии в год — в январе, июне и конце сентября (Статут 1566 г. раздел 4 ст. 1 – 3, 6, 10, 11). Продолжалась сессия суда, согласно Статуту 1588 г., «поки справы судовые отсужоны и окончены быти могуть» (арт. 46 разд. IV), но на практике чаще всего две – три недели. Суду были подведомственны как уголовные, так и гражданские дела, кроме дел, отнесенных к компетенции Господарского, Главного, гродского и подкоморского судов. В состав суда входил судья, его помощник и писарь. Земский суд имел право «вечности». Высшей аппеляционной инстанцией для него был Главный трибунал ВКЛ.

Подкоморьи суды созывались с 1566 г. на основании Статута 1566 г. Согласно Статуту 1588 г. в каждом повете ВКЛ выбирали несколько кандидатов: судью (подкомория), которого утверждал король, подкоморий выбирал одного-двух помощников (коморников). Подкоморьи суды рассматривали дела, касающиеся земли, получаемые их гродских и земских судов. Решения суда записывалось в форме граничного (межевого) листа. Высшей аппеляционной инстанцией для него был также Главный трибунал ВКЛ.

Жители городов, получивших магдебургское право, судились в магистрате. Например, Владислав Ягелло в 1387 г. дал магдебургское право Вильно, подтверждая их в 1432 г., 1441 г., 1506 г. Статуты 1529 г. и 1566 г. не упоминают о магистратах, лишь Статут 1588 г. упоминает об их составе (рада и лава). Лава вела уголовные дела, рада – гражданские. На западе Беларуси магистраты существовали в 1773 – 1866 гг.

Копный суд (копа) – это самый древний коллегиальный судебный орган, существовавший еще в период традиционного права. Копный суд территориально объединял несколько сел. Его заседание происходили под открытым небом на заранее определенном

месте – «коповище», куда собирались представители крестьянских дворов. Право принадлежать к копе имели только главы семей, которые постоянно проживали на данном месте. Их жены, братья и дети приглашались на заседание копного суда лишь как свидетели. Количество судей, как правило, составляло 10 – 20 человек. Священники должны были присутствовать на заседании копного суда во время зачитывания его участниками присяги. Кроме главных участников, на копный суд приглашались крестьяне соседних общин, которые не имели права вмешиваться у дела, но только следили за ходом событий. Это положение распространялось также на шляхтичей и управляющих имений. Заседание копного суда происходило в присутствия представителя государственной администрации — возного, который составлял протокол и донесение в гродский суд для записи решения в актовые книги.

Подсудность копного суда была довольно широкой. Он рассматривал земельные споры между крестьянами, дела о запахивании земли, кражу скота, присвоение чужих долгов, потасовки и даже убийства. Копный суд имел право назначать такие наказания, как штраф, возмещение убытков, телесные наказания. Характерно, что копные суды самостоятельно осуществляли поиск обвиняемого, рассматривали дела по существу, выносили судебное решение, которое было окончательным и выполнялось немедленно.

В отдельных случаях копный суд рассматривал дела, в которых одной из сторон был шляхтич. При этом последний имел право на рассмотрение его дела как альтернативу в гродском суде. Особенностью копного суда являлось то, что решения (приговоры) его немедленно приводились в исполнение, т.е. практически невозможно было их обжаловать. Но если присутствовавший на копном суде представитель администрации (государственной или панской) усматривал нарушение закона, то он мог потребовать задержать исполнение вынесенного копным судом решения (приговора). Принимая во внимание быстроту, с которой действовал копный суд, феодалы иногда возбуждали дела именно в нем. Однако постепенно шляхта вышла из-под юрисдикции копных судов[1].

В ВКЛ существовал каптуровый суд — особый высший коллегиальный суд, учреждаемый в периоды бескоролевья между 1582 и 1768 гг. Он создавался на основе специального постановления вального сейма Великого княжества Литовского из числа местных судей: воеводы (старосты), гродского судьи, земского судьи, подкомория и др.

2. Издания судебных документов ВКЛ

Литовские судебные документы мы нашли в изданиях записных книг актов местных судебных учреждений Великого княжества Литовского.

Под словом *акты* (лат. *acta*) разумеется собственно совершившееся (id quod actum est), а затем констатирование совершившегося доказательствами. Обыкновенно принято подразумевать под этим словом собрание всех письменных документов, относящихся к одному и тому же имеющему юридическое значение предмету. Смотря по тому, исходят ли акты от частного лица или от властей, их называют частными актами, например документы адвоката, или же публичными, например судебными актами.

В России (читай Российской империи, куда вошел Северо-Западный край) слово *акт* имеет как общее значение удостоверенного документа, так и различные специальные значения. Так, важнейшие государственные документы называются иногда актами, например изданный императором Павлом I 5 апреля 1797 г. *Акт о наследии Российского престола*; затем — *акты состояний*, *акты юридические, исторические.*

Под словом *акты* в современной историографии известен целый ряд ценнейших документов, среди которых следует упомянуть Акты Виленской археографической комиссии.

Виленская археографическая комиссия (Виленская комиссия для разбора и издания древних актов) — научное учреждение в Вильно, созданное по инициативе генерал-гу-

[1] Состав, полномочия и практика копного суда наиболее полно освещаются в написанном И.Спрогисом введении к изданию: Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 18: Акты о копных судах (1522 – 1708). – Вильно, 1891. См. также: Древний копный суд в Северо-Западной Руси / сост. И. Спрогис. – Витебск, 1895.

бернатора М.Н. Муравьёва и при деятельном участии попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова в начале 1864 г., практически сразу после подавления антироссийского восстания в Польше, Литве и Белоруссии. Образцом для ее создания послужила Киевская археографическая комиссия. Основная задача Археографической комиссии заключалась в том, чтобы публикацией древних актов обосновать исконно русские и православные устои Северо-Западного края.

Первым председателем Виленской комиссии для разбора и издания древних актов с апреля 1864 до марта 1865 был П.В. Кукольник. Деятельность 70-летнего к тому времени историка и литератора ограничилась лишь изданием первого тома актов, причём редактировал он данный том уже уйдя из комиссии. Председателем комиссии был назначен Пётр Алексеевич Бессонов, известный славист, издатель сборников болгарского, сербского, русского фольклора. Однако при нем работа Археографической комиссии замерла. Попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов, хлопотавший о привлечении Бессонова в Вильно, добился его удаления. Председателем комиссии в августе 1866 – январе 1868 гг. был её член Иван Акимович Никотин, служивший с 1851 г. чиновником особых поручений при виленском губернаторе, с 1856 г. – чиновником особых поручений при виленском генерал-губернаторе В.И. Назимове, позднее при М.Н. Муравьёве. С декабря 1867 г. до мая 1888 г. председателем комиссии был Яков Фёдорович Головацкий, украинский поэт, писатель, учёный, профессор кафедры русского языка и литературы Львовского университета.

В 1888 – 1902 гг. председателем Виленской археографической комиссии был Юлиан Фомич Крачковский, белорусский фольклорист, этнограф, педагог. Он является составителем 16-го и 20-го томов Актов Виленской археографической комиссии, автором предисловий к ним и к 25-му тому. Затем председателем Археографической комиссии был в 1902 – 1913 гг. стал филолог, историк, археограф Флавиан Николаевич Добрянский, автор путеводителя по Вильне.

Членами Археографической комиссии состояли, помимо названных председателей, протоиерей были Антоний Иванович Пщолко, педагог и археограф Никита Иванович Горбачевский, педагог, публицист, сотрудник периодических изданий Семён Вуколович Шолкович, Константин Иванович Снитко, уроженец Галиции Венедикт Михайлович Площанский, преподаватель истории и георгафии Иван Александрович Глебов, Дмитрий Иванович Довгялло, преподаватель истории Арсений Осипович Турцевич, опытный архивист и собиратель фольклора Иван Яковлевич Спрогис, редактор «Виленского вестника» в 1887 – 1891 гг. Александр Софронович Вруцевич.

Археографическая комиссия прекратила свою деятельность во время Первой мировой войны.

В своей работе комиссия опиралась на богатейшие актовые материалы Виленского центрального архива: 19 244 актовых книги. Ряд томов, особенно первые, выполнены на довольно низком археографическом уровне: перепутаны даты, неудовлетворительные археографические легенды и т.д. Вместе с тем некоторые тома данной серии представляют собой уникальные явления в белорусской археографии: речь, в частности, идет о полном подокументном издании некоторых земских, гродских книг, тематических сборниках документов о боярах, копных судах[2] .

Судебные документы собраны в следующих томах Актов Виленской археографической комиссии:

1. Акты, издаваемые комиссиею, высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. Т.1. Акты Гродненского земского суда. Вильна, 1865.

2. Акты, издаваемые Археографическою комиссиею, высочайше учрежденною в Вильне. Т. 2. Акты Брестского земского суда. Вильна, 1867.

3. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т.3. Акты Брестского гродского суда. Вильна, 1870.

[2] Подробнее о деятельности Виленской археографической комиссии см.: Улащик, Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н.Н.Улащик.– М., 1973.

4. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т.4. Акты Брестского гродского суда. – Вильна, 1870.

5. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т.5. Акты Брестского и Городненского гродских судов. С присовокуплением привилегий на землевладение в Брестской и Кобринской экономиях. – Вильна, 1871.

6. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т.6. I. Акты Брестского гродского суда (поточные); II. Акты Брестского подкоморского суда; III. Акты Брестской магдебургии; IV. Акты Кобринской магдебургии; V. Акты Каменецкой магдебургии. – Вильна, 1872.

7. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т.7. Акты Городненского гродского суда. – Вильна, 1874.

8. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т.8. Акты Виленского гродского суда. – Вильна, 1875.

I. Акты, относящиеся к истории Западно-Русской церкви.

II. Королевские привилегии, листы и универсалы королей и разных правительственных лиц.

III. Инструкции и сеймиковые постановления.

IV. Акты юридические.

Прибавление 1-е. Акты Виленского гродского суда.

Прибавление 2-е.

9. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т.9. Акты Виленского земского суда, магистрата, магдебургии и конфедерации. – Вильна, 1878.

I. Акты, относящиеся к истории Западно-Русской церкви.

А) Акты, извлеченные из книг Виленского земского суда.

Б) Акты, извлеченные из книг Виленского магистрата и магдебургии.

II. 1) Духовные завещания. 2) Акты административные.

10. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 11. Акты главного литовского трибунала. – Вильна, 1880.

11. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 17. Акты Гродненского земского суда. – Вильна, 1890.

Первая актовая книга Гродненского земского суда за 1539 – 1540 годы; вторая актовая книга Гродненского земского суда за 1540 – 1541 годы; третья актовая книга Гродненского земского суда за 1541 – 1542 годы; акты с 1555 по 1560 годы; акты с 1561 по 1565 годы).

12. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 18. Акты о копных судах. – Вильна, 1891.

13. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т.21. Акты Гродненского земского суда. – Вильна, 1894.

Четвертая актовая книга Гродненского земского суда за 1555 год; пятая актовая книга Гродненского земского суда за 1556 и 1557 годы; шестая актовая книга Гродненского земского суда за 1558 год.

14. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т.22. Акты Слонимского земского суда. – Вильна, 1895.

15. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т.23. Акты Холмского гродского суда. – Вильна, 1896.

16. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т.26. Акты Упитского гродского суда. – Вильна, 1899.

17. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т.27. Акты Холмского гродского суда. – Вильна, 1900.

18. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 30. Акты Трокского подкоморского суда за 1585 – 1613 годы. – Вильна, 1904.

19. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 32. Акты Вилкомирского гродского суда. – Вильна, 1907.

20. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 36. Акты Минского гродского суда (1582 и 1590 гг.). – Вильна, 1912.

21. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 39. Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578 – 1580 гг.). – Вильна, 1915.

Список литературы

1. Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М.Ігнатоўскі. – Мн., 1991.

2. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі у дакументах і матэрыялах / А.Ф.Вішнеўскі, І.А.Юхо. – Мн., 1998.

3. Гурбик, А.О. Копні суди на українських землях у XIV – XVI ст. / А.О.Гурбик // УІЖ. – 1990. – № 10. – С. 111.

4. Довнар, Т.И. Государство и право Беларуси в XIV – XVI веках / Т.И.Довнар, В.А.Шелкопляс. – Мн., 1993.

5. Древний копный суд в Северо-Западной Руси / сост. И. Спрогис. – Витебск, 1895.

6. История государства и права Беларуси / под ред. И.Н. Кузнецова, В.А. Шелкопляс. – Мн., 1999.

7. Ковкель, И.И. История Беларуси с древних времен до нашего времени / И.И.Ковкель, Э.С.Ярмусик. – Мн., 1998.

8. Падокшын, С. Каб край быў вольным... / С.Падокшын // ЛіМ. – 1995. – 19 мая.

9. Спрогис, И.Я. Древний народный копный суд в Северо-Западной Руси / И.Я.Спрогис. – Витебск, 1895.

10. Улащик, Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н.Н.Улащик. – М., 1973.

11. Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік. – Мн., 1996.

12. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А.Юхо. – Мн., 1992.

АКСАНА ШАЎЦОВА

Гродна

АНТРАПОНІМЫ Ў АПАВЯДАННЯХ ЭЛІЗЫ АЖЭШКІ (НА ПАДСТАВЕ ЗБОРНІКА «З РОЗНЫХ СФЕР», ТОМ ІІІ)

На працягу ўсяго свайго жыцця вядомая польская пісьменніца Эліза Ажэшка ахвотна звярталася да кароткай апавядальнай формы. Асаблівы росквіт яе навелістычнай творчасці прыпадае на 80-я гады XIX стагоддзя, тэматыка ж твораў пісьменніцы вельмі разнастайная. Эліза Ажэшка звяртаецца да ўсіх важных праблемаў і надзённых пытанняў грамадзянскага жыцця. Навелістыка пісьменніцы з'яўляецца своеасаблівай манаграфіяй усіх пластоў насельніцтва, а таксама і нацыянальных груп. Сваё першае апавяданне «Малюнак з галодных гадоў» Эліза Ажэшка выдала ў 1866 годзе. Гэта і ёсць літаратурны дэбют пісьменніцы. Апошні ж твор пісьменніцы – зборнік навелаў аб гераізме і самаахвярнасці ў імя Радзімы «Gloria victis» (1910).

У артыкуле аналізуецца анамастычная лексіка, а менавіта антрапонімы, якія выкарыстала Эліза Ажэшка ў апавяданнях: «Daj kwiatek» («Дай кветку») (1877), «Sielanka nieryïowa» («Неружовая ідылія») (1878), «Ziota nitka» («Залатая нітка») (1881), «Zefirek» («Зефірак») (1881), «Backa mydlana» («Мыльная бурбалка») (1882), «Widma» («Прывіды») (1880). Усе гэтыя апавяданні ўвайшлі ў ІІІ том зборніка «З розных сфер» (апошнія два апавядання ўвайшлі ў зборнік ужо пасля смерці пісьменніцы).

Ствараючы запамінальныя рэалістычныя творы, Эліза Ажэшка шырока выкарыстоўвала беларускі, польскі, яўрэйскі анамастыкон канца XIX стагоддзя. Польская пісьменніца па-рознаму ідэнтыфікуе прадстаўнікоў розных сацыяльных груп і нацыянальнасцей.

Антрапонімы складаюць найбольшую групу ў аналізаваных тэкстах, паколькі амаль у кожным мастацкім творы аб'ектам адлюстравання з'яўляецца перш за ўсё чалавек. Эліза Ажэшка прэзентуе персанажаў твораў пры дапамозе імя і прозвішча, што з'яўляецца характэрным для рэалістычнай плыні ў літаратуры.

Пераважную большасць персанажаў у апавяданнях складаюць прадстаўнікі польскай шляхты і мяшчанаў, таму пры выбары імя для герояў пісьменніца абапіралася ў асноўным на польскую антрапанімічную сістэму (а менавіта на рымска-каталіцкую сістэму іменавання), хаця часам цяжка дакладна акрэсліць, да якой антрапанімічнай сістэмы, польскай ці беларускай, належыць імя, бо яны маюць шмат агульных рысаў. У большасці выпадкаў персанажам аналізаваных твораў надала Эліза Ажэшка імёны ў поўнай форме ў спалучэнні з разнастайнымі назоўнікамі-азначэннямі ў прэпазіцыі да імя (часцей выступаюць словы пан, пані, панна, уласцівыя менавіта польскай сістэме наймення): *pan Alojzy* (ZN), *pan Antoni* (S), *pan Ignacy* (Z, BM), *pan Julian* (Z, W), *pan Wiadysiaw* (W, ZN, S), *pani Emma* (Z), *pan Stanisiaw* (Z), *pan Bolesiaw* (Z), *pan Karol* (Z), *pan Jan* (Z, W, BM), *pan Ludwik* (BM, ZN), *pan Romuald* (Z), *panna Rozalia* (Z), *panna Brygida* (Z), *panna Michalina* (ZN).

У сваіх творах Эліза Ажэшка выкарыстала не толькі поўныя імёны герояў, але і варыянты гэтых імёнаў і іх эмацыянальна-ацэначныя формы. Апошнія выконваюць не толькі назыўную, але і экспрэсіўна-эмацыянальную функцыі – у асноўным выяўляюць, перадаюць адносіны аўтара да носьбіта імені, а таксама і адносіны паміж героямі твораў. Гэтыя ж формы выкарыстоўваюцца для абазначэння пэўнай узроставай катэгорыі людзей – дзяцей і падлеткаў. Пісьменніца ўтварыла эмацыянальна-ацэначныя формы імёнаў пры дапамозе розных фармантаў ад поўнай і ўсечанай асновы імя:

Жаночыя імёны: -**ka (-ка):** *Anielka* (W) < Aniela, *Elïbietka* (S) < Elïbieta, *Emilka* (ZN) < Emilia, *Julka* (BM) < Julia, *Helka* (W, BM) < Helena, *Michalinka* (ZN) < Michalina, *Paulinka* (BM) < Paulina; -**cia (-ця)**: *Felcia* (ZN) < Felicja, *Jancia* (BM) < Janina, *Anielcia* (W) < Aniela, *Helcia* (W, BM) < Helena, *Julcia* (BM) < Julia; -**sia (-ся)**: *Kasia* (BM) < Katarzyna, *Michasia* (ZN) < Michalina; **-nia (-ня)**: *Brynia* (Z) < Brygida; -**ysia (-ыся)**: *Marcysia* (S) < Marcjanna; -**ulka (-улька)**: *Anulka* (ZN, BM) < Anna.

Мужчынскія імёны: **-ek (-ек)**: *Antek* (S) < Antoni, *Henryczek* (W) < Henryk, *Franek* (S) < Franciszek, *Romek* (W) < Roman, *Konradek* (Z) < Konrad, *Julek* (Z, W) < Julian, *Wiadek* (W, ZN, S) < Wiadysiaw; **-њ (-сь)**: *Staњ* (Z) < Stanisiaw, *Jaњ* (Z, W, BM) < Jan, *Ludwiњ* (BM, ZN) < Ludwik, *Ignaњ* (Z, BM) < Ignacy, *Mieczyњ* (ZN) < Mieczysiaw; **-eczek (-ечак)**: *Stasieczek* (Z) < Staњ (Stanisiaw), *Jasieczek* (Z, W, BM)< Jaњ (Jan), *Juleczek* (Z, W) < Julian.

Пры дапамозе суфікса-флексіі -а//-'а (-а//-я) (для жаночых імёнаў), -'о (-ё) (для мужчынскіх імёнаў) ад усечаных асноў утвораны наступныя імёны: *Ryzia* (Z) < Rozalia, *Jyzia* (BM) < Jyzefa, *Edzio* (Z) < Edward, *Jyzio* (Z, ZN) < Jyzef, *Wiadzio* (W, ZN, S) < Wiadysiaw.

Гіпакарыстычныя фармацыі падкрэсліваюць блізкія эмацыянальныя адносіны паміж героямі твораў. Эмацыянальна-ацэначныя формы амаль не сустракаюцца ў аўтарскім тэксце, яны выступаюць амаль выключна ў мове персанажаў. Заўсёды, што варта падкрэсліць, у гіпакарыстычнай форме з'яўляюцца ў даследуемых творах імёны дзяцей: *Franek* (S), *Konradek* (Z), *Edzio*(Z), *Romek* (W), *Mieczyњ* (ZN), *Kostiњ* (W). Эліза Ажэшка заўсёды выкарыстоўвала для наймення дзяцей у сваіх творах памяншальна-ласкальныя формы імёнаў. Такія формы не толькі ўказваюць на ўзрост гэтых герояў, але і таксама паказваюць адносіны да іх дарослых у аповесці, і магчыма адлюстроўваюць пачуцці пісьменніцы, якая з замілаваннем апавядае аб маленькіх героях сваіх твораў.

Шырока прадстаўлена ў творчасці пісьменніцы-рэалісткі Элізы Ажэшкі і яўрэйская антрапаніміка, спецыфічныя яўрэйскія імёны і прозвішчы для наймення прадстаўнікоў гэтага народу, якія даволі часта з'яўляюцца на старонках твораў пісьменніцы. У апавяданні «Дай кветку» ўсе персанажы – яўрэі, таму ў гэтым творы выступае выключна яўрэйская антрапаніміка. Трэба таксама дадаць, што пры нараджэнні яўрэі для называння ўжывалі старажытнаяўрэйскія, у асноўным біблейскія, імёны, а таксама імёны, утвораныя ў больш позні перыяд з лексікі іўрыта і ідыша, таму і ў яўрэйскай антрапанімічнай сістэме можна выдзяліць некалькі групаў імёнаў:

1) біблейскія імёны;
2) небіблейскія імёны:
 а) семіцкага паходжання,
 б) узыходзяць да ідыш.
1. Біблейскія імёны.

Біблія (менавіта Стары Запавет) заўсёды адыгрывала ў культурным жыцці яўрэяў выключную ролю. Яна з'яўлялася не толькі рэлігійным, але і гістарычным, юрыдычным, філасофскім і літаратурна-мастацкім помнікам, таму ў сілу гістарычных абставін асноўны фонд імёнаў яўрэяў складалі стараяўрэйскія імёны біблейскага паходжання. Разам з прыняццем хрысціянства і перакладам Бібліі на розныя мовы біблейскія імёны сталі не толькі добра вядомымі іншым народам, але і ўвайшлі ў іх антрапанімічныя сістэмы праз грэчаскую праваслаўную царкву і рымскі каталіцкі касцёл. Трэба аднак зазначыць, што ў пераважнай большасці хрысціяне не выкарыстоўвалі біблейскія імёны, распаўсюджаныя сярод яўрэяў.

Толькі ў поўнай, афіцыйнай форме, запісанай у адпаведнасці з біблейскай традыцыяй, выступаюць у творах наступныя мужчынскія імёны: *Abram* (D), *Enoch* (D), *Gerszun* (D), *Nochim* (D), *Mojïesz* (D), *Izaak* (D).

Эліза Ажэшка выкарыстоўвае і гутарковыя формы імёнаў, якія з’яўляюцца характэрнымі толькі для яўрэйскай антрапанімікі. Сярод іх выступаюць такія антрапонімы, як:

Icek (W) (*Іцак*) ад Icchak (Ісак) (ст.-яўр. *jishвq* – ‘засмяяўся’ [2, с.405], з нямецкай мовы прыйшоў варыянт Icek (Isak >Izak, Icak, Icek) [1, с.12];

Mendele (D) (*Мендэле*) – памяншальнае ад *Menahem* (*Менахем*) (ст.-яўр. *Menahem* – ‘ён суцяшае’ [2, с.416]; форма ўтворана пры дапамозе суфікса ідыш *-el* ад усечанай асновы;

Mordko (D) (*Мордка*) ад Mardechaj (Мардэхай) (*Mardokaj* ‘той, хто належыць да Бога Мадука’ [2, s.415]), форма *Mordko* ўтворана пры дапамозе славянскага суфікса *-ko* ад усечанай асновы;

Szymszel (D) (Шымшаль) ад Samson (Самсон) (ст.-яўр. *љітфп* – ‘сонечны’ [2, s.425], гутарковая форма захавала першаснае стараяўрэйскае *љ* (*schin*, замест якога ў перакладах Бібліі выкарыстоўвалі знак *s*) і ўтворана пры дапамозе суфікса ідыш *-el*.

2. Небіблейскія имёны.

У творах, прысвечаных жыццю яўрэйскага народа, Эліза Ажэшка называе сваіх герояў не толькі біблейскімі імёнамі, але і небіблейскімі, утворанымі ад каранёў мовы іўрыт, арамейскай і ідыш.

2.а. імёны семіцкага паходжання:

Chaim, Chaimek (D) (*Хаім*) – ад стараяўрэйскага *hajjim* ‘жыццё’ [2, s.392], гіпакарыстычная форма гэтага імя *Chaimek* утворана пры дапамозе славянскага суфікса *-ек*.

Менш, у параўнанні з мужчынскімі, сустрэлася ў аналізаваных творах небіблейскіх жаночых імёнаў:

Maika (D) – ад стараяўрэйскага *malka* ‘каралева’ [2, s.462],

Chaita (D) – ад стараяўрэйскага *hajja* ‘якая жыве’. Жаночае імя *Chaja* з’яўляецца вытворным ад мужчынскага імя *Chaim*.

2.б. Імёны, якія ўзыходзяць да ідыш:

Ідыш – гэта мова ашкеназскіх (усходнееўрапейскіх, ці германскіх) яўрэяў. У склад асабовых імёнаў ашкеназаў увайшлі імёны, у аснове якіх ляжаць апелятывы моў Еўропы (часцей нямецкай). Дакладнай раздзяляльнай лініі паміж элементамі ідыш і нямецкімі няма, паколькі першы ўзнік на аснове сярэдневяковых нямецкіх дыялектаў, у асноўным рэйнскіх, з дабаўленнем некаторых элементаў з іншых дыялектаў. Такая блізкасць дазваляла лёгка адаптаваць нямецкія імёны да вымаўлення ідыш.

«Звярыныя» імёны *Lejb*, *Hersz*, *Wolf*, *Ber* – гэта сімвалы сыноў патрыярха Іакава. У сваім перадсмяротным благаславенні Іакаў параўноўвае Іуду з маладым ільвом, Неффаліма – со стройнай сарнай, Веньяміна – з ваўком, Іссахару – з аслом за яго працавітасць [1, с.20]. Апошняя сімвалічная мянушка з цягам часу была заменена на мядзведзь таму, што слова асёл часта выкарыстоўваецца таксама для абазначэння дурня [1, с.20]. Гэтыя

сімвалы былі перакладзены на ідыш, і так узніклі такія яўрэйскія імёны, як *Лейб* (леў), *Гірш* (*Герш*) (алень), *Бер* (мядзведзь), *Вольф* (воўк). У аналізаваных творах сустрэлася адно з гэтых імёнаў *Lejba* (D) (Лейба) – варыянт ад мужчынскага імя *Lejb*. Выступае таксама і жаночае імя на ідыш: *Jenta* (D) (*Ента*) (ням. *Ente* – ‘качка’).

У творах прысвечаных яўрэйскай тэматыцы Эліза Ажэшка выкарыстала як біблейскія, так і небіблейскія яўрэйскія імёны рознага паходжання (пераважаюць сярод іх біблейскія імёны стараяўрэйскага паходжання), як імёны ў поўнай, так і ў гіпакарыстычнай форме (выкарыстоўваюцца гіпакарыстычныя формы імёнаў са славянскімі фармантамі *-ek*, *-ko*, а таксама сустракаюцца гутарковыя формы з суфіксам ідыш *-el*). Імёны дзяцей выступаюць толькі ў гіпакарыстычнай форме.

Часам яўрэі, каб захаваць не толькі сваё багацце, але і жыццё (вядома, што адносіны да яўрэяў часта былі непрыязнымі) вымушаны былі адракацца ад сваіх каранёў, пераходзіць ў хрысціянства, пры гэтым яны атрымоўвалі і іншыя, хрысціянскія імёны. Гэты факт знайшоў адлюстраванне ў апавяданні «Прывіды», дзе Эліза Ажэшка зазначае: «Кіраўнік гасцініцы, пан *Leonid Igorowicz* (чытай : *Lejba*, сын *Icka*) Rozenblatt...» [9, с.271]. Яўрэйскае прозвішча пры гэтым захавалася, а новыя імя і імя па бацьку пачынаюцца з такіх жа літар, як і сапраўдныя, першапачатковыя імёны. Трэба аднак зазначыць, што для яўрэйскай антрапанімічнай сістэмы, таксама як для польскай і іншых еўрапейскіх сістэмаў, неўласцівым з’яўляецца імя па бацьку.

Пісьменнік, каб поўна і дакладна рэалізаваць сваю мастацкую ідэю, павінен добра выбіраць не толькі імёны, але і прозвішчы герояў, якія характарызуюць іх носьбітаў паводле нацыянальнай і сацыяльнай прыналежнасці. У параўнанні з імёнамі апошнія ў аналізаваных творах Элізы Ажэшкі сустракаюцца не так часта. Найбольш прозвішчаў выступае ў апавяданні «Зефірак», дзе яны акрэсліваюць шматлікія шляхецкія сем’і. Беднякі і слугі акрэслены ў апавяданнях толькі пры дапамозе імёнаў.

Сталася так, што да прозвішчаў, якія ўказваюць на прыналежнасць асобы да шляхты, дваранства, арыстакратыі традыцыйна належаць тыя, што маюць суфіксы *-ski*, *-cki* (*-скі*, *-цкі*), што выразна відаць і ў творах Элізы Ажэшкі: *Piocicski* (Z), *Sernicka* (Z), *Bodrzycski* (Z), *Jopotnicka* (Z), *Korzycki* (Z), *Rolicki* (Z), *Wyïlicski* (Z), *Pokutnicka* (Z), *Odropolska* (Z), *Drewnicki* (Z), *Praïnicki* (Z), *Saniewska* (Z), *Skiwska* (BM), *Oïymski* (BM), *Krzycki* (BM). Празрыстую будову мае прозвішча графа – *Pompalicski* (Z), якое матывавана словам *pompa* (*помпа*) – ‘перабольшаная пышнасць, раскоша’ [10, с. 954] і заканчваецца на *-ski* (трэба зазначыць, што гэты антрапонім выкарыстала раней Эліза Ажэшка ў рамане «Паны Пампалінскія»).

У творах Элізы Ажэшкі выступаюць і прозвішчы на *-ewicz*/*-owicz* (*-евіч*/*-овіч*), якія традыцыйна вылучалі мяшчан, у творах пісьменніцы яны належаць як мяшчанам, так і прадстаўнікам дробнай шляхты: *Bucikiewicz* (Z), *Ïyrewicz* (Z), *Wiewiyrkiewicz* (Z), *Kryniewicz* (Z), *Mirewicz* (BM). У апавяданні «Зефірак» сустрэліся і адапелятыўныя прозвішчы *Wierzba* (Z), *Sońnina* (Z).

У аналізаваных апавяданнях выступаюць толькі два яўрэйскія прозвішчы, маюць іх выключна багатыя яўрэі. Натарыус *Ickiewicz* (Z) носіць патранімічнае прозвішча, якое утворана ад гіпакарыстыка *Icko* пры дапамозе славянскага суфікса *-евіч* [2, s.405; 8, с.133] (гіпакарыстык паходзіць ад біблейскага імя стараяўрэйскага паходжання Icchak). Багатыя яўрэі часта атрымлівалі складаныя прозвішчы, якія прыгожа гучалі, узніклі яны на базе нямецкай мовы (ідыш). Так, кіраўнік гасцініцы ў апавяданні «Прывіды» носіць прозвішча *Rozenblatt* (W) (*Rosen-* ‘ружавы’, *-blatt* ‘картка’). Трэба падкрэсліць, што ў аналізаваных творах Эліза Ажэшка надала прозвішчы толькі тым яўрэям, якія выдзяляюцца сярод іншых сваім сацыяльным статусам.

Такім чынам, акрамя намінацыйна-ідэнтыфікуючай прозвішчы выконваюць і сацыялагічную функцыю: указваюць на нацыянальнасць героя і яго сацыяльнае становішча. Эліза Ажэшка выкарыстала прозвішчы, утвораныя па ўзору рэальных. Большасць прадстаўленых прозвішчаў мае асновы, якія не ўносяць ніякіх непасрэдных асацыяцый, не маюць экспрэсіўнай афарбоўкі. З другога боку, фарманты гэтых прозвішчаў звязваюць

герояў з цэлымі класамі з'яў, указваюць на тое, што носьбіты гэтых прозвішчаў маглі існаваць у рэальным свеце. Прозвішчы персанажаў не вылучаюцца сваёй незвычайнасцю. Наадварот, яны тыповыя для свайго часу, г. зн. для канца XIX – пачатку XX стагоддзя. У асноўным гэтыя прозвішчы выконваюць прамую функцыю – служаць сродкам выдзялення асобы сярод іншых персанажаў.

Асаблівую ўвагу трэба звярнуць на словаўтваральныя мадэлі, пры дапамозе якіх Эліза Ажэшка ўтварыла шматлікія найменні асоб жаночага полу ад мужчынскіх прозвішчаў і імёнаў. У Польшчы даўней (цяпер гэта ў афіцыйных дакументах, у адрозненні ад гутарковай мовы, амаль не сустракаецца) распаўсюджаны былі найменні з фармантамі *-owa* (*-ова*), *-ina* (*-іна*) (найменні замужніх жанчын ад імя ці прозвішча мужа), фармантамі *-anka* (*-анка*), *-ywna* (*-увна*) (найменні дачок ад прозвішча бацькі). Такія мадэлі дапамагалі адразу вызначыць стан жанчыны, але толькі ў некаторых групах прозвішчаў (напрыклад ад прозвішчаў на -скі, -цкі такія формы не ўтвараліся). Значная група найменняў асобаў жаночага полу ўтворана пры дапамозе фарманта *-owa* (*-ова*) як ад імя мужа: *Marcinowa* (Z), *Ignacowa* (BM), так і ад яго прозвішча: *Ïyrewiczowa* (Z), *Wierzbowa* (S), *Mirewiczowa* (BM). Патронімы ўтварыла Эліза Ажэшка ў аналізаваных апавяданнях пры дапамозе фарманта *-ywna* (*-увна*) і *-anka* (*-анка*) ад прозвішча бацькі дзяўчыны – *Kryniewiczywna* (Z), *Wiewiyrkiewiczywna* (Z), *Ïkïanka* (Z).

Эліза Ажэшка шырока выкарыстала ў сваіх творах найменні асоб жаночага полу, утвораныя ад мужчынскіх імёнаў і прозвішчаў, каб паказаць адносіны паміж героямі, сямейныя ўзаемазалежнасці, а таксама падрэсліць грамадзянскі стан жанчыны: праз форму антрапоніма паказаць, замужняя гэта асоба альбо не.

У апавяданні «Прывіды» пісьменніца выкарыстала крыптонім для абазначэння другараднага, эпізадычнага героя, аб якім толькі ўпамінаецца ў тэксце твора *hrabia X.* (W). Цікавым з'яўляецца той факт, што ў ранніх творах Эліза Ажэшка часта не выкарыстоўвае прозвішчы, акрэслівае ж сваіх герояў яна спалучэннем імя з крыптонімам (часта з назоўнікам-ідэнтыфікатарам).

У творах мастацкай літаратуры для характарыстыкі літаратурных персанажаў пісьменнікі нярэдка выкарыстоўваюць мянушкі. Гэтыя анамастычныя адзінкі ўтвараюцца на базе агульнавядомых апелятываў з матывавана азначанай лексіка-семантычнай характарыстыкай і выкарыстоўваецца як дзейсны характаралагічны сродак пры апісанні персанажа.

Трапна характарызуюць мянушкі *Sylfida* і *Zefirek* галоўную гераіню навелы «Зефірак» пані Эмму Жырэвіч. У тэксце твора тлумачэнне гэтых мянушак гучыць з вуснаў самой гераіні твора: «Калі я была ў доме маіх бацькоў, мяне называлі Сільфідай... Я заўсёды была такая зграбная, гібкая... » [9, с.187]. Вядома ж, што Сільфіда – гэта «дух паветра ў сярэдневяковых вераваннях» [7, с.1058]. Калі ж гераіня выйшла замуж, мянушка змянілася, хаця сутнасць яе засталася тая самая: «...нябожчык муж яе і ўся яго сям'я называлі яе Зефіркам, а гэта таму, што яна надзвычай лёгка танцавала і такі мела характар, што ніколі ніякай сталай пастановы не магла зрабіць... Сёння гэтае, заўтра тое ёй падабаецца... » [9, с.267] (Зефір у грэчаскай міфалогіі – бог заходняга ветру; прыемны цёплы заходні вецер [6, с.552], пісьменніца дадае да мянушкі таксама і дэмінутыўны суфікс *–ek*). Пры дапамозе мянушак Эліза Ажэшка не толькі дапамагае чытачу ўявіць знешнасць галоўнай гераіні, але і раскрывае яе характар, паказвае несталасць і летуценнасць жонкі і маці, якая мала думае аб сям'і.

Імёны і прозвішчы ў аналізаваных творах Элізы Ажэшкі выконваюць функцыю ідэнтыфікацыі персанажаў, указваюць на адносіны паміж імі, нацыянальнасць і на іх сацыяльнае паходжанне. Пісьменніца выкарыстала аўтэнтычныя антрапонімы, узятыя з жыцця свайго часу, а менавіта рэальную польскую і яўрэйскую антрапанімію. Пісьменніца вельмі дбала аб рэалізме сваіх твораў ва ўсіх пластах тэксту. Яна надала героям імёны як у поўнай, афіцыйнай форме, так і гіпакарыстычнай, утвораныя пры дапамозе славянскіх фармантаў і ідыш. Імёны дзяцей выступаюць толькі ў памяншальна-ласкальнай форме. Прозвішчы ў параўнанні з імёнамі складаюць меншую групу, большасць з іх – гэта шля-

хецкія і мяшчанскія. Усе аналізаваныя антрапонімы ўказваюць не толькі на глыбокія веды Элізы Ажэшкі, але і на вялікую павагу пісьменніцы да традыцый, што дапамагло стварыць яркія, запамінальныя творы.

Спіс скарачэнняў

D – Daj kwiatek
S – Sielanka nieryїowa
ZN – Ziota nitka
Z – Zefirek
BM – Backa mydlana
W – Widma

Спіс літаратуры

1. Abramowicz, Z. Imiennictwo Їydyw biaiostockich a zjawisko interferencji jкzykowej / Z. Abramowicz // Systemy onomastyczne w siowiacskich gwarach mieszanych i przejњciowych. Rozprawy Slawistyczne 7. – Lublin: UMSC, 1993. – S. 9 – 23.
2. Abramowicz, Z. Imiona chestne biaiostoczan w aspekcie socjolingwistycznym (lata 1885 – 1985) / Z. Abramowicz. – Biaiystok: Dziai Wydawnictw Filii UW w Biaiymstoku, 1993.
3. Altbauer, M. Dublety imion biblijnych w polszczyџnie / M. Altbauer // Onomastica. – 1965. – № X. – S. 196 – 204.
4. Detko, J. Eliza Orzeszkowa / J. Detko. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1971.
5. Fros, H. SJ Twoje imiк. Przewodnik onomastyczno-hagiograficzny / H. SJ Fros, F.Sowa. – Krakyw: Wydawnictwo WAM Ksiкїa Jezuici, 2002.
6. Kopalicski W. Siownik mityw i tradycji / W. Kopalicski. – Warszawa: Rytm, 2003.
7. Kopalicski W. Siownik wyrazyw obcych i zwrotyw obcojкzycznych / W. Kopalicski. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1990.
8. Rymut K. Nazwiska Polakyw / K. Rymut. – Wrociaw, Ossolineum, 1991.
9. Orzeszkowa E. Z ryїnych sfer. Tom III / E. Orzeszkowa. – Warszawa: Ksi№їka i wiedza, 1949.
10. Siownik jкzyka polskiego / pod red. W. Doroszewskiego. – T.6. – Warszawa: PWN, 1964.

ВИКТОР ИСТОМИН

Гродно

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОМ ХАРАКТЕРЕ ЛЕКСИКИ

Слова любого языка представляют собой упорядоченное множество, т.е. системную организацию языковых лексических единиц, что позволяет создавать и понимать новые слова, воспринимать речь в процессе общения. Впервые о системности в языке заговорил Ф. Де Соссюр, известный современный французский лингвист, написав в «Курсе общей лигвистики» о том, что «язык есть система, которая подчиняется только своему собственному порядку». Широко известны определения и суждения по поводу системности Е.С.Кубряковой, В.М. Солнцева, Г.В. Мельникова, Ю.С. Степанова. Толковый словарь современного литературного русского языка определяет систему как:

1) определенный порядок, основанный на планомерном расположении и взаимной связи частей чего-либо;
2) классификация, группировка;
3) совокупность принципов, служащих основанием какого-либо учения;
4) совокупность каких-либо элементов, единиц, объединенных по общему признаку;
5) форма, принцип устройства, организации, производства чего-либо [1].

Система понимается нами как «совокупность взаимообусловленных или определенным образом упорядоченных элементов, образующих некоторое единство» [2, с.103].

Но формы проявления системности лексики в речи явно не присутствуют, поэтому вскрыть системную организацию словарного состава языка представляется очень сложным, что и порождает некоторый пессимизм в отношении описания лексической системности в целом, что подтверждается в словах О. Есперсена о том, что «вполне удовлетворительную систему в словарной части языка создать невозможно» [3, с. 43] .

Однако, хотя лексика естественного языка и представляет собой сложную и многомерную, но с трудом выявляемую систему отношений между словами, тем не менее представляется возможным попытаться выявить причины экстралингвистической общности между словами и соотнесенными с ними предметами (по сходству, смежности, функции) и внутрилингвистического единства слов, соотносимых с одной и той же реалией.

Как известно, слова группируются в относительно однородное и целостное образование, и общим признаком при определении такого рода классов является представление о том, что степень близости слов зависит от величины общности того, что в них содержится. Представляется, что в качестве такой общности может выступать «лексическое значение», «смысловой признак» [4, с.13] .

Сгруппированные таким образом слова образуют лексико-семантические поля, «иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную сферу» [5, с.34], иначе говоря класс слов, имеющих между собой нечто близкое. Признаки, используемые при определении семантического поля, можно распределить на две группы: внутренние, которые непосредственно имеют отношение к сфере лексических значений, и внешние, ориентированные на предметно-тематическую сферу [6, с.4].

Слово и его значения являются элементами лексико-семантической системы языка, и связь значений слова с этой системой осуществляется посредством различных лексико-семантических, экспрессивно-стилистических и словообразовательных групп [7, с.41]. Смысловые связи, обусловленные спецификой слова, лежат в основе выделения лексико-семантических групп и первым шагом в этом является определение центрального слова, а через него и общего понятия, которое задает объем группы. Наряду с этим существенную роль в группировке слов играют внешние факторы, которые представляют элемент общего механизма связи лексических единиц.

Лексические группы слов называются лексико-семантической парадигмой, если они образуют «относительно целостное незакрытое способное к развитию множество слов, объединенных вокруг доминанты общностью лексического значения и служащего целям дифферинцированной номинации» [8, с.96]. Все лексические группы слов имеют парадигматически-структурный характер, хотя степень регулярности противопоставления, лежащих в основе системности, неодинакова, что может объяснятся, на наш взгляд, прежде всего экстралингвистическими факторами.

Семантическое поле слова может образовываться и всем объемом значений многозначного слова, которые образуют «понятийные сферы» [9, с.34]. Между значениями полисемантического слова возможны отношения включения и пересечения и в центре семантического поля, образованного таким образом, всегда находится основное значение, которое «обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически» [10, с.215].

Действительность оказывает определенное влияние на организацию чувственного опыта в языке, но окончательное членение действительности в языке зависит от таких факторов, как направление деятельности человека, состояние развития сознания, внутренних системных отношений в языке.

Цветовые впечатления человека задаются рядом факторов реальной действительности. Цвет сопровождает человека на протяжении всей его жизни, цвета «способны вызывать чувства, пробуждать эмоции и мысли, которые нас успокаивают или волнуют».

Лексика цветообозначения представляет собой легко выделяемую лексическую группу, в которой отражается объективное разнообразие цветовой гаммы [12, с.204], поэтому интерес к ней постоянно растет.

В действительности все окрашено определенными цветами и оттенками. Предпочтительные цвета для художников и писателей, рисующих и описывающих природу – зеленые, желтые, красные. А. Жид перефразировал выражение Декарта «я думаю, значит я существую» в «я ощущаю, значит я существую».

В конце XIX века на смену романтизму приходит новое течение, – реализм, определяемое А. Горьким как «правдивое, неприкрашенное изображение людей и условий их жизни». Элиза Ожешко – признанный мастер реализма, о чем свидетельствует ее наиболее крупный роман «Над Неманом», который посвящен людям труда, мелким хлебопашцам из поселка Богатыровичи, потомкам переселенцев из Польши. Роман пронизан чувствами любви, дружбы, умением понимать и любить природу. Э.Ожешко с удивительной любовью рисует картины родной природы, представив читателю несравненную картину родной природы. Необычайно поэтично, в ярких и разнообразных красках, представлены в романе картины принеманских лугов и боров, красавицы реки Неман.

«Все на свете сияло, цвело, благоухало и пело. Тепло и радость изливали **голубое небо** и **золотое солнце**, радостью и негой дышали **зеленеющие нивы**… словно вырастая из **зелени лугов**, песчаной стеной поднимался высокий берег Немана. Пересекая **голубой свод** неба **темной** полосой покрывающего его дремучего бора, он огромной дугой огибал широкую и гладкую равнину… В этот день залитая солнцем песчаная стена с прослойкой **красного мергеля** казалась **золотым обручем**, перевязанным **алой лентой**» [13, с. 9].

В разное время по-разному выглядит эта величавая река: «…уже в четвертый раз видела она Неман, и всякий раз иным. Вначале спокойный, он, казалось, до самого дна отражал **тяжелые** тучи…; потом **мрачно** бушевал, и по его покрытым **белой** пеной, вздувшимся волнам под бурным ливнем медленно ползли **желтые** плоты и стремительно мчалась стайка ч**ерных** челноков, а еще позже, когда гроза пронеслась, он изукрасился **золотыми** дымками, а над его зеркальной гладью, отливавшей **золотом и лазурью**, кружились в торжественном хороводе **белоснежные** морские чайки и в испуге метались крячки; а теперь он неподвижно застыл, расстилаясь длинной лентой…» [13, с. 224].

Природа, которая была доброй к героям романа, – это и « трясучка – тонкий стебелек, со множеством треугольных, искусно вырезанных висюлек – дотронься до нее рукой – и она сразу сожмется, точно пугливое существо. И кукушкин лен, жесткий и колючий с **голубыми** цветами… и шелестушка с почти **золотыми** листьями, которые при малейшем прикосновении что-то таинственно шепчут, есть и украшенная роскошным **белым** цветком ядовитая ветка демьянки… и **красный** лист увядающей душицы, которая так резко выделяется на **зеленой** траве своим **кровавым** цветом…» [13, с. 162].

Во время жатвы принеманская равнина «казалась **золотистым** ковром…, все пространство – от поросших деревьями холмов, до высокого песчаного берега – было залито **золотисто-желтой** лавой созревшего хлеба и пестрело такими же **золотисто-желтыми** впадинами жнивья.» [13, с.162].

« Среди просторов полей… жнецы казались роем не только без устали снующих, но и разноцветных существ. Словно некий художник беспорядочно разбросал по **золотисто-желтому** фону мазки всевозможных красок. Однако преобладал **белый** и **розовый** цвета – это были **белоснежные** рубашки мужчин и **ярко-розовые** кофточки женщин.» [13, с. 163].

Лексика цветообозначения составляют 0,11 % от общего количества словарного корпуса романа. Из всей цветовой гаммы Э. Ожешко использует чаще всего цвета – белый (140), черный (134), зеленый (99), золотой (80), красный (88), желтый (48), голубой (40), розовый (35), лазуревый (16), серебристый (16). Она часто использует оттенки цветов: багровый, изумрудный, золотистый, червоный, коралловый, розовый, лиловый, лазурный, кровавый, канареечный, кофейный, бирюзовый и др. Для обозначения особых оттенков цвет передается метафорически, сравнением его с другими предметами, обладающими соответствующим оттенком: синие как васильки глаза, зеленый как изумруд луг, желтые звездочками подсолнухов, словно цветущие пионы, затканное серебром облаков голубое небо, вспыхнуть румянцем. Очень часто автор использует названия камней для обозначения цвета и оттенков, например: коралл, яшма, янтарь, изумруд, хрус-

таль. Ослабленная цветовая интенсивность передается прилагательными с суффиксом -атый, -истый, -еный, -евший; префиксом по-: зеленоватый, красноватый, голубоватый, серебристый, позолоченый, синеющий, золотистый, почерневший, золотящийся, потемневший, пожелтевший, потускневший. Метафорическое указание на предмет, обладающий данным оттенком, также находит выражение в поэме: белоснежный, белоголовый, зеленокудрый, черноволосый, золотоволосый, чернокрылые. Лексическая сочетаемость носит определенный характер. Так, голубыми могут быть – небо, глаза, река, озера. Золотыми – волосы, усы, ореол, подсолнечник, яблоко, свет, отблеск, галун, волна, плод, поля, столбы, нити. Белыми – дорога, платок, лоскут, пыль, чепец, лоб, занавески, волосы, свет, капот, нити, кисея, зубы, тропинка, поля, лента, пиджак, рубаха, мак, цветы, краска, голуби, рука, шея, чепчик, пух, клевер, домик, плесень, пятно, доска, крылья. Желтыми – звездочка, сурепка, цветы, акация, лицо, стена, стволы, тыква. Зелеными – трава, аир, фуражка, роща, лес, клен, тесьма, гора, мыс, занавески.

Умело Э. Ожешко использует технику сочетания цветов, которая заключается в том, что рядом с основным цветом накладывается дополнительный, что позволяет окрасить окружающее пространство не в контрастные цвета, а в плавно переходящие оттенки, что создает впечатление природной гармонии.

Сочетания красный + белый, желтый, лиловый, зеленый + золото, лазурь, голубой + красный, лиловый, желтый вместо резкого контраста создают картину мирной красоты, которая захватывает и зовет к слиянию с природой.

Оттенки цветов кроме того выражаются словами, уточняющими интенсивность окраски: ярко-, темно-, светло-: ярко-алый, светло-серый, ярко-синий, темно-зеленый, ярко-красный или выражениями, где основной цвет совмещается с оттенком: оранжево-багровый, иссиня-черный, золотисто-желтый, серовато-розовый, серебристо-голубой, огненно-рыжий, грязно-желтый.

Яркие цвета, метафорические названия оттенков используются автором при создании портретов молодых женщин:

« На соломе, покрытой полосатым ковром, сидело несколько женщин… они, словно садовая клумба, цвели **румянцем** щек и пестрели **яркими** красками одежды. … В тряске у одних свалились с головы цветные платки и висели на плечах в виде ситцевых или кисейных капюшонов, у других растрепались косы – **черные или золотистые** – и рассыпались по **розовым или голубым** лифам, но у всех болтались за ушами или у висков воткнутые в волосы **красные, лиловые или желтые полевые цветы»** [13, с. 15]**.**

Роман Э. Ожешко насыщен цветовыми словами, образующими цветовую подсистему, среди которых эпитеты, сравнения, метафоры. Они позволяют автору передать не только восприятие писательницей явлений и предметов окружающей действительности, но и точно определить их. В большинстве своем они окрашены эмоциональными коннотациями, ярко раскрывают характер героев, событий.

Список литературы

1. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1995.
2. Кияк, Т.Р. Мотивированность лексических единиц / Т.Р.Кияк. – Львов, 1988.
3. Есперсен, О. Философия грамматики / О.Есперсен. – М., 1968.
4. Гулыга, Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В.ГШульга, Е.И.Шендельс. – М., 1968.
5. Тараненко, А.А. Языковая семантика в ее динамических аспектах / А.А.Тараненко. – Киев, 1989.
6. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: принцип семасиологического описания лексики / А.А.Уфинцева. – М., 1981.
7. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М.Васильев. – М., 1990.
8. Кузнецова, А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования / А.И.Кузнецова. – М., 1963.
9. Москович, В.А. Опыт статистического анализа семантического поля / В.А.Москович. – М., 1968.

10. Миронова, Л.Н. Цветоведение / Л.Н.Миронова. – Минск, 1984.
11. Новиков, Л.А. – Семантическое расстояние в языке и тексте / Л.А.Новиков, Н.П.Ярославцева. – М.,1990.
12. Гак, В.Г. Беседы о французском слове / В.Г.Гак. – М., 1968.
13. Ожешко, Э. Над Неманом / Э.Ожешко. – Минск, 1985.

DOROTA SZYMANIUK

Biaiystok

SPECYFIKA I ZNACZENIE PAUZY W POLSKIM I BIAJORUSKIM JKZYKU MYWIONYM

W artykule prezentujк rezultaty wstкpnego badania audytywno-fonetycz-nego pauz przeprowadzonego w oparciu o polski i biaioruski materiai jкzykowy i podejmujк prybк zdefiniowania i porywnania pewnych prawidiowoњci zwi№za-nych z ich funkcjonowaniem, dystrybucj№ i znaczeniem w wypowiedziach spontanicznych i przygotowanych. Opis eksperymentu i otrzymanych danych poprzedzam wprowadzeniem teoretycznym na temat typyw pauz jкzykowych, sposobyw ich klasyfikacji i peinionych funkcji.

Ryїnorodnoњж informacji przekazywanych za pomoc№ cech prozodycz-nych wypowiedzi to giywny czynnik niesiabn№cego zainteresowania jкzykoz-nawcyw szeroko rozumian№ intonacj№, ktyrej integralnym elementem jest bez w№tpienia pauza. Trudno wyobraziж sobie jak№kolwiek ustn№ realizacjк bez udziaiu w niej pauzy, co wynika zarywno z fizjologicznych cech cziowieka, takich jak praca narz№dyw artykulacyjnych czy oddychanie, jak i jego uwarunkowac psychicznych – w kaїdym ustnym komunikacie, bкd№cym wyrazem ludzkich przemyњlec i doњwiadczec, naleїy uwzglкdniaж specyfikк systemu prozodycznego jкzyka, ktyrym posiugujemy siк w danej chwili. Problematyce lingwistycznego znaczenia pauzy, jej miejsca i roli w systemie jкzykowym poњwiкcono wiele uwagi. Jeњli chodzi o publikacje na temat tego zagadnienia w jкzyku polskim naleїy wymieniж artykuiy Ropy i Rusowicz [10], Kriger [7], Labochy [8] i Rudek-Data [11][1] .

Tradycyjnie pauza interpretowana jest jako okreњlonej diugoњci przerwanie w fonacji. Z jednej strony kwestionuje siк jej status lingwistyczny, z drugiej zaњ uznaje za prozodyczn№ cechк skiadniow№, ktyra peini w jкzyku mywionym istotna funkcjк syntaktyczn№[2] . Zioїonoњж i niejednoznacznoњж interpretacyjno-terminologiczna usprawiedliwia niejako liczne klasyfikacje pauzy jкzykowej. Ich pierwsze pryby opieraiy siк na kryterium percepcyjnym, w ktyrym uwzglкdniano wraїenia siuchowe audytoryw. Wyryїniano pauzy krytkie, њrednie i diugie [6,15], nastкpnie pojawiiy siк klasyfikacje opisuj№ce cztery, a nawet piкж stopni ryїnicowania siк pauz: krytkie, maie, њrednie, duїe i diugie [4,14,16]. Dopiero specjalistyczna aparatura pozwoliia na instrumen-talne pomiary pauz jкzykowych i precyzyjne okreњlenie ich diugoњci w jednostce czasu (milisekundach). Poniїej prezentujк wartoњci liczbowe konkretnych typyw pauz ustalone dla wybranych jкzykyw[3] .

	Pauza krytka	**Pauza њrednia**	**Pauza diuga**
J.angielski	100-200	500-600	1000-1200
J.niemiecki	100-200	600-700	1200-1300
J.rosyjski	250-800	800-1500	1500-3000

[1] Pomijam publikacje, w ktyrych omawiane s№ pauzy w kontekњcie ich roli i miejsca w stylistycznej organizacji warstwy brzmieniowej tekstu, na przykiad E.Miodocska-Brooks, A.Kulawik, M.Tatara [9].

[2] Z powyїsz№ interpretacj№ roli pauzy spotkaж siк moїna, miкdzy innymi, u Urbacczyka [12].

[3] Pomiary instrumentalne prowadzili w jкzyku niemieckim – Zwirner E. I Zwirner K.[14], w jкzyku angielskim – Butcher [2], w jкzyku rosyjskim – Поплавская, Жукова [17]. Brak jest danych odnoњnie jкzyka polskiego i biaioruskiego.

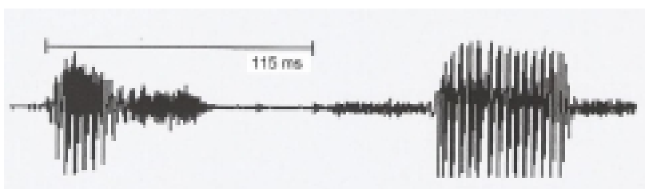
Kolejne klasyfikacje pauz charakteryzowaiy siк ryїnorodnoњci№ przyjmowanych kryteriyw. Klasyfikacja niemieckich uczonych proponowaia kategoriк suprasegmentaln№ i skiadniowo-funkcjonaln№. W klasyfikacji suprasegmentalnej wyryїniano tzw. pauzy zetkniкcia i pauzy wahania[4] . Pauzy zetkniкcia oddzielaj№ jednostki intonacyjne, a pauzy wahania to przerwania w fonacji powstaj№ce wewn№trz jednostek intonacyjnych. Klasyfikacja skiadniowo-funkcjonalna operuje pojкciami pauzy syntaktycznej (jej zadaniem jest segmentacja tekstu na odcinki syntaktyczne) i pauzy niesyn-taktycznej,

Inny podziai pauz jкzykowych oparto o kryteria fizyczno-lingwistyczne i psycholingwistyczne [1,5,13]. Klasyfikacja fizyczno-lingwistyczna uwzglкdnia fakt, їe naturalny strumiec mowy jest przerywany pauzami fizycznymi, czyli cisz№ sygnaiu akustycznego. Pauzy fizyczne wewn№trzsegmentalne s№ zwi№zane z zamkniкciem aparatu giosowego podczas mywienia. Na przykiad, w siowie *chaty* (Rys.1) pauza poprzedzaj№ca spyigioskк /t/ odpowiada ciszy trwajacej 80 milisekund.

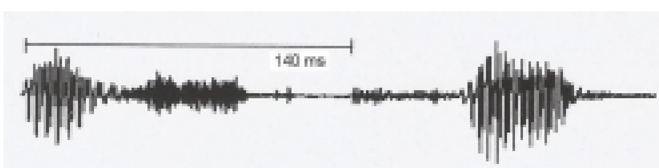
ch a t y

Rysunek 1. Sygnai akustyczny siowa *chaty* z pauz№ wewn№trzsegmantaln№

Pauzy fizyczne miкdzyleksykalne, uiatwiaj№ce percepcjк i interpretacjк wypowiedzi, pojawiaj№ siк miкdzy dwoma wyrazami. W przykiadach poniїej (Rys.2 i 3), pauzy miкdzyleksykalne ryїnicuj№ znaczenie wypowiedzi: «kupisz (kawк Pedros)» i «(kupisz kawк) Pedros»



Rysunek 2. Sygnai akustyczny **pisz ka** w wypowiedzi «kupisz ...kawк Pedros»



Rysunek 3. Sygnai akustyczny **pisz ka** w wypowiedzi «kupisz kawк... Pedros»

W pierwszym wypowiedzeniu czas trwania ostatniej siowa *kupisz* i ciszy miкdzyleksykalnej wynosi 140 ms, podczas gdy w drugim wypowiedzeniu przedstawiony segmant akustyczny trwa 115 ms.

[4] Terminologiк przyjmujк za lingwistami rosyjskimi, brytyjskimi i amerykacskimi.

Klasyfikacja psycholingwistyczna wyryїnia pauzy ciche (odcinek bez-dџwiкkowy w sygnale mowy) i wypeinione (obecnoњж dџwiкkyw w sygnale mowy) [5] . W literaturze przedmiotu znajdziemy rywnieї pauzy retoryczne, emfatyczne, logiczne, pragmatyczne, ktyrych wspyln№ cech№ jest ich њwiadome stosowanie przez mywi№cego. Pauzy tego typu pojawiaj№ siк w wypowiedzi, gdy naleїy podkreњliж, zaakcentowaж, zwryciж uwagк na jej najwaїniejsze elementy, tak aby odbiorca otrzymai informacjк zgodnie z intencj№ nadawcy.

Reasumuj№c, istniej№ce klasyfikacje za podstawowe uznaj№ nastкpuj№ce pauzy:

1) pauzк syntaktyczn№ – jej giywna funkcja polega zarywno na dzieleniu wyraїec jкzykowych na daj№ce siк dokiadnie zidentyfikowac odcinki, jak i na ich i№czeniu w jednakowe pod wzglкdwm znaczeniowym caioњci,

2) pauzк pragmatyczn№ – wyryїnia j№ przede wszystkim z gyry zamierzona przerwa w fonacji; dystrybucja tej pauzy charakteryzuje siк znaczn№ piynnoњci№ – ryїnorodnoњci№ lokalizacji i autonomicznoњci№ w stosunku do skiadniowej struktury wypowiedzi, gdyї podporz№dkowuje siк intencjom, zamierzeniom i woli mywi№cego; pauza pragmatyczna pojawia siк w dowolnym miejscu wypowiedzi, a w zwi№zku z tym, nieoczekiwanie dla odbiorcy, burzy strukturк komunikatu i jest tym samym џrydiem informacji dodatkowej, pomaga w iden-tyfikacji przekazywanych znaczec,

3) pauzк psychologiczn№ – wyraїana jest przy pomocy њrodkyw intonacyjnych, takich jak kontrast tonu, akcentu, tempa; pauza psychologiczna decyduje o wyrazistoњci wypowiedzi,

4) pauzк fakultatywn№ – siuїy peiniejszemu ukazaniu treњci wypowiedzi,jej najdrobniejszych, najsubtelniejszych emocji.

Jak wspomniano wyїej materiai badawczym na ktyrym opariam swyj eksperyment stanowiiy dwa rodzaje wypowiedzi: spontaniczne monologi na zaproponowane tematy oraz fragmenty tekstyw do przeczytania. Zostaiy one zrealizowane przez osoby, dla ktyrych jкzyk biaioruski i polski s№ jкzykami ojczystymi (nauczyciele i studenci filologii polskiej, rosyjskiej i biaioruskiej na Uniwersytecie w Biaiymstoku). Materiai eksperymentalny skiadai siк z okoio 80 minut nagrac mowy spontanicznej i okoio 60 minut tekstu przygotowanego w kaїdym jкzyku.

Po wstкpnych odsiuchach do analizy wybraiam teksty, ktyre w sumie skiadaiy siк z 3988 sylab w jкzyku polskim (2168 sylab wypowiedzi sponta-nicznych i 1820 sylab tekstyw przygotowanych) oraz 4196 sylab w jкzyku biaioruskim (2280 sylab wypowiedzi spontanicznych i 1916 sylab tekstyw przygotowanych). W wypowiedziach spontanicznych zidentyfikowano 2486 pauz ryїnego typu, w tym 1193 pauzy w tekstach polskich i 1293 pauzy w tek-stach biaioruskich; w materiale czytanym wydzielono ogyiem 928 pauz, wњryd ktyrych znalazio siк 448 pauz w tekstach polskich i 480 pauz w tekstach biaioruskich. Analizie audytywnej poddano pauzy wypeinione, niewypeinione, zamierzone, niezamierzone, syntaktyczne i niesyntaktyczna [6] . Mywi№c o pauzie wypeinionej mam na myњli takie wypeinienia, ktyre nie dostarczaj№ їadnej istotnej informacji[7] . Naleї№ do nich pojedyncze niekontrolowane ci№gi foniczne typu *EEE, YYY, HMM, YF*, wydiuїone samogioski i spyigioski: *to jest bardzoooo niebezpieczne zadanie*, wielofunkcyjne siowa-wtr№cenia: *no cyї, їe tak powiem, no wiкc*, powtyrzenia czy falstarty: *po...pogoda w maju byia bardzo iadna*.

Obliczenia matematyczne pokazaiy, їe na 100 sylab w tekstach sponta-nicznych i przygotowanych przypada odpowiednio 55 i 24,6 pauz ryїnego typu w jкzyku polskim oraz 56 i 25 sylab ryїnego typu w jкzyku biaioruskim. Jak widaж liczba pauz w tekstach spontanicznych w obu badanych jкzykach jest dwukrotnie wyїsza od liczby pauz w tekstach przygotowanych (wskaџnik 2,24 w jкzyku polskim i w jкzyku biaioruskim). Akty spontaniczne stanowi№ przykiad bardziej skomplikowanej sytuacji komunikacyjnej, st№d wiкksza w nich liczba pauz, przerwac i ryїnego typu zahamowac wypowiedzi.

W obu badanych jкzykach obserwuje siк jednakow№ tendencjк zmiany iloњci pauz w zaleїnoњci od ich lokalizacji w tekњcie (przygotowanym i sponta-nicznym). Najwiкksz№ liczbк

---

[5] W jкzykoznawstwie angielskim i amerykacskim wystкpuj№ one pod nazw№ silent pauses and filled pauses.

[6] Przy zaproponowanym podziale pauz czкњciowo wykorzystaiam klasyfikacjк Черник [18].

[7] Rudek-Data wyryїnia pauzy wypeinione i niewypeinione fonetycznie lub leksykalnie [11, s.105]; w moim eksperymencie naleї№ one do tej samej kategorii pauz wypeinionych.

pauz zaobserwowano w koccowym fragmencie tekstu (w jкzyku polskim 4 razy wiкcej, w jкzyku biaioruskim 5 razy wiкcej), najmniej pauz znalazio siк w њrodkowych jego partiach (odpowiednio trzykrot-nie i dwukrotnie).

W tekstach przygotowanych zarywno w jкzyku polskim, jak i w jкzyku biaioruskim okoio 98 % pauz to pauzy niewypeinione[8] . Dwuprocentowy wskaџnik obecnoњci pauz wypeinionych jest wynikiem albo problemyw czysto technicznych, albo ryїnego typu lapsusyw jкzykowych i przejкzyczec.

W wypowiedzi spontanicznej zidentyfikowano 47,6% niewypeinionych pauz w jкzyku polskim oraz 44,7 % niewypeinionych pauz w jкzyku biaioruskim. Wњryd pauz wypeinionych w obu badanych jкzykach dominuj№ niekontrolowane ci№gi foniczne i wydiuїenia giosek przy pomocy dџwiкku (68 % wszystkich tego typu pauz w jкzyku polskim i ponad 73 % w jкzyku biaioruskim), co pozwala przypuszczaж, їe wymienione podtypy pauz przewaїaj№ w obu jкzykach. Zgodnie z uzyskanymi danymi pauzy-powtyrzenia oraz pauzy-wtr№cenia stanowi№ w jкzyku polskim i w jкzyku biaioruskim odpowiednio 32 % i 27 % wszystkich pauz wypeinionych.

Eksperyment pozwolii takїe dokonaж pewnych uogylniec co do dystrybu-cji pauz. W tekstach przygotowanych 98 % pauz tak w jкzyku polskim, jak i w jкzyku biaioruskim znajduje siк na granicy syntagmy (frazy stanowi№cej jednoњж semantyczno-fonetyczn№). W wypowiedzi spontanicznej w jкzyku polskim jest tych pauz 43 %, a w jкzyku biaioruskim – 45 %. W obu jкzykach ponad 50 % wszystkich pauz wypowiedzi spontanicznej znajduje siк wewn№trz syntagmy.

Wykorzystuj№c dane analizy audytywnej moїna sformuiowaж nastкpuj№ce wnioski:

• W obu badanych jкzykach nie odnotowano istotnych ryїnic dotycz№cych charakterystyki i funkcjonowania pauz, przeciwnie – otrzymane dane wskazuj№ na liczne podobiecstwa.

• Zaobserwowane rozbieїnoњci dotycz№ typyw tekstyw, nie zaњ badanych jкzykyw, a wiкc:

1) zwiккszenie liczby pauz w wypowiedziach spontanicznych w porywnaniu do tekstyw przygotowanych odbywa siк w sposyb nieregularny i zaleїy od rodzaju pauzy oraz jej pozycji w tekњcie,

2) okoio 70 % wszystkich pauz wypeinionych to, w obu jкzykach, pauzy wypeinione fonicznie,

3) czкstotliwoњж i miejsce wystкpowania pauz wypeinionych zaleїy w giywnej mierze od indywidualnych nawykyw osoby mywi№cej,

4) w tekstach spontanicznych pojawiaj№ siк liczne, w porywnaniu do tekstyw czytanych, i№czenia syntagm bez udziaiu pauz.

Zaprezentowany materiai nie wyczerpuje problematyki funkcjonowania i charakteru pauz w obu jкzykach, jest raczej wstкpnym badaniem diagnos-tycznym. Bez odpowiedzi pozostaje jeszcze wiele kwestii, ktyrym naleїy poњwiкciж kolejne eksperymenty. Zaliczam do nich sposoby wyraїenia pauz jкzykowych, ich zaleїnoњж od innych њrodkyw prozodycznych oraz relacje z jednostkami pozostaiych podsystemyw jкzykowych.

Spis literatury

1. Bloodstein, O. Handbook on stuttering / O.Bloodstein. – Chicago: National Easter Seal Society for Crippled Children and Adults, 1981.
2. Butcher, A. Pause and syntactic structure / A.Butcher // W.Dechert, M.Raupach (eds.), Temporal variables in speech Mouton, 1980. – S.86 – 90.
3. Crystal, D. Prosodic Systems and Intonation in English / D.Crystal. – Cambridge, 1969.
4. Drommel, R. Probleme,Methoden und Ergebnisse der Pausenforschung / R.Drommel. – Berichte 2, Koln, 1974.
5. Grosjean, F. Analyse contrastive des variables temporelles de l`anglais et du francais / F.Grosjean, A.Deschamps // Phonetica. – 1975. – S.144 – 184.
6. Jones, D. An Outline of English Intonation / D.Jones. – Cambridge, 1956.
7. Kriger, U.1979. Czy pauza w komunikacji jкzykowej jest wyznacznikiem skiadniowej segmentacji tekstu mywionego / U.Kriger // Socjolingwistyka 2. – 1979. – № 287. – Warszawa-Katowice-Krakyw. – S.121 –132.

[8] Uzyskane dane s№ zbliїone do wynikyw podanych przez Черник [18].

8. Labocha, S. Przerwania jako sygnaiy trudnoњci wyboru leksykalnego i formalnego w polszczyџnie mywionej / S.Labocha // Studia nad polszczyzn№ mywion№ Krakowa 1. – Warszawa-Krakyw: PWN, 1981. – S.111 – 120.

9. Miodocska-Brooks, E. Zarys poetyki / E.Miodocska-Brooks, A.Kulawik, M.Tatara. – Warszawa: PWN, 1980.

10. Ropa, A. Rola cech prozodycznych w segmentacji tekstu mywionego / A.Ropa, A.Rusowicz // Z zagadniec fonetyki i fonologii wspyiczesnego jкzyka polskiego. – Toruc, 1978. – S.119 – 126.

11. Rudek-Data, K. Pauza a przerwanie w wypowiedzi mywionej / K.Rudek-Data // Studia nad polszczyzna mywiona Krakowa. – Warszawa-Krakyw: PWN, 1981. – S.103 – 108.

12. Encyklopedia wiedzy o jкzyku polskim / pod red. S.Urbacczyk. – Ossolineum, 1978.

13. Zellner, B. Pauses and the Temporal Structure of Speech / B. Zellner // E.Keller (ed.) Fundamentals of Speech Synthesis and Speech Recognition. – Chichester: John Wiley, 1994. – S.41 – 62.

14. Zwirner,E. Grundfragen der Phonometrie / E.Zwirner, K.Zwirner. – New York, 1966.

15. Гайдучик, С.М. Лингвистическая интерпретация результатов экспериментально-фонетических исследований речевого текста / С.М.Гайдучик // О лингвистической интерпретации речевых пауз: тез. докл. респ. симпозиума. – Минск, 1997.

16. Дубовский, Ю.А. Анализ интонации устного текста и его составляющих / Ю.А.Дубовский. – Минск, 1978.

17. Поплавская, Т.В. Паузальное членение спонтанной речи и реализация коммуникативной интенции / Т.В.Поплавская, Ю.В.Жукова // Актуальные проблемы коммуникативной фонетики и вопросы эффективности речевого общения: материалы междунар. конф. – Минск, 1997. – С.59 – 60.

18. Черник, Н.Н. Особенности паузального членения спонтанной речи и чтения в английском, белорусском, русском и французском языках / Н.Н.Черник // Вестник МГЛУ. – 2004. – № 3(15). – С.93 – 101.

ІРЫНА ХЛУСЕВІЧ

Гродна

АКЦЭНТНА-ФАНЕТЫЧНЫЯ ВАРЫЯНТЫ СЛОЎ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ

Некаторыя словы на пэўным этапе развіцця мовы нарматыўна функцыянуюць у некалькіх (пераважна дзвюх) разнавіднасцях, тоесных у сэнсавых, стылістычных, спалучальных адносінах і ўзаемазамяняльных у любым кантэксце, – варыянтах. Абапіраючыся на даныя пяцітомнага «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» (ТСБМ), можна меркаваць, што прыблізна 1% слоў сучаснай беларускай літаратурнай мовы здольны вар’іравацца, гэта значыць ужывацца з нязначнымі фармальнымі змяненнямі. Улічваючы характар такіх змяненняў, зафіксаваных ТСБМ, вылучым наступныя тыпы варыянтаў слоў: акцэнтныя (*лбскавы – ласкбвы*), акцэнтна-фанетычныя (*віхор – внхар*), фанетычныя (*кмен – кмін*), марфалагічныя (*клавіш – клавіша*) і камбінаваныя (*пісага – пісаг – пісяг – пісяга*).

Самы шматлікі тып варыянтаў (369 пар) складаюць разнавіднасці слоў, гукавое адрозненне якіх абумоўлена іншым месцам націску: *даглйдзець – даглядзйць, католік – каталік, нбдвае – надвое* і г. д. Падобныя варыянты ў навуковай літаратуры нярэдка асобна не вылучаюць, а разглядаюць у межах акцэнтных або фанетычных варыянтаў ці, наогул, акцэнталагічнай разнавіднасці фанетычных варыянтаў [9, с. 7]. Прымаючы пад увагу шматлікасць і сцецыфіку гэтых разнавіднасцей слоў (пры акцэнтным вар’іраванні слова змена месца націску не выклікае яго фанетычных змяненняў, а пры фанетычным – яны адбываюцца незалежна ад націску, які мае ў слове сталае месца: *пагавурваць – пагавбрваць*), больш правільна групаваць іх у асобны тып – акцэнтна-фанетычныя варыянты. Нароўні з гэтай назвай у навуковых выданнях ужываюцца сінанімічныя тэрміны «акцэнтна-фанематычныя» [4, с. 17] і «фанетыка-акцэнталагічныя» варыянты слоў [5, с. 6]. Праўда, акцэнтна-фанематычным і называюцца «відазмяненні, абумоўленыя камбінацыяй ак-

цэнтных і фанетычных змен» [4, с. 17]. Гэта азначэнне недакладнае, бо паводле яго ў акцэнтна-фанетычныя варыянты трапляе і група камбінаваных, у якіх спалучаюцца два віды вар’іравання – акцэнтнае і фанетычнае, але пры гэтым апошняе не з’яўляецца вынікам змены месца націску ў слове. Параўнаем, напрыклад, камбінаваныя варыянты *мысленне-мышлйнне*, гукавое адрозненне якіх (*[с’]-[ш]*) не тлумачыцца пераходам націску на іншы склад (спалучэнне -*шл*- паходзіць з праславянскага -sl-).

Амаль ва ўсіх выпадках акцэнтна-фанетычная варыянтнасць слоў звязана з аканнем (вымаўленнем галосных *о, э* пасля цвёрдых зычных у ненаціскным становішчы як *а: гартованы – гартавбны, стэльмах – стальмбх*) і яканнем (вымаўленнем галосных *о, э* пасля мяккіх зычных у першым складзе перад націскам як *а*, што на пісьме перадаецца літарай *я*: *аблётаць – аблятбць, велізбрны – вялнзарны*). Толькі ў асобных словах – з вымаўленнем гука *і* пад націскам і не пад націскам: *дангрываць [дајнгрывац’] – дайгравбць [дайгравбц’]*.

Адзначым, што ў польскай мове такіх варыянтаў словы не маюць, паколькі ў польскай мове, як вядома, націск фіксаваны (заўсёды падае на перадапошні склад). У рускім жа мовазнаўстве варыянты тыпу *творуг – твурог*, хоць і адрозніваюцца гучаннем з-за рознага месца націску (*[тв∧рух]* і *[твуръх]*), адносяцца да акцэнтных [8, с. 62] або фонамарфалагічных [2, с. 44].

Іншы раз можна прачытаць пра «варыянты, якія з’яўляюцца рознымі па значэнню, напрыклад: *немы* (пра крык, голас) і *нямы* (пра чалавека)» [1, с. 388]. Гэта сцвярджэнне памылковае. Варыянтнасць мае месца толькі ў межах тоеснасці знака. Таму ніякіх адрозненняў у плане зместу, нават самых нязначных, варыянты таго самага слова мець не могуць.

Не падлягаюць свабоднай узаемазамене ў любым кантэксце (а гэта самы дзейсны прыём ідэнтыфікацыі варыянтаў слоў) і, значыць, з’яўляюцца ў наступных парах не варыянтамі, а асобнымі словамі кампаненты, што адрозніваюцца:

1) аб’ёмам семантыкі: *водліў – адліў* (першае слова мае толькі адно значэнне *‘блік, водсвет на паверхні чаго-н.; дадатковае адценне, якое адсвечваецца на фоне асноўнага колеру’*, а другое – тры: *‘1) дзеянне паводле дзеяслова адліваць – адліць; 2) перыядычнае паніжэнне ўзроўню вады ў адкрытым моры; 3) блік, водсвет на паверхні чаго-н.; дадатковае адценне, якое адсвечваецца на фоне асноўнага колеру’*);

2) стылістычным выкарыстаннем: *пакуль – покуль* (першае слова міжстылёвае, а другое – размоўнае);

3) аб’ёмам семантыкі і стылістычным выкарыстаннем адначасова: *цэментовы – цэментавы* (першае слова размоўнае, мае значэнне *‘зроблены з цэменту; у склад якога ўваходзіць цэмент’*, а другое – міжстылёвае і мае два значэнні: *‘1) які мае адносіны да цэменту; звязаны з вырабам цэменту; 2) зроблены з цэменту; у склад якога ўваходзіць цэмент’*);

4) сферай выкарыстання: *ясната – яснота* (першае слова агульнанароднае, а другое – дыялектнае);

5) частотнасцю ўжывання: *вокладка – акладка* (першае слова ўваходзіць у актыўны слоўнікавы склад, а другое, устарэлае, – у пасіўны).

У ТСБМ акцэнтна-фанетычная варыянтнасць адзначаецца ў дзеясловах (155 выпадкаў) і дзеяслоўных формах – дзеепрыметніках (91), назоўніках (68), прыметніках (33), прыслоўях (21) і слове катэгорыі стану *чутна – чутно.*

Вар’іруюцца дзеясловы ўсіх чатырох прадуктыўных класаў (*гайдаць – гойдаць, зачэрпнуць – зачарпнуць, прабаваць – пробаваць, ацверазіць – ацвярозіць*) і толькі другога (*загледзецца – заглядзецца*), чацвёртага (*грэбці – грабці*) і пятага (*зацячы – зацекчы*) непрадуктыўных класаў. Гэта тлумачыцца, па-першае, большай колькасцю аб’яднаных у прадуктыўных класах адзінак (калі дзеясловы прадуктыўных класаў «практычна нельга падлічыць», то непрадуктыўныя класы (а іх 11) «уключаюць абмежаваную колькасць слоў» [10, с. 204]); па-другое, – няздольнасцю дзеясловаў некаторых непрадуктыўных класаў па розных прычынах мець іншае месца націску: напрыклад, дзеясловы трэцяга непрадуктыўнага класа ва ўсіх граматычных формах маюць сталы накаранёвы націск [3, с. 64]

(*пахнуць, уваскрэснуць, прасякнуць*), а дзеясловы дзевятага непрадуктыўнага класа складаюцца ўсяго з аднаго склада (*біць, віць, ліць, піць* і пад.).

Як адзначае даследчык націску ў дзеяслоўных формах сучаснай беларускай мовы Я.М. Івашуціч, націск на канцавым галосным у дзеясловах чацвёртага непрадуктыўнага класа *(вясцн, мясцн, трасцн)* старажытны. Нормай украінскай і рускай літаратурных моў (нягледзячы на тое, што ў гаворках украінскай і рускай моў прагрэсіруе тэндэнцыя да накаранёвага націску ў дзеясловах гэтага класа) таксама з'яўляецца канцавы націск: *везтъ, нестъ.* У беларускай жа літаратурнай мове, улічваючы ўжыванне форм інфінітыва з націскам на корані ў гаворках большай часткі Беларусі, у тым ліку ў цэнтральных гаворках, за норму былі ўзяты формы інфінітыва з націскам на галосным кораня: *вйсці, мйсці, трэсці*. Дваякі націск у некаторых дзеясловах гэтага класа (напрыклад, у слове *грэбці – грабці*) тлумачыцца Я.М. Івашуціч увядзеннем у вусную мову рознадыялектных акцэнталагічных варыянтаў, адны з якіх супадаюць з нормамі літаратурнай мовы, а другія – адрозніваюцца ад іх, становяцца дублетнымі» [3, с. 68 – 70].

Што да дзеясловаў пятага непрадуктыўнага класа (*зацячы – зацекчы, сячы – секчы* і дэрыватаў апошняга *абсячы – абсекчы, дасячы – дасекчы, засячы – засекчы* і інш.), то пры нарматыўнасці абодвух іх варыянтаў перавага ў беларускай мове аддаецца формам з націскным канцавым галосным, паколькі яны «ў большасці беларускіх гаворак захоўваюць старажытную аснову і націск на канцавым галосным» [3, с.72 – 73].

Пададзім прыклады ўжывання варыянтаў *сячы – секчы* ў пісьмовым маўленні: 1) – *Мужыку і ў пекле горш, чым пану. – Чаму? – Бо пан спакойна сядзіць у катле і кіпіць, а мужык мусіць дровы* сячы *і пад кацёл класці.* (Краязнаўчая газета); 2) *Яны пачалі* секчы *хваіну-сухадрэвіну, насіць з ручая ваду, і крумкач здагадаўся, што людзі ладзяцца нанач.* (У. Арлоў).

Акцэнтна-фанетычная варыянтнасць дзеепрыметнікаў не заўсёды знаходзіцца ў залежнасці ад наяўнасці гэтага віду вар'іравання ў адпаведных дзеясловах, параўнаем, напрыклад: *авалодаць – аўладаць → авалоданы; закапаць → закапаны – закопаны; насябаць – насёбаць → насябаны – насёбаны*.

У абсалютнай большасці выпадкаў вар'іруюцца дзеепрыметнікі залежнага стану, паколькі дзеепрыметнікі незалежнага стану, як адзначаецца ў «Беларускай граматыцы» [1, с. 422], захоўваюць месца націску ўтваральнай асновы. Толькі два дзеепрыметнікі незалежнага стану *заплеснелы – запляснелы* і *сплеснелы – спляснелы* маюць акцэнтна-фанетычную варыянтнасць: яе дапускаюць іх утваральныя асновы (*заплеснець – запляснець* і *сплеснець – спляснець*).

Ваганні націску заўсёды адбываюцца ў межах асновы дзеепрыметнікаў, бо яны «належаць да акцэнтнага тыпу А – ва ўсіх склонавых формах адзіночнага і множнага ліку маюць націск на аснове» [1, с. 422].

У ТСБМ акцэнтна-фанетычная варыянтнасць фіксуецца ў дзеепрыметніках, утвораных ад дзеясловаў першага (*неабстраляны – неабстрэлены*), трэцяга (*зачараваны – зачарованы*), чацвёртага (*дораны – дароны*) прадуктыўных класаў і першага (*зааданы – завораны*), другога (*надламаны – надломаны*), чацвёртага (*падзяўбаны – падзёўбаны*) непрадуктыўных класаў.

Дзеепрыметнікі, утвораныя ад дзеясловаў чацвёртага прадуктыўнага класа (*дораны – дароны, залочаны – залачоны, засмучаны – засмучоны, зацемнены – зацямнёны, заценены – зацянёны, згушчаны – згушчоны*), маюць, як сцвярджаецца ў «Беларускай граматыцы», «націск на адзін склад бліжэй да пачатку слова ў параўнанні з утваральнай асновай» [1, с. 423]: *дарыць – дураны, залацнць – залучаны, засмуцнць – засмучаны, зацямнць – зацймнены, не скарыць – няскураны.* Варыянты з націскам на перадапошнім складзе маглі ўзнікнуць пад уплывам польскай і рускай моў, параўнаем: *darzony; золочённый; zasmucony; zaciemniony* і *затемнённый; затеннёный; zgkszcony.*

Сярод назоўнікаў з акцэнтна-фанетычнай варыянтнасцю ёсць як невытворныя (*віхор – віхар, прамень – промень, рэмень – рамень*), так і вытворныя словы (*дакторка – доктарка, няласкавасць – неласкавасць, упрыгажэнне – упрыгожанне*). У ліку першых нямала

запазычанняў (што звязана з недакладным засваеннем іншамоўнай лексікі): *гіпафіз – гіпофіз* (гр. *hypophysis*), *домбра – дамбра* (казах. *dombra*), *кабыз – кобыз* (казах. *kobyz*), *католік – каталік* (лац. *catholicus*), *коптур – каптур* (польск. *kaptur*), *стальмах – стэльмах* (ст.-польск. *stelmach, stalmach*), *фортэль – фартэль* (польск. *fortel*), *шула – шуло* (літ. *љщlas*). Праілюструем варыянты аднаго са згаданых слоў: 1) *Вам часам здаецца, што каб нямецкія біскупы Прагі за часамі Гуса былі пратэстантамі, дык Гус быў бы добрым* католікам… (С. Абламейка); 2) *Калі напачатку мінулага стагоддзя Іван і Антон Луцкевічы задумалі стварыць сучасную беларускую нацыю, дык, хрышчаныя* каталікамі*, яны не маглі дэклараваць сябе такімі, бо гэта значыла б устаць на бок толькі адной часткі народу.* (С. Дубавец)

У вытворных назоўніках націск можа падаць на розныя склады кораня (*дактор-к-а* і *доктар-к-а*), розныя карані (*кан-а-вязь* і *кон-а-вязь*), злучальную галосную і корань (*кур-о-дым* і *кур-а-дым*), суфікс і корань (*зярн-ятк-а* і *зйрн-етк-а*), корань і прыстаўку (*ад-вйд-к-і* і *вод-вед-к-і*), корань і канчатак (*мбц-ерк-і* і *мац-ярк-н*), розныя склады суфікса (*верш-алнн-а* і *вярш-блін-а*), канчатак і суфікс: *бас-ат-б* і *бас-от-а, гарк-ат-б* і *гарк-от-а, дурн-от-а* і *дурн-ат-б, слізг-от-а* і *слізг-ат-б.* Адным з фактараў няўстойлівасці націску ў апошніх адпрыметнікавых утварэннях з'яўляецца тое, што яны ўваходзяць у словаўтваральны тып, дзе ёсць як словы з націскам на флексіі *дабратб, любатб, прастатб,* так і (радзей) словы з націскам на суфіксе *лянота.* Да таго ж прыметнікі іншых словаўтваральных тыпаў з суфіксам *-от-* маюць пераважна ці выключна націск на суфіксе: *пякота, пяшчота; дзівота, журбота, сумота, нудота; адзінота.*

З прыметнікаў, што маюць акцэнтна-фанетычныя варыянты, невытворнымі з'яўляюцца толькі два: *доўгі – даўгі* і *касы – косы:* вытворныя словы пераважаюць у складзе прыметніка як часціны мовы [1, с. 389].

Амаль у палове выпадкаў вар'іруюцца адназоўнікавыя ўтварэнні з суфіксам *-ов- (-ав-).* Думаецца, што справа тут не ў «акцэнталагічнай няўстойлівасці» суфікса *-ов-* [9, с. 10], а ў тым, што такія словы складаюць адзін з найбольш прадуктыўных словаўтваральных тыпаў прыметнікаў [10, с. 109]. Націск у гэтых прыметніках можа быць на суфіксе і корані (*шаўк-ов-ы* і *шоўк-ав-ы*), канчатку і суфіксе (*весн-ав-ы* і *вясн-ов-ы*), корані і канчатку (*мох-ав-ы* і *мах-ав-ы*).

Астатнія прыметнікі ўтвораны ад розных часцін мовы пры дапамозе суфіксаў: *-н-* (*кншач-н-ы* і *кішэч-н-ы*); *-ёв- (-ев-,- яв-)* (*вос-ев-ы* і *ас-яв-ы, топал-ев-ы* і *тапал-ёв-ы*); *-аўск-* (*дзед-аўск-і* і *дзяд-оўск-і*); *-ов- (-ав-)* (*дарм-ав-ы* і *дарм-ов-ы*); *-іст-* (*куп-іст-ы* і *куп'-нст-ы*); *-ізарн-* (*вел-ізбрн-ы і вял-нзарн-ы*); *-ск-* (*завод-ск-і* і *завад-ск-н*); *-к-* (*шапат-к-н* і *шапот-к-і*); *-шн-* (*колі-шн-і* і *калн-шн-і*); *-яч-* (*каров-яч-ы і карав-яч-ы*) і прыстаўкі *-не: ня-ласк-ав-ы* і *не-ласк-бв-ы*, *ня-літасц-ів-ы* і *не-літасц-ів-ы* (акцэнтна-фанетычная варыянтнасць апошніх приставачных утварэнняў абумоўлена акцэнтнай варыянтнасцю іх утваральных баз – прыметнікаў *лбскбвы* і *лнтасцнвы*).

Пададзім прыклады на прыметнік *велізарны – вялізарны*, толькі адзін варыянт якога мае ў слоўніку пацвярджальныя цытаты: 1) *Дапамагчы дапамаглі, але аўтарытэт пісьменніка Быкава быў настолькі* велізарны *сярод насельніцтва рэспублікі, што «падключаць» узмацненне не было патрэбы.* (Звязда); 2) *Датчыкі на дзвярах будуць падаваць сігнал, як толькі дзіця паспрабуюць вынесці з палаты. Бо нованароджаных дзяўчынак у Індыі часта кідаюць альбо падмяняюць на хлопчыкаў, каб у будучым не даваць за імі* вялізарнага *пасагу.* (Наша ніва)

Вар'іраванне прыслоўяў так, як і прыметнікаў, (і па той жа прычыне) амаль не выходзіць за межы вытворных слоў (выключэнне складае невытворнае прыслоўе *вакол – вокал*). Сярод іх ёсць адназоўнікавыя (*апоўначы – апаўночы, верхам – вярхом, папацёмку – папоцемку, раніцай – раніцой, угору – угару, уночы – уначы*), адпрыметнікавыя (*бліжэй – бліжай, вышэй – вышай, дасуха – досуха, здавён – здавен, коратка – каротка, сослепу – саслепу*), адлічэбнікавыя (*надвае – надвое*), аддзеяслоўныя (*навылёт – навылет, непярэліўкі – непераліўкі*), адпрыслоўныя (*насупраць – насупроць, паблізу – поблізу, упоперак – упапярок*) і складаныя прыслоўі (*самохаць – самахоць*). Як бачым, вытворныя прыслоўі не

заўсёды захоўваюць месца націску тых слоў, ад якіх яны ўтварыліся (*поўнач* *апоўначы* і *апаўночы; папацёмку* і *папоцемку* *поцемак; коратка* і *каротка* *кароткі; поперак* → *упоперак* і *ўпапярок*), ці тых словаформ, з якімі яны фармальна суадносяцца: *верхам* (Т. скл.) → *верхам* і *вярхом; раніцай* (Т. скл.) → *раніцай* і *раніцой; угору* і *угару* ← *у гару; у ночы* → *уночы* і *ўначы; надвае* і *надвое* *на двое*; *навылёт* і *навылет* ← *на вылет*.

Узнікненне варыянтаў *вярхом, раніцой* тлумачыцца тэндэнцыяй да пераносу націску на суфіксальны элемент, што назіраецца «ў радзе прыслоўяў, якія даўно ўжываюцца ў мове» [10, с. 269], і ўплывам народных гаворак [1, с. 424].

Уплывам народных гаворак абумоўлена таксама існаванне варыянтаў *бліжай, вышай:* у формах ступеней параўнання якасных прыслоўяў месца націску звычайна супадае з месцам націску адпаведных форм ступеней параўнання якасных прыметнікаў [1, с 426]: *бліжэйшы – бліжэй, вышэйшы – вышэй.*

У прыслоўі *дасуха – досуха* дублетны націск мог развіцца па аналогіі: яно належыць да словаўтваральнага тыпу, куды ўваходзяць як словы з націскам на суфіксе (*дабялб, дагалб, дапазнб*), так і (зрэдку) словы з націскам на корані: *дасыта, дачырвана* [1, с.349]. Параўнаем таксама з рускім эквівалентам: *дусуха.*

Слова *упоперак – упапярок* утворана пры дапамозе прыстаўкі (*у*-) ад прыслоўя (*папярок*). Такія прыслоўі, як адзначаецца ў «Беларускай граматыцы», «часцей за ўсё захоўваюць націск на тым жа складзе, што і ва ўтваральнай аснове» [1, с. 428]. Варыянт *упоперак* узнік дзякуючы функцыянаванню ў мове размоўнага слова *поперак*.

Прыставачным спосабам утворана ад прыслоўя *супраць – супроць* і слова *насупраць – насупроць*. Праілюструем абодва яго варыянты сказамі з твораў аднаго аўтара: 1) *Не, сядайце* насупраць, *каб можна было кожнае імгненне абдымаць вас вачыма;* 2) *Над нізкімі пасадамі,* насупроць *амаль схаванай паводкаю выспы, што ляжала леваруч князя, падымаліся ўжо кранутыя зелянінаю валы дзядзінца, а яшчэ вышэй плылі на небе ў лазуркавую далячынь сем вярхоў Сафіі.* (У. Арлоў)

Такім чынам, найбольш пашыраным відам вар'іравання слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове з'яўляецца акцэнтна-фанетычнае. Існаванне акцэнтна-фанетычных варыянтаў абумоўлена здольнасцю галосных гукаў *о, э, і* якасна па-іншаму гучаць у становішчы пад націскам і не пад націскам. Ваганні ж націску, якія выклікаюць такія гукавыя змяненні, тлумачацца ўплывам на літаратурную мову гаворак і суседніх моў (найперш рускай і польскай), акцэнтнай пераемнасцю вытворных слоў, недакладным засваеннем іншамоўнай лексікі, дзеяннем аналогіі.

Спіс літаратуры

1. Беларуская граматыка: у 2 ч. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985 – 1986. – Ч. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 1985. – 431 с.

2. Виноградов, В.В. О формах слова / В.В. Віноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – Москва: Наука, 1975. – С. 33 – 50.

3. Івашуціч, Я.М Націск у дзеяслоўных формах сучаснай беларускай мовы / Я.М. Івашуціч. – Мінск: Вышэйшая школа, 1981. – 96 с.

4. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. А.Я. Баханькова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 463 с.

5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко; / НАН Беларусі. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 1999. – 784 с.

6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск: БелСЭ, 1977 – 1984. – Т. 1. – 1977. – 608 с.

7. Слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія. Арфаэпія. Акцэнтуацыя. Словазмяненне / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я.Коласа / пад рэд. М.В. Бірылы – Мінск: БелСЭ, 1987. – 903 с.

8. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие / Н.М. Шанский. – 2-е изд., испр. – Москва: Просвещение, 1972. – 327 с.

9. Шкрабо, И.Г. Вариантность слов в современном белорусском литературном языке: автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.02 / И.Г. Шкрабо; Ин-т языкознания им. Я.Коласа АН БССР. – Минск, 1977. – 24 с.

10. Шуба, П.П. Сучасная беларуская мова: Марфаналогія, Марфалогія: вучэб. дапаможнік / П.П. Шуба. – Мінск: Універсітэцкае, 1987. – 334 с.

KRYSTYNA SZCZEЊNIAK

Gdacsk

OBECNOЊЖ ZWIERZЃT W WYBRANYCH *ZAMOWACH* BIAJORUSKICH I ROSYJSKICH

W wielokrotnie juї przegl№danych zbiorach *zamyw* obok ryїnorodnych desygnatyw tam uїywanych w trakcie odmawiania tekstu rytualnego wystкpuj№ zwierzкta. Badaj№c w tychїe tekstach sprawк obecnoњci roњlin, stwierdziiam, їe wystкpuj№ one tam jako coњ, o czym siк wspomina w tekњcie, coњ, czego siк uїywa przy wygiaszaniu tekstu oraz jednoczeњnie w obu rolach. Zebrane zbiory zamyw (aczkolwiek nie wszystkie) wykazaiy ponadto, їe zwierzкta wystкpuj№ tam jeszcze w innej roli - podmiotu – czyli to w ich intencji wypowiadane s№ siowa modlitewki. Temu wiaњnie aspektowi chcк poњwiкciж uwagк w niniejszym referacie. Sprybujк odpowiedzieж na pytanie, jakie zwierzкta s№ podmiotem zamyw, kiedy i z jakiego powodu takie siowa magiczne w ich intencji siк wypowiada.

Do badac wykorzystaiam kilka zbioryw, z ktyrych korzystaiam wczeњniej oraz dwa zbiory, jakie siк ukazaiy niedawno na pyikach ksiкgarskich Biaiorusi (s№ one na koccu wyliczanych џrydei). S№ to teksty[1] : Н. Владимирова, *107 рецептов и заговоров народной медицины*, Москва 2005 (skryt **Vla)**; *Заговоры и обереги в народной лечебной практике*. Автор-составитель Н.А. Фомина, Минск 2004 (skryt Fomina); *Замовы. Уклад., сістэм тэкстаў, уступ. арт. і камент*. Г. Барташэвіч, Мінск 2000 (skryt Z); *Лечение словом. Молитвы и заговоры,* Минск 2004 (skryt **LS)**; *Молитвенный народный лечебник*, Минск 2000 (skryt MNL); *Практика лечения заговорами,* Минск 2004 (skryt **PLZ**); *Практика лечения молитвами и заговорами,* Минск 2003 (skryt **PL**); Н.И. Степанова, *Гадания сибирской целительницы*, Москва 2006 (skryt **Ste**); Н.И. Степанова, *800 новых заговоров сибирской целительницы*, Москва 2005 (skryt St); *Народная медыцына. Рытуальна – магічная практыка*, Мінск 2007 (укладанне, прадмова і паказальнікі Т. В. Валодзінай) (skryt **Val)**; М. Гагарина, *Заговоры цыганской целительницы. Чтобы людьми управлять и все, что хочешь, получать,* Москва 2006 (skryt: G).

W kilku zbiorach spoњryd wyїej wymienionych nie znalaziam їadnej *zamowy* poњwiкconej zwierzкciu (s№ to: Vla, Val, PLZ, PL). Jedno ze џrydei (Ste) zaleca przed rozpoczкciem tychїe

---

[1] W nawiasie podajк skryt, pod jakim bкd№ wystкpowaж w niniejszym referacie przykiady z owych prac. Najiatwiej byio znaleџж interesuj№ce mnie desygnaty w pracy *Народная медыцына. Рытуальна – магічная практыка*, Мінск 2007 (укладанне, прадмова і паказальнікі Т. В. Валодзінай), gdzie na stronach: 760-761 podano ze wskazaniem stron miejsca, na ktyrych wystкpuj№ wspomniane zwierzкta. Pozostaio jednakїe sprawdziж, czy wszystkie interesuj№ce mnie wypadki zostaiy ujкte we wspomnianym wykazie, jako їe w wykazie roњlin s№ pewne luki. Zabrakio tam miкdzy innymi kilku roњlin. Nie wyodrкbniono teї gwarowych nazw oddzielnie, zapisuj№c wskazanie tylko przy nazwie literackiej. Mam tu pein№ њwiadomoњж tego, їe dwa zbiory naleї№ do stricte naukowych (Z; Val), a pozostaie zawieraj№ teksty wydawane wspyiczeњnie dla potrzeb korzystaj№cych, czyli dla wiaњciwych uїytkownikyw owej magii siowa. Interesuj№ce bкdzie tu dodatkowo porywnanie, na ile dawne teksty odzwierciedlaj№ wagк danego zwierzкcia w їyciu cziowieka, a jak do tego podchodz№ nowsze teksty, czasem powoiuj№ce siк na star№ tradycje, czasem siк do niej odnosz№ce poprzez formy jкzykowe.

praktyk wobec ludzi «wprawianie siк w *zamowach* na zwierzкtach». Lekcja pierwsza *gadania* to первые опыты в учении на животных». Owe *lekcje lekarowania* polecaj№ na pocz№tku zdobycie informacji, gdzie w okolicy znajduje siк chory pies lub bydio domowe. Naleїy dowiedzieж siк o jego imiк (jeњli takowe nosi) i kolor umaszczenia. Nastкpnie zaleca siк podejњcie do domu, gdzie takie zwierzк choruje i przeczytanie *zamowy* odpowiedniej dla sytuacji, choroby i zwierzкcia. Dopiero poduczywszy siк na zwierzкtach moїna, zdaniem autorki owego opracowania, przyst№piж do leczenia ludzi. Wspomniane џrydio podaje kilka takich dolegliwoњci zwierzкcych, na ktyrych pocz№tkuj№cy znachor ma siк uczyж. S№ to: чума рогатого скота (s. 96); заговор от чумы, от лошадиного кашля (s. 97); от паршни у лошади (s. 98); наговор на лошадей, чтобы у них не было ни болей, ни хворей (s. 98). Potem nastкpuj№ odpowiednie zamowy na krowy (потеря жвачки, s. 99; тяжелые роды у коров, s. 99), a na koсcu њwinie (потеря аппетита, s.99; наговор от червей, s. 99; чтоб свинья много ела; чтоб новорожденные поросята не подыхали; от порчи скота – s. 100). Obok *zamyw* tak zwanej *biaiej magii*, dotycz№cych leczenia zwierz№t, autorka ksi№їki, ktyrej podtytui brzmi: «ja wam pomogк...»; w dalszej kolejnoњci podaje sposoby nakiadania *porczy* na zwierzкta, doњж pokrкtnie tiumacz№c, dlaczego to czyni: «Но вы должны знать, как напускают на скот болезни и порчи. [...] Для чего этому учить, скажете вы? Для того, чтобы знать все. Иначе и другое не будет у вас получаться. В учении все взаимносвязано. Врача учат и резать и зашивать»[2]. To prawda, їe przysziego lekarza ucz№ i *krojenia* i *zaszywania* – ale przecieї istota sprawy tkwi w tym, їe on *kroi* po to, by leczyж, a nie po to, by њwiadomie szkodziж.

W dalszej czкњci wspomnianej wyїej ksi№їki (strony 101-103) autorka podaje kaїdorazowo sposyb na *zadanie i* sposoby *zdjкcia porczy* na bydio domowe. Wspomniany zbiyr jest jedynym, do ktyrego dotariam, a w ktyrym podawane s№ sposoby *zadawania ziego.* W dodatku *zamawianie* zwierz№t domowych (po uprzednim wywiadzie terenowym) ma byж w zamiarach tejїe autorki wprawk№ do podobnych zabiegyw wobec ludzi. Waїny podkreњlenia jest teї fakt, iї na pierwszym miejscu jest tu koс, potem bydio domowe, a na koсcu њwinie, zaњ *zadawanie porczy* jest zwi№zane tylko z bydiem domowym (szczegylnie chodzi tu o krowy i pozbawianie ich, w wyniku *zamowy*, mleka)[3]. Autorka wskazuje teї sposoby zadawania, a takїe ich poszukiwania – zwraca uwagк na to, iї zadanie moїe nast№piж przez zwi№zanie na pastwisku dwych bliskorosn№cych krzaczkyw wierzchoikami – szmatk№. Czyje bydio potr№ci te krzaczki – zachoruje, pomyc wywczas moїe tylko wbicie gwoџdzia we wrota tego ogrodzenia. *Porczк* moїna zadaж teї przez wyciкcie noїem szczapki z ogrodzenia, a potem zabranie jej do swego domu – krowa traci wywczas mleko i chudnie. Jeњli podejrzewamy o takie wiaњnie *zadanie* naleїy wzi№ж nawyz od chorej krowy i odrzuciwszy go na stronк, wypowiedzieж odpowiednie siowa zamowy[4]. Inne sposoby zadawania, pozbawiania krowy mleka, to: na rzepк (rzodkiew, jabiko, rzadziej – ziemniak), na kiкbek z sierњci zwierzкcia, przewi№zany czarn№ nitk№.

W drugiej ksi№їce tej samej autorki[5], znajduje siк caiy rozdziai poњwiкcony zapobieganiu *porczy*, *odїegnywaniu zamyw* i urokyw rzuconych na zwierzкta, ktyry autorka zatytuiowaia забота о животных (St 295 – 315). Znajduj№ siк tam 2 teksty wypowiadane При рождении теленка[6], jeden При покупке коровы[7]. Swoiњcie z tym ostatnim wi№ї№ siк trzy inne teksty,

---

[2] Степанова, Н.И. Гадания сибирской целительницы / Н.И.Степанова. – Москва, 2006. – S. 100 – 101.

[3] W wielu џrydiach siowiacskich (nie tylko wschodnich) wspomina siк o tak zwanych wiedџmach mlecznych. Szerzej zob. K. Szczeњniak, Њwiat roњlin њwiatem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Siowiacszczyzny, Gdacsk 2008.

[4] «Тому, кто попортил – говна, а моей корове – молока» (Ste 101).

[5] Степанова, Н.И. 800 новых заговоров сибирской целительницы / Н.И.Степанова. – Москва, 2005 (skryt St)

[6] Pierwszy z nich ma byж wypowiadany trzy razy pod rz№d bez їadnych њwiadkyw («Дедушка, соседушка, хозяин наш домовой, Прими теленка, как своего ребенка, Пой, корми, от худого глаза стереги»; St 295), drugi zaњ, odwoiuj№cy siк do tego samego domowika, domowego, prosi go rywnieї o opiekк na nowonarodzonym ciel№tkiem («Хозяюшка мой домовой, Прими теленочка к нам домой, При достатке корми его сладко, Сам его не обижай и чужим На потеху не давай»; St 295). Pojawia siк tu przekonanie, їe najlepiej to miode stworzenie upilnuje duch domowy, o ktyrego dbano, ktyrego zabierano ze sob№ w czasie przeprowadzki i wierzono, їe moїe on wiкcej, niї cziowiek.

[7] Zanim wymywi siк wryїebne siowa, naleїy zakupion№ krowк zaprowadziж do chlewa, machn№ж nad ni№ mioteik№ brzozow№ («Будь твое тело мясное гладко, Молоко бело и сладко, Сметана жирна и вкусна. А ты, батюшка –

zapisane pod jednym tytuіem: Чтобы скотина не тосковала по бывшим хозяевам[8] . Pierwszy z nich jest diuïszy, dwa pozostaie – krytsze[9] . Wszystkie trzy s№ typowymi tekstami zaïegnuj№cymi pewne kiopoty z nowozakupionymi zwierzкtami. Przywoiywany tu zbiyr *zamyw* Stiepanowej zawiera takïe teksty o tym, by na pastwisku nic ziego siк z bydlкtami nie staio (St315), ïeby bydio nie uciekaio(2 teksty na stronie 296, jeden na stronie 306, jeden na stronie 314-315: ïeby bydio dobrze do domu wracaio), ïeby ziodzieje omijali bydio (s.296, 302), ïeby krowa w trakcie dojenia nie pokiadaia siк (s. 299) i skuteczne w sytuacji Если корова быка не подпускает[10] (St 298, 314). Bydio byio waïne dla ludzi korzystaj№cych z zamyw, wystarczy przypomnieж, jak karano we wsi kobiety podejrzane o odbieranie mleka krowom, ïe przypomnк tu tylko Pietrusiк «Dziurdziyw» Elizy Orzeszkowej, zatem nie dziwi№ rywnieï *zamowy* stosowane w wypadku, jeњli krowa mleko straciia (St 311), a takïe, by tegoï mleka nie straciia (St 311), *siowa* od zapalenia gruczoiyw sutkowych u krowy (St 304) czy teï od «cikïkiego doju» (St 310) i tego, by krowa spokojnie staia przy dojeniu (St 312-313), bez powodu nie ryczaia (St 312) i dawaia duïo mleka (St 311). Wspomniana autorka podaje ponadto zamowy na pierwsze ocielenie krowy (St 314), dobre ocielenie krowy (St 299), czy teï modlitewki wypowiadane w wypadku trudnego cielenia siк krowy (St 311) oraz *siowa* po ocieleniu (St 314) i teksty wypowiadane w wypadku rodzenia siк martwych ciel№t (St 311). S№ odrкbne *zamowy* od tego, by bydio «nie padaio (St 303, 307-308), nyg nie iamaio (St 305). Inne teksty dotycz№ *zamawiania* chudoњci bydlкcia (309), krowiej grzybicy (St 311), lub zawieraj№ rady, typu: «Как заговорить коровий *бзык* (St 308-309), zwany w innym miejscu понос (St 308). S№ tam teï ogylne обереги на скотину (w badanym џrydle s№ dwa takie teksty[11] , odmawiaj№ce ziym siiom dostкpu do bydia domowego

---

домовой, Заведи ее в хлев домой. День и ночь охраняй, Сглазить мою коровушку не давай. Ключ, замок, язык. Аминь»; St 295). Tekst ten jest takïe przemow№ do *domowika, domowego,* aby dbai o krowк, nie pozwolii jej zauroczyж, ale pewn№ nowoњci№ w stosunku do powyïszych zamyw jest jego klasyczne *zamkniкcie* i *zaaminowanie*.

[8] Co ciekawe, terminem *скотина* obejmuje siк tu zarywno krowy, jak i konie oraz другую скотину. Zamowк zaleca siк wypowiadaж w sytuacji, kiedy kupione zwierzк nie chce jeњж ani piж, co moïe doprowadziж do jejo padniкcia. W trakcie wypowiadania siyw wryïebnych naleïy maczaж w wodzie *namywionej* pкk gai№zek (веник) i skrapiaж ow№ wod№ bydlкta. Zabieg ten spowoduje, ïe «тоска перестанет сушить животину, и она скоро поправиться» (St 297). Pierwsza zamowa (bкd№ca z jednej strony przemow№ do bydlкcia i tiumaczeniem, ïe dawne gospodarstwo nie istnieje, a w nowym – i siano jest bardziej miкkkie i poïywienie ciepie, z drugiej - proњb№ o uszanowanie nowej gospodyni i powracanie z pastwiska na noc do domu) posiada juï bardziej klasyczn№ budowк, zarywno jeњli chodzi o jej pocz№tek, jak koccowe zamkniкcie i zaaminowanie: «Стану, благославясь, пойду, прекрестясь, В моем двору поле, широкое раздолье. Хлеб теплый, сено шелковое, Ешь, наслаждайся, пей, напивайся. У старого хозяина двор сгорел, Вода высохла, сено вымокло. О старом дворе, О прежнем житье не сомневайся, А мне, своей хозяйке, повелевайся. В любую теплую ночь домой из лесу возвращайся. В лесу и на выпасах не оставайся. Стой горой, дой рекой. Ныне и присно и во веки веков. Аминь»; St 297-298).

[9] Drugi z nich naleïy wypowiadaж w tym miejscu, gdzie bydio nowokupione stoi: «Вот тебе вода, вот тебе трава, У бывшей хозяйки трава переросла, вода утекла, А у меня шелковая трава, медовая вода. Пей, жуй, о бывшем дворе не тоскуй. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Ныне и присно и во веки веков. Аминь»; St 298). Krytki, perswazyjny tekst, zakocczony tradycyjnie, zgodnie z klasyczn№ budow№, ale funkcjк zamkniкcia peini tu przeïegnanie, po ktyrym nastкpuje zaaminowanie. Ostatni z tego cyklu tekst naleïy wypowiadaж zaraz po przyprowadzeniu nowego bydlкcia do domu, po daniu mu chleba z sol№ i wody do popicia («Тоску запей, печаль зажуй. Будь во веки при мне, при Божьей рабе (имя). Слово мое лепко, дело мое, как репей, цепко. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь»; St 298). Bez charakterystycznego wstкpu, tekst ten zawiera tylko proњbк, a nastкpnie *umocowanie*, odwoiuj№ce siк do mocy rzepu i koccowe *zaïegnanie* sprawy wraz z *zaaminowaniem.*

[10] Tu zaleca siк podniesienie lew№ rкk№ spodni mкïa do krowiego pyska i wypowiedzenie siyw: Как мой муж (имя) на мне, Так и бык на тебе. Аминь» (St 298). W tej *zamowie* stosowana jest zasada zastкpowania tego samego (funkcjonuj№cego w innym wymiarze) przez to samo, a z klasycznej budowy pozostaio oprycz *wezwania* – zaaminowanie.

[11] Pierwszy z nich zaleca przyniesienie z rzeki wody, *namywienie* jej i opryskanie miejsca, gdzie ïyje bydio ze siowami: «Пока эта вода сама назад в реку не уйдет, До той поры вражье слово мой скот не изведет. Ключ, замок, язык. Аминь». Tekst ten posiada klasyczny wstкp dla tej odmiany zamyw «dopyki..., dopyty...Wymienione w nim siowo, to oczywiњcie *porcza,* zie siowa. Klasyczne *zamkniкcie* i *zaaaminowanie*. drugi tekst naleïy wypowiadaж 9 razy, obchodz№c gospodarstwo z pustym wiadrem «Помяни, Господи, Кротость царя Давида и мать Елену, Так чтобы враги против меня Дел поганых не замышляли, Ртов своих не отворяли, Двора моего не урочили. Ключ, замок, язык. Аминь»(St 299).

oraz jedna modlitewka dotycz№ca ochrony bydia, St 315). zamawiane s№ teї brodawki na wymionach u zwierz№t (St 306) czy teї wrzody u koni (St 307). W tym ostatnim przypadku zalecane jest sporz№dzenie specjalnej maњci z 200 gram tiuszczu baraniego, 100 gram dziegcia brzozowego, 50 gram siarki sosnowej i 50 gram wosku (mygi byж ze њwieczki), ktyr№ po roztopieniu, ostudzeniu do ciepioty ciaia, naleїaio naioїyж na szmatkк, ktyra owi№zywano rany, a nastкpnie dopiero naleїaio wypowiedzieж odpowiednie *siowa.*

We wspomnianym wyїej џrydle wystкpuje jeszcze *zamowa* От моли и насекомых в доме, ktyra zaleca obchodzenie domu z zapalonym kadzidiem w czasie ubywaj№cego ksiкїyca. Sam tekst jest wezwaniem do zabrania z domu pchei, їukyw, њwierszczy, karaluchyw, moli i wszelakich dwuskrzydiych stworzec i kocczy siк klasycznym zaaminowaniem. Kilka *zamyw* poњwiкcono psom: byio to leczenie epilepsji, nieustannego skowytu (tu nakazano postкpowaж tak, jak w wypadku dziecka czymњ przestraszonego, staie piacz№cego) dreszczy (u psyw i kotyw) i bezpodstawnego rzucania siк psa na ludzi (St 301 -302)

W innym ze џrydei (LS 82), specjalna modlitewka, zatytuiowana Молитва святому священномученику Власию, епископу Севастийскому, ktyrej wypowiadanie zaleca siк 24 lutego (њw. Wiasija, mкczennika), 31 sierpnia (њw. Flory i Jawra) i 31 grudnia (њw. Modesta Jerozolimskiego), a dotycz№ca *lekarowania zwierz№t domowych* znajduje siк po modlitewce «od febry i gor№czki, a przed tekstem od nagiej i niespodziewanej њmierci. W samym tekњcie nie ma ani razu wspomnienia o zwierzкtach, jest to biagalna modlitwa o opiekк nad modl№cymi siк, wybaczenie im grzechyw i zapewnienie їycia w spokoju i pokoju duszy. Tekst ten znajduje siк w dziale *leczenie siowem,* w znaczeniu *'modlitw№ w sprawie...'.* W czкњci *leczenie choryb i dolegliwoњci zagovorami*, znajduje siк kolejny tekst: Снятие порчи с животных (LS 115), ktyry nie wymienia konkretnego zwierzкcia (w *didaskaliach* wspomina siк tylko trzykrotne obchodzenie порченного животного z miseczk№, w ktyrej znajduje siк solona woda, i kropienie ni№ zwierzкcia w czasie wypowiadania siyw *odmowy*[12]. On rywnieї nie zawiera nazwy zwierzкcia, ani bezpoњrednio nie odnosi siк do niego, mygiby byж prawdopodobnie zatem wypowiadany przy jakiejkolwiek *porczy, zadanej* nawet cziowiekowi.

Tylko jeden tekst w tym dziale wspomnianego џrydia dotyczy њwic – jest to *zamowa* na to, *by њwinia dobrze przybieraia na wadze* (St 304).

W duїym zbiorze *Замовы. Уклад., сістэм тэкстаў, уступ. арт. і камент.* Г. Барташэвіч, Мінск 2000[13] (skryt Z), gdzie wystкpuje ukiad nieco odmienny: замовы, звязаныя з гаспадарчай дзейнасцю чалавека; замовы супраць хвароб; замовы, звязаныя з - сямейным і грамадскім бытам, analizowane teksty pojawiaj№ siк w dwu pierwszych dziaiach. I co ciekawe, jak wskazuj№ same tytuiy – mowa jest tu rywnieї o polowaniu, ryboiywstwie itp., czyli pojawia siк inny aspekt obecnoњci samych zwierz№t. Idzie tu nie tylko o zapobieїenie chorobom zwierz№t, ale rywnieї o to, by dzikie zwierzкta (teї ryby, ptactwo), iatwiej dawaio siк iapaж czy iowiж. I nie chodzi tu tylko o poiowy na wiкksz№ skalк niewodem czy innym typem sieci, ale rywnieї o лоўлю рыбы вудочкай (Z 10)[14].

Podobnie, jak we wszystkich wczeњniej omywionych zbiorach *zamyw*, w tekњcie biaioruskim najwiкksza ich liczba jest poњwiкcona krowom, rzadziej – tylko koniom[15] (niekiedy

---

[12] «Режу и солю, и не даю. Не дам портить ни своему, ни чужому, ни глупому. Ни по глупости, ни по жадности, ни из зависти, ни из корысти, ни по злости. Моя нога вперед встанет, рука опрокинет, и порча сгинет» (LS 115).

[13] Szerzej o tej pracy pisaiam w ksi№їce *Њwiat roњlin њwiatem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Siowiacszczyzny*, wydanej w Gdacsku w roku 2008 oraz w artykuiach: *Њwiat roњlinny zapisany we wschodniosiowiacskich zamowach leczniczych*, [w:] *Шлях да ўзаемнасці. Матэрыялы XIV міжнароднай навуковай канферэн*цыі. Рэд. С. Мусіенка, І. Крэнь. Гродна 2007, s. 136-149. ГДУ імя Я. Купалы; Od przestrachu – zamowa, [w:] *Kontakty jкzykowe i kulturowe w Europie. Sprach- und Kulturkontakte in Europa*. Red. A. K№tny. Gdacsk 2008, s. 67-84. Wydawnictwo Uniwersytetu Gdacskiego.

[14] Numer podawany w tym wypadku przy skrycie nazwy џrydia oznacza liczbк, umieszczon№ przy *zamowie* w tekњcie.

[15] Konie w *zamowach* nie maj№ imion, a to, ze chodzi o konkretne zwierze jest zaznaczane w tekњcie poprzez podanie maњci i czкsto okreњlenia myj, ten oto: маіх каней (Z 156), сяму каню (Z 205), этага каня (Z 207, 245), із варанога каня шарсьці (Z 202), этага каня варанога (Z 253), вараны конік (Z 267), конь мой вараной (Z 289),

te zwierzкta wymieniane s№ w tym samym tekњcie obok krowy, њwic, owiec, jeњli jest to *zamowa* od ziych zwierz№t, wilkyw itp., Z 147), choж pojawiaj№ siк tu i owce i њwinie (*zamowa* od wњcieklizny kryw, koni, owiec, њwic, psyw i kotyw; Z 432; inne teksty: Z 290, 291 – od choroby њwic). Specyfik№ wspomnianego zbioru jest to, їe czкsto dopiero w samym tekњcie pojawia siк gatunek zwierzкcia, a sama *zamowa* nosi na przykiad tytui: Ад хваробы жывёлы (Z 192 – krowa); Худобу заціняюць (Z 155 – кароўка чорная[16]); Ад ваўкоў (Z 147 – конь мой[17] , – карова, авечка, свіння); Пры выгане скаціны (Z 129 – рагавой скот, авечка, свіння).

Podsumowuj№c te krytkie rozwaїania, naleїy podkreњliж, їe szczegylnie czкsto i dokiadniej (z rozryїnieniem choryb i dolegliwoњci, a takїe specyficznych sytuacji, wymagaj№cych zamywienia, jak np. tкsknota za byiym wiaњcicielem) w *zamowach* (w funkcji podmiotu, tego, o zdrowie ktyrego wypowiadana jest *zamowa*) obecne s№ zwierzкta domowe: krowa[18] i koc[19] , oraz w dalszej kolejnoњci owce, њwinie i wyj№tkowo[20] inne stworzenia: psy, rzadziej koty. Bogata obecnoњж tekstyw zwi№zanych z bydiem domowym wpisuje siк w tradycjк ludow№ pogranicza wschodniej i zachodniej Siowiacszczyzny *wiedųm mlecznych* i zadawania *porczy* na utratк mleka, chudniкcie krowy. Co ciekawe, tylko w wypadku konia i krowy mamy *zamowy* mywi№ce o ulїeniu w cierpieniach, choж tam s№ teksty wskazuj№ce rywnieї na samego

---

варанога каня (Z 48), рыжы, гнеды, вараны, мышасты, серы, сівы (Z 218), майму божаму конічку сівенькаму (Z 195), гнядога каня (Z 248), этага каня сівага (Z 236), гнедая шарсьціна, мой конь (Z 223), гэтыя лошадзі, рыжыя (Z 238), рыжая, буланая (рознага колеру) (Z 240) Niekiedy wystкpuje tylko okreњlenie koc (Z 224, 279, 280), konik (Z 225).

[16] W tekstach zamyw wystкpuj№cych w tym zbiorze bardzo czкsto podkreњlana jest informacja zamawiaj№cego, їe chodzi o jego bydio (moja krowa, moja chudoba, Z 96 - 101, 109, 111, 113, 162, 164, 184, 251, мая каровачка, Z 118; ta krowa, Z 97, 174; мая кароўка, Z 122; мая цялухначка (масць), Z 121; етая скаціна і жываціна, Z 203; наша скацінка, Z 128; мая скацінка, Z 103,108; а етая скаціна, Z 204; гэтая скаціна, Z 263), o konkretn№ krowк. W tym ostatnim przypadku, co jest ciekawe, wyj№tkowo rzadko wystкpuje imiк krowy (Рабка, Z 273; Жанка, Z 277; мая Мурка, Z 125 – 126; lub wezwanie: назваць карову, Z 271). O wiele czкњciej podawany jest kolor jej sierњci, umaszczenia, czasem w postaci pustego miejsca i wezwania, by tu wstawiж масць (Z 148, 158, 198), масць каровы (Z 172), a w wiкkszoњci wypadkyw - juї њciњle okreњlony: бурая скаціна (Z 160), белая шарсьціна (Z 221), белая шарсціна (Z 252), гнедая шарсціна (Z 254), красна кароўка (Z 196), красна карова, Z 105; красная шарсціна (Z 162, 212), красная кароўка (Z 274), чорная шарсьціна (Z 149, 164, 166, 168, 239, 283), карова мая чорная (Z 106), кароўка чорная (Z 155), чорна карова (Z 130), чорная карова (Z 186), рыжая скаціна (Z 276), рыжая кароўка (Z 196), рыжая скацінка (Z 167, 250), рыжая шарсціна (Z 170, 199, 213), рыжая шарьсціна (Z 107, 226, 230), рыжа шэрсть (Z 247), раба карова (Z 235), раба кароўка (Z 272), рабая кароўка (Z 94, 173, 194), чырвоная (Z 257). W badanym zbiorze wystкpuj№ teї w zamowach ciekawe okreњlenia pstrej, niejednolitej maњci krowy: скаціна двушэрстная (Z 129, 244), карова чорно-рабая (Z 287), wyj№tkowo wystкpuj№ w tekњcie *zamowy* dwie maњci obok siebie: рыжая, чорная скацінка (Z 169); скаціны бурыя, рабыя, красныя не мажэць ўзяці 9Z 131). S№ i takie teksty, w ktyrych wymieniona jest wprawdzie maњж krowy, ale moїna j№ zamieniж na kaїd№ inn№ barwк umaszczenia: кароўка чорьненькая ці якая (Z 188), раба (чорна і г. д.) (Z 272), сваю скацінку, рыжую (або іншая масць) шарьсцінку (Z 272); скаціна-жывяціна, такую та шарсьціны (Z 222), с естай скаціны, жывяціны, с такой та шарсьціны (Z 222). Niekiedy okreњlenie bywa jeszcze bardziej rozbudowane: мая рыжа, лыса кароўка (Z 201). Ciekawa jest teї pod tym wzglкdem zamowa 263, ktyra zaczyna siк siowami «Выгаварваю (tak w zapisie, K.Sz) з гэтай скаціны, чорна-рабой (можа быць рыжай, палавой, бурай і інш.)...», w ktyrej pojawia siк jako druga, jeszcze inna maњж krowy, do tej pory niewymieniana w badanych tekstach.

[17] Podobne postкpowanie mamy w przypadku konia, np. w zamowie 85, zatytuiowanej Ад уроку каню, gdzie wystкpuje okreњlenie памажы і майму божаму конічку сівенькаму (Z 85), czy innej zamowy: варанога каня шарсьці (Z 202), сям кань (Z 205), етат кань (Z 207).

[18] Rosyjskim leksemem *skot*, jak wygl№da ze wspomnianych tekstyw obejmowane byiy rywnieї konie.

[19] Stosunkowo nieliczn№ liczbк tekstyw poњwiкconych koniom niektyrzy badacze tiumacz№ tym, їe byiy to zwierzкta њwiadcz№ce o bogactwie wiaњciciela, a zatem stosunkowo rzadko wystкpuj№ce we wsi. Warto jednak zauwaїyж, їe niektyre teksty s№ na tyle ogylne, їe mog№ odnosiж siк do ryїnych zwierz№t, zwiaszcza, їe uїywane tam okreњlenia: жывёла, худоба, a nawet скаціна nie s№ jednoznaczne. Niektyre *zamowy* z kolei maj№ byж ochron№ zwierz№t i ludzi przed uk№szeniem їmij, wкїy, gadyw (Z 293-352, 354-358, 360-429) lub wњcieklizn№ i wtedy nie s№ wymieniane konkretne gatunki zwierz№t – s№ to tak zwane обереги.

[20] W zbiorze (Z) prawie w ogyle nie ma innych zwierz№t poza krow№, koniem, owc№ i њwini№ (jako podmiotem zamawiania), rzadko kotem czy psem (przy zamawianiu wњcieklizny; Z 432) i ryb№, czy ryїnym robactwem (jako coњ, co albo powinno daж siк ziowiж, albo, w drugim wypadku – naleїy siк pozbyж.

cziowieka: jeњli krowa bкdzie spokojnie staia – szybciej siк j№ wydoi, jeњli da wiкcej mleka – w domu bкdzie wiкcej jedzenia, jeњli siк zacieli i dobrze ocieli, bкdzie miкso, b№dџ nowa јaiywka. W wypadku tekstуw, odnosz№cych siк do њwini - jest tylko dbaіoњж o to, by zwierzк dobrze przybieraio na wadze, a inne *zamowy* maj№ je chroniж od wilkуw. Zwierzкta domowe okreњlane s№ ponadto rуїnymi okreњleniami zbiorowymi, jak na przykiad жывёла (Z 207), жывяціна (Z 203), худоба (Z 137), скаціна, рагавой скот (to ostatnie okreњlenie wystкpuje jednostkowo w Z 129).

Ciekaw№ spraw№ jest podkreњlanie w *zamowach*, їe chodzi o konkretne zwierzк (tu odpowiednie zaimki okreњlaj№ce), konkretnej maњci (interesuj№ce leksemy okreњlaj№ce umaszczenie zwierz№t), wyj№tkowo rzadko – o grupк zwierz№t (rzadko w domostwie byio kilka krуw czy koni), natomiast w stosunku do owiec, czy њwiс wystкpuj№ tylko okreњlenia: moje, te oto. Podobnie teї, jak w wypadku zamуw, obejmuj№cych ludzi, wymieniane s№ imiona (czasem wiaњcicielki zwierzкcia, czasem – samego zwierzкcia). W duїym zbiorze zamуw wystкpuj№ wprawdzie tylko dwa imiona krуw (pisane s№ wielk№ liter№: Raba, Їanka), myњlк jednak, їe tak krowy, jak konie nazywano od barwy ich umaszczenia. Za t№ tez№ przemawia wyj№tkowo ciekawy zbiуr leksemуw okreњlaj№cych umaszczenia krуw i koni. Byж moїe, їe w *zamowie* funkcjк imienia wiasnego peini№ teї zaimki okreњlaj№ce i dzierїawcze oraz dodawana do nich barwa umaszczenia[21] .

Jeњli chodzi o same *zamowy*, to ich budowa czкsto rуїni siк od klasycznej – rzadko s№ to teksty peine, zwykle pomijany jest pocz№tek, a zostaje samo wezwanie i *zaaminowanie*, czasem (rzadko) poprzedzone umocowaniem, zamkniкciem. Niekiedy badanym tekstom magicznym towarzysz№ dodatkowe zabiegi, jak na przykiad obchodzenie zwierzкcia po kilkakroж z pustym wiadrem, czy pokazywanie zwierzкciu desygnatуw wspominanych w tekњcie (spodnie mкїa). W kilku wypadkach pojawiaj№ siк zamiast klasycznych tekstуw, swoiste *modlitewki*[22] do poszczegуlnych њwiкtych, wypowiadane w dzieс ich њwiкta.

We wszystkich zbadanych *zamowach* pojawia siк ta sama wiara (podobnie, jak w tekstach zwi№zanych z ludџmi) w moc siowa, tak *zadawanego,* jak i strzeg№cego, czy umniejszaj№cego cierpienia zwierzкcia. Zabiegom towarzysz№ niekiedy czynnoњci lecznicze, jak przykiadanie do wrzodуw szmatki nasmarowanej specjalnie zrobion№ maњci№ z dziegcia brzozowego, siarki sosnowej i wosku.

Bibliografia wraz z rozwi№zaniem skrуtуw:

Prace pisane cyrylic№, b№dџ graїdank№:

Н. Владимирова, *107 рецептов и заговоров народной медицины*, Москва 2005 (skrуt Vla)

Заговоры и обереги в народной лечебной практике. Автор-составитель Н.А. Фомина, Минск 2004 (skrуt Fomina)

Замовы. Уклад., сістэм тэкстаў, уступ. арт. і камент. Т. Барташэвіч, Мінск 2000 (skrуt Z)

Лечение словом. Молитвы и заговоры, Минск 2004 (skrуt LS)

Молитвенный народный лечебник, Минск 2000 (skrуt MNL)

Народная медыцына. Рытуальна – магічная практыка, Мінск 2007 (укладанне, прадмова і паказальнікі Т. В. Валодзінай)

Практика лечения заговорами, Минск 2004 (skrуt PLZ)

Практика лечения молитвами и заговорами, Минск 2003 (skrуt PL)

Н.И. Степанова, *Гадания сибирской целительницы*, Москва 2006 (skrуt Ste)

Н.И. Степанова, *800 новых заговоров сибирской целительницы*, Москва 2005 (skrуt St)

Prace pisane іacink№:

K. Szczeњniak, *Њwiat roњlin њwiatem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Siowiaсszczyzny*, Gdaсsk 2008

[21] Byж moїe tak byio tylko w њrodowisku chiopskim, lub mogio to dotyczyж zwierz№t hodowlanych, bo W. A. Serczyk w swojej ksi№їce o Katarzynie II wspomina, iї w momencie, gdy nazwaia swego pieska Iwan Iwanowicz, to wszystkie damy tak samo zaczкiy nazywaж swoje pieski.

[22] Ten termin byi powszechnie znany na Nadniemeniu, zob. I. Grek-Pabisowa, K. Handke, M. Ostrуwka, A. Zieliсska, *Bohatyrowicze sto lat pуџniej* – Warszawa, 1998.

ИРЕНА ЛУКАШУК

Белосток

КОННОТАТИВНАЯ СЕМАНТИКА «ТЕМПЕРАТУРНЫХ» ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (БЛОК 'ТЕПЛЫЙ')

Термические состояния воздушной среды и человеческого тела могут быть определены разными способами, например, с помощью термометра (в градусах), а также языковыми средствами, например, качественными прилагательными, способными передавать градацию того или иного признака в рамках семантического пространства '*холодный*' – '*теплый*' [2, с.426].

Представление о температуре характеризуется субъективностью (одно и то же термическое состояние разными людьми оценивается по-разному), а также непостоянством понятия нормы (для каждого предмета существует своя норма).

Лексико-семантическая группа «температурных» прилагательных образует два антонимических блока: один объединяет прилагательные с идеей высокой температуры (сема 'больше нормы'), а второй – с идеей низкой температуры (сема 'меньше нормы').

Прилагательные с основным значением '*имеющий температуру выше/ниже нормы*' составляют ядро данной ЛСГ. Прототипическая норма является экстралингвистической категорией и зависит от конкретной ситуации, хотя существует некое усредненное представление нормы для каждой ситуации [1, с.261]. Выше нормы располагаются прилагательные *жаркий, знойный, жгучий, обжигающий, палящий, испепеляющий, горячий, горяченький, теплый, претеплый, тепленький, тепловатый, термальный*. Ниже нормы располагаются прилагательные: *прохладный, холодный, студеный, морозный, ледяной*.

Представленные ряды слов реализуют контрастную противоположность и обнаруживают градуальные оппозиции, которые дают представление о постепенном изменении качества признака: *холодный – прохладный – нормальной температуры* (точка отсчета) – *теплый – горячий*.

Для исследования мы выбрали прилагательные, образующие блок «*теплый*», прототипическое значение «*имеющий температуру выше нормы*» которых указывает на норму «положительного» температурного признака.

Одно из значений лексемы *теплый*, в котором она функционирует в русском языке, это: '*соответствующий температуре человеческого тела и вызывающий у человека приятное ощущение комфорта и уюта*'.

Прилагательное *теплый* сочетается в русском языке с именами объектов и реалий внешнего мира, которые воспринимаются человеком на ощупь (тактильно) или всей кожей (осязательно): *теплый воздух, теплый дождь, теплый чай, теплая вода, теплая ванна, теплые руки*. Лексема *теплый* входит в сферу лексической сочетаемости с существительными следующих тематических групп:

1) пища, еда, напитки: *теплый чай, теплый кофе*;
2) жидкость: *теплые течения, теплые источники*;
3) тело человека, животного: *теплое тельце ребенка, теплые ножки*;
4) воздух, газ: *теплый воздух, теплый папиросный дым*;
5) предметы и объекты неживой природы: *теплая печка, теплая батарея*.

Прилагательное *теплый* в этом значении реализует сему положительной оценки, но сочетаясь с некоторыми существительными оно может актуализировать отрицательную потенциальную сему, например: *теплое мороженое, теплое пиво, теплая водка*.

Следующее значение лексемы *теплый* реализуется в языке при сочетании с именами реалий и объектов, которые поддерживают температуру человеческого тела (хорошо защищают тело от холода, хорошо сохраняют тепло):

1) одежда, белье: *теплые носки, теплое пальто, теплое одеяло*;
2) жилище, помещения: *теплый дом, теплая изба, теплый скотный двор*;

3) климат: *теплый климат, теплая погода*;

4) времена года, части суток: *теплая весна, теплый день, теплый вечер, теплое утро*.

Теплый сочетается в русском языке с именами не всех пространств и помещений, а только тех, которые предназначены для того, чтобы согревать человека, животных.

Прилагательное *теплый* функционирует также в языке в конотативном значении с общим компонентом '*приятный*':

1) отличающийся внутренней теплотой, согревающий душу, ласковый, приветливый: *теплая встреча, теплое письмо, теплые слова*;

2) проникнутый добрым, ласковым чувством: *теплое доверие, теплая признательность, теплое сочувствие, теплая дружба*;

3) выражающий душевную теплоту: *теплый взгляд*;

4) приятный, ласкающий зрение, слух и т.п.: *теплый цвет, теплый голос, теплый свет, теплый огонек, теплый звук*.

В русском языке функционируют также фразеологические единицы, в состав которых входит лексема *теплый*:

- *теплое местечко* – местечко в данном лучае означает не просто место, а место службы, должность, которая человеку почему-то удобна, прибыльна, не доставляет хлопот и поэтому приятна;

- *теплая компания* – употребляется для характеристики группы людей, близко знающих друг друга и обычно вместе развлекающихся;

- *теплый тон* (или *оттенок* и т.п.) – характеризует красно-коричневый тон спектра, в противоположность сине-голубому;

- *сказать пару теплых слов* (выбранить кого-либо) – просторечное выражение на определение резкого высказывания.

Известно, что тело человека генерирует тепло, которое другой человек, находясь очень близко, может почувствовать, а психологи такую дистанцию определяют интимной зоной человека. Можно поэтому предположить, что коннотативные значения прилагательного *теплый* могут быть связаны с желанием пустить другого человека в свой интимный круг и разделить с ним свое тепло в знак дружелюбия.

Прилагательное *горячий* функционирует в современном русском языке в значении '*имеющий высокую температуру, сильно нагретый*', и сочетается с существительными следующих тематических групп:

1) пища, жидкости: *горячий чай, горячее молоко, горячая еда, горячая пища; О горячем ужине можно было только мечтать; Он отхлебнул из стакана, но чай был горячий, и он обжегся; Горячая вода в трубах шумела*;

2) вещества и природные реалии: *горячий источник, горячий пепел, горячая лава, горячий гейзер, горячая зола, горячее пламя, горячая смола, горячий воск, горячие угли, горячие камни*;

3) тело, части тела человека, животного: *горячие руки; Отец на одно мгновение прижал Алешу к широкой горячей своей груди*;

4) воздух, дыхание: *горячий воздух, горячий дух, молодое горячее дыхание*;

5) нагревательне приборы: *горячий утюг, горячая печка*.

Для перечисленных объектов признак *горячего* естествен, но не объязателен, однако существуют в языке объекты *всегда горячие*, такие как: *кипяток, огонь*, но их признак горячего в языке никогда не отмечается.

В русском языке *горячий* отличает по значению от более низкого по температуре *теплого* граница, которой является температура человеческого тела. Она является так называемым «абсолютным нулем», от которого отсчитываются основные языковые температурные значения, *горячий* находится выше этого нуля, *холодный* ниже нуля, а *теплый* приблизительно равен нулю.

В современном русском языке прилагательное *горячий* употребляется в следующих конотативных значениях:

1) пылкий, страстный – *горячая голова, горячий охотник, горячий поклонник, горячее сердце; Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала нас за сердце*;

2) отличающийся глубиной чувства; выражающий сильное чувство – *горячая любовь, горячее желание, горячее стремление, горячий привет, горячий поцелуй, горячие слезы; Я встретила любовь! Ту самую крепкую, горячую любовь...*;

3) вспыльчивый, легко возбуждающийся, энергичный – *горячий человек, горячий характер, горячий нрав; Рассказывали, что отец в молодости был очень горяч и в гневе ничего не помнил. А это у Гардениных уж первый признак: сделается красен, значит в великом гневе. Горячие господа!; В нас крови пять литров и вся – горячая*;

4) эмоциональный, напряженный: – *горячий спор, горячая дискуссия; В группе шел горячий обмен мнений*;

5) очень сильный, усердный, напряженный – *шла горячая работа*;

6) интенсивный, высокая степень – *горячая обида, горячие чувства; Небо отражается в стеклах, как в темной воде, а солнце отлетает от них горячими вспышками. И надо шагать! Всыпать горячих кому*;

7) опасный, хлопотный – *горячая точка, горячее время, горячая пора; Это было осенью, в горячее, страдное время, (...)*;

8) эмоциональный, чувственный – *горячие глаза, горячая кровь; Он чувствовал, как раскраснелось его лицо и как горячая кровь толчками била где-то близко под кожей.*

Прилагательное *горячий* употребляется в современном русском языке и в метафорическом значении '*не успевший остыть*':

- *горячие деньги* – деньги, которые нужно быстро пустить в оборот, истратить из-за угрозы их обесценения;

- *по горячим следам (по горячему следу)* – 1. 'по свежим следам': *Раненный журавль убежал в лес... Метнулась моя собака по горячему следу*. 2. 'тотчас, сразу же после какого-либо события, не откладывая': *С-ий, чтоб раскрыть это преступление по горячим следам, тотчас же поскакал в аул*;

- *под горячую руку* (попасть, подвернуться и т.п.) – употребляется в «сердитую минуту, когда кто-нибудь раздражен, рассержен».

Прилагательное *горячий* употребляется в метафорах, которые имеют значение 'горячий как кипящий огнем/энергией, обжигающий'. Эти значения наблюдаются в словосочетаниях:

1) быстро и эмоционально реагирующий на ситуацию - *горячий парень, горячая голова*;

2) быстро и необдуманно сделавший что-то - *попался под горячую руку*.

В русском языке метафора с прилагательным *горячий* может легко развится в сторону '*интенсивный*' в области человеческих отношений и реакций: *горячий привет, прием, интерес; горячее приветствие, стремление; горячие слова, поздравления*; а также в военной семантической области: *горячий бой, горячая схватка, горячее сражение* и метонимические фразеологические словосочетания: *горячая пора, горячий месяц, горячий год, горячие дни.*

Русское прилагательное *жаркий* функционирует в языке в значении:

1) источающий, дающий сильный жар, палящий, горячий (о солнце, огне и т.п.); Источник тепла (солнце, огонь) излучает его в сильной степени, которая воспринимается через воздух и ощущается как излишняя, чрезмерная. Жара – это в первую очередь высокая температура воздуха, при которой людям и животным очень жарко, хотя она и не представляет непосредственной опасности для жизни: *Жаркий огонь костра, Греться у жаркого пламени печки*; *В слишком жаркой духовке пирог подгорит; Скоро полдень, солнце греет все жарче*; *Жарко в небе солнце летнее, Да не греет меня, молодца!; Мы с Дерсу натаскали побольше дров и развели жаркий огонь*;

2) сильно нагретый, натопленный (о помещениях): *жаркая изба, жаркая баня, жаркое купе; Старуха, возвратясь из бани жаркой, Слегла*;

3) знойный: *жаркое лето; Сегодняшний день жарче вчерашнего; Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа*; *Был невыносимо жаркий июльский день*;

4) южный, тропический: *жаркие страны, жаркий климат.*

Прилагательное *жаркий* употребляется в языке также в переносных значениях:

1) пылкий, страстный – *жаркий поцелуй, жаркая любовь, жаркое волнение сердца*; *Сердца жаркого не залить вином, Думу черную – не затопчевать!; Его юный, могучий талант нашел не только ревностных почитателей и жарких поборников, но и ожесточенных врагов; Пылко сердце молодое, Нет любви его жарчей;*

2) значительный по силе, степени проявления, интенсивный, напряженный – *жаркий бой, жаркое сражение; Солдаты сбежались в кучи и жарким ружейным огнем встречали наступавших турок; А на реке жаркая своя работа... – казаки наводят мост вместо сгоревшего; Случилось это накануне генерального сражения у Лейпцига. Ермолов командовал левым флангом. Дело обещало быть жарким*.

3) очень оживленный, бурный – *жаркая дискуссия, вспыхнул жаркий спор; Я не вхожу в подробности прений, принимавших иногда жаркий характер*.

Прилагательные *горячий* и *жаркий* употребляются также в значении ‘испытывающий сильное сексуальное желание, страстный, пылкий’. В русском языке значение это словарями не выделяется, тем не менее эти прилагательные реализуют его в текстах, например: *горячая красотка; Наверняка у горячей шведки большая коллекция всяких фоток с разными мужиками*; *А одна американская порнофирма (ее специальность – горячие каналы Интернета) в ближайшее время получит котировку на международной бирже*; *Несколько раз старички, наглотавшись «Виагры» и насмотревшись жарких (то есть любовных) сцен, пытались прорваться в бордель и даже поколотить организатора поездки*.

Нормой для температурных прилагательных является представление о температуре человеческого тела. Прилагательные, передающие более высокий температурный признак, расположены выше нормы, а прилагательные, передающие низкий температурный признак, расположены ниже нормы. Большое отклонение от нормы воспринимается отрицательно. Прилагательные теплой зоны характеризуются широко развитой конотативной семантикой. Наблюдается переход этих прилагательных от обозначения температуры к обозначению звуковых признаков и признаков воспринимаемых зрительно.

Список литературы

1. Мерзлякова, А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков) / А.Х.Мерзлякова. – М. 2003.
2. Новиков, И.А. Проблемы языкового значения / И.А.Новиков // Избранные труды. – Т. I. – М, 2001.
3. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А.Кузнецов. – СПб., 1988.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. I – III / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2002 – 2003.
5. Словарь русского языка. Т. I – IV / гл. ред. А.П.Евгеньева. – М., 1981– 1984.

ALINA PAWLUKIEWICZ

Grodno

METODA KONTRASTYWNA W NAUCZANIU JKZYKA POLSKIEGO NA UNIWERSYTECIE W GRODNIE

Grodzieсszczyzna ze wzglkdu na swoje usytuowanie geograficzne – na skrzyїowaniu odwiecznych dryg ze wschodu na zachyd i z pyinocy na poiudnie – jest niepowtarzalnym pograniczem, ktyre cechuje wielorakoњж entograficzna i wyznaniowa, szerzej – socjokulturowa. W takich warunkach s№siaduj№ce jkzyki i kultury wzajemnie na siebie oddziaiywuj№, przenikaj№ i wzbogacaj№. Bliskoњж jkzykyw jest ogromn№ zalet№ w porozumiewaniu sik mikdzy ludџmi, a

jednoczeњnie dostarcza wiele kiopotyw osobom uczЉcym siк tych jкzykyw. Za tЉ pierwszЉ opiniЉ przemawia chociaïby fakt, ïe lektorzy Studium Jкzyka Polskiego w Jodzi zakiadajЉ, ïe studenci przybyli z Biaiorusi i Ukrainy juï niby odbyli sto lekcji w porywnaniu z Chicczykami, Arabami czy Francuzami. Uczenie siк jкzyka polskiego Siowianom uiatwia dziedzictwo ogylnosiowiacskie w warstwie leksykalnej, podobiecstwo fleksji, skiadni itp. Wiele osyb w Grodnie posiada biernЉ znajomoњж jкzyka polskiego, niektyre posiugujЉ siк nim, nie zdajЉc sobie sprawy z zasad ortograficznych czy norm fleksyjnych. Na pomyњlne przyswajanie jкzyka skiadajЉ siк zarywno bliskoњж jкzyka rodzimego i jкzyka sekundarnego jako waïny czynnik њciњle lingwistyczny, jak i czynniki ekstralingwistyczne: kontakty gospodarcze, kulturowe (oњwiata, turystyka, њrodki masowego przekazu itp.) i osobiste.

Po wejњciu Polski do Unii wzrosio zainteresowanie dydaktykyw problemami nauczania jкzyka polskiego.

Ostatnio w metodyce nauczania jкzyka polskiego opracowano programy nauczania [3], kryteria oceniania kompetencji jкzykowych [4, 6], moïna korzystaж z caiej serii siownikyw, poradnikyw poprawnoњciowych, podrкcznikyw uwzglкdniajЉcych nauczanie jкzyka polskiego jako obcego w ramach Europejskiego systemu na ryïnych poziomach (podstawowym PL-B1, њrednim ogylnym PL-B2, zaawansowanym PL-C2) [5].

W glottodydaktyce, czyli wspyiczesnej metodyce nauczania jкzykyw obcych, wњryd pewnych predyspozycji niezbкdnych do uczenia siк jкzyka sekundarnego wymienia siк umiejкtnoњж dedukcji i abstrahowania oraz dostrzegania analogii i ryïnic w jкzyku rodzimym i nabytym. Wiaњnie te ostatnie moïna wykorzystaж do skuteczniejszego uczenia siк jкzyka polskiego w warunkach interferencji jкzykowej, nakiadania siк systemyw dwu albo wiкcej jкzykyw lub ich odmian [2, s. 607]. O walorach bliskoњci jкzykyw byia mowa wyïej. Jednoczeњnie moïe ona staж siк przyczynЉ biкdyw jкzykowych (akcentuacyjnych, fonetycznych, morfologicznych, leksykalnych, skiadniowych itd). Wszystkie podawane w tym artykule przykiady i omawiane problemy to wynik wieloletniej obserwacji i doњwiadczec praktycznych w nauczaniu jкzyka polskiego jako obcego na Uniwersytecie w Grodnie. Dopiero gdy student uњwiadomi sobie, gdzie jкzyk rodzimy pomaga, a gdzie prowokuje biкdy, moïe њwiadomie z tego korzystaж w uczeniu siк pisowni, opanowaniu gramatyki, wzbogacaniu zasobu leksykalnego. W tym celu korzystamy z metody kontrastywnej, czyli zestawiamy ze sobЉ zjawiska zachodzЉce w dwu porywnywanych jкzykach [1].

Rozpatrzymy zagadnienia poprawnoњci ortograficznej pod wzglкdem «analogii i roïnic», zestawiajЉc pisowniк wyrazyw w jкzyku polskim i jкzyku rosyjskim lub biaioruskim.

System ortograficzny tych jкzykyw opiera siк na czterech podstawowych zasadach: fonetycznej, morfologicznej, historycznej i konwencjonalnej [7, s. 104]. Zasada fonetyczna polega na caikowitej i staiej odpowiednioњci miкdzy gioskami i literami: pol. *baba, zamek* – ros. *баба, замок* (naturalnie, przyczynЉ roïnic zapisyw jest stosowanie alfabetu iacicskiego w jкzyku polskim i cyrylicy w jкzyku rosyjskim). Istota zasady morfologicznej polega na nieuwzglкdnianiu procesyw fonetycznych – obocznoњci, uproszczec, asymilacji – i zachowaniu na piњmie jednolitej pisowni czЉstek morfologiczno-znaczeniowej budowy wyrazu: pol. *iaw-ka* [iafka], bo *iaw-a*; analogicznie ros. *лав-ка* [лафка] – *лав*-очка. Jednak isniejЉ pewne zakiycenia. Na przykiad przedrostki *roz-, bez-* w jкzyku polskim pisze siк jednakowo, niezaleïnie od pozycji: *roz-biж, roz-syраж, bez-domny, bez-senny* (czyli wediug zasady morfologicznej); w jкzyku rosyjskim ich pisownia jest uwarunkowana miejscem akcentu wyrazowego i dџwiкcznoњciЉ nastкpujЉcej gioski: *раз-дать, роз-данный, рас-сыпать, рос-сыпи, без-домный, бес-сонный*.

InnЉ moïliwoњж korelacji w obu jкzykach ilustruje pisownia przyrostkyw *-ski, -cki, -dzki*. W jкzyku polskim w przymiotnikach utworzonych od tematyw na *g, ї, ch, z, s, sz, szcz* za pomocЉ formantu *-ski* grupy spyigioskowe ulegiy uproszczeniom, a wiкc piszemy: Ryga – ryski, mЉї – mкski, Czech – czeski, Kaukaz – kaukaski, Eskimos – eskimoski, towarzysz – towarzyski itp. (por. ros. *рижский, мужской, чешский, кавказский, эскимосский, товарищеский*). przyrostek *-cki* «wchiania» koccowe *t, c, ж, cz, k*: *student – studencki, kupiec – kupiecki, tkacz – tkacki, Baityk – baitycki* (por. ros. *студенческий, купеческий, балтийский*). Jeњli temat kocczy siк na *d, dz, dї, dџ, dt*, piszemy w zakocczeniach *-dzki: Szwed – szwedzki,*

ludzie – ludzki, Dortmund – dortmundzki itd. (por. ros. *шведский, людской*). Odstкpstwo od tej zasady stanowi nazwisko *Piisudski* (Jyzef Piisudski urodzii siк we wsi Piisudy), wiaњnie z powodu jego kresowego pochodzenia. Kwestia poprawnej pisowni komplikuje siк w przypadku przedrostka *z-*, bowiem jego warianty ortograficzne (*z-, s-, њ-*) uwzglкdniaj№ wymowк, ale nie tylko: 1. przed samogioskami i spyigioskami dџwiкcznymi oraz *h* pisze siк *z: zorientowaж siк, zbiж, ziapaж, zїyж siк, zharmonizowaж*; 2. przed bezdџwiкcznymi *p, f, t, k, c, cz, ch* pisze siк *s: spaliж, sfilmowaж, stopiж, skoczyж, scaliж, schowaж;* 3. przed *s, si* [њ], *sz* – pisze siк *z: zsadziж, zsiwieж, zszyж;* 4. przed *ci* [ж] – wyj№tkowo pisze siк *њ: њcieraж, њcisiy.* Zasada ta znacznie siк ryїni w jкzyku rosyjskim, bo tam piszemy jednakowo: *сдать, слить, ссыпать;* oprycz wyrazyw: *здесь, здание, здоровье, здравствуйте.* Warto zwryciж szczegyln№ uwagк na czкsto spotykane biкdy w wyrazach: *spieszyж siк* (jak w p. 2), a takїe na opozycje typu *scharakteryzowaж* (jak w p. 2) – *zhomogenizowaж* (jak w p. 1), chociaї *ch* i *h* s№ wymawiane jednakowo: [x]; a takїe *scentralizowaж* (jak w p. 2), bo *c* twarde – *њciemnieж* (jak w p. 4), bo *ж* miкkkie.

Omywione wyїej zasady ortografii opieraj№ siк na wspyiczesnym poczuciu jкzykowym, w wielu jednak wypadkach wspyiczesne poczucie jкzykowe Polaka nie tiumaczy sposobyw oznaczania poszczegylnych giosek, uzasadnione bowiem jest historycznie. Dotyczy to pisowni rz-ї [ћ], ch-h [x], y-u [u], ktyre kiedyњ byiy wymawiane ryїnie: ї jako [ћ], rz jako [rћ]; u jako [u], y – poњrednio miкdzy [o[i [u]; ch i h ryїniiy siк dџwiкcznoњci№. Wydania poprawnoњciowe i podrкczniki szkolne radz№ szukaж odpowiednich alternacji w formach tych wyrazyw lub w wyrazach pokrewnych:

· wymiana **y-o/e**: *syl – soli, miyd – miodu, myj – mojego, styi – stoiy, styj –stoimy, byl – boli, nyg – noga, kryw – krowa, pyl – pole, podryї – droga, dziyb – dziobaж, przyd – przedni, ziylka – ziele, szysty – szeњж, siydmy – siedem, ysmy – osiem, wiyzi – wiozia / wieџli, wywczas – w owe czasy;*

· wymiany **ї-g**: *odwaїny – odwaga, moїemy – mogк, trwoїyж – trwoga;* **ї-dz***: pieniкїny – pieni№dze, mosiкїny – mosi№dz;* **ї-z***: kaїe – kazanie, mroїony – mryz;* **ї-џ** / **zi***: zakaїenie – zakaџny, woїk – woziж;* **ї-s***: niїej – nisko, bliїszy – bliski;* **ї-h***: Sapieha – Sapieїyna, druїyna – druh;*

· wymiana **rz-r**: *aktorzy – aktor, w barze – bar, parzysty – para, m№drze –m№dry, tworzyж – twyrca, lekarz – lekarstwo, trzy – tryjka, rowerzysta – rower, drzeж – podarty, jarzyna – jarski, jarosz;*

· wymiana **ch-sz**: *mucha – muszka, suchy – suszyж, duch – dusza, piechota – pieszo;*

· wymiany **h-g**: *wahaж siк – waga;* **h-z**: *biahy – biazen*; **h-ї**: *druh – druїyna*; **h-dz**: *wataha – watadze.*

Osobom posiuguj№cym siк jкzykami ruskimi sprawy te o wiele uiatwiaj№ znane wyrazy rodzime:

· **y** pisze siк, jeњli w jкzyku ros. / bir. **o, e**: *syl – соль, miyd – мёд, chyr – хор, kryl – король, rywny – ровный, myj – мой, stoiyw – столов, styj – стой, pyki – пока, szysty – шесть, siydmy – семь, oiywek – аловак, wiewiyrka – вавёрка;*

· **u** pisze siк, jeњli w jкzyku ros. / bir. **y**: *artykui – артыкул, szukaж – шукаць, ulica – улица, szum – шум, pusty – пустой;*

· **ї** pisze siк, jeњli w jкzyku ros. / bir. **ж**: *їaba – жаба, їycie – жыццё, їyto – жыта, їyity – жёлтый, jeї – ёж, jeїyna – ежевика, kaїdy – каждый, wieїa – вежа, straї – стража;*

· **rz** pisze siк, jeњli w jкzyku ros. / bir. **p'/p**: *rzeka – река, orzech – орех, porz№dek – порядок, Rzym – Рим, talerz – талерка, wierzba – вярба, koinierz – каўнер, zwierz – зверь, Grzegorz – Григорий;*

· **ch** pisze siк, jeњli w jкzyku ros. / bir. **x**: *mucha – муха, suchy – сухой, duch – дух, piechota – пехота, ruch – рух, Muchamed – Мухаммед, chwila – хвіліна;*

· **h** pisze siк, jeњli w jкzyku ros. / bir. **г, [ш], [й]**: *alkohol – алкоголь, Holandia – Голландия, honor – гонар, bohater – богатырь, horyzont – горизонт, hymn – гимн, ohydny – агідны, Mahomet – Магомет, handel – гандаль, historia – гісторыя, история, harfa – арфа, rehabilitacja – реабилитация, filharmonia – филармония, Hiszpania – Испания, Hipolit – Ипполит, Hindus – индус, Helena – Елена.*

Nie jest to informacja nowa, wielu autoryw podrкcznikyw wydanych na Biaiorusi i w Rosji korzysta z wiedzy jкzykoznawstwa historyczno-porywnawczego [9]. Moїna z niej skorzystaж rywnieї przy omawianiu pisowni nosywek w jкzyku polskim, ktyra – zauwaїmy! – nie jest rozpatrywana w ortografii polskiej w ramach zasady historycznej. S№ one odziedziczone z jкzyka prasiowiacskiego, lecz w jкzykach wschodniosiowiacskich ulegiy odnosowieniu, staiy siк samogioskami czystymi, dlatego piszemy w jкzyku polskim **№, к,** jeњli w jкzyku ros. / bir. **у, а, я:** *m№ї – муж, piкж – пять, podrкcznik – падручнік, czкsto – часто, zaj№c – заяц, jarzкbina – рябина, goi№b – голубь*. Piszemy **on, om, en, em,** jeњli w jкzyku ros./ bir. **ом, он, ем, ен**: *kompot – компот, kontrola – контроль, cement – цемент, benzyna – бензин, blondynka – блондинка, enzymy – энзимы* itp.

Przedtem udowodniliњmy sobie, їe rodzime jкzyki pomagaj№ nam w opanowaniu pisowni polskiej. A teraz naszym zadaniem jest wskazanie kontrastu pisowni w porywnywanych jкzykach. Naleїy tu przede wszystkim wymieniж wyrazy, ktyre zbijaj№ nas z tropu, a wiкc wykiadowca zwraca uwagк na nastкpuj№ce wyrazy, poniewaї sprawdzaj№c ich pisowniк za pomoc№ odpowiednikyw rosyjskich, akurat moїemy popeiniж bi№d:

1. *ryїa, ogyrek, skyra, dziyb, ogylny; but, rum, sum, nuta, їuraw, diuto, furtka, bruzda, Buigaria, marmur, puik(ownik), diugi, kiuж, pruж, piukaж* (niejednoznaczne rozstrzygniкcie moїe wynikaж na przykiad z zestawienia *ryїa* – ros. *роза*, bir. ружа, *їuraw* – ros. *журавль*, bir. *жоравы*;

2. *Sahara, hokej,* poniewaї w jкzyku rosyjskim to s№ zapoїyczenia, a nie siownictwo ogylnosiowiacskie; *czyhaж,* nie moїna go kojarzyж z ros. *чихать,* ktyrego odpowiednikiem jest polskie *kichaж*;

3. *br№z, p№sowy,* chociaї w jкzyku rosyjskim бронзовый, пунцовый, a takїe *l№d* – spolszczona poїyczka *land.*

Pozostaia nam czwarta zasada ortografii – <u>konwencjonalna</u>, inaczej umowna, ktyra opiera siк na ustalonej zwyczajowo konwencji. Oczywiњcie, їe umywiж siк w kaїdym jкzyku mogli zupeinie inaczej. Wskazaж tu warto raї№ce ryїnice w pisowni, ze wzglкdu na ktyre najczкњciej s№ popeiniane biкdy ortograficzne.

1. Uїycie maiej i wielkiej litery. W jкzyku polskim, w odryїnieniu od jкzyka rosyjskiego, duї№ liter№ piszemy:

a. nazwy mieszkaccyw czкњci њwiata, planet, czionkyw narodyw, ras, plemion, szczepyw, krajyw, regionyw, stanyw, prowincji: *Azjata, Europejczyk, Ziemianin, Polak, Chicczyk, Їyd, Murzyn, Indianin, Siowianie, Celtowie;* <u>ale:</u> *Polka* (narodowoњж) – *polka* (taniec), *Murzyn* (rasa) – *murzyn* (wykonuj№cy ciкїk№ pracк), *Rzymianin* (obywatel Staroїytnego Rzymu) – *rzymianin* (mieszkaniec nowoїytnego Rzymu);

b. *Morze Њrydziemne – morze Baityk; Cieњnina Gibraltarska – cieњnina Bosfor, Pustynia Nubijska – pustynia Sahara* (dwuczionowe wielowyrazowe – oba cziony duї№ liter№, jeњli rzeczownik + przymiotnik; tylko drugi duї№ liter№, jeњli rzeczownik w Mianowniku + rzeczownik w Mianowniku);

c. nazwy wiasne przedsiкbiorstw, instytucji, szkyi; marki, firmy itp.: *Instytut Jкzyka Polskiego, Pacstwowy Uniwersytet imienia Janki Kupaiy w Grodnie, Narodowy Bank Polski, Sony, Vichy, Marlboro, Hortex, hotel Bristol, teatr Ateneum, 4. Puik Piechoty;* <u>Uwaga!</u> *...zatwierdza Prezydent Rzeczypospolitej..., Marszaiek Sejmu ma prawo...* (nazwy urzкdyw jednoosobowych w aktach prawnych);

d. adresat (ze wzglкdyw grzecznoњciowych): *Kochana Babciu! Їyczк Tobie... Dostojnemu Jubilatowi... Szanowny Panie Konsulu! Czcigodny Ksiкїe Biskupie!;*

e. w tytuiach czasopism, serii wydawniczych oba wyrazy – duїymi literami, jeњli tytui odmienia siк: *Zeszyty Literackie, Wiedza i Їycie*; tylko pierwszy wyraz – duї№ liter№ w tytuiach nieodmiennych: *Pani domu, Poznaj њwiat, Na przeiaj* ;

natomiast mai№ liter№ piszemy:

a. nazwy okresyw, epok kulturowych: *њredniowiecze, renesans, gotyk, odrodzenie, barok;*

b. wydarzenia historyczne, akty dziejowe: *pierwsza wojna њwiatowa, konferencja poczdamska;*

c. produkty przemysiowe: *ford, panasonic, camele, mercedes, seiko, kawasaki, szyjк na singerze;*

d. okrкgi geograficzne: *wojewydztwo biaiostockie, ziemia dobrzycska,* wiкc konsekwentnie: *rejon lidzki, obwyd grodziecski.*

2. Wiele w№tpliwoњci wynika z ryїnic i№cznej lub rozdzielnej pisowni:

a. przyimkyw, wyraїec przyimkowych, przysiywkyw: *spod – из-под, po angielsku – по-английски, po naszemu – по-нашему; na przykiad – напрыклад, na pewno – напэўна* itd.;

b. partykui: *nie* pisze siк razem z rzeczownikami: *niedyskrecja, niepokyj, nieїyczliwoњж, niefizyk;* ale przez i№cznik, jeњli rzeczownik pisze siк duz№ liter№: *nie-Polak, nie-Europejczycy;* razem – z imiesiowami przymiotnikowymi: *niepal№cy, niepohamowany, nieustraszony, niebywaiy;* niezaleїnie od tego, czy s№ uїyte w znaczeniu czasownikowym, czy przymiotnikowym: *nieoceniony pracownik – nieoceniony przez juri konkursu obraz;* partykuia *by* pisze siк razem z osobowymi formami czasownika: *zrobiibym, posziaby;* partykuia *їe* pisze siк razem*: idџїe, no coї, komuї* itd.

Jest to, oczywiњcie, niekomplektna lista rozbieїnoњci pisowni w jкzyku polskim i jкzyku rosyjskim. Zreszt№, nie byio to celem niniejszego artykuiu. Chodziio bowiem o zasygnalizowanie istniej№cego problemu, uczulenie nie tylko nauczycieli jкzyka polskiego, lecz takїe jego uїytkownikyw wzglкdem poprawnoњci ortograficznej. Wyniki tych obserwacji mog№ byж wykorzystane w dydaktyce szkolnej i uniwersyteckiej. Metoda kontrastywna przydatna jest takїe w glottodydaktyce w stosunku do poprawnoњci gramatycznej, skiadniowej, leksykalnej. Najwaїniejsze s№ cele komunikacyjne, ale co nam przeszkadza porozumiewaж siк i pisaж poprawnie?

Spis literatury

1. Encyklopedia jкzyka polskiego / pod red. St. Urbacczyka. – Wrociaw: Ossolineum, 1991. – 456 s.

2. Encyklopedia jкzykoznawstwa ogylnego / pod red. K. Polacskiego. – Wrociaw: Ossolineum, 2003. – 732 s.

3. Ewaluacja w nauce jкzyka obcego / pod red. nauk H.Komorowskiej. – Biaiystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Biaiymstoku, 2002. – 208 s.

4. Kultura w nauczaniu jкzyka polskiego jako obcego / pod red. T.Miodunki. – Krakyw: Universitas, 2004. – 171 s.

5. Maiolepsza, M. Hurra! Po polsku / M. Maioiepsza, A. Szymkiewicz. – Bydgoszcz: Prolog, 2008. – 199 s.

6. Pacstwowe Egzaminy Certyfikatowe z Jкzyka Polskiego jako Obcego. Standardy wymagac egzaminacyjnych. – Pacstwowa Komisja Poњwiadczania Znajomoњci Jкzyka Polskiego Jako obcego, 2003. – 71 s.

7. Siownik ortograficzny jкzyka polskiego wraz z zasadami pisowni i interpunkcji / pod red. M. Szymczaka. – Warszawa: PWN, 1986. – 910 s.

8. Z zagadniec dydaktyki jкzyka polskiego jako obcego / pod red. E.Lipicskiej i A.Seretny. – Krakyw: Universitas, 2006. – 337 s.

9. Практический курс польского языка. Базовый учебник. / Я.А.Кротовская и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2005. – 559 с.

WALENTYNA MIESZKOWSKA

Biaiystok

NAZWY OSYB ZWIҐZANYCH ZE SFERҐ EKONOMII W JКZYKU ROSYJSKIM, BIAJORUSKIM I POLSKIM

Przemiany ustrojowe, jakie dokonaiy siк u progu lat 90. w krajach byiego bloku socjalistycznego wywoiaiy pojawienie siк nowych wyrazyw i ich derywatyw siowotwyrczych w jкzykach narodowych. Jak zauwaїia K. Waszakowa, w stosunkowo licznych opracowaniach

na temat zmian, jakie nast№piiy w jкzykach siowiacskich zwraca siк przede wszystkim uwagк na eksponowanie profesjonalizmu, czego wyrazem jest posiugiwanie siк siownictwem specjalistycznym z rozmaitych dziedzin, m.in. ekonomii, politologii, zarz№dzania, a takїe siownictwa komputerowego [11, s. 206].

Przedmiotem zainteresowania w niniejszym szkicu s№ nazwy osyb zwi№zanych ze sfer№ ekonomii w jкzyku rosyjskim, biaioruskim i polskim. Bazк wyjњciow№ stanowi№ rosyjskie nazwy, ktyre zostan№ porywnane z nominacjami polskim i biaioruskimi. Materiai badawczy zostai wyekscerpowany ze siownikyw specjalistycznych i przekiadowych: *Малый экономический словарь* i *Большой экономический словарь* pod redakcj№ A.N. Azrilijana [1;2], *Rosyjsko – polski siownik handlowy* [3], *Podrкczny polsko – rosyjski siownik biznesmena* [4], *Русско – белорусский словарь* [5], *Белорусско-русский, русско-белорусский словарь* [6].

Nazwy osyb zwi№zanych ze sfer№ ekonomii tworz№ w jкzyku rosyjskim obszern№ i niejednorodn№ pod wieloma wzglкdami grupк leksyki.

Najbardziej widoczne jest to zryїnicowanie na poziomie semantyki. Moїna tu wyryїniж dwie giywne grupy nazw osyb: nazwy zawodowe i nazwy niezawodowe. Nazwy zawodowe okreњlaj№ pracownikyw i specjalistyw z ryїnych dziaiyw gospodarki (*продавец*, *поставщик, предприниматель, дилер, бизнесмен, банкир)*, a takїe osoby wchodz№ce w okreњlone relacje o podioїu ekonomicznym (*адресант*, *спонсор, грузополучатель, лизингодатель*). Do niezawodowych nazw osobowych naleїy zaliczyж nazwy okreњlaj№ce cziowieka ze wzglкdu na posiadanie lub nieposiadanie њrodkyw materialnych (*миллионер,олигарх, малообеспеченный*), ze wzglкdu na џrydia dochodu (*пенсионер, рантье, иждивенец*), nazwy osyb bкd№cych zwolennikami tych lub innych teorii ekonomicznych (*монетарист, либерал, буллионист*), a takїe nazwy osyb dokonuj№cych przestкpstw zwi№zanych z gospodark№ (*казнокрад*, *рэкетир*, *бутлегер*) i wiele innych.

W omawianej grupie leksykalnej zwraca rywnieї uwagк ryїnorodnoњж etymologiczna. Naleї№ do niej wyrazy rodzime (*плательщик, должник, закупщик, страхователь),* ale przede wszystkim liczne zapoїyczenia z jкzyka francuskiego (*коммерсант, коммивояжер*), niemieckiego (*банкир, банкрот, бухгалтер, индоссат*, *индоссант*, *маклер*, *трассат*, *трассант*) i z jкzyka angielskiego (*бизнесмен, брокер, бондхольдер, дилер, джоббер, менеджер, риэлтер*). Wiele najnowszych angielskich zapoїyczec powszechnie uїywanych w jкzyku ekonomistyw, takich jak *гринмейлер, рейдер, фрилансер* nie zostaio jeszcze zarejestrowanych w siownikach specjalistycznych. Moїna je odnotowaж, badaj№c jкzyk mywiony specjalistyw z tej dziedziny, pojawiaj№ siк one takїe na iamach prasy, giywnie ekonomicznej.

Niejednorodnoњж nazw osyb zwi№zanych z ekonomi№ moїna zaobserwowaж takїe na poziomie struktury. W skiad danej grupy leksykalnej wchodz№ proste derywaty afiksalne (*страхователь, закупщик, торговец, субподрядчик, содолжник*), zioїenia (*векселеполучатель, кредитозаёмщик, товаропроизводитель,бухгалтер-контролёр, агент-комиссионер*) i skupienia dwu-, trzy- i wielowyrazowe (*фондовый брокер, держатель акций, акцептант векселя, брокер ценных бумаг, агент по продаже недвижимого имущества, кредитор с преимущественным правом требования*).

Nie sposyb teї nie zauwaїyж stylistycznego zryїnicowania tej grupy leksykalnej. Oprycz nominacji њciњle terminologicznych, takich jak *арендодатель, налогоплательщик, риэлтер, трассант,* znajdujemy tu siownictwo slangowe charakterystyczne dla danej grupy zawodowej, np. *бык, медведь, динамитчик* 'energiczny gracz gieidowy sprzedaj№cy niepewne papiery wartoњciowe', *«жертва продольной пилы»* 'broker, ktyry poniysi podwyjne straty: kupii papiery po najwyїszej cenie, a sprzedai po najniїszej', a takїe nazwy osyb, ktyre funkcjonuj№ w nieformalnej komunikacji, s№ uїywane w jкzyku prasy i w potocznym jкzyku rosyjskim [7, s. 97]: *челнок, теневик, фондовик*, *бюджетник*, *фискальщик*.

Ze wzglкdu na tak dui№ ryїnorodnoњж tej grupy leksykalnej w niniejszych rozwaїaniach skupimy siк na terminologicznych nazwach osyb, zwi№zanych ze sfer№ ekonomii, a њciњlej na najliczniej reprezentowanych w badanym materiale (ok. 60 jednostek leksykalnych) nazwach subiektyw czynnoњci i procesyw, inaczej okreњlanych nazwami dziaiacza czy wykonawcyw czynnoњci [8, s. 38; 9, s. 398].

Nazwy subiektyw czynnoњci i procesyw s№ to giywnie nazwy osyb charakteryzuj№cych siк umiejкtnoњci№, skionnoњci№ lub aktualnym wykonywaniem przez nie pewnych czynnoњci. Tradycyjnie zalicza siк do nich formacje odczasownikowe, jednak istnieje duїa grupa formacji odrzeczownikowych, ktyre maja charakter agentywny. S№ to przede wszystkim derywaty od nazw czynnoњci lub innych nazw abstrakcyjnych, a takїe od nazw obiektyw czynnoњci, przedmiotu, dziedziny, ktyr№ zajmuje siк dany specjalista. W zwi№zku z tym analizowane jednostki leksykalne zostaiy podzielone zgodnie z klasyfikacj№ E.A. Ziemskiej [7, s. 97-120] na *nomina agentis* (odczasownikowe nazwy wykonawcyw czynnoњci) i *nomina actoris* (odrzeczownikowe nazwy wykonawcyw czynnoњci).

Nomina agentis oznaczaj№ osobк, ktyrej stai№ cech№ jest wykonywanie danej czynnoњci, posiadanie umiejкtnoњci, skionnoњci do wykonywania pewnej czynnoњci. S№ to nazwy subiektyw czynnoњci, w ktyrych formant wskazuje na sprawcк czynnoњci lub nazwy subiektyw procesyw z formantem wskazuj№cym na osobк podlegaj№c№ procesowi wyraїonemu czasownikow№ podstaw№ siowotwyrcz№. Por.

ros. *покупа-тель* > *покупать*, biaiorus. *пакуп-нік* > *пакупаць*, pol. *nabyw-c-a* > *nabywaж, kupuj-№c-y* > *kupowaж*;

ros. *производи-тель* > *производить*, biaiorus. *вытвор-ца* > *вытвараць*, pol. *wytwyr-c-a* > *wytworzyж*;

ros. *страхова-тель* > *страховать*, biaiorus. *страхава-льнік* > *страхаваць*, pol. *ubezpiecz-on-y* > *ubezpieczyж*;

ros. *дари-тель* > *дарить,* biaiorus. *дары-льшчык* > *дарыць,* pol. *darczycca* > *dar i czyniж;*

ros. *нанима-тель* > *нанимать*, biaiorus. *найма-льнік* >*наймаць*, pol. *najem-c-a, najmuj-№c-y* > *najmowaж*;

ros. *предъяви-тель* > *предъявить*, biaiorus. *прад'я-ўнік* > *прад'явіць*, pol. *okaz-iciel* > *okazaж*;

ros. *поручи-тель* > *поручить*, biaiorus. *паручы-цель* > *паручацца,* pol. *porкcz- yciel* > *porкczyж*;

ros. *потреби-тель* > *потребить*, biaiorus. *спажыв-ец* > *спажываць*, pol. *spoїyw-c-a* > *spoїywaж, uїytkow-nik* > *uїytkowaж, konsum-ent*;

ros. *держа-тель* > *держать*, biaiorus. *трыма-льнік* > *трымаць*, pol. *posiad-acz* > *posiadaж*;

ros. *покуп-щик* > *покупать*, biaiorus. *пакуп-ец* > *пакупаць*, pol. *nabyw-c-a* > *nabywaж, kupuj-№c-y* > *kupowaж*;

ros. *постав-щик* > *поставить*, biaiorus. *пастаў-шчык* > *пастаўляць*, pol. *dostaw-c-a* > *dostawiaж*;

ros. *страхов-щик* > *страховать*, biaiorus. *страхоў-шчык* > *страхаваць*, pol. *ubezpieczy-ciel* > *ubezpieczyж, ubezpieczaj-№c-y* > *ubezpieczaж*;

ros. *заём-щик* > *занять*, biaiorus. *пазыча-льнік* > *пазычаць*, pol. *poїyczk/o/biorca, kredyt/o/biorca*;

ros. *плат-ельщик* > *платить*, biaiorus. *плац-ельшчык* > *плаціць*, pol. *piat-nik* > *piaciж;*

ros. *вклад-чик* > *вкладывать*, biaiorus. *уклад-чык* > *укладаць*, pol. *wkiad-ca* > *wkladaж, wiaњciciel oszczкdnoњci / wkiadu;*

ros. *заказ-чик* > *заказать*, biaiorus. *заказ-чык* > *заказываць*, pol. *zamawiaj- №c-y* > *zamawiaж, zleceni/o/dawca*;

ros. *продав-ец* > *продавать*, biaiorus. *прадав-ец* > *прадаваць*, pol. *sprzedaw-c-a* > *sprzedawaж*;

ros. *торгов-ец* > *торговать*, biaiorus. *гандл-яр* > *гандляваць*, pol. *handl-owiec, handl-arz* > *handlowaж*, *kupi-ec* > *kupowaж*;

ros. *влад-елец* > *владеть*, biaiorus. *улад-альнік* > *уладаць*, pol. *posiad-acz* > *posiadaж;*

Nazwy osobowe wykonawcyw czynnoњci zwi№zanych ze sfer№ ekonomii motywowane czasownikami okreњlaj№ giywnie pracownikyw i specjalistyw z ryїnych dziaiyw gospodarki, ale teї i osoby wchodz№ce w okreњlone relacje o podioїu ekonomicznym. W jкzyku rosyjskim

s№ one tworzone produktywnymi sufiksami *–тель, -щик/–чик, -ец, -ник* [8, s.113-115]. W badanej grupie rosyjskich nazw najwiккsz№ produktywnoњci№ odznacza siк sufiks *–тель.* Biaioruskie *nomina agentis* urobione zostaiy za pomoc№ sufiksyw *-шчык/-чык, –льщик/-льшчык/-ельшчык, –нік, -льнік, -ец, -ыцель* [12, s. 322-324], z ktyrych najwyїsz№ produktywnoњж wykazuje sufiks *–льнік.* W jкzyku polskim nazwy dziaiacza powstaj№ za pomoc№ sufiksyw *–ca, –nik, –acz, -iciel* [9, s. 40; 10, s. 340]. Najbardziej produktywny jest sufiks *–ca*. W odryїnieniu od jкzyka rosyjskiego i biaioruskiego, w ktyrych odczasownikowe nazwy dziaiacza w sferze ekonomii reprezentowane s№ tylko prostymi derywatami sufiksalnymi, w jкzyku polskim oprycz formacji sufiksalnych odnotowujemy odpowiedniki w postaci zioїenia, np.: *poїyczkobiorca, kredytobiorca, zleceniodawca.* Pojawiaj№ siк teї czynne i bierne imiesiowy przymiotnikowe, wystкpuj№ce w funkcji rzeczownika (*kupuj№cy, zamawiaj№cy, ubezpieczaj№cy, ubezpieczony*) i skupienia wyrazowe (*wiaњciciel oszczкdnoњci*).

Nomina actoris s№ to nazwy osyb charakteryzuj№cych siк okreњlonym dziaianiem, ale maj№ce w swej strukturze odniesienie nie do czynnoњci, lecz do obiektu, przedmiotu dziaiania, wytworu, materiaiu, narzкdzia, dziedziny, ktyr№ zajmuje siк dana osoba. Stanowi№ one nazwy osyb z podstaw№ wskazuj№c№ na obiekty czynnoњci, ktyrych agensa nazywa caiy derywat, np. *должник, даўж-нік, diuї-nik* 'ten, kto ma diugi'. W omawianej grupie leksykalnej odnotowano tylko 4 przykiady tego typu. Por.:

ros. *доль-щик* > *доля*, biaiorus. *дольшчык* > *доля*, pol. *udziai-owiec* > *udziai*;

ros. *пай-щик* > *пай,* biaiorus. *пай-шчык* > *пай,* pol. *udziai-owiec* > *udziai*;

ros. *подряд-чик* > *подряд*, biaiorus. *падрад-чык* > *падрад,* pol. *wykonaw-c-a (robyt)* > *wykonywaж*;

ros. *долж-ник* > *долг*, biaiorus. *даўж-нік* > *доўг*, pol. *diuї-nik* > *diug.*

Odrzeczownikowe nazwy wykonawcyw czynnoњci w jкzyku rosyjskim i biaioruskim tworzone s№ sufiksami *–ник, -нік,* i *–щик/-чик, -шчык/-чык* [8, s. 97, 12, s. 323]. Polskie *nomina actoris* powstaj№ przy pomocy sufiksyw *–nik* i *–owiec* [9, s. 41]. Odnotowano teї w tej grupie nazwк odczasownikow№ odpowiadaj№c№ rosyjskiej i biaioruskiej formacji odrzeczownikowej: ros. *подряд-чик*, biaiorus. *падрад-чык*, pol. *wykonaw-c-a (robyt).*

W analizowanym materiale duї№ grupк stanowi№ zapoїyczone nazwy wykonawcyw czynnoњci. Z punktu widzenia wspyiczesnego siowotwyrstwa wszystkich porywnywanych jкzykyw [8, 9, 12] naleїy je traktowaж jako *nomina agentis* utworzone od zapoїyczonych czasownikyw przy pomocy sufiksyw pochodzenia obcego *–ент/-янт; -ent/-ant; -ент/-энт/-янт, -тор, -тар, -or* lub *nomina actoris* motywowane zapoїyczonymi rzeczownikami z sufiksami *-ант, -онер, -ер, -ор, -арий, -ист-, евик,; ант, -янер, -ер, -ор,-арый, -іст, -авік, –ant, -onariusz, -ariusz, -onator, -ista*. Por.:

ros. *депон-ент* > *депонировать*, biaiorus. *дэпан-ент* > *дэпаніраваць*, pol. *depon-ent* > *deponowaж*;

ros. *эмит-ент* > *эмитировать*, biaiorus. *эміт-энт* > *эмітоваць,* pol. *emit-ent* > *emitowaж*;

ros. *спекул-янт* > *спекулировать*, biaiorus. *спекул-янт* > *спекуляваць*, pol. *spekulant* > *spekulowaж*, *gracz gieidowy*;

ros. *аренд-атор* > *арендовать*, biaiorus. *аранд-атар* > *арандаваць,* pol. *dzierїawca* > *dzierїawiж, leasing/o/dawca*;

ros. *инвест-ор* > *инвестировать*, biaiorus. *інвест-ар* > *інвесціраваць,* pol. *inwest-or* > *inwestowaж.*

ros. *акцепт-ант* > *акцепт,* biaiorus. *акцэпт-ант* > *акцэпт* , pol. *akcept-ant* > *akcept;*

ros. *акци-онер* > *акция,* biaiorus. *акцы-янер* > *акцыя,* pol. *akcj-onariusz* > *akcja;*

ros. *кредит-ор* > *кредит,* biaiorus. *крэдыт-ор* > *крэдыт,* pol. *kredyt/o/dawca;*

ros. *финанс-ист* > *финансы,* biaiorus. *фінанс-іст* > *фінансы,* pol. *finans-ista*> *finanse.*

Jednak naleїy tu zauwaїyж, їe wszystkie te nazwy osobowe, jak i czasowniki i rzeczowniki, ktyrymi s№ motywowane mog№ byж traktowane jako rywnolegie zapoїyczenia (internacjonalizmy). Przemawia za tym podobieсstwo podstaw i sufiksyw we wszystkich porywnywanych jкzykach.

Nazwy wykonawcyw czynnoњci zwi№zanych ze sfer№ ekonomii powstaj№ takїe w procesie kompozycji. Takie formacje zioїone skiadaj№ siк najczкњciej z dwych czionyw: rzeczownika, ktyry wskazuje na obiekt czynnoњci bliїszy lub dalszy i czasownika wskazuj№cego na czynnoњж. Tworzone s№ za pomoc№ interfiksyw *–о- і –е-,* a takїe za pomoc№ sufiksyw. Por::

ros. *вексел/е/да-тель,* biaiorus. *вэксал/я/дав-ец, -даў-ца,* pol. *wystawca weksla*;

ros. *вексел/е/держа-тель,* biaiorus. *вэксал/я/трыма-льнік,* pol. *posiadacz weksla / wiaњciciel weksla nabywca weksla;*

ros. *вексел/е/получа-тель,* biaiorus. *вэксал/я/трыма-льнік,* pol. *odbiorca weksla*

ros. *вексел/е/предъяви-тель,* biaiorus. *вэксал/я/прад'яў-нік,* pol. *okaziciel weksla;*

ros. *займ/о/да-тель, займ/о/дав-ец,* biaiorus. *пазык/а/дав-ец, -даў-ца,* pol. *poїyczk/o/daw-ca;*

ros. *займ/о/держа-тель,* biaiorus. *пазык/а/трыма-льнік,* pol. *poїyczk/o/bior-ca, wiaњciciel obligacji;*

ros. *ссуд/о/да-тель*, biaiorus. *пазык/а/дава-льнік,* pol. *poїyczk/o/daw-ca;*

ros. *ссуд/о/получа-тель,* biaiorus. *пазык/а/атрыма-льнік,* pol. *poїyczk/o/bior-ca.*

ros. *налог/о/плательщик*, biaiorus. *падатк/а/плацель-шчык*, pol. *podat-nik, piatnik podatku;*

ros. *залог/о/да-тель,* biaiorus. *залог/о/давальнік,* pol. *zastaw-ca*.

Jak widaж z przytoczonych wyїej przykiadyw, zioїone *nomina agentis* oznaczaj№ subiekty czynnoњci zwi№zanych z finansami i bankowoњci№ Kompozita ze znaczeniem nazw wykonawcyw czynnoњci w jкzyku rosyjskim i biaioruskim tworzone s№ jednakowo, tzn. za pomoc№ interfiksyw *-о-, -е-, -а-, -я-* i sufiksyw *– тель, -ец; -ец, -ца, -льник, -ник.* W jкzyku polskim odpowiednikami rosyjskich i biaioruskich zioїonych nazw osyb s№ przede wszystkim proste derywaty sufiksalne i terminologiczne zwi№zki wyrazowe opisuj№ce dan№ osobк. Kompozita wystкpuj№ rzadko i s№ to giywnie zioїenia z interfiksem i sufiksem *–ca*. Powodowane jest to tym, їe zioїenia nie s№ dla polszczyzny charakterystycznym sposobem tworzenia nowych wyrazyw [9, s. 59].

Podsumowuj№c, naleїy stwierdziж, їe nazwy osyb zwi№zanych ze sfer№ ekonomii stanowi№ doњж liczn№ i zryїnicowan№ pod wzglкdem struktury grupк wyrazyw w jкzyku rosyjskim, polskim i biaioruskim. Terminologiczne nazwy oznaczaj№ nazwy osyb wykonuj№cych ryїne zawody zwi№zane z gospodark№, a takїe nazwy osyb wchodz№cych w okreњlone relacje wynikaj№ce z dziaialnoњci w tych dziedzinach. Urabiane s№ od rodzimych i zapoїyczonych podstaw siowotwyrczych i naleї№ do regularnych typyw siowotwyrczych. Najwiкksze podobiecstwo w tworzeniu nazw wykonawcyw czynnoњci wystкpuje w jкzyku rosyjskim i biaioruskim, S№ to giywnie proste derywaty sufiksalne i kompozita. W jкzyku polskim oprycz licznych podobiecstw zaobserwowano odpowiedniki rosyjskich i biaioruskich nazw wykonawcyw czynnoњci w formie zwi№zkyw wielowyrazowych (skupiec terminologicznych) speiniaj№cych rolк nazw dziaiacza.

Spis literatury

1. Малый экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – Москва, 2000.
2. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – Москва, 2004.
3. Jochym-Kuszlikowa, L. Rosyjsko-polski siownik handlowy / L.Jochym-Kuszlikowa, E. Kossakowska. – Warszawa, 2007.
4. Podrкczny polsko-rosyjski siownik biznesmena / red. naukowy J.Lukszyn, W. Zmarzer. – Warszawa, 2004.
5. Русско-белорусский словарь. Т. 1 – 3. – Минск, 1994.
6. Белорусско-русский, русско-белорусский словарь / авт.-сост. В.И. Куликович, А.Н. Булыко, Н.В. Полещук. – Минск, 2004.
7. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т.Ф.Ефремоваю – Москва, 2005.
8. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А.Земская. – Москва, 2005.
9. Grzegorczykowa, R. Zarys siowotwyrstwa polskiego. Siowotwyrstwo opisowe / R.Grzegorczykowa. – Warszawa, 1984.
10. Gramatyka wspyiczesnego jкzyka polskiego. Morfologia / pod red. R. Grzegorczykowej, R. Laskowskiego, H Wrybla. – Warszawa, 1998.

11. Waszakowa, K. *Przejawy internacjonalizacji w siowotwyrstwie wspyiczesnej polszczyzny* / K.Waszakowa. – Warszawa, 2005.

12. Плотнікаў, Б.А. *Беларуская мова. Лінгвістычны кампендыум / Б.А.Плотнікаў,Л.А.Анта-нюк.* – Мінск, 2003.

ALINA FILINOWICZ

Biaiystok

MIKROTOPONIMY POGRANICZA POLSKO-BIAJORUSKIEGO OKREЊLAJЃCE RODZAJ I KSZTAJT ZIEMI NA SOKYLSZCZYЏNIE

Na obszarze powiatu sokylskiego, znajdujЌcego siк we wschodniej czкњci wojewydztwa podlaskiego, wystкpujЌ doњж liczne nazwy terenowe utworzone od terminyw topograficznych okreњlajЌcych rodzaj, jakoњж ziemi, typu: *Czarnoziem, Pognyj, Glinka, Glej, Jaiowizna, Kamienica, Piaski* oraz mikrotoponimy mywiЌce o ksztaicie ziemi: *Klin, Kruhlik, Kiszka, Paluszki, Szyja, Widiy.* SЌ to nazwy wskazujЌce na cechy naturalne gruntyw i okreњlajЌce poioїenie badanego terenu.

PodstawЌ materiaiowЌ artykuiu sЌ nazwy terenowe z obszaru pyinocno-wschodniej Polski zebrane w latach 1961-1970 przez M. Kondratiuka i M. Wryblewskiego pod kierunkiem prof. Antoniny Obrкbskiej-Jabiocskiej, na zlecenie Komisji Ustalania Nazw Miejscowoњci i Obiektyw Fizjograficznych przy Urzкdzie Rady Ministryw. W prezentacji mikrotoponimyw ograniczam siк do powiatu sokylskiego, granicк badanego terenu wyznaczajЌ: powiat augustowski – z pyinocy, powiat biaiostocki – z poiudnia, powiat moniecki – z zachodu i granica pacstwowa z BiaiorusiЌ na wschodzie. Jest to obszar pogranicza polsko-biaioruskiego, gdzie do dnia dzisiejszego na znacznej czкњci graniczЌcej z BiaiorusiЌ zachowaiy siк gwary biaioruskie obok masywu gwar polskich, wystкpujЌcych w czкњci zachodniej. Rozmieszczenie gwar wschodniosiowiacskich oraz najwaїniejsze cechy fonetyczne, morfologiczne i leksykalne przedstawione sЌ w Atlasie gwar wschodniosiowiacskich Biaiostocczyzny [1, t.1, mapa nr 1].

Oto wykaz nazw terenowych mywiЌcych o rodzaju i ksztaicie ziemi, wystкpujЌcych na omawianym obszarze. Jako hasiowЌ podano przewaїnie nazwк polskЌ w formie literackiej, ktyra nieraz nie zostaia potwierdzona w zapisach gwarowych. Brzmienie mikrotoponimyw podajк w postaci gwarowej, zanotowanej przez eksploratoryw w terenie.

Czarnoziem, to gleba bardzo їyzna posiadajЌca duїЌ iloњж prychnicy, powstaiej z butwiejЌcych szczЌtkyw roњlin zielonych, ktyra nadaje tej glebie czarnЌ barwк [2, t.1, s. 375]. Zanotowane formy gwarowe: *Иarnaz''em,* kol., pole we wsi Poniatowicze, gm. Sokyika; *Иarnaz''om* 1) pole, iЌka we wsi Sidra, gm. Sidra; 2) kol., pole we wsi Butrymowce, gm. Nowy Dwyr; 3) kol., pole we wsi Wyzgi, gm. Kuџnica Biaiostocka; *Иarnaz''emk'i,* pole we wsi Usnarz Gyrny, gm. Szudziaiowo.

Pognyj, to rola umierzwiona, ziemia gnojna; gnyj, nawyz [2, t. IV, s. 463; 4, s. 66]. Odnotowane formy gwarowe: *Pahn'oi* kolonia, pole we wsi Siderka, gm. Sidra; *Pahn'oi,* pole we wsi Bierwicha, gm. Sidra; *Pahnaj'e* 1) pole we wsi Sidra, gm. Sidra; 2) czкњж wsi Bilminy, gm. Kuџnica Biaiostocka; 3) pole we wsi Horczaki Dolne, gm. Szudziaiowo; 4) pole we wsi Minkowce, gm. Szudziaiowo; 5) pole we wsi Kamionka Stara, gm. Sokyika; 6) pole we wsi Paweiki, gm. Sokyika; *Pahnai'ie,* iЌka, pole m-to Sokyika; *Pahnaj'e Kala An'oљkavaha J'uha,* pole we wsi Wierzchlesie, gm. Szudziaiowo.

Glinka, Glinki, to gleby maio urodzajne, ciкїkie, podobne barwЌ i konsystencjЌ do gliny; terminem *glinki* nazywa siк rywnieї 'miejsca, gdzie siк kopie albo kopano glinк; doiy po wybranej glinie, zwykle napeinione wodЌ' [2, t., s. 835; 4, s. 33, 37]. Zanotowane formy gwarowe: *Gl'inka,* kol., pole we wsi Bachmackie Kolonie, gm. Suchowoia; *Hl'inka,* pole we wsi Sanniki, gm. Krynki; *Gl'ink'i* 1) pole we wsi Studziecczyna, gm. Janyw; 2) iЌka we wsi Korycin, gm. Korycin;

Hl'ink'i i) pole, rzeczka we wsi Kizielewszczyzna, gm. Suchowoia; 2) pole we wsi Kumiaika, gm. Janyw; *Hl'iny,* pole we wsi Brody, gm. Korycin.

Glej, to ziemia gliniasta z domieszkЉ piasku i wapnia, wilgotna, lepka, nieprzepuszczalna [2, t. I, s. 833]. Czesiaw Japicz stwierdza, ïї leksem *hlej* na Biaiostocczyџnie odnosi siк do ‘wilgotnej, biaiej ziemi, biaiej mokrej gliny’ (wieњ Skidlewo, gm. Janyw, wieњ Gliniszcze Maie, gm. Sokyika). Nazwa ta powszechnie wystкpuje w dialektach wschodniosiowiacskich: brus. *hlej* ‘ziemia z duïЉ domieszkЉ biaiej i szarej gliny’; ros. *glej* ‘glina, gliniasta gleba’; ukr. *hlej, hiyj, hiejok* ‘szlam, mui, ii, bioto; glina, grunt gliniasty’ [3, s. 116; 7, s. 198].

Zanotowane formy gwarowe: *HlЉj'e* 1) kol., pole we wsi Sieruciowce, gm. Nowy Dwyr; 2) kol., pole we wsi Butrymowie, gm. Nowy Dwyr; 3) pole we wsi Piebanowce, gm. Nowy Dwyr; *Hlej'e,* kol., iЉka we wsi Rudawka, gm. Janyw; *Hlejav'yja,* kol., pole we wsi Zalesie, gm. Sidra.

Jaiowizna, to grunty nieurodzajne, nieuïyteczne; przymiotnikiem *jaiowy* okreњla siк gleby nieïyzne, dajЉce maie plony lub nie dajЉce ich w ogyle [4, s. 40]. Zanotowane formy gwarowe: *J'aiov'ina,* pastwisko we wsi Trzciano Nowe, gm. Szudziaiowo; *J'aiov'iny,* kol., pole we wsi Kamionka Nowa, gm. Sokyika; *J'aiovy Jux,* pastwisko we wsi Ostra Gyra, gm. Korycin.

Kamienica, terminem tym okreњla siк miejsca, grunty, pola z duïЉ iloњciЉ kamieni [4, s. 42]. Zanotowane formy gwarowe: *Kam'ec'ica* 1) kol., pastwisko we wsi Czerwonka, gm. Suchowola; 2) iЉka, las we wsi Majewo, gm. Sidra; 3) iЉka we wsi Њniczany, gm. Sidra; 4) iЉka we wsi Diugosielce, gm. Kuџnica Biaiostocka; 5) pole we wsi Chodorywka Nowa, gm. Suchowola; 6) pole we wsi Woroniany, gm. Sokyika; 7) gyry we wsi Szyszki, gm. Sokyika; 8) pole, pastwisko we wsi Josiniec, gm. Korycin; 9) pole we wsi Chodorywka Nowa, gm. Suchowola; 10) pole we wsi Chodorywka Stara, gm. Suchowola; *Kam'ec'iuna,* iЉka we wsi Zubrzyca Maia, gm. Szudziaiowo.

Piaski, Piaszczyna, to nieurodzajna piaszczysta gleba bЉdџ miejsce, gdzie jest duïo piasku [3, s. 24, 26].

Zanotowane formy gwarowe: *P''ask'i* 1) pole we wsi Josiniec, gm. Korycin; 2) pole we wsi Marchelywka, gm. Janyw; *P'ask''ie,* nieuïytki we wsi Kruszyniany, gm. Krynki; *P'ask''e* 1) kol., pole we wsi Miedzianowo, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 2) kol., pole we wsi Nowa Wieњ, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 3) kol., pole, las we wsi Poniatowicze, gm. Sokyika; 4) las we wsi Biaiogorce, gm. Krynki; *P'aљuyn'a* 1) kol., pole we wsi Maiyszywka, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 2) las we wsi Kraњniany, gm. Sokyika; 3) kol., pole we wsi Popiawce, gm. Sokyika.

Klin, Klinok, Kliny, mikrotoponimy z apelatywem *klin* nazywajЉ grunty majЉce ksztait tryjkЉta [4, s. 44].

Zanotowane formy gwarowe: *Klin* 1) kol., iЉka, pole we wsi Nowinka, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 2) kol., pole, iЉka we wsi Romanywka, gm. Sidra; 3) pole, iЉka we wsi Kamionka Nowa, gm. Sokyika; 4) kol., pole we wsi Stara Kamienna, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 5) pole we wsi Krynki, gm. Krynki; 6) pole we wsi Podsutki, gm. Sidra; 7) kol., pole we wsi Oriowicze, gm. Sokyika; 8) pole we wsi Sioja, gm. Szudziaiowo; 9) pole we wsi Siyjka-Borowszczyzna, gm. Szudziaiowo; 10) kol., gajywka we wsi Talkowszczyzna, gm. Szudziaiowo; 11) pole we wsi Jowczyki, gm. Kuџnica; 12) kol., pole we wsi Kurowszczyzna, gm. Sokyika; *Klin'ok,* pastwisko we wsi Grzybowszczyzna, gm. Szudziaiowo; *Klin'e* 1) pole we wsi Horczaki Dolne, gm. Szudziaiowo; 2) pole we wsi Horczaki Gyrne, gm. Szudziaiowo; 3) iЉka we wsi Poniatowicze, gm. Sokyika; 4) iЉka we wsi Puciiki, gm. Sokyika; 5) pole, zaroњla we wsi Ozierskie, gm. Krynki; *Klin'y* 1) pole we wsi Plebanowce, gm. Nowy Dwyr; 2) las we wsi Szaciiy, gm. Krynki; *Klin'ye* 1) pastwisko we wsi Holiki, gm. Sidra; 2) pole we wsi Miejskie Nowiny, gm. Sokyika; 3) pole we wsi Podsutki, gm. Sidra; 4) pole we wsi Oriowicze, gm. Sokyika; 5) pole we wsi Harkowicze, gm. Szudziaiowo; 6) wzgyrza, krzaki we wsi Kruszyniany, gm. Krynki; 7) pole we wsi Sanniki, gm. Krynki; 8) iЉka we wsi Mielniki, gm. Korycin; *Klinav'ata,* pole we wsi Trzyrzeczki, gm. DЉbrowa Biaiostocka; *Klinav'atyja,* pole we wsi Czepiele, gm. Kuџnica Biaiostocka; *Klin'ovy Pryh'orok,* pagyrek, las we wsi Holiki, gm. Sidra.

Kruhiy, Kruhlik, nazwy terenowe z apelatywem *kruhiy, kruhlik* wskazujЉ na grunty majЉce ksztait koia [4, s. 48].

Zanotowane formy gwarowe: *Kr'uhie* 1) kol., pole, iЉka we wsi Poniatowicze, gm. Sokyika; 2) iЉka we wsi Siekierka, gm. Sidra; *Kr'uhia,* iЉka we wsi Talkowszczyzna, gm. Szudziaiowo; *Kr'uhiavo,* kol., pole, sad we wsi Ostra Gyra, gm. Korycin; *Kr'uhio* 1) iЉka we wsi Czepiele, gm. Kuџnica; 2) iЉka we wsi Saczkowce, gm. Kuџnica; 3) pole we wsi Kraњniany, gm. Sokyika; *Kr'uhia Bai'oto* 1) iЉka we wsi Starowlany, gm. Kuџnica; 2) iЉka we wsi Cimanie, gm. Kuџnica; *Kr'uhie Bai'oto,* iЉka we wsi Sanniki, gm. Krynki; *Kruhiaja Alљ'ynka,* lasek we wsi Laudacszczyzna, gm. Szudziaiowo; gw. *Kr'uhiaja Har'a* 1) las, pole we wsi Wysokie Laski, gm. Sokyika; 2) wzgyrze we wsi Krukowszczyzna, gm. Korycin; *Kruhi'oie Bai'oc'euko, kol.,* iЉka we wsi Siomianka, gm. Sidra; *Kr'uhio Bai'oc'euko,* iЉka we wsi Kuџnica, gm. Kuџnica; *Kr'uhio Bai'uotko,* pastwisko we wsi Jelenia Gyra, gm. Sokyika; *Kruhi'oie Bahn'o,* iЉka we wsi Jomy, gm. Czarna Biaiostocka; *Kr'uhiy Bai'otak,* pastw., zaroњla we wsi Laskowszczyzna, gm. Korycin; *Kr'uhiy Xv'ojcik,* las we wsi Leszczany, gm. Krynki; *Kr'uhiy Jux* 1) pastw., pole we wsi Kopciywka, gm. Suchowola; 2) polana, iug we wsi Koziowy Jug, gm. Szudziaiowo; 3) las, iug we wsi Jowczyki, gm. Kuџnica; 4) smug we wsi Mieleszkowce, gm. Kuџnica; *Kruhi'y Jux,* bagno, iЉka we wsi Szczuki, gm. Janyw; *Kr'uhiy Juћ'ok* 1) las we wsi Koziowy Jug, gm. Szudziaiowo; 2) iЉka we wsi Krasne, gm. Janyw; *Kr'uhlik* 1) las, iЉka we wsi Sidra, gm. Sidra; 2) pole, pastwisko we wsi Siyjka-Borowszczyzna, gm. Szudziaiowo; 3) iЉka we wsi Diugosielce, gm. Kuџnica; 4) las we wsi Talkowszczyzna, gm. Szudziaiowo; 5) zaroњla we wsi Babiki, gm. Szudziaiowo; 6) iЉka we wsi Chmielewszczyzna, gm. Szudziaiowo; 7) kol., we wsi Horczaki Dolne, gm. Szudziaiowo; 8) kol., pole, iЉka we wsi Kundzicze, gm. Krynki; 9) kol., iкg we wsi Bobrowniki, gm. Sokyika; *Kruhl'ica,* pole, kol., iЉka, lasek we wsi Ogrodniki, gm. Sidra.

Kiszka, terminem *kiszka* okreњla siк czкsto diugie i wЉskie pasma ziemi. Zanotowana forma gwarowa: *K'iљka,* bagno we wsi Trzcianka, gm. Janyw.

Palec, Paluszek, Palce, mikrotoponimy z apelatywem *palec* mogЉ nazywaж grunty majЉce ksztait wЉskiego i diugiego pasma ziemi poioїonego na uboczu.

Zanotowane formy gwarowe: *Pal'ec,* iЉka we wsi Siomianka, gm. Sidra; *Pal'uљak,* pole i las we wsi Jasionowo, gm. Lipsk; *Pal'uљk'i,* pole, las we wsi Krasne, gm. Lipsk; *P'alce,* iЉka, pole we wsi Rogoїyn Stary, gm. Lipsk; *Palc'ye* 1) iЉka, pole we wsi Sokolany, gm. Sokyika; 2) pole we wsi Sierbowce, gm. Sokyika.

Szyja, Szyjka, mikrotoponimy z apelatywem *szyja* wskazujЉ na grunty majЉce ksztait wЉskiego pasma ziemi. Czesiaw Japicz stwierdza, її przenoszenie nazw czкњci ciaia na obiekty terenowe jest bardzo czкste, decyduje o tym zapewne podobiecstwo zewnкtrzne (ksztait). We wszystkich gwarach wschodniosiowiacskich, a takїe biaioruskich i polskich znane sЉ wypadki okreњlania obiektyw terenowych terminami *giowa, jкzyk, ramiк, rкkaw, kolano, nos* i innymi. Rywnieї uїycie terminu *szyja* w odniesieniu do obiektyw terenowych nie jest w gwarach rzadkie, na Biaiostocczyџnie *szyja* to m.in. 'wrzynajЉcy siк w pola wЉski pas iЉki' (wieњ Gliniszcze Maie, gm. Sokyika), 'wЉski pas iЉki niskiej, miкdzy dwoma wzgyrzami' (wieњ Japicze, gm. Sokyika), ponadto *szyja* to 'wЉskie, ciasne przejњcie, ciasna uliczka' [3, s. 109].

Zanotowane formy gwarowe: *Љ'yja* 1) pastw. we wsi Jozowo, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 2) kol., iЉka we wsi Nowinka, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 3) kol., pole, pastwisko we wsi Suchodolina, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 4) iЉka we wsi Wesoiowo, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 5) pastw., pole we wsi Olsza, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 6) iЉka we wsi Parczowce, gm. Kuџnica; 7) pastw. we wsi Woroniany, gm. Sokyika; 8) iЉka we wsi Drahle, gm. Sokyika; 9) pastw, we wsi Wojnachy, gm. Sokyika; 10) iЉka we wsi Trzciano Nowe, gm. Szudziaiowo; 11) iЉka we wsi Zalesie, gm. Sidra; 12) iЉka we wsi Nietupa, gm. Krynki; *Љ'yia* 1) iЉka we wsi Kruszyniany, gm. Krynki; 2) iЉka we wsi Wysokie, gm. Korycin; 3) iЉka we wsi Kumiaia, gm. Korycin; *Љ'yjka* 1) koi. pole, pastw, we wsi Miedzianowo, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 2) iЉka we wsi Trzcianka, gm. Janyw; 3) iЉka we wsi Bilminy, gm. Kuџnica; 4) taka we wsi Siomianka, gm. Sidra; 5) iЉka we wsi Њniczany, gm. Sidra; 6) iЉka we wsi Gliniszcze Maie, gm. Sokyika; 7) kol., pastw, we wsi Jacowlany, gm. Sidra; 8) kol., iЉka we wsi Sokolany, gm. Sokyika; 9) kol., pole we wsi Stock, gm. DЉbrowa Biaiostocka; 10) pole, laski we wsi Jowczyki, gm. Kuџnica; 11) kol., iЉka, pole we wsi Minkowce, gm. Szudziaiowo; 12) pastw, we wsi

Kurowszczyzna, gm. Sokyika; *Љ'yjka Jar'ocka,* i№ka we wsi Bierwicha, gm. Sidra; *Љyik''e*, i№ka we wsi Nowowola, gm. Janyw; *Љyjk''ie*, kol., i№ka we wsi Kumiaika, gm. Janyw.

Widiy, leksem ten moïe oznaczaж miejsce w pobliïu rozchodz№cych siк dryg, leï№ce na rozstaju dryg; miejsce rozwidlenia rzeki [3, s. 15; 7, s. 42].

Zanotowane mikrotoponimy: *V'idiy*, i№ka we wsi Krasne, gm. Lipsk; *V''iiy,* i№ka we wsi Borki, gm. Szudziaiowo.

Mikrotoponimy wskazuj№ce na rodzaj i ksztait ziemi spotykane s№ rywnieї na Biaiorusi [5, s. 71-82; 6], Wymieniж moїemy nastкpuj№ce nazwy terenowe: *Чарназём, Пагна'е, Пагн'-ой, Гл'інка, Гл'інкі, Гл'іняста, Глей, 'Ялавіна, Камян'іца, Камян'ішча, Пяс'ок, Пяск'і, Пяс-ч'атая, Клін, Клін'ок, Клінк'і, Кр'углік, Кр'углае, Кр'угліца, Шыя, Ш'ыйка, В'ілы, В'ілкі, В'ілачкі* i inne.

Na omawianym obszarze polsko-biaioruskiego pogranicza odnotowano nazwy terenowe informuj№ce nas o rodzaju podioïa i cechach gruntu. Mikrotoponimy z apelatywem *czarnoziem* i *pognyj* wskazuj№ na bardzo їyzne i urodzajne gleby, *gliny, gleje, kamienice, maski* to na ogyi ziemie maio urodzajne, daj№ce siabe plony natomiast *jaiowizna* to grunty zwykle nieurodzajne, a nawet nieuїytki. Nazwy terenowe wskazuj№ce na rodzaj ziemi w zdecydowanej wiккszoњci s№ nazwami pyl uprawnych. Na badanym obszarze zaњwiadczono 36 mikrotoponimyw okreњlaj№cych pole uprawne, 16 nazw okreњlaj№cych kolonie i inne obiekty, 8 nazw okreњlaj№cych i№ki oraz 8 nazw na okreњlenie pastwisk i lasyw.

Z nazw okreњlaj№cych ksztait terenu 52 nazwy dotycz№ i№ki, 41 nazwa okreњla poia, 21 to nazwy kolonii i innych obiektyw, 14 to nazwy okreњlaj№ce pastwiska, 13 nazw wyst№piio na oznaczenie lasyw, 4 nazwy na oznaczenie zaroњli oraz 3 nazwy wskazuj№ce na wzgyrza.

Wymienione wyїej mikrotoponimy nie s№ jednolite pod wzglкdem jкzykowym. Najliczniej wystкpuj№ mikrotoponimy o brzmieniu biaioruskim. Znacznie mniej nazw terenowych ma brzmienie czysto polskie. Nazwy typowo biaioruskie to: *Hl'inka, J'aiav'ina, Klinav'atyja, Klin'ye, Kr'uhlik, Pahnaj'e, P'ask'ie, Љyjk'e, V''iiy.* Na wyraџne brzmienie polskie wskazuj№ nazwy: *Gl'inka, P''ask'i, Љ'yjka, Jar'ocka, V''idiy* i inne. Postaж fonetyczna zapisyw nazw moïe zaleїeж od tego w jakim stopniu zachowana jest gwara biaioruska, jest bardziej archaiczna, czy teї w duїym stopniu spolonizowana. Brzmienie nazw moïe rywnieї zaleїeж od informatora w danej miejscowoњci. Na ogyi informatorzy starsi podaj№ nazwy z cechami gwar biaioruskich, a miodsi czкsto staraj№ siк podawane nazwy polonizowaж. Cechy gwary biaioruskiej przewaїaj№ w pasie wschodnim, natomiast na zachodzie jest wiкcej wpiywyw polskich.

Formy gramatyczne nazw zaleї№ na ogyi od rodzaju nazywanego obiektu lub od czionyw wyryїniaj№cych w nazwach komponowanych, np. *Kr'uhiaja Har'a, Љyjka Jar'ocka, Kruhi'oie Bai'oc'euko, Kr'uhiy Jux, J'aiovy Jux.*

Spis literatury

1. Atlas gwar wschodmosiowiacskich Biaiostocczyzny. T. I / pod red. S. Glinki, A. Obrкbskiej-Jabiocskiej i J. Siatkowskiego. – Wrociaw, 1980; T. II – III / pod red. S. Glinki. – Wrociaw, 1988, 1993; T. V – VIII / pod red. I. Maryniakowej. – Warszawa, 1995, 1996, 1999, 2002.

2. Kariowicz, J. Siownik jкzyka polskiego / J.Kariowicz, A. Krycski, W. Nieduwiedzki,. – T. I. – Warszawa, 1900.

3. Japicz, Cz. Terminologia geograficzna w ruskich gwarach Biaiostocczyzny na tle wschodniosiowiahskim / Cz.Japicz. – Toruc, 1981.

4. Tichoniuk, B. Odapelatywne nazwy terenowe poiudniowej Biaiostocczyzny. Siownik topoosnyw / B.Tichoniuk. – Opole, 1986.

5. Лемцюгова, В.П. Назвы зямельных участкаў як крыніца беларускай тапаніміі / В.П.Лемцюгова: матэрыялы Першай беларускай тапанімічнай канферэнцыі. – Мінск, 1970.

6. Мікратапапімія Беларусі: матэрыялы. – Мінск, 1974.

7. Яшкін, І.Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў / І.Я.Яшкін. – Мінск, 2005.

З М Е С Т

Навуковае выданне

ШЛЯХ ДА ЎЗАЕМНАСЦІ
(DROGA KU WZAJEMNOЊCI)

Матэрыялы XV Міжнароднай навуковай канферэнцыі
Materiaiy XV Mikdzynarodowej Konferencji Naukowej

(Гродна, 13 – 14 лістапада 2008 г.)

Рэдактар *Н.М. Красніцкая*
Камп'ютарная вёрстка: *М.І. Верстак*

Падпісана да друку 29.12.2009. Фармат 70х100/16.
Папера афсетная. Рызаграфія. Гарнітура Таймс.
Ум. друк.арк. 36,56. Ул.-выд.арк. 50,06. Тыраж 300 экз. Заказ .

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны
універсітэт імя Янкі Купалы».
ЛВ № 02330/0549484 ад 14.05.2009.
ЛП № 02330/0494172 ад 03.04.2009.

Завулак Тэлеграфны, 15а, 230023, Гродна.

ISBN 978-985-515-232-4